

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet DK4 S277S 085

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

**ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.**

Книга одиннадцатая.

=====
НОЯБРЬ.
=====

САНТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ гъмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1-го ноября 1848 года.

Ценсоръ *Н. Елачнн*

Ценсоръ *В. Ланеръ*.

Редакторъ *К. Мисльскій*.

Издатель *К. Жерняковъ*.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ОДИННАДЦАТОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

- Разборъ мѣнѣй М. П. Погодина о началѣ Руси. (Въ за-
щиту исторической правды и автора «Исторіи Рус-
ской Церкви»). Соч. *Н. Савельева-Ростиславича*. . . . . 1—78
- Неизвѣстный донынѣ, благотворительный поступокъ ге-
нералиссимуса князя Суворова. . . . . 79—80

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

- Внутреннія извѣстія. — Обзоръ военныхъ дѣйствій на
Кавказѣ. — Извѣстія изъ Дунайскихъ княжествъ. —
Обозрѣніе современнаго русскаго законодательства и
распоряженій правительственныхъ съ 15 сентября по
15 октября сего года. — Иностранныя извѣстія. Обзоръ
современныхъ, замѣчательныхъ событій за границею.
(Англія. — Ирландія. — Франція. — Австрійская Импе-
рія. — Пруссія. — Германія. — Италія. — Испанія. — Дал-
мація. — Молдавія и Валахія. — Ионическіе острова. —
Персія. — Остъ-Индія. — Вѣсть-Индія. . . . . 1—86

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- На смерть графа Василья Васильевича Левашова. Соч.
И. К.. . . . . 1—2
- Добро и зло. Романъ *П. Фурманна*. Часть третья. . . . . 1—38
- Прогулка по Рейну. Соч. *Барона Ровена*, (Окончаніе). 39—80
- Рѣшительный и нерѣшительный. Соч. *А. М....скаго*.
(Продолженіе). . . . . 81—98

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Невѣста контрабандиста. (Италіянская повѣсть.) Соч.
Урбино. . . . . 1—44

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- Знаменитый живописецъ, Давидъ Теньеръ. (Статья Арсена Гуссе). . . . . 1—12
- Малакка, Сингапуръ, Сіамъ и Кохинхина. (Отрывокъ изъ путешествія вокругъ свѣта г. Лапласа, на фрегатѣ Артемиза) . . . . . 13—34

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- Воспоминанія Фаддея Булгарина. Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни.—Исторія Наполеона. Соч. Н. Полеваго. (Статья первая).—Иванъ Матвѣевичъ Прямыковъ и Тома Михенчъ Брюковъ, оба—люди Русскіе. Пестрота въ разсказѣ и разсказъ въ пестротѣ, изъ юмористическихъ записокъ бурсака.—Очерки современной жизни. Соч. М. Корсини. . . . . 1—48

VII. СМѢСЬ.

- Заочная любовь. (Разсказъ Альфонса Карра).—Эмансипированныя женщины четырнадцатаго вѣка.—Предчувствіе матери.—Игра природы.—Нѣкоторые привычки и странности людей.—Новѣйшія моды.—Новыя русскія книги.—Новыя французскія книги. . . . . 1—22
- О продолженіи изданія *Сына Отечества* на 1849 годъ.
- Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложены: 1) Пять повѣстей и другихъ сочиненій *Константина Масальскаго*: I. Первая любовь послѣдняго въ родѣ. II. Разсказъ о томъ, какъ три неузнанные генія сочиняли натуральную повѣсть. III. Сей и Этотъ, или вражда братьевъ. Кукольная мелодрама. IV. Романъ на ледяныхъ горахъ. V. Быль 1703 года. 2) *Домъ-Кизотъ Ламанчскій*, Романъ Сервантеса, переведенный съ испанскаго *К. Масальскимъ*. (Съ парижскими политическими картинками). Книга вторая. 3) Парижская картинка модъ. 4) Ноты новаго романа подъ названіемъ: «Сосна.» Слова *Лермонтова*. Музыка *А. К. . . . ва*.

Всего 44 печ. лист.

Русская Исторія.

РАЗБОРЪ МНѢНІЙ М. П. ПОГОДИНА О НАЧАЛѢ РУСИ.

(ВЪ ЗАЩИТУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ И АВТОРА «ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.»)

СОДЕРЖАНІЕ.

Важность вопроса о происхожденіи Руси. Начало школы, защищаемой М. П. Погодинымъ: ловля созвучій Байеромъ и его послѣдователями. Разногласіе байеріанъ между собою относительно вопроса о томъ, гдѣ жили и кто были Варяги-Русь. Приговоръ Гизо историческимъ разногласіямъ, и единство мнѣній славянистовъ о старобытныхъ жилищахъ варяжской Руси. Географическое положеніе ея (по Нестору, его продолжателю, Арабамъ и западнымъ писателямъ) въ предѣлахъ балтійской Серби, на варяжскомъ или сербскомъ Поморьѣ. Искаженіе Географіи М. П. Погодинымъ, и несправедливые его отзывы о противникахъ Скандинавованіи. Распространеніе Варяговъ на востокъ Балтійскаго моря: эпоха владычества Сербовъ. Призваніе Рюрика съ Поморія. Ошибочный взглядъ М. П. Погодина.

К. XI. — Отд. I.

на на это событіе съ его послѣдствіями. Языкѣ Варяговъ-Руси: западно-славянская стихія въ составѣ нашего языка. Имена и фамильныя прозвища поморскихъ Сербовъ, сравнительно съ великороссійскими. Основная причина всѣхъ ошибокъ М. П. Погодина: сагоманія. Несообразныя съ фактами догадки его о людѣ Рюрика и языкѣ рускомъ. Славянская мнѣологія варяжской Руси, вывороченная назнанку защитникомъ скандинаво-маніи. Политическій бытъ Новагорода и вообще законоположеніе древней Руси, сравнительно съ бытомъ и законами Сербовъ; натяжки М. П. Погодина. Славянскій характеръ походовъ варяжской Руси. Заключение.

«Вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси такъ неразрывно связанъ съ вопросомъ, какой элементъ принесли они къ намъ, что это одно дѣлаетъ его несравненно важнѣе всякаго другаго частнаго вопроса, на прим. вопроса о мѣстѣ погребенія Ляпунова и Пожарскаго, о томъ, на которомъ именно мѣстѣ стоялъ Кіевъ въ древнѣйшія времена. Только съ его разрѣшеніемъ разрѣшится вопросъ о дѣйствительномъ значеніи Русской Правды въ первоначальныя времена, о происхожденіи множества словъ, названій, должностей, учреждений, которыя гораздо позже встрѣчаются въ русской исторіи, и къ которымъ глазъ такъ уже приглядѣлся, что они кажутся нашими національными, славянскими. Мы даже позволяемъ себѣ думать, что безъ разрѣшенія этого вопроса не лзя почти опредѣлить: точно ли варяжскій элементъ исчезъ у насъ безъ слѣдовъ? Быть можетъ, узнавъ-его, мы нашли бы отголосокъ гораздо ближе къ намъ, нежели мы думаемъ; ибо въ первоначальныхъ обществахъ начало, однажды брошенное въ жизнь, вдругъ не умираетъ, но, перерождаясь безпрестанно, сохраняется въ отдаленнѣйшія времена. Весь распорядокъ службы, наборъ войска, помѣстная система, дума, судебныя пошлины, отчасти управление и судопроизводство въ московской Россіи не есть ли

«отголосокъ варяжскаго элемента, и рѣшить этого не лзя «стереть, не зная кто были Варяги-Русь.»

Такъ писалъ даровитый нашъ юристъ, г-нъ Кавелинъ, по случаю выхода въ свѣтъ «Изслѣдованій, Замячанинъ и Лекцій о Русской Исторіи», напечатанныхъ М. П. Погодинымъ въ Москвѣ въ 1846 году. Авторъ этихъ Изслѣдованій, какъ извѣстно, всегда былъ ревностнымъ приверженцемъ Байеро-Шлёцеровой гипотезы о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси; но, придавая Варягамъ исключительно Скандинавское происхожденіе, М. П. Погодинъ всегда *отмалчивался*, когда приходилось опредѣлять по Нестору *географическое положеніе* той земли, гдѣ обитали Варяги, призванные нашими предками. Это еще въ 1842 году было замѣчено профессоромъ Московскаго университета, Ѳ. Л. Морозкинымъ, который своими «Историко-критическими изслѣдованіями о Руссахъ и Славянахъ» *желалъ раскрыть степень юридическаго родства, въ какой состоятъ между собою Русскіе Славяне съ Балтійскими Славянами* (стр. 24). Не смотря на законность требованій критики: сперва указать географическое положеніе Варяжской земли, а затѣмъ приступать къ рѣшенію вопроса о томъ, кто были Варяги-Русь, — не смотря на очевидную необходимость такой логической послѣдовательности, названный М. П. Погодинъ остался на прежнемъ пути, и естественно—уже не могъ придти къ логически-правильному построянію историческаго силлогизма *. Между тѣмъ «слабое начало Русской Исторіи, само по себѣ ложное, необходимо должно было задержать успѣхи русской исторіи Законодательства», по справедливому замѣчанію Морозкина, который весьма основательно утверждалъ, что «ны до тѣхъ поръ не будемъ имѣть Исторіи, достойной Русскаго народа, доколѣ будемъ вѣрить Шлёцеру и его продолжателямъ: Шлёцеръ не понималъ Нестора и

* См. въ моемъ «Славянскомъ Сборникѣ», стр. VIII—XIV; въ особенности обращаю вниманіе бывшаго моего наставника, доселѣ мною уважаемаго, на юридичныя, породившія Скандинавизмацію и откровенно изложенныя мной на страницахъ V, VI, VII, VIII, IX, X, XIII и XIV.

вообще заставляя лѣтописцевъ говорить такъ, какъ ему было угодно, порицая что было впротивно его системѣ (стр. 18). Основательность этого, мимоходомъ сдѣланнаго, отзыва о *направленіи* Шлёцера вполне раскрыта и доказана въ моемъ «Славянскомъ Сборникѣ» (стр. LI—LXIV и LXXXIII—CVI). Но защитникъ Шлёцера не обратилъ должнаго вниманія на эту книгу потому, что «Славяне провозгласили побѣду надъ Шлецеромъ, его системою и *последователями*»; восторжъ потому, что одинъ изъ молодыхъ любителей исторіи въ посланіи ко мнѣ и Морощкину осмѣлился написать между прочимъ:

Была пора: чужимъ умомъ
 Жила Россія молодая;
 Но совершился переломъ —
 Теперь пришла чреда иная,
 И дуна *Русская*, живая,
Германскій мусоръ пробивая,
 Вдругъ свѣтлымъ брызнула ялочемъ!...
 ..... Да, да, пора *нѣмецкихъ мифовъ*
Крима толки разобрать,
 И свѣтомъ истины прогнать
 Густую тьму *пустыхъ сомнѣній!* *.

Въ свѣдѣствіе этихъ уважительныхъ (!!!) причинъ — какъ объявлено на 380 страницъ втораго тома «Исследованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи» — М. П. Погодинъ не читалъ и обширнаго трактата моего о варяжской Русѣ, помѣщеннаго въ XXXVII части «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1845, отд. II, стр. 1—64). Такимъ образомъ объясняется, почему въ 1846 году провоз-

* Это посланіе, напечатанное въ «Маякѣ» 1844 года, въ 1845 году было перепечатано въ любопытной книжкѣ А. В. Александрова, издавннй подъ заглавіемъ «*Современныя историческія труды отъ Россіи*», и заключающей въ себѣ остроумное оправданіе моей системы отъ всѣхъ обвиненій, взыденныхъ на славянскую школу. О стихотвореніи даровитаго Москвитча, помѣщенномъ тамъ во второмъ письмѣ, стр. 31, 32, почтенный М. П. Погодинъ печель лужнымъ припомнить въ своихъ ученыхъ «Исследованіяхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ о Русской Исторіи», и впритомъ дважды, въ I-мъ томѣ на стр. 332, во II-мъ на стр. 390.

глашено почтеннымъ авторомъ «Исследованій, Замѣчаній и Лекцій» совершенное уничтоженіе непріятельскаго войска, тогда какъ самый большой корпусъ враждебнаго ополченія остался въ сторонѣ, *будто бы* нарочно обойденный; а въ самомъ дѣлѣ — какъ увидятъ читатели далѣе — потому, что и надъ другими-то противниками скандинавоманія одержана была поверхность съ грѣхомъ пополамъ, такъ и не представлялось никакой возможности вновь помѣряться силами въ чистомъ полѣ: это было отступленіе безъ боя, прикрытое громкимъ именемъ победы.... Но истина всегда возьметъ свое! На страницахъ 94 и 426 во второмъ томѣ упомянутаго сочиненія авторъ изрекъ приговоръ самому себѣ, осудивъ тѣхъ изыскателей, которые «не обращаютъ никакого вниманія на противоположныя мнѣнія и не разбираютъ ихъ доказательствъ.»

Одержавъ мнимую побѣду надъ славянскою школою, а въ самомъ дѣлѣ только уклонившись отъ невозможной борьбы съ историческою правдою, ученый защитникъ Байеро-Шлѣперовыхъ гипотезъ уволилъ себя отъ разбора всѣхъ противоположныхъ мнѣній и, обманывая самого себя, искренно началъ убѣждаться въ мнимой непогрѣшимости любимаго ученія, когда прикрылъ передъ собою односторонность скандинавоманія.... Это подало поводъ г. Кавелину въ началѣ 1847 года, повторить передъ М. П. Погодинымъ упрекъ за то, что въ «Исследованияхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ» *обойденъ* самый главный вопросъ нашей древней исторіи, ибо авторъ не рѣшилъ: *гдѣ* была родина Варяговъ, а *слѣдственно* и *кто* они были? Но, какъ юристъ, еще не ознакомившійся со всеми источниками нашей до-Рюриковской и потомъ до-татарской эпохи, г. Кавелинъ не могъ принять на себя рѣшенія важнаго вопроса о происхожденіи Руси, и потому ограничился лишь нѣкоторыми возраженіями противу скандинавоманія. Не смотря на очевидную справедливость этихъ возраженій, г. Погодинъ нашелъ въ нихъ только частности, а не прямое рѣшеніе спорнаго вопроса, и потому остался при своемъ прежнемъ мнѣніи; когда же замѣтилъ, что къ славянской школѣ, непрерывно усиливающей-

ся новыми приверженцами, присоединился въ вышедшемъ году и ученый авторъ «Исторіи Русской Церкви», пресвященный Филаретъ рижскій; тогда въ Москвитянинъ (1848, № 8) снова загремѣла баттарея противу славянистовъ, поставленная М. П. Погодинымъ.

Въ «Славянскомъ Сборникѣ» представлена мною *Исторія русской исторической критики до 1845 года*: подробно разобрано ученіе Байера, Миллера, Шлёцера, Круазе, Круга, Куника, Сабинина и прочихъ послѣдователей гипотезы о скандинавскомъ происхожденіи Варяго-Руссовъ. Обозрѣвъ такимъ образомъ всѣ системы, которыя были воздвигаемы въ теченіе ста десяти лѣтъ всеми поклонниками Байеро-Шлёцеровыхъ гипотезъ, долгомъ поставлю разобрать ученіе М. П. Погодина, изложенное имъ въ «Изсѣдованіяхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ о Русской Исторіи» (1846) и торжественно теперь провозглашенное въ Москвитянинъ *единственно правымъ*, по поводу I части классическаго творенія пресвященнѣйшаго епископа ржевскаго.

Воздавъ должную дань хвалы прекрасному труду его пресвященства объ Исторіи Русской Церкви, М. П. Погодинъ переходитъ къ предмету, который близокъ къ его сердцу, именно къ вопросу объ основателяхъ Русскаго государства. «Для насъ Русскихъ,» пишетъ онъ въ Москвитянинъ (1848, № 8, стр. 46), «ничего не можетъ быть противнѣе мысли основанія государства нашего Норманнами: Всѣ русскіе историческіе писатели прошедшаго столѣтія считали *священнымъ долгомъ* вооружаться врознь этого мнѣнія, и употребляли всѣ силы, чтобъ опровергнуть оное*; наши современники повторяютъ то же явленіе, напр. Макси-

* Въ примѣръ противниковъ скандинавомапія прошлаго вѣка М. П. Погодинъ приводитъ Тредьяковскаго, Ломоносова и Болтина, забывая, что Тредьяковскій передъ Академіей признавалъ мнѣнія Байера и Миллера весьма *спроутными*, и только изподлѣшка осмѣлился возгнать надъ скандинавомапіей; что эта шумиха его издана уже черезъ три года послѣ его смерти подъ важнымъ заглавіемъ «Трехъ разсужденій»; и наконецъ, что Болтинъ съ Татищевымъ и Бутковымъ составляютъ школу скандинаво-финскую, слѣд. не могутъ причисляться къ защитникамъ славянскаго происхожденія Варяго-Руссовъ.

«Мовичъ, Морошкинъ, Надеждинъ. Что грѣха таить: самъ я выдержалъ пресильную борьбу съ собою, даже послѣ «разсужденія о происхожденіи Руси, очень обрадовался было внутренно мысли Каченовскаго о Ваграхъ, которая открывала мнѣ надежду подъ именемъ Варяговъ-Норманновъ разузнать Славянъ; но истина (?) опять взяла свое: я перечелъ, перевѣрилъ всѣ источники и утвердился въ первомъ убѣжденіи, что основатели Русскаго государства были Норманны нѣмецкіе.»

Уважаю это стремленіе къ истинѣ въ бывшемъ моемъ наставникѣ, буду говорить откровенно. Со мною было вовсе противное тому, что рассказываетъ о себѣ М. П. Погодинъ. Поступивъ въ Московскій университетъ (1833) съ сильнымъ предубѣжденіемъ въ пользу скандинавской системы, я только къ концу третьяго курса началъ колебаться въ ней, когда М. Т. Каченовскій отказался отъ гипотезы Эверса и призналъ Руссовъ племенемъ Славянскимъ, расселившимся у насъ изъ-за Карпатовъ *. Уже по выходѣ изъ университета, посвятивъ нѣсколько лѣтъ внимательному изученію этого вопроса первостепенной важности, сообразивъ всѣ мнѣнія со всѣми имъ доказательствами, наконецъ, освободясь отъ всякаго пристрастія къ напередъ составленнымъ гипотезамъ, я началъ читать источники и убѣдился, что Байеръ, котораго намъ выдавали за отца исторической критики, былъ основателемъ школы созвучій — не болѣе. Самъ онъ первый отправился на ловлю созвучій: подъ его перомъ Новгородцы превратились въ кавказскихъ Кабардинцевъ, на томъ основаніи, будто бы въ русскомъ языкѣ буквы и и к сходны, послѣ чего и началась ломка: *Новгородцы*, *Ковгородцы*, *Кобгородцы*, *Кабардинцы!!!* Наши малороссійскіе обитатели рѣки Буга, *Славяне-Бужане*, помощію такой же операціи, превратились въ татарскихъ *Буджаковъ*, а днѣпровскій *Витичевъ* перенесенъ на мѣсто подвинскаго *Витебска!!!* Миллеръ слѣдовала тому же направлению, превращая нашихъ славянскихъ обитателей рѣки

* Славян. Сборникъ, стр. ССXXXI и прим. 536.

Полоты, Полочанъ; въ турецкихъ *Полосцевъ*, сказочнаго царя *Дадона* въ скандинавскаго бога *Одина*, а *Бову* королевица въ *Бауса* Оденовича!!! Струбе пошелъ тѣмъ путемъ и вымучилъ изъ славянскаго *Перуна* имя скандинавскаго бога *Тора*, такимъ образомъ: *Перунъ*, *Ферунъ*, *Терунъ*, *Терь*, *Торъ*!!! Разумѣется, школа созвучій—сама того не замѣчая—тотчасъ же обнаружить свою нелогичность, какъ скоро потребовать не ломки звуковъ, а доказательствъ. Предложите, напримѣръ, всѣмъ послѣдователямъ Байера вопросъ самый простой и естественный: *откуда* призвали Новгородцы князей себѣ, или: *идь* жили, и следовательно *кто* были наши Варяги-Русь?

Шведы, прозванные у Славянъ Варягами, а въ Византіи сами прозваніе себя кончикомъ греческаго слова *ρῦγθος* (свѣтложелтый, огненный), которое худо слышалось Шведамъ, и превращено ими въ *Rhos, Russ*,—отвѣчаетъ *Кругъ*.

Фрисландцы съ Нѣмецкаго моря, ибо у нихъ было герцогство *Hriustri*, позднѣе *Rustringen*, а въ Россіи есть городъ *Ростовъ*,—отвѣчаетъ *Гольманъ*.

Черноморскіе Руссы, вѣроятно скандинавскіе потомки бога *Одина*,—отвѣчаютъ *Фатерь* и *Нейманъ*.

Датскіе Ютландцы, у которыхъ была *Rosengau* (Розовая волость),—отвѣчаетъ *Крузе*, либо—*Зеландцы*, на островъ которыхъ есть урочище *Roesnild*, или же *Норвежскіе Вермеландцы*, у которыхъ былъ король *Гогни*, а это имя звучитъ почти также, какъ *Каганъ*, титулъ русскихъ государей *Владимира* и *Ярослава*.

Ферейцы съ острововъ *Ферейскихъ*, находящихся на предѣлахъ Атлантическаго океана, отвѣчалъ *А. Ф. Вельманъ* (отказавшійся впоследствии отъ этой гипотезы).

Финскіе Скандинавы изъ *Божники*, гдѣ была область *Рюсалаандъ*,—отвѣчаетъ *П. Г. Бутковъ*, признающій кромѣ того еще двѣ *Чудскія* или *Финскія Руси*, одну на *Волгѣ*, другую на *Двиьпрѣ*.

Неизвѣстные скандинавскіе завоеватели, которые прозвали сами себя *Русь*, именемъ, не означавшимъ ни страны, ни народа, провозгласилъ покойный *Н. А. Полевой*, сознав-

шійся однако жъ, что въ Скандинавіи не находилось ни имени Варяговъ, ни имени Руссовъ, но заключившей отсюда, что имя Russ можетъ быть означало морскихъ воиновъ изъ Скандинавіи (!!).

Мнѣніе Полеваго принялъ и г-нъ Куникъ, объявившій наперекоръ Нестору, что Варяги-Русь именно были *Свейскіе или Шведскіе морскіе воины* изъ Упландскаго *godslagen'a* (корабельнаго стана); а что они никакъ не могли быть Славянами доказывается, по мнѣнію этого ученаго, во-первыхъ тѣмъ, что имя Русь кончится на букву *ерь* (ь), а во-вторыхъ тѣмъ, что духъ порядка исключительно приличенъ лишь иноземцамъ, и потому долженъ служить доказательствомъ, что Руссы суть не *Русскіи* (Славяне), а *шведскаго духа сына* ослабѣвшіеся въ татарскую эпоху *.

По мнѣнію О. И. Сенковскаго, Рюриковы единоплеменники были воины и поэты изъ *всѣхъ* скандинавскихъ земель (!!), и потому они не имѣли права называться никакимъ народнымъ именемъ, а выдумали себѣ *поэтическое* имя Русь, которое было къ-то увѣчано (?) и стало дорого (?) всѣмъ Норманнамъ.

Наконецъ, по мнѣнію ученаго Сабина, скандинавская Русь находилась въ предѣлахъ нашего отечества; эти Скандинавы прозвали нашихъ предковъ Славянами—т. е. слабыми подручниками (отъ скандинавскаго *slaf*), а когда это имя Слабыхъ или Славянъ получило другой смыслъ, то Скандинавы перевели оное и своихъ подручниковъ начали называть Россами (отъ *Ros*, хвала, слава). Скандинавскій богъ Одинъ измѣнился въ Волоса (Одинъ—Водинъ—Водъ—Вольдъ—Волоть—Волось); а Бальдюръ, упавшій въ море и тамъ невольно похупавшійся, превратился въ Купалу. Ученый авторъ дошелъ до того, что не шутя началъ увѣрять, будто бы онъ уже зналъ по-древне-скандинавски прежде, чѣмъ выучился говорить на своемъ отечественномъ языкѣ: «помню, что въ дѣтствѣ моемъ, я, живши въ деревнѣ, спрыгалъ гла-

* Объ этихъ гипотезахъ г-на Куника см. въ Слав. Сборникѣ прил. 54, стр. XLII—XLVII.

только болѣе по скандинавскимъ спривожіямъ, нежели по Греческой русской грамматикѣ.» * Словомъ, что весь мы родимся Скандинавами, а потомъ уже только по грамматикѣ Н. И. Греча выучиваемся по-русски и забываемъ природный нашъ языкъ скандинавскій...

Куда же прикажете взять Новгородцамъ за варяго-русскимъ килземъ Рюрикомъ и его братьями? Одинъ изыскатель отправляетъ новгородскихъ пословъ къ тѣмъ изъ шведскихъ странниковъ, которые хорошенько не дослышали греческаго слова *pyrthos*; другой къ воинамъ-поэтамъ изъ всѣхъ земель скандинавскихъ; третій заставляетъ Новгородцевъ взять за Рюрикомъ во Фрисландію, четвертый въ Ботнику, пятый на островъ Зеландію, либо Ютландію, либо въ норвежскую Вермеландію, шестой на Черноморье, седьмой на Ферейскіе острова въ Атлантической океанъ; восьмой приказываетъ Новгородцамъ отыскивать князя Рюрика среди Незвѣстныхъ завоевателей, вѣроятно морскихъ воиновъ Скандинавіи; девятый указываетъ на Упландію, какъ на жилище этихъ, искомымъ авторомъ, не поддѣльныхъ Шведскаго духа сыновъ; а десятый всю Россію заселяетъ Скандинавами и самъ превращается въ Скандинава...

Гдѣ же тутъ истина, которая, по самому существу своему, должна отличаться характеромъ *единства*, какъ говорилъ одинъ изъ умнѣйшихъ историческихъ мыслителей Европы, Гизо **. А вотъ приговоръ подобнымъ разноречивымъ показаніямъ, находимый у самого Михаила Петровича Погодина: «если предоставить сіи мнѣнія ихъ судьбѣ, то онѣ взаимно поразятся...» (т. II, стр. 178). Этотъ афоризмъ автора «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій» вполне принимается ко всѣмъ системамъ, поставившимъ себя цѣлію—не открытіе истины, а защиту скандинавомашии ***.

* Подробный критическій обзоръ всѣхъ этихъ мнѣній см. въ Слав. Сборникѣ, стр. CVI—CII.

** Histoire de la civilisation en France, XII lec.

*** Замѣчу впрочемъ, что авторъ напрасно соединяетъ въ одну школу и скандинавскихъ или черноморскихъ скандинавомашиновъ Неймана съ Фатеромъ и Туркоффомъ Эверса и Ломоносова съ его славянскою системою Варяжской

Но какое мнѣніе самого-то Михаила Петровича? Неужели онъ смогъ сблизить между собою эти несогласныя между собою показанія защитниковъ скандинавоманіи, разъясняющихъ новгородское посольство за Рюрикомъ чуть не по всему свѣту?

Вотъ окончательный выводъ г. Погодина, болѣе 20 лѣтъ размышлявшаго о средствахъ защитить Байеро-Шлёцерова ученіе. Исписавъ 166 страницъ, для доказательства любимой гипотезы, онъ говоритъ: «заключаю: кто были именно «Вараги-Русь и гдѣ они жили—не рѣшено до-сихъ-поръ съ «достоверностію, и едва ли когда-нибудь будетъ рѣшено за «недостаткомъ свѣдѣній» (т. II, стр. 166). Замѣтьте сознаніе: не рѣшено, говоритъ г. Погодинъ, и придаетъ Вараго-Русь самъ имя Норманновъ, которое принимаетъ исключительно въ значеніи Скандинавовъ, хотя Фульдскія дѣтониси подъ имя Nordmanni (сѣверяне) подводятъ и сѣверныхъ Славянъ, обитавшихъ на южномъ берегу Балтійскаго моря *: Эти послы балтійскихъ Поморянъ къ Арнульфу именно называются *legati Nordmannorum, scilicet ab aquilone Slavorum*. Что можетъ быть яснѣе! Однако жъ почтенный М. П. Погодинъ до того стужалъ посторонними разсужденіями запутать дѣло, что читатель наконецъ начинаетъ вѣрять скандинавизму варяжской Руси, не замѣчая очевидной ложности силлогизма:

Гдѣ жили варяжскіе Руссы—не рѣшено;

Кто они были — не рѣшено;

Слѣдственно: достоверно, что они были Норманны, то есть Скандинавы!

Озадачивъ читателя такимъ силлогизмомъ, М. П. Погодинъ почитаетъ уже рѣшеннымъ дѣломъ, что варяжская Русь находилась «въ какомъ-нибудь углу сѣвера или древней Скандинавіи» (т. II, стр. 166), какъ будто бы на сѣверъ и

Русь, широко простиравшейся по Балтійскому южному берегу. Тутъ былъ однако жъ умыселъ: г-ну Погодину хотѣлось разительнѣе противоположить это ученіе скандинавской системѣ, какъ единой истинной. Хорошо же это единство!

* См. въ моемъ Славянскомъ Сборникѣ, стр. XXXI.

не было въ древности никого кромѣ Скандинавовъ! Почтенный авторъ позабылъ на сей разъ, что по берегамъ Балтійскаго моря исконо жили и финскія племена, и литовскія, и славянскія; но такая забывчивость ему была необходима, чтобъ читатели повѣрили превращенію всего съвера въ мнимую Скандинавію и не вспомнили о Поморьѣ, на которое указалъ Ломоносовъ, котораго не отвергалъ и Карамзинъ, которое признавали отчизною Варяговъ и Каченовскій, и Венелинъ, и Макаровъ, и Морошкинъ, и Надеждинъ, и Максимовичъ, и Святный, словомъ всѣ защитники исконнаго вѣрованія нашихъ предковъ, какъ увидимъ далѣе.

Знакомство съ древностями славянскихъ народовъ всегда приводило къ убѣжденію, что родина варяжскихъ Руссовъ находилась на южномъ балтійскомъ Поморьѣ... Безсмертный нашъ исторіографъ, хотя и долженъ былъ согласиться съ Шлёцеромъ, однако жъ не отказалъ въ *вѣроятности* и противоположному мнѣнію, что Руссы обитали при устьѣ Вислы, въ сосѣдствѣ съ литовскими Пруссаками *. Тамъ же отыскивалъ варяжскую Русь и авторъ «Россіи» (1837), Ф. В. Булгаринъ, во многомъ сблизившійся съ ученіемъ славянистовъ. Тамъ ее указывалъ и И. П. Боричевскій, этотъ знатокъ литовской исторіи, написавшій любопытное изслѣдованіе о Руссахъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, а по изданіи мною «Славянскаго Сборника» окончательно перешедшій на сторону славянистовъ (1845). Такъ же поступилъ извѣстный московскій ученый, князь М. А. Оболенскій, который прежде былъ защитникомъ скандинавизма Варяговъ-Руси, а теперь уже призналъ «въ высшей степени правдоподобнымъ» мой выводъ, что предки наши всегда были Русью, и призывали къ себѣ князей русскихъ же съ варяжскаго, сербскаго По-

* Исторія Государства Россійскаго, т. I, гл. 2 (по изданію Эйверлига стр. 30). Карамзинъ не могъ лжно отвергнуть мнѣнія Шлёпера, потому-что обязанъ былъ послать черезъ А. И. Тургенева рукопись своей Исторіи на просмотръ Шлёперу; см. объ этомъ важныя сѣдвія, сообщенныя мнѣ почтеннымъ редакторомъ археографической комиссіи, І. І. Григоровичемъ, въ Славян. Сборникѣ прилѣжаніе 223.

морья (см. «Чтенія въ Моск. Общ. Ист.» 1846, № 4). То же мнѣніе раздѣляетъ со мной редакторъ Актовъ археографической комиссіи, отецъ протоіерей І. І. Григоровичъ, сообщившій мнѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія объ истинныхъ отношеніяхъ канцлера Руманцева къ Кругу и Шлёцеру; равно какъ и редакторъ Полнаго Собранія Русскихъ Летописей, Я. И. Берединковъ, справедливо утверждающій, что сомнѣваться въ славянствѣ призванныхъ нами Варяговъ теперь могутъ только люди мало знакомые съ памятниками древней нашей письменности. Наконецъ, въ числѣ защитниковъ мысли о славянствѣ призванныхъ нами Варяговъ пока довольно упомянуть имена: неутонимаго И. П. Сахарова — издателя «Сказаній Русскаго Народа», Н. И. Павлицева — составившаго прекрасный Историческій Атласъ Россіи (Варшава 1845), славнаго единоплеменника нашего — Маньевскаго, открывшаго ученому міру сокровища исторіи славянскихъ законодательствъ и признавшаго бытіе Руси на томъ же славянскомъ Поморьѣ.

Откуда же происходитъ и что доказываетъ это единство убежденій писателей славянской школы? Отвѣтъ высказанъ у Гизо, слова котораго предложены выше. Если бы М. П. Погодинъ ознакомился ближе съ древностями обще-славянскими, то и онъ переимѣнилъ бы свое мнѣніе, увидѣвъ бы односторонность скандинавизма и не сталъ бы упрекать глубоководнаго автора «Исторіи Русской Церкви» за сомнѣніе въ скандинавскомъ происхожденіи Руссовъ (Москвит. 1848, № 8, стр. 47).

Однако жъ мысль о важности изученія славянскихъ древностей для правильнаго объясненія многихъ явленій нашей русской исторіи уже начинаетъ сознаваться М. П. Погодинымъ. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ «Изсѣдованіяхъ, Запискахъ и Лекціяхъ» (т. II, стр. 321, 322, 381 — 384, 395 — 400); великодушно указываетъ «матеріалы, изъ которыхъ должно будетъ строить *Славянскія сѣми* въ Русскую Исторію» (стр. 396, 399); обращаетъ вниманіе моло-

дыкъ работниковъ на эти сны (стр. 399) и въ изъясненіе откровенно говоритъ: «если перемѣнится нашъ эгоистическій образъ мыслей (!) и воспитанія, то соединенными усиліями многихъ деятелей съद्या наша дрязвость явится для насъ въ неожиданномъ доселѣ свѣтѣ! Да такъ поръ пусть это будутъ наши *ria desideria*. Я съ своей стороны долженъ сказать, что слишкомъ поздно мнѣ смотрѣть на предметъ съ этой стороны; все свое вниманіе я обращалъ на Норманность и нѣ до сихъ послѣдствъ, труды свои и проч. (т. II, стр. 400). Въ III-мъ же томѣ, на страницѣ 296, откровенно пишетъ: «могута быть, а сама уже каюса Норманскимъ элементомъ, который размыкаю 25 лѣтъ, и даю ему слишкомъ много мѣста въ древней Русской Исторіи». Сожалея объ агоніи уэльскаго Скандинавомааніи и елишкомъ позднемъ знакомствѣ автора «Наслѣдованій» съ славянскими древностями, приглашаемъ почтеннаго М. П. Богодвѣна выкинуть глadioкровно въ дѣло.

До времени Байера, предки наши постоянно упоминали отечизну Рюрика на южномъ балтійскомъ Поморьѣ, *; Варягами въ обширномъ смыслѣ называли не только всѣхъ обитателей Варяжскаго (Балтійскаго) моря, но и всѣхъ западныхъ Европейцевъ, почему и латвское или римское временноезваніе сладо у насъ варяжскою звано; въ шведскомъ же смыслѣ, собственно Варягами называли Сербскими обитателей Поморія Варяжскаго, начиная отъ Стараса-Града за Гданскомъ (Данцигомъ): такъ засвидѣтельствовали продолжатели Нестора. Это уже неоспоримо послѣ изданія Пальнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей (т. II, с. 227.) Свидѣтельство нашихъ лѣтописцевъ подтверждаютъ и арабскіе писатели, которые положительно говорили объ этихъ собственно-Варягахъ: «*Sie sind die Slaven der Slaven*», welches, прибавляетъ арабскій Френъ, *dem arabischen Sprachgebrauch zu Folge, heissen würde: «Sie sind die vorzüglichsten aller Slaven»*». Итъя не-

* Журн. Мин. Нар. Просв. 1845, т. XXXVII, ода. 2.— Слав. Сборн.

** То есть: «Варяги—значительнѣйшіе изъ всѣхъ Славянъ.» Ibn-Fostlan's and anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, von C. M. Frähn (1823), стр. 192. На слѣдующей 193 страницѣ прямо упоминается море *Варяжско-Сла-*

велъ собою два положительныя свидѣтельства, свое и чужеземное: что «Варяги суть сербскіе Поморане», и что они притомъ «Славяне изъ Славянъ», то есть *славнѣйшіе или гисла-милнѣйшіе изъ оубль Славянъ* (по толкованію г-на Фрэнс), уже легко было понять настоящей смыслъ многихъ, дѣлѣ казавшихся загадочными, указаній Несторовой летописи; стало только еличать ее съ досель-непогнѣнными свидѣтельствами географіи. Изъ Нестора мы знаемъ, что западная Двина впадаетъ въ море *Варяжское* (Полн. Собр. Рус. Лит. т. I, стр. 3). Ясно, что собственно-Варяжскимъ моремъ называлось Балтійское, хотя въ обширномъ смыслѣ все воды Западной Европы назывались моремъ варяжскимъ, со включеніемъ даже и Средиземнаго, какъ видно изъ Нестора и Арабовъ. Какіе же народы обитали на собственно-варяжскомъ побережьи? На восточныхъ берегахъ племена *литовскія*, спускавшіяся къ нижней Вислѣ; тамъ, литовское племя *Пруссовъ* сосѣдило съ *Ляхами*, занимавшими среднюю Вислу. На западъ отъ Вислы, весь южный берегъ Варяжскаго моря занимали славянскія племена, извѣстныя подъ нѣстнымъ именемъ *Поморянъ*; эти поморскіе Славяне простирались до устья *Лябы* (Эльбы), откуда уже начиналась по западному варяжскому побережью земля *Англовъ* (Ангельмъ), столицей которой былъ Шлезвигъ, та южная оконечность *Датскаго* королевства, которая въ наши дни сдѣлалась театромъ военныхъ дѣйствій между Германцами и Датчанами. Далѣе, сѣверо-западное побережье варяжское занимала родственные Датчанамъ Скандинавы, именно *Свеи* (Шведы), заселившіе также и островъ *Готландъ*, а за Шведами ихъ родичи *Норвежцы*, или *Норманны*, которыхъ у насъ звали *Мурманами* или *Урманями*. Наконецъ къ востоку отъ нихъ жили *Чудь* или *Финновъ*. Вотъ весь окружный племена при Варяжскомъ морѣ! Какому изъ этихъ народовъ собственно принадлежало имя *Вараговъ-Руси*: *Литовцамъ*, поморскимъ *Славянамъ*, *Англянамъ* (или вообще *Датчанамъ*),

или, въ Meet der Wäringes der Slaven. Переводчикъ вставляетъ отъ себя, въ скобки, слово *иуд.*, желая раздѣлить эти два племн; но намъ нѣтъ дѣла до литовскъ иудѣйскъ переводчика.

Свевль, Норвежцамъ или Мурманамъ? О Финнахъ, облегающихъ Бѣтнику, и известныхъ у насъ подъ именемъ Чуди, разумется и думать нечего... Продолжатели Нестора и арабскіе писатели прямо указывали на балтійскихъ Сербовъ или померскихъ Славянъ, занимавшихъ все южное варяжское Поморье. А Несторъ? Онъ опредѣлительно указалъ варяжскую Русь, и ясно изложилъ дѣло. По его словамъ, послы Новгородцевъ и ихъ союзниковъ «идоша за море къ Варяговъ къ Руси; сице бо ся зваху тми Варязи-Русь, яко се друзи зовутся Свие, друзи же Урмане, Англяне, друзи Гъте; тако и си» (т. I, стр. 8). И такъ, ясно, что Варяги-Русь другой народъ, нежели Свен, Урмане, Англяне, Готландцы; ясно, что Новгородцы послали не къ Свевль, не къ Мурманамъ, не къ Англянамъ, не къ Готландцамъ, а къ другому народу. Кто же этотъ другой народъ? Остаются всего-навсего Литовцы, да померскіе Славяне: но литовскія племена наши сосѣди, и къ нимъ не нужно вхатъ «за море»; и такъ очевидно, что Варягами назывались у насъ померскіе Славяне, «славнѣйшіе изъ всѣхъ славянскихъ народовъ», по отзыву Арабовъ. Это вполне согласно съ точнымъ географическимъ указаніемъ Нестора на жилища собственно-Варяговъ. Упомянувъ объ эстонской Чуди, литовскихъ Пруссахъ, примыкавшихъ къ нижней Висль, и Ляхахъ, занимавшихъ среднюю Вислу, онъ обращается къ описанію южнаго берега Варяжскаго моря и пишетъ: «по тому же морю свдять Варязи до земли Англянски» (т. I, стр. 2), то есть до Ангельна при устьяхъ Эльбы, а это именно и есть славянское Поморье, обиталище воинственной балтійской Серби, искони обитавшей между Пруссами и Ляхами съ одной стороны и датскими Англами съ другой,—почему арабскіе писатели и помѣщали Данемаркъ (Даремаршъ) именно на западъ отъ варяжской Руси, которая была слѣдственно на славянскомъ Поморьѣ. Въ Несторово время эти Варяги, обитатели славяно-сербскаго Поморья, простирались на югъ «до земли Волошски» (I, 2); да и въ настоящее время ближайшими южными сосѣдами балтійскихъ Сербовъ, уцѣлѣвшихъ нынѣ въ Лузацию, остаются чехо-моравскіе Влахи или

Володи! Показаніе Нестора оправдалось не только положительнымъ свидѣтельствомъ его продолжателей и Арабовъ, но и самою дѣйствительностью, представляемою фактами этнографіи и географіи! Замѣтимъ, наконецъ, что Несторъ описалъ торговый «*путь изъ Варягъ въ Греки*» и также по Дибру и Двинѣ «*изъ Грекъ въ Варяги*» (т. I, стр. 3); а современникъ Несторовъ, Адамъ Бременскій, во второй книгѣ своей Церковной Исторіи Съвера (сочиненной 1072—1076 г.) обстоятельно указалъ даже на разстояніе знатнѣйшихъ городовъ, торговавшихъ съ Греціей и Русью. Что же это за города? Волинь (которую Датчане называли Юлинь, а Нвмцы — Винета), Деминъ, Старградъ, — все города *поморскихъ Славянъ*, или *балтійскихъ Сербовъ* — *единственнаго торговаго народа на варяжскомъ Поморьѣ*. Балтійско-сербская Волинь считалась однимъ изъ величайшихъ городовъ въ цѣлой Европѣ, средоточіемъ торговли всѣхъ сѣверныхъ народовъ.

И такъ, вотъ *гдѣ* находилась родина призваннаго Новгородцами князя; вотъ *кто* были тѣ спутники Рюрика, которые съ нимъ явились въ нашу Русь и приводили въ удивленіе Арабовъ своими широкими мечами, отчего и справедливо называли себя Варангами или Меченосцами (отъ славяно-поморскаго слова *варянгъ*; мечъ), а у насъ слыли подъ именемъ Варяговъ! — Теперь понятно, по какой причинѣ у насъ въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ указывали на югъ Балтійскаго моря какъ на отчизну родоначальника нашихъ государей; вотъ отчего въ XVII столѣтіи провозглашалъ ту же мысль бсзсмертный Богданъ Хмельницкій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, а изъ чужестранцевъ, не знавшихъ по-русски, Бернардъ Латомъ (Bernardus Latomus) и Хемницій (Fridericus Chemnitius); вотъ отчего въ прошломъ вѣкѣ на Поморьежъ указывали ученый Святитель Димитрій Ростовскій, Байеровъ сотрудникъ — Селлій (датскій реформатъ, обратившійся въ православіе), геніальный Ломоносовъ и знаменитый Георгій Конисскій, а изъ чужеземныхъ ученыхъ: Ассемани, Экардъ, Нарушевичъ и другіе. Вотъ почему въ наше время склонились къ тойже мысли: А. В.

Александровъ, Я. И. Бередииковъ, О. М. Бодянский, И. П. Боричевскій, С. О. Бурачекъ, Ю. И. Венелинъ, А. Ф. Вельтманъ, I. I. Григоровичъ, Н. П. Демидовъ, Н. В. Елагинъ, Баронъ Л. И. Зедделеръ, Д. Зубрицкій, В. Игнатовичъ, Л. А. Кавелинъ, М. Т. Каченовскій, А. Клевановъ, М. Н. Шакаровъ, М. А. Максимовичъ, В. А. Мапъевскій, Ф. Л. Морошкинъ, Н. И. Морошкинъ, Н. И. Надеждинъ, П. Никитинъ, князь М. А. Оболенскій, Н. И. Павлищевъ, г-нъ Поповъ, С. В. Руссовъ, И. П. Сахаровъ, Ф. Н. Святый, С. М. Строевъ, А. В. Терешенко, С. П. Шевыревъ, К. П. Масальскій, и нѣкоторые другіе, — наконецъ два духовныя особы, докторъ Богословія архимандритъ Макарій и преосвященнѣйшій Филаретъ, епископъ рижскій, противъ котораго ополчился «Москвитянинъ» (1848, № 8).

Разсмотримъ же доводы М. П. Погодина въ защиту скандинавованіи.

Прежде всего онъ оставилъ безъ вниманія очевидно-ясное свидѣтельство Несторова продолжателя, что варяжская земля начиналась за Старградомъ на сербскомъ Поморьѣ. Другое, столь же ясное свидѣтельство Арабовъ, что эти собственно такъ называемые Варяги суть «Славяне изъ Славянъ» и *правильное объясненіе* этихъ словъ другимъ выраженіемъ «Варяги славнѣйшій изъ Славянскихъ народовъ» также не понравились вылакому скандинавофилу: онъ рѣшился не упоминать объ нихъ и принялъ въ *текстъ* своей книги *неправильное перетолкованіе* ориенталиста-щелѣрианама. Будто бы слова Арабовъ означаютъ то же, что «Варяги живутъ

Желательно слышать голоса объ этомъ оставшихся живыхъ ученыхъ. Подобно же пожелать окончательное рѣшеніе олицамъ — ослѣпачу процессу скандинавованіи въ историческомъ правду! — Сула по статьѣ В. В. Григорьева о Мухамеданской нумизматикѣ (Фин. Вѣст. 1847), этотъ даровитый ориенталистъ также долженъ быть причисленъ къ соединившимся съ славянскою школою; а И. И. Срезневскій, въ разсужденіи о древнихъ письменахъ славянскихъ, помѣщенномъ въ журналѣ Мин. Нар. Просв. (іюль, 1848), открыто призналъ Русскій языкъ въ половинѣ IX вѣка однимъ изъ нарѣчій славянскихъ, а вовсе не скандинавскихъ, ч. ЦХ, отд. II, стр. 63, 64.

привнесъ *Славяны!!!* (т. II, с. 63)—Принявъ за основаніе очевидную несправедливость, явно протвѣрщащую прямому смыслу рѣчи, изыскатель уже всадъ началъ вѣдѣть не то что было а то что ему хотѣлось вѣдѣть... Ясно какъ день, свидѣльство Нестора, что Варяги—Русь совсѣмъ дружкой народъ, немалы Шведы, Норвежцы, Англичане и Готландцы, показало г. Погодинову «наисвѣдѣльшимъ свидѣтельствомъ, что Варяги Несторовы суть Скандинавы единоплеменники Шведовъ, Норвежцевъ, Англичанъ и Готовъ»!!! (II, с. 22, 23) Императоръ Нестору, предпринявъ наидухъ Варяговъ въ Скандинавскія, критикъ уже не могъ понять географическаго указанія ихъ страны, и посадилъ ихъ... въ море. Да, въ море; дружное мѣста имъ уже не осталось на землѣ. Прислушайтесь внимательнѣе. По мнѣнію изыскателя, географическое указаніе Нестора «показываетъ маловажную неточность и невнимательность» (II, с. 8). Изъ чего же это видно? Вотъ изъ чего: забывъ о шлезвигскомъ Ангельнѣ, коренной отчизнѣ *Англовъ*, г. Погодиновъ въ Англичанахъ увидѣлъ—*Англичанъ*, жителей Великобританіи (II, 8), хотя Несторъ для отличія называетъ сію послѣднюю древнѣе ея именемъ «Вританія» (I, с. 2) или «Вританья» (с. 7). Сивизинъ рѣкѣ Англовъ, при устьѣхъ Эльбы, съ тою странною Британіею, куда некогда перешла дружина Англовъ, изыскатель пришелъ въ некое затрудненіе отъ земли *Влаховъ* или *Волоховъ*. Если, по указанію Нестора, идти на западъ отъ *Лиховъ* и *Пруссовъ* по сѣрбскому Поморью до земли *Англианской*, а потомъ отъ устьевъ Эльбы идти вверхъ по теченію этой рѣки къ ея истоку, то на самомъ югѣ древней балтійской Сербіи, такъ и наткнешься на чехо-моравскіе члѣны сосѣдей, именованые *Влаховъ* или *Волоховъ*. Но г. Погодиновъ указанію Нестора не послѣдовалъ, Шафарикова «Славянскаго Народонисанія» не развернулъ, и потому настояшникъ *Волоховъ* пресмотрѣлъ, а Несторовскими *Волохами* призналъ *Французовъ!!!* (II, 8—18, 140) Пересадивъ же *Волоховъ* отъ верховья Эльбы и Одера во Францію, изыскатель, разувѣвшись, не зналъ что дѣлать съ *Фрягами*. Желая отвязаться отъ нихъ, онъ объявилъ, что «подъ *Фрягами* *можетъ быть*

разумѣлось *кажде-либо общее названіе* (?!), не означавшее ни Генуэзцевъ, ни Французовъ» (II, с. 18),—тогда какъ слѣдовало только обратиться къ Манассиной летописи (с. 72) или къ нашей Никоновой (V, 180), для убѣжденія въ неосновательности этого предположенія; описанныя тамъ сношенія римскаго папы Льва III съ Фрягами, именно съ Фряжскимъ княземъ Каруломъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что имя Фряговъ вовсе не было «какимъ-либо общимъ названіемъ», а точно означало Франковъ, ибо современникъ папы Льва III «фряжскій князь Карусъ», то есть знаменитый государь Франковъ, Карлъ Великій, не можетъ же быть обращенъ въ мифъ, для подкрѣпленія теоріи нашего ученаго... Запутавшись въ отысканіи земли Англинской и Волошской, авторъ наконецъ впалъ въ противорѣчіе самому себѣ. Признавши въ Варягахъ Скандинавовъ, изыскатель увѣряетъ, что «Варяги, по мнѣнію Нестора (?!), жили по Варяжскому морю, то-есть по Балтійскому и Нѣмецкому морямъ, до Англій и Францій» (II с. 14); а далѣе, именно утверждаетъ, что *варяжская Русь находилась «между Урианами или Норвежцами и Англиями»* (с. 190, 284), забывая, что между Норвегіей и нынѣшней Англіей—не земля, а Нѣмецкое море, между Франціей же и Великобританіей *проливъ*: и такъ приходится Варяго-Руссовъ посадить въ море, и заставить, какъ рыбъ, жить въ водѣ!... Пристрастіемъ къ скандинавоманіи доведенный до необходимости обвинить Несторову летопись въ «маловажной (?) неточности и неосмотрительности», авторъ думаетъ, что «противорѣчіе можно *кажется* разрешить, съ небольшою (?) впрочемъ натяжкой» (II, 8); а между тѣмъ, въ укоръ другимъ, самъ же высказываетъ вполне-основательную мысль: «если есть определенная причина оправдать Нестора, понималъ его иначе,—не лучше ли принять ее, нежели прибѣгать къ такому всеобщему оправданію: онъ-де не имѣлъ яснаго понятія о странахъ» (II, с. 141). Должно искренно сожалѣть, что этого умнаго правила, предложеннаго другимъ изыскателямъ, почтенный Михаилъ Петровичъ не захотѣлъ примѣнить къ собственнымъ изысканіямъ!

Теперь, надбюсю, и самъ г-нъ Погодинъ убѣдится, на чьей сторонѣ правда, кто превратно толкуетъ летопись пре- подобнаго Нестора, набѣгаетъ яснаго смысла у продолжа- телей Несторовыхъ и у арабскихъ писателей, а въ слѣдствіе того, на сколько справедливы рѣзкіе отзывы, въ «Изсѣдова- ніяхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ» о противникахъ Байеро-Шлё- церовой гипотезы. Въ самомъ дѣлѣ, рѣзко выражается Ми- хайлъ Петровичъ! Если вѣрить ему, то всѣ труды гг. Берд- никова, Бодянскаго, Венелина, Каченовскаго, Максимовича, Морозкина, обоихъ Строевыхъ и многихъ другихъ равно уже ничто не стоить. Въ ихъ сочиненіяхъ, по увѣренію г. Погодина, только «поверхностныя, неосновательныя, лож- ныя мнѣнія» (т. I, с. 297), «незначущія придирки и совер- шенное невѣданіе объ исторической литературѣ» (I, 311), «дичь» (I, 332), «фокусъ-покусы» (I, 316), «дѣтская опро- четчивость» (I, 401), «нелѣпости» (I, 363, 405, 406, 417; II, 381), «историческая бѣзсмыслица, которая не можетъ идти далѣе» (I, 407), «безотчетныя толкованія» (I, 412), «ла- биринтъ логомахи» (I, 447), «пустыя мнѣнія» (I, 447), «без- полезное велерѣчіе» (I, 469), «несообразности» (I, 468), «пу- танница» (II, 186), «ученое упрямство» (II, 193), «хитро- сплетенія и схоластическія тонкости» (II, 195), вообще «пустословіе» (II, 213) и тому под. Обо всѣхъ противникахъ системы скандинавизма варяжской Руси, живыхъ и мерт- выхъ, читаемъ у Шлёцера приверженца самыя безпощад- ныя отзывы: не вѣрятъ шлёцеріанамъ,—провозгласилъ въ своихъ «Изсѣдованіяхъ» Михайлъ Петровичъ,—«невѣжи» (I, 99; III, 296), встряпцѣя мельницы (I, 331), «школьники» (I, 331, 362, 347, 454), «крикуны и неучи» (II, 121, 418). По мнѣнію г. Погодина, они «не могутъ окинуть взгля- домъ цѣлаго» (I, 325), «занимаются одними каталогами» (I, 330), * «заводятъ въ лѣсъ и показываютъ дичь» (I, 332), «составляютъ нелѣпыя школы» (I, 325), даже «выдумыва- ютъ мнѣнія и сочиняютъ свидѣтельства» (II, 121). Труды ихъ родились на свѣтъ будто бы «benevolentiae captandae

* Это говоритъ М. П. Погодинъ о П. М. Строевѣ; но его аллюзія на ук-

саянъ», для снисканія благосклонности Каченовскаго (I, 331) «сносятъ на себя признаки разстроеннаго воображенія» (II, 121), заставляютъ «науку гнущаяся мнѣ» (I, 363), возбуждаютъ въ знатекъ негодованіе» (I, 362), и проч. и проч. и проч.

Если бы противники Михаила Петровича въ самомъ дѣлѣ были *таковы*, какъ онъ объявляетъ о нихъ, то онъ совершенно правъ, и скандинавская должна быть принята за истину! Но въ томъ-то и сила, что резкость выраженія и основательное безпристрастіе вовсе не одно и то же; спокойное, хладнокровное опроверженіе противниковъ служило бы вѣрнѣйшимъ свидѣтельствомъ правоты изыскателя, нежели восклицанія, подобныя вышеприведеннымъ. Къ истинному прискорбію должно замѣтить, что характеръ этотъ господствуетъ во всѣхъ трехъ томѣхъ «Исследованій, Замѣчаній и Лекцій». Не только другихъ ученыхъ, но и самого себя изследователь иногда потчуетъ любезными эпитетами; напримѣръ: «такъ рассуждалъ я сначала, бывъ *невозможно* въ первоначальной славянской исторіи, вмѣстѣ со всеми нашими изследователями, старыми и новыми, сказать съ нихъ позволенія» (т I, с. 160).—При такой настроенности духа, не удивительно, что изыскатель перемѣшиваетъ имена писателей, не выкастываетъ въ настоящий смыслъ рѣчи авторовъ, цитуетъ книги на память и оттого иногда указываетъ въ подтвержденіе себя на то, что прямо подрываетъ мнѣнія шлеперіанъ... Къ крайнему прискорбію, все это горькая правда. Представляю доказательства. Извольте выслушать.

Во второмъ томѣ «Исследованій» дважды упоминается

затѣль къ Исторіи Государства Россійскаго дѣйствительно есть ключъ къ великому творенію Карамзина; а 10-лѣтнее археологическое путешествіе въ Россію открыло много важныхъ памятниковъ древности. Почтенный шлеперіанецъ забылъ также, что не Кругъ, а Строевъ открылъ Георгія Амартола, см. «Слов. Сборн.» стр. 142.

о мнѣніяхъ господина *Счастливаго*, который будто бы дополнял гипотезу Максимовича и, подобно ему, выводилъ Руссовъ съ острова Рюгена (стр. VIII и 196). Но господинъ Счастливый не писалъ никакихъ историческихъ изслѣдованій; онъ переводилъ стихи, довольно удачно, польскихъ поэтовъ. О варяжской Руси писалъ вовсе не Счастливый, а Филимонъ Никитичъ Святный. Московскій изслѣдователь съмѣшалъ стихотворца съ историческимъ критикомъ, и труды послѣдняго приписалъ первому. Сочиненіе Святнаго, напечатанное вполнѣ въ 1845 году въ журналъ «Малкъ», состоитъ изъ VI главъ; а г. Погодинъ, не прочитавъ самъ сочиненіе своего противника, положился на Крузе, прочитавшаго только одну первую главу Историко-критическихъ изслѣдованій Святнаго о варяжской Руси. И какой же судъ произнесенъ М. П. Погодинымъ иному Счастливому, то есть Святному: «Крузе разобралъ *всю* (!) его доказательства, и показалъ ихъ неосновательность (!). Прибавлю, что *всю* онъ состоятъ въ естественныхъ или случайныхъ употребленіяхъ именъ, происшедшихъ отъ произвола писателей» (т. II, с. 196)!!! Вотъ легкій способъ опровергать противника, *не читая его произведеній!*—Другой способъ заключается въ *умышленномъ непониманіи настоящаго смысла рѣчи*, «у необузданныхъ Славянъ», по выраженію М. П. Погодина (II, с. 381). Когда вышла брошюра профессора Морошкина о значеніи имени Руссовъ, въ «Москвитинѣхъ» провозглашено, что Морошкинъ превратилъ Славянъ и Руссовъ въ народъ турецкій,—мысль, которую съ торжествомъ опровергъ Михаилъ Петровичъ простымъ заключеніемъ: мы не говоримъ по-турецки, слѣд. мы не Турки. Но мысль Морошкина была вовсе не та; чтобъ уничтожить всякій поводъ къ недоумѣнію и перетолкованію, это мѣсто было *измѣнено*, и когда въ 1842 году явились вполнѣ «Историко-критическія Изслѣдованія О. Л. Морошкина о Руссахъ и Славянахъ», то въ I главѣ втораго отдѣленія, на страницахъ 88 и 89, преподробно объяснено, что «Славяно-Руссы и настоящіе Турки суть два народа совершенно различные, совершенно различнаго происхожденія», хотя араб-

скіе писатели и называли насъ Турками, по замѣчанію ориенталиста-академика; причину-то сего названія и вознамѣрился объяснить Морошкинъ съ своей точки зрѣнія: удачно или нѣтъ его объясненіе, это другое дѣло, подлежащее разбору критики. Но господинъ Погодинъ не обращаетъ вниманія на подлинный смыслъ рѣчи въ книгѣ своего противника; а такъ какъ книга уже не допускаетъ никакого недоумѣнія, то Михаилъ Петровичъ Погодинъ вытаскиваетъ прежнюю брошюрку и попрежнему съ торжествомъ восклицаетъ г-ну Морошкину: «говорите ли вы по-турецки? Нѣтъ! Такъ вы не Турокъ» (т. II, с. 378). Въ другомъ мѣстѣ (с. 210) господинъ Погодинъ увѣряетъ, будто бы Морошкинъ ищетъ «юридическаго родства между Турками и нами», тогда какъ у Морошкина и мысли о томъ не было. Но увидѣвъ у своего противника то, чего нѣтъ, ученый шлецеріанинъ не досмотрѣлъ того, что въ самомъ дѣлѣ есть; такъ на стр. 203 втораго тома «Исслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій» увѣрительно говорится, будто у господина Морошкина, принимающаго нѣсколько Руссей «не сказано, изъ какой же брать намъ себѣ Варяго-Русскаго князя Рюрика», а между тѣмъ въ книгѣ Морошкина очень ясно высказана мысль, что Несторовы варяжскіе руссы были Славяне балтійскіе и жили въ древней Вагріи, нынѣшней Голштиніи (см. въ Историко-критич. Исслѣдованіяхъ *Θ. Л. Морошкина* стр. 50—51 и 111—116). Одерживать такими средствами побѣду надъ необузданными Славянами очень легко. Но у шлецеріанъ есть еще въ запасъ и третье средство, именно: въ *подтвержденіе* своихъ гипотезъ, они иногда цитуютъ (на память, безъ указанія страницъ) то, что явно *ниспровергаетъ* ихъ неосновательныя предположенія, и потомъ съмѣло провозглашаютъ побѣду... Вотъ и доказательство.

Во второмъ же томѣ «Исслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій», на страницахъ 189 и 198, мысль о славянствѣ Варяговъ, какъ балтійскихъ Поморянъ, называется «несправедливою и произвольною», по той будто бы причинѣ, что Вагрии и

прочіе Поморяне были *Ляхи*, а Несторъ указывалъ варяжскую Русь *на западъ отъ Ляховъ*. «Почему думаетъ Максимовичъ, что Вагры, Вильцы и прочіе не Ляхи? спрашиваетъ М. П. Погодинъ. «Всѣ славянскія за Поморьями племена, и Вильцы и Вагры и прочіе *старо* причислялись къ *Ляхамъ*; это согласно съ исторіей разселенія племень (?) «и съ новѣйшими изслѣдованіями *Шафарика*, по остаткамъ «ихъ нарѣчій» (II, 189). А новѣйшія-то изслѣдованія *Шафарика* и доказали совершенную невѣрность этой классификаціи языковъ и несогласіе прежней гипотезы съ лингвистикой. Разверните «Славянское Народописаніе» *Шафарика*, переведенное О. М. Бодяцкимъ; на страницѣ 59, тамъ говорится, что «рѣчь *Лужицко-Сербская*, простиралась прежде по цѣлой родинѣ *Полабскихъ Сербовъ*, отъ *Салы* черезъ *Лабу* (Эльбу) къ самой *Одрѣ*, то есть въ *Машині*, *Лужицахъ* (*Лузаціи*) и *сѣвѣмноу краѣ*». Этотъ лингвистическій выводъ *Шафарика* вполне согласенъ и съ фактами историческими. *Бѣльскій* именно называлъ *Сербіей* или *Сырбіей* не только *Мишнью*, но также *Мекленбургъ* и *Поморье за Одеромъ*. *Познаньскій* князь *Премиславъ II* женился на *Людгардѣ*, княжнѣ *морской*; и польскіе писатели именовали ее княжной *сербской*. Это было извѣстно и нашимъ древнимъ летописцамъ; во II томѣ «Полнаго Собранія Русскихъ летописей», изд. археографическою комиссіею, читаемъ на страницѣ 227, что супруга *Премислава* польскаго, «княгиня *Лукерья*, бѣ рода князей *Сербскихъ*, съ *Кашубъ*, отъ *Поморія Варякаго*, отъ *Стараго-града* за *Гданскомъ*» (*Данцигомъ*). Не зная этихъ фактовъ не могъ *Московскій* ученый: свидѣтельства *Бѣльскаго* и другихъ польскихъ писателей есть и у *Бандтке*, (т. I, с. 28), а его *Польскую Исторію* разбиралъ въ «*Телескопѣ*» (1831) самъ же М. П. Погодинъ; важное свидѣтельство русскихъ летописей о *балтійской Сербіи* или *варяжскомъ Поморьѣ* явилось, но безъ всякаго вывода, въ дополненіи къ «*Изслѣдованіямъ, Замѣч. и Лекц.*» (т. II, с. 415). Это важное согласіе фактовъ лингвистики съ свидѣтельствами польскими и русскими даетъ теперь возможность исправить пунктуацию одного доселѣ неправильно

читаемого места въ Несторовой летописи. Превосходный летописецъ рассказываетъ, что послѣ покоренія Дунайской земли Римлянами при императора Августа тамъшніе Славяне, оставшіеся родины, удалились къ единовременнѣмъ, а одни изъ нихъ, которые пришли къ Ляхамъ, тѣ прозвались *Ляхи*, — (подобно какъ отъ Ляховъ и вислинскіе Поляне назвались *Ляхами*); другіе *Славяне* удалились къ *Лутичамъ* и прозвались *Лутичи*; иные къ *Мазурамъ* или *Мазовшанамъ* и прозвались *Мазовшане*; иные ушли же инашамъ у *Поморанъ* и потому прозвались *Поморане*. Вотъ подлинный текстъ Нестора: «Славяне ои пришедше съдоша на Висль и прозвашася *Ляхове* (а отъ тѣхъ *Ляховъ* прозвашася *Поляне* — *Ляхове*), *друзии* — *Лутичи*, *ини* — *Мазовшане*, или *Поморяне*» (I, с. 3). Московскій ученый не догадался объ истинномъ чтеніи этого мѣста Несторовой летописи. Онъ читалъ по-прежнему: «*Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, или Поморяне*», (II, 198, 388), и такимъ способомъ неправильно далъ Нестору совсѣмъ другой смыслъ, превратилъ и *Лутичей* и *Поморанъ* въ *Ляховъ*. Напротивъ, предложенное мною чтеніе, правильное грамматически, восстанавливаетъ согласіе между Несторомъ и его продолжателемъ, Арабами, польскими историками и фактами лингвистики, которые все приводятъ къ тому убѣжденію, что наши *Варяго-Руссы* были обитатели варяжскаго *Поморья*, следовательно — *балтійскіе Сербы*; жившіе въ самомъ дѣль на западъ отъ *Ляховъ* и *Пруссовъ* до шлезвигскаго *Ангельна*, а на югъ до истоковъ *Эльбы* и *Одера*, какъ утверждалъ нашъ древнѣйшій бытописатель. Тамъ-то, въ свидѣтельство истинны, и доннынѣ уцѣлѣли живыя доказательства: близъ устья *Эльбы*, недалеко отъ *Ангельна*, остатки некогда густошественнаго сербскаго народа, *Сербы-Древане*; близъ верховья *Эльбы* и *Одера*, отрасль чехо-моравскаго народа, *Влахы* или *Волохи*.

* Подробности этого событія см. въ «Славянскомъ Сборникѣ» стр. 234—239. Причина же, по которой въ этомъ мѣстѣ летописи *Итальянцы* названы *Волжанами*, основательно объяснена Святлинъ.

На Варяги или именованные при-балтійскіе Сербы именованные владыки и на восточных берегахъ Балтійскаго (Варяжскаго) моря: «не сему же морю съдять Варязи сѣмь ко востоку до предѣла Симова,» говоритъ преподобный Несторъ во началѣ своей летописи (стр. 2). Предѣломъ Симовымъ считалась Волга, естественная граница между азіатскими народами, происшедшими отъ Сима, и европейскими потоками Иаста: «Волга идетъ на востокъ въ часть Симова,» писалъ Несторъ. На Волгѣ владычествовали надъ турецкими и финскими или чудскими племенами Болгары, восточная отрасль нашего русскаго народа, что засвидѣствовано арабскими писателями, которые положительнo удостовѣряютъ насъ въ славянствѣ Владавцевъ болгарскихъ и въ сходствѣ правовъ, обычаевъ и языка у Болгаръ и у Русскихъ. И такъ владыкія Варяговъ на восточной сторонѣ Балтійскаго моря, по свидѣтельству Нестора, простиралась до державы болгарскаго Владавца; слѣдственно, охватывала земли ильменскихъ Словенъ, до истоковъ Волги. Отсюда объясняется свидѣтельство нашей древнѣйшей летописи: «ти суть людье Ноугородци отъ рода Варяжска, преже бѣ бѣша Словѣни» (стр. 9). Въ I вѣкъ христіанской вѣры, когда Апостолъ Андрей Первозванный пришелъ въ землю ильменскихъ Словенъ, Новгорода еще не было; это ясно изъ разсказа Несторова (с. 4). Основаніе этого, впоследствии столь знаменитаго города, должно относиться къ такъ-называемой Готской эпохѣ, когда въ нашей западной Руси утвердились тѣ воинственныя при-Балтійцы, которые наводили ужасъ на древній Римъ....

Превосходныя изслѣдованія шведскаго ученаго Иакова Гробера совершенно уничтожили ложное мнѣніе, будто бы сильныя Gutones или Gothi вышли изъ Скандинавіи; остроумная вывадка его, основанная на соображеніяхъ зрѣлой исторической логики, привели къ убѣжденію, что Gutones истреблены обитали на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря *;

* Переводъ съ итальянскаго Гроберговыми немецкаго, столь важнаго и для нашей древней исторіи, пошлѣнаго А. В. Александровичемъ въ «Славян. Отечества» 1832, № 8.

а «восточная часть Германіи съ давнѣйшихъ временъ, то-есть сколько намъ извѣстно изъ исторіи, была населена *Славянами*,» пишетъ Шлёцеръ *. «Великіе успѣхи, дѣлаемые теперь изученіемъ Славянской Исторіи,» писалъ онъ, «скоро совсѣмъ истребятъ старинное всеобщее мнѣніе, будто сіи Германскіе Славяне пришли только тогда, когда будто бы вышли настоящіе Нѣмцы, жившіе до того въ ихъ земляхъ; въ Мекленбургъ, Помераніи, Лаузицъ и прочихъ странахъ никогда не было Нѣмцевъ прежде Ободритовъ, Поморянъ, Сербовъ, тамъ жившихъ: оци суть *старожилы своихъ земель* въ разсудительномъ значеніи.» Кто же, свидѣственно, были многочисленныя Gutones, которыхъ видѣлъ на балтійскомъ Поморьѣ славный марсельскій уроженецъ Пливеасъ, за три вѣка предъ Р. X.? Ясно, что Сербы (Сирбы, Сорбы), издревле занимавшіе весь обширный Куть (уголь) образуемый Лабюю и Одрою, отчего и называли себя по мѣсту жительства Полабами, Ободричами, Поморянами и проч., а вообще *Кутичами* или *Кутинцами*. Это-то мѣстное имя прибалтійскихъ Сербовъ и было измѣнено иноземцами въ Culo-nes, Gutones, Gytones, Gotones, Kothini, Koteni, Kotensij, а позднѣйшими писателями сокращено въ Gothi **. Во второмъ вѣкѣ нашего христіанскаго лѣтосчисленія начинается раздвиженіе владѣній этого народа, съ одной стороны по свейской землѣ, а съ другой по Двинѣ на нашу Русь. Будучи отличными мореходами, владѣя обширнымъ флотомъ, поморскіе Славяне (Venedi, Morini) по свидѣтельству Юлія Цезаря превосходившіе всѣхъ народовъ въ искусствѣ мореплаванія, утвердили свою власть надъ южною землею Свеевъ, и вотъ на выспѣ *** и юго-восточной Швеціи является

* Шлёцеровъ «Исторія», перев. Д. И. Языкова, часть II, стр. 423 и слѣд.

** Смію думать, что предложенное мною объясненіе имени этого народа ивзветъ на своей сторонѣ наиболѣе вѣроятности. Подробности смотрите въ «Славянскомъ Сборникѣ» стр. 198—218, 223—229 и 280—303.

*** Вузра—по польски и сербо-поморски—островъ, то-есть земля выспра выдававшаяся изъ морской бездны. Впослѣдствіи, когда Свей отняла у Славянъ этотъ островъ, то назвали его имя въ Wuzbu. Память о владѣнцѣхъ обитателей сербскаго Кута сохранилась надъ этимъ островомъ въ имени Goth-land.

со втораго вѣка имя Кутинцевъ, измѣненное на нѣмецкій ладъ (g ви. k). Въ то же время Балтійское море, Висла и Западная Двина открываютъ бранноноснымъ Поморьянамъ путь въ нашу Русь; поднявшись до Двинѣ, они спускаются внизъ по Днѣпру и проникаютъ до береговъ Босфора и Донской Алави. Это происходило во второмъ вѣкѣ, и вотъ, въ то время когда по однимъ писателямъ *Cutones*, *Gutones*, *Kotensī*, *Gothi*, проникаютъ до самого Дона, Плиніи (VI, 7) и Птоломей (V, 9) указываютъ намъ въ предѣлахъ древняго босфорскаго царства народъ *Serbi*,—между тѣмъ какъ Аммианъ Марцеллинъ прямо называетъ этихъ враговъ Рима и Руси *Servingi* или (по саксонскому выговору, измѣняющему s на t) *Therwingi*.

Такимъ образомъ, для каждаго безпристрастнаго изыскателя исторической истины становится очевиднымъ, что у насъ во II-мъ вѣкѣ, въ III и IV, дѣйствовали не иные кто, какъ единоплеменные намъ кутные Сербы, распространившіеся по нашей землѣ изъ своего при-балтійскаго Кута. Понявъ того никому не покажемся удивительнымъ, что писатели среднихъ вѣковъ находили сходство въ языкѣ и нравахъ у этихъ *Goth'овъ* съ дунайскими Словенами. Такъ въ VI вѣкѣ Прокопій именно утверждалъ (во 2 главѣ I книги), что Кранскіе туземцы (*υτλαιδες*), то-есть природные Словенцы, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, какъ и Готы, поселившіеся въ Мизіи (нынѣшней Босніи и Сербіи), и Вандалы, утвердившіеся въ сѣверной Африкѣ; «однимъ у всѣхъ языкъ, называемый готскимъ,» прибавляетъ онъ въ заключеніе, объяснивъ выше, что всѣ эти народы ничѣмъ инымъ не отличаются другъ отъ друга какъ только наименованіями. Вотъ почему жителямъ Далматіи, населенной Словенцами, усвоено было имя *Gothi*, съ того времени, когда въ Далматіи утвердились Сербы. Такъ Ома архидіаконъ въ исторіи города Салона (*Hist. Salonitana*, с. VII) прямо говоритъ, что тамошние Далматы отъ многихъ называются *Gothi*, хотя собственное имя ихъ тѣмъ не менѣе есть Словенцы: *Gothi a pluribus dicebantur, et nihilominus Sclavi sunt secundum proprietatem nominis*. Самъ онъ также назы-

иметь Далматію земель Словенской (Sclavonia), а жителей ея, то-есть Словенцевъ, Готыя (сар. XVI ст.). Въѣзъ пошему на салонскомъ соборѣ, въ члвочнѣ XI вѣка, ливанское дуче-венство Далматин и Хорватин или Крещан, запреша Бого-служеніе на туземномъ языкѣ словенскомъ, ижевалъ тогдаш-ни писъвенана (liberac Gothicac) лобуку, ижебрътешнуло Ка-риллель и Меодіель, и утверди будже бы Меодій пи-саль не-чотски на съвенъ словенскомъ языкѣ (in unquam Sla-voica lingua) много противъ римско-католической ари-Мало-по-малу, съ уничтоженіемъ словенскаго Богослуженія въ Далматин и Крещан, вытѣснилось чия Gothi изъ писъ-меннаго употребленія и оставалось только у однихъ слави-нившихся Далматовъ и Хорватовъ для ручательства, въ значенія схизматика, еретика, но все же Словенца, какъ засвидѣтельствовало въ XV вѣкѣ Туберони (Comment. I, 6), справедливо утверждавший, что Словене и Готы одною народнаго происхожденія: Sclavemos et Gothos eandem esse nationem.

И такъ, всѣ историческія свѣдѣтельства средних вѣковъ убѣждаютъ, что Gothi, «единоплеменные краинскихъ и да-литскихъ Словенцевъ», были также Славяне, именно кут-ные Сербы, исконные обитатели Куга между Лабой и Од-рой, распространившіеся по всему Поморью до Гданска (Данцига). После того становится понятна причина, поче-му польскій король Болеславъ Храбрый, когда завоевалъ у Сербовъ гданское Поморье, то принялъ титулъ короля гот-скаго Rex Gothorum. Такое было общее званіе всѣхъ славянскихъ писателей до половины прошлаго вѣка *.

* Наперекоръ этому народному убѣжденію всѣхъ Славянъ, германскіе и скандинавскіе археологи минушаго вѣка объявили Guton'овъ или Goth'овъ народомъ тевтонскаго племени. Доводы ихъ опирались единственно на Co-dekagitionis, который хранится въ Уксалѣ и приписывается Валенту. Это пергаменная рукопись славяно-латинскаго текста, на которой сарбраними буквами напер-таны древній ивнечкій переводъ Четверо-Евангелія. Она издревле находилась въ Вестеалин, въ верленскомъ аббатствѣ; во время же тридцатилѣтней войны перенесена въ Прагу, здѣсь досталась Шведамъ, отпрелена ими въ Стокгольмъ, вложено въ графовъ Далмидин надпрона ундальскому университету, гдѣ и хранится доселѣ. Этотъ древній ивнечкій переводъ Нового За-

Узнавъ, кого должно разуметь подъ именемъ *Gutones, Gethones, Kethensii*, позднѣе *Gothi*, мы найдемъ, какой народъ утверждалъ

это было нѣсколько разъ издаваемо и объяснено. Въ исходѣ прошлаго вѣка и въ вышнемъ столѣтїи найдена значительная часть послѣдїи Авостола Павла. Одинъ изъ многихъ ученыхъ противниковъ, г. Силосскїй компетентъ въ журналѣ Мин. Нар. Просв. (1841, № 12) нѣсколько отрывковъ изъ этого древне-нѣмецкаго перевода Нового Забѣта, и не найдя въ немъ ничего славянскаго, заключалъ, что языкъ Гетеовъ былъ не славянской, ибо сучетые мужи Европы не полагали, будтѣ переводъ сей сдѣланъ неизвестно гдѣ и неизвѣстно когда, но приписывали его Ульенгѣ, епископу готескому, и относили къ 360 году по Р. Х. (отд. II, стр. 169), и даже Фридрихъ Шлетель не сомнѣвался въ подлинности Ульенгова перевода Библии (с. 172). Но мало ли въ чемъ не сомнѣвались ученые мужи Европы, и что однако изъ послѣдствїи оказывалось поприимчивѣе, должнѣе? Догадки, не подкрѣпленныя доказательствами, не могутъ быть вмазаны за истины, за истинныя, не требующія доказательства; а гдѣ же доказательство предположено, что этотъ древне-нѣмецкїй переводъ Нового Забѣта дѣйствительно принадлежатъ готескому епископу Ульенгѣ? Можно ли допустить слагавшаго такое рода: I. Въ Восточной, оставленной части древней Саксонїи, гдѣ ишла и была Готскъ, хранился древне-нѣмецкїй переводъ Нового Забѣта; II, рукопись эта отнесена къ девятому вѣку; III, сдѣлано, это и есть переводъ Св. Писанїи, совершенный Ульенгомъ въ четвертомъ вѣкѣ, для народа, жившаго въ Сербїи, Веспїи, Крессїи и Далмаціи? При такой очевидной несправедливости слагавшаго, построенаго г. Силосскимъ, гораздо основательнѣе разжукать на оборотъ, а именно: такъ какъ всѣ сдѣланныя сраженїя обжовъ убѣждаютъ, что *Gothi* были одноименники кривоскихъ и далматскихъ Словенъ, то и языкъ *Gothi* былъ однимъ изъ языковъ славянскихъ, а отнюдь не нѣмецкихъ; следовательно и древне-нѣмецкїй *Содѣх* готескъ не имѣетъ никакого отношенїя къ *Gothi*амъ, никогда не бывавшимъ въ саксонской Восточной, зело такъ какъ не принадлежать *Gothi*амъ такъ названнымъ готескимъ землямъ въ Германїи, Франціи, Англіи. Какъ основательно построїту готескихъ землей, варяжскаго собора Богоматери или лондонскаго епископства аббатства, принадлежать дунайскимъ *Gothi*амъ, не бывавшимъ ни въ Варшавѣ ни въ Лондонѣ; такъ точно несправедливо саксонскую рукопись IX вѣка приписывать дунайскому епископу IV вѣка, а изъ славянскихъ одноименникамъ кривоскихъ и далматскихъ Словенъ, «Сербїи и Хорватїи называть нѣмецкїй (саксонскїй) языкъ, и Сербъ Ульенгу превращать въ Саксовца, забывая, что даже самое имя Ульенга встрѣчается не у Саксовцевъ, а у Сербовъ. Такъ напримѣръ, когда пана Александръ II (1061—1073) приказалъ запечатать въ Далмаціи и Крессїи всѣ церкви, въ которыхъ отправлялось Богослуженїе на славянскомъ языкѣ, ревностнѣйшимъ защитникомъ славянскїи литургїи, явился сербскїй священникъ Ульенга, о дѣйствїяхъ и страданїи котораго упоминается на 77 и 78 страницахъ «Исторїи церковной христіанской церкви у Славянъ», Магдебскаго, переведенной О Явнскимъ (Варшава, 1840).

ся въ нашей западной или дѣйпривской Руси, и потомъ устремился на сѣверъ, гдѣ покорилъ эстонскую Чудь (Thuidos),

Но что же слѣдуетъ заключить о Серебряномъ Кодексѣ, отчизна котораго была саксонская Вестфалія? Не перепрыгивая изъ предѣловъ Саксоніи въ сербскія земли, съ рейнскихъ береговъ на Дунай, обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: дополнительныя части Серебрянаго Кодекса, заключающія въ себѣ большую часть посланій Апостола Павла, относятся къ IX вѣку, какъ полагаютъ ученые, а съ ними и г. Смѣловскій. Если это справедливо, то появленіе перевода Новаго Завета на древне-нѣмецкомъ языкѣ въ саксонской Вестфаліи, становится какъ нельзя понятнѣе; ибо IX вѣкъ былъ дѣйствительно эпохою для саксонскаго или сѣверно-нѣмецкаго языка: подъ покровительствомъ англо-саксонскаго короля Альфрета Великаго (871—901) процвѣла цѣлая литература, какъ говоритъ Фридрихъ Шлегель. На языкѣ саксонскомъ явилось множество стихотворныхъ и прозаическихъ сочиненій, даже ученыхъ трактатовъ; любовь къ поэзіи обнаружилась нѣсколькими опытами — наложить Христіанство въ писаніяхъ, и Священное Писаніе облечь въ поэтическую форму повѣствованія; творенія этого рода появились у Саксоновъ, въ Англіи и въ Германіи труднаго Отерида (Ист. древн. и нов. литтер. I, стр. 290, 313). — Если перелагали св. писаніе въ стихи, то неужели не заботились о настоящемъ переводѣ Новаго Завета? — Тогда римская церковь еще не заключилась въ тѣсныя предѣлы одной латыни; слѣд. переводъ съ греческаго подлинника на языкъ народный былъ очень возможенъ для саксонской части Рима. — Нѣсколько славянскихъ словъ, встречаемыхъ въ этомъ переводѣ, объясняются также очень легко и понятно, безъ путешествія на Дунай. Саксоны въ Ангеліи сошдвали съ Славянами, именно съ балтійскими Сербами, отъ которыхъ заимствовали судъ прясльныхъ, общую поруку и нѣкоторые другія учрежденія, совершенно чуждыя, нѣмецкому праву, какъ доказали позднѣйшія изслѣдованія юристовъ.

Другой ученый противникъ мой, П. Г. Бутковъ, указалъ на свидѣтельство Рубрукиса, Барбаро и Бусбека, что поселившіеся въ Крыму Готы говорили по-нѣмецки (Оборона лѣт., прим. 47). На это не лишнимъ считаю замѣтить, что Барбаро удостовѣрился въ томъ — какъ самъ пишетъ — отъ слугъ-Нѣмца, который свободно объяснялся съ нимъ на природномъ языкѣ своемъ, и они хорошо понимали другъ друга. (Библиот. иностр. писат. о Россіи, I, 85); но Бекманъ, основываясь на Гакетъ, доказалъ, что Барбаро видѣлъ не Нѣмцевъ, а Берсеръ, издревле обитавшихъ въ Крыму, а тѣ, которыхъ слышалъ Бусбекъ въ Константинополѣ говорящими по-нѣмецки, были также Жиды, изгнанные изъ Венгріи и Польши. (Beckman. Lit. der alt. Reisebeschrt., p. 179). И такъ, о языкѣ крымскихъ Готовъ свидѣтельства Барбаро и Бусбека не могутъ быть признаны достаточными для рѣшенія спора. Впрочемъ, если бы даже и были впоследствии представлены неопровержимыя свидѣтельства, что эти крымскіе Готы говорили по нѣмецки, то и тутъ вопросъ о языкѣ дунайскихъ Готовъ, для которыхъ переведено Ульфиллою священное писаніе, не могъ бы считаться рѣшеннымъ; ибо поселившіеся въ Тавриду въ четырехъ селеніяхъ Готы Тетракситы составляли особую, очень вѣдательную часть

Словенскій Новгородъ (Novago...), близозерскую Везь (Vasina), ростовскую Мерю (Mergen) и Мордву (Morden-zimnis). Такимъ образомъ въ рассказъ Иорнанда отъяняется нашъ сѣверно-русскій союзъ, состоявшій именно изъ Новгородцевъ, Веси, Мери, Кривичей и Чуди. Приближеніе къ берегамъ Волги произвело войну между Балтійцами и обитателями Волги, Болгарами, извѣстными подъ именемъ Унновъ. Донскіе Алане и дитировскіе Русины пристали къ своимъ восточнымъ братьямъ; кровопролитное сраженіе на Двѣстрѣ (prope Danastri margines) въ 369 году, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, потрясло могущество Сервинговъ или по саксонскому выговору Therving'овъ. Возстаніе туземцевъ не только не было потушено трагическою кончиною князя Божя, пригвожденнаго ко кресту, но еще, болѣе раздражило двѣпровскую Русь противъ жестокости за-балтійскихъ выходцевъ; отдѣленные отъ своихъ единоземцевъ, дѣйствовавшихъ на сѣверъ, они не устояли противу стремительнаго напора сыновъ Дона и Волги, предводимыхъ грознымъ Велеміромъ, и наконецъ принуждены были искать убѣжища въ предѣлахъ Восточной Римской имперіи, за Дунаемъ, гдѣ впоследствии и основали самобытное государство *сербское*.

Что стало съ ихъ сѣверными единоплеменниками, обладателями Новгорода (Novago), Веси (Vasina), Мери (Mergen) и Чуди (Thuidos)—Иорнадъ и Марцеллинъ умалчиваютъ, занимаясь исключительно отношеніями новопривывшихъ въ римскую имперію иноземцевъ. Но покореніе Литвы, совершенное въ половинѣ IV вѣка, тогда еще сильнымъ Ярманомъ, соединяло сербское Поморье съ нашею подвиנסкою или кривичскою Русью, съ землею ильменскихъ Словенъ и дальнѣйшими сѣверными странами. Дружинамъ, стоявшимъ въ этихъ земляхъ, Западная Двина всегда представляла безопасный путь сообщенія съ поморскими единоплеменниками, *варяжскими* обь-онь-поль моря, и сербскій

пришедшихъ съ Поморья завоевателей. По свидѣтельству Прокоція, число ихъ простиралось до 3,000 человекъ. А что Саксоны были вѣкогда друзьями полабскихъ Сербовъ и участвовали въ ихъ походахъ, представлено у меня доказательствомъ въ «Славянскомъ Сборникѣ» стр. 208—212.

мечъ (сирѣчь) всегда могъ предсказать и отразить удары противниковъ *. И вотъ, въ нашей древнѣйшей лѣтописной книгѣ дошедшее до Нестора преданіе, что «князю дань Варяги изъ Заморья на Чуди, и на Словенехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичехъ» (Поли. Собр. Рус. Лѣт. I, с. 8). Когда впервые начали именованные Поморяне платить дань съ северной Руси, до Нестора не дошло свидѣній, и дань эту онъ представляетъ какъ дѣло бывавшее съ-надавна. За то Нестора намъ дополнилъ Юрнандъ, подверженный соображеніями исторической критики, на основаніи законовъ логической вѣроятности и естественности. Въ Юрнандѣ находимъ начало, а въ Несторѣ окончаніе событія—воскресаетъ *періодъ владычества Меченосныхъ Заморцовъ или Варяговъ*, изгнавшихъ которыхъ начинается новый періодъ бытія нашей Руси.

Гдѣ находилось собственно *Варяжское Поморье*, намъ уже открыли и Несторъ и его продолжатель и арабскіе писатели. Несторъ указалъ варяжскую землю на западъ отъ Лиховъ и Прусовъ, а продолжатель его подтверждаетъ это, и прямо говоритъ, что варяжское Поморье есть земля сербская, начинающаяся на западъ отъ Гданска и Старграда; западный предѣлъ воинственныхъ Варяговъ-Славянъ, славянъ-инокъ изъ всѣхъ славянскихъ народовъ (по сказанію Арабовъ), достигая до земли англійской, или Ангельна, оканчивался слѣдственно родиною древянскихъ Сербовъ при устьяхъ Лабы (Эльбы); на югъ варяжская земля союдала съ лехо-моравскими Волоками, почти тамъ же, гдѣ и до нынѣ граница лужицкихъ Сербовъ. Въ половинѣ IX вѣка эта балтійская Сербъ была раздѣлена между многими владѣльцами; поэтому, когда междоусобіа внушили Новгородцамъ мысль «поискать собі князя, иже бы володѣль нами и судилъ по праву», они могли найти такого властителя среди одиноко-земныхъ поклонниковъ Перуна, въ сербской меченосной Руси. Такимъ-то образомъ призваны князья «валечныхъ Русовъ» изъ Руси, отъ Поморья балтійскаго альбо нѣмецкаго собран-

* Отсюда объясняется и значеніе имени *Варяговъ* и славяно-поморскаго слова *варягы*, въ которомъ заключается то же самое понятіе что и въ нашемъ словѣ мечъ, какъ орудія мстущихъ удары на враговъ.

ныхъ, на выржевію славяно Богдана Хмельницкаго *; то были Рюрикъ **, Синаусъ, и Труворъ, Годолубовичи, внуки Ободритоваго князя Витислава (Vitislai regis), отъ старшаго его сына Годолуба (Godelubi), княжившаго у Варгостъ и Ободричанъ, на драгоцѣнномъ извѣстію, сохраненному Адамомъ и Хампниціемъ ***. Ямный соколъ менелаской сербской Русы оставилъ варяжское Поморье и перелетѣвъ ластенкою явился на призывъ Новгородцевъ къ помощи Рускостаробытию....

Какоже была цѣль призванія въ Новгородъ Рюрика и его братьевъ? Вопреки гипотезамъ Миллера и М. П. Погодина, будто бы Новгородцы нуждались въ защитникахъ и потому ишкучась къ скандинавскимъ разбойникамъ, съ голоду бросавшимся на грабежь въ западную Европу (по выраженію Шлёдера), — изъ летописи преподобнаго Нестора мы видимъ, что Новгородцы нуждались не въ защитѣ, а въ нарядѣ, нарушенномъ внутреннею усобицею. Послы новгородскіе сказали Рюрику: «вся земля наша велика и обильна, а охраняеиъ: ней нѣтъ; да поидете княжити и владѣти на-ми». И забравша 3 братья съ роды своими, поидоша по волю свою Русь и придоша; старѣйшій Рюрикъ сяде въ Новуградѣ, а другіи Синаусъ на Бѣлвозарѣ, а третій Избореть Тру-

* Исторія Русовъ или Малой Россіи, Георгія Ковчесскаго, изд. московскимъ историческимъ обществомъ (1846), стр. 73.

** Воробей, ястребъ, у Чеховъ, Поляковъ, и Сербовъ означаетъ особый родъ орниаго, голубаго сокола, accipiter stellaris, falco cyanopus; Koric или Kuric ласточка, hirundo arus. — Слав. Сборникъ, стр. 215, 216, 217. — Замѣчу здѣсь, что братья Тѣлоубовъ, Трагико должны бытъ названы по-русски Дрялко (сокращеніе отъ Драбошира), а не Странникъ (какъ пометачено у меня на 216-й страницѣ) и не Фразикъ, какъ думалъ М. П. Погодинъ (т. II, с. 398).

*** Всенный Энциклопед. Лексиконъ, т. XI, кн. 44, стр. 618. — Очень жаль, что М. П. Погодинъ повѣрилъ неосновательной выходкѣ Байера противъ Латона и Хемниця, которыхъ показанія оправдались теперь совершеннѣе согласенъ съ смѣлѣею мнѣніемъ Нестора, его продолжателя и Архивнаго Wogria, съ нѣмецкій переводъ имени земля Вилкова Луничей, какъ звали Дравскіе Сербы своихъ единоплеменниковъ, обитавшихъ въ области Велетской (нынѣ Голштинія); восточная же часть велетской земли, гдѣ была и столица Велетградъ (Magvorokъ, нынѣ Mesklopungъ), находилась въ зависѣности Ободритовъ, поему и называлась у летописцевъ землю ободритскую,

воръ. Отъ *тѣхъ* прозвася *Руская земля Новгородци*: ти суть людье Ноугородци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни, прибавляетъ Несторъ (т. I, стр. 8, 9). И такъ, земля ильменскихъ Словенъ или Новгородцевъ, уже сочоршенно оваряжившихся въ слѣдствіе прежняго пятивекового владычества Варяговъ (съ половины IV-го вѣка до половины IX), теперь измѣнила свое частное и мѣстное имя на племенное имя Руси, общее и всей нашей землѣ и призванному князю, переселившемуся въ Новгородъ съ *братьями* и съ *роды своими* и *со всею Русью*. Эту мысль Несторъ (т. I, стр. 12) подтверждаетъ далѣе: «а *Словѣнскъ языкъ* (народъ) и *Рускый* одинъ, отъ Варягъ бо» — (которые сами были Славянами изъ Славянъ, по свидѣтельству Арабовъ) — «прозвашася Русью, а перьве бѣша Словѣне; языкъ Словѣнскый бѣ имъ единъ».

Разсмотримъ же языкъ или рѣчь призванныхъ къ намъ Руссовъ, ихъ имена, право или политическія учрежденія и языческія вѣрованія.

М. П. Погодинъ справедливо написалъ: «Варяги-Русь пришли къ намъ съ *своими* законами и обычаями, точно какъ съ *своими* именами, вѣрованіями, своимъ языкомъ, образомъ «дѣйствія» (III, стр. 359). Если бы изслѣдователь вникъ въ подлинный смыслъ Нестора, опредѣлилъ географическіе предѣлы собственно-варяжской земли и слѣдственно узналъ, гдѣ жили и кто были Варяги-Русь, то легко и правильно рѣшилъ бы заданные себѣ вопросы, не прибѣгая къ произвольнымъ догадкамъ, выдаваемымъ за непреложную истину. Не зная же, гдѣ находилась, а слѣд. и къ какому племени принадлежала варяжская Русь, М. П. Погодинъ допустилъ предположеніе, что призванное къ намъ племя «обитало въ *какомъ-нибудь* углу сѣвера или *древней Скандинавіи*» (ч. II, с. 166), и потому принужденъ былъ допустить у насъ существованіе скандинавскаго языка, не засвидѣствованное никакими памятниками. Вліяніе его, по увѣренію сочинителя, «*могло быть* ощутильныхъ отъ IX «до XII столѣтія, отъ пришествія Рюрика съ Варягами-Русью «до Нестора» (II, стр. 89). Эта гипотеза, основанная на

шаткомъ «можетъ быть», далѣе провозглашается уже несомнѣнною истинною. Въ третьемъ томѣ, на страницѣ 354, читаемъ: «Русскій языкъ—норманскій, скандинавскій, которымъ говорили первые князья, ихъ болре, дружина и естъ *«прочіе вылодоцы»*. Такимъ образомъ выдается за чистую истину ивѣнїе, совершенно противоположное положительному свидѣтельству Нестора, что языкъ Варяговъ-Руси и новгородскихъ Словенъ одинъ, свидѣтельству, прямо вытекающему изъ той истины, что «Варенги суть Славяне изъ Славянъ», какъ пишутъ Арабы, и какъ показываетъ самое дѣло. Поэтому-то, утверждая одно, а на дѣлѣ видя другое, изслѣдователь принужденъ былъ по неволѣ выдумать новое предположеніе: «этотъ скандинавскій языкъ впоследствии, *«можетъ быть»* въ 5 или 6 колѣнѣ, когда сообщеніе съ скандинавскимъ сѣверомъ прервалось (?) и Русь совсѣмъ *«ославянилась»*, вышелъ изъ употребленія, уступивъ мѣсто туземнымъ нарѣчіямъ, оставивъ въ нихъ только слабые слѣды» (т. III, с. 354); въ примѣчаніи же предлагается догадка, что этотъ скандинавскій языкъ «у насъ долже держался *«впроятно»* въ Новгородѣ». Такъ-то одно произвольно допущенное предположеніе породило новыя предположенія, столь же произвольныя. «А что скандинавскій языкъ былъ *«въ употребленіи нѣкогда очень много»*, то доказываютъ названія (семь) дивровскихъ пороговъ, сохраненныя императоромъ Константиномъ» (т. III, стр. 354). Вотъ къ чему привели изыскателя эти невѣроятныя *«впроятно»* и *«можетъ быть!»* Семь названій—изъ которыхъ однако жъ три объясненія *«натянуты»*, какъ сознался самъ Михайль Петровичъ на 86 страницѣ втораго тома—приняты за цѣлый языкъ!!! Четыре словечка или, пожалуй, семь словъ (съ тремя натягиваемыми) равны цѣлому языку: это можетъ утверждать только одна пламенная привязанность къ скандинавованію, а не хладнокровное изслѣдованіе истины *. Какъ при подоб-

* Четыре названія, хорошо объяснимыя изъ скандинавскаго языка по увѣренію М. Н. Погодина (т. II, с. 86), столь же легко объясняются изъ славянскихъ нарѣчій, см. «Чароуніе», П. А. Лукашевича стр. 141 и 142. — Вд

номъ разительномъ-нелогическомъ заключеніи не сришно изыскателю ни память глубоко-вѣрныхъ записаніе, высказаннаго самимъ же Михаиломъ Петровичемъ, на 356 страницъ III тома, что «скондства Словенскаго языка съ Финскими и Скандинавскимъ, обблзняютъ языкъ у насъ очень много, и указываютъ только на единство первоначальнаго, предъ-историческаго происхожденія, но не болѣе». Вотъ что правда, тѣ правда. Если бы эти славя пришли на земляхъ М. П. Новгороду, то онъ конечно не сталъ бы на 88 страницъ второго тома придавать скандинавское происхожденіе словамъ балтійскихъ Сербовъ, какъ доказано Н. Г. Бутковымъ въ «Обороня Русской Лѣтописи» (стр. 281; пр. 102); не сталъ бы превращать наши славяно-русскіе Холмогоры (Архан. г.) въ скандинавскій Holmgard, когда несомненно известно, что Голмгардомъ называли Скандинавы нашу Новгородъ; не впалъ бы наконецъ въ такую непонятную односторонность, что даже слова чисто-славянскія, общія почти всемъ славянскимъ народамъ, началъ уже безъ околѣности называть скандинавскими, напр. бояре, люди, муми, огнищане и пр. (т. II, стр. 89).

А какъ легко бы дойти до вѣрныхъ заключеній о языкахъ варяжской Руси, если бы только идти прямо, логически! «Варяги суть Славяне изъ Славянъ, сльд. они говорили по-славянски, языкъ ихъ былъ славянский, по свидетельству Арабовъ. Теперь обратимся къ Нестору и его продолжателямъ; по ихъ свидетельству, варяжская земля есть земля сербскихъ князей, предѣлы которой на западѣ и югѣ соприпадали именно съ границами балтійской Серби, сльд. князя, бояре и воины съ варяжскаго Поворья были Сербъ и говорили по-сербски, понятно для новгородскихъ Словенъ, Веси, Мери и Кривичей *. Выводъ отсюда: языкъ (народы и рать) новгородскихъ Словенъ и балтійско-сербской Рус-

этой книгѣ есть нѣсколько объясненій, очень любопытныхъ для изыскателя славянскихъ древностей, наприм. толкованіе именъ Ulphilas (стр. 49), Hunni (с. 56), Vandni (с. 62) и нѣк. друг.

* На сербскомъ Поворья былъ также Кривичи и Мери, какъ и въ западной вѣковой Руси.

онъ бинтъ, однако — этого вывода становится правдоподобнѣе вачувствованіемъ обоня славянства, и видѣть даже возможность исторически раскрыть филологическую тайну образования нашего Великороссійскаго нарчія, тайну, которой никакъ не могли объяснить послѣдователи-скандинависты, но которая чрезвычайно важна въ исторію нашего языка. Фактъ этотъ указанъ былъ въ 1834 году О. И. Сенковскиймъ. Этотъ ученый съ свойственною ему филологическою проинателъностію замѣтилъ: «всѣмъ ошибаются тѣ, которые относятъ великороссійское нарчіе или нынѣшній русскій языкъ къ восточнымъ славянскимъ нарчіямъ: нашъ языкъ, по кореннымъ своимъ формамъ, принадлежитъ къ западнымъ; только произношеніе его заимствовано изъ восточныхъ нарчій, и оно еще значительно измѣнилось здѣсь на мѣстѣ отъ, вліанія финнизма, то есть такъ сказать растворилось и смягчилось въ сѣверномъ вокализмѣ. Внимательное разсмотрѣніе химическихъ началъ языка обнаруживаетъ удивительное сближеніе расъ и поколѣній въ нынѣшнемъ сѣверномъ славянскомъ народѣ. Даже произношеніе нашего языка не все принадлежитъ такъ называемымъ восточнымъ нарчіямъ: значительная часть его, особенно въ отношеніи къ гласнымъ, взята изъ западныхъ, что доказываетъ, что сѣверные челоуьки произошли отъ смѣси восточнаго и западнаго славянскихъ коленъ» *. Замѣчаніе глубоко-верное, хотя и не объясненное исторически! Филологія прійдя на помощь исторіи, обнаружила настоящій смыслъ Несторова выраженія «суть людьє Ноугородци отъ рода Варяжска, прже бо бѣша Словѣни» (I, с. 9), и соображенія исторической критики о тожествѣ Варяго-Руссовъ съ балтійскими Сербали оправдала важнымъ открытіемъ западно-славянской стихіи въ составъ нашего великорусскаго языка.

Въ самомъ дѣлѣ, филологическія изысканія М. А. Максимовича доказали, что главнымъ отличіемъ нашего русскаго языка по всемъ его нарчіямъ отъ языковъ западно-славянскихъ издревле было полногласіе; но мы Великороссіане

* Библиот. для Чтенія, 1834, т. I, отдѣл. наукъ, стр. 51, прим. 19.

утратили многія коренныя формы; заимствованных сокращенными, то-есть западно-славянскими. Великороссъ не употребляетъ коренныхъ русскихъ формъ: волога, волость, володеть, забороло, морочно, порохъ, соромъ, хоробрый и проч.; но говорить по западно-славянски: влага, власть, владеть, забрало, мрачно, прахъ, срамъ, храбрый и проч. Обитатели русскаго юга, Малороссы и Червонороссы, покажутъ въ своемъ языкѣ также слѣды западно-славянскаго вліянія, въ замѣнѣ звуковъ о, е, звукомъ и, какъ у древнскихъ Сербовъ на Лабь (Эльбъ),—наприм. кистъ вм. кость, ничь 'вм. ночь, пичь вм. печь и проч. Такимъ образомъ филологія указала западно-славянскую стихію въ составѣ нашего языка, а тѣмъ самымъ оправдала Арабовъ, что Варяги, оставившіе по себѣ эту стихію, дѣйствительно были «Славяне изъ Славянъ»; оправдала Нестора, что у Варяго-Руссовъ и новгородскихъ Славянъ «языкъ одинъ»; оправдала продолжателя Несторова, что варяжская Русь была именно «земля Сербскихъ князей». Филологія своимъ образомъ высказала тоже самое, въ чемъ убеждаютъ насъ соображенія здравой исторической критикѣ! Нашествіе западно-славянскаго народа, именно балтійскихъ Сербовъ, и долговременное ихъ господство у насъ на сѣверѣ, выступили сами собою изъ исторіи языка, которою совершенно оправдались выводы исторической логики! Тутъ—скажу словами М. П. Погодина, обращенными имъ къ лицу г. Шегрена—«все ясно, естественно, согласно съ ходомъ вещей, съ извѣстіями летописей. Зачѣмъ же отъ этого *света* «уходить намъ произвольно въ условный *мракъ*, завязывать «узлы и употреблять потѣмъ всю *хитрости* остроумія и учености, чтобъ ихъ развязывать? Мое разсужденіе покажется «поверхностнымъ, въ сравненіи съ глубокимъ изысканіемъ «почтеннаго академика; но для чего *топиться въ глубинѣ*, «если на самой поверхности находятся все нужныя объясненія?» *

* Это писалъ авторъ «Исслѣдованій, Заимчаній и Лекцій о Русской Исторіи» (т. III, стр. 134), дѣльно опровергая гипотезы г-на Шегрена, который

Западно-славянскій элементъ, именно сербо-поморскій, отозвался не только въ языкъ, но и въ прозвищамъ или фамиліамъ, употребляемыхъ у насъ въ Великороссіи. Встрѣчая въ историческихъ памятникахъ среднихъ вѣковъ или въ новейшей исторіи Прусскаго королевства иную мекленбургскую фамилію, подумаешь, что это нашъ какой-нибудь Русакъ. Приведу нѣсколько мекленбургскихъ, то-есть древнихъ сербскихъ велеградскихъ фамилій, съ того варяжскаго Поморья, которое было исконною землею сербскихъ князей, какъ засвидѣтельствовали Несторъ и его продолжатель. Вотъ эти балтійско-сербскія фамиліи изъ Мекленбурга: Барнековъ, Брусевичъ, Буковъ, Бѣловъ (Бюловъ), Варгинъ, Величинъ, Гадовъ, Глазевичъ, Гостковскій, Грабовъ, Грубовъ, Дроздовъ, Душинъ, Дѣвицынъ, Дѣвичъ, Брашинъ, Капиловъ (Капеловъ), Карповъ, Кленовъ, Ковалкинъ (Кавалкинъ), Краковъ, Красевичъ, Лисовъ, Лужковъ, Луковъ, Малховъ, Мальчицкій, Маховъ, Молчанъ, Несуховъ, Палбицкій, Пѣшничъ, Плюсковъ, Помайскій, Росткинъ, Рыбинъ, Рыбеничъ, Рѣпинъ, Сверчковъ, Сѣшковъ, Стославъ, Стукинъ, Суковъ, Сукевичъ, Тарневичъ, Тетеревъ, Хмѣленцинъ, Цѣловъ (Цюловъ), Цѣпелинъ (Чепелинъ), Чарниковъ (Царниковъ), Чернинъ и проч.

Вотъ исторически-извѣстныя фамиліи нашихъ единоплеменниковъ на варяжскомъ Поморьѣ, въ землѣ сербскихъ князей. Послѣ того, для насъ уже понятно будетъ, что значать окончанія на *овъ*, *инъ*, *ичъ* въ именахъ нашихъ пословъ, упоминаемыхъ въ Игоревомъ договорѣ съ Греками, напр. Кояницарь Передславинъ, Праствинъ Турдовъ, Гринъ ($n=0$) Звирьковъ, Каръ Тудковъ, Каршевъ, Вонковъ, Праствинъ Берновъ, Явтягъ Гунаревъ, Алданъ Колъклековъ, Стеги Етоновъ, Алданъ Гудовъ, Мутуръ Утинъ, Сникъ Боричъ. Не привожу всѣхъ именъ, потому-что договоры еще не очищены историко-филологическою критикою; для полного

усиливался отогрнуть древность распространенія русскихъ владѣній по европейскому сѣверу. — М. П. Погодинъ убѣдительно защитилъ всѣми сказаніями нашихъ лѣтописей соображеніями здравой исторической критики.

возстановленія естль, искаженныхъ Греками и перенесенными Нестора, именъ русскихъ пословъ и перебравъ труды такихъ славянисловъ, каковы: О. И. Бодяевскій и Н. И. Орешневскій, которые и вызываю на это прескрасное поприще. Относительно жь пятихъ именъ, не объяснимыхъ ни изъ ка-кого языка, примомни читателямъ умное замѣчаніе Венедина, помѣстившаго любознѣтное наследованіе о славянскихъ именахъ въ I томѣ своихъ Историко-критическихъ изысканій о Болгарахъ (стр. 35—42): «первый и самый простой способъ давать имена лицамъ состоитъ въ выдуманіи словъ или звуковъ, совсѣмъ не относящихся къ словопроизводству и совершенно невразумительныхъ. Такъ ведется въ народѣ, напримѣръ, въ черни у Карпато-Россовъ, гдѣ герольды еще не въ модѣ, найдете имена: Тева, Авьло, Шекмарь, Рушакъ, Малаило, Бургунъ и проч., *рождающіяся и исчезающія вмѣстѣ съ лицами*, и ни изъ какого языка не объяснимыя. Подобное же можно найти и у другихъ Славянскихъ племенъ».

Самое собой разумеется, что незначитъ прибѣгать въ случайныхъ со-звучіяхъ, когда очевиденъ славянскій корень въ собственномъ имени; при словахъ же, общихъ двумъ народамъ, необходимо изслѣдовать, кто у кого заимствовалъ. Но сосѣдству народы часто мѣняются собственными личными именами; поэтому историческая логика, встрѣчая одно имя у Скандинавовъ и у Славянъ, не можетъ рѣшить вопроса о происхожденіи того лица безъ предварительныхъ изслѣдованій географическихъ. — «Норманны и Славяне вѣками жили рядомъ, въ сосѣдствѣ по Балтійскому морю, и въ незапамят-ныя еще времена обмѣнялись многими словами, кои встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ», говоритъ М. П. Погодинъ (т. III, стр. 28—29). Далѣе, на основаніи Гельмольда и Деппинга, онъ признаетъ, что «въ дружинахъ Норманнскихъ всегда было очень много Славянъ; что «флотъ Норманскій, «приплывавшій во Фризію, состоялъ изъ Датчанъ, Норвежцевъ и даже «Ободритовъ», то есть западныхъ Поморянъ сербскихъ; что «въ экспедиціи противъ Англіи 857 года было много Вендоевъ», то-есть тѣхъ же Балтійскихъ Сербовъ. Тутъ же, въ 46 примѣчаніи, изслѣдователь справедливо говоритъ, что «Савини» напрасно вѣсто обмѣна или чаще, въ другихъ случаяхъ, «вѣсто тождества корней, видятъ заѣсъ происхожденіе словъ Славянскихъ «отъ Скандинавскихъ». Зачѣмъ же, послѣ того, самъ авторъ «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій» во II томѣ (68—74) подыскавъ нѣсколько подобозвуч-ныхъ скандинавскихъ именъ, объяснилъ названія имена скандинавскихъ? а въ III томѣ (с. 88) началъ уже положительнѣо утверждать, что Рюрикъ и Олегъ «пришли прямо изъ Скандинавіи», хотя объ этомъ ни у Нестора ни у

М. П. Ногодинъ не рѣшилъ вопроса, *гдѣ именно жили призванные къ намъ Варяги, а потому не могъ дать правильного отвѣта на вопросы, вытекающіе отсюда; а именно: кто они были? какимъ языкомъ говорили? какими законами руководствовались? какую вѣру исповѣдывали? Повернувъ Байеру, что «Варяги жили въ какомъ нибудь углу Скандинавіи» (т. II, с. 166, 318), московскій ученый пошелъ по слѣдамъ его и — отвергнувъ положительныя свидѣтельства географіи, не обративъ должнаго вниманія на вопіющія указанія филологіи — основался на созвучіяхъ, для подкрѣпленія жъ софистическихъ отсюда выводовъ — обратился къ сказкамъ, послѣ чего далъ совершенно превратный смыслъ законамъ, нравамъ и вѣрованіямъ Варяго-Руссовъ: Вотъ какъ повелъ онъ дѣло:*

у кого изъ лѣтописцевъ нѣтъ ни слова... Имя *Рюрикъ* онъ объявлялъ скандинавскимъ потому, что у Скандинавовъ встрѣчаются *Þrögkur, Orík, Rorcs*; но скрылъ то важное обстоятельство, что *корня этому имени нѣтъ въ скандинавскомъ языкѣ, слѣд. оно замѣстозамъ или у балтійскихъ сосѣдствъ, именно у Сербовъ, у которыхъ рорикомъ или рурикомъ называется особая порода ласточекъ.* — Братьямъ Рюриковымъ, *Синусу и Трувору* вовсе нѣтъ надобности подыскивать созвучія въ скандинавскихъ именахъ, *Snio, Signlutr, Stijnst, Sven, Truere, Trigtv*, когда есть Славянскія имена *Трибор, Тредор, а имя Синусъ* легко объясняется существующими у насъ: *Бѣлоусъ, Сивоусъ, Прудусъ.* — Имя *Олегъ* также не есть искаженное скандинавское *Oloiv, Olaf, Helgi*, а правильное славянское, произведенное отъ корня *lotъ, lezv* (по образцу слова: *ноч-легъ*) и сохранилось доселѣ въ уменьшительномъ именѣ словъ: *олешень.* — Сынъ Рюриковъ *Изоргъ* также не нуждался въ искаженіи скандинавскихъ *Ingo, Ingulo, Ingue, Ingwar*, когда у Славянъ есть свое слово *игъ*; отъ него и произведено имя *Изоргъ*, то-есть властитель, несущій иго или бремя правленія. — Сузруга Игоря Рюриковича *Олма* есть женское производное имя отъ мужскаго: *Олюгъ.* — Вотъ всѣ варяжскія имена въ княжескомъ семействѣ! Чистыя славянскія имена *Святославъ, Владиміръ, Роголодъ, Рюшда, Малуша, Звеникъ.* *Люшь* и нѣк. другія, если иногда и употреблялись у Скандинавовъ, все-таки жъ замѣстозамъ или у Славянъ; слѣдственно, если и находимъ въ Скандинавіи эти имена, въ искаженномъ видѣ, то здравая историческая логика не позволитъ изслѣдователю называть Скандинавами людей, носившихъ славянскія имена, бывшихъ притомъ «Славянами изъ Славянъ», по свидѣтельству арабскаго писателя, и пришедшихъ съ сѣвернаго Поморья, или изъ земель Сербскихъ князей, — изъ-за Гдлинска и Старггела, какъ должно намъ продолжателю, предподобнаго Нестора. Еще нѣкоторыя соображенія о собственныхъ именахъ Варяговъ и о русскихъ наданіяхъ дѣйствительныхъ пороговъ см. въ моемъ «Слав. Сборникѣ», стр. XXXII—XXXIV и прим. 527.

Сознавшись въ невѣдѣніи Скандинавами нашего Рюрика, (т. II, с. 135—137), М. П. Погодинъ указалъ на то, что имя Hrogekur, Hogis, Rogek было въ употребленіи у Скандинавовъ, искусно прикрывъ молчаніемъ, что имя это не имѣетъ корня въ скандинавскомъ языкѣ и перешло въ него отъ балтійскихъ Славянъ; признавъ же имя призваннаго нами князя *скандинавскимъ* (II, с. 68), изыскатель обратился къ *повѣстямъ* и *сказкамъ*, въ надеждѣ «отобрать изъ нихъ истину» (II, с. 137), и съ радостію объявилъ, что «теперь мы надѣемся *короче* узнать изъ трудовъ «Общества съверныхъ Антикваріевъ въ Коенгагенъ» эти сказки, въ которыхъ заключается будто бы «наша Исторія за нѣсколько столѣтій до Рюрика» (т. II, с. 137). Почтенный защитникъ Байеровой сагомани не скрылъ впрочемъ, что всѣ эти повѣсти и сказки были уже извѣстны старику Даллину и инымъ писателямъ (иъ.), которыми и представлены въ сокращеніи; скрылъ только одно, именно основательный отзывъ ученаго, который природнымъ благоразуміемъ былъ удержанъ отъ паденія въ сагоманію. Этотъ ученый былъ Шлѣцеръ. Въ I томѣ своего «Нестора» онъ привелъ «Далиновы бредни» (с. 366); показалъ, что «здесь *больше ошибокъ нежели строкъ*» (с. 359), и что исторія нашего Рюрика съ его преемниками «передѣланная на выворотъ, приклеена къ Шведской Исторіи» для доказательства, будто бы «надъ сими царями Шведское королевство имѣло съ древнѣйшихъ временъ право покровительства» (с. 366). Относительно событій до-Рюриковской эпохи, которыя такъ хочется почтенному М. П. Погодину «узнать короче», припомню для почтеннаго московскаго ученаго хладнокровное разсужденіе Шлѣцера: «Что же теперь думать объ Исландскихъ разсказчикахъ, кои говорятъ намъ о короляхъ финляндскихъ, пермскихъ и полоцкихъ, о царяхъ гольмгардскихъ и острогардскихъ, съ которыми датскіе и шведскіе владѣтели вели кровавыя войны и заключали договоры о бракосочетаніяхъ еще до Р. X. и въ послѣдующія столѣтія? Заслуживали ли сіи глупости того, чтобы Байеръ, Миллеръ и Щербатовъ внесли ихъ въ Русскую

Исторію, и рассказывали объ нихъ съ такою важностію, какъ будто объ истинныхъ происшествіяхъ? Все это есть не иное что, какъ лупыя выдумки. Датчанинъ Саксо началъ первый; онъ умеръ въ 1204 году, слѣдственно почти 100 лѣтъ былъ моложе Нестора, а настоящія Исландскія сказки (съ которыми не надобно смѣшивать Сноррровой истинной Хроники) моложе и его. И сіи люди рассказываютъ намъ о происшествіяхъ такихъ земель, въ которыхъ до 1000 года никто не умѣлъ писать; о происшествіяхъ, случившихся до нихъ за 500, 800, даже 1000 лѣтъ, и о которыхъ ничего не говоритъ тутошній житель Несторъ, хотя онъ и всѣхъ ихъ старѣе... Безстыдство выдумщиковъ заставляло молчать критику: они все рассказываютъ такъ подробно, называютъ вездѣ людей и мѣста по именамъ (только берегутся говорить о времени), почему позднѣйшіе ихъ читатели и подумали, что тутъ надобно быть чему-нибудь вѣрному, хотя въ подобныхъ обстоятельствахъ и встрѣчали несообразныя глупости (на пр. о Періи). Не водумайте однакоже, что бы сіи сказочники хотѣли обманывать съ намѣреніемъ; все презрѣніе падаетъ только на тѣхъ, кто имъ вѣритъ. Если бы на первой Лейпцигской ярмаркѣ вышла повѣсть о Хлодовикѣ съ разными анекдотами, и хотя безъ показанія историческихъ источниковъ, но съ бѣльшимъ наблюденіемъ правдоподобія, нежели въ Гаральдовой и прочихъ сказкахъ; то нашелся ли бы въ наше время кто-нибудь, кто принялъ бы эту повѣсть не за рыцарскій романъ?... И такъ, выбросимъ Исландскія бредни изъ всей Русской древнѣйшей Исторіи*.

Величайшая заслуга Шлѣцера заключается въ обличеніи заблужденій Байера, Миллера и Щербатова, которые желали ввести—наперекоръ Нестору—саги или сказки Исландцевъ (Скандинавовъ) въ русскую исторію. Почтенный ав-

* Шлѣцеровъ «Несторъ», пер. Д. И. Языковичъ, ч. I, стр. 52—53. Далѣе, на страницѣ 408, у Шлѣцера представлено доказательство *новѣйшей* подложки этихъ сагъ (сказокъ). Хронологическая повѣрка сагъ, лучше всего доказывающая ихъ недостоверность, представлена у меня въ Славянскомъ Сборникѣ, стр. XXVII—XXX (прим. 39) и CVIII—CXLIV.

горь «Исследований, Замечаний и Леций» хочет возстановить славу Байера, котораго называет *знаменитымъ* (т. II, с. 318), и объявляет, напереноръ Шлэйеру, что «иностранцы источники для древней Русской Исторіи важное место занимаютъ славянскія саги» (т. I, с. 277). Мнѣніе Шлэйера о безполезности славянскихъ сагъ для русской исторіи—по увѣренію М. П. Погодина—*единымъ и твердо опровергнуто* новыми изслѣдователями; надъ сагами «трудились долго, многие ученые, ученые первоклассныя, и которые разобрали ихъ, сравнили, изслѣдовали и объявили «ложь отъ истины» (т. I, с. 458). Все это, съ позволеніемъ сказать, поэтическая гипербола! Противу мнѣній Шлэйера и Карамзина о безполезности сагъ для русской исторіи писали не многіе, а только двое: О. И. Сенковский и П. Г. Бутковъ. Мнѣніе перваго было тогда же опровергнуто С. М. Стровымъ (Скромненкою) и С. П. Русовымъ; усміе же другаго защитника сагъ согласить ихъ съ хронологіею и исторіею оказалось безполезнымъ послѣ опроверженій, представленныхъ мною въ «Славянскомъ Сборникѣ.» Теперь за защиту сагъ оспорились мы—извольте, выслушаемъ ваши доводы.

Вы полагаете, что источники сагъ *древности часто не впамятной* (т. II, с. 277). Но эти мнѣно-впамятныя древности очень сомнительны. Скоро-Стурласовъ именно говоритъ въ началѣ Heimskringla, что *одну часть сказаній свисалъ онъ такъ, какъ слышалъ отъ мудрыхъ мужей, а другую по стариннымъ стихамъ, которыя являсь у людей для препровожденія времени, и прибавилъ: «хоть мы и не знаемъ что въ нихъ правды, но у стариковъ они показались правдивыми».* Тюдольфъ, скальдъ Гаральда Прекрасноволосаго (863—933), при которомъ варяжскіе изгнанники заселили Исландію, *сочинилъ пѣснь* объ Инглингахъ, умноженную потомъ изъ *разказовъ* умныхъ людей; а другой собиратель пѣсней, священникъ Ари, *былъ современникомъ* Олафа (святаго), внука Гаральдова, убитаго въ 1035 году: любозытный и памятливыи Ари «освѣдомлялся отъ свѣдущихъ стариковъ, а пѣсни—приблизилъ» Сорро—ка-

являя мнѣ, насколько не возмнются. если только прощты
 ажно и сощсны разумательно». Въ томъ-то и сила, если
 ящамъ не придетъ охота передѣлывать, измѣнять; а если
 обмануть лукавыи—пу, и прощай *вѣрность*, за которую
 безъ сомнѣннн и не погонятся люди, желатющіе слушать
 асая и рассказы для веселата препровожденія времени,
 а вовсе не для того чтобы изслѣдовать историческую истину
 и опредѣлять степень правдивости рассказовъ. Притомъ же,
 искусная лѣсть и красное слово, а подъ часъ и гипербола,
 всегда сродны повтамъ, даже тогда, когда они говорятъ
 о современныхъ событіяхъ; что жъ, когда имъ приходится
 сочинять о прошедшемъ, для того, чтобы возвеличить пред-
 ность прославлената лица?... Тутъ уже въ *изобрѣщенн* толь-
 ко душа мзру будетъ знать... Вотъ почему благоразуміе
 не позволить хладнокровному Шлѣперову разсужденію и
 заключенію во внутреннемъ недостоинствѣ Исландскихъ
 сказокъ» (Шест. I, с. 426) предпочесть тѣ односторонніа
 повсала сагамъ, которыми увлекся М. Н. Погодинъ. Под-
 авшася увлеченію сагами, —единственнымъ источникомъ
 которыхъ были стннн да изустные рассказы, по слухамъ, —
 онъ забылъ собственныа слова свои, сказанныа имъ въ
 укоръ Н. Я. Надеждину: «въ томъ и задача — *разобрать*
дѣрность преданій и *степень вѣрности*; а до тѣхъ поръ
 можно принимать подобныа показанія къ свѣденію, но не
 алаа *основывать на ннхъ ничего* (т. II, стр. 311).» Что же
 послѣ того значатъ *похвалы* Стрингальна, Гейера и дру-
 тнхъ писателей, старающихся увидать «печатъ историче-
 ской правды» въ сагахъ или сказкахъ, сочиненныхъ лишь
 для того, чтобы веселѣе убить время, по свидетельству са-
 мого Сворро, который впрочемъ и самъ не ручался за
 истину, откровенно сознавшись, что не знаетъ, *правду* ли
 разсказываютъ въ сагахъ. Впрочемъ даже и защитники
 сая проговариваются во многохъ, подтверждаяшемъ Шлѣ-
 перовъ приговоръ сагамъ. «Въ основанн ихъ, были *вѣро-
 ятно* (?) действительныа преданія, какъ ни исполненн
 нн *басень* и *странныхъ похожденій* (!!)», пишетъ Стрин-
 голмъ; а московскій защитникъ сая, приводя одну об-

ширную выписку изъ Стрингольма, въ которой между прочимъ находится это признаніе (т. II, с. 420), не замѣтилъ, что подписалъ приговоръ самому себѣ: потому-что *баснословность* сагъ теперь признается Стрингольмомъ, а достоверность преданія никакъ не можетъ быть доказана однимъ словомъ *впрямую*. Самъ же почтенный М. П. Погодинъ говоритъ по другому случаю: «нужно *изслѣдовать*, а не *рѣшать* опрочетью» (т. I, стр. 286). Самъ же онъ, не примѣчая того, потрясъ мнимую важность сагъ, признавъ, что «Снорро сократилъ и *передѣлывалъ* саги» (т. I, с. 281), что въ нихъ «лабиринтъ частыхъ *противорѣчій*» (I, 282), что «нечего искать въ сагахъ *подробностей обстоятельствъ составляющихъ событіе, частныхъ хронологическихъ, географическихъ, биографическихъ*, болшею частію *невѣрныхъ*» (I, 287).» Такъ въ чемъ же заключается важность сагъ для русской исторіи, когда древніе изустные рассказы въ нихъ передѣланы, и въ лабиринтъ противорѣчій—подробности событій невѣрны, хронологія невѣрна, географія невѣрна, биографическія подробности невѣрны?... «Но *общія черты*: сношенія, переговоры, условія, занятія, военныя дѣла «и проч. имѣютъ *величайшую важность* для русской исторіи, дополняя, объясняя, оживляя наши свѣденія объ этомъ «періодѣ» (I, 287). Тутъ во-первыхъ противорѣчіе самому себѣ, потому-что на предшествующей страницѣ изыскатель призналъ *справедливыми* слова Деппинга, который именно писалъ: «тщетно искать у нихъ годовыхъ чиселъ, *общихъ событій*, происшествій современныхъ и извѣстныхъ». Во-вторыхъ противорѣчіе исторической истинѣ, ибо—не смотря на всѣ увѣренія, будто бы саги подтверждаютъ Несторамъ хладнокровное разсмотрѣніе дѣла обнаружило, что саги противорѣчатъ и Нестору и положительному преданію нашей Православной Церкви, какъ доказано во многихъ мѣстахъ «Славянскаго Сборника», въ особенности жъ на страницахъ XXIX, CXLII и CXLIII. Надѣюсь, что послѣ такого разъясненія дѣла, супруга Ярослава будетъ избавлена отъ сказочной на нее напраслины, принятой и на 472 страницу третьяго тома «Изслѣдованій, Зам. и Лекцій».

Но Михаилъ Петровичъ «Славян. Сборника» не читалъ, а потому не могъ хладнокровно рѣшить споръ относительно достоинства сагъ; однако же, сѣло спросилъ: «въ комъ «есть *человѣчскій смыслъ*, тотъ можетъ ли не дорожить драгоценною Эймундовою Сагою?» (т. III, с. 115). Защитникъ сагъ не довольный тѣмъ, припомнилъ лета покойнаго С. М. Строева и воскликнулъ: «*Наше невѣжество* таково, что «достаточно было *молодому челоуѣку*» (а развѣ молодость Строева преступленіе? развѣ молодой челоуѣкъ не можетъ судить здраво и видѣть разительную противоположность между лѣтописью Нестора и сказкою объ Эймундѣ?) «съ ссылкою «на Маккензи указать на *ничего-незначащія невѣрности* (!) въ « Эймундовой сагѣ, чтобы многіе ученые мужи начали говорить о ней съ осторожностію и удержаніемъ. Не «бѣгтей надо искать, не извѣстій о происшествіяхъ, а *духу, красокъ, общицъ понятій*». А если отместная борьба Ярослава съ братоубійцею Святополкомъ отличалась священнымъ характеромъ, совсѣмъ инымъ, нежели какой, видимъ въ сагѣ, соединившей и Бориса и его убійцу Святополка въ одно небывалое лице мнимаго князя Бурислейфа? Если другая война Ярослава съ племянникомъ, Брячиславомъ Полоцкимъ, началась, продолжалась и окончилась совсѣмъ иначе, нежели какъ описывается въ сагѣ война между Ярислейфомъ и его небывалымъ братомъ Вартилафомъ? Какой же *человѣчскій смыслъ* позволить искать *духу, красокъ, общицъ понятій* Ярославова времени въ сагѣ, смѣшавшей лица и представившей все дѣло на выворотъ, какъ можно удостоверить изъ параллельнаго сличенія лѣтописи Нестора съ Эймундовой сагою въ «Слав. Сборникѣ» (стр. СХХХ—СХLIV). «Эти господа не понимаютъ, что Тысяча и одна «ночь *лучше* знакомить съ Востокомъ, чѣмъ иное отчетливое «изысканіе оріенталиста», говорить въ заключеніе М. П. Погодинъ (т. III, с. 115). Однако жъ, Тысяча и одна ночь навѣкъ еще не включена въ число *важныхъ* источниковъ *Исторіи* Арабскихъ Халифовъ, какъ поступилъ съ сагами авторъ «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи», показавшій на опытѣ, до чего можетъ доводить

такое усиленное искаженіе «духа, красокъ и обихода понятій» Руси въ скандинавскихъ сказкахъ, писавшихъ впрочемъ не для чего иного, какъ для веселаго коротенькаго дмнныкъ северныхъ вечеровъ, по добродушному признанію сего Сморро Стурлезона... Забывъ объ этой существенной цѣли сочиненія сагъ (сказокъ) и принявъ ихъ за основныя источники древней русской исторіи, Московскій ученый въ III томѣ своихъ Исследованій (стр. 102) посадилъ на Полоцкій престолъ конунга Эймунда, наследникомъ его утвердилъ Раинара, а Болгарію заставилъ Ярослава отдать Олаву Норвежскому, — тогда какъ Болгарія никогда не принадлежала Ярославу, а Полоцкій престолъ, отданный Гаввоапостольскимъ Владиміромъ старшему сыну, не выходилъ изъ-подъ власти его потомства; ибо неоспоримо, что въ Полоцкѣ по смерти Изяслава Владиміровича, княжилъ Брячиславъ Изяславичъ, враждовавшій съ дядею Ярославомъ, а передъ кончиною переданный княжене сыну своему, воннственному Всеславу Брячиславичу, который и вступилъ на отчий столъ, независимо отъ Ярослава, въ 1044 году, какъ засвидѣтельствовалъ современникъ ему Преподобный нашъ летописецъ: «въ ое же лето (6552 отъ Соуміра) умре Брячиславъ, сынъ Изяслава, зякуъ Володимерь, отецъ Всеслава, — и Всеславъ, смнъ его, сяде на столъ его» * ... И такъ на дѣлѣ оказывается, что Шейдеръ, Карамзинъ, Руссовъ, Каченовскій и другіе ученые, отвергнушіе достоверность сагъ, правы; что покойный товарищъ мой, С. М. Строевъ, совершенно былъ правъ, не признавая саги за важный источникъ русской исторіи, и называя ихъ только замѣчательными произведеніями словесности обитателей отдаленнаго острова; что напротивъ, совершенно неправъ тотъ, кто обвинялъ другихъ съ немъ-жеставъ и въ отсутствіи человѣческаго смысла за то, что ошибались называть сказки (саги) сказками, а не историческимъ источникомъ, по важности равнымъ съ летописью ** ...

* Полное Собр. Рус. Литоп., т. I, стр. 67.

** Въ послѣднее время присоединилъ къ числу противниковъ сагъ извѣст-

Вотъ гдѣ источникъ всей ошибочной и низшей М. П. Погодина относительно древней Руси: *сагоманиа*! Она-то заставила его не верить Арабамъ, что «Варяги суть Славяне изъ Славоніи»; перетолковать Несторова географическое указаніе Варяжской земли на Балтійскомъ Поморьѣ; не обратить вниманія на свидѣтельство Несторова продолжателя, что Варяжское Поморье есть земля Сербскихъ князей, называющаяся за Гданскомъ; изменить подлинный смыслъ назвѣй древнѣйшей лѣтописи о единствѣ языка Варяжской Руси и Новгородскихъ Словенъ. Сагоманиа заставила Московскаго ученаго пренебречь положительнымъ свидѣтельствомъ лѣтописцевъ, что призваніе Новгородцами Рюрикъ и его братья были именно сыновья князя Годолуба, внуки Сербо-Поморскаго краля Витислава, и принять подъ свое покровительство отвергнутую Шлёцеромъ Гаральдову и Бозеву сказку, въ которой упоминаются имена трехъ свейскихъ (шведскихъ) разбойниковъ, Рёрекра, Сиггенра и Туареса, которые будто жили вѣкъ на берегахъ Улландіи. Почтенный авторъ «Исѣдованій, Замѣчаній и Докцій» обольстился созвучіемъ именъ этихъ свейскихъ разбойниковъ; забылъ свидѣтельство Нестора, что призваніе къ намъ Варяги Русь совсѣмъ другой народъ *неже ли Соеи* (I, стр. 8); забылъ даже собственное признаваніе, что «во всѣхъ извѣстїяхъ, къ тому времени относящихся, *свѣ, Шведе и Русь различаются*» (т. II, стр. 144); припомнилъ замѣчаніе Шлёцера, что эти Шведскіе пираты по времени не имѣютъ никакого отношенія къ эпохѣ нашего Русскаго князя Рюрика, но все таки рѣшился принять сказочныхъ героевъ подъ свою защиту, въ силу будто бы «*сходства именъ, слишкомъ разительнаго (!)* Какой наилучшій критикъ откажется отъ такого *сильнаго доказательства!*» (т. II, стр. 131). И вотъ единственно по изво-

льшій, уважаемый самимъ М. П. Погодинымъ, ученый ориенталистъ и знатокъ отечественныхъ древностей, Е. В. Григорьевъ. Рѣзко, но справедливо о немъ выразился о недостаточности сагъ относительно русской исторіи, въ «Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», т. I, отд. I, стр. 261.

рому сходству именъ, наперекоръ Нестору и хронологіи, Варяжская Русь превращена въ Свейскую землю, Руссы въ Свеевъ, князя въ морскихъ разбойниковъ, жившихъ въ иное время, а Новгородцы приневолены изыскателемъ для водворенія *порядка* въ землѣ великой и обильной—обратиться именно къ нарушителямъ всякаго гражданского порядка! Въ защиту же такого превращенія мѣсть, время, лицъ и политическихъ обстоятельствъ — предлагаются догадки, опирающіяся единственно на личный авторитетъ писателя. Сознавшись, что упоминаемые въ сказкѣ шведскіе разбойники не имѣютъ никакого отношенія къ основателямъ нашего государства, М. П. Погодинъ пишетъ: «впрочемъ въ лѣтосчисленіи сказочникъ (!) «*можетъ ошибиться*» — извольте, допустимъ даже и эту догадку; но изъ чего же слѣдуетъ, что *эти* Свейскіе пираты призваны клязнить въ Новгородъ, когда объ этомъ даже и въ самой сказкѣ-то не говорится? Неужели историческая критика заключается въ подыскиваніи сходства именъ, случайно упоминаемыхъ, и на основаніи такихъ случайныхъ упоминаній мы должны принимать за истину догадки, противорѣчущія здравой логикѣ, географіи и хронологіи? «Для меня это упоминаніе, особенно теперь, *кажется* очень важнымъ; *можетъ быть*, въ этой сагѣ «кроется многое для объясненія происхожденія Рюрика» (т. II, стр. 137). Но неужели такое важное дѣло можетъ быть рѣшено однимъ авторитетомъ изыскателя, безъ всякихъ доказательствъ?

Предложивъ догадки, опирающіяся лишь на *кажется* и *можетъ быть*, М. П. Погодинъ почелъ вопросъ о Рюрикѣ рѣшеннымъ, и въ III томѣ догадку свою уже выдаетъ за неоспоримую истину, утверждая положительно, что Рюрикъ и Олегъ «пришли *прямо изъ Скандинавіи*» (стр. 88); что преемники ихъ, до Ярослава включительно, «по своему происхожденію, духу, образу жизни, мыслей и дѣйствій были *чистые Норманны*» (стр. 87); что они *говорили по-Скандинавски*, равно какъ ихъ бояре и дружина (с. 354); что этотъ Скандинавскій языкъ уступилъ мѣсто туземному

Славянскому въ пятомъ или шестомъ колѣнѣ, то есть при Ярославѣ Владиміровичѣ или Изяславѣ Ярославичѣ (т. III, стр. 354). Допустимъ все это въ угодность автору, хотя наперекоръ исторической правдѣ; допустимъ, будто «нѣтъ» «слѣдовъ заключать, чтобъ туземцы употреблялись на войну» (III, 121); воины же Олега, Игоря, Владиміра, Ярослава хотя состояли изъ Новгородскихъ Словенъ, Кривичей, Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ, Кіевскихъ Полянъ, Дульбовъ, Хорватовъ и прочихъ туземныхъ племенъ; однако жъ должны означать по мнѣнію автора не *туземное ополченіе*, а «только *могущество* Олега, какъ повелителя столь многихъ племенъ» (III, 121); забудемъ на время объ исторической логикѣ и согласимся, будто бы все Русское войско состояло изъ Скандинавовъ (III, 108, 116), а «туземцы совершенно не употреблялись, обреченные на любезное свое земледѣліе» (III, 125). Положимъ, что туземныя Славянскія племена находились къ пришельцамъ изъ Скандинавіи въ такомъ же точно отношеніи, въ какомъ Галицкіе Русины къ Австрійскому (Нѣмецкому) правительству; примемъ это положеніе автора, высказанное имъ въ возраженіе мнѣніямъ преосвященнаго Филарета Рижскаго въ «Москвитянинѣ» (1848, № 8, стр. 48). Посмотримъ на слѣдствія: официальный языкъ нѣмецкаго правительства Австрійскаго есть Нѣмецкій, а отнюдь не Русскій, не Чешскій, не Сербскій, словомъ, ни одного изъ подвластныхъ славянскихъ народовъ; то ли же видимъ въ нашей Руси? Вотъ Олегъ, спутникъ и родственникъ Рюриковъ, посылаетъ въ Грецію пословъ для заключенія мира. И такъ послы Скандинавскаго князя, сами Скандинавы, по увѣренію М. П. Погодина, заключаютъ съ Греками письменный договоръ; слѣд. это официальный памятникъ тогдашняго языка, которымъ говорили призванные къ намъ Варяги Русь. Что же? это языкъ Скандинавскій? Совсѣмъ нѣтъ! Договоръ родственника Рюрика, Олега, писанъ по-Славянски. Договоръ Игоря и Святослава также писаны по-Славянски. Вотъ официальные, дипломатическіе памятники языка Варяго-Руссовъ въ X вѣкѣ! Авторъ «Из-

слѣдовавшей, записаній и лекцій о Русской Исторіи» свѣтъ за- щиты подлинности договоровъ Олега, Игоря и Святосла- ва; и эти памятники Варяжской эпохи неоспоримо подтвер- даютъ во первыхъ истину свидѣтельствъ, что «Варяги суть Славяне изъ Славянъ», а языкъ Новгородскихъ *Слоесей* и Варяжской *Руси* одинъ есть, и во вторыхъ — несправедли- вость гипотезы, будто бы русскимъ языкомъ назывался Скандинавскій, и князя съ боярами и дружиною будто бы говорили по Скандинавски *.

* Статья эта уже была набрана въ типографіи, когда отъ одного любителя исторіи я получалъ нѣсколько номеровъ Черниговскихъ Губерн. Вѣдомо- стей 1843 года. Тамъ въ *Прибавленіи* къ № 12, марта 19, (часть неофици- ала, стр. 167 — 170) помѣщено окончаніе разсужденія «О первобытныхъ обитателяхъ Россіи». Незавѣстный авторъ этого любопытнаго послѣдованія, написаннаго умно и дѣльно, знаемый со всеми трудами ученыхъ изыскате- лей древности, и прекрасно изложилъ свои соображенія по этому предмету. Отъ глубокой древности дойдя постепенно до варяжской Руси, призванной къ намъ въ Новгородъ, авторъ предлагаетъ вопросы о томъ, гдѣ жило и кто было это Русское племя, и отвѣчаетъ:

«Можно на этотъ счетъ написать цѣлыя томы in folio, и все таки кончить тѣмъ, что не дойти до настоящей истины. Не лучше ли объяснить все это дѣло *зоровадо проше и естественнѣе*.

«Норманны дѣйствительно прославились своими морскими разбойни- ми предприимчивостями. Но кто были Норманны? Во все не отдаленный вѣкъ. Западная и южная Европа назвали ихъ сѣверными людьми (Nordmanni), потому что они приходили съ сѣвера. На сѣверѣ Европы была Скандинавія, — и вотъ вообще заключеніе, что Норманны были Скандинавы. А между тѣмъ это вовсе несправедливо. Вспомните скандинавскія саги: едва только Одинъ поселился въ Скандинавіи, какъ уже морскіе разбойники дѣлаютъ на него *безпрестанныя нападеныя*; эти разбойники являлись съ *противоположнаго берега Балтійскаго моря*, гдѣ жила *Веспедь, Ванки, то-есть Славяне*. Впоследствии промышля морскими разбоями, вѣроятно, отъчасти обирали и Скандинавямъ, и они тоже думались на добычу. Но Славяне еще при Юлиі Кесарѣ были известны своимъ *удальствомъ на морѣ*; а впоследствии вы- сылали не менѣе другихъ разбойничьихъ судовъ. Слѣдственно, Норманны было общее прозваніе, данное морскимъ разбойникамъ сѣвера; но въ самомъ- то дѣлѣ оно принадлежало разнымъ народамъ, которые часто вели и междоусобную войну. А потому, если Византіицы называли Варягами Норман- новъ, то это опредѣленіе всего менѣе удовлетворительно для изысканій: изъ этого еще никакъ не лѣзя узнать, какого именно народа были эти люди. При Византіицкомъ дворѣ Варяги были тѣлохранителями, которые набраны изъ чужеземцевъ разныхъ націй.

«Остается подумать о племеніи Русосей или Русь, къ которому принадле- жали наши три знаменитые витязи... Удивительное дѣло! Несторъ жилъ око-

Пришедшее къ намъ племя, кто бы оно ни было, разумѣется пришло къ намъ съ своими религіозными вѣрованіями: въ этомъ положеніи здравой логики не льзя не согласиться съ М. П. Погодинымъ (т. III, стр. 359). Справедливо говоритъ онъ: «Олегъ и мужи его, чистые Норманны, вероюго доколѣнія, большею частію пришедшіе

до 200 лѣтъ послѣ этого событія, — а не могъ уже указать на жилище русскаго племени, изъ котораго пришли три брата: это племя какъ будто исчезло. Гдѣ жъ оно было? и куда двинулось въ этотъ короткій промежутокъ? Врѣмя было не такъ отдалено, чтобъ русскіе Славяне не помнили этого! или, чтобъ самое племя Руссовъ забыло о своихъ выходцахъ, которые основали самую обширную монархію въ Европѣ! Однако же ни тѣ, ни другіе не оставили (?) намъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельств (?). Скандинавскія саги не говорятъ объ этомъ ничего, хотя мы и долго думали, что Рюрикъ съ братьями пришелъ отсюда. Остается намъ, слѣдственно, искать ихъ ближе. Уже многіе думали о берегахъ нынѣшней Пруссіи и балтійскомъ Поморьѣ: тамъ въ названіяхъ урочищъ осталось нѣчто русское. Мы видѣли, что эти вѣста съ лозаннаитныхъ временъ обитаны были славянскими племенами, и что-ни Поморяне занимались норскими разбойни. Конечно, тутъ жидъ не одинъ народъ — тогда этого не было: были только племена съ многоразличными названіями. Но всѣ они вѣроятно имѣли торговля сношенія съ прибалтійскими Словянами, и хорошо знали другъ друга. Между этими племенами было одно, которое называлось Русью. Торговля и морское удѣльство соединили ихъ съ Новгородцами, — и они рѣшились пригласить ихъ на княженіе, по волѣ народа, который собственныя посадниковъ не слушается, не боится: усмирять ихъ силою не льзя, потому-что вооруженная сила должна быть вѣста не менѣе оубылаго народа; слѣдственно, пусть приидутъ милосерднымъ взглядомъ съ своей дружиною! Они будутъ хранить общественный порядокъ и безопасность, а народъ будетъ по неволѣ повиноваться вооруженной силѣ. И Рюрикъ явился съ братьями и дружиною! — Но все таки должно полагать, что пребываніе гости и народъ, призваній ихъ, могли понимать другъ друга: въ тогдѣшнее время судъ и расправа не могли производиться ни на бумагу ни чрезъ переводчиковъ. Варяго-Русь должна была знать Славянскій языкъ. А такъ какъ это знаніе языка не могло тогда приобретаться ученымъ; то всего вѣроятнѣе и яснѣе, что это племя Поморяне было отъ Славянскій языкъ. Предводительъ это, все прочее само собою объясняется. Дружина отшельничко поселилась въ Новгородѣ — и какъто этого событія не замѣтилъ. Это частное переселеніе было такъ обыкновенно тогда, что не могло обратить на себя особеннаго вниманія; только послѣдствіе сдѣлало событіе замѣтнымъ.

Здѣрарый русскій символъ вывелъ автора на прямую дорогу къ истинѣ, — и потому-то его предположенія, выведенныя изъ самой сущности дѣла, вполне оправдались современною Наукою, которая пояснила теперь и исторію географическія сказанія, ясныя и опредѣлительно-точные, какъ свидѣтель, вѣривается самъ читатель.

«съ Рюрикомъ, не могли бы клясться чужими богами, богами, которыми не вѣрили: всякій клянется *своею* клятвою. Какъ послѣ некоторые Варяги-христиане присягаютъ въ церкви по христіанскому закону: такъ и *Олегъ* клялся по *своему Русскому закону*» (т. III, стр. 304—305). Это совершенная правда; послушаемъ же Нестора, чѣмъ клялся Олегъ и его дружинники, пришедшіе съ самимъ Рюрикомъ: «по *Русскому закону* кляшася оружиемъ своимъ, и *Перуномъ* богомъ своимъ, и *Волосомъ* скотнымъ богамъ» (Пол. Собр. Рус. Лѣт. I, стр. 13). И такъ теперь намъ известна религія прошедшаго племени: оно чтило главнымъ богомъ Перуна, а покровителемъ скота называло Волоса; слѣдственно, поклонялось богамъ обще-Славянскимъ. Да оно и естественно: какъ «Славяне изъ Славящъ», какъ пришельцы съ Варяжскаго поморія, изъ земли Балтійскихъ князей Сербскихъ, говорившіе однимъ языкомъ съ Новгородскими Словенами, Варяжскіе Руссы должныствовали исповѣдывать одну вѣру съ нашими туземцами. Если же они пришли изъ земли Славянской и принесли съ собою языкъ Славянскій и вѣру Славянскую, то неоспоримо, что они были народомъ Славянскимъ. Извернуться тутъ уже никакъ не лѣзя. Доведенный до крайности, авторъ «Исслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій» рѣшился на отчаянную мѣру — объявилъ Славянскихъ Перуна и Волоса богами *Скандинавскими*, и сослался въ этомъ случаѣ на «*здравый разумъ*» (т. III, стр. 304). Это уже верхъ усердія къ падающей Скандинавонаніи! шагъ смѣлый, отважный, на который рѣшались только два человека во всемъ ученомъ мірѣ: Струбе, вымучившій изъ нашего Перуна Скандинавское имя Торъ (Перунъ — Ферунъ — Терунъ — Теръ — Торъ), да г-нъ Сабининъ, заставляющій Славянскаго Волоса волею неволею принять на себя имя Скандинавскаго Одина, посредствомъ такой операціи: Волось — Волотъ — Володь — Вольдь — Воль — Одь — Одинъ!!! О Богослуженіи нашихъ Руссовъ, въ которомъ изыскатель желаетъ найти сходство съ Скандинавскимъ, достаточно прочитать любопытныя изслѣдованія И. И. Срезневскаго, для убѣжденія въ обще-Славянскихъ

чертахъ кумиро-поклоненія Руссовъ, между тѣмъ какъ у московскаго ученаго сходство это иногда уже черезъ мѣру натянуто, на пр: «присяга у Руссовъ производилась *полемежнѣемъ оружія предъ кумиромъ*, а въ Нормандіи Норманны *поднимали щиты на голову*» (т. III, стр. 319).

Не смогши искаженіемъ всѣхъ очевидныхъ указаній географіи, хронологіи, лингвистики и мнѣологіи, — М. П. Погодинъ приступаетъ къ послѣднему средству: обзорнѣю нашихъ законовъ и обычаевъ, которымъ также усиливается придать скандинавское происхожденіе.

Для правильнаго рѣшенія о характерѣ законодательства Варяго-Руссовъ, здравая историческая логика построитъ слѣдующій силлогизмъ:

I) Родиною Варяжской Руси, по свидѣтельству Нестора и его продолжателя, была страна на западъ отъ Ляховъ и Прусовъ, именно земля Сербовъ, начинавшаяся за Главскомъ и Старградомъ, граничившая при устьяхъ Лабы съ землею Англовъ, и на югъ доходившая до Чехо-Моравскихъ Волоховъ, донынѣ обитающихъ между истоками Лабы и Одры.

II) Какъ туземцы Варяжскаго или Сербскаго поморья Варяжскіе Руссы были Сербы, чѣмъ и оправдывается свидѣтельство Араба, называющаго Варяговъ славнѣйшимъ изъ Славянскихъ народовъ.

III) Внимательное изученіе русскаго языка открыло въ немъ Западно-Славянскую стихію, и оправдало слова Нестора, что языкъ Руси пришедшей къ намъ изъ страны Западно-Славянской, одинаковъ съ языкомъ Новгородскихъ Словенъ; а это свидѣтельство подтверждается аффиціальными памятниками X вѣка, именно, договорами Омега, Игоря и Святослава, писанными по-Славянски.

IV) Эти Варяжскіе Руссы, поклоняясь Перуну и Волосу, божествамъ Славянскимъ, принадлежали и по вѣроповѣданію къ одному семейству съ нашею Ильменскою и Днѣпровскою Русью.

Слѣдственно: у варяжскихъ Руссовъ,—которые обитали

на Сербскомъ Поморьѣ, были славянскимиъ изъ Славянскихъ народовъ, говорили во славянски и поклонялись однимъ божествамъ съ прочими Славянами,—законы и обычаи должны были также носить характеръ славянской, и существовать преимущественно съ сербскими.

Это выводъ здравой исторической логики. Оправдывается ли онъ фактами историческими? Совершенно! Взгляните на политическое устройство нашего великаго Новгорода, наиболее подчинившагося вліянію забалтійскихъ пришельцевъ: по свидѣтельству самого Нестора, «ти суть люди Ноугородьци отъ рода Варяжска.» Напрасно нѣмцы услаивались приравнить политическій бытъ Новгородцевъ къ устройству республикъ древняго міра; напрасно желали у насъ найти сходство съ вольными городами среднихъ вѣковъ, освобожденными изъ подъ ига феодальныхъ бароновъ: ученому автору «Исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ», Рейну, предоставлена была честь указать намъ типъ нашего Новгорода, въ сербскомъ Дубровникѣ. Такимъ образомъ, на Адриатическомъ поморьѣ, у переселившихся туда Сербовъ открылось политическое устройство вольныхъ городовъ, подобное нашему Новгородскому: одинаковыя историческія начала раскрылись одинаковыми послѣдствіями. Отсюда объясняется и чрезвычайное сходство сербскаго права съ нашимъ, очевидно доказанное западно-славянскимъ нашимъ единоплеменникомъ, чешскимъ или богемскимъ историографомъ, Палацкимъ, въ «Сравненіи законовъ Сербскаго царя Стефана Душана съ древнѣйшими Чешскими и Русскими постановленіями,» равно какъ и внимательнымъ обзоромъ древнихъ Винодольскихъ законовъ, которыми руководствовались на томъ же Сербо-Хорватскомъ поморьѣ, въ Винодолѣ, какъ называлась область между городами Сенеиъ

* См. превосходное сочиненіе Рейна «Политическое устройство и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи въ средніе вѣка, раскрытіемъ изъ нихъ муниципальныхъ статутовъ.» Оно переведено съ Нѣмецкаго и помѣщено покойнымъ Валуевымъ въ I томѣ «Сборника историческихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ.» (М. 1848) Дубровникъ — славянское названіе Рагузы.

и Раконъ, известными у насъ болѣе подъ ихъ итальянскими прозваніями *Zengo* и *Fisame* *.

Этого не забывала наша исторія, желавшіе найти на древнихъ нашихъ уставахъ какой-нибудь отпечатокъ скандинавизма, хотя ученѣйшій и благоразумнѣйшій изъ нашихъ юристовъ, баронъ Розенкамфъ откровенно сознался, что «сходство древнихъ Русскихъ законовъ съ Скандинавскими происходитъ изъ разныхъ причинъ, требующихъ изслѣдованія особаго, и изъ сего сходства нельзя заключить, что Руссы пришли изъ унландскихъ шведскихъ береговъ изъ Рослагена» (Труды Моск. общества Ист. и Древн. Росс. ч. IV, кн. I, стр. 153, 154). Этому заключенію умнаго юриста не повѣрилъ М. П. Погодинъ. Объявивъ Варяжскую Русь «какимъ нибудь угломъ съвера или древней Скандинавіи» (т. II, с. 166), онъ уже тѣмъ самымъ вынуждаемъ былъ объявить наши Русскіе законы Скандинавскими!! Онъ такъ и поступилъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги (т. II, с. 91; т. III, с. 359, 360, 416). Посмотримъ же, что почитаетъ нашъ почтенный изслѣдователь за истинное у Скандинавовъ.

Во-первыхъ, *привакая жеть* называется у него закономъ «по преимуществу скандинавскимъ» (т. III, стр. 370). Это несправедливо: кровь за кровь—общій законъ всѣхъ народовъ, неозаренныхъ христіанствомъ; ее находимъ не только у язычниковъ, но и у Евреевъ. У Славянъ—пишетъ авторъ «Россіи» въ историческомъ и проч. отношеніяхъ, *Ө. В. Булгаринъ*,—«местъ была священною обязанностью гражданина, и тотъ почитался безчестнымъ, кто не отмстилъ за обиду. Кровь за кровь было у нихъ правило, сильнѣе всѣхъ законовъ. Это сохранилось понынѣ у Черногорцевъ, Далма-

*Сочиненіе Палацкаго, переведенное съ Чешскаго О. М. Бодяскимъ, помѣщено съ первымъ году «Чтеній Моск. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» (№ 2, за сѣд. 23 февр. 1846 года). Виноградскій законъ 1289 года, въ подлинникъ, во съ словаремъ и грамматическими примѣчаніями, помѣщенъ О. М. Бодяскимъ въ № 4-мъ «Чтеній» (за сѣд. 27 апрѣля 1846). — Почтенный М. П. Погодинъ оказалъ бы важную услугу исторіи, помѣстивъ въ «Москвитяинѣ» подлинникъ и переводъ важнѣйшихъ грамматъ изъ «Сербскихъ синословъ».

товъ, Босняковъ, особенно у Морлаховъ, и только теперь выводится у Сербовъ. Местъ по-словацки называется *освь-та*, и отмстить значитъ *освьтитися* или *освятитися*. Даже христіанская религія не могла истребить у Морлаховъ безчеловѣчнаго предразсудка, что кровь убійцы успокоиваетъ душу убитаго или тѣнь убиеннаго. Обязанность брата, друга и сына есть мстить кровью за кровь, за смерть ближняго имъ челоуѣка. Жена сохраняетъ окровавленную рубаху мужа, чтобъ воспламенить ею дѣтей, когда они прійдутъ въ возрастъ. У Морлаховъ были пріиѣры, въ наше время, что мститель сберегалъ голову убитаго имъ врага, какъ драгоценность. Но у Черногорцевъ понынѣ сохранился обычай, что убійца можетъ откупиться деньгами, если хочетъ избѣжать мести: въ такомъ случаѣ собираются посредники, избранные обѣими сторонами, и улаживаютъ дѣло; это называется у Черногорцевъ: послать на *виру* (или *вѣру*). Обычай этотъ перешелъ даже въ древніе письменные славянскіе законы; въ Россіи онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *виры*. Кромѣ платы денежной, виновный долженъ просить прощенія у родственниковъ убитаго, и тогда враги цѣлуются, и обиженный говоритъ обидчику: Богъ тебя проститъ! Этотъ судъ у Черногорцевъ называется кровавое коло, то есть кровавое собраніе.»—Отсюда очевидно, какъ несправедливо считать нашу славянскую *виру* искаженіемъ скандинавскаго *wehrgeld*, на что въ особенности ссылается М. П. Погодинъ (т. III, стр. 381), сокрывая сходство древнихъ обычаевъ у Славянъ, обычаевъ перешедшихъ потомъ въ законы. — *Судъ присяжныхъ*, вопреки автору разбираемой книги (*ib.*), есть учрежденіе чисто-славянское, какъ уже доказано трудами Мацѣвскаго, Палацкаго и другихъ ученыхъ юристовъ; слѣдственно, это вопросъ уже рѣшенный: отъ Славянъ это постановленіе перешло къ Нѣмецкимъ народамъ, а не на оборотъ.—Право *убивать врага*, оставаясь за то безнаказаннымъ, донынѣ еще остается въ древней силѣ у нашихъ сербскихъ единоплеменниковъ на Черной горѣ, какъ можете прочесть на 146 страницъ любопытнаго «Путешествія въ Черногорію» совершен-

наго г. Поповымъ. — Законъ о смертной казни, назначаемой за *покражу коня*, не есть право исключительно Саксонское, какъ полагаетъ авторъ «Издѣлованій, Замѣчаній и Лекцій» (т. III, стр. 382), а постановленіе выходящее изъ быта всякаго воинственнаго народа; вотъ почему оно существовало и у нашихъ казаковъ, не имѣвшихъ никакого сношенія съ Нѣмцами, существуетъ и донынѣ у Черногорцевъ, какъ видимъ изъ книги г. Попова, стр. 148. — *Пеню за пѣду на чужомъ конѣ* назвалъ М. П. Погодинъ закономъ «чисто скандинавскимъ» (т. III, стр. 381), черезъ нѣсколько же строкъ сознался, что «Ютландскій законъ по вѣе Ярославова» (т. III, стр. 382), именно что «Ютскіе законы, кои сравниваемы были съ Русскою правдою, вышли «223 года спустя послѣ нея» (т. III, стр. 386). Но такъ какъ отсюда выходило бы заключеніе совершенно противное тому, какое хотѣлось Михаилу Петровичу, то онъ и допустилъ существованіе одного какого-то «древнѣйшаго закона скандинавскаго или нѣмецкаго, который (будто бы) былъ основаніемъ и Ярославова и Ютландскаго» (III, 382); далѣе, впрочемъ, онъ выразился скромнѣе, утверждая, что эти *предполагаемые* имъ Скандинавскіе законы «не смотря на позднюю редакцію, относятся къ глубокой древности и могли быть «слѣдовательно источникомъ Русской правды» (386). Но опирая на свой личный авторитетъ догадки и предположенія, — ученый уторъ все же никакъ не сможетъ дать имъ силу доказательствъ: «нужно», сказалъ самъ же онъ (т. I, 286) — «изслѣдовать, а не рѣшать опрометью,» — *по догадкамъ*, выдаваемымъ за *доказательства*, прибавить всякій благоразумный читатель.

Выслушаемъ еще доводъ М. П. Погодина: «числа 3, 6, «12, 40 въ пеняхъ общи Руссамъ съ сѣверными народами, «такъ что по сему сходству марку и гривну можно почитать «однозначительными» (т. III, с. 382). Но чтѣ же отсюда слѣдуетъ относительно происхожденія Руссовъ изъ *какого шибудь* угла древней Скандинавіи Какъ доказать, что эти постановленія, исторически младшія у Скандинавскихъ народовъ, чѣмъ на Руси, не были заимствованы ими у насъ

или у другихъ славянскихъ же соседей, именно у балтійскихъ Сербовъ, съ которыми Ютландцы граничили по Ангельну, «Англинской землѣ», какъ говоритъ Несторъ? Законодательство развивается не у разбойниковъ, а у народа привыкшаго къ охотной жизни, къ трудолюбію, промышленности, торговлѣ: такую землю на цѣломъ сѣверѣ, по изслѣдованіи Клёдена*, была земля балтійскихъ Вендовъ, или Вановъ, какъ называли Нѣмцы и Скандинавы славянскихъ обитателей варяжскаго Поморія, прародину Сербовъ. Вотъ почему Скандинавы, по свидѣтельству собственныхъ сагъ, многое заимствовали у балтійскихъ Вановъ; вотъ почему и наши предки обратились сюда же на *варяжское Поморье*, въ землю князей сербскихъ, когда явилась потребность въ князѣ, могущемъ водворить *порядокъ* въ сѣверной Руси нашей, великой и обильной, но взматеной усобицами, по ясному сказанію Несторову.

Последніе доводы, представленные М. П. Погодинымъ въ доказательство Скандинавскаго происхожденія Руси, заключаются въ указаніи на *испытаніе желѣзомъ*, которое будто «*перешло къ намъ изъ Скандинавіи*» (III, стр. 383), тогда какъ этотъ обычай существовалъ на всемъ западѣ и югѣ Европы; на *судебные поединки* (III, 383), которые вѣчно были и будутъ въ употребленіи у воинственныхъ племенъ, еще младенчествующихъ, относительно развитія гражданскихъ понятій; и на существованіе *рабства и кабалы* (III, 384), которое также является у многихъ народовъ, если не у всѣхъ. — М. П. Погодинъ самъ замѣтилъ, что уже перешелъ границу вѣроятія; въ надеждѣ скрыть отъ читателей антилогичность построенныхъ имъ умозаключеній объ этихъ всѣхъ постановленіяхъ, онъ объявлялъ: «если онъ *общій*, что нельзя отнять ихъ и у *Норманновъ*; онъ являются со мною «*жествомъ* (?) другихъ обычаевъ или именъ чисто-норманнскихъ (?). слѣд. должны быть *принесены* Норманами же,

* Превосходный «Розысканіа Клёдена о Славянахъ въ Брауншвейгской (Бранденбургской) области» помѣщены въ I томѣ Валуевского «Сборника Ист. и Статист. свѣдѣній» стр. 223—246.

«которые встрѣтили у туземцевъ *случайное сходство* съ собою съ этимъ отношеніем. Мало ли есть такихъ сходствъ и то-
«веръ между племенами, при всемъ прочемъ ихъ различіи ме-
«жду собою» (III, с. 417). Слѣд. въ основаніе критики все-
таки полагается *созвучіе* именъ будто-бы чисто-норманскихъ
(скандинавскихъ), тогда какъ и это шаткое основаніе ока-
залось *невернымъ* *; а въ подтвержденіе созвучій подбирают-
ся обычай и постановленія, будто-бы «чисто-скандинавскія»
хотя въ другихъ мѣстахъ эти медно-скандинавскіе законы и
обычай выдаются уже за *общіе* и славянскіи народомъ:
такъ зачемъ же называть ихъ заимствованными отъ при-
шельцевъ, когда они свойственны и туземцамъ?

Выказавъ задушевную мысль, что все даже обще-человѣ-
ческое принесено къ намъ Скандинавами, авторъ переходитъ
къ обзорѣ этихъ мнимыхъ «чисто-норманскихъ» обыча-
евъ, доказывающихъ будто-бы скандинавское происхожде-
ніе Руси.

Какіе же это обычаи? «Мужъ давалъ за жену выкупъ, рѣ-
но» (III, с. 418), «женить долженъ былъ прежде всего об-
ращаться къ отцу невесты и предлагать ему свою просьбу
черезъ сватовъ» (419), «красота уважалась» (ib), «инюгеж-
ство допускалось, по-крайней-мѣрѣ между князьями» (420),
«было различіе между женою и наложницами» (ib.), «дѣти
отдавались на воспитаніе» (421) и пр. Да на основаніи
этого, право, и кавказскихъ Адыговъ или Черкесовъ можно
завести въ чистыя Скандинавы!!!—Послушаемъ еще кое-
что далье: «мясо варилось въ котлахъ и пеклось на угляхъ;
кисель варился; были повара» (с. 440)! Тутъ же, по слу-
чаю конскаго мяса, авторъ сивется, что оно «столько *сблиз-*
«ляло Каченовскаго и его слушателей, *видѣлима* здѣсь во-
«стѣчное обыкновеніе» (с. 439); да чтожь прикажете дѣ-
лать, когда не одни Скандинавы покупивали конское
мясо? когда Арабы и эвъ вообще Магометане ѣли и ѣдятъ
конину? Покойные М. Т. Каченовскій и С. М. Строевъ ни-
когда впрочемъ не основывали своихъ соображеній на

* См. выше стр. 41, 42 и примѣчаніе (тамъ же).

конскомъ мясъ; у Строева оно пришлось только къ слову, въ «Критическомъ» взглядъ на статью «Скандинавскія саги» и — что ни говорите — Строевъ былъ правъ, спрашивая у О. И. Сенковского: «гдѣ же слѣдъ этихъ нравовъ и обычаевъ скандинавскихъ? не въ томъ ли, что Святославъ употреблялъ въ пищу лошадиное мясо?» М. П. Погодинъ въ I томѣ съ-ло теперь говоритъ. «и въ томъ» (с. 315); указанныя же Строевымъ у Индусовъ, Евреевъ, Грековъ и Франковъ тѣ сходства въ нравахъ и обычаяхъ, которыя выдавались въ 1834 году за доказательство скандинавскаго происхожденія Руссовъ, назвалъ слишкомъ уже не-литературно (т. I, с. 316). Не смотря, однако жъ, на такой жестокой приго-воръ, всѣ благоразумные исследователи Исторіи согласят-ся, что предъявленное двумя господами скандинавистами сходство нравовъ и обычаевъ ни мало не можетъ слу-жить доказательствомъ скандинавскаго происхожденія Руссовъ. Точно также никого не убѣдить и новое мнѣніе, впервые высказанное въ исторической литературѣ, будто бы «медь напитокъ норманскій, равно и квасъ» (II, 441); будто-бы какія-то, никому въ мирѣ неизвѣстныя, «саги бы-«ли однимъ изъ важныхъ источниковъ Нестора» (I, 447). Этихъ сагъ никто не читалъ, никто не видалъ, но Миха-илъ Петровичъ увѣряетъ положительно, что «написанн имѣ-ли одинъ и тотъ же источникъ съ исландскими» (ib.), и что «переводъ изъ сагъ въ летопись мечется въ глаза» (I, 446). По его мнѣнію, веселые пиры нашихъ князей обличаютъ въ нихъ «норманскихъ конунговъ» (443), (III, равно какъ «звѣриная ловля» (452), «рыбная ловля» (453) и даже на-ша сѣверная «баня» (ib.).... Да, за все это еще никто, да-же изъ самыхъ пламенныхъ приверженцевъ сагоманіи, не производилъ нашихъ варяжескихъ Руссовъ — этихъ «Сла-вянъ изъ Славянъ», по выраженію Араба — въ Скандина-вья... «Авторъ Исследованій, Замѣчаній и Лекцій о рус-ской Исторіи», единственный человекъ, который рѣшился привести подобное доказательство!

Увлекаемый, по собственному признанію, желаніемъ дать побольше мѣста норманскому элементу (т. III, с. 296), М.

II. Погодинъ придумалъ еще два «сильнѣйшихъ доказатель-ства» тому, будто бы наши Руссы были сперва обитателями «какого нибудь угла древней Скандинавіи» (т. II, 90, 91, 166). Эти доказательства слѣдующія. *Правственные качества* нѣкоторыхъ лицъ, напр. «страсть къ войнѣ» (т. III, с. 454 и слѣд.), «славолюбіе» (457), «корыстолюбіе» (458), «жестокость» (459), «гордость» (464), «мстительность» (468), «хитрость» (469), «сластолюбіе» (471), «пьянство» (472), — какъ будто бы эти пороки не общее достояніе падшаго человѣчества, доколѣ оно не воспріиметъ къ духовному возрожденію..... Какъ же этими пороками нѣкоторыхъ лицъ доказывается, что Руссы были выходцами изъ *какого нибудь угла древней Скандинавіи*?... Припомните, чьѣмъ былъ Владиміръ до крещенія, и чьѣмъ сталъ послѣ возрожденія духомъ христіанства; неужели же прикажете допустить, что это не одинъ и тотъ же человѣкъ, падшій язычникъ и возставшій христіанинъ, но два разныхъ человѣка, а именно: до 988 года княжилъ въ Кіевѣ славолюбивый, воинственный, жестокій, гордый, хитрый, высколюбивый и сластолюбивый *Скандинавъ* Владиміръ; а послѣ 987 года сѣлъ на кіевскомъ престолѣ *другой*, какой-то *неизвѣстнаго происхожденія* князь Владиміръ!

Въ заключеніе рассмотримъ тѣ, что называютъ *внутренними*, твердымъ доказательствомъ *скандинавскаго* происхожденія Варяговъ-Руси (NB наперекоръ Нестору, его продолжателю и Арабамъ, упоминающимъ о Варенгахъ-Славянахъ). Во II томѣ «Исслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи», на страницѣ 90 и 91, читаемъ: «къ числу *сильнѣйшихъ* доказательствъ норманскаго происхожденія Варяговъ-Руси принадлежатъ ихъ *дѣйствія*. Походы первыхъ *князей по рѣкамъ и морямъ*, взиманіе *данш*, нападенія на *Константинополь*, вообще образъ ихъ *дѣйствія* въ войнѣ и *мирѣ*, дома и на сторонѣ, ихъ занятія, добрыя и худыя *качества*, однимъ словомъ *вся ихъ жизнь*, весь ихъ бытъ *обличаютъ* въ нихъ *Норманновъ*. Наши *лѣтописатели* описываютъ ихъ почти однимъ и тѣми же словами, какими *латинскіе, греческіе и арабскіе* описываютъ прочіихъ *Норман-*

«новъ. Прокія исследователи, дозволяясь великими стать сказать доказательствами, то есть свидетельствами, не обращали вниманія на дѣйствія Варяговъ-Руси съ этой стороны; но по моему мнѣнію, это *сутьреннее доказательство* должно причислить къ самымъ значительнымъ и твердымъ».

Въ подтвержденіе этой мысли приведены въ III томѣ (стр. 201—207) несколько описаній морскихъ набеговъ, изъ Нестора и Византійцевъ, сравнительно съ извѣстіями Арабовъ и западныхъ летописцевъ, «дабы видѣть еще яснѣе, что это рѣшительно одни и тѣже люди, съ одинакими пріемами» (III, 201). Походъ Аскольда и Дира на Константинополь названъ у автора «дѣломъ достойнымъ норманской славы» (III, 187).

Противу гипотезы Эверса, выдававшего Русь за племя турецкое, М. П. Погодинъ не могъ придумать ничего лучше; но, какъ доказательство происхожденія варяжской Руси изъ какого нибудь угла древней Скандинавіи, такое сравненіе — помимо географіи собственно варяжской земли — вовсе ничего не доказываетъ къ пользу Скандинавіи. Въ имя Nordmanni (северяне) нельзя включать только скандинавское племя, то есть Шведовъ, Норвежцевъ и Датчанъ, какъ то дѣлаетъ М. П. Погодинъ, забывая собственно при этомъ, что «въ дружинахъ норманскихъ *всегда* было очень много *Славянъ*» (III, 28—29), что «флотъ норманскій, приплывавшій во Фризію, состоялъ изъ Датчанъ, Норвежцевъ и *Ободритовъ*» (29), что въ анекдотѣ противъ «Англіи 857 года было много *Вендовъ*». (ib.) Односторонность взгляда на имя Nordmanni какъ на исключительное будто бы названіе Скандинавскихъ народовъ происходитъ отъ превратныхъ понятій Гердера в Шафарика объ идилическомъ, будто бы, характерѣ Славянъ, понятій безусловно правыхъ за непреложную истину М. П. Погодинскихъ. Онъ не вспоминаетъ, что сказка о Балтійскихъ Славянахъ, которые будто бы вовсе не знаютъ оружія и всю жизнь проводятъ только въ музыкальныхъ упражненіяхъ, раскрыта съ настоящей точки зрѣнія авторомъ «Россій», какъ ловкій обманъ, употребленный Славянскими лазутчиками,

василинныи съ Пелораъ поразздать объ истинномъ ходѣ войны между Болгасъ и Византийцами, желавшими повсюду восстать враговъ противу своего грознаго соперника. Не вспоминая прекрасныхъ разсуждений О. В. Булгарина объ этомъ предметѣ, М. П. Погодинъ вообразилъ Славянъ совершенными настушканами индивидуальной Аркадін, и потому всѣмъ удамой подвигъ считалъ противорѣчушцимъ низкому характеру Славянскихъ народовъ. Въмѣстѣ такого образа мыслей, вся подвиги удамства отняты изыскателемъ у Славянъ и отданы Скандинавскому племени, одному обласенному именемъ Нордманновъ, вопреки самому Миутранду, который немно переводитъ имя Nordmanni словами *aquilonages homines* (сѣверные люди) и поясняетъ, что такъ называли Русь именно *a positione loci, pro imperioque* лежешю. О Фульдскихъ лѣтописяхъ, въ которыхъ обитатели Славяно-Сербскаго Поморья названы Нѣмецкими немцемъ Свевранъ или Нордманновъ, М. П. Погодинъ и не упоминаетъ; а въ нихъ онъ могъ бы прочесть прелюбопытное изъясненіе о томъ, какъ 880 года къ императору Арнульфу приходила *legati Nordmannorum, scilicet ab aquilone Slavorum*. После того онъ не упоминаетъ бы и Юлія Цезаря, у котораго находимъ положительныя извѣстія о морской силѣ и военномъ искусствѣ Поморскихъ Славянъ или Венетовъ: свидѣтельство этого величайшаго полководца древности, котораго самъ лично сражался съ ними за обладаніе страной Белтовъ и паконска побѣдилъ опасныхъ своихъ соперниковъ, никакъ бы не могло и не должно быть обойдено молчаніемъ. Не вѣрить этому свидѣтельству нѣтъ ни малѣй-

* Обсужъ разнороднѣ, чѣшскій, Гердеръ, Караванца, Целеваго и Булгарина, о характерѣ Славянъ, представлено въ моемъ Славянскомъ Сборникѣ, на стр. 96—97, прим. 40.

* Свидѣтельство Юлія Цезаря о Венетахъ, которыхъ онъ также называетъ и Андами и Поморлянами, указано было мною еще въ 1844 году (въ «Маскѣ») въ пятой главѣ моего «Свода новѣйшихъ розысканій о старобытности Славянъ въ восточной или великой Германіи»; Сводъ этотъ вошелъ и въ «Слав. Сборникъ» (стр. 64—168), гдѣ, на страницѣ 94-ой помѣщены подлинныя слова Юлія Цезаря, повѣренныя Гельмольдомъ и другими писателями среднихъ вѣковъ.

наго основанія, ибо Цезарь писалъ не по слухамъ, а то, чему самъ былъ очевидный свидѣтель. А что находимъ въ запискахъ его о войнѣ Галльской (Commentar. de bello Gallico, lib. III, cap. 8)? Что Венеды или Поморскіе Славяне были отличнѣйшими мореходами, имѣли множество кораблей, превосходили прочихъ народовъ въ искусствѣ мореплаванія, распространили власть свою далеко по берегамъ морей и посѣщали даже Британнію, — гдѣ въ самомъ дѣлѣ сохранилась память объ этомъ владычествѣ нашихъ единоплеменниковъ, въ названіяхъ многихъ мѣстъ именемъ *Венедовъ* * и даже именно *Россіи* **. Изъ торнанда, Фредегарія и другихъ писателей первой половины среднихъ вѣковъ мы знаемъ достоверно, что имена *Venedi, Veneti, Antes, Slavi* означаютъ одинъ и тотъ же народъ: германскихъ Славянъ. *Ab una stirpe exorti tria nomina reddidere, id est Veneti, Antes, Slavi*, писалъ Иорнандъ; изъ Бонифація же и грамматъ знаемъ, что именемъ Венедовъ преимущественно называли ивоземцы тѣхъ Славянъ, которыхъ обиталища начинались отъ рѣки Салы и простирались по всему Балтійскому Поморью, то-есть Сербовъ. И вотъ, вмѣстѣ съ именемъ *Венедовъ*, то-есть Славянъ Балтійскихъ, является имя *Руси, Роси, Россіи*. Свидѣтельство Юлія Цезаря, повѣренное мѣстностью, представило въ полномъ свѣтѣ истины и Арабскія сказанія о Варягахъ-Славянахъ, славнѣйшихъ между всеми Славянскими народами, и Нестора съ его продолжателей, что Варяжская Русь дѣйствительно находилась на Варяжскомъ Поморьѣ, прародинѣ Славяно-Сербовъ (а не въ «какомъ нибудь уелу

* Напримѣръ: три Венты, Виндобела, Виндолана, Виндомисъ, Виндавія и прочія, упоминаемыя въ Дорожничѣ Антонина, у Птолемея и Равенскаго географа.

** Имя *Rossii, Руси* и *Moravii*, въ древней Британніи, привело въ изумленіе г-на Сабина (Ж. Мин. Нар. Просв. 1834, т. ХУІ, стр. 76); свидѣтельство Цезаря дало ключъ къ разрѣшенію исторической загадки, отчего во многихъ приморскихъ областяхъ древней Римской Имперіи является имя *Russ* и *Ross*: открылось, что тутъ уже не случайное сходство созвучій, какъ многимъ казалось, а память древняго владычества Поморянъ-Венетовъ, которые также назывались Вандалами, о чемъ см. въ Слав. Сборникѣ стран. 97 и 98.

древней *Скандинавіи*, какъ утверждалъ М. П. Погодинъ), и наконецъ, что языкъ у этой Руси одинъ съ Новгородскими Словенами, ибо тотъ и другой составляютъ отрасли одного корня.

Припомнимъ же теперь собственное признаніе М. П. Погодина, что въ средніе вѣка, въ Норманскихъ походахъ на Фризію или сѣверо-западную Германію и Британію *всегда* бывали вмѣстѣ съ Норежцами и Датчанами ихъ восточные сосѣди, *Славяне*, именно Сербскіе Поморяне,—и рассказъ Нестора, Арабовъ, Западныхъ писателей сравнимъ съ описаніемъ набѣговъ *нашихъ* Днѣпровскихъ и Донскихъ *казаковъ*: насъ поразило одинаковый характеръ этихъ походовъ, которые въ XVII вѣкѣ предпринимались по Черному морю нашими Славянскими удалцами, не смотря на силу и могущество Султановъ, еще наводившихъ тогда ужасъ на всю Европу.

Вотъ рассказъ Тьерри (I, 162) о походахъ такъ называемыхъ Норманновъ, то есть Норвежцевъ и Датчанъ, съ которыми *всегда* находились Славяне (какъ узнался М. П. Погодинъ): «ихъ флоты, состоявшіе изъ парусныхъ и гребныхъ судовъ, устьями рѣкъ часто поднимались вверхъ, выбрасывая мѣстами на берегъ толпы неустрашимыхъ грабителей. Если мостъ или какое другое препятствіе останавливало ихъ плаваніе, они вытаскивали свои суда на сушу, носили и возили ихъ, пока препятствіе было устранено. Изъ большихъ рѣкъ они вливались въ меньшія, потомъ переходили изъ рѣки въ рѣку, овладѣвали большими островами, укрѣпляли ихъ и учреждали тутъ свои зимнія становища, гдѣ подъ плетенными шалашами складывали добычу и пленныхъ».

Вотъ рассказъ Араба Массуди (въ переводѣ В. В. Григорьева), о томъ, какъ Руссы, съ позволенія Казарскаго Кагана, по Дону достигли рѣки Казарской или Волги; какъ они перетянули суда свои, и потомъ Волгою спустились въ Казарское (Каспійское) море, «разсыпались въ разныя стороны, выходя на берегъ толпами... Руссы вездѣ проливали кровь, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, расхищали богатства,

производили набѣги и предавали все огню и опустошенно.... Удвляясь отъ береговъ послѣ набѣговъ своихъ, Руссы обыкновенно искали убѣжища на островахъ.... Наконецъ жители сихъ странъ вооружились, и, съѣвъ на ладьи и купеческія суда, отправились къ островамъ (становицамъ Руссавъ); но Руссы ударили на нихъ и нѣскольکو тысячъ Мугеульманъ пало въ битвѣ или потонуло. Много мѣсяцевъ жили Руссы въ семь морѣ, поступая вышеописаннымъ образомъ, и ни одинъ изъ окрестныхъ народовъ не могъ ничего имъ сдѣлать».

Вотъ разсказъ Нестора (I, 12) о походѣ Олега съ 2000 судовъ подъ Царь-градъ: «и приде къ Царю-граду, и Греци замкоша судъ (гавань), а городъ затвориша. И вылъзе Олегъ на берегъ, и повелъ воемъ изъволочити корабли на берегъ, и повоева около города, и много убійство створи Грекомъ, и полаты многы разбиша, а церкви пожгоша; а ихъ же мноху полоняники, овѣхъ посякаху, другыя же мучаху, многы же разстрѣляху, а другыя въ морѣ вметаша, и ина многа зла творяху Русь Грекомъ, елико же ратнии творять».—О походѣ Игоря Несторъ разсказываетъ (I, с. 18, 19): «иже поидоша и приплуша, и почаша воевати Вифанскія страны, и воеваху по Пенту до Ираклія и до Фаолагонскихъ земель, и всю страну Никонидійскую попленише, и судъ весь пожгоша. Ихъ же емише, овѣхъ растоцаху, другія ази странъ поставляюще и стрѣлку въ ны, измнзхуць, спакн рунъ съвязывахуць, гвозди жальзыни посреди главы габивахуць ихъ; много же святыхъ церквей огнеси вредаша, манастирь и села пожгоша, и иныи не мало обою страну взяша. Потомъ же вришедъшаши воемъ отъ востока.... обидоша Русь около. Съвѣщаша Русь, изидоша въружашася на Греки, и брани мѣню имъ бываши злы, одва одолжша Грцы; Русь же възратившася къ дружинѣ своей къ вечеру, на нощъ влзодоша къ лодьямъ и отбѣгоша».

А вотъ два отрывка изъ оттоманскихъ государственныхъ летописей Нанмы-Засидіа (въ переводѣ П. С. Савельева) о нападении нашихъ казаковъ, Дикоросскихъ и Донскихъ, на тѣ же самые берега Понта Эвксинскаго и Бессара. «Нико-

денію казаковъ на Синоупь. Въ мѣсяцъ реджебъ (августъ 1614 года), казачіи чайки вышли въ Черное море, разграбили сперва, по обыкновенію, деревни лежащія на берегахъ Дуная и при морѣ. Взявъ проводниками себѣ рабовъ-отступниковъ, они пристали къ Анатолійскому берегу Чернаго моря, внезапно напали на крѣпость Синоупь, прозываемую Городомъ Любовниковъ, Мединеть-эль-уштакъ, и овладѣли ею. Вступивъ въ эту древнюю крѣпость, они умертвили въ ней всѣхъ правовѣрныхъ, ограбили ихъ дома, увели женъ и дочерей, и зажегши со всѣхъ концовъ, обратили этотъ прекрасный городъ въ пустыню. Пока не вооружились противъ нихъ, они успѣли увести въ полонъ женъ и дочерей и разсѣялись по морю. Въ этихъ обстоятельствахъ, Шекшеки-Ибрагимъ паша узналъ о ихъ набѣгѣ, и на 60 мелкихъ судахъ отправился для защиты береговъ черноморскихъ. Вошедъ въ рѣку, черезъ которую должны были переправляться эти собаки, онъ остался сторожить ихъ; но проклятые, провѣдавъ объ этомъ, въ одномъ мѣстѣ на берегу Чернаго моря сошли, оставили суда свои на санки и вздумали встѣпить ихъ по сушѣ до вершины рѣки. Но шайка Татаръ напала на нихъ; завязалось сраженіе; ижънѣи и семейства, похищенные изъ Синоупа, были оставлены на мѣстѣ: изъ казаковъ же кто достался въ плѣнъ, а кто погибъ въ битвѣ. Ибрагимъ-паша переѣзжилъ маршрутъ и наблюдалъ, гдѣ выйдутъ остатки разбойниковъ. Онъ пошелъ противъ тѣхъ, которые набѣгли веча, и изъ нихъ также кто папалъ въ плѣнъ, а кто былъ убитъ. Въ первыхъ дняхъ рамазана (въ октябрѣ 1614) Ибрагимовы воины привели въ Порогу 20 человекъ клячировъ казаковъ съкованными». — *Нападеніе казаковъ на Еникюй.* Пока крымскій ханъ занимался въ Кафѣ приготовленіемъ флота, Дошедше казаки, находя море свободнымъ, вышли на 150 чайкахъ, 4-го шаввала (4 июля 1624 года), подходили къ Босфору и напали на Еникюй, гдѣ сожгли нѣсколько лавонъ и нанесли большой вредъ. Узнавъ объ этомъ, начальникъ бостанджей и сейменовъ (отряда янычаръ), съвѣвъ на корабли, отправился противъ нихъ; но проклятки-ко-

закъ, пробывъ нешного, пустились обратно въ море. Нападѣніе ихъ на Босфоръ учинено было съ такимъ ожесточеніемъ, которому подобнаго не слышано было въ исторіи!»

Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи, П. С. Савельева (1846), стр. СXLVIII, прим. 274. — Ученый авторъ этой любопытной книги, удостоенной половиной Демидовской преміи, обогатилъ свое сочиненіе множествомъ замѣчательныхъ сближеній, заслуживающихъ похвалнаго вниманія изыскателей Исторіи. Приговоръ Шлещера именной диктуети и необразованности Славянъ П. С. Савельевъ очень основательно называетъ «рѣзкими и неосновательными» (стр. ССXXXIX), въ заключеніе прибавляя: «системы Шлещера рушатся сами собою; но его брамински-фанатическіе приговоры, къ сожалѣнію, долгое время *остаивались успѣхи нашей юной исторіографіи*, не выходявшей изъ подъ формулы своего Нѣмецкаго учителя» (стр. ССXXXII). — Эти слова автора Мухаммеданской Нумизматики сами собою показываютъ, что онъ согласенъ съ мнѣніемъ славянствовъ о духѣ и Нѣмецкомъ направленіи Шлещера, ученіе котораго впервые было подробно разобрано въ «Славянскотъ Сборникѣ» (стр. LI—LXIV и LXXXIII—CVI). Черезъ два года послѣ того, въ «Московскомъ литературномъ и учебномъ Сборникѣ» (1847) появилось замѣчательное разсужденіе о Шлещерѣ: ученый авторъ, А. Поповъ, пришелъ совершенно къ одинаковымъ со мною заключеніямъ, какъ показалъ А. Н. Анненскій въ «Финскомъ Вѣстникѣ», (1847, № 5, гл. V, 27—29). Такимъ образомъ, не смотря на бездоказательные крики людей, увлеченныхъ Нѣмецкимъ направленіемъ, истина съ каждымъ годомъ распространяетъ свое владычество. По этому, не лзя не жалѣть, что не смотря на славянское направленіе въ изслѣдованіяхъ П. С. Савельева, онъ рѣшился — по нѣкоторымъ уваженіямъ — уступить скандинавамъ и принять гипотезу гна Куника, хотя она противорѣчитъ всѣмъ условіямъ Исторической Логикѣ и соображеніямъ здравой Филологіи, какъ уже было доказано въ 1845 году въ «Славянскомъ Сборникѣ», на стр. XLII—XLVII, прим. 54). Соглашаться съ мнѣніемъ, будто бы Варяжская Русь была именно *Сейскій godslagen*, значитъ противорѣчить Нестору, который прямо сказалъ, что Русь совсѣмъ *другой* народъ нежели Спен и прочіе Скандинавскіе народы (с. 8), опредѣлительно указавъ географическое положеніе этой земли на славянскомъ Поморьѣ, тождественномъ съ землею Балтійскихъ Сербовъ, какъ засвидѣтельствовали Арабы и продолжатель Нестора, объяснившій, что Варяжское Поморье начиналось за Гданскомъ и Старградомъ. Въ защиту принятой гипотезы, разумѣется, не возможно было прибавить ни одного доказательства, уже не опровергнутого; только въ нѣкоторомъ оправданіе Свейскому корабельному стану (*godslagen* у) указывается большое количество восточныхъ монетъ, найденныхъ тамъ и на берегахъ Мелара, чѣмъ будто бы подтверждается тождество древнихъ обитателей Рослагена съ призванными Финно-Славянскимъ союзомъ Руссами или Русью» (стр. СLXXIV). Слабость такого довода тогда же была обнаружена другимъ нашимъ ориенталистомъ, В. В. Григорьевымъ, обнаружившимъ свою учредств. и пронципальность превосходными изслѣдованіями о ханскихъ ярлыкахъ и о «фундесныхъ монетахъ находимыхъ въ Россіи. Вырывая меня поднять

Прочитавъ этотъ разсказъ турецкаго историографа о нашествіи нашихъ Днѣпроцевъ и Донцевъ на берега Чернаго моря, кто не увидитъ въ этихъ Славянскихъ удалцахъ—казакахъ того же характера народной смѣлости и отваги, которымъ въ X вѣкѣ отличались Варяжскіе Руссы? тѣ самые «Варенги-Славяне», которые даже на востокъ слыли знаменитѣйшими изъ Славянскихъ народовъ; тѣ самые Венеды, туземцы Сербскаго Поморья, которые даже въ эпоху Цезаря превосходили всехъ прочихъ въ искусствѣ мореплаванія (*scientia atque usu nauticarum rerum ceteros antecedunt*), и далеко распространили свою власть по береговымъ странамъ запада (*hujus civitatis longe amplissima auctoritas omnis orae maritimae regionum eorum*); тѣ самые «валечные Русы, предки наши» которые говорили однимъ языкомъ съ Новгородскими Словенами, поклонялись однимъ Славянскимъ божествамъ, имѣли одинаковое политическое устройство, а цѣлующимъ состояніемъ своихъ Славянскихъ общинъ, обогащенныхъ земледѣліемъ и торговлею, и послужившихъ зародышемъ славной Ганзы, могли дѣйствительно возродить желаніе въ Новгородцахъ призвать къ себѣ оттуда князей единовѣрцевъ единоплеменниковъ, да водворятъ *нарадь* въ нашей землѣ, великой и обильной, но гражданскими удобствами лишенной порядка въ ту эпоху.

звѣстку, брошенную защитникамъ славянскаго происхожденія Руси, — В. В. Григорьевъ замѣтилъ однакожъ съ своей стороны П. С. Савельеву, что топографія кладовъ съ восточными монетами, представляя наличными доказательства связи упландскаго берега съ Россією, *имчуть не служатъ* черезъ это *неопровержимымъ* гипотезѣ о тождествѣ Рослагенскихъ родовъ съ Русью, призванною Финно-Славянскимъ союзомъ: *точно такія* же наличныя доказательства представляетъ топографія кладовъ и связи съ Россією съ Славянскимъ Поморьемъ Балтики, отъ устьевъ Нѣмана и «Вислы до береговъ Эльбы, то есть именно съ тѣми мѣстами, откуда *имчуть* водить Русь, призванную Финно-Славянскимъ союзомъ, враги скандинавовъ, начиная съ Ломоносова». (Финн. Вѣсти. 1847. № 4, гл. V, стр. 37.) — Подробный разборъ мнѣній М. П. Погодина послужить съ моей стороны отвѣтомъ и П. С. Савельеву, для разсѣянія его послѣднихъ сомнѣній относительно истинности *доказательности* гипотезъ, придуманныхъ въ оправданіе скандинавовъ.

* Славян. Сборникъ, стр. 93. — Мысль эта была подробно развита ученымъ авторомъ Мухомъ Вумизматики, стр. ССКХХІІІ—СС.

Разсмотрѣвъ доказательства, представленныя М. П. Погодинымъ въ защиту мнимаго Скандинавизма Руси, я долженъ отдать полную справедливость его диалектическому искусству и повторить то, что сказалъ онъ о покойномъ С. М. Строевѣ: «справое дѣло не дѣлалъ почти было запутывать логиче, фехтовать на словахъ искусство.» * Действительно, Скандинавизма не приобрѣтала ни въ томъ такого ревностнаго и ученаго приверженца, какъ въ М. М. Погодинѣ, умѣвшемъ искусно скрыть все, что могло бы потрясти защищаемыя имъ гипотезы, дать превратный смыслъ своимъ свидѣтельствамъ своимъ и чужихъ писателей, и сдѣлать все это съ такою ловкостію, что читатель, и наконецъ самъ авторъ, остаются какъ бы убѣжденными въ справедливости Байерова ученія. «Мы»—пишетъ М. П. Погодинъ (т. II, стр. 317, 318)—«изложили всѣ (?) мнѣнія о происхожденіи Варяговъ Руси; разобрали всѣ доказательства (?), съ перваго до послѣдняго. Всѣ онѣ не только уступаютъ «количествомъ и качествомъ (?)» первому, то есть мнѣнію о «Норманскомъ происхожденіи, но и представляются совершенно ничтожными (?) въ сравненіи съ нимъ, заключающимъ, какъ мнѣ кажется, истину неоспоримую (?). Знаменитый Байеръ положилъ основаніе этому мнѣнію... Мнѣ довелось привести его въ систему, собрать изъ которыхъ мѣстныя доказательства, особенно изъ Русскихъ летописей, укрѣпить въ мѣстахъ слабыхъ, согласить противорѣчія, опровергнуть возраженія и разобрать, посредствомъ его положеній, всѣ прочія мнѣнія.»—Вотъ куда софистическая диалектика завлекла почтеннаго автора «Исследованій, Записокъ и Лекцій о Русской исторіи!» Ему самому показалось, будто бы онъ изложилъ всѣ противныя мнѣнія со всеми ихъ доказательствами, тогда какъ многія сочиненія противныя Скандинавизму остались даже обойденными, нечитанными (Исследованія Святнаго, Славянскій Сборникъ, Россія въ ист.

* Разборъ Строевскаго. «Описанія памятниковъ Славяно-русской Литературы, хранящихся въ публичныхъ бібліотекахъ Германіи и Франціи», изданный М. П. Погодинымъ въ Москвитинѣ въ 1841 году.

отнош.), или изложены превратно, какъ напримѣръ Историко-критическія изслѣдованія Э. Д. Морозкина. Мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Руси *показалось* заключающимъ будто бы истину неоспоримую, — тогда какъ для этого потребовалось исказить географическія показанія Нестора, оставить безъ вниманія важное поясненіе его продолжателя и принять въ текстъ перетолкованіе яснаго этнографическаго указанія Арабовъ. *Показалось*, будто бы мнѣнія славянистовъ уступаютъ количествомъ и качествомъ гипотезъ скандинавомановъ, — тогда какъ авторъ привелъ только лишь тѣ мнѣнія, съ которыми счелъ возможнымъ сладить, сославшись на Шафарикову «Славянскую Народопись» въ томъ, въ чемъ она положительно свидѣтельствуетъ совсѣмъ противное. *Показалось*, будто собраны новыя доказательства изъ Русскихъ лѣтописей, — тогда какъ новыхъ доказательствъ Скандинавоманія не только не могла приобрѣсть, но и совершенно была потрясена изданіемъ II тома «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей», гдѣ напечатано положительное свидѣтельство, что Варяжское Поморье есть земля Сербскихъ князей и начинается за Гданскомъ и Старрадомъ. *Показалось*, будто бы удалось укрѣпить Скандинавоманію въ мѣстахъ слабыхъ и согласить противорѣчіе, — тогда какъ на 165 страницъ втораго тома «Изслѣдованій» читаемъ признаніе, что «соединить всѣ мѣста (откуда ведутъ Русь господа скандинависты) очень мудрено, а порознь онѣ мѣшаютъ другъ другу, показывая для недобѣрчиваго изыскателя «случайность созвучій»; а далѣе на 217 страницъ, что мѣста указываемыя Скандинавоманіями «хотя имѣютъ за себя «множество доказательствъ (??), а все таки недостаточны по «законамъ строгой критики». *Показалось*, будто бы удалось опровергнуть возраженія, — тогда какъ значительнѣйшія и не тронуты. *Показалось*, будто удалось разобрать всѣ прочія мнѣнія «необузданныхъ Славянъ», — тогда какъ здравый смыслъ человѣческой убѣждаетъ въ противномъ, ибо нѣтъ возможности разбирать то, что остается неизвѣстнымъ, какъ нечитанное... Слѣдствіемъ всей этой діалектики былъ судъ М. П. Погодина надъ противниками Скандинавоманіи,

безпримѣрный по своему характеру.... Конечнымъ же выводомъ 25-лѣтнихъ изысканій признаемъ: «кто были именно Варяги—Русь, и гдѣ они» жили — не рѣшено до сихъ поръ съ достовѣрностію» (II, 166), а черезъ нѣскольکو строкъ провозглашеніе за истину неоспоримую, будто бы «они обитали въ какомъ нибудь углу сѣвера или древа-«ней Скандинавіи», и направленіе всѣхъ доказательствъ къ оправданію любимой гипотезы.

Но вѣдь не лѣзя же, наперекоръ исторической правдѣ, уничтожить свидетельства Нестора, и его продолжителя, что Варяги Русь со всѣмъ другой народъ, нежели Свей и прочія племена скандинавскія, и то родина нашихъ Варяговъ совпадаетъ именно съ Балтійскою Сербію; ни свидетельства Арабскаго, что эти Варенги—Славяне жили на востокъ отъ Данемарка (то есть на Сербскомъ Поморьѣ) и были славнѣйшими изъ народовъ Славянскихъ; ни свидетельства западныхъ, что нѣмецкимъ именемъ Nordmanni (сѣверяне) покрывались Slavi aquilonares (Славяне сѣверные), именно по мѣстоположенію (a positione loci); ни того, что могущество ихъ восходитъ къ глубокой древности и засвидѣтельствовано гениальнымъ полководцемъ-писателемъ, Юліемъ Цезаремъ, который прямо называетъ ихъ сильнѣйшимъ народомъ на морѣ.... И свѣтъ истины во тьмѣ свѣтитъ, и тьма софизмовъ его не объятъ!

Такимъ образомъ, всестороннее разсмотрѣніе вопроса о началѣ Русскаго государства оправдало мысль о сербскомъ происхожденіи князей, призванныхъ новгородскимъ союзомъ изъ Руси варяжской съ сербскаго Поморья въ нашу сѣверную Русь, кривичско-ильменскую. Мысль эта, положительно высказанная въ 1845 году въ «Славянскомъ Сборникѣ» и въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»*, встрѣтила ученаго противника въ авторѣ «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи», который

* Продолжительная болѣзнь и другія обстоятельства донныя мнѣ препятствовали напечатать вторую статью о Варяжской Руси и трактатъ о старобытности Руси въ предѣлахъ нашего отечества.

25 мѣтъ посвятилъ защищенію Байеръ-Шлёцеровыхъ гипотезъ о скандинавскомъ происхожденіи Руси. Однако жъ, вся усилія поддержать падающую скандинавоманію оказались тщетными, не смотря на искусство и ловкость московскаго ученаго. Ему удалось опровергнуть систему Эверса, превратившаго нашу славянскую Русь въ народъ турецкій; честь этого *отрицательнаго* подвига принадлежитъ М. П. Погодину безспорно. Но когда пришлось опредѣлять ясно и точно, *гдѣ* жили и слѣдственно *кто* были призванныя Новгородцами князья русскіе изъ земли варяжской, тогда-то вполне обнаружилась слабость скандинавоманіи и ея противорѣчіе фактамъ географіи, этнографіи, лингвистики, славянской идеологіи. Историческая правда восторжествовала. Почтенный изслѣдователь, увлеченный страстію къ своей скандинавской гипотезѣ, не могъ *правильно* и *вѣрно* рѣшить вопроса о началѣ нашего государства, хотя и чувствовалъ всю важность изслѣдуемаго предмета. Этими замѣчательными словами трудолюбиваго автора «Изслѣдованій, Забѣчаній и Лекцій» (т. II, стр. 1, 2, 4) заключаю разборъ его системы объ основателяхъ Русскаго государства:

«Вопросъ важный и любопытный: *какъ началось* то государство, которое *могуществомъ* своимъ далеко превышаетъ «всѣ государства въ міръ, прошедшемъ и настоящемъ; которое легко можетъ еще усилиться въ нѣсколько разъ; которое въ десяти своихъ климатахъ обладаетъ всеми естественными произведеніями, и можетъ обходиться безъ всякой иностранной помощи; которое занимаетъ теперь уже «первое мѣсто въ политической системѣ Европы, и можетъ «располагать судьбою ея, судьбою всего свѣта, всего рода «человѣческаго; которое обилуетъ *свѣжими силами*, бьется «юною жизнію, между тѣмъ какъ прочія уже устарѣли, «ветшаютъ, низпадаютъ съ высоты своего величія. Какъ «зародился этотъ удивительный колоссъ—найдется ли другой вопросъ любопытнѣе для мыслящаго историка, политика и философа!... Но есть еще другія причины, немаловажныя, по коимъ изслѣдованія о началѣ Русскаго госу-

«дарства становятся въ высокой степени важными, и даже необходимыми: исторія всякаго государства есть не что иное, какъ *развитіе его начала*; настоящая и будущая ея исторія такъ происходитъ изъ начала, какъ изъ прощечнаго сѣмени вырастаетъ то или другое огромное дерево, какъ въ человеческихъ поколѣніяхъ правнучки сохраняютъ часто тончайшіе отъѣвки голоса или легчайшія черты тѣлодвиженія своихъ прадедовъ. Начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень ея исторіи. Въ началѣ должно искать источника главныхъ государственныхъ явленій, и въостъ отличія русской исторіи отъ всехъ прочихъ, западныхъ и восточныхъ.... Счастливы мы будемъ, если успѣемъ найдти истинную или приблизиться къ ней!»

Открыта ли теперь эта, долго искомая, истинна—представляю рѣшить безпристрастію всехъ любителей Отчественной Исторіи.

Н. САВВЬЕВЪ-РОСТИСЛАВЪ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОНИНЪ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПО- СТУПОКЪ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СУВОРОВА .

Можно бы подумать, что завоеватель Измаила и покоритель Праги не былъ чувствителенъ къ гласу челоуѣколюбія; но слѣдующій анекдотъ покажетъ, что Суворовъ умѣлъ соединять строгость съ состраданіемъ.

Капитанъ *Синицкій* за нѣкоторое преступленіе былъ лишенъ чина и сосланъ въ Сибирь. Отчаянная мать его прибѣгаетъ къ Суворову и проситъ его заступленія слѣдующимъ письмомъ:

«Сіятельныйшій графъ!
Милостивѣйшій государь!

Семдесятъ лѣтъ я живу на свѣтъ, шестнадцать взрослыхъ дѣтей скоронила; семнадцатого—последнюю мою надежду!—молодость и запальчивый нравъ погубили, Сибирь и вѣчное наказаніе достались ему въ удѣлъ,—а гробъ для меня еще не открылся.

* Статья эта сообщена намъ почтеннымъ, семидесятитрехлѣтнимъ старцемъ, Ф. А. фонъ-Эттингеромъ, который, въ своей молодости, служилъ на военномъ поприщѣ и слышалъ сообщаемый здѣсь рассказъ отъ одного изъ своихъ сослуживцевъ, находившихся при генералиссимусѣ Суворовѣ.

Редакторъ С. Ом.

«Государь милосердъ; графъ Рымникскій милостивъ и сострадательнъ! Возврати мнѣ сына.... и спаси отчаянную!»

Лейбъ-гренадерскаго полка

Капитана Сивцакаго мать.»

Вотъ отвѣтъ Суворова:

«Милостивая государыня!

«Я молиться Богу буду; молись и ты, и оба молиться будемъ мы. Съ почтеніемъ пребуду

вашъ покорный слуга

А. Суворовъ.

Между-тѣмъ онъ употребилъ свое ходатайство у Престола, и черезъ нѣсколько дней капитанъ Сивцакій былъ въ объятіяхъ матери.

=

Современная Летопись и Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЗОРЪ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ НА КАВКАЗѢ.

20-го сего октября прибылъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ *Исаковъ* со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ о совершенномъ пораженіи многочисленныхъ скопищъ *Шамиля* войсками Дагестанскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя *Аргутинскаго-Долгорукаго*.

Послѣ занятія Гергебиля, войска сего отряда частью обращены были къ возведенію укрѣпленія въ Аймакахъ и работкъ дорогъ, частью сосредоточены на Турчидагъ, для наблюденія за непріателемъ. Войска Лезгинскаго отряда, при подобныхъ занятіяхъ, находились также въ готовности отразить всякія покушенія мятежниковъ на смежную съ Даге-

станомъ Джаро-Бьлоканскую область. Этими мѣрами исполнѣе обезпечено было, въ продолженіе всего лѣта, спокойствіе покорнаго намъ края. Но въ началѣ сентября, недостатокъ подножнаго корма и выпавшій въ горахъ снѣгъ, принудилъ войска спуститься съ высотъ въ долины, и *Шамиль*, мечтая загладитъ передъ Мюридами потерю Гергебиля, рѣшился воспользоваться этимъ временемъ, дабы испытать счастье.

Въ первыхъ числахъ сентября начали стекаться огромныя шайки мятежниковъ въ горныя Казикумыкскіе Магалы: 7-го числа, сильная партія *Шабана Мулы* показалась на Меседельгорскомъ хребтѣ, угрожая Бьлоканскому ущелью, а самъ *Шамиль* съ главными силами, имѣя *Даниель-Бека* въ авангардѣ, внезапно бросился на Самурскій округъ. Устрашенные жители не оказали сопротивленія. Командующій симъ округомъ полковникъ *Ротъ* не могъ, съ небольшою уже частью мѣстной милиціи, остановить вторженія огромной массы Мюридовъ, но оспоривая имъ каждый шагъ, послѣ нѣсколькихъ перестрѣлокъ, отступилъ въ Ахтинское укрѣпленіе.

Мятежники заняли такимъ образомъ всѣ деревни по верховьямъ Самура и Ахты-Чаю; выдвинувъ значительныя партіи по направленіямъ къ Карагу и Хазрамъ, противъ дагестанскаго, а также въ Элису, противъ лезгинскаго отрядовъ, *Шамиль*, обложилъ, 14 числа, Ахтинское укрѣпленіе.

Укрѣпленіе сіе расположено на правомъ берегу Самура, при слияніи этой рѣки съ Ахты-Чаемъ. Постоянный гарнизонъ, изъ двухъ ротъ Грузинскаго линейнаго № 6-го баталіона, усилень былъ 5-ю гренадерскою ротою пѣхотнаго Князя Варшавскаго полка, которую полковникъ *Ротъ* успѣлъ притянуть изъ Кусаръ, штабъ-квартиры сего полка; кромѣ того задержалъ онъ прибывшую въ тотъ день сводиую команду Мингрельскаго Егерскаго полка, слѣдовавшую на Военно-Ахтинскую дорогу. Всего подъ ружьемъ было около 500 человекъ.

Ближайшія окрестности укрѣпленія перерезаны глубокими оврагами, и Ахты-Чай течетъ между крутыми берегами.

Эта мѣстность дозволила непріятелю скрытно подойти на ружейный выстрѣлъ, и мѣткимъ огнемъ дѣйствовать по бастионамъ. Подковникъ *Ротъ* раненъ 15 числа, и хотя сдалъ команду пѣхотнаго Князя Варшавскаго полка капитану *Новооселову*, но продолжалъ совѣтами своими руководить защитниковъ форта и ободрять ихъ примѣромъ твердости и присутствія духа.

16-го числа, Мюриды устроили траншею изъ фашинокъ со стороны Ахты-Чая, и, выдвинувъ мортиру на лѣвомъ берегу Самура, открыли изъ нея огонь по укрѣпленію. Въ полдень граната пробила крышу одного пороховаго погреба и взорвала до 400 пудовъ пороха. Этотъ взрывъ выбилъ изъ строя 5 офицеровъ и 40 человекъ нижнихъ чиновъ; перебито и переранено много женъ и дѣтей гарнизона, и въ 5-мъ бастионѣ часть бруствера совершенно обрушилась. Въ сію ужасную минуту Мюриды хлынули на штурмъ, но отброшены штыками; развалъ бруствера заложень кулами съ мукію. Между-тѣмъ положеніе гарнизона дѣлалось опаснымъ: штабсъ-капитанъ *Бучкѣевъ* вызвался извѣстить о семъ генералъ-адъютанта князя *Аргутинскаго*, и пробрался ночью, переодѣтый, чрезъ непріятельскіе посты.

17-го числа, Мюриды привели свою траншею на край гласиса, и начали уже заваливать ровъ; но удачно-брошенные брандскугели зажгли и уничтожили фашинникъ во рву.

Въ тотъ день передовыя войска дагестанскаго отряда спустились съ противуположнаго хребта къ лѣвому берегу Самура, и, встрѣченныя громкимъ ура гарнизона изъ-за широкой рѣки, обѣщали ему скорую помощь: отважный *Бучкѣевъ* исполнилъ свое порученіе.

18 и 19-го, непріятель продолжалъ свои работы и, какъ въслѣдствіи оказалось, онъ прикрывалъ траншеею мину, которую велъ похъ 1-й бастионъ.

20 числа, густыя толпы Мюридовъ наполнили весь вокругъ укрѣпленія скрытыя отъ выстрѣловъ мѣста, и, въ 10 часовъ утра, съ неожиданнымъ для гарнизона взрывомъ приготовленной мины, бросились на штурмъ на 1, 5 и 4-й баталіоны. Не смотря на убійственный огонь нашей артиллеріи и

сильную оружейную пальбу, Мюриды вторгнулись въ ровъ, гдѣ ихъ встрѣтили ручныя гранаты и перекрестный картечный огонь. Но таково было ихъ остервененіе, что по грудамъ своихъ труповъ они вскочили на стѣну. Здѣсь завязался отчаянный рукопашный бой; три раза сброшенный въ ровъ непріятель, три раза вскакивалъ на стѣну; наконецъ Мюридамъ удалось овладѣть 4, 5 и 1-мъ бастионами; но гарнизонъ вынесъ ихъ на штыкахъ, и, опрокинутые съ ужаснымъ урономъ, мятежники отказались въ тотъ день отъ дерзкаго предпріятія.

Мужественной обороною гарнизона содѣйствовали и женщины, принося заряды и патроны защитникамъ укрѣпленія, выводя и перевязывая раненныхъ; дочь полковника *Рота* и супруга горнаго инженеръ-поручика *Хрещатицкаго* раздѣляли общее въ этотъ рѣшительный день самоотверженіе.

21-го числа, непріятель, пламенѣя мщеніемъ, принялся съ сугубою дѣятельностію за траншейныя работы, готовя новый штурмъ; гарнизонъ, ослабленный до половины числительнаго его состава отъ покушеній и безпрестаннаго огня Мюридовъ, и утративъ уже надежду на помощь отряда, готовился на славную смерть.

22-го числа, замѣтивъ необыкновенное движеніе въ толпахъ непріятельскихъ и думая, что настала часъ роковой атаки, офицеры, жертвуя своими семействами, предложили нижнимъ чинамъ взорвать себя и укрѣпленіе на воздухъ, если Мюриды овладѣютъ имъ; молодцы приняли единогласно предложеніе это!

Но вдругъ поспѣшное отступленіе непріятели возвѣстило героямъ приближеніе отряда.

Князь *Аргутинскій*, получивъ, 8-го сентября, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, свѣдѣніе о вторженіи *Шамиля* въ Самурскій округъ, собралъ, къ 10-му числу, между Лавашами и Пастъ-Кентомъ, отрядъ изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты и дивизиона драгунъ, и двинулся къ Кумуху; въ этомъ пунктѣ присоединивъ къ отряду еще 3 баталіона, онъ прибылъ, 16-го числа, въ Курагъ форсированными маршами, безъ дневокъ, не смотря на ненастную погоду и глубокой снѣгъ, выпавшій въ го-

рахъ. Здѣсь явился къ нему штабъ-капитанъ *Бучицѣв* и объявилъ о положеніи ахтинскаго гарнизона.

Князь *Аргутинскій* поспѣшилъ съ авангардомъ и горными орудіями на выюкахъ сдѣлать рекогносцировку къ сему укрѣпленію. Ободривъ гарнизонъ своимъ появленіемъ на лѣвомъ берегу Самура, онъ удостовѣрился, что нельзя устроить операціонной линіи отъ Круга въ Ахтамъ; испорченныя дороги были непроходимы для артиллеріи, мосты разрушены; кромѣ того атака непріятеля съ этой стороны требовала постройки моста черезъ Самуръ. Не имѣя подъ рукою нужныхъ на то матеріаловъ въ безлѣсномъ краѣ, князь *Аргутинскій* рѣшился взять направленіе въ Кабиру со всѣмъ отрядомъ, усиленнымъ конною милиціею, перешелъ два хребта и, переправившись чрезъ Самуръ въ бродъ, 21 сентября сталъ у села Зухуда, близъ Хазаръ.

22-го сентября, съ разсвѣтомъ, отрядъ двинулся отъ села Зухуда къ Ахтамъ; непріятель пересѣкъ дорогу между бывшимъ укрѣпленіемъ Тифлисскимъ и селомъ Мискиджи. Позиція его была чрезвычайно сильна. На самой дорогѣ, поднимающейся весьма круто между камнями, были построены крѣпкіе завалы въ нѣсколько ярусовъ, правый флангъ упирался въ отвѣсный хребетъ, обходимый только на разстояніи 10 верстъ; лѣвый оканчивался отвѣснымъ обрывомъ въ Самуръ; значковъ было много; число непріятеля, по словамъ пѣвннхъ, простиралось до 7 т. пѣшихъ съ отборною кавалеріею, полъ начальствомъ *Даніель-Бека* и *Гаджи Мурада*.

Въ полдень войска сосредоточились; на самомъ руслѣ Самура рѣки была поставлена батарея изъ 4-хъ орудій и 10-ти ракетныхъ станковъ, обстрѣливавшая во флангъ непріятельскую позицію; вся кавалерія переправилась на лѣвый берегъ Самура и подошла къ броду, ведущему въ тылъ непріятелю; 1, 2 и 3-й баталіоны Князя Варшавскаго полка, поддерживаемые 2-мъ баталіономъ Апшеронскаго полка, подъ командою полковника *Манюкина*, двинулись на штурмъ съ фронта позиціи.

Толпы, покрывающія горы, пустили градъ камней и пуль;

но баталіоны, безъ выстрѣла, дружно поднимались въ колоннахъ. Подполковникъ *Кишинскій* повелъ 2-й баталіонъ Князя Варшавскаго полка на самую крутую высоту, увѣчанную сильнымъ заваломъ, который составлялъ ключъ позиціи; подойдя подъ заваль, онъ остановилъ баталіонъ, чтобы дать людямъ перевести духъ; тогда вся толпа Мюридовъ изъ заваловъ ударили въ шашки, и на своихъ плечахъ внесли *Кишинскаго* и баталіонъ его въ заваль. Майоръ *Алмуховъ*, съ 3-мъ баталіономъ, стремительно атаковалъ лѣвый флангъ позиціи надъ самою кручею и, потерявъ несколько человекъ, сброшенныхъ въ Самуръ, почти безъ выстрѣла ворвался и выбилъ Мюридовъ изъ необыкновенно-крѣпкаго мѣста. Подполковникъ *Пироговъ* съ 1-мъ баталіономъ шелъ на центръ позиціи, и не останавливаясь ни разу, выдержалъ самый сильный огонь съ обоихъ фланговъ. Атака была произведена въ такомъ порядкѣ и съ такимъ порывомъ мужества, что непріятель не могъ устоять. Какъ только онъ дрогнулъ, Полковникъ *Джафаръ-Кули-Ага Бакихановъ*, со всею кавалеріею, переправился ему въ тылъ, не смотря на быстроту рѣки, и жестоко атаковалъ бѣгущихъ во флангъ.

Въ часъ по-полудни непріятеля уже не было на мѣстѣ боя, онъ оставилъ 3 значка, 300 слишкомъ тылъ и до 70 пленныхъ; кавалерія, поддержанная пѣхотою, преслѣдовала его по пятамъ; отрядъ ночевалъ у стѣнъ освобожденнаго Ахтинскаго укрѣпленія, сдѣлавъ въ этотъ день 35 верстъ и одержавъ блистательную побѣду.

Съ нашей стороны убито 15 человекъ, ранено: пѣхотнаго Князя Варшавскаго полка подполковникъ *Кишинскій*, капитанъ *Добрышинъ*, поручики: *Лазаревъ* и *Бухгольцъ*, подпоручикъ *Любанскій*, прапорщикъ *Круммець*, нижнихъ чиновъ 152.

23-го и 24-го числа отрядъ слѣдовалъ за непріятелемъ до села Рутула, но *Шамиль*, *Даніель-Бекъ* и *Гаджи-Мурадъ* бѣжали впереди отряда; въ настоящее время, въ Самурскомъ округѣ нѣтъ ни одного вооруженнаго Мюрида; жители сами приводятъ пленныхъ и просятъ помилованія, какъ заблудшіе и уступившіе силъ.

Князь *Арутинскій* съ особеннымъ одобреніемъ называетъ полковниковъ: *Бакиханова*, *Годлевскаго* и *Манюкина*, подполковниковъ: *Пирогова* и *Кишинскаго*, маіора *Алтухова*, капитана *Добрышина*, поручиковъ: *Лазарева* и *Бухгольца*, отличившихся въ этомъ дѣлѣ; защитники укрѣпленія, по отзыву его, *всѣ отличились*, въ особенности же полковникъ *Ротъ*, капитаны: *Новоселовъ* и *Жоржъ*, штабсъ-капитанъ *Бучкеевъ* и прапорщикъ *Биннетъ*.

Генералъ-лейтенантъ *Шварцъ*, съ своей стороны, узнавъ о настоящемъ направленіи главныхъ силъ *Шамиля*, оставилъ въ Бьлоканскомъ ущельѣ наблюдательный отрядъ и стянулъ остальные войска, ему подвѣдомственные, въ Элису, на правый флангъ Лезгинской-линіи. Обезпечивъ Джаро-Бьлоканскую Область и окрестности Нухи отъ всякаго покушенія, онъ поднялся вверхъ по Элисуйскому ущелью, непріятелю въ тылъ, и прибылъ, 22-го сентября, въ горное селеніе *Кудаль*; но значительная партія *Мюридовъ*, расположенная противъ этого селенія, внезапно отступила и скрылась изъ виду, и затѣмъ общее бѣгство непріятеля отстранило надобность въ дальнѣйшемъ движеніи войскъ чрезъ высокія горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ.

Мятежники, поспѣвая въ дома свои и нигдѣ не останавливаясь, много терпѣли отъ холода и голода; посланные слѣдить за ними милиціонеры наши, сосчитали на пути 144 трупа, нѣмыхъ свидѣтелей бѣдственнаго отступленія.

Шамиль, возвратившись изъ первыхъ въ свое убжище, привезъ съ собою, вмѣсто добычи, упреки *Мюридовъ* за огромную потерю лучшихъ людей всѣхъ почти нагорныхъ племенъ и проклятія жителей цѣлаго края, которыхъ онъ заставилъ измѣнить долгу и потонъ беззащитно предаль справедливому взысканію за ихъ малодушіе. Таковы для него и для легковѣрныхъ его приверженцевъ горестныя послѣдствія дерзкаго поиска, коимъ онъ мечталъ поддержать въ горахъ колеблющееся его вліяніе. Это покушеніе мгновенно разразилось къ собственному его вреду, доставивъ храбрымъ войскамъ Кавказскаго корпуса случай покрыть се-

бя новою славою въ стѣнахъ Ахтинскихъ и на высотахъ селенія Мискинжи.

Въ справедливомъ вниманіи къ симъ доблестнымъ подвигамъ, Государь Императоръ Всемилоостивѣйше соизволилъ пожаловать генералъ-адъютанту князю *Аргутинскому-Долгорукову* орденъ Св. Александра Невскаго, полковнику *Роту* чинъ генералъ-маіора и аренду въ 1200 руб. сереб.,— принявшему послѣ него начальство надъ Ахтинскимъ гарнизономъ капитану *Новоселову* чины: маіора и подполковника,—всему гарнизону годовое жалованье не въ зачетъ и 40 знаковъ отличія военнаго ордена,—всѣмъ нижнимъ чинамъ бывшаго подъ Мискинжи отряда по рублю сереб. на каждаго человека.

О лицахъ, наиболѣе отличившихся, и о воспособленіи семействамъ убитыхъ, Высочайше повелѣно войти съ особымъ представленіемъ.

Генеральнаго штаба штабсъ-капитана *Исакова*, принявшаго дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ Дагестанскаго отряда, Государь Императоръ изволилъ назначить флигель-адъютантомъ Его Величества.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ДУНАЙСКИХЪ КНЯЖЕСТВЪ.

Въ минувшемъ іюль доведено до общаго свѣдѣнія, что событія, происшедшія въ Дунайскихъ Княжествахъ, побудили Государя Императора ввести туда, на время, отрядъ войскъ, для возстановленія порядка, при содѣйствіи отряда, отправляемаго туда же Оттоманскою Портою.

Вступленіе войскъ нашихъ въ Молдавію и расположеніе ихъ въ Яссахъ, Бырлатъ и Текучахъ, вполне достигли предположенной цѣли, и оградили эту область отъ мятежныхъ волненій, распространившихся въ Валахіи. Бывшіе въ Молдавіи Валахскіе и чужестранные эмиссары удалились за Сереть. Между тѣмъ Турки вступили въ Валахію, и заняли Бука-

рестъ 13-го сентября. — 16-го числа войска наши перешли чрезъ Сереть, и двинулись эшелонами къ тому же городу, подъ начальствомъ командира 5-го пѣхотнаго корпуса, генерала отъ инфантеріи Лидерса. Въ Фокшанахъ Валахскихъ авангардъ встрѣченъ былъ Епархіальнымъ Епископомъ въ сопровожденіи жителей города, съ хоругвями и при колокольномъ звонѣ.

Изъ сего пункта отряженъ флигель-адъютантъ полковникъ Скарятинъ съ 4-мя сотнями донскихъ казаковъ, для наблюденія за шайкою Поляковъ, которая находилась въ окрестностяхъ. Открывъ эту шайку, 20-го числа, въ селѣ Лапотарѣ, Полковникъ Скарятинъ послалъ въ это селеніе партію изъ 20-ти казаковъ съ Хоруужимъ Чурбаковымъ. Казаки такъ быстро и неожиданно бросились въ атаку, что бродяги успѣли дать только нѣсколько выстрѣловъ; затѣмъ, они частью бѣжали, частью защищались холоднымъ оружіемъ; но казаки скоро овладѣли ими: изъ числа 30-ти Поляковъ 7 убиты, остальные взяты въ плѣнъ.

Для содѣйствія Турецкимъ войскамъ, направленнымъ изъ Букареста въ Малую Валахію, дабы очистить горную ея часть отъ возмутителей, генералъ отъ инфантеріи Лидерсъ отрядилъ туда, 24-го сентября, генералъ-лейтенанта Гасфорда съ 3-мя баталіонами люблинскаго егерскаго и 4-мя эскадронами ахтырскаго гусарскаго полковъ, легкую № 7-го баттарею 15-й артиллерійской бригады и четыремя сотнями казаковъ. Главныя силы продолжали слѣдованіе къ Букаресту.

О движеніи войскъ нашихъ получено нынѣ слѣдующее донесеніе генерала Лидерса, отъ 1-го октября:

«Авангардъ вѣрренныхъ мнѣ войскъ прибылъ въ Букарестъ 28-го, а главныя силы 30-го сентября, за исключеніемъ отряда генералъ-лейтенанта Гасфорда, направленнаго въ малую Валахію. Войска расположены въ лагерь вдоль рѣчки, которая протекаетъ около части города, находящейся по лѣвую сторону рѣки Дембовицы.

Авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Данилев-

скаго, следуя къ Букаресту, встрѣтился въ Урячени съ Турецкимъ отрядомъ, шедшимъ отъ Браилова къ Букаресту же; между ними взаимно оказаны были знаки дружественнаго расположенія, и начальникъ Турецкаго отряда пригласилъ генераль-маіора Данилевскаго осмотрѣть Турецкія войска на походъ.

Съ приближеніемъ мовимъ къ Букаресту, 28-го сентября, у городской заставы я встрѣченъ былъ Валахскимъ Каймакомъ, и, въ сопровожденіи его, отправился въ приготовленный для меня загородный домъ, гдѣ ожидали митрополитъ, главные члены управленія и значительнѣйшіе бояре. Митрополитъ произнесъ рѣчь*, въ которой, отъ имени Валахскаго народа, изъявилъ чувства глубочайшей признательности Государю Императору за благодѣянія, оказываемыя Валахіи.

Генераль-лейтенантъ Гасфордъ, следуя по назначенію, доносить, что ввѣренный ему отрядъ прибылъ въ Плоешти 26-го сентября, и на всемъ пространствѣ отъ Бузео въ край покойно. Войска, подходя къ Плоештамъ, встрѣчены были народомъ и духовенствомъ съ крестомъ, хоругвями, хлѣбомъ и солью. Изъ числа лицъ, замѣшанныхъ въ революціи и принимавшихъ дѣятельное участіе въ пропагандѣ, три профессора арестованы. Въ городѣ Терговицѣ, генераль-лейтенантъ Гасфордъ получилъ свѣдѣніе, что бунтовщикъ Магера, укрьпившійся въ позиціи близъ Рымника на Ольтъ, отрядилъ партію въ 200 человекъ къ городу Питешти для изгнанія оттуда новаго исправника. Посему посланъ былъ начальникъ авангарда, флигель-адъютантъ полковникъ Скарятинъ, съ казаками, въ Питешти, куда и прибылъ 29-го сентября. Быстрое сіе движеніе имѣло слѣдствіемъ, что мятежники, узнавъ о приближеніи войскъ нашихъ, объаты были страхомъ и оставили намѣреніе напасть на Питешти.

Главный ихъ предводитель, Магера, съ сообщниками, бѣжалъ въ Трансильванію. Милиція, получившая, между тѣмъ обнародованный призывъ Каймакама о возвращеніи къ своему долгу, явилась къ полковнику Скарятину съ изъявле-

* Рѣчь митрополита у сего прилагается.

ніемъ покорности, въ числѣ одного эскадрона, шести орудій и части пехоты. Изъ Пятешти генералъ Гасфордъ двинется къ Рымнику на Ольтъ.

Для усмиренія Малой Валахій, независимо отъ турецкихъ войскъ, посланныхъ изъ Виддина и Букареста на Краіову, по распоряженію Омеръ-Паши, направленъ еще отрядъ изъ Букареста къ Рымнику на Ольтъ. Совокупное сіе дѣйствіе нашихъ и турецкихъ войскъ будетъ имѣть, безъ сомнѣнія, большое моральное вліяніе на успокоеніе умовъ въ Малой Валахій.

Я посѣтилъ вчера комиссара Порты Фуада-Эфенди и начальника отряда турецкихъ войскъ Омеръ-Пашу, которые изъявляютъ дружественное къ намъ расположеніе. Для положительнаго раздѣленія Букареста на двѣ части, при занятіи онаго нашими и турецкими войсками, по обоюдному соглашенію, опредѣлена рѣка Дембовица. Часть города, находящаяся по лѣвую сторону сей рѣки, будетъ занята нашими войсками, а по правому берегу турецкими, гдѣ нынѣ находится и лагерь ихъ. Въ опредѣленной для насъ части города я назначаю комендантомъ командира 15-й артиллерійской бригады, генералъ-маіора Рефельда, и завтрашняго числа переходитъ въ городъ корпусный штабъ. По составленіи квартирнаго росписанія для войскъ, они будутъ расположены немедленно въ городъ, окрестностяхъ и уѣздахъ.

Съ прибытіемъ войскъ нашихъ, крестьяне, въ особенности тѣхъ уѣздовъ, по которымъ войска проходили, возвратились къ полевымъ работамъ.

Осмотрѣвъ вчерашняго числа, при вступленіи въ городъ, уланскую бригаду 5-й легкой кавалерійской дивизіи, прибывшей подъ командою начальника оной, генералъ-лейтенанта князя Багратіона-Имеретинскаго, изъ Кишинева въ Букарестъ — 450 верстъ — въ 19 дней, я нашелъ ее въ отличномъ состояніи; не смотря на усиленные марши, лошади сбережены, и больныхъ только 16 человекъ.

РѢчь ВАЛАХСКАГО МИТРОПОЛИТА

Генералу отъ инфантеріи Лидерсу.

Духъ волненія, мятежа и безначалія, распроstrаняемый въ краѣ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, нѣсколькими буйными умами, злосчастно ниспровергъ основанія общественнаго благоустройства.

Его Величество Императоръ Всероссійскій, Августѣйшій нашъ Покровитель, въ теченіи столькихъ лѣтъ являвшій постоянные опыты отеческой заботливости о нашей родинѣ, не остался и нынѣ равнодушнымъ свидѣтелемъ революціоннаго порыва, устремлявшаго Валахію въ пропасть. По согласію съ Его Величествомъ Султаномъ, Россійскій Императоръ поручилъ вашему высокопревосходительству содѣйствовать оттоманскимъ войскамъ къ возстановленію законнаго порядка, обезпеченію народнаго спокойствія и уничтоженію самыхъ слѣдовъ возмущенія.

Видя васъ между нами, мы радостно чувствуемъ эту новую Высочайшую милость, и просимъ ваше высокопревосходительство повергнуть Его Императорскому Величеству глубочайшую признательность, которою одушевленъ народъ Валахскій, и которую счастливъ я выразить вамъ отъ имени его.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ, СЪ 15 СЕНТЯВРЯ ПО 15 ОКТЯВРЯ 1848 ГОДА.

ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

Государственный Совѣтъ, по разсмотрѣніи доклада Правительствующаго Сената, о продажѣ экздивизорскихъ участковъ въ домахъ отъ одного владѣльца къ другому, соглаша-

ясь съ настоящимъ заключеніемъ Правительствующаго Сената, призналъ лишь нужнымъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, постановить: во 1-хъ, чтобы участки въ домъ были продаваемы вполне, безъ раздробленія оныхъ; и во 2-хъ, чтобы сила предполагаемаго нынѣ для Виленской губерніи правила, была распространена и на всѣ другія западныя губерніи, такъ какъ и въ нихъ могутъ встрѣтиться подобныя настоящему вопросы. Въ слѣдствіе сего Государственный Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 14 іюня 1848 года, положилъ: подлежащія статьи Свода Законовъ дополнить тѣмъ, что въ западныхъ губерніяхъ дозволяется совершать купчія крѣпости на продажу участковъ въ раздробительно владѣемыхъ по экздивизіямъ домахъ, но съ тѣмъ, чтобы участки сіи были продаваемы только владѣльцамъ другихъ частей означенныхъ домовъ, и не иначе, какъ въ полномъ cadaго участка составѣ, безъ всякаго дальнѣйшаго оныхъ раздробленія.

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ докладъ Правительствующаго Сената о сличеніи и свидѣтельствѣ почерка подписей на еврейскомъ языкѣ, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 12 іюля 1848 года, положилъ: въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить, что сличеніе почерка въ подписяхъ, сдѣланныхъ на еврейскомъ языкѣ на актахъ, письмахъ и другихъ бумагахъ, при возникшемъ въ подлинности тѣхъ подписей сомнѣніи, производится чрезъ Раввиновъ и двухъ достойныхъ довѣрія и неотведенныхъ тяжущимися лицъ изъ сословія Евреевъ, съ приведеніемъ ихъ предварительно, по обряду ихъ вѣры, къ присягѣ, установленной для свидѣтельскихъ показаній, не требуя однако таковой отъ раввиновъ, обязанныхъ уже присягою по своей должности, съ тѣмъ, чтобы заключеніе о подлинности сличаемой подписи основывалось на большинствѣ голосовъ.

Правительственныя распоряженія.

Поселенные въ Бердянскомъ уездѣ Таврической губерніи мемонисты, извѣстные подъ названіемъ Молочанскихъ, съ

самого выхода своего из Пруссіи постоянно питавшіе и обнаруживавшіе глубокія чувства преданности за отеческую заботливость о нихъ правительства, представили нынѣ мѣстному начальству, за подписью духовныхъ и свѣтскихъ старшинъ, актъ, въ которомъ, выражая тѣ-же чувства, изъявили желаніе безвозмездно поставитъ для войска 130 лошадей, и просили о доведеніи до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія, что они всеподданнѣйше просятъ удостоить это приношеніе, хотя и скудное, Всемогущейшаго принятія въ знакъ неизмѣнной приверженности ихъ къ существующему, законами установленному норядку, непоколебимой ихъ вѣрности къ Престолу и Отечеству и искренней благодарности за покровительство, которымъ они въ Россіи пользуются, и за многія оказанныя имъ благодѣянія и милости.

О такомъ изъявленіи менонистами вѣрноподданическихъ чувствъ своихъ при сдѣланномъ ими пожертвованіи, министръ государственныхъ имуществъ всеподданнѣйше докладывалъ Государю Императору. Его Величество изволилъ принять оное съ особеннымъ благоволеніемъ, и повелѣлъ объявить менонистамъ Свою Высочайшую благодарность, съ опубликованіемъ ихъ подвига.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу отношенія Его Императорскаго Высочества главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, Высочайше соизволилъ изъявить согласіе на изложенное въ ономъ мнѣніе Его Высочества, чтобы воспитанники, кончившіе курсъ наукъ въ Императорскомъ военно-сиротскомъ домѣ, преобразованномъ въ послѣдствіи въ павловскій кадетскій корпусъ, сравнены были въ правахъ по гражданскому чинопроизводству, съ воспитанниками, выпущенными офицерскими чинами изъ павловскаго кадетскаго корпуса и пользовались преимуществами, присвоенными второму разряду.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

1.) Обывателямъ С. Петербурга, при разрѣшеніи имъ построекъ и исправленій домовъ и раздѣленія дворовъ на уча-

стки, выдавать изъ Правленія 1-го Округа Путей Сообщенія планы и фасады не иначе, какъ на особыхъ печатныхъ бланкахъ по формѣ для сего утвержденной, съ указаніемъ на оныхъ правилъ, которыя должны быть соблюдаемы владѣльцами при производствѣ построекъ и исправленіи домовъ и при раздѣленіи дворовъ.

2.) Въ возмѣщеніе расходовъ на изготовленіе въ этомъ видѣ плановъ и фасадовъ, взыскивать съ обывателей: за чертежи для новыхъ построекъ по одному рублю пятидесяти копѣекъ, а для исправленія существующихъ зданій и раздѣленія дворовъ по одному рублю серебромъ.

По внесенному г. министромъ народнаго просвѣщенія въ комитетъ гг. министровъ заключенію по всеподданнѣйшему прошенію отставнаго гвардіи штабсъ-ротмистра Демидова, послѣдовало Всемилостивѣйшее соизволеніе на дарованіе Демидову, потомственному, званія почетнаго попечителя Демидовскаго Лицея.

Г. Министръ, имѣя въ виду, что въ слѣдствіе сего подлежать измѣненію ст. 17 Св. Зак. (изд. 1842 г.) III т. Уст. о служ. по опр. отъ прав. и § 5 Высочайше утвержденнаго 22 ноября 1845 г. Устава Лицея, входилъ въ комитетъ гг. министровъ съ представленіемъ объ исходатайствованіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія:

1.) Званіе почетнаго попечителя демидовскаго лицея, по особой Монаршей милости, предоставляется потомственному ближайшему потомку учредителя Лицея, внуку роднаго брата его, гвардіи штабсъ-ротмистру Павлу Демидову, а по немъ всегда старшему въ родѣ его, о чемъ министерство народнаго просвѣщенія каждый разъ будетъ представлять на Высочайшее утвержденіе. Права и обязанности сего званія суть тѣ же самыя, какія постановлены для онаго въ Высочайше утвержденномъ 8 декабря 1828 г. Уставѣ учебныхъ заведеній.

2.) Должность почетнаго попечителя ярославской губернской гимназіи замѣщается по выбору дворянства, на общемъ установленномъ для сего по прочимъ гимназіямъ, основаніи.

и 3.) Ярославскій губернскій предводитель дворянства, соединившій досель съ этою должностію званіе почетнаго попечителя демидовскаго лиція и ярославской губернской гимназіи, слагаетъ съ себя званіе почетнаго попечителя Лицея, но сохраняетъ оное по гимназіи до окончанія текущаго трехлѣтія.

Комитетъ гг. министровъ, выпискою изъ журналовъ 10 и 24 м. августа, сообщилъ ему, что по положенію онаго, Государь Императоръ сказанное представленіе г. министра народнаго просвѣщенія Высочайше утвердить соизволилъ.

— Въ № 82 санктпетербургскихъ сенатскихъ вѣдомостей напечатаны Высочайше-утвержденные Его Императорскимъ Величествомъ, въ 18 день сентября, положеніе и штатъ жейскаго пансіона при гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ Императорскаго воспитательнаго дома.

По ходатайству пензенскаго гражданскаго губернатора объ учрежденіи въ г. Пензѣ Общества сельскаго хозяйства юговосточной Россіи, г. министръ государственныхъ имуществъ, входилъ съ представленіемъ о томъ въ комитетъ гг. министровъ. По положенію о семъ комитета, Государь Императоръ въ 28 день минушаго августа, Высочайше разрѣшить соизволилъ учрежденіе Общества сельскаго хозяйства юговосточной Россіи на основаніи представленнаго Устава *.

Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія сямъ объявляется, что всѣ частныя лица, имѣющіе хоры пѣвчихъ и желающіе образовать своихъ регентовъ, могутъ присылать ихъ въ С. Петербургъ, въ придворную пѣвческую капелль, для обученія, на слѣдующихъ условіяхъ:

1.) Присылаемые для приготовленія въ регенты должны быть не моложе 25 лѣтъ, и имѣть о церковной нотной музыкѣ хотя нѣкоторое понятіе.

2.) Они должны быть снабжены приличною одеждою,

* Уставъ общества напечатанъ въ № 83 санктпетербургскихъ сенатскихъ вѣдомостей.

скрипкой со смычкомъ, камертономъ и деньгами, до 30 руб. серебромъ, на покупку нотъ.

3.) Въ капелли они обязаны находиться ежедневно, отъ 9 часоу утра до часа пополудни. Продовольствіе и квартиры ихъ отъ капелли не зависятъ.

4.) Каждый ученикъ, при поступленіи въ классъ регентовъ, вноситъ за свое годичное обученіе 30 руб. серебромъ.

5.) Въ классы регентовъ могутъ поступать люди съ самыми самыми слабыми, но имѣющіе умственные способности для своего будущаго назначенія.

6.) Время, которое ученикъ долженъ пробыть въ капелли, будетъ зависѣть отъ его способности и старанія; а потому, если по истеченіи года онъ еще не окончитъ меньшаго курса, то обязанъ вновь внести 30 рублей серебромъ за продолженіе ученія еще на годъ.

7.) Обученіе регентовъ имѣетъ три различныя курса: меньшій, средній и высшій.

Въ меньшемъ курсѣ ученикъ обучается: правильно задавать тонъ, правильно опредѣлять темпъ, твердо знать простой церковный напѣвъ, употребляемый въ церквахъ при Высочайшемъ Дворѣ, и руководствовать хоромъ при пѣніи новѣйшаго сочиненія молитвъ, которыя въ придворныхъ церквахъ употребляются; имѣть свѣдѣнія въ начальныхъ правилахъ гармоніи, для поправленія случающихся въ нотахъ ошибокъ, играть на скрипкѣ, сколько нужно для подаванія тона поющимъ.

Старательный и способный ученикъ курсъ этотъ оканчиваетъ въ одинъ годъ.

Въ среднемъ курсѣ ученикъ, окончивъ все, что требуется въ меньшемъ, продолжаетъ обучаться правиламъ гармоніи, и достигаетъ той степени знанія, на которой можетъ положить въ правильную четырехъ-голосную гармонію всякую данную мелодію, и получаетъ полное свѣдѣніе, какъ готовить каждого пѣвчаго особо къ хорному и тому одиночному пѣнію, какое нерѣдко встрѣчается въ церковныхъ нотахъ новѣйшихъ сочинителей.

Въ высшемъ курсѣ ученикъ, окончивъ требуемое въ мень-

шесть и средняго курсахъ, продолжаютъ обучаться. Иранламъ гармоніи, достигаетъ той степени, при которой можетъ самъ правильно сочинять музыку, и получаетъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ тонностяхъ человеческого голоса, однимъ словомъ—приобрѣтаетъ все, что нужно для ученаго и вполне полезнаго реценента, и съ дарованіями природными можетъ идти по слѣдамъ знаменитыхъ отечественныхъ нашихъ композиторовъ.

Но какъ для *средняго* и *высшаго* курса не достаточно въ года времени, ни 30 руб. серебромъ на обучение, то ученикъ, окончившій *меньшій* курсъ, буде пожелаетъ поступать въ курсъ *средній*, обязанъ внести впередъ за годичное свое учение 150 рублей серебромъ, поступая же въ *высшій* курсъ 300 рублей серебромъ за годъ.

Всякой ученикъ, выходящій изъ придворной певческой капеллы, снабжается аттестатомъ, сообразнымъ его познаніямъ.

Пересылка частныхъ писемъ внутри Имперіи и въ Великое Княжество Финляндское,

ВЪ ШТЕМПЕЛЬНЫХЪ КУВЕРТАХЪ.

Для облегченія способовъ пересылки по почтѣ частныхъ писемъ и для освобожденія публики отъ необходимости предлагать къ письмамъ, при самой подачѣ или отправленіи ихъ на почту, слѣдующія за нихъ въсовыя деньги, г. главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ испрашивалъ разрѣшенія ввести для писемъ, пересылаемыхъ внутри Имперіи и въ Великое Княжество Финляндское, штемпельныя куверты, наподобіе тѣхъ, какіе употребляются на городской почтѣ въ обихъ столицахъ. За таковыя куверты взымается, при продажѣ ихъ, плата, слѣдующая и за пересылку письма, а затѣмъ подаваемыя въ штемпельныхъ ку-

вирных писемъ, какъ уже оплаченныя, принимаются на почту безъ платежа за пересылку. Удостоеннымъ Высочайшаго утвържденія въ 26-й день января сего года, министромъ Государственнаго совета, г. Главнначальствующему предоставлено, независимо отъ существующей пересылки частныхъ писемъ въ обыкновенныхъ конвертахъ, ввести такую для той же корреспонденции, по всей Имперіи и въ Великое Княжество Финляндское, въ конвертахъ штемпельныхъ, на слѣдующемъ основаніи:

1) Упомянутому гдѣ или другимъ конвертовъ предоставить на волю самихъ отправителей писемъ.

2) Штемпельные конверты дѣлать изъ особой, съ наведенною водянымъ шрифтомъ сѣткою, бумаги.

3) Для предоставленія публикѣ возможности пересылать въ штемпельныхъ конвертахъ, не только однолотныя, но и *большаго вѣса* письма, а именно отъ одного до трехъ лотовъ, изготовлять конверты со штемпелями разныхъ цвѣтовъ: для однолотныхъ писемъ съ черными, для писемъ въ два лота съ синими, и въ три лота съ красными штемпелями, и соответственно этому подраздѣленію, назначить цѣну штемпельнымъ конвертамъ, съ прибавленіемъ къ цѣнѣ за письмо, по дѣйствующей таксъ, одной копѣйки серебромъ *собственно за конвертъ*, именно: за письмо въ одинъ лотъ 11 коп., въ два 21 и въ три лота 31 коп. сер., открывъ продажу такихъ конвертовъ, какъ въ столичныхъ почтамтахъ, губернскихъ, пограничныхъ и уѣздныхъ почтовыхъ контролахъ, такъ и въ почтовыхъ отдѣленіяхъ.

4) Изготовленіе конвертовъ и разсылку оныхъ, а равно и отчетность по сему предмету, возложить на почтовый департаментъ, на каковій конецъ прибавить къ штату онаго двухъ чиновниковъ, съ жалованьемъ по 514 руб. 60 коп. и столовыми по 214 руб. 43½ коп. сер. въ годъ каждому, и съ причисленіемъ ихъ къ одинаковому классу по должности и одинаковымъ разрядамъ по пенсіи и мундиру съ младшими контролерами департамента, а для работъ по изготовленію конвертовъ опредѣлить въ оной десять человекъ сто-

рожей, съ содержаніемъ, наравнѣ съ прочими, по штату назначеннымъ, именно: жалованья по 45 руб. 75 коп. и амуничныхъ по 16 руб. 25 коп. сер. въ годъ каждому.

5) Потребную на сіе сумму 2078 руб. 7 коп. ежегодно, а равно издержки на изготовленіе кувертовъ, отнести на однокопѣчный сборъ за куверты, который на сей конецъ и предоставить въ распоряженіе почтоваго департамента; од поступленія же сего сбора, упомянутые расходы производить заимообразно на счетъ государственнаго казначейства, изъ общихъ доходовъ, къ коимъ причислять и однокопѣчный сборъ.

б) О введеніи штемпельныхъ кувертовъ, обнародовать во всеобщее свѣдѣніе, объявивъ притомъ:

а) Что письма въ сихъ кувертахъ будутъ равномерно взвѣшиваемы въ почтовыхъ мѣстахъ обыкновеннымъ порядкомъ, и въ случаѣ излишняго въ нихъ вѣса противъ цѣны кувертовъ, будетъ довыскиваема подлежащая плата, и

б) что въ случаѣ обнаруженія пересылки въ штемпельныхъ кувертахъ денегъ и вещей, безъ объявленія о томъ при самомъ отправленіи, будетъ поступаемо по ст. 1549-й Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ.

Послѣ сего, по представленію г. главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ о мѣрѣ наказанія за поддѣлку штемпельныхъ кувертовъ, мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ въ 26-й день апрѣля сего года, постановлено, что виновные въ поддѣлкѣ такихъ кувертовъ будутъ подвергаемы взысканію на основаніи статьи 587-й того же уложенія.

Опредѣливъ въ штатъ почтоваго департамента вновь назначенныхъ двухъ чиновниковъ и сторожей, и сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія къ началу съ 1-го декабря сего года пересылки по почтѣ внутри Имперіи и въ Великое Княжество Финляндское частныхъ писемъ въ штемпельныхъ кувертахъ, продажа конхъ съ того же времени начнетъ во всѣхъ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи, г. главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ вмѣстѣ съ тѣмъ все-

подданнымъ представлялъ Государю Императору, что для доставленія публикѣ возможности подавать на почту письма въ штемпельныхъ конвертахъ во всякое время, не стѣсняясь часами, назначенными для личной ихъ подачи, представляется возможнымъ предоставить ей опускать письма въ таковыхъ конвертахъ въ закрытые ящики, такіе же, какіе завелены на городской почтѣ, и выставить эти ящики вездѣ, гдѣ существуютъ почтовые учрежденія, наружу, на видныхъ мѣстахъ. Его Величество въ 29-й день минувшаго августа изъявилъ на сіе Высочайшее соизволеніе.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Назначены: августа 28. Попечителемъ больницы, учрежденной въ память въ Бозѣ почивающей Великой Княгини Александры Николаевны, и помощникомъ *Е. И. В.* Принца Ольденбургскаго по управленію тою больницею, состоящій въ должности егермейстера двора *Е. И. В.* камергеръ дѣйст. стат. совѣт. графъ *Ферзенъ*. Ярославскимъ вице-губернаторомъ, состоящій при министръ внутреннихъ дѣлъ по особымъ порученіямъ на дв. сов. *Муравьевъ*. Сентября 5. Должность предсѣдателя въ комисіяхъ для размежеванія земель войска донскаго и для постройки Соборнаго Храма въ г. Новочеркасскѣ и Аксайской Дамбы повелѣно возложить на исправл. должн. начальника штаба того войска, свиты *Е. И. В.* генералъ-маіора графа *Орлова Денисова* подъ непосредственнымъ начальствомъ исправ. долж. наказнаго атамана войска Донскаго, предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ графу *Орлову-Денисову*, присутствовать въ войсковомъ правленіи и заведывать главнымъ управленіемъ войсковыми конскими заводами. Сентября 13. Сост. по арміи и по запаснымъ войскамъ, генералъ лейтенанту *Муравьеву* 1-му, повелѣно быть членомъ военнаго совѣта.—Сентября 19. Полтавскимъ вице-губернаторомъ, назначенъ Курскій вице-губернаторъ дѣйст. стат. совѣт. *Лесевичъ*.—Сентября 23. Управляющимъ яро-

сладского приказного гисуд. и муш. канцеляр., начальникъ отдѣленія перваго департамента гисуд. и муш. камеръ-контеръ-код. сов. *Тилишевъ*. Сентября 26. Командиру астраханскаго порта контръ-адмиралу *Басаржину*, повелѣно аспрашить ор-менно въ исправленіе должности астраханскаго военнаго-губернатора, съ оставленіемъ и въ званіи командира порта.

Пожалованіе въ званіе къ высочайшему двору.

Сентября 15. Лихвинскій уздальный предводитель дворянства, тит. сов. Семенъ *Яковлевъ*, пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера.

НАГРАДЫ.

Произведенны.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

За отличіе, изъ статскихъ совѣтниковъ: сентября 18. Члены совѣта министра внутреннихъ дѣлъ: *Муромцевъ* и *Возакъ*, вице-губернаторы: Оренбургскій *Македонскій*, Сибирскій *Будянский* и Курскій *Лесевичъ*. Сентября 23. По вѣдомству министер. финансовъ: государственнаго коммерческаго банка, товарищъ управляющаго *Юрьевъ* и управляющіе конторами: Рижскою *Доппельмайръ* и Кіевскою *Андрониковъ*. Предсѣдатели палатъ: С. Петербургской *Вургольдъ*; Пензенской *Нащочкинъ*, Полтавской *Тилановскій*, Астраханской *Кадьянъ* и Тверской *Полторацкій*. Государственнаго коммерческаго банка старшій директоръ *Верноновъ* и исподомни. начальника Симбирскаго таможеннаго округа поковникъ *Батуринъ*, съ утвержденіемъ въ должности начальника округа.

Въ статскіе совѣтники.

За отличіе, изъ коллежскихъ совѣтниковъ: сентября 18. Астраханскій вице-губернаторъ *Болмынъ*. Сентября 19.

Членъ консультаціи при министерствѣ юстиціи князь *Комубей*.—Сентября 23. По вѣдомству министерства финансовъ: департ. по суд. казнач. нач. отд. *Блалеевъ*, гоуд. коммерч. банка младшій директоръ *Рачинскій* и Нижегородской палаты внутрѣннаго отдѣленія совѣтникъ *Дибиковъ*. За оцелугу дѣлъ: 29 августа. Мин. иностранныхъ дѣлъ: департаментъ, хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ вице-директоръ камеръ-юнкеръ *Озеровъ* и Азіятскаго вторій драгоманъ и адъютантъ Императорскаго С. Петербургскаго университета *Гинкуловъ*, Генеральный консулъ въ Норвегін *Чевкинъ*.—Московского приказа общест. призрѣнія, серпуховскихъ богоугодныхъ заведеній почетный директоръ *Одинцовъ*.—Августа 31. Рижской коммерческой конторы старшій директоръ *Фришъ*. Сентября 2. Испр. должн. якутскаго областнаго начальника *Каргопольцовъ* и воронежскаго губернскаго правленія старшій совѣтникъ *Федоровъ*. Подольскій губернский люстраторъ *Паржницкій*. Сентября 10. Чиновникъ для оеобыхъ порученій при министрѣ статсъ-секретарѣ царства Польскаго *Политковскій*. Сентября 22. Черноморскій войсковый прокуроръ *Броницкій*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

Св. БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Августа 28. Тайн. совѣт. *Предеръ*. Августа 30. Дѣйств. тайн. совѣт. сенаторъ *Челищевъ*. Адмиралъ, главный командиръ ревельскаго порта и ревельскій военный губернаторъ графъ *Гейденъ* 1-й. Тайн. совѣт. сенаторъ князь *Лобановъ-Ростовскій* 1-й. Тайн. совѣт. сенаторъ *Щеуровъ*.

БЛАГО ОРА.

Августа 29. Тайн. совѣт. сенаторъ *Суцаревъ*. Тайн. совѣт. сенаторъ *Фомъ-Дребуинъ*. Вице-адмиралъ, членъ адмиралтействъ совѣта, *Фомъ-Литтеръ*. Вице-адмиралъ, членъ адмиралтействъ совѣта *Суцовъ* 1-й.

Св. Равноапостольнаго князя Владимира 2-й степени.

Августа 30. Тайн. совѣт. сенаторъ *Кочубей* 3-й. Тайн. совѣт. сенаторъ *Новосильцовъ*. Генераль-лейтенантъ, въ должн. инспектора корпуса морской артиллеріи и директоръ артиллерійскаго департамента морскаго министерства, *Примо*. Сентября 10. Тайн. совѣт. управляющій государственнымъ коммерческимъ банкомъ, *Голохвостовъ*.

Св. Анны 1-й степени, съ императорскою короною.

Августа 30. Контръ-адмиралъ. членъ общаго присутствія черноморскаго интендантства, *Артюковъ*. Контръ-адмиралъ, инспекторъ классовъ морскаго кадетскаго прокуса, *Горковенко*.

Св. Анны 1-й степени.

Августа 28. Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Его Величества Короля Саксонскаго при Дворѣ Е. И. В. баронъ *Зебахъ*. Августа 30. Контръ-адмиралъ, командиръ дунайскихъ портовъ и тамошней флотиліи, *Захарыинъ* 1-й. Контръ-адмиралъ, командиръ 3-й бригады 4-й флотской дивизіи, *Конотопцевъ*. Контръ-Адмиралъ, членъ морскаго генераль-аудиторіата, *Ивановъ* 1-й. Сентября 8. Дѣст. стат. совѣт. членъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи состоящей, графъ *Илинскій*.

Св. Станислава 1-й степени.

Сентября 3. Дѣст. стат. сов., сост. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, *Лиранди*. Сентября 10. Дѣст. стат. совѣт. председатель комитета снабженія войскъ сукнами, *Дружининъ*. Дѣст. стат. сов. председатель енисейской казенной палаты, *Высоцкій*.

Св. Равноапостольнаго князя владимира 3-й степени.

Августа 26. Командиръ горскаго линейнаго казачьяго полка и начальникъ кабардинской линии, сост. по кавалеріи полковникъ князь *Эристовъ* 2-й. Дивизионный квартирмейстеръ кавказской резервной гренадерской бригады, генеральнаго штаба полковникъ *Веревкинъ*. Сентября 3. Сост. при мин. внутр. дѣлъ, чиновники для особыхъ порученій, статскіе совѣтники: *Надеждинъ* и *Ханыковъ*. Статскіе совѣтники: сост. при мин. внутр. дѣлъ *Араповъ*, непрѣмьный членъ с. петербургскаго приказа общ. призр. *Козьминъ* и инспекторъ люблинской врачебной управы докторъ медицины *Леви*. Сентября 4. Генеральный консулъ въ Лейпцигъ, стат. сов. *Киль*. Сентября 10. Дѣйст. стат. совѣтники: вице-директоры департаментовъ: госуд. казнач. въ званіи камергера, *Ростовцевъ*, и разн. подат. и сборовъ *Голубевъ*. Нач. отд. департаментовъ: горн. и солян. дѣлъ, оберъ-бергъгауптманъ 5-го класса *Фереферовъ* и внешней торговли кѢл. сов. *Марковъ*. Сентября 13. Управл. могилевскою римско-католическою епархією, Прелать *Мартинъ Ласкій*.

Св. Владимира 4-й степени, съ бантомъ.

Сентября 3. Командующій 4-ю бригадою кавказскаго линейнаго казачьяго войска, сост. по кавалеріи подполковникъ баронъ *Унгерн-Штернбергъ* 2-й. Кубанскаго егерскаго полка подполковникъ *Закускинъ*. Ставропольскаго егерскаго полка майоръ *Страмбургскій*. Командующіе линейными казачьими полками: 2-мъ кубанскимъ войсковый старшина *Мещериновъ* и 2-мъ кавказскимъ войсковый старшина *Балуевъ*. Есаулы: 2-го кавказскаго линейнаго казачьяго полка *Сесехинъ* и 1-го ставропольскаго линейнаго казачьяго полка *Назаренковъ*.

Пожалованы медалями:

Золотыми медалями, съ надписью: «за усердіе», для ношенія на шеѣ: на *Александровской* лентѣ: сентябрь 10. Ученикъ с. петербургской рисовальной школы, купеческій сынъ

Чекалинск. 4-й гильдіи купцы: Бюецкій градскій глава, почетный гражданинъ Сергій *Русановъ*, и членъ с. петербургской городской распорядительной думы Родионъ *Пытуховъ*. На *Владимирской* лентѣ: 3-й гильдіи купцы: членъ Θεодоссійскаго карантиннаго правленія Дорочей *Лаго* и староста ревельскаго російскаго купеческаго общества Петръ *Миловамааъ*. На *Аннинской* лентѣ: 3-й гильдіи купцы: кронштадтскій градской глава почетн. гражд. герасимъ *Куречановъ*, симферопольскій уездный Кадій *Сентъ-Абдуль-Эфенди*, торговый смотритель въ с. петербургъ Иванъ *Латынинъ*, базарные смотрители въ с. петербургъ: Тимофей *Кохановъ*, Петръ *Ломтевъ* и гласный с. петербургской градской думы Ефимъ *Тимофьевъ*. Сентября 17. 3-й гильдіи купецъ города новогоргеіевска, Дмитрій *Кожевниковъ*. Сентября 18. Экспедиціи заготовленія госуд. бумагъ граверъ, свободный художникъ *Кирхнеръ* и инженеръ механикъ гановерскій подданный *Шеллеръ*. *Серебряными* медалями, съ надписью: «за усердіе» для пошениа на шеѣ на *Аннинской* лентѣ: сентября 10. 3-й гильд. купцы, градскіе головы: екатеринославскій Иванъ *Ловянинъ*, Кирсановскій Павлилъ *Крученковъ*, Алатырскій Михаилъ *Морозовъ*, сельскій застѣдатель Быховскаго земскаго суда одноворцевъ Василій *Студницкій*. Равнинъ въ мѣстечкѣ Немеровъ Розенфельдтъ и Бакчисарайскій Караимскій Газанъ, одесскій мѣщанинъ Соломонъ *Бейма*. Сентября 17. 3-й гильд. купцы: города Новогоргеіевска Ефимъ *Холодѣинъ* и города Елисаветграда, Василій *Кондратьевъ*. Сентября 18. Коммиссіонеръ нижегородскаго солянаго правленія, Нижегородскій 3-й гильд. купеч. сынъ Всеволодъ *Пачкуновъ* и сост. въ вѣдомствѣ астраханскаго солянаго правленія толмачъ Татарскаго и Калмыцкаго языковъ, армянинъ Христофоръ *Папаевъ*.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

А н г л і я .

Процессъ хартистовъ оканчивается. Газета Times говоритъ объ немъ слѣдующее: «Процессъ, проводившійся въ Old Bailey, представляетъ замѣчательный контрастъ съ 40,000 арестованныхъ, 12,000 дѣлъ и 1,000,000 другихъ актовъ при слѣдствіи по дѣлу парижскихъ инсургентовъ. Если вспомнить, что въ Лондонѣ разсматривается теперь заговоръ нѣлаго года, то результатъ покажется очень неважнымъ. Открыты одна или двѣ дюжины башмачниковъ, портныхъ и столяровъ, которые были зерномъ и основнымъ фактомъ хартизма, хотѣвшаго прошлаго вѣсело повергнуть Британское государство и образовать новое. Важнѣйшій дѣлъ преступниковъ есть маларъ, воспитанный на королевскихъ верокахъ. Никогда странствующіе актеры, бывшіе льстивою часотъ королямъ и великими герцогами, не падали такъ низко, когда опускался занавѣсъ и они должны были возвращаться въ свои жилища. Въ прошломъ вѣрѣмъ сдѣлано было воззваніе въ 150,000 шрильингъ правдиваго для общины столпца отъ чайныхъ неприятелей, но говори уже о репутарныхъ дѣйствіяхъ и шумихахъ. Съ того времени была угрозы, демонстраціи и бѣгвы. Но по истеченіи лѣсти льстивою водъ слава и все ужасъ революціи ограничилось двумя башмачниками, кото-

рые представлены, какъ слѣдуетъ, въ уголовный судъ и противъ которыхъ нѣкоторые изъ измѣнившихъ хартистовъ свидѣлствуютъ, а одинъ изъ хартистовъ защищаетъ ихъ, и довольно вяло. Всѣ тайныя дѣйствія хартистовъ открывались ежедневно полиціи четырьмя добровольными доносчиками, изъ коихъ каждый думалъ, что онъ одинъ только измѣнникъ.»

Ирландія.

Въ клонмельскомъ судѣ, *Смитъ О'Бринъ* признанъ виновнымъ и приговоренъ къ смертной казни. Произнесеніе этого приговора происходило слѣдующимъ образомъ: «Спеціальная ирландская коммиссія собралась. Г. *Смитъ О'Бринъ* былъ приведенъ. Онъ пожалъ руку своему адвокату и улыбался своимъ знакомымъ, находившимся между зрителями. По требованію генераль-прокурора, положено было произнести приговоръ въ этомъ засѣданіи. Коронный клеркъ спросилъ г. *Смита О'Брина*, не имѣетъ ли онъ представить какія-либо причины, по которымъ не должно было бы произносить смертнаго приговора надъ нимъ. Г. *О'Бринъ*, стоя, и съ совершенно безматемнымъ лицомъ, сказалъ твердымъ голосомъ:

«Милорды, я не имѣю намѣренія оправдывать свое поведеніе, хотя и могъ бы воспользоваться представляемымъ мнѣ случаемъ; совѣсть моя совершенно спокойна. Я убѣжденъ, что исполнилъ долгъ свой и готовъ подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ своего поступка. Произнесите приговоръ мой.»

Въ трибунахъ раздались рукоплесканія, сопровождаемымъ топотомъ. Пристава тотчасъ прекратила этотъ шумъ. Лордъ первый судья, г. *Блекборнъ*, обращаясь къ *Смиту О'Брину*, объявилъ, что присяжные, изъ его соотечественниковъ, признали его виновнымъ. «Они просятъ вамъ помилованія; мы отошлемъ это прошеніе къ лорду-намѣстнику; вы знаете, что онъ одинъ имѣетъ право исполнить ихъ просьбу. Теперь, вы должны помыслить о преступленіи, которое со

вершили; желаю, чтобы ваши размышленія сопровождались искреннимъ раскаяніемъ. Суду остается только произнести приговоръ.» Лордъ Блекборнъ и всѣ другіе судьи надѣли свои черныя шапочки и первый судья, съ большой торжественностію, произнесъ слѣдующее: «*Вильямъ Смитъ О'Бринъ*, вы будете отведены отсюда туда, откуда пришли; васъ повезутъ на тележкѣ на мѣсто казни и тамъ вы будете повѣшены за шею, до смерти; потомъ голова ваша будетъ отдѣлена отъ туловища, а тѣло разсѣчено на четыре части, для поступленія съ нимъ, какъ повелитъ ея королевское величество. Да помилуетъ Господь Богъ вашу душу!» Въ голосъ перваго судьи замѣтно было сильное волненіе, и, произнеся послѣднія слова, лордъ Блекборнъ поднималъ руки къверху. Одинъ Смитъ О'Бринъ выказывалъ совершенное равнодушіе. Судьи вышли. Директоръ тюрьмы положилъ руку на плечо Смиа О'Брина; въ ту минуту какъ онъ выходилъ, докторъ Грей, адвокатъ его, г. Поттеръ и г. О'Гара, дружески протанули ему руки. Смитъ О'Бринъ пожалъ имъ руки, и, съ улыбкою на устахъ, вышелъ изъ зѣлы. Послѣ этого приговора, судьба О'Брина зависитъ отъ рѣшенія нравительства; думаютъ, что жизнь его будетъ пощажена.

Судъ клонмельскихъ присяжныхъ призналъ виновными также *О'Джогозъ и Мисера*.

Ф Р А Н Ц І Я .

Въ засѣданіи національнаго собранія 25 сентября, былъ рѣшенъ вопросъ о налогахъ, къ разсмотрѣнію котораго приступили еще 21 сентября. Въ 15 статьѣ проекта конституціи сказано: «Налогъ учреждается для общей пользы: каждый гражданинъ участвуетъ въ немъ по своей возможности и своему имуществу.» Гг. Серверъ и де-Сезъ, въ засѣданіи 21 числа, предложили замѣнить слова: *по своему имуществу* выраженіемъ: *соразмѣрно своему имуществу*. Эта перемѣна заключала въ себѣ важный вопросъ о возрастающемъ или прогрессивномъ налогѣ, то-есть, увеличивающемся сораз-

нравно поощрению инициативы народа. Въ заседании 25-го сентября многие ораторы сильно возстаали противъ этого измѣненія и прогрессивнаго налога вообще; многие его защищали; наконецъ министръ финансовъ г. Гудино взошелъ на кафедру и объявилъ себя отъ имени правительства, въ пользу налога, соразмернаго инициативѣ. Это объявленіе возбудило въ собраніи сильный рожотъ. Генераль Кассельманъ сказалъ, что правительство не можетъ не объявлять своего мнѣнія, и что оно совершенно согласенъ съ г. Гудино; министръ финансовъ защищая свое мнѣніе, и соразмерный налогъ былъ утвержденъ большинствомъ 644 голосовъ противъ 96. Пятнадцатая статья была принята въ этомъ смыслѣ. За тѣмъ приняты были статьи 16 и 17, служащія объясненіемъ этой, и собраніе перешло къ рассмотрѣнію третьей главы проекта. Статьи 18, о томъ, что власть принадлежитъ народу и 19, о рожденіи властей, были приняты. Четвертая глава начинается статьею двадцатою о законодательной власти. Вопросъ въ томъ, одной или двухъ палатамъ должна принадлежать законодательная власть. Г. Дювержье де-Горансъ генераль въ пользу учрежденія двухъ палатъ, а г. Антонъ Туре въ пользу одной палаты.

26 сентября, собраніе снова занялось рассмотрѣніемъ статьи двадцатой, въ которой сказано: «Законодательную власть французскій народъ ввѣряетъ единственному собранію.» Многие ораторы говорили въ пользу одной и двухъ палатъ; вдругъ во время рѣчи г. Марселя Барта, у боковыхъ дверей раздались крики: *Онъ здѣсь! Онъ здѣсь!* и всѣ зрительныя трубки обратились въ ту сторону. Графъ Моле и многие другіе представители оставили свои мѣста; шумъ безпрерывно усиливался и, не смотря на всѣ воззванія г. Марраста, въ залѣ господствовалъ ужаснѣйшій безпорядокъ и изъ рѣчи г. Барта не слышно было ни слова. Въ залу вошелъ Людовикъ Бонапарте и сѣлъ подъ Горою, на одной изъ скамей подлѣ лѣваго центра, рядомъ съ г. Вильяржю. По докладу г. Клемана, выборъ Людовика Бонапарте въ іонскомъ департаментѣ былъ утвержденъ. Потомъ, онъ взошелъ на кафедру, и въ залѣ воцарилось глубокое безмолвіе. Людо-

сикъ *Бонапарте* прочелъ протвную рѣчь, въ которой выразилъ своею признательностю къ республикѣ, возратившей его изъ слишкомъ тридцатилѣтняго изгнанія, свою готовностю служить ей всеми силами и содѣйствовать ея утверждению. Объ этой рѣчи и объ ея авторѣ въ *L'Union* говорятъ: «Женъ-претендентъ человекъ средняго роста; походка его невзрачна, лицо неподвижное; онъ отличается только необыкновенными бабенбардами. Я вспоминалъ басню о горѣ въ родахъ. Рѣчь, которую произнесъ гражданинъ *Бонапарте*, подтверждаетъ эту истину.»

Итого по докладу г. *Жилля*, утвержденъ выборъ г. *Россиа* въ Парижъ, но президентъ г. *Маррасе* прочелъ обвинительный актъ противъ него, и собраніе, разрываясь, прослѣдовало его судомъ, оставило новаго представителя въ невозможномъ замкѣ.

По случаю выбора *Людвигика Бонапарте*, въ одной французской газетѣ замѣчаютъ: «Невозможно представить себѣ всехъ невольностей, которыя эмиссары *Людвигика Бонапарте* разпустили по деревнямъ, чтобы заставить мужиковъ подавать голоса при выборахъ въ пользу ихъ естипа. Вепервыхъ, простодушныхъ поселянъ утѣряли, что *Людвигикъ Бонапарте*, не племянникъ, а сынъ императора, герцога рейхштатскаго, и что слухъ о томъ, будто онъ умеръ въ Вѣнѣ, былъ нарочно распушенъ врагами Франціи. Имя говоритъ, что у *Людвигика Бонапарте* слишкомъ четыре или пять милліардовъ и онъ ихъ пожертвуетъ для того, чтобъ мужики лѣтъ пять были свободны отъ платежа податей. И, благодаря праву всеобщаго избирательства, невѣжды, которые всему этому вѣрили, рѣшаютъ судьбу Франціи!»

27 сентября, большинствомъ 530 голосовъ противъ 289, принята статья 12. по которой въ національномъ собраніи республики будетъ одна палата. Въ засѣданіи 28 сентября, приняты статьи 21—27 о выборѣ представителей.

29 сентября, засѣданіе происходило подъ прикрытіемъ собраннаго около залы пѣшаго и коннаго войска, даже дупки приготовлены были на внутреннихъ дворахъ. Слышно было, что демагоги хотятъ силою заставить національ-

ное собраніе освободить *Распалл*. Едва только г. *Марраст* открылъ въ 12¹/₂ ч. засѣданіе, какъ вдругъ приливъ народа усилилъ опасенія. Одинъ извѣстный публицистъ подошелъ къ представителю *Данжоа* и сказалъ ему: «Если вы въ теченіе трехъ дней не освободите *Распалл*, то 160,000 пролетаріевъ пошлютъ васъ къ чертямъ.» Г. *Данжоа*, испуганный, объявилъ объ этой угрозы президенту *Маррасту*, который тотчасъ же велѣлъ арестовать публициста. Затѣмъ приступлено было къ разсужденіямъ о 28 статьѣ конституціи, именно объ образѣ избранія представителей. Наканунъ собраніе рѣшило, что выборы должны производиться по департаментамъ и тайною подачею голосовъ. Теперь оставалось рѣшить, въ главныхъ ли городахъ департаментовъ будутъ происходить выборы или въ общинахъ. Г. *Бераръ* говорилъ въ пользу выборовъ въ общинахъ. Г. *Дюфоръ*: «Отъ имени комитета конституціи я представляю для устраненія всѣхъ предложенныхъ измѣненій, слѣдующее новое изложеніе статьи. (*Общее вниманіе.*) Избраніе представителей производится по департаментамъ и тайною подачею голосовъ. Оно имѣетъ происходить въ главныхъ городахъ кантоновъ, но вѣсть съ тѣмъ можетъ быть, съ согласія генеральнаго совета, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, раздѣляемо на многіе избирательные участки.» (Слѣва: *Ого!* Справа: *Очень хорошо!*) Г. *Дюфоръ* опровергалъ предложеніе г. *Берара*, которое и было отвергнуто большинствомъ 528 противъ 271 г. Г. *Эмиль Леру* предложилъ, чтобы все, касающееся до права избирательства, было опредѣлено въ органическомъ законѣ объ этомъ предметѣ. Предложеніе его принято. Наконецъ 28 статья принята вполне. Собраніе перешло къ разсмотрѣнію 29 статьи, о назначеніи палаты на три года и возобновленіи ея въ полномъ ея составѣ. Г. *Бусси* предложилъ назначать палату на четыре года и возобновлять половину членовъ ея черезъ два года. Это предложеніе отвергнуто. Статья 29 принята.

30 сентября, г. *Данжоа* объявилъ, что онъ имѣетъ предложить нѣсколько вопросовъ министру внутреннихъ дѣлъ. Онъ сказалъ, что одна партія учреждаетъ по всей Франціи

политическіе банкеты, въ которыхъ стараются произвести въ республикѣ несогласіе; что въ Тулузѣ между прочимъ происходилъ банкетъ, при которомъ было выставлено красное знамя, провозглашались тосты въ честь *Барбеса*, *Марата*, *Робеспьера* и *шльотины* и присутствующіе кричали: Долой мѣщанское собраніе! Долой *Кавеньяка*! *Г. Данжоя* спрашивалъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ его ли позволенія эффектъ и всѣ высшіе чиновники департамента присутствовали на подобномъ банкетѣ? Рѣчь *г. Данжоя* породила страшную бурю. Всѣ члены Горы вскочили со своихъ мѣстъ и осыпали оратора самыми обидными замѣчаніями. *Г. Сенаръ* объявилъ, что подробности этого дѣла ему оффиціально неизвѣстны и что онъ произведетъ надлежащее изслѣдованіе. Военный министръ генералъ *Ламорисьеръ* сказалъ, что онъ запретилъ генераламъ присутствовать на подобныхъ банкетахъ. *Г. Данжоя* хотѣлъ говорить снова, но ему не дали говорить; шумъ и беспорядокъ дошли до такой степени, что председательствовавшій въ собраніи вице-президентъ *Корбонъ* принужденъ былъ прервать засѣданіе. Черезъ четверть часа оно открылось снова, но волненіе еще не успокоилось; собраніе не обращало ни малѣйшаго вниманія на рѣчи ораторовъ, члены одинъ за другимъ расходились, и засѣданіе надобно было закрыть.

Вотъ отзывы разныхъ журналовъ объ этомъ засѣданіи.

Газета l'Union. «Мы не находимъ словъ, чтобы изобразить нынѣшнее засѣданіе національнаго собранія. Говорятъ о Конвентѣ, о страшныхъ эпизодахъ 93 года и терроризма; то что мы видѣли, несравненно хуже. Мы видѣли страшныя явленія, которыя теперь такъ жалко пародируютъ; мы видѣли, какъ выродившіеся потомки прежней Горы превращаютъ въ постыдныя, грандіозныя сцены своихъ предшественниковъ; мы видѣли, какъ достоинство человека гибло въ общемъ крушеніи съ достоинствомъ политическаго собранія. Теперь, когда это двойное достоинство забываютъ, оскорбляютъ, попираютъ ногами, мы почти готовы жалѣть о великихъ эпизодахъ первой революціи. Тогда по крайней мѣрѣ гнусное было не безъ величія; тогда, по крайней мѣрѣ, бури съ высоты

спускались на людей, и въ Конвентѣ было какое-то мрачное величіе, и въ самомъ разгарѣ его сатурналій, и въ кровавые дни, когда погибли Жирондинцы, и въ тѣ торжественные дни, когда ненавидимый предводитель первой Горы, требовалъ слова у того, кого онъ называлъ предсѣдателемъ убійцы. Какъ выродились нынѣшніе Монтаньяры! Тамъ, гдѣ предшественники ихъ грозно волновались, они шумятъ и бушуютъ какъ школьники. Первые рисковали за идею жизни, вторые жертвуютъ мелочной досадой своимъ достоинствомъ и важностію своего званія. Первые, въ дикой, но мощной энергіи, грозили другъ другу, кинжаломъ и эшафотомъ; вторые, въ жалкомъ раздраженіи, ругаютъ своего противника и грозятъ ему кулаками.»

La Presse. «Между засѣданіемъ, изъ котораго мы только что вышли, и постыдными засѣданіями, когда *Маратъ* и *Тальенъ* съ пистолетомъ въ рукахъ всходили на трибуну Конвента, одинокъ только шагъ. Сдѣлаетъ ли собраніе этотъ послѣдній шагъ? Мы можемъ сказать только то, что видѣли, какъ четыре пристава тѣснились на трибунѣ вокругъ г. *Данжоса*, чтобы защитить его отъ возбѣщенныхъ представителей. Подобное зрѣлище еще не видано во Франціи, и, съ исторіею въ рукахъ, мы утверждаемъ, что бабы, которыя въ 93 году, сидя въ публичныхъ трибунахъ, за два франка въ день, выражали мнѣніе Франціи, представляли зрѣлище не печальнѣе этого. Тогда бывали сцены кровавыя, одна часть собранія возставала противъ другой и наконецъ отправляла ее на эшафотъ. То была партія, которая сначала угнетала, потомъ уничтожила другую. Но двѣсти рукъ, поднятыхъ противъ одного человѣка, двѣсти представителей, которые кидаются на одного изъ своихъ товарищей, заглушаютъ его голосъ и грозятъ ему самому, нѣтъ, этого еще никогда не видано!»

Собраніе 2-го октября началось преніями о проектѣ декрета касательно земледѣльческихъ школъ, преніями, которыя уже столько разъ прерывались и возобновлялись. Въ концѣ засѣданія первая статья проекта была принята, большинствомъ 493 голосовъ противъ 59. Она состоитъ въ слѣдующемъ: «Спеціальное агрономическое образованіе раздѣ-

двояка на три степени. Къ первой принадлежатъ опытные формы, въ которыхъ земледельцы получаютъ первоначальное практическое образование; ко второй, школы высшего разряда (*écoles régionales*), въ которыхъ практическое образование соединяется съ теоретическимъ обученіемъ; къ третьей, національный агрономическій институтъ, или высшее нормальное училище земледельца. Разсужденія объ этомъ проектѣ окончены 5 октября; весь проектъ декрета относительно агрономическаго обученія принять. Одною изъ статей постановлено, что сельскія хозяйственныя школы содержатся на счетъ государства.

4 октября, собраніе возобновило пренія о конституціи, прерванныя нѣсколько дней назадъ. Оно дошло до 30-й статьи; на 27 и 28 статьи переданы въ комитетъ конституціи. Въ обѣихъ этихъ статьяхъ говорится о несовмѣстности некоторыхъ должностей съ званіемъ представителя. Въ нихъ предложены были многія измѣненія. Г. *Мартенъ* (изъ Страсбурга) читалъ докладъ комитета объ этихъ статьяхъ и предложенныхъ въ нихъ измѣненіяхъ. «Комитетъ, сказалъ онъ, предлагаетъ вамъ утвердить 28 статью въ слѣдующемъ видѣ: «Народное представительство несовмѣстно съ должностями, съ которыми соединено жалованье и которыя не зависятъ отъ выборовъ. Ни одинъ изъ членовъ національнаго собранія, во все время засѣданій, не можетъ занимать упомянутыхъ должностей и не можетъ быть назначенъ къ исполненію этихъ должностей начальникомъ исполнительной власти. Изъ этого правила исключаются: 1) министры, 2) ихъ помощники, 3) генераль-прокуроръ кассационнаго суда, 4) генераль-прокуроръ апелляціоннаго суда, 5) префектъ сенскаго департамента, 6) парижскій префектъ полиціи, 7) командиръ національной гвардіи, и 8) дипломатическіе агенты изъ представителей». Новая редакція этой статьи возбудила продолжительныя пренія. Г. *Фланденъ* предложилъ исключить нотаріусовъ, адвокатовъ и врачей. (*Волненіе справа и въ центрѣ.*) Разныя голоса: «Это значить исключать все общество отъ избранія въ представители!» Наконецъ приступлено было къ балотировкѣ 28 статьи, въ томъ

видъ какъ представилъ ее отъ имени комитета г. *Мартенъ*. Статья была принята. Статья 31: «Представители могутъ быть вторично избираемы»—принята. Статья 32: «Члены собранія суть представители не только того департамента, въ которомъ избраны, но и всей Франціи»—принято. Статья 33 «Члены національнаго собранія не могутъ получать отъ избирателей никакихъ обязательныхъ инструкцій»—принята. Статья 34: «Народные представители неприкосновенны. За мнѣнія свои въ національномъ собраніи, они не могутъ быть ни обвиняемы, ни преслѣдуемы, ни судимы»—принята. Статья 35: «Въ уголовныхъ дѣлахъ они не подлежатъ аресту, развѣ только на мѣсть совершенія преступленія, и не могутъ быть преслѣдуемы судомъ безъ дозволенія собранія. Въ случаѣ совершенія представителемъ преступленія, готчасъ же доносится объ этомъ собранію, которое и полагаетъ свое рѣшеніе»—принята. Статья 36: «Каждый народный представитель получаетъ вознагражденіе, отъ котораго онъ не имѣетъ права отказываться»—принята. Вознагражденіе опредѣлено въ 25 фр. Статья 37: «Засѣданія происходятъ публично, но собраніе можетъ образоваться въ тайный комитетъ, по требованію опредѣленнаго регламентомъ числа членовъ»—принята. Статья 38: «Для законности балотировки необходимо большинство одного голоса»—принята. Статья 39 (о предложеніяхъ, не терпящихъ отлагательства) также принята.

Пренія о статьяхъ 40, 41 и 42, происходившія 5 октября, были замѣчательны только потому, что при собираніи голосовъ объ одномъ измѣненіи въ 40-ой статьѣ, палата раздѣлилась на двѣ равныя половины, 360 голосовъ было въ пользу измѣненія, 360 противъ него; такъ какъ оно не приобрѣло большинства, которое должно было состоять изъ 361 голоса, то и было отвергнуто. Наконецъ приступлено было къ разсмотрѣнію 43 статьи, которою начиняется глава о президентѣ республики.

Въ засѣданіи 6 октября, г. *Френо* продолжалъ начатую имъ еще во вчерашнемъ засѣданіи рѣчь, въ которой старался доказать необходимость избранія президента народомъ.

Въ избраніи президента національнымъ собраніемъ онъ видитъ страшную олігархію. Г. Греси предложилъ, чтобы президента избирало собраніе, чтобы президентъ назначалъ министерство, отвѣчалъ за свои дѣйствія и могъ смѣнять назначаемыхъ имъ министровъ. Вопросъ о правѣ избранія президента республики національнымъ собраніемъ, не подлежитъ сомнѣнію. Имѣетъ ли собраніе право устроить государство по своему усмотрѣнію? Не само ли оно провозгласило республику? Не оно ли издаетъ законы? Мы представляемъ народъ, говорилъ г. Греси. Народъ не довольно еще просвѣщенъ, еще не забылъ прежняго правленія, продолжавшагося въ теченіе четырнадцати вѣковъ. Смѣшанная система должна повести къ гражданской войнѣ; такъ называемое равновѣсіе между государственными властями есть не болѣе какъ мечта, выдумки Англичанъ. Поэтому не должно быть ни какого двойнаго государственнаго правительства, двухъ властей. Народной конгрессъ, который мы составляемъ теперь, есть самое сильное правительство. Какое другое правительство не пало бы подъ ударами іюньскаго возстанія; какое другое правительство отважилось бы на трехъ-мѣсячное осадное положеніе? Людовикъ Филиппъ не выдержалъ его и трехъ дней. Въ демократической республикѣ правительство должно состоять изъ одной палаты. — Г. Жюль де Ластейри говорилъ въ пользу выбора президента народомъ и доказывалъ, что только раздѣленіе властей можетъ долго поддерживать существованіе ихъ. Г. Ламартинъ говорилъ также въ пользу избранія президента народомъ. Речь его, продолжавшаяся $1\frac{3}{4}$ часа, совершенно истощила силы оратора. Приводимъ окончаніе этой блистательной речи:

«Господа, я останавливаюсь, не потому, чтобы я изчислилъ уже всѣ причины, говорящія въ пользу моего мнѣнія, но потому-что часовая стрѣлка напоминаетъ мнѣ о позднемъ времени..... *Многіе голоса.* Мы не смотримъ на часы. Г. Ламартинъ. Знаю, что въ обѣихъ системахъ есть важныя опасности: съ народомъ бываютъ минуты заблужденія, есть шмена, которые увлекаютъ толпу, какъ миражъ увлекаетъ стада, какъ доскуть красной матеріи привлекаетъ живот-

ныхъ, не одаренныхъ разумомъ! *Miovis* голоса. Это слишкомъ справедливо! Г. Ламартина. Знаю, и страшусь этого, потому-что нѣтъ гражданина, который бы, за успѣхъ республики, больше меня положилъ своей души, своей жизни, своихъ трудовъ, своей ответственности, своей памяти въ будущее! Если она упрочится, я выигралъ мое дѣло противъ судьбы; если она погибнетъ, или въ анархіи, или въ востоминаніи деспотизма, мое имя, моя ответственность, моя память погибнуть вмѣстѣ съ нею, и на-всегда будутъ отвергнуты моими современниками. (*Сильное движеніе*). Не смотря на эту страшную, личную ответственность въ опасностяхъ, которымъ, могутъ подвергнуться наши еще загадочныя учрежденія, хотя опасности республики — мои опасности, и погибель ея мое вѣчное изгнаніе, мой вѣчный трауръ, если я переживу это несчастье, не смотря на все это, я рвшаюсь въ пользу того что кажется вамъ самымъ опаснымъ, въ пользу избранія президента народомъ! О, если бѣ народъ даже избралъ того, кого я боюсь, можетъ-быть, напрасно..... нужды нѣтъ. *Alva jacta est!* Жребій брошенъ! Суди Господь! Надобно предоставить что-нибудь и Провидѣнію. Оно свѣтъ для тѣхъ, кто подобно намъ не можетъ читать во мракъ будущаго!» За этой рѣчью послѣдовали продолжительныя рукоплесканія, и, хотя было еще рано, никто не рѣшился потребовать слова послѣ г. Ламартина. Пренія объ этомъ предметѣ продолжались и на другой день. *Journal des Débats*, разбирая мнѣнія разныхъ ораторовъ, отдастъ преимущество г. Ламартину.

«Мнѣнія собранія раздѣляются между тремя системами. Одни отвергаютъ учрежденіе званія президента республики и хотятъ, чтобы былъ только совѣтъ министровъ, который палата могла бы распускать, когда ей вздумается; это мнѣніе партіи рѣшительныхъ демократовъ. Другіе хотятъ президента, но требуютъ, чтобы онъ назначаетъ былъ національнымъ собраніемъ, которое однако жъ не имѣло бы права смѣнять его. Зависимый по своему происхожденію, онъ былъ бы совершенно независимъ въ управленіи обязанностей своего званія, продолженіе которыхъ должно быть определено кан-

стивудію. Последніе, наконецъ, считая необходимыми, что-бы исполнительная власть была сильна и независима, полагаютъ, что ничто кромѣ всеобщаго права избирательства не можетъ придать президенту республики этой силы и независимости. Они замѣчаютъ, что въ другихъ двухъ системахъ, въ особенности въ первой, исполнительная власть сливается съ властію законодательною. Палата все; президентъ или совѣтъ министровъ, не что иное, какъ орудіа; ответственность исчезаетъ! Мы не станемъ опровергать первой системы, которая впрочемъ, безъ сомнѣнія, и не будетъ принята. Дѣйствительная борьба можетъ происходить только между двумя остальными системами, той, которая хочетъ президента, избираемаго собраніемъ, и той, которая хочетъ президента, избираемаго народомъ. О, если бы краснорѣчіе, великолѣвіе рѣчи, блескъ метафоръ, могли рѣзать затрудненія, можетъ-быть, неразрѣшимыя, то послѣ превосходной рѣчи г. *Ламартина*, не могло бы болѣе оставаться никакихъ сомнѣній. Мы бы сказали: Давайте урны! Призывайте народъ! Выберемте президента теперь же! Никто, конечно, не станетъ отвергать, что президентъ, избранный народомъ, возведенный на высшую степень въ республикѣ милліонами рукъ и голосовъ, соединяющій въ себѣ одномъ всѣ голоса, разсыявшіеся на девяти или семи стахъ членахъ національнаго собранія, будетъ обладать властію, какой никогда не можетъ имѣть президентъ, избранный такъ сказать второй рукой, и которому палата, его избравшая, всегда можетъ сказать: Кто сдѣлалъ тебя тѣмъ что ты есть? И мы тоже требуемъ исполнительной власти, сильной и независимой! Ясно, что если хотятъ имѣть президента республики, то надобно, чтобы его назначала республика. Президентъ, назначенный палатою, какъ бы вы его ни называли, всегда будетъ только президентомъ, повѣреннымъ палаты. Поэтому система гг. *Парьё* и *Аблона* гораздо ближе къ системѣ рѣшительныхъ демократовъ, чѣмъ какъ они сами думаютъ. Все это прямое или не прямое уничтоженіе исполнительной власти. Президента нельзя будетъ смѣнять. Но можетъ ли, смѣнителн ли онъ представляется палатѣ, которая его назначила? А если онъ

назначенъ большинствомъ двадцати, десяти голосовъ, какую же нравственную силу будетъ онъ имѣть при производствѣ переговоровъ, командованіи войсками, управленіи административною машиною, обузданіи партій; можетъ ли онъ говорить и повелѣвать именемъ Франціи? Г. Ламартина развилъ все эти соображенія съ глубокою разсудительностію, которой не признать невозможно, съ знаніемъ чловѣческаго сердца и тайнъ политики, передъ которыми оставалось бы только преклониться, если бъ не представлялось возраженій, которыя г. Ламартинъ съ превосходно изложилъ, но не опровергъ. Когда народъ назначаетъ своихъ представителей, своихъ депутатовъ, если онъ ошибся, то можетъ поправить свою ошибку. Дурные выборы вознаграждаются хорошими. Онъ назначаетъ палату, а не единственнаго правителя, который долженъ занимать мѣсто королевской власти. Не легко выбрать президента республики, особенно въ первые годы ея существованія! Сколько качествъ долженъ соединять въ себѣ этотъ президентъ! Достоинство, чтобы представлять Францію внутри и внѣ ея; твердость, соединенную съ умѣренностію, чтобы подавлять безпорядки, не задушая свободы; скромность и безкорыстіе въ честолюбіи, которое одно можетъ заставить чловѣка переносить все неприятели власти! А если большинство народа ошибется въ оцѣнкѣ этихъ достоинствъ, требующей такой вѣрности и тонкости сужденія, что тогда съ нами будетъ? Не ошибайтесь, президентъ, во многихъ отношеніяхъ, больше чѣмъ конституціонный король. Самая ответственность его придаетъ ему болѣе правъ, потому-что возлагаетъ на него болѣе строгія обязанности. Само собою разумется, что онъ захочетъ ознаменовать чѣмъ-нибудь свое кратковременное царствованіе и оставить въ лѣтописяхъ что-нибудь кромѣ эпохи своего правленія. Въ конституціонномъ правленіи честолюбіе было удѣломъ министровъ, а они смѣнялись. Президентъ будетъ министромъ не смѣняемымъ и королемъ на четыре года.

«Система г. Ламартина, сама по себѣ, безспорно, самая сообразная съ логикою и республиканскими началами;

въ ней есть и благородство, и величіе; г. *Ламартинь* защищалъ ее съ дивнымъ краснорѣчіемъ; онъ торжествовалъ, въ особенности, при опроверженіи противоположныхъ системъ; но какъ, чѣмъ онъ самъ окончилъ рѣчь свою? Призваніемъ къ случаю, страшнымъ крикомъ честолюбцевъ и отчаянныхъ: *Alea jacta est, жребій брошенъ!* Это восклицаніе Цезаря, когда онъ переправлялся черезъ Рубиконъ. Но Цезарь несъ войну своему отечеству, а мы хотимъ спасти Францію!»

9 Октября наконецъ рѣшенъ важный вопросъ о выборѣ президента республики. Статья 43 проекта конституціи, изложена комиссіею въ слѣдующемъ видѣ: «Президентъ республики избирается посредствомъ тайной подачи голосовъ и по абсолютному (т. е. превышающему однимъ голосомъ половину всего числа подающихъ голоса) большинству всѣхъ избирателей во французскихъ департаментахъ и въ Алжиріи,» принята большинствомъ 627 голосовъ противъ 130. Статья 42, въ которой сказано, что президентомъ можетъ быть только Французъ, не моложе 30 лѣтъ, и никогда не терявшій правъ французскаго гражданина, принята; но предложеніе г. *Туре*, что президентомъ не можетъ быть ни одинъ изъ членовъ царствовавшихъ во Франціи династій, не принятое комиссіею, отвергнуто и собраніемъ. 12 октября, статья 45, на которой собраніе остановилось, принята безъ перемѣны. Статьи 46 и 47 о томъ, что президентъ обнародываетъ законы, командуетъ арміями и флотомъ и проч. приняты безъ перемѣны. Статьи 48, 49, 50 и 51 не подали повода почти ни къ какимъ преніямъ. Но многіе возстали противъ статьи 52, о правѣ помилованія; она однако жъ была принята. Статьи 53, 54 и 55 о механизмѣ исполнительной власти приняты съ неважными измѣненіями. Статьи 56, 57 и 58 приняты безъ преній. По статьѣ 59-й о содержаніи президенту представлено было множество измѣненій; но принята въ томъ видѣ, какъ предложила ее комиссія; въ этой статьѣ президенту назначается 600,000 франковъ содержанія. Въ заклю-

ченіе засѣданія приняты статьи 60 о мѣстѣ жительства президента и 61 о назначеніи должностныхъ лицъ.

13 октября, статьи 62 — 66 были приняты безъ возраженій; но 67 объ избраніи вице-президента республики возбуждала довольно живыя пренія. Г. *Клеманъ Томасъ* требовалъ, чтобы президентъ и вице-президентъ не состояли въ кровномъ родствѣ; но это предложеніе, такъ же какъ и другія ограниченія, отвергнуто и 67 ст. принята. 68 статьею начинается шестая глава, о государственномъ совѣтѣ. Во время преній объ этой статьѣ вошелъ въ залу г. *Кавеньякъ*. Г. *Кавеньякъ* взошелъ на кафедру. (*глубокое возмолвіе*). «Граждане! сказалъ генералъ, 27 іюня вы объявили городъ въ осадномъ положеніи. Сегодня правительство чувствуетъ необходимость сдѣлать вамъ объ этомъ предметѣ сообщеніе и потому я прошу назначить комитетъ для разсмотрѣнія необходимости прекращенія осаднаго положенія. Правительство сообщитъ комитету свои виды и намѣренія. Если вы желаете, чтобы я теперь же изложилъ ихъ, то я готовъ». — Г. *Маррасто*; г. *Гюберъ Делиль* представилъ предложеніе о прекращеніи осаднаго положенія. Предложеніе г. *Кавеньяки* о назначеніи комитета положено разсмотрѣть въ слѣдующемъ засѣданіи. Собраніе обратилось опять къ преніямъ о 68 ст. относительно учрежденія государственнаго совѣта по শেষшей мѣрѣ изъ 40 членовъ. Статья принята была въ первоначальномъ видѣ. 69 статья о назначеніи членовъ государственнаго совѣта на 6 лѣтъ, принята, а за тѣмъ 70 и 71 статьи приняты безъ всякихъ преній.

Министры г. *Семаръ*, г. *Рекюръ* и г. *Волабель* вышли въ отставку, и къ 14 октября министерство составилось изъ слѣдующихъ лицъ: министръ юстиціи — г. *Мари*; министръ иностранныхъ дѣлъ — г. *Бисландъ*; военный министръ — генералъ *Амарисьеръ*; министръ морскихъ силъ и колоній — г. *Верцимакъ*; министръ внутреннихъ дѣлъ — г. *Дюфоръ*; министръ земледѣлія и торговли — г. *Турре*; министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія — г. *Фрелонъ*; министръ финансовъ — г. *Гудивъ*; министръ публичныхъ работъ — г. *Виованъ*. По случаю этой перемены, въ засѣданіи 14 октября,

г. *Порталнсь* потребовагь слова, чтобы сдѣлать нѣкоторые вопросы генералу *Кавеньяку*. «Граждане, сказагь онъ, чрезвычайное прибавленіе къ Монитеру возвѣстнло вамъ о новой переувнъ въ министерствѣ. Три новые министра вступнли въ управленіе. Теперь власть заключается въ народѣ, а народъ мы. Поэтому министерствъ измѣннли мы. (*Ропотъ справа*). Надобно же, чтобы мы знали, по какой причинѣ произведены эти измѣненія въ составѣ министерства, и это тѣмъ нужнѣе, что двое изъ новыхъ министровъ были уже министрами при Людовикѣ Филиппѣ. (*Шумъ*). Развѣ политическая система наша измѣнилась? Или госнода *Дюфоръ* и *Внсьеко* сдѣлались истыми республиканцами? Внутреннее управленіе измѣнилось, внѣшнее осталось въ прежнемъ видѣ; я-бы хотѣгь противнаго. Эти измѣненія безпокойтъ патріотовъ и требуютъ объясненія. (*Да! Да! Нѣтъ! Нѣтъ!*) — *Генералъ Кавеньякъ*. «Предоставляю выходящимъ министрамъ самнмъ объяснить причины своего удаленія. Что касается до образа дѣйствій новаго министерства, то оно представнть въ понедѣльникъ полную программу настоящаго и будущаго; и собраніе должно будетъ рѣшнть, нтааетъ ли оно къ нему довѣренность. Что касается до ннхъ, то я радуюсь этой переувнѣ. Кабинетъ потребуетъ въ понедѣльникъ, не случайнаго, но полнаго содѣйствія собранія; иначе онъ откажется отъ управленія. (*Двнженіе*) — г. *Порталнсь*. «Ну, такъ до понедѣльника!» За тѣмъ собраніе перешло къ разсмотрѣнію проекта конституціи: Статья 73 о государственномъ совѣтѣ была прината.—Г. *Маррасть*. «Собраніе отложило разсмотрѣніе статьи 30 о правѣ президента созывать національное собраніе, до рѣшенія дѣла о самомъ президентѣ. Я предлагаю разсмотреть эту статью теперь». Она прината была въ томъ видѣ, какъ предложена коммнссіею, то-есть что президентъ ннветъ право созывать національное собраніе. Глава VII (статья 73, 74, 75, 76 и 77) о внутреннемъ управленіи, были на время отложены, и собраніе приступило къ разсмотрѣнію главы VIII о судопроизводствѣ. Статья 78, въ которой сказано, что судъ производится безплатно, прината. Въ статьѣ 79 постановлено: «Уголовныя дѣла рѣшаются прнслнннми».

Г. *Меоль* предложил прибавить къ этому: «равно какъ и дѣла, производящіеся въ судахъ исправительной полиціи.» Ему возразили, что суды исправительной полиціи рѣшаютъ ежегодно до 170,000 дѣлъ и потому это крайне затруднило бы присяжныхъ. Предложеніе г. *Меоля* отвергнуто большинствомъ 421 голоса противъ 301. Статьи 80, 81, 82 и 83 приняты; послѣднія двѣ съ неважными измѣненіями.

Изъ вопроса г. *Порталиса* видно, что республиканцы не довольны назначеніемъ въ министры людей умѣренныхъ и благоразумныхъ. На что прекрасно отвѣчаетъ *Journal des Débats*: «Вчерашніе республиканцы горько жалуются, что начальникъ исполнительной власти отыскиваетъ министровъ среди бывшихъ слугъ монархіи. Но, подумайте хорошенько, граждане, гдѣ прикажете ему взять ихъ? Зачѣмъ вы не богаче людьми? Начальникъ исполнительной власти беретъ министровъ на скамьяхъ большинства; выбираетъ тѣхъ, на которыхъ преимущественно указываетъ ему само собраніе. Онъ постигъ, что правительству нужны люди, имѣющіе нѣкоторый даръ слова, нѣкоторую опытность въ дѣлахъ, и характеръ, внушающій довѣренность. Онъ взялъ ихъ тамъ, гдѣ они нашлись. Одинъ изъ глашатаевъ недовольныхъ вопіетъ: «Увы! во время монархіи управляли народнымъ просвѣщеніемъ, искусствами и науками люди, которые назывались *Кузень*, *Вилльмень* и *Гизо*, и мы принуждены признаться, что республика, и въ этомъ отношеніи, нашла средство спуститься гораздо ниже монархіи.» Мы не утверждаемъ противнаго, но спрашиваемъ еще разъ: кто этому виноватъ? Людей, которые называются *Гизо*, *Кузень*, *Вилльмень*, нельзя изготовлять, какъ изготовляются ассигнаціи. Напрасно генералъ *Кавеньякъ*, взявъ *Диогеновъ* фонарь, сталъ бы искать ихъ на всѣхъ скамьяхъ Горы (нынѣшней оппозиціи); онъ не дошарился бы и мелкихъ денегъ. — Вотъ почему мы находимъ несправедливыми жалобы *вчерашнихъ* республиканцевъ. Слушая ихъ, иной подумаетъ, что не пытались употребить ихъ въ дѣло. Помните! въ теченіе шести мѣсяцевъ они занимались дѣлами: мы видѣли ихъ комиссарами, префектами, судьями, министрами, видѣли во всѣхъ

формахъ; они имѣли всѣ средства показать невѣрующимъ свой гений, свои способности, свое знаніе дѣла, и увѣривъ правду, они нашли средство опуститься гораздо ниже монархіи. Военный министръ на дняхъ очень хорошо сказалъ, что революція не измѣняютъ свойства дѣла. Не довольно зацутать дѣла, чтобы опять привести ихъ въ порядокъ; не довольно провести всю жизнь свою въ заговорахъ, чтобъ умѣть управлять.»

16 Октября, происходили объясненія новыхъ и старыхъ министровъ. Объ этомъ засѣданіи напечатано въ газетѣ *Constitutionnel* слѣдующее мнѣніе. «Засѣданіе объясненій было засѣданіемъ прерывацій. За исключеніемъ только рѣчи г. *Дюфора*, всѣ другія были непрерывно прерываемы со всѣхъ сторонъ собранія возраженіями и протестами. Прерываютъ обыкновенно съ двухъ сторонъ, слѣва и справа; но прерываютъ разными образомъ. Слева, просто грубостями и ругательствами; справа возраженіями, которыя не что иное, какъ невольный крикъ, вырываемый странными мнѣніями, которыя излагаются на трибунѣ. Ораторы, говорившіе сегодня, въ особенности г. *Ледрю-Ролленъ*, возбудили множество подобныхъ восклицаній. Г. *Ледрю-Ролленъ*, зашелъ въ безвыходный дефилей и наконецъ воспользовался непрерывными восклицаніями со всѣхъ сторонъ, чтобы прервать рѣчь свою, объявивъ, что свобода трибуны нарушена, между тѣмъ какъ члены, которые прерывали рѣчь его, просто пользовались свободою смѣяться, потому что онъ въ каждой фразѣ нарушалъ здравый смыслъ.

«Вообще пренія были болѣе шумныя, чѣмъ блистательныя. Но нѣкоторая партія сдѣлала при этомъ драгоцѣнныя признанія. Во-первыхъ атака направлена была не противъ программы новыхъ министровъ, которую всѣ принимали, не противъ ихъ дѣйствій, потому-что они еще ничего не дѣлали, не противъ характера членовъ, вступившихъ въ кабинетъ, а просто, противъ одного присутствія ихъ тамъ. Такимъ образомъ, мы въ первый разъ видали оппозиционную партію, которая сама признается, что кричитъ только потому, что у нея отнимаютъ мѣста, которыя она на-

делалось звать. Революция ее достоинств, ее удели; она хочет пользоваться ею как ей угодно, как камина, и въ этомъ отношеніи не хочет и слышать объ общественной ответственности. Ни одинъ министръ, ни одинъ чиновникъ, вышшій или низшій, не долженъ, не можетъ быть избранъ изъ какой-либо другой партіи; эта партія родъ коммерческаго общества для разработыванія республики. Товарищи подаютъ голоса по доверію, даже иногда противъ своего собственнаго мнѣнія, пока не угрожаютъ имъ мѣстамъ; но какъ скоро человекъ, не принадлежащій къ ихъ обществу, и считающій себя представителемъ низшій Франціи, а не партіи, хочетъ дѣйствовать въ пользу отечества, общество встаетъ всею массою и подаетъ голоса противъ него.

«Это признаніе очевидно истекаетъ изъ всей общности преній и дѣйствій, а другое прямо высказано въ нѣсколькихъ рѣчахъ. Вотъ оно: «Огромное большинство Франціи расположено въ пользу людей, которыхъ называютъ республиканцами застрашными». Вся противники кабинета, начиная съ *Ледру-Роллена* и *Ландрена*, до *Дюку* и *Жирара*, единодушно обвиняли генерала *Кавемьяка* въ томъ, что онъ ввелъ въ кабинетъ двухъ человекъ умеренныхъ для того, чтобы угодить большинству Франціи и такимъ образомъ обезпечить свое избраніе въ президентъ республики. Если бы это было справедливо, то доказывало бы только одно, именно что генералъ *Кавемьяк* лучше понимаетъ свои выгоды, чѣмъ его противники, и притомъ видать, что большинство на сторонѣ низшій умеренныхъ».

Въ засѣданіи 19 октября, по избраніи г. *Марраста* еще на мѣсяць президентомъ собранія, на каведру взошелъ г. *Эйли*, докладчикъ комиссіи объ осадномъ положеніи: «Граждане представители, сказалъ онъ, прошло четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ печальная необходимость, вызванная юнскими востаніемъ, заставила національное собраніе объявить Парижъ въ осадномъ положеніи. Теперь мы должны были рассмотреть, требуетъ ли общественное спо-

действія продолженія этихъ чрезвычайныхъ мѣръ? Въ этомъ отношеніи, сообщенія, сдѣланныя комиссіей правительствомъ, не оставили въ насъ никакого сомнѣнія: начальники исполнительнаго власти, министры: юстиціи, военный и внутреннхъ дѣлъ, объявили намъ, что они вовсе не противятся снятію осаднаго положенія и находятъ настоящее время благоприятнымъ и важнымъ для этого. Правительство принимаетъ на себя ответственность за эту мѣру. Но можно ли утверждать, что государство совершенно успокоилось? Правительство думаетъ, что дурныя страсти еще не совсѣмъ улеглись, что умы не успокоились. Совсѣмъ тѣмъ правительству надлежитъ, что оно въ состояніи будетъ противиться всякому безпорядку, опираясь на законъ, на содѣйствіе собранія и преданность войска. Комиссія, во зрѣломъ обдуманіи вопроса, согласилась съ мнѣніемъ правительства, что осадное положеніе можетъ и должно быть снято и что эта чрезвычайная мѣра не влечетъ ничего опаснаго для республики, и поному единодушно предлагаетъ собранію слѣдующій проектъ декрета: «Декретъ 24 іюня 1848 года объ осадномъ положеніи Парижа, отменяется». Это опредѣленіе врането было безъ преній. Поному собраніе перешло къ рассмотренію VII главы конституціи о внутренней администратіи, ст. 73. — «Раздѣленіе государства на департаменты, округи, кантоны и общины сохраняется». Въ этой статьѣ предложено было измѣненіе, но оттергнуто, и 73 ст. принята въ первоначальномъ своемъ видѣ, ст. 74: «1) во всякомъ департаментѣ управление находится въ рукахъ префекта, генеральнаго совета, совета префектуры, исполняющаго должность административнаго суда; 2) во всякомъ округѣ видѣть быть поль-префектъ; 3) во всякомъ кантонѣ кантонный советъ; 4) во всякой общинѣ меръ, помощникъ его и муниципальный советъ». Эта статья, а также ст. 75 и 76, объ образѣ избранія этихъ лицъ, отсланы въ комиссію. За тѣмъ собраніе приступило къ IX главѣ, о дубличной силѣ, ст. 105. Публичная сила учреждается для защиты государства отъ внешнихъ враговъ, для сохранения внутреннего порядка и исполненія законовъ. Она состоитъ

изъ національной гвардіи и сухопутныхъ и морскихъ войскъ». Принята.

Въ засѣданіи 20 октября, по утвержденіи въ прежнемъ видѣ статей 75, 76 и 77, о внутренней администраціи, которыя переданы были въ комиссію, собраніе приступило къ разсмотрѣнію статьи 107, въ которой сказано, что всякой долженъ лично нести службу въ войскахъ или національной гвардіи и не можетъ поставить за себя кого-нибудь другаго. Военный министръ, генераль *Ламорисьеръ*, предлагалъ, отъ имени правительства, отложить вопросъ о поставкѣ за себя на службу другаго, до составленія органическаго закона о рекрутствѣ. Послѣ жаркихъ споровъ, приступлено было къ собиранію голосовъ, и большинствомъ 503 голосовъ противъ 259, положено, что этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ нынче же, при разсмотрѣніи конституціи.

Въ засѣданіи 22 числа, предложеніе о запрещеніи ставить за себя рекрутъ, отвергнуто большинствомъ 663 голосовъ противъ 140. Президентъ прочелъ измѣненіе г. *Делонгре* слѣдующаго содержанія: «образъ и условія, подъ которыми гражданамъ дозволяется освобожденіе отъ личной службы въ войскъ и національной гвардіи, должны быть опредѣлены закономъ о наборѣ рекрутъ». Измѣненіе принято. За тѣмъ президентъ прочелъ всю 107 статью, которая вѣдѣвъ съ принятымъ измѣненіемъ состоитъ въ слѣдующемъ: «Всѣ Французы, исключая помѣнованныхъ въ законѣ, обязываются служить въ войскъ и національной гвардіи; образъ и условія» и т. д. (какъ было выше). Вся статья была принята въ этомъ видѣ. Къ 108 статьѣ: «Учрежденіе національной гвардіи и, войска должно быть опредѣлено особеннымъ закономъ», г. *Пьеръ Леру* предложилъ слѣдующее прибавленіе: «Всякій, принадлежащій къ вѣроисповѣданію, отвергающему войну, какъ дѣло варварское и противное божескимъ и человеческимъ законамъ, долженъ быть освобожденъ отъ военной службы». — *Голосъ*: «Это исключеніе въ пользу квакеровъ». (*Смѣхъ*) — *Пьеръ Леру*: «Я не предложилъ бы этого измѣненія, если бы вы вычеркнули изъ

нашего закона представление вместо себя другого. Христианское же общество не допускает войны.» — Г. Флокенъ: «Предшествовавший ораторъ защищалъ свое мнѣніе христіанскимъ началомъ; но я хочу замѣтить только, что если бы міръ принялъ это христіанское начало, то онъ сдѣлался бы магометанскимъ». — (Общій смѣхъ). — Пьеръ Леру: «Рѣдко случается, чтобы отдѣльвались отъ такого важнаго вопроса сарказмами. Я говорилъ только о христіанскомъ началѣ, исключаящемъ войну». Измѣненіе, слабо защищаемое, было отвергнуто, и 108 статья принята безъ всякаго измѣненія. Статья 109, «Военная сила подчиняется дисциплинѣ и не можетъ совѣщаться, съ оружіемъ въ рукахъ». Ст. 110, «Когда общественная военная сила употребляется для сохраненія внутренняго порядка, то она поступаетъ въ этомъ случаѣ по опредѣленнымъ законамъ и правиламъ и въ слѣдствіе требованій мѣстныхъ начальствъ». Статья 111. «Особенный законъ долженъ опредѣлить случаи, въ которыхъ можетъ быть объявлено осадное положеніе и установить правило этой мѣры». Статья 112. «Никакое иностранное войско не можетъ вступить на французскую землю безъ предварительнаго согласія національнаго собранія.» Приняты.

Въ засѣданіи 23 октября, палата окончила разсмотрѣніе проекта конституціи. Глава X, о почетномъ легіонѣ и объ управленіи колоніями; глава XI, объ образѣ пересмотра конституціи и наконецъ глава XII и послѣдняя, состоящая изъ нѣсколькихъ временныхъ постановленій, были приняты одна за другою, безъ важныхъ преній и безъ значительныхъ измѣненій. Одинъ только важный вопросъ остается рѣшить, именно о времени избранія президента республики. 119 статья проекта конституціи составлена была въ слѣдующемъ видѣ: «Непосредственно по утвержденіи конституціи послѣдуетъ избраніе народомъ президента республики, а учредительное національное собраніе приступитъ въ то же время къ составленію органическихъ законовъ, какъ дополненія конституціи». Комиссія сама потребовала уничтоженія этой статьи, предложивъ особеннымъ декретомъ опредѣлить время избранія президента; что же касается до другой части

статья, относительно органическихъ законовъ, те она была возобновлена г. *Гле-Бизуэмомъ* и, представленная палатѣ въ видѣ прибавочной статьи, утверждена ею въ слѣдующихъ видѣ: «Непосредственно по утвержденіи конституціи при-ступлено будетъ къ составленію органическихъ законовъ, которые нѣмѣютъ быть опредѣлены особенныхъ декретовъ». И такъ этою статьею рѣшено, что та же палата, которая составила конституцію, составитъ и органическіе законы.

Окончательное утвержденіе цвѣлой конституціи послѣду-етъ послѣ общаго пересмотра всѣхъ принятыхъ отдѣльныхъ статей, чѣмъ и займется комиссія.

Утвержденная собраніемъ, конституція будетъ ли пред-ставлена на утвержденіе народу? Этотъ вопросъ предложенъ былъ г. *Пюисеноромъ* и его друзьями; предложеніе было подвергнуто баллотировкѣ; противъ него оказалось 733 голо-са, а въ пользу его только 42, что возбудило въ палатѣ гром-ный хохотъ. Касательно вопроса г. *Пюисенора*, *Journal des Dé-bats* замѣчаетъ: «Не самъ ли народъ назначилъ учреди-тельное собраніе? Какое полномочіе дано имъ собранію? Не со-стоитъ ли оно въ составленіи и утвержденіи конституціи? Предполагать, что конституція имѣетъ нужду въ утвержденіи народомъ, значитъ отвергать начало представительства и желать, чтобы некая демократія разсуждала и подыма-ла голоса, какъ древніи демократіи, прямо на площади. Измѣ-неніе это поддерживали только 42 челолика противъ 773. Намъ еще не случалось видѣть подобнаго меньшинства!»

Въ засѣданіи 24 октября, г. *Маррасто*, отъ имени ком-миссіи конституціи, представилъ проектъ декрета, которымъ избраніе президента республики назначается 10 декабря. Собраніе положило рассмотреть этотъ проектъ 23 октября. Въ этотъ же засѣданіи палата отказала въ прибавкѣ 6,000 фр. къ 4,000, которые президентъ ея получать ежемѣсяч-но, и положила нарядить особую комиссію для разсматриванія отчетовъ временнаго правительства.

— Съ 25 сентября начали во всѣхъ конторахъ меромъ за-писываться работники, желающіе переселиться въ Алжиръ. Вызовъ подписанъ военнымъ министромъ, г. *Далорнесаромъ*,

и главные статьи его следующие: 1) Переселенцы делятся на два класса, на земледельцев и ремесленников; 2) Ремесленникамъ дозволяется селиться въ колоніи отдѣльно или вступать между собою въ общества. 3) Земли должны быть раздаваемы только земледельцамъ, но ко владѣнію ими могутъ быть допускаемы и ремесленники, если они объявятъ объ этомъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ колонизаціи. 4) Документы на владѣніе участками будутъ выдаваемы командующими въ провинціи генералами, съ одобренія министерства. 5) Поземельная собственность не можетъ быть никому продаваема, отказываема или закладываема, исключая непредвидѣнныхъ случаевъ. Отправленіе въ Алжиръ началось 8 октября. Всѣхъ записавшихся до этого дня считается не менѣе 36,000 человекъ.

— По предписанію начальника исполнительной власти, наряжена новая комиссія для пересмотра процессовъ преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ. Она состоитъ изъ членовъ судовъ кассаціоннаго, апелляціоннаго и суда первой инстанціи сенскаго департамента, и раздѣляется на десять отдѣленій, которые занимаютъ ежедневно. Каждое изъ отдѣленій разсматриваетъ въ день отъ шестидесяти до семидесяти дѣлъ. Преступники раздѣляются на два разряда: въ первомъ заключаются тѣ, надъ которыми приговоръ остается въ своей силѣ; ко второму относятся люди, заслуживающіе, по мнѣнію комисіи, помилованія. Полагаютъ, что такими образомъ третья или четвертая часть осужденныхъ будетъ освобождена.

— По докладу г. *Одилона Барро*, комитетъ финансовъ составилъ проектъ декрета объ имуществахъ орлеанской фамиліи. Главныя основанія этого проекта состоятъ въ слѣдующемъ:

«Семьестръ, наложенный на эти имущества, снять не будетъ. Министру финансовъ, или ликвидатору, предоставляется право заложить эти имущества, для уплаты долговъ бывшаго королевскаго дома. Министру финансовъ предоставляется также назначить изъ доходовъ съ этихъ имущества известную сумму на содержаніе прицевъ орлеанскаго дома,

возвратить имъ ихъ движимыя имущества, равно какъ и тѣ, которыя, по брачнымъ договорамъ, назначены ими, по своей смерти, своимъ супругамъ.» Доходы съ этихъ недвижимыхъ имѣній простирались, 24 февраля, до 1.300.000 франковъ. Долги составляютъ около 30 милліоновъ, и хотя имѣнія оценены въ восемьдесятъ милліоновъ, но при нынѣшнемъ упадкѣ цѣны, они, въ случаѣ продажи, едва ли покрыли бы сумму долговъ.

Австрийская Имперія.

Борьба между Венгерцами и Кроатами продолжается, и съ продолженіемъ приобретаетъ важнѣйшее значеніе въ современныхъ событіяхъ. Для поясненія причинъ и свойствъ этой борьбы приведемъ сначала сужденіе, помѣщенное въ *Journal des Débats*. «Въ числѣ подданныхъ австрийской монархіи, не поддавшихся нелѣпымъ и вреднымъ нововведеніямъ, находятся и Кроаты, употреблявшіе все свои силы для восстановленія власти императора. Присоединенные силою оружія къ Венгріи въ концѣ XII столѣтія, Кроаты сохранили свою личную свободу, имущество и общественное устройство, и это приноситъ честь ихъ завоевателямъ, Мадырямъ. Но правда и то, что по законамъ Венгріи, изданнымъ ея королями, побѣдители приняли все средства къ сохраненію себя исключительной монополіи власти и политическихъ выгодъ, обременивъ всѣми ихъ тягостями подвластные народы, поставивъ ихъ въ такое состояніе, изъ котораго, казалось, они никогда не могли выйти. Эти-то учрежденія, сохраняемыя нѣсколько столѣтій безъ малѣйшихъ измѣненій, Венгерцы хотятъ защитить теперь во всей цѣлости противъ тѣхъ, которые, съ оружіемъ въ рукахъ и именемъ императора, требуютъ нѣкоторыхъ переменъ. Лѣтъ за двѣнадцать было въ большой модѣ прославлять либерализмъ Венгріи и противоборство ея самоуправству, вѣнской канцеляріи. Венгерцы, покрытые лоскомъ либерализма, успѣли приобрести себя приверженцевъ во всей Европѣ. Возстаніе Мадыривъ

развило съ большею силою, и для сопротивленія имъ, вѣнскій кабинетъ не нащелъ ничего лучше, какъ обратиться къ тѣмъ, которые съ такимъ нетерпѣнiемъ просятъ о преобразованiи знаменитой венгерской хартiи. Въ такомъ положенiи были дѣла, когда вспыхнула французская февральская революція и произошло мартовское возмущенiе въ Вѣнѣ. На этотъ разъ Венгры увѣрены были, что насталъ часъ ихъ торжества, и что дѣло Мадьяровъ одержитъ верхъ. Но они обочились. Оппозиція, воздвигнутая графомъ Баттіани и Коссутомъ, съ такою дѣятельностью принялась за реформы, что въ нѣсколько недѣль съ одной стороны провозгласила она политическую независимость Венгрии отъ Австріи, а съ другой подвигла къ возстанiю Славянъ, взявшихъ за оружіе именемъ императора, который уже нѣсколько лѣтъ былъ ихъ защитникомъ. Событія доказали, что Венгерцы неудачно выбрали время своего возстанiя. Войско ихъ было въ Италіи съ фельдмаршаломъ Радецкимъ, да и теперь еще тамъ. Во всей Венгрии не было регулярнаго корпуса войскъ. Кроаты же, съ своей стороны, тотчасъ нашли готовые кадры регулярной арміи между тѣми воннственными пограничными полками, которыхъ устройство такъ хорошо описано маршаломъ Мармонтомъ въ его путешествiи. Къ довершенiю несчастiя, въ Венгрии нѣтъ ни одной оружейной фабрики, ни одного арсенала, а пограничныя области, по совершенно военному своему устройству, снабжены всеми пособіями въ своихъ депо и полковыхъ магазинахъ. Кроатамъ не трудно было вооружить толпы крестьянъ, явившихся во множествѣ къ подкрѣпленiю арміи бана Иеллачича. Этимъ легко объяснить первые успѣхи ихъ и равнодушiе, которое встрѣтили Венгерцы при своихъ пораженiяхъ. Когда Венгерцы, утрашенные побѣдами противниковъ, обратились къ посредничеству императора, извѣстно, что онъ ихъ принялъ немилостиво, и что они отвергнуты были даже вѣнскимъ національнымъ собраніемъ, къ которому рѣшились было прибѣгнуть.»

Теперь взглянемъ на театръ, враждебныхъ столкновеній Венгерцевъ съ Кроатами.

Кроатскій банъ *Јеллачичъ*, вступившій, какъ известно, 11 сентября, съ своимъ войскомъ въ предѣлы Венгріи, безъ всякаго сопротивленія дошелъ до Штульвейссенбурга. Народъ и національная гвардія повсюду принимали его какъ освободителя. Поэтому эрцгерцогъ малатинъ оставилъ войска. По отъездѣ эрцгерцога, національная гвардія покинула лагерь и разсѣлась въ разные стороны. 25 числа вечеромъ эрцгерцогъ Стефанъ сложилъ съ себя званіе венгерскаго палатина. Въмѣсто него назначенъ временнымъ намѣстникомъ Венгріи графъ *Майлатъ*, а главное начальство надъ войсками венгерскими и кроатскими взвѣрено было фельдмаршалу-лейтенанту графу *Фоль-Ламберту*. Въ повелѣніи, изданномъ по этому случаю, императоръ выражаетъ твердую свою волю прекратить междуособную войну въ Венгріи, и предписываетъ заключить перемиріе между воюющими сторонами.

Въ засѣданіи венгерскаго сейма 27 числа разсуждали о рескриптѣ короля (императора Фердинанда), которымъ графу *Ламберту* поручена главная команда въ Венгріи, и нашли, что рескриптъ, будучи обнародованъ безъ контрастированія министра, не имѣетъ законной силы и не можетъ считаться достовернымъ. На другой день, 28, графъ *Ламбергъ* прибылъ въ Офенъ безъ всякой свиты, призвалъ къ себѣ изъ которыхъ офицеровъ венгерской національной гвардіи и объявилъ, что они должны ему отнынѣ повиноваться, и когда они объявили ему о рѣшеніи сейма, онъ сѣлъ въ извозничью карету и отправился въ Пестъ. На мосту окружила его толпа буйной черни, и онъ палъ подъ ея ударами. Венгерскій сеймъ, предвидя наступленіе совершеннаго безначалія, нарядилъ комиссію изъ шести членовъ, для временнаго управленія государственными дѣлами, снабдивъ ее неограниченнымъ полномочіемъ.

4 Октября состоялся рескриптъ императора венгерскому сейму, которымъ, по выраженіи крайняго огорченія, возбужденнаго злодѣйскимъ умерщвленіемъ королевскаго комиссара графа *Ламберга*, повелѣется закрыть засѣданія венгерскаго сейма; не утвержденныхъ королевскою конспираціею

решенія его признаются действительными; банъ Крочинъ и Далмачинъ, фельдмаршалъ-лейтенантъ баронъ *Иосифъ Иеллачичъ* назначается главнокомандующимъ всѣхъ войскъ въ Венгрію и соединенныхъ съ нею земляхъ, равно какъ и въ Трансильванію; до возстановленія спокойствія и порядка, венгерское королевство объявляется состоящимъ на военномъ положеніи; банъ крочатскій назначается тамошнимъ комиссаромъ его величества, для исполненія законовъ и для принятія мѣръ, которыя сочтеть нужными въ настоящихъ обстоятельствахъ; всѣ чиновники и жители Венгріи и Трансильваніи должны повиноваться его предписаніямъ наравнѣ съ высочайшими повелѣніями; наконецъ, поручается ему поступить по всей строгости законовъ съ виновниками убійства графа *Ламберга*.

Кроаты, выступившіе еще 29 сентября изъ Штульвейсенбурга, 4 октября были уже въ Раабъ въ числѣ 8,000 человекъ; на этотъ геррадъ была наложена контрибуція съѣстныхъ припасами и укладомъ 30,000 гульденовъ. Отсюда *Иеллачичъ* направилъ свой путь на Визельбургъ, съ намѣреніемъ соединиться съ австрійскими войсками.

Но движеніе бана *Иеллачича*, дѣйствовавшаго въ пользу законнаго своего государя противъ мятежнаго венгерскаго сейма, должно было измениться, въ слѣдствіе возстанія, происшедшаго въ Вѣнѣ.

6-го октября два гренадерскія полка получили приказаніе выступить въ Венгрію и отирались туда въ сопровожденіи одного кирасирскаго полка. На берегу Дуная были они остановлены вооруженными крестьянами, которые загородили имъ путь и начали ломать мостъ. Подоспѣла гражданская стража на помощь войскамъ, и между ними завязалось сраженіе, продолжавшееся въ предмѣстіи Леопольдштадтъ до полудня. Неистовые въ пятомъ часу ворвались въ военное министерство, гдѣ стояли въ караулъ только тридцать человекъ; обыскали весь домъ, напали военнаго министра графа *Латура*, убили его злодѣйскимъ образомъ, повѣсили бездыханное тѣло на фонарномъ столбѣ и стрѣляли въ него. Военныя команды и гра-

жданская стража цѣлую ночь защищали арсеналь, но поутру чернь овладѣла имъ и вооружилась. Во весь день 6-го ч. и въ ночь на 7-е, слышны были пушечные выстрѣлы и ружейная пальба; набатъ били въ городъ и въ селеніяхъ. Убийцы графа Латура грозили смертью и другимъ министрамъ, товарищамъ его.

Въ 7 часовъ утра, 7-го октября, вся императорская фамилія оставила замокъ Шёнбрунъ и отправилась въ Линцъ въ сопровожденіи всего двора и подъ прикрытіемъ 2,000 войска; 4,000 другихъ войскъ прикрывали замокъ и дорогу. 14-го октября императоръ былъ уже въ Ольмюцъ, гдѣ приняли его съ изъявленіемъ величайшей радости; народъ выврягъ лошадей изъ экипажа и везъ его на себѣ. При отъѣздѣ изъ Шенбруна, императоръ оставилъ слѣдующій манифестъ:

«Въ минувшемъ мартъ мѣсяцѣ императоръ сдѣлалъ всевозможныя уступки; не смотря на то, онъ принужденъ былъ 15-го мая удалиться изъ замка своихъ предковъ. Онъ возвратился туда, полагаясь на вѣрность и признательность своихъ подданныхъ; но нынѣ въ столицѣ господствуютъ пожары и убійства, военный министръ его низкимъ образомъ умерщвленъ, и поэтому онъ принужденъ прибѣгнуть къ послѣднему, остающемуся ему средству спасти свободу, которой угрожаетъ партія, слабая числомъ, но опасная по своей дерзости. Въ слѣдствіе сего онъ призываетъ свои народы соединиться подъ знаменемъ ихъ императора».

Въ Вѣнѣ, 9-го числа, получено было извѣстіе, что войска кроатскаго бана *Иеллачича* вступили въ границы собственной Австріи. Это извѣстіе встревожило сеймъ, который тотчасъ поручилъ главному начальнику національной гвардіи *Брауну* привести Вѣну въ оборонительное положеніе. 10-го октября, на площадяхъ поставили пушки; у каждаго воротъ выставили по два орудія, и весь городскія ворота были заперты. Жители Вѣны находились въ сильнѣйшемъ волненіи; распространились тысячи тревожныхъ слуховъ. Все, кто могъ, оставили городъ. Оставшіеся въ немъ люди простаго званія и буйная, неразумная чернь, подъ вліяніемъ

сейма, клубовъ и другихъ мятежныхъ скопищъ, рѣшились защищаться отъ нападенія извнѣ. Имъ угрожали, во-первыхъ, 15,000 бывшаго вѣнскаго гарнизона, расположившагося подъ командою гр. *Auersperg*, въ предмѣстяхъ, и приближавшаяся армія *Леллачича*.

Столица Австріи представляла самую странную картину. По улицамъ ходили вооруженные люди, то малыми, то большими отрядами, и мѣрнымъ, воинскимъ шагомъ. На всѣхъ площадяхъ, передъ кофейными домами и на перекресткахъ стояли толпы угрюмыхъ людей, съ живостію разговаривавшихъ между собою. Изрѣдка были слышны выстрѣлы, особливо около предмѣстій *Виденскаго* и *Ландштрассе*, возбуждавшіе всеобщее опасеніе. На баррикадахъ и позади ихъ лежали кучами, около костровъ, вооруженные блузники, между которыми видны были женщины, не самой нравственной наружности. Одни изъ нихъ спали, другія шумѣли и хохотали. Живѣе всего было на городскихъ валахъ и бастіонахъ. Тамъ горѣли ряды сторожевыхъ костровъ, около которыхъ расположены были милиціонные солдаты, работники и отряды національной гвардіи. Надъ городскими воротами стояли пушки, обстрѣливавшія подступы къ городу. Около ихъ съ зажженными фитилями лежали солдаты городской артиллеріи (*Bürger-Artillerie*). Далѣе расположены были на бивакахъ толпы различно-вооруженной черни; онѣ разсылали по всѣмъ направленіямъ патрули съ ружьями и съ пиками. Число этихъ вооруженныхъ людей простиралось до 8—10,000 человекъ. Въ это время засѣданія національнаго собранія, городского совѣта, центрального комитета, демократическаго клуба и штаба національной гвардіи продолжались непрерывно.

12-го октября, въ 6 часовъ утра, произошла тревога и начали бить сборъ, потому-что между войсками, стоявшими въ *Шварценбергскомъ* саду, замѣчено было движеніе. Войска выступили оттуда, чтобы соединиться съ *Леллачичемъ*. Въ половинѣ перваго, Кроаты атаковали линію форпостовъ.

Между тѣмъ съ востока и запада подвигались къ *Виа* войска изъ *Богеміи*, *Моравіи*, *Силезіи*, *Кракова* и *Верхней*

Австріи, и облегалъ городъ съ угрожающимъ намѣреніемъ. *Виндишгрець*, наименованный главнокомандующимъ, расположился на лѣвомъ берегу Дуная съ 30,000 войска; а *Теллачичъ* съ 24,000 и *Ауэрсперъ* съ 18,000 человекъ заняли сѣверную и западную стороны города. Такимъ образомъ почти все сообщенія съ городомъ были прерваны.

Въ Вѣнѣ ожидали помощи отъ Венгерцевъ. Но Венгерцы, сперва усердно собиравшіеся въ походъ, отказались переступить за границы Австріи, и венгерское министерство послало курьера въ Ольмиуцъ къ императору съ предложеніемъ покорности. Наде полагать, что на это имѣло сильное вліяніе положеніе, которое графъ *фонъ-Ауэрсперъ* занялъ подъ стѣнами Вѣны. Онъ сталъ между венгерскими и кротскими войсками такъ, что первые должны бы были сначала атаковать его, но что они, по слабости своей, не рѣшались.

22-го октября, прокламаціею князя *Виндишгреца*, городъ и его округъ объявлены въ осадномъ положеніи и провозглашенъ военный законъ.

Княземъ *Виндишгрецемъ* были предложены условія, которыя состояли въ обезоруженіи академическаго легіона, въ преобразованіи національной гвардіи, въ отбѣнъ права составлять общества и свободы тисненія, до изданія законовъ по этимъ предметамъ.

Князь *Виндишгрець* объявлялъ, что если до 2 часовъ 24 числа, жители не положатъ оружія, то онъ начнетъ нападеніе.

24 числа Вѣнды пытались очистить мосты на Дунаѣ; но стоявшая у мостовъ батарея императорскихъ войскъ тотчасъ заставила замолчать батарею Вѣнцевъ. Въ $\frac{1}{2}$ 4-го по полудни, императорская артиллерія совершенно заняла оба моста. Вечеромъ происходила сильная канонада и нѣсколько домовъ въ городѣ загорѣлось. Впрочемъ, князь *Виндишгрець* все еще не рѣшался бомбардировать городъ и намѣренъ былъ только атаковать предместья, чтобы утратить жителей. На протестъ сейма противъ осаднаго положенія, онъ отвѣчалъ, 24-го октября, что не можетъ вступать ни въ какия

сношенія по этому предмету съ сеймомъ, который не что иное какъ собраніе, созванное для составленія конституціи, что министр Краусъ не свободенъ, а находится въ плѣну, что единственное начальство города есть общинный советъ, который подчиненъ ему.

28, блокаду города положено было замѣнить атакою. Огонь съ батареей открытъ былъ въ половинѣ одиннадцатаго. Городъ не отвѣчалъ на это. Колонны императорскихъ войскъ двинулись, подъ прикрытіемъ огня батарей. Вскорѣ по началѣ канонады, въ семи мѣстахъ въ оконечностяхъ города начался пожаръ; такъ какъ городская артиллерія отвѣчала слабо или совсѣмъ не отвѣчала, то батареи центрального и праваго крыла, продолжая стрѣлять, приблизились постепенно къ наружной стѣнѣ. Подъ прикрытіемъ этихъ батарей, центральная наступательная колонна, состоящая изъ нассаускаго полка, подъ командою князя Яблоновскаго, спустилась съ холма Spieggel am Kreuz и нѣсколькими отрядами двинулась на ворота Мальцейндорфскіе, на ворота Фаворитской-Линіи и на станцію глогницкой желѣзной дороги, которую инсургенты тщательно укрѣпили. Разныя колонны приблизились къ укрѣпленіямъ, заняли сначала смежное съ ними кладбище, гдѣ тотчасъ устроены были батареи артиллерійскія и изъ конгревовыхъ ракетъ, а потомъ колонны постепенно проникли въ ворота и на укрѣпленія, откуда онѣ производили болѣе или менѣе дѣятельную пальбу по инсургентамъ, которые отвѣчали тѣмъ же. Съ этой стороны дѣйствительно сильное сопротивленіе было только на станціи глогницкой желѣзной дороги, при чемъ нассаускій полкъ лишился 60 человекъ убитыми и ранеными. Пожаръ, произведенный въ этомъ мѣстѣ и распространившійся на часть этого предместья, истребилъ между прочимъ машинную мастерскую желѣзной дороги; это потеря довольно важная.

Между тѣмъ, какъ это происходило въ центрѣ, дивизія генерала Гардлауба, принадлежащая къ корпусу кротокаго бана и которой поручено было черезъ Ландштрассе открытъ сообщеніе съ колонною, занимавшею Пратеръ, атаковала,

съ своей стороны, заставу Сень-Марцеръ-Линія. Она овладѣла ею, не смотря на довольно сильное сопротивленіе и, увидѣвъ передъ собою баррикады, взяла скорымъ шагомъ штукъ тридцать ихъ вдоль Вѣнскаго-канала, а въ улицѣ Ланштрассеръ-Гаупт-Штрассе, вступила на гласисъ и разположилась тутъ близъ инвалиднаго дома и новаго зданія таможни. Колонна, бывшая въ Пратеръ, проникла со своей стороны въ Егеръ-Цейле и поставила тамъ батарею, которая обстрѣливала всю эту улицу, потомъ черезъ Франценсбрюкке вступила въ сообщеніе съ колонною генерала *Гартлиба* на гласисъ.

Сопротивленіе въ предмѣстіи Ланштрассе было сильно только со стороны пролетаріевъ, сформированныхъ въ подвижныя баталіоны, и студентовъ, которые однако жъ изъ предосторожности бросили свои калабрскія шляпы и сняли мундиры. Отступая, они пытались устроить сопротивленіе въ разныхъ домахъ, но эти дома были взяты и находящіеся въ нихъ вооруженные люди умерщвлены. Италіянскіе солдаты, которые, какъ увѣряли, были дурно расположены, напротивъ дрались очень хорошо и Кроаты, въ особенности, выказали пренебреженіе къ опасности, которымъ всегда отличались. Национальные гвардейцы, поставленные въ предмѣстіяхъ для защиты ихъ, болышею частію побросали свое оружіе и разбѣжались. Вѣнскій-каналъ былъ заваленъ ружьями. Обитатели предмѣстья не принимали никакого участія въ оборонѣ. Напротивъ, кроатскій банъ принять былъ тамъ съ изъясненіями радости. Онъ остановился въ отелѣ *Virne* и оттуда произнесъ рѣчь къ народу, который отвѣчалъ ему громкими привѣтствіями. Таковъ результатъ перваго дня, когда, со стороны арміи, въ битвѣ участвовали не болѣе 7,000 или 8,000 человекъ.

29 октября, утромъ, войска генерала *Гартлиба*, воспользовавшись своимъ положеніемъ на гласисъ, двинулись къ позиціи Бельведера и шварценбергскаго дворца. Инсур-генты, боясь быть атакованными съ тыла, покинули эту позицію. Кроатскія войска заняли ее, укрѣпились тамъ и

вступили въ сообщеніе съ бригадами Нассау и Чеккопьерри, занимавшими бельведерскія ворота.

Въ Леопольдштадтѣ генераль *Рамбергъ* также началъ утромъ наступательныя дѣйствія и послѣ довольно сильнаго сопротивленія взялъ баррикады на Егеръ-Цейле и Прагеръ-Штрассе и дошелъ до Фердинандсъ-Брюкке, насупротивъ воротъ, называемыхъ *Rother-Thurm*. Во всемъ предметѣ жители выставляли изъ оконъ бѣлыя знамена. Кажется, что князь фельдмаршалъ приказалъ прекратить операціи для того, чтобы дать жителямъ время поразмыслить объ этомъ первомъ успѣхѣ и подумать о послѣдствіяхъ, которые можетъ повлечь за собою дальнѣйшее сопротивленіе.

Пользуясь временемъ этой остановки, князь главнокомандующій отправился съ кавалерійскимъ отрядомъ, чтобы обозрѣть позицію венгерской арміи, о силѣ и приближеніи которой утромъ ходили самыя противорѣчашіе слухи.

Во время его отсутствія прибыла депутація, состоящая изъ членовъ муниципальнаго совѣта и городскихъ національныхъ гвардейцевъ. Депутація просила князя снять осадное положеніе, какъ скоро городъ покорится; но князь требовалъ покорности безусловной и обѣщалъ въ этотъ день не стрѣлять по городу для того, чтобы жители имѣли время до 30 числа поразмыслить объ этомъ. Въ 3 часа по полудни нѣкоторыя части города, однако жъ, снова открыли огонь; но онъ вскорѣ прекратился. Въ слѣдствіе отвѣта князя, общинный совѣтъ собрался 29 числа вечеромъ, призвалъ оберъ-коменданта *Мессенгаузера*, равно какъ всѣхъ окружающихъ представителей національной гвардіи, и спросилъ ихъ, можно ли еще защищать городъ? *Г. Мессенгаузеръ* объявлялъ, что онъ готовъ продолжать сраженіе, если совѣтъ прикажетъ, но что при теперешнемъ положеніи войскъ, о опасеніи города нечего и думать; поэтому, большинствомъ двухъ третей голосовъ, рѣшено было покориться. Въ ту же ночь депутація отправилась къ князю *Виндишгрецу* объявить, что городъ покорится и просить о скорѣйшемъ вступленіи туда войскъ для обезоруженія народа. Непріязненные дѣйствія

были тотчас прекращены и въ тотъ же день предвѣстнѣ бѣльшую частію обезоружены; но еще 29 числа, 27 ротъ національной гвардіи въ предвѣстнѣ Видень побросали свое оружіе. Общинный советъ издалъ прокламацію о томъ, что бы всѣ нѣмецкіе оружіе сдали его въ назначенную для того комиссію.

30 октября, въ полдень фельдмаршалъ князь *Виндишгрецъ* отправилъ въ Ольмюцъ къ министру *фонъ-Вессенбергу* слѣдующую телеграфическую депешу: «Вѣна сдается безусловно; войска мои вступать туда сегодня же». Бруннская депутація, посыланная къ императору для испрошенія Вѣнъ пощады, возвратилась. Императоръ отвѣчалъ, что онъ совершенно предоставилъ это фельдмаршалу и далъ депутаціи собственноручную записку къ князю. Депутація отправилась къ князю, окруженная гренадерскимъ баталіономъ. Жители Вѣны, не зная для чего это дѣлается, начали стрѣлять по гренадерамъ, почему противъ города опять открытъ былъ сильный огонь, хотя перемиріе должно было еще продолжаться до 2 часовъ. Пальба продолжалась до половины третьяго. Въ это время князь *Виндишгрецъ* получилъ извѣстіе, что Венгерцы приближаются. Венгерскій корпусъ въ 18,000 чел. пытался прорваться между *Иллачичемъ* и *Виндишгрецемъ* и атаковалъ правый флангъ перваго и лѣвый флангъ втораго. Оберъ-комендантъ *Мессенгаузеръ* поддержалъ это движеніе, сдѣлавъ вылазку черезъ одни изъ боковыхъ воротъ, близъ Красной-Башни. Бомбардированіе, которое въ 3 часа совсѣмъ прекратилось, впоследствии началось снова. Во весь вечеръ продолжалась канонада, какой дотолъ еще и не было. Въ 7 часовъ она прекратилась. После 7 часовъ во многихъ мѣстахъ города снова начались пожары.

Венгерцы, были разбиты. У нихъ было 24 орудія, 5 баталіоновъ регулярныхъ войскъ, и всего отъ 18 до 20,000 чел. Высланный противъ нихъ корпусъ состоялъ изъ 16—18,000 ч. съ 60 орудіями и 42 эскадронами кавалеріи. Командиромъ его былъ кроатскій банъ. Сраженіе было болѣе артиллерійское. Кавалерія, которая должна была

обойти Венгерцевъ и отрвать имъ отступление, пришла слишкомъ поздно. 31 числа ихъ преслѣдовалъ князь *Лактейнштейнъ* съ 4,000 ч. Во время битвы Вьны, которые уже, большею частію, положили оружіе, схватили его снова, не отправили заложниковъ, не выдали пушекъ и начали стрѣлять по императорскимъ войскамъ. Въ слѣдствіе этого, послѣднія ночью бросили въ предмѣстія *Маріенталь* и *Дерхенфельдъ* до 100 бомбъ. Но когда ночью узнали о пораженіи Венгерцевъ, къ князю снова явилась депутація обвинявшаго совета и принесла ему безусловную покорность Вьны. Но вооруженные жители и тутъ еще не положили оружія, поэтому на другой день въ полдень снова началось бомбардированіе предмѣстій.

1-го ноября произошло окончательное занятіе собственно города Вьны и всѣхъ его предмѣстій войсками Е. В. императора австрійскаго. Сообщаемъ краткое описаніе этого событія. Князь Виндишгрець, носивъ въ ролею вѣстунка вѣнскихъ инсургентовъ, убѣдясь въ безсиліи городского совета, бывшаго подъ вліяніемъ ужаса, внушаемаго вооруженною чернью и вицовниками безначалія, рѣшился принять самыя сильныя мѣры, чтобъ овладѣть городомъ, во что бы то ни стало. По приказанію его, брошены были бомбы и конгревовы ракеты въ предмѣстія *Виденъ*, *Марія-Гильфъ* и *Ней-Дерхенфельдъ*. Въ скоромъ времени подняты были бѣлые флаги, условленный знакъ покорности, на церквахъ и на вѣншней линіи предмѣстій. Эти же знаки покорности были подняты на валахъ внутренняго города; въ то же время до сорока телѣгъ, наполненныхъ оружіемъ и нѣсколькими пушками, были переданы военному начальству въ *Шенбрунъ*. Казалось, по этимъ признакамъ, что въ вѣншній разъ покорность будетъ окончательная. Колоннамъ приказано было войти въ городъ, по даннымъ имъ диспозиціямъ. Они въ самомъ дѣлѣ заняли всѣ ворота предмѣстій, не встрѣтивъ сопротивленія; но въ собственномъ городѣ было не то: увидѣвъ, что колонны идутъ на гласисъ, бывшіе на валахъ полторы или двѣ тысячи мѣтежниковъ сорвали бѣлыя знамена: эти самые люди уже прежде того, въ бѣшенствѣ сво-

емъ, грозили зажечь дворець императорскій и другія публичныя зданія, при первой бомбѣ, которая будетъ брошена въ городъ. Вопреки заключенному уже условію, съ батареей на валахъ стали стрѣлять въ императорскія войска гранатами и картечью.

Это новое върломство не позволяло колебаться въ необходимости употребить силу. Мортирныя и ракетныя батареи начали дѣйствовать въ ту же минуту и осыпали градомъ снарядовъ городъ и особенно университетскій кварталъ. Въ эту минуту вспыхнулъ сильный пожаръ вблизи императорскаго дворца. Мятежники исполнили свою угрозу, и зажгли приготовленныя ими горючія вещества. Къ счастью, адскій ихъ замыселъ совершился не вполне. Пожаръ, начавшійся въ зданіи придворной библіотеки, отъ перемѣны вѣтра, пощадилъ дворець. Пожаръ охватилъ близъ лежащую церковь Августиновъ, и башня ея обрушилась съ ужаснымъ трескомъ; въ библіотекѣ сгорѣли куполъ и крыша. Неизвѣстно еще, какъ великъ вредъ, причиненный встребленіемъ драгоценнаго книгохранилища. При такомъ злодѣяннѣ изступленнаго варварства (которое, какъ кажется, уже заранѣе предуготовлено было слишкомъ извѣстнымъ докторомъ Шютте), войска свернулись въ колонну передъ дворцовыми воротами. Пушками разбили ворота, и баталіонъ «Kaiser» вторгся туда на штыкахъ. Въ то самое время ворота Каринтійскія и Шоттенскія были отворены тѣмъ же способомъ, и въ нихъ вступили другія колонны. Спротивленіе, какъ кажется, было незначительное. Отбитые сначала къ университетскому кварталу, мятежники, испуганные въротно выстрѣлами, обращенными на этотъ пунктъ, бросились оттуда въ казарму, называемую Зальцгрисъ, лежащую близъ Глубокаго Рва (Tiefer Greben) у Элеидскаго Бастиона. Пятсотъ другихъ мятежниковъ забрались въ подвалы военнаго министерства. Императорскія войска заняли всѣ посты, и приняли мѣры безопасности; главная изъ нихъ обезоруженіе черни. Другая, не менѣе важная мѣра взятіе подъ арестъ главныхъ виновниковъ злодѣянія 6-го октября и преступныхъ дѣйствій, сопровождавшихъ этотъ замы-

сель. Связи и сношенія ихъ съ республиканцами южной Германіи и мятежниками польскими и венгерскими обнаруживаются на каждомъ шагу вѣнскаго мятежа. Депутаты крайней лѣвой стороны, Нѣмцы и Галиційцы, принимали въ нихъ явное участіе. Должно надѣяться, что званіе депутатовъ не спасетъ ихъ отъ законнаго преслѣдованія.

Во всѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ участвовали императорскія войска въ последнее время, потери ихъ, къ счастью, не могли быть значительны. Всего болѣе потери было при взятіи приступомъ большой баррикады на Егерцейль, на которой было пятнадцать пушекъ; на ней командовалъ ген. Бемъ. Банъ кроатскій, съ обычною своею храбростью, подавалъ первый примѣръ своему войску. Вообще вся потеря можетъ простираться до пятисотъ челоуѣкъ убитыми и ранеными. Поврежденія, причиненныя въ городѣ, съ точностью еще неизвѣстны.

Венгерская армія, сколько извѣстно, перешла обратно чрезъ Лейту, и воротилась въ Венгрію. Другой корпусъ этихъ инсургентовъ тысячъ въ пятнадцать, двинулся на Вѣнскій Нейштадтъ. Первоначальное его намѣреніе было овладѣть этимъ пунктомъ, чтобъ открыть проходъ ополченію, которое, какъ говорили, вооружалось въ Штиріи и въ Грецѣ. Войска, посланныя отсюда въ Нейштадтъ, прекратили это покушеніе. Городъ Вѣна надѣялся на пособіе крестьянъ Верхней и Нижней Австріи; но они, не смотря на всѣ искушенія, оставались спокойными, и оказываютъ большое равнодушіе къ участи столицы. Сѣверныя провинціи хранятъ вѣрность правительству, равно какъ и набранныя тамъ войска, составлявшія ядро арміи, дѣйствовавшей подъ Вѣною.

— Манифестомъ австрійскаго императора отъ 20 сент., жителямъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства объявлено, что всѣ политическія дѣйствія ихъ въ теченіе послѣдняго года предаются забвенію и никто за нихъ преслѣдуемъ не будетъ.

— Австрійскіе повѣренные въ дѣлахъ въ Лондонѣ и Парижѣ, гг. Коллеръ и Томъ, сообщили лорду Паль-
К. XI. — Отд. II.

жорсткому и г. Бессиду отвѣтъ австрійскаго кабинета на условія посредничества. Главныя пункты его состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Война, объявленная королемъ Карломъ-Альбертомъ Австріи, не основана ни на какомъ междунаціональномъ правѣ, а слѣдовательно и не можетъ оправдать ни какихъ притязаній Сардиніи на Ломбардію. 2) Австрія хочетъ оставаться въ неизмѣнномъ обладаніи Ломбардо-Венеціанскаго государства, за которое поручились державы, подписавшія вѣнскій договоръ 1815 года. Отбросивъ сардинскую армію за Тичино, фельдмаршалъ-лейтенантъ Радецкий возстановилъ status quo (прежнее положеніе дѣлъ), послужившее основаніемъ перемирія, подписаннаго въ Миланѣ 9 августа. 3) Англо-французское посредничество не можетъ измѣнить европейскаго равновѣсія, установленнаго договорами 1815 года. Если же это случится, то Австрія пригласитъ европейскія державы на конгрессъ въ Инспрукъ для составленія ломбардо-венеціанской конституціи. Австрія желаетъ участія всѣхъ державъ, подписавшихъ вѣнскій договоръ и въ особенности италіянскихъ государей, которымъ настоящій отвѣтъ по этой причинѣ и сообщенъ.

— Австрійскія войска, 14 октября, взяли крѣпость Озоппо при Удинѣ, державшуюся шесть мѣсяцевъ: она сдалась послѣ сильной бомбардировки. Въ ней взяты 37 пушекъ и значительное количество разныхъ припасовъ. Гарнизонъ, состоявшій изъ папскихъ войскъ, сдался на капитуляцію. Это пріобрѣтеніе очень важно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Италіянцы считали эту крѣпость непобѣдимой.

Пруссія.

Изъ Берлина отъ 15 октября пишутъ: «Сегодня, въ 9 часовъ утра, его величество король съ королевою и принцами королевскаго дома прибыли сюда изъ Потсдама по желѣзной дорогѣ и отправились въ замокъ Бельвю; тамъ они отстояли обѣдню по случаю дня рожденія короля. Передъ церковью и на улицахъ народъ радостно привѣтство-

лать королю. Передъ замкомъ Бельею поставлены были почетный караулъ. Тамъ была депутация отъ національнаго собранія, состоявшая изъ президента, г. Грабона, четырехъ вице-президентовъ и 25 другихъ членовъ собранія, членами же по требованію, депутация магистрата и гражданского общества, члены государственнаго министерства, генералитетъ, депутации академій наукъ и адьянаго университета и начальники разныхъ присутственных мѣстъ. Его величество принималъ прежде всего поздравленія депутатій національнаго собранія и государственнаго министерства. Президентъ Грабонъ сказалъ при этомъ слѣдующее торжественное рѣчіе, на которую король отвѣчалъ также рѣчіе. После этого король принималъ и другія депутации, дружески разговаривалъ съ ними и былъ очень доволенъ изъявленіемъ со всѣхъ сторонъ привязанности и расположенія къ нему. Королева вполне раздѣляла удовольствіе своего супруга.

— 26-го октября, въ Берлинѣ произошли беспорядки.

Но случившееся противъ царской машины сдѣлалось необходимымъ удаленіе рабочихъ при каналѣ на Кашинскомъ шоссе; при выполнении этой мѣры, въ близлежащемъ экзерциргаузѣ поставлены были орудія охранной стражи и батальонъ гражданского ополченія для наблюденія. Около 11 часовъ, отрядъ рабочихъ съ красными знаменами пошелъ черезъ городъ. Но охранительная стража врота гражданского ополченія заступила имъ дорогу; тогда рабочие двинулись къ экзерциргаузу и потребовали, чтобы отрядъ гражданского ополченія удалился отсюда. Начался споръ, потомъ драка; рабочие бросили множество камней въ гражданское ополченіе и нѣсколько человекъ ранены; тогда послѣдніе начали стрѣлять въ рабочихъ, трехъ убили и многихъ ранены, изъ которыхъ двое скоро и умерли. Гражданское ополченіе двинулось послѣ этого черезъ Дрезденскую улицу въ городъ, но, встрѣтившись съ новымъ отрядомъ рабочихъ, принуждено было опять стрѣлять и убило еще двухъ рабочихъ. Въ 3 часа рабочие построили баррикаду и съ оружіемъ за-

щипали ее; гражданское ополчение взяло баррикаду, но когда оно удалилось, рабочие опять овладели ею. При этом убиты были три человека. После того огромная толпа потянулась через городъ съ криками: «да здравствуетъ республика!» Позже ввечеру спокойствіе не было нарушено, но гражданское ополченіе энергически противилосьъ всѣмъ попыткамъ къ измѣнѣ.

Германія.

Въ Франкоуртѣ на Майнѣ, 9 октября, въ засѣданіи учредительнаго германскаго собранія приступлено было къ разсмотрѣнію закона о защитѣ собранія. Содержаніе этого закона состоитъ въ слѣдующемъ: «Государственный правитель, въ исполненіе рѣшенія государственнаго собранія, постановляетъ: Ст. I. Насильственное нападеніе на государственное собраніе, съ намѣреніемъ разогнать его, или удалить изъ него нѣкоторыхъ членовъ, или принудить его принять какое-нибудь рѣшеніе, или отказаться отъ своего рѣшенія, считается государственною измѣною и наказывается заключеніемъ въ тюрьму или, смотря по обстоятельствамъ, въ смиренительный домъ, на время около двадцати лѣтъ. Кто будетъ возбуждать открыто къ подобнымъ поступкамъ, тотъ наказывается по приговору суда. Ст. II. За участіе въ сходбищахъ вблизи собранія во время засѣданій его, если послѣ троекратнаго требованія городскихъ начальствъ или председательствующаго въ собраніи, сходбище не разойдется, зачинщики и вооруженные заключаются въ тюрьму на годъ, а прочіе на три мѣсяца. Требованіе дѣлается посредствомъ общихъ, видимыхъ знаковъ, напримѣръ волруженія знамени, бѣлаго платка, барабаннаго боя, и тому подобнаго. Ст. III. Во все время засѣданій собранія запрещается всякое народное собраніе подъ открытымъ небомъ, на разстояніи пяти миль отъ мѣста засѣданій собранія. За публичное возбужденіе къ такимъ сходбищамъ, за председательствованіе и ораторствованіе въ нихъ, назначается шестимѣсячное заключеніе въ

тюремъ. Ст. IV. Насильственное вступленіе въ уполномоченнаго въ мѣсто засѣданій собранія, угрозы постороннимъ лицъ и оскорбленія собранія, его членовъ, чиновниковъ и служителей, наказываются двухгодичнымъ заключеніемъ въ тюрьму. Насилія въ мѣств засѣданій собранія въ отношеніи членовъ собранія, чиновниковъ или служителей, влекутъ за собою наказаніе пятигодичнымъ заключеніемъ въ тюрьму, сверхъ обыкновеннаго законнаго судебного приговора. Ст. V. Публичныя оскорбленія собранія, въ мѣста его засѣданій, наказываются двухгодичнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Ст. VI. Попытка заставить члена собранія извинить свое убѣжденіе или поступки, наказывается, кромѣ обыкновеннаго судебного приговора, трехгодичнымъ заключеніемъ въ тюрьму. За угрозы и оскорбленія подобнаго рода опредѣляется шестимѣсячное тюремное заключеніе, а судебное преслѣдованіе производится также по требованію оскорбленнаго. Ст. VII. Всякое оскорбленіе считается публичнымъ, если оно происходитъ въ публичныхъ мѣстахъ или собраніяхъ, или посредствомъ печатныхъ и не печатныхъ объявленій. Ст. VIII. Опредѣленія IV и VI статей относятся также и къ угрозамъ, оскорбленіямъ и насиліямъ противъ членовъ временной центральной власти. Законъ этотъ получаетъ силу въ вольномъ городѣ Франкфуртъ на третій день послѣ объявленія во Франкфуртской государственной газетѣ, въ курфиршествѣ Гессенскомъ, въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ, въ герцогствѣ Нассау, въ ландграфствѣ Гессенъ-Гомбургскомъ, и въ королевско-прусскомъ округѣ Вецларъ, на десятый день, а въ остальныхъ частяхъ Германіи на двадцатый день. Національное собраніе постановляетъ потребовать отъ государственнаго министерства, чтобы оно немедленно приняло мѣры къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ статьи I до IV были принимаемы въ соображеніе присяжными при изустномъ и публичномъ сужденіи дѣлъ.

— Государственный правитель, въ слѣдствіе рѣшенія государственнаго собранія, отъ 29 сентября 1848, предписалъ 10 октября, слѣдующее:

«Да издашія общаго закона, для временнаго вознагражденія поддержкѣ государственнаго собранія в центральной власти, привести въ дѣйствіе распределеніе налоговъ въ 120,000 гульденовъ на отдѣльные государства».

Затѣмъ слѣдуетъ распределеніе этого налога, смотря по величинѣ государствъ: такъ Австрія должна внести 35,797 фл., 26 кр., Пруссія 36,120 фл. Баварія 12,430 фл. 46 кр., а Гогенцоллернъ-Герингенъ 54 фл. 46 кр., Лихтенштейнъ 20 фл. 56 кр.

— Государственный правитель, въ исполненіе опредѣленія государственнаго собранія отъ 14 іюня, издалъ 14 октября слѣдующія постановленія: Для учрежденія германскаго флота назначается распределеніе налоговъ въ 5,250,000 гульденовъ на отдѣльные государства. Австрія, между прочимъ, должна внести 1,566,138 фл. 33 кр., Пруссія 1,580,686 фл. 50 кр., Баварія 587,989 фл. 51 кр., Гогенцоллернъ-Герингенъ 2,394 фл. 54 кр., Лихтенштейнъ 916 фл. 1 кр.

— Въ засѣданіи 19 октября приступлено было къ разсмотрѣнію первой главы имперской конституціи, подъ заглавіемъ: *Объ Имперіи*. Въ первомъ параграфѣ этой главы сказано: «Германская имперія состоитъ изъ странъ, принадлежавшихъ доселѣ къ германской конфедерации. Отношенія къ герцогству Шлезвигскому и опредѣленіе границъ въ герцогствѣ Померанскомъ составятъ предметъ особаго постановленія». Многія предложенія по этой статьѣ измененія отвергнуты, и собраніе, выслушавъ четырнадцать ораторовъ изъ числа тридцати записавшихся, утвердило эту статью въ первоначальномъ ея видѣ.

— Что касается до шлезвигъ-гоштинейскаго вопроса, то онъ еще остается не оконченнымъ. Въ Регенс, этотъ вопросъ изложенъ слѣдующимъ образомъ: «Национальное собраніе во Франкфуртѣ,—которое, скажемъ мимоходомъ, еще не признано датскимъ правительствомъ,—отринуло условія перемирія, объявивъ, что прусское министерство нарушило данныя ему полномочія. Послѣ долгихъ и жаркихъ ореній, оно рѣшило возобновить дипломатическіе переговоры, но объяви-

ло, что датское правительство должно согласиться на новые уступки и измѣненія въ пользу обонхъ герцогствъ, которыя останутся нераздѣльными. Это торжественное объявленіе разнеслось по всей Германіи и вынудило у датскаго кабинета рѣшительную дипломатическую ноту, обращенную ко всемъ дворамъ Европы. Кабинетъ объявлялъ, что онъ намеренъ удержать во всей ихъ силѣ статьи и условія перемирія, ратификованныя королемъ, не соглашаясь ни на какую отиѣну или измѣненіе ихъ. Національное Франкфуртское собраніе, получивъ ноту копенгагенскаго министра иностранныхъ дѣлъ, возмолвалось въ свою очередь. Министръ имперскій, на усиленные вопросы, отвѣчалъ, что онъ поддержитъ и заставитъ уважать рѣшенія собранія и никогда не согласится на раздѣлъ этихъ герцогствъ или уступку части ихъ, и что открыты будутъ новые переговоры съ Дачіею, для склоненія ея къ важнымъ измѣненіямъ въ условіяхъ перемирія. Депутатъ *Стедманъ*, снабженный рѣшительными инструкціями въ этомъ смыслѣ, отправленъ изъ Франкфурта въ герцогства, и прибылъ въ Рендсбургъ въ сопровожденіи герцога гольштейнъ-глокнбургскаго. — Король Датскій, съ своей стороны, дѣлая смотръ своей арміи, объявлялъ также, что онъ никогда не согласится на отторженіе Шлезвига отъ его королевства, что это герцогство, по-прежнему, должно составлять неотдѣльную его часть, и на основаніи условій перемирія, заключеннаго въ Мальмё, назначалъ трехъ комиссаровъ, которые, вѣсть отъ назначаемыми другою стороною, должны править герцогствами до заключенія окончательнаго мира. — Извѣстіе о назначеніи сихъ комиссаровъ, и отправленіе ихъ въ герцогства произвели тамъ сильное волненіе. Національное собраніе и временное правленіе въ Киль предпріесли, въ прокламаціи къ жителямъ края, взять трехъ комиссаровъ подъ стражу, гдѣ бы они ни явились, и отправить въ рендсбургскую тюрьму. Въ то же время положили они невозвести пребываніе правительства въ Шлезвигъ, то-есть въ самую средину земли, близъ датскихъ владѣній, чтобъ воспріимать вслѣдствію участію и вынужденности Даніи въ публичныя дѣла. —

Вотъ въ какомъ положеніи находитесь теперь это дѣло, которое причинило и еще причинитъ много заботъ. Къ несчастію, видно, что оно закрутилось теперь болѣе, нежели когда-нибудь. Между разными державами и властями, принимающими въ немъ участіе, будутъ происходить безконечныя переписки и переговоры. Кто уступить, Франкфуртское ли собраніе, опирающееся на 46 милліоновъ жителей Германіи, или король датскій, вспомошествоваемый сильными союзниками?»

— Возмущеніе, произведенное въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ *Густавомъ Струве*, подавлено. Генералъ *Готманшъ* разбилъ инсургентовъ при Штауфенѣ. Предводитель ихъ взятъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Фрейбургъ и преданъ суду. Въ нѣмецкихъ газетахъ описываютъ похождения этого сумасброда. Въ карлсруэской газетѣ сообщаютъ о вступленіи его въ Штауфенъ слѣдующее:

«Впереди поезда ѣхали три всадника и кричали: «Да здравствуетъ республика и временное правительство!» На это никто не отвѣчалъ имъ, но въ церквахъ вѣчно было звонить въ колокола въ честь благополучнаго прибытія *Штатгальтера*. Скоро показался и самый поездъ. Впереди были барабаны и играла музыка; потомъ знаменосецъ съ краснымъ знаменемъ; три офицера на лошадяхъ, съ красными шарфами и такими же повязками, въ сопровожденіи 300 хорошо вооруженныхъ волонтеровъ съ огромными бородами и дикими лицами, по большей части Италіянцевъ; потомъ опять красное знамя, офицеры на лошадяхъ и около 1,500 солдатъ, хорошо вооруженныхъ, съ новымъ, блестящимъ оружіемъ и красными повязками. Наконецъ ѣхала въ каретѣ г-жа *Струве*. Въ каретѣ виднѣлся обнаженный мечъ и два пистолета. За этимъ поездомъ слѣдовалъ поездъ самого *Струве*, имѣвшаго чрезвычайно печальный видъ. *Струве* вошелъ въ ратушу и скоро показался въ одномъ изъ оконъ, съ обнаженнымъ мечемъ. Онъ сказалъ: «Друзья мои, съ этихъ поръ нѣтъ болѣе никакихъ налоговъ и пошлинъ—не будетъ бѣдныхъ при новомъ правительствѣ! Довѣрьтесь же ему....» Энтузіазмъ былъ однако же не великъ и не продолжите-

лень, потому, что вскорѣ потребовали, чтобы всѣ мужчины отъ 18 до 40 лѣтъ присоединились къ волонтерамъ; кассы не долго оставались у новаго правительства: оно должно было оставить ихъ при своемъ удаленіи. Волонтеры сохраняли порядокъ и были скромны. Нѣкоторые волонтеры послѣдовали умному совету и впоследствии при появленіи враговъ побросали оружіе.»

Изъ Штауфена *Струве* отправился въ Тодтнау. Онъ совѣтовался съ своими о томъ, что дѣлать, и рѣшено было еще разъ сдѣлать нападеніе на Лоррахъ. Но на дорогѣ *Струве* узналъ, что гражданское ополченіе идетъ на него. Его отвели въ Веръ въ сельскій домъ, гдѣ скоро бургомистръ съ 8 солдатами, окруживъ домъ, арестовалъ его и его сподвижниковъ, которые сначала хотѣли было сопротивляться, но, по приказанію *Струве*, сдались. Пльнники отведены были въ Шопфгеймъ, откуда, послѣ короткаго допроса, повезли ихъ въ омнибусъ, подъ сильнымъ прикрытіемъ, скованныхъ по рукамъ и ногамъ. Подлѣ *Струве* была его жена. Въ Битценъ чернь хотѣла разтерзать его. Потомъ пльнныхъ отвезли въ Шлингенъ, гдѣ оскорбляли ихъ тѣ самые, которые три дня назадъ носили ихъ на рукахъ. Ночью солдаты гражданскаго ополченія передали ихъ войскамъ, которыя и повезли ихъ далѣе. 30 сентября *Струве* былъ привезенъ въ Фрейбургъ и посаженъ въ тюрьму.

— Въ Сигмарингенъ, въ свѣдѣствіе распространившихся тамъ слуховъ о томъ, будто отрядъ баварскихъ войскъ получилъ приказаніе занять Гогенцоллернское княжество, народонаселеніе вооружилось, чтобъ воспротивиться этому занятію и составило комитетъ общественной безопасности. Владѣтельный князь Гогенцоллернъ-Сигмарингенскій издалъ съ своей стороны прокламацію, которою объявилъ, что, не будучи въ состояніи управлять княжествомъ подъ вліяніемъ революціонной власти, онъ, вмѣстѣ съ правительственными лицами, удаляется, уведомявъ комиссара центральной власти о случившихся событіяхъ; чтобъ онъ употребилъ всю свою власть для водворенія законнаго порядка, нарушеннаго преступными заговорами. Центральная власть отправила

надлежащее число войскъ въ Сигмарингенъ, для возстановленія тамъ порядка, и князь Гогенцоллернъ-Сигмарингенскій уже возвратился въ свои владѣнiя.

— Въ Кёльнѣ происходили 25 и 26 числа безпорядки, въ слѣдствіе которыхъ городъ объявленъ былъ въ осадномъ положеніи. 25-го сентября, взяты были полиціею три челевѣка, обвиненные въ участіи въ заговорѣ. Когда ихъ вели по улицѣ, послѣдовали разныя шалости и сопротивленія начальства. Утромъ, 26 числа, на вопросъ коменданта, въ состоянiи ли гражданская стража прекратить безпорядки, бургомистръ отвѣчалъ, что это превосходить ея силы. Тогда комендантъ города и крѣпости объявилъ ихъ состоящими въ осадномъ положеніи, и съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилъ все народныя собранія и клубы, все скопища на улицахъ болѣе двадцати человекъ днемъ, и болѣе десяти вечеромъ и ночью, запретилъ изданіе четырехъ возмутительныхъ газетъ, распустилъ гражданскую стражу, обявзавъ ее выдать оружіе, и объявилъ, что всякій, кто будетъ противиться мѣрамъ начальства вооруженною рукою, преданъ будетъ военному суду. Мятежъ прекратился. 3 октября, комендантъ, генераль-маіоръ *Кайзеръ*, издалъ объявленіе, которымъ, по возстановленіи всеобщаго порядка и спокойствія, съ города снимается осадное положеніе.

— Изъ Любека отъ 10 октября пишутъ: «Вчерашній вечеръ ознаменовался здѣсь важными безпорядками. Три недѣли тому назадъ, сенатъ предложилъ представителю гражданству уравнивать въ правахъ избирательства всехъ гражданъ. Предложеніе отослано было въ комиссію. Послѣ этого граждане, не имѣвшіе до-сихъ-поръ права избирательства, оторвали депутацію къ сенату съ благодарностію за его предложеніе, а представителю гражданству съ просьбою, скорѣе рѣшить дѣло. Вчера комиссія предложила удержать прежній законъ объ избраніи; и гражданство утвердило предложеніе сената и объявило о рѣшеніи своемъ бывшей тутъ депутаціи. Но скоро пылалы толпы стали врываться въ залу засѣданій и потребовали,

въ противность прежнему своему желанію, чтобы прежній законъ оставленъ былъ въ своей силѣ. Гражданство объявило засѣданіе свое конченнымъ; но оно было почти въ павну; грубая толпа требовали возобновленія засѣданія и угрожали членамъ собранія. Напрасно старались уговорить толпу; надобно было созвать гражданское ополченіе и ливійное войско, которымъ удалось только послѣ полуночи, и то при помощи огнестрѣльнаго оружія, разогнать толпы и освободить гражданство; сегодня сенатъ и граждане приняли мѣры безопасности.»

И т а л і я .

Въ Times напечатаны оффиціальныя документы, касательно англо-французскаго вѣдательства въ дѣла между Неаполемъ и Сициліею. Въ этихъ документахъ изложенъ весь ходъ дѣла.

Мессина взята 8 сентября. 10 числа г. де-Рамисвалъ уведомилъ неаполитанское правительство, что командующій французскими морскими силами у береговъ Сициліи, по предписанію адмирала Бодуа, будетъ просить командира неаполитанскихъ войскъ прекратить на время непріязненнаго дѣйствія, а въ случаѣ нужды, и потребуетъ этого отъ обеихъ сторонъ, для того, чтобы имѣть время получить надлежащія инструкціи отъ республиканскаго правительства.

Англійскій уполномоченный со своей стороны сдѣлалъ такое же объявленіе неаполитанскому правительству.

Неаполитанское правительство отвѣчало обомъ дипломатамъ запискою, въ которой извѣнялось, что не отвѣчаетъ рѣшительно на приглашеніе прекратить военныя дѣйствія.

Въ этой запискѣ было сказано:

1) Что всякая мѣра, которая прервала бы исполненіе плановъ неаполитанскаго короля, касательно погашенія вѣтжа въ Сициліи, была бы явнымъ нарушеніемъ правъ неаполитанскаго государя и должнаго уваженія къ дружественной державѣ.

2) Что это нарушеніе должно преслѣдуться отъ обеихъ

адмираловъ; потому-что лордъ *Пальмерстонъ* со своей стороны увѣрилъ неаполитанское правительство, что Англія не будетъ измѣять исполненію плановъ противъ Сициліи.

3) Что неаполитанское правительство весьма расположено уменьшить, сколько возможно, бѣдствія, неразлучныя съ войною въ Сициліи; но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, чтобы иностранныя кабинеты не выходили изъ своего неутралиитета, потому-что это значило бы поощрять Сицилійцевъ къ сопротивленію.

Король повелѣлъ продолжать войну въ Сициліи.

— Въ *Journal des Débats* напечатано слѣдующее письмо изъ Неаполя:

«Въ Сициліи все остается въ прежнемъ положеніи. Неаполитанцы занимаютъ Мессину и обѣ стороны очень раздражены, но ихъ удерживаетъ присутствіе морскихъ силъ, англійскихъ и французскихъ.

«Неаполитанцы, которые принуждены были остановиться послѣ перваго успѣха, очень недовольны. Однако жъ сицилійскія дѣла должны же когда-нибудь рѣшиться; но король Фердинандъ никогда не откажется отъ своихъ правъ на Сицилію: какъ же согласить обѣ стороны? Французская и англійская эскадры, конечно, могутъ еще въскольکو времени измѣять Неаполитанцамъ продолжать свои дѣйствія; но вѣдь онѣ не всегда же будутъ тутъ.

«Чтобы Неаполитанцы не сдѣлали нападенія на Сицилію врасплохъ, вице-адмиралъ *Боденъ* стережетъ все сицилійскіе порты; французскія суда стоятъ въ Мессинѣ, въ Палермо, въ Катанѣ и въ Огустѣ.

«Линейный корабль *Friedland* и паровой корветтъ *Pluton* стоятъ въ Неаполь; корабль *Jupiter*, фрегатъ *Psyché* и многіе пароходы находятся въ Адриатическомъ морѣ; остальная часть эскадры у береговъ Сициліи, куда контръ-адмиралъ *Трегуаръ* прибылъ 30 сентября, съ паровымъ фрегатомъ *Ranana*.

— 7 октября, король *Карль-Альбертъ* дѣлалъ смотръ туринской гражданской гвардіи и при этомъ случивъ въ первый разъ показавъ жителей столицы послѣ своего возвраще-

нія изъ холода. Съ извѣстнаго времени, къ Туринъ произошло рѣшительная реакція въ пользу короля, и народонаселеніе столицы привѣтствовало въ этотъ день Карла-Альберта съ восторгомъ.

— Въ Туринъ, 10 октября, происходило въ Teatro Nazionale, первое засѣданіе союзнаго италіанскаго собранія (Società federativa Italiana). Это будетъ родъ франкфуртскаго парламента, съ тѣмъ же стремленіемъ къ единству. Въ первомъ засѣданіи говорили многіе ораторы, не пропустившіе, разумется, случая призвать Италіанцевъ къ оружію противъ Австрійцевъ. Члены собранія принадлежатъ разнымъ странамъ Италіи. Въ президенты избраны *Джоберти*, *Андреа Ромео* и *Маміани*; въ вице-президенты *Канино* и *Перецъ*.

— Въ Генуэзъ произошло-было народное возстаніе: 28 сентября были прибиты по улицамъ рукописныя прокламаціи о провозглашеніи республики. Но здравый разумъ генуэзскаго народа тотчасъ же уничтожилъ это преступное воззваніе. Сочинителемъ прокламацій былъ нѣкто *Урбино*, извѣстный мантуанскій Еврей, уже два раза принимавшій христіанскую вѣру, авторъ разныхъ возмутительныхъ сочиненій. До 1-го сентября жилъ онъ въ Парижѣ. Мятѣжная прокламація его не имѣла, къ счастью, ни какихъ вредныхъ послѣдствій; національная гвардія дѣйствовала твердо и спокойно. Солдаты срывали со стѣнъ республиканскія афиши. Нѣкоторые бунтовщики хотѣли воспротивиться этому, и оттого произошли столкновенія, но они не имѣли послѣдствій; всѣ словія отринули эти республиканскія воззванія.

— Во Флоренціи, 5 октября, были безпокойства, въ слѣдствіе которыхъ великогерцогское правительство издало прокламацію, въ которой объявило, что линійныя войска готовы поддерживать городское ополченіе. Солдатамъ приказано вступить въ городъ, въ случаѣ неповиновенія троекратному требованію гражданскихъ чиновниковъ. Въ Тосканѣ анархія все болѣе и болѣе распространяется, и министерство прямо объявило палатамъ, что ему трудно будетъ собрать болѣе 4,000 войска. Поэтому намѣреваются пригласить нѣсколько вспомогательныхъ баталіоновъ

ить Шимонта и завербовать пискальню окрестовъ въ Швейцаріи.

— Въ Римѣ вновь составленное министерство графа Росси укрѣпляется, и народъ снова приветствуетъ нашу греназную клику, при каждомъ его появленіи.

Французскій посланникъ при насъ, г. *д'Ауро*, получилъ отъ генерала *Кавалька* донесеніе съ просьбою на просьбу французскаго министерства прислать въ панскія владѣнія отрядъ французскихъ войскъ для восстановления тамъ внутренняго спокойствія. Французское правительство отвѣчало, что оно предложило Австріи свое посредничество; что касается до посылки войскъ, то это могло бы возбуждать недоувѣренность Австріи. Папа самъ писалъ объ этомъ къ генералу *Кавальку*, и тотъ собственно-ручнымъ письмомъ отвѣчалъ, что Франція не можетъ вышаться съ оружіемъ въ рукахъ въ дела Италіи.

Испанія.

Герцогиня *Монпансье* разрѣшилась 21 сентября отъ бремени. Въ объ этомъ сообщеніе министра *Сартриуса* первому министру: «Нынче вечеромъ около 11 часовъ, съ королевское высочество *Иммануина Донна Марія Луиза Ферманда* благополучно разрѣшилась отъ бремени принцессою, которую я, согласно королевскому повелѣнію отъ 3 августа, имѣлъ честь торжественно представить лицамъ, назначеннымъ присутствовать при разрѣшеніи *Иммануины*. После того составленъ былъ актъ объ этой торжественной преремени, копию котораго высылаю вамъ. На другой день въ 3 часа по полудни, новорожденная была крещена и помазана муромъ прелатами здѣшняго округа и при крещеніи получила слѣдующія имена: *Марія, Мэябелла, Франскова де-Асизъ, Антонія, Луиза, Ферманда, Христина, Амалія, Фелипа, Аделаида, Юзефа, Елена, Энрикета, Каролина, Юстини, Руфина, Гаспара, Мельхора, Вальтагара и Матеа*».

— Въ *Times* напечатано: «Меша, которой *Людвигъ-Филиппъ* пожертвовалъ уваженіемъ и дружбою Англіи, осу-

преставилась: герцог Монпансье сдѣлался отцемъ наследницы испанскаго престола. Французскій принцъ, членъ фамиліи, замѣчательной по своимъ талантамъ и своему честолюбію, можетъ сдѣлаться основателемъ новой испанской династіи.

«Развитіе конституціонныхъ началъ, равновѣсіе, которое счастливо и долго было поддерживаемо между европейскими державами, разстроили тѣсный и грозный союзъ, льстившій гордости Франціи и ослаблявшій Испанію. Пиренеи, вычеркнутые съ карты Европы Людовикомъ-Четырнадцатымъ, снова воздымаютъ свои вершины.

«Былъ часъ, когда король французскій, наследовавшій изгнанной династіи и олицетворявшій въ себѣ власть народную, задумалъ царствовать надъ испанскимъ народомъ своимъ личнымъ вліяніемъ.

«Во дворцахъ, гдѣ онъ жилъ, и гдѣ прежде его жили другіе, онъ могъ видѣть, написанные или вышитые на стѣнахъ, внесенные въ лѣтописи, сохраняемые въ архивахъ, многочисленные памятники завоевательной политики, которые стоили великому королю его спокойствія, Наполеону его трона! И между тѣмъ онъ поддался искушенію, отъ котораго должна бы предостеречь его исторія. Онъ успѣлъ, слѣдствіемъ хорошо успѣлъ, въ своемъ предпріятіи. Событіе, о которомъ говоримъ мы, есть исполненіе его самыхъ задушевныхъ желаній.

«Но никогда надежды и опасенія не были до такой степени обманываемы! Если графу Нѣльи (Людовику-Филиппу) хотѣлось только принадлежать къ испанской династіи, онъ теперь добился этой генеалогической чести. Какъ отецъ, онъ можетъ радоваться, что пристроилъ сына, достойнаго всей его вѣжливости. Но, погнавшись за тѣнью, онъ потерялъ добычу. Этого мало: то, что должно было сдѣлать еще болѣе тѣсными связи между Испанією и Францією, теперь навсегда положило между ними непроборимую преграду. Ко всемъ причинамъ, по которымъ Франція не можетъ желать возвращенія орлеанской фамиліи, теперь присоединилась еще одна новая: именно, что эта фамилія имѣетъ право на испанскій престолъ.»

— По извѣстіямъ отъ 7 октября, въ Барселонѣ открытъ обширный заговоръ. Первою цѣлію заговорщиковъ было овладѣть фортомъ Монхуихъ, а въ случаѣ неудачи бомбардировать городъ и принудить его къ сдачѣ. Послѣ того *Кабрера* долженъ быть провозглашенъ генераль-капитаномъ Каталоніи отъ имени «Карла VI». Генераль *Кордова*, узнавъ объ этомъ, отрядилъ четыре баталіона егерей, которые въ окрестностяхъ города раздѣлились и вошли въ тѣ мѣста, гдѣ должно было вспыхнуть волненіе. Послѣ того арестовали главныхъ заговорщиковъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и высшіе офицеры гарнизона. Въ Малагѣ также открытъ заговоръ.

— Генераль *Вильялонга* объявилъ всю Валенсію и Мурсію въ осадномъ положеніи и вездѣ назначилъ военные суды.

— *Кабрера*, сколько можно судить по сообщаемымъ оттуда извѣстіямъ, начинаетъ дѣйствовать рѣшительно и съ успѣхомъ. Мѣстные начальства, съ своей стороны, усиливаютъ мѣры строгости. 9 октября, по приговору военного суда, учрежденнаго въ Барселонѣ, тамъ разстрѣляно нѣсколько человѣкъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ заговорѣ; другіе осуждены на каторжную работу.

— По извѣстію, сообщаемому въ газетѣ *Heraldo*, одинъ корпусъ войскъ правительства разбитъ при *Вильяфранкѣ дель-Панадесѣ*, въ сраженіи съ превосходнѣйшими силами карлистовъ. Генераль *Вильялонга* продолжаетъ разстрѣливать всѣхъ карлистовъ, которые попадутся въ плѣнь.

Далмація.

Въ округѣ Далмаціи, Каттаро, произошло страшное возстаніе, и инсургенты изъ Цуппы, 28 и 29 сентября выдержали два настоящихъ сраженія. Поводомъ къ этому послужилъ десятинный сборъ. Окружной начальникъ *Гриче* убитъ. На Иколскомъ полѣ сраженія убито 5 солдатъ, а ранено 11. Возстаніе было общее. Всякій, кто могъ, бвжалъ.

Многіе нашли убжище въ каттарской крѣпости. Никто не смѣлъ оставаться, а о сопротивленіи и говорить уже нечего; инсургенты рѣзали и грабили все, не обращая вниманія ни на возрастъ, ни на полъ, ни на происхожденіе.

Молдавія и Валахія.

Изъ Бухареста получены отъ 27 сентября извѣстія: «26 сентября, по полудни, Турки овладѣли Бухарестомъ и пролили много крови. Депутація, отправленная въ турецкій лагерь, оставлена тамъ въ плѣну, а многочисленная крестьянская армія окружена Турками и отрѣзана. Волненіе было ужасное. Звонъ колоколовъ смѣшивался съ воплями и криками людей. Вдругъ раздалась канонада. Турки непріязненно встрѣтились съ солдатами у казармъ. Около 200 человекъ пали на мѣсть, въ томъ числѣ и паша. Одинъ австрійскій капралъ застрѣленъ Турками на улицѣ.

Іоническіе острова.

На Іоническомъ островѣ Кефалоніи происходили 26 и 27 сентября столкновенія поселянъ съ Англичанами. Причины этого заключаются въ желаніи однихъ соединиться съ Греціею, другихъ, и именно сельскихъ жителей, грабить, и наконецъ въ личной ненависти нѣкоторыхъ Кефалонцевъ къ англійскому резиденту и полицейскому директору. 27 сентября явились около 500 вооруженныхъ крестьянъ передъ Аргостоли (главнымъ городомъ острова), и какъ у англійскаго резидента было чрезвычайно мало войска, то двѣнадцать человекъ защищали цѣлый день мѣсть, ведущій въ городъ. На слѣдующій день нападеніе возобновилось. Инсургенты имѣли кажется намѣреніе разграбить городъ, потому,

что обвиняет государство въ пониженіи цѣны на коринку. Но въ это время прибылъ англійскій пароходъ «*Springer*» съ четырьмя ротами солдатъ и четырьмя орудіями изъ Кореу. Этихъ силъ было однако же еще недостаточно, чтобы укротить возстаніе. На другой день должны были прибыть еще 200 человекъ и четыре пушки, что составило всего 1,300 человекъ. Объявлено амнистіе тѣмъ, которые покорятся, исключая предводителей.

Персія.

Въ письмахъ изъ Тавриса сообщаютъ о смерти персидскаго шаха Мосамеда-Шаха, скончавшагося въ Тегеранѣ 6 сентября (25 августа ст. ст.) на 43 году. Сынъ его, принцъ Велихатъ-Нерреджанъ-Мираа, живущій отъ роду 18 лѣтъ, 10 ч. провозглашенъ персидскимъ шахомъ въ Таврисѣ, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, и 14 ч. отправился въ Тегеранъ, въ сопровожденіи русскаго и англійскаго комиссаровъ, но ваго повѣреннаго въ дѣлахъ французскаго правительства, недавно прибывшаго въ Таврисъ, и отряда войскъ.—Первый персидскій министръ, *Гаджи-Мираа-Агасси*, замѣщенъ Мирзой-Тагди, прежнимъ комиссаромъ въ Эрзрумъ для проведенія границъ.

Остъ-Индія.

Когда, въ 1846 году, сейкская армія, побѣжденная въ трехъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, сдала столицу и послѣднихъ потомковъ Ренджитъ-Синга лорду Гардингу,—сирдаремъ, или губернаторомъ Мультана, былъ нѣкто Саванъ-Малъ, ратный товарищъ покойнаго Магараджи. Не нарушивъ мирныхъ отношеній къ Англичанамъ, онъ, конечно, надвинулся,

что, подобно Гулаб-Сингу, воспользуется раздробленіемъ государства, и составитъ себя независимое княжество изъ провинцій, которою управляетъ, и которая, действительно, была бы весьма выгоднымъ приобретениемъ. Разлегаясь по Чошабу, самому большому притоку Инда, знаменитая своего торговлею, мануфактурами, выделкою ковровъ и шалей, соперничающихъ съ кашемирскими и даже въ Индіи продаваемыхъ подъ этимъ славнымъ наименованіемъ, имѣя населенія около 1,400,000 душъ, расположенная будто оазисъ посреди степей, окружающихъ ее почти со всехъ сторонъ, имѣя весьма плодородную почву, провинція Мультавъ могла бы составить небольшое государство, благопріятствуемое во всехъ отношеніяхъ. Но когда англійская политика утвердилась въ Лагоръ, когда знаменитая Рани-Шанда была удалена, а сынъ ея, Лалль-Сингъ, подвергнутъ почти тюремному заключенію, тогда британское правительство обратило вниманіе и на Мультавъ и потребовало отъ него дани, какъ отъ области, подчиненной Лагору.

Самитъ-Малля уже не было въ живыхъ: онъ погибъ въ одномъ возмущеніи, и мѣсто его занялъ сынъ его, Мухраджа. Новый правитель обещалъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ Англичанъ; но отозвался, что онъ далеко не полный хозяинъ въ своей провинціи, что три четверти поселенія ея состоятъ изъ мусульманъ, которыми весьма трудно управлять при помощи малата чхедра Сейковъ, и что, наконецъ, подати вносятся очень несправедливо. Въ доказательство своей благонамѣренности, онъ убедительно просилъ лагорское правительство прислать агентовъ для изслѣдованія на мѣстѣ истиннаго положенія дѣлъ, и для содѣйствія ему въ возстановленіи порядка. Просьба была принята, и два англійскіе офицера, ванъ-Агнъ (van Agnew) и Андерсонъ, отправились въ Мультавъ. Мухраджа принялъ ихъ со всеми вышними званіями почтенія, но вечеромъ, въ самый день перваго свиданія, послѣ довольно жаркаго спора объ уменьшеніи дани, приказавъ атаковать домъ англійскихъ агентовъ

товъ, который, состоя только изъ пяти сотъ человекъ, разсѣялся почти безъ боя. Оба офицера были убиты на другой день, послѣ упорнаго сопротивленія.

Въ то время, когда агенты, отправленные въ Мультавъ, погибли тамъ плачевною смертью, двадцати-четырёхлѣтній поручикъ Эдвардъ находился одинъ изъ Европейцевъ, мѣляхъ въ тридцати, на сѣверъ Мультана, среди мусульманскихъ племенъ, живущихъ по берегамъ Инда. На него было возложено политическое порученіе, и онъ имѣлъ при себѣ около 1500 человекъ иррегулярныхъ солдатъ, набранныхъ частію въ Пенджабъ, частію и между самыми тѣми племенами, которыя ему надлежало успокоить. Чувствуя невозможность отступленія, предвидя свою неминуемую гибель при малѣйшемъ признакѣ слабости, онъ рѣшился на отчаянный поступокъ: оставилъ цѣль своего порученія и вознамѣрился одинъ отмстить за своихъ товарищей. Онъ обратился къ фанатизму мусульманъ, которые ненавидятъ Сейковъ болѣе нежели христіанъ, объявилъ имъ, что настала часъ освобожденія ихъ мусульманскихъ единовѣрцевъ, и имѣлъ такой успѣхъ, что мѣсяца черезъ два собралъ армию слишкомъ въ восемь тысячъ человекъ, и смѣло выступилъ съ нею въ походъ.

Англійское начальство въ Лагоръ, узнавъ объ этомъ поспѣшило отправить, на помощь Эдвардсу, отрядъ, выставлемый, по условію, ханомъ бахавалпурскимъ, и одну сейкскую бригаду, подъ командою подполковника Куртленда, и, въ доказательство своего удовольствія, предоставило поручику главное начальство надъ дѣйствующею арміею на все время кампаніи.

И Мухраджа, съ своей стороны, не оставался въ недовѣрчивости: Узнавъ, что непріятель идетъ на него съ трехъ разныхъ сторонъ, онъ выступилъ съ своею арміею (8,000 человекъ и 10 орудій) съ цѣлю воспрепятствовать соединенію англійскихъ силъ, и встрѣтилъ ихъ въ тотъ самый день,

когда онѣ должны были соединиться, именно 18-го іюня. Начавъ съ утра бой съ отрядомъ, находившимся подъ личныиъ начальствомъ Эдвардса, и еще отдаленнымъ рѣкою Ченабомъ отъ союзниковъ, Мухраджа началъ брать перевѣсъ; но два полка отряда подполковника Куртменда успѣли добыть суда, для переправы черезъ рѣку, и подоспѣли вовремя, чтобы склонить побѣду на сторону Англичанъ. Тогда соединенная армія двинулась прямо на Мультанъ, и 1-го іюля одержала новую побѣду подъ стѣнами города. Судьба Мухраджи была рѣшена. Покинутый войскомъ, окруженный возмущившимися жителями, онъ заперся съ немногими приверженцами въ Мультанской цитадели. По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ въ Европѣ, онъ еще не былъ взятъ, но уже просилъ о капитуляціи, и получилъ отъ поручика Эдвардса въ отвѣтъ требованіе безусловной сдачи.

— На Цейлонѣ, 29 іюня, вспыхнуло возстаніе въ корнегалльскомъ и мательскомъ округахъ. Причиною возстанія былъ новый налогъ. Четыре тысячи вооруженныхъ ворвались въ Корнегалль, разрушили нѣсколько публичныхъ зданій и освободили арестантовъ. Отрядъ солдатъ вступилъ съ этою толпою въ перестрѣлку. У инсургентовъ было убито девять человекъ и множество ранено. Городъ объявленъ былъ состоящимъ въ осадномъ положеніи. Бунтовщики двинулись потомъ на Матель, оставленный жителями, и разграбили городъ. Но вскорѣ прибыло войско, и инсургенты были разбиты и разсѣяны. Они воротились однако же въ Корнегалль, гдѣ произвели много неистовствъ. Инсургентами начальствовалъ какой-то претендентъ, объявившій войну англійскому владычеству въ Индіи. 6-го августа захватили человека, полагая, что это самъ предводитель; но это былъ братъ его. Его предали суду, приговорили и разстрѣляли. Потомъ тѣло его было выставлено на четыре дня на висѣлицѣ. При отъѣздѣ почты почитали это возстаніе совершенно подавленнымъ.

Вестъ - Индія.

— По извѣстіямъ отъ 10 сентября, на Мартиникъ и Гваделупъ негры не хотятъ болѣе работать; переселенія продолжаются и богатые жители удаляются. Уже замѣтенъ недостатокъ въ сѣвственныхъ припасахъ.

==

Русская Словесность.

НА СМЕРТЬ

Графа Василыя Васильевича Левашова *.

Еще погаснула на нашемъ небосклонѣ
Звѣзда, горѣвшая въ тотъ незабвенный годъ,
Когда отечества въ чудесной оборонѣ
Вѣчался славою нашъ доблестный народъ!....
Еще сошелъ во гробъ (о, рокъ неумолимый!)
Мужъ брани, честь отеческихъ полковъ,
Защитникъ родины, имъ пламенно любимой,
Еще одинъ изъ станъ тѣхъ орловъ,
Которыхъ громъ, какъ гласъ судьбы всемогущей,
Во вракѣ тучъ и бури полунощной
Низвергнулъ съ высоты тщеславія кумиръ,
Предъ конѣмъ треветалъ посылаю цѣлый міръ!....
Такъ! вѣтъ еще вожда временъ тѣхъ вѣчнославныхъ,
Когда, при заревѣ священнаго Кремля,
Отъ хижины пахаря до стѣнъ дворцевъ державныхъ,
Кипѣла местію вся Русская Земля!....
Увы! Ужъ правлень мечъ и щитъ лежитъ во прахѣ,
И сжата смертію могучая рука;
Не побѣдить предъ ней ужъ врагъ смущенный въ страхѣ,
Не задымится бѣтъ кровавая рѣка!....

* Стихотвореніе это, помѣщенное въ Сѣверной Пчелѣ, по желанію почтеннаго автора, печатается и въ нашемъ журналѣ.

Всегда, вездѣ другъ истинный отчизны,
 Престола вѣрный стражъ и твердый щитъ Царя,
 Онъ снѣго презиралъ навѣтомъ укоризны,
 И чистой къ родимѣ любовію горя,
 Какъ истый Славянинъ, храни свой санъ боярскій,
 Не менемъ однимъ онъ былъ совѣтникъ царскій,
 Но къ благо общему шелъ твердою стопой,
 Въ сужденьяхъ — истиной, въ дѣланьяхъ — правотой,
 И зло для роины въ ущеліяхъ змѣиныхъ
 Не скрывалось отъ глазъ его орлиныхъ!

Я видѣлъ чудный мигъ, когда Великій Царь,
 Царь Русскія Земли, почта въ немъ умъ, заслугу.
 И все, что онъ принесъ отчизны на алтарь,
 Пришелъ къ одру его, какъ другъ приходитъ къ другу,
 И длань державную къ страдальцу протянулъ.
 Жизнь гаснула его, но въ этотъ мигъ священный
 Еще огонь въ груди живительный блеснулъ,
 Еще открылся взоръ, сномъ смертнымъ отягченный,
 Безмоливству уста произнесли: прости,
 И холодною рукой въ часъ смерти, чуждой лести,
 Привѣтствуя Монарха полуселенной,
 Который на него съ печалію взиралъ,
 Онъ поцѣлуй любви и вѣрности послалъ.....

Межъ тѣмъ вокругъ одра семья его рыдала,
 И съ трепетомъ конца дней милыхъ ожидала.
 Какъ древній патріархъ, онъ всѣхъ благословилъ,
 И съ упованіемъ на благость провидѣнья,
 Въ надеждѣ на Христа и съ вѣрой въ воскресенье,
 Сномъ вѣчнымъ отъ трудовъ сей жизни опочилъ.

Ж. Ж.

ДОБРО И ЗЛО.

Романъ Н. Фурманна.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

...Пишите романы великіе—историческіе, сатирическіе, правоописательные, а главное, разубѣдется, хорошіе. Бросьте свои личные, *задушевныя* порывы къ мысленному, нуды, восторги, свои поэтическія утопіи и эмпирическія грезы о безконечности-величій и безконечно-отдаленныхъ предметахъ; изучайте жизнь, изучайте вещи въ ихъ естественномъ, свѣтломъ или тупомъ теченіи, наблюдайте извѣстные пути страстей, располагающихъ событія, олицетворяйте все это въ образахъ предѣлахъ и непреулученныхъ, въ которыхъ бы можно было, какъ въ зеркалѣ, видѣть и обилать сердцемъ существенные вопросы человѣческаго бытія и намеченія, — однимъ словомъ, повтореніемъ, пишите романы.

А. Никитенко.

(Баба. для Читенія, июль—1846).

ГЛАВА I.

Отсталыя отъ вѣка понятія.

Время, говорятъ, лучшей врачъ душевныхъ страданій.

Не всегда.

Есть страданія, подобныя римскому цементу.

Они прививаются къ сердцу, сростаются съ нимъ; чтобы вырвать ихъ изъ груди, нужно вырвать сперва сердце. Страданія эти не проявляются въ сильныхъ порывахъ, не напрашиваются на участіе; слезы ихъ скрыты и жгучи, жалоба горька и безнадежна....

Въ скромномъ, честномъ семействѣ мирно, ясно текла жизнь молодой дѣвушки.

Отсутствіе малѣйшихъ горестей погрузило сердце ея въ тихое, сладостное усыпленіе, изъ котораго пробуждалъ его только голосъ любви къ родителямъ.

Но этотъ голосъ былъ ей знакомъ. Съ малолѣтства привыкла она къ нѣжнымъ звукамъ его. Вся радостныя ощущенія молодой дѣвушки сливались съ искреннею, сердечною привязанностью къ двумъ существамъ, на которыхъ она съ дѣтства привыкла смотреть, какъ на виновниковъ ея тихаго, безмятежнаго счастья....

• Такова была Аннета, дочь Федора Ивановича до послѣдняго часа 1843 года.

Воспитаніе и счастливое стеченіе обстоятельствъ спасли ее отъ болѣе или менѣе невинныхъ мечтаній объ идеалахъ съ усами или безъ *оныхъ*. Правда, нѣкоторыя изъ подружекъ Аннеты заговаривали съ нею о молодыхъ людяхъ, оказывавшихъ имъ особенное предпочтеніе, засматривавшихся на нихъ, встречавшихся съ ними на *променадахъ* или танцующихъ почти только съ ними,—но Аннета слушала разсѣянно, невнимательно, и часто прерывала разговоръ въ самомъ интересномъ мѣстѣ какимъ-нибудь страннымъ вопросомъ, не имѣвшимъ рѣшительно никакой связи съ предметомъ разговора. Подруги перестали повѣрять Аннетѣ свои сердечныя секреты, и она прослыла въ кругу ихъ *глупенькою*.

Невинность столько же похожа на глупость, какъ истина на грубость.

Есть люди, честные и прямодушные, но раба священныхъ законовъ, которые, не желая прослыть *грубіями*, часто уклоняются отъ истины по тонкому чувству *вралства*.

Есть юноши, сохранившіе всю свѣжесть дѣтства, которые, стыдясь своей счастливою невинности и не желая прослыть *глупенькими*, разыгрываютъ роль отчаянныхъ *деятельныхъ* *Жуановъ*.

И жалко, и смѣшно.

Аннета была не только невинна, но и счастлива; а безмя-

тежное, спокойное счастье усыпляет не только сердце, но и умственные способности. Последнимъ необходима борьба,—въ ней они испытываютъ свои силы, растутъ, крепнутъ.... Повторю, со всякимъ новымъ ударомъ человекъ приобретаетъ новое познаніе въ наукѣ жизни, а со всякимъ новымъ познаніемъ отрывается святѣйшая частица сердца.

Чѣмъ продолжительнѣе счастливое усыпленіе ума и сердца, тѣмъ богаче они силами, могуществомъ, впоследствии, когда часъ пробужденія ударитъ. Пробужденіе это подобно расточительности наследниковъ скупца, не прикасавагося во всю жизнь свою къ несметнымъ сокровищамъ, накопленнымъ имъ....

До самаго Нового-года Аннета сохранила дѣвственную чистоту, чистую, свѣтлую простоту ума и сердца. Наканунѣ Нового-года странныя, невѣдомыя слова впервые поразили слухъ ея;—и она внезапно поняла эти слова, потому-что они относились прямо къ ней.

Уголокъ завѣсы, прикрывавшей сердце ея, поднялся, и оно дрогнуло, неожиданно пораженное лучемъ свѣта....

Это было первое, нелгое, неопредѣленное влеченіе сердца, для нея непостижимое.

Аннета тоже лишилась своего блаженства, ибо счастье ея было внезапно разрушено.

Первое страданіе коснулось сердца ея. Не свѣтское призываніе, не благопристойность заставляли ее удалиться, а болѣзненное ощущеніе впервые испуганной дѣвственности.

Ночь на Новый-годъ составила въ жизни молодой дѣвушки эпоху,—эпоху пробужденія двухъ сокровищницъ жизни: ума и сердца.

Съ той поры съ Аннетой произошла видимая перемѣна. Сердце ея было такъ дѣло, воспитаніе и вся прошедшая жизнь такъ приготовили ее къ *постоянству*, что первое впечатлѣніе не могло не имѣть на нее сильнаго вліянія. Прежняя, беззаботная веселость Аннеты исчезла; она стала думать и задумываться....

Молодая дѣвушка припомнила секретъ подругъ и, при первой встрѣчѣ съ последними, сама осторожно навела раз-

говоръ на этотъ предметъ. Съ жадностію слушала Аннета болтовню подругъ,—она еще не понимала, но уже догадывалась....

Подруги уходили. Уединившись въ своей комнаткѣ, Аннета припоминала рассказы ихъ и справлялась съ собственнымъ сердцемъ, требуя отъ него той же беззаботной веселости, тѣмъ же легкихъ, пріятныхъ ощущеній, которыя проявлялись въ разсказахъ подругъ; но—сердце ея судорожно сжималось и отвѣчало жалобой....

Потомъ разсудокъ вооружался негодованіемъ противъ незаслуженнаго страданія, заброшеннаго въ сердце молодой дѣвушки прихотливымъ случаемъ; разсудокъ доказывала неосновательность этого страданія, ободрялъ сердце, а оно отвѣчало горькими, жгучими слезами....

Это были первыя слезы, скрытыя молодою дѣвушкою отъ матери. Могла-ли она искать утѣшенія, когда сама не знала причины своихъ слезъ?

Аннета грустила безотчетно до того самаго дня, когда получила безымянное письмо. Тогда только дала она на груди матери волю слезамъ, находившимся на сердцѣ ея. Съ признательностію и изумленіемъ выслушала она слова Юліи Карловны, заключавшія въ одно время и утѣшеніе, и рѣшеніе странныхъ, загадочныхъ вопросовъ, собиравшихся въ умъ молодой дѣвушки съ самаго Новаго-года.

Юлія Карловна, воспитанная въ строгихъ, честныхъ правилахъ нѣмецкаго, семейнаго быта, имѣла объ обязанностяхъ женщины понятія самыя простыя, прямыя, иначе, отсталыя отъ вѣка.

Женщина не можетъ быть равною мужчине, потому-что она выше его. Добровольно отказавшись отъ этого преимущества, она необходимо должна пасть ниже, потому-что физическая сила и энергія на сторонѣ мужчины.

Развратныя наклонности и развращенный умъ, подстрекаемые нѣкоторою энергіею, бросили міру первую мысль эманципации женщины, и мысль эта нашла отголосокъ въ нѣкоторыхъ существахъ,—немногихъ, по счастью,—столько же развращенныхъ, но менѣе смѣлыхъ. И въ чемъ заклю-

чается эта эманципация?... Отдѣлите по словамъ весь обманчивый нарядъ, въ который облакаются требованія ея, и вы доберетесь до слѣдующаго заключенія:

Женщина должна имѣть одинакія права съ мужчиной.

Какія же это права? Развѣ мужчина, господствующій надъ тысячами, не подчиняется сердцемъ женщины?... Развѣ женщина не имѣетъ своего круга дѣйствій?...

Бракъ освящаетъ потребность любви, вложенную въ сердце челоуѣка самимъ Провидѣніемъ; онъ обуздываетъ страсти и ведетъ челоуѣчество дорогою къ идеалу христіанскаго совершенства. Вся наши природныя наклонности требуютъ благоразумнаго ограниченія. Уничтожьте законный бракъ или предоставьте расторгеніе его произволу челоуѣка, что станется со священными узами, предписывающими отцу воспитаніе сына, сыну повиновеніе отцу? Что станется съ обществомъ, когда основаніе его рушится?

Конечно, бываютъ случаи, когда спокойствію, счастію одного или даже двухъ лицъ, необходимо расторгеніе необдуманнозаключеннаго союза; но это исключеніе, и основывать на немъ общее правило, значить жертвовать тысячами въ пользу одного.

Знаменитый графъ Морицъ Саксонскій, въ своемъ сочиненіи: *Мечтаніи* — *Les Rêveries* — предлагаетъ *пятимилліонній* бракъ, подкрѣпляя свое предложеніе весьма убѣдительными доводами и примѣрами.

Неудивительно: графъ Морицъ — сынъ польскаго короля Августа II и графини Авроры Кѣнигсмаркъ. Онъ воспитывался при развращенномъ дворѣ своего отца, жилъ при дворѣ Людовика XV... Послѣ этого должно удивляться не предложенію Морица, а тому, что онъ разомъ не опредѣлилъ своего вѣка и не требовалъ совершеннаго уничтоженія брака.

Повторяю, и бракъ имѣетъ свою мрачную сторону, свои непріятности, но въ общей массѣ не уступаютъ ли онъ удовольствіямъ. И не заключается-ли источникъ этихъ непріятностей, не въ бракъ, а въ несовершенство челоуѣческой натуры? Развѣ бракъ виноватъ въ томъ, что, вступая въ него,

люди часто посвящаются безразсудному увлеченію или, что еще хуже, корысти?... Нѣтъ, не для удовлетворенія подобныхъ цѣлей существуетъ союзъ, осящаемый благословеніемъ Бога....

Не допуская союза между кровными родными, законы брака нивють въ виду болѣе и болѣе обширное распространіе того родственнаго союза, который составляетъ силу общества и есть идеалъ христіанскаго братства и согласія.

Вѣрность есть первое условіе супружеской жизни. Такъ какъ она основывается на взаимной клятвѣ, и такъ какъ бракъ есть тѣснѣйшій союзъ людей, то измена есть грѣхъ величайшій. Замѣчательно, что даже дикари считаютъ право брака священнымъ, и преступленіе противъ него наказываютъ смертію....

Отчего поборники эманципаціи, часто ссылающіеся на дикарей, какъ на людей первобытныхъ, упустили изъ виду этотъ примѣръ брачнаго права?

А воспитаніе дѣтей? Не заключается-ли въ немъ залогъ возможнаго усовершенствованія человѣчества? Не необходимо-ли для этого воспитанія тѣсный союзъ двухъ существъ, разнообразныя попеченія и заботы которыя развиваютъ добро, умѣряютъ зло въ ребенкѣ?

И, въ вознагражденіе за трудности воспитанія, Провидѣніе вложило въ сердца родителей любовь, искреннюю, безкорыстную къ дѣтямъ; любовь полную самопожертвованій и постоянно сопровождаемую чувствомъ внутренняго, благороднаго самоудовольствія.... Невинныя игры съ дѣтми часто служатъ родителямъ самымъ пріятнымъ отдохновеніемъ послѣ трудовъ.

Сынъ Расина рассказываетъ въ своихъ запискахъ:

«Il était de tous nos jeux; je me souviens de processions, dans lesquelles mes sœurs étaient le Clergé, j'étais le Curé et l'auteur d'Athalie, chantant avec nous, portait la croix».

Въ этихъ простыхъ играхъ Расинъ, по-моему, великодушнѣе, нежели посреди придворныхъ, осыпанныхъ золотомъ и ожидающихъ выхода короля въ Лувръ.

Расинъ же отказался отъ приглашенія къ обѣду знатнаго

и могущественнаго министра, по той причинѣ, что жена нажарила ему отличную рыбу, и что онъ далъ слово дѣтямъ отобѣдать съ ними.

Извѣстный профессоръ математики Хаузенъ прервалъ однажды лекцію, услышавъ плачь своего ребенка; онъ поспѣшно оставилъ своихъ слушателей, но вскорѣ вернулся съ ребенкомъ и, покачивая его на колыбель, преспокойно продолжалъ лекцію....

Взвѣдите въ эти, по-видимому, незначительные примѣры, и вы увидите, что въ нихъ заключается глубокой смыслъ, поворающій въ пользу понятій *отсталыхъ отъ вѣка*....

— Дитя мое, говорила Юлія Карловна, лаская дочь, я виновата *середь* тобою. Не предвидя ни съ которой стороны опасности, я не сочла нужнымъ предупредить тебя, и вотъ отчего письмо ато произвело на тебя такое сильное впечатлѣніе. Не предотвративъ удара, я, по-крайней-мѣрѣ, постараюсь вылечить рану, нанесенную имъ твоему невинному, чистому сердцу. Аннета, поговоримъ о твоей будущей жизни....

Скоро и съ изумленіемъ подняла молодая дѣвушка свѣтлый взоръ на мать.... слезы отуманили зрѣніе ея, и печально, стыдливо, опустила она опять глаза.

— Дитя мое, продолжала Юлія Карловна: то время, когда ты оставишь родительскій домъ, приближается.... Тотъ, кому Провидѣніе назначило тебя въ подруги, спутницы жизни, явится. Ты выйдешь за-мужъ. Не плачь, другъ мой, это общая участь женщины. Быть-можетъ, ты сама выберешь себѣ мужа; быть-можетъ, согласишься на нашъ выборъ. Принуждать мы тебя не станемъ; но во всякомъ случаѣ согласіе должно быть обоюдно: наше — опытное; твое — сердечное....

Аннета съ чувствомъ и вѣною признательностію поцѣловала руку матери.

— Но замѣть, дитя мое, продолжала послѣдняя: что только прямые, открытыя дѣйствія могутъ быть вѣрнымъ залогомъ твоего будущаго счастья. Человекъ, прибѣгающій къ

хитростямъ, недостойнымъ уловкамъ, не питаетъ къ тебѣ
должнаго уваженія, нбо считаетъ тебя способною изъяснить
твоимъ обязанностямъ въ отношеніи къ намъ.... Берегись,
дитя мое! такой человекъ можетъ впоследствии обратитъ
на тебя же свое собственное преступленіе....

Молодая дѣвушка съ боязнію посмотрѣла на мать.

— Да, сказала Юлія Карловна нѣсколько строгимъ го-
лосомъ: онъ можетъ впоследствии упрекнуть тебя въ по-
веденіи, за которое теперь обвѣщаетъ вѣчную признатель-
ность и любовь....

— Это ужасно! произнесла Аннета едва слышнымъ го-
лосомъ.

— Ужасно, но справедливо.

Сердце молодой дѣвушки дрогнуло послѣ строгаго, рѣ-
шительнаго приговора матери.

— Человекъ этотъ, продолжала Юлія Карловна, холо-
дно указавъ на письмо: не смотря на всѣ свои увѣренія, —
не любить тебя.

И Юлія Карловна пристально взглянула на дочь.

— Не любить? повторила последняя съ ангельскимъ
простодушіемъ. Развѣ вы его знаете?

— Нѣтъ, по поведеніе его служить тому доказатель-
ствомъ.

— Я васъ не понимаю, простосердечно возразила Аннета.

— Онъ любитъ себя болѣе, нежели тебя, потому что
для удовлетворенія своей любви, не боится жертвовать
или, по крайней мѣрѣ, подвергать опасности свое доброе
имя.... А что дороже женщины добраго имени? Отъ него
зависитъ не только собственное счастье и спокойствіе ея,
но и гордость родителей, любовь мужа, уваженіе дѣтей....

Юлія Карловна поцѣловала дочь, утерла слезы ея и
замолчала, съ намѣреніемъ предоставивъ молодую дѣвуш-
ку собственнымъ размышленіямъ.

Нѣсколько минутъ молчала Аннета, опутивъ голову
на грудь; нѣсколько минутъ длилась борьба между пре-
шними, странными, безотчетными ощущеніями ея и раз-

судительностию словъ матери.... Наконецъ , послѣдняя одержала верхъ.

Аннета крѣпко пожала руку Юліи Карловны и отвѣчала тихимъ, спокойнымъ голосомъ:

— Маменька, не скрываю отъ васъ, что сердце мое не совсемъ еще освободилось отъ тягостнаго, незнакомаго мнѣ ощущенія, которое завладѣло имъ съ Новаго-года.... не даю вамъ слова, что оно не будетъ имѣть вліянія на рѣшеніе моей будущей судьбы.....

Въ это самое время вошла Татьяна Ивановна.

Читатель уже знаетъ, чѣмъ кончился разговоръ старой дѣвы съ матерью Аннеты.

ГЛАВА II.

ПЕРЕДЪ ОБѢДОМЪ.

Новая перемена произошла съ Аннетой, въ слѣдствіе послѣдняго происшествія.

Оно внезапно развило характеръ молодой дѣвушки, наслѣдовавшей кротость и добродушіе отца, вмѣстѣ съ твердостью и силою воли матери. Наставленія послѣдней и собственныя размышленія Аннеты опредѣлили мѣру силъ ея. Она избрала средину между прежнею, беззаботною веселостью и недавними, безпричинными, такъ сказать, но горькими слезами.

Знакомые не узнавали Аннеты. Лицо ея приняло нѣсколько задумчивое, серьезное выраженіе, по которому иногда, подобно вѣжному солнечному лучу, скользила кроткая улыбка.

Перемена, происшедшая съ Аннетой, была такъ внезапна, что теперь только знакомые ея замѣтили, что она уже *невѣста*, и невѣста очаровательная. Молодые люди, до-сихъ-поръ беззаботно шутившіе съ нею, какъ съ рѣз-

нине, великимъ ребенкомъ, вдругъ стала чувствовать некоторую робость, приближаясь къ ней, и смущалась, путаясь въ недоговариваемыхъ коммандиментахъ. Иные изъ нихъ, болѣе смѣлые и предприимчивые, рѣшались испытать свое могущество надъ молодою дѣвушкою и, вооруживъ глаза непобѣдимымъ, обвинительнымъ взглядомъ, высказывавшимъ цѣлый романъ вѣщій и томасовъ, обращали ихъ на Аннету; но искусственный, ослепительный огонь этихъ глазъ блѣднѣлъ и угасалъ передъ взоромъ Аннеты, спокойнымъ, светлымъ и яснымъ, какъ душа ея.....

Предложеніе Татьяны Ивановны поразило сначала душу доктора почти неприятнымъ образомъ и, если бѣ она должна была отвѣтить въ ту же минуту, то, безъ всякаго сомнѣнія, отвѣтила бы отказомъ. Между Аннетой и Захаромъ Ивановичемъ было такое огромное, нравственное и физическое разстояніе, что союзъ ихъ казался невозможнымъ. Но когда первое, сердечное движеніе успокоилось, разумъ вступилъ въ свои права. Послѣ долгаго, спокойнаго размышленія, Юлія Карловна стала смотреть на разстояніе, существовавшее между ея дочерью и предлагаемымъ ей женихомъ, уже не какъ на препятствіе, а какъ на обстоятельство въ пользу союза.

Холодная, суровая, курляндская дворянка болѣе всего опасалась непрочности сильныхъ ощущеній: съ Захаромъ Ивановичемъ оны были невозможны. Въ теплой, умѣренной, сердечной привязанности полагала она залогъ счастливой будущности дочери, а Захаръ Ивановичъ обладалъ всеми качествами, заслуживающими такую привязанность.

Читатель уже знаетъ репутацию Опухтина, какъ чело-
вѣка служащаго, дѣловаго.

Въ частной жизни онъ былъ чело-
вѣкомъ, не получившимъ, правда, блистательнаго воспитанія, но одареннымъ здравымъ природнымъ умомъ, не разсыпавшимся въ обществѣ малочисленными, пустыми блестящими, но сосредоточившимися въ обязанностяхъ службы.

Сужденіе это основывалось на томъ, что Захаръ Ива-

новичъ игралъ въ карты съ глубокою обдуманностью и всегда могъ представить горячему партнеру резоны, по которымъ онъ сходилъ такъ, а не иначе.

Обхожденіе Опухтина съ сестрою служили неопровержимымъ доказательствомъ его кротости и доброты. Уваженіе къ престарѣлому отцу, влывшему въ дѣтство, изобличало душу благородную. Что же касается до честности Захара Ивановича, то даже тотъ, кто не зналъ его, не могъ ни на мгновеніе усомниться въ ней. Скромная, порядочная жизнь, не лишенная ни удобствъ, ни даже нѣкоторыхъ удовольствій, доказывала, что Опухтинъ умѣлъ довольствоваться малымъ; а тотъ не можетъ быть безчестенъ, кто умѣетъ довольствоваться малымъ, не отказывая себя въ необходимомъ.....

На этихъ данныхъ основывалось сужденіе селта о Захарѣ Ивановичѣ Опухтинѣ.

Давъ Юлію Карловнѣ время подумать, старая дѣва опять живоотвѣтила ея.

— Подумали-ли вы, Юлія Карловна? спросила она.

— Думаю, отвѣчала жена доктора.

Легкое пожатіе руки и ласковый взглядъ, сопровождавшие это слово, наполнили сердце Татьяны Ивановны надеждой.

Время проходило; наступилъ Великій постъ. Захаръ Ивановичъ, воображавшій, что дѣло будетъ улажено передъ масленицей, въ недѣлю многочисленныхъ жертвоприношеній Гименею, начиналъ унывать, не смотря на доводы болѣе терпѣливой остраницы.

Захаръ Ивановичъ напрасно унывалъ, потому-что въ домъ доктора первая, труднѣйшая партія была выиграна. Юлія Карловна рѣшилась. Оставалось объясниться съ Федоромъ Ивановичемъ и получить согласіе Анисеты.

На четвертой недѣлѣ поста, докторъ однажды, передъ обѣдомъ, ранѣе обыкновеннаго вернулся домой. Онъ пришелъ съ деньгами, а потому пригласилъ жену въ кабинетъ, чтобы, по обыкновенію, отдать ей отчетъ.

Юлія Карловна рѣшилась воспользоваться этимъ случаемъ

емъ , чтобы объясниться съ мужемъ . Записавъ приходъ и кончивъ расчеты , она сказала :

— Другъ мой , Господь благословилъ твои труды..... Помнишь-ли , какъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ , ты отнесъ первую , трудовую тысячу въ банкъ?....

— Помню , помню ! весело отвѣчалъ докторъ : мы жили тогда на Васильевскомъ-островѣ , на Среднемъ-проспектѣ , въ деревянномъ домикѣ , на мѣстѣ котораго стоитъ теперь огромный , четырехъ-этажный домъ.... Господи ! какъ все измѣняется.....

— Ты помнишь , что мы дали другъ другу слово не трогать этихъ денегъ ?

— Какъ же ! Мы даже рассчитали , что къ тому времени , когда Анненька сдѣлается невестой , тысяча эта удвоится съ процентами на проценты ! сказалъ Федоръ Ивановичъ съ добродушнымъ самодовольствіемъ .

Юлія Карловна , перелистывая свою записную книгу , принялась , съ аккуратностью казначея , высчитывать постепенное умноженіе скромнаго капитала придаточными суммами , процентами , процентами на проценты , процентами на проценты процентовъ и такъ далѣе .

Федоръ Ивановичъ , по временамъ , поддакивалъ головою и слушалъ разсѣянно или , лучше сказать , вовсе не слушалъ ; не смотря на то на свѣжемъ , добродушномъ лицѣ его была пріятная улыбка ; но ее вызвали не сотни и тысячи , высчитываемыя Юліею Карловной , а пріятное звучанье тарелокъ , дожекъ , вилокъ и пожей!....

Въ сосѣдней комнатѣ накрывали на столъ .

— Въ послѣдніе пять лѣтъ , продолжала Юлія Карловна тѣмъ монотоннымъ голосомъ , который какъ бы придуманъ для разговоровъ о деньгахъ , — въ послѣдніе пять лѣтъ ты ежегодно относилъ въ банкъ до десяти тысячъ рублей..... Прошлаго года даже одиннадцать тысячъ и триста семьдесятъ рублей.....

— Гм-гм ! произнесъ Федоръ Ивановичъ , пріискиваршій въ эту минуту причину страннаго переворота въ болѣзни одного изъ пациентовъ его .

— Еще четырнадцать тысячъ и нѣсколько сотенъ, и приданое Аннеты округлится: у нея будетъ сто тысячъ рублей.

— Ого!... Если бъ я началъ съ такими деньгами....

— Такъ ты промоталъ бы ихъ очень скоро, перебила его жена.

— Ты думаешь? спросилъ докторъ, весело засмѣявшись. Признаться сказать, если бъ не ты, такъ у Анненьки не было бы такого приданого, прибавилъ онъ, пожавъ руку жены.

Читатель видитъ, что Агафья Степановна не ошиблась, сообщивъ старой дѣвѣ, что у Аннеты будетъ около восьмидесяти тысячъ приданого. Какъ она узнала объ этомъ?.. Юлія Карловна никому не повѣряла этого; самъ докторъ въ первый разъ узналъ въ точности сумму своего состоянія.....

Отъ кого же узнала Агафья Степановна?

— Говорятъ, батюшка; слухъ носится, отвѣчала бы она, еслибы ее спросили о томъ.

Одно слово, нечаянно сказанное, ловко подхваченное, пополняется догадками, соображеніями, замечаніями... растетъ, распространяется, становится общимъ достояніемъ, и приукрашенное, приумноженное въ видѣ *носящагося слуха*, часто возвращается къ тому же, кто первый пустилъ его въ свѣтъ.....

Смотря по степени догадливости или доверчивости людей, распространяющихъ слухъ, онъ болѣе или менѣе приближается къ истинѣ.

— Половину этой суммы, продолжала Юлія Карловна: Аннета получить когда выйдетъ за-мужъ, а другую послѣ нашей смерти.

— Гм - гм! отвѣчалъ докторъ, посмотрѣвъ на часы.

До обѣда оставалось еще четверть часа.

— Вторую половину мы отпишемъ.....

— Ахъ, постой, другъ мой..... Прислалъ Шварцкопфъ дщицкъ вина?

Юлія Карловна насупила брови.

— Я удивляюсь, сказала она сухо: что ты прерываешь меня такими пустыми вопросами, когда я говорю тебѣ о будущности дочери.

— Ну, ну, не сердись! Я слушаю.

Федоръ Ивановичъ опустился въ кресла и сложилъ руки на груди.

— Вторую половину, продолжала жена его: мы отишемъ на дѣтей Аннеты.....

Докторъ засмѣялся.

— На дѣтей! вскричалъ онъ. Боже мой! она сама еще ребенокъ!.... На дѣтей! До этого еще далеко.

— Не такъ далеко, какъ ты думаешь.

— Что-о-о? спросилъ Федоръ Ивановичъ, и лицо его вытянулось.

— Аннетъ девятнадцатый годъ. Ей пора за-мужь.

— Ну, и выйдетъ, коли явится добрый, благородный женихъ, отвѣчалъ докторъ, пожавъ плечами.

— Женихъ явился.

Федоръ Ивановичъ поморщился. Разговоръ принималъ слишкомъ серьезный оборотъ, особенно передъ обидомъ.

— Аннета любить кого-нибудь? спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, отвѣчала жена его верьшительно: но руки ея просить человекъ, прекрасный во многихъ отношеніяхъ.

— Ага! произнесъ Федоръ Ивановичъ, вздохнувъ свободно: во многихъ отношеніяхъ, говоришь ты? Это недостаточно; я бы желалъ, чтобы онъ былъ прекрасный человекъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Если бъ я, двадцать лѣтъ тому назадъ, была бы этого мнѣнія, то по сію пору сидѣла бы въ дѣвцахъ, возразила Юлія Карловна съ нѣкоторою колкостью, вызванною отвѣтами мужа, въ которыхъ проявлялось начало оппозиціи.

Докторъ замѣтилъ тучу, предвѣстницу грозы, и онаслась испортить аппетитъ, придавъ лицу своему легкое выраженіе и отвѣчалъ:

— Ты права, другъ мой; совершенства нѣтъ на свѣтѣ. Скажи же мнѣ, кто сватается?

Юлія Карловна поновчала. Федоръ Ивановичъ почти машинально посмотрѣлъ на часы. До обеда осталось пять минутъ.

— Захаръ Ивановичъ, отвѣчала Юлія Карловна.

Докторъ разинулъ ротъ и вытаращивалъ глаза.

— Какой Захаръ Ивановичъ? спросилъ онъ.

— Осухтинъ.

Федоръ Ивановичъ продолжалъ смотреть на жену, держа въ левой рукѣ часы и забывая спрятать ихъ въ карманъ.

— Что вы, шутите, Юлія Карловна? спросилъ онъ, наконецъ, очень серьезно.

— Вы знаете, что я не охотница до шутокъ, отвѣчала она съ гордостію.

— Осухтинъ! вскричалъ Федоръ Ивановичъ, спрятавъ наконецъ часы въ карманъ: лучше отдайте нашу дочь за онца Осухтина!

— Зачѣмъ же вы принимаете Захара Ивановича, коли знаете о немъ дурное мнѣніе?

— Какое дурное мнѣніе? Совсѣмъ изъть! вскричалъ докторъ, невольно разгорячась: Захаръ Ивановичъ добрый и честный человекъ, я люблю, уважаю его, но.....но....но онъ не женихъ Аннеты!

— Отчего, Захаръ Ивановичъ?...

— Оттого, оттого, оттого, что не женихъ! съ сердцемъ вскричалъ Федоръ Ивановичъ.

Дверь отворилась.

— Кушанье подано! доложилъ лакей, и исчезъ.

Эти два слова произвели на доктора необыкновенное впечатлѣніе. Онъ вскочилъ и сталъ прохаживаться скорыми шагами, какъ бы желая сильнымъ движеніемъ возстановить разстроенный аппетитъ.

— Пойдите обѣдать, сказала Юлія Карловна спокойнымъ голосомъ: вы послѣ выслушаете меня.

— Ни послѣ, ни теперь, никогда! Я не хочу жертвовать своимъ ребенкомъ!

— Пойдите обѣдать; супъ простынетъ, возразила Юлія Карловна съ саркастическимъ спокойствіемъ.

Докторъ сердито пожалъ плечами и пошелъ въ столовую.

У Федора Ивановича была отличная водка, плодъ долгихъ, ученыхъ соображений. Одна рюмочка, величинаю съ наперстокъ, возстановляла самый разстроенный аппетитъ. Но и водка не помогла. Обѣдъ пропалъ. Федоръ Ивановичъ ѣлъ, но ни одно кушанье не нравилось ему.

Добросовѣстно и усердно исполняя обязанности человека и гражданина, Федоръ Ивановичъ дорожилъ земными благами. Онъ пользовался ими, какъ добромъ заслуженнымъ, и, постоянно добрый и кроткій, онъ выходилъ изъ себя, если кто-либо или что-либо препятствовало ему наслаждаться этимъ добромъ.

И когда на столъ явилось одно изъ любимыхъ блюдъ Федора Ивановича, цыплята съ рисомъ подъ бѣлымъ, кисленькимъ соусомъ, имъ овладѣла такая досада, что онъ толкнулъ тарелку на полъ, притворившись, что уронилъ ее нечаянно. Ни въ цыплятахъ, ни въ рисѣ, ни въ соусѣ, бѣдный докторъ не находилъ никакого вкуса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гнѣвъ его возрасталъ такъ быстро, что, не дождавшись жаркова, онъ всталъ, бросилъ салфетку и ушелъ въ кабинетъ.

— Что съ папенькой? съ участіемъ спросила Аннета.

— Одинъ изъ выздоравливавшихъ пациентовъ занемогъ пуще прежняго, потому-что не послушался предписаній его, спокойно отвѣчала Юлія Карловна.

— Бѣдный папенька!

ГЛАВА III.

Послѣ обѣда.

Федоръ Ивановичъ прохаживался по кабинету, въ сильномъ волненіи.

Аннета вошла къ нему, съ чашкой кофе; тихо поставила она ее на столъ, потомъ подошла къ отцу, обняла его одною

рукою, а другою погладила по щеку, смотря ему въ глаза съ важнѣмъ участіемъ и любовію.

— Бѣдный папенька, произнесла она: какъ тебя беспокоятъ!

Докторъ остановился, посмотрѣлъ на дочь, и лицо его просияло. Аннета была очаровательна.

Федоръ Ивановичъ поцѣловалъ ее въ лобъ, погладилъ по головѣ и, прижавъ ее къ себѣ, проговорилъ:

— Вздоръ! пустяки! Этому не бывать. Гдѣ можно было молчать, тамъ я молчалъ... Но въ этомъ случаѣ я докажу, что и у меня есть своя воля.

— Что вы говорите, папенька, спросила молодая дѣвушка; не понимая смысла словъ его.

— Я говорю, что ты еще дитя, ребенокъ!

— Э, папенька! Мнѣ девятнадцатый годъ, возразила Аннета, улыбаясь и кивнувъ головою.

— Девятнадцатый! проворчалъ Федоръ Ивановичъ, а ему, я думаю, ужъ подѣ-сорокъ!

— Кому? спросила Аннета съ изумленіемъ.

Въ это самое время Юлія Карловна скорыми шагами приближалась къ кабинету; не доходя до полурастворенной двери, она остановилась. Предполагая, что мужъ ея не замедлитъ заговорить съ Аннетой объ Опухтинѣ, она хотѣла узнать, какое впечатлѣніе произведетъ на молодую дѣвуху это имя. Юлія Карловна съѣла къ окну столовой, откуда могла слышать каждое слово разговора отца съ дочерью.

— Кому подѣ-сорокъ? повторила послѣдняя, когда отецъ не отвѣчалъ на первый вопросъ ея.

Федоръ Ивановичъ прокашлялся, прошелся по кабинету, и сѣлъ на кушетку.

— Сядь сюда, сказалъ онъ Аннетѣ, указавъ на мѣсто возле себя.

Молодая дѣвушка подогнула къ кушеткѣ круглый столикъ чорнаго дерева и поставила на него чашку кофе; потомъ достала изъ ящика сигару, взяла съ письменнаго стола

жесткую дорожку со свичками и, возвратившись къ отцу, граціозно-игривымъ движеніемъ подала ему сигару.

Докторъ съ отеческимъ восторгомъ слѣдилъ за всѣми движеніями молодой дѣвушки. Гнѣвъ его разсѣялся. Улыбаясь, закурилъ онъ сигару и съ наслажденіемъ отъѣдалъ кофе.

— Я сижу, папенька, сказала Аннета шутливо, послѣ минутнаго молчанія.

Рѣшимость покидала Федора Ивановича; онъ уже не считалъ нужнымъ говорить дочери объ Опухтинѣ.

— Ты хотѣла говорить со мною, продолжала она.

— Да, да.... впрочемъ.... лучше въ другой разъ; успѣемъ еще!

Любопытство молодой дѣвушки было возбуждено.

— Зачѣмъ въ другой разъ?... Ты такъ рѣдко бываешь дома.... Говори, папенька,—сказала она, ласкаясь къ отцу: что ты хотѣла сказать?

Федоръ Ивановичъ погладилъ подбородокъ, побарабанилъ пальцами по столу, стряхнулъ пепель сигары въ песочницу, хлебнулъ кофе и, сдѣлавъ такимъ образомъ все, что можно было сдѣлать, чтобы выиграть время, прокашлялся и принялъ серьезный видъ.

— Другъ мой....

Федоръ Ивановичъ взялъ маленькую, шьжную ручку дочери, погладилъ ее, потомъ въ разсѣянности и по привычкѣ сталъ шупать ей пульсъ.

Аннета засмѣялась.

— Постой, постой.... сказалъ докторъ, удерживая дочь, намѣревавшуюся встать. Скажи мнѣ, Анненька.... скажи мнѣ.... хочешь выйти за-мужъ?

Улыбка исчезла съ лица молодой дѣвушки; она пристально посмотрѣла на отца и отрицательно покачала головой.

— Отчего не хочешь?...

Аннета опустила глаза и, не отвѣчая, слегка пожала плечами.

— Но.... если кто посватается? продолжалъ докторъ.

Грудь молодой дѣвушки стала высоко подыматься.

— Скажи мнѣ откровенно, не отличила ли ты кого-ни-

будь между знакомыми намъ, молодыми людьми? спросилъ отецъ.

— Никого, спокойно отвечала Аннета.

— А между-тѣмъ одинъ изъ нихъ просить твоей руки...

Сердце Аннеты невольно сжалось.

— Я безпрекословно выйду за человѣка, котораго вы изберете для меня, отвечала она такимъ голосомъ.

Докторъ съ изумленіемъ взглянулъ на дочь.

— Другъ мой, сказалъ онъ серьезно: чтобы соединить свою судьбу съ человѣкомъ, надобно полюбить его.

— Могу-ли я не полюбить того, кого вы полюбите?... отвечала Аннета искренно, непритворно.

— Ага! Я вижу, что Юлія Карловна уже подготовила ее, подумалъ Федоръ Ивановичъ; потомъ, съ состраданіемъ посмотрѣвъ на дочь, онъ произнесъ вслухъ: Дитя! Ты даже не спросила меня, какъ зовутъ того, кто сватается?

— Я думала, что вы сами назовете его.

— Угадай.

Аннета задумалась; но ни одинъ изъ знакомыхъ не представлялся уму ея.... Невольно вспомнила она о незнакомцѣ, о безымянномъ письмѣ....

— Хочешь, я помогу тебѣ? спросилъ Федоръ Ивановичъ послѣ минутнаго молчанія. Я назову тебѣ всѣхъ нашихъ знакомыхъ.

Молодая дѣвушка утвердительно кивнула головой.

— Искашесь? спросилъ докторъ.

Аннета скоро подняла голову, но, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, улыбнулась и покачала головой.

— Нѣтъ, сказала она: онъ женихъ Машеньки Лебедевой.

— Ребергъ?

— Нѣтъ; онъ слишкомъ молодъ.

— Санинъ?

— Нѣтъ.

— Отчего не онъ? спросилъ докторъ.

— Онъ все танцуетъ съ Надиной, отвечала Аннета, улыбувшись.

Федоръ Ивановичъ продолжалъ называть всѣхъ знакомыхъ молодыхъ людей; при иныхъ именахъ молодая двушка съ беспокойствомъ поглядывала на отца, но замѣтивъ на лицѣ его добродушно-лукавую улыбку, снѣло отвѣчала отрицательно.

— Кто же еще? сказалъ, наконецъ, Федоръ Ивановичъ, приставивъ палецъ ко лбу и какъ бы стараясь припомнить: о Робертѣ я уже упоминалъ.... о Нешашевѣ тоже.... ага! совсемъ забылъ: Захаръ Ивановичъ?

И докторъ пристально и съ боязнію взглянулъ на дочь:

Во время предшествовавшаго разговора сердце Аннеты обмягло; она почти убѣдилась въ томъ, что отецъ ея только пошутилъ. При имени же Захара Ивановича она весело и громко засмѣялась.

Свинцовая тяжесть спала съ груди Федора Ивановича, и, потирая руки, онъ сталъ вторить смѣху дочери.

— Помнишь, продолжалъ, развеселившись Федоръ Ивановичъ: помнишь, какъ онъ былъ хорошъ въ испанскомъ костюмѣ:...

Молодая двушка внезапно перестала смѣяться.

— Папенька, сказала она съ раскапніемъ: мы смѣемся надъ ними, а они такіе добрые....

— Конечно, конечно, но признайся, что онъ явился въ залу довольно забавнымъ образомъ....

Но Аннета уже не смѣялась. Вечеръ, о которомъ напоминалъ ея отецъ, сставилъ въ ней другое, тягостное воспоминаніе.

— Не правда ли, папенька, спросила она тихимъ голосомъ и взявъ руку отца: вы не думаете отдавать меня за-мужъ?... вы только пошутили?

— Разумѣется! отвѣчалъ Федоръ Ивановичъ съ торжествующимъ видомъ: (Онъ вспомнилъ о женѣ.) Разумѣется! Я хотѣлъ только попугать тебя! Я пошутилъ....

— Нѣтъ, отецъ твой не шутилъ, произнесла строгимъ голосомъ Юлія Карловна, входя въ кабинетъ.

Она затворила за собою дверь, сѣла въ кресла передъ кушеткой и, серьезно посматрѣвъ на дочь, повторила:

— Нѣтъ, Аннета, отецъ твой не пошутилъ.

Наступило глубокое молчаніе.

Молодая дѣвушка съ невыразимою боюзнію смотрѣла на мать.

Федоръ Ивановичъ нахмурилъ брови, пожалъ плечами и сказалъ женѣ:

— Если бѣ ты слышала нашъ разговоръ, такъ....

— Я все слышала, холодно перебила его Юлія Карловна.

— Стало-быть ты знаешь, что, или лучше сказать, чѣмъ отвѣчала мнѣ Аннета, когда я назвала....

— Федоръ Ивановичъ, позвольте мнѣ теперь сказать два слова, сказала Юлія Карловна съ прежнею холодностью.

— Говорите, но это ни къ чему не поведетъ! нетерпѣливо возразилъ докторъ, бросивъ конецъ сигары въ песочницу и скрестивъ руки на груди.

Юлія Карловна приблизилась къ дочери, взяла руку ея и, смотря на нее съ сердечнымъ участіемъ, сказала:

— Аннета, отецъ твой не шутилъ.... Къ тебѣ сватается Захаръ Ивановичъ.

Теперь молодая дѣвушка не засмѣялась. Она видѣла, что мать ея говорила серьезно.

— Другъ мой, продолжала жена доктора: я уже говорила тебѣ, что мы тебя принуждать не станемъ....

— А! вотъ это дѣло! вскричалъ Федоръ Ивановичъ. Отвѣчай же рѣшительно, Аннета: да или нѣтъ?

— Нѣтъ, не отвѣчай еще! съ живостію возразила Юлія Карловна. Лучше подумай. Обстоятельство это такъ важно, что съ перваго слова не можетъ быть рѣшено.... Я не скрою отъ тебя, дитя мое, что, по моему мнѣнію, ты ни съ кѣмъ не будешь такъ счастлива, какъ съ Захаромъ Ивановичемъ... Не перебивайте меня, Федоръ Ивановичъ, продолжала Юлія Карловна, замѣтивъ движеніе доктора,—не перебивайте меня.... Я надѣюсь, что вы не сомнѣваетесь въ моей привязанности къ Аннетѣ и въ моей материнской заботливости о счастіи ея, а потому позвольте мнѣ объясниться, позвольте мнѣ наложить причины, заставляющія меня желать союза

слаждений любви.... Не узнавъ этих наслаждений, Аннета не могла имѣть понятія о непостоянствѣ ихъ.

Но пройти жизнь, не вкусивъ этихъ наслаждений—грустно. Купить спокойствіе отреченіемъ отъ нихъ, значитъ обречь себя на вѣчный мракъ, отказаться отъ солнца, чтобы не видѣть тучъ, иногда заслоняющихъ его....

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе послѣ словъ Юліи Карловны.

Федоръ Ивановичъ задумчиво стучалъ пальцами по столу.

Аннета сидѣла возла него, и изъ-подъ длинныхъ, опущенныхъ ресницъ ея катились двѣ слезинки по разгорѣвшимся щекамъ.

Наконецъ молодая дѣвушка встала, бросилась въ объятія матери и опустила лицо на плечо ея.

— Я подумаю, маменька! произнесла она тихимъ, прерывающимся голосомъ.

— Да, да, сказала Федоръ Ивановичъ, растроганный до слезъ,—мѣсяца черезъ два ты дашь намъ отвѣтъ.... Откажешь на-отрѣзъ, проворчалъ онъ про себя: я буду антидотомъ слишкомъ благоразумныхъ совѣтовъ и наставленій Юліи Карловны!...

ГЛАВА IV.

Чѣму быть, того не миновать.

Постъ приближался къ концу. Татьяна Ивановна, желая обрадовать братца къ Свѣтлому-Празднику радостнымъ извѣстіемъ, нѣсколько разъ заходила къ доктору, но все не получала никакого отвѣта. Захаръ же Ивановичъ вовсе не показывался въ домъ доктора, съ тѣхъ поръ, какъ сестра его сосватала.

— Вѣрите-ли, Юлія Карловна, сказала однажды старая дѣва жепъ доктора,—братецъ самъ не свой; ходитъ, повѣскъ голову, и такъ тоскуетъ, что на себя сталъ не похожъ.

— О чемъ же онъ тоскуеть? спросила Юлія Карловна.

— Боятся, чтобы отказъ не расстроилъ счастья всей ея жизни.

Юлія Карловна не отвѣчала. Она была такъ чиста, добросовѣстна, что не хотѣла даже вымолвить слово утѣшенія, чтобы не подать Татьянѣ Ивановнѣ преждевременной надежды.

— Ахъ, милая Юлія Карловна! продолжала старая дѣва: я бы желала, чтобы вы слышали съ какимъ чувствомъ онъ говоритъ о томъ, какъ будетъ любить и лелѣять Анну Федоровну! Повѣрите ли, если бъ я не удержала его, такъ онъ поставилъ бы весь домъ вверхъ дномъ. Полы, говорить, надобно перекрасить, обои перемѣнить, новую мебель купить.... Я, говорить, хочу встрѣтить Анну Федоровну какъ принцессу!... Не далѣе какъ на прошлой недѣлѣ онъ торговалъ коверъ въ пятьсотъ рублѣй. — Хочу, говорить, чтобы ножкамъ Анны Федоровны мягко было.... Вотъ это платье, что на мнѣ, онъ подарилъ мнѣ за мое сватовство.... Такой, право, ребенокъ!

— Скажите ему, что черезъ мѣсяцъ, много черезъ полтора, онъ получитъ рѣшительный отвѣтъ.

— Либо да, либо нѣтъ?

Жена доктора кивнула головой и отвѣчала:

— Надвюсь, что каковъ бы ни былъ отвѣтъ, мы останемся въ прежнихъ, дружескихъ сношеніяхъ?

Татьяна Ивановна вздохнула и пожала руку хозяйкѣ.

— Повѣрьте, продолжала послѣдняя: что мы искренно любимъ и уважаемъ васъ.... и, что касается до меня, то я лучшаго мужа не могу желать Аннетъ...

Юлія Карловна замолчала; она уже сказала болѣе, нежели хотѣла.

Не смотря на всю осторожность матери Аннеты, послѣднія слова ея внушили старой дѣвѣ совершенную увѣренность въ успѣхъ, ибо она знала, что въ семействѣ доктора была одна воля, — воля Юліи Карловны.

— Ну, братецъ, сказала Татьяна Ивановна, вернувшись

домой: дѣло, можно сказать, покончено; и, дасть Богъ, въ веснѣ будетъ обрученъ....

— Получили согласіе? радостно вскричалъ Захаръ Ивановичъ и протянулъ руку къ бумажнику.

— Формальнаго согласія еще не получила, но Юлія Карловна сказала, что лучшаго мужа не можетъ желать своей дочери.

Захаръ Ивановичъ оставилъ бумажникъ въ покоѣ и, вполне разделяя мнѣніе Юліи Карловны, ограничилъ изъясненіе своей радости тѣмъ, что съ живостію потеръ руки, хлопнувъ въ ладоши, и вскрикнулъ:

— Поживемъ!

Но чтобы *пожить*, надобно было привести въ порядокъ нѣкоторыя частныя дѣла: тутъ протестовать, тамъ переписать заемное письмо, далѣе подать ко взысканію или получить денежки.... и, никогда Кнутову, честному фактору Опухтина, не было столько бѣготни, какъ въ послѣднее время.

Чаще всего заходилъ Кнутовъ къ Николаю Александровичу Тучинову.

По странности, не согласовавшейся съ обыкновенною осторожностью Захара Ивановича, онъ передавалъ Николаю Александровичу много денегъ въ самое короткое время, не требуя никакихъ залоговъ и довольствуясь одними письменными письмами; но самое страшное то, что Опухтинъ нѣсколько разъ самъ предлагалъ молодому человѣку деньги и, всякій разъ, получивъ съ него новый документъ, приносилъ его къ Татьянѣ Ивановнѣ и, указавъ на подпись, говорилъ, мигая лѣвымъ глазомъ:

— Чтѣ написано перомъ, того не вырубишь топоромъ.

Старая дѣва злорадно кивала головой и, когда братецъ уходилъ, предлагала старому отцу поиграть въ шашки или, безъ приглашенія, запѣвала любимую пѣсню его:

«Среди долины ровныя»...

— Добрая душа.... ангельское сердце.... все тебѣ.... ему ничего.... говорилъ старикъ, съ любовію и признательностію смотря на дочь.

Въ среду, на Страстной недѣль, Кнутаовъ принесъ Николаю Александровичу деньги по зрѣмому письму, подлиннаго наканунѣ. Букшистъ былъ еще у Тучинова, когда лакей доложилъ послѣднему, что Катерина Васильевна желаетъ поговорить съ нимъ.

Это чрезвычайно удивило молодого человѣка.

Сношенія его съ мачихой были всегда холодны, а съ тѣхъ поръ, какъ Катерина Васильевна стала хворать, онъ не видѣлся съ нею по цѣлымъ недѣлямъ. Взаимная мнительность, недоверчивость, основанная на предразсудкѣ, болѣе или менѣе справедливомъ, но увѣковѣчившемъ, такъ сказать, если не ненависть, то сильное нерасположеніе между мачихою и дѣтьми отъ перваго брака, постоянно удаляли Николая отъ Катерины Васильевны. Александръ Матвѣвичъ сначала равнодушно, а потомъ съ эгоистическимъ удвольствіемъ стотрѣлъ на холодность, существовавшую между двумя, близкими ему особами, передъ которыми онъ невольно сознавался виноватымъ.... Пока жена и сынъ его были разъединены, обвинения ихъ были не страшны Тучинову, потому-что онъ умѣлъ окружить себя общимъ уваженіемъ, которое зажимало ротъ уединенному обвинителю, или обращало вину на него же. Сближеніе же, союзъ обвинителей могъ превратить ихъ въ судей....

Этого страшился Александръ Матвѣвичъ и, когда жена въ первый разъ упрекнула его въ томъ, что онъ не сумѣлъ сивскать привязанности своего старшаго сына, опасеніе его возрасло до того, что онъ не устыдился прибѣгнуть ко всевозможнымъ средствамъ для увеличенія нерасположенія между мачихой и пасынкомъ.

Передъ первую онъ раскрылъ все сокровища своей отеческой души и, съ лицеварными слезами, сожалѣлъ объ упорствѣ и скрытности Николая, исполненной ненавистнаго чувства; выхваляя способности и познанія его, онъ сожалѣлъ о безхарактерности, ничтожествѣ Николая, тратившемъ жизнь безъ пользы себѣ и обществу....

И Катерина Васильевна раскаявалась въ своей упорствѣ;

она простила мужу необходимость къ сыну, потому-что подъ нею скрывалось страданіе родительскаго сердца.

Съ сыномъ Тучиновъ не входилъ въ такія *задушевныя* бесѣды; но когда Николай справлялся о здоровьи мачихи, Александръ Матвѣевичъ отвѣчалъ ему съ горькой усмѣшкой, что она немножко устала послѣ ночи, проведенной на балѣ; въ то же мгновеніе, какъ бы желая разсѣять печальную мысль, онъ обращался къ дѣтямъ, съ нѣжнымъ со-страданіемъ цѣловалъ ихъ, и съ выраженіемъ искренней признательности благодарилъ гувернантку за *материнскія* попеченія ея....

И Николай сожалѣлъ объ отцѣ, страданія котораго, вѣроятно, увеличивало пробужденіе совѣсти при воспомина-ніи о прошедшемъ.

Что, кажется, могло быть върѣе расчета Александра Матвѣевича? Но и самыя *върѣйшія*, по-видимому, соображенія человеческого ума подчиняются предопредѣленію Провидѣнія и ведутъ часто къ цѣли, совершенно противоположной той, которую имѣлъ въ виду человекъ.

Фаталисты говорятъ:

Чему быть, того не миновать.

Вѣра снягла этотъ рѣшительный приговоръ, прибавивъ утѣшительное:

А быть тому, что Богъ дастъ.

Справедливо, но Богъ даетъ *возмездіе*, то есть только то, что человекъ заслужилъ употребленіемъ дарованнаго ему *пріозвола*.

Оближеніе Катерины Васильевны и пасынка ея должно было произойти именно изъ тѣхъ средствъ, которыя Тучиновъ употреблялъ для разъединенія ихъ.

Во время своего болѣзненнаго состоянія, Катерина Васильевна искала уединенія; она хотѣла скрыть свои страданія; естественная и весьма понятная гордость заставляла ее опасаться, чтобы кто-нибудь не открылъ, оскорбительнаго для самолюбія ея, источника этихъ страданій.... Но тѣмъ болѣе она удалялась отъ свѣта, тѣмъ болѣе населалась уединеніе ея собственными, тяжостными и живыми мыслями;

уныніе овладѣвало ею; ей казалось, что она отвержена цѣлымъ міромъ....

Чтобы избавиться отъ этихъ мыслей, убивающихъ духъ, чтобы бѣжать отъ самой себя, Катерина Васильевна вернулась къ свѣтскимъ удовольствіямъ, но и посреди шума и увлеченія ихъ, ее не покидала одна тягостная, скучная мысль, и часто, внезапно покинувъ общество, возвращалась она въ свое уединеніе.... Не одного забвенія искала Катерина Васильевна въ свѣтскихъ удовольствіяхъ; предавшись имъ, она прибѣгла къ средству, избитому, изношенному водевиллистами: мнимымъ равнодушіемъ надѣялась она вернуть любовь мужа, остывшую отъ совершенной увѣренности во взаимность. Только отчаяніе могло заставить бѣдную женщину прибѣгнуть къ этому средству, котораго гнушалась честная, благородная натура ея, и за минутное, лихорадочное увлеченіе она плачивалась раскаяніемъ и стыдомъ....

Кончилось время празднествъ. Наступаетъ Великій постъ.

Катерина Васильевна, бросившаяся изъ одной крайности въ другую, не находя нигдѣ утѣшенія, внезапно обратилась къ религіи. Бѣдная молодая женщина бѣжала отъ горя, страданій, а строгій, *безпристрастный* судъ свѣта, основываясь на наружности, обвинялъ ее въ прихотливости, капризахъ....

Религія доставила Катеринѣ Васильевнѣ временное утѣшеніе; съ помощію ея она уединилась въ самой себѣ, не отлучаясь отъ людей, съ которыми сблизжало ее религіозное чувство общей любви къ ближнему.... Религія же внушила ей мысль сблизиться съ Николаемъ и приирить его съ отцомъ. Бѣдная Катерина Васильевна нисколько не сомнѣвалась въ искренности мужа, когда онъ, почти со слезами на глазахъ, сожалѣлъ о холодности къ нему сына; следовательно, прииреніемъ надѣялась она заглушить признательность и, быть-можетъ, прежнюю любовь Александра Матвѣевича....

Отправляясь въ церковь, въ Страстную среду, въ сопровожденіи одной изъ бѣдныхъ старухъ, Катерина Васильев-

на послала лакея доложить Николаю Александровичу, что желаетъ поговорить съ нимъ.

Отославъ Кнутова, Николай самъ поспѣшно вышелъ на встрѣчу маичихъ.

Увидѣвъ его, послѣдняя обратилась къ сопровождавшей ей старухѣ.

— Агафья Степановна, сказала она ей: сядьте пока въ карету, я скоро ворочусь.

— Съ Богомъ, Катерина Васильевна, съ Богомъ, отвѣчала Агафья Степановна: не торопитесь, сегодня не холодно.

— Вы позволите мнѣ зайти къ вамъ, Николай? спросила Катерина Васильевна съ кроткою улыбкой.

— Сожалю, отвѣчалъ Николай въжливо: что привычка не дала вамъ права входить ко мнѣ безъ доклада и позволенія.

— Чтѣ это? Упрекъ? съ пріятнымъ удивленіемъ спросила Катерина Васильевна, входя въ прихожую.

— Не упрекъ, а сожалѣніе.

Николай Александровичъ вошелъ въ прихожую и, мину ту спустя, въ стѣни вышелъ букинистъ. Увидѣвъ Агафью Степановну, стоявшую еще на крыльцѣ, онъ поклонился ей.

— Ты откуда? спросила она тихимъ голосомъ и осмотрѣвшись.

Кнутовъ сдѣлалъ гримасу и мигнулъ глазомъ по направленію къ квартирѣ Николая Александровича.

— Чтѣ? спросила Агафья Степановна, взглядомъ договоривъ свою мысль.

— Вѣстимо, только подавай, а ужъ мы, то есть, протранжиришь.

Старуха заморгала глазами и опять осмотрѣлась.

— Будешь у Захара Ивановича сегодня? спросила она.

— Сейчасъ иду къ нему; не знаю, застану ли.

— Если застанешь, то скажи что-дескать все ладно.

— Скажу; затѣмъ счастливо оставаться.

Агафья Степановна забила въ карету, а Кнутовъ, взявъ мѣшокъ съ книгами на плечо, пошелъ своей дорогой.

ГЛАВА V.

Мачиха и насмѣлокъ.

Катерина Васильевна вошла въ кабинетъ Николая Александровича.

На ней было черное, шелковое платье, закрывавшее плечи и окаймленное вокругъ шеи кружевнымъ воротничкомъ; длинныя, узкія рукава, оканчивавшіяся кружевными жеманщетами, обрисовывали художавыя, но еще изящныя формы рукъ молодой женщины; черная, бархатная шляпка была обвита чернымъ вуалемъ. Черный цвѣтъ наряда Катерины Васильевны явственнѣе выказывалъ удобу и блажность ея.

Николай поставилъ кресла въ камину.

— Какой счастливый случай доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ у себя? спросилъ молодой человекъ, когда мачиха его сѣла.

— Счастливый случай?... Удовольствіе?... повторила она, посмотрѣвъ Николаю въ глаза. Что это? Фраза безъ идеи, или идея, случайно облеченная въ свѣтскую форму?

— Это искреннее выраженіе того, что я ощущаю въ эту минуту.

— Правда ли? спросила Катерина Васильевна, улыбаясь.

Николай молча поцѣловалъ руку ея.

— Тѣмъ лучше! продолжала она: Стало-быть намъ не такъ трудно будетъ сдѣлаться друзьями, какъ я думала. Садитесь, Николай, я хочу поговорить съ вами.

Молодой человекъ сѣлъ, а Катерина Васильевна продолжала:

— Вотъ уже тринадцать лѣтъ, какъ я заступила мѣсто вашей матери.... Вы вздыхаете?... Простите мнѣ, Николай, съ чувствомъ прибавила молодая мачиха, — мнѣ не слѣдовало пробуждать въ сердцѣ вашемъ воспоминаній, лишившихъ

меня привязанности, отсутствие которой отравляло лучшие минуты моей жизни....

Николай Александровичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Катериину Васильевну.

— Вы удивляетесь? спросила она съ грустной улыбкой: вы не вѣрите, что мачиха можетъ дорожить привязанностью дашышка?

Николай Александровичъ не приходилъ въ себя. Каждое слово, выраженіе непритворной кротости, проявлявшейся въ голосъ и каждомъ взглядѣ Катериины Васильевны, рѣшительно противорѣчили мнѣнію, какое онъ составилъ себѣ о ней, какъ о женщинѣ легкомысленной, прехотанвой.

— Правда, продолжала она: мнѣ следовало ступить первый шагъ, чтобы заставить васъ забыть ненавистное имя мачихи....

— О, Катериина Васильевна! произнесъ Николай, невольно приблизивъ свои кресла къ кресламъ молодой женщины.

— Но сначала я была такъ молода, неопытна, что не понимала, какая священная обязанность лежала на мнѣ.... потому я была такъ счастлива, что пренебрегла этою обязанностью....

— Боже мой! Боже мой!.... произнесъ Николай вполголоса, проведя рукою по лбу.

— Наконецъ, признаться ли вамъ?.... Я боялась....

— Боялись?

— Да, я боялась, что вы отвергнете позднее изъясненіе привязанности, которую я не переставала питать къ вамъ; что вы упрекнете меня въ томъ, что я заняла мѣсто, принадлежавшее вашей родной матери..... Мнѣ казалось, что мои усилія, усилія женщины, почти чуждой вамъ, будутъ тщетны, коли вы сохраняли въ глубинѣ сердца непріязненное чувство даже къ.....

— Говорите, говорите! въ волненіи вскричалъ Николай, когда мачиха его замолчала.

— Къ вашему отцу.... произнесла Катериина Васильевна тихимъ голосомъ: за то, что онъ ввелъ чужую въ семейство, въ которомъ жила еще память вашей матери.....

Слова эти пробудили въ молодомъ чловѣкѣ горестное воспоминаніе. Онъ глубоко вздохнулъ и, опустивъ глаза, присидѣлъ нѣсколько мгновеній молча.

Катерина Васильевна смотрѣла на него съ боязненнымъ ожиданіемъ.

— Николай! сказала она нѣжнымъ голосомъ: неужели опасенія мои оправдаются? Неужели вы отвергнете мою искреннюю дружбу только потому, что я ношу ненавистное имя мачихи?.....

Глубоко тронули слова эти Николая. Быстро поднявъ онъ глаза, съ живостію схватилъ руку молодой мачихи и крѣпко прижалъ ее къ губамъ.

Радостная улыбка озарила лицо Катерины Васильевны.

— Боже мой! вскричалъ Николай Александровичъ: я не прихожу въ себя..... я не понимаю..... Радъ Бога, повторите, что не ненависть, не равнодушіе удаляли васъ отъ меня; повторите, что для полноты вашего счастья вамъ не доставало моей привязанности..... Вы не повѣрите, какое тягостное, но вѣсть съ тѣмъ сладостное впечатлѣніе производятъ эти слова на мое сердце!

Теперь Катерина Васильевна, въ свою очередь съ изумленіемъ посмотрѣла на молодого чловѣка. Тихо покачавъ головою и не спуская глазъ съ Николая, сказала она послѣ минутнаго молчанія:

— Я вижу, что мы не понимали другъ друга. Клянусь вамъ, Николай, что въ теченіе тринадцати лѣтъ я всегда питала къ вамъ искреннюю привязанность, изъявленію которой не доставало только сегодняшняго объясненія.

— Господи, Господи! произнесъ молодой чловѣкъ съ горестію и закрывъ лицо обѣими руками. Семейное счастье было у меня подъ рукою, и, въ продолженіе тринадцати лѣтъ, я, въ кругу семейства, велъ жизнь одинокую, жизнь круглаго сироты.....

— Николай, перебила его Катерина Васильевна; первый, почти неожиданный успѣхъ подаетъ мнѣ надежду разсѣять еще одно, болѣе важное недоразумѣніе..... Дайте мнѣ

руку... Напрямъ ли, что: махиха не такъ зла, какъ вамъ казалось?

— О! я виноватъ жереть вамъ, съ чувствомъ вскричалъ Николай Александровичъ: вы вполне заслуживаете счастье, которымъ наслаждаетесь.....

Катерина Васильевна съ судорожною живостію зажала ротъ пасынку. Последнія слова его поразили сердце ея, подобно обвиненію, подобно грозному враговору.

Движеніе махихи не ускользнуло отъ вниманія Николая, и сомнѣніе, неясное, неопредѣленное, запало въ умъ его.

— Николай! сказала молодая женщина печально: я рѣшилась, во что бы то ни стало, примирить васъ съ отцомъ...

— Примирить меня съ отцомъ? повторилъ молодой человекъ.

— Да! между вами тоже существуетъ недоразумѣніе,... Выслушайте меня: я знаю, что Александръ Матвѣевичъ любитъ васъ всею душою; познакомившись съ вами ближе, прибавила она съ кроткой улыбкой: я убѣдилась въ томъ, что у васъ доброе, благородное сердце..... сильно вы не можете быть злопамятны, и отецъ вашъ ошибается.....

— А! произнесъ Николай протяжно: онъ говорилъ вамъ.....?

— Отецъ говорилъ мнѣ, что, не смотря на все свои старанія, не могъ побѣдить нерасположенія, поселившагося въ вашемъ сердцѣ съ самаго того времени, когда я заступила место вашей матери.....

— Это говорилъ вамъ батюшка? спросилъ Николай мѣнявшимся голосомъ.

— Съ горестію, часто вызывавшею слезы на глаза его.....

Николай Александровичъ поблѣднѣлъ. Онъ самъ устрашился новаго ощущенія, пробудившагося въ сердцѣ его.

— Скажите мнѣ..... онъ..... вѣроятно..... поручилъ вамъ быть..... посредницею, между нѣмъ и мною? спросилъ молодой человѣкъ съ такою болезнiю, какъ будто бы отъ отъѣзда мачихи зависѣла участь одного изъ святѣйшихъ вѣроуванiй его.

— Я готовлюсь къ причастiю, спокойно отвѣчала Катерина Васильевна: и не смѣла приступить къ священному обряду; не примирившись съ тѣмъ, кого считала своимъ врагомъ.

— Но..... батюшка знаетъ, что вы здѣсь?..... Онъ совѣтовалъ вамъ придти сюда?....

— Нѣтъ, я пришла по собственному побужденiю..... Мнѣ даже кажется, прибавила молодая женщина съ кроткой улыбкой,—что Александръ Матвѣевичъ считалъ наше примиренiе невозможнымъ.

— Нѣтъ! этого я не ожидалъ!..... вскричалъ Николай Александровичъ, скоро вскочивъ.

Лицо его было блѣдно, глаза сверкали, губы его дрожали; лѣвою рукою онъ судорожно сжималъ спинку кресла.

Катерина Васильевна смотрѣла на него со страхомъ, исполненнымъ сердечнаго сожалѣнiя. Ей казалось, что ненависть измѣнила черты молодого человѣка, ненависть ужасная, преступная; ей казалось, что Александръ Матвѣевичъ былъ правъ, обвиня сына въ скрѣпной злобѣ, непримиримой враждѣ; но, вѣсть съ тѣмъ, послѣ искренняго, сердечнаго объясненiя ея съ молодымъ человѣкомъ, причина этой вражды сдѣлалась для нея неразрѣшимую загадкою.

— Что съ вами, Николай? спросила мачиха, послѣ короткаго молчанiя.

— Ничего, Катерина Васильевна, отвѣчалъ Николай Александровичъ дрожащимъ голосомъ и съ легкой иронiей:

я благоговѣю передъ неизмѣрною добротою вашего сердца; я не постигаю какъ, послѣ тяжкихъ обвиненій моего отца, вы могли еще сохранить надежду обратить меня, закоспѣлаго въ злобъ, на путь истинный.....

— Вы несправедливы, Николай, серьезно возразила Катерина Васильевна: Александръ Матвѣевичъ не обвинялъ васъ; онъ повѣрилъ мнѣ, женѣ своей, тайное, горькое сожалѣніе о вашемъ равнодушіи.

— А отчего не повѣрилъ онъ вамъ тайныхъ причинъ этого..... равнодушія? спросилъ Николай рѣзкимъ голосомъ.

Грустный упрекъ выразился на лицѣ Катерины Васильевны; она хотѣла отвѣчать, но Николай не далъ ей вымолвить слова. Онъ схватилъ руку ея, съ чувствомъ прижалъ ее къ губамъ и вскричалъ:

— Простите мнѣ, я оскорбилъ, огорчилъ васъ!... васъ, утѣшительницу, бросившую теплый, солнечный лучъ въ холодную, пасмурную жизнь мою!.... Но, клянусь вамъ, что въ душѣ моей нѣтъ и не было того ненавистнаго чувства, которое заставляетъ Александра Матвѣевича плакать и жаловаться..... Я никогда не забывалъ, что Александръ Матвѣевичъ мнѣ отецъ, не смотря на глубокую, неизлечимую рану, которую онъ нанесъ мнѣ!

— Вамъ! вскричала мачиха, сплеснувъ руками: но вы еще такъ молоды!.....

— Четырнадцать лѣтъ тому назадъ я былъ еще ребенкомъ! съ горечью возразилъ Николай Александровичъ.

— Четырнадцать лѣтъ! съ ужасомъ повторила мачиха: о, Николай Александровичъ! дѣтскую непріятность вы называете неизлечимой раной!....

— Катерина Васильевна, холодно возразилъ молодой человѣкъ: отивните у ребенка святыхъ върованій въ честь и добродѣтель, что останется въ сердцѣ его?

Катерина Васильевна ведрогнула. Глубокая, искренняя горесть, выражавшаяся на лицѣ пасынка, убѣждала ее въ томъ, что прошедшее Александра Матвѣевича скрывало черную тайну, и сердце ея болезненно сжалось.... До этой минуты она взрала въ благородство мужа, взрала въ лживость прошедшей жизни его и на этой взрь основывала, съ самоотверженіемъ чистой души, обвиненіе противъ себя.... утѣшительное обвиненіе, препятствовавшее ужорниться сомніанію въ благородствѣ мужа.

— Четырнадцать лѣтъ! повторила она машинально, по-слѣ короткаго молчанія: и вы не простили?

— Я простилъ, ирочно отвѣчалъ Николай, но онъ помнить!

Воспоминаніе о собственныхъ страданіяхъ быстро росло въ умъ молодой женщины; болезненнѣе сжималось сердце и, наконецъ, какъ бы подавленная тяжестью этихъ воспоминаній, она зарыдала, закрывъ глаза платкомъ.

— Боже мой!... и вы тоже! произнесла она съ отчаяніемъ.

— Также? повторилъ Николай, съ горестнымъ участіемъ в невольнo приблизившись къ мачихѣ. Стало быть....

Дверь изъ прихожей отворилась.

— Николай Александровичъ, доложилъ вошедшій лакей: Александръ Матвѣевичъ проситъ васъ къ себѣ, на верхъ.

— Сейчасъ, отвѣчалъ Николай.

Лакей ушелъ.

— Ради Бога, вскричала Катерина Васильевна, скоро вставъ: ради Бога умоляю васъ, забудьте прошедшее, примиритесь съ Александромъ Матвѣевичемъ, вѣдь онъ вашъ родной отецъ!... Именемъ покойной матери вашей умоляю!... Заглушите въ душѣ вашей всякое недостойное васъ чувство!

Слышите-ли, Николай, именемъ вашей покойной матери, память о которой будетъ освящена моею искреннею, душевною привязанностью къ вамъ..... Николай, я уже сказала вамъ какой важный шагъ предстоитъ мнѣ..... Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ приступить къ священному обряду, съ облегченнымъ сердцемъ, съ надеждою на лучшую будущность..... Дайте мнѣ слово, Николай, прибавила она, взявъ объ руки молодого человѣка: дайте мнѣ слово, что съ этого дня вы употребите всю вашу нравственную силу, чтобы забыть..... нѣтъ! чтобы изгнать изъ памяти вашего отца тягостное воспоминаніе о прошедшемъ, котораго я не знаю и не хочу знать, для своего и нашего общаго счастья!.... Общаете?....

— Клянусь, отвѣчалъ Николай Александровичъ, съ грустнымъ участіемъ смотря на мачиху, — клянусь любить васъ, какъ родную мать, и свято исполнять малѣйшую вашу волю..... Клянусь любить васъ, какъ родную сестру, и неутомимо заботиться о вашемъ счастьи.....

— Вѣрю, вѣрю! съ радостнымъ чувствомъ вскричала Катерина Васильевна. Какъ сынъ, вы уже ознаменовали этотъ день повиновеніемъ, какъ братъ, вы содѣлали его однимъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни!.....

Николай Александровичъ проводилъ молча мачиху до кареты. Вернувшись къ себѣ, онъ опустился въ кресло и закрылъ лицо руками.

Какъ удивились бы свѣтскіе, проспектные или кандидатскіе пріятели молодого Тучинова, если бъ имъ кто-нибудь сказалъ, что онъ цѣлыя десять минутъ проплакалъ, какъ ребенокъ!.....

Вспомнивъ, что его звалъ къ себѣ отецъ, Николай утеръ слезы и всталъ. Небрежно и какъ бы неохотно надвѣвъ шляпу, онъ, по привычкѣ, посмотрѣлся въ зеркало и по-

правиль волосы; потомъ подошелъ къ окну, но, взглянувъ вверхъ, тотчасъ же отступилъ назадъ.

Въ окнѣ третьяго этажа противоположнаго дома увидѣлъ онъ худощавое, угловатое лицо женщины, смотрѣвшей внизъ и прямо на окна его квартиры.

Досада выразилась на лицѣ молодаго челоуѣка и, съ тягостнымъ, непріятнымъ чувствомъ, отправился онъ на верхъ.

(Окончаніе третьей части въ слѣдующей книгѣ.)

И. Фурманнъ.

ПРОГУЛКА ПО РЕЙНУ.

III.

(Окончаніе *).

Нашъ путь лежитъ вверху по рѣкѣ, къ югу, все далѣе къ югу!

Какое милое для насъ—Сѣверянъ—очарованіе заключается въ этомъ имени *юга*.... понятіе о какомъ-то земномъ раѣ, о странѣ свѣта и теплоты—двухъ родныхъ нашей душъ стихій—понятіе, вселившееся въ насъ съ малолѣтства, подъ сѣвернымъ небомъ. Въ самомъ дѣлѣ, еще не зная азбуки, мы уже затвердили въ памяти, гдѣ югъ. Бывало, наскучивъ зимнимъ арестомъ въ комнатѣ, какъ только заметишь, что тыль флюгера обращенъ къ той странѣ свѣта, сплеснешь руками и воскликнешь: «Вѣтеръ съ юга: сегодня насъ пустать погулять!» Тутъ безсознательно уже начинается въ нашей душѣ свѣтлая мечта о какой-то чудной сторонѣ, живительное дыханіе которой, не остывая, не замерзая и въ зимнюю пору, издалика навѣваетъ намъ теплотою. Всего краснорѣчивѣе это мечтательное, пожизненное пристрастіе Сѣверянина къ югу выражается въ драматической поэмѣ швед-

* См. II кн. С. О.

скаго поэта Аттербома, въ его «Островъ Блаженства». Одинъ властитель полярныхъ странъ, на охотъ, въ крещенскій морозъ, среди величественныхъ массъ снѣга и льдовъ, заплутавшись въ глуши, попадаетъ—близъ сѣвернаго полюса—въ волшебную область вѣчной весны, и тамъ, у ногъ боготворимой красавицы, подъ миртами и розами, подъ апельсиновыми деревьями, у игривыхъ фонтановъ—однимъ словомъ, въ Армидиномъ саду—~~проводитъ трехвѣковую жизнь~~ непреходящей юности, ни разу не вспомнивъ о своемъ вещественномъ скиптрѣ, о своихъ властительскихъ обязанностяхъ, и наконецъ—возвращается въ существенность, въ свой край холодный, только для того, чтобъ умереть, чтобъ отрезвиться мечтателю передъ смертью. Лишь *сѣверный* поэтъ могъ вообразить, на полярномъ морозѣ, что юноша въ состояннн промечтать *три вѣка* въ странѣ южной романтики! Но воспользуемся строгимъ урокомъ этому юношѣ: если надлежитъ отрезвиться, такъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Промечтаемъ развѣ три только года въ Эдемѣ романтики и пріймемся заблаговременно исполнять свои обязанности житейскія... *жизни* наша не праздникъ, а день *рабочій!*

Мы отправились въ шесть часовъ утра, на томъ же пароходѣ: Гуттенбергъ. Опять густой туманъ! «Не досадно ли?» восклицаютъ хороше пассажиры: лучшею частію Рейна считается пространство между Кобленцомъ и Майнцомъ. Что же касается до меня, то я, до Браубаха, могу снести эту незгду, ибо до того мѣста мнѣ все извѣстно, по моей верховой повзлкѣ къ Рейну, изъ Эмса. Слава Богу, свѣтъ; прибрежные предметы начинаютъ сквозить! въ таинственномъ величнн являютъ гористые берега, увитые полосами тумана, какъ будто полу-прозрачною одеждою предннн и древности. Но такого полусвѣта не довольно для нашихъ пассажировъ, не перестающихъ горько сожалѣть, что не могутъ насладиться вполне, въ ясномъ свѣтѣ, прославленными берегами Рейна. Я только вполонину раздѣляю это сожалѣнне, мало-по-малу увлекаясь прелестью магической свѣтотѣни, видя въ этомъ роковомъ туманѣ нѣчто важно-символа-

чекое, и, наконецъ, признаюсь: Рейнъ, для меня, не могъ бы являться въ свѣтъ болѣе выгодномъ, болѣе правильномъ.... Этотъ вещественный туманъ не есть ли самый поразительный символъ тысячелѣтней нравственной мглы, давившей атмосферу Рейна и вообще всей области среднихъ вѣковъ—таинственная завѣса, за которою, въ тиши, готовились болѣе свѣтлые, болѣе счастливые вѣка! Такимъ образомъ моя житейская философія употребила въ пользу и этотъ неумѣстный, безвременный туманъ, и еслибъ онъ не могъ быть символомъ темныхъ временъ, отъ V и VI до начала XVI вѣка, то я сказалъ бы, въ свое утѣшеніе: Развѣ и вся жизнь наша не есть туманная свѣтотѣнь, живѣе возбуждающая душу къ тихимъ мечтамъ о лучезарной вѣчности!

Вотъ двѣ развалины временъ рыцарскихъ, одна подлѣ другой: то многославные замки Либенштейнъ и Штернбергъ! Мрачно стоятъ они другъ противъ друга, какъ некогда стояли, на поединкѣ, владѣльцы ихъ—два родные брата. Съ младшимъ хотѣлъ судиться мечемъ, за позоръ измѣны благородной его невѣсты—старшій братъ, исполненный высокаго самоотверженія: онъ самъ любилъ эту дѣву со всѣмъ жаромъ рыцарскаго чувства. Замѣтивъ, что она болѣе расположена къ младшему брату, онъ скрылъ отъ нея свое чувство; а тотъ объяснился съ нею, и она за него была помолвлена. Невѣста дозналась послѣ—вѣроятно, не сердцемъ, а только умомъ, что ошиблась въ выборѣ; но, связанная и словомъ и помолвкой, она отклоняетъ отъ себя это сознаніе; ждетъ изъ Обыванной Земли своего жениха, котораго вздумалось *тамъ*, истинно-рыцарскими подвигами, *заслужить* свою невѣсту. И что жъ? онъ женился въ Обыванной Землѣ и возвращается домой съ милою, веселою кокеткою—Гречанкою! Оставленная невѣста предана посыланію женскаго пола: мужчины—рыцари не сивлялись измѣнѣ слову! А въ доказательство, что рыцари не сивлялись сердцекрушительной измѣны, родной старшій братъ вызвалъ измѣнника на отчаянный поединокъ! Уже начинается страшный

бой. Мало сдругъ влаетей обмануша невѣста и, снѣло ставъ между вещей братьевъ, замануша обонъ памято покойнаго отца, миритъ и благословляетъ ихъ на братскую любовь и избирать себѣ жизнь отшельническую. Эта исторія, по рѣду своему самая трогательная для Нѣмцевъ, сдѣлалась сюжетомъ многихъ драмъ и балладъ, по большей части неудачныхъ. Братъ взакамъ крови рѣднаго брата! Вотъ вамъ образчикъ того сумазбродства и того натянутаго, перетоненнаго чувства, за которыя я, даже въ свои романтическія лѣта, не могъ полюбить средневѣковаго рыцарства! Но отъ чего ни одинъ германскій поэтъ, взявшись за эту исторію, не выправляетъ ошибочности, неестественности хода ея? Нисколько не насилуя духа тѣхъ временъ, можно бы, совершенно въ тонъ и подъ цвѣтъ рыцарства, женить старшаго брата на покинутой—имъ же любимой—невѣстѣ... повести дѣло просто, естественно; а если нѣмецкимъ читательницамъ всего нужнѣе слезливость, перетоненная, болѣзненная романтика чувства, то всѣмъ этимъ можно бы вдоволь ихъ угостить—въ душѣ измѣнника, легкомысленно прогулявшаго образцовую спутницу жизни. Зачѣмъ уходить невинную? Въ наше время, нужны и въ поэзіи чувства здоровыя; новѣйшій поэтъ долженъ быть праведною судьбою создаваемыхъ имъ лицъ.

Занимательно видѣть, какую силу обнаруживаетъ пародъ, даже, въ своемъ стремленіи противъ рѣки, если проходить близъ берега: отъ огромнаго перекатнаго вала дѣти бѣгутъ съ веселымъ крикомъ; лодки, стоящія на сушѣ, всплываютъ и перебрасываются; утки, у края рѣки, катятся навзничъ вверхъ по берегу. Ловлю подобной мелкой картинности въ природѣ нѣмецкій поэтъ Эвальдъ Клейстъ—храбрый ратникъ Фридриха Великаго—называлъ «охотою за поэтическими картинками!» (*poëtische Bilderjagd*). Положимъ, охотиться не надобно за такими картинками; но, мимоходомъ, наблюдать ихъ и, съ выборомъ и со вкусомъ, употребить въ ландшафтной живописи стихотворенія, или поэмы, или даже романа—это дѣло похвальное и пріятнѣйшее для образованнаго читателя, чѣмъ грубые и грязные

земли первого народа, испытывающие столько страданий, бедности, без всякой художественной цели, без другого направления, кроме изколашения, чиня бы то им было, чиня дурную страданья.

Сидя, немая через сильный, но шумя, но крайней мере — днем, уже не опасный волновороть, поля Сантья-Гарронь. Тенора Райн круто огибает. *Лурлея здесь*, который соединится почти отменно, въ дикомъ волнѣнн, и складывается своимъ многократнымъ отголоскомъ и чудными снадами о днѣ Лурлея, существовавшей еще за долго до Минервиногерокъ. Говорятъ, на темени этого утеса сидитъ прекрасная волшебница, чешетъ свои золотые, длиннонаспадящие волосы и поетъ пѣсню очаровательную, неострашно привлекающую всякаго, кто бы ни проважалъ. Въ сладостномъ забвеніи, несчастный не оберегается опаснаго вѣста. Пѣсня умолкла: спокойно и холодно дѣва глядитъ на погибающаго — и когда опрокинулась лодка его, когда волны сшибаеся высоко надъ его головою, тогда опять начинается дивная пѣсня сирены!... Или это сколокъ изъ Цирцея Гомеровой, или оригинальная германская аллегорія о равнодушіи природы, при смерти человѣка, ея восхищеннаго — природы, единственно занятой вѣчнымъ измѣненіемъ своихъ житейскихъ процессовъ, такъ, что — по словамъ одного новѣйшаго поэта итальянскаго, графа Лепарди, влагаемымъ классически въ уста Марка Брута, «ни одна звезда не поблѣднѣетъ отъ нашей смерти!» Не только ни одна звезда не поблѣднѣетъ, но и самый ничтожный звѣзтокъ не поблекнетъ отъ того, что умираетъ человѣкъ — царь созданий! А развѣ ему нужно это романтическое участіе? Въ сознаніи своего величія, онъ отходитъ къ своему Творцу, а земная природа пусть себѣ поетъ равнодушно свою милую пѣсню и чешетъ свой золотой волосъ... то, что плѣняло насъ, въ наше странствіе по землѣ, да плѣняетъ и нашихъ потомковъ, изъ рода въ родъ!... Если бы явилась, на своемъ утесѣ, влатовласая Лурлея, она напомнила бы мнѣ мою златочелювую Минервиночку въ Эгерскомъ замкѣ... такъ какъ волшебница не заблагоразсудила явиться, въ нашъ вѣкъ

прозаическій—то мы палили нѣсколько разъ нѣмъ шумѣть, чтобы потѣшиться хоть многократнымъ эхомъ; но отголоски были довольно ничтожны,—отъ дурной ли погоды, то есть отъ влажнаго, густаго воздуха, или оттого, что никакое очарованіе поэзіи не выдержитъ грубо-вещественнаго надъ нею опыта?

Утесистые, живописные берега! Я распространился бы слишкомъ, еслибы упомянулъ о каждой развалинѣ, о каждомъ прибрежномъ замкѣ и мѣстечкѣ: сдѣлаю только одно замѣчаніе. Меня не удивляетъ нисколько, что Рейнъ такъ чрезвычайно богатъ романтическими преданіями: еслибы средіе вѣка и не передали намъ ни одного,—всѣ эти преданія рождались бы столь же фактически и чудесно въ воображеніи повѣйшаго путника, сколько нибудь знакомаго съ средними вѣками и чувствующаго красоты природы: это происходитъ отъ безконечно-романтическаго характера мѣстности! Развалины, утесы, остатки старинныхъ временъ—сами рассказываютъ чудесныя повѣсти; не нужно доискиваться ихъ въ книгахъ.

Подъ городомъ Каубомъ вы изумлены оригинальнымъ явленіемъ: посреди русла Рейна стоитъ замокъ, похожій на каменный корабль: это древняя Палація (Пфальцъ). Въ этой фантастической надводной темницѣ когда-то сидѣла также любящая Геро, которой Леандеръ—тайно съ нею обвѣнчанный—былъ матерью ея допускаемъ къ ней, въ видѣ пилигрима. Вездѣ любовь—и вездѣ гоненіе на любовь! Самое чудесное въ этой чудной Палаціи есть колодець, не получающій своей воды отъ Рейна. Приличный эрмитажъ для мыслящаго ума: этотъ колодець, съ своимъ собственнымъ ключомъ, посреди *общихъ* водъ, —какой превосходный символъ Высшаго существа, которое въ груди своей носитъ первобытный истокъ своей жизни! При входѣ въ такъ называемую Бингенскую Нору (Bingerloch), на небольшомъ каменистомъ островѣ, торчитъ ославленная *башня мышей*, гдѣ, по преданію, эти мелкіе гады зашли до смерти майницкаго владыку *Гатто*—потому-что онъ, во время голода вѣзлъ

сжечь въ одномъ изъ своихъ хлѣбныхъ сараевъ народъ, сперва смиренно просившій хлѣба, а послѣ жестокосердаго отказа, возшумѣвшій отъ отчаянія—и при вопляхъ этихъ несчастныхъ, среди пламени, воскликнулъ злорадно: «Послушайте, какъ пищать мои хлѣбныя мыши!» Лишь только кончилось всеожженіе, — появилось несметное стадо мышей и бросилось на Гатто. Онъ спасся отъ нихъ: онъ вездѣ за нимъ по пятамъ. Онъ думалъ отдѣлаться отъ этой страшной напасти, переѣхавъ на тотъ островокъ и запершись въ башню, но мыши переплыли Рейнъ, проникли въ башню и заѣли тирана! Смиѣйтесь, если угодно, однако согласитесь, что умнѣйшая сентенція нравоучителя не произведетъ, на простой умъ человѣческой, столь глубоко нравственнаго впечатлѣнія, столь потрясающаго страха мздовоздолательной судьбы, какъ это чудное преданіе! Уже ли имъ не воспользуются новѣйшіе французскіе писатели, охотники до всего оригинальнаго, въ диковинно-страшномъ родѣ? Это тѣмъ возможнѣе, что теперь и дамы не брезгаютъ мышамъ: искусственная мышь есть одна изъ изыскательныхъ принадлежностей туалета свѣтской женщины. Если *рыцарская* башня нѣсколько *ославлена* тѣмъ, что *мыши* такъ и взяли ее съ бою, то она же и *прославлена* геройскою защитою *семи* Германцевъ противъ цѣлаго отряда вонновъ Густава-Адольфа: гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость Немезиды.

Подъ Бингеномъ, рѣка, дѣлая значительный изгибъ, становится широка и весела. Насупротивъ горорода, на правомъ берегу, простирается ровная, прекрасная, довольно высокая гора Рюдесгеймская. Не много повыше, около Ингельгейма, гдѣ былъ любимый императорскій дворецъ Карла Великаго, разширившійся Рейнъ образуетъ живописные острова. Мы проѣзжали мимо привѣтнаго, миловиднаго Бибериха, резиденціи герцога Нассаускаго и устремляли взоры къ хребту Тавна, черезъ который лежалъ нашъ путь въ Эисъ.

Майнцъ передъ нами: мы видѣли лучшія мѣста Рейна! Мы провели день, богатый наслажденіями. Невозможно изобразить, даже въ бѣглыхъ очеркахъ, *всею*, что прохо-

дѣть по душѣ, въ эту увеселительную поведку. Если бы мнѣ искать себѣ пріюта на знаменитомъ прогнанинѣ Рейна, отъ Майнца до Кобленца, то я выбралъ бы какой-нибудь уголокъ, между Бингенонъ и Бибрихонъ: Рейнъ тамъ столь привѣтливо свѣтелъ и открытъ! После долгаго бѣга по мѣстамъ не занимательнымъ, и до многотруднаго пути черезъ утесы, онъ будто напоминаетъ таю овою бурную юность въ Швейцаріи — тихую улыбку зрѣлаго мужа, и ликъ его одушевляется лонимъ веселіемъ. — Отголосокъ извѣданныхъ, въ этотъ день, наслажденій привелъ меня въ такое хорошее расположеніе духа, что я, болѣе часа по прибытіи въ Майнцъ, безъ малѣйшей досады странствовалъ по трактирамъ, переполненнымъ гостями, покуда, наконецъ, не помѣстился въ гостиницѣ Трехъ Вѣнцовъ, гдѣ и почта. Вечеръ провелъ я одинъ, за письменнымъ столомъ, въ путевыхъ воспоминаніяхъ. Часто раздававшійся почтовый рогъ не мѣшалъ мнѣ нисколько; я браню свѣтскую суету, когда она меня увлекаетъ въ свой волноворотъ; но мнѣ пріятно, если издали, отъ времени до времени, мірское житье-бытье перелетаетъ звуками въ уединенную жизнь моего духа — или пѣсней женщины, или сигналомъ почтоваго рога. Рогъ безпрестанно трубилъ, нежный голосокъ иногда запѣвалъ; мнѣ хотѣлось, чтобы раздался и выстрѣлъ съ крѣпости Друзова Камня: этотъ гулъ изъ древняго Моргунціакума дерекатывался бы важнымъ голосомъ Рама надъ мелкою хлопотливостью и праздною мечтательностью нашихъ временъ... но выстрѣлъ не раздавался.

Я осматривалъ соборную церковь, разрушенную въ революціонный походъ, и въослѣдствіи возобновленную. Замѣчательнъ епископскій клиросъ, съ своими старинными дубовыми сѣдалищами. Надъ мѣстомъ епископа изображенъ, на конѣ, патронъ собора, Св. Мартинъ, который оторванную имъ полу отъ одежды своей даетъ нищему. — Надъ могильною, старинными письменами покрытою доскою Фастреды, супруги Карла Великаго, онъ самъ, какъ повѣствуетъ преданіе, повѣсилъ серебряное верете-

но: стало быть, слава отличной хозяйки была тогда еще лучшею похвалою женщины! Вероятно Фастреды давно почезло, как пропала и домовитая добродытель. Что ни говорите, а вероятно самый милый атрибутъ женщины, возбуждающій въ насъ граціозныя о ней идеи. — Древняя ирландская купель привлекаетъ вниманіе, но обдѣлка ея довольно груба. — Металлическія двойныя двери, также древнихъ временъ, такъ тяжеловѣсны, что едва двѣтаются на своихъ петляхъ отъ всей напряженной силы одного человѣка. — Майнцъ былъ главнымъ гнѣздомъ, гдѣ Миннезингеры иебетали и трелили свои павношья иессенки. Здѣсь невольно вспомнишь объ нихъ: въ одномъ изъ соборныхъ переходовъ показываютъ могилу Генриха изъ Мейссена, шанта, прозваннаго *Женохваломъ* (*Frauhold*) за то, что онъ восхвалялъ добродытели женщины. Доска изъ краснаго песчаника, съ бюстомъ его, полувыпуклой работы; внизу — гробъ его, несомый благородными дамами. Къ этой странной погребальной почести Миннезингеру преданіе присовокупляетъ, что *все* жены и дѣвочки Майнца съявляли, въ глубокомъ траурѣ и въ великой скорби, за гробомъ, несомымъ знатными госпожеями, Преданіи пѣта земль, прекрасный полъ, на медаль его, сыпалъ столько цвѣтовъ и возлавлялъ столько драгоцѣннаго рейнвейна, что засорили и потоптили весь церковный престоветъ. Я видѣлъ въ одномъ русскомъ селѣ, на Волгѣ, что гробъ молодой дѣвушки несли сельскія дѣвочки, подружки ея, — съ распушенными волосами, съ жадобными лавономъ — и это зрѣлище было глубоко-умидательное. Но, вслѣдъ я быль свидѣтелемъ оригинальныхъ похоронъ женохвала Генриха, то зашевелилось бы во мнѣ совсѣмъ другое чувство, и я, кажется, не могъ бы воздержаться отъ нѣкоторыхъ критическихъ замѣтокъ, напримѣръ: не лучше ли оставить свѣтъ *безъ* имени, безъ почетнаго титула, нежели съ прозвищемъ Женохвала, доказывающимъ, что весь *житейскій* *подвигъ* этого мужа заключался въ приторныхъ гнѣнахъ прекрасному полу! Не лучше ли для насъ, не возбуждать никакого женскаго участія, чѣмъ

до такой степени возбудражить, всѣхъ женщинъ доволно большаго города, довести молодыхъ дочерей земан до такого параднаго уличенія въ женскомъ тщеславіи: будто бы превосходнѣйшій изъ мужчинъ тотъ, кто возноситъ женщинъ въ своихъ стихахъ! Наконецъ, въ третьихъ, не лучше ли было бы, вместо этихъ неприличныхъ языческихъ возліаній, пожаловать драгоценный, по пустому изведенный рейнвейнъ добрымъ работникамъ, трудолюбиво кончившимъ свою поденщину, дабы вино было выпиваемо ими съ пользою, въ память и за упокой пѣнта женохвала — и даже оставить на стебелькахъ эти цвѣточки, которые, въ саду или въ полѣ, могли бы еще радовать не одного нежнаго Миннезингера и не одну мечтательную Нямочку? Не говорю о томъ, какъ неприятно должно быть и для жертваго мужчины, что его носуютъ дамы, что онъ въ гробъ грѣшитъ противъ рыцарскихъ понятій объ уваженіи къ прекрасному полу! — Какъ неприятно даже для изнѣженнаго женохвала, но уже просвѣденнаго и закаленнаго смертью, долженствовало быть и то, что гробъ его, увитый гирляндами изъ мартышекъ, розъ и лилій, походилъ на женское подвѣнечное платье! Покуда живъ поэтъ, да любить его и лелѣютъ женщины, какъ угодно: это будетъ милое съ ихъ стороны благодѣяніе тому, кого судьба художничья выдаетъ мужскимъ преслѣдованіямъ! Но, если онъ выстепалъ въ міръ свой вопль о совершеніи своей земной судьбы, такъ суровое величіе смерти не терпитъ цвѣтовъ и любовной суетности и напрасныхъ возліаній! Женщины священнымъ бальзамомъ своихъ слезъ да омоютъ раны сердца его, да поцѣлуютъ его — послѣднимъ цѣлованіемъ — и да предоставятъ мужамъ хоронить мужа! И бѣдному женохвалу Генриху не было никакой пользы въ томъ, что красавицы похоронили его на такой свадебный манеръ: при перестройкѣ собора, темные работники, по невѣднію, разбили могильный памятникъ пѣнта; нынѣшній есть подражаніе прежнему, изъ памяти! Подумаешь, что такое

слава. Не довольно того, что знаютъ *дамы* — нужно, чтобы знали и *чернорабочіе* о достоинствѣ поэта!

Изъ собора отправился я къ статуѣ Гуттенберга, на площади, по немъ названной. Модель сдѣлана Торвальд-сеомъ; статуя вылита въ Парижѣ. На подножій латвскія надписи: одна изъ нихъ гласитъ, что деньги на монументъ собраны по *всей Европѣ!* Германцамъ, въ иныхъ вещахъ, не достаеъ тонкаго такта! По всему міру можно бы собирать пособие на отстройку кельнскаго собора, который, будучи самъ нркій міръ, и относясь ко всему міру, какъ чудо искусства, своими требованіями окончанія превосходить, можетъ быть, излишекъ финансовыхъ средствъ одной Германіи; но, чтобы соорудить, на площади майнцской, весьма обыкновенный памятникъ *Нльцу* — изобрѣтателю книгопечатанія — уже ли на это не хватило *нѣмецкихъ* денегъ? — Гуттенбергъ изображенъ въ костюмѣ своего вѣка: въ шапкѣ, въ германской шпанкѣ, въ туфляхъ! важное, глубокоемысленное выраженіе его лица какъ-то не согласуется съ этимъ *шпикбюргерскимъ* нарядомъ; но особенно забавенъ гульфикъ, или клапанъ, въ подбрюшной части одежды! Такая щепетильность, такая излишняя вѣрность современной модѣ должна бы была уступить высшимъ требованіямъ искусства: въ глазахъ челоѣка, склоннаго къ насмѣлкѣ, этотъ шутовской клапанъ уничтожить всего Гуттенберга!

Около трехъ часовъ по полудни, мы рѣкою же отправились въ Мангеймъ. Пароходъ полонъ, какъ голубатникъ. День жаркій, прекраснѣйшій. Берега Рейна уже не живописны, но все еще не лишены какой-то милости. Ясное небо наводитъ на рѣку пріятный цвѣтъ. Вотъ Оппенгеймъ, гдѣ Русскіе перешли черезъ Рейнъ; не много выше видится Шведскій столбъ, въ память перехода Густава Адольфа и победы его надъ Спиролюю. Ночь застигла насъ прежде, чѣмъ доплыли мы до знаменитаго Вормса. Я очень сожалѣлъ о томъ, но не въ отношеніи къ Лютеру, который рѣшился явиться туда,

из Нинерский Сеймъ, для оправданія своего нововведенія, хотя бы въ Ворвезъ было больше чертей, нежели черешницъ на крышахъ домовъ! Мнѣ котлоосъ бы видѣть, подъ Ворвезомъ, Рейнскій островъ: *Розовый садъ*, гдѣ жила Кригльда, и гдѣ совершались приключенія гвсиа Нибелунговъ. Воображеніе мое наполнилось этой гитавтскою эпопеей, которая, за невмѣнїемъ Ворвса, разыгрывалась для меня около Гернегейма, въ фантастическомъ замкѣ облаковъ, посреди равнина прекрасной вечерней зари: по западу будто извивался широкой черниной Рейнъ, омывая тотъ замокъ, который казался прототивомъ существенныхъ замковъ на Рейнѣ... о прекрасное зрѣлище!

На пароходѣ находилсь, въ сопровожденїи своего брата, двѣ молодыя хорошенькія Англичанки, съ паразитическимъ между собою сходствомъ. Представился мнѣ удобный случай заговорить съ одною изъ нихъ, и, на вниманїе мое, что вижу ее въ двухъ видахъ, она мнѣ сказала, что онѣ — *soeurs jumeles* — (двойнищныя сестры)! Кто самъ этого не испыталъ, тотъ не повѣритъ, какъ страшно видѣть одну и ту же красоту живую въ двухъ телесическихъ видахъ! Врѣвнѣ, невозможно различать ихъ другъ отъ друга: ростъ, примѣты, формы, обращенїе, даже мнїека и самый голосъ у обѣихъ — все одинаково! Каждая изъ нихъ, *отдѣльно*, могла бы воспламенить сердце мужины; но какъ ихъ двѣ въ *одномъ* видѣ, то и двоится наше къ нимъ вниманїе, и выборъ остается совершеннымъ: по ровну раздѣленное вниманїе къ нимъ не можетъ слиться въ одно главное, преимущественное чувство! Одна сестра противоудіе другой, могущество обоегодыхъ прелестей уничтожается взаимнымъ противоудіемъ — о мудрая природа! Казалось, этотъ день былъ назначенъ поражать меня двойнищнымъ сходствомъ: еще до появленїя Англичанокъ, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Майнца, на почтовой площади, встрѣтилъ я одну женщину, у которой было двое дѣтей на рукахъ, на каждой по одному годовалому мальчику — страшно, но мило! Я былъ пораженъ чрезвычайнымъ сходствомъ этихъ двѣ

переселой и узнавать, что они близнецы! Что, если и действительно так? Тогда, въ этомъ знаменательномъ явленіи, осуществится идеалъ братской дружбы!

Темная звездная ночь; нѣтъ ни малѣйшаго дымянія ветра; два фонаря горятъ на верху мачты. Однозвучный шумъ пареходныхъ колесъ клонить къ сну. Насъ было только трое въ щегольскомъ, нами нанятомъ каюльонѣ: всѣ остальные пассажиры должны были кое-какъ помѣщаться въ тѣсномъ салонѣ, или дремать на палубѣ. Я сожалѣлъ о миленькихъ Англичанкахъ; онѣ вошли было въ каюльонъ, будто бы для того, чтобы позабавовать нашему боярскому простору — и весельно оступили. Двое изъ насъ согласились отвратить къ нимъ посла, съ предложеніемъ мѣста или обѣды и брату ихъ; но третій противорѣчалъ.... и это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей, въ своей юности прозванный Алкивиадомъ! Но онъ достигалъ тѣхъ лѣтъ, когда мужчина уже не чувствуетъ идеальнаго запаха дѣвственной юности и красоты, называемаго Французами *parfûm de jeune fille!* Ужели суровыя лѣта постепенно отнимаютъ у насъ все, даже идеальное чувство къ женщинамъ? Этотъ идеальный запахъ никогда не бываетъ наипыней, а былъ бы необходимъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все-таки попадаются смолою и каменнымъ угольемъ. Не только на кораблѣ, но и на сушѣ, въ шлюзѣ, гдѣ толпятся одни мужчины, воздухъ дѣлается какъ-то горекъ и тяжелъ! Пустыня гуда хощетъ одну женщину — разуйтется, молоденькую, королеву — и отворить окна не надобно: женщина, чистѣйшее насъ существо, дышетъ чуднымъ сладкотворомъ (такъ насъ переводили *окугёне*), ошпаивающимъ въ минуту воздухъ! Книжки перебираютъ всѣ роды газовъ и еще не замѣтили самого лучшаго изъ нихъ: жемскаго сладкотвора! Идеальное ускользаетъ отъ материалиста. Рвоніе *востальныхъ* (неидейскіе чиновники для похоронъ) были гораздо славнѣе нашихъ чиновковъ: на десять мужскихъ гдѣ чѣ-

нато народа, не обливаемых по смерти драгоценными горючими веществами, клали они по одному женскому труну — и весь одиннадцать тьмь всегда догорали до тла! Это тот же сладкотворъ, который восхищает насъ въ жизни! Сколько должно быть этого дивнаго газа въ резервуаръ женскаго сердца, когда и по отлетъ души, достаётъ его на десятокъ мужскихъ тьмь! Но всѣмъ этимъ не убѣдился нашъ третій товарищъ. Мнѣ стало душно въ павильонъ: я пошелъ просвѣжить чувства благовоиенъ милыхъ розъ альбiонскихъ. Я велѣлъ подать ужинъ и сѣлъ насупротивъ Англичанокъ. Вступитъ съ ними въ разговоръ я не рѣшался: онъ казался слишкомъ сонливъ! головки склонялись къ стѣнкѣ и глаза закрывались. Быть нужды: розы дышать слаще, таинственнѣе во время сна и ночи! Спокойствiе есть самое лучшее для красоты положенiе, нормальное ея состоянiе; а дремота ея — милая, какъ, дремота дитяти, такъ занимательно выдаетъ намъ душу ея, уставшую отъ игръ и потѣхъ житейскихъ и не просящую ничего, кромѣ отдохновенiя, сладкаго сна... Баю, баиньки баю! — Около двухъ часовъ въ полночь, прибыли мы въ Мангеймъ. Дорога отъ пристани до Рейнскаго подворья довольно значительна для пѣшехода: экипажей не было. Дождаться ихъ я не имѣлъ терпѣнiя, и отправился *per pedes*, въ сопровожденiи одного Француза. Онъ болталъ безъ умолку и такъ забавно; что я будто не шелъ пѣшкомъ, а катился на перекатахъ его бѣглой бесѣды. Если не могу имѣть спутницею милую Англичанку, то пусть трезвонитъ въ мой слухъ языкъ Француза!

Мангеймъ — городъ веселаго вида, въ совершенно правильныхъ квадратахъ; угольные здания — въ три яруса; всѣ остальные въ два. Такая правильность нова и оригинальна на Рейнѣ, гдѣ все дышетъ природною неправильностью романтизма. Улицы этого классическаго оазиса чисто выметены; но обонянiе страдаетъ отъ дурнаго запаха: по обѣимъ сторонамъ каждой улицы течетъ по одному нечистому ручейку! Ужели Германiя не достаётъ того простаго практи-

чужаго ума, который претитъ заливать немом на улицы и превращать чистый городокъ въ зловонное болото?

День былъ ясный и жаркій. Я гулялъ по городу, безъ цѣли, и вдругъ-очутился у воротъ лютеранскаго кладбища. Вспомнить, что тамъ погребень одинъ знакомецъ моего отца, бывший ревельскій житель—Коцебу, я вошелъ въ ограду. Могила его посреди дороги; въ то время еще не было этой дороги: она сдѣлана послѣ—будто бы Коцебу и теперь еще заграждаетъ путь Германіи, какъ некогда утверждали его враги. Памятникъ его состоитъ изъ дикихъ, массивныхъ, другъ къ другу придвинутыхъ камней, покрытыхъ доскою изъ песчаника, которая обдѣлана волнообразно; на ней другой песчаникъ, ребромъ поставленный кубъ. На одной сторонѣ—имя и мѣсто, день и годъ рожденія и смерти; на другой—нѣсколько стиховъ изъ «Младшихъ дѣтищъ моего дяди!» Плющъ вьется около памятника. Посажень ли онъ любовью или ненавистью? Любовь ли хотѣла имъ означить важные обывы? или ненависть намѣкаетъ, что эта нѣжность есть только ложный видъ; что истинное свойство плюща: метопать обвитое вѣтеницами его? Къ чему такая двушмысленность на могилѣ несчастнаго мужа, который, и послѣ 20-лѣтняго смертнаго сна, еще не возстановленъ въ обители мѣстна Германіи! Послѣ ига Французовъ, Германія кинулась было въ противоположную крайность: Коцебу считалъ себя призваннымъ побороть это опасное стремление оружіемъ ума—и палъ жертвою фанатизма!

Ко мнѣ подошелъ сынъ могильщика, человекъ лѣтъ 25, держа за руку двухъ малютокъ. Ему хотѣлось выслужить что-нибудь, въ качествѣ чичероне! Онъ показывалъ мнѣ нѣкоторые изъ лучшихъ памятниковъ. Вдругъ, посреди разсказа о какой-то старушкѣ, проводникъ мой произнесъ: «Тамъ, въ сверномъ углу кладбища, зарытъ Зандъ!» (Убийца Коцебу). Онъ примолвилъ, что онъ отрокомъ, на рукахъ своего отца, былъ свидѣтелемъ казни преступника и стоялъ же далеко; что отецъ его зарылъ тѣло въ полночь; что голубу положили въ сложенные руки. Я его спросилъ: такъ ли обычай, относительно обезглавленныхъ? Онъ не

жизнь. «Что значить?» — сказала я — «смерти ты жертвешь. Одинок воззри: воинская голова моя отсечена! Ты судишь, ведь на землю.... прости же меня на небесах!» — Лучше бы быль, еслбь ослепленный фатализм постигъ эту истину, волею въ послѣднюю минуту жизни; еслбь онъ, съ высоты зиншета, вѣсто задорнаго возгласа, выскзалъ во весь народъ христіанское сознаніе своей вины и уразумѣніе душегубнаго грѣха, что темный человекъ — ничтожная единица людская — вѣсто свѣтъ воображалъ себя избранникомъ нарушителемъ законовъ Божіихъ и государственныхъ въ, синагогѣ, въ видѣ палача, вмешиваться въ дѣло Провидѣнія. Преступникъ не нарекъ того раскаяніа: съ могилы его навѣваетъ невыносимо тяжелого грустью!

Я продолжалъ прогулку по городу и нашелъ на дворцѣ, онъ огромнаго размѣра и простираетъ свои широкія крылья къ городу, подобно чадолюбивому князю, который хотѣлъ бы объять весь свой народъ! Я проникъ въ дворцовый садъ и присталъ въ свѣжей тѣни каштановаго дерева, стою испульмискаго, что оно могло бы неспорить со всемирнымъ эсеиномъ Идраанлемъ, въ сѣверной мисологіи. Повсюду еще свѣжал роскошная зелень; расположеніе группъ деревьевъ въслелое, живописное. Садъ былъ довольно оживленъ гуляющими; дѣти перхали по полянамъ, какъ вострыя бабочки; женщины и дѣвушки, просто и оиратно одѣныя, ходили весьма чинно, небольшими партіями. Знатнаго общества не было: увеселительнымъ мѣстомъ двора Великой Герцогини Стефаніи, за отсутствіемъ ея, завладѣли сельскія и геролькія нимфы. Мужчинъ было очень мало: трудолюбивый Навенъ мало гуляетъ. Только тамъ и сямъ мелькали солдаты, очень небрежно одѣтые. Привыкшему къ молодецкой выправкѣ и стройной нарядности русскаго солдата, нельзя безъ досады смотреть на эту небрежность и мѣшкватость, свидѣтельствующія объ отсутствіи порядка, дисциплины, энергіи—всего, что составляетъ стихію этого почетнаго званія.

Возвратясь въ свою гостиницу, я очутился одинокъ: оба товарища мои уѣхали съ утра, не пожелавши смотреть Мангеймъ и назначивъ мнѣ сборное мѣсто. На свѣжѣмъ воздухѣ

мнѣ очень хорошо, и ничего не надобно; но въ пустой квартирѣ своей, когда нѣтъ расположенія ни къ писанью, ни къ чтенію, подкрадывается ко мнѣ какое-то странное чувство одиночества, котораго я прежде знать не зналъ: бывало, чѣмъ совершеннѣе—чтобы не сказать *обсолютнѣе*—удовольствіе, тѣмъ и лучше; тѣмъ способнѣе я погружаться въ предметъ, которымъ занимаюсь! Обманывалъ ли я отъ душевной расточительности, въ моей юности? Или прямое, естественное чувство, влекущее насъ къ *другому* существу и, въ развитія своемъ, у меня, долго подавляемое стремленіемъ идеальнымъ, получаетъ теперь болѣе простора, когда вдохновенію и восторгъ ума чаще прерываются житейскими нуждами и неприятностями? Одною изъ этихъ житейскихъ неприятностей было то, что, въ благовидной гостинницѣ, голодная нѣмецкія крысы не давали мнѣ спать во всю ночь! Русскій мужикъ, воужинавъ, бывало отрежетъ порядочный ломоть хлѣба для своихъ домашнихъ таракановъ, дабы, подъ хлѣбосолюною сѣнью его, и *эта* тварь Божія не голодала, пока онъ не вздумаетъ выморозить ее, потерявъ тарѣнныя; но аккуратный Нѣмецъ съ своего стола не сринитъ и крошки, для своихъ домашнихъ мышей и крысъ, и онъ безпробоятъ усталыхъ путешественниковъ. Эта бессонница была тѣмъ неприятнѣе, что диллижансъ отходитъ въ пять часовъ утра.

Еще не разсвѣтало, когда мы отправились. Бзаять мучительно-тихо, но сибяютъ лошадей на станціяхъ такъ скоро, что не успеешь выпить на станціи и чашки кофе. Чувствуя большой голодь, я бранилъ несправедливый рассчетъ такой вѣды, которая отнимаетъ у путешественника необходимое на пищу и отдыхъ время. «То ли дѣло у насъ въ Россіи!»—воскликнулъ я: «не ѣдешь, а летишь! на станціи же отдыхаешь, приводишь въ движеніе застолявшуюся въ ногахъ кровь, и забываешь, что находишься на дорогѣ! Вотъ истинное житейское просвѣщеніе, которое вы должны *ощъ* насъ перенять—истинное потому, что вся жизнь человѣческая есть путешествіе, странствіе: Это мнѣніе вполне

одобрить сидящій подлѣ меня германскій воинъ наполеоновскій, познакомившійся съ Россією, въ кампанію 1812 года. Онъ вспоминалъ о прекраснѣйшей погодѣ, предшествовавшей морозамъ: «Въ октябрь тамъ были дни, какіе не всегда бываютъ и въ Южной Германіи! Французы тогда говаривали, что напрасно бранять климатъ Россіи. Онъ рассказывалъ мнѣ нѣсколько занимательныхъ анекдотовъ изъ этой бѣдственной для нихъ кампаніи. Восторженное пристрастіе его къ тогдашней французской арміи отнюдь не согласовалось съ его столбовымъ нѣмецкимъ нравомъ. Я ему замѣтилъ, что онъ, вѣроятно — Эльзасецъ? Онъ далъ отвѣтъ отрицательный, но смѣшался, понявъ сатиру моего вопроса. Онъ безмолвствовалъ минутъ пять, будто ретируясь отъ моей выходки; но такъ какъ воинъ наполеоновскій привыкъ ободряться на ретирадѣ, если только не смѣшномъ холодно, то мой французскій Нѣмецъ снова принялся вспоминать о походахъ того времени, и началъ очень оригинально, обратясь ко мнѣ: «На аванпостахъ, въ такомъ-то мѣстѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ вашимъ Илитовымъ!» По такому вступленію, я никакъ не догадался, что это значить полученную рану, отъ казачьей пики, сзади, ниже поясицы! Мы всѣ захохотали. Говорунъ увидѣлъ, что онъ зарепортовался и, чтобъ поправить ошибку, признался наконецъ, что онъ, послѣ того, отсталъ отъ Французовъ, ревностно служилъ дѣлу Союзныхъ Монарховъ и, за храбрость, получилъ орденъ св. Владимира.

Въ Карлсруэ, я только имѣлъ время пообѣдать и замѣтить, что городъ выстроенъ въ видѣ опахала; улицы или прямыми, или согнутыми радіусами выходятъ ко дворцу: аллегорическое изображеніе любви народа къ властителю, въ противоположность Мангейму, гдѣ властитель аллегорически обнимаетъ народъ, какъ я замѣтилъ выше. — Въ Раштадтѣ вспомнилъ я о принцѣ Евгеніи, о маршалѣ Вилларѣ, о загадочномъ убіеніи французскихъ пословъ, въ исходѣ прошедшаго вѣка.

Около 4 часовъ по-полудни, прибыли мы въ Баденъ-

Бадець, по дорогѣ прекрасной и совершенно ровной. Окрестныя мѣста этого города, живописно лежащаго въ Черномъ бору (Шварцъ-Вальдъ) можно назвать обширнымъ паркомъ. Развалины древняго замка, на теменн значительной горы, смотрятъ съ величественною важностью старины на пеструю, блистательную жизнь нынѣшняго купальнаго міра, движущагося въ долину. Съ террасы новаго замка я долго глядѣлъ на эспланаду конвѣрсационнаго дома.... Стоило бы только сойдти и вмѣшаться въ эту знать, съ виду столь очаровательную! Но что-то неодолимое удерживаетъ меня на удивенной высотѣ, гдѣ духъ пустыни ведетъ со мною бесѣду и внушаетъ мнѣ мысли и чувства, какихъ не навѣялъ бы тотъ приземистый свѣтъ, дышащій искусственнымъ благовоніемъ и мишурнымъ блескомъ. Тамъ, внизу, раздаются временныя выгоды и почести; сюда, на высоту, оттолкъ возсылаютъ нужды и лишенія; но пустынный, который не иначе могъ бы подружиться со свѣтомъ, какъ въ ущербъ для высшей экономіи души, терпитъ нужду, покренъ совѣстью, и ставитъ себя выше всѣхъ земныхъ выгодъ и почестей тою мыслию, что не онъ получаетъ отъ людей, но даетъ свою ленту людямъ—то, чего міръ не можетъ.

Еще до прибытія въ Кель, я увидѣлъ Мюнстеръ Страсбургскій.... издали, онъ не производитъ впечатлѣнія. По обѣимъ сторонамъ дороги собирали сѣно, свѣжій запахъ котораго наполнялъ воздухъ. Этотъ запахъ пріятнѣе для меня всякихъ нѣжныхъ благовоній и всякихъ парижскихъ духовъ. Я отправился къ берегу Рейна и перекинулъ взоръ во Францію. Я думалъ переѣхать туда на другой день, но съ утра до вечера шелъ такой дождь, что нельзя было и изъ комнаты выйдти. Зачѣмъ этотъ завѣтный для меня день такъ печаленъ въ физическомъ мірѣ? Но что мнѣ до физическаго міра? Я имѣю дѣло только съ моральнымъ! Этотъ день былъ тихъ и свѣтелъ, и прекрасенъ въ чувствахъ и въ молитвахъ души моей! На слѣдующее утро погода была такъ хороша, что я рѣшился иди пѣшкомъ въ Страсбургъ, что-

бы не имѣть никакихъ хлопотъ съ французскою таможеню. Съ страннымъ чувствомъ попыралъ я почву Франціи.... После столькихъ бурь и переворотовъ, этотъ злополучный край еще не успокоился въ гражданственномъ согласіи и благо-разуміи! Подобно чудовищу, побѣжденному властителемъ небесъ и заваленному Этною, онъ, въ скованныхъ силахъ своихъ, кипитъ шумнымъ броженіемъ и сдѣлался обширнымъ вулканомъ. Скоро ли выгоритъ этотъ вулканъ?

Подлѣ дороги, памятникъ генералу Дезе (Desaix), когда-то столь храбро защищавшему кельское мостовое укрѣпленіе. Я своротилъ къ монументу. Самъ по себѣ, онъ не важенъ, но много внушаетъ размышленій: это тотъ же Дезе, который съ Наполеономъ былъ въ Египтѣ; по словамъ перваго консула, рѣшилъ побѣду подлѣ Маренго и, за нее заплативъ жизнью, проложилъ Наполеону дорогу къ градушему величію его. Могила Дезе—въ монастырѣ св. Бернарда, въ высочайшей обители земной. Наполеонъ все хотѣлъ сочинить ему эпитафію, но позабылъ. Лучшею эпитафіею было бы, для Дезе, данное ему жителями Каира прозваніе *справедливаго Султана*! Слава Аристиды стоить всякой другой славы! Это именно та слава, которой тѣмъ болѣе набѣжить, чѣмъ меньше ищешь ея, по словамъ Саллюстія о Катонѣ, въ «Катилинахъ»: *quo minus gloriam petes, eo magis sequeratur!*

Этотъ оборотъ моей мысли, этотъ титулъ «справедливаго» привелъ мнѣ на умъ «Манифестъ къ Аоніанамъ» императора Юліана, начинающійся именно ссылкою на общенародное въ Аоніахъ уваженіе къ справедливости и на извѣстный докладъ Аристиды о важномъ секретѣ Семистокла — и не даромъ померещился мнѣ Юліанъ: будучи еще только *цезаремъ* (т. е. полу-императоромъ, чѣмъ-то въ родѣ наследнаго принца) онъ здѣсь, подлѣ Страсбургонъ, совершилъ свой первый блистательный подвигъ ратный, съ малочисленнымъ войскомъ разбилъ втрое сильнѣйшую рату мужественныхъ Аллемановъ, предводимыхъ грознымъ царемъ Хведомаромъ, который тутъ же попалъ въ плѣнъ.

Эта победа замечательна еще по другому обстоятельству: въ битвѣ, шесть сотъ отборныхъ латиниковъ Юліановыхъ дали убитъ. Юный цесарь не осудилъ на смерть *декама*, такъ водится, а всѣхъ шесть сотъ вывелъ передъ фронтъ, на взоръ въ *мелкіе* платья—и эти быгледи, въ слѣдующей кампаніи, благородно искупили свою мужескую честь! Такая оригинальность невольно приводитъ на память знаменитое сочиненіе Юліана «Мисопогонъ» (брадобрава-сливк), нилую сатиру его: «Цесари» и прочая, такъ, что наконецъ, нельзя не пробѣжать мысленно всю жизнь этого диковиннаго человѣка!...

«Если бы я не былъ Александръ, то хотѣлъ бы быть Діогеномъ!» Очевидно, что царь македонскій не договаривалъ: «а всего лучше быть, вмѣстѣ, и тѣмъ и другимъ!» не договаривалъ, можетъ-быть, потому, что такое желаніе показалося ему чрезчуръ неудобосполнимымъ! Однако оно сбылось, безъ ущерба для обихъ знаменитостей, въ лицѣ Юліана: въ немъ слились Александръ и Діогенъ! Мало того! въ немъ слились еще другія великія крайности: свѣдѣній унъ Сократа съ суетваренъ осургическаго иудесника; престолая царствонная добродѣтель Марка-Аврелія съ тонкою изысканною Августа; животренещуная впечатлительность, многосторонность и быстрота цесаря, со стойкимъ цѣломудріемъ Сципіона—довольно! И какая чудная судьба выдала родному племяннику Константина Великаго, внуку Констанція-Хлора, послѣдней отрасли дома его! Пяти лѣтъ, Юліанъ лишился отца и всѣхъ сродниковъ, злодѣйски умерщвленыхъ, по тайному наказу Констанція—и остался круглицъ сиротою, со старшимъ братомъ, впоследствии такъ же убійственнымъ. До восшествія его на престоль, жизнь его текла въ тажкой неволѣ, подъ ичешъ Діокла, не различая сопровождаетчая однимъ злымъ и однимъ добрымъ геніемъ; сомненными другъ другу: государственнымъ спущенъ и негущественнымъ любимцемъ Констанція—Восемьдѣль и благодушною супругою того же Констанція, императрицею *Евсевію*. Когда же, наконецъ, Константинъ

облекает Юліана въ багряницу *цесаря*, первая мысль, которая представляется новому цесарю, есть *«багряная смерть»* Гомера (*πορφύρεος θάνατος*): злой евнухъ теперь еще опаснѣе!—Подъ строгимъ надзоромъ, да еще опутаннаго всѣми интригами недоброжелательства, неопытнаго юношу, питомца Академіи, посылаютъ въ смущенную вражескимъ нашествіемъ Галлію: представлять тамъ куширъ (*simulacre*) императорскаго величія и, разумеется, претерпѣвать неудачи, въ доказательство неспособности представителя. Но молодой книжникъ одолеваетъ интриги дворскія, развертывается даровитѣйшимъ полководцемъ, побеждаетъ на голову всѣхъ враговъ, устраиваетъ наилучшимъ образомъ Галлію и, за все это еще злѣе преслѣдуемый завистью евнуха и завистью Констанція—позведенъ легіонами, насильно—въ *Августы* т. е. въ полные императоры! Ему готовится гибель превосходство силъ непримиримаго Констанція. Съ удивительнымъ расчетомъ и необычайною смѣлостью, новый Августъ, сопровождаемый небольшимъ отрядомъ, на берегахъ Рейна погружается въ глубину огромнаго *Чернаго бора* и, вовсе неожиданно, является на берегахъ Дуная, подъ Сирміумомъ, побеждаетъ страхомъ своего непостижимаго предиріятія—и пріемлетъ упавшую къ его ногамъ, безъ боя, по смерти Констанція—Римскую Имперію! Въ короткое царствованіе свое, продолжавшееся меньше двухъ лѣтъ, при настрожайшемъ исполненіи обязанностей не только единственнаго властителя міра, но и всемірнаго понтифекса, онъ успѣлъ написать столько сочиненій—и умеръ смертью героя! Въ сочиненіяхъ его, именно тамъ, гдѣ менше выглядываетъ оеургическій кудесникъ и недругъ нашей вѣры, есть много занимательнаго, хорошаго, образцоваго; но всего превосходнѣе предсмертная рѣчь равнаго въ бою императора, сохраненная намъ историкомъ Амміаномъ Марцеллиномъ, однимъ изъ ратниковъ Юліана и свидѣтелемъ смерти его! Отъ величественной простоты и свѣтлой философіи этой императорской рѣчи, на смертномъ ложѣ, навѣваетъ намъ чувствомъ еще

чистѣйшимъ, уснокопительнѣйшимъ, чѣмъ отъ самаго Федона Платонова. Я никогда не могъ, безъ глубокаго умиленія, читать эту прекрасную рѣчь, въ которой умирающій властитель, называлъ царскую власть *исмождающею отъ Бога*, радуется, что она, до конца, пребывала чиста, въ его рукахъ! Останки свои завѣщалъ онъ берегу чистоструйнаго, холоднаго Кидна, рѣки, столь извѣстной опаснымъ въ ней купаніемъ Александра Великаго—и греческіе философы и римскіе войны, глядя на мавзолей, возронтали... *первые*: «Ученика Платонова приличнѣе можно бы было похоронить въ рощахъ Академіи!» *вторые*: «Не Кидну и Тибру, а вѣчному граду и древнимъ памятникамъ римской доблести имѣть бы прахъ столь доблестнаго мужа!»

Мысль моя еще блуждала на берегахъ Кидна, надъ пустынною гробницею царской, когда я, прошедъ уже цитадель, сталъ приближаться къ Мюнстеру, башня котораго все росла да росла въ моихъ глазахъ: такъ это высшій пунктъ европейскихъ зданій, только 30 футами ниже высочайшей пирамиды! Признаюсь, меня не поразила ни вышина башни, ни огромность зданія. При такой вышинѣ, нѣсколько футовъ болѣе или менѣе—ничего не значать для глаза. Св. Олай, въ Ревель, *кажется* такимъ же высокимъ, хотя онъ, въ действительности, и ниже; а съ кѣльнскаго собора я взялъ съ собою столь великую идею о мюнстерахъ, что страсбургскій, построенный гораздо въ меньшемъ размѣрѣ, уже не могъ показаться мнѣ диковиною.—Была Божественная служба и процессія въ соборѣ; органы струиц свои могучіе звуки, превосходно согласующіеся съ архитектурною музыкою древне-германскаго Мюнстера. Болѣе всего понравилась мнѣ стекольная живопись окна надъ алтаремъ: она имѣетъ видъ искусной мозаики изъ разноцвѣтныхъ лхонтовъ. Я взошелъ на платформу башни; туда весьма легко всходить; всякій и всходить, но чтобъ взойти выше, надобно имѣть голову, не подверженную круженію. Вписавшись въ книгу посѣтителей, я пожелалъ взобраться выше. Съ самаго края бездны я все глядѣлъ внизъ, покуда

глазъ не привыкъ къ глубинѣ; потому взошелъ я, безъ труда и головокруженія, до четырехъ башенокъ (*les quatre tourelles*): словно, не всходишь посреди рѣшетокъ, а *сзлетася* на рѣшетчатыхъ крыльяхъ, весь на воздухъ. Отсюда начинается крыша, которая не такъ-то длинна. Я могъ бы взойти и до последней высоты, но для этого нужна отъ шера дозволеніе, котораго я не имѣлъ; кромѣ того, я болѣлся простуды, будучи весь въ поту и стоя тамъ на сильномъ сквозномъ вѣтрѣ. Я оглядѣлъ окрестность, заматилъ дорогу, по возвышенію ведающую въ Парижъ—и возвратился на платформу!

Та дорога опять приманила взоры.... Съѣздить ли въ Парижъ, въ эту прославленную диктатуру моды, вкуса, утопченнаго общежитія и мнимой образованности? Взглянуть ли на эту потѣшную игру умственныхъ блесковокъ, на исключительныя сшибки враждующихъ между собою силъ и идей, на эту пышную, узорчатую жирандолу литературныхъ и психологическихъ изверженій? Но эта потѣшная игра, этотъ ослѣпительный блескъ, весь этотъ великолѣпный *осферверкъ* оканчивается сырнымъ запахомъ отъ адской машины Фіески! Прославленная столица просвѣщенія—не иное что, какъ содомъ умственнаго разврата, гдѣ беснуются и лезутъ на воздухъ несбыточныя мечты, давя и губя другъ друга, на этихъ вакханаліяхъ; или, зарѣзавъ чистую природу, наперерывъ разземлютъ ея священный трупъ и, подобно каннибаламъ, роятся въ ндрахъ ея и восхваляются судорогою нерва и послѣднимъ трепетомъ сердца... Я вспомнилъ начало Нигрина Лукіанова: «Зачѣмъ было оставить солнечную Элладу, блаженное царство природы—и съѣсть за пиръ разврата съ ложными друзьями, сифоантами, низкими льстецами, ядотворцами и хитрыми завладѣтелями наслѣдствъ!» Для чего ѣздить въ Парижъ когда то, что Французы имѣютъ хорошаго, встрѣчается во всѣхъ европейскихъ столицахъ, а дурнаго и видѣть не для чего! Цель моего вымышленнаго путешествія есть природа, древность, исторія, міръ, въ высшемъ его значеніи—сол-

вечная Эллада умственная! Въ Парижѣ я вѣду тогда, когда Франція разрѣшится лучшимъ продуктомъ ума и образованности, моральною истиною, болѣе соответствующею вѣльзамъ человечества...

На башенныхъ часахъ ударило десять; вся башня колебалась отъ могучихъ ударовъ. Я сталъ разбирать высѣченные на стѣнахъ надписи: сколько тутъ знаменитыхъ именъ! Теперь возбраненъ рѣзецъ: для именъ есть книга—и очень хорошо! Не смѣшно ли ознаменовать рѣзцомъ свое имя за такую ничтожную бездѣлицу, каково возхожденіе на эту платформу. Я любовался прекрасною отдѣлкою портала; «Вознесеніе Спасителя» приковываетъ вниманіе; одиннадцать Апостоловъ взираютъ Ему во слѣдъ съ какимъ-то восторженнымъ умилениемъ....

Въ церкви Св. Оомы находится знаменитый памятникъ маршалу Саксонскому, превзошедшій все мои ожиданія. Этотъ монументъ служитъ храму алтарною картиною. Въ аллегорической группировкѣ фигуръ содержится большая эпопея, съ занимательными подробностями. Съ подножія пирамиды сходя по ступенямъ къ гробу, герой съ грустно-презрительною улыбкою смотритъ на призракъ смерти, который, окутанный въ широкій плащъ, показываетъ ему роковые часы, и другою рукою открываетъ гробъ. Въ трехъ, резко одинъ отъ другаго различающихся оттѣнкахъ, весьма удачно представлена смерть о лишеніи героя: въ первомъ, въ лицѣ отрока гениа, обратившаго внизъ оазель жизни и громко плачущаго въ дѣтскомъ искугѣ; во второмъ—въ чертахъ прекрасной, Франціе изображающей, женщины, которая, со всею женскою героичностью страданія, одною рукою удерживаетъ маршала, а другою отстраняетъ смерть; въ третьемъ—въ выраженіи Гермюеса, который, опершись на палицу свою и опуснувъ рукою чело, съ мужественною силою подавляетъ саркастическое чувство скорби. По лѣвую сторону отходя-

шаго героя, печально свѣшиваются побѣдоносныя знамена Франціи; по правую видятся переломленные штандарты Австріи, Голландіи и Англій, и гербовые символы этихъ державъ—орелъ и царственные звѣри, или сраженные, или испуганные. Это первая эпопея въ мраморѣ!

Я еще нѣсколько разъ подходилъ къ Мюнстеру. Не взирая на великолѣпную отдыжку, находишься въ ссорѣ съ чувствомъ изящнаго за другую не достроенную башню: это—двузубныя вилы, у которыхъ отломленъ одинъ зубецъ! Въ Фрейбургѣ, говорятъ, то же самое! Ужели ни одинъ Мюнстеръ не достроенъ? Все искусство новѣйшихъ—недоделка! Не соображаясь съ своими силами, они стремятся къ колоссальному и будто бы не понимаютъ, что колоссальное въ искусствѣ, не доведенное до гармоніи, есть только ошибка огромная и униженіе искусства, которое, безъ художественной оконченности, далеко остается позади колоссальнаго въ природѣ. Что же значить искусство, если оно не беретъ преимущества надъ отдѣльнымъ явленіемъ въ физическомъ мѣрѣ? Колоссальность ничто передъ безконечностью формы. Я болѣе люблюсь небольшимъ храмомъ во вкусъ древнихъ, нежели отрывочнымъ Мюнстеромъ! Но дайте намъ колоссальное съ безконечностью художественной гармоніи,—тогда вы восторгнете нашу душу въ высшій кругъ наслажденій! Въ жизни, въ наукѣ—все неполно и несвязно: тѣмъ съ болѣею строгостью требуемъ желанной стройности отъ искусства.

По дорогѣ изъ Донауэшингена въѣхалъ я въ Швейцарію. Отъ конныхъ лѣтъ воображалъ я эту землю дивною крѣпостью, валы которой суть исполинскія горы; внутренность—идиллическій ландшафтъ; а гарнизонъ—веселые, опрятные пастиухи, съ геройскимъ духомъ Винкельрида. Дѣйствительность нѣсколько не соответствовала этому идеалу: гросъ-герцогство баденское сливается незаметно съ кантономъ шафгаузенскимъ, по высотамъ, не довольно значительнымъ, для романтическаго міра горъ и героизма. Если не ошибаюсь,

то съ этой стороны нѣтъ даже пограничнаго столба, нѣтъ никакого знака, съ котораго усталая отъ почтовой ѣзды душа, какъ съ эластической точки опоры, могла бы отъ обыкновенной существенности взвиться къ свѣтлой мечтѣ о романтическомъ краѣ.

«Вотъ первая *швейцарская деревня!*» воскликнулъ одинъ изъ пассажировъ. Я посмотрѣлъ жаднымъ взоромъ и увидѣлъ сборъ некрасивыхъ строеній, въ родѣ бѣдныхъ нѣмецкихъ деревушекъ, и народъ такой-же дряхлый, выродившійся, какъ и нѣмецкій вообще. Въ эту горькую минуту разочарованія, я утѣшалъ себя мыслию, что такіе нечистоплотные Швейцарцы навѣрное не потомки древнихъ Гельветовъ, но—гораздо скорѣе—последніе остатки давно вымершихъ Готовъ, или Аллемановъ, пятисотое мутное преломленіе когда-то свѣтлаго луча; измятые и засаленные силуэты съ фizioномій, когда-то мужественныхъ и выразительныхъ. Я отвратилъ взоръ отъ послѣднихъ Аллемановъ и терпѣливо дождался Шафгаузена, куда мы прибыли около полудня.

Городокъ веселый, на отлогомъ холмѣ и посреди небольшихъ высотъ; старинныя, нынѣ оставленныя укрѣпленія придаютъ ему видъ живописный, характеръ особенный, такъ сказать: аристо-демо-кратическій, какъ и образъ правленія его. Движущійся въ живой дѣятельности и, по некоторымъ домамъ, даже снаружи расписанный городъ думаетъ, что онъ самъ себя господинъ; а настоящіе господа—аристократы, эти укрѣпленія, съ виду брошенные и пустыя, но важныя и опредѣляющія характеръ страны. Природа чистосердечна и въ своихъ мистификаціяхъ!

За общимъ столомъ, въ гостиницѣ «Короны», насъ собралось человекъ восемь, совершенно незнакомыхъ другъ другу; но, съ первыхъ пяти минутъ, мы уже обходились, какъ старые пріятели. На чужбинѣ, во врожденному пристрастію, льнешь душою особенно къ соотечественникамъ; но ихъ не вездѣ найдешь! Потребность сообщаться и сноситься съ людьми соединяетъ незнакомцевъ подъ высшимъ понятіемъ чисто-человѣческаго братства и космополитства. Я, вообще, не скоро сближаюсь съ чужимъ человекъ, и, въ особенности, за обѣденнымъ столомъ; но, на этотъ разъ, вышелъ изъ своего характера: видно подѣйствовалъ на меня индивидуальной воздухъ Швейцаріи! Мы условились прогуляться, послѣ обѣда, къ знаменитому водопаду. Мнѣ очень хотѣлось поотдохнуть полчаса, и я уже прилежъ. Двое Французовъ, изъ нашей застольной компаніи, проникли въ мою комнату; напрасно я отговаривался своею усталостью. «Русскіе не устаютъ!» возразили они. Двѣтъ нечего: я долженъ былъ къ нимъ присоединиться.

Мы пошли внизъ по рѣкѣ, вдоль праваго берега. Около часа ходьбы до того мѣста. Мы сѣли насупротивъ водопада. Съ намѣреніемъ избрали мы сперва такую точку зрѣнія, на которую устремлена меньшая сила дѣйствія каскада. Онъ свергается отрывисто, уступами; два утеса, единственныя остатки гранитной стѣны, разрушенной силою стихій, очень живописно красуются посреди огромной массы воды, изъ которой воздымается паръ, на подобіе свѣтлаго облака. До насъ доходилъ только умѣренный шумъ, который, не оглушая слуха, тѣмъ и давалъ глазамъ полный разгулъ. При такой свободѣ взорънѣя нельзя не замѣтить, что блестящій водопадъ вставленъ въ раму, не соответствующую величію его: съ одной стороны, хотя и на порядочномъ воз-

вльются, такъ называемый замокъ—просто, некрасивая мыза—Лауэнь, съ другой стороны мельницы, кузницы—словомъ: природа, въ черномъ тѣлѣ! Однако, такое несогласіе принадлежностей картины съ главнымъ ея предметомъ проистекаетъ менѣе изъ чувственного вида, нежели изъ той мысли, что этотъ водопадъ, въ *Швейцаріи*, и могъ бы извергаться посреди величественной альпійской природы! Мѣстное условіе вызываетъ критику, которая съ той скалы, гдѣ сидѣли мы, мирится только развѣ на этихъ двухъ утесахъ, лучшей красоты водопада. Вторую точкою зрѣнія набрали мы строеніе на отмени, входящей въ рѣку, прекрасную гостиницу, посредствомъ изгиба Рейна очень счастливо поставленную, въ отношеніи къ водопаду. Здѣсь, онъ гораздо ближе и пышнѣе; оба утеса рисуются еще лучше, и уселенный шумъ уже наводитъ безотчетное наслажденіе. Въ гостиницѣ устроена камера-обскура, представляющая изъ что чрезвычайно оригинальное: отраженная картина каскада действительно движется, подъ шумъ оригинала! Сначала бываешь невыразимо пораженъ совершенствомъ иллюзіи; но вскорѣ почувствуешь, что она все же не художественный обманъ и не относится къ вѣчному чувству измѣнаго въ нашей душѣ! тебя тинетъ къ оригиналу, и тутъ же поймешь, при видѣ действительнаго каскада, какъ ничтожно—и при совершеннѣйшемъ обманѣ—всякое художество, если оно нечто иное, какъ взрившая *копія* съ природы: только съ высоты идеала оно можетъ поспорить съ сею послѣднею и ее одолѣть.

Близъ подводія каскада перемарались мы черезъ прогнившій бурунь на лѣвый берегъ Рейна, къ замку Лауэнь: перегруженная лодочка калобалась и нырляла, какъ утка. Одинъ разъ передочко залило насъ водою; кто-то восклик-

нуль, смѣясь: «Однако, господа, мы дѣйствительно въ опасности!»—«N'importe!» отвѣчалъ другой: «тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ будемъ мы стоять надъ самыми каскадомъ, сызнова стяжавъ жизнь, какъ милую добычу!»—Этотъ—подумалъ я—читалъ Вильгельма Телля, Шиллера. Чтобы поддержать его благородную фанфаронаду, я съ серьезнымъ видомъ спросилъ: «есть ли между нами Англичанинъ? — Нѣтъ!»—Такъ будьте увѣрены, господа, что переждемъ благополучно: только Англичане погибаютъ въ романтическихъ экспедиціяхъ!»—Всѣ захохотали.—«Это неоспоримо правда!» промолвилъ кто-то: «ихъ губить необдуманное, флегматическое любопытство, тамъ и губить, гдѣ всякій другой уцѣлеть! Лишь только услышишь, что погибъ путешественникъ, то, безъ всякихъ разспросовъ, смѣло бейся объ закладъ, что это Англичанинъ!»—Мы долго спорили съ буруномъ и, наконецъ, пристали благополучно, въ мокрыхъ плащахъ.

Надъ главнымъ рукавомъ водопада построены деревянные подмостки; лишаешься памяти отъ всеильнаго, разнозвучнаго, такъ сказать, всемірнаго шума и воя рѣки...того и ждешь ежеминутно, что слабые подмостки разлетятся въ дребезги, и что чудовищный токъ схватитъ тебя въ широкошумныя объятія и кинется съ тобою стремглавъ въ дѣявистую бездну! Въ первый мигъ, обманъ дѣйствительно такъ сплелъ, что бываешь проникнуть таинственной повоію, которая, при отсутствіи физическихъ страданій, предшествуетъ моменту ожидаемой смерти. Если наклонишься надъ перилами подмостковъ, на встрѣчу водопаду, такъ и жасущему внизъ, подъ самыя ноги, то почувствуешь, какъ вдохновенно нагиваетъ на тебя чудною пылью водъ и странною прохладою, будто отъ привидѣнія! Воображаешь себя перенесеннымъ въ другой міръ, гдѣ *сила* недоступна.

мымъ образомъ открываетъ свои великія таинства. Сюда бы долженъ придти тотъ, кто утратилъ житейскую бодрость и скитается въ отчаяніи! Въ этой чудесной свѣжести должны охладиться самыя горячія страсти—и голосъ ихъ будетъ заглушенъ громовымъ голосомъ рѣки! Эта безконечная сила должна развивать соответствующую ей силу въ душѣ человѣческой! Если еще посмотрѣть на эти два утеса, которые, въ теченіе тысячелѣтій, непоколебимо противятся всеильному стремленію водопада, хотя сами давно уже подмытые, то ужели не заговорить внутренній голосъ: «Вотъ что совершаетъ грубый остатокъ утеса, въ противоположествіи побѣдоносной рѣки,—и моральный утесъ, въ твоѣй душѣ, будетъ менѣе силенъ!» Если же, наконецъ, замѣгнать еще, на одномъ изъ этихъ утесовъ, знакъ, что свѣлости человѣческая дерзала бороться съ губительнымъ бурюномъ—и вознеслась къ той высотѣ; то какъ не исполниться всемогущею силою, для борьбы со всеми враждебными отношеніями бытія, тѣмъ болѣе, что въ этомъ явленіи природы, надъ хаотическою ея суровостью, видишь прелестную радугу, символъ союза съ-высшею силою! Самъ Вертеръ, если бы стоялъ на этомъ мѣстѣ, могъ бы быть спасенъ, не азирая на расположеніе романа, съ первыхъ страницъ уже устремленнаго къ конечной его гибели!

Съ подмошковъ взошли мы на балконъ, который, ввѣчая собою оконечность наклоненной скалы, словно паритъ надъ водопадомъ; оттуда въ павильонъ, еще высшій. Если тамъ, внизу, приобретаешь сознаніе вѣчной силы своей, то здѣсь, на верху, стоишь, какъ чистый духъ, вознесенный надъ стихіями физической жизни!... Товарищи мои, всѣ до единого рѣвые, благоговѣнно безмолвствовали при великолѣпномъ зрѣлищѣ. Погода была такъ хороша,

что мы положили веротиться по правому берегу Рейна, не пугаясь огромнаго круга. Башня замка Лувенса возпала на гору, откуда увидѣли чудную цѣпь исполинскихъ горъ! Они сперва показались намъ фантастическимъ разномыслиемъ светлыхъ облаковъ. Незырянно-величественныхъ отрѣзовъ донбесныхъ великановъ съ белоснѣжными, живописно раскинутыхъ плащавъ, тянутся эти Альпы по горизонту и вызываютъ къ восторженному путику: «Ты съ Швейцаріи!» Я никогда не забуду этого перваго впечатлѣнія.. Эти естественные вѣзаны посланцевую душу человека затуманиваютъ къ возвышенному, героическому: не отъ того ли Швейцарны были всегда народъ непобѣдимый?—Дорога наша шла черезъ нивы и виноградники; востоду на работѣ веселый, счастливый, прекрасный народъ! Они будто не замѣтляя заокденіе солнца и, при возрастающемъ сумракъ, въ своемъ трудолюбіи еще рѣшился на резонанъ грунть зари.

Богатъ наслажденіями была первый мой вечеръ, въ Швейцаріи. Мы, какъ-то раздѣляясь по два, шли въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи; это сдѣлалось совершенно повольво и незамѣтно, будто бы великій изъ насъ, по тайному влеченію души, держался того, кто ему сроднѣе, когда полное сердце просить только одною собесѣдника. Въ самомъ дѣлѣ, бывають моменты, въ которые два существа, дѣлается чувствомъ любви къ природѣ, сама же мало терять третье лице, сколько его терять и чета любовниковъ. На рейнскомъ мосту, подъ самымъ городомъ, мы опять соединились и тамъ просидѣли часъ въ общей бесѣдѣ, довольно живой и веселой. На другое утро, а очутился совершенно одинъ въ залѣ гостиницы, за своимъ паркетомъ кофе: мои любезные товарищи всѣ до послѣдняго отпра-

вылисъ водою въ Констанцъ, еще до свѣта. Мнѣ что-то сгрустнулось по нимъ. Вспомнивъ, что Шафгаузенъ—родина истерика Іоанна Мюллера, я задумался о судьбѣ великаго челоука, которому нужды и трезоуменія житейскаго воспрещаютъ совершить подвигъ, бывшій главною крѣпкою умственной его дѣятельности: онъ умеръ, кончить только огромнѣйшую пригетовительную работу къ созданію всемірной исторіи, планъ величайшаго, когда-либо замышленнаго гениемъ дѣла. Наступитъ ли, до конца вѣковъ, то счастливое время, когда люди познають достоинство живущаго между нами гениа и будутъ корить его въ Пританевъ, дабы скорбныя заботы о насущномъ хлѣбѣ не окосывали его цѣланы, въ которыхъ онъ до вершины своего назначенія дойти не можетъ? Доброжелательствомъ и мнѣніемъ участіемъ напутствуютъ емльчака, предпринявшаго возхожденіе на одинъ изъ высокихъ пунктовъ земли; флагъ, развѣвающійся съ вершины Монблана, горы Юнгфрау или Монроза, возбуждаетъ въ долинѣ клики радости и звонъ колокольный.... Но никто не занимается участію одинокаго жреца наукъ или искусствъ, который не изъ тщеславіа дерзнулъ на возхожденіе, несравненно труднѣйшее! Подобно благочестивому брамину, странствуетъ онъ посреди ледниковъ Гиммалая.... погибнетъ ли, не достигнувъ завѣтнаго Гангаватари; дойдетъ ли до темени Давала-Гири, или Юмнотри, гдѣ надѣется взять за руку искомый идеаль совершенства, богиню Іамуну—нѣтъ до него дѣла ни одному сердцу людскому!

Гостинница «Короны» все еще была пуста, или полна развѣ памятью о знаменитыхъ, угощенныхъ тутъ, въ теченіе трехъ столѣтій; путешественникахъ: я вспоминалъ о Монтенѣ и нашемъ Карамзинѣ. По начальному плану, я

изъ Шафгаузена хотѣлъ ѣхать въ Бернъ черезъ Цюрихъ и Люцернъ и предпринять путешествіе на Риги; но меня увѣрили, что время года уже ушло, что туманный воздухъ уже завѣсилъ восхитительные виды съ вершины горъ! Главная цѣль моего путешествія—Римъ, гдѣ я непрекънвно долженъ быть въ первыхъ числахъ октября, чтобы видѣть древнюю столицу міра въ лучшее для нея время года. И дни мои въ Швейцаріи сочтены!

Остается избрать изъ двухъ одно: погулять или по горамъ, или по Женевскому озеру! Избираю последнее, тѣмъ рѣшительнѣе, что буду же на горахъ, по дорогѣ изъ Швейцаріи въ Италію. Буду прямо въ Бернъ, черезъ Аарау. По этой дорогѣ увижу развалину, которая стѣитъ окружностей Цюрихскаго озера и видовъ съ теменя Риги. Здѣсь, въ Шафгаузенѣ, расстаюсь съ Рейномъ.

Баронъ Розенъ.

РѢШИТЕЛЬНЫЙ И НЕРѢШИТЕЛЬНЫЙ.

ОЧЕРКИ СЪ НАТУРЫ, ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

(Продолженіе).

VII.

Кто изъ жителей Петербурга не знаетъ Каменно-островскаго проспекта и не проѣдетъ или не пройдетъ по немъ лѣтомъ. Даже зимою онъ навѣщается любителями чистаго воздуха и прекрасной дороги.

По этому-то проспекту, въ началѣ августа 18** года, шли двое молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ, одѣтый въ платье, что называется съ иголки, не обращалъ никакого вниманія на проѣзжающихъ. Съ поникшею головою, задумчивымъ лицомъ и глазами, устремленными на троттуаръ, пробирался онъ, нетвердою поступью, мѣжду пѣшеходами. Толчки ихъ не выводили его изъ задумчивости. Другой же, не смотря на свое поношенное пальто и измятую шляпу, шелъ твердымъ шагомъ и бросалъ смѣлые взгляды на каждаго проѣзжаго въ своемъ экипажѣ, рискуя свалиться въ канаву. Эти двое молодыхъ людей были Веньяминовъ и Вельскій.

— Да что ты, Валеріанъ, голову-то повисилъ, сказалъ Евгений Федоровичъ своему пріятелю. Ну, похожъ ли ты на жениха. Кто увидитъ тебя теперь, никакъ не подумаетъ, что ты идешь къ своей невестѣ.

— Ахъ! не такой я былъ до вчерашняго происшествія на Крестовскомъ. Оно не выходитъ изъ головы моей. До сихъ поръ не могу опомниться. Я опасуюсь....

— Чего?

— Чтобы оно не дѣшло до Надежки или ее родителей.

— А нужно имъ непременно разсказать, и я беру это на себя.

— Что ты говоришь! Да ты меня, просто, заръжешь, осрамишь! Я ворочусь дождь; я тебя не позволю....

— И худо сдѣлаешь. Развѣ лучше будетъ, если наше казусное происшествіе дойдетъ до Лелинскихъ отъ другихъ, и конечно въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ. Надо непременно предупредить.

— Ты правъ, Евгений: нужно предупредить, только не лучше ли письмомъ? Мнѣ совѣстно будетъ предъ Надежкой. Какими глазами буду я на нее смотреть.

— Конечно, веселыи, потому-что и Надежка твоя, и родители ея будутъ сиваться, когда я буду разсказывать.

— Ну, не думаю....

— Поверь, что такъ будетъ. Все зависитъ оттого, какъ разсказать. А тебя кажется извѣстно, что я человекъ съ умомъ и обладаю даромъ слова.

Веняминовъ не отвѣчалъ ничего на послѣднія слова своего пріятеля и впалъ въ прежнюю задумчивость. Онъ думалъ о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ разсказъ Вильскаго на Лелинскихъ, и шелъ по-прежнему, повисилъ голову. Ударъ въ лобъ вывелъ его изъ задумчивости; въ то же время раздался около него сильный шумъ, похожій на хлопанье въ ладоши. Веняминовъ отъ удара покачнулся назадъ и едва удержался на ногахъ. Взглянувъ на троттуаръ, онъ увидѣлъ себя окруженнаго со всѣхъ сторонъ московскими калачами.

— Да что вы, баринъ, не видите что ли среди Свѣта дня, сказалъ Веньяминъ съ сердцемъ продавать калачей.

— А развѣ ты не могъ посторониться? Твоимъ калачамъ нѣшто не сдѣлалось, ты соберись ихъ и продавай. А нѣтъ....

— Да кто жь ихъ купить съ земли-то. Нончудно. Да хоть три калача плаваютъ на кашей. Ну....

— Ты говоришь все я калачикъ, а не спросишь: каково было моей головѣ, когда ты въ нее ударилъ ладонью. Да сихъ-поръ чувствую боль.

— Да что за боль! Ничего-съ! до свадьбы заживетъ.

— А если....

— Заживетъ, права, заживетъ. Заплатишь только за те варъ рублика три.

— Да помилуй, какъ тебѣ не стыдно! Ты, по своей не-ловкости, меня ушибъ и требуешь съ меня же денегъ.

— Да калачи-то мои пропали.

— А лобъ-то мой, а не твой пострадалъ.

Евгеній Федоровичъ, опередившій Веньямина нѣсколькими шагами, едва могъ пробраться къ нему сквозь сбравшуюся толпу народа около места происшествія. Когда Вальскій узналъ въ чемъ дѣло, то, обращаясь къ продавцу калачей, сказалъ:

— Пойдемъ-ка, любезный, къ будню. Тебя надо отвести въ полицію. Ты вредный человекъ! Пожалуй еще кого-нибудь ушибешь.

Эти слова произвели сильное дѣйствіе на разсвѣтника. Онъ совершенно измѣнилъ тонъ, который прежде говорилъ, снялъ свою шапку и, обращаясь къ Вальскому и рукою указывая на Веньямина, сказалъ:

— Да я прошу ихъ милости заплатить за ладони, которые въ водѣ. Хоть четвертакъ бы пожаловали. Право обидно!...

Валеріанъ Александровичъ прервалъ рѣчь продавца калачей, вручивъ ему требуемое вознагражденіе.

— Всклани-ка, пожалуйста, на лобъ мой, сказалъ

Веньяминовъ, обращаясь къ Вальскому, когда они выбрались изъ толпы и двинулись по тротуару. Я все еще чувствую боль.

— Завернемъ въ переулокъ: тамъ народу немного. Я тебя освидѣтельствую.

Молодые люди, пройдя еще нѣсколько шаговъ, завернули въ первый, попавшійся переулокъ.

— Понажи твоей вумель, началъ Вальскій, взявъ за руку Веньяминова.

— Да ты посмотри: каковъ лобъ мой?

— Я замѣчаю небольшую красноту. Ничего! пройдетъ, успокойся. Дай-ка взглянуть съ профили, продолжалъ Вальскій; повернувъ своего пріятеля бокомъ:—Ну, съ профили-то замѣнешь небольшой рогъ.

— Рогъ?

— Да, но не тревожься: самый маленькій. Ты еще не женатъ. Этотъ рогъ сейчасъ же пройдетъ: приложи только грошь.

— У меня нѣтъ мѣдныхъ денегъ.

— А вотъ тебѣ пятакъ, сказалъ Вальскій, вынувъ эту монету изъ кармана своего жилета. Вся деньги свои вчера прокутилъ. Остался одинъ пятакъ, который окажетъ тебѣ пребольшую пользу. Вотъ кстати подвернулся. Какъ онъ утѣшилъ, право не знаю. Я тебѣ его дарю.

— Спасибо. А пройдетъ ли отъ него опухоль?

— Пройдетъ непременно, и прежде чемъ мы дойдемъ до Лысого Корпуса. Это самое вѣрное средство отъ ухаба. Я на себя прыгалъ.

Веньяминовъ последовалъ совету Евгенія Федоровича: приложилъ пятакъ къ своему лбу, накрывъ платкомъ.

— Да не взять ли намъ извозчика, спросилъ Валеріанъ Александровичъ. Не ловко теперь идти пѣшкомъ: устанетъ рука придерживать платокъ.

— Конечно возьмемъ. Довольно прошли; я успѣлъ устать. Да вотъ беда: нѣтъ ни одного извозчика, прибавилъ Вальскій, остановясь и смотря вдоль проспекта.

Когда молодые люди вошли на Навенно-островскій мостъ и достигли его середины, Веняминовъ сказалъ, не отводя руки отъ своего лба:

— Посмотри-ка, Евгений, кажется забарается на мостъ слуга Делянскихъ, Григорій.

— Онъ, действительно онъ.

— Да ужъ не ко мнѣ ли его послали?

— А вотъ узнаемъ.

Молодые люди остановились на мосту.

— Я имѣю къ вамъ, Валеріанъ Александровичъ, письмо, сказалъ подошедшій къ нему Григорій, снявъ фуражку.

— Отъ кого?

— Отъ Марѣы Абрамовны.

— Давай, давай; гдѣ оно?

— Вотъ-съ, отвѣчалъ слуга, и началъ шарить въ своемъ карманѣ.

Ввльскій внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями лакея. Какъ только что послѣдній вынулъ письмо, Евгений Федоровичъ проворно имъ овладѣлъ.

— Да дай мнѣ прочитать прежде, сказалъ Веняминовъ, обращаясь къ своему пріятелю. Вдѣ письмо ко мнѣ послано, а не къ тебѣ.

— погоди, погоди, успеешь, отвѣчалъ Евгений Федоровичъ, сломивъ печать и вынувъ письмо изъ пакета.

Послѣ этого Ввльскій перебѣжалъ на другую сторону моста и, прочитавъ известное уже читателямъ письмо Марѣы Абрамовны, разорвалъ его пополамъ и бросилъ въ Неву.

— Давай же письмо, сказалъ Ввльскому Валеріанъ Александровичъ, подходя къ нему, въ сопровожденіи Григорія. Гдѣ оно?

— Въ Невѣ. Посмотри, какъ славно его подбрасываютъ волны.

— Да что ты сдѣлалъ, помилуй! Что пишеть Марѣа Абрамовна?

— Черуху.

— Да говори толкѣмъ.

— Утворюю тебя, човуху. А ошибоди-те скалка! Какія выраженія, проси прелесть!

— Да не скрывай, пожалуйста, отъ меня.

— Я ужь сказалъ тебе и опять повторю, что письмо написано ни на что не похоже. Оно не такой участи заслуживаетъ. Мало его бросить въ воду! Его следовало бы напечатать въ журналъ и раскритиковать самымъ жестокимъ образомъ.

— Да что такое....

— Посмотри-ка, какъ его далеко унесло. Жаль, что я не разорвалъ его на клочки. Пожалуй, еще кто-нибудь перхватитъ на водѣ....

— Я перехвачу, если ты мнѣ сейчасъ же не скажешь содержания письма. Я найму лодку и пошлюу....

— А я не пушу.

— Да что ты дѣлаешь со мною?

— Но, что всякой другой сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ. Пускай письмо ильветъ въ замкѣ, отсюда въ Балтійское море, пускай попадетъ въ какую-нибудь иностранную гавань, гдѣ выметъ его изъ воды какой-нибудь ученый Нѣмецъ, прочтаетъ, переведетъ на нѣмецкій языкъ и навечтаетъ въ какомъ-нибудь учено-литературномъ журналѣ разсужденіе о новомъ, необыкновенномъ способѣ пересылать письма.

— Ты все шутишь, а мнѣ право не до шутокъ. Перескажи содержаніе письма, усвокой меня!

— Ни за что не перескажу! Поведемъ скорѣе.

— Куда?

— Къ твоей невестѣ.

— Да какъ же я увижу, когда не знаю содержанія письма. Вѣдь меня конечно спросятъ: получилъ ли я его?

— Можешь сказать, что я его бросилъ въ Неву.

— Да неловко; обидишь.

— Кого?

— Марюу Абрамовну.

— Вотъ вздоръ какой! Увидишь, какъ я ее отдамъ. Ужь достанется же ей отъ меня, пошлюсь я мнѣ него. Держись

Марса Абрамова! Провадёть охота сочинять глупыя письма. Да вотъ, и извещикъ встать засть.

Послѣ этихъ словъ, Вальскій побжаль по мосту, на встрѣчу извещику, боясь, чтобы его кто-нибудь не перехватилъ. Въ это время Григорій вручилъ Веньяминну письмо Надежды Яковлевны, сказавъ:

— Извините, Валеріанъ Александровичъ, что не отдалъ вамъ прежде письма моей барышни. Мнѣ приказано отдать его въ собственныя ваши руки, и я боялся, чтобы Евгений Федоровичъ и этого письма не перехватилъ.

Пока это говорилъ Григорій, съ разными выразительными жестами, и, какъ написалъ Грибоѣдовъ «Съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой!» Веньяминновъ распечаталъ письмо и прочиталъ:

«Милый Валеріанъ,

«Видѣть съ этимъ письмомъ. мнѣ, ты, вѣроятно, получилъ другое, отъ маменьки. Она объявила мнѣ сегодня, что ты не можешь быть мнѣ и сообщила самыя дурныя о тебѣ слухи. Но я имъ не вѣрю: я слишкомъ хорошо тебя знаю. Ты вѣрно любишь меня по-прежнему. Неужели ты забудешь свою Наденьку, которая такъ тебя любить и готова всѣмъ для тебя пожертвовать? Чтѣ бы ты ни сдѣлалъ, я не могу уже разлюбить тебя. Это выше силъ моихъ. Я люблю впервыя, но эта любовь моя первая и послѣдняя. Каждый день молю я Бога, чтобы Онъ возвратилъ мнѣ тебѣ! Онъ услышитъ мои молитвы! Не смотря на большое разстояніе, которое насъ отдѣляетъ, я всегда съ тобою и думаю только о тебѣ. Но если мнѣ не суждено быть твоєю, то никто на свѣтѣ не заставитъ меня полюбить другаго: я скорѣе пойду въ монастырь.

«Твоя на-вѣки Надежда Делинская.»

Окончивъ чтеніе письма, Валеріанъ Александровичъ подымавъ его и зарыдалъ. Григорій никакъ не ожидалъ такой

развязки и совершенно растерялся. Кратенорьчѣе его, съ которымъ онъ всегда говорилъ, на этотъ разъ ему намъзвало: онъ не могъ вымолвить слова. Но чужое горе всегда производитъ сильное впечатлѣніе на душу, истинно добрую, и находится въ ней участіе. Лакей смотрѣлъ, смотрѣлъ на бывшаго жениха своей барышни, и самъ заплакалъ. Проходящіе по мосту посматривали съ удивленіемъ на Веньяминова и Григорія. Въ это же время провѣзжала въ коляскѣ, молоденькая, хорошепъкая и очень нервезная дама. Она взглянула на Валеріана Александровича и слугу Лелинскихъ, замѣтила, что они оба плачутъ, и сама начала утирать батистовымъ платкомъ слезы, выступившія на глазахъ ея.

— Ты тоже плачешь, Григорій, сказалъ съ чувствомъ Веньяминовъ, взявъ слугу за плечо. Скажи Наденькѣ.... что я ее никогда не забуду.... что я буду ее любить вѣчно.... скажи, что я буду ей отвѣчать письмомъ,... что я женюсь на ней непременно, или умру.

Въ это время подошелъ къ плачущимъ Вельскій и воскликнулъ:

— Что я вижу! Слезы! Слезы на мосту! Да вы не ряхнулись ли оба?

— А вотъ, прочти, отвѣчалъ Веньяминовъ, подавая ему письмо Надежды Яковлевны.

Пробъжавъ со вниманіемъ это письмо, Вельскій сказалъ своему пріятелю:

— Ты пребольшой чудакъ! плачешь, когда надо радоваться.

— Да чему?

— А тому, что твоя невеста такъ тебя любитъ.

— Нѣтъ, ужъ Наденька, сказалъ Вельяминовъ, утирая слезы: не будетъ моею. Родители ея не соглашаются выдать ее за меня.

— Должны согласиться! Я этого отъ нихъ потребую. Одно мое свиданіе съ Мареюй Абрамовной можетъ все переизменить. Она же будетъ просить извиненія. Увидишь. Бойбаба—это правда, да вѣдь и я не трусливаго десятка: Но по-

словницъ: «Нашла коса на камень!» Поѣдемъ только къ ней поскорѣе.

— Нѣтъ, я не поѣду.

— Да перестань упрямиться, возразилъ Вѣльскій, взявъ подъ руку своего пріятеля и потащивъ его насильно.

Григорій, шедшій позади молодыхъ людей, приблизился къ Веняминоу и сказалъ:

— Простите меня, Валеріанъ Александровичъ, а я долженъ вамъ сказать, что Марѳа Абрамовна строго запретила принимать васъ и Евгенія Федоровича, да также и господина Зябликова.

— Нарочно поѣдемъ къ ней! воскликнулъ Вѣльскій. Я посмотрю, какъ она насъ не приметъ.

— Нѣтъ, я ни за что не поѣду, возразилъ печально Веняминоу.

— Да отчего не ѣхать. Будь посмѣлѣе, Валеріанъ!

— Я долженъ возвратиться домой.

— За чѣмъ?

— За тѣмъ, чтобы скорѣе увидѣть моего вѣрнаго друга, Зябликова, и съ нимъ посоветоваться.

— А я разве не другъ твой? Послушайся лучше меня. Что Зябликовъ твой! Прочтешь тебѣ еще мораль, и только. Впрочемъ я забылъ, что ты Телемакъ, а онъ твой Менторъ. Мнѣ любопытно будетъ узнать, что онъ посоветуетъ тебѣ предпринять. Пожалуй, поѣдемъ прежде къ нему, къ Лѣвному же Корпусу послѣ.

Наши пріятели наняли извозчика и приказали ему ѣхать на Васильевскій островъ. Когда Веняминоу съ Вѣльскимъ пріѣхалъ домой, то узналъ отъ своего слуги, что Зябликовъ, незадолго до ихъ пріѣзда, ускакалъ на тройкѣ, въ Новгородскую губернію.

— Какъ жаль, воскликнулъ Веняминоу, что мы его не застали!

— Да можно ли было ожидать, чтобы онъ такъ проворно собрался въ дорогу: давеча утромъ онъ объявилъ намъ о болѣзни своего дяди и о томъ, что хочетъ только отиропиться въ отпускъ на двѣ недѣли. А я хотѣлъ у него

попросить взаймы денегъ. Ужь не я ли его свугнулъ: я говорилъ ему, что теиерь нуждаюсь, и что мнѣ необходимо занять гдѣ-нибудь и сколько-нибудь. Жаль, право жаль, что увхалъ.

— И въ какое время онъ меня оставилъ, сказалъ со вздохомъ Веньяминовъ. Чтѣ я безъ него предприму въ моемъ ужасномъ положеніи?

— То, чтѣ я тебѣ посоветую. Я буду твоимъ Менторомъ или исправляющимъ должность Ментора, до возвращенія Зябликова. Если хочешь, я на-время у тебя поселюсь.

— Сдѣлай милость.

— Я вступаю сегодня же въ новую должность и буду ночевать у тебя. Теперь поздно ѣхать къ Лелинскимъ, къ нимъ лучше завтра, а сегодня поѣдемъ къ Б**. Ты вспомнишь, у нихъ въ домъ, первое твое свиданіе съ Надеждой Яковлевной.

— Да ея, конечно, тамъ не будетъ. За чѣмъ же я поѣду? Я ужасно сегодня разстроень.

— Ну, какъ хочешь, а я такъ воспользуюсь приглашеніемъ Б**. У него будетъ преферансъ; авось выиграю. Зябликовъ удралъ! Другаго средства не придумаю къ пріобрѣтенію денегъ.

— Я тебя не буду удерживать, поѣзжай.

Въ осьмомъ часу вечера, Вальскій отправился къ Б**. Какъ справедлива пословица: «Одна бѣда родить другую.» Сколько бѣдъ досталось на долю Веньяминову, въ самое короткое время. Брошенный своимъ новымъ Менторомъ, Валеріанъ Александровичъ, оставшись дома, предался самымъ горестнымъ размышленіямъ о несчастной судьбѣ своей и проходилъ часовъ съ пять, по своей комнатѣ, изъ угла въ уголь, но ни въ одномъ углу не нашелъ онъ утѣшенія, и сердце его очень, очень страдало.

VIII.

Валеріанъ Александровичъ дожидался далеко за полночь возвращенія Вьльскаго, но, потерявъ наконецъ надежду увидѣться съ нимъ, легъ въ постель. Отъ сильнаго волненія, бѣдный Веньяминковъ не могъ заснуть. У него сдѣлалась бессоница. Въ семь часовъ утра всталъ онъ съ постели и опять началъ ходить изъ угла въ уголъ. Новый же Менгертъ, возвратившійся къ Телеману въ четыре часа утра, когда уже раздавалось громогласное пѣніе пѣтуховъ, заснулъ самымъ богатырскимъ сномъ и проспалъ до полудня, забывъ и новую должность свою, и Веньяминкова, и все на свѣтъ. Насилу могли разбудить Вьльскаго: такъ онъ заспался. Когда наконецъ, послѣ нѣсколькихъ потягиваній и громкихъ зѣвковъ въ постель, онъ всталъ, то отправился въ комнату своего пріятели и сказалъ ему:

— Ну, поздравь меня, Валеріанъ. Я выигралъ вчера пятнадцать въ преферансъ, у Б***, да въ лото сто двадцать, въ клубъ.

— Сто двадцать?

— Еще больше, да проставилъ. Я пріѣхалъ въ клубъ въ одиннадцать часовъ и сейчасъ занялся повтореніемъ арифметики. Въ первую же игру взялъ тридцать, хотѣлъ-было отправиться къ тебѣ, да счастье всегда балуетъ людей и часто доводитъ до несчастія. Вотъ я началъ продолжать игру: машина трещить, одинъ тиражъ смѣняется другимъ, а я ничего не беру. Была правда кварта, да пропала даромъ. Наконецъ изъ выигрышныхъ тридцати остается только шесть рублей, которые и пустилъ я на послѣдній тиражъ. Ужъ я начиналъ раскисаться, что не бросаю игры въ началъ, какъ вдругъ составляется кварта; не достасть номера: двадцати пяти. У меня сдѣлалось сильное волненіе въ крови. Лакей прокричалъ десять номеровъ, но мой не выходитъ! Меня взяло отчаяніе, и вдругъ слышу:

кричитъ тотъ же лакей протяжно: «двадцать... пять!» Я не увидѣлъ свѣта отъ радости и крикнулъ: «довольно!» Начали повѣрять мою карту, и до меня дошли утѣшительныя слова: «Вѣрно! Одна карта выиграла!» Хорошо, что одна, а не двѣ или не три карты, подумалъ я; въ это время принесли мнѣ на серебряномъ поднось цѣлую груду денегъ.

— Очень радъ, что тебѣ удалось выиграть.

— А я какъ радъ, если бъ ты зналъ! По пословицѣ: «Не было ни деньги, и вдругъ алтынь!» Кто не возрадуется при такой удачѣ. Мои дѣла немного поправились. Займусь же теперь твоими. Скажи мнѣ, пожалуйста, имѣешь ли ты дозволеніе своего начальства вступить въ бракъ?

— Имѣю, да что теперь...

— Хорошо! постой, прервалъ Вѣльскій. А копию съ формулярнаго твоего списка?

— Да, я получилъ.

— Прекрасно! Ну еще одинъ вопросъ. Скажи мнѣ: объявляли ли въ церкви о томъ, что ты женишься на Надеждѣ Яковлевнѣ.

— Объявляли. Да за чѣмъ тебѣ это все знать?

— Отвѣчай прежде: въ какой? тогда и скажу за чѣмъ.

— Въ ** церкви. Я самъ слышалъ.

— Превосходно! Поздравляю! Сегодня твоя свадьба; я твой шаферъ.

— Развѣ Марѳа Абрамовна....

— Оставь ты ее въ покоѣ. Вѣдь на Марѳу Абрамовну тебѣ жениться нельзя.

— Да я тебя спрашиваю: согласна ли она выдать Наденьку?

— Согласна теперь, или нѣтъ, все равно. Она развѣ согласилась, и довольно. Не стѣдуетъ спорить со старухой. Безъ нея обойдемся.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Мы уведем ее дочь, и ты съ нею объявляешься.... жуть ва городомъ.

— Нать, это невозможно. Наденька не рзывится....

— А отчего же ей не рзывиться, когда она тебя такъ любитъ.

— Ну, а если она, не смотря на любовь свою ко мнѣ, не захочетъ бѣжать?

— Мы ее принуждать не станемъ, а объявимъ ей только твое извѣщеніе. Поварь, что она его одобритъ.

— Да вѣдь нужно съ нею прежде поговорить.

— Не нужно. Напишемъ письмо и сейчасъ же пошлемъ къ ней. Да я напишу его, а ты перепишешь. Чтѣ тутъ долго толковать. Какъ, да что, да если! Все это вздоръ.

Сказавъ это, Вельскій всталъ съ дивана и отправился въ кабинетъ Зябликова. Сѣвъ за письменный столъ, онъ написалъ проектъ письма къ Надеждѣ Яковлевнѣ. Когда Веняминювъ прочиталъ его, то началъ-было опять возражать, но Вельскій, не обращая вниманія на его возраженія, заставилъ Валеріана Александровича почти насильно приняться за переписку письма, а самъ отправился въ переднюю. Увидѣвъ въ ней слугу, молодого мальчика, который возился около самовара съ большимъ шумомъ, Евгений Федоровичъ сказалъ ему:

— Эй, какъ тебя, Пронька, Андрюшка....

— Ванюшка, отвѣчалъ мальчикъ: оставивъ свою работу и приблизясь къ Вельскому.

— Ну, ладно: Ванюшка. Поди же за мной.

Евгений Федоровичъ, въ сопровожденіи Ванюшки, вошелъ въ кабинетъ Зябликова, сѣлъ въ вольтеровскія кресла и сказалъ мальчику:

— Скажи мнѣ: бывалъ ли ты у Лелипскихъ?

— То-есть, у невѣсты Валеріана Александровича?

— Ну, да....

— Сколько разъ-съ! Нечего сказать: красавица-есть!

— Не тебѣ объ этомъ судить, дурень, и никто объ этомъ

тебя не спрашивать. Вотъ, твой баринъ дастъ тебѣ письмо. Ты отнесешь его къ Надеждѣ Яковлевнѣ.

— Хорошо-съ.

— А чтобы для насъ не было дурно и въ сановѣ дѣлъ хорошо, такъ отдай письмо въ собственныя ея руки. Слышишь ли?

— Все слышу-съ: я не глухъ.

— Не глухъ, а глухъ! спасибо, спасибо, Евгений Филаровичъ. Охъ! какія у тебя глаза плутовскія. Да ты востанови Макиавель!

Ванюшка началъ смѣяться, а Вальскій спросилъ его:

— Чему ты смѣешься?

— Да вы какъ-то забавно меня назвали, отзывалъ мальчикъ и снова засмѣялся.

— Поменьше смѣйся, а не то будешь плакать. За волосы выдеру. Слушай! Вотъ какъ ты распорядись. Не входи на дачу Лелинскихъ, а пройди раза три мимо ихъ сада. Если барышню тамъ увидишь, но только одну, такъ сейчасъ махни ей рукой, попроси ее къ рышеткѣ и отдай ей письмо.

— А если она меня не послушается?

— Полно вздоръ молоть! Я знаю, что послушается. Слѣлай такъ, какъ приказываютъ. Если же въ саду не увидишь Надежды Яковлевны, то проберись осторожно въ кухню и попроси Григорія. Ты знаешь его?

— Знаю-съ.

— Такъ попроси Григорія отдать письмо барышнѣ его. А чтобы онъ охотѣе исполнялъ твою просьбу, такъ дай ему цѣлковый. Вотъ онъ, возьми!

Мальчикъ принялъ изъ рукъ Вальскаго серебряный рубль.

— Отвѣта не спрашивай, продолжалъ Вальскій: а какъ только отдашь письмо, такъ сейчасъ же, въ ту же минуту, въ тотъ же мигъ отправляйся домой. Да смотри, не истрать цѣлковаго.

— Помилуйте, какъ можно-съ.

— Ну хорошо. Ступай же праворыве одлазайся.

Ванюшка отпраился спорить шагомъ въ переднюю, а Вельскій вошелъ въ комнату Веньямина, который только что кончилъ заданную ему работу.

Вотъ что написалъ или, вѣрнѣе сказать, перевелъ Веньяминъ:

«Милая Наденька!

«Въ отвѣтъ на письмо твое, спѣшу увѣдомить, что я тебѣ любилъ, люблю и буду любить всегда. Ты пишешь, что не вѣришь слухамъ обо мнѣ и любишь меня по-прежнему. Докажи любовь свою на дѣлѣ. Согласись обвиняться со мною за городомъ. Мои пріятели помогутъ мнѣ устроить наше счастье. Если ты согласна, то приходи въ лѣсъ, который подлѣ вашей дачи, завтра вечеромъ, въ девять часовъ. Чтобы тебѣ не было страшно, пройди лѣсомъ только пятьдесятъ шаговъ, въ правую сторону. Молчаніе твое приму я за согласіе съ твоей стороны и непременно приѣду, въ назначенный часъ, на указанное мѣсто. Если же тебѣ, почему-нибудь нельзя будетъ явиться на свиданіе, то потрудишься меня увѣдомить.

«Искренно тебя любящій,

«В. Веньяминъ.»

— Ну, я снарядилъ въ дорогу твоего Ванюшку, сказалъ Вельскій своему пріятелю: и далъ ему подробную инструкцію. Назавтра попадетъ мое сочиненіе въ собственныя ручки твоей Наденьки.

— Да посылать ли, не лучше ли...

— Вотъ еще что выдумалъ! Я не допущу, чтобы мои труды пропали. Письмо очень краснорѣчиво и вообще прекрасно сочинено. Оно будетъ имѣть несомнѣнный успѣхъ. Это вѣрно, какъ дважды два-четыре!

Сказавъ это, Вельскій взялъ со стола письмо, запечаталъ и отдалъ его Ванюшкѣ.

Когда посланный пришелъ къ дачѣ Лелинскихъ, то, слѣдуя въ точности инструкціи, прошелъ три раза мимо сада нѣкъ, но никого въ немъ не увидѣлъ. Послѣ непродолжительнаго размышленія, онъ вошелъ въ калитку и началъ осторожно пробираться по двору, къ кухнѣ, оглядываясь во всѣ стороны. Поровнявшись съ большимъ кустомъ сирени, мальчикъ увидѣлъ на скамьѣ, поставленной за этимъ кустомъ и обращенной къ дачѣ, Марюу Абрамовну, которая очень усердно вязала чулокъ. Робко поглядывая на старушку, Ванюшка ускорилъ шаги и почти уже добрался до кухни, какъ вдругъ залаяла и бросилась на него моська. Марья Абрамовна оглянулась, встала со скамейки и, узнавъ слугу Веняминова, крикнула:

— Поди-ка сюда. Ты за чѣмъ пожаловалъ?

— Я-съ гулялъ.... и зашелъ повидаться съ вашими людьми, отвѣчалъ Ванюшка, силвъ фуражку.

— Ты все врешь! Вѣрно тебя послалъ твой баринъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ужъ не письмоцо ли какое принесъ?

— Никакого у меня письмоца нѣтъ-съ. Я такъ-съ, просто, пришелъ.

Сказавъ это, Ванюшка отправился скорымъ шагомъ къ калиткѣ, и этимъ дѣйствіемъ подтвердилъ догадку Марьи Абрамовны.

— Ни съ мѣста! Стой! крикнула она. Подойди ко мнѣ!

Мальчикъ струсиль и побѣжалъ къ воротамъ, сопровождаемый бросившеюся за нимъ, съ громкимъ лаемъ, моською.

Марья Абрамовна вышла изъ себя и, увидѣвъ входящаго въ калитку Григорія, воскликнула:

— Схвати его, Григорій, и приведи сюда.

Григорій приступилъ немедленно къ исполненію приказанія своей барыни и потащилъ къ ней Ванюшку, который не переставалъ барахтаться и упираться. Наконецъ, представъ предъ грозныя очи Марьи Абрамовны, мальчикъ притихъ.

— Держи его, Григорій, держи его, мошенника, покрѣпче,

за воротникъ, чтобъ не вырвался, сказала Марѳа Абрамовна.

— Не вырвется, матушка, не беспокойтесь.

— Говори же теперь: сказала Марѳа Абрамовна строгимъ голосомъ: кто тебя послалъ? Верно принесъ письмо. Давай его сюда! А не то велю обыскать.

— Да-съ... я посланъ съ письмомъ, да только не къ вашей милости.

— Къ кому же?

— Къ Надеждѣ Яковлевнѣ.

— Давай его сюда!

— Я не смѣю: мнѣ приказано вручить въ собственныя ея руки.

— Все равно! Я отдамъ сама барышнѣ. Григорій, отними у него письмо.

Ванюшка, видя, что дѣло плохо, подаль самъ письмо Григорію, который осмотрѣлъ его съ обѣихъ сторонъ и передалъ Марѳѣ Абрамовнѣ.

Распечаткавъ письмо, она начала его читать, но остановилась, поскликувъ:

— Какая мелочь! Въ глазахъ рябить! И писать-то не умѣть! Ничего не могу разобрать! Потомъ сказала своему слугѣ, Григорію:

— Сбѣгай въ спальню и принеси мнѣ очки.

Какъ только Григорій выпустилъ плѣнника изъ рукъ и пошелъ исполнить новое приказаніе своей барыни, Ванюшка, вспомнивъ инструкцію, бросился со всѣхъ ногъ къ калиткѣ и выбѣжалъ на улицу.

Марѳа Абрамовна не сочла нужнымъ его удерживать, а проговорила только ему въ-слѣдъ:

— Экой пострѣль!

Когда Григорій принесъ очки, барыня его надѣла ихъ на носъ и, прочитавъ письмо Веняминова, пошла въ сильномъ волненіи къ дачѣ и приказала немедленно заложить дрожки. Черезъ полчаса, послѣ прочтенія письма, Марѳа Абрамовна ѣхала уже по Выборгской дорогѣ и обогнала Ванюшку, который, увидѣвъ старуху, перескочилъ канаву и

спрятался въ кусты. Куда отправилась супруга Якова Петровича—это осталось тайной, потому-что никому изъ домашнихъ не было объ этомъ объявлено.

Между-тѣмъ Ванюшка одолѣло дорогой раздумье. Онъ не зналъ: разсказать ли своему барину и исправляющему должность его Ментору, Вельскому, о всемъ что случилось у Лелинскихъ, или скрыть. Послѣ долгихъ колебаній и размышленій, онъ рѣшился солгать, и когда возвратился домой, то доложилъ своему барину и исправляющему должность Ментора его, что онъ-де отдалъ письмо, какъ было приказано, слугѣ Лелинскихъ, Григорію, для передачи въ собственныя руки Надежды Яковлевны.

Впрочемъ Ванюшка и не совсѣмъ солгалъ, а сказалъ отчасти правду: онъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ отдалъ письмо Григорію, когда тотъ схватилъ его за воротникъ, по приказанію Марѣи Абрамовны. Цѣлковый, назначенный Вельскимъ слугѣ Лелинскихъ, Ванюшка присудилъ себя, за претерпѣнный страхъ, и употребилъ его на покупку приликовъ и другія потребности, по собственному своему благоусмотрѣнію.

А. М...скій.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

Иностранная Словесность.

НЕВѢСТА КОНТРАБАНДИСТА.

(ИТАЛІЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ.)

Соч. Урвино.

I.

ОСТЕРІЯ ДЕЛЬ ГАЛЛО.

— Я думаю уже полночь, Мадалена.

— Да, сейчасъ только пробило на часахъ Чіассо..... А вотъ, дѣдушка, в большой комской колоколь, пользуясь тишиною ночи, призываетъ насъ ко сну своимъ грознымъ и звонкимъ голосомъ.

— Мыъ уже давно ничего не говорятъ этотъ старый воркотунъ. Если я хочу услышать что-нибудь отъ него, то я долженъ подойти къ колоколу совершенно близко въ дни большихъ праздниковъ, когда оглушительный звонъ его раздается

К. XI. — Отд. IV.

по всему городу. Тогда мнѣ кажется, будто бьютъ по кастрюльѣ палкой. Но вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ отсюда я ничего не слышу.

— Вы ничего не теряете, увѣряю васъ, дѣлушка.

— Воспоминанія, дитя мое, драгоценныя воспоминанія!... Я не былъ всегда такимъ инвалидомъ, какимъ ты меня видишь теперь; и я также имѣлъ свои красныя дни; и я любилъ, какъ ты теперь любишь твоего Гаetano, и тогда этотъ старикъ колоколъ былъ для меня настоящимъ другомъ, потому-что его радостный звонъ призывалъ меня въ Комо, гдѣ ожидала меня прѣвзвѣтная улыбка твоей бабушки, моей бѣдной Розины.... Я танцевалъ съ нею, и всѣ молодые люди, глядя на насъ, завидовали моему счастью.... О Мадалена! тайна тяготитъ мою душу, воспоминаніе жжетъ ее, угрызеніе мучитъ.... Да ты узнаешь эту тайну передъ моею смертію, потому-что ты должна молиться за твоего дѣда, дитя! Ты должна много и горячо молиться, когда бѣдный старикъ оставитъ эту землю страданій....

— Зачѣмъ, дѣлушка, предаются вы такимъ грустнымъ мыслямъ? Можете ли сомнѣваться въ моей любви къ вамъ? Развѣ вы не знаете, что воспоминаніе о васъ всегда будетъ для меня дорого, что когда васъ здѣсь не будетъ, я буду молиться и день и ночь о спасеніи вашей души.

— Вѣрю тебѣ, дитя мое, вѣрю... Но.... скажи мнѣ, Мадалена, тебя не беспокоитъ долгое отсутствіе нашихъ?

— Нѣтъ; Лунджи сказалъ мнѣ, что сегодня у нихъ кружева. Вы знаете, когда дѣло идетъ о такихъ дорогихъ товарахъ, надо быть какъ можно осторожнѣе....

— Все равно, теперь такъ поздно, и я не могу думать.... Прости Господи! быть принужденнымъ сидѣть за печкой какъ дитя, когда чувствуешь себя... О! это ужасно!

Это говорилъ Піетро Санти, осьмидесятилѣтній старикъ, который, не смотря на свои лѣта, казался бодрымъ и рѣшительнымъ. И потому, когда онъ произнесъ послѣднія слова, онъ былъ дѣйствительно страшенъ. Руки его вытянулись, пальцы судорожно сжались, онъ вскочилъ на ноги, и ужасное проклятiе вырвалось изъ устъ его. Но скорѣе ярость его прошла, какъ бы смягченная какою-то утѣшительною мыслию. Старикъ сѣлъ на свое прежнее мѣсто, началъ курить трубку и повернулъ другой стороною стаканъ съ виномъ, которое грѣлось.

На старикѣ надѣта была байсовая куртка бутылочнаго цвета, панталоны той же матеріи, широкій шерстяной кушакъ краснаго цвета крѣпко охватывавшій талию, бѣлый жилетъ съ красными и бѣлыми волнами, суровина сѣраго сукна, толстые башмаки и кожаные штатлеты, вотъ полный нарядъ старикаго тридцатилѣтняго.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, звуча его, Мадалена, вошла шерстяной чулокъ, сидя у большаго стола орѣховаго дерева, на которомъ стояла желѣзная лампа, освѣщавшая томилку полуобитомъ комнату. Мадаленѣ было осьмнадцать лѣтъ, Она была въ голубомъ суконномъ шпенеерѣ и въ свѣтлой мернососовой юбкѣ съ красными и зелеными полосами. Прекрасныя черныя волосы были заплетены въ косу, въ которую вколоченъ былъ серебряный прутникъ, съ филаграновыми шариками того же металла. Большія серьги литаго золота и длинная венеціанская цѣпь дополняли ея нарядъ. Если бъ не быстрое движеніе ея хорошенкыхъ ручекъ, можно было бъ принять ее за одну изъ прекрасныхъ Мадоннъ, созданныхъ гениемъ Рафаэля.

Меблировка комнаты, въ которой находились старикъ и молодая дѣвушка, ясно показывала ихъ ремесло. Въ одномъ углу стоялъ большой мѣдный тазъ, наполненный водою. Этотъ тазъ стоялъ на деревянномъ треножникѣ. Надъ нимъ, на деревянной этажеркѣ, стояли въ порядкѣ бокалы, кружки, жестяная и мѣдная посуда и множество стакановъ. Вдоль стѣны, по срединѣ комнаты, находился буфетъ орѣховаго дерева, на которомъ поставлена была холодная говядина въ кастрюляхъ и блюдахъ и, казалось, ожидала посѣтителей.

На стулѣ возлѣ стараго Піетро, спалъ его любимый котъ. Надъ дверью, ведущею во внутренность дома, хорошенкая птичка спокойно отдыхала, завернувъ свою головку въ разноцвѣтныя крыдышки. Двѣ историческія картины, писанныя масляными красками, въ концѣ прошедшаго столѣтія, и довольно хорошо сохранившіяся, въ простыхъ рамкахъ чернаго дерева, прерывали однообразіе бѣлыхъ стѣнъ. Изюмъ и сосиски, симметрически расположенные, были прикрѣплены гирляндами къ потолку.

Прибавите къ этому ружье, большой столъ, двѣ лавки по обѣимъ сторонамъ его, нѣсколько соломенныхъ стульевъ, нѣсколько мѣдныхъ подовѣчничковъ и фонарь, и вы будете имѣть

лагеротивный снимокъ главной приёмной комнаты остерин дель Галло ди Пиетро Сартти.

За этою комнатою были еще двѣ поменьше, но меблированы почти также. Онѣ имѣли сообщеніе съ сѣноваломъ черезъ узкій коридоръ, отъ котораго направо шла лѣстница въ первый и единственный этажъ и на чердакъ; а слѣва лѣстница въ погребъ и въ подземелье.

Въ каждой изъ комнатъ перваго этажа помѣщалось по огромной кровати, какія дѣлаются всегда въ Италіи, нѣсколько сундуковъ, наполненныхъ прекраснымъ бѣльемъ, нѣсколько соломённыхъ стульевъ и налой, надъ которыми висѣло Распятіе.

Домъ этотъ, стоявшій въ довольно обширной долинѣ, въ швейцарскихъ владѣніяхъ, на ломбардской границѣ, принадлежалъ уже болѣе столѣтія фамиліи Сартти, отъявленнымъ врагамъ всѣхъ пошлякъ и налоговъ. Гостинница Пѣтуха по этому самому была вѣрнымъ и удобнымъ убѣжищемъ контрабандистовъ. Совершенное удивленіе этого жилища удаляло отъ него окрестныхъ жителей, которымъ не было охоты мѣти лишнюю четверть часа, чтобъ выпить стаканъ дурнаго вина, какимъ старался угощать зашедшихъ посѣтителей старикъ Пиетро. Контрабандисты напротивъ находили тамъ хорошее вино, сытный обѣдъ и отличный приёмъ. Потому они и посѣщали его исключительно. Отправляясь изъ Чиассо иногда даже изъ Мендризіо, съ товарами, они охотно остаивались отдохнуть у сотоварища. Подкрѣпивъ свои силы въ остерин дель Галло, они продолжали свой путь съ новыми силами.

Семейство Пиетро Сартти состояло изъ его сына Луджи, отца прекрасной Мадалены и Ансельма, четырнадцати-лѣтняго мальчика, внука трактирщика. Мадалена была воспитана въ Чиассо, у своей тетки, а Ансельмо, въ Лугано въ семействѣ Гаэтано, который долженъ былъ въ скоромъ времени жениться на Мадаленѣ. Отецъ и мать этого мальчика давно уже скончались, какъ мы увидимъ впоследствии.

Послѣ нѣкотораго молчанія, старый Пиетро бормоталъ, какъ бы говоря самому себѣ.

— Глухой никуда не годенъ, когда дѣло идетъ, чтобъ узнать слѣдъ таможенныхъ досмотрщиковъ, пронюхать ихъ издали, разслышать за мило шумъ ихъ шаговъ!... А я едва слышу то что мнѣ говорятъ подъ уши, съ помощію этой трубы. Про-

клятвѣ моему таможенному, который сдѣлалъ меня инвалидомъ.

Дикая радость пробѣжала мгновенно на лицѣ старика, когда онъ произносилъ эти слова:

— Что касается до него!....

Пиетро не докончилъ фразы. Черезъ минуту онъ поднялъ голову и покачалъ ею, какъ будто хотѣлъ избавиться отъ какой-то неприятной мысли. Потомъ, осушивъ стаканъ вина, онъ снова принялся за трубку и запылъ пѣсню.

Но онъ не слышалъ, что на его послѣднія слова отозвался кто-то глухимъ голосомъ, произнеся слово: убійца! Онъ не замѣтилъ испуга Мадалены, причиненнаго этимъ обвинительнымъ восклицаніемъ таинственнаго голоса въ полутемной комнатѣ и произнесеннаго невидимымъ существомъ.

Старикъ докурилъ спокойно свою трубку, выпилъ другой стаканъ вина, потомъ видя, что лампа догорала, онъ быстро обернулся къ своей внучкѣ и сказалъ ей:

— Ты спишь, Мадалена?

— Нѣтъ, дѣдушка, произнесла она едва слышимымъ голосомъ.

— Такъ подбавь немного масла въ лампу и пооди ложись спать, дитя мое, ты устала.

— Вы думаете, возразила молодая дѣвушка, привыкшая съ перваго слова исполнять приказанія своего дѣда, Гавриано можетъ обидѣться.

Пиетро приложилъ къ уху акустическую трубку и отвѣтилъ:

— Это правда.... о! какъ женщины заботливы!

— Онъ такъ добръ ко мнѣ! замѣтила робко Мадалена; потомъ, взявъ бутылку съ масломъ изъ буфета, она со страхомъ поглядывала на дверь. Притомъ онъ мой женихъ, прибавила она, и мой долгъ предупредить его малѣйшія желанія.

Старикъ улыбулся и сталъ набивать новую трубку.

— Черезъ недѣлю, ты назовешь его мужемъ, плутовка! Черезъ недѣлю, слышишь ли, Мадалена? Я, не говоря тебѣ, ускорилъ минуту твоего счастья.

Пиетро едва произнесъ эти слова, какъ раздался ужасный хохотъ, который привелъ въ ужасъ молодую дѣвушку. И лампа и бутылка выпали изъ рукъ ея, она подбѣжала къ старику.

— Матерь Божія! вскричала Мадалена.

— Что съ тобою? спросилъ Пиетро, вставая.

— Это онъ! отвѣчала Мадалена вслѣхъ.

— Кто онъ? спросилъ старикъ, махнувшись, чтобъ лучше слышать.

— Этого злодѣя, Джиованни!

— Онъ здѣсь? вскричалъ въ свою очередь Пьетро; онъ здѣсь? повторилъ онъ, дрожа отъ бѣшенства. И бросившись къ ружью, стоявшему въ углу у печки, онъ схватилъ его и устремился къ двери.

— Чтѣ вы копаете дѣлаи, дѣвушка? прошептала Мадалена, взявъ за руку Пьетро. Если вы меня любите, вы не слышите преступленія!

Но Пьетро, въ бѣшенствѣ, хотѣлъ-было оттолкнуть молодую дѣвушку, какъ вдругъ постучали въ дверь, и знакомый голосъ кричалъ за дверью:

— Мадалена, отвори!

— Мы съ ума сошли вмѣстѣ, сказала старикъ, улыбаясь; мы напрасно встревожились. Это Луджи.

— Поди зажги лампу, дитя мое, я самъ отворю.

Мадалена повиновалась. Она не отвѣтила ни слова, но очень хорошо знала, что испугъ ея былъ не напрасный; она не могла сомнѣваться, что слышала другой голосъ.

Луджи вошелъ въ одно время съ Гаэтано, жеманомъ прекрасной трактирщицы. Передъ ними шелъ Авсальмо, а за ними слѣдовали десять молодыхъ людей, высокаго, здороваго, хорошо вооруженныхъ, съ тюками и разными товарами. Всѣ эти люди были одѣты такъ, какъ и Пьетро, съ такою разницею, что у нихъ фуражки были масленчатыя. Это были контрабандисты, нанятые Луджи и Гаэтано. Они шли изъ Менарвио и отправлялись въ Комо черезъ горы и озеро. Дорога, ими пройденная, не представляла никакой опасности. Но теперь они должны были переправиться въ австрійскія владѣнiя, гдѣ представлялось гораздо больше опасностей; и потому первымъ изъ дѣломъ было, положивъ на полъ свои грузы, осмотрѣть внимательно оружіе.

Между тѣмъ Гаэтано подошелъ къ Мадаленѣ и сказалъ ей тихо:

— Кто-то ушелъ отсюда, въ то время, когда мы приближались....

— Это вѣрно тотъ злодѣя, который на меня наводитъ страхъ, и который старается спугать меня тогда, когда я остаюсь одна съ дѣвушкой, отвѣчала молодая дѣвушка тѣмъ же тономъ.

— Джіованни? спросилъ Гаэтано съ безпокойствомъ.

— Да.

— Товарищи! вскричалъ женихъ Мадалены, это Джіованни бѣжалъ отъ насъ.... Онъ не могъ уйдти далеко. За хѣло!

И онъ выбѣжалъ изъ остеріи, и за нимъ всѣ контрабандисты.

— Такъ это правда? ворчалъ старикъ, взявшисъ снова за ружье и идя вслѣдъ за ними.

Мадалена осталась одна съ Ансельмомъ.

— Сестра, сказалъ послѣдній, наконецъ они освободятъ тебя отъ этого злаго челоѣка.

— О! нѣтъ, съ трепетомъ отвѣчала молодая дѣвушка. Богъ не попуститъ такого несчастія на наше семейство! И я невольной причиною ихъ ярости!... Пресвятая Богородица! скажись надъ нами!

Мадалена залилась слезами, бросилась на колѣни и стала молиться.

Ансельмо смотрѣлъ на нее молча, потому, когда она встала, онъ сказалъ ей съ глубокимъ чувствомъ:

— Сестра, во если этотъ челоѣкъ будетъ защищаться!... Если онъ убьетъ твоего отца!... Если онъ убьетъ жениха твоего!...

— Но теперь, во въ другой разъ! отвѣчалъ челоѣкъ высокаго роста худой и блѣдный, входя въ комнату.

— Опять онъ! Этотъ злодѣй уморитъ меня со страху! проговорила молодая дѣвушка.

— Нѣтъ ты будешь жить, потому-что должна быть моею, возразилъ тотъ же голосъ, и потомъ исчезъ въ темнотѣ, замѣтивъ, что Ансельмо прицѣпился въ него изъ пистолета.

Мальчикъ хотѣлъ броситься догонять Джіованни; во Мадалена остановила его.

— И ты хочешь запятнать себя злодѣянствомъ, Ансельмо? вскричала она.

— Чтѣ жъ? дать ему волю исполнить свое обѣщаніе? отвѣчалъ онъ.

— Надо надѣяться на Бога!

Ансельмо подумалъ всяного, потомъ возразилъ:

— Твоя правда.... Притомъ же Гаэтано такой молодець, что сумѣетъ защитить себя.

Раздался выстрѣлъ не въ дальнемъ разстояніи отъ остеріи. Мадалена поблѣднѣла:

— Боже! проговорила она.

— Это выстрѣлъ изъ ружья Гаэтано! вскричалъ мальчикъ.

— Тсъ! Молчи.

— Послушаемъ!

Они слушали долго, но ничто не прерывало величественнаго молчанія ночи.

— Не слышно болѣе ничего, проговорила Мадалена съ ужасомъ.

— Ничего! повторилъ Ансельмо съ безпокойствомъ.

— О Боже мой! Боже мой!

Они замолчали и снова стали прислушиваться.

— Я непременно долженъ узнать что съ ними! вскричалъ наконецъ Ансельмо и сдѣлалъ шагъ, чтобъ выйти.

— Ради Бога, не оставляй меня одну, братъ, сказала молодая дѣвушка. И Ансельмо возвратился къ ней.

— Но эта тишина ужасна, проговорила Мадалена, нѣсколько минутъ спустя.

— Тише! слышишь?

Въ это время раздалось нѣсколько выстрѣловъ.

Мадалена упала снова на колѣни и молилась съ жаромъ; Ансельмо побѣжалъ къ двери. Вскорѣ выстрѣлы прекратились. Слышны были только крикъ людей, стоны, жалобы, проклятія, и этотъ шумъ, сначала отдаленный, приближался постепенно къ остеріи.

— Кажется, нашихъ бьютъ, сказалъ Ансельмо. Я непременно долженъ участвовать въ опасности. Я возвращусь сейчасъ, сестра. Только бы мнѣ пустить пулю въ одного изъ таможенныхъ.

— О! не оставляй меня! не оставляй меня! вскричала Мадалена съ отчаяніемъ; но Ансельмо уже былъ далеко и не слышалъ этихъ умоляющихъ словъ.

Молодая дѣвушка, все еще стоявшая на колѣняхъ посреди комнаты, закрыла лицо руками и продолжала молиться. Вдругъ она чувствуетъ, что кто-то взялъ ее сильною рукою.... Она открываетъ глаза, и —

— Опять онъ! проговорила она, и лишилась чувствъ.

Въ это время на порогъ показались Лунджи и Гаэтано.

— Прочь! кричалъ имъ Джіованни; если вы еще сдѣлаете хоть шагъ, я убью ее!

И, вынувъ кинжалъ изъ-за пояса, онъ приложилъ его къ сердцу молодой дѣвушки. Лунджи и Гаэтано остановились, ви-

да опасность, которой подвергалась Мадалена. Тутъ перестрѣлка снова раздалась на улицѣ; Джіованни былъ страшенъ въ эту минуту. Глаза его искрились, пѣна выходила изъ рту, холодный потъ капалъ съ лица. Таможенный его мундиръ весь былъ покрытъ пылью и забрызганъ кровью.

— Пропустите меня! вскричалъ онъ снова: пропустите! или я убью ее, клянусь вамъ!

Дунджи и Гаэтано стояли неподвижно отъ страха; они не знали на что имъ рѣшиться, какъ вдругъ шесть таможенныхъ столкнули ихъ въ комнату, они принуждены были отбиваться отъ этого непредвидѣннаго нападенія. Джіованни искусно воспользовался этимъ случаемъ.

— Держите нѣсколько минутъ, братцы, покрѣпче, кричалъ онъ своимъ товарищамъ, и устремился изъ трактира, унося на рукахъ своихъ Мадалену.

II.

ПІЕТРО САРТИ.

Ансельмо не угадалъ. Контрабандисты не были разбиты. Вотъ что происходило на улицѣ. Непріятели Джіованни, выйдя изъ остерія, разсѣлись по разнымъ дорогамъ, чтобъ загородить проходъ злодѣю.

Независть контрабандистовъ къ таможенному не имѣла другой причины какъ только ожесточеніе, съ которымъ онъ ставилъ имъ козни и сѣти; Дунджи и Гаэтано ненавидѣли его за то, что онъ преслѣдовалъ Мадалену, а Піетро имѣлъ особенную причину его ненавидѣть, которую мы узнаемъ впоследствии.

Джіованни ожесточенъ былъ противъ ихъ всѣхъ, по той только причинѣ, что они принадлежали семейству Піетро или по родству или по выгодамъ; и онъ долженъ былъ выполнить безпощадную месть на старикѣ и на всѣхъ окружающихъ его.

Гаэтано, самый смѣлый, сильный и ловкій изъ всѣхъ контрабандистовъ, ожидалъ съ нетерпѣніемъ случая помѣряться съ этимъ человѣкомъ, который былъ его врагомъ во многихъ от-

попавшихъ. Чтобъ поймать его, отъ проникъ на австрійскую границу, какъ вдругъ внезапно толстая запричала возвъ не-ге:

— Мостакино! Мостакино! Слезима его.

Гаэтано получилъ это прозваніе отъ усовъ, которые носилъ очень короткіе. Только Дунджи и онъ изъ всей шайки жили на пивейцарской землѣ, потому они всегда удачно избегали отъ преслѣдованій таможенныхъ *. Товарищи его напротивъ жили всѣ въ Коно и сдѣли въ тюрьмѣ всакій разъ, какъ ихъ заставляли враслохъ.

— Довите Мостакино! потеряли таможенные.

— Я васъ вызываю всѣхъ! отвѣчалъ имъ Гаэтано, становясь за большое дерево, потомъ прибавилъ, мѣтаясь въ нихъ: не первый, который приблизится, умретъ!

Таможенные были въ недоумѣніи. Они знали, что Мостакино всегда мѣтко цѣлился.

Однако самый молодой и неустрашимый изъ нихъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Это былъ первый и послѣдній. Онъ упалъ, прострѣленный въ сердце.

Но легко можно себѣ вообразить, что было бы отъ такой неровной и отчаянной защиты.

Къ счастью Гаэтано, выстрѣлъ его былъ услышанъ товарищами его, которые прибѣжали къ нему на помощь. Тогда началась перестрѣлка. Не смотря на свою малочисленность, контрабандисты заставляли таможенныхъ подвигаться по-невному назадъ при каждомъ выстрѣлѣ, и очень ловко пригнали ихъ къ самой остеріи. Тогда-то Гаэтано и Дунджи вошли въ трактиръ и установились въ изумленіи, увидѣвъ Маладену въ рукахъ Джіованни.

За минуту предъ этимъ мы видѣли, что Аноальмо оставилъ Маладену и выбѣжалъ изъ остеріи. Прибѣжавъ къ мѣсту стычки, онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ таможеннаго, потомъ, вѣрный обѣщанію, данному сестрѣ, онъ успѣшнѣе воротиться домой. Онъ еще былъ на волосинѣ дороги, какъ увидѣлъ Джіованни, несшаго на своихъ рукахъ Маладену. Быстрѣе молніи,

* Въ Ломбардіи по какому-то странному предубѣжденію должность таможеннаго считается самою унизительною. Конечно есть между ними нѣсколько честныхъ людей, но большинство всегда готово извинить службѣ и пропустить контрабанду за небольшую плату.

храбрый мальчикъ бросился подъ ноги таможенному, сваливъ его на землю и, приставивъ пистолетъ къ виску его, закричалъ:

— Если ты только сделаешь малѣйшее движеніе, я разожу тебѣ голову! А ты, сестра, прибавилъ онъ, обращаясь къ Мадаленѣ, которую Джіованни, падаѣ, вышустилъ изъ рукъ, спасайся, спасайся скорѣе. Но Мадалена лежала безъ чувствъ. Минута еще—и сильный Джіованни восторжествовалъ бы конечно надъ храбрымъ Ансельмо. Къ счастью послѣдняго, одинъ изъ контрабандистовъ проходилъ мимо и услышалъ его голосъ:

— Сюда, Сороча-Джезу! Сюда!

Прибѣжать, обезоружить таможеннаго и поднять на него княжалъ, было дѣломъ одного мгновенія.

Сороча-Джезу хотѣлъ проколоть своего врага, но Ансельмо столько же великодушный, какъ и неустрашимый, оставивъ его говоря:

— Лежачаго не бьютъ, Сороча-Джезу, это простиительно было бы таможенному; но контрабандисту никогда.

Обращаясь потомъ къ Джіованни, онъ прибавилъ:

— Если я тебѣ оставлю жизнь, то это будетъ съ условіемъ, что ты поклянешься щадить всѣхъ нашихъ!

Сороча-Джезу стоялъ еще съ поднятымъ княжаломъ. Джіованни закусалъ себѣ до крови губу, но пронзень: «кланусь» и быстро исчезъ.

Мальчикъ пошелъ къ эстерин въ сопровожденіи Сороча-Джезу, поддерживая Мадалену.

Однако горное эхо довело отголосокъ и до австрійской таможенной конторы, находившейся на большой дорогѣ, возлѣ моста Чиссо. Дежурный офицеръ отрядилъ пятнадцать чело-вѣкъ и послалъ ихъ подъ начальствомъ сержанта на помощь таможеннымъ. Контрабандисты тогда были въ числѣ семи противъ тридцати.

Они удержали однако же позицію до возвращенія Мостакасио, Сороча-Джезу и Ансельмо. Тогда началась кровавая битва. Тогда уже не убивали, оружіе было отброшено, чтобъ удобнѣе владѣть руками; но ломали своихъ противниковъ, разрывали на куски ногтями и зубами. Это былъ бой тигровъ, одаренныхъ разумомъ, бой демоновъ! Снѣгъ, покрывавшій землю, еще болѣе прибавлялъ ужасу, потому что всякая капля крови оставляла красный слѣдъ на этомъ обширномъ саванѣ.

Наконецъ Мостакасио отослалъ Ансельмо въ эстерию и по-

каль глазами человѣка, котораго ненавидѣлъ; увидѣвъ его, онъ бросился на него какъ звѣрь.

Во время этого ужаснаго дуэля, Лунджи, раненый, не могъ болѣе принимать участія въ дракѣ, и пошелъ также домой какъ и Ансельмо; Мадалена, приложивъ къ ранамъ его бальзамъ, который былъ извѣстенъ у нихъ въ семействѣ, молилась Богу, и не терпала надежду спасти своего отца. Но если бъ не нѣжная привязанность къ дочери, Лунджи бросился бы на неизбежную смерть и пошелъ бы еще на помощь товарищамъ.

Услыша слабый стукъ въ двери остерип, отецъ и дочь вздрогнули отъ ужаса.

— Мадалена!... отвори!... скорѣй!... это я! послышался за дверью слабый голосъ.

Молодая дѣвушка, дрожа отъ испуга, проворно побѣжала отворить дверь.

Это былъ старый Піетро, забрызганный кровью и грязью, блѣдный какъ смерть.

Онъ съ трудомъ вошелъ на лѣстницу и упалъ на полъ возлѣ кровати; потомъ приподнялся, чтобъ посмотрѣть, кто лежалъ на кровати, которую онъ занималъ обыкновенно.

— Лунджи! мой сынъ! вскричалъ онъ, снова упавъ на полъ. Онъ также! онъ также! прибавилъ онъ; все наше семейство падеть подъ ударами этого злодѣя!... О!.. Проклятіе!

— Дѣвушка! вскричала Мадалена въ ужасѣ и, взявъ руку старика, цѣловала ее.

— Боже! вскричалъ въ свою очередь Піетро, не трогай эту руку, Мадалена, потому-что она переломлена, также какъ и нога и оба бока мои!... И все онъ!... Все онъ!... этотъ проклятый!...

— Да накажетъ его Богъ! произнесла Мадалена, рыдая.

— О! Мщеніе!... Мщеніе!...

Произнеся это, старикъ хотѣлъ приподняться, но нестерпимая боль какъ бы приковала его къ полу и вырвала у него новое ругательство.

— Но, возразилъ онъ, чрезъ минуту, съ выраженіемъ отчаянія: если ты умрешь, мой блѣдный Лунджи, кто отмстятъ за меня этому человѣку, кто?

— Я, отвѣчалъ Ансельмо, который наблюдалъ эту сцену уже нѣсколько минутъ, а!...

— О! да, ты! прошепталъ Піетро, и слезы хлынули неволь-

но изъ глазъ его; ты молодъ, у тебя цѣлая жизнь впереди! Посмотри на меня, дѣтя мое! посмотри на меня! Я весь изломанъ; я только дорожу жизнію для того, чтобъ завѣщать кому-нибудь мое мщеніе. Посмотри на меня, потомъ посмотри на твоего дядю!... Знаешь ли кто причиною нашей смерти?... Джювани!... Проклятый сынъ проклятаго отца!... Отцу я заплатилъ долгъ.... я расскажу тебѣ это прежде чѣмъ на вѣки закрою глаза.... но сыну, сыну, кто заплатитъ.

— Сынъ будетъ наказанъ также, отвѣчала набожная Мадалена, потому-что Богъ сираведливъ и не оставляетъ преступленія не наказаннымъ!

— Выйди отсюда, сказалъ Піетро съ болѣе спокойнымъ видомъ, я побѣждалъ, какъ и другіе, по слѣдамъ этого злодѣя.... Но не настигъ его. Гулъ выстрѣловъ проникъ мнѣ въ сердце, не смотря на мою глухоту.... я пришелъ на мѣсто драки.... и не показывался неприятелю.... Я взобрался на высоту и оттуда посыпалъ смерть таможеннымъ, не будучи въ состояніи ни увидѣть, ни достать того, котораго я хотѣлъ убить цѣною собственной моей жизни. Я зарядилъ ружье въ четвертый разъ.... Я стрѣлялъ, лежа, чтобъ меня не замѣтили. Вдругъ ужасный голось, голось этого палача достигъ до моего слуха: «Подлый убійца!» вскричалъ онъ, и, прежде чѣмъ я опомнился, схватилъ меня за ноги и сбросилъ внизъ!... съ сорока футовъ вышины!

Мадалена вскрикнула отъ ужаса и закрыла лицо руками; Луджи протяжно застоналъ, Ансельмо сжалъ кулаки въ бѣшенствѣ и произнесъ:

— Потѣмъ? Потѣмъ?

— Послѣ того, продолжалъ Піетро, я приползъ сюда какъ змѣя, съ невыносимыми мученіями, чтобъ умереть въ кругу своего семейства, и просить мщенія у дѣтей моихъ.

— Потѣмъ? повторилъ Ансельмо.

— Больше ничего! Смерть!...

— Ты хотѣлъ рассказать....

— Это еще болѣе растравитъ мои раны, но.... все равно.... ты увидишь какъ долженъ мстить человѣкъ съ характеромъ.

Ансельмо и Мадалена принесли тюфякъ изъ сосѣдней комнаты; старикъ легъ на него и началъ свой рассказъ:

«Мнѣ было двадцать девять-лѣтъ; моихъ родителей уже давно не было на свѣтѣ; я оставался одинъ, свободный, счастливый.

Какъ и другіе молодые люди, я всякое воскресенье и всѣхъ праздникахъ отправлялся въ Комо; вмѣстѣ съ ними изъ церкви выходилъ въ погребокъ. Я встрѣчалъ много молодыхъ прекрасныхъ дѣвушекъ, но сердце мое не билось ни для одной изъ нихъ. Я завидовалъ тѣмъ изъ моихъ товарищей, которые любили, глупцы! На масленицѣ, въ 1779 году, одинъ изъ прежнихъ товарищей моего отца пригласилъ меня на балъ въ Комо. Я обрадовался этому приглашенію. У этого человека была дочь, которую я никогда не видѣлъ; она была также хороша какъ и ты, Мадалена. Взявъ ее за руку, чтобъ протанцовать съ нею вальсъ, я дрожалъ, какъ преступникъ; я не имѣлъ силы говорить съ нею. Однимъ словомъ, очередь моя пришла, и послѣ этого бала, я не завидовалъ счастью моихъ друзей. Дни я проводилъ въ Комо; въ надеждѣ ее увидѣть; ночью, окончивъ дѣла, я бродилъ мимо окошекъ ея комнаты. Прошелъ мѣсяць: это былъ мѣсяць высочайшаго счастья для меня. Въ это время таможенный отрядъ нашей провинціи былъ смѣненъ другимъ.

«Одинъ изъ новыхъ таможенныхъ приставовъ былъ также равнодушенъ къ Розинѣ. Онъ такое же право имѣлъ, какъ и я; мнѣ нечего было ему говорить, но ревность мучила меня; впрочемъ онъ былъ довольно сговорчивый въ дѣлахъ и не подавалъ никакого повода къ ссорѣ. Я ему высказалъ откровенно мою любовь и далъ ему почувствовать, что одинъ изъ насъ долженъ навсегда отказаться отъ Розинѣ. Онъ, казалось, раздѣлялъ мое мнѣніе. Съ общаго согласія, мы рѣшились просить оба руки молодой дѣвушки и поклялись передъ Распятіемъ, что тотъ, кто будетъ отвергнуть отцемъ, позабудетъ дочь.

«Невозможно описать всѣ муки, которыя я вытерпѣлъ, въ ожиданіи этого отвѣта. Черезъ два дня, человекъ, которому поручилъ я это дѣло, сообщилъ мнѣ, что отецъ предпочитаетъ меня; что только остается сговориться о приданомъ и назначить день свадьбы. Я думалъ, что съ ума сойду отъ радости. Отъ какъ очарователенъ казался мнѣ городъ Комо, когда я въ первый разъ шелъ на свиданіе къ обожаемой невестѣ моей! Я сообщилъ мое счастье Ипполито; и онъ пожалъ мнѣ руку, поздравилъ меня и обѣщавалъ не думать болѣе объ Розинѣ. Ипполито, это былъ таможенный, отецъ Джіованни. Въ 1780 году ангелъ небесный вошелъ въ первый разъ въ мое жилище и принесъ съ собою благословеніе Божіе. Мои дѣла процвѣтали, жизнь моя

Онъ не вполнѣ счастливъ. Не это мирное спокойствіе не даго проращивалось. Мое заведеніе было публичное: всякій имѣлъ право за деньги посѣщать его. Имѣнникъ Импольто разстроилъ мое такое счастье. Я ему замѣтилъ, что его частыя посѣщенія меня мучать. Злодѣй ухмыль, что онъ совершенно волегалъ отъ своей страсти и можетъ безопасно посѣщать мой домъ. Онъ даже, какъ впрочемъ преступникъ, но моя жена была такъ добродѣтельна, такъ предана мнѣ, что рассудокъ мой заглушилъ ревность. На прошествіи года, въ моему счастью, Импольто назначилъ на другое мѣсто. Онъ былъ въ отсутствіи, въ продолженіе восьми лѣтъ, и въ эти восемь лѣтъ я наслаждался такимъ полнымъ счастьемъ, что это самое заставляло меня опасаться какого-нибудь несчастія; всякій христіанинъ долженъ нести оной крестъ, и я чувствовала очень хорошо, что я не могу имѣть исключенія изъ общаго правила! Мое предчувствіе скоро оправдалось. Импольто возвратился въ провинцію, и следовательно въ моему домъ. У меня было тогда двое дѣтей: твой бѣдный отецъ, Ансельмо, и ты, Луиджи. Импольто приходилъ въ мою мастерю, пилъ вино и платилъ за него, жаль мнѣ дружески руку какъ прежде, но имѣнникъ старался заставить мою жену, когда она оставалась одна. Наконецъ дошло до того, что Розина жаловалась мнѣ. Я вынулъ таможеннаго, который скинулъ маску и объявилъ мнѣ открытую войну. Съ самаго того времени, не проходило ночи, чтобъ не случилось какой-нибудь схватки между таможенными и моими людьми. Но все это имѣло въ сравненіи съ тѣмъ несчастіемъ, которое мнѣ угрожало... О! дѣти мои! нѣтъ силъ разказать вамъ не слышанное злодѣяніе!...

Изъ груди стараго Піетро вырвался ужасный рыданіе. Дѣти его плакали съ нимъ вмѣстѣ, глубоко тронутые горестью старика.

Послѣ нѣкотораго молчанія Піетро поднялъ голову и продолжалъ:

«Открылась французская революція. Это политическое волненіе было чувствуемо и въ Италіи. Во всей странѣ замѣтенъ былъ какой-то беспорядокъ, искра скрывалась подъ пепломъ. Выдержавъ значительную схватку съ таможенными, которые лишили многихъ людей, потому что начальника ихъ не было съ ними, я возвращался домой скучный, молчаливый, утомленный этою бурною жизнію. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому, я вынимаю ключъ изъ кармана... напрасный трудъ!... дверь была

отверта!... Я перешелъ порогъ, самъ не своей... Комнаты: остерин были пусты.... Вхожу.... здѣсь.... въ этой самой комнатѣ.... потому-что Розина жила въ ней.... эта провѣтъ была ея!... Эту мебель она принесла мнѣ въ приданое.... все было на мѣстѣ, но Розина не отвѣчала на мои отчаянные вопли....

«О! тотъ, кто не былъ въ такомъ положеніи, не можетъ понять, что тогда было со мной.... Голосъ моего бѣднаго Андреа заставлялъ меня ономиниться. Ребенку было не болѣе четырехъ лѣтъ... «Папа» вскричалъ онъ, прибѣжавъ ко мнѣ: «таможенный увезъ на рукахъ маменьку....» Я упалъ безъ памяти.... и ономинился только вечеромъ. Тогда первую мою мыслью было самоубійство; я бы могъ пережить мою жену, но ея безчестіе, это мнѣ казалось невозможнымъ!... Однако Андреа кричалъ, что онъ хочетъ вѣтъ! Луиджи плакалъ въ люлькѣ.... Я былъ отцомъ... я рѣшился не лишать себя жизни, хотя она въ тысячу разъ была ужаснѣе самой смерти!.. Всѣмъ повскиполаціи были напрасны... Не слышно было въ провинціи ничего объ Ипполито въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.... Мнѣ суждено было еще страдать, какъ стужу, отъ этого ужаснаго человѣка! Годъ спустя послѣ того, какъ онъ скрылся, я получилъ письмо съ французскимъ штемпелемъ. Розина умерла въ госпиталѣ въ Нанси, оставивъ ребенка. Офицеръ, прибавляла въ письмѣ, принялъ новорожденнаго изъ челоуѣколюбія.... Этотъ офицеръ назывался Ипполито А...! Священникъ сообщалъ мнѣ всѣ эти подробности. Я получилъ ляхорадку и былъ въ безпрестанномъ бреду въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Ты, Луиджи, ты, который любилъ, ты, который былъ женатъ, ты можешь понять всѣ мои мученія. Выздоровѣвъ, я утѣшался мыслию, что ея нѣтъ на свѣтѣ и что все кончено для меня. Тогда мнѣ оставалась одна цѣль въ жизни, захватить гнуснаго Ипполито и отмстить ему! Мщеніе! Эта мысль придавала мнѣ силы и была единственнымъ счастіемъ, о которомъ я могъ мечтать! Я посвящалъ себя дѣтямъ; они доставили мнѣ счастье, котораго я не ожидалъ, бѣдные дѣти! Могъ ли я предвидѣть, что я ихъ предавалъ въ руки этому проклятому роду?...»

Піетро снова былъ прерванъ слезами.

«Говорятъ, огорченія, продолжалъ онъ, укарачиваютъ жизнь: мой, напротивъ, заставляли меня неволью жить долѣе. Въ 1814 году, въ то время, когда Австрійцы замѣнили Французовъ въ Ломбардіи, моему Андреа минуло двадцать девять лѣтъ; тебѣ, Луиджи,

дни; было двадцать семь. Я бы могъ тогда спокойно умереть... но нѣтъ!... надежда мщенія заставляла сильнее биться мое сердце. Боже мой! Боже мой! Кто бы могъ предвидѣть?... Это было въ ужасную, длинную ночь; тогда не было ни луны, ни звѣздъ, ни сна; небо было закрыто тучами, земля была сырая и скользкая. Нагруженные богатыми товарами, мы отправились отсюда въ часъ воутру, въ числѣ пятнадцати, всѣ люди крѣпкіе и отчаянные. Мальчикъ шелъ передъ нами, освѣщая намъ путь. Я шелъ впереди другихъ съ моимъ бѣднымъ Андреа, — ахъ, какъ онъ любилъ меня! Луиджи былъ тогда занять въ Лугано. Надо было идти съ величайшею осторожностію, потому что за нѣсколько дней передъ тѣмъ мы имѣли схватку съ таможенными и не могли ожидать пощады отъ нихъ, если бы они насъ увидѣли. Въ разстояніи полумили отсюда, на возвышеніи, мальчикъ подалъ условленный сигналъ тревоги. Товарищи мои спрятались за кусты; я не успѣлъ, нагнулся у плетня и вострился; рука моя готова была спустить курокъ ружья. Черезъ нѣсколько минутъ большой отрядъ таможенныхъ прошелъ мимо меня; они прощипывали моихъ людей, въ надеждѣ, что они бросятъ свои тюки. Я былъ на краю тропинки, которую они занимали. Одинъ изъ этихъ проклятыхъ прицѣлился въ нашего... Раздался выстрѣлъ и сторвалъ мнѣ ухо... Я поднялъ голову... Человекъ, который слѣдилъ меня глухимъ, былъ Испанго. И та же пуля, которая ранила отца, убила и сына. Да, мой Андреа убитъ, прострѣленный въ сердце пулей! Убийца услышалъ мое дыханіе и началъ ощущивать саблей плетень. Одинъ сначекъ, и я былъ въ сторонѣ и прицѣливался въ него въ свою очередь. Но я былъ слишкомъ взволнованъ, видѣ этого злодѣя привелъ меня въ бѣшенство... Я выстрѣлилъ мимо въ шести шагахъ, тогда какъ я двѣнадцатую выстрѣлами убилъ одиннадцать ласточекъ; моя счастливая или несчастная звѣзда сберегала мнѣ этого человекъ для полнѣйшаго мщенія!... Эти два выстрѣла были сигналомъ общей битвы. Мои люди хотѣли отомстить за сына своего начальника, они останавливались въ оборонительномъ положеніи передъ таможенными, которые вообразили, будто они имѣли право насъ убивать, когда мы не отдавали имъ своихъ тюковъ... Какая ночь! какая ночь! Насъ было пятнадцать, когда мы вошли, а возвратилось только семь!... Съ тѣхъ поръ я не могъ быть начальникомъ. Глухой — дурной солдатъ, и еще худшій командиръ; я покорился своей судьбѣ и призвалъ Луиджи, кото-

рый достойно заставил меня. Неприятель мой бился со всеми провинциями... И только думать, как бы мне завладеть его и подвергнуть неслыханное преступление неслыханному наказанию. Я не нашел расправы между людьми, тогда у меня оставалась мою Обданую жену; теперь я хотел расправиться сам. Я подавил бешенство въ глубинѣ души своей. Никто не знает, кѣмъ былъ убитъ мой сынъ: я скрываю это око века. Я проводилъ почти все время въ Кемо въ непробавкѣ, въ которыхъ часто собирались тамженные, и я выжидалъ благоприятнаго случая, для вышвенной чашкѣ шамона.

«Разъ какъ-то я остался тамъ позже обыкновеннаго и услаждалъ, что нѣсколько человекъ изъ свиты Империата разговаривали о какой-то поѣздкѣ на озеро, на которую они должны были отправиться черезъ четверть часа! Я замаскировалъ досытъ и пошелъ скорымъ шагомъ къ тому мѣсту, гдѣ мой сынъ ушелъ рваный пулей проклятаго. Империату должно было ѡбѣдять тамъ, возвращаясь домой сухимъ путемъ. Мои нащипы обманлики; я стоялъ не больше часа, какъ убійца мой пошелъ моего сына и нависалъ на краю тропинки. Основанъ же было много оружія, колющаго палка, которая висела на мѣсто моего ногамъ моего этого человека. Тогда я взялъ это оружіе, и столетны в саблю, и все бросилъ въ прищель.

«Потомъ, вынувъ изъ кармана биченку, которую я носилъ тогда съ собой съ того дня, какъ лишился моего Андреа, и завязалъ руки моему врагу и стащилъ его стода. Я билъ плать съ этимъ человекъ!... но не могъ придраться свитѣтеле... Никто не знаетъ, что подъ нашими погребомъ есть глубочайшій пощвалъ. Въ этотъ самый пощвалъ я оттащилъ еужнаго убійцу... привязалъ его ногамъ къ бревну, потопилъ...»

— Дѣдушка! вскричала Медалена.

— Я наслаждаюсь своимъ имуществомъ восемь дней...

— Восемь дней! повторилъ Анселимо, задыхаясь.

— Да, по повѣстивъ недѣли инокороуиъ его, надѣясь, что съ нимъ виѣстѣ зривель и нивель о основности и шулаъ чондадать приближенія смерти въ молитвѣ. (Но чиню было, чтобы свана его прищель отравить послѣднее время моей жизни: вы основате всего что я чувствую съ тѣхъ поръ, какъ этотъ человекъ сподобился въ вашей провинціи!... Да! этотъ человекъ, этотъ Дикомини есть достойный сынъ Империата и моей несчастной Розиан!... О! Боже мой! Боже мой! И этотъ человекъ, этотъ мой возлюблен-

ней, домасть мнѣ вѣсти, убиваніе моего единственнаго сына и... Милосердый Боже, спаси Мадалену! спаси этого блуждающаго скотца!... Блуждаюти минулы, когда мнѣ служить мнѣ угб-періентъ, не случаются и другіе, когда шумящій голоса...

— Не свирчайте этого голоса, дѣдушка! вскричала Мадалена, это самъ Богъ, который говоритъ вамъ. Прощайте къ эту милость минулы, и Богъ скажетъ надъ вами и проститъ васъ.

— Это слова чистой ангельской души, отецъ мой, преговорилъ Дунда, не пренебрегите имя. Милостіе для тѣхъ, которые отлеются здѣсь, а тѣ, которые дождутся эту землю, должны прощать.

— Милостіе? прощаніе Ансельмо, не развѣ оно не исполнено еще? Странная смерть этого несчастнаго таможеннаго развѣ не послужила всѣхъ преступленій?

— Ансельмо! оказалъ старикъ, заслонивъ, Ансельмо замочил ты вызываешь угрызения моей совѣсти!

— Богъ тронулъ ваше сердце, дѣдушка, возразила кроткимъ голосомъ Мадалена; Богъ удостоилъ взглянуть на васъ милосердымъ окомъ, потому-что этотъ спасительный страхъ ведетъ къ раскаянію и спасенію. Позабудьте все, дѣдушка, думайте о Богѣ, къ которому вы скоро явитесь.

— Просите у него, чтобъ онъ простилъ вамъ эту ужасную мѣсть, прибавилъ Ансельмо съ чувствомъ. Покайтесь, дѣдушка, предъ Богомъ, который одинъ видѣлъ ваше преступленіе...

— И принесете Ему въ жертву волюю невинность, воѣ страсти земныя, продолжала Мадалена, потому-что двери вѣчности открываются передъ вами, милый дѣдушка...

— Отецъ мой! отецъ мой! прощаніе Дунда.

— Боже милосердый, воспринимай старикъ, заливавъ слезами, заслужилъ ли я милость твою двадцати-пяти-лѣтнимъ страданіемъ? О Боже! я забываю мои страданія, если за нихъ ты посылаешь мнѣ въ предсмертный часъ, за немѣннимъ свидѣніемъ, двухъ ангеловъ, которые водятъ меня къ тебѣ! Благодарю, благодарю, Спаситель мой! прости мнѣ, какъ я прощаю Дундана!

Восмалчаніе радости вырвалось изъ груди трехъ присутствующихъ, потому-что въ этихъ спасительныхъ словахъ они видѣли вѣчное блаженство любимого ихъ родителя.

рацы товарищей ихъ были смертельны. Потому Мадалена перекрестилась прежде тѣхъ, которыхъ можно было спасти.

Пока это доброе существо старалось спасти отъ смерти своихъ ближнихъ, Ансельмо рассказывалъ Мостакино исторію, слышанную имъ отъ Пьетро Сарти и описывалъ завидную смерть его. Когда онъ кончилъ рассказъ, Гаэтано, послѣ нѣкотораго размышленія, сказалъ:

— Мы въ жалкомъ положеніи! Должны страдать за чужую вину!... Но будетъ ли конецъ мщенію этого ненавистнаго челоука?

— Я думалъ, что все уже кончено? возразилъ Ансельмо.

— Нѣтъ, я долженъ былъ выпустить добычу!... Я предчувствовалъ самъ, не знаю почему, несчастія, случившіяся здѣсь и хотѣлъ избавиться отъ этого непримиримаго врага или погибнуть.... Но адъ, который ему покровительствуетъ, послалъ противъ насъ вооруженныхъ людей изъ Чіассо. Надо было прекратить кровопролитіе. Довольно съ насъ, что мы вооружили противъ себя австрійское правительство; еще прибавить къ этому гоненіе швейцарскаго, значить потерять все безъ возврата.... Намъ было тринадцать, когда мы вышли отсюда.... роковое число! Теперь насъ только пятеро, если всѣ останемся живы.

На другой день послѣ похороны дѣдушки и двухъ контрабандистовъ, умершихъ въ домѣ ночью, Ансельмо нанялъ карету въ Чіассо и свезъ своего дядю, сестру, Сэроца-Джезу и Гаэтано въ домъ послѣдняго.

Искусный хирургъ ручался за жизнь трехъ больныхъ, и чрезъ мѣсяць Мостакино и его преданный помощникъ были совершенно здоровы.

Въ это время Гаэтано имѣлъ всю возможность обстоятельно обдумать свою будущность. Онъ ясно видѣлъ всѣ опасности своего поприща и понималъ, что Мадалена избавится отъ преслѣдованій таможеннаго только въ Лугано, въ собственномъ его домѣ. Потому онъ и рѣшился заняться болѣе значительными дѣлами, чтобы быть въ состояніи черезъ нѣсколько времени вернуться на любимой имъ дѣвушкѣ.

Пьетро, думалъ онъ, кончилъ свое поприще; Лунджи выздарила, Ансельмо и Мадалена страдали только изъ участія къ нимъ: и такъ всѣ наши потери могутъ легко вознаградиться. Миѣ только слѣдуетъ теперь употребить всѣ мои силы, чтобы ускорить счастье моей возлюбленной невѣсты, моего небесаго

адела. Да сохранитъ меня Богъ въ продолженіе сдѣлаго для двухъ мѣсяцевъ, и я перестану заниматься контрабандой, а займусь небольшою торговлею въ Лугано. Мадалена не хочетъ и думать о свадьбѣ прежде окончанія траура но ея дѣдушкѣ, но она согласится занять мѣсто въ моей скромной конторѣ, въ ожиданіи этого счастливаго дня. И такъ, потерпимъ, и быть-можетъ еще будутъ счастливые дни для бѣднаго Гаэтано.

Надо было приняться за дѣла и слѣдовательно снова поселиться въ остеріи; потому-что Мостаккино предиринималъ всѣ свои дѣла пополамъ съ фамиліею Сартти. Луиджи не хотѣлъ растаться съ своими друзьями, его перенесли въ его домъ, не смотря на запрещеніе доктора. Размѣстивъ въ остеріи семейство, которое онъ считалъ уже роднымъ, Гаэтано отправился въ Мендризіо, гдѣ набралъ двадцать человѣкъ самыхъ отважныхъ контрабандистовъ. Въ тотъ же вечеръ онъ употребилъ ихъ въ дѣло. Въ одиннадцать часовъ она пришли, нагруженные товарами, къ невѣстѣ ихъ новаго начальника, гдѣ ожидалъ ихъ сытный ужинъ.

— Въ дорогу, ребята! вскричалъ Мостаккино, услышавъ, что изъ колокольнѣ Коло пробило двѣнадцать часовъ.

Звонъ этого колокола заставилъ вздрогнуть Мадалену; потому-что онъ былъ предвѣстникомъ ужасной ночи, въ послѣдній разъ, когда его бой былъ слышанъ ею. Однako молодая дѣвица скрыла овладѣвшій ею ужасъ.

— Въ путь! повторилъ Мостаккино!

Всѣ контрабандисты въ одинъ голосъ желали успѣха.

— До свиданія! сказалъ онъ наконецъ своей невѣстѣ, пожавъ ей руку, потомъ, обращаясь къ своему будущему брату:

— Впередъ! вскричалъ онъ, и при малѣйшемъ признакѣ опасности условленную цѣню, не забывая осторожности.

— Пошлаю, отвѣчалъ Ансельмо.

Небольшой отрядъ вышелъ изъ остеріи; Ансельмо гораздо опередилъ ихъ. Мостаккино и Сороца-Джезу шли впереди. Четыре вооруженные человѣка и безъ груза шли за ними. Потомъ слѣдовали двѣнадцать контрабандистовъ съ товарами за плечами, съ ружьями въ рукахъ и пистолетами за поясомъ. Четыре другихъ, также вооруженныхъ, заключали шествіе.

Ночь была прекрасная, луна сіяла въ полномъ блескѣ.

Контрабандисты перешли безъ приключеній границу и достигли высоту въ порядкѣ и мѣрнымъ шагомъ.

Но лишь только они начали всходить на гору Ломпино, въ немаломъ разстоянїи отъ нихъ раздался звучный и чистый голосъ; онъ пѣлъ:

E'una storia ben curiosa,

Adi Là liou Hroula *

Это былъ голосъ Ансельмо. Контрабандисты спрятались за плетень, который отдѣлялъ дорогу отъ горъ, и держались наготовѣ. Тогда вдали послышалось хлопанье въ ладоши, потомъ голоса, которые кричали:

— Браво! Повтори!

Ансельмо продолжалъ пѣть; но страшный грозный, какъ рыканіе льва, голосъ прокрылъ его дѣтскій нѣжный голосокъ и ужасное слово *баста* (довольно) раздавалось въ воздухъ и отлинулось на вершинахъ горъ.

Въ это время слабый свѣтъ заблесталъ на вершинахъ Ломпино: раздался ружейный выстрѣлъ, и Ансельмо упалъ навзничь.

Онъ упалъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ шестнадцать лѣтъ назадъ и за нѣсколько мѣсяцевъ прежде его рожденїя, которое стоило жизни его матери, Піетро началъ продолжительную и ужасную пытку отца Джіованни.

Залпъ изъ двадцати ружей вдругъ ударилъ въ старые дубы, которыми увѣнчана вершина Ломпино. Восемь контрабандистовъ, которые охраняли товары, отдѣлились и на, по двумъ противоположнымъ дорогамъ, добрались до вершины горы, чтобъ отыскать убійцу любимаго брата Мадалены.

Они осмотрѣли, съ кинжалами въ рукахъ, около всѣхъ плетней, шаряли въ кустахъ, искали въ ямахъ, но все безуспѣшно, убійца успѣлъ убѣжать. Печально вернулись они къ товарищамъ.

Рана, которую получилъ Ансельмо, была опасна. Надо было, не теряя времени, перевязать ее. Сороча-Джезу вызвался самъ

* Это очень любопытная исторїя,

Аюэ, ла лиру лирула.

снести мальчика въ остерію, но Мостаксико замѣтилъ ему, что надо поберечь Мадалену. Онъ просилъ своего преданнаго друга снести Ансельмо въ Чіассо, пригласить знакомаго ему доктора и потомъ перенести въ Лугано, въ его домъ, если будетъ возможно. Сороца-Джезу пошелъ проселочной дорогой съ своей драгоценной ношею; другіе контрабандисты продолжала путь съ своимъ начальникомъ.

Вскорѣ Мостаксико замѣтилъ въ нѣкоторомъ разстояніи патерныхъ таможенныхъ, которые шли къ нимъ на встрѣчу. Онъ далъ тихимъ голосомъ наставленіе своимъ людямъ и продолжалъ путь. Обыкновенно, когда таможенные были въ меньшемъ числѣ и не подъ командою неумолимаго Джіованни, они довольствовались небольшою платой, которую предлагалъ имъ одинъ изъ контрабандистовъ и дѣлали видъ будто не замѣчали товара... На этотъ разъ таможенная стража напрасно ожидала посланника мира; они робко подвигались, потому что могли легко разсмотрѣть, не смотря на разстояніе, число своихъ противниковъ. Когда они были въ пятидесяти шагахъ отъ нихъ, Мостаксико произнесъ роковое слово: баста! и въ ту же минуту таможенные упали, будто пораженные громомъ.

Начиная съ этой ночи, баста! стало возгласомъ войны у контрабандистовъ: баста! значило мщеніе! возмездіе! Баста! служило приговоромъ къ неминуемой смерти. Смыслъ этого ужаснаго слова, непонятнаго для таможенныхъ, могъ имъ объяснить Джіованни, но Джіованни исчезъ для всѣхъ послѣ этой ужасной ночи; никто не зналъ, куда онъ дѣвался.

Мадалена, запершись въ комнатѣ своего отца, находилась въ ужасномъ положеніи, въ невыразимомъ безпокойствѣ, сама не зная отъ чего. Малѣйшій шумъ заставлялъ ее вздрагивать; свистъ вѣтра казался ей томительною жалобою; веровное дыханіе Лунджи, отдаленнымъ стономъ. Сидя у каміна, она смотрѣла въ молитвенникъ и не могла прочесть ни слова. Наконецъ усталость превозмогла, и глаза ея сомкнулись.

Въ два часа по утру она видѣла страшный сонъ, въ которомъ Джіованни и Ансельмо играли главную роль, потомъ она проспала крѣпкимъ сномъ до четырехъ часовъ. Раздвинувшійся ударъ въ двери остеріи разбудилъ ее въ это время; это былъ Мостаксико, который, кончивъ свои дѣла въ Комо и отсутствіи своихъ людей, возвратился одинъ черезъ озеро, по своему обыкновенію,

Мадалена побѣжала отвѣрить. Ея поразило, что женщина ее пришла сидѣть:

— Гастано, вернула она, гдѣ Ансельмо?... Гдѣ мой братъ!.. Огнѣй же!

— Войдемъ прежде, отвѣчалъ Мостакино въ смущеніи, вѣсть дрожавшею рукою рукою Мадалены.

— Ансельмо вѣтъ съ тобою? Гдѣ же она? Боже мой! скажи же, Гастано!

— Успокойся, Мадалена, дай мнѣ вздохнуть....

— Гастано! вскричала молодая дѣвушка вѣтъ себя, если ты меня любишь, скажи, что случилось съ моимъ братомъ! Я люблю его, да, я люблю этого мальчика, какъ сына. О Пресвятая Богородица! Мой сонъ не обманулъ меня!.... Я читаю въ глазахъ твоихъ истину, которую ты напрасно хочешь скрыть отъ меня!.... Ансельмо убитъ!

— Нѣтъ, но онъ опасно раненъ, отвѣчалъ Мостакино, видишь, что нечего было готовить ее къ этому несчастію.

— Но гдѣ же онъ? Гдѣ онъ? спросила Мадалена въ безумствѣ. Что сдѣлали вы съ моимъ Ансельмино? Куда дѣвали вы моего любимого брата?

— Не безпокойся, милая, теперь онъ уже у меня въ домѣ, въ Лугано, гдѣ докторъ, который спасъ твоего отца и твоего жениха, спасетъ и его также. Успокойся, моя милая.

Мадалена оставалась нѣсколько времени неподвижною, какъ будто искала сама въ себѣ силы перенести это безмѣрное несчастіе, потомъ спросила съ большимъ спокойствіемъ:

— Но кто, кто же осмѣлился поднять руку на мальчика? кто же этотъ извергъ?

— Джіованни.

Молодая дѣвушка упала на колѣни, сложила руки, подняла свои свѣтлыя глаза къ небу и провознесла съ одушевленіемъ:

— Боже мой! Прости Джіованни, прости Ансельмино, прости и мѣ всѣмъ! Матерь Божія! не оставь ихъ!

Потомъ она вошла съ жеманомъ своимъ въ комнату отца. Думая принять это извѣстіе съ страшнымъ равнодушіемъ. Черезъ нѣсколько минутъ она молочно привѣтала и сказала своему брату, что затѣла слабѣе отъ ангорки, гдѣ она была.

— Теперь-то я долженъ выздороувѣть во что бы то ни стало!... И я выздороувѣю, видитъ Богъ, выздороувѣю!

Въ продолженіе двухъ недѣль не видно было Джіованни ни на высотахъ, ни въ долинѣ, гдѣ стояла остерія, ни въ городѣ Коно и ничего не слышно было объ немъ. Контрабандисты утѣшались, думая, что нанесли ему смертельную рану, когда, забывъ несчастіе Ансельмо, они выстрѣлили на вершину горы Ломпино, гдѣ вѣроятно скрывался в таможенный. Какъ бы то ни было, Мостакино продолжалъ свои путешествія каждую ночь и увеличивала постепенно кругъ своей промышленности, четью, которую онъ бралъ себѣ. Въ одинъ вечеръ, нарасно ожидая Сороца-Джезу, онъ направилъ путь къ высотамъ въ сопровожденіи своихъ людей. Это было въ первый разъ, что вѣрный Сороца-Джезу не явился на мѣсто въ назначенной часъ. Начальникъ его, безпокоясь о немъ, не успѣлъ сдѣлать и трети предстоящей дороги, какъ встрѣтилъ этого преданнаго друга.

— Гдѣ ты пронадалъ? спросилъ онъ его полустрогимъ и полуплутоватымъ голосомъ.

— Я былъ въ могребѣ. У меня редилось подозрѣніе.... я хотѣлъ увѣриться.... Ты знаешь, что если что-нибудь меня безпокоитъ, я не могу оставаться спокойно на мѣстѣ....

— Знаю, но ты заставлялъ насъ потерять добрый часъ.

— То, что я вибю тебѣ снзавать, вознаградитъ потерю времени. Отгадай, Мостакино, съ кѣмъ я шилъ сегодня вечера?

— Я не волшебникъ, Сороца-Джезу; наприѣръ не съ красною ли булочницею, за которою ты давно ухаживаешь?

— Я объ ней и забывъ сегодня вечеромъ. Съ Джіованни!...

— И ты не снзавалъ: баста! вскричалъ Мостакино, остановился и скрестивъ руки на груди.

— Я и не подумалъ этого, чортъ возми! нашъ молодецъ совѣмъ перемѣнился.

— Перемѣнился, повторилъ начальникъ, пожавъ плечами; почему пришелъ впередъ и прибавилъ: какъ ты это понимаешь?

— Увѣраю тебя, что это не тотъ человекъ, что былъ двѣ недѣли тому назадъ.

— Общались?

— Онъ чистосердечно расказываетъ во всѣхъ несчастіяхъ,

которые причивилъ нашему семейству. Онъ болѣе не врагъ нашъ.

— Это было бы хорошо, но я ему не вѣрю.

— Гмъ! Онъ имѣлъ время пораздумать! опасная рана заставляла его довольно пролежать въ постелѣ. Онъ мнѣ это самъ рассказывалъ. И это чудо произвела одна изъ нашихъ пуль. Онъ мнѣ поклонился, что не хочетъ болѣе продолжать своего мщенія... Ты знаешь?...

— Тѣмъ лучше для него.

— И для нашихъ дѣлъ тоже. Я чуть было не бросился къ нему на шею, когда услышалъ такіе рѣчи. Еще болѣе. Онъ имѣетъ сильное желаніе помириться....

— Съ кѣмъ? спросилъ Гаэтано, нахмуривъ брови и голосомъ, въ которомъ выказывался худо скрытый гнѣвъ.

— Онъ хотѣлъ бы, отвѣчалъ робко простодушный Сороца-Джезу, чтобъ... дѣла шли прежнимъ порядкомъ.

— Это другое дѣло, возразилъ Мостаксико съ спокойнымъ видомъ. Въ такомъ случаѣ надо было сговориться съ нимъ... Ты вѣдь знаешь, что я вполне довѣряю тебѣ.

— Но... вотъ что... произнесъ съ разстановкой Сороца-Джезу, онъ хотѣлъ бы условиться именно съ тобой.

— Нѣтъ! вскричалъ начальникъ. Если такъ, я не соглашаюсь ни на какія условія...

— Однако.... прибавилъ Сороца-Джезу.

— Ни слова болѣе! рѣшительно сказалъ Мостаксико. Я могу дѣлать видъ, что не вижу этого человѣка, когда встрѣчусь съ нимъ; но если онъ встрѣтитъ меня на дорогѣ, когда я буду одинъ!... тогда! я не отвѣчаю за себя!

— Въ такомъ случаѣ я попробую уговорить его. Онъ назначилъ мнѣ свиданіе сегодня ночью въ половинѣ пятого часа?

— Гдѣ?

— На вершинѣ Ломбино.

— Не ходи, несчастный! Это обманъ!

— О! нѣтъ! если бы ты поговорилъ съ нимъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ, какъ я, ты не подозрѣвалъ бы его.

— Сороца-Джезу! Я не могу тебѣ запретить, какъ начальникъ, но какъ другъ, совѣтую тебѣ, умоляю тебя, не ходить на это свиданіе. Если этотъ человѣкъ дѣйствительно раскаялся, онъ бы нашелъ другое мѣсто и время для нашихъ переговоровъ.

Къ чему подвергать жизнь опасности безъ всякой пользы?

— Ты думаешь, что я боюсь его?

— Я увѣренъ, что нѣтъ; но если охъ употребить хитрость, къ чему послужить твоя храбрость.

— Я буду остороженъ; и притомъ стоитъ ли моя жизнь, чтобъ объ ней такъ заботиться?

— Упрямецъ!

— Что у насъ сегодня вечеромъ? спросилъ Сероца-Джезу, покладъ плечами, показывая явное презрѣнiе къ опасности.

— Множество вещей: сукна, кашемиры, шелковыя матерiи для хозяина; кружева и разныя галантерейныя вещи собственно для меня. Это весьма не дурно. Если бъ каждую ночь попадались подобныя вещи, я бы черезъ мѣсяцъ уступилъ тебѣ свое мѣсто и начальство надъ моими людьми; это заставило бы тебя полюбить болѣе свою жизнь.

— Да, потому-что я тогда могъ бы надѣяться получить руку Фурнарны.

Мостаксимо, дорогою въ Комо, старался представить своему товарищу прiятную будущность.

Выложивъ свои товары у покупателей, получивъ деньги за собственные, и росписку за хозяйскiе, онъ уговорился съ своимъ прероручителемъ о завтрашней доставкѣ. Потомъ отпустилъ людей и направилъ путь къ озеру. Три часа было на часахъ въ Комо, когда онъ сѣлся въ лодку. Ночь была холодна, но прекрасна; луна уходила за горы, но ясное звѣздное небо было во всемъ своемъ великолѣпiи. Панорама города ясно отдѣлялась отъ чистой лазури небесъ; онъ лежалъ полукругомъ около порта; его бѣлые дома кокетливо любовались собою въ водахъ озера. Различныя лодки, множество рыбацкихъ ботовъ и нѣсколько гондолъ, принадлежащихъ богатымъ людямъ окрестныхъ дачъ, спокойно ожидали зари, чтобъ плыть по всѣмъ направленiямъ. Направо и налево по берегамъ этого прекраснаго зеркала, едва подернутаго легкою зыбью, возвышались великолѣпныя дворцы, окруженные обширными садами, которые спускались амфитеатромъ къ самой водѣ. Надъ этими зданiями красной архитектуры огромная, деревянная лѣстница примыкала къ голой скалѣ на вершинѣ горы. Деревья, правда, не красовались зеленью, но яркiй блескъ снѣга мѣстами выказывалъ явственнѣе сѣрый грунтъ, на кото-

редъ онъ лежалъ. Дале деревня Чернобіа, казалось, соединяла оба берега.

Всакій разъ, какъ Мостаксина пересѣзала черезъ мостъ, онъ находилъ въ немъ какія-нибудь новыя красоты. Насколько любъ уже онъ наслаждался видами пріятныхъ и живописныхъ, каждый день послѣ своей работы и всегда глядѣлъ въ этой ночной прогулкѣ невыразимую прелесть. Онъ согласился бы провѣстивъ всю жизнь на этой прозрачной волнѣ, онъ тутъ уже не былъ контрабандистомъ, не торговцемъ. Волю отдавая очарованію окружающей его природы, онъ докопалъ мыслями ослѣпленнаго. Воображалъ себя сидящимъ возлѣ своего ангела, своей прекрасной женою и медленно гробъ, мечтала о свободѣ.

Въ эту ночь, по случаю разговора съ Сероца-Джесу, Мостаксина еще болѣе обманчиваго стромаъ воздушные вѣтры, такъ что не замѣтилъ какъ пріѣхалъ къ Чернобіа. Но это еще усилило его пріятное расположеніе духа. Онъ возвращался къ Ломпиво, не спѣша и безопасно затанувъ пѣсно:

La mamma che de mi lega d'istare,
Ben con ben stara bilaben,
La mi mandava
Diridon farà nina nina
A spigolar della linosa .

Эхо гротовъ и горъ повторяло мелодію этой наивной пѣсни. Окончивъ куплетъ, Гаэтано обернулся, услыша вблизи шорохъ. Онъ увидѣлъ рыбацью лодку, которая приближалась къ нему; въ ней былъ только одинъ гребець.

Мостаксина продолжалъ:

Quando mi anca fini de spigolare etc.

* Эта пѣсня болѣе широкія ломбардскаго, чѣмъ италіанскаго.

Моя мать, которая заводила шибъ,
Безъ лодки безъ стора билабени,
Посылала меня
Диридонъ фара нина нина
Собирать лезъ.

Грибача озираше и проронилъсь съ лодкой Пьетрино. Неизреченность обернулся и сказалъ:

— Доброй ночи, товарищъ!

— Доброй ночи, отвѣтилъ грубымъ голосомъ, который видимо старался извѣщать свидѣній въ другой лодкѣ: мой, молодой человекъ, ты болѣе не будешь пѣть въ такомъ молодомъ возрастѣ.

Мостаккино продолжалъ пѣть.

Онъ только-что кончилъ послѣднiя слова, какъ что-то тяжелое ударило его въ голову, и слово "баста!" раздалось въ чобчу-жѣ. Мостаккино упалъ на кобъни; второй ударъ весла повалилъ его. Тогда его противникъ напнулся впередъ, оперся на край его лодки, она опрокинулась.

Итомя Джюванни, — потому-что это былъ онъ, — скрестивъ руки и смотрѣлъ на поверхность озера, пока оно снова не стало гладкимъ. Тогда онъ удалился, повторяя послѣднiй куплетъ, который началъ пѣть Мостаккино.

IV.

Шесть часовъ пребыло на часахъ Чиссо. Было почти также темно какъ въ полночь. Густыя тучи закрывали небо отъ взоровъ. Вѣтеръ свистѣлъ въ узкой долинѣ, посреди которой находилась остерiя дель Галло, и нагибалъ почти до земли верхушки деревьевъ, лишенныхъ зелени; стряхивая и разбѣтая снѣгъ, которымъ земля была покрыта, онъ наполнялъ воздухъ густымъ туманомъ. Ночная птица кричала отчаяннымъ воплемъ, и пѣтухъ, отвѣчая ей, казалось, призывалъ зарю, своимъ обыкновеннымъ припѣвомъ. Въ долинѣ не слышно было человеческого голоса. Сидя у кровати отца, Мадалена горько плакала, закрывъ лицо руками. Гаэтано, приходившiй всегда около четырехъ часовъ, еще не возвращался.

Больной проснулся и спросилъ у нея слабымъ голосомъ:

— О чемъ ты плачешь, дитя мое?

Ломбардская поговорка: Non cantorete mai piu come giovine.

— Говори еще что испугались, проморгала молодая девушка, не подымая головы.

— Который час?

— Шесть часовъ.

— Еще несчастіе! вскричала Лунджа, застонавъ.

Мадалена ничто не отвѣчала. Большой, вздохнувъ такое нѣсколько разъ, прибавилъ:

— Мадалена, откуда этотъ дымъ?

Молодая дѣвушка быстро приподняла голову и съ удивленіемъ замѣтила, что комната была полна дыму. Она подбѣжала къ другому краю комнаты и открыла окно. Снаружи было тоже самое что и внутри; весь домъ былъ окруженъ густымъ облакомъ дыма. Мадалена, не смотря на темноту, увидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ противъ себя человѣка, который стоялъ неподвижно, скрестивъ руки и прислонясь спиною къ дереву. Она тотчасъ отгадала, что это былъ Джіованни. Она поняла, что между злодѣемъ и дымомъ, окружавшимъ домъ, было страшное сближеніе. Восклиданіе ужаса вырвалось изъ ея груди. Не говоря ничего отцу, она бросилась въ другую комнату, которая выходила на дворъ остеріи и открыла тамъ окно. Она не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ. Въ то самое время, какъ она выглянула въ окно, пожаръ вспыхнулъ съ этой стороны: вмѣсто дыма показалось сильное пламя, которое извиваясь, поднималось вверхъ; Мадалена хотѣла закричать, просить помощи, но, одумавшись, стиснула свои поблѣднѣвшія отъ страха губы. Какое живое существо услышитъ въ этой аустыи отчаянный крикъ ея, развѣ только отецъ, который не въ состояніи помочь ей, или этотъ злодѣй, который ожидалъ только случая, чтобъ броситься на свою добычу.

Молодая дѣвушка приложила руку къ поясу, чтобъ удостовѣриться тутъ ли ножъ Ансельмо; потомъ вышла въ сѣни, къ колодезю и начала съ кроткимъ хладнокровіемъ черпать воду.

Сѣноваль, какъ мы уже сказали, былъ въ самомъ низу подъ комнатою, въ которой начался пожаръ. Изъ окошка этой комнаты Мадалена напрасно истощала свои силы, поливая воду на пылающую крышу. Пожаръ, не смотря на ея усилія, продолжалъ свое разрушеніе.

Вдругъ отчаянный крикъ поразилъ слухъ молодой дѣвушки. Это былъ голосъ Лунджи, но судорожный и удивительно сильный въ его положеніи.

Мадалена бросила послѣдній взглядъ на неугасимое пламя и

вспомнилъ въ эту минуту итала, на своей кровати. Диниранна смотрѣлъ на него съ насмѣшливой, злобой улыбкой. Младшая дѣвушка замѣтила, что отецъ ее былъ вѣрно приваженъ къ кровати, и сдѣлала шагъ, чтобъ освободить его, но тамъскрый достигавши ее, схватилъ за тѣло и подвѣлъ, какъ перышко, быстро сошелъ съ кровати, открылъ слышкомъ толкомъ помятую прачку, потому что онъ вышелъ въ окно, которое Маддалена открыла, и вышелъ въ своей добычей, докричавъ:

— Теперь, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчу на дорогѣ мой дядюшко, въ Сороча-Джезу!

Почаса спустя, онъ вышелъ въ домъ, изходящій изъ шалюри, истронилъ вѣтромъ вышелъ въ лѣтнюю безъ чувствъ младшую дѣвушку, засѣлъ лавку, развелъ огонь и закуривъ трубку съ убійственнымъ хладнокровіемъ, потомъ онъ освѣдомился уредъ женщины, саростилъ ноги и прошепталъ, выходя большае клубы дыма.

— *Essoci all'ultima vendetta!*

Онъ прислонился къ спинкѣ стула, какъ бы размышляя о чемъ-то и началъ говорить самъ съ собою:

— Посмотримъ! сказалъ онъ. Старику, убійцѣ моего отца, я напомаъ кости; внука убилъ; жениха, котораго я не могъ встрѣтить на землѣ безъ свидѣтелей, и въ котораго я не хотѣлъ стрѣлять, когда онъ былъ между товарищами, я оглушилъ и утопилъ въ озерѣ; повѣренный его, Сороча-Джезу попалъ, какъ дуракъ, въ мои силки, и я закололъ его.... Теперь остались отецъ и дочь. Съ отцомъ я уже управился; онъ успокоится, лежа на своей роскошной кровати.... а дочь, дочь теперь въ моей власти. Никто теперь не могъ бы вырвать у меня моей добычи! Черезъ часъ я вполне буду удовлетворенъ! Черезъ часъ для два, можетъ-быть, чтобъ она имѣла время вполне понять свое несчастіе!... Злодѣй, вотъ названіе, которымъ она меня величала... Мы увидимъ, не сыщеть ли она другаго помягче, чтобъ меня разжалобить.

Онъ молчалъ нѣсколько времени, потомъ вдругъ вскочилъ на ноги и вскричалъ:

— А если она умерла!

• Наконецъ мы достигли послѣдней жертвы ишенія.

Онъ бросился къ кровати и приложилъ руку своею къ сердцу молодой дѣвушки. Ужасная улыбка показалась на его губахъ.

Мадалена дышала еще.

Тогда онъ взялъ лампу, направилъ свѣтъ ея на лицо своей жертвы и долго любовался ею. Лицо его видимо измѣнилось, онъ становился блѣднѣе и блѣднѣе. Наконецъ онъ поставилъ лампу на столъ, сѣлъ, бросилъ свою трубку на доску камня, началъ мѣшать уголья щипцами и бить ногою тактъ музыки, которой самъ не понималъ.

— Джіованни! вскричалъ онъ наконецъ, остановившись ли ты, потому-что эта дѣвушка очаровательнѣе, нежели какъ она тебѣ казалась.... Ты будешь трусъ, извергъ, негодяй! Мужества! пободѣ мужества, прочь нерѣшимость! Онъ закрылъ лицо руками; потомъ черезъ минуту подвѣлъ голову и сказалъ:

— Джіованни; ты забылъ слова, сказанныя убійцей твоего отца у креста, который стоитъ на могилѣ его сына, въ ту достопамятную ночь, когда ты слѣдовалъ за нимъ на высоты? — «Я отмстилъ за тебя, сынъ мой, говорилъ онъ; убійцу твоего я повѣсилъ за ноги въ подвалѣ и тамъ пыталъ его, пока голодъ не принудилъ его испустить послѣдній вздохъ!» Какая ужасная пытка! И это былъ твой отецъ, Джіованни, твой отецъ, который такъ мучился. И послѣ этого ты еще будешь въ нерѣшимости?... Джіованни! ты не долженъ отступать отъ долга....

Онъ снова всталъ и пошелъ къ своей жертвѣ съ поспѣшностію, которая доказывала, что онъ не довѣрялъ самъ себѣ. Мадалена открыла глаза. Таможенный остановился въ смущеніи.

Съ тѣхъ поръ, какъ Джіованни переведенъ былъ на границу Чіассо, онъ не имѣлъ случая видѣть такъ близко Мадалену, или по крайней мѣрѣ не могъ спокойно смотрѣть на нее. Во время дня онъ не смѣлъ подойти къ остеріи, а когда онъ рѣшился подходить ночью, то могъ разслушать что говорили, но видѣть было невозможно, потому-что окна были на восемь футовъ отъ земли и заклѣнены масляной бумагой, вмѣсто стеколъ. Это правда, что таможенный встрѣчался, сходился нѣсколько разъ съ молодой дѣвушкой, но это случалось въ минуты неминуемой опасности, которая не позволяла ему спокойно рассмотреть черты прекрасной Мадалены. Видя теперь это ангельское лицо, блѣдное, спокойное и ясное, любуясь этими чертами, гдѣ невинность и чистота души сіяли во всемъ блескѣ, Джіованни почувствовалъ неизвѣстное ему дотогѣ чувство, невольный тре-

петь, очарованіе, которое не совсѣмъ укротило его, но ослабло въ немъ ненависть. Онъ напрасно старался переосидить это вліяніе, призывая на помощь воспоминаніе объ отцѣ.

Однако, когда онъ увидѣлъ Мадалену не застѣливую и боязливую, какъ онъ думалъ, но твердую и рѣшительную, вставшую съ постели, смотрѣвшую на него съ презрительною улыбкою, тогда злой демонъ, подстрекавшій его, сильно заговорилъ, и таможенный сдѣлалъ шагъ къ молодой дѣвушкѣ, въ твердой рѣшимости воспользоваться этой минутной злобой и заглушить свое состраданіе.

— Не подходи! вскричала Мадалена, не подходи, убійца!

Повелительное движеніе руки, презрительный взглядъ молодой дѣвушки, смутили снова разумъ Джіованни. Онъ улыбался изъ сожалѣнія, видя угрожающій видъ Мадалены; онъ чувствовалъ, что могъ побѣдить ея гордость, но оставался, какъ бы прикованный къ мѣсту, и подвергался невольно вліянію этого магнетическаго взгляда. Онъ не хотѣлъ сознаться, что чувствовалъ какое-то благоговѣніе передъ этой добродѣтельной и твердой дѣвушкой, и вздрагивалъ при одной мысли нѣжнаго къ ней сочувствія; онъ пожиралъ ее глазами и съ жадностію выдыхалъ ладъ, котораго страшился.

Мадалена казалась спокойною; ея фізіономія не выказывала внутренняго ея чувства. Она все потеряла, кромѣ чести, и потому призвала на помощь отчаяніе. Ея видимое спокойствіе было слѣдствіемъ этой мгновенной рѣшимости.

Въ напрасной борьбѣ съ этимъ неяснымъ, но непреодолимымъ чувствомъ, которое овладѣло имъ, таможенный рѣшился дать отдыхъ самому себѣ: онъ отошелъ и сѣлъ у камня.

Мадалена оставалась неподвижною на томъ же самомъ мѣстѣ.

— Подойдите къ огню, сказалъ ей Джіованни. Вы долго лежали безъ чувствъ; вамъ должно быть холодно.

Молодая дѣвушка ничего не отвѣчала.

Черезъ нѣсколько минутъ, Джіованни снова посмотрѣлъ на нее и возразилъ.

— Развѣ вы боятесь меня?... Или, прибавилъ онъ, улыбаясь, не ожидаете ли вы помощи?

— О! да, прошептала Мадалена, какъ бы говоря сама съ собою.

Она падалась на Бога, бѣдная сирота.

— Образумьтесь, возразилъ таможенный, этого не можетъ придти къ вамъ на помощь. Ансельмо умеръ...

— Умеръ! вскричала съ горестію молодая дѣвушка.

— Конечно! Сероца-Джезу умеръ также, отецъ вашъ умеръ или умираетъ, Мостакино лежитъ на днѣ озера...

Джіованни остановился, видя, что Мадалена пошатнулась, но такъ какъ она не упала, онъ далъ ей время опомниться отъ этого сильнаго потрясенія, потомъ продолжалъ:

— Вы видите, что между вами и мной нѣтъ никакого препятствія!

— Боже милосердый! произнесла Мадалена, поднявъ руку къ небу съ смиреннымъ величіемъ.

Таможенный при этихъ словахъ расхохотался.

Тутъ послѣдовало молчаніе. Джіованни первый прервалъ его.

— Я хочу, чтобъ вы сѣли къ огню, возлѣ меня. Подите сюда! Не упрямитесь! я приказываю!

Видя, что его слова не имѣли никакого дѣйствія, онъ всталъ и вскричалъ:

— Если такъ, я силой васъ приведу!

— Если вы еще шагъ сдѣлаете, полетитъ на васъ кровь, сказала ему спокойно молодая дѣвушка.

И вынувъ ножъ Ансельмо, она направила остріе къ своему сердцу.

Джіованни отступилъ назадъ въ ужасѣ и опустился въ свое кресло.

Мадалена повяла смущеніе этого человѣка и почувствовала надежду избавиться отъ самоубійства, котораго страшилась, потому-что оно запрещалось религіею.

Тогда было совершенно свѣтло. Таможенный погасилъ лампу и принялся насвистывать... Онъ боялся? боялся самого себя, боялся молодой дѣвушки, на которую не смѣлъ смотрѣть. Онъ готовъ былъ отдать половину своей жизни за ангела, который она держала.

Онъ любилъ Мадалену!...

Протешъ часъ въ глубокомъ молчаніи. Мадалена наблюдала за своимъ похитителемъ. Джіованни, казалось, забылъ свое первоначальное цѣль. Наконецъ, младшая дѣвушка сказала ему рѣшительнымъ тономъ:

— Чего вы хотите отъ меня?

Джіованни издрогнулъ. Онъ подтянулъ голову, удивленнымъ взглядомъ, неожиданнымъ возгласіемъ, и встрѣтилъ свѣтлый взглядъ, который проникъ глубоко въ его душу.

— Хотите вы моей смерти? продолжала Мадалена; скажите одно слово, сдѣлайте хоть одинъ шагъ, и я проколю себѣ сердце. Въмѣсто меня вамъ останется трупъ. И такъ рѣшайтесь. Одно изъ двухъ, или смерть или свобода...

— О! никогда этого не будетъ! вскричалъ таможенный.

— Никогда? возразила молодая дѣвушка. Мы посмотримъ! повторила она, отступая, чтобъ оставить свободный проходъ къ двери. Теперь отворите эту дверь и выйдите прежде, сію же минуту, или я убью себя!

Джіованни вскочилъ на ноги и вперилъ на Мадалену взглядъ, въ которомъ попеременно выражались гнѣвъ и любовь. Лицо молодой дѣвушки было безчувственно, неумолимо.

— Мадалена, вскричалъ таможенный, не будучи въ состояніи долге удерживать порывъ своего сердца. Мадалена, я люблю тебя! Я готовъ умереть скорѣй, чѣмъ потерять тебя!

Дочь Лунджи подняла глаза къ небу, благодаря Бога, за то что она услышала. Потомъ, обратясь къ Джіованни, она всопылась насмѣшками и отвѣчала:

— О, я была увѣрена, что ты трусъ! Чтобъ убить старика, ты употребилъ ядъ; чтобъ умертвить ребенка, ты свирчался; чтобъ отнять жизнь у моего отца, ты подождалъ, чтобъ онъ изнурился продолжительною болѣзнію... Сознайся, что ты трусъ! Ты испугался меня, женщины! А я презираю тебя, презираю любовь твою и не боюсь тебя!

— Мадалена, вскричалъ таможенный,

— Отвора эту дверь!

— Нѣтъ!

— Нѣтъ?

Молодая дѣвушка подняла руку, чтобъ пронзить себя.

— Остановись! вскричалъ Джіованни и побѣжалъ отворить дверь.

— Выходи! сказала Мадалена,

И она вышла.

Молодая дѣвушка слѣдовала за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи, и когда они вышли изъ дому, она пошла по дорогѣ, ведущей въ остерію. Потомъ обернулась и сказала своему похитителю:

— Не ходи за мною!

Джіованни повиновался.

Когда Мадалена осталась одна, она со слезами благодарила Бога, что онъ избавилъ ее отъ такой опасности. Съ трепетомъ приближалась она къ своему жилищу. Подойдя къ остеріи, она увидѣла одну груду пепла.

Она упала на колѣни и долго, долго молилась о спасеніи души своего отца.

У.

ПРОКЛЯТЫЙ.

Мадалена молилась и плакала долго: ей оставалась одна надежда на Бога. Полагаясь на безмѣрную Его милость, она почувствовала въ себѣ болѣе твердости. Она думала посвятить Богу остатокъ своихъ печальныхъ дней. Но прежде чѣмъ приступить на-всегда со свѣтомъ, она хотѣла увѣриться, точно ли ничто болѣе не привязывало ее къ землѣ. Хотя Джіованни и сказалъ ей, что Ансельмо умеръ, но она не могла повѣрить, что женихъ ея обманулъ ее изъ ложнаго состраданія, увѣривъ, что мальчикъ выздоравливаетъ. Она хорошо знала Гаэтано, знала, что онъ скорѣй согласился бы сказать всю правду, чѣмъ обманывать, чтобъ нанести потомъ сильнѣйшій ударъ. Она поспѣшила идти въ Мендризіо, не смотря на свою усталость, и сѣла въ карету, которая отправлялась въ Капо-ди-Лаго, откуда стоило только переѣхать озеро и потомъ пройти полмили до Лугано.

Какъ эта дорога показалась ей длинна! И сколько грустныхъ мыслей растравили неутѣшную печаль ея.

Выйдя на берегъ, она пошла по дорогѣ, окаймленной съ одной стороны озеромъ, съ другой садами и дачами. Наконецъ

вотъ и Лугано, этотъ маленькой городокъ, веселый и дѣятельный, богатый и гостепріимный. Что почувствовала тогда Мадалена, описать невозможно. Тамъ былъ домъ ея жениха, туда неслись тысяча мечтаній о будущемъ, которыя разрушились въ одну ночь; тамъ она встрѣчала всегда дружескую руку, которую жала ея рука; сердце, которое билось одинаково съ ея сердцемъ, тамъ теперь она не найдетъ никого. Можно сказать, что чѣмъ болѣе мы удручены несчастіями, тѣмъ болѣе находить силы переносить ихъ.

Эта слабая дѣвушка, которая прошла черезъ столько испытаній, ниѣла твердость постучаться въ двери къ своему возлюбленному и ожидать, чтобъ пришли отворить ей. Напрасное ожиданіе!... Такъ какъ всѣ въ городѣ знали, что она невеста Гаатано, то она могла попросить сосѣда выломать двери.

Домъ былъ пустъ!

Увѣренность въ несчастіи, быть-можетъ, не такъ ужасна какъ сомнѣніе.

Мадалена не упала духомъ. Она возвела свою душу къ Богу и предалась въ Его святую волю.

Потомъ она возвратилась къ границѣ печальная, но болѣе прежняго спокойная, и остановилась въ Чіассо, гдѣ жила ея тетка, которая воспитала ее; та приняла ее съ материнскою любовью. Какія трогательныя сцены были тамъ, въ этомъ скромномъ жилищѣ! сколько утѣшительныхъ словъ было сказано съ той и съ другой стороны, этими двумя великодушными женщинами, которыя забывали себя, чтобъ заниматься другъ другомъ. И Богъ услышалъ молитву этихъ женщинъ; желанія ихъ сбылись даже тѣ, о которыхъ онѣ и не думали.

Въ тотъ самый вечеръ, онѣ едва было не умерли отъ неожиданной радости. Мадалена сидѣла возлѣ тетки и грустила вмѣстѣ съ нею, какъ вдругъ услышала стукъ въ двери.... Онѣ начали вслушиваться... и услышали нѣжный и чистый голосъ.

Это былъ голосъ Ансельмо! Мадалена вскрикнула отъ радости и побѣжала отворить двери, придерживаясь за стѣну: дѣвушка была сильна во время скорби, но силы оставили ее отъ избытка радости.

Ансельмо былъ не одинъ, онъ несъ на рукахъ другого человѣка, и этотъ человѣкъ былъ Лунджи. Мадалена упала въ обморокъ.

Когда она очомялась, она увидѣла отца, лежащаго на кровати вошь вся и смотрѣвшаго на нее съ улыбочко. Ансельмо стоялъ на колѣняхъ у ногъ ея; тетка держала ее руку и цѣловала ее.

— Боже мой! Боже мой! вскричала Мадалена, осматривая все докргу себя и проливая радостныя слезы. Облегчивъ сердце свое слезами, она спросила, какимъ образомъ отецъ си спасъ отъ пожара.

— Гаэтано хотѣлъ тебѣ сдѣлать сюрпризъ, сказалъ Ансельмо: онъ скрылъ отъ тебя вѣрочно, что уже три дня какъ я лежалъ съ постели. Я долженъ былъ неожиданно, рано прийти въ остерію. Я и пришелъ дѣйствительно; но вмѣсто удовольствія, которое себя представлялъ, я былъ пораженъ ужасомъ, увидя огромное пламя. Я тотчасъ подумалъ о дамюшкѣ и побѣжалъ въ его комнату, которая уже начинала горѣть. Къ счастью пламя еще не обхватило кровати. Твой отецъ лежалъ безъ памяти. Посуди, какъ я былъ изумленъ и испуганъ, видя его приваленнаго къ кровати. Богъ послалъ мнѣ довольно присутствія духа, чтобъ найти ножикъ, перерѣзать веревки и перенести его изъ этого несчастнаго мѣста. Я дошелъ до мѣсу, посадилъ дамюшку къ ручью и успѣлъ привести въ чувство. Тогда онъ мнѣ рассказалъ все что случилось въ эту ночь...

— А Гаэтано? спросила Мадалена со страхомъ?

— Мы ничего объ немъ не знаемъ, отвѣчалъ печально Луиджи; вѣтомъ онъ прибавилъ: Благодаря твоего брата, Мадалена, ты ему обязана тѣмъ, что еще видишь меня; напрасно искалъ тебя по всей долинѣ и даже въ домѣ проклятаго, онъ рѣшился принести меня сюда на своихъ еще слабыхъ рукахъ. Мадалена съ чувствомъ обняла Ансельмо, цѣловала и ласкала его со слезами.

Наконецъ мальчикъ вырвался изъ нѣжныхъ объятій сестры и пошелъ изъ дому, говоря:

— Я возвращусь, быть-можетъ, съ счастливыми новостями. Я пойду отыскивать твоего жениха.

И съ легкостью человека, который идетъ на доброе дѣло, онъ дошелъ до города Комо въ нѣсколько минутъ и зашелъ въ погребокъ. Первый человекъ, встрѣтившійся ему тамъ, былъ Джіованна, который вздрогнулъ, увидя его.

— Джіованна, сказалъ онъ ему, мнѣ надо поговорить съ вами.

— Со мной? спросилъ удивленный таможенный.

— Да. Ступайте за мною на площадь?

— Отчего же на площадь?

— Потому что тамъ мнѣ нечего опасаться вашего кнжала.

Таможенный улыбулся и послѣдовалъ за мальчикомъ. Когда они пришли къ пристани, послѣдній остановился и началъ говорить:

— Мой дѣдушка совершилъ ужасное преступленіе, погубивъ вашего отца, а вы захотѣли быть мстителемъ и убили Пьетро Сартти. Но семейство Пьетро Сартти, что вамъ сдѣлало, что вы старались быть его демономъ истребителемъ? Отвѣчайте мнѣ, вы видите, что въ моихъ словахъ нѣтъ ни ненависти, ни досады.

Джіованни оставался нѣсколько времени смущенный, потомъ съ гордостію приподнял голову и отвѣчалъ мрачнымъ голосомъ:

— Ужели ты думаешь, что мученіе, какое вытерпѣлъ мой отецъ, можетъ загладиться одною жертвою?

— А знаешь ли ты, что надо было сдѣлать, сказалъ Ансельмо, разгорячаясь болѣе и болѣе: надо было узнать причины, которыя принудили Пьетро Сартти сдѣлаться такимъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ.

— Я знаю причины, отвѣчалъ Джіованни. Мой отецъ убилъ твоего отца, исполняя свою должность; онъ былъ правъ.

— Но знаешь ли ты, несчастный! продолжалъ Ансельмо съ воодушевленіемъ, знаешь ли ты, что человекъ, котораго отецъ твой убилъ во цвѣтъ лѣтъ, и что страдалецъ, котораго ты сегодня привязалъ къ кровати посреди пламени, что они оба твои братья, Джіованни! что оба родились отъ одной и той же матери! Ты не зналъ, что стрѣляя въ меня, ты убивалъ своего племянника. Ты не зналъ, что Пьетро Сартти былъ мужъ твоей матери.

— Мужъ моей матери! вскричалъ Джіованни, волненіе котораго увеличивалось по мѣрѣ того, какъ говорилъ Ансельмо. Мужъ моей матери! повторялъ онъ въ безпамятствѣ; потомъ черезъ минуту, во время которой въ немъ произошелъ неизъяснимый переворотъ. Пойдемъ, сказалъ онъ, схвативъ Ансельмо за руку... Если то что ты мнѣ сказалъ правда, тебѣ нечего меня опасаться.

Они вышли изъ города.

Тогда Ансельмо рассказывалъ Джіованни исторію, которую слышалъ отъ Пьетро Сартти.

Таможенный слушалъ его въ молчаніи и утиралъ время отъ времени холодный потъ, катившійся по лицу его, поблѣднѣвшему отъ ужаса.

Когда мальчикъ кончилъ свой разсказъ, Джіованни вздохнулъ тяжело и сказалъ:

— О! я прокляты! я прокляты! я убилъ мужа моей матери!...

— Ты, быть-можетъ, былъ рукою Провидѣнія, отвѣчалъ Ансельмо, тронутый его отчаяніемъ.

— Я хотѣлъ убить тебя, моего племянника!

— Господь не захотѣлъ, чтобъ этотъ ударъ былъ смертеленъ.

— Я зажегъ домъ, пламя сожгло моего брата.

— Богъ послалъ меня во-время, чтобъ спасти его.

— Такъ ты ангелъ! вскричалъ таможенный, сложивъ руки... Но, возразилъ онъ съ огорченіемъ, спасъ ли ты жениха моей племянницы, котораго я оглушилъ въ эту ночь и потопилъ въ озерѣ? Спасъ ли ты Сэроца-Джезу, котораго я закололъ въ эту же ночь! Можешь ли ты спасти меня самаго, который любить невѣсту человѣка, котораго убилъ.

Ансельмо опустилъ голову на грудь и сказалъ, вздохнувъ:

— О, да! ты отверженный!

Таможенный сѣлъ на пень дерева, облокотился на колѣна, закрылъ лицо руками и долго оставался неподвиженъ. Ансельмо стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и тихо плакалъ о смерти своихъ друзей. Наконецъ Джіованни опомнился, всталъ и сказалъ Ансельмо, что онъ долженъ идти въ свой домъ.

— Ансельмо! Послѣдуй еще немного за твоимъ несчастнымъ дядею.

Ансельмо пошелъ за нимъ. Таможенный вошелъ въ домъ, далъ мальчику портфель, который запечаталъ и сказалъ:

— Ты отдашь это твоему дядѣ и попросишь не открывать его прежде двухъ часовъ, также какъ и письмо, которое я напишу.

Джіованни подошелъ къ конторкѣ, вынулъ оттуда листъ бумаги и чернильницу, которую поставилъ на столъ, потомъ, прежде чѣмъ принялся писать, открылъ серебряный ящичекъ и проглотилъ что-то, такъ что Ансельмо и не замѣтилъ.

Письмо было давнее. Когда оно было кончено, Джіованни запечаталъ его и подалъ Ансельмо.

— Прощай, сказалъ онъ ему; ты, по крайней мѣрѣ, видѣлъ мое раскаяніе, не проклинай меня! Когда Ансельмо подошелъ къ двери, Джіованни остановилъ его.

— Ансельмо, вскричалъ онъ, я большой преступникъ, но я все-таки братъ твоего отца! Простишь ли ты меня?

— Богъ да проститъ тебя, какъ я прощаю отъ всей души, какъ простилъ и дѣдушка.

Джіованни зарыдалъ. Ансельмо бросился въ его объятія и сжалъ ему со слезами:

— Господь проститъ тебя, потому-что раскаяніе твое такъ же сильно, какъ и преступленія.

Таможенный долго держалъ его въ своихъ объятіяхъ, потомъ всталъ, вынулъ изъ кармана золотые часы, отцѣпилъ цѣпочку и отдалъ своему племяннику.

— Согласится ли Мадалена носить эту цѣпь для того, чтобъ не забыть моего раскаянія и чтобъ молиться обо мнѣ.

— Мадалена, отвѣчалъ мальчикъ, уже давно молится за тебя.

Джіованни подумалъ немного, потомъ спросилъ:

— А ты, милый Ансельмо, примешь ли это на память отъ своего дяди?

Ансельмо пожалъ руку Джіованни и взялъ часы.

Тогда два таможенныхъ вошли въ комнату. Они сказали своему начальнику:

— Тебя ожидаютъ въ Комо. Мы схватили сегодня утромъ Мостаксико.

— Вы схватили Мостаксико? вскричалъ Джіованни съ ужасомъ.

— Да, отвѣчали таможенные. Мы нашли его недалеко отъ Ломпиво; онъ ежится безъ памяти и весь мокрый. Вѣрно лодка его опрокинулась.

— Гаэтано живъ! поздо! слишкомъ поздо! вскричалъ Джіованни.

— Чтò съ тобой, дядюшка? спросилъ его тихо Ансельмо.

— Ты не понимаешь, дитя, что я отверженный? Богъ уничтожилъ мои преступленія, а я отвергся отъ Бога, потому-что принялъ ядъ.

— Ядъ! повторилъ всѣ присутствующіе.

— Богъ милосердъ, сказалъ Ансельмо, никогда не надо отчаяваться въ Его милосердіи.

— Дитя! вскричалъ Джіованни, падая на колѣна, если кто-нибудь тебя обидитъ, положишься на Божіе правосудіе, но самъ не предавайся мщенію! Ты видишь, куда ведетъ оно!.. Но великъ Богъ, онъ видитъ мое раскаяніе. Эти слова были послѣднія, которыя произнесъ Джіованни. Черезъ четверть часа онъ умеръ.

Письмо его была трогательная просьба о прощеніи; въ пертфель былъ его имущество, которое послужило къ распространенію жилища Мостаксано.

Удары, нанесенные Джіованни своему противнику, только оглушили послѣднато, вода освѣжила его; онъ плылъ подъ водою и достигъ берега далеко отъ того мѣста, куда пристала лодка. Онъ хотѣлъ идти въ остерію, но силы ему измѣнили, и онъ упалъ безъ чувствъ.

Мадалена согласилась тотчасъ отпраздновать свадьбу.

Лунджи и Ансельмо живутъ въ Лугано вмѣстѣ съ ними уже четырнадцать лѣтъ. Ансельмо не хочетъ жениться; онъ любитъ тронку дѣтей своей сестры, какъ бы своихъ собственныхъ; самъ ихъ воспитываетъ и старается имъ внушить глубокое отвращеніе къ месту.

Каждый годъ, въ извѣстное время, семейство Сартти отправляется въ долину, гдѣ они прежде жили, и молится на трехъ гробницахъ, воздвигнутыхъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла остерія. Подъ одной изъ этихъ памятниковъ лежатъ прахъ Піетро Сартти, подъ другимъ Джіованни, а третій посвященъ памяти Сороца-Джезу.

=

Науки и Художества.

ДАВИДЪ ТЕНЬЕРЪ.

(Статья Арсена Гуссе.)

I. МОЛОДОСТЬ ТЕНЬЕРА.

Фламандскіе и голландскіе живописцы прославили кабаки и окружили ихъ какою-то поэзіею въ своемъ родѣ. Впрочемъ кабаки были не то, что теперь. Во Фландріи были знаменитые кабаки Рампонно, гдѣ собирались вельможи двора эрцгерцоговъ поужинать въ веселой и шумной кампаніи. Это было время грубыхъ, но наивныхъ и любопытныхъ нравовъ. Кто не ходилъ въ кабаки, тотъ не имѣлъ философіи.

Давида Теньера обвиняли въ томъ, что онъ изучалъ живопись въ каретѣ. Дѣйствительно, въ то время, когда онъ писалъ кабаки и семейный бытъ простаго народа, онъ жилъ въ замкѣ, какъ вельможа. Но и прежде того, онъ не велъ бродяжнической жизни, свойственной многимъ художникамъ тогдашняго времени; онъ жилъ въ связи съ пьяницами и курильщиками, посѣщалъ народные праздники и деревенскія свадьбы, но

не для того, чтобъ раздѣлять свою радость съ крестьянами, а чтобъ забавляться радостью крестьянъ.

Давидъ Теньеръ родился въ Антверпенѣ, въ 1610 году, въ мастерской своего отца; эта мастерская была въ одно и то же время и спальней и кухней и залой. Младенцомъ онъ уже смотрѣлъ, какъ писалъ старикъ Теньеръ, а когда ему минуло четыре года, отецъ засталъ его съ кистью въ рукѣ, пишущаго съ комическою важностію не доконченную картину.

Рубенсъ, пріѣхавъ къ старику Теньеру, остановился, чтобъ посмотрѣть на двухъ его сыновей Авраама и Давида.

Авраамъ проложалъ спокойно заниматься, не заботясь о присутствіи знаменитаго мастера; Давидъ, встревоженный до слезъ, положилъ свою кисть. Рубенсъ, замѣтя его замѣшательство, взялъ кисть и началъ продолжать рѣзкими чертами начатый эскизъ молодого ученика. Это былъ самый лучший урокъ Давиду, потому-что Рубенсъ толковалъ ему каждую черту. Давидъ Теньеръ говорилъ впоследствии: «я получилъ талантъ отъ Бога, вкусъ отъ отца, совершенство отъ Рубенса».

Пятнадцатилѣтній Давидъ Теньеръ писалъ пейзажи въ семейныхъ картинахъ (de genre) отца. Онъ былъ рожденъ живописцемъ: онъ не любовался для удовольствія видѣть, но для удовольствія написать то что видѣлъ.

Отецъ Давида посылалъ его часто на ослѣ продавать свои картины въ Брюссель и Амстердамъ. Однажды Давидъ встрѣтилъ на дорогѣ высокаго, осьмнадцатилѣтняго мальчика, который спросилъ его, куда идетъ его оселъ. «Онъ идетъ по дорогѣ ословъ, отвѣчалъ Давидъ Теньеръ; вы видите, что это нашъ путевой товарищъ.» Высокій мальчикъ былъ Андрианъ Брауверъ. Довольный отвѣтомъ молодого Теньера, онъ продолжалъ съ нимъ путь, останавливаясь въ однихъ и тѣхъ же трактирахъ, чтобъ жить на чужой счетъ.

Поссорившись неизвѣстно почему съ Авраамомъ, Давидъ, увѣренный въ своемъ счастьи, открылъ мастерскую возлѣ собора. Андрей Брауверъ, не имѣя другой мастерской, кромѣ кабака, приходилъ писать къ Давиду. Это былъ новый, усердный и оригинальный учитель. Къ счастью, Давидъ слушалъ его только въ мастерской.

Однако рассказываютъ анекдотъ, который доказываетъ, что и Теньеръ иногда заходилъ въ кабакъ. Онъ былъ въ трактирѣ Ойсель съ палитрой и кистями. Денегъ у него не было, но ап-

петить давалъ себя сильно чувствовать. Онъ не зналъ, какъ ему согласить кошелекъ свой съ желудкомъ.

Въ то время, какъ онъ сидѣлъ за столомъ, пришелъ къ дверямъ кабака слѣпой нищій и сталъ играть на флейтѣ. Онъ велѣлъ музыканту подождать у дверей. Послѣ завтрака онъ началъ писать съ него портретъ, и черезъ два часа картина была готова. Случился тамъ Англичанинъ лордъ Фальстонъ, который предложилъ ему три червонца за его картину. «Я только этого и желалъ» сказалъ Теньеръ. Изъ трехъ червонцевъ одинъ достался музыканту, другой трактирщику, а третій живописцу.

Впрочемъ, счастье ему очень благопріятствовало. Его небольшія картинки продавались на расхватъ и изъ Антверпена отправлялись во всѣ сосѣднія страны за не слыханную цѣну. Говорили, что у него въ мастерской золотая руда.

II. АННА БРЕЙГЕЛЬ.

Онъ женился на Аннѣ Брейгель, воспитанницѣ Рубенса, цѣнившійся ея красотою; впрочемъ и самъ онъ былъ хорошъ собой.

Въ день ихъ свадьбы, эрцгерцогъ Леопольдъ подарилъ ему золотую цѣпь съ своимъ портретомъ въ медальонѣ. Эта золотая цѣпь была счастливымъ предзнаменованіемъ. Анна Брейгель надѣла на него цвѣточные цѣпи. У нихъ было четверо прекрасныхъ дѣтей.

Брауверъ и Фресбеке списали въ Антверпенѣ всѣ оригинальныя лица матросовъ и пьяницъ. Давидъ Теньеръ намѣревался открыть новый міръ и для этого уѣхалъ изъ Антверпена. Между Мехельномъ и Антверпеномъ, въ деревнѣ Пескъ, продавался замокъ, замокъ Трехъ-Башенъ, старинное готическое зданіе, достойное служить помѣщеніемъ принцу. Давидъ Теньеръ, который былъ привѣзъ между фламандскими живописцами, смѣло купилъ замокъ и рѣшился поселиться въ немъ. Мѣсто было прекрасное: острия башни, долины, пруды, живописныя роши, музыканты, пьяницы, все чего искалъ Теньеръ, онъ нашелъ это въ Пескѣ и въ окрестныхъ деревняхъ. Онъ жилъ роскошно; имѣлъ большую прислугу, экипажи. Всего удивительнѣе, то, что онъ болѣею частію изучалъ танцы и кабаки изъ дверецъ своей кареты; онъ не подражалъ въ этомъ своему другу Брауверу, который пилъ и танцевалъ съ своими оригиналами.

Его помѣстье сдѣлалось однимъ изъ лучшихъ сѣдобицъ для охоты; эрцгерцогъ Леопольдъ, принцъ Оранской герцогъ де-Мальбургъ, епископъ генскій, Донъ Жуанъ австрійскій и другіе, болѣе или менѣе знаменитые люди, назначали себѣ здѣсь свиданіе. Донъ Жуанъ австрійскій проводилъ иногда лѣто въ замкѣ Трехъ-Башенъ и бралъ уроки въ живописи у Теньера. Въ воспоминаніе дружбы, Донъ Жуанъ написалъ портретъ сына Теньерова. Теньеръ не только былъ извѣстенъ во Фландрію и въ Голландію; шведская королева Христіана прислала ему письмо и свой портретъ въ медальонѣ, осыпанный драгоцѣнными камнями. Франція, Германія, Италія наперерывъ раскупали его произведенія.

Однако этотъ живописецъ-вельможа не всегда изучалъ натуру въ каретѣ; въ его креслахъ, мы видимъ его часто сидящаго на краю деревенскаго стола между женой и дѣтьми, и слѣдящаго проницательнымъ взглядомъ за игрой фizioноміи гулякъ, разбѣянныхъ вокругъ него; случалось, что онъ и самъ подливалъ имъ вино, но съ какимъ-то пренебреженіемъ, что представляетъ разительную противоположность съ этимъ вакхическимъ дѣйствіемъ.

Роскошь два раза разорила его. Первое разореніе онъ поправилъ, работая по ночамъ, но не уменьшивъ нисколько своего расхода, онъ не продалъ ни одной лошади, не сократилъ прислуги и продолжалъ принимать по-прежнему всѣхъ важныхъ особъ. Работа поправила его финансы. Говорятъ, что онъ произвелъ до трехъ сотъ пятидесяти картинъ въ одинъ годъ. Но такое множество картинъ привело скоро въ отчаяніе покупателей; и потому много картинъ остались на стѣнахъ мастерской. Тогда уже не находя средства, чтобы поправить свои дѣла, говорятъ, будто Теньеръ, съ согласія жены и дѣтей, казался мертвымъ. Ему воздвигли памятникъ въ саду; Анна Брейгель надѣла траурное платье; наконецъ комедія была такъ хорошо разыграна, что послѣдовала ожидаемая развязка. Картины Теньера продавались вчетверо дороже; это заставило его выйти изъ своей засады и предаться прежнему образу жизни. Но что думать обо всемъ этомъ? Теньеръ былъ такъ набоженъ, что, кажется, не согласился бы играть комедію смерти. Притомъ, Анна Брейгель, эта обожаемая супруга, эта пѣжная и набожная мать, никогда не захотѣла бы осквернить слезы вдовства.

Давидъ Теньеръ написалъ нѣсколько картинъ изъ своей домашней жизни въ замкѣ Трехъ-Башенъ. Въ одной изъ лучшихъ картинъ, которой такъ удивлялся въ осьмнадцатомъ столѣтїи, въ кабинетѣ герцога де-ла-Вальеръ, онъ представилъ себя съ семействомъ своимъ на террасѣ замка. Платье на немъ полу-фламандское, полу-испанское; онъ играетъ на виолончелѣ, Анна Брейгель перелистываетъ музыкальную тетрадь. Младшій сынъ улыбается, стоя между ними; старшій, которому двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, идетъ изъ замка и несетъ рюмку и кувшинъ. Авраамъ Теньеръ, завернувшись въ плащъ и съ шляпою, на головѣ, стоитъ вполонину закрытый дверью и съ важностію смотритъ на картину. Г-жа Теньеръ очень просто одѣта: волосы ея падаютъ локонами, роза приколата къ ея лифу, нѣжная материнская улыбка, вотъ ея нарядъ.

Въ другой семейной картинѣ, «гадальщица,» Анна Брейгель слушаетъ предсказаніе цыганки, которая держитъ ея руку. Они представлены въ открытомъ полѣ. Теньеръ также тутъ, съ одной стороны группы: сынъ его, удаляясь, тянетъ за собою большую гончую собаку, съ другой стороны—цыгане отдыхаютъ, дожидаясь своей сопутницы. Всѣ фizioномїи прекрасно выражены.

Замокъ Трехъ-Башенъ видѣнъ во многихъ пейзажахъ этого артиста; но Теньеръ хотѣлъ ему посвятить вполнѣ одну картину. Она представляетъ замокъ безъ особеннаго характера и стиля. Однако есть что-то величественное въ его неровныхъ старинныхъ башняхъ. Теньеръ представилъ себя на мосту съ женою и дѣтьми своими. Въ другой картинѣ онъ написалъ себя, катающагося въ лодкѣ по пруду, и съ плывущею за нимъ собакою. Авраамъ Теньеръ оставилъ прекрасный портретъ Давида, писанный въ замкѣ Трехъ-Башенъ.

III. ИЗАБЕЛЛА ДЕ-ФРЕНЪ.

Онъ былъ еще въ полномъ цвѣтѣ, когда лишился жены. Горесть его была безгранична. Замокъ Трехъ-Башенъ, оживленный прежнимъ его счастьемъ, превратился для него въ мрачную и холодную могилу. Природа, обыкновенная его мастерская, только и говорила ему о достоинствахъ и добродѣтеляхъ

Анны Брейгель. Такъ какъ по свадебному своему контракту, онъ долженъ былъ, по смерти своей жены, отдать все свое имѣніе дѣтямъ, онъ остался бѣднымъ какъ прежде. Дѣти его конечно не стали бы требовать, чтобъ условія контракта были выполнены въ ихъ пользу, но Давидъ Теньеръ, не смотря на представленія всѣхъ и каждаго, захотѣлъ лишиться себя всего, въ самый годъ своего траура, говоря, что онъ не хочетъ пользоваться сиротскимъ добромъ. И такъ замокъ Трехъ-Башенъ былъ назначенъ въ продажу. Его купилъ совѣтникъ брабантскаго парламента. Теньеръ удалился въ Брюссель съ самымъ малымъ имуществомъ. Однако онъ оставилъ себѣ одну лошадь, потому что не могъ работать иначе, какъ по возвращеніи съ сельской прогулки. Никто не хотѣлъ вѣрить этой внезапной пережѣ. Конечно онъ продавалъ свои картины за половинную цѣну. Съ живописцемъ-вельможей не смѣли торговаться; бѣднѣвшему артисту боялись предлагать большія суммы. Притомъ же счастье устаетъ улыбаться все одинымъ и тѣмъ же лицамъ. Теньеръ жилъ уединенно; онъ обратилъ всѣ свои мысли къ своей милой Аннѣ и къ христіанской религіи.

Давидъ Теньеръ начиналъ находить какое-то тихое наслажденіе въ своемъ грустномъ, но спокойномъ существованіи; онъ предался работѣ съ жаромъ первой молодости, какъ вдругъ романтическое приключеніе привело его къ прежнимъ мыслямъ. Нѣсколько разъ въ своихъ прогулкахъ верхомъ, онъ вѣдалъ мечтать въ Пескѣ, въ виду зѣмка, о прежнихъ дняхъ счастья; славы и любви. Однажды вечеромъ, черезъ рѣшетку парка онъ увидѣлъ молодую даму, лицо которой имѣло сходство съ лицомъ Анны Брейгель. Онъ опустилъ поводья своей лошади, которая съ наслажденіемъ ощипывала листья старой яблони, и слѣдилъ пламеннымъ взоромъ за этимъ чуднымъ видѣніемъ. Молодая дама вскорѣ исчезла въ густой аллеѣ сада, но Теньеръ все еще смотрѣлъ, то на прудъ, то на замокъ, то на густую аллею.

— Моя бѣдная Анна Брейгель, ты не умерла для меня, сказалъ Теньеръ печально, но съ радостнымъ предчувствіемъ.

— Нѣтъ, возразилъ онъ, нѣтъ, ты не умерла. Я тебя вездѣ нахожу и здѣсь подъ этими деревьями, и въ этой лодкѣ, въ которой мы такъ часто катались.

Разсуждая такимъ образомъ, бѣдный артистъ не замѣчалъ, что лошадь его, которая также имѣла свои воспоминанія, шла пре-

спокойно по дороге къ конюшнямъ. На мосту Теньеръ, задохнувъ, вскалъ поводья.

— Нѣтъ, мой вѣрный другъ, мы не имѣемъ болѣе права вступать на землю этого замка.

Въ этотъ день Теньеръ пріѣхалъ домой грустиѣ обыкновеннаго.

— Зачѣмъ продалъ я этотъ замокъ? говорилъ онъ съ досадою; я тамъ былъ бы все ближе къ моей любезной Аннѣ; я воображалъ бы, что ее еще вижу и слышу.

На другой день онъ опять поѣхалъ въ Пескъ. Совѣтникъ, встрѣтивъ его у пруда, просилъ войти въ замокъ и представилъ его своей дочери Изабеллѣ де-Френъ. Это была бѣлокурая, молодая дѣвушка необыкновенной бѣлизны, которая скучала удивленіемъ. Взглядъ ея шибкий и тонкій походилъ на взглядъ Анны Брейгель.

Теньеръ былъ восхищенъ ею.

Она занималась живописью; живописецъ предложилъ ей взять одинъ урокъ у него въ прежней его мастерской.

Между-тѣмъ погода переменилась; пошелъ проливной дождь. Совѣтникъ не пустилъ Теньера домой, и Теньеръ не сѣтовалъ на несчастъе.

Ужинъ былъ самый оживленный. Живописецъ перенесся воображеніемъ въ прежнюю жизнь свою. Недоставало только кроткаго лица Анны Брейгель, для дополненія картины: но Изабелла де-Френъ также была прекрасна.

— Какъ это вы рѣшились расстаться съ этимъ замкомъ? сказалъ совѣтникъ. Чтобъ увеличить имѣніе вашихъ дѣтей, я знаю; но уже это переходить всякія границы отеческой любви. Для такого таланта, какъ вашъ, и дворецъ не былъ бы лишнимъ.

— Мой настоящій дворецъ, это природа, сказалъ живописецъ, окинувъ завистливымъ взоромъ стѣны замка Трехъ-Башенъ.

— Я бы желалъ, господамъ Теньеръ, чтобы вы проводили у меня каждое лѣто.

— Вы добры, совѣтникъ, я былъ бы вполне счастливъ въ такомъ пріятномъ обществѣ; но время нравянковъ прошло для меня. Прежде я былъ богатъ, жилъ роскошно, а теперь я бѣдный живописецъ. Вся моя радость на палитрѣ. Я буду писать счастье, но счастье чужое.

Говоря это, Теньеръ нѣжно смотрѣлъ на Изабеллу. Молодая дѣвушка покраснѣла и обратила разговоръ на другіе предметы.

IV. НЕИЗЛЕЧИМАЯ ВОЛѢЗНЬ.

На другой день Теньеръ всталъ съ разсвѣтомъ и собирался въ Брюссель.

Пока его лошадь ѣла овесъ, онъ пошелъ прогуляться около своего любимаго пруда.

Утро было свѣжее и ясное; легкій вѣтеронъ разогналъ туманъ надъ долинами Вальворда; воздухъ былъ ароматическій, благодаря вчерашней грозѣ; восходящее солнце освѣщало верхушки башенъ и верхи деревьевъ; однимъ словомъ, это было утро, исполненное любви и надежды.

Теньеръ прислонился къ живому пню, чтобъ любоваться попеременно то прудомъ, то замкомъ. Онъ углубился въ свои любимыя воспоминанія, какъ вдругъ! поднявъ глаза быть-можетъ въ двадцатый разъ къ любимому окошку, гдѣ Анна Брейгель обыкновенно сидѣла въ прекрасныя, лѣтнія вечера, онъ увидѣлъ ея изображеніе какъ бы волшебствомъ.

Это она! Это ея бѣлоскурые локоны! ея задумчивая улыбка!

Онъ хотѣлъ протянуть къ ней руки, но увидѣлъ, что это была Изабелла де-Френъ.

— Увы! сказалъ онъ, опустивъ голову, это не она, однако....

Онъ возвратился въ замокъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ медленнымъ шагомъ.

Въ продолженіе цѣлой недѣли онъ ничего не сдѣлалъ хорошаго. Хотѣлъ писать портретъ Изабеллы де-Френъ, но это было выше силъ его. Лишь только онъ набрасывалъ этотъ портретъ, онъ напоминалъ ему въ одно и то же время Анну Брейгель и Изабеллу де-Френъ. Эти два прекрасныя лица были на-всегда слиты въ его воображеніи.

Онъ сталъ искать развлеченій, боясь серьезно влюбиться. Поѣхалъ во Францію; собрался ѣхать въ Италію; но лишь только пріѣхалъ въ Ліонъ, любовь заградила ему дорогу.

Возвратясь домой, онъ нашелъ у себя письмо отъ совѣтника, который упрекалъ его, что онъ забылъ ихъ.

«Пріѣзжайте, милостивый государь; наши крестьяне даже соскучились, не выдавши васъ, а дочь моя находитъ, что недостаточно одного урока живописи, даже и отъ такого учителя какъ вы.»

Теньеръ отправился въ Пескъ. Совѣтникъ просилъ его убѣдительно провести въ замокъ остатокъ лѣта. Теньеръ рѣшился остаться тамъ, во что бы то ни стало, не зная что лучше для него, избѣгать Изабеллы или видѣть ее безпрестанно.

Какъ бы нарочно у молодой дѣвушки была горничною одна изъ прислужницъ Анны Брейгель; это было новое обольщеніе для бѣднаго Теньера, который всякій разъ какъ встрѣчалъ ее, справлялся гдѣ хозяйка ея. Горничная, вѣроятно по привычкѣ, одѣвала свою новую госпожу точно такъ, какъ одѣвалась прежняя: та же прическа, такое же перо на шляпѣ, тѣ же кружева, та-кой же цвѣтъ платья.

Теньеръ воображалъ часто, что это сонъ, мечта его воображенія. Нѣсколько разъ цѣлуя руку Изабеллы де-Френъ, онъ думалъ, что прошедшее счастье его возвратилось; всякій день онъ открывалъ въ ней какое-нибудь новое сходство.

Наконецъ онъ думалъ, что сойдетъ съ ума.

Однажды онъ бѣжалъ, не оглядываясь, изъ замка, боясь не совладѣть съ сердцемъ.

— Что съ вами, любезный гость мой? спросилъ его совѣтникъ, пораженный его разсѣянностію; нашъ образъ жизни вамъ не нравится? Ваше лицо не дѣлаетъ чести нашему гостепріимству.

V. ВЪЗДОРОВЛЕНІЕ.

Въ одинъ вечеръ, послѣ захожденія солнца, Теньеръ сидѣлъ у пруда, нагибая ногой тростникъ и предаваясь пріятнымъ воспоминаніямъ прошедшаго. Въ это время Изабелла де-Френъ и ея горничная проѣхали мимо въ лодкѣ.

Такъ какъ уже было довольно темно и воображеніе артиста было настроено къ мечтательности; притомъ же большая собака плыла за лодкой, какъ во времена былыя, когда онъ катался съ своей милой Анной, Теньеръ не могъ болѣе владѣть собою.

Лодка катилась возлѣ самаго тростника; онъ виѣ себя бро-
сился къ ней.

— Анна! Анна! вскричалъ онъ. Изабелла, простите меня, воз-
разилъ онъ тотчасъ же, упавъ на колѣни передъ молодою дѣ-
вушкою.

— И такы! сказала она съ увлеченіемъ, пусть будетъ это Ан-
на Брейгель, если вы хотите.

— Легко отгадать, что молодая дѣвушка, быть-можетъ немно-
го романтическая, любила Теньера; что она, тронутая его гру-
стію по Аннѣ Брейгель, рѣшилась утѣшить его, стараясь по-
немвогу, обманомъ воображенія, заступитъ мѣсто незабвенной
для него жены.

Три недѣли спустя, Теньеръ женился на дочери совѣтника.
Онъ снова переѣхалъ жить въ замокъ и повелъ тотъ же самый
образъ жизни, какъ въ прежнее счастливое его время.

Изабелла де-Френъ, полюбившая его за геній и благородное
обхожденіе, была предана ему до самой смерти. Зная, что она
напоминала ему первую его жену, она нисколько не жаловалась
и не сердилась за это, но напротивъ старалась мало-по-малу
перенять всѣ привычки Анны Брейгель, съ великодушнымъ на-
мѣреніемъ, не разочаровывать живописца.

И потому Теньеръ, въ восторгѣ, что нашелъ такую кроткую
подругу, любилъ ее за нее самоѣ и за Анну Брейгель.

VI. СМЕРТЬ ТЕНЬЕРА И ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЕГО.

Ему было за восемьдесятъ лѣтъ, когда онъ умеръ. Смерть его
была тихая и спокойная. Одиный изъ его сыновей, монахъ въ
Мехельнѣ; присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ его
жизни.

Благодаря стараніямъ сына, онъ сдѣлался усерднымъ като-
ликомъ.

Давидъ Теньеръ былъ похороненъ въ Пескѣ, подъ колоколь-
ней, которая въ картинахъ его рисуется почти на всѣхъ го-
ризонтахъ.

Въ воскресенье правнуки крестьянъ, которыхъ онъ снимаетъ
въ кабакахъ или на кермессахъ, проходятъ по мраморной гроб-
ницѣ его съ грустной улыбкой.

Рассказавъ нѣсколько страницъ изъ жизни Теньера, теперь поговоримъ о его произведеніяхъ. Въ нихъ вы найдете чистую натуру, отгѣненную легкимъ покровомъ поэзіи. Искусство, въ какомъ бы родѣ оно ни было, никогда не потеряетъ своихъ правъ.

Поэзія Теньера болѣею частію поэзія веселья. Философія его всегда въ кабакахъ.

Одна изъ его картинъ, которая называется *Фламандская школа*, показываетъ, если вѣрить ему, истинную науку жизни. Въ этой школѣ учитель отчаянный гуляка, который проповѣдуетъ своимъ ученикамъ на откупоренной бочкѣ; онъ держитъ въ одной рукѣ большую кружку, другою поддерживаетъ трубку; онъ въ одно и то же время наслаждается и виномъ и табакомъ и смотритъ въ окошко на проходящую мимо Марго. Ученики достойны такого учителя; они учатся играть въ карты и любезничаютъ съ трактирщицей: они не знаютъ другой азбуки.

Его пейзажи въ гармоніи съ его фигурами; чувствуешь, что его деревья вблизи кабаковъ: на нихъ не раздается пѣніе птицъ. Онъ писалъ первое попадавшееся ему дерево, какъ перваго попавшаго мужика, не скрывая недостатки природы. Его горизонты, его даль слишкомъ однообразны, всегда почти горизонты замка Трехъ-Башенъ.

Воздухъ легкій и теплый, даль исчезаетъ въ безпредѣльности, но въ нихъ столько же вкуса, какъ и въ деревьяхъ. Теньеръ не ожидалъ, чтобъ поэтическое облачко пронеслось передъ его глазами; онъ схватывалъ просто воздухъ безъ всякихъ прикрасъ. Величайшее его достоинство состояло въ чистомъ схватываніи всѣхъ фазіономій. При первомъ взглядѣ на его картины, кажется, слышишь не только стукъ, чоканье стакановъ и кружекъ, но и все то что говорятъ весельчаки. Тотъ споритъ, тотъ рассуждаетъ, одинъ говоритъ съ трактирщицей, другой занимается политикой. Каждое Теньеровское лицо имѣетъ свой особенный смѣхъ, свою особенную манеру говорить, пить и курить. Въ его деревенскихъ праздникахъ васъ поражаетъ удивительно рѣзкое разнообразіе. Богатый мужикъ не танцуетъ такъ какъ бѣднякъ; вы легко отличите походку вельможи отъ разодѣтаго по-праздничному деревенскаго учителя! Малѣйшіе отгѣнки выражены самымъ остроумнымъ образомъ. Марго не держитъ своего платья какъ Жанпетовъ. Жакелина не такъ улыбается какъ

Мargarita. Видно, что это не вымышленныя лица, не созданныя фантазіей живописца. Это мужчины и женщины, вѣрно снятыя съ природы. Всякій виѣтъ свою роль, свое слово, свое чувство; ни въ чемъ нѣтъ недостатка, комедія совершенная во всѣхъ отношеніяхъ.

=

МАЛАККА, СИГГАПУРЪ, СИАМЪ И КОХИНХИНА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВОКРУГЪ СВѢТА ЛАПЛАСА НА ФРЕГАТѢ
АРТЕМИДА.

Послѣ продолжительнаго и скучнаго плаванія, увидѣли мы наконецъ гору Офиръ; вершина ея была окружена облаками; они носились надъ мрачными лѣсами, которыми эта гора покрыта. Черезъ нѣсколько часовъ, когда мы были въ недалекомъ разстояніи отъ берега, фрегатъ бросилъ якорь предъ Малаккой. Климатъ Индіи и разныя безпокойства очень меня разстроили; но благодаря частымъ прогулкамъ, нѣжному обо мнѣ попеченію семейства резидента, а всего болѣе спокойствію души, здоровье мое начало мало-по-малу поправляться. Черезъ нѣсколько времени я былъ уже совершенно здоровъ. Почти все свободное отъ занятій время посвящалъ я на изученіе страны. Каждое утро, снабдившись предварительно различными свѣдѣніями и указаніями, я отправлялся или пѣшкомъ, или въ носилкахъ, осматривать различные кварталы Малакки, чтобы изучить всѣ примѣчательности, которыя тамъ находятся. Такимъ образомъ посѣтилъ домъ правительственнаго совѣта, обширное зданіе чрезвычайно красивой архитектуры и живописно расположенное. Этотъ домъ принадлежалъ прежде голландскому правительству; нынѣ живетъ здѣсь губернаторъ Пуло-Пинанга, когда онъ осматриваетъ судебныя мѣста, ему подчиненныя. Я осматривалъ весьма много благотворительныхъ заведеній, между которыми особенно замѣчательна семинарія, въ

которой протестантскіе миссіонеры, присылаемые сюда лондонскимъ обществомъ миссіонеровъ, воспитываютъ молодыхъ Китайцевъ, предназначенныхъ собственно для духовнаго званія, и школы, устроенныя для обученія дѣтей туземцевъ и послѣдователей различныхъ сектъ.

Большая часть зданій подобнаго рода находится въ предмѣстьи, подлѣ рѣки, на берегѣ противоположенномъ тому, гдѣ возвышаются крѣпость, домъ правительственнаго совѣта и главнѣйшія публичныя заведенія. Не смотря однако жъ на это преимущество, этотъ послѣдній кварталъ не можетъ быть сравненъ ни по величинѣ, ни по многочисленности народонаселенія, ни по наружному виду домовъ, съ тѣмъ предмѣстьемъ, о которомъ я уже говорилъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя здѣсь много домовъ, по большей части одноэтажныхъ, но они чрезвычайно красивы и выкрашены яркими цвѣтами; улицы прямыя и вездѣ широкія. Правый берегъ рѣки оживленъ и веселъ столько же, сколько лѣвый путь и скученъ. У воротъ каждаго дома толпится утромъ и вечеромъ множество людей различнаго пола и возраста, пришедшихъ подышать прохладою; между ними много жителей небесной имперіи, окруженныхъ своими семействами, своими дѣтьми. Близка кожа, правильныя черты лица и наконецъ красивое сложеніе тѣла въ некоторыхъ изъ этихъ дѣтей заставляли бы меня усомниться въ происхожденіи ихъ отъ Малайцевъ, если бъ я не зналъ какъ бываютъ хороши собой племена китайскаго происхожденія, живущія въ предѣлахъ отечественной страны; тамъ и сямъ видны молодыя дѣвушки; по темному цвѣту ихъ кожи и полуевропейскому наряду мнѣ легко было узнать въ нихъ португальскихъ метиссокъ. Многія изъ нихъ довольно хороши собой: большіе, черные глаза, тонкія черты лица, бѣлые зубы, стройная талія этихъ дѣвушекъ особенно привлекали мое вниманіе; но во взглядѣ и въ походкѣ ихъ есть что-то непріятное, отталкивающее, что подтверждаетъ невыгодные о нихъ отзывы нашихъ европейскихъ дамъ. Мужчины, принадлежащіе къ племени почти исчезнувшему, ставятся ни во что Европейцами, у которыхъ они исполняютъ самыя низкія должности. Ихъ обвиняютъ въ лѣности, развратѣ и непріязненныхъ чувствахъ. Всѣ они живутъ въ крайней бѣдности и въ этомъ отношеніи равняются съ Китайцами низшихъ сословій, съ которыми и составляютъ самый послѣдній классъ всего малаккскаго народонаселенія.

Что же касается до уроженцевъ небесной имперіи, которые поселились на полуостровѣ, и до потомковъ владѣтелей Гоа, то они составляютъ высшій кругъ тамошняго общества и бываютъ по большей части или купцами, или владѣльцами земель и домовъ;

они пользуются всею большиною уваженіемъ. Между Китайцами есть много такихъ, которые имѣютъ очень большой достатокъ и выказываютъ зашѣтную роскошь въ расположеніи и мебелировкѣ своихъ комнатъ, чему Малайцы весьма завидуютъ. Хотя послѣдніе и составляютъ почти половину народонаселенія всей Малакки и ея окрестностей, однако живутъ по большей части въ бѣдности и смотрятъ обыкновенно на богатыхъ чужестранцевъ какъ на виновниковъ ея. Отъ этого происходитъ отвращеніе, которое чувствуютъ они къ чужестранцамъ, и которое, не смотря на все старанія и предусмотрительность британскаго правительства, весьма часто доходитъ до грабежей, а подѣ часъ и до убійства. Подобныя преступленія нѣсколько разъ были чрезвычайно строго наказываемы; но виновные скрывались въ лѣсахъ или убѣгали къ соседнимъ племенамъ и оставались тамъ, пока преступленіе ихъ не выглаживалось совершенно изъ памяти.

Осмотрѣвъ внутренность города, я захотѣлъ побывать и въ окрестныхъ селеніяхъ. Одинъ изъ гарнизонныхъ офицеровъ, молодой человекъ очень милый и хорошо образованный, доставилъ мнѣ случай удовлетворить моему любопытству, пригласивъ меня къ себѣ, въ крѣпость, которую онъ командовалъ и которая отстояла отъ гавани на 15 миль. Я предпринялъ это путешествіе рано утромъ, въ маленькой каретѣ, подѣ конвоемъ офицера.

Дорога, по которой мы ѣхали, была недавно проложена. Она чрезвычайно ровна, благодаря глини, которая при солнечныхъ лучахъ чрезвычайно скоро твердѣетъ и которою вся земля въ Малаккѣ кажется покрытою, какъ бы густымъ слоемъ. Земля, принадлежащая деревнямъ, лежащимъ по обѣимъ сторонамъ дороги, казалась мнѣ негодною для земледѣлія; исключая, впрочемъ, тѣхъ мѣстъ, гдѣ ручеекъ или каная-нибудь рѣчка орошали поли трудолюбиваго китайскаго сельскаго жителя. Растительность, хотя и дѣкая, была полна силы, и чѣмъ дальше углублялся я въ страну, тѣмъ богаче она мнѣ казалась. Почва улучшалась все болѣе и болѣе и кой-гдѣ начинали показываться домики, окруженные со всѣхъ сторонъ цѣлыми рощами, или поля, засеянные рисомъ; въжная зелень этихъ полей съ темной зеленью лѣсовъ представляла самый восхитительный видъ.

Мы встрѣчали цѣлыя толпы женщинъ, занимавшихся улучшеніемъ болотистой почвы; онѣ ходили по поясъ въ водѣ: однѣ изъ нихъ трудились надъ осушеніемъ полей, то открывая, то снова запруживая небольшія плотины, сдерживающія воду; другія очищали рисовыя зерна; все вообще занимались хлѣбопашествомъ.

Буйволы, которыхъ ростъ и толщина меня поразили, управляемые дѣтми, боронили землю. Я не могъ разсмотрѣть ни одного взрослою мужчины: они или спали въ хижинахъ, которые были тутъ расположены, или искали плодовъ въ окрестныхъ лѣсахъ, предоставивъ прекрасному полу работы самыя утомительныя. Таковъ обычай многихъ азиатскихъ народовъ; мужчины почти всегда безчеловѣчно обходятся съ женщинами, хотя кротость, понятливость и физическая красота послѣднихъ совсѣмъ не заслуживаютъ такого обхожденія.

Вскорѣ дорога, доселѣ почти пустынная, начала покрываться Малайцами, спѣшившимъ въ резиденцію или изъ одного любопытства, или по накнѣ-либо дѣламъ. Тутъ же шли толпами и Китайцы, неся на продажу различныя произведенія своихъ плантацій или своихъ фермъ. Малайцы, дѣшво подвигавшіеся по дорогѣ, не возбуждали къ себѣ никакого во мнѣ участія; они были небольшого роста, худо сложены, неопрятны, съ лицомъ широкимъ, сплюснутымъ, бронзоваго цвѣта, и носавшимъ притомъ отпечатокъ самыхъ низкихъ страстей. Китайцы же, напротивъ, хотя сгорбившись подъ тяжестью ноши, которую везали себѣ на плечи, двигались быстро и кланялись намъ съ видомъ, непоколебимымъ добродушія и довольства: большая часть изъ нихъ несла въ городъ корзины, полныя жирныхъ гусей, индѣекъ съ гребнями огненнаго цвѣта, каплуновъ, очень хорошихъ утокъ и куръ, золотистыхъ банановъ, апельсинавъ съ зеленою кожей, душистыхъ лимоновъ, превосходныхъ кокосовыхъ орѣховъ, и особенныхъ плодовъ, величиною съ дыню, съ кожей зеленою и шероховатою; внутренность этихъ плодовъ наполнена мякотью сочною и бѣловатою, но издающей самый непріятный запахъ. Европейцы и туземцы весьма любятъ эти плоды. Кетати должно здѣсь замѣтить, что и тигры весьма до нихъ лакомы, и для похищенія ихъ подходятъ иногда чрезвычайно близко къ жилищамъ плантаторовъ; появленіе тигровъ владѣльцы считаютъ несомнѣннымъ признакомъ зрѣлости этихъ плодовъ. Я замѣчалъ также отъ времени до времени небольшія телѣжки, везомыя буйволами; этотъ родъ ѣзды введенъ во всеобщее употребленіе лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, чему впрочемъ очень много способствовали дороги, проложенныя на счетъ англійскаго правительства, во многихъ мѣстахъ полуострова. Эти телѣжки были наполнены аракомъ, перцемъ, сагою, кокосовыми орѣхами, бетелью, резиною, слоновою костью, кожей и клыками носороговъ, шкурами буйволовъ и оленей. Всѣ эти предметы промышленности получаютъ изъ владѣній компаній или изъ малайскихъ конторъ, вблизи находящихся, и предназ-

начаются по большей части для вывоза, равно какъ дичь и плоды, о которыхъ я уже говорилъ.

Мы встрѣчали ежeminутно цѣлые конвои малайскихъ преступниковъ, присылаемыхъ сюда изъ Мадраса; они срубали лѣса и кустарники, для проложенія какой-либо новой дороги, или же строили мосты чрезъ ручьи и рѣки. Эти люди казались мнѣ весьма здоровыми и нисколько не печальшимися о своемъ состояннн. Вообще начальство весьма довольно ихъ работами: большая часть изъ нихъ получаетъ позволенн поселиться, по окончанн работъ, въ той землѣ, которую сами изберутъ. Преступники мусульманскаго вѣроисповѣданн женятся на малайскихъ дѣвушкахъ и такимъ образомъ увеличиваютъ народонаселенн.

Если немного углубишься въ эти лѣса, сказалъ мнѣ мой проводникъ, то можешь встрѣтить тамъ слоновъ, носороговъ, тигровъ, леопардовъ, черныхъ медвѣдей, кабановъ, оленей, лосей самой большой породы, дикихъ буйволовъ чрезвычайно опасныхъ для человѣка и цѣлыя стада свирѣпыхъ бизоновъ, которые нападаютъ на человѣка и съ яростью топчутъ его ногами; кустарники покрыты ядовитыми насѣкомыми; между пресмыкающимися есть много породъ змѣй боа, до того расплодившихся на полуостровѣ, что жители находятъ ихъ часто въ городскихъ своихъ жилищахъ, куда онѣ пробраются во время ночи. Не менѣе многочисленна порода обезьянъ, которыя встрѣчаются не только въ лѣсахъ, но и около жилищъ; всѣхъ породъ этихъ животныхъ множество; вы увидите здѣсь начиная съ орангъ-утанга самаго высокаго роста до самой маленькой обезьяны. Въ этомъ убѣдился я собственнымъ опытомъ: по мѣрѣ того, какъ мы углублялись все болѣе и болѣе въ чашу лѣса, намъ стали слышаться самые громкіе и отвратительные крики обезьянъ, пугавшихъ цѣлыя стаи птицъ; эти воздушные гости всякую минуту перелетали предъ нашими глазами съ дерева на дерево; между ними, по красотѣ перьевъ и яркости цвѣтовъ, всего болѣе понравился мнѣ золотой фазанъ.

Родъ человѣческой въ этихъ странахъ не уступаетъ прочимъ тварямъ ни разнообразіемъ, ни многочисленностью, продолжалъ мой говорливый чичероне; если бы мы имѣли возможность проникнуть въ эти огромные лѣса, извѣстные лишь туземцамъ, то, безъ сомнѣнн, встрѣтили бы послѣ нѣсколькихъ дней ходьбы цѣлыя дикія племена, отличающіеся другъ отъ друга обычаями, нравами и цвѣтомъ кожи. Эти породы занимаютъ всю цѣпь горъ, которая идетъ на протяженн всего полуострова.

Тамъ живутъ Саманги и Мавасы; цвѣтъ кожи этихъ послѣд-

нихъ желтоватыя, носовыя динныя, но вышше; сплюснутый носъ и толстыя губы еще болѣе обезображиваютъ ихъ и придаютъ всей физиономіи какое-то зѣбное выраженіе. Малайцы почитаютъ Мавасовъ чрезвычайно злыми, всѣми жъ болѣе и обвиняютъ даже въ людоедствѣ; Мавасы обыкновенно вооружены копьемъ и тростью, сдѣланной изъ выдолбленнаго бамбука, не болѣе трехъ метровъ длины. Поорудствомъ этихъ тростей Мавасы убиваютъ съ необычайной ловкостью; на довольно большомъ разстояніи, самыхъ мелкихъ птицъ, бросая въ нихъ мѣдныя шарки или лодыныя стрѣлы.

Якуты, другой родъ Негровъ, живутъ на возвышенныхъ мѣстахъ, и ни въ чемъ не походятъ на Саматовъ. Они высокаго роста и отличаются правильными чертами лица. Малайцы считаютъ ихъ весьма кроткими и обходительными. Якуты сражаются, отлжно изъ лука и охотятся на дикихъ звѣрей, которые составляютъ почти исключительное ихъ пропитаніе; хотя боятся и избѣгаютъ чужестранцевъ, однако жъ производятъ съ ними небольшую торговлю, преимущественно съ Китапцями, поселившимися у опушки большихъ лѣсовъ для сношеній съ этимъ народомъ. Торговля производится мирно и притомъ чрезвычайно оригинальнымъ образомъ: въ некоторыхъ мѣстахъ лѣса, известныхъ купцу и находящихся почти всегда близъ его жилища, дикіе приносятъ и раскладываютъ потихоньку слоновью кость, кокосовыя орѣхи, бамбукъ и зашрныя шкуры, послѣ чего они удаляются съ крикомъ, какъ бы давая этимъ звать о своемъ прибытіи. Купецъ, зная по опыту тѣ предметы торговли, которые дикіе предпочитаютъ проеимъ, приносятъ туда табакъ, различныхъ грубыхъ матерій, мелочей, нѣтъ, различныхъ металловъ, жѣлѣза, разныхъ стекляныхъ бѣлъ, ушакъ, и. возвращающагося спокойно домой; дикіе приходятъ снова, производить мѣну товаровъ самц, всегда впрочеиъ съ удивительною честностью, и уносятъ тѣ предметы, которые имъ всею болѣе понравились. Но горе купцу, осмѣлившемуся употребить во зло эту добродѣтель и прамедленіе ихъ, особенно если онъ не воздержитъ потомъ дикарей, изъ обдѣленныхъ; разгнѣанные Якуты упадутъ ночью на его жилище, разграбятъ, разрушатъ и сожгутъ до основанія.

Впрочемъ дикари не ограничиваются одной этой мѣной товаровъ: некоторые изъ нихъ, похрабѣ прочихъ своихъ братьевъ, отправляются въ малайскія деревни и продаютъ тамъ различные плоды и травы, которые почитаются жителями весьма полезными отъ кожныхъ болѣзней; эти травы пѣются весьма

высоко не столько по собственному своему достоинству, сколько по цѣлительнымъ свойствамъ, которыя имъ приписываютъ.

Якуты живутъ весьма дружелюбно и никогда межъ собой не воюютъ; большую часть времени проводятъ они въ лѣсахъ, отыскивая себѣ пищу; они нападаютъ съ изумительнымъ безстрашіемъ на самыхъ огромныхъ, сильныхъ и свирѣпыхъ звѣрей; они ловятъ оленей, которыхъ жажда влечетъ къ ручью, поражаютъ стрѣлами дикаго буйвола, въ то время, когда это страшное животное проходитъ мимо кустарниковъ или деревьевъ, въ листьяхъ которыхъ охотники обыкновенно прячутся; для ловли слоновъ они прибѣгаютъ къ тому же самому способу, какой употребляютъ и жители острова Цейлана, то-есть, пронзаютъ стрѣлами ноги слона въ ту самую минуту, когда онъ сходитъ съ какой-либо высоты. Но оружіе ихъ слишкомъ хрупко и не въ состояніи проколоть толстую кожу гиппопотама, мясо котораго считается у нихъ самымъ вкуснымъ, лакомымъ блюдомъ. Охотники выжидаютъ той минуты, когда гиппопотамъ, водящійся преимущественно въ болотистыхъ мѣстахъ, погрузится въ мѣль и совершенно въ немъ увязнетъ; бѣдное животное, не смотря ни на какія усилія, не можетъ уже оттуда выбраться и даетъ охотникамъ возможность приблизиться къ себѣ, безъ всякой для нихъ опасности, и даже обложить со всѣхъ сторонъ сухими вѣтвями, которыя потомъ поджигаютъ. Несчастная жертва, окруженная со всѣхъ сторонъ пламенемъ, скоро издыхаетъ и превращается въ самое обильное и сочное блюдо; всѣ участвовавшіе въ охотѣ тотчасъ же сбѣгаютъ и начинается праздникъ.

Во все время прогулки, проводникъ мой не переставалъ говорить мнѣ о обычаяхъ и нравахъ различныхъ обитателей полуострова; умные рассказы его такъ меня заняли, что я и не замѣтилъ какъ очутился у самой цѣли своей поѣздки, именно у ключа горячей воды, подлѣ котораго правительство выстроило нѣсколько лѣтъ тому назадъ госпиталь. Говорятъ, будто эта драгоценная вода вылечиваетъ отъ подагры, ревматизмовъ и множества другихъ болѣзней; она съ шумомъ вытекаетъ изъ большого колодца и посредствомъ жолобовъ проводится въ нѣсколько купаленъ, вырытыхъ въ землѣ. Эти купальни окружены довольно высокими, земляными стѣнами, покрытыми толстымъ слоемъ бѣлой извести. Эти стѣны, равно какъ и крыша всего зданія, были значительно повреждены дождями, но еще болѣе бѣлыми муравьями, истиннымъ бичемъ всѣхъ хлѣбопашцевъ и владельцевъ въ Азіи и въ нашихъ колоніяхъ; гибельное прикосновеніе этихъ насѣкомыхъ разрушаетъ съ необыкновенной бы-

стротой легкія зданія, какія обыкновенно строятся во всѣхъ жаркихъ странахъ.

Прочія зданія, построенныя около источника, были точно въ такомъ же расстроенномъ положеніи, какъ госпиталь; бесѣдка, служащая убѣжищемъ для больныхъ извѣстнаго класса, госпиталь, предназначенный исключительно для военныхъ, и казарма, гдѣ помѣщается стража, охраняющая страну, были совершенно разрушены. Правда, эти зданія, построенныя изъ древесной коры и совершенно заброшенные жителями, не оказывали такимъ образомъ большаго сопротивленія острымъ зубамъ бѣлыхъ муравьевъ.

Дымъ, поднимавшійся съ поверхности земли, повсюду, гдѣ мы ни проходили, обозначалъ направленіе маленькихъ ручьевъ, текущихъ посреди сосѣднихъ жилищъ и окрестныхъ полей, растительность которыхъ неподобна, хотя вода, ихъ орошающая, кажется, сильно напитана сѣрой; впрочемъ эта вода годится для питья, употребляется исключительно въ Малаккѣ и ея окрестностяхъ и, не смотря на бѣловатый, непріятный для глазъ, цвѣтъ, предпочтается всякой другой; она имѣетъ вкусъ нѣсколько сладковатый и славится своимъ гигиеническимъ достоинствомъ. Эту воду можно найти на глубинѣ одного метра, подъ землей, на пространствѣ всего полуострова; потому-то каждый домъ, каждая хижина имѣетъ свой особый колодезь.

Чтобы видѣть теплый ключъ, находящійся въ самой крѣпости, намъ нужно было перейти черезъ долину, открытую со всѣхъ сторонъ и довольно хорошо воздѣланную вблизи живущими туземцами: поле и огороды отдѣлялись другъ отъ друга группами плодовыхъ деревьевъ, изъ которыхъ одни цвѣли, другія уже усыпаны были плодами, которыхъ насчитываютъ здѣсь до пятидесяти различныхъ сортовъ. Эти плоды, хотя дикіе, превосходны; рисъ растетъ чрезвычайно хорошо; сахарный тростникъ достигаетъ довольно большой высоты; кофейное дерево и перецъ сдѣлались бы несомнѣнно важнымъ предметомъ торговли, если бы ихъ лучше воздѣлывали и обработка стоила не столь дорого. Лѣса содержатъ въ себѣ множества деревьевъ годныхъ для построекъ и для токарнаго искусства; здѣсь же растетъ драгоцѣнное дерево, изъ котораго получается резина, предохраняющая зданія отъ порчи насекомыми и червями и съ такимъ тщаніемъ собираемая въ Индін, гдѣ ею покрываютъ борты судовъ и крыши домовъ.

Но въ этой странѣ, равно какъ и во всѣхъ прочихъ лежащихъ подъ одной и той же широтой, климатъ дѣйствуетъ чрезвычайно разрушительно на здоровье людей; различныя накож-

ныя болѣзни, самыя отвратительныя, какъ-то: проказа, вереды, горячки, оспа, кровавые поносы и даже холера, производятъ здѣсь самыя страшныя опустошенія, и не только между туземцами, но даже между иностранцами; войска, находящіяся въ крѣпостяхъ, испытываютъ всѣ эти болѣзни, не смотря на всѣ предосторожности, которыя принимаетъ англійское правительство, отсылая ихъ въ Мадрасъ. Въ экипажѣ Артемизы стали появляться у нѣкоторыхъ матросовъ признаки холеры и многихъ другихъ вышеупомянутыхъ болѣзней.

Но такъ какъ къ концу іюля больные наши чувствовали одну слабость, которая могла пройти единственно отъ вліянія воздуха, то я рѣшился приготовить къ отплытію въ Кохиндину и Манилю, чтобы приплыть туда прежде вачатія періодическихъ бурь, тамъ свирѣпствующихъ и чрезвычайно опасныхъ для мореплавателей. 28 іюля, въ восемь часовъ вечера, отправился мы благополучно въ путь по направленію къ Сингапуру.

Мы плывемъ вдоль плодоносныхъ береговъ королевства іогорскаго, славившагося своими отличными фруктами, чудесными лѣсами, употребляемыми для различныхъ построекъ и рѣзбы, золотомъ, слоновою костью, а всего болѣе оловомъ, доставляемымъ обширными рудниками. Столица этого королевства довольно велика, красива, и построена притомъ на оконечности Малайскаго полуострова, почти противъ Сингапура. Эта столица была основана въ 1512 году, сыномъ короля, изгнаннымъ Португальцами изъ Малакки. Вскорѣ она сдѣлалась столь могущественною, что могла бороться съ успѣхомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ могущественными владѣтелями Гоа, которые послѣ множества неудачныхъ попытокъ овладѣли ею въ 1608 году, но не могли долго въ ней держаться, не смотря на все свое желаніе остаться обладателями города, который производилъ въ ту эпоху очень обширную торговлю съ различными частями великаго архипелага Азіи, и который считалъ у себя въ подданствѣ: Биятангъ, Баттамъ и множество другихъ большихъ острововъ, лежащихъ при входѣ въ проливъ губернатора.

Эта кровавая распря и опустошенія, которыя отъ нея произошли, имѣли слѣдствіемъ лишь возросшую ненависть природныхъ жителей страны къ христіанамъ. Дѣйствительно, жители іогорскаго королевства всегда были самыя свѣблыя и рѣшительныя морскими разбойниками изъ всѣхъ жителей соседнихъ острововъ; предприимчивость и дерзость сдѣлали ихъ скоро чрезвычайно опасными для Европейцевъ. Впрочемъ основаніе Сингапура принудило и короля и подданныхъ отказаться отъ

разбойнической жизни и положило предѣлъ ихъ могуществу, которое съ этого времени начало слабѣть все болѣе и болѣе. Черезъ нѣсколько времени, королевство это сдѣлалось почти невзвѣстнымъ. Султанъ продалъ Голландцамъ за ежегодный пенсіонъ Бинтангъ, а черезъ нѣсколько времени уступилъ Англичанамъ и Сингапуръ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ; столица стала производить торговлю единственно съ англійскими конторами; главными предметомъ этой торговли сдѣлались съѣстные припасы, доставляемые окружающими провинціями.

Всѣ улучшения, которыя англійское правительство сдѣлало въ послѣдствіи, стали замѣтными лишь нѣсколько времени тому назадъ; трудно было приучить Малайцевъ къ новому, болѣе дѣятельному образу жизни, отъ котораго они совсѣмъ отвыкли. Милновать всѣ опасныя мѣста, фрегатъ Артемиза бросилъ благополучно якорь въ сингапурской гавани.

Въ эту минуту любовались мы самымъ восхитительнымъ видомъ, какой только можно себѣ представить. Заходящее солнце освѣщало блѣднымъ, умирающимъ свѣтомъ края темныхъ и густыхъ тучъ, собравшихся надъ горами югорскими, на другомъ концѣ горизонта. Молнія блистала непрерывно; сильные громовые удары предвѣщали бурю, чрезвычайно обыкновенную въ это время года и освѣжающую всакий разъ воздухъ. Эти бури рѣдко бываютъ сопровождаемы сильными вѣтрами и опасны лишь для небольшихъ кораблей, за которыми весьма плохо смотрятъ и которые почти всегда бываютъ весьма дурно оснащены.

Я любовался безъ всякаго страха и опасенія прехотительнымъ видомъ острова Сингапура, его зелеными холмами и городомъ, который ясно обрисовывался на темномъ фонѣ облаковъ. Недалеко отъ насъ стояло на якорѣ множество иностранныхъ военныхъ кораблей. Ближе къ берегу толпились купеческія суда, симметрически расположенныя; тутъ же находилось много лодокъ туземныхъ промышленниковъ. На берегу расположены были цѣлыми рядами хорошенкіе, бѣлые домики, окруженные садами и украшенные, почти всѣ безъ исключенія, галереями и кровлями въ видѣ террасъ; при помощи зрительной трубы я ясно различалъ множество дамъ и джентльменовъ, толпившихся въ гавани и вѣроятно любовавшихся на нашъ фрегатъ, который готовился стать на якорѣ. Немного повыше, на скатѣ великаго холма или въ чудесныхъ аллеяхъ, освѣдомыхъ большими деревьями, нѣ легко было рассмотреть и узнать, по относительной близости стѣнъ, нѣкоторые изъ общественныхъ заведеній и памятниковъ. Съ одной стороны зданіе суда, построен-

ство въ иречесномъ янгоф; съ другой стороны казармы, которыя, съ различными пристройкамъ, занимають значительное пространство. Наконецъ и съ трудомъ могъ оторвать взоръ свой отъ прекраснѣйшей армянской церкви, отличающейся высокою колокольней, небольшоими колоннами и шеголоватымъ порталомъ, который шармается отчасти за густотой листьевъ и прелучаетъ отъ того еще болѣе прелесть. Но все эти прелестьныя зданія ничего не значили въ сравненіи съ домомъ губернатора, замѣчательнымъ не по величественному фасаду или пышной постройкѣ, но по удивительному мѣстоположенію. Этотъ домъ, находящійся на возвышенности, откуда виденъ весь островъ и море, построенъ изъ дерева, съ пыскою крышею, окруженъ со всѣхъ сторонъ газереями и весь сплошной. Лѣтній въторонъ охватываетъ безпрестанно обширныя комнаты, въ нѣтъ заключающіяся, заслоненныя отъ солнца вѣновыми деревьями.

Классы этого прекраснаго жилища могутъ любоваться изъ оконъ своихъ на широкіе и долныя югорскія; передъ домомъ, у водопыи поля, раскинуты лужайки и цветники; британскій флагъ, развѣивающійся на высокой мачтѣ, какъ бы господствуетъ надъ всѣмъ островомъ.

Я побывалъ въ казармахъ и военномъ госпиталѣ, содержащемся въ отличномъ порядкѣ и чистотѣ. Однако грустный и мрачный видъ воладѣть обратилъ на себя мое вниманіе. Я вспоминалъ о томъ дѣтствѣ, о той жизни, которую я замѣчалъ въ подобныхъ мѣстахъ въ Бомбей и Калькуттѣ; причиною ея было принужденіе семействъ Сипаевъ. Забѣ же я не встрѣтилъ ни одной женщины, ни одного ребенка; молчаніе самое глубокое царствовало повсюду; я узналъ, не безъ удивленія, что Бенгальское правительство, для сокращенія издержекъ, при переводѣ солдатъ съ материка на острова, не позволяетъ имъ брать съ собой свои семейства. Эта жестокая мѣра имѣетъ самыя губительныя послѣдствія; несчастные Сипаи, разлученные съ своими семействами, продаются иланству, разврату, не соблюдаютъ ни малѣйшей дисциплины, славятся недовольны своимъ состояніемъ и наконецъ умирають во большей части въ госпиталѣ.

Къ сожалѣнію, я не могу отозваться съ похвалою о прочіихъ обществяныхъ заведеніяхъ, которыя я осмотрѣлъ съ величайшею вниманіемъ. Гражданскій госпиталь содержится и управляется весьма дурно. Уголовный судъ, куда присылаются преступники изъ Мадраса, для производства публичныхъ работъ, въ особенности для проложенія новыхъ дорогъ, имѣетъ такъ

же весьма много недостатковъ и не соответствуетъ своему назначенію.

Осматривая городъ, я замѣтилъ однако жъ, что благоустройство сдѣлало въ городѣ весьма много улучшеній: большія улицы, проложенныя по прямому направленію, тщательно вымощены; проведены канавы для стока дождевой воды; устроены небольшие водопроводы, и наконецъ широкія, прочныя набережныя облегаютъ берега рѣки.

На всякомъ шагѣ я могъ радоваться успѣхамъ, которые торговля дѣлаетъ столь быстро у народовъ самыхъ непроросвѣщенныхъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были болота, поросшія мхомъ и кустарникомъ, затопляемыя морскимъ приливомъ, тамъ видѣлъ я обширныя магазины, наполненные товарами различнаго рода. Съ какимъ любопытствомъ смотрѣлъ я на эту толпу людей, непрестанно предо мной движущуюся, дѣйствующую: одни съ торопливостью выгружали малайскіе корабли, стоявшіе у берега; другіе дѣятельно трудились надъ починкой купеческихъ судовъ, стоявшихъ на якорѣ въ бассейнахъ, которые были вырыты предъ магазинами богатыхъ негодіантовъ. Дома, надъ постройкой которыхъ трудились сотни китайскихъ работниковъ, воздвигались вездѣ съ удивительной быстротой; но видя быстроту, съ которой они строили, я справедливо считалъ работу ихъ весьма непрочной, и что эти, такъ сказать, импровизированныя постройки не могли долго сопротивляться вліянію атмосферы постоянно сырой. И въ самомъ дѣлѣ, большая часть изъ этихъ домовъ весьма скоро гниютъ и разрушаются, отчего Сингапуръ съ перваго взгляда кажется довольно старымъ городомъ.

Во внутренности города васъ невольно поражаетъ самая разительная противоположность: величайшая роскошь и самая отвратительная нищета. Подлѣ домиковъ хорошихъ и помѣстительныхъ вы увидите множество малайскихъ семействъ, стѣснившихся въ одну кучу въ тѣсной, развалившейся хижинѣ, посреди огромныхъ кучъ всякаго сора и лужъ; эти лужи изъ самой нечистой воды, покрытыя тинной, испаряются отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, падающихъ сквозь развалившуюся крышу. Очевидно, что подобныя жилища сдѣлались бы давно мѣстомъ заразительнымъ, если бы близъ нихъ не текли горные источники, освѣжающіе и очищающіе воздухъ. Но видя стараніе, съ какимъ разчищаютъ окружныя холмы, можно легко предвидѣть, что рано или поздно эти источники должны непременно высохнуть, и тогда Сингапуръ, оставшись въ такомъ поло-

жолн, въ какомъ теперь находится, сдѣлается непременно мѣстомъ заразительнымъ.

На площадяхъ и въ улицахъ толпилось множество народа всѣхъ возможныхъ азіатскихъ націй; вездѣ, особенно въ гавани, было замѣтно движеніе. Корабли находились тамъ во множествѣ и то выгружали свои товары, то нагружались снова; хотя это движеніе было теперь довольно велико, но оно чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ должно было увеличиться еще болѣе, потому-что тогда обыкновенно приходятъ самые большіе, малайскіе корабли, пользуясь хорошей погодой, предшествующею обыкновенно періодическимъ бурямъ, привозятъ различныя произведенія своей страны и мѣняютъ ихъ на британскія. Съ другой стороны приплываютъ къ тому же времени и китайскія джонки изъ Кантона или Наннина, богато-нагруженныя и съ многочисленными пассажирами. Наконецъ появляются арабскія лодки, наполненныя паллигримами, возвращающимися изъ Мекки, которые высаживаются здѣсь на берегъ, уступая свое мѣсто другимъ послѣдователямъ Магомета.

Въ эти мѣсяцы народонаселеніе въ Сингапурѣ, простирающееся до 25,000 душъ, еще болѣе увеличивается. Благодаря прибытію кораблей, всѣ магазины наполняются перцемъ, камфорой, воскомъ, черепаками, перламутромъ и жемчугомъ, предназначеннымъ для вывоза въ Европу; тамъ же можно найти въ изобиліи птичьи гнѣзда—любимѣйшее блюдо китайскихъ гастрономовъ. Кромѣ вышеизчисленныхъ произведеній, должно прибавить сюда произведенія, доставляемыя англійскими конторами съ западныхъ береговъ Борнео, именно, кофе, рисъ и сурьма, также значительное количество золота и брилліантовъ. Товары, доставляемые китайскими джонками, хотя и не имѣютъ той цѣнности, не смотря однако жъ на то весьма скоро раскупаются; грузъ джонковъ составляютъ по большей части шелковыя матеріи, леденецъ, различныя медицинскія травы и тысячи другихъ произведеній небесной имперіи. Наконецъ, почти въ то же самое время, привозятся изъ Малакки резина и олово; сингапурскія набережныя бываютъ совершенно загромождены товарами.

Въ 1833 году цѣнность всѣхъ товаровъ, привезенныхъ въ Сингапуръ и Великобританію и вымѣненныхъ на упомянутые мной азіатскіе товары, простиралась, какъ говорятъ, до сорока пяти милліоновъ фряковъ. Вѣроятно эта цѣнность, впослѣдствіи, возросла еще болѣе; впрочемъ въ число проданныхъ товаровъ входилъ и опиумъ, котораго весьма большое количество было ежегодно привозимо изъ Китая на джонкахъ, но начало войны Китай-

цевъ съ Англичанами безъ сомнѣнія прекратило вывозъ опиума. Дороги показались мнѣ не такъ хороши, какъ и сначала воображалъ; но когда я увидѣлъ множество осужденныхъ, затопляющихся осушкой болотъ, проводящихъ каналы для оттока воды и каналы нивелирующихъ землю, то нашелъ, что здѣсь много лучше; особенно когда проводникъ мой обратилъ мое вниманіе на множество дачъ, расположенныхъ въ прелестнѣйшихъ долинахъ. Постоянная свѣжесть воздуха, трѣстилки, лужайки, рощи старыхъ деревьевъ придавали этимъ дачамъ необыкновенный, восхитительный видъ; дачи, которыя я посетилъ, были отдѣлены отлично. Мнѣ удалось видѣть въ нихъ множество молодыхъ Китайцевъ, прѣзжающихъ ежегодно на джонкахъ въ Сингапуръ, гдѣ они занимаютъ въ услуженіе у богатыхъ Европейцевъ. Вообще они отличаются честностью, повѣрливостію и благопріятіемъ, чѣмъ отличаются отъ Китайцевъ низшихъ сословій, по большей части негодяевъ, которые дерзостью своею и оклонностью къ воровству сдѣлались ненавистными жителямъ Сингапура.

Всѣ земледѣльцы, кочары и живущія постраоны близъ города, принадлежатъ къ часу гражданъ небесной имперіи; эта многолюдная страна доставляетъ съ незапамятныхъ временъ хлопковъ, барышниковъ и чернокобочихъ всему малайскому полуострову и великому архипелагу Азіи, гдѣ Китайцы завладевъ въ обществѣ то же самое свѣтло, какое въ Европѣ занимаютъ жиры. Туземцы ненавидятъ ихъ; начальство обложило ихъ податью; не смотря на это Китайцы вонюка кажутся дѣлать много, трудолюбивыи, благосклонныи другъ къ другу, но они чрезвычайно окупы и несколько не смотря на средства, которыми достигаютъ богатства. Въ Индо-Китаѣ, во всѣхъ европейскихъ заведеніяхъ, Китайцы занимаютъ самую большую часть всего народонаселенія. Въ Сингапурѣ они по большей части занимаются ремеслами или строятъ дома, чинятъ корабли, а иногда воздѣлываютъ землю. Однако жъ и Малайцы занимаются съ небольшою охотою земледѣліемъ, въ чемъ я убѣдился собственнымъ опытомъ, именно, я видѣлъ нѣсколько человекъ Малайцевъ, разсѣявшихъ сахарный тростникъ или заставлявшихъ дѣйствовать небольшую машину для выдѣлки сахара, управляемую однимъ Китайцемъ. Хотя эта машина была устроена довольно хорошо, и сахарный тростникъ мнѣ показался чрезвычайно хорошъ, однако жъ, смотря выдѣланный сахаръ, я нашелъ въ немъ весьма много недостатковъ, которые впрочемъ приписалъ не качеству сахарнаго тростника, а неумѣнью туземцевъ управлять машиной. Сахарный тростникъ, растущій въ Сингапурѣ, употребляется туземцами съ большою пользою противъ желудка

лики болѣе: некоторые изъ нашихъ болыихъ вполне почувствовали благодѣтельное дѣйствіе этого тростника.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ провели мы въ гавани, гдѣ бури и ураганы рѣшительно неизвѣстны, то являя по проливу, то являя разлетѣній на берегу. Съ безпокойствомъ помышляли мы о предстоящемъ намъ путешествіи по Китайскому морю, гдѣ въ то время господствовали страшныя бури и было множество шхунъ, топившихъ корабли. Однако жъ надѣясь на свою счастливую звезду, мы отправились изъ Сигапура шестого августа, и фрегатъ нашъ, благополучно миновавъ Недру-Бланку, поступилъ въ Китайское море. Погонимый сильными попутными вѣтрами, онъ, какъ стрѣла, несся къ Кохинхинъ, въ которой намъ столько хотѣлось побывать.

Вѣдво отъ насъ видѣлся обширный Сіамскій заливъ, усаженный множествомъ мелкихъ острововъ. Берегъ, окаймляющій этотъ заливъ, составляетъ множество природныхъ гаваней, въ которыхъ весьма часто останавливаются иностранные корабли, укрываясь отъ непогодъ. Со стороны малайскаго полуострова особенно извѣстенъ портъ Патангъ, куда привозятъ на корабляхъ, изъ Сигапура, значительный грузъ золотомъ, пряныхъ кореньевъ, слоновой кости и дѣрева для тонирной работы; также Тригангъ, жители котораго производятъ подобнаго же рода торговлю, и не менѣе злы и жестоки, какъ ихъ сосѣди изъ Патани и Сивора, привыкшіе къ разбою, въ слѣдствіе частыхъ на нихъ набѣговъ Сіамцевъ. Эти поблдіе къ концу прошедшаго столѣтія совершенно подчинились себѣ. Всѣ туземные жители ходятъ вооруженные, и не знаютъ никакихъ законовъ; всякій расправляется какъ самъ знаетъ; имъ извѣстно одно только право сильного. Впрочемъ они храбры, предприимчивы и не терять работва. Тюроннаго заключенія у нихъ нѣтъ; кража или убійство наказываются пыткой или казью; однако жъ, по болшей части, родственники управляютъ виновныхъ, если не убьютъ ихъ битьемъ изъ отечества.

Немного выше къ сѣверу отъ послѣдняго города, о которомъ я говорилъ, начинается собственно такъ называемое сіамское королевство, гдѣ, во времена Людовика XIV, Франція производила столь обширную торговлю, и гдѣ былъ первое мѣсто заняли Англичане. Мало чинихъ въ мірѣ странъ, которая щедрѣе надѣлена природой, чѣмъ это королевство: берега его представляютъ множество природныхъ гаваней, куда привозятъ изъ внутренности страны, по широкимъ, судоконнымъ рѣкамъ, различныя произведенія торговли. Въ прекрасныхъ лѣсахъ, поври-

вающихся горы, произрастаетъ болѣе сотни разнаго рода деревь, употребляемыхъ для построекъ и для наборныхъ работъ; особенно замѣчательны здѣсь индѣйскій дубъ (тикъ) и сосна, изъ которой въ Китаѣ строятся ежегодно множество джонокъ; онѣ нагружаются паллисандровымъ деревомъ въ чрезвычайно большомъ количествѣ. Тѣмъ же самымъ путемъ доставляются каждый годъ богатая руды, которыми изобилуютъ всѣ возвышенныя мѣста королевства, также произведенія должна, содѣланныхъ къ морю; золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ, добываемые горными жителями на счетъ правительства; желѣзо, изъ котораго Китайцы выдѣлываютъ множество сосудовъ различной формы для домашняго употребленія, и которое съ нѣкотораго времени они отправляютъ въ Кантонъ; наконецъ перецъ, кофе, рисъ, сахаръ и разныя другія произведенія плантацій, которыми покрыты берега почти всѣхъ рѣкъ, а въ особенности рѣки Менамъ, гдѣ находится Бангкокъ, главный городъ королевства. Всѣ эти произведенія развозятся множествомъ китайскихъ, налайскихъ и индѣйскихъ корабельщиковъ въ различныя части Азій; они доставляются частью въ Сингапуръ, куда привозятъ кромѣ того, въ извѣстное время года, поваренную соль, мѣха пушистыхъ звѣрей, кожи буйволовъ, слоновъ и носороговъ, слоновую кость, гуммалакъ, кардамонъ и птичьи гнѣзда. Эти посылки, доставляемые изъ Сіама, вывозятся въ большомъ количествѣ китайскими промышленниками въ Кантонъ.

Взвѣвъ такого множества туземныхъ произведеній, почти всѣ образованные народы земнаго шара доставляютъ въ Бангкокъ мануфактурныя и другія произведенія. Европа доставляетъ туда сукна, бархатъ, галуны, металлическія бездѣлушки, кристаллы, огнестрѣльное оружіе и военные снаряды; Индія снабжаетъ своимъ золотомъ, серебромъ, шерстяными матеріями, опиумомъ и различными пряностями; изъ Китая привозятся шелковыя ткани, чай, фарфоръ и тысячи лакированныхъ предметовъ; негодяи сѣверной Америки присылаютъ ежегодно отъ пяти до шести судовъ, нагруженныхъ холстомъ, порохомъ, и вымѣнаваютъ все это на сахарный песокъ. Что же касается до Франціи, то она уже не пользуется тѣмъ значеніемъ, которое имѣла прежде, хотя французскіе миссіонеры, находящіеся при дворѣ короля сіамскаго, приобрѣли его благосклонность.

Я говорилъ уже о Бирманской имперіи и о той ненависти, которую питаютъ другъ къ другу жители Явы и Сіама. Непрерывный рядъ войнъ и страшныя опустошенія были необходимыми слѣдствіемъ этой ненависти. Однако счастье во благопріятствовало владѣтелю Бангкока; въ концѣ прошедшаго столѣтія

императоръ бирманскій овладѣлъ его столицей, впрочемъ держался въ ней не долго и былъ выгнанъ, но удержалъ за собой лучшіе порты: Мергюи, Мультиейъ и Таваи, которые въ 1824 году перешли во власть Англичанъ.

Съ подобными наклонностями къ войнѣ, народъ очевидно не можетъ сдѣлать быстрыхъ успѣховъ на поприщѣ образованія и промышленности, особенно когда онъ занятъ кровавыми революціями.

Конецъ семнадцатаго столѣтія былъ богатъ важными происшествіями, въ которыхъ приняли участіе три морскія европейскія державы. Съ 1662 года Англичане спорили съ Голландцами о первенствѣ при дворѣ сіамскомъ. Двадцать лѣтъ спустя эту политическую роль заняла Франція и поддерживала ее съ тѣмъ дотошествомъ, которое характеризовало вѣкъ и царствованіе Людовика XIV. Одинъ Грекъ, по имени Фольконъ, нѣвшій торговыя сношенія съ Бангкокомъ, добившись милости у короля сіамскаго, достигъ достоинства перваго министра и выказалъ въ этомъ новомъ своемъ званіи удивительныя способности и необыкновенную энергію. Его стараніями порядокъ и спокойствіе снова были водворены въ королевствѣ; всѣ внутреннія возмущенія были погашены; чрезвычайно опасный мятежъ войскъ, набранныхъ въ Манкассаръ и составлявшихъ родъ тѣлохранителей полномочнаго министра, который хотѣлъ усмирить непокорныхъ гражданъ, былъ остановленъ въ самомъ началѣ.

Но Фольконъ, не довѣрившій прочимъ мандаринамъ королевства, поддерживаемымъ тайно Англіею, послалъ во Францію, отъ имени своего государя, посла съ порученіемъ заключить мирный и торговый договоръ. Съ какой охотой это предложеніе было принято, извѣстно уже изъ исторіи. Шестъ военныхъ кораблей, изъ которыхъ на каждомъ находилось по тысячѣ чотыреста человѣкъ разнаго оружія, бросили якорь при устьѣ рѣки Менама; вскорѣ французскіе солдаты стали строить цитадель въ Бангкокѣ, который тогда не былъ еще резиденціею.

Къ сожалѣнію это блистательное начало, отъ котораго столько можно было ожидать, въ слѣдствіе различныхъ переворотовъ, не имѣло никакого результата. Фольконъ и его приближенные были умерщвлены во время одного возмущенія, и Англичане приобрѣли прежнее свое вліяніе на управленіе этой страной, или, лучше сказать, возобновили споры съ Голландцами, которые, овладѣвъ Батавіей, производили торговлю почти со всѣмъ сіамскимъ королевствомъ.

Но такъ какъ Англичане и Голландцы скоро увидѣли бѣдственную-положеніе-этой страны, безпрестанно терзаемой недоуздбыми распрями, то понуждали совершенно свод конторы и явились снова въ Сіамъ лишь въ 1767 году; въ то самое время, когда Сіамцы, предводимые вождемъ, одареннымъ необычайными способностями, изгнали изъ своей родины Бирманцевъ и водворили такимъ образомъ спокойствіе.

Европейцы снова стали пріѣзжать къ Бангкокѣ и провозвѣстывать тамъ торговлю. Но въ какомъ положеніи нашла они страну? Она была совершенно опустошена: народонаселеніе значительно уменьшилось отчасти отъ войны, отчасти отъ голода; такъ что, когда Европейцы возобновили свои торговые сношенія, то явились въ Китайцахъ, толпами поселившихся въ королевствѣ, весьма опасныхъ соперниковъ, магущество которыхъ съ этого времени возросло-отъ наждымъ днемъ-всѣ болѣе и болѣе.

Китайцы почти исключительно ведутъ всѣ дѣла, воздѣлываютъ землю, разрабатываютъ рудники и владѣютъ сахарными заводами; они же пріобрѣтаютъ изъ первыхъ рукъ всѣ произведенія этой страны. Напрасно Англичане возобновили прежніе трактаты, и Американцы заключили новый въ 1833 году; они ничего этимъ не выиграли, до такой степени всѣ иностранцы внушаютъ къ себѣ недовѣрчивость государя, который, вѣроятно для того, чтобы воспрепятствовать пріѣзжать въ большее еще число въ свое государство, отказывается имъ не только въ своемъ покровительствѣ по различнымъ дѣламъ, но не позволяетъ даже иностраннымъ консуламъ жить въ своей столицѣ и торговать безъ особеннаго съ его стороны разрѣшенія. Китайцы же пользуются въ этомъ отношеніи самой неограниченной свободой, платятъ небольшую пошлину, и одни скупаютъ главные произведенія страны.

Должно впрочемъ полагать, что этотъ порядокъ вещей, столько вредный для европейской промышленности, долженъ въ скоромъ времени значительно измѣниться; потому-что, хотя чернь и погружена еще въ варварство и самое глубокое, закоснѣлое невѣжество, однако жъ въ высшихъ классахъ общества успѣхи образованія весьма замѣтны; всѣ князья, всѣ начальники изучаютъ европейскія науки и искусства. Одинъ изъ нихъ, братъ короля, и, кажется даже его наследникъ, оказываетъ большое вниманіе и расположеніе къ иностранцамъ и спрашиваетъ часто ихъ мнѣнія и ихъ совѣтовъ. Онъ произвелъ при помощи Европейцевъ значительныя перемѣны въ составѣ войска, артиллеріи и флота. Съ другой стороны Англичане, владѣя Сигапуромъ, весьма недовольны

наиболѣе прилежно къ нимъ, королю сіамскому, землям котораго соединены съ нѣкѣ владѣніями. Недавно еще, въ знакъ своего къ нему: благоуваженія, онъ отдалъ на его произволъ земли, короля Кедахъ, стариннаго своего союзника. Изъ всего этого можно предвидѣть, какъ я уже и сказала, различныя перемѣны съ коммерческихъ сношеній Сіама съ Европейцами.

Слѣдовало бы жевать, чтобы всѣ эти перемѣны совершились, какъ можно скорѣе, особенно если отъ этого улучшится бытъ народа, который, не смотря на свою трудолюбивость, находится въ самомъ бѣдственномъ состояніи. Сіамскихъ мадариковъ вообще обвиняютъ въ скудости, безответности и сребролюбіи; однако жъ они, равно какъ и государь нѣтъ, терпятъ иностранцевъ, рѣдко ихъ обижаютъ, и даже позволяютъ христіанскимъ миссіонерамъ свободно проповѣдывать ученіе святаго евангелія и нѣтъ вездѣ свои храмы. Говорятъ, что цынцый король весьма радъ видѣть новыхъ зданіе, украшающія площадь его столицы; хотя онъ и принадлежитъ, вараиѣ съ своимъ, пріемнымъ, въ числу послѣдователей Будды, однако жъ позволяетъ своимъ подданнымъ свободное отправленіе ихъ богослуженій.

Число жителей Бангкова простирается до 100,000 душъ. Въ этомъ городѣ находится множество школъ, гдѣ мальчики и дѣвочки могутъ быть обучаемы бесплатно и гдѣ правительство дозволяетъ миссіонерамъ преподавать языкъ Божій.

Многочисленное народонаселеніе Бангкова, гдѣ миссіонеры должны: имѣть очень много занятій, состоитъ изъ Сіамцевъ, Малайцевъ, Китайцевъ и даже нѣкоторыхъ англійскихъ купцовъ, которые получили отъ короля позволеніе поселиться: тутъ на первомъ. Впрочемъ туземцы живутъ въ самой ужасной бѣдности, особенно съ 1836 года, когда Менамъ вывелъ изъ Бангкова и потопилъ всѣ жилища и лавангоны. Отъ этого наводненія пострадали весьма много и плодовые деревья, которыхъ привезли изъ разннхъ, окружающа Бангковъ, вѣтъ садовъ и обширностью своей поражали путешественниковъ. Множество людей погибло, скотъ нѣтъ по большей части отъ недостатка корма и почти совершенно истребился. Послѣ этого, благодаря трудолюбію и дѣятельности Китайцевъ, зло, происшедшее отъ наводненія, было отчасти поправлено. Съ 1838 стали снова вывозить сахаръ, перецъ и рисъ; множество джонковъ и каравановъ затронули какъ и прежде берега Менама, а морскія суда безпрестанно прибывали со всѣхъ сторонъ въ столицу. Но самый городъ Бангковъ есть не что иное, какъ множество хижинъ, покрытыхъ соломой и смазанныхъ глиной; нѣтъ-гдѣ видѣются богатые дома знатныхъ китайскихъ купцовъ.

или вельможъ сіамскихъ; дворець короля построенъ въ родѣ крѣпости и вооруженъ пушками; впрочемъ онъ не въ состояніи выдержать нападенія, равно какъ и старыя стѣны, которыми окруженъ весь городъ.

Очевидно, что картина города не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго. Правительство и полиція этого обширнаго города очень дурно устроены. Но, какъ я уже сказалъ, должно полагать, что королевство Сіамъ займетъ важное мѣсто въ ряду государствъ, сосѣдственныхъ къ Китайскому морю, какъ по плодородію земли и богатству произрастешій, такъ и по многочисленности и трудолюбію жителей.

Такъ размышляя я въ это время, какъ фрегатъ плыль быстро по водамъ залива, омывающаго страны выше мной описанныя. Скоро достигъ онъ береговъ Камбоджа, прелестной провинціи, служившей долго театромъ войны между королемъ Сіама и королемъ Кохинхины, до того времени, какъ они окончательно раздѣлили ее между собой. Еще не такъ давно, король Кохинхины прислалъ туда армію, чтобы отметить королю сіамскому, которому онъ выдалъ короля Ласоса, искавшаго у него убійщика, за то что тотъ не отблагодарилъ его за эту важную услугу. По счастью владѣтель Бангкока такъ испугался военныхъ дѣйствій, начавшихся противъ него, что исполнилъ тотчасъ же все, чего отъ него ни требовали; иначе, новыя несчастія поразили бы мирныхъ и трудолюбивыхъ жителей Кантибона и Канкао, двухъ главныхъ портовъ Камбоджа.

Эти два важные города, имѣющіе по тридцати тысячъ жителей и служащіе средоточіемъ торговли между Китаемъ и другими странами, были разграблены жителями сосѣднихъ королевствъ, могущество которыхъ чрезвычайно вредно для ихъ торговли. Часто Сіамцы, всегда жестоко поступающіе въ отношеніи къ слабымъ или побѣжденнымъ, уводили въ рабство жителей этихъ двухъ городовъ. Но плодородіе почвы и выгодное мѣстоположеніе, занимаемое ими на берегахъ широкихъ рѣкъ, недалеко отъ моря, таковы, что, не смотря на всѣ эти опустошенія, благосостояніе ихъ несовсѣмъ еще исчезло. Толпы китайскихъ и малайскихъ лодочниковъ попрежнему загромаждаютъ гавани Кантибона и Канкао и доставляютъ въ Нанкинъ и Сіамъ тѣ драгоценныя произведенія, которыя Европейцы, въ свою очередь, вывозятъ изъ Сіама, считая ихъ за туземныя произведенія.

Немного выше къ сѣверу, находится обширная провинція Циампа, присоединенная, въ концѣ прошедшаго столѣтія, къ

К охинхивъ императоромъ Гла-Лонгомъ, и столица которой, Сайгонъ, по величинѣ и важности своей, есть второй городъ во всей имперіи. Хотя эта провинція была прежде присоединена къ Камбоджу, однако народонаселеніе ея, по большей части мусульманскаго вѣроисповѣданія, гораздо храбрѣе и воинственнѣе жителей сосѣднихъ странъ, и кажется ни одного съ ними происхожденія. Потому-то Гла-Лонгъ, вѣроятно зная безпокойный характеръ своихъ новыхъ подданныхъ, велѣлъ тщательно укрѣпить Сайгонъ и содержать въ немъ постоянно значительный гарнизонъ.

12 Августа, 1839 года, въ то время какъ Артемиза бросила якорь предъ Тураномъ, эта великолѣпная гавань была совершенно пуста. Впрочемъ, иностраннымъ купцамъ здѣсь рѣшительно нечего дѣлать; вотому-что король, который получаетъ исключительно главнѣйшія произведенія страны, а именно сахаръ, отсылаетъ ихъ вынче въ Сивгапуръ на военныхъ корабляхъ, которые доставляютъ ему взамѣнъ разнаго рода мануфактурныя европейскія произведенія, которыя онъ продаетъ своимъ подданнымъ по чрезвычайно высокой цѣнѣ. Тѣ изъ нашихъ купцовъ, которые приплыли бы въ какой-нибудь изъ портовъ Кохинхины, на-вѣрное не нашли бы тамъ ни покупателей, ни продавцовъ, кромѣ агентовъ казны, которые заставили бы ихъ платить за сахаръ гораздо дороже, нежели сколько платятъ обыкновенно въ европейскихъ конторахъ Индо-Китаю.

Съ какой досадой смотрѣлъ я на эту гавань, столь безопасную и красивую, однако осужденную на совершенное запустѣніе; столь выгодную, какъ въ политическомъ такъ и торговомъ отношеніи, и не смотря на это оставленную безъ вниманія; тогда какъ пріобрѣтеніе этого пункта доставило бы ей несомнѣнно первенство въ этихъ моряхъ и расширило бы кругъ ея торговли въ архипелагахъ, на сѣверъ отъ Борнео.

Когда Артемиза приплыла въ гавань Турана, мандаринъ, начальствующій надъ городомъ и крѣпостью, взялъ тотчасъ противъ насъ предосторожности. Галера съ вооруженными солдатами бросила якорь подлѣ нашего фрегата. Изъ нашего экипажа рѣшительно никто не могъ отлучиться на берегъ, безъ сопровожденія нѣсколькихъ часовыхъ вооруженныхъ пиками, которые, хотя и не говорили намъ ни слова, однако наблюдали за малѣйшимъ нашимъ поступкомъ.

Такъ какъ никто изъ насъ не могъ избѣгнуть подобной строгости, поэтому бѣднымъ миссіонерамъ нашимъ, поселеннымъ въ этой странѣ, не было никакой возможности дать имъ хотя

наибъйшее свидѣнiе о своей участи и о томъ; какъ обходится съ ними король кохинхинскiй. Это было мнѣ тѣмъ болѣе досадно, что я посѣтилъ Туранъ съ цѣлью убѣдиться въ дѣятельности тѣхъ притѣсненiй, которыя, какъ говорятъ, терпѣли наши миссiонеры отъ мѣстнаго начальства, и прекратить, сколько отъ меня это зависѣло, подобный порядокъ вещей, столь вредный для распространенiя католической вѣры и утвержденiя политическаго влiянiя вашего въ этой странѣ.

Великiй мандаринъ, который носѣтилъ меня, былъ тотъ самый, съ которымъ имѣлъ я дѣло въ 1829 году, и показалъ, какъ и прежде, большую осторожность во всемъ, что касалось политическихъ вопросовъ. Онъ дѣлалъ мнѣ, отъ имени императора, самыя блистательныя увѣренiя въ дружественныхъ отношенiяхъ съ Францiею; старался убѣдить меня, что государь его очень доволенъ тѣмъ, что купцы наши прѣзжаютъ торговать въ его владѣнiя. Но не смотря на всѣ эти увѣренiя, надзоръ за нами становился все строже и строже. Я остался, послѣ этого посѣщенiя, еще нѣсколько дней на якорѣ, надѣясь, что миссiонерамъ удастся наконецъ доставить мнѣ свидѣнiе о ихъ настоящемъ положенiи. Я твердо рѣшился, возвратитъ имъ свободу въ томъ случаѣ, если бы они были заключены въ темницу. Но было ли преслѣдованiе уже прекращено, или полагали миссiонеры, что мое посредство можетъ имъ только повредить, или же думали, и не безъ причины, что, нарушивъ законы этой страны, они должны будутъ уже безпрекословно подвернуться наказанiю, предписываемому законами; какъ бы то ни было, но я не получалъ никакой отъ нихъ вѣсти. 21 августа, вечеромъ, Артемиза отплыла въ Манилью, куда призывали меня различныя торговые интересы.

Критика и Библиографія.

Воспоминанія Оадеа Булгарина. *Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. Части IV и V. Спб. 1848 года.*

Авторъ намѣревается довести выше названные мемуары до новѣйшаго времени. Это *третій* выпускъ. О двухъ *первыхъ* говорили мы довольно подробно въ двухъ критическихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ III-мъ и IV-мъ нумерахъ (въ книгахъ мартовской и апрѣльской) Сына Отечества за 1847 годъ. Такъ какъ число подписчиковъ нашего журнала за текущій годъ, противу прошлогодняго, умножилось слишкомъ *вплтѣро*, то мы, относительно столь важнаго сочиненія, каковы разсматриваемыя «Воспоминанія» г. Булгарина, и считаемъ за нужное оглянуться назадъ, для указанія новымъ подписчикамъ нашимъ: *какую* мы себя, въ тѣхъ двухъ статьяхъ опредѣлили точку зрѣнія на предметъ и на *что* преимущественно обращаемъ — и впредь будемъ обращать — вниманіе, въ продолженіе выхода этихъ мемуаровъ.

Въ нашей первой статьѣ, поставивъ на видъ общій, важнѣйшій, еще совершенно новый въ нашей журналистикѣ — вопросъ о *значеніи мемуаровъ* вообще, и индивидуальности въ особенностяхъ, мы сказали, что великая историческая эпоха, изображае-

мая передъ нами, съ современной точки зрѣнія, искусною рукою современника—какъ ни важна и занимательна для насъ, не есть однако главное въ автобіографическомъ эпосѣ; что есть предметъ еще важнѣйшій, еще занимательнѣйшій: герой этого эпоса—самъ авторъ! Исслѣдывая философически этотъ вопросъ, доказывая, почему общая любовь къ романамъ, въ слѣдствіе закона естественности, должна возвыситься до склонности къ мемуарамъ, автобіографіямъ, письмамъ и тому подобнымъ индивидуальностямъ, и почему для насъ всего интереснѣе индивидуальность, мы дошли до слѣдующаго результата: «Съ успѣхами истиннаго просвѣщенія, индивидуальность человѣка становится все значительнѣе, самобытнѣе и различнѣе отъ другой индивидуальности. Если справедливо—и несомнѣнно справедливо—замѣчаніе, что между двумя необразованными народами менѣе разницы, чѣмъ между двумя образованными лицами; если, въ добавокъ, столь же справедливо, что чистое понятіе объ индивидуальности, при отвлеченной идеѣ о человѣкѣ, пребудетъ на-всегда вышею цѣлю нашихъ размышленій и разысканій, потому-что для человѣка, какъ уже сказано, всего интереснѣе и всего выше индивидуальность человѣческая: то какъ же не заслуживаетъ нашего тщательнѣйшаго вниманія тотъ писатель, котораго до высокой степени образовала самая жизнь; который, испытавъ ее во столькихъ измѣненіяхъ и коловратностяхъ судьбы, нахваталъ столько матеріа, т. е. *сущестственной* жизни, и который, бывъ современникомъ и очевидцемъ столькихъ важныхъ историческихъ событій, принялся рассказывать намъ свои похождения, въ теченіе полувѣка, отъ первыхъ воспоминаній дѣтства своего до нашихъ дней? Какъ же не на *немъ*—на замѣчательнѣйшей личности изъ всѣхъ нашихъ писателей, лежитъ обязанность, въ *мемуарахъ* своихъ, не забывать, что *онъ самъ*, посреди всѣхъ важныхъ, имъ описываемыхъ происшествій и изображаемыхъ лицъ, все-таки *занимательнѣйшій* для насъ предметъ!»—Потомъ, рассматривая тотъ же вопросъ въ *нравственномъ* отношеніи, рѣзко различая индивидуальность отъ *эгоизма*, доказывая, что она—есть концентрическая сила души, духовное тѣло ея, умственная и въ смерти съ нею неразлучная форма, начальное условіе ея самобытности, мы получили слѣдующій важный выводъ: «На индивидуальности основана вся нравственность и священная истина личной отвѣтственности передъ Все-

вышнимъ Судьею! Поэтому, конечною и высшею цѣлю нашей жизни и всякой добродѣтели человѣческой—должно быть еднок-возможное усовершенствованіе нашей индивидуальности; коренное условіе этой возможности есть наибольшее познаніе своей личности—а всего лучше мы познаемъ себя въ *другихъ* индивидуальностяхъ! Следовательно: все общее имѣетъ для насъ только второстепенный интересъ; *любить* же, въ особенномъ смыслѣ слова, мы ничего не можемъ, кромѣ индивидуальнаго—и въ этомъ чувствѣ заключается всякая другая возвышенная любовь. Законъ: Люби своего ближняго какъ *себя самого*—глубоко проистекаетъ изъ врожденнаго влеченія къ другой личности. Это влеченіе есть, въ то же время, и *трагическая* черта. Каждый изъ насъ не болѣе, какъ индивидуумъ, а индивидуумъ существуетъ здѣсь только эфемерно—и неозвратно теряется на свѣтѣ! Мы дружески гостимъ въ чужой индивидуальности также и для того, чтобы тамъ оставить память о нашей собственной; въ мемуарахъ своихъ мы выказываемъ себя и для того, чтобы сохранилась на землѣ наша индивидуальность!...»

Съ этой субъективной точки зрѣнія, съ такими понятіями о высшей важности индивидуальнаго, мы, во *второй* статьѣ, рассмотрѣли первые три тома мемуаровъ. Этими же правилами будемъ мы руководствоваться, при разсматриваніи IV и V тома.

Содержаніе этихъ двухъ частей—финляндская война, общая политика, государственное управленіе, очерки замѣчательныхъ лицъ той эпохи и прочая. Разумѣется, все это рассказано, очерчено, изложено—какъ всегда излагаетъ, очерчиваетъ, рассказываетъ Булгаринъ, — ясно, живо, искусно! Эти подробности о Финляндіи и финляндской войнѣ, этотъ широкій кругозоръ политическій, анекдоты, относящіяся къ важнымъ событіямъ—все это имѣетъ общій интересъ и, конечно, понравится публикѣ.... нравится и намъ, съ *общей* точки зрѣнія! Но, въ слѣдствіе нашей вышеизложенной теоріи автобіографіи, мы должны стать на индивидуальной точкѣ зрѣнія—и отсюда кажется намъ, что авторъ, который здѣсь долженъ быть главнымъ лицомъ своего эпоса, какъ-то мало замѣтенъ посреди этихъ массъ обще-историческихъ; что, по крайней мѣрѣ, нѣтъ того живаго интереса, который, въ первыхъ трехъ частяхъ, такъ скромно и искусно сосредоточенъ на его личности—чего именно и требуется въ сочиненіяхъ такого рода. Г. Булгаринъ, что ни говори о сво-

ихъ *благопріятеляхъ*—зоналахъ, все-таки, какъ намъ кажется, пишутъ свои мемуары подъ вліяніемъ нѣкотораго опасенія, что всякій правдивый его о самомъ себѣ, сколько-нибудь къ добру относящійся рассказъ послужитъ пищею для клеветы, будетъ растолкованъ, какъ выдумка самохвальства; и потому, очевидно съ *намырениемъ*, авторъ теряется въ толпѣ *неважныхъ* лицъ своего автобіографическаго эпоса. Принявшійся за свои мемуары не долженъ, не можетъ отказаться какъ отъ правъ, такъ и отъ серьезной обязанности автобіографа, именно по высокой значительности индивидуальнаго. Передъ нею исчезаетъ ильб мелкое приличіе! Клевета скоро забудется; останется истина и свое возмездіе; всякій безпристрастный читатель ее какъ разъ вычувствуетъ! Живой—и живѣйшій—интересъ къ герою автобіографіи отнюдь не есть *пристрастіе*! Сіе послѣднее—слѣпо; между тѣмъ, какъ нашъ психологическій интересъ, къ кому бы то ни было, имѣетъ зоркій глазъ и тотчасъ примѣтитъ умышленное уклоненіе отъ истины. И Булгарину ли опасаться клеветы, при несмѣтномъ числѣ безпристрастныхъ читателей и великомъ множествѣ горячихъ приверженцевъ? Ниже, мы еще будемъ имѣть случай повторить этотъ упрекъ автору; здѣсь же, покуда, замѣтимъ, что г. Булгаринъ оказываетъ излишнюю честь *благопріятельмъ*, всегда упоминая о нихъ, въ своихъ предисловіяхъ. Такъ и теперь: «Обрадуются мои благопріятеля, что нашелся случай къ *критикѣ*! Браните, госнода, браните покрѣпче, собственно для вашего утѣшенія и наслажденія! Ни читать васъ, ни отвѣчать вамъ не стану! Благонамѣренныя замѣчанія приму съ благодарностью и воспользуюсь ими.» (См. предисл. къ IV части, стр. IV).

За исключеніемъ самаго начала IV части, гдѣ авторъ выражаетъ свой восторгъ при полученіи перваго ордена за храбрость, засвидѣтельствованную Высочайшимъ рескриптомъ, тутъ же помѣщеннымъ (стр. 4), мы, почти во все продолженіе этой IV части—точнѣе: до конца пятой главы—какъ-то не совѣмъ ладимъ съ авторомъ, по вышесказанной причинѣ, т. е. за то, что онъ умышленно отклоняетъ отъ себя подобающее ему главное участіе наше; но шестая (послѣдняя) глава этой части, названная *Эпизодомъ*: «Солдатское сердце,» вполне помирила насъ съ авторомъ! Обратнымъ дѣйствіемъ на всѣ пять прочитанныхъ главъ испустила она замѣченный нами недостатокъ *индивидуальнаго* ин-

тереса и, разумеется, еще легче покрыла своими теплыми лучами и всю V часть.... такъ глубоко было возбуждено наше сочувствіе; такъ искусно, въ самой *серединѣ* этихъ двухъ частей, вмѣющихъ главнымъ содержаніемъ Финляндію и финляндскую войну, вставленъ этотъ крупный алмазъ, который, приводя въ автобіографическое единство движущіяся около него массы, соотвѣтствуетъ вполне требованію нашей теоріи мемуаровъ! Дозволимъ себѣ представить сжатый перечень этого восхитительнаго эпизода, потому-что мы имѣемъ присовокупить къ нему нѣчто немаловажное.

«Разскажу теперь съ историческою точностью то, что уже разсказано было съ примѣсно литературныхъ цвѣтовъ. Но какъ самое дѣло противно военной дисциплинѣ, то представлю дѣйствователя въ *третьемъ лицѣ*, не называя по имени.»—Въ финляндскую войну, молодой офицеръ N. N., будучи на очереди, на службѣ, является, по приказанію, къ графу Н. М. Каменскому, который, быстро взглянувъ на него, сказалъ: «Вы знаете послѣднее происшествіе. Взбунтованными мужиками, которые разбили нашъ транспортъ съ продовольствіемъ и перерѣзали прикрытіе, начальствовалъ пасторъ. Меня извѣстили, что пасторъ теперь дома, верстахъ въ пятнадцать отсюда, и пробудетъ у себя до завтрашняго дня. Поѣзжайте туда и захватите его. Долго мы глады по головкѣ этихъ господъ; но они не унимаются, и на этомъ разбойникѣ я покажу первый примѣръ! Глаза графа при этихъ словахъ засверкали.»—Слѣдуетъ нѣсколько наставленій, окончивающихся словами: «Если исполните хорошо порученіе, я васъ не забуду; а оплошааете, строго взыщу!»

Офицеръ, сопровождаемый взводомъ, въ темную, сентябрьскую дождливую ночь нагрнулъ въ распахъ на домъ пасторскій, окружилъ его и постучался у дверей. Полуодѣтая служанка, отпершая двери, отшатнулась отъ русскаго офицера, который, выхвативъ у нея свѣчу изъ рукъ, входитъ въ другую комнату и, послѣ нѣсколькихъ краткихъ объясненій съ тещею пастора, возопившею въ ужасѣ: «Луиза, Луиза! Русскіе, Русскіе за твоимъ мужемъ!» вторгается въ самую спальню. «Офицеръ бросился къ кровати,—и увидѣлъ, что два мѣста явственно означали, что на постелѣ покоились недавно два человѣческія существа. На стулѣ лежало мужское платье. У изголовья кровати помѣщался огромный, высокій шкафъ дубоваго дерева, а возлѣ шкафа столъ

ла женщина, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, въ одномъ бѣльѣ, съ наброшеннымъ на грудь платкомъ. Офицеръ остановился....»

Скажемъ вкратцѣ: передъ двадцатилѣтнимъ офицеромъ стояла женщина дивной красоты и, что болѣе нежели красавица— «стояла мать, и съ трепетомъ, съ отчаяніемъ во взглядѣ, съ полуотверстыми устами ожидала рѣшенія своей участи. На вопросъ офицера, красавица отвѣчаетъ кратко, что мужа ея нѣтъ; что онъ уѣхалъ съ вечера... она не знаетъ куда. Офицеръ указываетъ на двоякое *полицное*: постель и платье. Она покраснѣла... Съ нею спала *маменька*; платья еще не успѣли убрать! «Офицеръ сдѣлалъ шагъ впередъ, и тутъ собаченка стала лаять, то *оглядываясь* на *шкафъ*, то бросаясь на офицера....» (Проклятая собаченка: такъ и'показываетъ, что пасторъ въ *шкафѣ*!) «Молодая женщина снова поблѣднѣла, едва держалась на ногахъ... но вдругъ, какъ вдохновенная, приблизилась на шагъ къ офицеру и сказала съ сильнымъ выраженіемъ чувства:

«Если бы даже мужъ мой и былъ дома, то неужели вы рѣшались бы взять его отъ жены и ребенка и предать на явную погибель? Мы знаемъ, что ожидаетъ его.... мы читали ваши прокламаціи! Погуби его, вы убьете весь родъ его—отца его, мать, меня и это несчастное дитя! Я не переживу его ни одною минутою и брошусь въ воду съ этимъ несчастнымъ сиротою! Камень у васъ, или сердце? Есть ли у васъ отецъ, есть ли мать, сестра или братъ? Неужели вы ихъ обнимите тѣми же руками, которыми умертвите цѣлое семейство? Хотите крови, хотите видѣть смерть челоуѣка—убейте меня!..» Зачѣмъ же вашъ мужъ подвергалъ такой страшной участи себя и свое семейство? Зачѣмъ онъ не оставался спокойно въ своемъ домѣ?

Пасторша поклялась Богомъ, что мужъ ея совершенно невиненъ и рассказала, кто виновникъ! Лапсманъ, который сватался за красавицею и которому предпочла она пастора. Тотъ, съ толпою вооруженныхъ хмѣльныхъ крестьянъ взялъ пастора силою, напалъ на русскій транспортъ и русскому же генералу' лонесъ на пастора, который былъ какъ въ плѣну между крестьянами. «Ужели все это правда?»—Она поклялась своимъ груднымъ младенцемъ! «Можете ли вы дать мнѣ честное слово за вашего мужа, что онъ не только не прійметъ никакого участія въ войнѣ, но и удалится немедленно въ Швецію?» Она даетъ слово.

«И такъ вашего мужа вѣтъ дома? Прощайте!» и хотѣлъ идти. «Она бросилась къ офицеру, какъ наступленная и, схвативъ за руку, воскликнула: постойте! Скажите мнѣ вашу фамилію?» — Зачѣмъ? это лишнее! — «Мѣтъ, счастье мое, счастье всего вашего семейства будетъ не полное, если мы не будемъ въ состояніи прованосить вашего имени при каждой молитвѣ, благословлять васъ! О! скажите, скажите, ради Бога, какъ васъ зовутъ!» Офицеръ сказалъ свою фамилію. «Еще одна просьба: возьмите на руки этого младенца, благословите и поцѣлуйте! Это будетъ ему на память и принесетъ счастье!» Офицеръ взялъ младенца на руки, перекрестилъ и прижалъ къ сердцу. Мать залилась слезами и, положивъ руку на плечо офицера, сказала сквозь слезы: «Да воздастъ вамъ Богъ добромъ!...» Она не могла долѣе выдержать и бросилась къ кресла, рыдая.... Офицеръ самъ прослезился, отдалъ ребенка матери молодой женщины, взглянулъ еще разъ на красавицу, еще разъ поцѣловалъ младенца и вышелъ изъ комнаты.» — На обратномъ пути, офицеръ размышляетъ о томъ, что пасторъ (за неимѣніемъ свидѣтелей передъ русскимъ генераломъ) не могъ бы доказать свою невинность; «да и стали ли бы его слушать въ такую пору, когда нуженъ былъ примѣръ строюети; а противъ него было показаніе! Графъ Н. М. Каменскій былъ добръ, но онъ былъ скоръ и притомъ выводилъ изъ терпѣнія!» И такъ на-вѣрное разстрѣляли бы пастора!

«Не засталъ дома пастора, ваше сіятельство: онъ съ вечера отправился въ шведскій лагерь!» и вслѣдъ за тѣмъ офицеръ рассказываетъ графу Каменскому, что онъ узналъ отъ пасторши.

— «Шашня и шлетня! а вы и повѣрили! Вѣрно пасторши хороша собою!» — Офицеръ молчалъ. — «Отвѣчайте!» — «Не дурна!» — «Ну вотъ и бѣда, посылать молокософовъ! Извольте идти на гауптвахту.... подъ аресты!» Тѣмъ дѣло и кончилось. На другой день выступили въ походъ; черовъ три дня вынуждалось сраженіе, и офицеру возвратили саблю.»

Спрашиваемъ: могъ ли бы графъ Каменскій такъ говорить, еслибы и самъ, подобно тому офицеру, не увѣровалъ въ невинность пастора, какъ только узналъ, что ландсманъ влюбленъ въ пасторшу. Вопросъ о ея красотѣ и драгоцѣнное въ его устахъ слово: *молокосовъ*, и легкое наказаніе *оплошавшаго* офи-

пера свидѣтельствуютъ о томъ, что графъ, въ душѣ, одобрялъ поступокъ его.

Черезъ тридцать лѣтъ, въ 1838 году, «тотъ самый офицеръ—давно уже инвалидъ.»—встрѣчается, въ Стокгольмѣ, съ чело-вѣкомъ въ нѣтъ возраста, объявляющимъ, что онъ — тотъ *младенецъ*, чьи родители спасъ офицеръ въ финляндскую кампанію, котораго онъ благословилъ и поцѣловалъ.... Читайте *оесь* эпизодъ у автора, и вы увидите, сколько прекраснаго долженъ былъ исключить нашъ сжатый перечень! Въ заключеніе эпизода, г. Булгаринъ говоритъ:

«Покойный Н. А. Полевой, изъ *романическаго повѣствованія*, напечатаннаго въ Сѣверной Пчелѣ о разсказанномъ теперь правдиво событіи, составилъ театральную піэсу, подъ заглавіемъ: *Солдатское сердце*. Піэса не имѣла успѣха, хотя и была умно составлена, потому что въ самомъ событіи нѣтъ драмы, а есть одна только драматическая сцена. Піэсу эту Н. А. Полевой (съ которымъ наши дружескія сношенія уподоблялись барометру) посвящалъ мнѣ. Въ память даровитаго писателя, и для взаимности, я назвалъ этотъ разсказъ именемъ его драмы».

Мы отдали полную справедливость превосходному *Эпизоду*; но къ эпилогу ея позвольте намъ придаться — не по пустому, какъ вы увидите, или какъ намъ, по крайней мѣрѣ, кажется. Къ сожалѣнію, мы не читали упоминаемаго вами *романическаго повѣствованія* въ Сѣверной Пчелѣ; мы не видали и піэсы Полеваго, переставъ читать и видѣть его театральныя піэсы съ той поры, какъ убѣдился, что онѣ только *составляются* умно, а не *создаются* поэтически и драматически. А справляться некогда: до 1-го ноября, когда статья эта должна явиться въ печати, остается немного дней; мы живемъ далеко, in palustribus, т. е. полѣ деревни *Палюстрово*, гдѣ вы, любезные читатели, живете лѣтомъ на дачѣ.... Погода дождливая; грязь по колѣна; до редакціи Сѣверной Пчелы, гдѣ могли бы мы получить хоть одну справку, версть около десяти; а піэса Полеваго, не имѣвшая успѣха, вѣроятно бухнула въ Лету.... гдѣ же справляться? Однимъ словомъ: мы не имѣемъ другихъ *данныхъ*, кромѣ вашего «Эпизода» — исторически точнаго разсказа — и вашего *мнѣнія*: почему *Солдатское Сердце* покойнаго Полеваго не имѣло успѣха! И такъ, вступая въ споръ противъ этого мнѣнія, мы, въ нижеслѣдующемъ, можемъ, *безъ отдома своего*, совпадать иногда съ содержаніемъ или піэсы Полеваго, или того рома-

вическаго повѣствованія — въ чемъ, буде случится, напередъ извиняемся передъ публикою, передъ вами и передъ тѣню Полеваго.

Вы говорите, что пьеса сего послѣдняго не имѣла успѣха потому, что въ самомъ событіи нѣтъ драмы, а есть одна только драматическая сцена. Никогда не берись за театральныя пьесы тотъ, кто изъ подобной сцены не умѣетъ создать *полной драмы*, т. е. дополнять, посредствомъ поэтическихъ вымысловъ, *того*, чего, въ сюжетѣ, недостаетъ, для органическаго развитія драмы. Но, въ настоящемъ случаѣ, и вымышлять не надо: вся *драма*, или точнѣе: все то, что должно предшествовать извѣстной прекрасной сценѣ, содержится въ *разсказѣ* красавицы — пасторши: изложеніе, интрига, завязка! Та сцена есть катастрофа; отъ офицера зависитъ исходъ ея и конечная развязка: *ему* ли погибнуть за нарушеніе дисциплины, или пастору? Быть ли драмѣ, или трагедіи—это рѣшить русскій генералъ! Какъ же въ этомъ событіи нѣтъ драмы? Напротивъ! лучшихъ драматическихъ мотивовъ и желать нельзя: трагическая причина вражды ландсмана къ пастору; огнедышащая ревность отвергнутаго искателя, столь понятная по дивной красотѣ Луизы; адскій замысль впутать невиннаго пастора въ дѣло хитрыхъ мужиковъ, содѣлать его—повиннымъ смерти передъ Русскими; на него же донести русскому генералу; указать время, *когда* можно захватить пастора и тѣмъ очистить ландсману путь ко второму искательству руки Луизиной; наконецъ, отправленіе офицера за пасторомъ.... тутъ болѣе, чѣмъ нужно, превосходнаго матеріала драматическаго для трехъ актовъ. Четвертый же начинается появленіемъ офицера въ домъ пастора. Вы знаете эту дивную сцену!... Но вотъ опять случай показать, что драматическій писатель никогда не можетъ воспользоваться и самымъ превосходнымъ сюжетомъ точь-въ-точь въ такомъ видѣ, въ какомъ находитъ его въ исторіи; что, въ частности, всегда нужна бываетъ передѣлка, называемая воссозданіемъ сюжета! Если «Эпизодъ» разсказанъ съ *историческою точностью*, какъ увѣряетъ авторъ (мы это изслѣдуемъ ниже), то *безыменный* офицеръ долженъ нѣсколько иначе дѣйствовать въ *драмѣ*. Онъ можетъ идти по слѣдамъ исторіи до той минуты, когда убѣждается въ невинности пастора—не красотою и отчаяніемъ *жены*, но тѣмъ, что *мать* клянется своимъ груднымъ младенцемъ, моля Бога, чтобъ Онъ на столько былъ милостивъ къ ней и къ младен-

цу, на сколько говоритъ она правду русскому офицеру. Тутъ послѣдній, въ оправданіе своихъ бурныхъ доголѣ поступковъ, въ немногихъ выразительныхъ словахъ долженъ объяснить пасторшѣ важность, необходимость, святость военной дисциплины, нарушение которой столь справедливо, особенно въ военное время, наказывается смертю; но что ему, въ эту минуту, представляется одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ въ жизни случаевъ, когда священный долгъ сталкивается съ долгомъ еще священнѣйшимъ и на столько высшимъ перваго, на сколько небесное выше земнаго—тотъ случай, когда, въ *человѣкъ*, гражданинъ неба долженъ пожертвовать гражданиномъ земли, для удовлетворенія земнаго закона. Въ драмѣ, офицеръ могъ сказать пасторшѣ, что убѣжденный въ невинности ея мужа—потому, что она поклялась своимъ груднымъ младенцемъ, а мать не клянется ложно своимъ дитятемъ—но равно убѣжденный и въ томъ, что мужъ, за невозможностью имѣть свидѣтелей своей невинности передъ судомъ непріятельскаго генерала, вѣроятно погибнетъ, онъ долженъ, во закону высшей моральности, принести себя въ жертву—для спасенія невиннаго челоѣка и семейства его, для искупленія своей вины передъ дисциплиною! Теперь, когда сцена перенесена въ высшую моральность, какъ понятно, какъ трогательно изступленіе, съ каимъ красавица исторгаетъ у офицера имя его и проситъ его принять на руни младенца, благословить и поцѣловать.... она вѣруетъ всею душою, что благословеніе и поцѣлуй челоѣка, который приноситъ себя въ жертву за отца его и мать, возложитъ на младенца знаменіе всякихъ добродѣтелей... этого челоѣка, освященнаго, въ ея глазахъ, своимъ самопожертвованіемъ, она сама можетъ обнять и поцѣловать.... Помните, что сцена разыгрывается уже на моральной основѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ свѣтскихъ приличій!—Офицеръ отправляется съ своею командою. Выходитъ изъ дубоваго шкафа пасторъ незримый свидѣтель или слѣшатель всей этой сцены. Отъ даннаго ему въ драмѣ характера зависитъ, что онъ сдѣлаетъ? Если онъ челоѣкъ обыкновенный, слабого характера, то скорѣе по-добру по-здорову уберется въ шведскій лагерь. Если же у него душа возвышенная, то онъ скажетъ жель: «Видишь ли, какъ передъ нами оклеветали Русскихъ! Когда простой офицеръ поступилъ такъ благородно и можетъ жертвовать собою, для спасенія невиннаго, то и этотъ невинный можетъ смѣло доверять свою жизнь русскому генералу! И завтра же поѣду къ графу Камен-

скому, чтобы снасти этого офицера: военный судъ продолжается только 24 часа—и разстрѣливаютъ! Оправдаю офицера: скажу, что я былъ въ шведскомъ лагерѣ, куда я уѣхалъ ранѣе, чѣмъ предполагалъ, потому-что меня тотчасъ извѣстили о лукавомъ на меня доносѣ ландсмана! Но, получивъ отъ жены вѣсть о происшедшемъ, въ полночь, въ моемъ домѣ, я почелъ своею обязанностию явиться къ графу на судъ и оправдаться, да не подумаетъ никто, чтобы пасторъ—служитель алтаря—могъ быть сообщникомъ грабителей и разбойниковъ. Произвольное мое появленіе послужитъ доказательствомъ моей невинности,» и проч. Во всякомъ случаѣ, здѣсь кончается четвертый актъ. Въ этомъ, офицеръ является къ новому генералу съ правдивымъ донесеніемъ, что онъ, отстраняя всякое приличіе, внезапно ворвался въ спальню, засталъ пасторшу въ одномъ бѣлѣ, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, и мать ея; болѣе никого не было: пасторъ, по ихъ словамъ, уже съ вечера уѣхалъ; что офицеръ, убѣдившись разказомъ пасторши, особенно ея клятвою во имя своего *труднаго младенца*, въ невинности пастора, не обыскалъ всего дома, боясь найти пастора и привлечь на вѣрную гибель человека, который не могъ бы, передъ его сіятельствомъ, доказать свою невинность. Офицеръ отдавъ подъ судъ. Если приѣдетъ пасторъ, тѣмъ лучше; если же нѣтъ, то генераль, тронутый великодушіемъ офицера и также убѣжденный въ невинности пастора, можетъ прекратить судъ надъ офицеромъ, или—буде сочтетъ нужнымъ—предоставить его всей строгости закона. Если офицеръ уцѣлѣетъ, то восхитительнымъ эпилогомъ драмы будетъ *свиданіе* его, черезъ тридцать лѣтъ, съ этимъ семействомъ. Разумѣется, что и пасторъ и пасторша должны быть еще живы. Какая сцена!... Если бы судьба предлагала намъ на выборъ въ собственность: мызу *Карлову*, при Дерптѣ, и эту сцену, — мы живо схватили бы эту сцену! *Фил* хороша, и—право—знаешь ей цѣну, претерпѣвъ нужду во всю жизнь свою; но *безсмертіе* все-таки лучше—а въ *такой* сценѣ есть что-то безсмертное, безконечное!...

Ужелипустились мы въ эти драматическія подробности только для того, чтобы доказать, какъ несправедливо мнѣніе, будто бы въ этомъ событіи *нѣтъ драмы*, а есть *одна* только драматическая сцена? Нѣтъ! мы имѣли еще другую цѣль. Мы сказали выше, что безпристрастный читатель вѣрнымъ чувствомъ тот-

часть вызнаеть, въ автобіографическихъ мемуарахъ, *умышленное* уклоненіе отъ истины. Не боимся отдать правдивость своего чувства на испытаніе г-ну Булгарину и тому *безымянному* офицеру: только намъ *обоимъ* извѣстна историческая истина описаннаго событія. По нашему чувству, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы начали дополнять драматически и возсоздавать сюжетъ историческій, — есть какой-то пропускъ, должноствовало быть *мѣсто*, похожее на нашъ поэтическій замысль о самопожертвованіи, и вотъ, что утверждаетъ нашу догадку о пропускѣ, въ *Эпизодѣ*: при словахъ офицера: «И такъ вашего мужа нѣтъ дома.... прощайте!» Красавица — если судить по тому, что предшествовало этимъ словамъ — никакъ не могла бы прійти въ то восхитительное изступленіе, которое описано выше. Она — вспомните о ея крайнемъ *нелюбви* — стала бы только на колѣни, помолвлася бы Богу и промолвила бы офицеру: «Да благословить васъ Господь!» Одною *благодарностью* никакъ не объяснится ея изступленіе! Тамъ должноствовало быть — и навѣрное былъ — другой мотивъ! Повторяемъ: вся сцена должна перенестись прежде на основу высшей моральности, чѣмъ становится понятнымъ, вѣроподобнымъ патетическое изступленіе красавицы! А вотъ *второе* наше доказательство тому, что, въ означенномъ мѣстѣ, долженъ быть пропускъ! Мы, по уходѣ офицера, читаемъ въ «Эпизодѣ» слѣдующе: «Вѣтръ не переставалъ бушевать; дождь лилъ по-прежнему, но офицеру было душно. Кровь его была въ волненіи. Онъ былъ растроганъ и не въ ладахъ съ самимъ собою. Хорошо ли онъ сдѣлалъ, или дурно, этого не могъ онъ разрѣшить, потому, что увлекся чувствомъ, а не разсудкомъ, повѣривъ на слово женѣ и матери... Точно ли пасторъ спрятанъ былъ въ шкафъ, къ которому приступъ защищала собаченка? А если пастора тамъ не было?»...

Могло ли быть хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что пасторъ въ шкафѣ! Если бы его не было тамъ, то изъ чего же красавицѣ прійти въ такое изступленіе? Она промолвила бы иронически офицеру: «Милостивый государь! вы, вопреки всѣмъ приличіямъ, вторглись въ мою спальню! Выходите, хотя на минуту, чтобы я могла одѣться прилично; а потомъ общите весь домъ! Мужа моего вы не найдете: онъ съ вечера уѣхалъ въ шведскій лагерь!» Да и мать ея, къ возгласу: «Лупаза! Русскіе пришли за твоимъ мужемъ!» Конечно прибавила бы: «Слава Богу, что его нѣтъ!» И какъ же согласовать поступки этого

офицера? Онъ стремительно штурмуетъ спальню, не только не отступаетъ передъ молодою женщиною въ одномъ бѣльѣ, но и указываетъ ей безжалостно на брачную постель и на мужское платье! Стало быть, онъ строго исполняетъ данное ему приказаніе! Но между этимъ строгимъ исполненіемъ приказанія и позднѣйшимъ поступкомъ офицера долженъ быть переходный моментъ; и какъ же не знать офицеру, сдѣлалъ ли онъ хорошо, или дурно? Для чего пропущенъ, въ «Эпизодѣ», этотъ переходный моментъ? Вѣроятно, авторъ «Эпизода», страшась за этого *безименнаго* офицера, какъ и за самого себя, клеветы и злоязычія *благодѣтелей*, считалъ нужнымъ пропустить *лучшее* въ своемъ Эпизодѣ.

Въ V части (стр. 14) находимъ любопытное біографическое извѣстіе о храбромъ полковникѣ (впослѣдствіи генералѣ) Эриксонѣ. «Онъ происходилъ изъ самаго простаго званія: онъ былъ сынъ мельника, верстахъ въ двухъ отъ Дерпта. Городовой магистратъ оказалъ ему какую-то несправедливость, и онъ, съ горя, пошелъ добровольно въ солдаты. Честностью, хорошимъ поведеніемъ, усердіемъ къ службѣ и отличною храбростію онъ вышелъ въ офицеры, постепенно дослужился до полковничьяго чина и командовалъ тѣмъ же полкомъ, въ которомъ началъ службу солдатомъ. Весьма замѣчательная черта его характера: будучи уже генераломъ, онъ пришелъ въ Дерптъ съ полкомъ. Никто не подозревалъ и не догадывался, что это тотъ Эриксонъ, который лѣтъ за тридцать пять передъ тѣмъ пошелъ въ солдаты; но Эриксонъ помнилъ всѣхъ своихъ родственниковъ и пріятелей и приказалъ ихъ собрать на своей квартирѣ. Бѣдные эти люди не знали, зачѣмъ ихъ требуютъ къ генералу. Эриксонъ сказалъ имъ, *кто онъ таковъ*, угостилъ и всѣхъ обдарилъ... Разумѣется, что родителей его уже не было въ живыхъ!... Выходя изъ Дерпта, онъ послалъ въ магистратъ нѣсколько сотъ рублей, для раздачи бѣднымъ, при изъявленіи благодарности за оказанное ему правосудіе, безъ котораго онъ былъ бы досихъ-поръ мельникомъ.»

На страницѣ 130-й той же части читаемъ: «Если бы меня въ то время спросили, что я думаю о *Байонскихъ событіяхъ* (т. е. о поступкѣ Наполеона съ испанскими королями—отцемъ и сыномъ) «я отвѣчалъ бы знаменитою фразою Таллана, произнесенною имъ послѣ казни герцога Ангенскаго: *C'etati plus*

qu'un crime, c'était une faute (т. е. это было болѣе нежели преступленіе: это была ошибка)! «Эту фразу произнесъ не Тальранъ, а Фуше! Тальранъ не могъ этого смазать уже потому, что самъ былъ главнымъ виновникомъ гибели герцога Ангенскаго—чего многіе еще не знаютъ, чего не зналъ и покойный Полевой, сочинитель «Исторіи Наполеона». Наполеонъ посылаетъ государственнаго совѣтника Реала присутствовать при допросѣ герцога и привести его въ Мальмезонъ (къ Наполеону), если онъ человѣкъ порядочный. А онъ былъ не только порядочный, но мыслятъ Наполеона, но и восторженный поклонникъ гениальнаго полководца. Савари, уже на обратномъ пути изъ Венсенскаго замка, встрѣчаетъ въ Парижѣ Реала съ извѣстіемъ, что герцогъ уже разстрѣлянъ! Тальранъ увѣрилъ Мюрата, что они такую торопливою казнію угодятъ Наполеону, который, по словамъ Савари—вѣстника этой казни, пораженный чрезвычайнымъ удивленіемъ, вскрикнулъ: «Ахъ, несчастный Тальранъ! Чѣмъ ты заставилъ меня сдѣлать!» То есть—я, передъ свѣтомъ, долженъ принять на себя это дѣло!

Почтенный авторъ да позволитъ намъ поживиться еще *однимъ* изъ замѣчательныхъ анекдотовъ этой V части! (Стр. 183). «Во время одной перестрѣлки, двѣ роты пѣхоты и полкъ-эскадрона уланъ поставлена была въ лошину, чтобъ поддержать нашу стрѣлковую цѣпь, еслибъ она поддалась въ тылъ. Пули перелетали безвредно надъ нашими головами. Капитанъ Верещагинъ (не помню Низовскаго или Азовскаго полка), лихой малый, сѣлъ на камень, поставилъ передъ собою барабанъ и сказалъ: «Господа, я закладываю банкъ — не угодно ли поиграть *передъ смертью!*» Нашлись охотники, и началась игра, которая продолжалась съ полчаса, пока выстрѣлы не стали усиливаться. Тогда Верещагинъ попросилъ одного изъ не игравшихъ товарищей донести за него банкъ, и сказавъ: «Пойду взглянуть, что наверху дѣлается!» взошелъ на возвышенную окранию лошины, влѣзъ на камень и, посмотрѣвъ въ поле, обернулся къ намъ лицомъ и сказалъ игравшимъ: «Конецъ игрѣ!» Шведская пуля не дала ему кончить, и онъ свалился въ лошину. Лекаръ, игравшій также въ банкъ, подошелъ къ нему, осмотрѣлъ рану и сказалъ: «Убитъ сонлика!» Пуля раздробила несчастному Верещагину черепъ и засѣла въ мозгу. Игра кончилась, игравшіе рассчитались, и деньги Верещагина взялъ старшій капитанъ,

для отдачи полковому казначею на сохраненіе; а между-тѣмъ прибѣжалъ унтеръ-офицеръ въ стрѣлковой цѣпи, требуя помощи. Резервъ вступилъ въ дѣло, и Верещагинъ остался на вѣки на мѣстѣ. Ужасно, когда видишь человека здороваго и веселаго, который черезъ минуту уже не существуетъ! Но, наконецъ, и къ этому привыкнешь».

ИСТОРИЯ НАПОЛЕОНА. Сочиненіе Николая Полеваго. Пять частей. Въ 12 д. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1844, 1846 и 1848 г.

(Статья I).

Неутомимый, во всю жизнь свою, труженецъ нашей словесности, легшии отдохнуть въ преждевременную могилу, будто бы и тамъ еще трудится для насъ, вѣрныи своей житейской привычкѣ—подобно тому, какъ тѣни древнихъ продолжали, въ Елисейскихъ поляхъ, занятія своей земной жизни.... Изъ полуразвершейся могилы рука Н. А. Полеваго кладетъ на жертвенникъ нашей исторической Музы свое *посмертное* твореніе (оувге рортһиме): «Исторія Наполеона!» Безмолвствовать нѣсколько минутъ въ благоговѣніи къ герою исторіи и подъ впливіемъ горестнаго чувства ранней утраты историка, мы вспоминаемъ свою обязанность: отдать критическій отчетъ объ этомъ посмертномъ твореніи. Пріймитесь разрѣзывать листы; а мы, между-тѣмъ, поведемъ вступительную рѣчь, предисловіе къ рецензії.

Черезъ полвѣка, или немного болѣе, когда уже не будетъ ни одного изъ современниковъ автора этой исторіи; когда съ ними сойдутъ въ могилу всѣ тѣ мелкія о немъ свѣдѣнія, которыя не вносятся въ исторію литературы и часто не проскользаютъ даже въ жизнеописаніе героевъ ея,—Н. А. Полевой, передъ судомъ потомства, могъ бы подвергаться нареканію за многочисленность сочиненій его, за доропливность, бывшую причиною ея и явно препятствовавшую ему ознаменовать болѣющимъ совершенствомъ, окончательною отдѣлкою, лучшія свои произведенія. Полиграфія г. е. многоописаніе—дѣло довольно сомнительное; къ подиграфу и къ полинстору относится нелестное изрѣченіе: *ab omnibus aliquid, in toto nihil!* (всего понемногу, а въ совокупности вѣтъ ничего!) Каждый изъ современниковъ нашего незаб-

всего полигистора, знавшій житейскія условія, подъ которыми дѣйствовалъ онъ въ литературѣ, и надѣющийся перекинуть свое свидѣтельство на судилище потомства, да послѣзшитъ оправдать полиграфію Николая Алексѣевича Полеваго, или — по крайней мѣрѣ — свидѣтельствовать о облегчительныхъ обстоятельствахъ, (*les circonstances atténuantes*) этого литературнаго грѣха.

Причина полиграфіи бываетъ *тройкая*, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Когда ржавчина любостыжанія завелась въ душѣ писателя, т. е. когда онъ пишетъ единственно для денегъ, такъ уже не ждать отъ него произведеній, достойныхъ *кедроваго масла и кипариснаго шкафа* (драгоценнѣйшихъ въ древности средствъ для предохраненія книгъ отъ моли и всякой другой порчи и символически означающихъ достоинство хранимаго)! Ужели Гораций говорить это не въ шутку, въ своемъ посланіи къ Пизонамъ, *de arte poetica*? Ужели, въ его время, были талантливые писатели, предпочитавшіе *сигат ресулт* (заботу о наживаніи денегъ) — безсмертію? Нѣтъ, онъ *шутитъ*! Талантъ, чувствующій себя способнымъ творить безсмертное, хотя и цѣною великихъ трудовъ и съ напряженіемъ всѣхъ умственныхъ силъ, не откажется отъ своего возвышеннаго жребія, погнушается мыслію: посредствомъ ничтожныхъ писаній, накопить деньжонокъ! Какъ животному нельзя отдѣлаться отъ своего инстинкта; такъ сказать, выйти изъ него; подобно тому и геній, влѣкомый инстинктомъ своей возвышенной природы, до мелкихъ расчетовъ унизиться не можетъ! Одна *середина* людская, между животнымъ и геніемъ, — двумя соприкасающимися крайностями, лишена инстинкта, руководствуется разумомъ, умомъ, или земными страстями и расчетами. Одни бездарные писальщики могутъ писать для денегъ, пользуясь выгодными для нихъ обстоятельствами, безвкусіемъ своей публики — и дѣлаться жадными многописцами. иначе не могло быть и во времена Горация!

Есть *другая*, отнюдь не предосудительная, ржавчина, убійственная для талантливаго писателя, отрывающая его насильственно отъ инстинкта геніальной природы — *нужда*, заставляющая его трудиться для того, чтобы содержать себя и семейство свое! При такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, никакой въ мѣрѣ геній не сохранитъ непрерывно свойственной ему силы и свѣжести, не доведетъ своего труда до послѣдняго совершенства.

Третья же причина полиграфіи заключается въ самой природѣ нѣкоторыхъ талантовъ: они одержимы необузданною страстью *писать*, летѣтъ всегда *спередъ* своимъ перомъ, по принятому направлению, безъ оглядки! Эти таланты лишены *обратнаго* — ретроспективнаго — вдохновенія, пересоздательнаго творчества; они не могутъ возвращаться къ своему написанному, не могутъ его передѣлывать, даже исправлять! Къ подобнымъ талантамъ при мѣняется, въ полномъ смыслѣ слова, русская поговорка: «Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ!»

Это весьма важный недостатокъ въ писателѣ. Одна только природа, по вѣчнымъ законамъ Божиимъ, творитъ безошибочно съ-разу и безъ остановки можетъ стремиться впередъ, въ своемъ творческомъ процессѣ; но человекъ ограниченный очень рѣдко успѣваетъ съ перваго разу, и даже этотъ *успѣхъ* нуждается еще во тщательной отдѣлкѣ; всего же чаще нужна бываетъ радикальная передѣлка, чтобы написанное было достойно искусства. Вы восхищаетесь гладкостью, звучностью стихотвореній Пушкина; вамъ кажется: это такъ и вылилось духомъ, выточено съ-разу, какъ на токарномъ станкѣ! Поглядѣли бы вы, сколько помарокъ въ черновыхъ тетрадяхъ Пушкина: малѣйшая піеса лирическая подвергалась такой тщательной отдѣлкѣ, что только изрѣдка оставалось первоначальное слово! Для человека нѣтъ иного способа достигать доступнаго ему, по таланту, совершенства. Такъ поступалъ Пушкинъ не только съ небольшими лирическими пісами, но и съ сочиненіями значительнаго объема: *три раза* передѣлалъ онъ за-ново Исторію Пугачевского бунта прежде, нежели передалъ его тисненію! Рекомендуемъ этотъ художническій обычай серьезному размышленію нѣкоторыхъ писателей нашихъ! Новѣйшая русская литература страдаетъ именно отъ поспѣшности этихъ, вообще талантливыхъ, многописцевъ нашихъ, о которыхъ мы, однако, не думаемъ, чтобы они были увлекаемы основнымъ, неодолимымъ побужденіемъ своей художнической природы. Напротивъ того, намъ кажется: по недостатку критики, для нихъ, что ни взбрѣдетъ на умъ, *все* годится! отъ этого скоро пріобрѣтается легкость писать, навѣкъ; они руки набили — катать-валая! Если такъ, то да попытаются господа полиграфы возвращаться къ своему написанному; при строгомъ разсмотрѣніи написаннаго одушевляться этимъ обратнымъ, ретроспективнымъ вдохнове-

нiемъ, побуждающимъ къ выпрашиванiю, къ зараженiю это дѣло необходимое! *Открытiе*, въ природѣ своего таланта, способности къ пересоздательному творчеству должно радовать даровитаго писателя болѣе, чѣмъ десятокъ накатанныхъ имъ, безъ ославки, драмъ, или повѣстей и романовъ; ибо способность эта есть послѣднее освѣщенiе таланта и, вмѣстѣ съ тѣмъ .. доступъ къ чистѣйшему, сладчайшему вдохновенiю. Съ какою бы посѣднностью ни работалъ многописецъ, первоначальное изложенiе все-таки не иное что, какъ *работа вечернiя*, и такая работа не обойдется безъ темныхъ минутъ, безъ изгрызенныхъ перьевъ, безъ нѣкоторыхъ мукъ производства. Если же ваша страсть писать превыситъ наконецъ ваши силы умственные, и вы, для подкрѣпленiя ихъ, принуждены будете прибѣгать, отъ времени до времени, къ дарамъ госпожи Кляко, — этому вредному, мутному суррогату естественнаго вдохновенiя; то это будетъ вполне насилуванiе вашего таланта, отъ котораго не ждате добра для искусства, и которое не дастъ никакого понятiя о чистыхъ, легкихъ восторгахъ естественнаго творчества умственнаго. Вы считаете себя неспособными къ пересоздательному творчеству, къ обратному вдохновенiю; вы, по своему мнѣнiю, въ словесности, маршалы *Yotwärts* (впередъ), какъ Блюхеръ; полководцы наступательные (*des généraux d'invasion*), какъ Наполеонъ! Мы вамъ укажемъ самый простой способъ убѣдиться въ томъ, что вы, на этотъ счетъ, заблуждаетесь: вамъ стоить только приняться самимъ, хоть разъ, за переписыванiе вашего торопливо-набросаннаго сочиненiя — увидите: переписыванiе будетъ въ то же время и *передѣлыванiемъ*! На досугъ, въ свѣтлыя минуты отдохновенiя; вамъ тотчасъ бросятся въ глаза всѣ недостатки вашего перваго писанiя; родемъ прилетять мысли — умѣйте только выбирать изъ нихъ! Благодѣтельною Феєю явится и *душа*, вдохнетъ свою высшую жизнь въ милое вамъ дѣтище умственное; поможетъ вамъ истинно-красиво изукрасить его, во славу вашего таланта; и вы провѣритесь, что это — самое прiятное на свѣтѣ занятiе въ *которомъ возрожденiе*, сопровождается непрерывнымъ — самымъ чистымъ и сладостнымъ — вдохновенiемъ; вовсе вамъ неинтереснымъ, если вы никогда не передѣлывали своего черноваго писанiя. Какъ же не сожалѣть о васъ, что вы, прозямая такъ много, во 1-хъ, не достигаете возможнаго для васъ совершенства и, во 2-хъ, будучи тружениками словесности, не наслаж-

даются выспренными, сладчайшими минутами умственного творчества!

Желая вамъ добра, указывая такое пріятное средство усовершенствоваться, считаю себя въ правѣ высказать, безъ обиняковъ, то, что мнѣ всегда приходитъ въ голову, когда читаю ваши скоросѣльные писанія: вы, можетъ-быть, слышали о конь, на олимпийскихъ играхъ, который названъ былъ *олтромъ*, по легкости бѣга? Съ этого коня — и въ ипподромѣ — слетѣлъ хозяинъ, именемъ Филотасъ; но конь все-таки продолжалъ править своей бѣгъ и, кончивъ его, остановился передъ судьями, для получения преміи своему хозяину, который, въ это время, только что страхивалъ съ себя песокъ. Премію выдали. Всѣ въ гоовода многописцы, такіе Филотасы: въ самомъ началѣ бѣга, вы падаете, съ своего иппографа, и онъ *одимъ*, безъ *сака*, довершаетъ бѣгъ, останавливается передъ журналистами и заслуживаетъ похвальное слово *вамъ, лежащимъ въ песокъ!* Въ томъ-то и дѣло, что немногіе изъ журнальныхъ рецензентовъ понимаютъ, остановился ли, на концѣ бѣга, иппографъ съ *сѣдекомъ*, или *безъ сѣдока*.

Признаться, мы зашли въ сторону, удалились немного отъ своего предмета, но неодолимой наклонности: мимоходомъ, при удобномъ случаѣ, касаться хоть одного изъ тѣхъ препятствій, которыми повита наша новѣйшая словесность, и устраненіе которыхъ такъ возможно, такъ легко, лишь бы господа многописцы уфривали въ погрѣшительность своего слишкомъ бѣлаго пера, лишь бы захотѣли внимать голосу доброжелательной и, въ-этомъ дѣлѣ, опытной критики. Какъ бы то ни было, наше дѣло, наша обязанность: высказывать, повторять — и *часто повторять* — полезныя для словесности истины.

Мы перебрали все три причины многописанія. Которая изъ нихъ относится къ полиграфіи Н. А. Полеваго?

Вторая и третья!

Стѣсненные обстоятельства житейскія привели его къ необходимости непрерывныхъ трудовъ литературныхъ; а умъ его, столь удивительный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, не былъ одаренъ способностью — или побудительностью — къ обратному, противоположному. Обширный, обнимающій — по крайней мѣрѣ стремившійся объять — вселенную, онъ былъ рѣшительно умъ завоевательный! Едавый шагъ назадъ, малѣйшая остановка на томъ, что было уже сдѣлано имъ — но, конечно, не *совершенно* —

внушили бы ему опасеніе: не пропуститъ ли онъ, при такихъ остановкахъ, удобнѣйшее время для новыхъ наступательныхъ дѣйствій — міръ умственный такъ великъ! — и доставитъ ли въ-ка людскаго, для окончанія замышленнаго витяземъ всемірнаго подвига? И если бы какія-либо неодолимые препятствія принудили нашего витязя остановиться, прекратить свой завоевательный путь, обратиться назадъ, для приведенія своихъ завоеваній въ большее устройство; то онъ восплакалъ бы, какъ герой македонскій, на берегу Гифазиса, у края пустыни, когда войско его отказалось идти далѣе, довершить завоеваніе Индіи! Обратный путь Александра Великаго былъ—безславная оргія, прекратившая жизнь его. Кто-то, *за долю до* неудачъ Наполеона, сказалъ о немъ: «Его система превосходна для наступательныхъ дѣйствій; но, если придется ему отступать, онъ погибъ!» — *si jamais il recule, il est perdu!* Два отступленія его,—отъ Москвы и отъ Лейпцига—доказали безошибочность этого предвѣщанія, или взгляда тактическаго! Можетъ статься, столь же неудаченъ былъ бы и обратный путь *Полеваго*, къ своимъ сочиненіямъ. Но ему не довелось отступать.... Гдѣ плакалъ *Александръ Великій*, не могшій довершить предположеннаго, тамъ *Полевой* смѣло, по слѣдамъ *Тамерлана*, углубился въ пустыню, прошелъ се благополучно, достигнулъ Дели, проникъ еще далѣе, какъ и *Тамерланъ*, до знаменитаго утеса Коупельскаго (Koupele). Коупельскимъ утесомъ *Полеваго* была «*Исторія Наполеона*», должествовавшая окончиться на *утесь Святой Елены*—кое-какъ мы свели концы хоть на *утесахъ!* Право, мы сами усмѣхнулись, увидѣвъ, въ какую *грозную* компанію, здѣсь у насъ, попалъ нашъ любезный, столь кроткій въ обращеніи *Полевой!* если онъ, какъ мы сказали, полководецъ наступательный, то никто насъ и не осудитъ, что мы, совершенно *безъ умысла*, и только увлеченные тождествомъ природныхъ качествъ; ввели *Полеваго* въ компанію *Александра Великаго*, *Тамерлана*, *Наполеона!* Возвратимся къ своему предмету.

Очень быть можетъ, что *вторая* — нами поименованная — причина полиграфіи, т. е. повелительная надобность трудиться непрерывно и приниматься всегда за *новое* дѣло—правила нашему автору эту склонность завоевательную, превратившуюся у него, напоследокъ, въ природу, во всепоглощавшую страсть; что, при другихъ житейскихъ обстоятельствахъ, въ началѣ его литературнаго поприща, умственная дѣятельность *Полеваго* не

разошлась бы такъ широко на всѣ четыре стороны; сосредотчилась бы въ *одной* опредѣленной сферѣ — вѣроятно, въ области исторіи — и за это ограниченіе въ протяженіи была бы съ лихвою вознаграждаема внутреннею силою и глубиною, всѣми достоинствами, не составляющими атрибута поспѣшности. Въ послѣдніе же годы его жизни, если бы не чашица фортуна и сдѣлала его даже Крезомъ, то все-таки не могла бы уже взмѣнить у него закоренѣлой привычки: онъ *такъ* же дописывалъ бы свой вѣкъ въ непрерывной, неимовѣрной дѣятельности! *такъ* же угасъ бы роковымъ избранникомъ умственного страдальчества, посреди своихъ предположеній въ будущемъ — стремительныхъ, обширныхъ, безконечныхъ предположеній. блистательнымъ вѣнцемъ окружавшихъ душу его, при отлетѣ въ вѣчность... Здѣсь нельзя не вспомнить одного прекраснаго мѣста, въ предисловіи къ его «*Очеркамъ Русской Литературы*»:

«Съ какою радостью желалъ бы я передать юному, свѣжому силамъ поколѣнію все, что многолѣтній опытъ, размышленіе и трудъ дали мнѣ, все, что таятся въ душѣ моей, для пользы ближнихъ, для чести отечества, для присовокупленія въ сокровищницу званій, и что, вѣроятно, *погибнетъ не высказанное, умретъ со мною!*... Сколько еще предметовъ для работы, сколько труда, почетнаго, прекраснаго въ настоящемъ состояніи нашего просвѣщенія и образованія! Желалъ бы я указать на сіи труды и работы, ожидающія дѣлателей; желалъ бы сказать: «Дорожите каждымъ часомъ, каждою минутою нашего невѣрнаго, мимолетнаго бытія; помните, что только пользою и добромъ оцѣняется наша жизнь — *здѣсь и тамъ*, и если не всякому изъ насъ дано, если только не многимъ избраннымъ дано призваніе творца, поэта, художника, то ни у кого изъ насъ не отнята воля на трудъ; а при сильной волѣ, человекъ можетъ сдѣлать многое, очень многое, больше, нежели онъ себя сначала воображаетъ. Но помните, что только трудомъ и размышленіемъ покупается честь и успѣхъ, уцорствомъ, постоянствомъ въ стремленіи къ положенной цѣли, и что не рѣдко — *часто* даже — насъ встрѣчаютъ неблагодарность, злоба, своекорыстіе, насмѣшка. Не робѣйте, друзья! Больше всего гоните отъ себя *духъ униженія*; ищите награды въ самомъ трудѣ, не ожидая другой награды — *прійдетъ и она, можетъ быть....*»

Вотъ, что двигало душою Полеваго! вотъ, чѣмъ можно оправ-

дать полиграфію его — и еще оправдать тѣмъ, что, вѣдь уров-
немъ его писаній, возвышаются и такіа произведенія, которыя,
не взирая на недостатокъ окончательной отдѣлки, все-таки при-
знаешь достойными *кедроваго масла и кипариснаго шкафа!* При-
мѣра Полеваго отнюдь не могутъ примѣнять къ себѣ другіе на-
ши многописцы, не бездарные, но далеко не *Молевы!*

Полеваго, обыкновенно, ставятъ въ строй подлѣ Ломоносова; намъ кажется не довольно основательно такая ранжировка: между Ломоносовымъ и Молевымъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого тождества, кромѣ того, что оба — незнатнаго происхожде-
нія — (родъ Молевыхъ, впрочемъ, «былъ однимъ изъ старин-
ныхъ и почетныхъ посадскихъ родовъ въ Курскѣ») сдѣлались
витязями нашей словесности! Согласитесь, что это тождество
довольно общее, нисколько не оправдывающее отдѣльной, сов-
мѣстной классификаціи! Нѣтъ узаконенной касты, изъ которой
избирались бы верховные жрецы Музы, съ прочею коллегією
и со всѣмъ причетомъ! Напротивъ, мы видимъ, что Музы
сами изъ всѣхъ сословій берутъ себѣ *малъ*, на кого, при ро-
жденіи, возложили свое роковое знаменіе. Кажется, почтенный
редакторъ «Библіотеки для Чтенія», избѣгая своихъ читателей
о кончинѣ Н. А. Полеваго и начавъ свою статью многознача-
щими словами: *Diis abeunt* (уходятъ боги) — этими же словами
кончатся «Мученики» (*Les Martyrs*) Шатобриана — первый
подавъ мысль къ этому сближенію Полеваго съ Ломоносовымъ;
но О. И. Сенковский, пораженный — какъ и мы всѣ — вседнев-
ною утратою столь замѣчательнаго и столь полезнаго для на-
шей литературы писателя; будучи въ томъ скорбномъ расце-
ложеніи духа, въ которомъ восклицаютъ: *Ergo Quintiliam* *re-*
pentius soror *urget!* (И такъ вѣчный сонъ сковалъ *Коминтимию!*)
конечно не думалъ, чтобы мысль его — совершенно справедли-
вая въ *другомъ*, высшемъ, не всякому понятномъ отношеніи,
— растолковали такъ, будто бы Ломоносовъ и Полевой — *од-*
ного поля люди, между-тѣмъ, какъ они рѣшительно автосто-
ды, отстоять другъ отъ друга на *сто восемьдесятъ годовъ*,
что весьма не трудно доказать, и въ немногихъ словахъ: Ло-
моносовъ — *гений*, многосторонній, универсальный гений, и —
потому выше національности! Полевой — *умъ*, практический,
восприимчивый, предприимчивый, на все способный, смѣлѣйшій
русскій умъ. *Ужели такой гений и такой умъ — не ангеломъ?*
Но говорить, есть ереда (*medium*), въ которой *Колмогорскій*

приближъ и шаркутейи купецъ сходится, сходствуютъ между собою—необидительная ома *солн*! Разсмотримъ ее повнимательнѣе—и признаемъ опять оболку витазей на 180 градусовъ, т. е. на цѣлихъ поперечникъ земнаго шара!

Воля члвчнн ея могутъ проявляться только тогда, когда человекъ, не лучшему разумннню, но высшей идее о достоинствѣ людскомъ, о цѣли жизни своей, принужденъ вступить въ борьбу—и геройски выдерживаетъ эту борьбу—съ своими влклопностями и страстями, удаляющими его отъ этой цѣли. *Нѣтъ*—и *быть не можеть*—воли тамъ, гдѣ преобладаетъ гетнй, и когда человекъ, такъ сказать, поглощенъ своимъ гениемъ! Нѣтъ даже разсудительности: разсудокъ *земли* и разсудокъ *ума* между собою весьма различествуютъ! Дѣйствн землн, представляющня прямо изъ высше-разумной природы его, часто бываютъ, по понятнямъ *ума*—безразсудствомъ, безумнмъ! Можеть ли *солн*, т. е. чистая сила управляющаго нами духа члвоуѣческаго, стремить насъ къ безумню, если мы только не помѣшаны, или не влекомы бурною, недостойною страстью, которая также—роль помѣшательства? Ломоносовъ, въ возрастѣ между отрочествомъ и мношествомъ, съ береговъ Бѣлаго моря тайно ушелъ въ Москву, чтобы *учиться*. Онъ, конечно, еще не понималъ всей пользы учения, еще не могъ руководствоваться собственно такъ называемою *волю*; онъ услышалъ голосъ: «Не угнѣвайте духа!» слѣпо повиновался своему гению, замѣдашнему знаннй... Кинулся опрометью туда, куда тотъ его толкалъ мощною рукою... «Какое гениальное безумне въ этомъ шестнадцатилѣтнемъ мальчикѣ, когда онъ бѣжитъ въ жестокой морозъ, въ одномъ нагольномъ тулупѣ; нагоняеть, на семидесятой верстѣ, обозъ съ мерзлою рыбою, умоляетъ приказанна взять его съ собою»—въ Москву! (Слова Полеваго о Ломоносовѣ.) Но выкладкѣ здраваго законодательнаго ума (воля есть *неподчинительная* власть въ человекѣ, согласно предпосаннмъ *ума*), этотъ мальчикъ долженъ бы былъ—или замерзнуть до той семидесятой версты, упавшнй отъ усталости, или пропастъ въ Москвѣ, безъ денегъ, безъ покровительства, даже безъ знакомства—во всякомъ случаѣ, слѣдаться жертвою своего безразсудства. Но безразсудство гениа оправдалось на Ломоносовѣ, доказало, что то была высшая мудрость. Забудьте, что онъ не писывалъ стишковъ и вообще не сочинялъ ни въ савкомеспасокой коммварн, ни въ Кнѣвѣ (латинскнѣ же стихи

его относятся къ изученію этого языка) — ничего не сочинялъ, оттого, что онъ, подъ всепильнымъ вліяніемъ своего генія, жаднаго къ знаніямъ—и къ знаніямъ систематическимъ, могъ только учиться—и учиться систематически! Ода его на Взятіе Хотива, писанная, такъ сказать, въ аудиторіи философа Вольфа, относится уже къ тому времени, когда Ломоносовъ, освоившись систематически почти со всѣми науками и искусствами, началъ дѣйствовать, какъ самобытный геній и, естественнымъ образомъ, долженъ былъ приняться за нужнѣйшую въ русскомъ стихотворствѣ реформу. Только универсальности этого генія обязаны мы тѣмъ, что онъ сдѣлался и поэтомъ, литераторомъ, основателемъ нашей словесности. Могъ ли не сдѣлаться нитъ—знатокъ древнихъ языковъ, математикъ, физикъ, химикъ, минералогъ, философъ, ботаникъ, зоологъ, астрономъ, мозаичный живописецъ, риторъ, грамотей? Было бы неслыханное диво, если бы Ломоносовъ, съ такимъ многостороннимъ геніемъ, при такихъ данностяхъ—не былъ Ломоносовъ! Всегда и вездѣ дѣйствовалъ онъ только по внушенію своей геніальности; никогда и нигдѣ не проявлялась въ немъ *воля*. Если бъ онъ, хотя по малой мѣрѣ, былъ одаренъ этою силою, то конечно воспользовался бъ ею, чтобы, для спокойствія своей жизни, уживаться хоть кое-какъ съ тогдашними учеными Нѣмцами, не понимавшими многосторонности этого удивительнаго генія и надѣланными ему столько горькихъ хлопотъ. Но онъ и тутъ, да еще въ лѣта самой зрѣлой разсудительности, когда опытъ житейскій обыкновенно обуздываетъ и акцентрическую геніальность, могъ дѣйствовать только подъ вліяніемъ своей геніальной природы, не могъ поладить съ Миллерами, Бауерами, Эйлерами—и вся жизнь его была *страдальчествомъ генія!*

Прослѣдите, хоть бѣгло, жизнь Н. А. Полеваго, и вы со *всею* усмотрите совершенную противоположность жизни Ломоносова! Вы увидите раннее проявленіе истинно-русскаго ума и другихъ свойствъ національных! Десяти лѣтъ отъ роду, Полевой уже *преисправный* конторщикъ; въ свободные часы читаетъ книги, усердно подписываетъ стишки и прозу; самъ не зная, по собственному призванію, что такое *стихи и проза*, онъ принимается вдругъ за многое, за все: за газету «Азіатскія Вѣдомости»; за журналъ «Другъ Россіи»; за драму «Бракъ царя Алексѣя Михайловича»; за трагедію «Бланка Бурбонская»; за интермедію «Петръ Великій въ храмъ Безсмертія»; за «Путешествіе

по всему Свѣту» и, наконецъ рѣшается «Свести воедино Дѣянiя и Дополненiя—Голикова!». Подумайте: за все это принимается—десятилѣтнiй отрокъ! Стало-быть, этотъ отрокъ былъ избранъ судьбою, чтобы проявить, въ полномъ блескѣ, какую-нибудь основную характеристическую черту своего народа, поелику въ немъ преобладаетъ народность! Эта ранняя охота *писать*, не свидѣтельствуя нисколько въ пользу таланта, тѣмъ болѣе увеличиваетъ скороспѣлую самоувѣренность, бойкую предпримчивость, многостороннюю дѣятельность, то есть качества, которыми всегда отличался Полевой! Десятилѣтнiй *скалозвѣтъ* проображаетъ вполнѣ издателя Московскаго Телеграфа, историка русскаго народа, сочинителя несчетныхъ пiесъ театральныхъ, неутомимаго труженника литературнаго—однимъ словомъ: проображаетъ *умъ*, считающiй себя способнымъ *на все*, а потому *за все* и принимающiйся съ увѣренностью въ своихъ силахъ! Какъ бы ни морщился *солидный* нѣмецкiй *умъ*, какъ бы ни казалось безразсудною такая предпримчивая самоувѣренность, въ ней есть какаѣ-то обоятельная поэзія! Мы повѣримъ съ первой минуты, что юный Аннибалъ, задумавшiй проложить небывалый—и считавшiйся невозможнымъ—путь черезъ Пареней и Альпы, *успѣетъ* въ своемъ препрiятiи, потому, что гениальная смѣлость такого замысла можетъ быть внушаема только *свыше*; мы также, съ первой минуты, повѣрили бы, что десятилѣтнiй отрокъ Полевой, принявшiйся за столько гигантскихъ дѣлъ, предназначень ознаменоваться чѣмъ-то блистательнымъ въ исторiи нашей словесности! Мы опять не можемъ не усмѣхнуться, сведши здѣсь Полеваго и съ Аннибаломъ! Какая-то демоническая сила побуждаетъ насъ помѣщать *Витязя Полеваго* въ обществѣ Александра Македонскаго, Тамерлана, Наполеона, Аннибала! Между Аннибаломъ и Полевымъ есть какос-то избирательное сродство! Вы, безъ сомнѣнiя, знаете сочиненiе Цицерона: De Divinatione, о наукѣ, quam Graeci *μαγικήν* appellant, id est, praesensionem et scientiam rerum futurarum — т. е. предвѣдѣнiе и знанiе будущаго, что Греки называютъ *магикой*, или *магикѣ* — какъ вамъ угодно, по произношенiю или Рейхлина, или Эразма. Въ этомъ сочиненiи (XXIV гл.), Цицеронъ рассказываетъ чудный сонъ Аннибала: Юпитеръ велитъ ему проникнуть въ Италію, съ предостереженiемъ: ne respiceret (чтобъ онъ не оглядывался назадъ); чтобъ онъ *шелъ* себѣ только *впередъ*, ut pergeret *protinus*! Разумѣется, десятилѣтнiй, ничему не обучавшiйся Поле-

ной въ Иркутскѣ не зналъ этого сочиненія Цицерона; но тѣмъ удивительнѣе, что онъ, влкомый инстинктомъ, носилъ до слѣдствъ Аннибала, держась тѣхъ же правилъ: идти всегда впередъ безъ оглядки!

Перешедъ уже за двадцать лѣтъ, въ той же должности преподавателя (онъ и не думалъ подражать гениальному безумію Ломоносова, свокоивно оставаясь на мѣстѣ, съ похвальною исправностью исполняя свою должность и, какъ одицетворенный умъ, довольствуясь изъ шіра книжнаго тѣмъ, что было ему доступно)—Полевой уразумѣлъ необходимость учиться кое-чему, прежде, чѣмъ приняться серьезно за перо литературное — хотя, въ учебной части, онъ долженъ былъ ограничиться однимъ чтеніемъ книгъ. Тамъ, въ лицѣ Ломоносова, приступаетъ къ ученію систематическому, къ древнимъ языкамъ, къ наукамъ, терпѣливо переноситъ насмѣшки: «Малые ребята» (товарищи его по школѣ) «кричатъ и перстами указываютъ: смотри, какой бовантъ; лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться.» (Письмо Ломоносова къ Шувалову). Умъ, въ лицѣ Полеваго, совершенно справедливо признаетъ нужнымъ: прежде всего поотвѣдать латынь и французскаго, набраться ходячихъ знаній, составляющихъ вещественный капиталъ, удобообрацаемый въ существенную пользу.... Здѣсь видѣтъ иррактическій, разсчитливый умъ! Конечно, удивительнымъ умственнымъ способностямъ Полеваго должно признаться, что онъ, въ немного лѣтъ, приобрѣлъ этихъ ходячихъ знаній столько, сколько, поамѣстѣ, было нужно, для вступленія на поприще словесности. Разумѣется, онъ не могъ хватать только верхушки, ничего не изучалъ фундаментально; собиралъ оттомъ въ кладовыя своей необыкновенной памяти столько свѣдѣній, сколько было можно. Теперь въ какое пуститься предпріятіе? Какъ употребить съ большою пользою благопріобрѣтенныя позитки—эти довольно разнообразныя, но довольно и поверхностныя свѣдѣнія? Взяться ли за какой-нибудь ученый трудъ? — Нельзя: не достаетъ твердой, систематической учености, какою, напримѣръ, отличался Ломоносовъ? Писать ли повѣсти и романы? — Дѣло невѣрное: предполагаемое дарованіе еще не испытано; и безыменному писателю какъ достигаться съ извѣстными въ то время писателями! Прежде всего нужна изысканность; но какъ ее всего скорѣе, всего легче добудешь? — Какъ *издатель новаго журнала!* Такъ приступить за журналъ! Для этого не нужна глубокая ученость.

Если Полевой имеет честь не только назвать Ломоносову, что же общаго между ними, на расстоянии 180 верстусовъ? То, что они—два протазвоположные полюса нашего литературнаго міра: одинъ—мировой гений; другой—мировой умъ! Ломоносовъ—русскій гений, который такъ основательно, такъ глубоко могъ познакомиться съ науками,—есть весьма отрадное явленіе, послѣ Петровскаго, преобразовательнаго вѣка. Полевой—русскій умъ, достойный быть другимъ полюсомъ нашей словесности, потому, что онъ столь же замѣчательнъ, какъ и гений—а, можетъ-быть, еще замѣчательнѣе, какъ осязкъ, какъ единственный на свѣтѣ экземпляръ въ своемъ родѣ! Это—умъ-самородокъ, безъ всякой примѣси гениальности. И этотъ умъ, безъ собственно-творческихъ силъ, сотворилъ столь многое почти во всѣхъ родахъ словесности! Не знаемъ—то должно рѣшить время: есть ли это—годы Адамса, или нѣчто болѣе прочное? Но знаемъ навѣрное, что эта разнообразная литературная смѣсь завоевана однимъ умомъ Полеваго, не создана силою творческою. Упомянемъ здѣсь только о театральныя пьесахъ его: онъ имѣлъ успѣхъ на сценѣ, в большой успѣхъ а, между-тѣмъ, онъ—невыносимы въ чтеніи, ничтожны, какъ драмы, оттого что онъ созданы однимъ умомъ, приравливавшимъ все къ способностямъ извѣстныхъ актеровъ, считывавшимъ все только на временный успѣхъ. Первое мѣсто, въ сочиненіяхъ Полеваго, принадлежитъ его историческимъ трудамъ. Такъ и быть должно: историку всего нужнѣе умъ—умъ мировой! Его «Исторія Петра Великаго» весьма уже выказывается, по искусству историка: здѣсь уже видно, что онъ въ разумѣлъ, въ чемъ дѣло! Не достаетъ только языка, соответственнаго достоинству этой исторіи—языка самобытнаго, искрометнаго, молвіеноснаго, какъ и герой ея! Такую рѣчь создаетъ себѣ только гениальность, которой не доставало Полевоюму; языкъ у него вялый, безцвѣтный, мямлющій! Обширный умъ доказалъ, что онъ можетъ схватить все, или поддѣлаться подо все, кромѣ языка! Этотъ недостатокъ убѣдительно свидѣтельствуетъ о неимѣніи гениальности.

Здѣсь, мы опять сошлемся на предисловіе къ «Очеркамъ Русской Литературы», Полеваго. Онъ разсказываетъ обстоятельно, какъ приступалъ онъ къ изученію французскаго и нѣмецкаго языковъ, о древнихъ же языкахъ,—о латинскомъ и греческомъ, упоминаетъ только глухо, и даже послѣ этой замѣчательной фразы: «Грамматика Академіи и Исторія Государства Россій-

скаго не удовлетворяли меня, когда я сравнивала первую съ ясною, точною грамматикою латянскою, а вторую, съ *Тацитомъ по слогу*, съ лѣтописями, по изложенію фактовъ.»

Съ способностями, съ удивительною памятью Полеваго (онъ самъ говорить, тутъ же, что память у него была такая, какою онъ ни у кого другаго не встрѣчалъ) можно выучиться *всему*, будучи дѣловымъ человѣкомъ, ежедневно отъ утра до вечера занятымъ въ купеческой конторѣ — *всему, кромѣ древнихъ языковъ!* Все прочее стоить только прочесть или пройти одинъ разъ, при *такой* памяти — и *знаешь!* Но древніе языки требуютъ постояннаго, почти исключительнаго ими занятія, въ продолженіе многихъ лѣтъ, а потому Полевой, во всю жизнь свою трудившійся безъ отдыха, сперва по торговымъ, напоследокъ — по литературнымъ дѣламъ, никакъ не могъ знать — и дѣйствительно не зналъ — древнихъ языковъ. Изложеніе фактовъ, сравниваемыхъ съ лѣтописями — это другое дѣло: тутъ можно быть *иногда* мѣлнѣе! Но не чудно ли, что именно *Полевой*, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ — безъ изъятія — весьма не отличавшійся природнымъ русскимъ языкомъ, *первый поморщился надъ слогами Карамзина*, надъ тѣмъ слогами, которыми мы *всѣ* безъ исключенія, *восхищаемся* донынѣ, и по которому твореніе Карамзина будетъ читаемо всегда, какъ бы далеко ни ушелъ русскій языкъ въ своемъ развитіи, какія бы ни открылись новыя историческія идеи, или новыя археологическія свѣдѣнія, по части нашей *допетровской* Исторіи! Тацитъ переведенъ на всѣ новѣйшіе языки; во ни одинъ переводъ и приблизительно не даетъ понятія объ особенностяхъ слога Тацита! Еще болѣе: самый *латинскій* языкъ современныхъ, — или немного поздѣйшихъ — соотечественниковъ Тацита, желавшихъ, по новѣйшимъ лучшимъ понятіямъ, кое-что измѣнять въ текстѣ знаменитаго историка — не рѣшился поддѣлаться подъ его неподражаемый слогъ: надо было *исключить* всѣ тѣ мѣста, расстрепать творенія его — о чемъ краснорѣчиво сѣтуетъ Мишель Монтень, во второй книгѣ своихъ *Essais*, въ XIX главѣ.

Ни одного изъ нашихъ литераторовъ, послѣ Пушкина, мы не наудачивали въ вѣчность такимъ горькимъ сожалѣніемъ, какъ Н. А. Полеваго; мы и здѣсь отнюдь не намекаемъ на то, будто бы Полевой похвастался знаніемъ того, чего не зналъ онъ! Можетъ статься, мы, въ области журналистики, критическими

когдами перевѣдывался бы съ живымъ орломъ, но мертвато орла щипать не станемъ! Да кто же и *повѣрилъ* бы, чтобы столь почетный человекъ (*такимъ* мы всѣ его звали)—человекъ, одаренный отъ природы блистательными качествами ума, имѣлъ надобность чѣмъ-либо хвататься! Но вотъ, въ чемъ дѣло: тотъ же умъ мировой, который служилъ *вѣрно* Полевою во всѣхъ его завоеваніяхъ, выдалъ его — *головою*, когда онъ понадѣялся на него и тамъ, гдѣ безсиленъ и умъ мировой! Полевой, по кое-какимъ переводамъ, или сужденіямъ о Тацитѣ, безъ сомнѣнія полагалъ, что онъ *инстинктивно* выразумѣлъ особенность слога Тацита — и обмолвился такъ странно! Онъ не зналъ, что *вѣрный* инстинктъ бываетъ только у *гений*, отчасти и у *таланта*, но не *бываетъ* ни у *какого* ума, который долженъ дѣйствовать только по ясному уразумѣнію и сознанію, нисколько не убѣждаясь темными чувствами. Если бы Полевой изъ самого Тацита хоть въ половину выразумѣлъ слогъ его, то никогда не пришло бы ему въ голову — столь умному человеку — примѣнять слогъ Тацита къ новѣйшимъ языкамъ, и что всего удивительнѣе, замѣчать отсутствіе этого слога *въ прекрасномъ языкѣ Карамзина!* Довѣряя ошибочному инстинкту, Полевой вдался въ обманъ и этотъ обманъ есть второе несомнѣнное доказательство тому, что мы сказали выше: онъ умъ, обширный, мировой умъ, но не *гений!* Мы не разъ имѣли случай убѣждаться въ томъ, какъ вѣрно Пушкинъ гениальнымъ инстинктомъ понималъ то, чего онъ не зналъ, чему не учился! Да и Дельвигъ нашъ, при совершенномъ незнаніи греческаго языка, прекрасно выразумѣлъ древній эллинизмъ!

Въ доказательство, до какой степени Полевой вдался въ этотъ само-обманъ, относительно Тацита, приведемъ еще слѣдующее: не задолго до его смерти, я нечаянно встрѣтился съ нимъ въ одной книжной лавкѣ. Между прочимъ, онъ горько жаловался на нынѣшнее искаженіе русскаго языка, въ нѣкоторыхъ журналахъ: «Да и тѣ, примолвляя онъ, кто его не искажаетъ, не умѣютъ имъ пользоваться: его можно бы развить чуднымъ образомъ!» Я замѣтилъ, что, въ этомъ отношеніи, было бы весьма хорошо, если бы даровитый человекъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и *полный хозяинъ* языка, принялся за переводъ Гётевой Ифигеніи. «Правда! но еще лучше бы было переводить Тацита! я непременно, при первомъ досугѣ, переведу что-нибудь изъ Та-

цита!» Я, въ скромныхъ выраженіяхъ, изъяслялъ свое сомнѣніе въ успѣхъ, управало на то, что мы новѣйшіе, по характеру нашихъ языковъ, по аналитическому свойству нашего ума, по извѣщенной, весьма не стоической природѣ,—по всему не способны передавать эту римскую силу воли, которая выражается не только въ стилѣ исторической живописи, но и въ самомъ языкѣ Тацита; что мы никогда не удовлетворимъ того, кто можетъ читать Тацита въ подлинникѣ, и что я, съ своей стороны, радуюсь невозможности такого перевода, заставляющей человѣка любознательнаго—учиться латинскому языку.—Какъ же это не самобманъ, и самый горькій, со стороны столь умнаго человѣка! Можетъ быть, русскій языкъ и способнѣе всѣхъ прочихъ, для воспроизведенія языка Тацитова—но такое дѣло потребуетъ генія, первокласнаго генія!

Н. А. Полевой скончался, не дописавъ своей «Исторіи Наполеона»—высшаго, въ наше время, предмета, не только для ума, но и для *генія*! Что случится съ этою неоконченною исторіею? Кто ее допишетъ? Только *другъ*, родная душа! Н. А. Полевой говоритъ: «Я нашелъ *друга*, съ которымъ могъ дѣлиться моими надеждами, моими мечтами—друга, съ которымъ потомъ пошли мы по дорогѣ жизни, рука въ руку, которому одолженъ я увѣренностью, что дружба—по мечтамъ *возможна*, но точно святой даръ неба, существующій на землѣ: этотъ другъ—былъ братъ мой *Аксенофонъ*!»—И дѣйствительно, этотъ *другъ* и *братъ* его, Ксенофонъ Алексѣевичъ Полевой—*должалъ* исторію, безъ малаго *два тома*!

«Обязанность кончить это сочиненіе»—говоритъ онъ—«принялъ я на себя, по просьбѣ издателей книги, и тѣмъ охотнѣе, что во всю жизнь мою былъ связанъ съ авторомъ самою искреннею, братнею дружбою; зналъ его идеи при сочиненіи «Исторіи Наполеона» и много разсуждалъ съ нимъ о ней; еще не задолго до его смерти. Въ довершеніи труда его, одушевляла меня мысль; что я отдаю какъ бы послѣдній долгъ уваженія и дружбы неизбывному брату, съ которымъ, при жизни его случалось мнѣ раздѣлять литературные его труды.»

Честь и слава ему, за этотъ подвигъ братней любви: Радуюсь за автора «Ломоносова», мы съ глубокимъ увлеченіемъ вспоминали этотъ милый о нихъ обоихъ рассказъ покойнаго брата: «раза по три въ недѣлю, я уходилъ послѣ обѣда изъ богатаго дома моего хозяина, гдѣ жилъ тогда, въ смиренную квартиру на

нашей Сергиевской улицѣ (въ Курскѣ), гдѣ отецъ мой занималъ себѣ двѣ-три комнаты. Ксенофонъ петербургинъ ждалъ меня; вѣроятно отецъ отдыхалъ послѣ объѣда, мы уходили за прачшею и тамъ въ углу, не чистомъ дворѣ; разстилали рогожу; садился на нее; я вынималъ книги и вѣчалъ учить. Ксенофонъ та, чему самъ выучился въ прошедшіе два-три дня? Учи слово брата—онъ воздастъ тебѣ *братски*: допишетъ достойнымъ образомъ твое *лучшее* сочиненіе!

Да, мы прочли всѣ пять томовъ! Право, никакой *романъ* не можетъ быть такъ интересенъ, какъ эта *Исторія*, потому, что никакой романистъ не выдумаетъ такого идеала, какимъ, изъ-подъ руки Творца, вышло явленіе существенное, *Наполеонъ*!

Приобрѣтайте поскорѣ это важное сочиненіе! а намъ дайте время перечитать его, хорошенько вразумиться въ соображенія автора—или *авторовея*; тогда мы, во второй статьѣ объ этой исторіи, премолимъ нѣчто, въ родѣ критическаго сужденія.

Баронъ Розень.

ИВАНЪ МАТВѢЕВИЧЪ ПРЯМЯКОВЪ И ООМА МИХЕНЧЪ БЕРЮКОВЪ; ОНА—ЛЮДИ РУССКІЕ. *Пестрота въ разсказъ и разскизъ съ пестротью, изъ юмористическихъ записокъ бурсака. Самъ Петербургъ, въ типографіи Департамента Вильямсвилля Торговли, 1848 года, въ 8 дол. листа, 130 стр.*

Издатель этой книги говоритъ въ предисловіи, что авторъ ея недавно умеръ; что онъ издаетъ ее съ благотворительною цѣлью, и, что онъ, издатель, считаетъ долгомъ предупредить рецензентовъ, чтобы они удержались отъ произнесенія суда въ отношеніи къ *лицу* сочинителя, потому что голоса ихъ не дойдеть уже до автора. Не знаемъ, какъ другіе журналы, но *Сынъ Отечества* никогда не произноситъ суда въ отношеніи къ *лицамъ* сочинителей, считая *личность* каждаго автора внѣ правъ критики, а разбираетъ только ихъ сочиненія, по чистой совѣсти и убѣжденію. Слѣдовательно предостереженіе господина издателя въ отношеніи къ *Сыну Отечества* совсѣмъ лишнее. Въ концѣ предисловія своего, издатель приводитъ латинскую пословицу: «De mortuis aut bene, aut nihil.» (Т. е. О мертвыхъ говори хорошо, или ничего не говори.)—Что же угодно издателю? Что хотѣлъ онъ.

сказать эту поговорку? «Или хвали мое изданіе, или молчи.» Странное приказаніе! Ломоносовъ, Фонъ Визинъ, Карамзинъ, Державинъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ и многіе другіе, рускіе писатели умерли, но объ ихъ сочиненіяхъ говорятъ рецензенты до-сихъ-поръ, и никто имъ не вздумалъ и не вздумаетъ сказать: *De mortuis aut bene, aut nihil.*

Но оставимъ предисловіе, и обратимся къ разбору *Прямикова* и *Бирюкова*.

Если насъ спросятъ: «какого рода это сочиненіе?» мы отвѣтимъ: «не знаемъ.» Самое заглавіе, придуманное авторомъ, доказываетъ, что онъ самъ не зналъ, къ какому роду причислить свое сочиненіе. Онъ назвалъ его: *«пестрота въ разсказъ и разсказъ въ пестротъ.»* Это совершенно новый родъ сочиненій. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что намъ никогда не нравились изысканныя и сложныя заглавія, и что эта изысканность всегда предубѣждаетъ читателей какъ-то невыгодно противъ сочиненія автора. Правда, что нѣкоторые журналы, для эффекта своихъ обертокъ и газетныхъ объявленій, растягиваютъ непомѣрно заглавія своихъ статей; но тутъ есть *абсолютно-нормально-консеквентная* причина. Положимъ, что статья, напечатанная въ журналѣ, оригинальная или переводная, называется: *«О грибахъ.»* Кажется, достаточное и понятное для всѣхъ заглавіе? Такъ нѣтъ! Тутъ непременно прибавятъ: *«Исторія грибовъ съ сотворенія міра.—Состояніе ихъ во времена паденія Рима.—Ихъ значеніе, въ объективномъ и субъективномъ отношеніяхъ, въ эпоху открытія Америки.—Споръ нѣкоторыхъ европейскихъ натуралистовъ о рыжикахъ и груздяхъ.—Гуманное рѣшеніе этого вопроса.—Различіе или, яснѣе сказать, дифференція между сыроѣжкой и бѣлымъ грибомъ.—Субстанціальность мухомора.—Тотъ же мухоморъ по себѣ и за себѣ.—Виртуозность березовика.—Доктрина о томъ, какъ печь пироги съ грибами, или жарить грибы въ сметанѣ.—Принципы и прогрессъ артистическаго соленія грибовъ.»*—И такъ далѣе, и такъ далѣе. Но всѣ эти журнальные примѣры не должны увлекать сочинителей книгъ, отдѣльно издаваемыхъ. Изысканность и растягиваніе заглавій ни къ чему не ведутъ. Прочитавши иногда предлинное, преподробное, презатѣйливое заглавіе, прочитаешь потомъ самое сочиненіе, да и повторить очень часто, почти всегда, рускую поговорку: *«Грибъ съѣлъ!»*

Перестанемъ толковать о загадкахъ! Скажемъ нѣсколько словъ о сочиненіи автора «*Практика и Бирюкова*»:

По всему видно, что перо автора было молодое, увлеченное примѣромъ такъ называемой *натуральной школы*.

Главное правило, коренной уставъ этой *натуральной школы* очень удовлетворительно и удачно изъяснены въ слѣдующихъ сти-

Для маленькаго образчика основательныхъ познаній и глубокаго просвѣщенія этой *натуральной школы* (именно школы), укажемъ здѣсь, мимоходомъ, на статью ноябрьской книги *Современника*, напечатанную въ отдѣлѣ назначенномъ для упражненія въ остроуміи господъ редактора, издателя и сотрудниковъ. Въ этой статьѣ заключаются нападки на одного изъ сотрудниковъ *Сыма Отечества*, извѣстнаго нашего писателя, Барона Розена. Незавѣстный, ученый и натурально-критикъ *Современника* поддѣвывается надъ Барономъ Розеномъ, что въ его идилліи *Сороковая невеста*, напечатанной въ октябрьской книгѣ *Сыма Отечества*, сказано, что на берегахъ Волги растетъ виноградъ. По этой насмѣлкѣ и по этому глубокомысленному и ученому замѣчанію, должны мы неизбежно заключить, что натурально-ученый критикъ издѣль Волгу только въ Твери, пробавонъ изъ Москвы въ Санктпетербургъ, и что познанія его о Волгѣ, главной рѣкѣ Европейской Россіи, не далеко простираются. Вѣроятно онъ полагаетъ, что Волга впадаетъ въ Ледовитый океанъ, какъ Лена и въкоторыя другія рѣки. Долгомъ считаемъ уведомить *натурально-ученаго* критика, участвующаго въ *учено-литературномъ* журналѣ, *Современникѣ*, что Волга впадаетъ въ Каспійское море, которое находится на Югѣ отъ Твери, а не на Сѣверѣ, и что по берегамъ этой рѣки, въ южныхъ губерніяхъ, растетъ виноградъ. Стало быть, *Сымъ Отечества* и Баронъ Розенъ правы, а натурально-ученый критикъ, вѣстѣ съ редакторомъ *Современника* и его издателемъ, пошамъ въ небольшой и очень забавный просакъ со своимъ остроумными заключеніями, которыя составляютъ ихъ страсть, ихъ извинительную слабость. Советуемъ имъ, для утѣшенія себя, пробавонъ по Волгѣ, отъ Твери до Каспійскаго моря, и удостовѣриться собственными глазами въ основательности своей учености, считающей виноградъ на берегахъ Волги дѣломъ невозможнымъ и баснословнымъ. При этой пріятной и весьма продолжительной прогулкѣ, предлагаемъ имъ пѣть, для развлеченія себя, извѣстную всей Россіи, старинную пѣсню:

• Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ,
• По широкому раздолью, и проч.

Сидѣтъ ихъ узрѣть, что прозявшемъ отъ Твери до Каспійскаго моря и обратно, она съ удивленіемъ увидать и виноградъ на берегахъ Волги, и много другихъ вещей, которыя имъ еще вовсе неизвѣстны, какъ по всему видно, съ тѣмъ поръ, какъ извѣстный почтенный, уважаемый и нами, и всѣми, профессоръ санктпетербургскаго университета А. В. Никитенко отказался отъ званія редактора *Современника*.

какъ нашего согражданина, вславленного П. А. Каратыгина, прочтѣть много разъ въ театрѣ, при оглушительномъ владимирскѣ петербургской публики.

- Тутъ не учность нужна, а призваніе,
- Сила и воля души;
- Если призналъ кто въ себѣ дарованье,
- Просто—садись и пиши!

Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, познаніе древнихъ и новыхъ языковъ? Къ чему основательное образованіе? Къ чему чтеніе классическихъ произведеній древности и изученіе образцовыхъ, средневѣковыхъ и новыхъ, произведеній знаменитыхъ писателей, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ? Къ чему основательное познаніе русскаго языка и искусство слога?

- Просто—садись и пиши!

Это можно сдѣлать безъ дальнихъ хлопотъ, *просто*, то есть *можно* *нельзя*? Для чего же себя затруднять? Слѣдуя этой легкой и удобной методѣ, многіе достигли, въ самое короткое время, извѣстности.

Правда, что извѣстность или слава бываютъ весьма различны. Тредьяковскій своими стихотвореніями достигъ извѣстности и славы, которая и теперь гремитъ и долго еще будетъ гремѣть въ потомствѣ. Знаете ли вы, напиримѣръ, ея предестную загадку:

- Стоитъ древесно
- Къ стѣнѣ прикнуто.
- Коль пальцемъ ткнуто:
- Гремить чудесно!

Не угодно ли эту загадку отгадать? Мы увѣрены, что вы ее не разрѣшите, хотя бы вы были самъ Эдипъ, разрѣшившій въ древности знаменитую загадку Сѣинска. Загадка Тредьяковскаго, по своей трудности, можетъ равняться не только загадкѣ Сѣинска, но парижскимъ и другимъ иностраннымъ *ребусамъ* (*rébus*), которыхъ никто не понимаетъ, пока въ слѣдующемъ номерѣ иностраннаго журнала не объяснятъ ихъ смысла.

Загадка Тредьяковскаго, которою онъ *навѣрное* *не* *искубилъ* *бы*

Изгоните же навсегда, господа писатели, изъ словесности нелѣпныя слова: *русскій человекъ, русскіе люди.* Мы — *Русскіе* и только. Болѣе ничего объяснять не нужно. Все остальное понятно не только журналу, выходящему подъ заглавіемъ: *Сынъ Отечества*, и основанному въ 1812 года, но и всѣмъ сынамъ отечества, которыхъ не скоро перечесть; ибо они живутъ въ несмѣтномъ числѣ, отъ Балтійскаго моря до Восточнаго океана, отъ Чернаго моря до Бѣлаго, преданы отъ некреннаго сердца Богу, Царю и Отечеству; смотрятъ спокойно на западъ и на всѣ четыре стороны свѣта, и повторяютъ величественныя, утѣшительныя слова, всѣмъ памятыя: *«Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!»*

Послѣ такихъ разсужденій мы находимъ неудобнымъ входить въ дальнѣйшій и подробный разборъ *Пряжкова и Бирюкова*, которыхъ назвалъ авторъ *русскими людьми*. Скажемъ вообще, что сочиненіе автора очень слабо, по изобрѣтенію, плану и исполненію; что слогъ его очень часто неправиленъ; что его *русскіе люди* вовсе не похожи на настоящихъ *Русскихъ*; но что, при всемъ томъ, намѣреніе автора было похвальное, патриотическое: онъ хотѣлъ доказать, что Русскіе ни въ чемъ не уступаютъ иностранцамъ и во многомъ превышаютъ ихъ, и что не слѣдуетъ никогда предпочитать отечественному чужеземное. За это намѣреніе — честь и хвала покойному автору!

К. НАСАЛЬСКІЙ.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. Сочиненіе М. Корсини. Тома I и II. Санктпетербургъ. 1848 г.

Имя автора *Очерковъ современной жизни* уже извѣстно читающей публикѣ. Года три тому, явилось въ свѣтъ первое сочиненіе г-жи Корсини: *Мысли и повѣсти, посвященныя юношеству*, сочиненіе, которое, не смотря на свое назначеніе для юношества, привлекло къ себѣ вниманіе не однихъ юныхъ читателей. Теперь передъ вами новое произведеніе г-жи Корсини, или лучше сказать начало обширнаго созданія, которое будетъ состоять изъ отдѣльныхъ разсказовъ, но проникнуто одною общею идеею. Эта идея выражена въ самомъ названіи: *Очерки современной жизни*. Въ первыхъ двухъ, вышедшихъ теперь, томахъ заключается повѣсть: *Семья ассессорши*.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ разбору этой повѣсти, остановимся на предисловіи, въ которомъ авторъ излагаетъ свои мысли о свойствахъ, необходимыхъ современному писателю. Объясненія этого рода въ наше время нельзя считать излишнимъ, потому-что отъ безпрерывныхъ споровъ и разсужденій, о сочиненіяхъ и сочинителяхъ, понятія теперь такъ перепутаны, что иногда въ обширномъ и многословномъ развитіи идей о литературѣ не отыщешь и тѣмъ опредѣленной мысли о томъ предметѣ, о которомъ говорится.

«Становясь судьей и критикомъ своихъ собратій, онъ (повѣствователь о жизни современной) долженъ имѣть въ виду впечатлѣніе, которое онъ на нихъ произведетъ, и послѣдствія представленныхъ имъ картинъ. Наблюдательность такого человѣка должна сопровождаться доброжелательствомъ и любовію къ людямъ. Онъ долженъ доказать на дѣлѣ, что проникаетъ въ сокровенныя тайны ихъ ежѣдневной жизни, чувствованій, понятій и привычекъ не для того, чтобы осмѣять ихъ и опозорить, но указавъ никакого исхода изъ жалкаго ихъ положенія. Онъ представляетъ заблужденія (только?) то въ смѣшныхъ и легкихъ, то въ сильныхъ и рѣзкихъ краскахъ для того, чтобы замѣнить ихъ отрадными и вѣроваіями, чтобы указать нравственную опору шаткимъ понятіямъ и убѣжище въ душевной силѣ отъ преслѣдованій нуждъ и бѣдствій. Иначе для чего же писать и терять драгоценныя часы?... Не говоря уже о призваніи и талантѣ, безъ которыхъ никого нельзя признать писателемъ, ему необходимы еще: наблюдательность спокойная (раздражительный и излишне самолюбивый человѣкъ не въ состояніи справедливо оцѣнить другаго), способность входить въ положенія избранныхъ характеровъ и проникаться ихъ жизнію и духомъ такъ, чтобы себя чувствовать на ихъ мѣстѣ.... Не менѣе другихъ качествъ необходимы писателю: образованный вкусъ, проникательность, даръ правильно взвѣшивать побужденія каждаго поступка и восприимчивость впечатлѣній, развитая до такой степени, чтобы онъ могъ сказать: «Ничто челоѣчье не мнѣ не чуждо.»

Вотъ идеи и убѣжденія автора *Очерковъ*. Всѣ онѣ ясны, отчетливы и вѣрны. Можно замѣтить только пропускъ одной и очень важной стороны, на которую писатель долженъ обращать вниманіе, при изображеніи челоѣчества. Это сторона идеальная: возвышенныя чувствованія, благородные порывы души, стремленія къ прекрасному и высокому, великіе подвиги самопожерт-

ведения. Высокая современность — человеческая стража — это святая, как и аблукция, и шалки, повести, которые кондули автор. Современный писатель современно, делая кондули вник смирности, если не хочешь быть охотропидом — в изображении современного общества. Но для чего он будет выставать их? Этот вопрос остался без внимания.

Не охватываю еще следующая мысль автора, в том же предисловии: «Когда он (писатель) стуметь выходя: собственн-ый выход из трудных обстоятельств, безрасслабно встречаящихся в жизни и не робеть дуком, не дождать до ушай; тогда можно отдать на его судь человеческое сердце.» Прогноз этого можно сказать то, что бывают столько запущенных обстоятельств, что попавший в них человек никогда не найдет выхода. А между тем в этой безвыходной борьбе с трудными обстоятельствами, он гораздо лучше других выживает людей, и потому им есть более права произносить суд над человеческим сердцем. Впрочем, автор хотел сказать, о нравственной борьбе, на которой человек, стбленый митейскими неприятностями, может утвердить свое неварушное спокойствие. Во всяком случае это условие лишнее условие.

Но мы с удовольствием повторим слова автора о двух условиях, которыми, по его убеждению, вполне раздвинутому нами, должен подчиниться романист и который всего меньше соблюдаются в наше время. «Становись судья и критиком среди братьев, он должен быть из виду востатство, которое он на них произведет, и последствия представляемых им картин.» Это первое, а второе то, что писателю необходим «образованный вкус.» У нас так много писали о чужа и бездельности литературных произведений, что закончить, в вид риторич. вопроса, сновам странным словом: омоцль, вбредно по образцу слова: самоубль. Но все-таки это ничего не объяснило. Автор *Очерков* удачно указал на впечатляю, произведенное до чинением на читателем. Писатель может жить нравственную дед, но впрочем том написать безразличней роман, смотря только, как избирает он средства къ достижению своей цели. — Высокая цель не оправдывает низких средств: искусство и мораль не оправдывают чернушества и на добродетельности.

Это правило жизни можно придумать и из сочинения. Рациональное заблуждение—видеть нравственные уроки из таких произведений, из которых логически можно вывести нравственный наставление. Не изречения, приклеенныя къ роману, какъ въ концѣ басни, сообщаютъ ему то или другое влияние на читателя, а общее настроеніе разсказа, духъ, которымъ проникнуто все твореніе. Какого же рода должно быть это влияние или впечатлѣніе, производимое художественнымъ созданіемъ на читателя? Отвѣтъ на это вытекаетъ изъ самаго понятія о действительности и предметахъ ея дѣйствія. Дѣйствуетъ человекъ—существо нравственное на существа събѣ подобныя, следовательно и дѣйствіе или влияние перваго на послѣднихъ должно быть также нравственное: пробужденіе и развитіе благороднаго самосознанія и возвышенныхъ стремленій. Говоримъ: должно, хотя возможно и совсѣмъ противное; натуры бываютъ разныя.

Признаніе необходимости этого влияния вовсе не есть ограниченіе, стѣснительное для творческаго таланта, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Безспорно писатель можетъ создавать все по своему произволу, и дѣйствіе, и сцену, гдѣ происходитъ это дѣйствіе, и лица, которыя являются на сценѣ. Все въ его полномъ распоряженіи, и природа со всѣмъ своимъ разнообразіемъ и человечество со всѣми своими совершенствами и недостатками. Но при этомъ необходимо одно условіе: нужно имѣть «образованный вкусъ.» Этотъ-то вкусъ руководитъ писателя въ употребленіи матеріаловъ для его созданія и спасаетъ его отъ односторонности, въ которую впадаютъ нѣкоторые сочинители нашего времени, не лишенные впрочемъ ни воображенія, ни таланта. Воображеніе этихъ сочинителей какъ будто осуждено пресмыкаться въ грязныхъ слояхъ общества и рыться въ темныхъ закоулкахъ современныхъ нравовъ; оно какъ будто бѣгнетъ освѣжительной атмосферы истинно—нравственной и умственной жизни и съ любовью льнетъ только къ тому, что есть грубо и циническаго въ дѣйствительности. Отъ такого прихотливаго полета воображенія, порхающаго не по цвѣтамъ, происходитъ то, что вмѣсто изящнаго созданія является что-то въ родѣ сточной трубы... Надо сказать, что только нашему изобретательному времени принадлежитъ поэтическая странность возводить на степень художественнаго созданія разговоры и сцены, которые можно собрать въ харчевняхъ, и тому подобныхъ дѣ-

стностях, не отличающихся изяществомъ. Говорятъ даже, что подобныя изображенія производятъ могущественное дѣйствіе на умы!... Но окончимъ эти разсужденія, которыя могли бы завлечь насъ слишкомъ далеко, если бы мы захотѣли изобразить всѣ странности и ошибочныя идеи нѣкоторыхъ писателей, исключительно привязанныхъ къ пошлымъ и грубымъ проявленіямъ человѣческой природы. Теперь дѣло не объ этихъ писателяхъ.

Семья Ассессори,—какъ называется повѣсть, разсказанная авторомъ въ *Очеркахъ современной жизни*,—представляетъ намъ черты современнаго быта, общія каждому обществу людей, стремящемуся, по законамъ Провидѣнія, къ развитію нравственныхъ и умственныхъ силъ. Всегда находятся люди, предпочитающіе, по разнымъ побужденіямъ, уклоненіе отъ пути нравственнаго совершенствованія. Одни ищутъ спокойствія въ тѣни безмятежнаго захолустья, представляющаго всѣ удобства для отдыха... потомковъ отъ трудовъ предковъ. Не прилагая ничего собственнаго къ тому, что получено отъ отцовъ, они сохраняютъ безвинную апатію къ умственной дѣятельности. Другіе, одаренные беспокойною дѣятельностію воображенія, думая забѣжать какъ-нибудь впередъ, бросаются куда ни попамо, лишь бы быть не въ ряду съ другими. Тѣ и другіе ропщутъ на трудолюбивую и полезную дѣятельность своихъ ближнихъ; первые находятъ въ ней неумѣстно быстрое развитіе, а послѣдніе напротивъ жалуются на медленность и даже неподвижность своихъ ближнихъ, и тратя время на эти жалобы, иногда производящія сильное впечатлѣніе... на умы слабыя, не замѣчаютъ, что ихъ ближніе, благодаря дѣятельности, уходятъ далеко, далеко впередъ. Эти явленія имѣютъ свое основаніе въ природѣ человѣческой и повторяются во всѣ времена. Еще за нѣсколько сотъ лѣтъ до нашего времени, одинъ изъ проникательнѣйшихъ наблюдателей чело-вѣчества, жаловался на слабость своихъ современниковъ, что они порицали все настоящее и осыпали похвалами прошедшее, и объяснялъ эту слабость злобою людей. Объясненіе не совсѣмъ справедливое; есть много добрыхъ людей, которые увлекаются похвалами старинѣ. Воспоминаніе всегда придаетъ прелесть юнымъ лѣтамъ; съ чѣмъ сроднился человѣкъ въ прежніе годы,

* Vitio malignitatis humanae vetera semper in laude, praesentia in fastidio esse. Таск.

когда былъ воспріимчивѣе для всѣхъ впечатлѣній, то дорого его сердцу особенно въ ту пору, когда дыханіе времени охладить его воспріимчивость. Если есть комическая сторона въ этомъ обращеніи къ старинѣ, то она заключается въ одностороннемъ сужденіи о молодыхъ людяхъ. Съ другой стороны, въ молодости, человѣкъ, чувствуя въ себѣ полную энергію силъ, еще не испытанныхъ опытомъ, натурально воображаетъ себя способнымъ къ обширной дѣятельности и, смотря неопытнымъ взоромъ на другихъ, находить въ нихъ стороны, достойныя порицанія, съ его точки зрѣнія. Напримѣръ, благоразуміе и осторожность кажутся ему недостаткомъ характера; медленность въ дѣйствіяхъ, — происходящая отъ того, что опытъ, расширяя горизонтъ зрѣнія, научаетъ человѣка видѣть не только свѣтъ и лазурь, но и всѣ тѣни и дальніе признаки непогоды, — кажется слабостью. Отсюда рождается въ юныхъ мудрецахъ противоборство нравственнымъ началамъ, тѣмъ болѣе заманчивое, что производить въ душѣ пріятную игру умственныхъ силъ. И это также натуральное явленіе развитія духа человѣческаго, который, носясь надъ міромъ сущестственности, до поры сопрікосновенія съ нимъ, рисуетъ себя въ какомъ-то гигантскомъ величіи; потомъ чѣмъ болѣе опредѣляетъ свои отношенія къ міру дѣйствительному, тѣмъ яснѣе сознаетъ свои границы, покуда наконецъ не дойдетъ до полного самосознанія. Но есть люди, которые, не любя серьезныхъ размышленій о себѣ самихъ и о людяхъ, остаются при блаженномъ сознаніи своего воображаемаго величія, и съ энергіею, достойною лучшей доли, поддерживая свои противорѣчія началамъ нравственнаго порядка, входятъ наконецъ въ роль Мефистофелей, которую разыгрываютъ до поры до времени. Эти-то характеры, свойственные, какъ мы сказали, каждому обществу, но, по различію мѣста и времени, являющіеся подъ разными формами, олицетворены въ *Семь ассессорши*.

Дѣйствующія лица, въ которыхъ сосредоточивается интересъ повѣсти, — Ваня и Настя, дѣти бѣдной и больной вдовы, коллежской ассессорши. Ваня, молодой человѣкъ былъ учителемъ въ одномъ заведеніи и кромѣ того давалъ частные уроки. Впрочемъ эти занятія мало согласовались съ его наклонностями. Онъ желалъ волюй предаться наукамъ и литературнымъ трудамъ; но бѣдность препятствовала ему слѣдовать внутреннему призванію. Онъ долженъ былъ посвящать

большую часть времени урокамъ, чтобы своими трудами доставить пропитаніе себѣ и своему семейству. Настя, восемнадцатилѣтняя дѣвушка, была воспитана, подъ руководствомъ своего брата; она жила вдали отъ общества и своими трудами обладала участъ своего семейства; она задалась руководящею для продажи. Но вознагражденіе за эти труды было слишкомъ скудно, и она рѣшилась посвятить себя воспитанію дѣтей. Пріятель Ваши, Грохницъ отрекомендовалъ ее своимъ знакомымъ.

Грохницъ олицетворяетъ собою характеръ современныхъ юныхъ мудрецовъ, которые имѣютъ довольно ума, чтобы быть людьми образованными, но не сознаютъ истиннаго значенія образованія и ограничиваются одною внѣшностію, стараясь подражать въ своихъ пріемахъ людямъ такъ называемымъ европейскимъ, и прибавляя къ тому еще небольшой запасъ поверхностныхъ свѣдѣній. «Онъ любилъ чтеніе и много читалъ, но никогда не доискивался до настоящаго смысла сочиненія; не възбѣшивалъ его идеи, не разсуждалъ объ ней; а запоминая одни слова, онъ ловилъ наскоро какое-нибудь новое для себя выраженіе и разносилъ его по всемъ своимъ знакомымъ. Если кто осмѣливался сомнѣваться въ высокому достоинству его словъ, то Грохницъ шумѣлъ, кричалъ и тѣмъ еще больше вскапалъ смыслъ безъ сознанія повторенныхъ имъ «разъ.» Этотъ мудрецъ между-тѣмъ имѣлъ доброе сердце и желая оказать услугу бѣдному семейству, самъ пришелъ узнать, богата ли востра его пріятеля принять мѣсто, которое онъ предложилъ ей.

Дочь ассессорши съ благодарностію приняла предложенное ей мѣсто гувернантки, черезъ нѣсколько дней простилась съ своимъ семействомъ и переехала въ тотъ домъ, гдѣ должна была принять обязанность гувернантки. Мы познакоимъ читателей съ этимъ домомъ, въ которомъ бѣдная дѣвушка встрѣтила съ одной стороны невѣжество, попирающее истинное образованіе, а съ другой обманчивый блескъ свѣтскаго образованія, закрывающій отъ неопытнаго взгляда пустоту души и отсутствіе нравственныхъ правилъ. Авторъ раскрылъ эти стороны въ нѣсколькихъ сценахъ, которыя разны очень счастливо.

«Сама хозяйка и мужъ ея Ома Иличъ очень ласково приняли новую гувернантку и показали ей прекрасныя мѣстныя. Скоро вошли и будущія питомицы: Настя, три дѣвочки: Оля

осмотрѣвъ воспитательницу съ ногъ до головы, и степенно сказа-
ла второй:

«Восмотри, Софи, какое платье во у вас; точно, точно у ма-
мой кутарки.» Софи взглянула, степенно разсѣялась и шеп-
нула Сошѣ: «Смотри-на, смокри, что на перчатках; какъ замаша-
то: видѣть!»

Ома Ильичъ, веруя въ свои дѣтей попоченію Насти, про-
силъ ее не утруждать ихъ надъ книгами и не учить много, пово-
ну-что «онѣ не мальчики, но дѣвчонки, режешь.» Не смотря на
эту страшную просьбу, Настя съ усердіемъ занялась воспита-
ніемъ дѣтей и старалась образовать ихъ умъ и сердце, утѣшая
себя мыслию о благодарности родителей и дружеской привязан-
ности своихъ воспитанницъ, когда онѣ будутъ взрослыми. «А въ
далеканъ туманѣ будущаго инстинктивно прозрѣвала еще кого-
то, кто бы открылъ ей тайну нѣкаго нувства, нной любви.» Не
всѣ эти утѣшительныя мечты скоро должны были разсѣяться.
Она лишилась расположенія хозяевъ и навлекла на себя ненависть
и преслѣдованіе одного друга дома. Ома Ильичъ негодовалъ на
губернантику за то, что она тратитъ много денегъ на книги. Лю-
бовь Родіоновна, супруга Омы Ильича, была недовольна пере-
нѣной дѣтей. «Прежде они забавляли ее разными гримасами и на-
смѣшками, а съ появленіемъ въ домѣ Насти совсѣмъ бросили
свои шалости.» Изъ этого Любовь Родіоновна заключила, что
«Манзель и сама не дальнаго ума, и не понимаетъ, какъ должно
вести ея дочерей.»—Но все это были небольшія непріятности въ
сравненіи съ тѣми, которымъ подверглась Настя, благодаря
друга дома, Аполлона Евсенса.

Характеръ Аполлона Евсенса очерченъ рѣзко и выдѣляется бо-
лѣе другихъ. Правда, и въ изображеніи другихъ лицъ обнару-
живается способность автора анализировать и мастерство опи-
сывать характеры; но иногда отбѣкал, группируется одинъ
возлѣ другаго, затемняютъ главный, преобладающій цвѣтъ, чодъ
которымъ должно являться дѣйствующее лицо въ романѣ. Это
можно сказать о Грохнѣ, въ которомъ ирританіе на умстван-
ное образованіе сдѣлывается изъ притяжаніемъ на свѣтланость.
Умственное и свѣтланое образованіе — дѣл совершенно различными
сторонами, которыя также легко могутъ являться въ «двоихъ лицахъ»,
какъ и обійти одна безъ другой. Не эта несправдланность
нагуранно превосходитъ отъ того, что Грохнѣ не представ-
ляетъ своимъ образованннмъ характеромъ; онъ еще молодъ; онъ

еще может переменить свой образ мыслей и жизни. Между-тѣмъ Аполлонъ Евсенчъ—въ тѣхъ лѣтахъ, когда перемена нравственная есть уже не побѣда надъ собою, а естественная, невольная покорность законамъ органическаго развитія. Потому-то черты его характера обозначены опредѣленно, точно. Это старый холостякъ, растратившій и духовныя и физическія силы въ бурномъ потокѣ молодости «Умъ его разсчетливый, а иногда и острый, не имѣлъ однако же ни точности, ни благородства, ни стремленія къ истинному, и это, можетъ быть, оттого, что слишкомъ былъ погруженъ въ матеріальные интересы. Молодость свою провелъ Аполлонъ Евсенчъ бурно, предаваясь безъ границъ чувственнымъ наслажденіямъ; а съ наступленіемъ зрѣлаго возраста онъ понялъ свою безотрадную будущность и съ ожесточеніемъ старой кокетки видѣлъ приближеніе неудачъ и безсилія. Остаткомъ своей крѣпости хотѣлъ пользоваться какъ можно больше и предавался страстямъ своимъ съ какимъ-то бѣшенствомъ.... Не имѣя ни нравственныхъ, ни религіозныхъ убѣжденій, онъ сочинилъ особенныя для себя правила....»

Аполлонъ Евсенчъ, давно уже замѣтившій цвѣтущую молодость Насти и давно искавшій случая сблизиться съ нею, воспользовался неудовольствіемъ хозяевъ и взялся быть парламентаромъ, чтобы передать ей желаніе Любови Родіоновны насчетъ методы воспитанія дѣтей. Онъ велъ себя такъ обдуманно, искусно, что наконецъ приобрѣлъ расположеніе и довѣріе Насти, когда она, не подозрѣвая его притворства, нашла въ немъ единственнаго человѣка, понимающаго ее и принимающаго въ ней участіе. Ома Ильичъ, судившій о требованіяхъ воспитанія и о значенія образованности по своимъ понятіямъ, былъ раздраженъ до послѣдней степени докучливыми просьбами о покупкѣ книгъ. «Дѣвушкамъ что за книги? говоритъ онъ. Не въ службу имъ опредѣляться, не профессорами быть; а партію себя и безъ книгъ могутъ составить, умѣли бы показать себя привлекательно. Да у меня же есть книга, прибавляетъ онъ, французская грамматика; еще отъ покойнаго дѣда мнѣ досталась; формата преогромнаго; съ этакой книгой чего бы, кажется, не доставало? Такъ нѣтъ, манзель говоритъ, что слогъ не хорошъ; старо, видишь, говоритъ, сочиненіе. Какой тамъ у нея слогъ, кто ее знаетъ? Я подозреваю, что сама она въ книгахъ толку не разумѣетъ. Тамъ есть еще у меня географія, тоже отъ покойнаго дѣда, и здоровая такая книжка; преподавайте, говорю, по этой, и половину выучать, такъ

довольно. Куда! моя манзель и слушать не хочеть; по ней и города-то ужъ не тѣ и земля не та,—и такую чепуху зацолюла, что я махнулъ рукой.» Эти сужденія такъ живо выражаютъ умственное достоинство Омы Ильича, что нѣтъ надобности прибавлять, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые не пренебрегаютъ образованіемъ, но, не слѣдя за ходомъ пресвѣщенія, остаются неподвижными среди успѣховъ наукъ, и даже ропшуть на умственное движеніе, въ увѣренности, что в каждый мигъ бы ограничиться предѣлами ихъ личнаго образованія. Ома Ильичъ особенно не любилъ философіи, хотя не имѣлъ объ ней ни малѣйшаго понятія, но опирался въ своихъ сужденіяхъ объ этой наукѣ, на примѣръ своего пріятели. «Достала онъ какую-то книгу, наввно замѣчаетъ Ома Ильичъ, и ну читать, да читавши-то такого страху набрался, что говорить волосы дыбомъ становятся, а объяснить не умѣлъ, что вычиталъ. Вотъ, прошу по-доброму разсудить, какова философія!» Эта черта сужденія схвачена чрезвычайно удачно и выражена съ ядовитымъ сарказмомъ. Читатель приходитъ въ ужасъ отъ книги, а не умѣетъ объяснить, что такое онъ читаетъ! Ома Ильичъ всегда ссылается на чей-нибудь авторитетъ. Но главный авторитетъ для подобныхъ людей—предавья старины. Потому-то Ома Ильичъ, услышавъ невыгодный отзывъ одного изъ своихъ собесѣдниковъ о книгѣ, принадлежавшей его дѣду, отвѣчаетъ энергически: «Эта книга тоже изъ бібліотеки моего дѣда, а онъ былъ умный человекъ и получше другихъ зналъ толкъ въ книгахъ; слѣдственно чепухи тутъ не можетъ быть.»

Мысли Настя, противорѣчившія такимъ убѣжденіямъ Омы Ильича, а въ слѣдствіе того и его супруги, натурально измѣнили расположеніе къ ней хозяйевъ. Этимъ случаемъ, какъ мы сказали, воспользовался Аполлонъ Евсенъ, и мало-по-малу вкрался въ довѣріе неопытной дѣвушки. Наблюдательность автора *Очерковъ* ярко блещетъ въ изображеніи разсчитанныхъ, тонкихъ приемовъ Аполлона Евсенча, посредствомъ которыхъ онъ дѣйствовалъ на сердце Настя и, чтобы не быть опрометчивымъ ни въ какомъ случаѣ, заставлялъ ее обнаруживать раждавшіяся въ ея душѣ новыя чувства къ новому другу. Вліяніе Аполлона Евсенча было такъ могущественно, что Настя, проводившая прежде каждый праздникъ и каждое воскресенье въ домѣ своей матери, теперь находила болѣе удовольствія проводить эти дни въ домѣ Омы Ильича, гдѣ могла блеснуть своимъ новымъ платьемъ,

сидящая на стуле Аполлона Есента. Ваня, шикши любимой свою сестру, въ одно воскресенье, рѣшился самъ идти въ домъ Любови Родіоновны, чтобы увидѣться съ Настей и узнать причину, почему она не породила мать и его своимъ побѣждениемъ. Мы зычашемъ сцену свиданія брата съ сестрой, сцену простую, безъискусственную, но исполненную толпы и протекшаго чувства.

«Вскочъ выбѣжала въ прихожую Настя, обняла брата и до защитнаго момента не знала въ первую минуту, что ему сказать. Малца она взяла его руку и потянула за собой. Когда они вошли въ маленькую комнату надъ стѣловой, братъ съ изумленіемъ увидѣлъ пышный нарядъ сестры. Сердце холодало чловѣка невозможно стѣнлого, но онъ скоро побѣдилъ себя и сказалъ почти ласково: «Какъ ты хороша сегодня, сестра! И какъ идешь къ тебѣ это платье!»

«Неожиданныя похвалы брата странно отговали въ умъ Настя; она слегка покрасѣла и сказала:» Любовь Родіоновна входить, что до сихъ поръ я одѣвалась слишкомъ просто.»

— А она знаетъ состояніе твоей матери? спросилъ Ваня; но опомниль продолжалъ кротко: «Впрочемъ точно ты должна угождать Любови Родіоновнѣ, тѣмъ болѣе, если и тебѣ это нравится. Я радъ, что ты весела; прощай, не забывай насъ.»

— Ахъ, постой, Ваня! Скажи, что дѣлаетъ мамаша? Каково ея здоровье?

— Все у насъ хорошо, сказалъ Ваня, со вздохомъ: ты довольна, а это первое условіе нашего счастья.... Прощай!

— Еще одну минутку! вскричала сестра и схватила брата за руку. Вспомниль щегольство Аполлона Есента, она дружески сказала: Ваня, какія у тебя жесткія руки! Отъ чего ты не носишь перчатокъ! Если бы ты видѣлъ, какія руки у мамы...

— У кого? спросилъ утриемо Ваня.

— У знакомыхъ Любови Родіоновны.

— А что тебѣ до ихъ рукъ?

— Маленькое щегольство принято въ нужнѣй, мнѣнн Ваня. Ты бы, напримеръ, вмѣсто этой ксивки купилъ себѣ атласный галстукъ, да еще модный жилетъ, какъ носятъ теперь, съ косымъ воротничкомъ, это премило. Все порядочные люди одѣваются по модѣ; въ модномъ платьѣ ты былъ бы прелесть, Ваня!

«Ваня съ возрастающимъ удивленіемъ слушалъ сестру и не узнавалъ свою добрую Настю, не имѣвшую прежде и понятія о

будетъ и модка. Въ груди молодого человека заняло. «Настя въ одномъ платьѣ, подумалъ онъ, была въ тысячу разъ прекраснѣе, ея украшала простота и смиреніе, а теперь она тщеславна и малодушна.» Такъ думая, Ваня печально посмотрѣлъ на сестру; она хотѣла спросить, о чемъ онъ задумался, но помѣшалъ ей вошедшій Аполлонъ Евсеевъ. Онъ бросилъ небрежный взглядъ на Ваню и, подавая ей руку, сказалъ: «Вась давно ждуть, все ищуть; а вы, князь ефалка, скрываетесь въ уединеніи; но сего сердце, всегда угадывающее вашъ пріютъ.»

«Настя свѣдалась отъ этого пріятеля; Аполлонъ же Евсеевъ сталъ пристально разсматривать ея брата, которому она торопливо сказала: «До свиданія, мой другъ; поклонись отъ меня маминѣ. Въ будущее воскресенье непременно постараюсь къ вамъ быть.»

«Сердце Вани раздиралось, когда онъ ушелъ отъ сестры, въ нѣтъ передъ нимъ разрушилось зданіе, строенное годами и многими пожертвованіями.»

Въ слѣдъ за этою прекрасною сценою описываются горести, размышленія и наконецъ свиданія Вани съ тремя литераторами, у которыхъ онъ рѣшился искать совѣта и ободренія своимъ литературнымъ опытамъ. Эти сцены, сколько онѣ ни занимательны сами по себѣ, вредятъ интересу разсказа, вредятъ и художественной отдѣлкѣ цѣлаго созданія, потому что лица выступаютъ на сцену не по необходимому цѣпленію обстоятельствъ, не по волѣ судьбы, связывающей ихъ существованіе неразрывными нитями съ существованіемъ героя романа, а только потому, что Ваня, пытая счастья, заходитъ нынче къ одному, завтра къ другому, а наконецъ къ третьему литератору; вездѣ натурально встрѣчаетъ что-нибудь новое; вездѣ вступаетъ въ разговоръ; и не смотря на интересъ этихъ новыхъ лицъ и ихъ идей, разсказъ неприятно прерывается такими эпизодами, тѣмъ болѣе, что эта связь сценъ, не совѣтъ художественная, довольно обыкновенна, чтобы не выразиться: избита. Талантъ автора, ярко блестящій на многихъ страницахъ романа, могъ бы пренебречь такую методю. Читая подобныя сцены, не знаешь, гдѣ авторъ положить нѣтъ границы, боясь, чтобы они не были безконечны; притомъ тогда, когда онѣ оканчиваются, не понимаешь, почему онѣ не продолжались долѣе или почему не прервались ранѣе. Повторяешь, что лица, въ романѣ, удерживаются за собою интересъ только тогда, когда являются въ слѣдствіе необходимости, а не какъ призраки, не какъ фантастическія фигуры, быстро сближающія другъ друга.

Послѣ посѣщеній, которыя дѣлаетъ Ваня литераторамъ, мы находимъ сцену, нѣсколько утрированную. Грохинъ, отуманенный идеями новѣйшихъ романоу и разнаго рода системъ, схваченныхъ съ воздуха, рѣшается освободить Настю изъ варварскаго, по его мнѣнію, дома Оомы Ильича и пріѣзжаетъ за ней, чтобы перевести ее не къ матери, а на свою квартиру! Но по-

слѣ этого опять является Аполлонъ Евсевичъ съ своими утонченными, мѣфистофелевскими идеями и приемами. Авторъ мастерски обрисовываетъ эти идеи и приемы, которыми Аполлонъ Евсевичъ старается покорить себѣ молодую дѣвушку. Онъ объявляетъ Настѣ, что дружба состоитъ «въ доставленіи удовольствія тому, кто пріятель или кого любишь» и требуетъ блаженства цѣловать ея ручки. Потомъ, опровергая со всею изворотливостію развращеннаго ума добрыя начала своей собеседницы, онъ заставляетъ ее признаться, что она считаетъ его своимъ другомъ и что любить его. Но страстиныя объясненія Аполлона Евсевича открыли Настѣ его намѣренія, и она съ презрѣніемъ отвергаетъ его искательства. Обиженное самолюбіе Аполлона Евсевича породило въ немъ мысль—вредить и мстить беззащитной дѣвушкѣ.—Вся эта сцена ведена прекрасно.

Аполлонъ Евсевичъ достигъ того, что Любовь Родіоновна отказала Настѣ отъ своего дома. Бѣдная дѣвушка, впервые испытавшая горькое разочарованіе, воротилась домой, но съ благодѣтельнымъ урокомъ жизни,—цѣнить въ людяхъ не наружность, а внутреннее достоинство. Въ томъ же домѣ, гдѣ жило ея семейство, она нашла теперь друга въ одной молодой и образованной вдовѣ. Не станемъ рассказывать судьбы этого интереснаго въ повѣсти лица; выпишемъ только нѣсколько словъ, которыми характеризуетъ его авторъ, умѣющій въ немногихъ словахъ, со всею ясностію, обрисовать нравственную фیزیономію лица. «Ея сердце было молодо и горячо, было обмануто первою любовью; силы его, почти дѣвственныя, не были расточены на мимутныя увлеченія, долго сдерживались удивленіемъ и наконецъ стали проситься на свободу, искали той искры, которая должна была зажечь пламень, таившейся подъ пепломъ». Эта искра была брошена Ванею, котораго она спасла своими заботами отъ смерти, когда душевныя страданія довели его до жестокой болѣзни. Во время этой же болѣзни, Лемовъ, другъ Вани, часто навѣщавшій больнаго, влюбился въ Настю.

Не рассказываемъ болѣе, потому-что не можемъ передать въ сухомъ очеркѣ содержанія послѣднихъ главъ, которыя по своему развитію, по обстановкѣ сцены могутъ быть оценены не иначе, какъ въ полномъ объемѣ. Для этого намъ слѣдовало бы выписать эти главы вполнѣ, но мы привели довольно мѣстъ изъ этого сочиненія, чтобы познать читателей съ талантомъ автора. Читатели могли замѣтить ясность и отчетливость изложенія, чистоту языка, вѣрный анализъ чувствъ и мастерское воспроизведеніе характеровъ.

Мы, вѣроятно, скоро будемъ имѣть случай говорить о новыхъ произведеніяхъ г-жи Корсики. На оберткѣ изящныхъ, разсмотрѣнныхъ нами, томиковъ, находимъ пріятное извѣстіе, что приготовлены уже къ печати слѣдующія сочиненія: *Любовь свѣтскихъ людей*, 1 т., *Удачная переписка*, 1 т., *Самолюбіе губить насъ*, 2 т., (книжка для дѣтей), и *Недоразумѣнія*, 3 т.

Смѣсь.

ЗАОЧНАЯ ЛЮБОВЬ. *Разсказъ Альфонса Карра.* Прекратилось хлопанье дверьми и замолкъ даже стукъ экипажей. Въ залѣ, освѣщенной множествомъ догоравшихъ восковыхъ свѣчъ, у потухавшаго камина, сидѣли двѣ особы, женщина, лѣтъ около тридцати, и мужчина, который, казалось, былъ нѣсколько помоложе.

— Я часто, въ своей жизни, имѣла случай проклинать людей, сказала баронесса.

— Надѣюсь, сударыня, что не учителей.

— Нѣтъ, Рауль, это тѣхъ, которые уѣзжаютъ съ бала въ два часа утра и увлекаютъ за собою все общество. Прекращая танцы къ двумъ часамъ, налагаютъ на васъ самый тяжкій трудъ— всю остальную ночь повертѣться на постели. Знаю на-вѣрное, что мнѣ придется, по крайней мѣрѣ, еще часа два мучиться безъ сна. Пожалуйста, Рауль, побудьте со мною; дѣти мои сегодня утомилась, и я позволила имъ встать завтра попозже; значитъ, и профессоръ можетъ сдѣлать то же. Разскажите мнѣ какую-нибудь исторію, или лучше отвѣтите на одинъ вопросъ: которая изъ всѣхъ женщинъ, какихъ вы когда-либо знали, вамъ показалась самою прекрасною?

— Не считая васъ, сударыня?

— Да, исключая меня.

— Такъ это та, которой я никогда не видалъ.

— Вотъ странность.

— Не совсѣмъ: я сужу о красотѣ не по математическимъ размѣрамъ лица и тѣла, но по произведенному на меня впечатлѣнію; самая страстная, самая пламенная, самая поэтическая лю-

бовь, какую я испыталъ на своемъ вѣку, была внушена мнѣ женщиною, которой я никогда не видалъ въ лицо.

— Не исключая даже и той дамы, въ голубомъ платьѣ, которую я просила васъ пригласить на танцы?

— Которую напередъ вы такъ расхвалили мнѣ?

— Да.

— Я не видѣлъ ея. Лишь только я хотѣлъ пробраться къ ней сквозь толпу танцоровъ, она вышла изъ залы, подавъ руку другому болѣе счастливому меня.

— Или болѣе ловкому.

— И я видѣлъ только голубое ея платье, по которому вы вѣдали мнѣ примѣтить ее.

— Расскажите мнѣ, Рауль, вашу исторію. Она длинна?

— Напередъ сказать не могу. Если я буду руководиться одною памятью, она будетъ коротка, потому-что въ ней не много встрѣчается приключеній, нѣтъ непрерывныхъ завязокъ; но если, при разсказѣ, воображеніе мое перенесется въ былое время, если снова пробудятся живыя движенія сердца, я ни за что не могу отвѣчать.

— Нужды нѣтъ: если она будетъ хороша, я забуду свою безсонницу; а если скучна, такъ усыпить меня.

— Значить, я могу быть увѣренъ въ благосклонности моихъ слушателей. Это вниманіе такъ лестно, что нельзя не воспользоваться имъ. Я начинаю.

— Позвоните; пусть подложатъ дровъ въ каминъ.

— Я самъ это сдѣлаю.

— Вы прямой ораторъ: боитесь, чтобы минутное присутствіе слуги не уничтожило моего расположенія слушать вашу повѣсть и не разсѣяло моихъ мыслей.

— Нѣтъ, я скорѣе, можетъ быть, жалѣю прислугу, которой и безъ того сегодня было много хлопотъ.

— О, вы большой филантропъ! Ну, начинайте же.

— Мнѣ было двадцать лѣтъ... ,

— Я угадывала это.

— Почему?

— Потому-что только въ этомъ возрастѣ предаются такимъ необдуманнѣмъ, такимъ романтическимъ, безразсуднымъ страстямъ.

— Скажите лучше, такимъ благороднымъ, чистымъ, истиннымъ. О, если бы женщины видѣли сколько любви заключается въ сердцѣ двадцатилѣтняго юноши къ первой обожаемой имъ женщинѣ; если бы чувствовали всю преданность, все уваженіе, какія онъ питаетъ къ предмету своей страсти; если бы знали,

что для любящаго юноши онѣ составляютъ жизнь со всѣми ея наслажденіями, эдемъ съ ея таинственными радостями; если бы понимали, что онѣ сосредоточиваетъ на своей возлюбленной всѣ человѣческія страсти! Слава для него — быть любимымъ ею; гордость — любызать ея волосы; счастье — хранить первое ея поцѣлуе, полу-истертое поцѣлуями! Но, по своему безразсудному пристраіію къ неопытному юношѣ, по своему странному предпочтенію съ существамъ пресыщеннымъ, потерявшимъ всякое чувство прекраснаго, женщины предоставляютъ гризеткамъ и горничнымъ наслаждаться этою истинною, пламенною, безкорыстною любовію! Упоительно-благоуханной розѣ суждено разцвѣтать на кучѣ мусора!

— Позвольте, господи́нь профессоръ, ваше отступленіе не можетъ обойтись безъ возраженій: во-первыхъ, не всѣмъ дано испытывать эту первую любовь, которую вы такъ живописно изобразили; только существа, богато одаренныя природою, способны чувствовать ее. А сверхъ того, ужели вы думаете, что не унижительно для женщины, когда ее обожаютъ за мнимыя прелести, расхваливаютъ за воображаемыя совершенства; развѣ ей не досадно быть только зеркаломъ, въ которомъ отражаются блестящія мечты ея возлюбленнаго? Повѣрьте мнѣ, гораздо пріятнѣе и надежнѣе быть любимою за то, что имѣешь, за свою красоту, за свои качества, а не быть просто полотномъ, которое восторженный поклонникъ покрываетъ яркими красками. Посмотрите, сколько есть предметовъ, недостойныхъ тѣхъ пламенныхъ страстей, какія питаютъ къ нимъ, и вы убѣдитесь, что женщины обожаютъ потому только, что не могутъ любить.

— Ахъ, сударыня, оглянитесь на прошлое, и вы увѣритесь, что все доброе, все прекрасное въ жизни человѣческой, существуетъ только въ нашемъ воображеніи. Мечты — лучшее богатство человѣка; прежде чѣмъ отбросишь ихъ, надо узнать, существеннѣе ли, истиннѣе ли то, чѣмъ думаешь замѣнить ихъ. А любовь едва ли можетъ назваться мечтою: это чары, которыми даритъ насъ душа; они существенны, мы наслаждаемся ими въ дѣйствительности; любовь, столько могущественная нааъ тѣмъ, кто ее испытываетъ, имѣетъ такое же сильное вліяніе и на ту, которая внушаетъ ее, и если мы представляемъ васъ на высотѣ, такъ это наша любовь возвышаетъ васъ.

— Вѣроятно, вы въ состояніи наказать мнѣ еще много прекраснаго объ этомъ предметѣ, но я боюсь такой любви, которая поставитъ меня на пьедесталъ, гдѣ я не смѣла бы пошевелиться, изъ опасенія, чтобы не упасть и не сломить себѣ шен. Начнете ли вы вашу исторію?

Рауль началъ:

«Уже нѣсколько мѣсяцевъ я прожилъ на берегахъ Бретани. Принявъ на себя обязанность наставника двухъ сыновей послѣдняго члена одной знатной фамили, я съ удовольствіемъ отправился съ своимъ патрономъ въ его лѣтнюю резиденцію. Это прекрасное, немного обветшалое, но за то чрезвычайно живописное жилище; оно такъ близко расположено къ морю, что волны почти постоянно бьются о невысокую скалу, служащую ему основаніемъ. Деньъ я посвящалъ занятіямъ съ моими воспитанниками, или прогулкамъ съ ними по берегу моря. Вечеромъ, игралъ въ шахматы съ ихъ отцомъ и пилъ съ нимъ пуншъ.

«Однажды, выпивъ болѣе обыкновеннаго, я не могъ заснуть и вышелъ въ садъ. Наслаждаясь тишиною и свѣжестью ночи, я вдругъ услышалъ пріятный женскій голосъ, напѣвавшій одну бретанскую пѣсню. Долго я напрасно искалъ, откуда несся этотъ голосъ, который, казалось, слеталъ съ неба или, по крайней мѣрѣ, съ высокихъ, густыхъ деревьевъ, разсаженныхъ около садовой стѣны. Наконецъ, я замѣтилъ огонекъ въ небольшомъ окнѣ, прикрытомъ зеленью. Безъ всякаго сомнѣнія, окно принадлежало дому, примыкавшему къ стѣнѣ: въ этомъ домѣ жила только двѣ женщины и нѣсколько человекъ ихъ прислуги. Голосъ замолкъ, и свѣтъ погасъ. Еще нѣсколько времени я оставался въ саду подъ магическимъ впечатлѣніемъ. Ночью, я съ трудомъ могъ заснуть; но на утро, уже не думалъ болѣе ни о чемъ.

«Между-тѣмъ, съ наступленіемъ вечера, сумерки напомнили мнѣ о маленькомъ окнѣ и миломъ голосѣ, и я, какъ только кончилъ партію въ шахматы, вышелъ въ садъ. Въ окнѣ, по-вчерашнему, былъ огонь, который, между густою зеленью деревьевъ, скорѣе походилъ на червячка, свѣтящагося въ травѣ. Но голоса не было слышно. Умъ мой терлся въ неопредѣленныхъ мечтахъ; я старался представить въ своемъ воображеніи хозяйку этой комнатки. Судя по ея голосу, я могъ сдѣлать только одно заключеніе, что она должна быть молода.

«Прошло нѣсколько дней, я сталъ-было забывать о своей мечтѣ. Однажды, прогуливаясь съ своими воспитанниками по морскому берегу, я увидѣлъ мальчика, который иногда приходилъ въ нашъ домъ съ плодами. Я подозвалъ его къ себѣ и, случайно или отъ нечего говорить, спросилъ его, откуда онъ идетъ.

«Да ужъ я бѣгалъ, бѣгалъ, отвѣчалъ мальчикъ, и все даромъ: госпожа Пранна сердится, что не можетъ достать цвѣтовъ къ

имянинамъ своей матери; а сѣверный вѣтеръ нынче всѣ цвѣты сгубилъ въ садахъ.

«— Кто эта госпожа Полина? спросилъ я.

«— Это ваша сосѣдка: добрая барышня, и прекрасная, какъ ангелъ. За то, что я иногда ей услуживаю, она учитъ меня читать и писать, чтобы, со временемъ, и мнѣ можно было за-нять должность клерка.

«Мое любопытство было затронуто, и я сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ. Я узналъ, что моя сосѣдки никуда не выходятъ; что маленькое окно, закрытое деревьями, принадлежитъ Поли-нѣ, и что эта комнатка служить ей спальнею. Мечты своа закружились въ моей головѣ, и остальное время прогулки мы-сли мои сосредочены были единственно на Полину. Когда вос-питанники мои возвратились домой, я отправился къ одному садовнику, у котораго, я зналъ, всегда было можно достать какихъ угодно цвѣтовъ.

«Ночью, когда былъ увѣренъ, что всѣ уже спали, я вскараб-кался на одно изъ деревьевъ, окружавшихъ домъ, гдѣ жила Полина; сердце мое сильно забилось, когда я приблизился къ самому окну ея спальни; окно было закрыто, въ комнатѣ не было свѣта. Я прикрѣпилъ къ окну букетъ цвѣтовъ и спустился внизъ съ незначительнымъ ушибомъ и съ порядочной царапиной.

«Я не смѣлъ явиться въ садъ въ то время, когда она долж-на была увидѣть цвѣты; но на другой день, я замѣтилъ, что цвѣтовъ уже не было.

«Я тотчасъ же позвалъ къ себѣ маленькаго комиссiонера Полины; мнѣ прiятно было говорить со всякимъ, кто видѣлъ ее, кто слышалъ ея голосъ. Я также хотѣлъ чему-нибудь научить его и далъ ему нѣсколько уроковъ въ ариметикѣ. Вскорѣ послѣ начатiя нашихъ уроковъ, онъ сказалъ мнѣ: «Госпожа Полина очень довольна, что я учусь считать; она говорила, чтобъ я никогда не забывалъ вашихъ заботъ обо мнѣ.» Узнавъ изъ этого, что онъ говорилъ обо мнѣ съ Полиной, я опасался слишкомъ много дѣлать ему вопросовъ о ней. Однажды, я замѣтилъ на шляпѣ Луи голубую ленту, которою онъ, казалось, очень гордился: онъ сказалъ мнѣ, что эту ленту подарила ему госпожа Полина. Я предложилъ ему за ленту нѣсколько денегъ, но онъ рѣшительно отказался разстаться съ нею. По лентѣ я заключилъ только, что моя сосѣдка должна быть блондинка. Все это чрезвычайно занимало меня.

«Въ одинъ вечеръ, при закатѣ солнца, поднялся чрезвычайно сильный юго-западный вѣтеръ, море страшно бушевало. Волны, поднимавшіяся высоко, казались, хотѣли поглотить землю. Часъ

отъ часу буря свирѣпла. Все населеніе было въ ужасномъ безпокойствѣ: нѣсколько судовъ, вышедшихъ на ловлю, еще не возвратились. Женщины и дѣти вышли на берегъ и напрасно смотрѣли вдаль. Деревянный крестъ, стоявшій у церкви, былъ окруженъ молящимися.

«Я возвратился домой, чтобы не пропустить времени, когда появлялся огонекъ между зеленью деревьевъ. Въ комнатѣ было свѣтло; я услышалъ нѣжный голосъ: «Женева, завтра лишь только встанешь, приди ко мнѣ сказать, не случилось ли какого несчастія. Эта буря пугаетъ меня.» Потомъ, хлопнули дверьми, и свѣтъ въ комнатѣ сдѣлался слабѣе. Минуту спустя, я услышалъ молитву къ Пресвятой Дѣвѣ, покровительницѣ моряковъ. Съ благоговѣніемъ внималъ я этой молитвѣ; и, по невольному движенію, самъ опустился на колѣни, чтобы вмѣстѣ молиться.

«Послѣ того, я возвратился на берегъ: не болѣе, какъ на два ружейныхъ выстрѣла отъ берега, видѣлись два судна; но море съ такимъ бѣшенствомъ бросало ихъ съ волны на волну, что несчастные рыбаки каждую секунду должны были ожидать неизбѣжной гибели.

«Вдругъ вѣтеръ пересталъ свистѣть, и только слышался едва ли глухой стонъ; море, во всю ширину, поднялось горою; оно какъ будто касалось неба; и эта безграничная волна, клубясь и пѣнясь, всюю массою понеслась на берегъ. Крикъ отчаянія вырвался у всѣхъ бывшихъ на берегу. Два судна взлетѣли на волнѣ и потомъ исчезли изъ глазъ.

«Вскорѣ суда появились снова, но такъ были разбиты волнами и взаимнымъ ударомъ одно о другое, что едва держались на водѣ. Волна подняла ихъ и, бросивъ на берегъ, далеко раскатилась по песку; но на обратномъ пути, она подхватила суда и снова увлекла ихъ на нѣкоторое разстояніе. Между тѣмъ, нахлынулъ другой валъ и опять бросилъ ихъ на берегъ; въ этотъ разъ, суда разбились на части. Рыбаки, исключая одного взрослого и другаго мальчика, были спасены.

«Среди этого ужаснаго зрѣлища, Полина ни на минуту не выходила у меня изъ головы. Я желалъ, чтобы представился случай, гдѣ бы я могъ оказать какую-нибудь пользу. Я былъ влюбленъ, и любилъ любовію благородныхъ душъ, тою любовію, которая возвеличиваетъ и возвышаетъ насъ, и требуетъ самопожертвованій. Море выкинуло на берегъ тѣло мальчика: всѣ считали его умершимъ; но я видѣлъ въ немъ еще искру жизни и старался подать помощь. Я имѣлъ счастье привести его въ чувство. Мать не имѣла времени поблагодарить меня и унесла

своего сына. Я возвратился домой и на-окаро написал на до-
скутки бумажки: *Бурей разбила два судна. Кромь Якова, все*
испаяны.

«Потомъ, я вѣзъ на дерево и прикрѣпилъ записку къ окну.

«На другой день, подъ вечеръ, я прогуливался въ саду; вдругъ подошло ко мнѣ нѣсколько человекъ, они схватили мои руки и осыпали ихъ вонючими: это были родственники спасеннаго мною мальчика. Я былъ тронутъ этою благодарностію и инстинктивно взглянулъ на маленькое окно; я замѣтилъ, что кто-то быстро отскочилъ отъ него. Зидчить, Полина видѣла меня; сердце мое пріятно сжалось.

«На-завтра, около полудня, окно было открыто; я взобрался на дерево и могъ видѣть комнату; она меблирована была очень просто. Я съ трепетомъ смотрѣлъ на чистую постель, на коверъ, по которому ступали ножки Полины, и на маленькія сазанья туюл. Я по всему дѣлалъ заключенія, по величинѣ туюл и по забытымъ на столѣ перчаткамъ. Представьте мою радость, когда на залитыхъ окна я нашелъ два длинныхъ водо-са, которые, безъ сомнѣнія, вчаянно зацѣпились нагазундъ, когда Полина, при моемъ взглядѣ, быстро отскочила отъ окна.»

— И эти волосы были свѣтлорусые и чрезвычайно тонкіе, замѣтила баронесса.

Рауль останавливаясь на минуту и съ изумленіемъ взглянулъ на свою слушательницу. Но полагая, что эти слова были сказаны случайно или въ сдѣлствіе общаго описанія героини романа, онъ продолжалъ, открывъ свой перстень:

«Вотъ эти волосы, я никогда не расстаюсь съ ними.

«Я послѣдилъ увидѣться съ маленькимъ Луи. Полина сдѣлала ему нѣсколько обо мнѣ вопросовъ. Она видѣла благодарность рыбаковъ и говорила, что, смотря на радость этихъ добрыхъ людей, она не могла удержаться отъ слезъ.

«Драгоценныя слезы. Я отдалъ бы половину крови за то, чтобы владѣть платкомъ, которымъ онѣ осушались. — «Я пойду, сказалъ Луи, можетъ-быть, госпожѣ Полинѣ что-нибудь нужно; она, должно быть, уже возвратилась.»

«— Возвратилась! вскричалъ я; развѣ она куда ходила?»

«— Да, она ушла, съ своею матушкою, къ обѣднѣ.

«Я побѣжалъ къ церкви. Луи послѣдовалъ за мною. Только что мы вышли, онъ указалъ мнѣ вдали на двухъ женщинъ: *Вотъ она.* Я видѣлъ только складки бѣлаго платья той, которая шла впередъ. Луи сказалъ мнѣ: *Эта она,* и пошелъ за нею въ домъ. Я съ восторгомъ вернулся назадъ.

«Однажды, вѣчный вечеръ не видѣла огня въ комнатѣ По-

лины. На другой день я узналъ, что мать ея очень нездорова, и что послали уже въ городъ за лекаремъ. Я тотчасъ же сѣлъ на лошадь и во весь опоръ помчался къ доктору. Посланный monkъ собесѣдокъ былъ еще на половинѣ дороги, а между-тѣмъ докторъ уже явился къ больной, потому-что я отдалъ ему свою лошадь, а самъ вернулся пѣшкомъ.

«Я часто спрашивалъ у лекаря о состояніи больной; онъ отвѣчалъ мнѣ, что нѣтъ никакой надежды, что болѣзнь можно протянуть еще на мѣсяцъ, но во всякомъ случаѣ, мать Полины не можетъ остаться въ живыхъ.

«Отзывъ медика чрезвычайно безпокоилъ меня; я представлялъ себѣ отчаяніе молодой дѣвушки, ея сиротство, одиночество. Ничто не давало мнѣ права предложить ей свое утѣшеніе, поддержать ее въ минуты скорби, которыя приближались къ ней съ каждымъ днемъ.

«Разъ, когда я говорилъ съ лекаремъ, какой-то человекъ вышелъ отъ отца monkъ воспитанниковъ и, остановившись вблизи насъ, казалось, съ большимъ вниманіемъ вслушивался въ нашъ разговоръ. Лишь только мы разстались съ лекаремъ, незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: — «Это плохой лекарь; онъ уморитъ свою больную; ей непременно надо пустить кровь.»

«— Ахъ, милостивый государь, вскричалъ я, схвативъ его за руки, ради Бога, зайдите къ ней и спасите ее!

«— Я этого сдѣлать не могу, отвѣчалъ онъ, я самъ медикъ, и не могу идти на-перекоръ своему собрату. Притомъ же мнѣ дорога каждая минута; если промедлю съ четверть часа, я могу потерять все и лишиться своихъ дѣтей послѣдняго куска. Велите вашему лекарю пустить больной кровь, и она спасена.

«— Милостивый государь, вы совершенно увѣрены въ этомъ? спросилъ я.

«— Повѣрьте мнѣ, я сѣрокъ лѣтъ занимаюсь медицинскою практикою, и на-обумъ никогда не лечилъ больныхъ; я въ этотъ разъ я еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь, увѣренъ въ спасительности моего средства.»

«Съ этимъ словомъ, онъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ.

«Я по-прежнему прикрѣпилъ къ окну слѣдующую записочку:
«*Ради Бога, велите пустить вашей матушкѣ кровь. Одинъ опытный докторъ увѣрилъ меня, что кровопусканіе спасетъ ее.*»

«Три дня я не слышалъ ничего о состояніи больной; ужасная тоска мучила меня. На четвертый, я чрезвычайно былъ изумленъ, увидѣвъ свою записку прикрѣпленную къ окну, тогда какъ прежде ея тутъ не было. Что бы это значило?

«Я постарался достать ее; но то была уже другая бумажка, съ надписью: *Сильфъ или ангелъ, благодарю.*

«Это писала она. Мать ея была спасена; она чувствовала необходимость отблагодарить меня.

«Черезъ нѣсколько времени, мнѣ нужно было отлучиться изъ дома, дней на восемь. Когда я возвратился, мать и дочь уже оставили деревню. Я былъ пораженъ. Никто не зналъ куда онѣ уѣхали: мнѣ могли только сказать, что *она не возвращается*. Я посѣдѣлъ также оставить эти мѣста, которыя сдѣлались для меня невыносимы: два года я провелъ въ путешествіяхъ; это нѣсколько уменьшило мою печаль, но не искоренило глубокой задумчивости. Послѣ того, я былъ принятъ въ вашемъ домѣ.»

— Благодарю васъ за разсказъ, любезный Рауль, сказала баронесса. Но надо вамъ сказать, что никогда слушатели не были такъ благосклонны: я слушала вашу исторію, а между-тѣмъ знала ее.

Рауль знакомъ выразилъ удивленіе.

— Я доскажу вамъ конецъ: Полина вышла замужъ и черезъ годъ сдѣлалась вдовою.

— Ахъ, сударыня, возразилъ Рауль, это жестокая шутка.

— Я не шучу. Я отъ нея самой слышала вашу исторію; и теперь, какъ я вамъ говорю, она отправляется къ своей матери, которая уже поселилась въ домѣ съ маленькимъ окномъ.

— Какъ, вы знаете ее?

— Это та дама, въ голубомъ платьѣ....

— Ужели!

— Это Полина.

— Она уѣхала?

— Уѣхала.

— Въ Бретань?

— Да. Если бы вы представились ей, какъ я вамъ совѣтовала, она на-вѣрное узнала бы васъ.

— Какъ! вы знали, что въ ея исторіи шло дѣло обо мнѣ?

— Нисколько.

На другой день Рауль отправился въ дорогу. Пока онъ ѣдетъ, срывается съ почтарями, проклинаетъ путешественниковъ, досадуется на малѣйшую остановку, мы посмотримъ, что проискочитъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда онъ возвращается.

Полина прибыла къ своей матери наканунѣ пріѣзда Рауля, Она съ нѣкоторымъ волненіемъ вошла въ свою прежнюю комнату; она снова увидѣла своего воспитанника, своего любимца. Луи сдѣлался уже славнымъ молодымъ; но смерти дяди, онѣ

занялъ должность клерка. Онъ чрезвычайно обрадовался возвращенію Полины. Онъ ей былъ обязанъ занимаемое нѣтъ должностію и тѣмъ уваженіемъ, какое оказывали ему поселене. На другой день, послѣ своего прѣзда, Полина захотѣла видѣть море. Погода была прекрасная, ни одно облачко не помрачало небесной лазури; прозрачную, спокойную поверхность моря лишь изрѣдка рябилъ легкій восточный вѣтерокъ.

Луи предложилъ прогуляться въ лодкѣ; ясная погода побудила принять его предложеніе.

Что можетъ быть пріятнѣе прогулки по водѣ! какъ морской воздухъ освѣжаетъ голову! какъ умъ становится свободнымъ и отбѣляется отъ всѣхъ заботъ, оставляя ихъ на землѣ!

Какая гармонія можетъ сравниться съ журчаніемъ воды подъ рулемъ и съ плесками ея о борты судна! Сколько очаровательныхъ мечтаній охватываютъ тогда воображеніе и лелѣютъ его!

Полина вполнѣ предастся прелестямъ этой прогулки. Между вседневыми происшествіями человеческой жизни, въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ, проведенныхъ вдаль, Полина очень скоро забыла Рауля. А въ это время, мечты ея невольно перенеслись въ прошедшее; питая въ умѣ ея какую-то неопредѣленную надежду; снова увидѣвъ свой домъ, свою комнату и маленькое окно, она вспомнила объ ангелѣ или сирѣбѣ, который такъ преданъ былъ ей и предупреждалъ всѣ ея желанія.... Но Луи, какъ клеркъ, былъ плохой морякъ. Неправильными оборотомъ руля онъ слишкомъ накрепко закрепилъ лодку и ужасно перепугалъ Полину и ея мать. По невольному движенію, онѣ обѣ бросились на противоположную сторону, и лодка, потерявъ равновѣсіе, перевернулась.

Ужасный крикъ раздался на берегу.

Въ эту минуту какой-то человекъ, верхомъ на лошади, скакалъ вдоль берега.

Онъ старался придать своей лошади крылья и въ минуту уже былъ противъ того самаго мѣста, гдѣ случилось несчастіе.

— Что это? что это значитъ?

Ахъ! вотъ бѣлое ея платье колышется на водѣ!

Онъ бросается въ воду.

Море чисто, снежной отражаетъ въ себя небесную лазурь. Прекрасное заходящее солнце ризуется въ безграничной синевѣ водъ своими пурпуровыми и огненными цвѣтами.

Онъ скоро доплылъ до платья; но онъ не былъ способенъ плыти, позволилъ Полину схватиться за свои руки, и они оба встали. На другой день, морскій вращивомъ вынесло на берегъ трупы матери Полины и Луи. Два другіе трупа были

судорожно сжаты, на ихъ искаженныхъ страданіемъ лицахъ выразалось отчаяніе: то были Рауль и Полна.

ЭМАНСИПРОВАННЫЯ ЖЕНЩИНЫ ЧЕТЫРНАДЦАТАГО ВѢКА.
Въ одной изъ хроникъ монастыря Св. Винсента въ Испаніи, описано одно весьма забавное приключеніе.

Въ 1372 году, 10 апрѣля, говоритъ Герера, авторъ этой хроники и извѣстный испанскій писатель, въ то время, какъ всѣ братья собирались идти къ вечернѣ, на площади Палосской сдѣлалось страшное смятеніе. Шумъ увеличился до того, что настоятель нашего монастыря далъ мнѣ приказаніе отправиться съ тремя братьями на площадь и изслѣдовать въ чемъ было дѣло.

Придя на площадь, мы увидѣли не безъ удивленія около двухъ сотъ женщинъ, вооруженныхъ пиками и палашами. Онѣ веревались пребраться къ морю, но чернь, повинуящому, не хотѣла пропустить ихъ и старалась всячески загородить имъ дорогу.

Начальница отряда женщинъ лишь только замѣтила меня въ толпѣ, тотчасъ подошла ко мнѣ и объявила, что беретъ меня въ посредники: «Я-донья Мерседесъ де Каза-Реаль, сказала она. «Будучи ослѣвлена страстью, я слѣдовала повсюду за путешественникомъ Хилемъ Перейрою. Всѣ знаютъ какими низкими поступками, какими обидами отвѣчалъ онъ на мою любовь. Я срубилась собрать всѣхъ женщинъ, которыя, подобно мнѣ, оскорблены вашимъ поломъ; мы намѣрены составить отдѣльную область и изгнать изъ нея всѣхъ мужчинъ. Для этого мы «готовили мы, на свои собственныя издержки, корабль, который уже ждетъ насъ въ гавани, и ѣдемъ искать, мнѣ вредѣлоу «отечества, убѣжища, гдѣ могли бы жить свободными отъ несчастнаго рабства мужчинъ. Горе тѣмъ, которые осмѣлятся насъ останавливать!»

Я принялся-было усовѣщивать довью Мерседесъ, старался отклонить ее отъ исполненія столь сумасброднаго предпріятія и съ сочувствіемъ убѣждалъ, что всѣ мои просьбы, всѣ мои увѣщанія были напрасны. Ничто не могло поколебать твердой ея рѣшимости. Въ толпѣ стали раздаваться угрозы и крики: *muerao las enmigas de los hombres* (умертвите врагинецъ мужчинъ).

Послѣ тщетныхъ попытокъ усовѣщанія своихъ взглянокъ я видя всю опасность, которой онѣ подвергались отъ нападенія изволнованной черни, я усмирилъ съ большимъ усиліемъ, отчасти ласкою, отчасти угрозами, окружающую меня толпу.

Донья Мерседесъ де Каза-Реаль и ея спутницы сѣли на корабль, и къ вечеру онъ отплылъ изъ гавани. Страшная буря, свирѣпствовавшая въ продолженіе цѣлой ночи, заставила меня сильно опасаться за жизнь прекрасныхъ пассажировъ. Я считалъ ихъ уже навѣрно погибшими.

Посудите же, каково было мое удивленіе и радость, когда я узналъ, что вся эта женская колонія благополучно пристала къ берегамъ острова Граціозы, находящагося въ архипелагѣ Азорскихъ острововъ.

Амазонки острова Граціозы дѣйствительно прервали всѣ сношенія съ мужчинами. Только однажды въ году, въ маѣ мѣсяцѣ, назначена была экспедиція, съ тѣмъ, чтобы завлечь на островъ или обитателей сосѣднихъ острововъ, или матросовъ какого-либо европейскаго корабля. Послѣ праздника, продолжавшагося не болѣе двѣнадцати часовъ, всѣ мужчины были выпроваживаемы съ острова, безъ всякой надежды на вторичное посѣщеніе. Женщины брали всѣ возможные мѣры, чтобы воспрепятствовать хотя одному мужчинѣ поселиться на ихъ островѣ.

ПРЕДУСЛОВІЕ МАТЕРИ. Одинъ креоль, бывшій свидѣтелемъ ярости гнѣва черныхъ, разсказывалъ слѣдующій случай. Единственный сынъ одного негра пропалъ изъ своего жилища, и отецъ его, приписывая эту пропажу нерадѣнію своихъ господъ, рѣшился жестоко отомстить имъ.

У г-на и г-жи Б... была дочь пяти лѣтъ, прелестная дѣвочка, отъ которой родители были безъ ума. Пинто (такъ назывался Негръ), сговорился съ своими товарищами убить этого ребенка, или по крайней мѣрѣ задержать, пока сынъ его не отыщется.

Семейство Б..., узнавъ о заговорѣ, бѣжало, такъ же какъ и другіе, при свѣтѣ факеловъ, и преслѣдуемые кинжалами, достигли до ближайшей саванны. Супруги, братья, друзья всѣ, уже два дня скрывались въ чащѣ лѣса; вдругъ ужасный пожаръ, произведенный Неграми, заставлялъ ихъ выйти изъ послѣдняго ихъ убѣжища.

Нѣтъ ничего ужаснѣе пожара въ саваннахъ! Представьте себѣ тысячи смолистыхъ деревьевъ, зажигающихся постепенно, какъ взрывы огромнаго фейерверка. Вы тамъ увидите и вертящіяся шты и лопающіяся ракеты, круги всѣхъ цвѣтовъ, букеты, ужаснѣйшій трескъ, потоки пламени, искръ и дыма.

Видя не минуемую опасность, г-жа Б... не хотѣла поручить никому присмотрѣть за дочерью. Она взяла ее на руки и побѣжала вѣтѣть съ другими искать себѣ убѣжища. Вскорѣ отъ усталости она не могла поспѣвать за ними и, въ страхѣ, не

замѣтила, что сбилась съ дороги, и очутилась одна въ непроходимомъ и пустынномъ мѣсту.

Утомленная, обезсиленная, она остановилась и увидѣла, что мимо ея пробѣгали дикіе звѣри, гонимые пожаромъ.

Можно себѣ представить ея ужась, при видѣ подобной картины!

Но вскорѣ она была поражена еще сильнѣйшимъ ужасомъ. Она увидѣла въ недалекомъ разстояніи шайку черныхъ, подъ предводительствомъ Пинто, съ факелами и книжалами. Они искали дочери г-жи Б..., чтобъ убить ее.

Пинто съ этимъ намѣреніемъ зажечь саванну; онъ преслѣдовалъ свое мщеніе черезъ это море огня и дыма.

Г-жа Б... думаетъ только о спасеніи дочери... Она бросается въ самую чашу, царапаетъ себѣ руки и лицо, чтобъ только найти неприступное убѣжище... Вдругъ она отступаетъ назадъ съ восклицаніемъ ужаса... Передъ нею—логовище разъяренныхъ львицъ, оскалившихъ зубы, съ ужаснымъ рыканіемъ, и готовыхъ истерзать всѣхъ, кто приблизится къ ихъ дѣтямъ, которыя скрывались за ними какъ за стѣной.

Она рѣшается на отчаянное средство.... Бросаетъ дочь въ неприступное логовище, а сама безъ памяти падаетъ въ кусты.

Она опомнилась черезъ два часа послѣ того; какова была ея радость, когда она увидѣла себя посреди родныхъ и между ними дочь свою, которая была здрава и невредима; Пинто стоялъ на колѣнахъ передъ нею и ожидалъ, чтобъ она пришла въ себя, чтобы испросить себѣ прощеніе...

Ей рассказали все, что случилось и какъ ея предчувствіе оправдалось.

Негры не замѣтили ея въ кустахъ, но увидѣли ея дочь между львицами. Чтobъ достигнуть до своей жертвы, они начали бой съ дикими звѣрями. Нѣсколько Негровъ были опасно ранены. Ярость львицъ увеличивалась по мѣрѣ опасности, ожидавшей ихъ дѣтей. Наконецъ Негры одолѣли ихъ, и черезъ пораженныхъ непріятелей они проникли до самаго гнѣзда.

Пинто уже схватилъ дѣвочку и держалъ книжалъ надъ нею, но одинъ изъ его товарищей, удерживая его руку, сказалъ ему съ чувствомъ:

— Неужели мы будемъ безжалостнѣе и злѣе дикихъ звѣрей, которые пощадилъ этого ребенка. Не господа твои виноваты въ потерѣ твоего сына; я похитилъ его, чтобъ продать. Я знаю, гдѣ онъ, и возвращу тебѣ его черезъ часъ.

И такъ г-жа Б..., не будучи въ состояніи защитить свою дочь, спасла ее, отдавъ подъ защиту львицъ. Сердце матери сказало

ей, что эти матери будутъ защищать своихъ дѣтей до послѣдняго издыханія, а Провидѣніе домыслило остальное и услышало ея молитву.

— И вотъ, дѣтя, спасенное какъ Давидъ, прибавилъ авторъ этого разсказа, показывая на жену свою, которая сдѣлала волю его.

Что касается до Пинто, раскаяніе и преданность всей его жизни загладили его преступленіе; съ тѣхъ поръ, онъ не переставалъ быть вѣрнѣйшимъ нашимъ слугою.

Разскащикъ всталъ и послѣдовалъ за старымъ Негромъ, который доложилъ ему, что карета подана.

ИГРА ПРИРОДЫ. Въ селѣ Лозакъ, въ 18... было двое близнецовъ, мальчикъ и дѣвочка, которыхъ звали Матюренъ и Матюрина. Вамъ конечно извѣстно, что во всѣхъ романахъ, близнецы походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды; что у нихъ всегда одно сердце, одинъ умъ, одни мысли. Природа, которая часто идетъ наперекоръ романистамъ, сдѣлала тутъ совершенно противное. Она вложила мужественную душу, въ дюжее тѣло Матюрины и женскую душу въ слабое тѣло Матюрена. Когда эти двое дѣтей пасли коровъ на пажитяхъ, и если надо было перелезть высокій тынъ, или перескочить черезъ протокъ, или разорить гнѣздо сорокъ на верхушкѣ дерева, сестра храбро бросалась первая, и рѣдко случалось, чтобъ братъ осмѣливался слѣдовать за нею. Онъ думалъ, что бѣдняжка разобьется, становился на колѣна, молился за нее на другой сторонѣ протока, или подъ деревомъ, или на скатѣ вала. Нѣсколько разъ онъ убѣгалъ и прятался отъ волка, тогда какъ Матюрина, обративъ свое веретено въ палку, дожидала непріятеля съ оружіемъ въ рукѣ и прогоняла его съ помощію своей доброй собаки. Матюренъ показывался, когда опасность проходила, пристыженный, но благодарный; становился на колѣни передъ своей сестрой, удивлялся ей, благодарилъ, цѣловалъ со слезами и клялся быть мужественнѣе, при первомъ встрѣтившемся случаѣ. Случай приходилъ, а мужество не показывалось. Бѣдный мальчикъ былъ уже такимъ отъ природы; онъ не могъ себя передѣлать...

Вообразите его страхъ, когда онъ достигнулъ возраста, въ который могъ быть выбранъ въ рекруты... Видя его однажды въ слезахъ, Матюрина совѣтовала ему вступить въ семинарію, и такимъ образомъ избѣгать мундира и надѣть расу. Матюренъ заплакалъ еще сильнѣе и признался, что онъ любитъ Сузику Плудронъ, свою соседку, съ которою онъ танцевалъ на новой площадке... Тогда Матюрина не пошла съ просьбой въ ванн-

свой коллегіумъ, а отправляясь къ воеводѣ Сузакѣ и начала ходатайствовать въ пользу сардца своего брата и дѣйствовала такъ усердно, что успѣхъ былъ на ея сторонѣ... Но прежде дня свадьбы, надо было лѣвиться въ рекрутское собраніе и вынуть билетъ. Бѣдный братъ былъ бы вдвое несчастнѣе, если бы вытаснулъ несчастный билетъ.

Онъ не могъ спать отъ безпокойства, и все семейство было разстроено вмѣстѣ съ нимъ. Матюрнина одна смѣялась за всѣхъ. У нея были свои замыслы въ головѣ!

Наканунѣ роковаго дня, она встаетъ рано, идетъ проститься съ больнымъ братомъ, который отъ страха лежалъ въ постелѣ; беретъ потихоньку его платье, надѣваетъ его, откидываетъ свои длинныя, черныя волосы назадъ и отправляется въ Квестембергъ, гдѣ должны были собраться всѣ лозакскіе рекруты. Отецъ, увидя, что она отправляется, принялся бранить ее, но въ это время вошелъ деревенскій священникъ и приказалъ ему замолчать. Почтенный человѣкъ зналъ это и одобрялъ намѣреніе Матюрнины.

На другой день объявили Матюрину, чувствовавшему себя хуже вчерашняго, что одинъ изъ его товарищей возьметъ билетъ за него въ Квестембергъ и что все семейство будетъ молиться, чтобы Богъ помогъ ему вынуть спасительный билетъ. Молодой человѣкъ немного успокоился и ожидалъ жизни или смерти.

Вечеромъ постучали въ дверь. Вошла Матюрнина, уже переодѣтая въ женское платье. Она бросается въ объятія брата и объявляетъ, что ему достался хорошій номеръ; сообщаетъ эту новость и Сузакѣ, которая прибѣгаетъ поздравить его, и въ тотъ же вечеръ оба семейства отпраздновали обрученіе.

Всѣ повѣрили доброй дѣвушкѣ, однако она солгала; вскорѣ всѣ это узнали, исключая ея брата. Вотъ что случилось въ Квестембергѣ: когда выкликнули Матюрину, подошелъ молодой парень, съ твердостью опустилъ руку въ урну и вынулъ... номеръ первый! «Прекрасно, вскричалъ префектъ, вотъ будетъ славный солдатъ нашему императору!» Матюрнина сначала немного поблѣднѣла, но потомъ вскорѣ оправилась. «Я прошу, сказала она, прежде переключки, чтобы меня назначили въ кавалерію.» «Да это какъ нельзя лучше!» возразилъ префектъ, восхищенный такою рѣдкою поспѣшностію, и удостоилъ пожатіемъ руки рекрута, который доставилъ ему случай помѣстить въ рапортѣ краснорѣчивую фразу. Матюрнина возвратилась въ Лозакъ довершить свой великодушный обменъ, думая узѣхать тогда, когда совершенно устроить счастье брата.

Въ нѣсколько дней все было приготовлено къ празднованію свадьбы Матюрена и Суазики... Сестра послѣ того надѣла мужское платье, простилась съ отцомъ и съ матерью и вступила въ ряды императорской кавалеріи. Она участвовала, подъ именемъ своего брата, во всѣхъ компаніяхъ 1812, 13, и 14 годовъ.

Въ послѣднихъ числахъ октября 1815, по селенію Лозакъ, проходилъ драгунъ въ мундирѣ, со шрамомъ на вискѣ и съ крестомъ Почетнаго Легіона... Онъ остановился у дома священника и постучалъ сильною рукою... Священникъ вышелъ самъ отворить ему дверь и, узнавъ Матюрину, поцѣловалъ драгуна. Старая прислужница чуть было не упала въ обморокъ отъ удивленія, но, узнавъ въ свою очередь Матюрину, она, откуда взялись ноги, побѣжала сообщить эту новость Матюрену.

Воннъ сохранилъ всю нѣжность сердца и хотѣлъ доставить своимъ роднымъ удовольствіе неожиданнымъ своимъ возвращеніемъ. Невозможно описать восхищеніе родныхъ. Праздники продолжались три дня безостановочно, и вся община участвовала поочередно. Поздоровавшись съ каждымъ и перецѣловавъ каждую, Матюрина сняла свой мундиръ и саблю, надѣла свое женское платье и прежній головной уборъ, повѣсила свой почетный крестъ въ большой уголъ, и поселилась въ домѣ своего брата. Многіе, молодые парни просили руки ея, но она объявила, что не выйдетъ замужъ, и дала почувствовать ефесь своей саблѣ тѣмъ, которые вздумали фамильярничать съ нею.

Нынче Матюринѣ пятьдесятъ семь лѣтъ, она живетъ въ Лозакѣ у Матюрена. Каждый годъ, въ день выбора рекрутовъ, она надѣваетъ мундиръ и крестъ, и ведетъ рекрутовъ въ назначенное мѣсто... Бѣда тому, кто вздумаетъ плакать или оглядываться назадъ!... Матюрина даетъ ему пощечину и заставляетъ его идти впередъ ударомъ своей сабли. Она провожаетъ ихъ всѣхъ до конца прихода, цѣлуетъ крѣпко каждаго и придаетъ имъ твердости на семь лѣтъ. Потому, съ 1815 года, не было въ селѣ Лозакъ ни одного бѣглаго.

Нѣкоторыя привычки и странности людей. Есть люди, привыкшіе разсуждать, настоящіе мыслители, которые собираютъ и приводятъ въ порядокъ свои мысли, не иначе какъ держа перо или куря трубку. Г-жа Сталь, которая съ такимъ блескомъ и съ такою прелестью умѣла вести разговоръ, чувствовала себя болѣе способною поддерживать занимательность спора, перебирая въ рукахъ маленькую вѣтку какого-нибудь растенія. Одинъ ученый литераторъ, который обыкновенно не показывалъ большой легкости въ разговорѣ, скорѣе прищипывалъ

пристойное выраженіе, когда онъ могъ тихонько катать въ рукахъ шарикъ хлѣба или воска. Можно было бы посоветовать многимъ заграничнымъ ораторамъ катать между пальцами хлѣбный или восковый шарикъ, для того, чтобы рѣчи ихъ были улитѣ и толковѣе. Очевидно, что они говорятъ свысока разными разности безъ восковыхъ и хлѣбныхъ шариковъ, и очень часто безъ здраваго смысла.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Разнообразіе предметовъ въ дамскомъ туалетѣ такъ велико, что мы не знаемъ, съ чего начать наше описаніе. Бросимъ жребій; что выйдетъ?—Шляпки! Ладно.—Зимнія шляпки очень мало измѣнились въ фасонѣ противъ прошлагоднихъ. Тѣ же вышуканыя тулны, только объемъ полей немного увеличился и края ихъ почти сходятся, когда шляпка завязана. Бульонъ уже перестаютъ носить, но его замѣняютъ лентами съ небольшою прихвѣсью шелкового тюля или блонды. Цвѣты и перья никогда не выйдутъ изъ моды. Вуалетки по прежнему въ употребленіи. Шляпки изъ неразрѣзнаго бархату съ каждымъ днемъ появляются много въ лучшихъ нашихъ магазинахъ.—На прогулкахъ встрѣчаешь бархатныхъ бурнусовъ и ватныхъ платьевъ съ одинаковыми мантиліями, обшитыми горностаемъ. Бархатъ никогда не выходитъ и не выйдетъ изъ моды. Бурнусы также дѣлаютъ изъ шелковыхъ и шерстяныхъ, чаще одноцвѣтныхъ матерій, и вышитой байки. Отдѣлываютъ бурнусы аграментомъ, тесмами, снурками, или обшивкою изъ бархата.—На платьяхъ фалбалы съ зубцами донынѣ любимое украшеніе. Платья изъ шелковыхъ матерій обшиваютъ по краямъ въ три ряда узенькой бархатейкой это довольно ново, платья съ тюниками въ большомъ употребленіи. Бальные платья дѣлаются съ гладкими, открытыми таліями. Для полу-туалета, талія съ отворотами напередѣ входятъ болѣе и болѣе въ употребленіе. Для этого фасона талій необходимы канзу или шемизетки, на изящество которыхъ теперь обращено большое вниманіе. Онѣ украшаются англійскими вышивками. Рукавчики, выходящіе изъ-подъ рукавовъ платья, дѣлаются буфами въ нѣсколько перехватовъ. Вышивки по батисту или кисеѣ, вмѣстѣ съ тюлемъ, въ большой модѣ. Такимъ образомъ вышиваютъ носовые платки, чепчики и воротнички. Для носоваго платка узоръ долженъ быть по краямъ фестонами. Когда вышивка окончена, батистъ вырѣзывается, и узоръ остается на прозрачномъ тюлѣ. Такіе платки не обшиваются кружевами.

У НИГО ПРОДАВЦА ВАСИЛЯ ПОЛЯНОВА,

въ Гостиномъ дворѣ, по Суконной линіи, подъ № 12-мъ.
Принимается подписка на нѣмецко-русскіе журналы и на
зеты на 1849 годъ.

съ означеніемъ
СЕРІИ. Руб. коп.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, ЖУРНАЛЪ исторіи, полити- ки, словесности, наукъ и художествъ. 12 книгъ, съ 12 парижскими картинками модъ, шестью узо- рами для вышиванья по канвѣ, портретами и гра- вюрами.	16	50
СЪВЕРНАЯ ПЧЕЛА, издаваемая П. Гречемъ и Булгаринымъ.	15	—
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, издаваемая О. И. Сенковскимъ, съ 12 картинками модъ.	10	50
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ.	5	—
ВОЕННО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ ЛЕКСІОНЪ.	3	—
ГОРНЫЙ ЖУРНАЛЪ, 12 книгъ.	9	—
ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.	7	25
ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРО- СВѢЩЕНІЯ.	11	50
ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕН- НЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.	8	50
ЖУРНАЛЪ КОННОЗАВОДСТВА И ОХОТЪ, 12 книгъ.	10	—
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВОСПИТАННИКОВЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.	5	—
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ СОЛДАТЪ, 6 книгъ.	3	25
ЖУРНАЛЪ МАНУФАКТУРЪ И ТОРГОВЛИ.	7	—
ЖУРНАЛЪ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ, изд. Перцовымъ.	5	—
ЖУРНАЛЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ, 24 тетради въ годъ, съ приложеніемъ модной картинки и опи- саніемъ парижскихъ и с.-петербургскихъ модъ.	10	—
JOURNAL DE ST. PETERSBOURG, ежедневный	15	—
ЗВѢЗДОЧКА, дѣтскій журналъ для старшаго воз- раста.	4	50
— — — — — для младшаго возраста.	4	50
— — — — — за оба вмѣстѣ.	7	50
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.	2	—
ИЛЛЮСТРАЦІЯ. Редакторъ А. П. Башуцкій.	14	—
КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА на русскомъ языкѣ.	7	—
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.	13	—
ЛИТОГРАФИРОВАННЫЕ ЭСТАМПЫ ОБРАЗОВЪ ИСКАКІЕВСКАГО СОБОРА.	20	—

ЛЕСНОЙ ЖУРНАЛЪ, 6 книгъ.	3	—
МАШИНАКТУРНЫЙ и ГОРНОЗАВОДСКІИ ИЗВѢСТІЯ	3	—
МОРСКОЙ СВОРОТЪ	3	50
МУЗЫКАЛЬНАЯ ПЧЕЛА	13	50
МУЗЫКАЛЬНАЯ РОССИЯ	7	50
MESSAGER DE ST. PETERSBOURG, съ картинками.	10	—
— — — — — безъ картинокъ.	5	—
МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ.	13	50
НАРОДНО-ВРАЧЕБНАЯ ГАЗЕТА, другъ здравія.	7	25
НУВЕЛИСТЪ. МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ	11	50
ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ, учено-литературный журналъ, 12 книгъ, съ 12 картинками молъ.	16	50
ПОСРЕДНИКЪ, ГАЗЕТА промышленности, хозяйства и реальныхъ наукъ	3	—
ПАНТЕОНЪ И РЕПЕРТУАРЪ русской сцены съ гравюрами.	43	50
РЕПЕРТУАРЪ, или собраніе концертовъ для фортепiano	11	—
REVUE ETRANGERE, безъ картинъ.	19	—
— — — — — съ картинками.	23	—
TYGODNIK	15	—
РУССКІИ ИНВАЛИДЪ, или военныя вѣдомости	15	—
С. ПЕТЕРБУРГСКІЯ РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ, съ прибавленіемъ.	15	—
— — — — — безъ прибавленій.	10	—
— — — — — однѣ прибавленія.	9	—
С. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПОЛИЦЕЙСКІЯ ВѢДОМОСТИ.	4	50
СЕНАТСКІЯ ВѢДОМОСТИ, съ собраніемъ указовъ.	8	—
Объявленія съ алфавитомъ по судебнымъ дѣламъ.	8	—
О запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ на недвижимыя имѣнія.	9	20
СОВРЕМЕННОКЪ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ, 12 книгъ, съ 12 парижскими картинками молъ.	16	50
ТЕЛЕГРАФЪ, музыкальный журналъ	9	50
ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА	2	—
ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ, 12 книгъ.	7	50
ЭКОНОМЪ, хозяйственно-общепользная бібліотека, 52 тетради, съ рисунками и образчиками ошмачъ.	7	—

ТАКЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА:

ПАМЯТНУЮ КНИЖКУ на 1849 годъ	2	25
вѣ англійской папкѣ	2	75
КАЛЕНДАРЬ С.-ПЕТЕРБУРГСКІИ на 1849 годъ:		
вѣ бумажномъ переплетѣ.	—	95
» въ тканой папкѣ	1	85
» въ заманомъ корешкѣ	1	50

» сафьянномъ корешкѣ	1	55
» въ сафьянномъ (chagrin)	2	50
» полномъ сафьянѣ, на веленовой бумагѣ и съ золотымъ обрѣ- зомъ.	3	50

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ комиссіонера воен-
но-учебныхъ заведеній и библиотекъ гвардейскаго корпуса,

Я. А. ИСАКОВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, подъ № 22,

Цѣны на серебро безъ пересылки.

Constant. Guide formulaire légale pour faire soi même secréte-
ment sans frais et d'une manière certaine son testament. in
18. 35 c.

Schmit. Nouveau manuel complet décorateur-ornemaniste. 1 vol.
in 18 avec Atlas. Paris. 1848. 2 r. 10 c.

Clerq. Formulaire à l'usage des consulats, suivi d'un appen-
dice contenant le tarif des chancelleries consulaires et les prin-
cipales lois et ordonnances relatives aux consulats. Un vol. in
8. Paris. 1848. 3 r. 80 c.

Alletz. Harmonies de l'intelligence humaine. Paris. 1846.
2 vol. in 18. 2 r. 95 c.

Houel. Histoire du cheval chez tous les peuples de la terre
depuis les tems les plus anciens jusqu'à nos jours T. 1. in 8.
2 r. 30 c.

Rubens. Traité des maladies des arbres fruitiers et des moyens
de les prévenir et de les guérir. Traduit par A. Mall. 1 vol.
in 12. 35 c.

Vidal. Des Hernies ombilicales et épigastriques in 8. Paris.
1848. 75 c.

Sedillot. De l'insensibilité produit par le chloroforme et par
l'éther et des opérations sans douleurs 1 vol. in 8. Paris.
1848. 90 c.

Vernhes. Monographie sur le dioptré ou spéculum. De quelques
états organopathiques qui reclament son application, avec 50
gravures dans le texte. Un vol. in 8. Paris. 1848. 1 r. 20 c.

- Rochoux.** Notice sur la structure et sur quelques maladies. 1 vol. in 8. Paris 1848. 1 r. 45 c.
- Rendu.** Etudes topographiques, médicales et agronomiques sur le Bresil. Paris. 1848. 1 vol. in 8. 1 r. 5 c.
- Martin.** Manuel d'hygiène, à l'usage des européens qui viennent s'établir en Algérie 1 vol. 8. Paris. 1847. 1 r. 45 c.
- Rodet.** Essai sur les accidents qui peuvent résulter de l'emploi de l'iode de Potassium. 1 vol. in 8. Paris. 1847. 50 c.
- Bousquet.** (J. B.) Nouveau Traité de la vaccine et des éruptions varioleuses. Paris. 1848. 1 vol. 8. 2 r. 5 c.
- Gerhardt.** Introduction à l'étude de la chimie par le système unitaire. Paris. 1848. 1 vol. in 12. 1 r. 20 c.
- Hofer.** Nomenclature et classifications chimiques suivies d'un lexique historique et synonymique. Paris. 1845. 1 vol. in 12. 90 c.
- Hofer.** Dictionnaire de chimie et de physique. Paris. 1847. Un vol. in 12. 95 c.
- Lhéutier.** Eléments populaires de chimie agricole ou résumé élémentaire des connaissances chimiques, dans leur application à l'agriculture. Paris. 1847. 1 vol. in 12. 1 r. 5 c.
- Liebig.** (Justus) Lettres sur la chimie considérée dans ses rapports avec l'industrie, l'agriculture et la physiologie; traduites de l'allemand par Bertès-Dupiney et Dubreuil-Helion. Paris. 1845. 1 vol. in 12. 95 c.
- Sacc.** Précis élémentaire de chimie agricole. Paris. 1848. 1 vol. in 12. 1 r. 5 c.
- Wheaton.** Histoire des progrès du droit des gens en Europe et en Amérique. 2 vol. in 8. 4 r. 35 c.
- Plisson.** Les mondes, ou essai philosophique sur les conditions d'existences des êtres organisés dans notre système planétaire. 1 vol. in 12. Paris. 1847. 1 r. 5 c.
- Jurien Delagravière.** Guerres maritimes sous la république et l'empire. 2 vol. in 12. Paris. 1847. 1 r. 90 c.
- Coulier.** Description générale des phares et fanaux 1-e édition augmentée 1 vol. in 12. Paris. 1847. 1 r. 5 c.
- Manuel** encyclopédique du recrutement et de la réserve de l'armée. Un vol. in 18. Paris. 1848. 65 c.
- Griffiths.** Manuel de l'artilleur anglais, trad. par Rieffel. Un volume in 8. Paris. 1848. 3 r. 50 c.
- Blois.** Traité des Bombardements 1 vol. in 8. 2 r. 20 c.
- Spingard.** Notice sur une fusée shrapnel. 60 c.
- Sageret.** Almanach et annuaire des batiments des travaux publics et de l'industrie pour 1848. Un vol. in 12. Paris. 1848. 1 r. 30 c.

- LeFranc.** Manuel des aspirants au baccalaureat en lettres 1 vol. in 8. Paris. 1848. 60 c.
- Gallois.** Les Corsaires français sous la république et l'empire. 2 vol in 8. Paris. 1847. 3 r.
- Régnat.** Passé et présent. Mélanges. 2 vol. in 12. Paris. 1847. 2 r.
- Mattier.** De l'état moral, politique et littéraire de l'Allemagne. 2 vol. in 8. Paris. 1847. 4 r. 35 c.
- Morveau Jonnés.** Eléments de statistique. 1 vol. in 12. Paris. 1847. 1 r. 5 c.
- Delegorgue.** Voyage dans l'Afrique australe. 2 vol. grand in 8. Paris. 1847. 7 r.
- Gaume.** Les Trois Rome, journal d'un voyage en Italie 4 vol. in 8. Paris. 1847. 6 r. 45 c.
- Xylander.** Etude des armes, 3-e édition augmentée par Klemens schredel. Paris. 1846. 1 vol. in 8. pour 3 liv. 3 r. 55 c.
- Decker.** Expériences sur les shrapnels faites chez la plupart des puissances de l'Europe accompagnées d'observation sur l'emploi de ce projectile. Paris. 1837. 1 vol. in 8. 2 r. 30 c.
- Oudinot.** De l'armée et de son application aux travaux d'utilité publique. Paris. 1845. 1 vol. in 8. 1 r. 20 c.
- Marmont.** (M-al) De l'esprit des institutions militaires. Bruxelles. 1846. 1 vol. in 12. 85 c.
- Dupont.** Eléments abrégés d'un cours d'équitation militaire. Paris. 1847. 1 vol. in 18. 60 c.
- Maurice.** Essai sur la fortification moderne, ou analyse comparée des systèmes modernes français et allemands. 1 vol in 8. Paris. 1845. 3 r. 45 c.
- Reinaud.** Du feu grégeois, des feux de guerre et des origines de la poudre à canon. Paris. 1845. 1 vol. in 8 et atlas in. 4. 3 r. 50 c.
- Adanson.** Cours d'histoire naturelle fait en 1772 avec une introduction et des notes par M. J. Payer. Paris. 1845. 2 vol. in 12. 3 r. 35.

Гг. иногородные благоволят относиться съ требованіи своими по вышеозначенному адресу, подписывая на конвертахъ имя книгопродавца.

Печатать позволяется, 30 октяб. 1848 г. Старшій цензоръ Родфорте.

НАТЬ ПОВЕСТИ

ДРУГИХЪ СОЧИНЕНІЙ

Константина Масальскаго.

- I. Первая любовь послѣдняго въ родѣ.
- II. Разсказъ о томъ, какъ три неузнаваемые генія сочинили натуральную повѣсть.
- III. Сей и Этого, или вражда братьевъ. Кукельная мелодрама.
- IV. Романъ на ледяныхъ горахъ.
- V. Быль 1703 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1848.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ
ПОСЛѢДНЯГО ВЪ РОДѢ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

ПОСЛѢДНЯГО ВЪ РОДѢ.

I.

— Добро пожаловать, дорогой сосѣдъ! Ты ничего не слышалъ, Борисъ Ильичъ?

— Ничего, Петръ Петровичъ, ничего. А что такое? Вы что слышали?»

— И я, братецъ; также ничего не слышалъ, отвѣчалъ Петръ Петровичъ. «Въ деревнѣ не вдругъ дождешься новостей. Бывало, прежде, хоть журналы получишь съ почты, а нынче въ Петербургъ не выходитъ ни одного журнала.* Что за годъ такой вышелъ! Не высокосный, кажется.

— Да не высокосный ли въ самомъ дѣлѣ, Петръ Петровичъ? Я что-то забылъ.

— Хорошо! Вотъ календарь; читай: мѣсяцесловъ на лѣто 1790, которое есть простое.

— Вижу, вижу, Петръ Петровичъ! Простое. Виновать! Давно не видалъ мѣсяцеслова-то.

— Такъ у тебя и этой книги нѣтъ! Ну, сосѣдъ! ужъ этого я не ожидалъ.

— Да начто инѣ книги, сосѣдушка. Вѣдь я читать не охотникъ; не то, что вы.

* Въ 1790 году не выходило ни одного журнала. Соч.

— А новости любилъ! Всѣмъ говоришь при встрѣчѣ: что новенькаго? О чемъ, напримѣръ, поведемъ мы разговоръ до объѣда? Ужъ мы съ тобой давно все переговорили, и я всѣ твои мысли давно наизусть выучилъ. Скажи только слово, а я договорю за тебя все остальное. Нѣтъ, сосѣдь! Безъ журналовъ гдѣ взять въ деревнѣ новостей!

— Ну какъ не набрать, Петръ Петровичъ! Что-нибудь да пронохаешь хоть о сосѣдяхъ. Напримѣръ, я слышалъ вчера, что у Домны Герасимовны козелъ пропалъ.

— А мнѣ что за дѣло! Хоть бы сама Домна Герасимовна пропала съ козломъ своимъ вмѣстѣ, я бы не сталъ горевать. Ты знаешь, что я всѣхъ бабъ терпѣть не могу.

— Знаю, знаю, сосѣдушка. Ну вотъ еще другая новость: Василка Андреевна дочь помолвила. И знаете ли за кого? Отгадайте.

— За дурака.

— Какъ такъ! Онъ, напротивъ, человѣкъ солидный, умный, къ тому же, какъ бы сказать вамъ, весьма, очень не глупъ. Деревня прекрасная; сто душъ! Женихъ хоть куда. Скоро будетъ свадьба.

— Очень жаль! Скоро одинъ изъ умныхъ человѣкомъ будетъ меньше въ нашень уѣздѣ.

— Вы всегда такъ говорите, Петръ Петровичъ. Вамъ каждая свадьба хуже остраго ножа. А не ручайтесь за себя. Приглянется какая-нибудь сосѣдка, такъ вы и сами....

— Съ ума ты сошелъ, Борисъ Ильичъ! Мнѣ приглянется! Да ты вѣдь знаешь, кажется, давно, что я хладнокровно не могу глядѣть на женщинъ, избѣгаю ихъ общества, ни слова не говорю съ ними. Да полно! Поговоримъ о чемъ-нибудь поумнѣе. Не хочешь ли, я прочту тебѣ что-нибудь веселенькое изъ старыхъ журналовъ?

— Нѣтъ, ужъ увольте, Петръ Петровичъ; вамъ вѣдь давно извѣстно, что я такой же охотникъ до книгъ, какъ вы до женщинъ. Охота вамъ была сорить деньги на эти пустяки. Ну вонъ онѣ стоятъ, въ пылу по горло. Накопили книгъ цѣлую полку, а что въ нихъ толку?*

— Bravo, сосѣдь! Да ты, не гадая не думая, стихъ скажешь.

Полку—толку. И рюма-то какая богатая. Только стихъ твой надобно оборотить вотъ такъ: видишь книгъ цѣлую полку, а ни въ одной не знаешь толку. Намъ дѣлать-то нечего до обѣда. Я тебѣ расскажу, какія у меня книги.

—Увольте, Петръ Петровичъ! Скука! Не люблю никакихъ пустяковъ и стараюсь заниматься однимъ дѣйствительно полезнымъ. До обѣда не сыграть ли намъ партійку въ пикетъ, или въ шашки!

— Поди, братецъ! А послѣ обѣда-то что будемъ дѣлать? Вотъ я тебѣ, по крайней мѣрѣ, покажу всѣ мои старые журналы и познакомлю хоть съ заглавіями. Садись сюда, ближе къ полкѣ.

Петръ Петровичъ усадилъ Бориса Ильича въ кресла, смахнулъ пыль со своихъ книгъ метелкой изъ пѣтушьяхъ перьевъ, надѣлъ очки и началъ разсматривать на переплетахъ заглавія. Борисъ Ильичъ вздохнулъ и зѣвнулъ.

Пока они молчатъ, надобно сообщить читателямъ краткое біографическое извѣстіе объ этихъ двухъ лицахъ.

Петръ Петровичъ Купоросовъ былъ отставной секунданіоръ, довольно богатый помѣщикъ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ судьба осудила его на одиночество, потому-что послѣ смерти отца его оиъ остался послѣднимъ въ родѣ. Шестнадцати лѣтъ поступилъ оиъ въ военную службу, въ первые годы царствованія Екатерины II, и пожалованъ былъ чиноиъ прапорщика, въ 1768 году, какъ о томъ свидѣтельствуеиъ собственноручная его отиѣтка въ календарѣ за тотъ годъ. Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ оиъ, двадцати четырехъ лѣтъ, въ первый разъ въ Петербургъ, куда его перевели на службу изъ арміи. Петръ Петровичъ, благодаря своему чину и своей не заложенной деревнѣ съ тремя стаии душъ, скоро познакомился со многими дворянскими домами въ столицѣ, франтилъ, любезничалъ съ дамами и дѣвицами, танцовалъ усердно на балахъ, ѣздилъ на званые обѣды и ужины, въ театры, въ маскарады, словомъ сказать жилъ чрезвычайно весело. Тогда еще не были въ модѣ раннее разочарованіе, убійственный холодъ на зарѣ жизни, безнадежность и пустота души, явно происходящая, во замѣчанію нѣкоторыхъ современныхъ

наблюдателей, отъ пустоты головы. Одна только мысль, посреди веселостей, огорчала и тревожила Купоросова. Эта мысль была: я послѣдній въ родѣ; со мною исчезнетъ наша столбовая линия; моя прекрасная деревня Толчково сдѣлается жидишкѣ выморочныиъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая печальная мысль: «Уми я, и родъ Купоросовыхъ исчезнетъ навсегда.» Нерѣдко во время бала на Петра Петровича находила грусть отъ этихъ размышлений, и онъ менѣе разговаривалъ съ дамами, менѣе любезничалъ съ дѣвицами. Нерѣдко казалось ему, что какой-то демоноиъ (тогда какихъ-то злобныхъ демоноиовъ, о которыхъ часто говоритъ нынѣшнiе поэты, еще не было) напѣвалъ ему на-ухо, подѣ музыку моднаго экосеза, печальныя, убийственныя слова, и подѣ какую еще музыку! Она еще сокращалась. Если угодно, мы можемъ воложить ее на ноты. Вы конечно слыкали престонародную пѣсню:

Пожалуйте, сударыня!

Сядьте со мною рядомъ.

Пожалуйте, сударыня!

Наградите взглядомъ.

Прочь, прочь отойди!

Какой безпокойный!

Прочь, прочь отойди,

Того недостойный!

Голосъ этой пѣсни есть въ чистомъ видѣ модный экосезъ XVIII вѣка, гремѣвшiй на всѣхъ балахъ. И подѣ эту веселую мелодiю, подѣ это *аллегро конъ фуоко*, весносный домоной пѣлъ Петру Петровичу на-ухо:

Купоросовъ, Купоросовъ,

Ты послѣдній въ родѣ!

Петръ Петровичъ, Петръ Петровичъ,

Ты послѣдній въ родѣ.

Своей, своей, не танцуй!

Ты послѣдній въ родѣ.

Своей, своей, не вали!

Ты послѣдній въ родѣ.

Эта пѣсня домоваго записана собственноручно Петромъ Петровичемъ въ его календарѣ 1769 года. Если вы, почтенные читатели и прекрасныя читательницы, играете на фортепиано и знаете мелодію поднаго экосеза XVIII вѣка, сохранившуюся въ голосѣ народной пѣсни, то попробуйте сыграть этотъ экосезъ и свѣть пѣсню домоваго. Увидите сами, какой выйдетъ эффектъ, какой разительный контрастъ между музыкаю и словами. Мы увѣрены, что на васъ самикъ найдетъ грусть, и вы, за вашими фортепиано, такъ же вздохнете, какъ часто вздыхалъ на балахъ бѣдный Петръ Петровичъ.

Впрочемъ онъ не унывалъ. Чтò жъ такое въ самомъ дѣлѣ! послѣдній въ родѣ! Ужъ будто нѣтъ и средствъ противъ этой бѣды. Петръ Петровичъ очень хорошо зналъ это, и хотѣлъ принять скорыя и рѣшительныя мѣры къ поддержанію и сохраненію своей столбовой линіи. Для этого есть способъ самый легкій и простой: женитьба. Чтò нужды, размышлялъ Купоросовъ, что мнѣ еще двадцать четыре года; что мнѣ еще рано жениться; что я, не имѣя родителей и старшикъ родственниковъ, съ которыми можно было бы посоветоваться, легко могу обмануться въ выборѣ жены, легко могу попасться въ сѣти, разставленныя всѣмъ богатымъ и молодымъ женихамъ. Пусть ошибусь, пусть обманутъ меня, пусть буду несчастливъ въ супружествѣ, но я знаю долгъ свой къ моему роду, и попомню свою священную обязанность поддержать и продолжить исчезающую столбовую линію Купоросовыхъ. Одушевляемый этими высокими чувствами, Петръ Петровичъ по всему Петербургу, на обѣдахъ и на балахъ, въ театрѣ и на гуляньяхъ, искалъ той, которая предназначена была судьбою раздѣлить съ нимъ его подвигъ и поддержать столбовую линію стариннаго рода. Онъ предупреждалъ нынѣшнихъ востокъ. Она сдѣлалась его преобладающею, главною мечтою; къ ней стремились всѣ его желанія, всѣ его мысли; вездѣ онъ искалъ ее.

Но гдѣ же и кто эта она? Гдѣ найти это волшебное, прекрасное существо, на которое возложено судьбою подвигъ поддержать исчезающую столбовую линію? Цѣлые четыре мѣсяца поиски Петра Петровича были безплодны и неудачны,

Наконецъ, въ пятый мѣсяцъ, по прїѣздѣ своемъ въ Петербургъ, онъ неожиданно нашелъ ее. При первомъ на нее взглядѣ сердце ему сказала: вотъ она! Сердце каждаго прапорщика, каждаго молодого человѣка двадцати четырехъ лѣтъ, ошибиться въ этомъ важномъ случаѣ не можетъ. Оно всегда узнаетъ съ разу, съ перваго взгляда, въ одинъ мигъ, ее.

По сдѣланнымъ немедленно справкамъ оказалось, что она Петра Петровича называлась Маврой Григорьевной, что отецъ ея былъ такой же столбовой дворянинъ, какъ и Купоросовъ, съ тою только разницею, что онъ былъ, по форменному выраженію старинныхъ купчихъ крѣпостей, въ родѣ своемъ не послѣдній. У него было пятеро сыновей и шесть дочерей. Встрѣча Петра Петровича съ нею была на балѣ. Онъ подѣлалъ къ матушкѣ Мавры Григорьевны, отпустилъ ей нѣсколько комплиментовъ, потомъ поговорилъ съ батюшкой, бригадиромъ Чистяковымъ, о урожаѣ и другихъ предметахъ сельскаго хозяйства, и былъ приглашенъ къ нимъ, на другой день, на вечеръ. Съ этого вечера жизнь Петра Петровича потекла, по выраженію нашихъ старинныхъ сказокъ о золотомъ вѣкѣ, медомъ между кисельными берегами. Всѣ балы, обѣды, маскарады, гулянья получили для него новую, невыразимую прелесть. Она очаровывала все своимъ присутствіемъ. Какъ часто и съ какимъ восторгомъ танцовалъ Петръ Петровичъ съ нею. Домовой пересталъ уже пѣть подъ музыку экосеза свою несносную пѣсню:

Купоросовъ, Купоросовъ,
Ты послѣдній въ родѣ!

Стара штука! Купоросовъ въ сладкихъ мечтахъ, съ тайною радостью, съ чувствомъ благородной гордости, видѣлъ передъ собою безконечную, столбовую линію, въ видѣ длиннаго проспекта, освѣщеннаго всеми цвѣтами радуги, облитатаго сіяніемъ волшебной иллюминаціи, который велъ Купоросовыхъ въ триумфальнымъ воротамъ потомства, въ мерцающій вдали, на концѣ проспекта, храмъ безсмертія. Петру Петровичу казалось, что онъ, не слыша земли подъ собой, ле-

титъ прямо къ этому храму, когда онъ между строемъ напудренныхъ и одѣтыхъ въ шелкъ и бархатъ кавалеровъ и между рядомъ блестящихъ, разряженныхъ, украшенныхъ фижмами дамъ и дѣвицъ, выдѣлывалъ съ Маврой Григорьевной шассе въ экосезѣ. Дѣла его шли, какъ нельзя лучше. Онъ и она начали уже мѣняться не только нѣжными взглядами и вздохами, но только обыкновенными, свѣтскими комплиментами, но даже конфетными билетами, для которыхъ въ тѣ счастливыя времена писали стихи первые русскіе поэты, для которыхъ даже самъ Александръ Петровичъ Сумароковъ разыскалъ въ двустихіяхъ сокровища своего остроумія и своего авантюристическаго таланта. Однажды, на балѣ у бригадира Чистякова, Петръ Петровичъ съ трепетомъ сердца отдалъ тихонько Маврѣ Григорьевнѣ конфетку съ билетикомъ, на которомъ было напечатано:

Когда бы отъ себя въ сажени солнце зрѣлъ,
Какъ я тобой горю, я такъ бы не горѣлъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ самъ получилъ — и подумайте отъ кого? — да! онъ самъ получилъ отъ нея, изъ собственной руки Мавры Григорьевны такую же. Подъ именемъ такой же разумеется здѣсь конфетка съ узенькимъ и длиннымъ билетикомъ, на которомъ было напечатано:

Лишь только я тебя узрѣла,
Родилась страсть во мнѣ, и въ тотъ же часъ соврѣла.

Петръ Петровичъ, пританчившись въ углу и прочитавъ билетикъ, чуть не запрыгалъ отъ восторга, проворно съѣлъ конфетку, а драгоценный билетикъ положилъ въ карманъ, подлѣ самаго сердца. При разѣздѣ съ бала, прощаясь съ Маврой Григорьевной, онъ сунулъ ей въ руку, незамѣтно и быстро, еще билетикъ съ надписью:

Лишаяся тебя, твоиъ лишаясь глазъ,
Начну я воздыхать въ минуту по сту разъ!

Вотъ какъ вѣдыхали влюбленные въ XVIII столѣтїи, въ этотъ вѣкъ мудры и шлейфовъ, ожки и реброновъ, шотландскихъ швагъ и накрахмаленныхъ манжетъ, бархатныхъ аэтановъ и шелковыхъ намзаловъ, прелестныхъ баронессъ и услужливыхъ маркизовъ, въ этотъ вѣкъ нѣжной любви и усмиренной любезности. А нынче какой влюбленный станетъ вздыхать? Въ нынѣшней, положительной вѣкъ услышавъ развѣ вадохъ объ акціи, которая лопнула, или о картѣ, которую убили.

Прошло уже полгода съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Петровичъ блаженствовалъ въ Петербургѣ, подобно счастливой тѣни въ Полахъ Элисейскихъ. Но земное счастье непрочно. Это ужъ самая древняя, допотопная, и вѣстѣ самая свѣжая, новейшая истина. И бѣдный Петръ Петровичъ испыталъ ее на себѣ. Ему было, какъ мы сказали, двадцать четыре года, а Мавръ Григорьевичъ шестнадцать. Онъ съ нетерпѣніемъ выжидалъ, чтобы ей минуло семнадцать, и хотѣлъ тотчасъ же отправить къ бригадирѣ Чистякову длинное письмо, заблаговременно уже приготовленное, съ подробнымъ и обстоятельнымъ описаніемъ своей любви, и съ формальнымъ предложеніемъ руки своей и сердца Мавръ Григорьевичъ. Но судьба судила иначе. Въ домѣ бригадира Чистякова явилось новое лице: гвардейскій поручикъ Сельминъ. Пока Петръ Петровичъ носка на него поглядывалъ, исподтишка дѣлалъ надъ нимъ свои наблюденія, Сельминъ посватался, и Мавра Григорьевна, съ согласіемъ родителей и по единогласному приговору ареопага своихъ бабушекъ, тетюшекъ и всѣхъ другихъ пожилыхъ родственницъ, достигшихъ своими заслугами ченчика, вышла замужъ за Сельмина. О любви Петра Петровича никто еще и не зналъ, кромѣ его да Мавры Григорьевны. Еслибъ же его невѣстность, не его извѣстная скромность, то, можетъ-быть, его не заложившая деревня Толчково, съ тремя стами душъ, перетянула бы на его сторону большинство голосовъ фамильнаго ареопага Чистяковыхъ и доставила бы прапорщику побѣду надъ поручикомъ, у котораго было только двѣсти душъ, отчасти уже заложившихъ, какъ оказалось во сраженіи, сдѣ-

запой въ гражданской казакѣ евою маъ тетумоъ Мавры Григорьевны.

Бѣдный Петръ Петровичъ былъ пораженъ неожиданною нѣсгью, какъ ударомъ грома. Въ первомъ морыѣ отчаянн онъ чуть-было не застрѣлся и удержался отъ самоубійства только по той причинѣ, что его слуга, посланный ннѣ въ заван, не могъ авгда достать на гривну пороху. Можетъ-быть, и схитрилъ Ванька. Говоримъ: Ванька, потому-что въ тотъ вѣкъ слугъ называли уменьшительнымъ именовъ. На другой день Петръ-Петровичъ нѣсколько поуспокоился, или по крайней мѣрѣ старался казаться хладнокровнѣ. Ванька, любившій своего молодого господина безъ памяти, весь день кулакомъ утиралъ слезы, глядя на отчаянн Петра Петровича, и въ заключенн, къ вечеру, напился мертвецки пьянъ съ горд, чего съ нимъ ииногда до вѣкъ поръ не бывало. На третнй день отчаянн Купоросова ужъ и очень поутихло, но все же на сердцѣ у него лежало горе, какъ тяжелый камень. Онъ сидѣлъ, задумавшнсь, въ креслахъ, подперши опущенную голову ладонями. Ванька, съ красными отъ слезъ и отъ мокрѣма глазами, стоялъ передъ нимъ и заботливо смотрѣлъ на господина, въ ожиданн, не заговоритъ ли онъ чего-нибудь.

Петръ Петровичъ послѣ долгаго молчанн воднял наконецъ голову. Лице его было блѣдно, на глазахъ видны были слезы.

— Ахъ ты, Боже мой! сказалъ слуга, махнувъ рукою. Не горюйте сударь! Не такую мѣвсту отладуть за васъ. Покажите себя, да и меня вмѣстѣ. Глядя на васъ, сердечушко мое плаыло.

— Ахъ, Ванька, Ванька! сказалъ съ глубокимъ вздохомъ Петръ Петровичъ: я отецъ, отецъ несчастливъ!

Ванька захныкалъ, отвернулся и наконецъ заплакалъ навзрыдъ.

Кто бы ни дѣлалъ съ вами горе, оно кажется сноситѣ. Петру Петровичу показалось, что камень, давившнй ему сердце, сдѣлался легче. Онъ вспомнилъ Мавру Григорьевну, умѣтливую любовь, разрушенное счастье, взглянулъ на рыдающаго слугу, заплакалъ самъ, вспомялъ съ кресла и въ восторгѣ бросился слугѣ на шею.

Слезы ихъ слѣшались, можно было бы сказать здѣсь, если бы плакали любовники въ романѣ. Но тутъ были слезы баринъ и слуга, каждый отдѣльно.

— Пожалѣй обо мнѣ, Ванька! восклицалъ Петръ Петровичъ. Ты жалѣешь меня?

— Жалѣю, видитъ Богъ, какъ жалѣю! отвѣчалъ Ванька, крѣпко дѣлуя въ плечо господина, и зарюмилъ такъ, что Петръ Петровичъ испугался. — Не съ радости же вчера я такъ наръзамся, продолжалъ слуга, рыдая. Тоска такая, хоть въ воду полѣзай! Поберегите себя, ради Господа! Перестаньте кручиниться; не то я совсѣмъ пропаду!

Утѣшенія и просьбы Ваньки подѣйствовали на Петра Петровича. Черезъ мѣсяцъ онъ ужъ не плакалъ, вспоминая о Маврѣ Григорьевнѣ. Онъ только тяжело вздыхалъ и, сцѣпивъ зубы, повторялъ съ жаромъ стихи Сунарокова изъ его Динитрія Самовидца:

• Иди душа во адъ и будь тамъ вѣчно пѣнна!

• О! еслибы со мной погибла вся вселенна!

Петръ Петровичъ пересталъ ѣздить въ общества, въ театры, на гулянья, началъ избѣгать встрѣчь съ дамами и дѣвчанами и совершенно возненавидѣлъ ихъ. Петербургъ сдѣлался ему несносенъ. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ армию, вмѣстѣ съ полкомъ переходилъ изъ мѣста въ мѣсто, былъ въ походѣ противъ непріятеля, получилъ нѣсколько чиновъ, за храбрость произведенъ былъ въ секундъ-майоры, вышелъ въ отставку и поселился въ своей деревнѣ, Толчковѣ. Тамъ пристрастился онъ къ чтенію и потому выписывалъ всѣ журналы и пріятельскія новыя книги изъ Петербурга. Прошло лѣтъ десять послѣ разрушенія радужнаго зданія первой его любви. Онъ все продолжалъ избѣгать общества женщинъ, прослылъ велюдиномъ и домождономъ, отъ чего сосѣди очень рѣдко навѣщали его, и самъ онъ почти ни къ кому не ѣздилъ. Одинъ Борисъ Ильичъ Капустинковъ, отставной прапорщикъ, пользовался правомъ, какъ самый близкій сосѣдъ, навѣщать во всякое время Петра Петровича. Такъ какъ Борисъ Ильичъ былъ гораздо бѣднѣе его и ниже чиномъ, то онъ обходился съ Пет-

ромъ Петровичемъ, какъ со своимъ покровителемъ. Петръ Петровичъ говорилъ ему: ты, а онъ всегда говорилъ ему: вы. Во вкусахъ они мало сходились. Борисъ Ильичъ любилъ полюбезничать съ женщинами. Петръ Петровичъ избѣгалъ ихъ. Борисъ Ильичъ почиталъ всѣ книги за пустяки и никогда ничего не читалъ. Петръ Петровичъ былъ большой охотникъ до чтенія. Борисъ Ильичъ, какъ человѣкъ недостаточный, почиталъ только то за дѣльное и полезное, что могло доставить денежную выгоду. Петръ Петровичъ, проживая только четверть своихъ доходовъ, не имѣлъ никакого пристрастія къ деньгамъ и находилъ удовольствіе въ поези, въ произведеніяхъ ума, въ философскихъ размышленіяхъ, которыя, по мнѣнію Бориса Ильича, гроша не стоили, потому-что не доставляли ни копѣйки.

Не смотря на такую противоположность во вкусахъ и мнѣніяхъ, Петръ Петровичъ и Борисъ Ильичъ очень любили другъ друга и одинъ безъ другаго не могли обходиться. Продолжительное время еще болѣе скрѣпило ихъ дружбу.

Когда явнула измѣнѣ, безъ сомнѣнія невольной измѣнѣ Мавры Григорьевны, десятилѣтняя давность, доновой, впрочемъ уже безъ музыки, началъ шептывать Петру Петру Петровичу свою старую пѣсню:

Купоросовъ, Купоросовъ,
Ты послѣдній въ родѣ!

Она сдѣлалась опять, если не сладостною мечтою, то по крайней мѣрѣ предметомъ постоянныхъ думъ Петра Петровича, котораго чрезвычайно озабочивало продолженіе столбовой его линіи. Борисъ Ильичъ рекомендовалъ ему то вдову изъ сосѣдокъ, то дочь, то сестру, то тетку такого-то и такого-то помѣщика въ околоткѣ, но Петру Петровичу ни одна не нравилась, да и онъ никому не могъ понравиться, потому-что, проведя десять лѣтъ уединенно, съ одѣвщи своимъ кивгамъ, да съ Борисомъ Ильичемъ, сдѣлался совершеннымъ букюю. Борисъ Ильичъ махнулъ рукой и пересталъ сватать, но Петръ Петровичъ не переставалъ думать: гдѣ бы ему найти особу, необходимую для поддержанія столбовой линіи. Онъ посватался-было черезъ письмо къ дочери сосѣда, получилъ отказъ и

съ досады, черезъ недѣлю, женился на великому удивленію Бориса Ильича. Кто же та, кто эта она, о которой прежде, до измѣны Марьи Григорьевны, такъ сладостно мечталъ, а послѣ измѣны, такъ хладнокровно и основательно разсуждалъ Петръ Петровичъ?

Его идеаль, его оми осуществилась для него въ лицѣ его дворянственницы-кличкины, Дарьи Семеновны. Борисъ Ильичъ дхнулъ и смеянулся ружьями, когда услышалъ объ этомъ. Не смотря однако жъ на то, онъ въ тотъ же день поѣхалъ къ сосѣду, вынулъ за здоровье повобраченнаго иконоетве тостовъ и, притомъ, рекомендовалъ себя во порядку въ доброе расположеніе Дарьи Семеновны и пощеловалъ у нея довольно красную руку, а она его въ раскраснѣвшуюся отъ тостовъ щеку.

Такой бракъ еще болѣе отдалялъ сосѣдей отъ Петра Петровича, и онъ въ теченіе шести лѣтъ, пока жилъ со своею супругою, никого не видалъ у себя, кромѣ старана друга, Бориса Ильича. Къ великому огорченію Петра Петровича, его подвигъ остался безъ вознагражденія. Лѣта его или впередъ, а или сьма, ни даже дочери! Столбовая его ливія была къ сакомъ опасностъ ползженіи. Въ седьмой годъ послѣ его брака, Дарья Семеновна, съ которой онъ жилъ, какъ воемшо служилъ, не очень дружно, простудилась, захворала и умерла, и бѣднѣй Петръ Петровичъ опять остался безнадежно-последнимъ въ родѣ. Съ горя онъ принялся еще усерднѣе за чтеніе книгъ и журналовъ, но на бѣду его, въ 1790 году не было издаваемо ни одного русскаго журнала, и онъ умиралъ въ деревнѣ со скуки.

Возвратился теперь въ кабинетъ его, гдѣ онъ разговаривалъ съ Борисомъ Ильичемъ, и взглянулъ, что они дѣлають. Петръ Петровичъ, все еще, съ очами на носу, стоитъ у окна съ книгами, а Борисъ Ильичъ сидитъ подлѣ него въ предѣлѣхъ.

— Вотъ журналъ, который совѣтовалъ бы тебѣ прочитать, Борисъ Ильичъ, говорилъ Петръ Петровичъ. Онъ называется *И то и сѣ*. А вотъ другой журналъ, называемый: *Или то или сѣ*. Первый издавалъ Башмаковъ, а другой—Рубанъ.

— Ужъ ираны, что ни те, ни съ! сивазъ Борисъ Ильичъ,
дядя.

— Ни то не съ, съ прость и сивазалъ, сжесубботилъс пади-
ня; вотъ полное названіе журнала. Вотъ Праздное время, такъ
же не очень хороній журналъ; это Трудобилка Вяела,
журналъ господина Сунаронова, Адекая Почта, господина
Энина, Всякая Всячина, господинна Козицкая; вотъ Подсе-
щина господина Тузова, вотъ Трумень, это Мурасей, это
Косельскъ, вотъ Чало-нибудъ, а вотъ это Растущій Вино-
градъ...

— Увольте, Петръ Петровичъ! ничего не понимаю! Чтѣ тутъ
у васъ такое! Трумени да мурасей, косельскъ да виноградъ! Все
это пустяки, все тѣ же книги, а вишу.

— Нѣтъ, не пустяки! Вотъ Поэма Лухассъ, журналъ, похор-
рый издавалъ въ прошломъ 1789 году господинъ Крыловъ,
Иванъ Андреевичъ, молодой человекъ двадцати-одного года.
Смѣло тутъ правды, смѣло ума, смѣло остроумія. Ужъ
этотъ журналъ и тебѣ бы вѣрно понравился. Какъ жаль, что
его перестали издавать! Ну вотъ еще Зеркало Селена, а это
Лекарство отъ скуки и заботы. Провеселый журналъ! Я тебѣ
прощу что-нибудь.

Петръ Петровичъ началъ читать Лекарство отъ скуки, но
не прочелъ пяти минутъ, Борисъ Ильичъ заснулъ въ преславы
вздремалъ. Петръ Петровичъ толнулъ съ досады и позыр-
нулъ журналъ на полку. Это разбудило его слушателя.

— Чего изволите? спросилъ Борисъ Ильичъ. Чтѣ вы ска-
зали?

— Ничего, братецъ! Я говорю, что ты настоящій сурокъ. За-
снулъ, когда тебѣ читають Лекарство отъ скуки!»

Да чтѣ жъ дѣлать, Петръ Петровичъ! Ужъ у меня натура
такая. Не могу, сударь, слушать чтенія. Сейчасъ же за-
дремлю!

— Ну, нечего съ тобой, видно, дѣлать. Валяка, ай, Валяка!
принеси-ка доску да разставь шашки. Скука, Борисъ Ильичъ!
Готовъ уѣхать куда-нибудь.

— А что жъ възнаеть? Провозайтесь-ка въ Петербургъ, да
въ няня возьмите съ собою!

— Вотъ-на! Да на насъ съ тобой, Борисъ Ильичъ, будутъ тамъ всѣ смотрѣть, какъ на чучель. Я давно совсѣмъ отъ свѣта отсталъ, да и ты столичныхъ обычаевъ ни на волосъ не знаешь.

— Бѣда не велика, Петръ Петровичъ! Поприглядимся на другихъ. Вѣдь не пойдемъ же съ вами по улицамъ, ногами вверхъ. Развѣ мы не люди?

Сѣдовласый Ванька припесъ шашки и разставилъ ихъ.

— Ну, садись-ка, сосѣдь! сказалъ Петръ Петровичъ.

— А по сколько будемъ играть? спросилъ Борисъ Ильичъ. Знаете ли что, Петръ Петровичъ? Мнѣ пришла слабая мысль. Сыграемте вотъ на какихъ кондиціяхъ. Если я проиграю, я вамъ плачу серебряный рублевикъ, а если выиграю, то мы съ вами ѣдемъ въ Петербургъ.

— Вотъ что выдумалъ!

— Ну что же? По рукамъ что ли?

— Изволь. Я знаю, что тебя обыграю. Гдѣ тебѣ! Ты всегда проигрываешь.

Началась партія, и въ этотъ разъ Борисъ Ильичъ выигралъ, да еще какъ выигралъ! Онъ очень скоро провелъ двѣ свои шашки въ дамки или *дóведи*, разбилъ на-голову Петра Петровича и въ-заключеніе двѣ его шашки заперъ въ такія мѣста, которыхъ техническія названія для незнатокъ игры покажутся непристойными. Черезъ нѣсколько недѣль, друзья уже ѣхали въ бричкѣ, по дорогѣ къ Петербургу. Сѣдовласый Ванька сидѣлъ на облучкѣ.

II.

У Петра Петровича сильно забилось сердце, когда онъ подъѣзжалъ къ столичной заставѣ; когда онъ опять увидѣлъ Петербургъ, гдѣ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ былъ онъ такъ счастливъ и несчастливъ. Первая пламенная любовь его къ Маврѣ Григорьевнѣ, всѣ мечты, всѣ радости и страданія молодости, при видѣ Петербурга, какъ будто ожили въ душѣ

его. На него нашла какая-то тихая, пріятная, усладительная грусть; онъ задумался, расчувствовался и даже прослезился. Между-тѣмъ Борисъ Ильичъ, никогда не видавшій Петербурга, смотрѣлъ на пышную столицу, разинувъ ротъ и выпуча глаза.

— Ну! городъ! Господи твоя воля! воскликнулъ онъ наконецъ. Да что съ вами, Петръ Петровичъ? Вы, кажется, плачете? О чемъ это?

— Эхъ, не спрашивай, сосѣдъ! Двадцать лѣтъ не шутка! Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ былъ въ Петербургѣ. Городъ все тотъ же, да ужъ я не тотъ.

Справедливо, Петръ Петровичъ! Тогда вы были прапоршикомъ, а теперь вы секундъ-маіоръ.

— Эхъ, Борисъ Ильичъ, все, братецъ, не то ты говоришь. Чинъ-то мой, конечно, теперь выше, да молодость-то моя гдѣ! Голова-то ужъ сѣдѣть начинаетъ. Пройдетъ еще лѣтъ двадцать, а кто знаетъ, можетъ-быть, и меньше, и меня уже не будетъ на свѣтѣ, и родъ мой навсегда исчезнетъ вмѣстѣ со мною!

Да чтожь, Петръ Петровичъ! Въ Петербургѣ много, чай, свѣтъ.

— Полно, братецъ! Ужъ я былъ женатъ. Мнѣ ужъ сорокъ шесть лѣтъ. Поздно думать о второй женитьбѣ. Притомъ я прожилъ вѣкъ свой въ глуши, съ одними книгами, сдѣлался философомъ, чудакомъ, совсѣмъ одичалъ. Какой дуръ могу и поправиться!

— Да чѣмъ вы не молодецъ? Притомъ вы сами въ книгахъ вычитали, что любовь сѣпа. Да и русская пословица говоритъ: «поправится сатана пуше яснаго сокола.»

— Спасибо за комплиментъ, сосѣдшка!

— Какой комплиментъ, Петръ Петровичъ! Я всегда говорю искренно, отъ сердца. Вы странный человѣкъ. Вѣдь сокрушаетъ васъ то, что вы послѣдній въ родѣ, а жениться не хотите. Вотъ я ниогда не думалъ и не думаю жениться; это дѣло другое. А вы? почему бы вамъ въ Петербургѣ не попытаться...

— Вздоръ, сосѣдъ, вздоръ! Образованная дѣвица, въ хорошей фамиліи, за мѣня не пойдетъ; а взять средней руки, какую

нибудь—слуга покорный! Да и есть такой, того и смотри, получишь отдачу. Каково это парадости! Я ужъ испытать это. Чортъ ихъ веберя, всѣхъ этихъ юбочницъ! Пусть пропадають мой родъ! Все равно!

— Эхъ, Петръ Петровичъ, отецъ родной! сказалъ Ванька. Не заглядывайтесь. Авось въ Петербургъ...

— Молчи, оселе! И онъ еще тутъ же... дуракомъ! Къ лицу ли мнѣ играть теперь роль Адониса. И надъ молодыми Адонисами и Нарциссами въ книгахъ и журналахъ смѣются, а мнѣ... ахъ ума что ли я сойду!

Бричка въѣхала въ Петербургъ и остановилась въ Большой Конюшенной улицѣ, у обширнаго постоялаго двора, который былъ дворецъ подъ названіемъ Демутова. На другой день Петръ Петровичъ и Борисъ Ильичъ, принарядившись, пошли осматривать столицу. Это было въ августъ мѣсяцъ. Ванька въ длинношолой, сѣрой ливреѣ, какъ будто сдѣланной подъ цѣпъ сѣдыхъ его волосъ, слѣдовалъ за ними. Они вышли на Невскій проспектъ. У домовъ, по обѣимъ сторонамъ улицы, были уже и тогда узкіе тротуары, подлѣ которыхъ, въ цѣлосторонь разстояніи одинъ отъ другаго, стояли деревянные столбы, выкрашенные голубою краскою, съ бѣлыми бордюрами и карнизамъ. Къ столбамъ приделаны были желѣзные прутья, на которыхъ висѣли шарообразные фонари. Наши прѣзвѣжые вышли на Дворцовую Площадь, потомъ отправились на Неву, потомъ въ Лѣтній Сады, потомъ на Фонтанку, и чуть не обошли всего города. Петръ Петровичъ не уздавалъ многихъ мѣстъ, останавливался, смотрѣлъ и дивился. Градистая набережная Невы, обдѣланные камнемъ и огороженные чугунными перилами берега Фонтанки и Екатерининскаго канала, величолѣпная рѣшетка Лѣтняго Сада, Мраморный Дворецъ, памятникъ Петру Великому, Большой Каменный Театръ, Арсеналь, Академія Художествъ, новыя строенія, обогнувшія амфитеатромъ Дворцовую площадь, тысячи другихъ зданій казенныхъ и частныхъ, все это явилось во время отсутствія Петра Петровича изъ Петербурга.

— Чудное дѣло! твердилъ онъ. Теперь вижу, что и я не дотъ, да и Петербургъ ужъ не тотъ.

Возвращаясь из пестолому двору Демута, онъ прошаёл по улицѣ, гдѣ находилось двухъ-этажный, деревянный домикъ бригадара Чистякова, тотъ самый домикъ, гдѣ Петръ Петровичъ давно полюбилъ и потерялъ Мавру Григорьеву. Сарица у него обилеела, и такъ у молодого челоука, бездна воспоминаній и чувствъ: она встала въ немъ. Петръ Петровичъ замѣнилъ, что у него волна подгибается и дрожать. Смотритъ съ надравомъ, смотритъ надъ вѣсомъ, припоминаетъ, собирается. Что ей пропаста! Та ли это улица? Та самая. Гдѣ же домъ, гдѣ прежній храмъ его счастья, его любви? Онъ встаетъ, На мѣстѣ его стоитъ трехъ-этажный, каменный домикъ. Петръ Петровичъ глубоко вздохнулъ. «Чей это домъ?» спросилъ онъ стоявшаго у воротъ дворника. — Жены господина Сморчкова. — «Сидора Карповича?» — Точно такъ. — Петръ Петровичъ еще разъ вздохнулъ и пошелъ далѣе, повѣсивъ голову. Боже мой! думалъ онъ. Сморчкова зналъ я, когда былъ я прапорщикомъ. Писарышка, теперь ужъ сдѣлался господиномъ и владыценомъ огромнаго дома. Домъ жены... дварилъ ны... жены! И гдѣ же этотъ несчастивецъ выстроилъ свой домъ? На развалинахъ моего счастья, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ старину жила она.

— Посмотри-ка, посмотри, есѣдъ! сказалъ Борисъ Ильичъ. Что это за дедники сюда скачутъ?

— Ба!... Да это Государыня изволитъ ѣхать. Видишь ли такъ ея карету?

— Государыня! восклицнули въ одинъ голосъ Борисъ Ильичъ и Вахла.

Всѣ трое остановились и сели пыпы. Въ два ряда, по обѣимъ сторонамъ улицы, ѣхали на сѣрыхъ лошадяхъ, сначала придворные служители, потомъ лейбъ-гусары, въ богатой одеждѣ. Каждый изъ нихъ былъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ другаго, отъ-чего весь воѣздъ казался очень длиннымъ. Между этими двумя рядами всадниковъ шесть стальныхъ, булавчатыхъ коней, убранныхъ страусовыми перьями и блестящей сбруей, везли нескорую рысью позолоченную карету, которой верхъ, казалось, держался на однихъ зеркальныхъ стеклахъ. Подлѣ лошадей шли два ряда спороходовъ. За ними слѣдовали,

по обѣ стороны кареты, два гайдука. Эти два великана одѣты были въ платье зеленого цвѣта, съ золотыми позументами на ихъ полукафтаныхъ и широкихъ шараварахъ. Длинные плащи того же цвѣта, спадая съ ихъ плечь, развѣвались вѣтромъ. На головахъ у нихъ были шапки съ бархатнымъ верхомъ и съ золотою кистью. У дверецъ кареты вѣхали на бѣлыхъ лошадяхъ, съ одной стороны, оберъ-штабмейстеръ, съ другой—унтеръ-штабмейстеръ. Поѣздъ замыкали лейбъ-казаки, на гнѣдыхъ лошадяхъ. Вскорѣ карета приблизилась. Народъ кланялся.

Когда карета проѣхала, Петръ Петровичъ и Борисъ Ильичъ, все еще безъ шляпъ, то смотрѣли въ слѣдъ за каретою, то взглядывали другъ на друга. Ванька палъ на колѣни.

Въ большомъ волненіи всѣ трое, чуть не бѣгомъ, возвратились въ гостиницу Демута, и цѣлый вечеръ съ восторгомъ говорили о Государынѣ.

Чѣмъ долѣе наши пріѣзжіе жили въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе онѣ имъ нравились. Петръ Петровичъ нанялъ хорошенькую квартиру, и каждый день, передъ обѣдомъ, а иногда и послѣ обѣда, прогуливался по городу съ Борисомъ Ильичемъ. По праздникамъ слушали они роговую музыку, прохаживаясь по Лѣтнему Саду, слушали музыку, игравшую каждый день въ полдень, на башнѣ Адмиралтейскаго шпіца, смотрѣли на гуляющихъ въ саду графа Строгонова, на Каменномъ Островѣ, на Крестовскомъ, на Елагиномъ, катались по Невѣ, въ нанятомъ восьмивесельномъ катерѣ, съ наряженными по-голландски матросами, пѣвшими русскія пѣсни подъ звукъ рожка,—словомъ сказать, гуляли вездѣ и веселились, какъ могли и какъ умѣли. Посреди столичныхъ развлеченій, Петръ Петровичъ началъ иногда забывать, что онъ послѣдній въ родѣ. Наступила осень. Проходя по Царицыну Лугу, Петръ Петровичъ съ Борисомъ Ильичемъ вздумалъ зайти въ театръ, который стоялъ на этомъ лугу. Онъ былъ деревянный и назывался Англійскимъ. Играли оперу: *Рѣдкая вещь*, переведенную съ италіянскаго знаменитымъ тогдашнимъ актеромъ Дмитревскимъ. Борисъ Ильичъ ничего не понималъ и съ половины оперы началъ зѣвать

Съез милосердія. Петръ Петровичъ прослушалъ всю піесу съ большимъ вниманіемъ. Любить, герой оперы, запѣлъ:

Гдѣ ты, Дитя дорогая,
Гдѣ ты, свѣтъ очей моихъ?
Часть души моей друга!
Гдѣ отъ мѣстъ сокрылась сила!

Гармоническое окончаніе стиха на слово: сила, которое актеръ украсилъ искусною трелью, растрогало Петра Петровича, отозвалось въ его сердцѣ. Слушая арію, онъ самъ мысленно пропѣлъ: гдѣ ты, Мавра дорогая? и вздохнулъ, глубоко вздохнулъ, живо вспоминая названію своей Мавры Григорьевны. Музыка вызвала изъ глубины его души призраки молодости, ея сладостныя мечты, ея любовь, всѣ ея улетѣвшія радости. Наконецъ актеръ Воробьевъ запѣлъ извѣстную арію:

Оплеуха! въ день самой свадьбы!
Оплеуха! во всю ланиту!
Оплеуха! испанцу Титу!
Оплеуха! въ мою красу!
Дѣдомъ и отцемъ клянуса,
Бабкой, матерью божуса:
Сей обиды не снесу.
(Обращаясь къ публикѣ).

О мужья, женамъ биты!
Буде здѣсь наъ васъ кто есть;
Вижу, что и мнѣ отъ Гиты
Равну участь съ вами есть.

Весь театръ зааплодировалъ. Эта арія опять помирала Петра Петровича съ одинокою жизнью. Онъ началъ вмѣстѣ съ другими аплодировать. Борисъ Ильичъ также хлопалъ въ ладоши, продолжая зѣвать и не зная, для чего онъ хлопаетъ. Онъ думалъ, что такой ужъ въ Петербургѣ обычай, и что всѣ въ театрѣ обязаны отъ времени до времени хлопать въ ладоши.

Черезъ недѣлю друзья отправились въ Большой Каменный Театръ. Было еще рано, и они сначала осмотрѣли внимательно всю наружность зданія. Надъ главнымъ входомъ его сидѣла Минерва, сдѣланная изъ карарскаго мрамора. На щитѣ ея была латинская надпись: *Vigilando quiesco*, то есть: бодрствуя, покоюсь. Друзья наши долго разбирали эту надпись и рѣшили, что она нѣмецкая. Наконецъ они вошли въ театръ, каждый заплатить по два рубля съ полтиной нѣдью за кресла (тогдашняя цѣ-

на), и сѣли въ третьемъ ряду креселъ, на сѣмьмихъ краѣ. Каждая ложа обита была особаго цвѣта обивкой, и у каждой были занавѣски того же цвѣта. Театръ былъ полонъ. Играли *Діанино древо*, другую піесу, переведенную Дмитревскимъ. Въ этотъ разъ Борисъ Ильичъ заснулъ съ самаго почти начала представленія. Напрасно Купоросовъ толкалъ его локтемъ. Сосѣдь его протиралъ глаза и вскорѣ опять засыпалъ. Петръ Петровичъ горѣлъ со стыда за него и далъ себѣ слово никогда не брать его въ театръ съ собою. Онъ съ безпокойствомъ подглядывалъ на сидѣвшихъ за ними, поднималъ глаза и на ложи, чтобы удостовѣриться: не смѣются ли надъ его сонливимъ соседомъ и надъ нимъ самимъ вѣстѣ. Вдругъ, при одномъ изъ такихъ взглядовъ на первый ярусъ ложъ, Петръ Петровичъ вздрогнулъ и обомлѣлъ. Въ ложѣ сидѣла она, сама Мавра Григорьевна, съ какою-то другою дамою и съ какииъ-то напудреннымъ господиномъ, въ шелковомъ французскомъ кафтанѣ, вышитомъ золотыми узорами. Купоросовъ забылъ, что онъ въ театрѣ, забылъ *діанино древо* и всѣ деревья на свѣтѣ, забылъ, что ему сорокъ шесть лѣтъ, и забылъ даже Бориса Ильича, который, нагнувши голову, спалъ безъ зазрѣнія совѣсти и начиналъ ужъ слегка всхрапывать. Петръ Петровичъ зажмуриваетъ лѣвый глазъ, приставляетъ къ правому зрительную трубку, глядитъ, всматривается и не вѣритъ своимъ глазамъ, или, правильнѣе сказать, приложу своему глазу, вооруженному отличною трубкой. Онъ зажмуриваетъ правый глазъ, переноситъ трубку къ лѣвому, смотритъ.... Чудеса!... Она! именно она! Впрочемъ чуда большаго не было бы еще, если бы Петръ Петровичъ увидѣлъ Мавру Григорьевну въ видѣ дамы, въ тридцать пять или шесть лѣтъ, какою ей слѣдовало тогда быть по вѣрному, математическому расчету. Но Петръ Петровичъ видитъ свою прежнюю, шестнадцатилѣтнюю Мавру Григорьевну! Онъ даже испугался, толкнулъ локтемъ Бориса Ильича и горлоливо сказалъ ему шопотомъ: «Посмотри на эту даму, вотъ въ этой ложѣ. Какимъ лѣтъ она тебѣ кажется?»

— Старая хрычовна! сказали сквозь зубы Борисъ Ильичъ, просыпаясь. Ему приснилось, что онъ въ своей деревнѣ бранится съ мучицой. Петръ Петровичъ еще болѣе испугался.

— Искус; старая! спросилъ онъ. Да что не туда, ищется, смотришь, Борисъ Ильичъ. Въ этой ложѣ нѣтъ ни одной старухи. Гдѣ жь ты видишь старую хрычовку?

— Какую старую хрычовку? спросилъ удивленный въ своемъ очередь Борисъ Ильичъ. О какой хрычовкѣ вы спрашиваете? Я никакой старухи не вижу на сценѣ. Тутъ все молодая дѣвка.

— Да не на сценѣ, а вотъ въ этой ложѣ, во второй отъ края. Видишь ли? Тутъ двѣ дамы. Та, которая ближе къ сценѣ, какихъ лѣтъ тебѣ кажется? Возьми вотъ трубку.

Въ тѣ времена въ театрахъ сплошь разговаривали и иногда довольно громко, на что жаловался тогдашній журналъ, Почта Духовъ. Поэтому и друзья наши могли разговаривать шепотомъ или вполголоса, не опасаясь быть подслушанными.

Борисъ Ильичъ взялъ трубку, навелъ ее на ложу, смотрѣлъ довольно долго и наконецъ сказалъ: «Дѣвушка лѣтъ осмнадцати, никакъ не больше.»

— Что ты говоришь!

— Да чему жь вы удивляетесь, Петръ Петровичъ?

— Знаешь ли ты, Борисъ Ильичъ, кто она?

— Почему мнѣ знать.

— Это моя.... Мавра Григорьевна!

— Чистякова, о которой вы мнѣ почти каждый день говорили въ деревнѣ?

— Она сама!

— Ну! Петръ Петровичъ! Красавица! Да какъ она сохранилась. Не дашь ей вниманья болѣе семнадцати лѣтъ. Да она ли possible?

— Она ли! Какой вопросъ!

— Такъ чтожъ Петръ Петровичъ.... какъ бы....

— Она за-нуждемъ! сказала шепотомъ Купоросовъ, вздохнуть.

— А можетъ-быть, оговѣла, замѣтилъ Борисъ Ильичъ. Въ двадцать лѣтъ много воды утекло, и много было свадебъ, родиль и похоронъ на баловъ свѣтъ.

— Оговѣла!... оговѣла! продолжалъ Петръ Петровичъ: почему ты это знаешь? Вотъ этотъ намузданный прощодилъ, ищется, ей нужна.

— Да онъ ей въ отцы ходится. Помилуйте! Старикъ дѣтъ шестидесяти.

— Правда! Поручикъ Семеновъ былъ напоятъ меня нестарше; онъ не могъ такъ состарѣться. А она! точно она! Не принимаю, ничего не конямаю!

— Да что жъ вы такъ безпокоитесь! Я, пожалуй, схожу въ эту ложу, поучтивѣ поклонюсь и спрошу: позволте, сударыня, узнать, не вы ли Мавра Григорьевна Селькина, урожденная Чистякова?

— Что ты, Борисъ Ильичъ! Какъ это можно! Вотъ скоро кончится представленіе; мы выйдемъ моранѣ въ корридоръ и взглянемъ поближе. Нѣтъ ли тутъ въ самомъ дѣлѣ ошибки! Да нѣтъ! какая ошибка! Развѣ волшебство какое-нибудь.

Петръ Петровичъ замолчалъ и съ невыразимымъ нетерпѣніемъ ждалъ конца представленія. Борисъ Ильичъ опять началъ зѣвать и дремать. Наконецъ занавѣсъ опустился. Зрители въ ложахъ, креслахъ и партерѣ подвинулись съ мѣстъ своихъ. Началось хлопанье въ ладоши, раздался крикъ: Урасова!... Ожогина!... Виноградову! Виноградову! Занавѣсъ подвинулся. Вызванные вышли и учтиво кланялись публикѣ. Bravo! bravo!... bravo!... грянулъ весь театръ, аплодируя. Тѣмъ и кончилось. Въ XVIII вѣкѣ не вызывали артистовъ по шести разъ сряду, словно на-сѣхъ, не перерывали вызовами хода пьесы въ самыхъ лучшихъ сценахъ, не досаждали артистамъ и умнымъ зрителямъ, превращая вмѣгъ королей и королевъ, принцевъ и принцессъ, героевъ и героинь, въ раскланывающихся актеровъ.

Купоросовъ не дождался выхода вызванныхъ артистовъ. Пока они кланялись и публика аплодировала, онъ успѣлъ уже взойти въ корридоръ перваго яруса. Тамъ съ Борисомъ Ильичемъ сталъ онъ у стѣны, сжавшись, и съ трепетомъ сердца ожидалъ, скоро ли отворится дверь ложи подлѣ № 2. Гайдуки и лакеи въ пышныхъ ливреяхъ суетились по всему корридорю; нѣкоторые задѣвали Петра Петровича ненарокомъ и толкали его. Онъ стоялъ неподвиженъ, какъ скала, устремивъ глаза на дверь ложи. Борису Ильичу, который также твердо стоялъ подлѣ Петра Петровича, ни за-что ни про-что досталось также нѣсколько толчковъ, и наконецъ одинъ гайдукъ, продѣвая

сквозь толпу, провелъ локтемъ по лицу Бориса Ильича и сумочку своей ливреи слегка шаркнулъ по блику его лѣваго глаза. Борисъ Ильичъ заморгалъ; глазъ его начало подергивать, вѣки невольво сжались, полились слезы. «Ахъ, проклятый!» ворчалъ Борисъ Ильичъ, нагнувшись и глядя своей глазъ кулачкомъ. Въ это время дверь ложи подъ № 2 отворилась. Вышелъ сначала напудренный господишъ. Это не Сельминъ: ни малѣйшаго сходства! Потомъ вышла дама, разряженная до нельзя по послѣдней модѣ только что начавшагося октября 1790 года, за ней другая, прекрасная дѣвушка или дама лѣтъ осмнадцати. Трудно было тогда распознавать ихъ по нарядамъ. Боже всемогущій! Это Мавра Григорьевна! Въ такомъ близкомъ разстояннн глаза не могутъ ошибиться.

— Смотри! смотри! шепталъ Купоросовъ Борису Ильичу, задыхаясь и тихонько толкая его локтемъ.

— Не могу, Петръ Петровичъ! Глазъ слезится и такъ его подергиваетъ, что силъ нѣтъ. Мошенникъ! Могъ бы совсѣмъ глазъ мнѣ выткнуть!

— Не правда ли, что прелестна? продолжалъ восторженный Петръ Петровичъ, не слушая его.

— Жаль, что этому бездѣльнику я не далъ хорошаго туза въ спину, чтобы онъ впередъ былъ осторожнѣе.

— Борисъ Ильичъ! Другъ любезный! Не знаю что и думать. Не во снѣ ли мнѣ все это грезится!

Петръ Петровичъ совсѣмъ вздурился. «Пойдемъ!» сказалъ онъ Борису Ильичу и началъ локтями прочищать себѣ дорогу сквозь сгустившуюся толпу, желая нагнать Мавру Григорьевну, самъ не зная для чего. Борисъ Ильичъ слѣдовалъ за нимъ, потирая глазъ и ворча: «Хорошо, какъ бы повался мнѣ этотъ негодий на крыльцѣ. Ужъ я бы скроилъ ему оплеуху.»

Купоросовъ нагвалъ Мавру Григорьевну на лѣстницѣ. Напудренный господишъ велъ подъ руку двухъ своихъ дамъ, безпрестанно твердя: позвольте вродти! За ними шелъ ихъ гайдукъ, въ ливреѣ, которая своей формой означала 4-й классъ. Тогда по ливреѣ слуги можно было узнать чинъ господина. Петръ Петровичъ сунулъ въ руку гайдука красенькую бумажку и тихонько спросилъ: «кто твой господишъ?» — Павелъ Сильичъ Ду-

тышесъ, смиралъ, — отвѣчалъ гайдуку на-учю. «А кто тамъ эти дамы!» — Справа, его сестрица, Варвара Силинина; а слева домъ, Віра Павловна. —

Поразившій такимъ образомъ, Петръ Петровичъ ушамъ не вѣрилъ и приостановился на лѣстницѣ, съ видомъ человѣка, осужденнаго на смерть. Его толкнули сзади, и онъ машинально; во всемъ смыслѣ этого романческаго слова, пошелъ внизъ по лѣстницѣ съ такою грустью, съ такимъ уныніемъ, какъ будто бы эта лѣстница сводила его прямо въ могилу. Какое затруднительное, мучительное, ужасное положеніе! Чему же вѣрить, глазамъ или ушамъ? Онъ готовъ былъ подтвердить философовъ, о которыхъ читалъ въ книгахъ и которые утверждали, что весь міръ не что иное, какъ мечта, вздоръ, обманъ нашихъ чувствъ. Но, можетъ-быть, проклятый гайдуку обманулъ меня! Эта мысль блеснула у него въ головѣ, какъ молнія, и онъ такъ быстро зашагалъ по лѣстницѣ, что Борисъ Ильичъ едва поспѣвалъ за нимъ слѣдовать и, смотря себѣ подъ ноги однимъ глазомъ, чуть не поскользнулся.

У главнаго театральнаго подъѣзда происходила обычная суматоха и давка. Одна за другою, подъѣзжали кареты, запряженные парами, четверками и даже шестерками по двѣ лошади въ рядъ. Тогда чины можно было распознавать не только по Liveries, но и по числу лошадей. Чины первыхъ двухъ классовъ ѣздили шестернею съ двумя особыми служителями; на верховыхъ лошадяхъ. Особы третьяго класса до бригадировъ или статскихъ совѣтниковъ включительно, ѣздили просто, шестернею; всѣ штабъ-офицеры четвернею, а оберъ-офицеры парною. Купоросовъ протѣснился къ подъѣзду и началъ внимательно разсматривать садившихся въ кареты. И слушавшій его, Борисъ Ильичъ, за нимъ протѣснился. На подъѣздѣ поминутно раздавался крикъ: князя такого-то, графини такой-то, барона такого-то карета готова! Петръ Петровичъ ждалъ появленія семейства Дутышевыхъ, чтобы еще взглянуть на Марю Григорьевну, чтобы открыть какъ-нибудь область вѣроломнаго гайдука, и чтобы рѣшить споръ своихъ глазъ и ушей. Подъѣзжаетъ карета, запряженная шестернею, съ размашистымъ на дверцахъ гербомъ; кричатъ: генерала Дутышева на-

речи готовя! И тотъ самый гайдукъ, который сразилъ Петра Петровича отвѣтомъ и чуть не выткнулъ глаза Борису Ильичу локтемъ, проворно отворяетъ дверцы кареты: въ нее садится сестра Дутышева, потому онъ самъ влѣзъ, крихти, въ карету, и чаклонокъ шпоркнула: туда же, по свидѣтельству глазъ Петра Петровича, Мивра Григорьевна, а по свидѣтельству его ушей, Вера Павловна.

Петръ Петровичъ и спутникъ его Борисъ Ильичъ вышли изъ-подъ колоннады главнаго подъѣзда на площадь. Ихъ окружили извозчики съ своими дрожками и высокими одноколками. Последнихъ экипажей у тогдашнихъ петербургскихъ извозниковъ было болѣе, чѣмъ дрожекъ, которые также отличались своею фермою отъ вышшихъ. — Куда баринъ? Господинъ! Господинъ! Дешево возьму! — Петръ Петровичъ безъ торгашья съ Борисомъ Ильичемъ въ первую одноколку, взялъ въ руки возжа, а извозчикъ сталъ на занятіи. Таковъ былъ тогда общій порядокъ ѣзды въ нашихъ одноколкахъ.

Муромцевъ погналъ лошадь вскачь.

— Не упасть бы, Петръ Петровичъ! Этакъ пожалуй, оба шенъ сломить.

— Молчи, Борисъ Ильичъ.

— Господинъ!... Баринъ!.. Лошадь измучите.

— Молчи, дуракъ! За все заплатю, хоть бы лошадь твою околѣла, а одноколка разсыпалась.

Вскорѣ Петръ Петровичъ сталъ лошадь сдерживать и поѣхалъ тише, въ сабѣзъ за какой-то каретой.

День былъ торжественный; на всѣхъ улицахъ горѣли прѣшкки. При свѣтѣ ихъ, Борисъ Ильичъ разсмотрѣлъ лицевое гайдука, стоявшаго на заняткахъ кареты.

— Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ! сказалъ онъ: это, кажется, тотъ самый оканчившій вершило, который мнѣ давеча чуть глаза не выткнулъ.

— Можетъ быть.

Борисъ Ильичъ замолчалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять спросилъ: — Да куда же вы ѣдете, Петръ Петровичъ? Къ нашей квартирѣ совсѣмъ не та дорога.

— Можетъ быть.

— Что съ вами? Ужь грѣхотъ не прогнѣвалъ ли я васъ чѣмъ-нибудь?

— Можеть быть!

— Вотъ — ва! Да чѣмъ же, скажите, ради Бога, и простите великодушно. Ужь не на то ли вы гнѣваетесь, что я дремалъ въ театрѣ? Что жъ дѣлать, если у меня натура такая. Не люблю никакихъ пустяковъ; тотчасъ засну. Люблю только одно дѣльное и дѣйствительно полезное. Кто же вамъ велить! Не берите впередъ меня въ театры съ собою. Да не сердитесь же, Петръ Петровичъ, простите великодушно.

— Я не сержусь нисколько; отстань Борисъ Ильичъ! Не бѣси меня. Я разстроень, и больше ничего.

Въ это время они выѣхали на Англійскую набережную. Ѣхавшая передъ ними карета наконецъ остановилась у одного двухъ-этажнаго, каменнаго дома. Петръ Петровичъ про-себя замѣтилъ этотъ домъ, проѣхалъ далѣе, до конца набережной, потомъ поворотилъ лошадь и отправился, ближайшею дорогою, къ своей квартирѣ. Извозчикъ получилъ отъ него синюю ассигнацію и удивился такой щедрости.

Ванька подалъ тотчасъ самоваръ. За чаемъ Борисъ Ильичъ сказалъ Куворосову: — Позвольте спросить, что вамъ вздумалось, Петръ Петровичъ, проѣхать, послѣ театра, до конца Англійской набережной? На иллюминацію что ли вы взглянуть хотѣли?

— Н—да... на иллюминацію.

— Да что жъ тутъ особеннаго на набережной? Тѣже площадки, что и на другихъ улицахъ.

— Ты ничего не понимаешь, Борисъ Ильичъ. Я хотѣлъ взглянуть, каковъ видъ на Неву при освѣщеніи.

— Вотъ что! Теперь понимаю.

Прошло нѣсколько недѣль. Борисъ Ильичъ замѣтилъ въ Петрѣ Петровичѣ большую перемену. До того времени онъ жилъ въ Петербургѣ удивленно, ни съ кѣмъ не знакомясь, а послѣ того вечера, когда смотрѣлъ въ театрѣ Дианно древо, началъ искать знакомствъ, не рѣдко мѣнялъ свои банковые билеты и угощалъ новыхъ знакомцевъ то обѣдами, то ужинами. Кажддаго новаго знакомаго онъ, какъ-будто мимоходомъ, при удоб-

номъ случай спрашивалъ: не знакомъ ли онъ съ генераломъ Дутышевымъ? Нѣкоторые ему отвѣчали, что онъ особа 4-го класса, былъ начальникомъ какого-то присутственнаго мѣста, довольно богатъ и живетъ въ отставкѣ. Но ни одного человѣка, бываю знакомаго съ Дутышевымъ, Петру Петровичу не встрѣтилось.

Разъ, къ великому удивленію Бориса Ильича, Петръ Петровичъ приказалъ Ванькѣ пригласить къ нему самаго моднаго портнаго. Явился на приглашеніе мосье Трибуле, Французъ, который, живя давно въ Россіи, говорилъ кое-какъ по-русски.

— Послушайте, мусье! сказалъ ему Петръ Петровичъ. Я хочу заказать вамъ нѣсколько паръ платья, для себя и для этого господина.

Онъ указалъ на Бориса Ильича.

— Для чего это, Петръ Петровичъ! Это, кажется, лишнее.

— Лишнее! Не все же вамъ ходить съ тобой философи, чертъ вѣдаетъ въ какихъ костюмахъ. Мы съ тобой вѣдь оба столбовые, а васъ, на улицахъ, безъ сомнѣнія всѣ принимаютъ за какихъ-нибудь мѣщанъ.

— Да, это справедливъ! сказалъ Французъ. Для каждаго благороднаго господина костюмъ есть первый дѣло. Я буду нарядить васъ, какъ настоящій французскій маркисъ. Вы будете настоящій Адонисъ и Нарсисъ. Вамъ будетъ казать лѣтъ двадцать отъ роду, никакъ не больше.

— Да ты, мусье, съ нами чудеса надѣлаешь, я вижу! сказалъ Борисъ Ильичъ.

Сторговавшись съ Французомъ, Петръ Петровичъ заказалъ ему, для себя и для Бориса Ильича, самое модное платье: французскій кафтанъ изъ дорогой шелковой матеріи съ широкими полосами; полы длинныя; лифъ короткій; большія пуговицы изъ граверной стали. Канзолъ или жилетъ изъ другой, полосатой же матеріи. Штаны шелковые съ одноцвѣтными полосками. Сверхъ того Петръ Петровичъ, по совѣту Француза, поручилъ ему купить для нихъ лучшія шелковыя чулки, овальныя, бронзовыя, пряжки для башмаковъ, которыя, какъ объяснилъ портной, слѣдовало надѣвать вдоль, а не поперегъ башмака. Французъ совѣтовалъ еще купить въ какомъ-нибудь ан-

двѣнадцатомъ нарядѣ для Петра Петровича и его друга, лейтенанта Кувросова, французскія шапки, выстолпихъ тюрбановъ, шаровыхъ шапокъ.

— Хорошо, купцы сказали Петръ Петровичъ. Да какъ вышло нешто будетъ готово, пришлите, нуль, напомнить намъ хорошаго французскаго парикмахера. Тебѣ вѣрно много дѣлѣтъ знакомы.

— Караше! сказалъ портной и посоветовалъ завестись до французскомъ магазинѣ щудрой, помадой и духами. На вопросъ Кувросова: какая самая модная прическа? онъ отвѣтилъ, не советовалъ бы ему убрать голову большими *версакетомия* и большими буками, или сдѣлать на головѣ тупей *алакроше*, и во всякомъ случаѣ хорошенько напомадиться, надудриться и подушиться.

Французъ, взявъ деньги, ушелъ.

— Что это сдѣлалось нынче съ вами, Петръ Петровичъ! сказалъ Борисъ Ильичъ. Не понимаю! Я думаю, что мы, нынѣ, во крайней мѣрѣ, я... очень буду хорошъ въ полосатомъ костюмѣ, съ вержетомъ или съ тупеекъ *алакроше* на головѣ.

— Будешь похожъ на всѣхъ прочихъ дворянъ, и только.

— Да я забывалъ, что наряды, которые вы заказали, носятъ большею частію молодые люди, *ветхилетры*.

— Пустое. Одеваться по модѣ всякому нехотѣнно нужно. Это мы говорили многіе изъ моихъ новыхъ знакомыхъ.

— Да не лучше ли, Петръ Петровичъ, заказать намъ себѣ по мундиру Санктпетербургскія губерніи. Вѣдь красныя: воротничъ свѣтлоснѣій, подборъ черныя, лацканы, воротничъ и обшлага черныя бархатныя, пуговицы ибѣдныя, съ гербомъ, штаны бѣлыя. Право, красиво.

— Нельзя. Этого мундира носить одни должностные чиновники и даже должностные граждане изъ купцовъ или мѣщанъ. Нѣтъ, ужъ одѣнемся подворянски, какъ следуетъ столбовымъ.

Вскорѣ друзья нарядились совершенными щеголями. Всѣ новые ихъ знакомцы одобрили ихъ туалетъ. Насталъ лѣтній 1791 годъ. Къ великой радости Петра Петровича съ этого года начали выходить евые журналы: *Иртышъ*, *всеребрающійся въ Инокрену*, Панкратія Сумарокова, *Московский Жур-*

наль, молодого, двадцатипятилетнего шестера, Николая Каренина, Члены для вкуса, разума и чувствительнѣй, Суханько и Подшивалова, и Магалинъ алмаинскій, французскій и немецкій новыхъ модъ. Онъ подписался на всѣ четыре журнала и читать, съ особеннымъ вниманіемъ, Магалинъ новыхъ модъ.

Зима и весна прошла. Наступилъ мѣсяцъ. Петръ Петровичъ гулялъ, бранялъ и веселился со своими новыми знакомыми. Они смѣялись часто надъ его неловкостью, надъ его невниманіемъ свѣтскихъ обычаевъ. Онъ не обижался, слушая ихъ замѣчанія, и спрашивалъ о всѣхъ обычаяхъ, о всѣхъ тонкостяхъ, наблюдаемыхъ въ большомъ свѣтѣ, особенно въ обществѣ дамъ. Борись Ильичъ смѣялся поэтому, что у Петра Петровича явилась охота со временемъ рискнуть и вступить въ незнакомую ему совершенно область женскаго общества. Немало дивился Боричъ Ильичъ. Онъ замѣтилъ еще, что Петръ Петровичъ ужъ рѣже бранитъ женщинъ, что онъ часто ходитъ на прогулки одинъ, бываетъ въ Лѣтнемъ Саду и на Англійской Набережной. Особенно эта набережная сдѣлалась любимымъ гуляньемъ Петра Петровича.

Однажды въ воскресенье гуляли они въ саду графа Строгонова. Садъ этотъ съ того времени мало измѣнился. Гуляющихъ была бездна, на лугу близъ дачи графа игралъ оркестръ музыки. Подъ звуки ея, паръ двадцать, или болѣе, танцовали на досчатой площадкѣ, подъ открытымъ небомъ. Кругомъ стояли палатки, гдѣ гуляющіе отдыхали и подкрѣпляли силы разными разностями, которыя продавалъ трактирщикъ, въ большой палаткѣ устроившій свое заведеніе.

Петръ Петровичъ и другъ его одѣты были по послѣднему журналу. Они важно прохаживались по дорожкамъ, смотрѣли на другихъ разряженныхъ мужчинъ и дамъ, и наконецъ подошли къ досчатой площадкѣ, гдѣ танцовали.

— Вѣдь это она, право она! сказалъ вполголоса Петръ Петровичъ, и глаза его заблестали радостью.

— Кого вы увидѣли? спросилъ Борись Ильичъ.

— Вѣру Павловну, которая, какъ двѣ капли воды, похожа на мою Мавру Григорьевну, когда ей было шестнадцать лѣтъ.

— Такъ вы наконецъ узнали, что это не Мавра Григорьевна?

— Узналъ, давно узналъ, оштрафалъ Петръ Петровичъ со вздохомъ. Знаешь ли что? Я хочу тебя удивить.

— Удивить?... Чѣмъ, Петръ Петровичъ?

— А вотъ чѣмъ: я пушусь въ танцы. Какъ тебѣ это нравится?

— Богъ съ вами, Петръ Петровичъ! что вы это! какъ можно вамъ пускаться всенародно въ танцы. Вы, я думаю, гдѣ ужъ двадцать не танцовали; осрамитесь совсѣмъ и всѣхъ насмѣшите.

— Не бойся, авось не осраплюсь. Тутъ превосходный, единственный случай познакомиться. Здѣсь вѣдь загородное гулянье, обхождение за-просто; всѣхъ свѣтскихъ обычаевъ знать не нужно. Гдѣ же и когда я иначе познакомлюсь.

— Съ кѣмъ, Петръ Петровичъ?

— Съ Дутышевыми.

— Вотъ что! Однако жъ, воля ваша, я умру со страху за васъ. Ну если вы спутааете въ танцѣ фигуру, если станете въ туникъ, если уроните даму или сами упадете, если всѣхъ насмѣшите вашими старинными па.

— Не бойся, Борисъ Ильичъ! Пушусь на авось. На авось города берутъ. Подержи-ка мою шляпу.

— Эй, Петръ Петровичъ, быть худу! Удержитесь лучше! Какой бѣсъ смущаетъ васъ танцовать.

— Нельзя, нельзя пропустить случая, молчи.

Съ этими словами Петръ Петровичъ прямо подошелъ къ Вѣрѣ Павловнѣ и пригласилъ ее на танецъ.

— Извините, сударыня, что, не имѣя чести васъ знать, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить васъ, не отказать мнѣ, сдѣлавъ честь и доставивъ мнѣ несказанное удовольствіе того необыкновеннаго счастья, которое, протанцовавъ и осчастлививъ меня, не можетъ не превзойти...

Петръ Петровичъ спутался. Дрожащій голосъ его пресѣлся.

— Чтѣ вамъ угодно? спросила Вѣра Павловна, улыбувшись.

— Чтобы вы осчастливили меня, протанцовавъ со мною.

— Что будутъ теперь танцовать?

— Новомодный танецъ: *англійскія прогулки*.

— Очень хорошо. Я почти никогда не танцую съ незнакомыми, однакожъ...

Она посмотрѣла на тетку, Варвару Сплишну, которая сидѣла съ нею рядомъ.

Тетка, кивнувъ головой, дала ей разрѣшеніе.

— Однако жъ, продолжала Вѣра Павловна: здѣсь, за городомъ, принято танцовать съ незнакомыми. Извольте, я согласна.

Петръ Петровичъ отъ восторга поцѣловалъ ей руку. Такая смѣлая учтивость незнакомаго разсмѣшила и вмѣстѣ сконфузила Вѣру Павловну. Она слегка покраснѣла, улыбнулась и стала на досчатую площадку, со своимъ кавалеромъ.

Оркестръ заигралъ. Съ первымъ аккордомъ музыки, Бориса Ильича, отъ страха за своего друга, бросило въ жаръ, а потомъ въ холодный потъ. Ни живъ, ни мертвъ, смотритъ онъ на Петра Петровича и думаетъ: ужъ здоровъ ли онъ? Въ его лѣта такъ куролесить! Осрамится онъ, осрамится, окаянный!

Танецъ начался. Борисъ Ильичъ смотритъ, и глазаи не вѣрять. Что за диковина, что за чудеса! Да Петръ Петровичъ ли это? Какая легкость! Какая чистая, отчетливая выдѣлка всѣхъ па! Какое твердое знаніе всѣхъ фигуръ!

Быстрый переходъ отъ страха къ неожиданной радости сильно взволновалъ кровь Бориса Ильича. Онъ приказалъ подать себѣ большой стаканъ лимонаду. Тѣфу пропасть! думалъ онъ, прихлебывая лимонадъ и продолжая олдывать глазами за своимъ другомъ: да не бѣсы ли его носятъ? Смотри, пожалуй! Какіе онъ выверты, какія вычурныя фигуры выдѣлываетъ погами! Не зналъ я за нимъ этого, хоть коротко знакомы съ нимъ двадцать лѣтъ.

Между-тѣмъ Купоросовъ носился въ вихрѣ танца, какъ Сильфъ, въ совершенномъ упоеніи. Иногда, въ восторгѣ, пожималъ онъ слегка руку Вѣрѣ Павловнѣ. Та краснѣла и взглядывала на него съ удивленіемъ. Восторженный Петръ Петровичъ не замѣчалъ ничего. Онъ чувствовалъ, что на двадцать

лѣтъ помолодѣлъ; ему казалось, что онъ такъ же счастливъ, какъ встарину былъ; что въ жизни съ нимъ совершенно ничего не случилось въ теченіе двадцати лѣтъ; что этихъ двадцати лѣтъ вовсе не было, и что онъ, влюбленный, по уши влюбленный, танцуетъ съ шестнадцатилѣтней Маврой Григорьевной. И вдругъ, ужъ не домовой (домовыхъ въ садахъ не водятся), а вѣроятно лѣшій подъ музыку новомоднаго танца запѣлъ старую пѣсню:

Купоросовъ, Купоросовъ,
Ты послѣдній въ родѣ!
Стой, стой, не танцуй!
Ты послѣдній въ родѣ.

Ему стало грустно. Танцуя, онъ задумался. Сомнительно, очень сомнительно, чтобы Вѣра Павловна пошла за меня замужъ. Такъ подумалъ онъ и ясно вспомнилъ въ то же время, что онъ не прапорщикъ, а секундъ-майоръ; что ему ужъ срокъ шесть лѣтъ, что у него много ужъ сѣдыхъ волосъ на головѣ, и что онъ послѣдній въ родѣ!

Съ другой стороны, чтò жъ такое!—размышлялъ онъ, выдѣлывая очень мудреное па: развѣ не выходятъ молодыя дѣвушки за пожилыхъ, развѣ не влюбляются онѣ даже въ стариковъ, и старикн въ молодыхъ дѣвушекъ, а я еще не старикъ, я цвѣтушихъ лѣтъ мужична. Чтò будетъ то будетъ! Надобно дѣйствовать.

Вмѣстѣ съ этимъ размышленіемъ окончилась англійскія прогулки. Онъ отвелъ, подъ руку, Вѣру Павловну на прежнее ея мѣсто, низко поклонился ей, и, обратясь къ ея теткѣ, пригласилъ ее на слѣдующій танецъ. Варвара Сплишна пожеманнулась и согласилась. Танцуя съ пей контрдансъ, Петръ Петровичъ говорилъ безъ умолку, любезничалъ не хуже самаго ловкаго медвѣдя и отпускалъ ей предикіе комплименты самой топорной работы. Варвара Сплишна была уже не молода и нехороша, и потому невзыскательна. Она вообразила въ-добавокъ, что Петръ Петровичъ въ нее немпожко влюбленъ. Слѣдствіемъ такого умозаключенія было то, что она пригласила Купоросова въ

домъ своего брата, принявъ на себя представить ему новаго, любезнаго знакоца.

Петръ Петровичъ расшаркался, разсыпался въ изъявленіяхъ своей благодарности за эту неожиданную честь, хотѣлъ сказать въ заключеніе что-то очень умное, сказалъ превеликую глупость, расшаркался и ушелъ.

— Поздравь меня! сказалъ онъ Борису Ильичу, схвативъ его за руку и крѣпко сжать ее: успѣхъ совершенный, неожиданный! Я... приглашенъ въ домъ Дутышевыхъ.

— Какую честь поздравить, Петръ Петровичъ, и очень радуюсь, видя, что вы радуетесь, хотя и не понимаю хорошенько, чему.

— Какъ чему! Теперь можно тебѣ признаться. До сихъ-поръ это моя была тайна. Я влюбленъ, давно влюбленъ, что называется по-уши, въ Вѣру Павловну.

— Вотъ тебѣ разъ!

— Чему же ты удивляешься?

— Я не удивляюсь; я только соображаю, что ей лѣтъ восемнадцать, а вамъ сорокъ семь, и что поэтому вамъ надобно...

— Сорокъ шесть, сударь, только сорокъ шесть. Не прибавляй мнѣ лѣтъ-то.

— Виновать! сбился. Дай Богъ вамъ успѣха, Петръ Петровичъ! сердечно этого желаю. Хотя она и молоденька, да что жъ твоее въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь такихъ жениховъ, какъ вы, и въ Петербургѣ немного найдется. Да скажите, пожалуйста, когда вы такъ прекрасно танцовать научились? Я не могъ удивиться.

— То-то же! ужъ скажу тебѣ и другой секретъ сегодня. Я тихонько бралъ уроки у перваго въ Петербургѣ театральнаго танцовщика и балетмейстера, Француза Лепика.

— Вотъ что! Дѣло! Жаль, что я прежде этого не зналъ. Я за васъ патрусился такъ, что мнѣ чуть дурно не сдѣлалось.

Друзья побродили еще по саду, позѣвали на гуляющихъ, прошли вдоль Черной Рѣчки, навяли одноколку и отправились домой, оба совершенно довольные прогулкой, собою и судьбою.

III.

Приближался желанный, но вѣстѣ и страшный день, когда Петръ Петровичъ долженъ былъ въ первый разъ явиться, сначала, по утру, съ визитомъ, и потомъ на вечеръ, на балъ, въ домъ Павла Силыча Дутышева. Навѣрное Фридрихъ Великій передъ Куперсдорфскимъ сраженіемъ менѣе беспокоился, менѣе былъ озабоченъ. Сѣдовласый Ванька, что называется, сбился съ ногъ, и не разъ подумалъ, что его баринъ помѣшался. То посылалъ онъ его въ разные модные магазны, то къ портному, то къ парикмахеру, наряжался каждый день будто въ гости, переодѣвался разъ пять, примѣривалъ всѣ свои камзолы и кафтаны, причесывался на разные манеры, смотрѣлся въ зеркало, потомъ бралъ въ руки книгу, заглядывалъ въ нее и слова подходилъ къ зеркалу.

— Хочу я васъ спросить, Борисъ Ильичъ, сказалъ разъ Ванька, когда Петра Петровича не было дома: отъ-чего это баринъ сталъ нынче такой причудливый? То и дѣло наряжается да переодѣвается. Отчего это онъ посмотрится въ зеркало, да книжку почитаетъ, почитаетъ книжку да опять къ зеркалу. Не напустилъ ли ужъ кто на него какого наважденія? Не отъ тоски ли онъ такъ мечется?

— Простакъ ты, Ванька! Баринъ твой читаетъ Магазины новыхъ модъ, и смотритъ въ зеркало: такъ ли онъ одѣтъ, какъ въ книгѣ написано.

— Вотъ притча какая! А нѣтъ и не вдомѣкъ. Да отчего, Борисъ Ильичъ, онъ у насъ нынче такой щеголь сдѣлался? Прежде за нимъ этого не водилось. Бывало, хоть кулъ на него надѣнь, такъ ему и горя мало.

— Порадую я тебя, Ванька, только смотри: что отъ меня услышишь, никому не смѣй сказывать, и твоему барину объ этомъ ни гугу. Это еще секретъ.

— Слушаю-съ.

— Твой баринъ хочетъ жениться.

— Ой ли! Слава-те-господи! То-то я смотрю, онъ сталъ нынче веселѣе. Такъ вотъ что! Дай Богъ ему счастья! Дай Богъ ему въ добрый часъ подъ златъ-вѣнецъ стать и съ супругою во всякомъ благополучиѣ жить, да дѣтокъ нажить. Онъ все, сердечный, сокрушался, что у него ни одного сынишка нѣтъ.

— Молчи, молчи! кажется, Петръ Петровичъ воротился. Чу! въ дверь кто-то стучится.

Петръ Петровичъ вошелъ въ комнату, съ сильною тревогою на лицѣ.

— Ванька! сказалъ онъ: бѣги къ парикмахеру, мусье Муто-ну, и проси его завтра въ шесть часовъ утра ко мнѣ, непре-мѣнно. Потомъ слетай къ портному, мусье Трибуле, и скажи ему, что я его убью, если мой новый кафтанъ не поспѣетъ, и если онъ не пришлетъ его завтра, не позже восьми часовъ утра. Отъ портнаго забѣги къ господину Лепику и скажи, что я прошу его всепокорнѣйше пожаловать ко мнѣ завтра въ де-вять часовъ, утромъ,—слышишь ли?—утромъ. Да найми еще на-завтра, на цѣлый день, карету четверкой—слышишь ли?—четверкой.

— Слушаю-съ, сказалъ Ванька съ веселымъ видомъ, схва-тилъ свою шляпу и побѣжалъ на лѣстницу. Прежде, въ по-добныхъ случаяхъ, онъ иногда хирился и чесалъ заты-локъ.

— Уфъ! воскликнулъ Петръ Петровичъ со вздохомъ, садясь на диванъ.

— Что съ вами, сосѣдушка?

— Охъ, Борисъ Ильичъ! Плохо!

— Да скажите, ради Господа, что такое?

— Ужасъ беретъ, какъ подумано! Завтра... ужъ не знаю что будетъ завтра! Голова кругомъ идетъ!

— Не сочинилась ли ужъ бѣда какая?

— Плохо, Борисъ Ильичъ, плохо, другъ любезный! Дрожь пронимаетъ! Завтра... поутру... я долженъ представиться Ду-тышеву и всему его семейству. Я получилъ записку.

— Да что жъ такое, Петръ Петровичъ! о чемъ такъ трево-житься. Вѣдь не съѣдятъ васъ тамъ.

— Не съѣдятъ! Конечно не съѣдятъ, но я самъ себя зарѣжу!

— Что вы, Богъ съ вами! Вѣдь вы христіанинъ! Да и есть ли отъ чего тутъ зарѣзаться. Самы же вы и спали и видѣли, чтобы попасть вамъ въ домъ Дутышевыхъ. Зарѣзаться! Что вы это! поинтересуйтесь! Что за малодушіе!

— Не то, Борисъ Ильичъ! Я себя зарѣжу, то есть осрамлю, опозорю.

— И! сосѣдъ! Пустое! Ужъ вы черезъ-чуръ трусите. Давеча вы довольно спокойно говорили, что поѣдете къ Дутышевымъ послѣзавтра...

— Вотъ то-то и есть— послѣзавтра! Я бы успѣлъ поприготовиться, собраться съ духомъ; а то застаю въ распlohъ. Что если мой новый кафтанъ не поспѣетъ къ утру, если парикмахеръ отозванъ, если... чортъ возьми! Ничего не успѣешь порядкомъ обдумать и сообразить до завтра. Кто могъ ожидать, что переиѣнять день.

— Право, нечего бояться такъ много, сосѣдушка! Да возьмите, ради смѣлости, меня съ собою. Я бы васъ, авось, подержалъ. Мнѣ случалось на своемъ вѣку болѣе васъ толкаться по генеральскимъ домамъ, у насъ въ губерніи. Я даже губернатору нѣсколько разъ представлялся. Струсилъ Дутышева, генерала въ отставку! Что онъ за ошгура въ самомъ дѣлѣ! Подъ судъ не отдастъ. При томъ мы съ вами и сами столбовые. Скажи онъ мнѣ грубое слово, я съ нимъ, зубъ за зубъ, спѣплюсь. Разсудите, чего трусить честнымъ дворянамъ, какъ мы съ вами? Развѣ не такъ шаркинешь, не такъ поклоннешься, сболтнешь что-нибудь не впопадъ — важное дѣло! Не уголовное преступленіе: въ тюрьму не посадятъ. Поѣдемъ вмѣстѣ, Петръ Петровичъ. Увидите, что я вамъ придамъ духу.

— И въ самомъ дѣлѣ не взять ли мнѣ тебя съ собою? сказалъ Петръ Петровичъ, потирая лобъ. Ловко ли оно? Впрочемъ, что жъ тамъ! Я могу сказать, что я нигдѣ безъ тебя не бываю, что ты мой старинный другъ, и вездѣ ѣздилъ со мною въ видѣ ассистента. Постой! Я напишу предварительно объ этомъ записочку къ сестрѣ Дутышева. Только смотри, сосѣдъ! Не струсилъ ли ты?

— Вотъ еще! Въ гости съѣздить не въ берлогу на медвѣди идти. Хаживала я и на медвѣдей, да не трусилъ.

Когда Ванька вечеромъ возвратился, Петръ Петровичъ послалъ его къ Варварѣ Силишиѣ съ запиской, въ которой въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ увѣдомлялъ ее, что завтра онъ явится къ нимъ въ домъ, съ другомъ своимъ, и что онъ рекомендуетъ и себя и его въ великодушное ея покровительство.

— Ты, я вижу, усталъ, Ванька, да что дѣлать! удружи, говорилъ Купоросовъ: слетай съ этой записочкой на Английскую Набережную и отдай кому-нибудь въ домѣ генерала Дутышева.

И Ванька, съ веселымъ лицомъ, опять полетѣлъ. Онъ долго проискалъ дома Дутышевыхъ и нашелъ его тогда уже, когда пробилъ полночь, и крыльцо дома было уже заперто. Ванька не догадался позвонить и началъ стучаться, но видно боялся стучаться громко: никто его не слышалъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи онъ однако жъ не потерялся. Неподалеку отъ дома увидѣлъ онъ колбасную лавку, гдѣ свѣтился еще огонь. Ванька постучался въ окно, объяснилъ колбаснику, черезъ форточку, свое затрудненіе, купилъ у него колбасы на гривену и упросилъ его взять отъ него записочку и доставить ее, на другой день утромъ, въ домъ Дутышевыхъ. Такимъ образомъ, по распоряженію догадливаго слуги, записочка Петра Петровича была доставлена удивленной Варварѣ Силишиѣ черезъ колбасника.

На другой день, въ шесть часовъ утра, явился мосье Мутонъ, парикмахеръ. Онъ избилъ самый щегольской тупей Петру Петровичу, завилъ его и напудрилъ. Потомъ причесалъ Бориса Ильича. Услышавъ, что Ванька поѣдетъ съ ними, ситлинный Французъ, желая получить плату за три головы, объявилъ рѣшительно, что ливрейнаго лакея также слѣдуетъ необходимо причесать и напудрить.

— На что это, мосье! возразилъ Ванька: у меня и безъ удры волосы бѣлые.

Французъ сказалъ Купоросову, что ѣхать въ знатный домъ съ сѣдымъ лакеемъ, значитъ нарушить всѣ законы приличія. Петръ Петровичъ встревожился и немедленно приказалъ за-

вить, причесать и напудрить, по послѣдней модѣ, и Ваньку.

— Чудное дѣло! говорилъ Ванька, когда его пудрили. Чего Нѣнцы не выдумаютъ! Нѣнцами называлъ онъ всѣхъ иностранцевъ. Видно хлѣбъ-то нѣтъ дешево здѣсь достается, что они муку по-пустому сыплютъ всѣмъ на голову. Головъ-то въ Петербургѣ много. Сколько муки даромъ переведутъ! Лучше бы изъ нея пироговъ напечь.

— Молчи, дуралей! крикнулъ Петръ Петровичъ.

Когда прическа Ваньки была окончена, онъ подошелъ къ зеркалу, взглянулъ на себя и покатился со смѣху. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ очень забавецъ.

Къ великой радости Петра Петровича портной привнесъ въ назначенный часъ новыи кафтанъ. Петръ Петровичъ при помощи мосье Трибуле одѣлся и отпустилъ его и парикмахера, расплатясь съ ними очень щедро.

Въ девять часовъ явился балетмейстеръ Лепикъ.

— Извините, батюшка, что я васъ обезпокоилъ, сказалъ Петръ Петровичъ: крайняя нужда мнѣ до васъ встрѣтилась. Мнѣ надобно сегодня представиться одному важному лицу. Не соблюдается ли при этомъ какихъ особыхъ приемовъ въ походкѣ, въ поклонахъ, вообще во всеи? Я надѣюсь, что вы не откажетесь обязать совѣтомъ вашего прежняго ученика.

Подобно тому, какъ Талья училъ Наполеона величественнымъ приемамъ, Лепикъ началъ наставлять секундъ-майора Купоросова приемамъ свѣтской ловкости. Лепикъ шаркалъ, ходилъ, кланялся, повертывался. И Петръ Петровичъ старался въ точности выдѣлать всѣ его приемы, но подражаніе далеко было отъ подлинника, какъ всѣ вообще подражанія. Ванька хохоталъ, какъ сумасшедшій. Петръ Петровичъ сердился, бранилъ его и въ то же время преучтиво расшаркивался и раскланивался. Наконецъ, по распоряженію Лепика, напудренного Ваньку посадили на диванъ. Онъ долженъ былъ изображать лице генерала Дутышева. Подлѣ софы, въ кресла, сѣлъ Борисъ Ильичъ въ видѣ Вѣры Павловны, а справа, въ креслахъ, помѣстился Лепикъ, въ видѣ сестры Дутышева, Варвары Слышны. Петръ Петровичъ долженъ былъ изъ другой

комнаты войдти, раскланяться по правиламъ, и взять тремъ сидящимъ особамъ представиться. Ванькѣ данъ былъ наказъ сидѣть важно и неподвижно. Онъ надулся и насунился, сколько могъ и какъ умѣлъ.

Дверь отворилась. Петръ Петровичъ, съ озабоченнымъ и важнымъ лицомъ, входитъ, становится въ позицію, выдѣлываетъ общій поклонъ, потомъ вѣрною, рассчитанною походкою приближается къ дивану и почтительно кланяется своему слугѣ. Ванька не выдержалъ, захохоталъ и повалился на диванъ, схватившись обѣими руками за голову и взявъ свою напудренную прическу. Петръ Петровичъ взбѣсился и началъ ругаться. Борисъ Ильичъ изъ преданности другу даже не улыбнулся и все сидѣлъ попрежнему, съ видомъ скромной дѣвчды. Лепикъ вскочилъ, вывелъ Петра Петровича за руку, прогналъ Ваньку съ дивана, самъ сѣлъ на его мѣсто и велѣлъ начивать снова репетицію. Въ этотъ разъ она окончилась довольно удачно.

Между-тѣмъ пробило десять часовъ. Вошелъ Ванька и доложилъ, что нанятая карета уже пріѣхала.

— Не пора ли намъ отправится, Петръ Петровичъ? спросилъ Борисъ Ильичъ.

— Пора, пора, въ самый дѣлъ! воскликнулъ Купоросовъ, заплатилъ Лепику за визитъ и проводилъ его до передней. Садясь въ карету, Петръ Петровичъ вздохнулъ и перекрестился. Во всю дорогу онъ сидѣлъ въ углу кареты, какъ темная ночь, часто охалъ и вздыхалъ. Борисъ Ильичъ успокаивалъ его и употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы придать смѣлости своему другу. Наконецъ, на Англійской Набережной, карета остановилась. У Петра Петровича замерло сердце; холодъ пробѣжалъ по всѣмъ его жилкамъ. Напудренная голова Ваньки появилась у отворенныхъ дверей кареты.

— Вылѣзайте, баринъ: пріѣхали.

— Молчи, дуралей! сказалъ вполголоса Петръ Петровичъ. Поди, спроси швейцара: дома ли его превосходительство и можетъ ли принять меня?

— Вотъ что! Ладно. Эй! Любезный дружище! сказалъ Вань-

ка, войдя въ стѣни и увидѣвъ швейцара. Баринъ велѣлъ спросить швей... какъ бѣшь?... швей... да, именно, швей...

— Какихъ швей? перебилъ привратникъ. Магазица нѣтъ въ этомъ домѣ и ни одной вольной швеи здѣсь ни живетъ. Есть у барыни швеи изъ крѣпостныхъ. Развѣ которую-нибудь изъ нихъ тебѣ нужно?

— Что ты городишь такое, дружище! сказалъ удивленный Ванька. Смѣешься что ли надо мною? Смотри у меня!

— Не страшай, любезный! не испугаюсь, продолжалъ швейцаръ. Видишь какой выѣхалъ! Видно, и баринъ-то твой на тебя похожъ. Отыскиваетъ какой-то швеи посреди бѣлаго дня. Швея, видишь, ему понадобилась.

— Слушай дружище! воскликнулъ Ванька. Ты пустяковъ не мели! Не смѣй позорить моего барина, а не то я тебѣ волосы оправлю, даромъ-что въ нихъ муки съ цѣлое лукошко насыпано.

— Убирайся вонъ, сумашедшій! Чтѣ ты шумишь!

— А ты что горло-то дерешь! Не на трусливаго навалъ. Держить въ рукахъ дубину, да ужъ и думаетъ, что ему чортъ не братъ. Дойдетъ до драки, такъ мы еще за себя постоимъ. Дубина-то твоя о двухъ концахъ. Бока такъ тебѣ отломлю, что будешь долго поминать.

— Пошолъ вонъ, говорю тебѣ.

— Анъ лихъ не пойдю! крикнулъ Ванька, топнувъ ногою и размахнувъ обѣ руки со сжатыми кулаками.

— Я тебя вытолкаю.

— Тронь только! Я какъ разъ сдачи дамъ съ лихвой.

— Тыю пропасть! Чтѣ за полоумный навязался! Ну чего ты хочешь? Говори. Чтѣ ты ко мнѣ пристаешь? Тебѣ ужъ сказано, что никакой швеи въ этомъ домѣ нѣтъ. Чтѣ тебѣ еще нужно?

— А вотъ мнѣ чтѣ нужно. Баринъ мой пріѣхалъ къ твоему барину и къ твоей барынѣ и барышнямъ. Для этого онъ послалъ меня напередъ спросить какого-то швей... швей... кто его знаетъ, какъ онъ прозывается!

— Швейцара чтѣ ли?

— Ну да, да! Такъ и есть. Не лзяли его сюда вызвать. Кто онъ такой, дворецкій чтѣ ли?

— Безтолковый! Давно бы такъ сказалъ. Швейцаръ—я.

— Ты!

— Ну да, я.

— Такъ чтожь ты мнѣ давно этого не объявилъ. Больно же ты глупъ и недогадливъ, дружище. Дѣла не говорить, а не-сетъ какую-то околесную, такъ что у насъ чуть было до драки не дошло. Коли ты швей... какъ бишь?... швейцаръ, что ли? такъ поди къ твоему барину и скажи ему вотъ что: къ вашей милости, де, пріѣхалъ въ каретѣ секундъ-майоръ Петръ Петровичъ Купоросовъ со своимъ пріятелемъ и землякомъ, праворщикомъ Борисомъ Ильичемъ Капустниковымъ; угодно ли, де, вашей милости ихъ впустить и съ ними повидаться. Слышь, не забудь; такъ и скажи. А коли ты не пойдешь сейчасъ же, такъ я и самъ до твоего барина дойду, скажу ему что надобно, да на тебя, безтолковаго, кстати пожалуюсь. Баринъ-то мой, я чаю, давно сердится и думаетъ теперь въ каретѣ, что меня тутъ въ сѣняхъ черная немочь зашибла. Сколько времени мы тутъ съ тобой по-пустыкамъ прокалякали! Ну ступай же.

— Какъ доложить про твоего барина-то?

— Тѣбу, какой безтолковый! Вѣдь я ужъ сказалъ тебѣ все досконально. Ну слушай же теперь ушамъ.

И Ванька снова началъ говорить свою подробную инструкцію швейцару. Тотъ ее не дослушалъ и пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, чтобы доложить о пріѣхавшихъ.

Между-тѣмъ Петръ Петровичъ, сидя въ каретѣ, ужасно безпокоился. Онъ безпрестанно вздыхалъ и охалъ.

— Плохо, Борисъ Ильичъ! Видно его превосходительство насъ принять не хочетъ. Ужъ скорѣе бы то или другое! Совсѣмъ измучишься!

— А я такъ думаю, Петръ Петровичъ, что онъ насъ приметъ. Что-то долго нѣтъ отвѣта.

— Да что этотъ олухъ Ванька пропалъ? Не уснулъ ли онъ тамъ? Отказъ, какъ шесть, осѣдлушка! Сердце чувствуетъ! А приметъ, такъ другая бѣда! Пытка, Борисъ Ильичъ, сушая пытка!

— А!... вотъ наконецъ Ванька вышелъ изъ сѣней, сказалъ Борисъ Ильичъ. — Ну что?

— Ничего-ста, отвѣчалъ слуга, улыбаясь самодовольно и отворяя дверцы кареты: все благополучно исправилъ. Пожалуйста, Петръ Петровичъ, генералъ приказалъ васъ къ нему впустить.

— Ну! Что будетъ, то будетъ! сказалъ про-себя Купоросовъ, выльзая изъ кареты.

— Не робѣйте, Петръ Петровичъ! Что въ самомъ дѣлѣ за важность! говорилъ Борисъ Ильичъ. Смотрите на меня. Я чувствую теперь такую храбрость, что самого чорта не струшу. Я ужъ васъ не выдамъ.

Они вошли по лѣстницѣ въ переднюю. Слуга, отворилъ дверь въ залу. Тихо, осторожно вошелъ туда Петръ Петровичъ на цыпочкахъ, съ робостью поспатривая во всѣ стороны, какъ будто хотѣлъ тамъ что-нибудь украсть. Борисъ Ильичъ шелъ за нимъ ровнымъ и твердымъ шагомъ.

— Что же, сосѣдъ, вы остановились? спросилъ онъ Купоросова. — Идите же.

— Да куда же идти? сказалъ Петръ Петровичъ шопотомъ.

— Разумѣется, впередъ. Не въ ретирату же намъ пуститься! отвѣчалъ Борисъ Ильичъ вполголоса. Впередъ, впередъ сосѣдушка! Не робѣйте.

— Да куда впередъ?

— Въ другую комнату, а тамъ въ третью и такъ далѣе, пока не дойдемъ до его превосходительства, или пока на когонибудь не наткнемся.

— Да въ которую дверь идти-то? Зайдешь, пожалуй, куда не должно.

— Какъ—куда не должно? Что вы, Петръ Петровичъ! Неужто въ генеральскомъ домѣ прямо изъ парадной залы входъ.... Быть этого не можетъ! А если бы, сверхъ всякаго чаянiя, и такъ, то, подойдя къ двери, вы можете назадъ ретироваться.

— Не то, Борисъ Ильичъ! Все ты пустяки говоришь! Совѣтъ по другимъ причинамъ полагаю я, что лучше подождать намъ здѣсь, въ этой залѣ.

— Эхъ! трусите вы, я вижу.

— Пожалуйте! сказалъ въ это время слуга, отворяя изъ гостиной двери.

Петръ Петровичъ встрепенулся, оправился, и скорою, чопорною походкой зашагалъ по направленію къ гостиной. Отъ смущенія ему казалось, что ноги у него, того и смотри, перепутаются и заплетутся, и что онъ упадетъ. Однако жъ онъ благополучно пробрался въ гостиную. За нимъ вошелъ смѣлою поступью Борисъ Ильичъ.

Въ гостиной были Дутышевъ и сестра его. Они сидѣли оба на диванѣ. У Петра Петровича отъ сильной конфузій зарябѣло въ глазахъ. Онъ началъ припоинять наставленія Лешика и становиться въ позицію, для перваго поклона, но пабѣду шляпа выпала у него изъ руки. Его бросило въ жаръ и холодъ. Онъ нагнулся, чтобы поднять шляпу, но въ это время галантерейная шпага попалась между его колѣнъ и переплелась съ его ногами. Онъ чуть не упалъ. Борисъ Ильичъ поддержалъ друга за руку, поставилъ опять въ прежнее, прямое положеніе, и шепнулъ ему на-ухо: «смѣлѣ!» Петръ Петровичъ, совсѣмъ растерявшись, началъ искать глазами на полу своей шляпы; но она исчезла. Это смутило его еще болѣе. Между-тѣмъ Борисъ Ильичъ, держа свою шляпу въ правой рукѣ, а шляпу своего друга въ лѣвой, подошелъ ближе къ Дутышеву, желая примѣромъ своимъ придать болѣе смѣлости Петру Петровичу, поклонился хозяйнѣ дома и сестрѣ его довольно развязно, и сказалъ:— Честь пмѣю рекомендоваться! Я прапорщикъ Капустниковъ, старинный пріятель и другъ Петра Петровича. Прошу ваше превосходительство и васъ, сударыня, его и меня полюбить. Мы съ нимъ честные, простые дворяне, всѣхъ столичныхъ обычаевъ въ тонкости не разумѣемъ... Да что вы, Петръ Петровичъ, тамъ стоите и что такое не полу высматриваете? Вѣрно ищете шляпы? Она здѣсь, у меня.

— Перестаньте церемониться, сказала, улыбнувшись, Варвара Силишна, подошла къ Петру Петровичу и подвела его къ брату. Какъ онъ подошелъ, какъ поклонился, что сказалъ онъ Дутышеву, что тотъ отвѣчалъ ему, Петръ Петровичъ ничего не понималъ и, самъ не зная какъ, очутился въ крес-

лахъ, подлѣ дивана. Борисъ Ильичъ сидѣлъ въ другихъ креслахъ, противъ него. Сначала разговоръ никакъ не клеился. Петръ Петровичъ отъ робости заикался, проглатывалъ слова, говорилъ совсѣмъ не то, что ему сказать хотѣлось, искалъ отборныхъ, самыхъ лучшихъ выраженій, путался: выходила дичь, и онъ закашливался. Ему казалось, что языкъ у него перевязалъ кто-то веревочкой. За-то Борису Ильичу кто-то развязалъ языкъ. Желая придать духу своимъ примѣромъ Петру Петровичу, онъ такъ ораторствовалъ, что самъ себя дивился и не понималъ откуда у него такая рысь взялась. Видя ласковое, обязательное обращеніе Дутышева и сестры его, наконецъ и Купоросовъ поободрился. По счастью его, разговоръ, переходя отъ предмета къ предмету, попалъ на русскіхъ писателей и на русскія книги. Мало по малу Петръ Петровичъ развернулся, разговорился и неожиданно удивилъ Дутышева и сестру его своею начитанностію и своимъ вкусомъ. Цѣлый часъ пролетѣлъ незамѣтно. Борисъ Ильичъ, взглянувъ на часы, которые держалъ подъ мышкой бронзовый Сатурнъ, стоявшій на кампѣ, увидѣлъ, что стрѣлка стоитъ уже близко цифры: XII.

— Не пора ли намъ, Петръ Петровичъ? сказалъ онъ.

Этотъ неожиданный вопросъ обливъ снова испугомъ сердце Петра Петровича, который только-что расхрабрился. Съ чувствомъ мореплавателя, пріотившагося отъ бури въ гавани, сидѣлъ онъ въ креслахъ и радъ былъ, что ему нужно только говорить, а уже не нужно ни кланяться, ни повертываться, ни расшаркиваться. Новое затрудненіе, новое безпокойство! Какъ встать, какъ взять шляпу, какъ проститься съ хозяиномъ и сестрой его, какъ выбраться изъ гостиной? Скрѣпя сердце, онъ всталъ. Борисъ Ильичъ подаль ему шляпу. Дутышевъ, прощаясь съ нимъ, пригласилъ обоихъ къ себѣ на вечеръ, на балъ. Друзья раскланялись и безъ дальнихъ приключеній вышли изъ гостиной въ залу. Петръ Петровичъ былъ въ восхищеніи, что первый его визитъ сошелъ съ рукъ благополучно; что ужъ онъ выбрался изъ страшной гостиной. Онъ не шелъ, а летѣлъ по паркету залы къ передней. Кажется, онъ менѣе бы радовался, если бы выбрался невредимъ изъ пещеры льва.

— Фу!... Съ плечъ гора свалила! сказали ейъ Борису Ильичу, когда Ванька захлопнулъ дверцы кареты, и она застучала по мостовой.

— Видите ли, что вы напрасно такъ робѣли и беспокоились, сказалъ Борисъ Ильичъ. Генераль васъ и меня обласнели, сестрица его также, да еще и на балъ насъ пригласили.

— Ахъ, какъ бы и балъ сошелъ благополучно съ рукъ! воскликнулъ Петръ Петровичъ.

— Сойдетъ, сосѣдушка! Не беспокойтесь. Народу будетъ много, насъ въ иногородствѣ и не замѣтятъ.

— Ну, какъ не замѣтять! Нѣтъ, и на балѣ ухо держи востро. Страшно, Борисъ Ильичъ!

— Да чего вамъ бояться? Вы танцуете мастерски, что называется, на удивленіе. Я думаю, вы всѣхъ молодыхъ-то пласунювъ за поясъ заткнете.

— Танцовать я не боюсь, а....

— Что такое, Петръ Петровичъ?

— А то, что на балѣ-то будетъ и Вѣра Павловна.

— Э! э! Вотъ что! Да чего же ее бояться-то, сосѣдушка?

— Не то, что бояться, а.... страшно—чортъ возьми! Какъ ты думаешь, могу ли я ей понравиться?

— Ужъ этого не знаю, Петръ Петровичъ. Миѣ кажется, почему же вамъ ей не понравиться. Она дѣвушка.... невѣста, а вы.... мужчина.... жевихъ. Всѣ дѣвушки любятъ мужчинъ, особенно тѣхъ, которые за ними ухаживаютъ.

— Ухаживаютъ! Вотъ то-то и есть—ухаживаютъ! А какъ за нею станешь ухаживать, какъ къ этому приступить, съ чего начать, что дѣлать? Того и смотри, что насмѣшишь ее или разсердишь. Охота миѣ была столько лѣтъ букой въ деревнѣ сидѣть, словно медвѣдю въ берлогѣ. Ну, что дѣлать! Прошедшаго не воротншь! Охъ, любезный Борисъ Ильичъ, не думалъ я никогда, что влюблюсь еще разъ въ жизни! А куда, какъ она миѣ правится! Ни дать ни взять, моя Мавра Григорьевна, молоденькая, хорошенькая, мпашка, ангельчикъ? Ну, вотъ такъ бы и разцѣловалъ ее, съѣлъ бы, проглотилъ.

— Эге, сосѣдушка, васъ, я вижу, любовь сильно забираетъ! Да что долго думать? Посватайтесь, да веселымъ ширкомъ и за

свадебку! А тамъ смотришь, этакъ, черезъ годикъ, у моего любезнаго друга Петра Петровича, и наследникъ готовъ, и Петръ Петровичъ ужъ не горюетъ, не думаетъ, что онъ послѣдній въ родѣ. Ахъ, дорогой сосѣдушка! Дай Господи дожить и вамъ и мнѣ до такой радости. На крестинахъ вашего наследника не знаю, что бы я сдѣлалъ! Я бы, кажется, заплясалъ въ присядку, сталъ бы съ радости кувыряться, на головѣ бы пошелъ! Подавайте наследника! Ужъ пройду при всѣхъ гостяхъ въ присядку. Честное слово!

— Ужъ ты и объ наследникѣ да о крестинахъ заговорилъ, Борисъ Ильичъ! Надобно прежде до свадьбы-то добратся, а это трудно, куда трудно! Ну! Чтò ни будетъ, то будетъ!

Друзья возвратились домой, отобѣдали и легли уснуть, чтобы подкрѣпить силы передъ баломъ. Въ пять часовъ Ванька разбудилъ ихъ. Петръ Петровичъ разодрѣлся, какъ говорится, въ пухъ, вылилъ на себя почти цѣлый пузырьекъ духовъ, а остатками опрыснулъ Бориса Ильича, который, желая избавить друга отъ излишнихъ расходовъ, упрямылся и не хотѣлъ душиться.

Вотъ ужъ они въ каретѣ; вотъ, подѣзжаютъ къ дому Дутышева. На набережной стоятъ ряды акппажей, со спящими или зѣвающими на козлахъ кучерами.

Внутренность всего этажа, гдѣ жилъ Дутышевъ, обилита яркими блескомъ, играющими на бронзѣ, мраморѣ и цвѣтахъ. Сіяніе льется пзъ оконъ и полосами ложится на темныя струи Невы, покрытыя мракомъ осенняго, облачнаго вечера. Между рядами гайдуковъ и слугъ, сидящихъ и стоящихъ на ярко-освѣщенной лѣстницѣ, плетъ Петръ Петровичъ съ Борисомъ Ильичемъ, входитъ въ переднюю, наконецъ въ залу. Какое блестящее, многочисленное собраніе! Какая роскошь, какое разнообразіе нарядовъ мужскихъ и дамскихъ! Петръ Петровичъ съ другомъ пробрался не безъ страха, сквозь эту толпу, къ хозяйну и къ сестрѣ его, раскланялся и потомъ сѣлъ рядомъ съ Борисомъ Ильичемъ, выбравъ уголокъ по-скромнѣе. Невнятный говоръ раздавался по всей залѣ. До Петра Петровича доходили то русскія, то французскія слова. Борисъ Ильичъ, осматрѣвъ всю залу внимательно, наконецъ зѣвнулъ.

— Что жь мы станемъ дѣлать, Петръ Петровичъ? Неужто все надобно будетъ сидѣть здѣсь, на одномъ мѣстѣ; сложа руки. Видь скука возьметъ. Я боюсь, чтобы грѣхонъ не уснутъ.

— Молчи, Борисъ Ильичъ! Вотъ скоро, я думаю, начнутся танцы.

— Да мнѣ-то что танцы? Я не танцую и съ роду не плясалъ. Вотъ развѣ на крестинахъ вашего наследника, по данному слову, которое обязанъ непремѣнно исполнить всякій честный дворянинъ и офицеръ, придется пройти въ присядку.

— Да замолчи, Борисъ Ильичъ! Видишь ль, на насъ посматриваютъ.

— Пусть посматриваютъ! Я такой же здѣсь гость, какъ и эти напудренные и полосатые петиметры.

Въ это время подошелъ къ нимъ Дутышевъ, держа въ рукѣ колоду картъ.

— Ну что, мои дорогіе гости, что вамъ будетъ угодно дѣлать? Танцевать, или сѣсть за бостонъ или ломбръ?

— Я не играю въ карты, ваше превосходительство, отвѣчалъ Купоросовъ, вставъ со стула.

— А я не танцую, сказалъ Борисъ Ильичъ.

— Такъ вотъ вамъ карта. Въ бостонъ, по маленькой.

— Очень хорошо, ваше превосходительство.

— А вы, Петръ Петровичъ, присоединитесь къ танцующимъ?

— Если позволите, ваше превосходительство.

— А вотъ сейчасъ начнутъ. Сестра хотѣла пригласить васъ на экосезъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

Борисъ Ильичъ въ другой комнатѣ засѣлъ за бостонъ и очень былъ радъ, что его пристроили. Петръ Петровичъ остался въ залѣ, и осторожно, около стѣны, началъ пробираться между гостями на другой конецъ залы, на каждомъ шагу извиняясь и раскланываясь на обѣ стороны. Добравшись поближе къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли и стояли дамы и дѣвочки, онъ всталъ на цыпочки и, глядя черезъ напудренные головы пожилыхъ и молодыхъ кавалеровъ, началъ отыскивать глазами Вѣру Павловну. Наконецъ взоръ его попалъ на предметъ его страсти. Петру Петровичу въ тотъ же мигъ показалось, что

кто-то провалъ баритона по его сердцу; оно забилось слы-
тно, завыло, но приятно, сладостно завыло. Между-темъ
скрипки, контрбасъ и всѣ прочіе инструменты начали изде-
вать какіе-то тихіе, неопредѣленные, нестройные звуки. Ор-
кестръ настраивался. Изъ этого хаоса то выдавалась дрѣ-
мельца, то бѣглая гамма скрипки, то затѣйливый передъ-
ударъ дьябелета, то мычаніе контрбаса. Наконецъ звуки смолкли. Ди-
рижеръ оркестра, первый скрипачъ, подавъ знакъ смычкомъ,
и оркестръ грянулъ, и что же, вы думаете, грянуло? Экосезъ,
тотъ самый, старинный, заветный экосезъ, подъ звуки кото-
раго нѣкогда, въ давно-улетѣвшіе годы, прыгало сердце Пе-
тра Петровича, полное радости, любви и счастья, когда онъ,
еще молодой, еще не испытывавшій горя жизни, танцевалъ со
своей милой Маврой Григорьевной. Петръ Петровичъ не вы-
держалъ такой неожиданности: двѣ крупныя слезы, ослеза-
ныя блескомъ бала, задрожали на его рѣсницѣхъ. Онъ вы-
хватилъ проворно платокъ, отеръ ихъ и притворно заикаясь,
боясь, чтобы около него стоявшіе гости не замѣтили его ду-
шевнаго движенія. Тѣю, пропасть! Какой я плакса! — по-
думалъ Петръ Петровичъ. — Мѣсто нашель плакать, на ба-
лѣ! —

Въ залѣ всѣ суетились, всѣ были въ движеніи. Кавалеры
подходили и подбѣгали къ дамамъ и дѣвушкамъ, приглашая ихъ
на тапець. Петръ Петровичъ, совсѣмъ ораваявшись, вспо-
мнивъ, для придавія себя храбрости, что онъ ученикъ Деллика,
и пырнувъ искусно, сквозь толпу, къ Вѣрѣ Павловнѣ, пригласилъ
ее на экосезъ.

— Я уже танцую съ другимъ, отвѣчала она.

— Такъ позвольте мнѣ просить васъ на слѣдующій за этотъ
тапець.

— На всѣ уже танцы я приглашена. Очень сожалѣю, что
принуждена вамъ отказать.

Печально отошелъ отъ Вѣры Павловны бѣдный Кулоросовъ.
Онъ надѣялся, что подъ звуки стариннаго экосеза, и сердце
его тряхнетъ старинною; что онъ, танцуя съ живымъ портре-
томъ своей незабвенной Мавры Григорьевны, снова найдетъ
хоть частичку прежняго счастья, снова разметается, рави-

жился и поместить въ шоссе, какъ въ старину, и что снова блеснула среди книгъ, освѣщенная радужными сіяніемъ, столбовая линія его, въ видѣ проспекта. — Нѣтъ! ужъ все не то, что было прежде! — подумалъ Петръ Петровичъ, вздохнувъ. — Видно, мое время прошло. Два раза молодиль и счастливымъ не бывать въ жизни! —

Онъ сѣлъ въ уголъ и началъ смотрѣть на танцовавшихъ. Кавалеръ Вѣры Павловны, ловкій, красивый, молодой человекъ, по всемъ признакамъ, былъ въ восхищеніи, что танцуетъ съ нею. Съ перваго взгляда можно было замѣтить, что онъ въ нее влюбленъ, и что она также къ нему не равнодушна. Решимость, это мучительное, адское чувство, начала щипать и терзать сердце Петра Петровича. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ какой-то молодой человекъ, въ шегольскомъ, полосатомъ кафтанѣ, съ гранеными пуговицами изъ англійской стали. Слово за слово, Петръ Петровичъ разговорился съ этимъ петиметромъ и наконецъ, стараясь казаться совершенно равнодушнымъ, спросилъ: — Съ кѣмъ танцуетъ дочь хозяина?

— Это кавалергардъ, Антонъ Петровичъ Ландышевъ.

— А какого онъ чина?

— Онъ рядовой.

— Какъ, рядовой! Вы шутите?

Петиметръ былъ насмѣшникъ. Онъ замѣтилъ удивленіе Петра Петровича и не заботясь ему объяснить, что въ учрежденной Императрицею Екатериною ротѣ кавалергардовъ она сама была капитаномъ, полные генералы поручиками; что всѣ прочіе чины или въ этой соразмѣрности, и что потому рядовые этой роты всѣ были дворяне и капитаны гвардіи. Петръ Петровичъ, живя въ деревнѣ, ничего этого не зная, и ему еще не случилось узнать этого и по прѣздѣ въ Петербургъ.

— Я не лучу нисколько, отвѣчалъ петиметръ на вопросъ Петра Петровича. Онъ въ самомъ дѣлѣ рядовой.

— Да помалуйте! Какъ же онъ принять въ генеральскомъ домѣ наравнѣ со всеми гостями и танцуетъ еще въ первой парѣ съ дочерью хозяина?

— Говорю вамъ, что онъ просто рядовой.

— Странно! Я этого въ толкъ не возьму.

— Вы вѣрно недавно въ Петербургѣ? спросилъ петиметръ.

— Да ужъ съ годъ будетъ. А вы, конечно, постоянный здѣшній житель?

— Я въ Петербургѣ родился.

— Стало быть, вамъ хорошо извѣстны всѣ столичныя тонкости?

— Я всѣ ихъ знаю, какъ свои пять пальцевъ.

— Очень былъ бы я радъ съ вами покороче познакомиться, продолжалъ Купоросовъ. Не сдѣлаете ли мнѣ чести завтра пожаловать ко мнѣ, откушать?

— Съ удовольствіемъ.

— Позвольте васъ еще спросить: зачѣмъ это у васъ на щекѣ черная мушка? Я замѣтилъ, что здѣсь почти у всѣхъ гостей, у мужчинъ и дамъ, такія же мушки.

— Какъ! Развѣ вы этого не знаете!

— Знаю.... но не совсѣмъ. Для чего ихъ носятъ?

— Это послѣдняя мода. Носятъ же мушки для красоты, а многіе употребляютъ ихъ для объясненій.

— Для какихъ объясненій?

— Если вы влюблены, вы можете переговариваться съ вашею любезною посредствомъ мушекъ, извѣстивъ ей ваши чувства, получать отъ нея отвѣты, условливаться о свиданіяхъ, дѣлать ей упреки, укорять въ измѣнѣ, показывать вашу ревность; однимъ словомъ, извѣстивъ все, что угодно. Это выдумка прекрасная!

— Безподобная! воскликнулъ Петръ Петровичъ. И я ничего этого не зналъ! Это прелюбопытно! Если я вамъ не наскучилъ вопросами, позвольте узнать: какъ означаютъ мушками самую пламенную любовь?

— Надобно прилѣпить мушку на кончикъ носа.

Петиметръ солгалъ, потому-что мушка на носу означала разлуку съ любезною или ея измѣну.

— На кончикъ носа? сказалъ Петръ Петровичъ.

— Такъ точно.

— А ревность какъ означается?

— Мушкою надъ лѣвою бровью.

— А упрекъ въ холодности?

— Мушюю на подбородкѣ.

Долго еще спрашивалъ Петръ Петровичъ петиметра о языкѣ мушекъ. Тотъ ему говорилъ то правду, то ложь.

Музыка гремѣла, тапецъ слѣдовалъ за танцемъ, балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Петръ Петровичъ, обрадованный извѣстіемъ, что его соперникъ, танцовавшій непрерывно съ Вѣрой Павловной, не больше, какъ рядовой, приободрился. — Неужели, — размышлялъ онъ, — Дутышевъ отдастъ свою дочь за рядоваго? Этого быть не можетъ! Другихъ соперниковъ я не замѣтилъ здѣсь на балѣ. Мы еще подумаемъ относительно Вѣры Павловны. Притомъ у него мушка не на носу, а на подбородкѣ. Это означаетъ упрекъ въ холодности. Ясно, что Вѣра Павловна его не любитъ. Потягаемся еще съ вами, господинъ рядовой, потягаемся. —

Съ этими мыслями вошелъ онъ въ другую комнату въ то самое время, когда Борисъ Ильичъ торжественнымъ голосомъ произнесъ: грань мизеръ увертъ! и разложилъ на столѣ свои карты передъ тремя прочими игроками, пораженными такимъ неожиданнымъ ударомъ, потому-что одинъ изъ нихъ сказалъ бостонъ, другой шесть, а третій восемь. Петръ Петровичъ присѣлъ къ столу и загадалъ. Всѣ влюбленные болѣе или менѣе суевѣрны. Онъ загадалъ, что если другъ его выиграетъ, то онъ женится и будетъ счастливъ, а если Борисъ Ильичъ проиграетъ, то не быть ему никогда ни женатымъ, ни счастливымъ. Взоры трехъ игроковъ впались въ разложенныя карты Бориса Ильича. На лицахъ ихъ яркими чертами изобразились глубокія думы и важныя соображенія. Вотъ, наконецъ одинъ пошелъ съ карты, потомъ съ другой, съ третьей. Молчаніе! У Бориса Ильича бьется сердце сильнѣе обыкновеннаго. У Петра Петровича также. Первый ждетъ важнаго выигрыша или проигрыша. Второй ожидаетъ отвѣта отъ бостоннаго оракула на предложенный вопросъ о женитьбѣ и счастіи. Молчаніе длится.

— Выигралъ! — воскликнулъ наконецъ Борисъ Ильичъ. — Признаюсь, сердце было не на мѣстѣ!

— И у меня также, — сказалъ Петръ Петровичъ.

— Развѣ вы играете съ этимъ господиномъ въ половинѣ?

спросилъ съ неудовольствіемъ игрока, который сказалъ во-семь.

— Нѣтъ!

— Такъ что жъ вамъ за дѣло до нашей игры?

— Виноваты! Такъ, у меня сорвалось съ языка.

— Да, Петръ Петровичъ! сказалъ Борисъ Ильичъ. Этакую игру я выигралъ! Невѣроятную!

— Вамъ везетъ счастье, и больше ничего! зачѣмъ игрока. А со счастьемъ и невѣроятное дѣлается вѣроятнымъ.

Петръ Петровичъ всталъ и пошелъ въ залу. Его гаданье, выиграніе Бориса Ильича и послѣднія слова игрока, что со счастьемъ невѣроятное дѣлается вѣроятнымъ, все это призвало то, что онъ, прійдя изъ залы съ печальнымъ сердцемъ, возвратился туда съ сердцемъ веселымъ, исполненнымъ надеждъ. Вотъ, отъ какихъ нустяковъ зависятъ иногда печаль и радость, отчаяніе и надежда. Поймите послѣ того причуды сердца.

— Этотъ экосезъ я танцую съ вами, Петръ Петровичъ. Цойдемъ-те, спанемъ-те на мѣсто.

Такъ встрѣченъ былъ въ залѣ Петръ Петровичъ Барбарою Слившиною. Онъ повиновался и пошелъ танцовать. Во время экосеза опять прежній кавалергардъ носился мимо него съ Вѣрой Павловной; но онъ уже смотрѣлъ на него безъ ревности, даже съ нѣкоторымъ тайнымъ торжествомъ. — Танцуй себя, любезный! — думалъ онъ. — Борисъ Ильичъ выигралъ! Мушка у тебя на подбородкѣ. Все это мнѣ подастъ надежды, вѣрныя надежды. —

И Петру Петровичу было весело, и онъ съ удовольствіемъ, съ нѣкоторою сердечною радостью, лежалъ на паркете съ Барбарою Слившиною, которую также тѣшили надежды, вѣрныя надежды, что Петръ Петровичъ въ нее влюбится и за ней женится. Подобныя же вѣрныя надежды тѣшили болѣе или менѣе и всѣхъ, бывшихъ въ залѣ; подобныя же надежды тѣшать и до-сихъ-поръ, какъ тогда, и насъ всѣхъ, грѣшныхъ; а живешь идеть своимъ чередомъ такъ же, какъ и тогда шла, обманывавая всѣхъ надеждами.

Балъ кончился. Послѣ роскошнаго ужина всѣ разѣхались

по домамъ, увезя съ собою съ бага въволюко ковчежки, воспоминаній и надеждъ. Всѣ онѣ равно сладки. Изморосомъ началъ все чаще и чаще вѣднть въ дома Дутышевскихъ. Варвара Смишнина все болѣе и болѣе съ нимъ любезничала. Вѣра Павловна все по-прежнему оказывала предпочтеніе рядовому, который безпрестанно около нея увивался и обсыпалъ Петра Петровича. Она замѣчала, что этотъ рядовой большой франтъ, и что у него бедна различныя нарядовъ. * Напрасно Петръ Петровичъ лѣпилъ мучки, то надъ лѣвою бровью, въ знакъ ревности, то на подбородкѣ, для упрека въ холодности, то на кончикѣ носа, въ знакъ пламенной любви. Ничто не помогало. Вѣра Павловна явно предпочтала ему несноснаго рядового, который съ нею обходился саникомъ снѣго и совершенно несообразно со своимъ чномъ. Петръ Петровичъ не зналъ, что дѣлать, и часто опускалъ носъ съ пламенной любовью на кончикѣ.

— Причиною моихъ неудачъ конечно то, что я не знаю какъ надобно обходиться съ женщинами, какъ и чѣмъ пріобрѣтается нхъ любовь, какими средствами она возбуждается и поддерживается.

Така говорилъ онъ часто Борису Ильичу, вздыхая. Однажды пошелъ Петръ Петровичъ со своимъ другомъ въ русскія, княжныя лавки. Тогда въ Петербургѣ ихъ было не много; всего три, извѣстнѣйшихъ, а именно Ивана Глаунова, Тимофея Полежаева и Василія Сопикова. Она вошелъ въ первую и спросилъ прикащика: — нтъ ли, любезный, какихъ новеякихъ книгъ или журналовъ?

— Нтъ-съ. Все старыи-съ больше торгуемъ. Печатат нтъ-съ расчета. Мало, извольте видѣть, охотниковъ дочтенія.

— Стало быть, нашего полна людей больше, чѣмъ вѣлаго, Петръ Петровичъ, замѣтилъ Борисъ Ильичъ.

— Вотъ, правда вышла-съ на дняхъ книжка: Любoвная Школа или подробное изъясненіе всѣхъ степеней и таинствъ любовной науки.

* Въ то время военные изъ дворянъ обязаны были носить мундиръ на службѣ, а въ обществѣ дозволялось имъ дѣлаться и во французскія, бывшія тогда въ употребленіи кафтаны. Соч.

Да это для меня кладъ! подумалъ Петръ Петровичъ, и тотчасъ же купилъ Любовную Школу.

— Нѣтъ ли еще у тебя, любезный, книгъ въ этомъ родѣ?

— Есть-съ. Вотъ, напримѣръ, Любовный Лексиконъ-съ, переведенный съ французскаго.

— Давай и эту книжку. Еще нѣтъ ли?

— Больше нѣтъ-съ. Не припомню-съ.

Петръ Петровичъ пошелъ скорымъ шагомъ домой, чрезвычайно обрадованный своими покупками, и тотчасъ же за-сѣлъ за чтеніе Любовной Школы и Любовнаго Лексикона.

— Давно бы мнѣ купить эти книги! говорилъ онъ Борисъ Ильичу. Могъ ли я поправиться Вѣрѣ Павловнѣ, могъ ли имѣть какой-нибудь успѣхъ, когда совсѣмъ не зналъ теоріи любви. Вотъ видишь ли, Борисъ Ильичъ, какъ книги полезны!

— Желаю вамъ успѣха, сосѣдушка, но только книги врядъ ли вамъ помогутъ. Иной, по пословицѣ, и не книженъ, да хорошо остриженъ. Умѣетъ нравиться женщинамъ и безъ книгъ, а чортъ вѣдаетъ, чѣмъ нравится!

— Ну, такой беретъ практикой, долговременною опытностью, а я практики почти совсѣмъ не имѣлъ, опытности въ обращеніи съ женщинами также у меня нѣтъ никакой, поэтому мнѣ необходимо изучить теорію любви и по ней дѣйствовать. Увидишь, что доберусь до сердца Вѣры Павловны; она будетъ моею, и я натяну носъ этому петиметру рядовому, хоть онъ и изъ дворянъ, какъ узналъ я недавно.

Познакомился Петръ Петровичъ и съ теоріею любви, началъ дѣйствовать во всемъ согласно съ правилами этой науки, а Вѣра Павловна, жестокая Вѣра Павловна все глядѣла къ лѣсу, все не подавала никакихъ надеждъ бѣдному Петру Петровичу и склонялась ясно на сторону его соперника. Часто отъ Дутышевыхъ возвращался онъ домой такой задумчивый, такой разстроенный, что другъ его, Борисъ Ильичъ, началъ опасаться за здоровье Петра Петровича. Бѣднякъ послѣ каждой неудачи въ своихъ попыткахъ возбудить чувство въ сердцѣ Вѣры Павловны и тронуть неутомимую, принимался, по возвращеніи домой, за справки съ Любовною Школою и съ Любовнымъ Лексикономъ.

— Не знаю, что и делать! говорил онъ часто со вздохомъ, прерывая свое чтеніе, и потомъ опять углублялся въ свои книги.

— Бросьте эти окаянныя книги, сосѣдушка! сказалъ однажды Борисъ Ильичъ. Я замѣчаю, что послѣ чтенія вы становитесь еще задумчивѣе и скучнѣе.

— Книги въ этомъ не виноваты, Борисъ Ильичъ! Виновата во всемъ моя несчастная звѣзда. Видно, суждено мнѣ во всю жизнь не знать семейнаго счастья и лечь въ могилу послѣднимъ въ родѣ! Чувствую, что я скоро туда лягу!

— И! полно-те, Петръ Петровичъ! Къ-чему такія мрачныя мысли! Ужъ воля ваша! На васъ книги наводятъ эту тоску. Прочитайте-ка что-нибудь; я послушаю. Постараюсь ужъ какъ-нибудь, изъ дружбы къ вамъ, не заснуть. Ну что вы тутъ сейчасъ въ своей книгѣ отыскивали?

— Я ищу въ лексиконѣ слово: жестокость.

— Вотъ что! Конечно, вамъ хочется добраться: почему къ вамъ такъ жестока Вѣра Павловна? Такъ ли?

— Ты почти угадалъ. Вотъ, нашелъ жестокость.

— Ну, что такое гласитъ ваша книга?

Петръ Петровичъ прочиталъ вслухъ: *«Жестокость значила въ старину окаменѣлость души и совсѣмъ нечувствительное сердце; но нынѣ женщинами переиначено въ некоторое искусство, для возбужденія любовниковой горячности и прибавленія цѣны своимъ прелестямъ.. Когда же молодчикъ называетъ любовницу жестокою, то его мысли изъясняются такимъ образомъ: я не чаялъ потерять напрасно столько времени, или не думалъ, чтобы вы меня такъ долго задержали по пустому.»*

— Мудрено что-то! замѣтилъ Борисъ Ильичъ. Сказать ли вамъ правду, Петръ Петровичъ? Вы вѣдь знаете, какъ я васъ люблю. Повѣрьте, другъ посоветуетъ вамъ лучше всякой книги.

— Что такое?»

— А вотъ что. Я думаю, что жестокость Вѣры Павловны не происходитъ ли отъ того, что она слишкомъ молода для васъ.

— Молода! молода! Что жъ я, по твоему, старикъ что ли,

въ самомъ дѣлѣ? Ты вотъ себя не считаешь еще старшимъ, хотя четырими годами меня старше и посѣдѣлъ уже гораздо побольше меня. Молода! что же такое! Годы ничего не значатъ въ любви.

— Не сердитесь, Петръ Петровичъ. Я вѣдь изъ дружбы говорю. Ну-те-на, посмотрите въ вашей книгѣ, не сказано ли тамъ чего о годахъ?

Петръ Петровичъ нашелъ въ своемъ лексиконѣ слово: годы, и прочиталъ: «Любовники о годахъ не много говорятъ, за-тѣмъ, что разговоръ съ молодою особою о ея мнѣнхъ не служитъ похвалою. Старуха почтетъ за обиду, да и жел-щамъ среднихъ лѣтъ не очень пріятна такая хронологія. Что жъ надлежитъ до пожилой кокетки, то она дельно все жъ говоритъ о годахъ.»

— Да что жъ это такое? скавалъ Борисъ Ильичъ. Это все пустяки, я вижу. Тутъ говорится о годахъ женщинъ, а о мужчнвахъ ни слова не сказано. По моему, Петръ Петровичъ, рѣштесь разъ, да скажите все на-отрѣзъ Вѣрѣ Павловнѣ, чѣмъ себя томить и мучить. Пусть дастъ отвѣтъ. Что за вздоръ, Господи помилуй! Ну откажетъ—Богъ съ ней!

— Легко это тебѣ сказать—откажетъ. Ахъ, Борисъ Ильичъ! Ты еще, видно, не знаешь, какъ я люблю ее! Выжитая Мавра Григорьевна! Болѣе сходства быть не можетъ! Глядя на нее, ну такъ живо вспоминаешь старое, счастливое время, что дѣлаешься самъ не свой: сердце вотъ такъ и ноетъ!

— Такъ признайтесь въ вашей страсти Вѣрѣ Павловнѣ. Если будете молча страдать, то совсѣмъ себя измучите. Скажите все ей! Откройте все, что у васъ на сердцѣ. Авось...!

— Откройте! Скажите! То-то и есть, что я съ женщинами и дѣвщинами говорить совсѣмъ не умею. Съ чего начать? Какъ приступить? Ахъ, постой! Нѣтъ ли тутъ у меня въ книгѣ совѣта, какъ долженъ говорить влюбленный? А! вотъ есть.

И Петръ Петровичъ въ своемъ лексиконѣ прочиталъ: «Говорить. Конечно, во любви не безъ разговоровъ. Молодички безпрестанно промываютъ ласковыми рѣчи, и во мнѣ стараются мнѣшать слова двоякою смыслу. Если же красавица ищетъ съ пріятностію: такъ говорить должно:

затя и хочу иметь любовника, но опасаясь обычной вам нескромности. Тогда любовника прибавляете столько клятв и разных утерек, сколько будет потребно.»

— Ну, что Петръ Петровичъ, за пустяки! Сколько будет потребно! Какъ же это узнать?

— Да, это не очень легко. Постой, отыщемъ любовное объявление. Вотъ, кажется, оно: «*Любовное объявление*—такое слово, для коего не нужно толкованіе; но надлежитъ съискать къ тому способное время. До него тогда уже доходить дѣло, когда по глазамъ и прочимъ признакамъ знаютъ, можно ли подойти съ такими разназами, кои предлагаютъ устно и письменно, въ стихахъ или прозѣ. Хотя у всякаго одинакія намѣренія при открытіи своей страсти притворной или истинной, однако военный, штатскій и придворный весьма различно изъясняются.»

— Весьма неясная инструкция! сказалъ Борисъ Ильичъ. Да позвольте, я для васъ вызву что-нибудь подѣльнѣе въ этой книгѣ. Авось и наткнуусь на что-нибудь путное. Ну, вотъ... что это такое?...

Борисъ Ильичъ сталъ разбирать чуть не по складамъ:

«*Тет-а-тетъ, или рандеву, французское слово, значущее быть съ кѣмъ наединѣ. Однако смыслъ сего слова весьма пространенъ и единое о немъ воображеніе услаждаетъ любовныя мысли.*» Ну, вотъ, Петръ Петровичъ, вамъ бы попросить тет-а-тета или хоть рандеву небольшого у Вѣры Павловны, да и объясниться съ нею.

— Да какъ выпросишь? Варвара Силишна безпрестанно тутъ, когда я у нихъ въ домѣ. Ни на шагъ отъ меня не отходить. Съ Вѣрой Павловной слова не удастся сказать.

— Позвольте, это что? *Нѣжность. Нѣжная любовь не терпитъ грубой женитбы. Умничкой молодичкѣ умѣетъ сказать: я зная вашу нѣжность, не осмѣлюсь послѣдовать женитбой. Она не договариваетъ слѣдующаго: женитба мнѣ кажется противною, и, воображая многіе непріятные случаи, чувствую отъ ней великое отвращеніе. Это какой-то сунбуръ! Ну! вотъ еще пречту; попалось слово: *Совѣстники. Положите, что это ваша рядовѣ. Что тутъ сказано? Совѣ-**

мстникъ несносенъ токмо въ трагедіяхъ, гдѣ надлежитъ или его убить или отъ ревности самою заколоться. Въ свѣтскомъ же обращеніи уже вышло изъ моды рваться за красавицъ; ибо, надѣясь на нынѣшнее постоянство, всякой терпѣливо дожидается своей очереди. Этакая ахцея! Позвольте посмотреть вашу другую книгу. Видите, я разчитался, кажется, въ первый, да и, безъ сомнѣнія, въ послѣдній разъ въ жизни. *Любовная школа, или подробное изъясненіе всѣхъ степеней и таинствъ любовной науки.* Вотъ, какія чудеса! Чтѣ далѣе? *Нужному и прекрасному полу, отъ котораго зависитъ несчастіе и блаженство растаевающихъ смертныхъ, посвящается сія книга, какъ истинная жертва сердца, наполненнаго нѣжнѣйшею чувствительностію.* Мудрено чтѣ-то, хитро! Не вдругъ поймешь! Довольно однако жъ читать. Меня уже сонъ клонить начинаетъ. Не пойдти ли лучше намъ погулять, Петръ Петровичъ? Вечеръ прекрасный! Вы бы, авось, на чистомъ воздухѣ лучше разсѣяли вашу тоску.

Петръ Петровичъ сидѣлъ, опершись локтями о столъ и закрывъ лице руками. Въ самомъ дѣлѣ, тоска грызла его сердце. Бѣднякъ былъ счастливъ только разъ въ жизни, когда любилъ свою Мавру Григорьевну; но счастье его было слишкомъ коротко, и давно, давно улетѣло. Потому онъ прожилъ двадцать лѣтъ, какъ холодный камень, не чувствуя ни горя, ни радости. Женись съ досады на своей домоправительницѣ, онъ не могъ быть съ нею счастливъ, тѣмъ болѣе, что остался бездѣтнымъ и попрежнему послѣднимъ въ родѣ. Наконецъ паразитное сходство Вѣры Павловны съ его Маврой Григорьевной воскресило въ чувствительной по природѣ, доброй душѣ его, подавленное неудачами и горестями жизни, чувство; онъ полюбилъ Вѣру Павловну, со всею пылкостью юности; ему показалось, что въ ней найдетъ онъ все свое, давно утраченное, счастье; что по крайней мѣрѣ, приближаясь къ закату жизни, и онъ узнаетъ радость, которую у него судьба такъ жестоко и такъ рано похитила. Но и тутъ ошибиться въ надеждѣ, и тутъ для сердца, жаждущаго любви и семейнаго счастья, не найдти ничего, кромѣ горя и страданій! Онъ искалъ опоры, помощи, чтобы не упустить изъ рукъ, чтобы достиг-

нуть обольстительный призракъ, снова черезъ столько лѣтъ ему явившійся, и не видѣлъ нигдѣ ни помощи, ни опоры. Бѣднѣкъ надѣялся, что, можетъ-быть, книги, его единственный любимицы, наставятъ его и какъ-нибудь ему помогутъ; но и тутъ онъ обманулся, и тѣ ему измѣнили. Призракъ счастья снова уходилъ отъ него и навсегда, и передъ нимъ раскрывалась пустынная, уединенная, печальная тропинка къ могилѣ. И только одно любящее существо стояло на этой тропинкѣ, готовое раздѣлить съ нимъ все пополамъ, и радость и горе, и жизнь и смерть, и идти, вмѣстѣ идти до могилы; бѣдное сердце Петра Петровича находило отголосокъ только въ сердцѣ этого существа: въ сердцѣ вѣрнаго, неизмѣннаго друга, Бориса Ильича. Чего бы не сдѣлалъ, чѣмъ бы не пожертвовалъ добрый, простодушный Борисъ Ильичъ, чтобы помочь своему другу! Молча, онъ страдалъ съ нимъ вмѣстѣ.

Черезъ нѣсколько дней, по совѣту и по просьбамъ друга, Петръ Петровичъ рѣшился положить конецъ мучительной неизвѣстности, объяснившись съ неумолимой, неприступной Вѣрой Павловной.

— Забросьте въ омутъ, сосѣдушка, всѣ ваши книги, всѣ ваши теоріи! говорилъ Борисъ Ильичъ: «перекреститесь, да, при удобномъ случаѣ, выскажите Вѣрѣ Павловнѣ все, что у васъ на сердцѣ, по-просту, какъ Богъ вамъ на сердце положить. Если суждено ей быть за вами—будетъ, а нѣтъ—такъ нѣтъ. Мнѣ сдается, что вы, сдѣлавъ это, будете спокойнѣе, менѣе будете терзаться и мучиться. Я, можетъ-быть, говорю и глупо, да по крайней мѣрѣ такъ мнѣ кажется.

Скоро Петру Петровичу представился случай для объясненія съ Вѣрой Павловной. Разъ, гуляя по любимой своей Англійской Набережной медленными шагами, съ опущенною головою,—вздумалъ онъ зайти въ домъ Дутышевыхъ. Швейцаръ сказалъ ему, что ни барина, ни сестрицы его нѣтъ дома.

— А Вѣра Павловна? спросилъ робко Петръ Петровичъ.

— Барышня дома-съ.

— Скажи ей, что мнѣ необходимо съ ней поговорить.

Швейцаръ отправился съ докладомъ, и вскорѣ пригласилъ Петра Петровича въ гостиную. Онъ вошелъ. Вѣра Павловна

пригласила его сѣсть на диванъ. Долго Петръ Петровичъ, блѣдный, тревожный, молчалъ и тербѣлъ свою шляпу. Вѣра Павловна глядѣла на него съ удивленіемъ. Наконецъ невыносимое страданіе сердца придадо смѣлости Петру Петровичу; онъ подвѣлъ голову, осмотрѣлся, удостовѣрился, что они тутъ одни, и сказалъ Вѣрѣ Павловнѣ тихимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Не рассердитесь на меня! Выслушайте терпѣливо. Я человѣкъ не свѣтскій, неловкій, можетъ быть, странный, смѣшной; но, Вѣра Павловна, я знаю, у васъ доброе сердце. Я вамъ буду говорить о дѣлѣ, отъ котораго зависитъ мое счастье, моя жизнь или смерть. Не шутите жизнью человѣка!

Вѣра Павловна испугалась такого вступленія, а болѣе, выраженія глубокаго страданія, почти отчаянія, которое было видно на лицѣ Петра Петровича. Она сама поблѣднѣла и отвѣчала тихо: — Говорите! Что вамъ угодно, Петръ Петровичъ? Я васъ готова слушать.

Купоросовъ, которому истинное, глубокое чувство придадо истинное краснорѣчіе, коротко разсказалъ ей въ безыскусственныхъ, простыхъ словахъ исторію всей своей жизни, своего сердца, не назвавъ только Магры Григорьевны, но имени; въ заключеніе признался въ своей любви къ Вѣрѣ Павловнѣ и требовалъ отвѣта.

Вы думаете, что Вѣра Павловна, оправившаяся отъ испуга, засмѣялась, выслушавъ признаніе Петра Петровича? Ничего не бывало! Безыскусственный, проинкнутый чувствомъ, разсказъ его тронулъ ея сердце. У нея нѣсколько разъ наворачивались слезы. Смѣшной, неловкій провинціалецъ и чудакъ не казался ей нисколько смѣшнымъ. Она въ эти минуты ощущала къ нему невольное уваженіе. Онъ казался ей гораздо выше всѣхъ молодыхъ и пожилыхъ петиметровъ, ловкихъ, свѣтскихъ болтуновъ съ пустыми головами, сердцами, фразами, и часто карманами. Таково могущество истиннаго чувства.

— Миѣ очень лестно ваше предложеніе, Петръ Петровичъ, сказала Вѣра Павловна, потупивъ глаза: очень желала бы быть такою совершенною, какою вы меня воображаете, но я должна сказать вамъ....

Вѣра Павловна остановилась, подняла глаза и устремила на Купоросова взоръ, полный участія и состраданія.

— Договаривайте, Вѣра Павловна! воскликнулъ онъ. Конечно, я страдаю, сиѣню, я не стою васъ, вы не можете любить такого чудака! Не суждено, видно, мнѣ быть счастливымъ!

— Я васъ уважаю, Петръ Петровичъ, люблю, какъ хорошо и благороднаго человѣка, но я должна сказать вамъ, что вы... опоздали.

— Какъ опоздали? воскликнулъ Купоросовъ, вскочивъ съ дивана.

— Я уже невѣста.

— Боже мой! горестно прозвучалъ тихимъ голосомъ Петръ Петровичъ, опустился снова на диванъ и закрылъ лице руками. Вѣра Павловна замѣтила, что онъ отиралъ слезы, которыя, не смотря на его усилія удержать ихъ, катились невольно изъ глазъ.

Вѣра Павловна стало жаль бѣднаго Петра Петровича, и она сама отерла проворно батистовымъ платкомъ двѣ блестящія слезинки, которыя такъ шли къ ея длиннымъ рѣсницамъ и ровнымъ щекамъ.

— Мнѣ досадно, что я невольно заставила страдать васъ, сказала Вѣра Павловна: но двѣ недѣли уже назадъ дано мною слово другому. Его нарушить невозможно. Проще, а ни въ чемъ не виновата.

— Я не виню васъ, Вѣра Павловна, ни въ чемъ не виню. Отъ чистаго, искреннаго сердца желаю вамъ счастья! Дай Богъ, чтобъ вы никогда не знали горя. Не сердитесь на меня, что я васъ растревожилъ. Позабудьте меня, чудака! И въ самомъ дѣлѣ: стою ли я васъ!... Такъ слово уже дано вамъ, говорите вы: ужъ переменить его невозможно?

— Если бъ я вамъ дала слово, и его нарушила черезъ двѣ недѣли, что бы вы тогда сказали?

— Правда! правда! Ну, такъ прощайте Вѣра Павловна! Извините меня, что васъ обезпокоилъ... О Боже мой!... Завтра же уѣду изъ Петербурга. Ужъ мы съ вами навѣрное иногда и увидимся. Но я буду до могилы помнить васъ и молиться

о вашемъ счастьи. Не сердитесь на меня, горемычнаго чудака. Прощайте, Вѣра Павловна! Завтра же въ деревню!

— Нѣтъ, нѣтъ! Не уѣзжайте, Петръ Петровичъ, не горюйте много: право горевать обо мнѣ не стоить. Приходите по-прежнему къ батюшкѣ. Онъ васъ очень любитъ. Приходите ко мнѣ, когда я буду хозяйкой. Я познакомлю васъ покороче съ моимъ будущимъ мужемъ. Ручаюсь, что и онъ полюбитъ васъ. Будьте другомъ нашимъ.

— Нѣтъ, Вѣра Павловна! Мнѣ надобно уѣхать отсюда. Опять заберусь въ свою пустыню, въ свою деревню, и тамъ какъ-нибудь промаячу остатокъ жизни, тамъ и умру.

— Нѣтъ, я васъ не пушу изъ Петербурга, пока не пройдетъ ваше горе, пока вы не успокоитесь. Приѣзжайте ко мнѣ на сговоръ; я васъ приглашаю, прошу. Кромѣ родныхъ никого у насъ не будетъ; но мы все любимъ васъ, какъ роднаго.

— Такъ и сговоръ вашъ будетъ ужъ скоро? спросилъ съ глубокимъ вздохомъ Петръ Петровичъ.

— Онъ будетъ на другой день, когда приѣдетъ изъ своей деревни сестра моя. Мы ее ждемъ съ часа на часъ. Ей слѣдовало, по расчету, приѣхать еще третьягодня. Вѣрно, что-нибудь ее задержало въ дорогѣ.

Въ это время стукъ кареты раздался на набережной. Слышно было, что кто-то подѣхалъ къ крыльцу.

— А! вотъ вѣрно батюшка возвратился! сказала Вѣра Павловна.

Слуга вошелъ торопливо въ гостиную изъ залы и сказалъ:

— Сестрица ваша изволила приѣхать.

— Сестра! вскрикнула радостно Вѣра Павловна, вскочила съ дивана и побѣжала встрѣчать сестру свою.

Петръ Петровичъ, оставшись одинъ, съ выраженіемъ глубокой горести поднялъ глаза къ небу, вздохнулъ и всталъ съ дивана, намѣреваясь уйдти. Невыносимая тоска наполняла его сердце. Онъ готовъ былъ зарыдать. Задумавшись, подошелъ онъ къ окну, остановился, съ какимъ-то наслажденіемъ подумалъ о могилѣ; потомъ обратился мыслію ко всей своей незавидной жизни, вспомнилъ съ сожалѣніемъ свою безпечную мо-

юность, свое короткое, скоро улетѣвшее счастье, свою первую любовь, так жестоко его обманувшую. «Ахъ, Мавра Григорьевна, Мавра Григорьевна! Любишь я тебя, и до-сихъ-поръ забыть не могу. И въ Вѣрѣ Павловнѣ думалъ тебя найдти. Прошло, пролетѣло все невозвратно. Не видя радости, и состарѣлся. Бреду одинъ, сиротою на свѣтѣ, къ могилѣ. Одинъ развѣ неизвѣнный другъ, Борисъ Ильичъ, поплачетъ надъ нею.» Такъ размышлялъ бѣдный Петръ Петровичъ.

— Рекомендую вамъ сестру мою! сказала весело Вѣра Павловна, входя въ комнату и держа за руку немолодую уже даму, которой красота и свѣжесть сохранились удивительно.

Эта дама была.... Мавра Григорьевна, сама Мавра Григорьевна, вдова Сельмина, убитаго за пять лѣтъ передъ тѣмъ на сраженіи.

Петръ Петровичъ взглянулъ на нее, узналъ и... не знаетъ, какъ и сказать: что онъ почувствовалъ.

Бѣднякъ зашатался, упалъ въ кресла, подлѣ которыхъ стоялъ, и лишился чувствъ.

— Ахъ, Боже мой! вскрикнула Вѣра Павловна, и бросилась за водою.

Добрая дѣвушка вытщила изъ туалета своей тетки стляночку со спиртомъ, нашла стаканъ воды, опять прибѣжала въ гостиную, и вибѣтъ съ сестрою начала хлопотать около упавшаго въ обморокъ Петра Петровича.

Мавра Григорьевна, вышедшая замужъ за Сельмина по принужденію, любила его болѣе по обязанности, чѣмъ по склонности сердца. Она такъ же, какъ и Петръ Петровичъ, много перенесла горя въ жизни, тѣмъ болѣе, что Сельминъ вскорѣ послѣ брака охладѣлъ къ ней, наконецъ совѣмъ разлюбилъ ее и очень дурно обходился съ нею. Дѣтей у нихъ не было. Она не рѣдко, въ часы грусти, переносилась воспоминаніемъ къ своей молодости, къ первой любви своей, и наединѣ плакала.

Наконецъ Купоросовъ пришелъ въ чувство, и первое, что онъ увидѣлъ, это были черные, все еще прекрасные, глаза его Мавры Григорьевны, устремленные на него съ такимъ уча-

стиемъ, съ такимъ добродушіемъ и состраданіемъ, что взоръ этихъ глазъ проникъ до глубины его сердца.

— Что съ вами случилось? спросила Вѣра Павловна. Вы вась ужасно перепугали.

— Мавра Григорьевна! Вы ли это? Господи помилуй!.. Нѣтъ! Я сплю!... Неужели это не сонъ!... Я думаю, вы меня забыли, не узнали?

— Нѣтъ, я узнала вась, отвѣчала Мавра Григорьевна.

— Да!... Это вы. Помню, помню; не забавь я еще этого голоса, хоть много лѣтъ прошло.

— Развѣ вы уже давно знакомы другъ съ другомъ? спросила съ удивленіемъ Вѣра Павловна.

— Давно, очень давно, отвѣчала сестра ея: я знала Петра Петровича, когда мнѣ было еще шестнадцать только лѣтъ, часто танцевала съ нимъ встарину.

— Вотъ что! Понимаю! сказала Вѣра Павловна, приложивъ пальчикъ къ хорошенькимъ своимъ губкамъ. Ты знаешь ли, сестрица, что Петръ Петровичъ до-сихъ-поръ тебя не забылъ, до-сихъ-поръ тебя жобать. Я не шучу. Объ самъ мнѣ разсказалъ сегодня исторію своего сердца, только не назвалъ тебя по имени. Объяснись съ нимъ, поговори. Я уйду, не стану мѣшать вамъ.

Какъ объяснились Петръ Петровичъ и Мавра Григорьевна, что что они говорили наединѣ, это осталось въ тайнѣ, потому что Вѣра Павловна, уходя, затворила покрѣпче дверь, чтобы никто ихъ не подслушалъ. А говорили они по крайней мѣрѣ часъ, если не болѣе. Пока они объясняются, и мы объяснимся, почему Вѣра Павловна была родная сестра Маврѣ Григорьевнѣ. Все дѣло въ томъ, что покойная мать ихъ была сначала за Чистяковымъ, а послѣ его смерти, за Дутьшевымъ, и потомъ сама умерла. Она была красавица, и обѣ ея дочери, самая старшая отъ перваго мужа, самая младшая отъ втораго, родились въ нее, съ такимъ взаимнымъ сходствомъ, что Петру Петровичу не мудрено было послѣ долговременной разлуки принять Вѣру Павловну за Мавру Григорьевну.

Пріѣхалъ Дутьшевъ съ сестрою домой. Она вошла неожиданно въ гостиную и къ крайнему изумленію увидѣла, что

Петръ Петровичъ, стоя на колѣняхъ передъ сидѣвшею въ креслѣзъ Маврою Григорьевною, держалъ ее за обѣ руки, и съ жаромъ, съ восторгомъ неизобразимымъ, цѣловалъ то ту, то другую. Жестоко сконфузился Петръ Петровичъ и вскочилъ такъ быстро на ноги, какъ будто его неожиданно, сзади, ошпарили расплавленнымъ желѣзомъ. Мавра Григорьевна покраснѣла и потупила глаза. Все скорѣ объяснилось, и Дутышевъ, смѣясь отъ удовольствія густымъ басомъ, нѣсколько разъ повторялъ: «Прощаюсь, кто могъ ожидать этого! Въ мою донѣ устроились двѣ свадьбы разомъ.»

Надобно было посмотрѣть на радость Бориса Ильича, когда онъ узналъ о счастьи своего друга. Онъ плакалъ и хохоталъ, обвинялъ крѣпко Петра Петровича, душилъ его въ своихъ объятіяхъ, цѣловалъ и потомъ опять принимался хохотать и влать. Ванька встарину, послѣ измѣны Мавры Григорьевны, напился мертвецки пьянъ, съ горя. Услышавъ же неожиданную вѣсть о помолвкѣ своего барина, онъ прослезился, побѣжалъ въ церковь, помолился на колѣняхъ о счастьи своего господина, потомъ приближалъ опять деюю, перекинулъ всю старую мебель краснаго дерева, выколотилъ потасканный коверъ, перечистилъ всю серебряную и мѣдную посуду, до послѣдней кастрюльки, чтобы не осрамить себя и барина передъ будущей хозяйкой, и наконецъ къ вечеру, — нечего грѣха таить, — съ радости хватилъ во второй разъ на своемъ вѣку лишнюю, въ такой же сильной степени, какъ и съ горя.

Ужъ что было за веселье на свадьбѣ Петра Петровича, того ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. И свадьба Взы Павловны съ кавалергардскимъ рядовымъ, который оказался капитаномъ гвардіи, была весела, да куда противъ свадьбы Петра Петровича!

Черезъ годъ у послѣдняго въ родѣ родился наследникъ. Удивительно, какъ Петръ Петровичъ не сошелъ съ ума отъ радости. Онъ до того радовался, что захворалъ и слегъ въ постель, и старый холостякъ, Борисъ Ильичъ, долженъ былъ, замѣнивъ своего друга, купить колыбель для малютки, ѣздить къ повивальной бабкѣ, съ объясненіями, заказатъ и

доставить пеленки для новорожденного и вообще принять на себя такія хлопоты, которыя очень были странны для стараго холостяка и навлекали ему, совершенно понапрасну, тысячу самыхъ обидныхъ толковъ и пересудовъ. Но невнятный Борисъ Ильичъ, изъ дружбы къ Петру Петровичу, великодуш-но жертвовалъ собою и плевалъ на всѣ толки и пересуды.

Когда Мавра Григорьевна совсѣмъ поправилась, и Петръ Петровичъ виѣстѣ съ нею выздоровѣлъ, они поѣхали въ свою деревню, Толчково, и повезли туда своего сына. Петръ Петровичъ пригласилъ на крестины своего малютки всѣхъ сосѣдей и знакомыхъ на сто верстъ въ окружности и задавъ такой пиръ, что объ этомъ пирѣ едва ли донынѣ не сохранилось преданіе въ уѣздѣ, гдѣ, между холмами и родами, красуется деревня Толчково. Для этого пира онъ нарочно построилъ въ саду своемъ огромную залу. Великолѣпнаго, роскошнаго угощенія не описалъ бы самъ Гомеръ. Были придуманы всѣ возможныя увеселенія, даже фейерверкъ. Во время обѣда, когда пили за здоровье новорожденного, названнаго Петромъ, потомъ родителей его, потомъ всѣхъ гостей ихъ, стрѣляли изъ четырехъ старыхъ и покрытыхъ ржавчиною, пушекъ. Приставленные къ нимъ, за непнѣпиемъ артиллеристовъ, четыре крестьянина Петра Петровича кое-какъ зарядили эти пушки и думали, что отъ перваго выстрѣла ихъ разорветъ. Когда поданъ былъ салютной сигналъ пачннать пальбу, на бородатыхъ артиллеристовъ напалъ такой ужасъ, что они бросили фитили на землю и убѣжали. Гость за здоровье новорожденного пришлось бы выпить безъ пальбы, если бы Ванька, увидѣвшій бѣгство артиллеристовъ, не бросился изъ залы къ пушкамъ опрометью, какъ бѣшеный. Налагая неустрашимо фитиль на затравки, онъ восклицалъ: «Пусть васъ всѣхъ, разорветъ, окаянныя, а ужъ безъ пальбы не пить за здоровье новорожденнаго!»

Послѣ обѣда начались танцы, подъ звуки цѣлаго оркестра полковой музыки, привезеннаго на шести подводахъ. Можно легко догадаться, какой заиграли первый танецъ. Онъ былъ тотъ завѣтный экосезъ, подъ звуки котораго тапцовалъ Петръ Петровичъ, въ старину, съ Маврой Григорьевной, когда ей бы-

до еще шестнадцать лѣтъ. Онъ сталъ съ нею въ первую пару. Оркестръ заигралъ, и Петръ Петровичъ началъ ангуру, потомъ шаесе съ Маврой Григорьевной, точно какъ въ старину. Отъ избытка радости, отъ полноты счастья, отъ воспоминаній, отъ сравненій прошлаго съ настоящимъ, Петръ Петровичъ заплакалъ, выдѣлывая тщательно ногами шаесе. Ни домой, ни лѣшій не смѣли уже пѣть: «Ты послѣдній въ родѣ!» Вдругъ, посреди танца, оркестръ замолчалъ. Растворяется дверь залы: въ саду появилась хоръ пѣсенниковъ; оркестръ заигралъ опять, но ужъ не экосезъ, а известную русскую пѣсню: «Во полѣ береза стояла!» и притомъ самую скорою, плясовою мѣрою. Пѣсенники подхватили и запѣли:

Честное слово оѣнцера!
Честное слово оѣнцера!
Ай люли, люли, оѣнцера.

Въ этомъ мѣрѣ все почти химера!
Честное слово оѣнцера!
Ай люли, люли, оѣнцера.

Горю и печали, слышь, есть мѣра!
Честное въ томъ слово оѣнцера!
Ай люли, люли, оѣнцера.

Къ ближнему любовь да въ Бога мѣра—
Въ нихъ все счастье! Слово оѣнцера!
Ай люли, люли, оѣнцера.

Если въ этой пѣснѣ сбилась мѣра,
Извините въ томъ, почтеннѣйшіе гости, оѣнцера.
Ай люли, люли, оѣнцера.

И подъ эту неожиданную пѣсню, сочиненную Борисомъ Ильичемъ, въ которой подъ конецъ сбилась въ самомъ дѣлѣ мѣра, онъ, украшенный ужъ почтенными сѣдинами, выступаетъ, подбоченясь, изъ толпы пѣсенниковъ, и передъ удивленными гостями начинаетъ отчаянно плясать въ присядку. Пѣсенники, по наставленію Бориса Ильича, дѣлали особое удареніе на

окончанію ея стиховъ, то есть, на слогъ *ра*, и пѣлъ съ присвистомъ, прищелкиваясь и се воѣмъ прочими затѣми русскаго, херальнаго шѣня, а Борисъ Ильичъ въ одинъ тенгъ съ жаднѣйшъ *ра*, пристукивалъ каблукми и живое повертывался. Общее удивленіе превратилось скоро въ общій, веселый, продолжительный хохотъ. Наконецъ Борисъ Ильичъ оставившись, запыхавшись, посреди залы, приглаживая обѣими руками свои сѣдые волосы.

— Чтѣ это тебѣ вздумалось, дорогой сосѣдъ? спросилъ его Петръ Петровичъ. Развотѣшила ты всѣхъ!

— А вы вѣрно забыли, что я вамъ далъ честное слово офицера пройти въ присядку на крестинахъ вашего сына, при всѣхъ гостяхъ. Уфъ! Усталъ! Измучился. Ну, чтѣ, Петръ Петровичъ? Вѣдь съ роду не плясывалъ, а каково прошелъ? И стихи-то, которые пѣлъ, самъ скропалъ, даромъ что съ роду никакихъ стиховъ не сочинялъ. Знакомый семнарность только немножко ихъ подправилъ. Люблю ли я васъ?

— Вижу, вижу, что любишь! отвѣчалъ тронутый Петръ Петровичъ.

У обонхъ на глазахъ навернулись слезы, и друзья крѣпко обнялись. Всѣ гости, еще хотавшіе, были растроганы, и вдругъ, какъ будто по условію, принялись дружно и громко хлопать въ ладоши, чтобы показать свое сочувствіе, и свое уваженіе къ безкорыстной, истинной дружбѣ. Пиръ длился до глубокой ночи, и на немъ было столько искренняго, сердечнаго веселья, что и понять его невозможно въ нынѣшній положительный вѣкъ, существующій на акціяхъ и основанный на парахъ,—вѣкъ, когда веселье, всегда зависящее отъ безкорыстной любви и дружбы, все почти испарилось и замѣнено безнадежностью, разочарованіемъ, пустотою души, холодомъ и тоскою сердца, и другими модными, современными, преисполненными требованіями, которыя всѣ безъ исключенія основаны на презрительномъ эгоизмѣ, и которыхъ одно уже названіе возбуждаетъ тоску и зѣвоту.

К. НАСАЛЬСКІЙ.

РАЗСКАЗЪ

**О ТОМЪ, КАКЪ ТРИ НЕУЗНАННЫЕ ГЕНІЯ
СОЧИНЯЛИ НАТУРАЛЬНУЮ ПОВѢСТЬ.**

РАЗСКАЗЪ

О ТОМЪ, КАКЪ ТРИ НЕУЗНАВНЫЕ ГЕНІА СОЧИ-
НЯЛИ НАТУРАЛЬНУЮ ПОВѢСТЬ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІА.

Въ старину всѣ сочиненія начинались предисловіемъ, введеніемъ или вступленіемъ, но это уже вышло изъ моды. Теперь предисловіе, вступленіе и введеніе замѣнены особеннымъ родомъ сочиненія, называемаго *вѣстопредисловіемъ*. Моя *вѣстопредисловія* (въ родительномъ падежѣ *вѣстопредисловіи* и такъ далѣе,) будетъ очень коротка. Во время поѣздки въ Архангельскъ, оттуда въ Астрахань, изъ Астрахани въ Кяхту, изъ Кяхты въ Митаву, изъ Митавы въ Санктпетербургъ, изъ Санктпетербурга въ Симферополь, а изъ Симферополя въ мою деревню, было со мною много разныхъ приключеній, о которыхъ когда-нибудь расскажу на досугѣ. Теперь же сообщая вамъ вѣрное описаніе одного происшествія, которому я былъ свидѣтель въ городѣ... позвольте умолчать названіе этого города. Не въ названіи дѣло, а вы увидите въ чемъ.

Вотъ и конецъ моей виѣстопредисловіи. Если она не совершенно соотвѣтствуетъ модѣ и новѣйшему вкусу, то по крайней мѣрѣ тѣмъ хороша, что не длинна.

Петръ Своевзлядовъ.

На черномъ, кожаномъ диванѣ сидѣлъ господинъ Птушковъ и курилъ сигару. Противъ него, въ креслахъ, у стола, помѣщался господинъ Тетеркинъ и читалъ въ-слухъ какой-то журналъ не очень внятно, потому-что у него была сигара въ зубахъ. Господинъ Цыпленкинъ, съ третьей сигарой, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Въ той же комнатѣ, у окна, сидѣла Марса Карповна и Софья Сергѣевна. Первая кормила попугая, который красовался въ мѣдной клеткѣ своими пестрыми перьями, и часто своимъ крикомъ прерывалъ чтеніе господина Тетеркина. Софья Сергѣевна вязала кошелекъ. У стола, рядомъ съ господиномъ Тетеркинымъ, сидѣлъ я. Больше никого не было въ комнатѣ.

Когда Тетеркинъ кончилъ чтеніе, то Марса Карповна спросила:

— Что это, батюшка, вы за статью читали? Я ровню ничего не поняла.

— Помилуйте, Марса Карповна, какъ не понять! Вы вѣрно, не слушали. Тутъ вы найдете полную идею современности.

— Да что это за статья, скажите вы мнѣ, повѣсть что ли?

— Нѣтъ, не повѣсть.

— Комедія?

— Нѣтъ, и не комедія.

— Ну такъ исторія?

— Нѣтъ, и не исторія.

— Что же это такое?

— Такъ, статья, сочиненіе въ новомъ родѣ. Должно быть переводъ съ иностраннаго.

— А кто сочинитель?

— Нилъ не водилъ, Марса Карповна.

— Дуракъ! крикнулъ попугай.

— Правда твоя, пошенька, правда, другъ мой! сказала Марѳа Карповна. Кстати ты крикнулъ, мой голубчикъ! И я думаю, что сочинитель этой статейки долженъ быть дуракъ. Написалъ такую статью, что вовсе понять нельзя.

— Поспору съ вами, Марѳа Карповна! возразилъ Тетерькинъ. Подобныя статьи требуютъ предварительнаго изученія и развитія. Я помню автора, мною понялъ.

— Ну такъ расскажи, батюшка: что такое ты понялъ.

Тетерькинъ началъ свысока объясненіе, говорилъ долго и такъ кудряво, что и самъ себя не понималъ. Когда онъ кончилъ свое объясненіе и замолчалъ, понюгав угораздло опять крикнуть:

— Дуракъ!

Всѣ засмѣялись, кромѣ Тетерькина. Онъ надулся. Марѳа Карповна замѣтила это и сказала:

— Не сердитесь, батюшка, вы, кажется, обидѣлись. Вѣдь понюгай не на вашъ счетъ сизавалъ, вѣдь онъ такъ болтаетъ, безъ всякаго разсужденія и умысла. Вы сами знаете, что у птицы разума нѣтъ.

— Знать, Марѳа Карповна.

— Вѣдь онъ всякаго бранить дуракомъ, мой милый пошенька, а никто не обижается. Недавно Илья Ильичъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, а мой подка и его выбранивалъ. Признаться, и мнѣ было непріятно, но Илья Ильичъ человекъ умный: не обидѣлся. Кто станетъ съ птицы взыскивать!

— Я не взыскиваю, Марѳа Карповна!

— А что же, господа, сказала Софья Сергѣевна, положивъ на окно свое вязанье: когда вы исполните ваше обѣщаніе?

— Какое обѣщаніе, Софья Сергѣевна,? спросилъ въ одинъ голосъ Тетерькинъ, Пѣтушковъ и Цыцленкинъ.

— Вы всѣ трое литераторы, но, видно, у всѣхъ литераторовъ память заглушается воображеніемъ. Неужели вы всѣ забыли то, что мнѣ обѣщали!

Надобно сказать, что всѣ трое были немаломо влюблены въ Софью Сергѣевну, которая считалась одною изъ первыхъ

красавиць и вторую невѣстою, по богатству, во весь городъ.

— Право, не помню! отвѣчалъ, улыбаясь нѣжно; Цыпленкинь.

— И я также, примолвилъ Тетерькинь.

— И у меня, какъ вижу, воображеніе и чувство сильнѣе памяти, сказалъ Пѣтушковъ съ улыбкой и вздохомъ, и продекламировалъ стихи Батюшкова:

О память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной.

— Хороши вы, господа! продолжала Софья Сергѣевна. А вы, тетушка, не помните ихъ обѣщанія?

— Гдѣ мнѣ, старухѣ, помнить! отвѣчала Марѳа Карповна, корня сахаромъ попугая. Кушай, мой попенька, кушай на здоровье, голубчикъ! Ты не помнишь ли, попенька, что эти господа общались моей племянницѣ? У нынѣшнихъ молодыхъ людей памяти не спрашивай.

— А! вспомнилъ, вспомнилъ! воскликнулъ Тетерькинь. Мы общались общими силами сочинить хорошенькую повѣсть, въ новомъ, необыкновенномъ, оригинальномъ родѣ и напечатать въ журналѣ, посвятить ее вамъ.

— Насмѣлу-то вспомнили! сказала Софья Сергѣевна. Вѣдь вотъ ужъ скоро годъ вашему обѣщанію. Видно, вамъ трудно его исполнить!

— Трудно? Помилуйте! Что значить сочинить повѣстунку! Это вздоръ, шутка! Кто одаренъ хоть нѣсколько артистическимъ чувствомъ, вѣрнымъ взглядомъ, кто понимаетъ требованія современности, въ комъ заровена хоть одна искра вдохновенія и творчества, тому создать идею и развить, выполнить ее въ видѣ повѣсти, ничего не стоитъ.

— Повѣрю вамъ, когда вы исполните ваше обѣщаніе, а до-тѣхъ-поръ позвольте усомниться въ вашемъ талантѣ, въ вашихъ силахъ.

— Усомниться! Угодно ли, я здѣсь, не выходя изъ комнаты, создамъ идею, обдумаю планъ, завязку, развязку, соз-

дамъ, очерчу характеры, которые будутъ типы, не образы безъ лицъ, не китайскія тѣни, не куклы, и напишу бездѣлку, которую съ охотой, съ радостью напечатають въ любомъ журналѣ?

— Начинайте, я вамъ помогу, сказалъ Цыпленкинъ. Умъ хорошо, а два лучше.

— А три еще лучше. И я стану помогать, принявши Пѣтушкова. Какъ-разъ скропаемъ премиумную повѣстущку.

— Чѣмъ говорить-то, принимайтесь за дѣло, господа! сказала Марья Карповна. Я не видала еще съ роду, какъ сочинители свои статьи сочиняють. Любопытно посмотрѣть. Ну что, мой попенька, что ты такъ нахохлился? Что ты на меня такъ печально смотришь?

— За дѣло, господа! воскликнулъ Тетеркинъ. Вотъ бумага, вотъ чернилица! Садись къ столу, Пѣтушковъ, и пиши. Я стару диктовать. Я всегда диктую другимъ, когда сочиняю. Терпѣть не могу самъ писать.

— У меня рука скверная! замѣтилъ Пѣтушковъ. Напишу такъ, что ничего послѣ не разберешь.

— Ну такъ я стану писать, сказалъ Цыпленкинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ Тетеркинъ. Ты еще не довольно твердъ въ новѣйшемъ правописаніи. Твой слогъ не довольно современенъ. У тебя чрезвычайно вѣрный взглядъ и очень могущественно артистическое чувство. Ты, лучше, въ этомъ отношеніи помогай общему дѣлу.

— Но кто же станетъ писать? спросилъ Цыпленкинъ. Вѣдь повѣсть сама собою не напишется.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ свои услуги, сказалъ я. Мнѣ очень любопытно, какъ пріѣзжому, участвовать въ вашемъ общемъ дѣлѣ, и очень пріятно писать по диктовкѣ трехъ литераторовъ. Прикажете?

— Очень насъ обяжете! отвѣчалъ Тетеркинъ.

— Ахъ, тетушка, сказала Софья Сергѣевна: какъ пріятно проведемъ мы сегодня вечеръ!

— Да, да, и мнѣ, старухѣ, любопытно. Съ роду не видывала, какъ пишутся статьи для журналовъ. Читать-то я много читала печатнаго на своемъ вѣку, и на русскомъ и на француз-

скомъ, а вотъ какъ пишуть—не видывала. До чаю-то, госнода, поспѣете окончить наше сочиненіе?

— До чаю осталось часа четыре или пять, возмѣтила Софья Сергѣевна. Я буду довольна, если сочините хоть небольшую повѣсть, только, пожалуйста, хорошеющую.

— Извольте! Къ чаю будетъ готова наша повѣсть, воскликнулъ Тетеркинъ. За дѣло, госнода! Во-первыхъ, пунжа идея, потомъ планъ, потомъ лица и характеры. Во-вторыхъ, надобно рѣшить, какую повѣсть, въ какомъ родѣ писать?

— Я бы дунала, въ историческомъ, отвѣчалъ Птушкова.

— Поицлуй! Избитый, пошлый родъ! возразилъ Тетеркинъ. Я не хочу тащиться за Вальтеръ-Скоттомъ. Кто нынче читаетъ Вальтеръ-Скотта? Нѣтъ, подавай новаго, оригинальнаго.

— Не написать ли фантастическую повѣсть? спросилъ Цыпленкинъ.

— Вотъ еще! Госманъ ужъ подоѣлъ.

— Ну такъ правоописательную, юмористическую, что ли?

— Поди ты!

— Или сатирическую.

— Вотъ выдумалъ!

— Ну такъ самъ выдумывай.

— Я знаю, что ты, Тетеркинъ, предложишь философическую, но не забудь, что Софья Сергѣевна не любитъ современной философій, сказалъ Цыпленкинъ. Притомъ и философическая повѣсть не будетъ новымъ, небывалымъ родомъ.

— Да что тутъ толковать о родахъ! воскликнулъ Тетеркинъ. Всѣ эти пошлыя раздѣленія на роды давно устарѣли. Классическій, романтическій, философическій, историческій— все это вздоръ! Я не хочу слѣдовать ни одному роду. Пусть будетъ наша повѣсть безродная. Самобытность, оригинальность созданія, глубина идея—вотъ что пужно.

— Что же прикажете писать? спросилъ я. Я давно держу перо на-готовѣ. Не угодно ли сказать хоть заглавіе?

— Дуракъ! крикнулъ понугай.

— Молчи, попенька, молчи, мой голубчикъ! Не въ свое дѣло не мѣшайся! сказала Марѳа Карповна. Я слышала, что

сочинителю народъ сердитый: разбирать тебѣ ни за-что, ни про-что.

— Какое же прикажете написать заглавіе? спросилъ я опять.

— Не въ заглавіи дѣло, а въ идеѣ. Заглавіе послѣ придумаемъ.

— У меня чернила ужъ на перѣ въ третій разъ высохли. Обмакну въ четвертый. Что же прикажете писать?

— Дуракъ! завизжалъ попугай.

— Какая несносная птица! проворчалъ Тетеркинъ.

— Ну вотъ, попенька, я вѣдь тебѣ говорила: молчи, мой голубчикъ; а не то достанется намъ съ тобой. Ужъ ты не выдумалъ ли диктовать?

— Да не прикажете ли, въ самомъ дѣлѣ, написать заглавіе, которое попугай выдумалъ? спросилъ я. Вѣдь есть много подобныхъ заглавій, напримѣръ: Безумная, Дурочка, Помѣшанная, Сумасшедшій, Изступленный. Почему жъ не написать повѣсти подъ заглавіемъ: Дуракъ или дураки. Вы вѣдь сами сказали, что не въ заглавіи дѣло.

— Конечно не въ заглавіи. Пожалуй; извольте писать: Дуракъ. Согласны, господа?

— Согласны. Все равно, отвѣчалъ Пѣтушковъ. Что долго голову ломать надъ заглавіемъ. Дуракъ такъ дуракъ! Это будетъ довольно оригинально.

— Правда, примолвилъ Цыпленкинъ. И я не прочь отъ этого заглавія.

— И такъ пишете, милостивый государь! сказалъ Тетеркинъ: Дуракъ, изъ рассказовъ моего прадѣда, или нѣтъ! Все это старо. Лучше напишите: повѣсть, или нѣтъ, не повѣсть! Напишите: Быль или рассказъ. Нѣтъ, все не хорошо, все это избито! Потрудитесь, лучше, написать: Дуракъ, не быль и не сказка.

— Не лучше ли сказать: Мечта, или что-нибудь въ этомъ родѣ? сказалъ Цыпленкинъ.

— Я бы полагалъ сказать: Фантазія или Аллегорія, замѣтилъ Пѣтушковъ.

— Старо, братецъ, пошло все это! возразилъ Тетеркинъ. Нужно что-нибудь придумать поновѣе. Напишите: Идея: Да, да! это будетъ хорошо.

Я написалъ крупными буквами:

ДУРАКЪ.

ИДЕЯ.

— Поставьте теперь римскую цифру: I, какъ слѣдуетъ въ началѣ повѣсти, сказалъ Тетеркинъ. Или, позвольте, нуженъ еще эпиграфъ. Какой бы, господа, придумать намъ эпиграфъ?

— Всего лучше взять эпиграфъ изъ Шекспира, отвѣчалъ Пѣтушковъ. Напримѣръ:

Сдѣлайте одолженіе, читайте!

Цимбелинъ.

— Не лучше ли взять эпиграфъ изъ Данте, сказалъ Цыпленкинъ. Хоть бы этотъ, напримѣръ:

Ласчіате ови сперацца вой кентрате!

— А я бы думалъ поставить латинскій эпиграфъ изъ Тацита, замѣтилъ Пѣтушковъ:

Сине ира этъ студіо.

— Не дурно бы принскать греческій, сказалъ Тетеркинъ, или нѣмецкій. Жаль, что я не знаю ни по-нѣмецки, ни по-гречески и ни по-каковски.

— Не прикажете ли поставить французскій эпиграфъ? спросилъ я. Мнѣ пришелъ въ голову стихъ, который очень придется кстати къ избранному вами заглавію:

Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire.

— Чей это стихъ? спросилъ Тетеркинъ.

— Виктора Гюго, отвѣчалъ Цыпленкинъ рѣшительно.

— А по-моему, сказалъ Пѣтушковъ: можно поставить три или даже четыре эпиграфа на четырехъ разныхъ языкахъ. Это, какъ-то, пускаетъ пыль въ глаза читателямъ съ самаго начала.

— Хорошо, поставимъ четыре или даже пять эпиграфовъ, продолжалъ Тетеркинъ. Не знаешь ли ты, Пѣтушковъ, какого-нибудь нѣмецкаго стиха изъ Гёте?

— Знаю. Кенстъ ду дасъ ландъ во ди цитроненъ блинъ! отвѣчалъ Пѣтушковъ.

— Что этотъ стихъ значитъ? Что тутъ за блинъ? *

— Не знаю.

— Ну все равно! Извольте писать. Продиктуй этотъ нѣмецкій стихъ. А идею подъ дуракомъ зачеркните и поставьте вѣсто идеи: Мечта.

И я написалъ:

ДУРАКЪ.

МЕЧТА.

Sine ira et studio

Тацитъ.

Kennst du das Land wo die Citronen blühen?

Гёте.

Lasciate ogni speranza voi ch'entrate.

Данте.

Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire.

Викторъ Гюго.

Сдѣлайте одолженіе, читайте!

Шекспиръ.

Я зналъ, что французскій стихъ не принадлежитъ Виктору Гюго, но не хотѣлъ спорить съ господиномъ Цыпленки-

нымъ. Миѣ что было за дѣло? Я только взялся писать по диктовкѣ.

Тетерякинъ взялъ листъ бумаги, на которомъ написано было много заглавіе съ эциграфомъ, посмотрѣлъ вблизи, потомъ удали, на всю длину руки, сказать: «ладно!» и подождь опять листъ передо мною.

— Извольте теперь поставить цифру I.

Я поставилъ.

— Ну, какъ бы начать, господа? спросилъ онъ.

— Надобно пооригинальнѣе.

— Извольте писать: «Видали ли вы, когда улетученный вихрь, разметнувшись въ поднебесье, цѣлуетъ черныя облака, и когда онъ, неуловимый, какъ мечта, какъ мысль, мечтается, крутя пыль и взвивая ее, словно кудри красавицы, когда, полный нѣги и восторга, онъ упоительно нѣжится на персяхъ хладной земли, и небосводъ огромнымъ куполомъ развѣсаясь надъ убѣгающими вдаль холмами и кипарисными рощами, шептываетъ слова нѣги и свѣжительнаго упоенія.» Начало, кажется, не дурно?

— Весьма не дурно! сказала Пѣтушкова.

— Очень хорошо, очень удачно! примолвилъ Цыпленкинъ.

— Дуракъ! попка дуракъ! кричалъ между-тѣмъ попугай.

— Молчи, вонька! Если не замолчишь, то кѣтку платкомъ накрою. Не мѣшай сочинять! сказала Марья Карповна.

— Ну, диктуй теперь ты, Пѣтушкова. Я ужъ усталъ немножко.

— Изволь. «Жизнь взмахомъ своего колеса уноситъ, раздробляетъ наши надежды, и горько, и больно разочарованіе, когда оно закрадывается въ душу, и, холодное, убиваетъ мысль, леденитъ чувство, топчетъ идеалы, разбиваетъ въ дребезги мечты.» Дальше ты диктуй, Цыпленкинъ.

— Хорошо! «И для чего душа, въ горнилахъ бѣдствій и въ цѣпяхъ душевой тоски, какъ бы орелъ, ширяющійся по небу и скрывающійся подъ громоносными облаками, для чего она выстрадавшими радостями не можетъ подняться съ существомъ, сплывающимся съ бытіемъ нашего сердца, составляющимъ съ нимъ какъ бы одно цѣлое, не разгаданное, не раз-

дѣлится? Для чего въ сардоничной глубинѣ, въ этой безднѣ, растетъ кашты и чаруетъ своимъ сладостнымъ прикосновеніемъ, подобно дымацію весны, всю міросозерцательную энергію духа? Однако жъ, для вступленія, кажется, дозволено. Теперь, надобно приступить къ развѣтлю главной идеи повѣсти. Какую ты выбралъ идею?

— Главную идею можно избрать вотъ какую: дурость имѣеть право любить тоже такъ же, какъ и умный человѣкъ.

— Ну что, братецъ? это старо! Неужели ты хочешь вывѣшать въ повѣсть избитую любовь?

— Такъ что жъ, не-твоему? Не взять ли, развѣ, ненависти?

— Это будетъ поновѣе.

— Хорошо, возьмемъ ненависть. Дадимъ герою характеръ чувствительный, не злой и не добрый, и заставимъ его ненавидѣть гордую красавицу, которая презираетъ его за то, что онъ глухъ.

— Нельзя ли обойтись безъ красавицы? Во всякой повѣсти найдешь красавицу. Это ужъ слишкомъ пошло.

— Такъ року что ли вывести на сцену?

— Да ужъ лучше року; но крайней мѣрѣ это будетъ оригинально.

— А чѣмъ же кончимъ мы повѣсть, свадьбой что ли?

— Вотъ еще, свадьбой! Пусть лучше герои и героиня погибнутъ, пусть они бросятся въ пропасть, обнявшись съ еудорожнымъ хохотомъ, или... да нѣтъ! все это ужъ старо! Не лучше ли придумать для развязки средину, или что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Срединна! Въ родѣ срединны! Я этого не понимаю!

— Неужто ты не понимаешь что значитъ: срединна?

— Да понимаю! Какъ помѣстимъ мы средину въ конецъ? А конецъ-то куда дѣваемъ? Въ начало, что ли, неставимъ?

— Ты, я вижу, не совсѣмъ еще освободился отъ вліянія шюльцкихъ, давно-устарѣвшихъ, жалкихъ правилъ такъ-называемой реторики. Но что спорить! Чортъ съ ними, со всѣми этикетками, развязками, началами, срединками и концами! Все это одно школярство. Надобно, чтобы повѣсть наша про-

вникнута была одною глубокою, міровою ідеєю, чтобы она составляла единое, органическое цѣлое. Но оставимъ это и обратимся къ созданнымъ нами двумъ характерамъ нашего героя и героини.

— А второстепенныя лица? Имъ какія придумать роли? Какіе бы создать новые характеры?

— Пусть у героя будетъ братъ, философъ, только не добродѣтельный, — это будетъ страшная ошибка противъ искусства, — который влюбляется въ героиню.

— Въ рожу-то?

— А что жъ такое! Философы неразборчивы въ этомъ отношеніи. Мы дадимъ его безобразной невѣстѣ миллионъ приданого.

— Ну нѣтъ, это будетъ слишкомъ много, покажется неестественно. Довольно будетъ дать тысячу двѣсти, по моему мнѣнію.

— Серебромъ? спросилъ Цыпленкинъ.

— Нѣтъ, ассигнаціями, отвѣчалъ Пѣтушковъ.

— Я бы думалъ прибавить тутъ еще, продолжалъ Тетерькинъ: трехъ или четырехъ, какихъ-нибудь, негодяевъ, взяточниковъ, буяновъ и глупцовъ, только отдѣлать ихъ самымъ поэтическимъ образомъ.

— Ты на натуру мастеръ, не стану спорить съ тобою, сказалъ Цыпленкинъ. Сверхъ того, позаботься о глубинѣ идеи, ты въ этомъ превосходенъ, а глубину чувствъ не предоставите ли мнѣ?

— Хорошо, отвѣчалъ Тетерькинъ. По части чувства отдаю тебѣ справедливость: это твоя сфера, твоя стихія и элементъ.

— А я позабочусь объ артистической отдѣлкѣ, объ искусной завязкѣ и развязкѣ, о формѣ внутренняго содержанія, сказалъ Пѣтушковъ. Такъ ли?

— Согласенъ, отвѣчалъ Тетерькинъ. Въ этомъ отношеніи ты превосходишь и меня, и Цыпленкина. Начнемъ же созданіе. Послѣ вступленія какъ бы тутъ начать? Не сказать ли: «Въ одинъ изъ прелестныхъ вечеровъ—это было въ 18^{мъ} году—когда упомительное дыханіе весны сладострастно...»

Я написал это.

— Фу, какое старинное начало! воскликнулъ Пѣтушковъ. Зачеркните его.

Я зачеркнулъ.

— Не знаю, что ты въ немъ нашелъ стариннаго. Такъ не начиналась еще ни одна повѣсть.

— Помилуй! Это такъ старо, такъ избито, что я даже не знаю, какъ ты...

— Ну самъ придумай начало, если мое, по-твоему, не хорошо.

— Вотъ какъ надобно начать! воскликнулъ Пѣтушковъ. «Мимо, мимо! черныя мысли, невыносимыя муки сердца! Благодатною росою давно ли испало на ниву моего засохшаго сердца чувство? И гдѣ оно? Почто отвергаетъ любовь мою, смѣется надо мною это капризное, вѣтренное, воздушное, зѣрное, слабое, сильное, неразумное, вдохновительное и прелестное существо? Прошли онѣ, улетѣли не возвратимыя, скрылись въ таинственномъ иракѣ бездны прошлаго бытія всѣ сладостныя мечты мои. И одна тоска, одно разочарованіе, горькое, безотрадное, душное, не выносимое, давитъ сердце, какъ свинець, и подавляетъ въ немъ благовонный, только-что распустившійся цвѣтокъ эдема, истинное, задушевное, завѣтное чувство. Такъ говорилъ самъ себѣ Иванъ Ивановичъ, довольно полный и круглый мужчина лѣтъ сорока, съ красноватымъ и длиннымъ носомъ, съ коротенькими ножками, съ одною изъ тѣхъ пошлыхъ и бессмысленныхъ фizioномій, на которыхъ лежитъ печать отсутствія мысли.»

Я написалъ все это.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ Цыпленкинъ: что Иванъ Ивановичъ, по характеру его, нами созданному, не можетъ такъ говорить. Тутъ будетъ ошибка въ артистической отдѣлкѣ.

— Конечно, онъ не можетъ такъ говорить съ другими, возразилъ горячо Пѣтушковъ: но онъ у меня тутъ говорить самъ съ собою.

— Послушай, Пѣтушковъ, это все равно! замѣтилъ Тетеркинъ. Я согласенъ съ замѣчаніемъ Цыпленкина.

— Ну если такъ, если вы считаете себя способнѣе придум-

мать начало, так придумывайте! Я не самонабия; и думаю вамъ это и понятно, что вы такое надиктуете. Запишите, сдѣлайте одолженіе, все, что я надиктовалъ вамъ.

Я зачеркнулъ.

— Ну что же, Цыпленикъ, начинка! сказалъ Тетеркинъ: Вѣдь ты сдѣлалъ замѣчаніе.

— Нѣтъ, ты началъ.

— Я, признаться, не мастеръ на начала. Отдѣлка, видите идеи,—вотъ мое дѣло! Начни, пожалуйста.

— Изволь, я попробую. Мнѣ кажется всего лучше начать прямо съ разговора, съ драматической формы: это будетъ живѣе. Вотъ такъ, напримеръ. Начальте писать. «Мое почтеніе, Иванъ Ивановичъ, что вы этакого намерены, какъ бы сказать, не то, чтобы, а этакъ, знаете ли? Вы меня помните? Такъ говорилъ какой-то господинъ во фракѣ брусничнаго цвѣта, съ длиннымъ носомъ того же полерита, толстенькій, иноклюжій, въ коротенькихъ, канфасныхъ, вадернувшихся брюкахъ, вертя въ рукахъ засаленную, суковную фуражку съ шпатыми носырькомъ.—Ты, братецъ, я вижу человекъ весьма дальновидный! отвѣчалъ на то Иванъ Ивановичъ съ усмѣшкой, которая походила на гримасу обезьяны. Ты, я вижу, плюнулъ во внутренность моего сердца и достигъ, помилуй, что тамъ застряло. Я тебѣ говорю, что ты продувной дуракъ. Такъ отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, вытанчивъ изъ кармана пестрый, каленкоревый платокъ, обомелся съ своимъ носомъ посредствомъ платка и плюнулъ въ сторону два раза.»

— Я написалъ все это. Софья Сергѣевна неперенялась.

— Помните, батюшка, сказала Марья Карповна: что вы это такое диктуете? Кто у васъ тутъ такъ немилосердно плюется и ругается, дуракъ-то вашъ, что ли?

— Онъ-съ, Марья Карповна, герой нашей повѣсти, отвѣчалъ Цыпленикъ.

— Да развѣ непременно надобно написать о томъ, что онъ плюетъ? Дѣло известное, что всякой человекъ плюетъ. Загнѣвъ же, мнѣ кажется, писать-то объ этомъ и печатать въ издѣтъ?

— Нельзя съ, Марѳа Карповна, никакъ нельзя безъ того. Вы не понимаете тутъ красоты этой пластической, наглядной, осязательной натуры. Притомъ не забудьте, что герой нашъ дуракъ, не простой, конечно, дуракъ, а интересный, какъ увидите, не обыкновенный, не пошлый, не избитый, даже трогательный, идеальныи дуракъ.

— Дуракъ! повторилъ громкогласно попутай.

— Эй, попенька, молчи, голубчикъ, не съ тобой разговариваютъ. Возьми-ка, вотъ тебѣ кусочекъ сахара; кушай на здорье.

— Знаешь ли что, любезный другъ, сказалъ Пятужковъ: твое начало мнѣ вовсе не нравится: и не вижу тутъ никакой оригинальности; есть тутъ, правда, нѣкоторой паеосъ дѣйствительности, но всё сальности я бы исключилъ.

— Что это за сальности тамъ? спросила Марѳа Карповна. Какимъ образомъ сало можетъ попасть въ повѣсть?

— Это, изволите видѣть, вольный переводъ того, что называютъ Французы *des saletés*, отвѣчалъ я, то-есть, непристойности, грязныя сцены или выраженія.

— Ужъ подлинно вольный переводъ! замѣтила въ-полголоса Марѳа Карповна. Видно французскій-то языкъ не всѣмъ литераторамъ дался.

— Сальности выходятъ уже изъ моды, продолжалъ Пятужковъ. Вообще, по моему мнѣнью, твое начало какъ-то безцѣбно, вяло, не проинкаито художественнымъ чувствомъ и тактомъ.

— Много ты тутъ понимаешь! возразилъ Цыпленкинъ съ видимой досадою.

— Понимаю не меньше твоего.

— Ну, это еще вопросъ!

— Да, вопросъ, не требующій отвѣта.

— Позволь спросить, гдѣ твои права на рѣшительные переговоры въ области искусства?

— Тамъ же, гдѣ твои.

— Полно вамъ горячиться, господа, прервалъ Тетеркинъ. Для людей высшаго тона это несправедливо. Намъ, тиметомъ, ты

не правъ, Пѣтушковъ: начало, на мой вкусъ, очень, очень хорошо.

— Сдѣлай милость, не учи меня. Ну что ты въ литературу? Нуль—не болѣе.

— Самъ ты нуль! проворчалъ Тетеркинъ; такой же нуль, какъ и вся наша литература!

— Если такъ, возразилъ Пѣтушковъ: то пишите двое повѣсть; я отказываюсь. Посмотрю, какой вздоръ безъ меня вы нагородите! Вычеркните, прошу васъ, все, что принадлежитъ мнѣ во вступленіи къ повѣсти. Вотъ эти четыре строчки—это все мое.

Онъ указалъ мнѣ пальцемъ на свою литературную собственность, и я ее вычеркнулъ.

— Мы и безъ тебя обойдемся, сказалъ Тетеркинъ. Ты на чемъ остановился? спросилъ онъ Цыпленкина. Позволь, теперь я буду продолжать. Прочтите, сдѣлайте одолженіе, на чемъ остановилась наша повѣсть.

Я прочиталъ:» Такъ отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, вытащивъ изъ кармана пестрый, каленкоровый платокъ, обошелся съ своимъ носомъ посредствомъ платка и плюнулъ въ сторону два раза.»

— Хорошо! Извольте писать далѣе: «А вѣдь прелестна она, розанчикъ этакой, милашка! Обворожительна она, предметъ твоего сердца, Иванъ Ивановичъ! продолжалъ Архипъ Сидоровичъ, усмѣхаясь и выставляя рядъ кривыхъ зубовъ. Тутъ онъ раскрылъ свою табакерку, взялъ большую щепотку, сильно, съ нѣкоторымъ, извѣстнымъ свистомъ, нюхнулъ и чихнулъ. И ему понадобился платокъ, и онъ проворно выдернулъ платокъ изъ кармана, только не каленкоровый, а шелковый, оранжеваго цвѣта съ красными крапинками и раздалъ ми.—Желаю здравствовать, сказалъ, привставъ со стула, Иванъ Ивановичъ.—Благодарю покорно, отвѣчалъ на то Архипъ Сидоровичъ, также привставъ со стула. Между-тѣмъ и Иванъ Ивановичъ самъ чихнулъ въ свою очередь.—Желаю здравствовать, сказалъ на то Архипъ Сидоровичъ. И вы, если не ошибаюсь, чихнули?—Точно такъ, чихнулъ-съ.

— Вотъ уже и вышелъ у васъ вздоръ безъ меня! сказалъ Пѣтушковъ.

— Извини, это такой глубокой, артистическій, списанный съ природы моментъ, что я рѣшительно не знаю... возразилъ Цыпленкинъ. Молодецъ Тетеркинъ! превосходно!

— А я говорю, что тутъ есть вздоръ.

— Укажи и докажи.

— Тетеркинъ надиктовалъ, что Иванъ Ивановичъ и Архипъ Сидоровичъ привставали со стульевъ, когда они читали, но гдѣ же сказано, что они сидѣли другъ противъ друга? Я понималъ такъ, что они оба стояли.

— Вольно тебѣ было такъ понять. Они сидѣли.

— Нѣтъ, извини, стояли.

— Это пустая придирка! Они сидѣли.

— Этого не сказано. Это доказываетъ недостаточность картины, блѣдность колорита, дѣтскость артистического такта.

— Ну, ну, хорошо! Мы ихъ посадимъ, сказалъ Тетеркинъ.

— Да хоть положите ихъ на полъ, рядомъ, вашего Ивана Ивановича и Архипа Сидоровича, или поставьте ихъ ногами вверхъ, возразилъ Пѣтушковъ: а все они будутъ очень далеки отъ типовъ, пустые образы безъ лицъ, куклы. Гдѣ вамъ безъ меня!

— Самъ ты кукла! вскричалъ, вспыхнувъ, Тетеркинъ. Съ этой минуты конецъ нашей дружбѣ, всѣмъ нашимъ отношеніямъ. Въ первомъ критическомъ разборѣ я докажу тебѣ, что ты такое въ литературѣ!

— Господа! неприлично такъ горячиться. Не забудьте, что мы люди, понимающіе тонъ лучшаго общества. Послушай, Пѣтушковъ; самолюбіе въ сторону. Согласись, что Архипъ Сидоровичъ очень, очень хорошъ. Безъ всякой лести его можно назвать смѣло лицомъ типическимъ.

— Самъ ты лице типическое! Отвяжись отъ меня!

— Охота тебѣ, Цыпленкинъ, съ нимъ спорить, сказалъ Тетеркинъ. Ты унижаешь себя, ты смѣшонъ.

— Я смѣшонъ? Думаю, что ты въ тысячу разъ меня смѣш-

ябе. Я заступился за твоего Архипа Сидоровича, а ты...
Нечего сказать, хорошь ты!

— Провались ты сквозь землю съ твоимъ Архипомъ Сидоровичемъ.

— Онъ не мой, а твой. Архипъ Сидоровичъ твое созданіе. Я не привыкъ присвоивать себѣ, какъ нѣкоторые, чужихъ заслугъ.

— Это ужъ, я вижу, невыносимыя личности! Я ихъ презираю, но все-таки скажу, что Архипъ Сидоровичъ твое лицо. Ты его въ началѣ повѣсти создалъ.

— Я сдѣлалъ только очеркъ, контуръ, а ты дорисовала, вдохнулъ художнически въ него жизнь. Архипъ Сидоровичъ, рѣшительно твой — что ни говори! Бери его себѣ. Я и не такія могу создать типическія лица, не такіе пошлые характеры. Жертвую тебѣ Архипомъ Сидоровичемъ съ руками и ногами.

— Очень нужно мнѣ этого уroda! Навязываетъ словно окровавище какое! Ну что онъ за лице, если правду сказать: просто дрянь!

— Ты, Тетеркинъ, самъ теперь похожъ на Архипа Сидоровича.

— А ты на твоего Ивана Ивановича!

— Иванъ Ивановичъ тоже отчасти твой. Я за него не отвѣчаю! Ты измѣнилъ мою первоначальную идею.

— Чѣмъ?

— А тѣмъ, что его заставилъ чихнуть. Отъ этого совершенно измѣнилась его типическая физиономія.

— Какая придирка?. Да онъ и у тебя чихнулъ.

— Не правда! Онъ у меня только плюнулъ. Это большая разница въ артистическомъ отношеніи.

— А развѣ онъ у тебя не вынималъ платка изъ кармана.

— Вынималъ; но это еще не доказываетъ, что онъ чихнулъ.

— По-моему, такъ доказываетъ.

— И по-моему, также, принималъ Нгушкеевъ.

— Послѣ этого я не хочу жить никакого дѣла съ вами! Скавалъ глубоко оскорбленный Цыплеватъ. Такая надобро-

совѣстность пеньносима! Прощайте! Я ухожу домой и надѣюсь никогда не встрѣтиться съ вами болѣе. Вынуть платокъ — это будто бы значить чихнуть!... Неслыханная недобросовѣстность. Прощайте! Докровайте вашу повѣсть безъ меня, доналеживайте вашихъ уродовъ, Ивана Ивановича и Архима Сидоровича! Посмотримъ. Когда ваше произведение напечатается, я постараюсь услужить вамъ разборомъ. Мое почтение, Марса Карловна! Прощайте, Софья Сергѣевна! Извините меня! Вы видите, можно ли съ этими людьми жить дѣло. А еще называютъ себя литераторами.

— Ну, ну, ступай домой, Архимъ Сидоровичъ! сказалъ Тетерьянинъ.

— Иду, Иванъ Ивановичъ, иду!

Выплевкинь ушелъ, надувшись.

— Какой несносный! сказалъ Тетерьянинъ. Отдѣлаю же я его при первомъ случаѣ. Ну что жъ, Пѣтушковъ! Мы окончили повѣсть вдвоемъ?

— Пожалуй.

— На чемъ повѣсть остановилась, потрудитесь прочесть, сказалъ Тетерьянинъ, обращаясь къ мнѣ.

— Я прочиталъ: «Желаю здравствовать, сказалъ на то Архимъ Сидоровичъ. И вы, если не ошибаюсь, чихнули?—Точно такъ, чихнулъ-съ.»

— Самоваръ подавай, сказалъ въ это время слуга, отворивъ дверь комнаты.

— Не угодно ли выкупать съ нами по чашкѣ чаю? сказала Марса Карловна, вставая съ кресель.

— Позвольте вамъ сдержать наше слово, данное Софьѣ Сергѣевнѣ, и окончить повѣсть до чаю, сказалъ Тетерьянинъ. Мы съ Пѣтушковымъ, тотчасъ же ее окончательно отдѣлаемъ.

— Самоваръ простынетъ. После чаю допишете.

— Какъ вамъ угодно. Выйдетъ, какъ сами увидите, оригинальная, преоригинальная повѣстунья.

За чаемъ Тетерьянинъ и Пѣтушковъ, разсуждая о злыякъ повѣсти, жестоко поссорились, побрались и ушли домой. Созданіе ея осталось не оконченнымъ. Я положилъ его въ корзину.

Когда мы отпили чай и возвратились въ комнату, гдѣ былъ попугай, Марѳа Карповна спросила меня:

— Скажите, пожалуйста, неужели всѣ сочинители такъ сочиняють свои статьи, какъ эти господа? Да это сущій Содомъ и Гоморъ. И въ повѣсти-то у нихъ бранятся, и между собою-то они ругаются. Только что за волосы не таскають другъ друга. Спорять до упаду, кто плюнулъ, кто чихнулъ? Да, по-моему, кто бы ни чихнулъ, стѣнитъ ли объ этомъ толковать. А они еще выдумали писать о всякомъ чиханъѣ да печатать. Полоумные этикіе! Ну такую ахинею давеча несли, что такъ и хотѣлось плюнуть. И плюнула бы, да побоялась. Подумала, что, пожалуй, запишутъ, окаянные, и меня въ свою повѣсть.

— Не запишутъ, не беспокойтесь. Она у меня въ карманѣ. Я ихъ самъ запишу въ повѣсть, отвѣчалъ я.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, сказала Софья Сергѣевна. Сцена была довольно забавная. Я давеча едва, едва удержалась отъ смѣха. Опишите эту сцену и напечатайте.

— Опишу и, можетъ-быть, со временемъ, при случаѣ напечатаю, отвѣчалъ я. Не думайте, однако жъ, что всѣ литераторы похожи на этихъ господъ.

Я простился съ Марѳой Карповной и Софьей Сергѣвной. Недѣли черезъ двѣ было въ публичномъ саду гулянье. Я встрѣтился тамъ съ Пѣтушковымъ, потомъ съ Тетеркинымъ и, наконецъ, съ Цыпленкинымъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ со мною разговоръ. Передаю эти три разговора.

— А! и вы здѣсь гуляете! воскликнулъ Пѣтушковъ, увидѣвъ меня. Я васъ провожу до конца этой аллеи. Ну что вы подѣлываете, почтеннѣйшій?

— Гуляю, какъ видите.

— А я, знаете ли, на что рѣшился? Я ишу мѣста сотрудника при какомъ-нибудь журналѣ. Хочу взять на себя тагостную и неблагодарную миссію критика.

— Поздравляю васъ! А повѣстей писать ужъ не хотите?

— Что повѣсти! Я могу написать ихъ дюжину въ одну недѣлю. Быть критикомъ гораздо труднѣе. Я надѣюсь сдѣлать переворотъ въ литературѣ. Хочу дѣйствовать на толпу, на

массу, и образовать ея вкусъ. Всѣмъ писателямъ я укажу свое мѣсто. Тетерькина и Цыпленкина, просто, уничтожу.

— Не будетъ ли это слишкомъ жестоко?

— Помните! Надобно же обличать безталантность и посредственность, надобно истреблять литературные плевеы. Это будетъ съ моей стороны заслуга.

— Но знаете ли, мнѣ кажется, чтобы имѣть право на званіе критика, надобно сперва самому хоть нѣсколько доказать....

— Что такое доказать? воскликнулъ Пѣтушковъ, взглянувъ на меня съ видимою досадою и съ сардонической улыбкой. Отвѣчайте, что доказать?

— Все, что вамъ угодно. Вотъ мы уже дошли до конца аллеи. Желаю вамъ приятной прогулки. Мое почтеніе!

Я раскланялся съ Пѣтушковымъ и поспѣшилъ уйдти отъ него. Но, по пословицѣ, изъ огня попалъ въ пламя. Мнѣ загородилъ дорогу Тетерькинъ.

— Васъ ли вижу? вскричалъ онъ.

— Меня. Вы не ошиблись.

— Очень радъ, что я съ вами встрѣтился. Мнѣ нужно вамъ сообщить кое-что.

Тетерькинъ взялъ меня подъ-руку и скорыми шагами пошелъ назадъ по той же аллеѣ.

— Вы, конечно, не слыхали, что я ниѣю вѣрную надежду получить мѣсто рецензента при одномъ журналѣ.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Это вѣрно. Я тогда покажу себя, я тогда разберу всѣхъ нашихъ писателей прошедшаго и нынѣшняго столѣтія, и докажу, что... однимъ словомъ, вы увидите, что я докажу. Это составитъ эпоху въ нашей, до-сихъ-поръ дѣтской литературѣ. Я далъ уже слово Бубенчикову раскрыть глаза толпѣ и поставить его на принадлежащую ему безспорно степень перваго, современнаго поэта, и перваго прозаика. Вы, конечно, читали Бубенчикова?

— Виповать, не читалъ!

— Стыдитесь!

— Я вам, даже долженъ откровенно признаться, что отъ васъ, первыхъ слышу про Бубеняшкова.

— Помните! Вы, я вижу, рѣшительно отстаиваете отъ всѣхъ и не слѣдите за современностью. Бубеняшковъ—мой короткій пріятель. Если угодно, я васъ познакомлю съ нимъ. Это человекъ, просто, гениальный. Державинъ, Карамзинъ, Дмитриевъ, передъ нимъ нули. Увидите, какое займаетъ онъ мѣсто въ нашей литературѣ послѣ моей рецензій. За то, Пазушкова и Цыпленкина такъ отдѣлаю, что они будутъ меня помнить.

— Желаю вамъ успѣха. Позвольте мнѣ прощаться съ вами. Я ужь, хочу идти домой.

— Прощайте! Увидите какъ отдѣлаю, да и вообще буду во всемъ очень строгъ. Посредственность, навѣжество, бездлантность должно преслѣдовать. Не правда ли?

— Совершенная правда! Я не смѣю съ вами спорить. Мое почтеніе!

Когда я уже совсѣмъ хотѣлъ выйти изъ сада, меня кто-то ударилъ сзади, довольно неучтиво, по плечу. Я оглянулся и увидѣлъ Цыпленкина, расфранченнаго до нельзя.

— Неужели вы уже хотите идти домой? спросилъ онъ меня. Гулянье только-что началось, можно сказать. Видите ли, какая толпа!

— Вижу, но мнѣ пора домой.

— Я васъ не пушу домой.

Онъ схватилъ меня за руку и почти насильно увлекъ назадъ по той же самой аллеѣ, по которой я имѣлъ уже удовольствіе пройти съ господиномъ Игумновымъ и Тетеринскимъ.

— Я вамъ хочу сказать новость, продолжалъ Цыпленкинъ. Передайте ее при первомъ случаѣ Славѣ Сергѣевнѣ. Скажите ей, что она скоро будетъ читать критики въ одномъ журналѣ, такая критика, какія она, конечно, еще не читывала. Чистый вкусъ, артистическій тактъ, художественное чувство, высшій взглядъ, неутомимое безпристрастіе, иѣткость приговоровъ, все, все будетъ въ этихъ критикахъ. Иногда, кстати, допустится ѣдкое остроуміе и шутка — безъ этого нельзя, — но при всемъ томъ критика будетъ не то, что у

цать до сих поръ называли критикомъ. Подписываться будетъ псевдонимъ Безпардонскій, ни въ какомъ случаѣ не будетъ подписываться, или же подъ этими критиканскими именами будутъ помѣщены буквы: А. Б. или В. Г. или же Д. Е., а можетъ быть Ж. З. — это еще не рѣшено.

— Кто же авторъ этихъ будущахъ критикъ?

— Это еще секретъ. Союзъ Сергѣевна, впрочемъ, по слуху догадается. Этотъ критикъ раскроетъ глаза толпѣ, сдѣластъ общій переворотъ въ литературѣ, докажетъ, что у насъ только одинъ истинный поэтъ и хороший прозаикъ: Погребенкинъ, а что всѣ прочіе самозванцы-литераторы гроша не стоятъ. Золотой посредственности спуску не будетъ. Въ особенности Тетерькинъ и Пѣтушковъ будутъ демаскированы, отдѣлены, уничтожены. Какіе они литераторы!

— Но вы недавно хвалили ихъ, а они отдавали вамъ полную справедливость, — помните ли? — когда вы втроемъ диктовали мнѣ повѣсть, въ домѣ Марьи Карповны.

— Не помню, можетъ-быть.... но вы увидите, какъ ихъ отдѣластъ новый критикъ.

— Мнѣ кажется, что цѣль критика не та, чтобы отдѣливать другихъ. Гораздо было бы лучше, если бы критики и всѣ писатели старались отдѣливать свои собственные статьи. Вотъ, если бы вы, напримеръ, докончили начатую вами втроемъ повѣсть, если бы хорошо ее отдѣляли, то доказали бы....

— Я навсегда отказался отъ этого ничтожнаго рода и отъ всѣхъ прочихъ родовъ, возразилъ горячо Цыпленкинъ. Я твердо рѣшился не писать болѣе ничего, кромѣ критикъ. Советовъ вашихъ не требую. Я самъ чувствую свое истинное призваніе.

— Извините, вы, кажется, разсердились на меня. Я не зналъ, что и вы хотите сдѣлаться критикомъ.

— Да-съ! Хочу, и скажу вамъ, что критикъ, о которомъ я вамъ говорилъ, который явится подъ псевдонимомъ Безпардонскаго, или подъ двумя литерами, которыя еще не избраны, не кто другой, какъ я. Открываю вамъ этотъ секретъ, потому что его скрыть невозможно: всѣ меня съ перваго ра-

за по слогу узнають. У! какъ я стану всѣхъ отдѣлывать! Въ особенности Пѣтушковъ и Тетеркинъ....

— Они здѣсь, къ вашимъ услугамъ! раздался голосъ позади насъ. Посмотримъ еще, кто кого отдѣлаетъ.

Мы оглянулись. Пѣтушковъ и Тетеркинъ шли подъ руку. Вѣроятно, они уже объяснились и помирились. Начался споръ. Я хотѣлъ бѣжать, но Цыпленкинъ, продолжая спорить съ двумя противниками, крѣпко держалъ меня за руку. Угроза «отдѣлать» повторялась безпрестанно. Я молчалъ, страдалъ и думалъ только, какъ бы мнѣ отъ этихъ господъ отдѣлаться. Толпа начала сгущаться около насъ. Срамъ, да и только! Чтобы какъ-нибудь замять разгаравшійся споръ, я сказалъ:

— А знаете ли, господа, мнѣ очень жаль, что вы не кончили вашей прелестной повѣсти, подъ оригинальнымъ и заманчивымъ заглавиемъ, которое попугай случайно надиктовалъ.

— Оканчивайте ее сами, если хотите! воскликнулъ Тетеркинъ. Мы даримъ ее вамъ; а я рѣшительно объявляю, что отнынѣ, кромя критикъ, ничего писать не стану.

— И я, сказалъ Цыпленкинъ. Это мое настоящее призваніе.

— И мое, примолвилъ Пѣтушковъ. Всѣхъ отдѣлаю!

— А я, съ вашего позволенія, отдѣлаю вашу не конченную повѣсть и напечатаю.

— Печатайте! закричали мнѣ въ три голоса. Мы и васъ отдѣлаемъ.

Въ это время мнѣ удалось освободить свою руку изъ-подъ руки Цыпленкина, и я, скорыми шагами выбравшись изъ сада, вздохнулъ, пригладилъ рукою свои сѣдые волосы и подумалъ: «Не умѣли втроемъ скропать, или—по ихъ собственному выраженію, — создать повѣстухи при пособіи четвертаго сотрудника — попугай, а хотять быть критиками, хотять управлять мнѣніемъ публики, которую очень учтиво называютъ толпою, и мечтаютъ произвести переворотъ въ литературѣ, составить въ ней свои особыя эпоху!»

К. МАСАЛЬСКІЙ.

СЕЙ И ЭТОТЪ,

ИЛИ

ВРАЖДА БРАТЬЕВЪ.

вытѣснялъ меня въ всѣхъ моихъ мѣсть, которыя я такъ долго занималъ съ честью.

снѣ.

Будто люди помнятъ старыя заслуги! Не ты первый, не ты послѣдній. Я, наиримѣръ, совершила подвигъ, который никогда бы не должны были забывать всѣ Русскіе. Мною, мною, начата исторія Карамзина. Я начала, а онъ окончилъ. Не могу до-сихъ-поръ безъ слезъ читать: «Сія великая часть Европы и Азіи....» (*Плачетъ*).

слѣдующій, машинистъ.

Позвольте спросить, какъ это такъ? Я, признательно сказать, исторіи Карамзина не читалъ. Некогда! Не до чтения! Отъ однихъ рапортовъ, доношеній, экстрактовъ и протоколовъ голова кругомъ пойдетъ. Сюютъ нашего брата вездѣ. Все слѣдующій да слѣдующій, и часто притянутъ тебя туда, куда меня откомандировывать совсѣмъ не слѣдуетъ.

снѣ.

Вы не знаете Карамзина, потому-что Карамзинъ не зналъ васъ. Говорятъ, что онъ считалъ васъ за явнаго ослушника противъ грамматическаго устава.

оній.

Да, это правда.

снѣ:

Правда. Не одинъ Карамзинъ, а всѣ литераторы и грамматикѣ въ одинъ голосъ кричатъ, что вы, господинъ слѣдующій, будто бы совсѣмъ не Русскій, что васъ надобно, просто, какъ подозрительнаго выходца, сжить со свѣта, прогнать.

слѣдующій.

Меня сажать, меня прогнать! Стара шука! Чтѣ мнѣ изъ грамматикѣ и литераторы! Я нив звать не хѣчу! За мнѣ горой стоять всѣ подданые, а нив вѣдь вы тысячу, во сто...

сячь разъ больше, чѣмъ грамматиковъ и сочинителей. Попадись-ка онъ. къ намъ въ передѣлъ, мы ихъ всѣхъ по-свойски обработаемъ. Будь себѣ хоть разлитераторъ, семи пядей во лбу, а дойдетъ до него дѣльцо, попадетъ онъ въ какой-нибудь протоколець, такъ безъ Слѣдуемаго никакъ не обойдется.

ЯКОБЫ.

Да и безъ Якобы не обойдется.

Слѣдующій.

Ну, нѣтъ, безъ васъ еще обойдтись можно, а безъ Слѣдуемаго никакъ.

ЯКОБЫ.

А почему такъ? Почему никакъ?

ЯВЛЕНИЕ II.

Входятъ *Повлику*, *Понеже* и *Поколику*.

Всѣ трон.

Честъ имѣемъ рекомендоваться.

Сей.

Прошу покорнѣйше садиться. Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

ПОНЕЖЕ.

Я—Понеже.

ПОВЛИКУ.

Я—Повлику.

ПОВОЛИКУ, *кланаясь*.

А я—Поколику.

Сей.

Такъ-съ. Я, кашкетя, имѣю удовольствіе прежде часта встрѣцаться съ вами.

всѣ троѣ.

Какъ же-съ. Мы часто встрѣчались въ разныхъ канцеляріяхъ.

сей.

Теперь вы уже въ отставкѣ?

всѣ троѣ.

Нѣтъ еще-съ. Мы служащіе.

понеже.

Я многихъ мѣстъ лишился, правда сказать, однако жъ не изъ всѣхъ еще уволенъ.

поколику.

И я также.

поелику.

Но не я. Безъ меня, я полагаю, ни одно мѣсто не обойдется.

яковы.

Не безъ васъ однихъ. И безъ меня не обойдется.

нижесказанный и вышереченный.

Да и безъ насъ также.

слѣдующій.

Ну нѣтъ. Безъ всѣхъ васъ обходятся иногда. Считаютъ, что вы уже устарѣли. А вотъ безъ меня, безъ Слѣдующаго, какъ я сказалъ уже, нельзя обойтись никакъ.

сей.

За что жъ меня-то одного совсѣмъ вытѣснили?

сія.

И меня? Я, какъ вѣрная жена, раздѣляла всегда труды твои.

онѣй.

И я также. Не понимаю, отчего на насъ трехъ такъ жестоко напали. Мы служили Карамзину, Дмитріеву, Пушкину и другимъ важнымъ лицамъ. Все это мой дядюшка Этотъ сьнитриганпль надъ нами. Ужъ не говорю о литературныхъ об-

ществахъ; но даже изъ многихъ канцелярій меня съ родителями прогнали, изъ такихъ канцелярій, гдѣ всѣ наши теперешніе гости имѣютъ свободный доступъ. Не правда ли?

нижесказанный, вышереченный, покаянку, покоянку и яковы.

Правда, совершенная истина! Изъ насъ одного господина Понеже менѣе уже жалуютъ.

ПОНЕЖЕ.

Не говорите! Я еще не безъ покровителей.

ОПЫЙ.

А знаете ли, батюшка, что недавно приключилось въ одномъ отдаленномъ уѣздѣ, откуда меня дядюшка Этотъ выѣстъ съ вами выѣснилъ. Какъ выйдетъ опять подобная исторія, такъ и насъ авось вспомнить. Канцеляристъ Тряпкивъ, по порученію своего начальства, принесъ какое-то объявленіе въ другое присутственное мѣсто и подалъ его старшему въ присутственной комнатѣ. Старшій написалъ резолюцію: «Объявленіе, доставленное лично канцеляристомъ Тряпкинымъ, регистратору Занумерину, записавъ, принять и потомъ прибить его, какъ слѣдуетъ, у дверей.» Тряпкинъ поклонился, вышелъ въ другую комнату и отдалъ объявленіе регистратору съ резолюціею. Тотъ прочиталъ ее, записалъ объявленіе, положилъ на столъ, понюхалъ табаку, потомъ, взявъ за руку Тряпкина, подвелъ его къ двери да и задалъ ему потасовку. Тотъ никакъ не ожидалъ подобнаго казуса, началъ защищаться — куда! Занумеринъ былъ дѣтина плотный и сильный. Начали ихъ разнимать. Вотъ на шумъ сбѣжались. «Что такое? что такое?» вскрикнулъ старшій. Занумеринъ, выступивъ впередъ, отвѣчалъ: «Честь ниѣю отрапортовать, что резолюція вашего высокоблагородія исполнена въ точности. Прибилъ какъ слѣдуетъ, у дверей.» Будь я тамъ, такого казуса не случилось бы.

СКІЙ.

Конечно. Ну что дѣлать! Своемъ съ горя пѣсню, любезные мои гости. Авось это насъ утѣшитъ и развеселитъ хоть немного.

ОБЩИЙ ХОРЪ.

На голоса: «Я въ пустыню удаюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.»

Пусть сживаютъ насъ со свѣта!
Это право, не бѣда!
Мы не любимъ для поэта,
Но мы нужны для суда.

Безъ Сего и Поелику,
Вообще сказать, безъ насъ,
Сыщешь пользу не велику,
Будешь пить оявъ лишь квасъ.

Нужно съ нами: знать споресну,
Уважать насъ, а не то
Регистраторъ, потасовну,
Дастъ, пожалуй, ни за что.

Жили съ нами гладко дѣды;
Пили не одинъ лишь квасъ,
Пили вино, слыши, обѣды
Замыслили ради: квасъ.

Является изъ-подъ полу чортъ—знаеть—что—такое, съ двумя бутыл-
ками шампанскаго, въ рукахъ. Чертаки веревочкой вьстаютъ изъ окна съ
шуршаньемъ, шивитъ, вьпрыгиваетъ на столы и великодушнo освѣщаютъ ономъ
Всѣмъ садкамъ за обѣдъ. Чертаки прислуживаютъ пиршественъ.

оригинальнѣе всего чертъ: за кулисами, который основде на подражаніе та-
ковому же въ Робертъ, известней оперѣ Мейербера. Онъ поетъ съ силными
басами, на голосъ пѣсни:

«Ахъ, только мнѣ,
На чуждой сторонѣ.»

Что и честь, что и честь,
Коли нечего вѣсть.
То не выдумка чертей,
А пословица людей.

Старина, старина!
Ни на шагъ безъ вина.

Будь кругомъ хоть виновать,
Напомля да даль—и сваяъ.

А хоть будь правъ кругомъ,
Но не вся сила въ томъ,
Ябедъ, вляузъ. не збудь:
Крюкъ. замкнемъ какъ-нибудь.

А теперь плохо намъ!
Нѣтъ раздолья чертямъ.
Правду холятъ все да честь.
А для насъ, ну что въ ней. есть!

Благородныхъ людей,
Справедливыхъ судей,
Развелось намъ на бѣлу,
Горько плачемъ мы въ аду!

(Вся пирующіе до слезъ растроганы. слѣдующій рыдаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ ту же комнату. Слѣдуютъ одѣтъ и выносетъ. Входятъ этотъ.

ЭТОТЪ.

Здорово, братецъ.

Сей, сухо.

Здравствуй.

ЭТОТЪ.

Ты сердить на меня?

Сей.

Еще спрашиваетъ!

ЭТОТЪ.

Да за что же?

сей.

Поди, безсовѣстный! Хочетъ со свѣта согнать роднаго брата и спрашиваетъ: да за что же? Я тебя спрошу: ты за что на меня озлился?

этотъ.

Я на тебя никогда не злился. Между нами, я вижу, сильное недоразумѣніе. Надѣюсь, что мы съ тобой помиримся.

сей.

И не только ты меня, но и всѣхъ моихъ родныхъ и пріятелей разобидѣлъ и притѣснилъ.

этотъ.

Изберемъ въ посредники, кого хочешь. Я увѣренъ, что нашу ссору легко разобрать и кончить мировою. Да вотъ кто-то входитъ. Возьмемъ его въ посредники.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Иво, завернутый въ плащъ.

иво.

Позвольте попросить у васъ пристанища. Я сбился съ дороги. Меня преслѣдуютъ враги.

сей.

Очень радъ дать пріютъ всякому преслѣдуемому.

иво.

Вы, вѣрно, хозяинъ этого дома? Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

сей.

Я несчастный, гонимый Сей.

иво.

Сей? Не авторъ ли вы извѣстнаго курса Политической Экономіи?

сей.

Нѣтъ, сударь: то Французъ, а я коренной Русскій. А вы кто таковы?

нво.

И я Русскій. (*Вздыхаетъ.*) Сей?... Вѣрно; вы тотъ господинъ, котораго тѣснятъ нынче, какъ я слышалъ.

сей.

Это я! А ваше какъ имя?

нво.

Я соблюдаю инкогнито, для избѣжанія преслѣдованій.

сей,

Но скажите, кто васъ преслѣдуетъ?

нво.

Злодѣй, извѣргъ, франтъ, молокососъ. Нѣкто Этотъ.

сей.

Вотъ онъ здѣсь, передъ вами.

нво, отступаетъ нѣсколько шаговъ.

Это вы?

этотъ, *величественно.*

Я!

нво.

Какая наглость! Я вамъ скажу прямо, что вы бездѣльникъ.

этотъ.

Не забываетесь! Вы не можете называть меня бездѣльникомъ. У меня дѣла бездна. Вездѣ только и слышишь Этотъ да Этотъ.

нво.

Вы хвастунъ! Васъ очень часто замѣняетъ и долженъ замѣнять господинъ Сей.

Этотъ, улыбаясь.

Позвольте спросить, гдѣ и когда?

Иво.

Вы еще осмѣливаетесь въ глаза мнѣ смѣяться. Я не спасу такой дерзости. Я васъ прибую. Господиизъ Сей! Помогите мнѣ!

Сей.

На брата у меня рука не поднимется.

Иво.

Ну, такъ я одинъ съ нимъ расправлюсь.

(Бросается на Этого и начинаетъ его бить. Драка).

Этотъ.

Караулъ!

Иво.

Караулъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и волшебникъ Чортъ — знаешь-что-такое, въ чужомъ платьѣ, съ цалкой въ рукѣ.

Волшебникъ.

Что здѣсь за шумъ? Перестаньте драться.

Иво.

Сейчасъ. Позвольте мнѣ только схватить этого молодца за волосы. Мнѣ хочется поправить его модную прическу à la jeune France.

Волшебникъ, *разнимая ихъ.*

Перестаньте, говорю вамъ!

Ибо.

Да кто вы таковы? Какое право вы имѣете мѣшаться въ наши дѣла? Кто вы, чиновникъ, что ли какой?

ВОЛШЕВНИКЪ.

Нѣтъ.

Ибо.

Ну такъ ученый, филологъ, грамматикъ, Русскій, иностранецъ?

ВОЛШЕВНИКЪ.

Нѣтъ.

Ибо.

Ну кто же? Литераторъ что ли?

ВОЛШЕВНИКЪ.

Нѣтъ!

Ибо.

Все нѣтъ да нѣтъ! Кто же вы наконецъ?

ВОЛШЕВНИКЪ.

Я—Чортъ-знаетъ-что-такое.

Ибо, *струсивъ*.

Извѣстный черноокнижникъ!

ВОЛШЕВНИКЪ.

Плещо. Иногда бываю я и ~~обнокнижникомъ~~, когда занимаюсь каббалистическими книгами съ огромными проблемами. А вы кто? Прошу меня не обманывать.

Ибо.

Я?... Нечего дѣлать, видно, надобно нарушить мое ~~инкогнито~~. Я, милостивый государь, гонимый, несчастный Ибо.

Снѣ.

Ибо! Мой старинный другъ! О небеса! Приди въ мои объятія.

Они долго обнимаются съ жаромъ. Безмолвная, трогательная сцена. Всѣ зрители плачутъ, потомъ начинаютъ аплодировать.

ВОЛШЕВНИКЪ.

Послушайте, господа. Я вамъ совѣтую заключить мѣду собою мировую сдѣлку. А если будете еще ссориться, еще драться, то я васъ превращу въ ничто, въ какія-нибудь изракульки и запрячу въ эту стѣну.

Онъ показываетъ на стѣну, построенную изъ книгъ.

За снѣгъ или за эфиръ, какъ хотите, нѣбу честь быть ишимъ покорнѣйшимъ слугою. (*Превращается въ сову и умираетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ волшебника.

ИВО.

Вѣдь волшебникъ-то велѣлъ намъ помириться. Чтѣ мы на этѣ скажете, господинъ Этотъ?

ЭТОТЪ.

Я радъ помириться, только нужно знать на какиихъ основаніяхъ?

ИВО.

Вѣдь мы всѣ земляки, коренные Русскіе. Не приходится намъ ссориться.

ЭТОТЪ.

Я отъ мира не прочь.

СЕЙ.

И я также.

ИВО.

И я.

СЕЙ.

Ну такъ поцѣлуемся.

Нѣжно цѣлуются. Растроганные зрители аплодируютъ и начинаютъ вынимать актеровъ.

ЗРИТЕЛИ.

Сего! Сего!

ДРУГИЕ ЗРИТЕЛИ.

Этого! Этого!

ОДИНЪ ЗРИТЕЛЬ, громко.

Ибо!

ЧАСТЬ ЗРИТЕЛЕЙ.

Шш! Ст! Шш!

ТОТЪ ЖЕ ЗРИТЕЛЬ, еще громче.

Ибо! Ибо!

Нѣсколько голосовъ подхватываютъ этотъ крикъ и вскорѣ, съ тономъ
вогъ, начинаютъ вызывать.

ЗРИТЕЛИ.

Ибо! Ибо!

ИВО, раскланивается.

ЗРИТЕЛИ.

Браво! Браво!

Шумъ утихаетъ.

ИВО.

Присутнимъ же къ мировой сдѣлкѣ. А вотъ, тутъ на столѣ, встать, есть бумага и перо. Сейчасъ напишу проектъ мирового условія.

Садитесь и пишете. Сѣй и этотъ ходятъ по сценѣ, объявляясь.

СѣЙ.

Ну что? Написали?

ИВО.

Написалъ.

ЭТОТЪ.

Читайте.

ИВО, читаетъ.

Дѣта 18.... Ноября въ первый день, мы, нижеподписав-

шися, Сей, Этоъ и Ибо, по миролюбномъ соглашеніи признали за благо прекратить всѣ ссоры и недоразумѣнія, между нами возникшія, и заключить полюбовную сдѣлку на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1.) Во всѣхъ литературныхъ, прозаическихъ произведеніяхъ, гдѣ, по роду ихъ, нуженъ слогъ живой, разговорный, не употреблять ни Сего, ни его супруги, ни ихъ сына Онаго, ни пріятелей ихъ Поелику и всѣхъ прочихъ, ему подобныхъ, которые въ живой, современной рѣчи образованныхъ людей не употребляются. При семъ писателямъ строго наблюдать за правильностію и законами языка, ибо часто въ разговорной рѣчи употребляются слова и обороты неправильные, противные духу русскаго языка. Напримеръ, въ одной изъ столпцъ, (не говоримъ ужъ о другихъ городахъ, гдѣ свои особенности нарѣчія) многіе и многія говорятъ: *Онъ утхавши, я была очень уставши, поѣхать на гостиный дворъ; дитя дѣлаеть зубы, онъ хорошо выглядить, она мучается, онъ профершился, это можетъ старо всякаго состарить, она можетъ скоро соскучить, я ему сказала, что онъ пришелъ бы ко мнѣ, не больше, не меньше, я видалъ, я слыжала* (въ однократномъ значеніи) и прочее и прочая. Всего, подобнаго вышеозначенному, исчислить въ сей мировой сдѣлкѣ невозможно; ибо вмѣсто одного гербовата листа потребовалась бы въ такомъ случаѣ книга, равная по толщинѣ какому нибудь журналу и раздѣленная на два столбца, для написанія въ одномъ столбцѣ ошибокъ мужскаго рода, въ другомъ — обмолвокъ прекрасной, сирѣчь, женской половины рода человѣческаго. Писателямъ дается право брать слова изъ разговора образованныхъ людей и простолюдиновъ, изъ всѣхъ русскихъ книгъ, изъ своей головы, изъ славянскаго языка, изъ другихъ даже языковъ славянскаго корня; въ крайнемъ случаѣ изъ иностранныхъ языковъ, если нѣтъ русскихъ словъ равносильныхъ иностраннымъ; словомъ сказать, брать слова откуда имъ угодно, хоть изъ безмолвныхъ и нѣмыхъ стѣнъ и кирпичей комнаты, гдѣ пишется сія мировая сдѣлка, но съ тѣмъ условіемъ однакъ жъ, чтобы написанное словами было

перешо и удачно сказано, чтобы все это не оскорбляло русскаго уха и правилъ языка, чтобы все это согласовалось съ его духомъ и законами. Изъяснъ и слова—это матеріалъ разнообразный и часто необдѣланный. Писатель — художникъ, который обязанъ обдѣлывать матеріалъ, гранить его, чистить, и вообще поступать, какъ доброму, знающему и искусному художнику надлежитъ.

2.) Въ стихахъ дозволять безвозбранно, только со вкусомъ и изяществомъ дѣла, слова славянскія или славянообразныя, введенныя прелевыми нашими стихотворцами. Стихамъ вродо-скаждается болшее право отаичаться языкомъ отъ прозы, а въ томъ однако жъ, чтобы стихи были не безъ чувства дѣла, буде можно, не безъ мыслп, съ разбромъ гармоническимъ и правильнымъ, съ приемами путными, или же безъ всякихъ претензій на рифмы. Радъ бы—Сватѣбы, любви—мом; ворота—корона, и тому подобныя рифмы не могутъ быть признаны за законныя рифмы.

Вокругъ лилѣйнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи.
Яснѣ дня, чернѣ ноци.

Такъ сказалъ вѣкто Александръ Пушкинъ и сказалъ прекрасно. Чело и очи—слова славянскія, не разговорныя. Но сказать вокругъ лилѣйнаго лба, не оказывается никакой законной возможности. Стихъ лишится всей прелести. У него выросли рога или рогъ на лбу, или на лбѣ, или онъ разшибъ лобъ себѣ или другому,—это все равно, и все это можно: все сіе дѣло законное. А лилѣйное чело не замѣнишь лбомъ, ни въ какомъ случаѣ, точно такъ же, какъ, въ пзвѣстной поговоркѣ, лбомъ стѣну не прошибешь. Глаза и очи—одно и то же. Но зачѣмъ изгонять изъ стиховъ слово очи, когда въ тому никакихъ законныхъ основаній не представляется. Чѣмъ болше словъ, тѣмъ богаче языкъ. Для приклада видъ прикѣ-

ра, принадлежъ еще нижеслѣдующіе стихи Жуковскаго и того же, вышесказаннаго Пушкина.

Иоанна говорить у Жуковскаго:

Господь съ ней будетъ! Богъ всецѣльный браня
Пошлетъ свое дрожащее созданье;
Творецъ земли себя въ смиренной дѣвѣ
Явитъ землѣ... зане Онъ Всемогущій!

Браня, въ смыслѣ войны, вы не услышите никогда въ разговорѣ, а въ стихахъ поле брани не всегда замѣнишь полемъ войны. Въ разговорѣ же слово: браня, исключительно употребляютъ въ смыслѣ брани журнальной или простой, которую иногда слышишь въ нѣкоторыхъ романахъ, комедіяхъ, критикахъ, кухняхъ и переднихъ. Слово *зане* чисто славянское. Жуковскій употребилъ его въ русскихъ стихахъ въ первый разъ, но стихъ вышелъ прекрасный. Вставьте, вмѣсто *зане*, господина Потому-что, Поелику, Повеже, — все выйдетъ плохо. Даже я, нижеподписавшійся, Ибо, при всемъ чувствѣ своего достоинства, не берусь замѣнить въ вышеозначенномъ стихѣ *зане*. Оно употреблено чрезвычайно кстати, чрезвычайно удачно, глубокимъ знаткомъ языка и отличнымъ художникомъ. Вотъ еще примѣръ изъ поэмы Пушкина:

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая.

Сказать вмѣсто того, принявша къ разговорному слогу:

Раскрывши ротъ, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣвица, дѣвушка или дѣвка молодая,

хотя и можно; но, прочитавъ таковыя стихи, пожелаешь, чтобы дѣвица сидѣла просто, безъ раскрытаго или разинутаго рта. Оно какъ-то неблагообразно. Хотя ротъ и уста — совершенно одно и то же, однако жъ раскрытыя уста благообразны, а раскрытый ротъ — не красивъ. Извольте тутъ

добираться толку: почему это так? По сему и все прочее подразумевай. Не споримъ, что не нужно вдаваться въ стихахъ, а тѣмъ болѣе въ прозѣ, въ излишнія и не нужныя славицизмы, германцизмы, безтолковизмы, пустизмы и всѣ прочія измы или исмы, но дѣло не въ словахъ и выраженіяхъ; а въ искусствѣ, въ дарованіи писателя, въ основательномъ познаніи своего языка, въ умѣ и чувствѣ. Иной съ самыми громкими и звучными выраженіями, со всѣми возможными фигурами, не уйдетъ далеко. Прочитая нѣкѣ стихи, повторить съ Дмитриевымъ:

Такъ громко, высоко, а вѣтъ! не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ.

А прочитавъ ную прозу, со всѣми возможными измами или исмами, ичностями, ивностями или анностями, пожмешь только плечами и скажешь съ Хемницеромъ:

Бывало, глупые его не понимали,
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучали.
Въ метафизическомъ бѣснулся размышленьи,
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
Смыслъ началъ всѣхъ началъ,
Когда за облака онъ думой возносился... и прочее.

Языкъ—матеріалъ, писатель—мастеръ. Общее правило: дай мастеру самый плохой матеріалъ, онъ сдѣлаетъ что-нибудь, и, напротивъ, дай сапожнику-самой превосходной муки, онъ испечетъ блинъ комомъ. Не даромъ Крыловъ сказалъ:

Бѣда, коль пироги начнетъ печь сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ.

3.) Въ слогѣ дѣловомъ и, въ особенности, судебномъ предоставить полную волю и Сему, и Оноу, и Вышесказанному, и Нижесказанному, и Поелюку, и Поколюку, и всѣмъ прочимъ, *правильнымъ* словамъ; исключая *Сльдумаго* и другихъ выраженій противозаконныхъ.

Слѣдующее противно всѣмъ законамъ грамматическимъ, уголовнымъ и гражданскимъ. Слѣдующее существуетъ давно на бѣломъ свѣтѣ. Откуда же вырыли вѣсто него: *слѣдующей*. Слѣдующее, если и можетъ быть употреблено, то совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ слѣдующее. Слогъ дѣловой и въ особенности судебный требуетъ главнѣйше необыкновенной точности, и потому онъ не можетъ и не долженъ быть слогомъ разговорнымъ. Печальный примѣръ канцеляриста Транкина доказываетъ, что за употребленіе слова: *это*, вѣсто: *онаго*, можно подвергнуться безвинно потасовкѣ. Въ другихъ случаяхъ можно лишиться части имѣнія или подпасть другому какому-нибудь бѣдствію за разговорный, живой языкъ въ судебныхныхъ бумагахъ, и за недостатокъ въ нихъ какого-нибудь Онаго, Ибо, Поеліку или тому подобнаго словца. И въ иностранныхъ государствахъ дѣловой и судебный слогъ отличается отъ чисто-литературнаго. *Vu, considérant, statuant, le-dit, susmentionné, Nous avons ordonné et ordonnons, sise*, и сотню подобныхъ выраженій не встретишь ни въ стихахъ Ламартина, ни въ прозѣ Виктора Гюго. Не говоримъ впрочемъ, чтобы слогъ дѣловой и судебный былъ похожъ на санскритскій языкъ, понятный для однихъ знатоковъ, и не желаемъ возвращенія того вриятнаго, мутнаго полуярака старинныхъ канцелярій, тѣкъ длинныхъ періодовъ, которые безконечно тянутся на двухъ или трехъ страницахъ, сплаваясь драгоценною частичкою А, съ запятыми и точками, поставленными болѣе для красоты, чѣмъ для смысла. Этотъ темный слогъ съ начала нынѣшняго столѣтія исчезъ, и появився нынче снова ужъ не въ судебныхныхъ бумагахъ, а въ философическихъ статьяхъ нѣкоторыхъ толстыхъ журналовъ. Дѣловыя же и судебныя бумаги, болшею частію, пишутся нынѣ у насъ такъ, что ничего лучшаго желать нельзя. Конечно, есть исключенія, но и они каждый день дѣлаются рѣже и рѣже. Здѣсь нужно упомянуть классическое раздѣленіе слога на низкій, средній и выскій. *Въ низу* видъ служитъ всего болѣе исключеній, о которыхъ мы говоримъ, *въ срединахъ* рѣдко, а *въ верху* иногда. Тамъ только встрѣтимъ чистоту, благородство, возвышенность и слогъ, а всего прочее.

4.) Объ господинъ Ибо нѣтъ особое сужденіе. Должно ли его изгнать изъ чисто-литературной прозы? У Французовъ есть *car*, у Англичанъ *for* или *because*, у Германцевъ *dein* или *weil*, у насъ Ибо. Можно его употребить кстати и въ разговорѣ, ибо что тутъ будетъ страннаго? Ужъ терпѣть это слово и не оскорбляется такъ, какъ господами Понеже или Поколику. Полагаютъ замѣнить Ибо господиномъ Потому-что; но этотъ господинъ не всегда можетъ замѣнить меня, нижеподписавшагося, вашего покорнѣйшаго слугу Ибо, который ждетъ смиренно рѣшенія своей участи. Безъ Ибо Русскіе будутъ бѣднѣе Французовъ и другихъ иностранцевъ, а это обидно и весьма даже обидно.

3.) О прочихъ спорныхъ пунктахъ войдти впоследствии въ надлежащее сужденіе и соглашеніе, пригласивъ въ посредники всѣхъ русскихъ, опытныхъ писателей; а теперь, утвердивъ сію мировую сдѣлку нашимъ общимъ подписаніемъ, засвидѣтельствовать ее, гдѣ слѣдуетъ, и тяжбу между Симъ и Этимъ, единоутробными братьями, равно и между всѣми прочими ихъ родственниками и пріятелями, нынѣ же прекратить и впредь не вчинять. Къ сей мировой сдѣлкѣ Ибо Иванъ сынъ Ибовъ руку приложилъ.

сей.

Дядно! Я согласенъ на эту сдѣлку,

этотъ.

И я также.

сей.

Ну такъ подпишемъ.

Подписываютъ: Къ сей мировой сдѣлкѣ сей сей сынъ сейнъ руку приложилъ. Къ сей мировой сдѣлкѣ этотъ этотинъ сынъ этотовъ руку приложилъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

тѣже, покаяку, поколику, понеже, оный, сія, нижесказанный, вышереченный, сдѣланный, якобы и чортъ-знакъ-что-такое.

... да съ кричать, что есть сдѣла, кромѣ сдѣла и аго.

Ура!... Урррра!

нво.

Что вы, господа? Вы меня совсѣмь оглушили!

повлику.

Урррр... Урррр...ра!

сей.

Я боюсь, любезный другъ, чтобъ у васъ горло не заболѣло.

повлику.

Пусть заболитъ! На такой радости кто станетъ думать о горлѣ. Мы всѣ стояли у дверей и подслушали содержаніе мировой сдѣлки. Урр...

нво, зажимаетъ ему ротъ.

Оглушилъ, окаянный!

слѣдующій.

За что, позвольте спросить, вы меня исключили изъ сдѣлки? Вы меня, какъ вижу, хотите совсѣмь уничтожить?

нво.

Да что жъ дѣлать, любезный. Подай жалобу на насъ, если хочешь, въ судъ. Ужъ послѣ мировой сдѣлки, какъ тебѣ самому извѣстно, суда не дадутъ.

слѣдующій.

Да я васъ всѣхъ самихъ еще поссорю. Что ваша сдѣлка! Вздорь!

нво.

Поди вонъ, неблагонамѣренный ябедникъ!

слѣдующій.

Самъ ты ябедникъ!

нво.

Не ругайся! Вонъ, говорятъ тебѣ.

СЛѢДУЮЩИЙ.

Ахъ лихъ, не выйду вонъ. Не вдругъ меня выгоннишь.

НВО.

Господа! выпроводимъ его въ шею, если честью не хочетъ уйти.

Всѣ бросаются въ сильномъ азартѣ на Слѣдуемаго.

ВОЛШЕВНИКЪ.

Стойте! Я помирю васъ съ нимъ. Онъ также воспользуется мировою сдѣлкой.

НВО.

Это невозможно.

ВОЛШЕВНИКЪ.

А я тебѣ докажу, что возможно.

Ударяетъ магическимъ жезломъ Слѣдуемаго по лбу. Тотъ превращается въ Слѣдующаго.

СЛѢДУЮЩИЙ.

Честь ниѣю рекомендоваться. Я тотъ же Федотъ, да не тотъ.

НВО.

Да, теперь у тебя лицо правильное, довольно пріятное. А давеча ты былъ куда неблагообразенъ!

ПОБЛЯКУ.

Уррр...

НВО, зажимаетъ ему ротъ.

Пошади! Опять ты загорланилъ. Ты, я вижу, думаешь, что никакая сильная драматическая сцена не можетъ обойтись безъ ура.

Зававъсь опускается.

ДѢЙСТВІЕ III.

Для доказательства, что эта драма чисто классическая, театр представляет прежнюю комнату, и такимъ образомъ соблюдается правило объ единствѣ мѣста.

ПОСЛАНІЕ I.

СЕЙ, ЭТОГЪ, ИБО, ПОНЕЖЕ И ПОСЛАНКУ. Сидятъ за чайнымъ столомъ и пьютъ пуншъ.

СЕЙ, на-весель.

О! какъ пріятно прекратить миромъ фамиліюу вражду.

ЭТОГЪ.

Очень пріятно.

СЕЙ.

Поцѣлуй меня, любезный братъ!

ЭТОГЪ.

Мы ужъ и то цѣловались сегодня безъ счету.

СЕЙ.

Не хочешь поцѣловаться? Я вижу, что въ тебѣ еще вражда не потухла.

ЭТОГЪ.

Честное слово, потухла.

СЕЙ.

Потухла, такъ поцѣлуемся.

ПОСЛАНКУ.

Поцѣлуемся и мы съ тобой, почтеннѣйшій мой Посеже. Тебя пропустили въ мировую сдѣлку, и ты остался; какъ ракъ на мели.

— 208 —
ПОНЕЖЕ.

Ты болѣ меня похожъ на варенаго рака, любезнѣйшій мой Поелку. Ты ужъ, кажется, второй стаканъ пуншу допивашь.

ПОЕЛКУ.

Нѣтъ, извини! Третій.

ПОНЕЖЕ.

Ну, тѣя лучше.

ПОЕЛКУ.

И конечно лучше. Мы оба выпили сегодня. Чтò жъ за бѣда!

ПОНЕЖЕ.

Бѣды никакой нѣтъ. Я съ тобой согласенъ. Голова только немножко кружится.

ПОЕЛКУ.

А пусть ее кружится! Голова не отъ одного пуншу можетъ кружиться. Иногда она кругомъ идетъ отъ русской грамматикн, или отъ заморской, вадутой философн, и отъ этого многіе писатели въ пныхъ случаяхъ пишутъ мыслете, тогда какъ это вовсе не приходится и совершенно противно и грамматицѣ и философн. Вѣдь не отъ одного хмеля колобродятъ, но и отъ другихъ, разныхъ причинъ.

Раздается на улицѣ звукъ шарманки.

ИВО.

А! Музыка!

СЕЙ.

Шарманка, кажется. Не позвать ли, чтобъ насъ потѣшила? Какъ думаете, мои любезные друзья?

ПОНЕЖЕ.

Позвать, непременно позвать! Я слышалъ чрезвычайную музыкальный. Нынче, я слышалъ, страшная мода быть музыкальнымъ, такъ что и глухіе критикуютъ и бранятъ новыя оперы.

— 124 —
СВѢ, кричите въ окошко.

Эй! Мусье! Войдем сюда со всей твоей компаніей.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ же, ИДЕНТИТЕТЬ, МОМЕНТЬ, ПРИНЦИПЪ, ОБЪЕКТИВНОСТЬ, ГУМАННОСТЬ И ТЕЦДАНЦІЯ. ИДЕНТИТЕТЬ тащитъ шарманку и свистѣ, МОМЕНТЬ взвалилъ на плеча ящикъ съ китайскими тѣнами, ПРИНЦИПЪ несетъ турецкій барабанъ, ОБЪЕКТИВНОСТЬ держитъ, въ одной рукѣ, тромпетъ, въ другой табакерку, ГУМАННОСТЬ гитару, а ТЕЦДАНЦІЯ, служанка, замыкаетъ шествіе и ведетъ на веревкѣ четырехъ тащущихъ собаченокъ.

ИВО.

Вы Русскіе, или иностранцы?

ИДЕНТИТЕТЬ.

Мы всё съ иностранной земля.

ПОНЕЖЕ.

Жидъ что ли ты, или Цыганъ?

ИДЕНТИТЕТЬ.

Мой не Шидъ и не Сиганъ. Мой немножко Грекъ, и немножко Нѣмецъ.

ПОЕЛКУ.

Ты, я вижу, притча во языцѣхъ! Такъ сказалъ бессмертный Кутейкинъ Фонъ-Визина.

ИВО.

Ну, а ты, матушка, откуда?

ОБЪЕКТИВНОСТЬ, *дѣлая книксенъ.*

Моя немножко Латинка, и немножко Нѣнка.

ИВО.

Всего по-немножку. Ну, а ты, красавица?

ГУМАННОСТЬ, съ книжечкою.

Мой немношко Латвика, немношко Французенка, немношко Нѣмка и немношко Русскій.

ПОЕЛКУ.

Я полагаю, по нѣкоторымъ соображеніямъ, что ты Чухонка.

ГУМАННОСТЬ.

Нѣтъ, мой не Чухонка. Мой слушалъ одному германскій профессоръ, а потомъ онъ мой прогналъ, и я попалъ на одинъ журналъ.

ПОНЕЖЕ.

Къ Французу что ли?

ГУМАННОСТЬ.

Нѣтъ.

ПОЕЛКУ.

Ну, такъ къ Нѣмцу?

ГУМАННОСТЬ.

Нѣтъ.

ИВО.

Только, вѣрно, не къ Русскому. Живя въ домѣ Русскаго, ты научилась бы говорить хоть сколько-нибудь правильно по-русски, а ты такъ коверкаешь нашъ языкъ, что ушагъ больно.

ГУМАННОСТЬ.

Вашъ можетъ затыкать уши.

СКІЙ.

Нѣтъ, мы не хотимъ затыкать ушей. Мы желаемъ послушать вашей музыки и пѣнія. Верти шарманку, мусье, начинай.

И какъ только начинаешь вертѣть шарманку, принципъ колотить въ барабанъ, объективность трубить въ трюмпетъ, гуманность брочить на гитарѣ, моментъ и тенденція, гуся и фальшивая, поють. Собачки визжать. Скій, Э тотъ и всѣ прочіе затыкають уши.

ПОБЛИКУ.

Да перестаньте, окаянные! Этакую ажицею заорали. Чу!
На улицъ всѣхъ собакъ всполошили. Лауртъ словно на землѣ

идентитетъ.

Можно на андеръ-мандръ.

ПОБЛИКУ.

Ну что, твой андеръ-мандръ! Все будетъ то же. Не игра-
етъ ли твоя шарманка русской пѣснѣ?

ИДЕНТИТЕТЬ.

Та.

ПОНЕЖЕ.

Сирѣчь, да? Ну, такъ верти русскую! Да только не пойте;
а ты, мусье, не колоти въ барабанъ, равно прошу и вась,
мадамъ, не надувать вашего тропнета. Да и вы, сударыня,
гитару-то положите въ сторону. Пусть играетъ одна шар-
манка.

ИДЕНТИТЕТЬ вертитъ шарманку.

ПОБЛИКУ.

Господинъ Понеже! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ русская пѣсня!
Я жъ слова знаю.

Начинаетъ пѣть:

Ахъ сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои!

понеже, *вставъ и подпершись въ бока руками.*

У меня такъ и подергиваетъ правое плечо. Почлепцѣйбѣй
другъ! Хватилъ русскую, трахнемъ старинной.

ПОБЛИКУ.

Трахемень, пожалуй! И у меня, грѣшного, вотъ такъ всѣ
суставчики и ходять. Путька, мадамъ, пройдемъ отчасти.
Тропнетъ-то брось. Плясать, такъ безъ тропнета.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ.

Нашимъ.

ПОНЕЖЕ.

А ты, красавица, со мною пройди, пожалуй, хоть съ гитарой. Гитара пляскѣ не помѣха. Я самъ умѣлъ въ-старину съ балалайкой отличаться.

ГУМАННОСТЬ.

Мой поэтъ.

Ибо, *Идентичу*.

Бери, нуле, величье. У тебя шарманка-то, кажется, старина. Да нѣтъ ли у тебя другой нѣсни, еще повеселѣе?

ИДЕНТИТЕТЬ.

Есть.

Ибо и сей поютъ:

Веселая голова!
Не ходи мимо сада;
Дороженьки не тори,
Худой славы не влады.

ПОНЕЖЕ пляшетъ съ ОБЪЕКТИВНОСТЮ, а ПОЕЛКУ съ ГУМАННОСТЮ. Выбѣзаетъ изъ-подъ пола ЧОРТЬ-ЗНАЕТЪ что такое и пускается изъ при-сладку, сія и этотъ выскакиваютъ изъ-за бунтѣ и начинаютъ тащовать галопъ.

Стѣны дома разваливаются. Сыплются и падаютъ съ громомъ бумажные кирпичи. Выбѣсто комнаты является садъ. Народъ, стража, волны, ученые, литераторы, поэты и книгопродавцы стоятъ группами и всѣ поютъ:

Веселая голова... и прочее.

сей.

Ай да, любезный Понеже! Ай да, дорогой мой Поелку! Разодошли! Дамы-то вашъ только, къ сожалѣнію, все какъ-то по иностранному фигуруютъ. Bravo, Понеже! Bravo, Поелку! Распотѣшили меня, старика. Ба! Поглядите ка! И старуха жена моя съ мнѣмъ почтеннымъ едноутробнымъ братцемъ пустилась въ-скачь! Да какъ несутся! И на извоицкѣ ихъ не обгонишь! Bravo!

этотъ, посадимъ сию, хлопаятъ въ ладоши.

Браво! Браво! Вотъ какое веселье для нашей мировой.

(Занавѣсъ опускается, и потомъ, черезъ двѣ секунды съ четвертью, снова поднимается до половины. Выходитъ размыренными шагами нбо и кланяется зрителямъ.)

нбо.

На здѣшнемъ театрѣ, неизвѣстно когда, представлены будутъ въ первый разъ: *Школа чепухословія*, или *Неразгаданный оракулъ*, слезная комедія; *Маріонетки и люди*, *И у насъ какъ у васъ*, снѣхотворная трагедія; *Толченіе воды*, или *Переливаніе изъ пустаю въ порожнее*, философскій водевилъ съ надлежащимъ остроуміемъ и удивительными куплетами, русскіе сочиненіе; *Подъячій*, *Стихотворецъ и Чортъ*, или *Кто кого пережитритъ*, волшебная мелодрама, съ пѣніемъ, эволюціями и танцами; *Неузнанные гени*, или *Разочарованныя маріонетки*, романтическое представленіе.

(Нбо кланяется, положивъ обѣ руки на сердце, и уходитъ за кулисы.)

(Занавѣсъ опускается).

К. НАСАЛЬСКИЙ,

РОМАНЪ

НА

ЛЕДЯНЫХЪ ГОРАХЪ.

РОМАНЪ

НА

ЛЕДЯНЫХЪ ГОРАХЪ.

Зимю, на загородную дачу отставнаго господина Сибиритина съѣхалось изъ Петербурга большое общество. Хозяинъ устроилъ пикникъ на славу. Гостей было человекъ триста. Половину изъ нихъ онъ видѣлъ въ первый разъ. На каждаго гостя приходилось отъ ста до двухъ-сотъ новыхъ, незнакомыхъ лицъ. Знакомые составили отдѣльные кружки, соединенные общою веселостію.

Между-тѣмъ, какъ въ ожиданіи обѣда, большая часть гостей тѣспилась около безконечнаго стола, на которомъ стоялъ изобильный завтракъ, нѣкоторые изъ пріѣзжей публички отправившись кататься съ ледяныхъ горъ, которыя были устроены въ саду, принадлежатъ къ дачѣ.

— Не правда ли, милая тетушка, говорила молодая, прекрасная дѣвушка дородной женщины, высокой и пожилой, помогая ей взойти на гору: — Вы мнѣ позволите нѣсколько разъ скатиться?

— Ужъ не одной ли, мать моя? Нѣтъ, нѣтъ, нуется! Мы взойдемъ на гору, сядемъ на скамью и посмотримъ какъ другіе катаются. Будь и тѣмъ довольна.

Дѣвушка нахмурила свои тоненькія брови, а розовыя ея губы, на которыхъ почти всегда играла улыбка, приняли вдругъ такое выраженіе, какое на лицѣ хорошенькаго ребенка предвѣщаетъ неминуемый дождь слезъ.

— А я нарочно надѣла ватное платье, чтобы покататься, продолжала дѣвушка печальнымъ голосомъ. Я простужусь, если стану сидѣть на горѣ безъ движенія.

— Такъ пооди, надѣнь шубу.

Этотъ отвѣтъ произнесенъ былъ такимъ голосомъ, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Дарья Семеновна, — такъ звали пожилую даму, — въ молодости своей долго училась пѣть и, какъ слышно, безъ особеннаго успѣха. Знайки находили тогда, что у нея чистый контральтъ, другіе утверждали, что сопрано. Споръ этотъ длился до-дѣхъ-порѣ, пока голосъ Дарьи Семеновны отъ нѣсколькихъ простудъ и отъ лѣтъ не превратился въ баритонъ. Но не смотря на это, она, какъ бывшая пѣвица, чрезвычайно искусно умѣла управлять своимъ голосомъ. Съ человѣкомъ, въ глазахъ ея почтеннымъ или нужнымъ, она говорила тихо, нѣжно, пріятно, и прибѣгала для этого къ сопрано. Съ людьми, ей равными, она разговаривала контральтомъ, а съ тѣми, которыхъ считала ниже себя, или которые отъ нея завистли, она разговаривала баритономъ, переходившимъ даже въ басъ, когда Дарья Семеновна была въ сердцахъ или не въ духѣ. Повелѣніе молодой дѣвухкѣ надѣть шубу произнесено было баритономъ.

Онѣ взошли на гору.

— Боже всемогущій! вскричалъ, увидѣвъ ихъ, толстый, низенькій человѣкъ лѣтъ пятидесяти, очень щеголевато одѣтый. Васъ ли я вижу, Дарья Семеновна! И вы на пикникѣ! Вамъ, вѣрно, угодно покататься? Позвольте мнѣ предложить вамъ свои услуги.

— Благодарю покорно, Карпъ Карповичъ, отвѣчала Дарья Семеновна контральтомъ: я никогда не катаюсь.

— Напрасно! Это самое невинное, самое полезное, самое, такъ сказать, здоровое удовольствіе. Докторъ мой говоритъ... да что тутъ говорить. Вотъ онѣ, извольте посмотреть: въ одномъ холодномъ сюртукѣ доказываетъ на дѣлѣ слова свои.

Вотъ онъ подѣхалъ сюда и сейчасъ взойдетъ на эту гору. Извольте его спросить.

— Нѣтъ, Карпъ Карповичъ! Я не стану кататься; хоть бы вся медицинская академія мнѣ это предписала. Смерть боюсь, батюшка! Долго ли до бѣды.

— Помните! Съ искуснымъ катальщикомъ ни малѣйшей опасности! Я головой ручаюсь. Прокачу васъ, такъ сказать, на славу. Позвольте только выбрать санки получше. Я ужъ лѣтъ съ десять не катался, но вы увидите. Вонъ, извольте посмотрѣть какъ молодежь-то нынѣшняя отличается. Даму свою, такъ сказать, врюгнулъ въ снѣгъ, а самъ растянулся плашмя на раскатѣ. Фи, какой катальщикъ! Садитесь, Дарья Семеновна. Я совсѣмъ ужъ изготовился. Сдѣлайте милость, не бойтесь! Или позвольте вашей племянницѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Карпъ Карповичъ! Боюсь! Ступайте ужъ одни.

— Ахъ, какъ вы трусливы! сказалъ Карпъ Карповичъ, пожавъ плечами, и покатился съ горы. На раскатѣ санки его завертѣлись, опрокинулись на бокъ, и Карпъ Карповичъ, поднявъ коротенькія ножки свои, въ лакированныхъ сапогахъ, кверху, прокатился по льду на спинѣ довольно значительное пространство. Докторъ его сидѣлъ уже на санкахъ и хотѣлъ спуститься съ горы; но, увидѣвъ паденіе своего пациента, отъ смѣху легъ на спину и въ этомъ положеніи, невзначай, покатился. Карпъ Карповичъ, услышавъ свистъ приближавшихся санокъ и не имѣя силъ встать на гладкомъ раскатѣ, поползъ на четверенькахъ въ снѣгъ и тѣмъ избѣжалъ опасности.

— Здоровы ли, Дарья Семеновна? спросилъ басомъ какой-то прочтенный господинъ, изготовляясь спуститься съ горы. Давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть. Не угодно ли со мною скатиться?

— Боюсь я, ваше превосходительство, отвѣчала Дарья Семеновна, самымъ пѣжнымъ сопрано.

— Безъ васъ я не поѣду.

Дарья Семеновна знала, что генералъ — троюродный братъ министра, отъ котораго зависѣло рѣшеніе ея дѣла. Какъ от-

казать генералу? Скрѣпя сердце, она сѣла на санки. Отъ страха у нея потемнѣло въ глазахъ. Санки двинулись, и Дарья Семеновна такъ завизжала, что Карвъ Карповичъ на другой горѣ, услышавъ ея голосъ, испугался, побѣжалъ съ горы и на раскатѣ, къ величайшему своему удивленію, не свалился, какъ въ первый разъ.

— Не угодно ли вамъ скатиться? сказалъ между-тѣмъ племянницѣ Леонидъ Альминъ, ловкій, молодой офицеръ, красавецъ въ полномъ смыслѣ слова.

Дѣвушка вспыхнула, и не мудрено. Она любила Альмина со всѣмъ жаромъ, со всею мечтательностію первой любви, и замѣчала, что и Альминъ къ ней не равнодушенъ. Послѣ двухъ, трехъ отказовъ, которые болѣе походили на согласіе, она сѣла на санки Альмина. Тетка ея покатила же противъ воли съ генераломъ. Почему же и племянницѣ не скатиться съ безотвѣднымъ поручикомъ.

Какимъ восторгомъ билось сердце у Альмина, когда онъ нарочно медлил спускаться съ горы и оправляя платье своей Юліи. Да, своей! Онъ имѣлъ право считать ее своею на всю длину раската. Она у него, почти на колѣняхъ, она въ его власти, подъ его покровительствомъ. Не онъ ли долженъ на скользкомъ пути сберечь ее отъ паденія, отъ всякой опасности. Не мудрено, что Альминъ былъ въ восторгѣ, въ такомъ восторгѣ, какой могутъ чувствовать одни влюбленные и катающіеся. И онъ и Юлія не замѣтили, какъ пришелъ часъ обѣда. «Позвольте скатить васъ еще въ послѣдній разъ!» говорилъ Альминъ, ведя по лѣстницѣ, на гору, свою подругу. Этихъ послѣднихъ разовъ набралось чуть ли не съ полсотни.

Между-тѣмъ генералъ также дѣйствовалъ. Его насмѣшная чрезвычайно первый испугъ Дарьи Семеновны. Принявъ великодушное намѣреніе избавить ее отъ непріятнаго чувства страха и приучить къ катанью съ горъ, онъ не слушалъ ни возраженій ея, ни отказовъ, ни просьбъ. Дарья Семеновна терпѣла сухую пытку. Въ довершеніе ея страданій, Альминъ, слышавъ сильно раскатывшійся съ Юліей, набѣжалъ нечаянно на тетку, которая раскатывалась на концѣ раската съ генера-

ложь и благодарила его въ самых отборныхъ выраженіяхъ за доставляемое удовольствіе.

— Честь, оказанная мнѣ вашимъ превос...

«Ходителствомъ» Дарья Семеновна не договорила. Сиди-
чая санкапн съ ногъ, она легла на сѣвгу, пиць, передъ гене-
раломъ, и восклицнула барнтономъ:

— Батюшки мои! Ахъ черти какіе!

Генераль помогъ ей встать. Увидѣвъ виновниковъ ея паде-
нія, она дернула племянницу за руку и заставила ее спрыгнуть
съ савонъ. Альминъ, старинный ея законный, началъ извинять-
ся, но Дарья Семеновна была неумолима. Племянница, разбра-
ненная теткой, съ потушенными глазами, съ двумя слезинка-
ми на рѣсницахахъ пошла за ней въ дачъ, куда всѣ спышли съ
горъ. Оттуда пришла важное извѣстіе, что супъ началъ уже
разливаться, и что многіе сидятъ за столомъ.

Альминъ съ уныніемъ на лицѣ слѣдовалъ за Юліей въ по-
чтительномъ отдаленіи, проклиная свою неловкость и Дарью
Семеновну.

II.

Дарья Семеновна посадила за столъ Юлію подлѣ себя, на-
противъ нихъ сѣлъ Альминъ и, не смотря на громоносные, уни-
чтожающіе взоры тети, глядѣлъ съ такимъ участіемъ, съ та-
кою нѣжностію на племянницу, что она за третьимъ блюдомъ
совершенно утѣшилась и начала считать очень счастливымъ
событіемъ, что тетку съшибли съ ногъ. За четвертымъ
блюдомъ Леонидъ и Юлія въ двухъ рядахъ разнообразныхъ
головъ и головокъ, которые тянулись отъ нихъ направо и на-
лѣво, загибались и уходили въ безконечность, начали рази-
чать по одному только лицу: всѣ прочія лица и головы, въ чеп-
цахъ и безъ чепцовъ, съ франтовскими прическами и безъ
причесокъ, не смотря на свое разнообразіе и нерѣдко ориги-
нальность, для нихъ какъ бы не существовали. Всѣ эти головы
слились для нихъ въ одно цѣлое, превратились въ двѣ витки

старыхъ, помоченныхъ и пострыхъ бусъ. Между-тѣмъ каждая буса въ тайнѣ считала себя лучшимъ перломъ, или по крайней мѣрѣ одною изъ лучшихъ жемчужинъ великанскаго ожерелья, обвившаго столъ. Были, правда, въ ожерельи и жемчужины; но очень не многія: онѣ рѣдки и дороги.

Рядомъ съ Альминымъ по лѣвую руку сидѣлъ молодой человекъ, по цвѣту лица похожій на янтарь, съ золотыми очками, которыя онъ носилъ единственно для красоты, съ прическою à la poujik, съ презрительною гримасою, которую онъ считалъ за улыбку à la Бейронъ, съ модными выраженіями и заученными фразами, которыми онъ умѣлъ пересыпать свой разговоръ и составлять изъ нихъ, какъ изъ однихъ и тѣхъ же битыхъ стеколъ въ kaleïdoskopъ, довольно разнообразныя и красивыя фигурки, которыя однако жъ ни для сердца ни для ума не имѣли никакого значенія. Онъ былъ самъ пустая, надутая буса изъ всего ожерелья.

Съ правой стороны Альмина алѣлъ кораллъ: лицо Карпа Карповича, которое необыкновенно раскраснѣлось, по однимъ извѣстіямъ, отъ катанья на горахъ, по другимъ, отъ шампанскаго и стараго сотерна, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ.

Съ начала обѣда, какъ водится, всѣ чинно молчали, слегка постукивая ложками, вилками и тарелками; потомъ, мало-помалу, начали раздаваться то здѣсь, то тамъ отрывистыя фразы, восклицанія, взрывы смѣха, какъ выстрѣлы застрѣльщиковъ на полѣ сраженія, а подъ конецъ стола начался не умолаемый бѣглый огонь разговоръ.

Молодой человекъ съ янтарнымъ лицомъ, важно поправляя свои золотыя очки, говорилъ безъ умолку, почти съ самаго начала обѣда, такимъ рѣшительнымъ и самоуваженнымъ тономъ, какъ будто бы онъ зналъ все на свѣтѣ и лучше всѣхъ на свѣтѣ. Сосѣдъ его, Альминъ, поглядывалъ на него то съ удивленіемъ, то съ легкою, едва замѣтною усмѣшкою, и по временамъ коротко возражалъ ему, за то человекъ десять гостей разнаго званія и пола, сидѣвшихъ около оратора, слушали его чуть не съ благоговѣніемъ и, кажется, готовы были повторить вмѣстѣ съ Репетиловымъ:

Я самъ, какъ схватятся объ камератахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ, ну, о матеряхъ важныхъ,
Частенько слушаю, не разжимая губъ;
Мнѣ не подь силу, братъ, и чувствую, что глупъ.

— Кто этотъ молодой человекъ? спросилъ тихонько Альминъ Карпа Карповича.

— Какъ? неужели вы его не знаете! отвѣчалъ тотъ шепотомъ, приставивъ свое коралловое лицо къ самому уху Альмина. Это—Бирюлькинъ, извѣстный литераторъ. Европейскій человекъ, сударь, въ полномъ смыслѣ слова.

— Извѣстный литераторъ, говорите вы? продолжалъ Альминъ. Чѣмъ же онъ извѣстенъ? Чтò писалъ онъ?

— Не могу вамъ доложить. Кажется, онъ ничего еще не писалъ и не печаталъ, по взгляду его, сударь, взглядъ, такъ я вамъ скажу!

— На что же взглядъ?

— На все! На чтò вамъ угодно. Онъ все знаетъ! Ученость удивительная! Послушайте-ка его, какъ онъ всѣхъ отдѣлываетъ. Онъ недавно доказалъ, что Вальтеръ-Скоттъ—дрянь, а мы, простаки, восхищались его романами. А ужъ объ нашихъ ученыхъ и литераторахъ и говорить нечего. Онъ въ грошъ ихъ не ставитъ, такъ сказать, въ грязь замялъ. Жаль, очень жаль, что онъ самъ ничего еще не печаталъ. Это бы, безъ сомнѣннйя, произвело общій переворотъ въ нашей словесности, составило бы, такъ сказать, новую эпоху въ литературѣ. Едва ли онъ не былъ за границей. Европа, сударь, чистая Европа, этотъ человекъ. Очень странно, что вы до-сихъ-поръ не знали Бирюлькина.

— Виповать! До-сихъ-поръ и не подозрѣвалъ, что въ сегодняшнемъ нашемъ собраннйи, присутствуетъ такой великнй геннй. Кто онъ такой, гдѣ онъ служитъ?

— Нигдѣ! Однако жъ прислушайтесь, какъ онъ говоритъ. Это книга!

— Да, да! возгласилъ въ это время Бирюлькинъ, продолжая рѣчь свою, которая отъ желѣзной дороги черезъ Панамскнй перешеекъ перешла черезъ океанъ на самую избитую колею, именно на рассужденнйе о литературѣ.

— Да, да! говорилъ ораторъ, повторяя фразы, прочитанныя имъ въ журналахъ, и поправляя очки. Долго еще намъ зѣвать надъ дѣтскимъ, недостойными вѣка произведеніями. Когда-то мы перейдемъ къ высшему созерцанію науки. Пора, кажется!

— Ужъ такъ пора, что изъ рукъ вонъ! сказала Карлъ Карповичъ и выпилъ стаканъ сотеру.

— Я не совсемъ понимаю этого желанія, замѣтилъ Альмишъ. Мнѣ кажется, и теперь наука заняла большіе предѣлы.

— Мы не поймемъ другъ друга, отвѣчалъ Бирюлькинъ: и потому не станемъ продолжать разговоръ. Намъ многое еще можетъ казаться темнымъ, что совершенно ясно для европейскаго человѣка.

— Что вы разумѣете подъ этимъ словомъ?

— Неужели и это для васъ непонятно, продолжалъ Бирюлькинъ, прищурясь. Европейскимъ человѣкомъ называю я того, который идетъ наравнѣ съ вѣкомъ, который не отсталъ отъ него.

— А что такое вѣкъ?

— Помилуйте! Что такое этотъ вопросъ? спросту я васъ въ свою очередь.

Карлъ Карповичъ и прочіе подобострастные слушатели и почитатели Бирюлькина засмѣялись. Альмишъ, рѣшившись расчитаться послѣ обѣда за васмѣшку, притворился совершенно хладнокровнымъ и продолжалъ:—Вы уклоняетесь отъ отвѣта на мой вопросъ. Я привыкъ думать самостоятельно и не люблю повторять, какъ попугай, затверженныхъ словъ, не давая ни себѣ, ни другимъ отчета въ ихъ значеніи. Часто восклицаютъ и пшутъ: требованіе вѣка, духъ вѣка! и часто этими словами стараются подкрѣпить самыя нелѣпыя сужденія. Кто можетъ взять на себя задачу уловить духъ цѣлаго вѣка? Сколько народовъ въ одной Европѣ, которыхъ обычаи, нравы, природныя склонности, совершенно между собою несходны. Въ каждомъ народѣ сколько разнообразныхъ слоевъ общества, которыхъ понятія, потребности, желанія не имѣютъ почти ничего общаго между собою. Въ каждомъ, даже небольшомъ, кругѣ общественномъ или семейномъ, сколько разнообразія въ

характерахъ, во вкладать, въ умышленномъ направленіи. Есть ли возможность одному обнять миллионы разнообразныхъ жеманій и мыслей! Когда кто-нибудь пишетъ или говоритъ: это требованіе вѣка! я всегда разумно подъ этимъ не болѣе, какъ его собственное требованіе, следовательно, требованіе одной особы, которое ей хочется подкрѣпить громкою фразою, а всѣ подобныя, громкія фразы такъ же блестящи и такъ же пусты, какъ мыльные пузыри.

Карпъ Карповичъ вытащилъ изъ кармана очки, надѣлъ ихъ на свой розовый носъ и началъ съ удивленіемъ разсматривать своего сосѣда Альмина. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы могъ найдтись дерзкій, который бы осмѣлился спорить съ Бирюлькинымъ. Юлія, слушавшая внимательно споръ, въ тайнѣ пожалѣла поручика, когда Бирюлькинь, какъ казалось, поразилъ своего противника. Увидѣвъ потомъ, что янтарное лицо Европейца, отъ возраженія Альмина, заиграло, какъ опаль, разными цвѣтами, дѣвушка послала черезъ столъ поручику едва замѣтную улыбку, въ которой выражались и радость, и поздравленіе много съ побѣдой. Между-тѣмъ Бирюлькинь шарилъ въ арсеналѣ пустой головы своей, чтобы найти какое-нибудь оружіе и снова поразить Альмина. Тетка Юліи, сердитая на поручика, смотрѣла на оратора и, какъ Медea, вызывала взорами изъ устъ его громъ и бурю, которые бы уничтожили бѣднаго Альмина. Но ораторъ молчалъ. Желая придать ему духу, Дарья Семеновна сказала, баритономъ:—Я хоть женщина, а очень ясно понимаю, что значить выраженіе: вѣкъ, то есть нѣсколько обыкновенныхъ годовъ, вотъ и вѣкъ.

— Справедливо, Дарья Семеновна, совершенно справедливо! воскликнулъ Карпъ Карповичъ. Да это ясное солнце! Смѣшно этого не понимать!... Эй, человѣкъ! продолжалъ Карпъ Карповичъ, махнувъ пальцемъ слугѣ, который проходилъ мимо его стула. Слуга нагнулся, и Карпъ Карповичъ на-ухо шепнулъ ему что-то.

— Чего позволите требовать? спросилъ слуга.

— Глухой! сказалъ Карпъ Карповичъ. Подай бутылку со-терну. Впновать, Дарья Семеновна! Я не досказалъ вамъ, ка-

жется, что требованіе вѣка для меня такъ же понятно, какъ и для васѣ.

Слуга поставилъ передъ Карпомъ Карповичемъ бутылку лафиту.

— Кажется, человекъ не понялъ требованій вѣка, сказалъ Альминъ, улыбувшись и указывая на подавную бутылку.

— Да-съ, я требовалъ сотерну, а впрочемъ и это вино не дурное, возразилъ Карпъ Карповичъ съ досадою. Вы напрасно говорите, что слуга не понялъ требованія вѣка.

— Какъ же онъ подаль красное вино, когда вѣкъ требуетъ бѣлаго, продолжалъ Альминъ.

— Вамъ дѣла нѣтъ, господинъ поручикъ, чего требовалъ вѣкъ: «бѣлаго или краснаго.»

— Вѣкъ, сказать нельзя, а полувѣкъ, если хотите.

Карпъ Карповичъ, играя постоянно роль молодого человекъ, ничѣмъ не могъ быть такъ взбѣшенъ, какъ намекомъ на его пятьдесятъ лѣтъ, которыя онъ старался заслонять и парикомъ, и вставными зубами, и, — пожалуйста, не сказывайте никому, — даже румянами. Онъ такъ разсердился на Альмина, что вынулъ съ-разу стаканъ лафиту, не ожидая любимаго своего сотерну.

Между-тѣмъ Бирюлькинъ успѣлъ надуматься и приготовить въ видѣ экспромтовъ нѣсколько остротъ, которыми онъ хотѣлъ уколоть поручика. Во все остальное время обѣда онъ непрерывно ораторствовалъ и говорилъ колкости на счетъ Альмина, но тотъ молчалъ или разговаривалъ съ Юліей. Видя, что его стрѣлы не долетаютъ до цѣли, Бирюлькинъ оставилъ наконецъ Альмина въ покоѣ и вдался въ общее разсужденіе, въ которомъ было и краснорѣчіе; и ученость, и философическія доказательства, и высшіе взгляды, словомъ сказать, было все, кромѣ здраваго смысла.

— Да такъ! воскликнулъ Карпъ Карповичъ, приходя все въ большій и большій восторгъ отъ выпитаго имъ, въ порядочномъ количествѣ, европейскаго вина. Куда ни посмотришь, куда ни взглянешь, какъ здѣсь все хорошо устроено! А позвольте васъ спросить: ледяныя горы.... вѣроятно швейцарское изобрѣтеніе?

— Извините, ошиблись! Ледяныя горы—русская выдумка.

— Быть не может! возразилъ Карпъ Карповичъ и, обратясь къ Бирюлькину, спросилъ: скажите, сдѣайте одолженіе, горы—русская выдумка?

— Какія горы?

— Конечно не альпійскія! продолжалъ Карпъ Карповичъ. Я спрашиваю о ледяныхъ горахъ: какой страны это изобрѣтеніе?

— Русское, отвѣчалъ протяжно Бирюлькинъ, и очень пріятное.

— Для тѣхъ кто не труситъ кататься съ нихъ, сказалъ Альпинъ.

— Это сказано на вашъ счетъ, господинъ Бирюлькинъ! замѣтилъ Карпъ Карповичъ. Вы давеча стояли на горѣ и не рѣшились скатиться. Теперь говорятъ, что это изъ трусости.

— Я могу доказать, что никогда не былъ трусомъ, и для этого не пойду на гору, а предложу другое средство, о которомъ послѣ поговоримъ.

Юлія посмотрѣла со страхомъ и участіемъ на Альпинна. Она поняла, что въ словахъ Бирюлькина заключался вызовъ на поединокъ. Альпинъ улыбнулся и началъ съ нею разговаривать объ оперѣ, которая тогда была въ славѣ.

Начали подавать десертъ. Застольные разговоры гостей достигли высшей точки шума и быстроты, и составили какой-то дикій хоръ, похожій на фугу.

— Вслушайтесь, сказалъ Альпинъ Юлію, улыбаясь: и попробуйте понять, о чемъ теперь говорятъ за столомъ. Прелюбопытная сиѣсь!

Они стали вслушиваться въ слова, которыя выдавались изъ общаго шума. Фразы произносимы были то басисто, то пиסקливо, то протяжно, то скороговоркой, словомъ, на всѣ лады.

— Да онъ былъ послѣ меня произведенъ въ коллежскіе совѣтники, а нынѣ.....

— Сѣно, ужасъ, какъ вздорожало, и я не знаю.....

— Подайте жалобу въ гражданскую палату.

— Удивительно выгодныя акціи!

- Не дай Богъ никому нѣтъ тѣбу! Воспряните, и проиграйте свой процессъ....
- По методѣ вѣрнаго обученія....
- Да, да, опредѣлился; а мнѣ отказано, темное вѣстечко!
- Въ англійскомъ парламентѣ, виги и торы....
- Имлюли преполовнѣя! Я совершенно отъ нихъ выздоровѣлъ.
- И если бъ удалось завести плодопеременную систему въ другой моей деревнѣ, то я бы....
- Вчера умеръ! А все проклятая гомеопатія!
- Это дѣлаетъ честь нашему вѣку!
- По желѣзной дорогѣ....
- Всего лучше ѣхать ему на долгихъ: тише ѣдешь дальше будешь!
- Базетъ прелестный! Она не тавцуетъ, а летаетъ, какъ настоящая грація.
- За это и отдали подъ судъ...
- Живетъ прищѣвоча. До милліона капитала, а прежде гроша не было....
- Пречувствительная женщина! Живетъ для благодѣаній...
- Посадили бы въ тюрьму. Зачѣмъ терять свое!
- Въ иностранныхъ, да и въ отечественныхъ....
- Я тебѣ, братецъ говорю, что вздоръ! Лучше бы ты снялъ винный откупъ, потому-что въ барышахъ...
- И Байронъ и Викторъ Гюго....
- Пришли ко мнѣ Богъ знаетъ съ кѣмъ; но я ихъ выпроводилъ.....
- Фасонъ — прелесть! Обшить кружевомъ или блондой....
- Чтѣ за дичь! Это объяденье. Откуда достали такихъ превосходныхъ тетерекъ?
- Не правда ли, Юлія Павловна, сказалъ Альминъ: что изъ этого общаго разговора не много поймешь.
- Загрѣбли стулья, и всѣ гости изъ огромной столовой разошлись по другимъ комнатамъ.

III.

На хорахъ залы раздался вальсъ Штрауса. Молодые оен-деры, живописно потряхивая аполетами, принялись вальсировать: фразички, по мѣрѣ силъ и возможности рисуясь въ своихъ глубоко-обдуманыхъ нарядахъ, надѣтыхъ систематически, — также начали кружиться. Даже важный Бирюлькинъ съ чувствомъ собственного достоинства подошелъ къ Юліи и пригласилъ ее на вальсъ. Подходя къ ней, онъ держалъ свои неуклюжія, обтянутыя дерчатками руки, съ необыкновенною граціею. По крайней мѣрѣ онъ въ этомъ былъ увѣренъ; другіе же думали, глядя на него, что онъ немножко похожъ на орангутанга или на танцующаго шуделя. Пара за парой неслись по паркету, обращаясь кругомъ блестящей люстры, какъ планеты около солнца. Карпъ Карповичъ, желая доказать, что ему далеко еще до пятидесяти лѣтъ, перелеталъ нотылькомъ отъ одной дамы къ другой, нахая батистовыиъ платкомъ, который онъ держалъ въ рукѣ, и съ жестовствомъ кружился, едва переводя духъ отъ усталости. Но путь его около люстры не былъ правильный, планетный путь. Подобно кометѣ, онъ часто пересѣкалъ орбиты планетъ и наконецъ оправдалъ инѣіе астрономовъ, которые доказываютъ возможность столкновения кометъ съ планетами. Онъ налетѣлъ на Бирюлькина, а тотъ обращаясь около своей субъ-ективной оси съ важностію, привычною европейскому человеку и совсѣмъ не такъ плавно, какъ Пифагоравы планеты подъ небесную гармонию. Хотя онъ выдавалъ себя за глубокаго знатока музыки и безопасно критиковалъ всѣ новыя оперы, но вальсъ Штрауса никакъ не могъ подладиться къ движению его ногъ. Онъ выдѣлывалъ ими сивкопическія фигуры противъ музыки. Притомъ онъ находился къ большому солнцу въ салонѣ ближайшемъ разстояніи; въ немъ были всѣ признаки Меркурія. Юлія, въ ужасной досадѣ на мелочкаго вальсера, во неволѣ шла также противу такта. Вдругъ отъ удара шобъжавшей кометы, за которою видѣсто хвоста раздѣвался ба-

тистовый платокъ, повиснувшій изъ кармана, Бирюлькинъ выдѣлалъ противъ воли нѣсколько на въ тактъ, потомъ довольно замысловато переплелъ свои ноги и повалился, размахнувъ руками. Олицетворенный европезиъ палъ и простерся на паркетѣ. Юлія вылетѣла изъ рукъ его и вѣрно бы также упала, если бы Альминъ не подхватилъ ее. Комета, воскликнувъ очень развязно: pardon! пронеслась далѣе и чуть не задѣла другой планеты.

Альминъ, посадивъ Юлію на маленькій диванъ, сѣлъ подлѣ нея на край стула и, повернувшись къ ней, спросилъ съ участіемъ:

— Вы испугались, Юлія Павловна?

— Да, немножко. Я думала, что совсѣмъ упаду. Очень вамъ обязана.

— Вашъ кавалеръ такъ учтивъ, что и не извиняется въ своей неловкости. Вѣрно, онъ ждетъ вашего извиненія, что вы его не поддержали.

— Онъ самъ, бѣдный, упалъ. Его толкнули.

— Этого онъ заслуживалъ за то, что не слушалъ вовсе вальса и выдѣлывалъ па, кажется, подлѣ пѣсню: «Вы раздѣйтесь, разступитесь, добрые люди!». Понятія не имѣеть о тактѣ, а давеча за столомъ критикуеть оперы! Впрочемъ нынѣ въ модѣ критиковать даже и то, чего вовсе не понимаешь.

Карпъ Карповичъ, накружась до изнеможенія и все продолжая вальсировать, задѣлъ, въ заключеніе, мраморный столикъ, на которомъ стояла ваза съ цвѣтами. Она закачалась, а Карпъ Карповичъ, воскликнувъ съ необыкновенною любезностью: pardon! пронесся мимо, посадилъ свою даму, раскланялся и порхнулъ въ другую комнату.

— Вотъ видите ли, Юлія Павловна, сказалъ Альминъ: какъ дѣлаютъ учтивые кавалеры: толкнулъ вазу и тотчасъ же извинился, а вашъ кавалеръ? Вотъ и онъ идетъ въ другую комнату, и въ слѣдъ за тѣмъ, который сшибъ съ его погъ. Вѣрно будетъ объясненіе между ними. Это очень любопытно. Поѣду, послушаю, и потомъ все вамъ расскажу во время слѣдующей кадрили, которую, если позволите, буду танцовать съ вами.

Поручикъ вошелъ въ небольшую, уединенную комнату, куда

скрылись Карпъ Карповичъ и Бирюлькинъ. Онъ не ошибся въ своей догадкѣ: между ними завязалось очень жаркое объясненіе. Оба стояли у окошка, спорили, размахивая руками, и не замѣтили, какъ Альбинъ прошелъ мимо ихъ и сѣлъ на маленькій диванъ. Рѣшетчатые ширмы, оббитыя густою зеленью, скрывали его отъ глазъ спорщиковъ.

— Вы не имѣете ни малѣйшаго права обижаться! говорилъ горячо Карпъ Карповичъ. Если бы я васъ и толкнулъ, то, безъ сомнѣнія, несчастно. Но я очень помню, что со мною столкнулась другая пара въ то самое время, какъ вы поскользнулись.

— Я повторяю вамъ, что именно вы меня уронили, и что вы должны извиниться и извинить меня передъ моею дамою. Я не обязанъ принимать на себя передъ такимъ многочуднымъ обществомъ стыдъ за неловкость другихъ.

— Стыдъ! Чтѣ за стыдъ вы тутъ находите! Упасть всякій можетъ. Недавно на балѣ у знакомой мнѣ графини, камеръ-юнкеръ упалъ и чуть не уронилъ своей дамы, а въ прошломъ году его превосходительство Иванъ Каллистратовичъ Сѣновозовъ, вальсируя, точно такъ же, какъ вы, свалился и притомъ уронилъ свою даму очень неловко. Чтѣ за бѣда такая! Только надобно найдтись въ такомъ случаѣ, не надобно, такъ сказать, растеряться. Учтивое извиненіе, ловкая шутка — и все поправлено. Да видѣли ли вы, какъ я самъ упалъ сегодня, катаюсь съ горы? Растерялся ли я, сконфузился ли? Все, милостивый государь, можетъ быть, такъ сказать, прикрыто ловкостью и умѣньемъ жить въ свѣтѣ.

— Однако жъ я непременно хочу, чтобы вы извинились. Мнѣ какое дѣло, что вы свалились на льду!

— Да и мнѣ дѣла нѣтъ, что вы упали на паркетѣ. Не понимаю, отчего вы такъ горячитесь, Родіонъ Савичъ! Надъ вами никто не смѣялся точно такъ же, какъ и надо мной, когда я неудачно скатился съ горы.

— Да! хороши вы были! Я первый засмѣялся, когда вы свалились.

— Засмѣялись? Такъ скажу вамъ, милостивый государь,

что и я засмѣлся, да-съ, захохоталъ, умеръ со смѣху, когда вы изволили упасть, и разсмѣшиль на вашу смѣху даму, которая вальсировала со мною. Вы были такъ смѣшны, что смотрѣть было жалко! Я и теперь еще не могу удержаться отъ хохота.

И Карпъ Карповичъ, движимый чувствомъ мщенія и уколотаго самолюбія, тоненькимъ голосомъ началъ довольно искусно выдѣлывать смѣхъ.

— Прошу васъ удержаться отъ этого оскорбительнаго смѣха! сказалъ, надувшись, Бирюлькинъ.

— Не могу, Родіонъ Савичъ, не могу! Вы были уморительны.

— Чѣмъ у васъ прошла эта охота смѣяться, я попрошу васъ раздѣлаться со мною, какъ водится между благородными людьми.

Лицо Карпа Карповича отъ искусственнаго смѣха вдругъ перешло въ настоящій, естественный испугъ.

— Помните, Родіонъ Савичъ, что вы эки! Чѣмъ вы меня обидѣли? Вы меня не любяли, и я прошу васъ...

Бирюлькинъ, желая наказать Карпа Карповича страхомъ, продолжалъ:

— Извиненія не у мѣста! Прошу васъ безъ обиняковъ сказать: принимаете ли мой вызовъ? Если не принимаете, то и всѣмъ и каждому буду говорить, что вы трусъ, что вы человекъ безъ чести.

— Вы меня удивляете, Родіонъ Савичъ! Если мы поссоримся, то и я всѣмъ и каждому буду объявлять, что Дарья Семеновна такая же родня Юліи Павловны, какъ вы мнѣ; что она подъ видомъ тетки дарила, такъ сказать, мнѣ мое бедной дѣвухи въ руки; что вы условившись жениться на Юліи и уступивъ половнику ея мѣстія Дарьѣ Семеновнѣ. Мой одному предвѣденъ вашъ секретъ. Я все, все знаю, и все разболтаю, если поссоримся. Помните самъ жениться, а Юлія Павловна, повѣрьте, и съ половникомъ мнѣнія, слишкомъ выгодная для васъ дѣлится; вспомните, что вы только еще начинаете жить.

— Вамъ вѣрно хочется напомнить мнѣ, что вы надзорный

свѣтлѣе. Въ нашъ вѣкъ судятъ, кажется, о людяхъ по ихъ личнымъ достоинствамъ.

— Однако жъ, сознайтесь, любезный Родіонъ Савичъ, что вы не отказались бы отъ моего чина. Ахъ, какъ бы далеко могли вы уйдти съ вашими познаніями, съ вашимъ перомъ, съ вашимъ, такъ сказать, европейскимъ образованіемъ; но бѣда въ томъ, что вы служить не хотите, чувствуя себя неспособнымъ къ сидячей жизни. Нельзя, любезнѣйшій Родіонъ Савичъ, попасть вдругъ въ министры, хоть будь, такъ сказать, семи пядей во лбу. Вѣдь у насъ не Европа. Жаль, жаль, что вы не служите!

— У всякаго своя дѣль жизни.

— Вотъ точно тоже говорятъ нынче очень многіе молодые люди, продолжалъ Карпъ Карновичъ, стараясь отвлечь разговоръ подальше отъ поединка. Недалеко сказать, нашъ общій пріятель, Сила Козьмичъ Куропаткинъ. Вотъ онъ тамъ любезничаетъ съ дамами. Не можетъ приучить себя къ серьезнымъ занятіямъ, и прослуживъ года три, вышелъ въ отставку. Мы съ нимъ недавно имѣли горячій споръ. Я въ заключеніе проигралъ, и довольно удачно, двѣ строфы изъ известной ксены:

Что жъ? быть-можетъ старины
Онъ бѣжалъ приманокъ,
Звѣзды, ленты и чины
Презрѣлъ съ позаранокъ?
Нѣтъ, шудрець ее разрывала
Съ честолюбьемъ дружбы,
И теперь бы крестикъ взялъ
Только бы безъ службы.

Повѣрьте, всѣ либералы на одну стать съ Силою Козьмичемъ. Съ тѣхъ поръ я не называю никого либераломъ, а говорю вѣсто того: Сила Козьмичъ. Онъ разъ такъ взбѣсился за это, что у насъ чуть не дошло до драки.

— Къ чему вы разговариваете объ этомъ, Карпъ Карновичъ, сказалъ Бирюлькинъ. Не думаете ли вы отвлечь меня отъ

предмета нашего разговора? Повторяю мое рѣшительное требованіе, чтобы вы извинились передъ моею дамою.

— А я вамъ повторяю, что никогда не сдѣлаю этого. Я столько же виноватъ въ вашемъ паденіи на паркетъ, сколько вы въ моемъ на льду.

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ выбрать секунданта.

— Отвяжитесь, Родіонъ Савичъ! Чу! Заиграли французскую кадрили. Меня, вѣрно, моя дама ищетъ.

— Я не пушу васъ! сказалъ Бирюлькинъ, схвативъ Карпа Карповича за руку. Назначьте прежде секунданта.

— Кого я назначу! Отвяжитесь! Пустите! Ужъ началась, кажется, первая фигура. Моя дама обидится.

— Если угодно, сказалъ Альминъ, подходя къ нимъ: я готовъ быть секундантомъ. Я вслушался въ послѣднія ваши слова, и если не ошибаюсь....

Бирюлькинъ опустилъ руку Карпа Карповича, и тотъ порхнулъ въ залу.

— Прежде вашей дуели съ этимъ господиномъ, продолжалъ Альминъ: не разсудите ли со мною кончить дѣло? За обѣдомъ вы меня вызвали, кажется.

— Да, вызвалъ и все приготовилъ. Секундантъ у меня уже есть, и пистолеты готовы. Можемъ теперь же отправиться на мѣсто. За этимъ садомъ, есть лѣсъ. Тамъ никто намъ не помѣшаетъ.

— Буду готовъ къ вашимъ услугамъ послѣ этой кадрили, отвѣчалъ Альминъ, вошелъ въ залу и, взявъ Юлію за руку, всталъ съ нею въ рядъ танцующихъ, навротивъ Карпа Карповича. Кадриль только-что начинали.

Карпъ Карповичъ, увѣренный, что дуель его съ Бирюлькинскимъ не состоится, съ первымъ прыжкомъ забылъ и вызовъ и все на свѣтѣ: онъ помнилъ только, что надобно замаскировать свои пятьдесятъ лѣтъ, танцевалъ какъ можно граціознѣе, рисовался, прыгалъ съ легкостью серны и выдѣлывалъ своими коротенькими ногами самыя невѣроятныя фигуры. Улыбка не сходила съ лица его. Альминъ, танцующій, разговаривалъ съ Юліею, шутилъ и былъ по наружности чрезвычайно веселъ, не смотря на то, что Бирюлькинъ, сложивъ

руки по-наполеоновски, стоялъ противъ него у стѣны, какъ привидѣнiе, съ нахмуреннымъ и блѣднымъ лицомъ, и не спускалъ глазъ съ поручика.

— Мнѣ нужно вамъ сказать, Юлія Павловна, нѣсколько словъ о важномъ дѣлѣ, сказалъ Альминъ вполголоса. Но спрoшу васъ напередъ, можете ли вы сохранить теперешнее веселое выраженіе лица? Это необходимо для того, чтобы ни ваша тетушка, ни Бирюлькинъ, который стоитъ, какъ видите, прямо напротивъ насъ, не замѣтили, что у насъ разговоръ не о бездѣлцахъ. Однако жъ я вижу, что мнѣ придется объясниться съ вами послѣ танца, если только это возможно будетъ. Улыбка ваша исчезла, вы немного поблѣднѣли.

— О чемъ хотите вы объясняться? спросила робко Юлія.

— Сдѣлайте одолженіе, не опускайте такъ рѣсницъ вашихъ и смотрите прямо мнѣ въ лицо. Тетушка ваша такъ глядитъ на насъ, что мнѣ даже страшно. Я бы объяснился съ вами и послѣ кадрили, но, кажется, это будетъ рѣшительно невозможно, а объясниться необходимо. Выслушайте меня, сохраняя спокойный и веселый видъ, докажите, что умѣете владѣть собою, и подтвердите этимъ мнѣніе, которое я давно составилъ о вашемъ характерѣ.

— Вы меня пугаете! сказала тихо Юлія. Скажите напередъ: для кого объясненіе важно и необходимо, для васъ или для меня?

— И для меня и для васъ. Не медлите! Кадриль скоро окончится; вотъ ужъ четвертую фигуру начинаютъ, а нужно успѣть переговорить съ вами о многомъ. Это рѣшитъ вашу и мою судьбу на цѣлую жизнь. Можете ли, хотите ли меня слушать; танцую?

— Не знаю, должна ли я васъ слушать... Ахъ, какъ у меня голова кружится!... Неужели нельзя поговорить со мною послѣ танца?

— Невозможно. Мои вопросы по необходимости будутъ очень кратки, и вы, Юлія Павловна, ради Бога, не медлите отвѣтами. Иначе мы никакъ не кончимъ объясненія. Заснѣйтесь, заснѣйтесь, пожалуйста! На вашемъ лицѣ слышкомъ за-

нѣтны искутъ и смущеніе, а Бирюлькинъ смекнулъ на вѣсть, какъ аргусъ.

Юлія принужденно улыбнулась; сердце ея такъ было стѣснено, такъ сильно билось, что она едва дышала.

— Я сегодня узналъ, продолжалъ Альминъ: что Дарья Семеновна совсѣмъ вамъ не родня, и что она условилась съ Бирюлькиннымъ выдать васъ за него занужь. За это онъ уступаетъ ей половину вашего имѣнія, которое Дарья Семеновна забрала въ свои руки.

— Это невѣроятно, невозможно! сказала Юлія. Какъ, отъ кого узнали вы?

— Подробности скажу вамъ послѣ. Пятую фигуру ужъ начинаютъ. Любите ли вы Бирюлькина?

— Нѣтъ.

— А меня? Я васъ люблю, дарю люблю, Юлія Павловна! Скажите, любите ли меня? Я васъ избавлю отъ Бирюлькина и вашей мнимой тетунки. Вы забыли однако жъ фигуру; ваша очередь.

Юлія начала танцовать. Ей казалось, что она ступаетъ на раскаленные углы. Ноги ея подгибались и дрожали.

— Что жъ, вы не любите меня? сказалъ Альминъ, когда она стала подлѣ него на свое мѣсто. Посидите отвѣтомъ. Говорить еще нужно о многомъ.

— Да! отвѣчала Юлія шепотомъ, потупивъ глаза. Она готова была зарыдать; между-тѣмъ Альминъ подвелъ ее къ Карпу Карповичу, который, взявъ ее граціозно за руку, началъ съ нею и со своею дѣвою пятую фигуру. Альминъ сталъ напротивъ, изговорясь танцовать соло.

— Не правда ли, Юлія Павловна, сказалъ Карпъ Карповичъ: что музыка этой кадрили прелестна?

— Да! опять отвѣчала Юлія.

Одно и то же слово, но какая была несомнѣнная разница въ смыслѣ этихъ двухъ да.

— Что съ вами? Вамъ кажется душно? спросилъ Карпъ Карповичъ. Вы блѣды такъ, что ужасъ!

Юлія не успѣла ничего отвѣтить. Альминъ, кончивъ соло, взялъ ее за руку и опять сталъ съ нею радомъ.

— Согласны ли вы будете, продолжать поручить: чтобы я увезь вась отсюда сегодня? Иначе не освободитесь отъ Дарьи Семеновны. Она вась не выпуститъ изъ-подъ своей власти, и вы непременно будете за Бирюлькинымъ. Кадриль оканчивается. Отвѣчайте скорѣе, согласны ли?....

— Увезти?.... сказала тихо Юлія, въ сильномъ волненіи.
Нѣтъ, нѣтъ!

— Стало быть, вамъ Бирюлькинъ...

— Я не пойду за него.

— Васъ принудятъ.

— Скорѣе умру.

— Развѣ вамъ охота умереть? Условитесь скорѣе, какъ увлечь отсюда.

— Правда ли, что Дарья Семеновна мнѣ не родня, правда ли все то, что вы о ней сказали?...

— Вамъ сомнѣваться, а мнѣ увѣрять васъ нѣтъ времени. Черезъ минуту танецъ окончится, и Дарья Семеновна не позволитъ ужъ намъ сказать другъ другу ни слова, не только въ этотъ вечеръ, но и во всю жизнь. Увидите! Теперь я иду объясниться съ Бирюлькинымъ. Мнѣ хочется его проучить за дерзости, которыя онъ мнѣ наговорилъ за столомъ. Я скоро опять возвращусь сюда въ залу и непременно увезу васъ, сегодня же. Это необходимо, если только хотите освободиться изъ рукъ Дарьи Семеновны, и если согласны быть моею женой. Увѣрять васъ въ любви некогда. Послѣ увидите. Раскланяйтесь. Кадриль окончилась.

Юлія едва могла подойти къ маленькому дивану и сѣсть на него. Въ глазахъ ея темнѣло, дыханіе занималось.

— Что это съ тобой, мать моя? сказала баритономъ Дарья Семеновна, садясь подлѣ Юліи на диванъ. Бѣдна: словно смерть! Сегодня полно танцовать-то. О чемъ это изволила шутиться съ Альбицимъ?

— Мнѣ очень дурно, тетущка! я пойду выпью стаканъ воды.

— Не ходи, не ходи! вотъ, дьяволакъ ползаетъ. Можешь и

здѣсь напиться. Да и вообще прошу быть у меня на глазахъ. За тобой смотрѣть надобно, какъ вижу.

— Чѣмъ я заслужила этотъ упрекъ?

— Еще возражать смѣетъ теткѣ! Смотри пожалуй!

IV.

При свѣтѣ голубаго, китайскаго фонаря, который секундантъ Бирюлькинъ, Куропаткинъ, унесъ съ алюминованнаго крыльца, Альминъ и его противникъ стояли неподвижно въ лѣсу, одинъ противъ другаго. Карпъ Карповичъ, дрожа отъ холода и страха, говорилъ тихо Альмину: сдѣлайте одолженіе, увольте меня, если возможно, отъ званія вашего секунданта. Вы можете найдти здѣсь для этого кого-нибудь другаго.

— Кого же я найду? Господинъ Бирюлькинъ и васъ вызвалъ. Послѣ меня, если я его не раню, и вы кстати съ нимъ раздѣляетесь.

— Я съ нимъ стрѣляться не стану. Помилуйте! за что? Притомъ отвѣтственность.... Говорю вамъ, что ни за что на свѣтѣ стрѣляться съ нимъ не стану. Понимаете?... Это вѣрно, какъ дважды два четыре! Вы обѣщали помирить насъ. Я вѣдь съ этимъ условіемъ согласна быть вашимъ секундантомъ. Да вѣтъ, мнѣ вообще бы не хотѣлось мѣшаться въ это дѣло. Большая охота здѣсь мерзнуть. Чу! издали слышно, какой вальсъ тамъ играютъ. То ли дѣло танцовать! Ей богу, Родионъ Савичъ съ ума сходитъ! Я помирюсь съ нимъ, да и васъ помирю, поручикъ!

— Заряжайте пистолеты. Что вы ихъ держите такъ долго понапрасну. Покажите-ка. Откуда ихъ достали? Они чуть не съ ружье длиною.

— Право, не знаю.

— Ихъ досталъ я на этой дачѣ изъ кабинета господина Симбаритина, сказалъ Куропаткинъ, который въ это время подошелъ къ Альмину. Они висѣли тамъ на стѣнѣ вмѣстѣ съ книжками, саблями и охотничьими ружьями. Тамъ же нашелъ я

верху и нули. Мнѣ поручено спросить васъ, поручикъ, согласны ли вы стрѣлиться этими пистолетами и на сколько шаговъ отиѣрять барьеръ?

— На сколько хотите.

— Если такъ, сказалъ Бирюлькинъ, то отиѣрай четыре шага.

Онъ думалъ смутить Альмина, но тотъ не возражалъ ни слова.

Зарядили пистолеты, и противники разошлись, каждый на восемь шаговъ отъ барьера.

Зубы Карпа Карповича танцевали галопадъ и дрожащую польку. Голубой фонарь слабо освѣщала мѣсто поединка. Лица всѣхъ казались чрезвычайно блѣдными; и дуелисты и секунданты походили на мертвецовъ. Противники начали сходитьсь. Бирюлькинъ намѣтилъ въ сердце Альмина, выстрѣлилъ и промахнулся. Карпъ Карповичъ отъ испуга прискакнулъ и охнулъ. Альминъ, не перемѣняя шагу, дошелъ до барьера и остановился.

— Что же вы, господинъ Бирюлькинъ, стали? сказалъ онъ. По условію, вы должны также подойти къ барьеру. Вы сами его назначили въ четыре шага. Не я виноватъ.

Бирюлькинъ, стараясь скрыть ужасъ, подошелъ къ чертѣ барьера. Альминъ тихо подвѣлъ пистолетъ и направилъ дуло въ лобъ противника. По близкому разстоянію промахъ былъ невозможенъ.

— Пошадите, господинъ поручикъ! вскричалъ Карпъ Карповичъ, зажмуривъ глаза отъ страха. Я смотрѣть не могу!

Альминъ опустилъ пистолетъ и сказалъ:

— Моему противнику никто не мѣшалъ, когда онъ мѣтилъ мнѣ въ грудь. Я имѣю право требовать, чтобы и мнѣ не мѣшали.

Подвѣвъ пистолетъ снова, поручикъ прицѣлился въ сердце Бирюлькина. Курокъ едва переводилъ дыханіе.

— Караулъ! закричалъ Карпъ Карповичъ, выйдя изъ себя отъ ужаса. Разбой! Караулъ! онъ убьетъ его! караулъ!

Альминъ снова опустилъ пистолетъ.

— Если вы, Карпъ Карповичъ, хоть одно слово еще скажете, то я выстрѣлю въ васъ. Слышите ли? Куда? куда? уходите и не трогайтесь съ мѣста. Куда вы бѣжать думаете?

— Господинъ поручикъ! прошу, умоляю васъ! позвольте мнѣ уйти отсюда.. Я страдаю болѣзнь! мнѣ дурно! я упаду!

— Секундантъ обязанъ ждать конца дуэли, сказалъ Альминъ, и снова началъ поднимать пистолетъ къ лицу противника.

Какъ им старался Бирюлькинъ скрыть свой ужасъ, но не могъ. Онъ вытнулся и началъ дрожать, какъ въ лихорадкѣ. Пистолетъ вынулъ изъ руки его.

— Признайтесь, что вы испугались, сказалъ поручикъ.

— Стрѣляйте скорѣе! проговорилъ Бирюлькинъ задыхающимся голосомъ.

— За четыре шага промахнуться нельзя, продолжалъ Альминъ. Посмотрите: дуло почти у вашего лица. Если хотите, я отложу мой выстрѣлъ, на который имѣю неоспоримое право, отложу на неопредѣленное время, можетъ-быть на-всегда; но только вы должны согласиться на условія, которыя мнѣю будутъ предложены.

— Согласитесь! воскликнулъ Карпъ Карповичъ: умоляю васъ, согласитесь на всѣ возможные условія! Безъ того вамъ нѣтъ спасенія.

— Вы молчите, господинъ Бирюлькинъ? сказалъ поручикъ. Чтѣ же вы избираете, условія или пулю?

— Въ чемъ требованія ваши? спросилъ Бирюлькинъ голосомъ, выражавшимъ досаду и худо-скрываемое обѣшенство.

— Во-первыхъ, откажитесь отъ вашихъ плановъ на Юлію Павловну.

— Извольте, сказалъ Бирюлькинъ: съ тѣмъ однако жъ, чтобы я послѣ имѣлъ право искать ея руки, если бы вамъ сверхъ ожиданія не удалось на ней жениться.

— Согласенъ, продолжалъ Альминъ. Во-вторыхъ, сознайтесь, что кто изъ хвастовства, или шарлатанства играетъ жалкіе образы роль европейскаго космополита и осмѣливается порицать все хорошее, тотъ заслуживаетъ презрѣніе.

— Очень хорошо; но...

— «На!» говорите вы?

Поручикъ приводимъ вистолеть.

— Согласитесь, сдѣлайте одолженіе, скорѣе на все согла-
ситесь! воскликнулъ опять Карлъ Карповичъ. Я за весь умиру
отъ страха. Пожалуйте меня и себя. За что мы лишимся
такого гениальнаго человѣка, такого вистелета!

— Что, что такое? сказала Альминъ, взглянувъ на Карла
Карповича.

— То-есть, я говорю, что было бы жаль, лишиться та-
лантливаго, добросовѣстнаго писателя, который...

— Какой ничего еще не написалъ путнаго? замѣтилъ
Альминъ.

— Родионъ Савичъ! Да что жъ вы молчите! закричалъ Карлъ
Карповичъ плачевнымъ голосомъ. Согласитесь на все. По край-
ней мѣрѣ вы этимъ сохраните себя. За что Европа васъ по-
теритъ. Гении вѣками рождаются.

— Что жъ? Согласны вы съ тѣмъ, что я сказала? спросила
Альминъ.

— Согласенъ! протворилъ наконецъ Бирюльинъ, сдѣлавъ
зубы отъ досады.

— Очень радъ! сказалъ поручикъ. Я впередъ былъ увѣ-
ренъ, что вы согласитесь.

— И я былъ въ этомъ увѣренъ! воскликнулъ Карлъ Карпо-
вичъ, обнявъ и цѣлуя Бирюльина, который отъ него втян-
ся. Поздравляю васъ, поздравляю! Вы живы! Поидите те-
перь скорѣе въ комнату. Тамъ ужъ я пропустилъ на-вѣрное
подмышкѣмъ кадрилей. Очень опасюсь, не пропустилъ ли я
даже мазурки, а, можетъ-быть, и польку.

— Однако жъ вамъ кажется лучше всѣмъ убраться теперь же
домой, замѣтилъ Куропатинъ. Можетъ-быть, въ комнатахъ
слышали выстрѣлъ, и дуемъ огласилась. Начнутся толки.

— Мы можемъ сказать, что пробовали вистолеты и стрѣла-
ли въ цѣль, сказалъ Альминъ. Гораздо лучше скроемъ всю эту
исторію, если явится всѣ въ залу и начнемъ танцовать, какъ
бы ничего не было. При гремѣ музыки, на-вѣрное, никто и
не разслушалъ выстрѣла. Притомъ и дѣла довольно давно
отсюда.

Всѣ пошли въ дому: Карпъ Карповичъ былъ радъ безъ памяти счастливому окончанію дѣла, особенно, когда Бирюлькинь сказалъ ему, что онъ мирится съ нимъ и уничтожаетъ свой вызовъ, о которомъ, правду сказать, Карпъ Карповичъ совершенно позабылъ. Для предохраненія себя отъ простуды и отвращенія слѣдствій перенесеннаго имъ страха, онъ вошелъ прежде всего въ буфетъ и подкрѣпилъ себя стаканомъ мадеры.

V.

Юлія сидѣла рядомъ съ Дарьей Семеновной и, казалось, смотрѣла на танцующихъ; но все представлялось ей какимъ-то хоасомъ. Ничего не видя и не слыша, летѣла она мыслію за поручикомъ, и съ трепетомъ сердца ждала окончанія поединка. Она догадалась, что объясненіе съ Бирюлькинымъ, о которомъ ей сказала Альминъ, будетъ не на однихъ словахъ. При появленіи Альмина въ залъ она чуть не вскрикнула отъ радости. Дарья Семеновна замѣтила это и нахмурила брови.

Въ слѣдъ за Альминнымъ вошли въ залу Бирюлькинь, Куропаткинъ и Карпъ Карповичъ. При множествѣ гостей никто не замѣтилъ ихъ отсутствія, кромѣ Дарьи Семеновны.

Заиграли галопадъ. Карпъ Карповичъ по-прежнему началъ перелетать мотылькомъ отъ дамы къ дамѣ и носиться по залѣ съ легкостью зефıra. Потомъ заиграли польку. Карпъ Карповичъ, на котораго выпитая мадера начала производить свое дѣйствіе, достигъ высшей степени восторга, танцуя польку. Онъ проворно и выразительно повертывалъ улыбающуюся, страстное лицо свое къ танцовавшей съ нимъ дамѣ и потомъ отворачивался отъ нея, по законамъ польки, какъ бы съ отвращеніемъ; живописно выставялъ носокъ своего лакированнаго сапога, на показъ всей публикѣ, сильно пристукивалъ каблукомъ, прыгалъ на удивленіе, показывая гибкость своихъ короткихъ ногъ, потомъ, сложа, какъ Наволе-

онъ, руки на груди, грозно и неистово преслѣдовалъ, въ военномъ па, свою даму, которая отъ него граціозно, скромно и кокетливо отступала, забросивъ свои хорошенькія руки за спину; увлеченный жаромъ преслѣдованія, Карпъ Карповичъ наступилъ наконецъ на ножку своей дамы и заставилъ ее (то-естъ даму, а не ножку) вскрикнуть отъ боли. Помня свое правило, что свѣтскій человѣкъ не долженъ никогда и ничѣмъ конфузиться въ обществѣ, и въ случаѣ какой-нибудь неожиданной, несчастной неловкости, тотчасъ же найдтись и ее поправить, Карпъ Карповичъ бросился на колѣни, схватилъ руку ушибенной нитъ дамы, воскликнулъ: mille pardons! звонко поцѣловалъ ея руку, вскочилъ, и вдругъ, по необычайному вдохновенію, съ цѣлію загладить свою неловкость, заплясалъ канканъ, который даже въ Парижѣ преслѣдуется судомъ исправительной полиціи. Нѣсколько пріятелей Карпа Карповича, видя, что онъ заблудился и не въ полномъ умѣ, дружески схватили его подъ руки и вывели силою изъ залы, не смотря на его отчаянное сопротивленіе. Поташили его къ буфету и принудили выпить безъ отдыха три стакана лимонаду, для прѣхлажденія взволнованной его крови. Этотъ неприятный случай не нарушилъ однако жъ веселья и гармоніи бала. Танцы слѣдовали одинъ за другимъ. Альминъ, намѣреваясь переговорить съ Юліей, пригласилъ ее на мазурку, но Дарья Семеновна отвѣчала баритономъ.

— Она танцовать больше не будетъ.

Вскорѣ Сибаритинъ пригласилъ гостей своихъ прекратить танцы, чтобы, отдохнувъ, идти кататься съ горъ, которыми, по его распорядженію, великолѣпно освѣтили китайскими фонарями.

— О чемъ вы такъ задумались, Дарья Семеновна? спросилъ Карпъ Карповичъ, садясь подлѣ нея и махая на себя батистовымъ платкомъ.

— Куда это вы скрывались? спросила Дарья Семеновна, не отвѣчая на вопросъ.

— Я отдыхалъ въ другихъ комнатахъ.

— А Родіонъ Савичъ и Альминъ, они куда уходили?

— Не могу вамъ доложить. Мнѣ поручено, сказать Карлу Карповичу Дарья Семеновѣ на-ухо: предостеречь васъ. Альминъ имѣетъ виды на Юлію Павловну. Онъ хочетъ помѣнать Родіону Савину.

— Не помѣнаетъ! отвѣчала Дарья Семеновна басомъ.

По приглашенію хозяйки, гости перешли къ горамъ, въ большую великолѣпную естественную галерею, къ которой съ двухъ сторонъ примыкали оранжереи, и сквозь широкія окна, доходящія до полу и раздѣлявшіяся вмѣсто простѣлковъ одними колоннами, начали смотрѣть на нахалющіеся съ горъ. Разноцвѣтные фонари во всю длину раскатовъ таялись съ обѣихъ сторонъ, какъ нитки драгоценныхъ камней. Гладкій ледъ, отражая ихъ сіяніе, игралъ, какъ перламутръ, всѣми цвѣтами радуги. Усталые шли съ горъ отдыхать въ галерею, а оттуда выходили на горы новые катальщики. Дарья Семеновна сидѣла у окна съ Юліей. Альминъ, Бирюлькинъ и другіе молодые люди, въ томъ числѣ и Карлъ Карповичъ, нѣсколько разъ приглашали Юлію идти на горы; но Дарья Семеновна сказала рѣшительно, что она изъ галереи не выйдетъ и не позволитъ племянницѣ отойти отъ нея ни на шагъ.

Альминъ не зналъ что дѣлать. Ему непременно хотѣлось сватить Юлію съ горы, а хотѣлось, какъ увидѣть, по важной причинѣ. Къ его счастью подошелъ къ нему, совсѣмъ неожиданно, на помощь генералъ, который утромъ катался съ Дарьей Семеновной.

— Помогите! воскликнулъ онъ, подводя къ ней: Вы не катаетесь?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, куда мнѣ! отвѣчала она самымъ пріятнымъ собрано.

— Это ни на что не похоже! Вы лишаете себя и племяннику нашу необыкновеннаго удовольствія. Это катанье при свѣтѣ фонарей, увѣряю васъ, что-то замѣцное! Пойдите, войдите! Позвольте мнѣ быть вашимъ катальщикомъ.

— Такой морозъ, ваше превосходительство! Я боюсь простудиться.

— Какой морозъ! Термометръ на точкѣ замерзанія. Давно

на бочку при падении, и выкатался. Воля ваша, я отъ васъ на ослепу. Посмотрите, какъ милый аленкинецъ вашей скудно сидѣть адѣсь. Хоть раза два позволите мнѣ съ нею скатиться, если вамъ самимъ не угодно. Я знаю, что вы мнѣ не откажете.

Дарья Семеновна, проклиная вынужденно жестокитваго генерала, отправилась съ Юліей нехотя на горы, вошла на одну изъ нихъ и сѣла на покрытую сукномъ скамейку. Генералъ началъ кататься съ Юліей. Когда онъ всходилъ опять на ту же гору, гдѣ сидѣла Дарья Семеновна, Алынинъ успѣлъ на лѣстницѣ сказать тихонько Юліи нѣсколько словъ и побѣжалъ впередъ, держа въ рукѣ свои санки. Между-тѣмъ Бирюлькинъ, увидѣвъ Дарью Семеновну, сѣлъ подлѣ нея на скамьѣ. Та, провожая глазами катальщиковъ одного за другимъ, желала съ досады каждому, чтобы онъ спадлъ собоу нѣю.

— Какая глупая забава! сказалъ Бирюлькинъ. Не правда ли, Дарья Семеновна?

— Но правда! возразилъ Каръ Карповичъ, который въ это время забѣжалъ на гору съ санками, полный восторга, что ему удалось нѣсколько разъ удачно скатиться, безъ всякаго испрамятаго врпкюченія.

— Садитесь, Дарья Семеновна! Я васъ скачу. Это наслажденіе! Посмотрите, какъ прелестенъ этотъ волшебный, ледяной дросвакъ, освѣщенный фонарии! Летитъ по немъ стрѣлоу, кинъ на коврѣ-самолетѣ! Сердце замираетъ отъ удовольствія! Жалѣю васъ, Родионъ Савичъ, что у васъ не досветъ духу скатиться. Попробуйте хоть разъ.

— Меня не могутъ веселить никакія дѣтскія забавы. Катитесь скорѣе, Каръ Карповичъ, на славу! Не унадите только по-давешнему.

— Не опасайтесь, отвѣчалъ Каръ Карповичъ и покатиася.

Юлія сполла подлѣ тети и печально смотрѣла на притоготовленіе санокъ для путешествія съ горы. Вдругъ Алынинъ подбѣрнулся тутъ же со своими санками, посадилъ къ собоу Юлію и исчезъ.

Генералъ, говорившій съ Дарьей Семеновной, посмотрѣлъ кругомъ, удивляясь: куда Юлія пропала. Дарья Семеновна вскочила со скамьи. Въ это время Куропаткинъ взбѣжалъ на гору и сказалъ Вирюлькину на-ухо:

— У конца раската поручикъ поставилъ своихъ рысаковъ, и при мнѣ наказывалъ кучеру не зѣвать.

— Чтò, чтò такое? спросила торопливо Дарья Семеновна.

— Альминъ хочетъ увезти Юлію Павловну, отвѣчалъ Вирюлькинъ. Это ясно!

— Ахъ онъ разбойникъ! воскликнула Дарья Семеновна басомъ. — Ахъ онъ безбожникъ! Родіонъ Савичъ! Догоните ихъ! Садитесь: вотъ санки. Вѣдь вашу невѣсту увозятъ, а вы стойте, какъ фонарный столбъ, прости Господи! Неужто трусите скатиться-то?

— Трусить нечего, а просто не уиѣю. Скатаи меня, Куропаткинъ.

— Изволь!

И два Европейца покатились, по вскорѣ очутились вверхъ ногами на раскатѣ, а головами внизъ. Ихъ перевернутыя понятія пришли отъ этого въ естественное, прямое положеніе. Но вскорѣ упавшіе встали на ноги и сдѣлались опять Европейцами, съ перевернутыми внизъ головой понятіями.

— Ну такъ! Свалились, проклятые! воскликнула Дарья Семеновна. А разбойникъ между-тѣмъ увезетъ ее?

— Чтò съ вами, Дарья Семеновна? Какой разбойникъ? Кого увезетъ? сказалъ удивленный Каркъ Карповичъ, явившись опять съ санками на горѣ.

— Везите, батюшка, везите меня скорѣе! Уѣдутъ!

— Кто уѣдетъ, куда? Растолкуйте, ради Бога!

— Некогда! Покатитесь!

— Извольте садиться.

Санки двинулись. Дарья Семеновна второпяхъ сѣла такъ, что совсѣмъ придавила бѣднаго Карпа Карповича. Вытаскивая шею, онъ наклонялъ голову то на ту, то на другую сторону, чтобы посмотрѣть впередъ и править санками; но

спина Дарья Семёповы заслонила ему весь раскатъ , почти всю видимую природу. Передъ глазами его были только быстрые узоры шали, которою закутала себя Дарья Семеновна сверхъ шубы. Чувствуя опасность своего положенія, онъ пересталъ править, пустилъ санки на авось и вскорѣ съ быстротою молніи очутился на спинѣ, въ мягкой грудѣ снѣгу; подлѣ него лежала навзничъ, ошалѣвшая отъ испуга и злости, Дарья Семеновна, а около падшей четы пылало нѣсколько бумажныхъ фонарей, сшибенныхъ съ мѣста. Тройка поручика вихремъ неслась, взвивая копытами снѣгъ по дорогѣ. Альминъ и Юлія были уже далеко.

К. МАСАЛЬСКІЙ.

БЫЛЬ 1703 ГОДА.

1871

БЫЛЬ 1703 ГОДА.

Если вы съ берега Большой Невки войдете, для прогулки, въ Императорскій Ботаническій Садъ, то пройдите по длинной аллеѣ, которая подлѣ садовой рѣшетки тянется къ той сторонѣ, гдѣ садъ граничитъ съ набережною рѣчки Карповки, и отыщите тамъ извивающуюся между деревьями дорожку. Она приведетъ васъ къ десяти старымъ липамъ, которыя, какъ великаны, возвышаются надъ всеми прочими деревьями. Девять изъ этихъ великановъ стоятъ тѣснымъ строемъ, а одинъ— нѣсколько въ сторонѣ, какъ-будто начальникъ отряда. Вы невольно снимете шляпу, если захотите, подойдя къ нимъ, взглянуть на ихъ вершины, а потомъ по доброй волѣ не надѣнете шляпы, если, глядя на эти деревья, вспомните, что ихъ сажалъ Петръ Великій; что передъ вами стоятъ живые еще современники великаго государя, живые свидѣтели славнаго его царствованія. Много уже поколѣній пережили эти липы, много видѣли онѣ на своемъ вѣку. Если вы поэтъ, берите лиру, и въ лунную ночь, постарайтесь звукомъ золотыхъ струнъ вызвать дриады, живущихъ внутри этихъ столѣтнихъ деревьев. Сколько бы любопытнаго могли намъ рассказать вызванныя дриады, эти лѣсныя нимфы, все еще прекрасныя, не смотря на то, что онѣ ровесницы липамъ, что имъ ужъ гораздо болѣе ста лѣтъ отъ роду. Берите лиру..... но вы, кажется, берете перо и бумагу? Ахъ, не трудитесь понапрасну! Дриады не слушаются вынѣшнихъ, романтическихъ

стиховъ. Чтобы ихъ вызвать, нуженъ поэтъ греческій, древній, а не нынѣшній; съ лирой, а не съ перомъ въ рукахъ.

Вмѣсто десяти дріадъ, которыхъ ужъ нынче не вызовешь ни стихами, ни прозой, мы вытащимъ изъ шкафа десять старинныхъ книгъ и рукописей, и передадимъ читателямъ рассказъ этихъ бумажныхъ нимфъ о происшествіи, которое случилось давно, очень давно на берегахъ той рѣчкѣ, гдѣ стоятъ древнія липы.

Въ 1703 году, еще не было ни липъ, ни ботаническаго сада, ни даже всего Петербурга. Бумажныя наши дріады рассказываютъ, что тамъ, гдѣ теперь Петербургъ, зеленѣлъ только густой лѣсъ, въ которомъ по мѣстамъ проглядывали болота. На берегу рѣки Охты, впадающей въ Неву, стояла шведская крѣпость Нисеншанцъ, которую тогдашніе Русскіе называли Кавцами. Но тогдашнему Петербургу не ходили еще лыжи и модныхъ критическихъ и желтыхъ перчаткахъ, а прогуливалось настоящие медвѣди да бѣгали волки. На мѣстѣ нынѣшней Екатерингофа стояла финская деревня, которую Русскіе впоследствии называли Калининною, да по Невѣ и рукавамъ ея мелькали шрѣдка, посреди сосенъ и елей, рыбацкія хижины. Пустынная, дикая была сторона!

На безымянномъ островѣ, который впоследствии назвали Антекаронитъ, выглядывали, какъ-будто со страхомъ и осторожностію, изъ густого лѣса на текущую мимо Карповку двѣ маленькія избы, отличавшіяся рѣзко одна отъ другой своимъ наружнымъ видомъ. Одна изъ нихъ была шведской постройки, другая же—русской. Кто и когда ихъ построилъ, да еще въ такой глуши? А вотъ спросимъ нашихъ бумажныхъ дріадоу! намъ расскажутъ.

Въ Апрель 1703 года, у окошка одной изъ этихъ избушекъ, сидѣлъ сѣдой старикъ съ длинною бородою. Глубокія морщины на лбу, блѣднѣйшій цвѣтъ лица, паволоки бровей надъ влажными, черными глазами, скорбѣвшійся станъ, все показывало, что этотъ старикъ много перенесъ горя въ жизни. Противъ него сидѣлъ молодой человекъ лѣтъ двадцати, пріятной наружности, съ небольшою русыми усиками, которые недавно началъ

рости, съ голубыми глазами, исполненными огня и отваги. Онъ держалъ въ рукахъ ружье, а черезъ плечо висѣла у него охотничья сумка. У ногъ его лежала собака и, глядя на него пристально, махала хвостомъ.

— Эхъ, Вася, Вася! сказалъ старикъ со вздохомъ: Плохой ты охотникъ! Потерялъ выстрѣлъ и возвратился съ пустыми руками. Придется намъ голодать съ тобою сегодня! Развѣ у тебя нѣтъ больше пороху?

— Нѣтъ, весь вышелъ. И на выстрѣлъ-то наслау набралъ.

— Что жъ ты это! Надобно пороху достать.

— Да гдѣ достанешь! Въ деревнѣ, что на взморьи, ни у кого нѣтъ; ни за какія деньги теперь не купишь. Въ Нienшанцѣ есть у солдатъ, да не дадутъ. Говорятъ, что скоро пріѣдетъ купецъ изъ Выборга съ разными товарами; онъ, конечно, и пороху привезетъ.

— Привезетъ! Пріѣдетъ! Да когда онъ пріѣдетъ? А мы, между-тѣмъ, умремъ съ голоду!

— И! что ты, батюшка! А рыба-то что? Нельзя дичи стрѣлять, такъ рыбу ловить стану.

— Рыбу! А чѣмъ ее ловить станешь? У насъ нѣтъ ни сѣтей, ни даже удочки.

— У сосѣдей есть, кажется, уда. Да вотъ идетъ за водой сосѣдка. Спрошу ее.

Молодой человекъ растворилъ окно и началъ кликать дѣвушку, одѣтую шведской крестьянкой, которая съ коромысломъ на плечахъ шла изъ сосѣдней хижины къ рѣчкѣ. Она поставила ведро съ коромысломъ на землю, подошла къ окну, и, опершись на него своими бѣлыми, кругленькими локтями, вставила въ окно, какъ въ рамку, свою хорошенькую головку.

— Что тебѣ надобно, Василій Ильичъ? Ты меня кликалъ? спросила дѣвушка по-русски, хотя по произношенію ея и можно было догадаться, что она иностранка.

— Да, Христиана Карловна; я хотѣлъ спросить тебя: нѣтъ ли у васъ лишней удочки или какой-нибудь сѣти?

— Была уда у брата, Густава, да на прошлой недѣлѣ какая-то большая рыба оторвала крючокъ.

— Ахти бѣда какая! А сѣти нѣтъ?

— Какая у насъ сѣть!

— Ну, такъ нѣтъ ли у твоего братца пороху? Какъ бы онъ одолжилъ мнѣ хоть на десятокъ выстрѣловъ.

— Да у него самаго осталось только съ десятокъ патроновъ. Какъ выйдутъ, такъ не знаемъ что намъ будетъ дѣлать. Да, вотъ, братъ, я думаю скоро вернется изъ лѣсу. Я скажу ему о твоей нуждѣ. Авось онъ тебѣ патроновъ пятокъ и дастъ въ займы.

Дѣвушка отошла отъ окошка, взяла ведра, спустилась на плотъ, наполнила ихъ водою и ушла въ свою хижину.

Во все время этого разговора старикъ сидѣлъ съ опущенною на грудь головою. Наконецъ онъ поднялъ глаза, взглянулъ на сына и глубоко вздохнулъ.

— Вотъ Богъ привелъ жить на старости въ какой нуждѣ! сказалъ онъ. Эхъ, Вася, Вася! Меня за грѣхи мои Господь наказываетъ, а ты за что терпишь!

— Не надо, батюшка, отчаяваться. Богъ милостивъ! Вотъ живемъ ужъ здѣсь двѣнадцать лѣтъ слишкомъ, а не умерли съ голоду. Случалась вѣдь и прежде нужда въ порохѣ. Авось опять сосѣди одолжатъ.

— Да ты вѣдь слышалъ, что у нихъ самихъ только съ десятокъ патроновъ, и самъ ты говоришь, что и въ деревнѣ пороху ни у кого нѣтъ. Дастъ ли теперь сосѣдъ! И полпатрона не выпросишь. Придется, — о Боже мой! — милостыни просить у солдатъ въ Ниспанцѣ или у Чухонцевъ въ деревнѣ, которые, я чаю, теперь и сами всѣ голодаютъ. Взморье недавно вскрылось ото льда, зимній запасъ рыбы вѣрно у нихъ истощился, а новой если и наловятъ, такъ самимъ нужна. Да нѣтъ ли у насъ гдѣ какой-нибудь проволоки? Пойщи хорошенько, да смастери уду.

— Какая у насъ проволока! Откуда ей взяться.

Старикъ махнулъ рукой, вздохнулъ и снова опустилъ на грудь голову. Въ это время другой старикъ вошелъ въ избу, сказалъ нечистымъ, русскимъ языкомъ: «Здравствуй, любез-

ный сосѣдъ!» и сѣлъ, кряхтя, къ столу, противъ хозяина. Голова гостя была до самой макушки лысая. Длинные, сѣдые волосы на вискахъ и затылкѣ падали на его плеча. Сѣрые глаза его были выразительны и пріятны, носъ орлиный; ротъ съ тонкими, сжатыми губами. Замѣтно было, что у гостя немного уже осталось зубовъ. Онъ часто дѣлалъ ртомъ движеніе, какъ-будто жевалъ что-то. Это движеніе успивалось каждый разъ, когда старикъ сбирался что-нибудь сказать, или когда онъ чѣмъ-нибудь былъ взволнованъ.

— Я слышалъ, сказалъ онъ, пожевавши сначала довольно долго: что у васъ, сосѣдъ любезный, весь порошокъ вышелъ?

— Да, Карлъ Карловичъ, весь вышелъ, отвѣчалъ хозяинъ.

— Вѣдь это нехорошо! Какъ ты думаешь объ этомъ, сосѣдъ любезный?

— Что тутъ думать! Бѣда, да и только.

Хозяинъ вздохнулъ, а гость началъ жевать.

— Что же ты думаешь дѣлать? спросилъ опять гость послѣ нѣкотораго молчанія.

— И самъ не знаю что! Ума не приложу.

— Ну, рыбы можно наловить.

— Да чѣмъ!

— Удой, сосѣдъ любезный, удой.

— А если уды взять негдѣ.

— Взять негдѣ? повторилъ гость и потомъ, пожевавши нѣсколько въ раздумьи, примолвилъ: Если уды взять тебѣ негдѣ, то это очень худо и даже, можно сказать, нехорошо.

— Ужъ такъ худо и нехорошо, что и не приведи Богъ! Мы съ сыномъ не знаемъ что и дѣлать.

— А ты вѣришь ли, любезный сосѣдъ, что я люблю тебя? спросилъ старикъ и, вынувъ изъ кармана берестяную тавлинку, понюхалъ хладнокровно табаку.

— Вѣрю, сосѣдъ, какъ не вѣрить! Вотъ ужъ двѣнадцать лѣтъ живемъ съ тобой рядомъ, а никогда еще не ссорились.

— Да, это правда, никогда еще не ссорились! повторилъ гость и зажевалъ сильнѣе обыкновеннаго. Это правда, не со-

рились никогда. Вѣдь это хорошо, и очень хорошо. Какъ ты о томъ думаешь?

— Чтѣ и говорить, Карлъ Карловичъ! Въ ссорахъ немного проку. Жить-то намъ обонизъ немного осталось, такъ, авось, доживемъ до смерти въ любви и дружбѣ. А вотъ съ голоду скоро умру, такъ не поминай лихомъ и пожалѣй сосѣда.

— Съ голоду умру? повторилъ старикъ и сталъ такъ сильно жевать, какъ-будто ѣлъ самое вкусное кушанье, а глаза его заблестали какимъ-то удовольствіемъ. Замѣтно было, что онъ приготовлялся сказать чтѣ-то необыкновенное, поразительное. — Какъ «съ голоду умру!» продолжалъ онъ: Умереть съ голоду, любезный сосѣдъ, ужасно, и даже, можно сказать, очень неприятно. Сохрани Богъ всякаго человѣка отъ голодной смерти!

— Да чтѣ станешь дѣлать! Смыъ ужъ нѣтъ у самого, какъ прежде, промышлять хлѣбъ насущный, а у сына силы есть, да нѣтъ ни зерна пороху, ни сѣти, ни даже удочки. Голыми руками ни птицы, ни рыбы не изловить.

— Да, это правда, не изловишь, сказалъ гость: ни рыбы, ни птицы не изловишь! Такъ тебѣ очень нужна удочка? продолжалъ онъ и устремилъ на хозяина глаза, въ которыхъ ярко выражалось удовольствіе. Потомъ онъ началъ сильно жевать, запустилъ дрожащую отъ дряхлости руку въ свой карманъ, долго шарилъ тамъ и наконецъ, съ торжествующимъ видомъ, вытащилъ оттуда крючокъ для уды, на коротенькомъ волоскѣ.

— А это чтѣ? сказалъ онъ, улыбаясь и показывая крючокъ хозяину. Дочь рассказала мнѣ о вашей бѣдѣ. Я началъ рыться въ моемъ сундукѣ и нашелъ два крючка. И вотъ одинъ я дарю тебѣ, любезный сосѣдъ! Вѣдь полночь сосѣду въ нуждѣ очень хорошо, и даже, можно сказать, весьма приятно. Возьми удочку и не горюй. Сынъ твой какъ разъ поѣдетъ на рѣку Ниевъ, наловитъ рыбы, и ты не умрешь съ голоду. Какъ ты объ этомъ думаешь?

Слеза благодарности сверкнула на блѣдной щекѣ старика-хозяина. Онъ вссталъ и обнялъ гостя. Старики дружески поцѣловались.

— Добрый ты человѣкъ, Карлъ Карловичъ! сказалъ гостю

челъ Василій. Сейчасъ же сяду въ лодку, поплыу на Неву, на-
ловлю рыбы и половену добычи отдамъ тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ не нужно лавовины; возразилъ гость: у насъ
есть гетеревъ, котораго вчера мой Густавъ застрѣлилъ. Поуж-
жай въ лодкѣ и лови рыбу для себя; только зачѣмъ ты гово-
ришь, что пойдешь на Неву? Что за Нева такая! Сколько разъ
я говорилъ тебѣ, что нашу рыбу зовутъ не Нева, а Ниевъ.

— Винавать! Забылъ.

— Забылъ! Забывать нехорошо, и даже, можно сказать, не-
похвально.

— Конечно непохвально. Прощай, батюшка, прощай, Карлъ
Карловичъ! Сейчасъ же улажу удочку и поплыу на рѣку
Ниевъ.

Молодой человѣкъ, взявъ со стола подаренный крючокъ, вы-
шелъ изъ хижины, а старикъ остался дома и началъ толковать
о любимомъ предметѣ всѣхъ стариковъ: о своей молодости.

Но незавидна была ихъ молодость. Оба рано лишились роди-
телей и выросли въ бѣдности. Илья Сергѣевичъ родился въ
окрестностяхъ Москвы, а Карлъ Карловичъ въ Стокгольмѣ.
Первый служилъ въ царскомъ войскѣ московскимъ дворяни-
номъ, былъ въ крымскомъ походѣ, дрался храбро съ Татара-
ми, но потомъ, увлеченный коварными совѣтами друзей,
принялъ участіе въ одномъ изъ стрѣлцкихъ бунтовъ.
Онъ былъ тогда уже вдовъ. Одинъ семилѣтній сынъ Василій
составлялъ все его семейство. Какъ участнику бунта, ему гро-
зилъ смертный приговоръ, и онъ съ младенцемъ-сыномъ бѣ-
жалъ за границу. Близъ Выборга, встрѣтился онъ съ Карломъ
Карловичемъ, который въ то время, спасаясь отъ преслѣдова-
ній свѣдскаго врага, имѣвшаго съ нимъ тяжбу, принужденъ
былъ бѣжать изъ Стокгольма съ женою, сыномъ и дочерью.
Карла Карловича, который былъ шведскимъ, защиточнымъ
арендаторомъ, врагъ его лишилъ имѣнія и даже успѣлъ до та-
кой степени оклеветать, запутать въ своихъ сѣтяхъ простодуш-
наго, что судъ приговорилъ Карла Карловича къ ссылке въ
Далекарліійскіе рудники. По совѣту друзей и при ихъ пособіи,
онъ досталъ видъ на чужое имя, переѣхалъ изъ Стокгольма мо-
ремъ въ Финляндію, и добрался до Выборга. Живя нѣсколько

времени за городомъ въ гостиницѣ, онъ познакомился тамъ съ Ильей Сергѣевичемъ, который, поправясь содержательницѣ гостиницы, исправлялъ уже нѣсколько лѣтъ должность ея помощника и успѣлъ уже научиться довольно хорошо говорить по-шведски. Они сблизились и жили довольно спокойно; но однажды, прибылъ въ Выборгъ какой-то стокгольмскій чиновникъ, а вскорѣ за нимъ московскій приставъ. Испуганные приятели рѣшились вмѣстѣ убраться подалѣе отъ Выборга. Со страху они забрались въ лѣса Ингерманландіи, выбрали близъ Невы, на рѣчкѣ, на той самой рѣчкѣ, на которой стоятъ нынѣ десять древнихъ липъ, уединенное, глухое мѣсто, построили двѣ хижины и тамъ поселились въ ожиданіи времени лучшихъ. Между-тѣмъ жена Карла Карловича умерла. Горька ему была эта потеря. Онъ похоронилъ свою подругу на берегу рѣчки, и потому не хотѣлъ уже разстаться со своимъ бѣднымъ жилищемъ. Илья Сергѣевичъ и Карлъ Карловичъ ходили въ лѣсъ на охоту, ловили на Невѣ рыбу, и оба семейства питались ежедневною добычею. Карлъ Карловичъ занимался усердно воспитаніемъ своихъ дѣтей. Сынъ Илья Сергѣевича вмѣстѣ съ нимъ росъ и учился. Годы непримѣтно текли, дѣти выросли, приятели состарѣлись и, не имѣя уже ни силъ, ни средствъ, куда-либо переселиться и улучшить свое состояніе, жили да жили по-прежнему въ своихъ хижинахъ и наконецъ уже перестали даже ожидать времени лучшихъ. Начальнику крѣпости Нипшанца Карлъ Карловичъ извѣстенъ былъ подъ чужой фамиліей, выставленной въ томъ паспортѣ, съ которымъ онъ бѣжалъ изъ Стокгольма, а Илью Сергѣевича, тотъ же начальникъ привелъ, какъ русскаго перебѣжчика, къ присягѣ на вѣрность шведскому королю. Никто ихъ не беспокоилъ, и они никого не беспокоили; очень рѣдко ходили въ Нипшанць, еще рѣже въ финскую деревню, которая стояла на взморьи. Вотъ и вся ихъ біографія до того примѣчательнаго дня, въ который Карлъ Карловичъ подарилъ Ильѣ Сергѣевичу удочку.

II

Старикки истощили уже въ разговорѣ всѣ свои воспоминанія о молодости, пересказали другъ другу, какъ-будто какую новость, разные примѣчательные случаи своей жизни, которые они уже по крайней мѣрѣ разъ триста одинъ другому пересказывали, и наконецъ замолчали. Карлъ Карловичъ началъ жевать, а Илья Сергѣевичъ, по своей привычкѣ, глубоко вздохнулъ и опустилъ на грудь свою голову.

— Что ты такъ, любезный сосѣдъ, задумался? спросилъ послѣ довольно-продолжительнаго молчанія Карлъ Карловичъ: Грустить и задумываться не хорошо и даже, можно сказать, очень вредно. Что у тебя такое на сердцѣ?

— А вотъ что, сосѣдъ! Мы одни: такъ я тебѣ могу высказать все откровенно. Не говори пожалуйста, дѣтямъ, чтобъ ихъ не огорчать заранѣе.

— Зачѣмъ говорить и огорчать! Огорчать никого не должно ни въ какомъ случаѣ и даже, можно сказать, весьма грѣшно. Но что такое?

— Да то, что намъ, можетъ-быть, придется скоро разстаться съ тобою.

— Какъ разстаться! Что ты, любезный сосѣдъ! Для чего разстаться? Развѣ я тебѣ надоѣлъ, развѣ дѣти мои чѣмъ-нибудь тебя обезпокоили? Если такъ, то я ихъ побравлю. Бранить дѣтей необходимо и даже, можно сказать, иногда весьма полезно.

— Нѣтъ, сосѣдъ! Все не то. Ты, я думаю, не слышалъ еще, что въ прошломъ году Царь Петръ Алексѣевичъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, взялъ крѣпость Орѣшекъ, знаешь, ту, которая стоитъ на островѣ, при истокѣ Невы изъ озера.

— Какой Орѣшекъ и что за Нева такая! Ты, конечно, хочешь сказать о нашей шведской крѣпости Нѣтебургъ и о нашей рѣкѣ Нienъ.

— Ну да, да. Вы такъ ихъ называете по-вашему. Только Нетебургъ-то не шведская уже нынче крѣпость, а русская, и

зовуть ужъ ее нынче Шлиссельбургомъ, Шлюсебургомъ или Шлюшиномъ, какъ-то этакъ.

Карлъ Карловичъ началъ сильно жевать.

— Я полагаю, любезный сосѣдъ, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія: что все это одни слухи и что даже, можно сказать, все это неправда.

— Какъ неправда, Карлъ Карловичъ! Это такъ же вѣрно, какъ то, что ты теперь сидишь противъ меня, въ моей избушкѣ. Я самъ долго не вѣрилъ, но вышло на повѣрку, что все это такъ.

— Это жаль, очень жаль! сказалъ Карлъ Карловичъ. Я слышалъ, что Нѣтебургъ весьма хорошая крѣпость. Ну что жъ дѣлать! Если ее и въ самомъ дѣлѣ отвяли у насъ Русскіе, такъ, Богъ съ ней. У нашего короля крѣпостей много и безъ Нѣтебурга.

— Еще слышалъ я, сосѣдъ, что Царь Петръ Алексѣевичъ добирается и до Нѣншанца, и что онъ хочетъ всю эту сторону до самаго взморья завоевать. Но я этому и самъ не вѣрю.

— Не вѣрь, любезный сосѣдъ, не вѣрь! Все это неосновательные слухи и даже, можно сказать, пустяки.

— Ну, а если эти слухи сбудутся, то мнѣ ужъ заѣсь тогда не житье. Тогда придется съ тобою проститься, Карлъ Карловичъ, бросить мою избушку и бѣжать съ сыномъ, куда глаза глядятъ.

— Бѣжать!. Для чего бѣжать? Это, любезный сосѣдъ, по моему мнѣнію, совсѣмъ не нужно и даже, можно сказать, совершенно неблагоуразумно. Что жъ я тутъ одинъ стану дѣлать? Мнѣ вѣдъ будетъ безъ тебя очень скучно и даже, можно сказать, весьма грустно.

Карлъ Карловичъ сильно зажевалъ, и на глазахъ его навернулись слезы.

— Мнѣ и самому грустно будетъ съ тобою разстаться, сказалъ Ицъ Сергѣевичъ: да что станешь дѣлать! По плачу и разстанусь съ тобою.

— О чемъ плакать! Плакать мужчине никогда не должно и даже, можно сказать, очень неприлично и стыдно.

Говоря это, Карлъ Карловичъ ладонью дрожащей рукой стёръ слезу, покатавшуюся по его носу.

— Ну! что будетъ, то будетъ! сказалъ Илья Сергѣевичъ, махнувъ рукой. Только не говори, пожалуйста, сосѣдъ, ничего твоими дѣтями, и никому не говори, хоть правда здѣсь и говорилъ-то во кону. Сторона-то не очень людная.

— Это правда! замѣтилъ Карлъ Карловичъ. Совсѣмъ не людная и даже, можно сказать, совершенно пустынная. Ты да я, да наши дѣти, да иногда Чухонецъ изъ деревни, да нѣдка солдатъ изъ крѣпости, или медвѣдь изъ лѣсу.

Довольный своею острою, Карлъ Карловичъ засѣлся медленнымъ, стариковскимъ смѣхомъ, потомъ зажевалъ и въ заключеніе закашлялся.

— А! вотъ и наши! сказалъ между-тѣмъ Илья Сергѣевичъ, глядя въ окно на рѣчку.

Василій и Густавъ, пераши съ удаей въ руки, второй съ ружьемъ, причалили къ берегу и вынырнули изъ лодки. Густавъ былъ годани двумя старше Василья. Лицо его было очень пріятно и правильно. Бѣлокुरые, выющіеся волосы доставали до его плечъ. Вскорѣ они вошли въ избу. Василій поставилъ на полъ небольшую кадочку съ водою, въ которой плавало нѣсколько сиговъ и окуней, а Густавъ, вынувъ изъ охотничьей сумки, трехъ рябчиковъ и тетерева, положилъ ихъ на столъ, передъ отцемъ своимъ.

— Вотъ это хорошо! сказалъ, жуя, Карлъ Карловичъ и рассматривая застрѣленныхъ птицъ одну за другою. Вотъ это очень хорошо! Теперь у насъ есть рябчики и даже, можно сказать, у насъ есть тетеревъ.

— А вотъ и я здѣсь! сказала серебристыми голосомъ Христина, прыгнувъ изъ дверей къ избу. Что ты, братецъ, настрѣлялъ? Посмотри! продолжала она, прижавшись проторно перебрать дичь. Немного же! Всего четыре штуки!

— Да! Немного! Ты бы сама пошла въ лѣсъ съ ружьемъ, да настрѣляла бы побольше. Я занимаю въ полвотрону: верою берегъ; и за четыре выстрѣла принесла четыре штуки. Чего же еще тебѣ больше!

— Всё-таки мало, мало! сказала Христина, нарочно поддразнивая брата и подходя къ кадочкѣ, гдѣ плавали рыбы.

— Заладила одно—мало! Не убьешь вѣдь изъ ружья пяти штукъ разомъ. Случается иногда двухъ, но рѣдко.

— Да ужъ не оправдывайся. Я тебѣ говорю, что мало. Молчи! А сколько тутъ рыбъ наловлено? Посмотримъ. Вотъ два сига, вотъ еще сижокъ маленький, вотъ окуни. Сколько ихъ? Разъ, два, три, семь, девять, двѣнадцать... И не пересчитаешь!

— Тутъ всего восемь окуней, замѣтилъ Василій.

— Нѣтъ не восемь, а больше. Молчи, Василій Ильичъ! Зачѣмъ ты себя обсчитываешь?

— Да я не обсчитываю.

— Обсчитываешь, обсчитываешь! Не надобно спорить со мной. Вѣдь ты это знаешь.

— Ахъ какая ты болтушка! сказалъ Карлъ Карловичъ послѣ достаточнаго жеванья. Я тебя ужъ нѣсколько разъ увѣщевалъ, что спорить и обсчитывать очень неприлично и даже, можно сказать, глупо.

— Да я не обсчитываю батюшка, я напротивъ прибавляю окуней трехъ или четырехъ лишнихъ.

— Ну вотъ, лишнихъ! Опять лишнихъ! И лишнее нельзя похвалить ни въ какой вещи. Во всякой вещи и недостатокъ нехорошъ, да и лишнее нехорошо. Всякая вещь должна быть ни больше ни меньше, какъ ей быть слѣдуетъ. А ты вотъ, внутренница, ничего не разсуждаешь.

— Да за что же вы меня браните, батюшка? Что я такое сдѣлала? Я только сказала, что братъ настрѣлялъ дичи мало, а Василій Ильичъ наловилъ рыбы хоть пенного, однако жъ довольно, то-есть, ни больше, ни меньше, какъ слѣдуетъ.

— Ну, ну, тебя не переспоришь. Ты извѣстная болтушка. Поди-ка лучше, приготовляй обѣдъ.

Христина схватила дичь со стола и, словно птица, улетѣла изъ комнаты. Карлъ Карловичъ, поддерживаемый Густавомъ, побрелъ за нею слѣдомъ, простясь съ Ильей Сергѣевичемъ и его сыномъ.

III.

Наступила ночь. Небо обложилось дождевыми тучами. Мѣсяцъ выглядывалъ по временамъ изъ-за нихъ и опять прятался за чернѣйшій ихъ завѣсъ. Въ одной изъ избушекъ свѣтился еще огонь. Лучи его падали полосою на рѣчку и слабо освѣщали на противоположномъ берегу густые кустарники и нижнїя вѣтви деревъ. Безмолвіе лѣса было нарушаемо протяжнымъ воемъ волковъ.

— Тѣбу, какъ они развылись сегодня, оказанные! Видно чуютъ войну и добычу, сказали Илья Сергѣевичъ своему сыну. — Ну, такъ что жъ ты скажешь, Вася? Я тебѣ все открылъ, покаялся я передъ моимъ сыномъ во всемъ, что у меня лежитъ на совѣсти. Теперь подумай хорошеенько. Не лучше ли тебѣ здѣсь остаться? Тебѣ Русскихъ нечего бояться, коли они эту сторону завоюютъ; ты ни въ чемъ не виноватъ. Что тебѣ со мной по бѣлу-свѣту, безъ пристапца, какъ нищему, таскаться. Останься, Вася, а я уйду одинъ.

— Нѣтъ, батюшка, ни за что! воскликнулъ сынъ, вскочивъ въ сильномъ волненїи со скамейки. Если придется тебѣ уйдти отсюда, и я пойду съ тобой. Ты ужъ старъ. Кто тебя будетъ кормить безъ меня, кто будетъ ухаживать за тобой, если ты неверно занеможешь. Нѣтъ! нѣтъ! Не говори, не убѣждай! Не останусь, ни за что не останусь!

Старикъ схватился за голову обѣими руками, зарыдалъ и бросился обнимать сына. Слезы умиленїя, сладостныя слезы, давно уже старикомъ забытыя, полились изъ глазъ его.

— Вижу, Господи! говорилъ старикъ, всхлипывая и прижимая сына къ груди своей: что ты еще не оставилъ грѣшника. Благодарю Тебя, изъ глубины души благодарю, что Ты даровалъ мнѣ такого сына. О! какъ я счастливъ!

— Пусть прїйдутъ сюда Русскїе! сказалъ съ жаромъ Василій. Неужели они такъ злопамятвы, что вспомнить теперь то, что было съ тобою въ старые годы, и стануть мстить тебѣ.

Я увѣренъ, что тебя оставятъ въ покоѣ. Неужели въ русскоя Царѣ нѣтъ милосердія? Пусть придутъ Русскіе! И если бѣ они не постыдились тебя преслѣдовать, то первому, кто на тебя наложитъ руку, я прострѣлю сердце.

— Не говори такъ, Вася! Грѣшно такъ говорить! Не забудь, что Русскіе—наши земляки, наши единокровные. Меня осудили на казнь справедливо, за мое преступленіе. Русскіе повинуются, Вася, что отецъ твой былъ преступникъ, что онъ блудецъ.... измѣнникъ!....

Старикъ схватился за голову и началъ быстро ходить по комнатѣ.

— Чѣмъ это, батюшка, такое? воскликнулъ вдругъ обитъ. Чу! Слышите ли? слышите ли какая выдала пальба?

Старикъ подошелъ къ окну, раскрылъ его и сталъ прислушиваться.

Пальба усилилась. Гулъ пушечныхъ выстрѣловъ перешивался юрлаленнымъ грономъ и сдѣлался съ обитымъ ружейнымъ огнемъ.

— А! это вѣрно они! сказалъ старикъ и сѣлъ на скамееку, отирая выступившій на лицѣ холодный потъ.

— Кто они?

— Русскіе.

— Почему знать. Можетъ-быть шведскіе корабли идутъ сюда, и подають сигналы крѣпости.

— Нѣтъ, нѣтъ, это Русскіе! Минь совѣсть сказала.

Черезъ четверть часа постучались въ дверь пѣбы. Дверца отворилась. Вошелъ торопливо Густавъ съ свѣтлымъ оживленіемъ, съ ружьемъ въ рукѣ. За нимъ явился слѣдомъ Наръ Карловичъ въ кофтанѣ и въ холстяной фуфайкѣ. Его вела дочь подъ руку. Старикъ совсѣмъ захыхался отъ торопливости и отъ переполоха. Онъ только что началъ засыпать, какъ дѣти, умышленно пушечные выстрѣлы, его разбудили.

— Слышите пальбу? сказалъ Густавъ.

— Ничь не слышать, отвѣтилъ Василій.

— Чѣмъ же бы это значило?

— Батюшка думаетъ, что Русскіе подступаютъ.

— Какъ Русскіе! воскликнулъ Карлъ Карловичъ и снялъ колпакъ съ головы его исууга.

— Не думаю, сказалъ Густавъ: однако жъ не шло бы удостоверитья.

— Да, да, не шло бы! повторилъ Карлъ Карловичъ, махая на себя колпакомъ, потому что его бросило въ жаръ.

— Не хочешь ли ѣхать со мною въ лодкѣ? спросилъ Густавъ. Мы выѣхали бы на Неву и взглянули бы что тамъ дѣлается.

— Что за Нева такая! заиѣтилъ Карлъ Карловичъ. Сколько разъ твержу я, что надобно говорить Ниевъ. Ахъ, какъ мнѣ жарко!

— Ѣхать мнѣ съ нимъ? спросилъ Василій отца своего, который сидѣлъ неподвижно у окна, и въ глубокомъ молчаніи слушалъ гремѣвшую вдали пальбу.

— Побѣжай, мой сынъ, если хочешь, отвѣчалъ ирачно Илья Сергѣевичъ.—Ахъ, если бъ это были не Русскіе!

Василій взялъ ружье свое, зарядилъ его патрономъ, который далъ ему Густавъ, и вышелъ съ нимъ вмѣстѣ. Они сѣли въ лодку и поплыли.

— Братецъ, братецъ! раздался голосъ Христины, которой головка появилась въ растворенномъ окошкѣ.—Батюшка велѣлъ тебѣ сказать, чтобы ты не ѣздилъ въ такія мѣста, гдѣ есть опасность. Слышишь ли?

— Слышу! крикнулъ Густавъ въ отвѣтъ и началъ сильнѣе грести веслами. Они выплыли на Большую Неву и увидѣли, вдали, что со стѣвъ и земляныхъ валовъ Ниешанца сверкали непрерывно пушечные выстрѣлы. Прерывчатый блескъ ихъ освѣщалъ облака бѣлаго дыма, которыя клубами громоздились надъ всею крѣпостью и ярко обрисовывались на небѣ, покрытомъ черными тучами.

— Что это значитъ? воскликнулъ Густавъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, Русскіе!

— Очень быть можетъ! сказалъ Василій. Подплывемъ ближе къ крѣпости и посмотримъ.

— А ты не боишься? спросилъ Густавъ.

— Чего же бояться? На рѣку даромъ стрѣлять не стануть. Если нападаютъ на крѣпость, то конечно съ сухаго пути.

Они поплыли далѣе. По мѣрѣ движенія лодки, крѣпость все явственнѣе и явственнѣе обрисовывалась. Видно было, что ее окружили нападающіе. Наши пловцы уже начали различать солдатъ, суетившихся на стѣнахъ, и канонеровъ, которые то прочищали орудія, то заряжали ихъ, то наносили фитили на затравки. Пальба рокотала, какъ громъ.

— Посмотри, посмотри! вскричалъ Василій. Чтò это за огненныя змѣи на небѣ? Видишь ли, какъ взвиваются снизу, летятъ дугой и падаютъ въ крѣпость!

— Это, безъ сомнѣнія, бомбы. Поплывемъ еще подалѣе, и посмотримъ: откуда онѣ летаютъ?

Они поровнялись наконецъ съ батареей, на которой увидѣли преображенскихъ солдатъ, и насчитали на ней двѣнадцать мортирь. Изъ всѣхъ этихъ мортирь стрѣляли залпами, и двѣнадцать огненныхъ змѣй разомъ взвивались съ батареей въ воздухъ, при оглушительномъ громѣ. Батарея стояла бокомъ къ Невѣ, почти на самомъ берегу. Вдругъ нѣсколько брандскугелей, брошенныхъ изъ мортирь, разлили ослѣпительный блескъ на всю батарею. Стало свѣтло, какъ днемъ или, лучше сказать, какъ при неперестающей молніи. Густавъ и Василій ясно рассмотрѣли тогда капитана, который стоялъ на краю батареи, со шпагой въ рукѣ, и командовалъ солдатами. Подлѣ него видѣнъ былъ другой офицеръ, который, почтительно выслушавъ приказанія капитана, подходилъ то къ одной мортирѣ, то къ другой, и потомъ опять возвращался къ капитану. Оба они были высокаго роста, но капитанъ былъ выше офицера. Черные волосы развѣвались изъ-подъ его невысокой, трехугольной шляпы. Того же цвѣта усы и густыя брови придавали ему видъ нѣсколько суровый, но вмѣстѣ съ тѣмъ на всемъ лицѣ его было разлито какое-то необыкновенное величіе. Ни Василью, ни Густаву конечно не могло никакъ прійти въ голову, что они видятъ капитана и поручика бомбардирской роты преображенскаго полка: Петра Великаго и Меншикова.

Съ неизобразимымъ любопытствомъ и съ тайнымъ, какинъ-

то пріятнымъ страхомъ смотрѣли они на грозное и величественное зрѣлище. Кровь ихъ сильно волновалась. Они совершенно забылись. Съ берега никто ихъ не замѣчалъ, потому-что глаза всѣхъ обращены были на крѣпость; да если бъ и замѣтилъ кто, то два челоуѣка, сидѣвшіе неподвижно въ лодкѣ, не обратили бы на себя никакого вниманія. Наконецъ, довольно близко отъ нихъ прожужжало ядро. Въ-слѣдъ за нимъ другое взбрызнуло высокими столбомъ вспѣнную воду, саженьяхъ въ четырехъ отъ нихъ лодки.

— Не пора ли намъ назадъ? сказалъ Густавъ.

— Да кажется, что пора. Вѣдь передъ нами не потѣшное сраженіе, а настоящій приступъ.

Густавъ круто поворотилъ лодку, удалился къ другому берегу и быстро поплылъ внизъ по Невѣ.

— Какъ бы желалъ я быть на той баттарей, сказалъ Василій: подъ командой этого высокаго офицера, который стоялъ на краѣ такъ спокойно, какъ будто бы изъ крѣпости стрѣляли холостыми зарядами. Онъ долженъ быть очень храбрый челоуѣкъ.

— А я очень бы желалъ быть теперь на стѣнѣ Ніеншанца, сказалъ Густавъ.

— Для чего такъ?

— Для того, чтобы отражать Русскихъ. Ахъ, если бы ихъ порядкомъ разбили!

— Ну посмотри, что они возьмутъ Ніеншанцъ!

— Не бывать этому!... Сто чертей!... *

— А вотъ, увидишь.

— Не спорь со мной, Василій! Мы поссоримся. Ты забылъ, кажется, что во мнѣ шведская кровь?... Тысяча бочекъ чертей! **

— А ты, Густавъ, забылъ что во мнѣ русская?

— Ты подданный нашего короля.

— Не присягалъ я вашему королю!

— А отецъ твой?

* Шведское народное восклицаніе.

** Шведское же народное восклицаніе, слѣдующее по порядку и по силѣ его желѣдъ за первымъ, которое приведено выше.

Этотъ вопросъ обличилъ холодною сарказмою Василия Григориченный зрѣльщикъ битвы, подавленный смѣшаннымъ впечатлѣніемъ, онъ позабылъ все на свѣтѣ; позабылъ даже объ участіи, ожидающей его отца, въ случаѣ побѣды Русскихъ. Они здумались. Молча приплыли они домой.

— Ну что? спросили въ одинъ голосъ старикъ-отецъ иль и Христина, когда Густавъ и Василій вошли въ комнату.

— Русскіе! сказалъ Василій.

— Русскіе!... Боже мой! воскликнулъ Илья Сергѣевичъ.

— Неужели Русскіе въ самомъ дѣлѣ, Густавъ? спросила Христина, устремивъ умоляющій взоръ на брата, какъ будто его упрашивая, чтобы онъ отвѣчалъ противное.

— Ну да, конечно Русскіе! Надѣюсь впрочемъ, что иль отобьютъ. Изъ крѣпости пальба такая, что небу жарко.

— Да, да, жарко! повторилъ разслушавшій только послѣднее слово Карлъ Карловичъ, дрожа и махая на себя коммандою. — Мнѣ очень жарко! Русскіе! Ахъ Боже мой! Да это ужасно и даже, можно сказать, чрезвычайно плохо! Судя по гибели и бѣда!

Всю ночь не смыкали они глазъ, потому-что пальба продолжалась до разсвѣта. Въ пятомъ часу утра (это было 5-го Мая 1703 года) крѣпость Нienшанць сдалась Петру Великому. По поданіи напутіи фельдмаршаломъ графомъ Шереметевымъ, преображенскій полкъ занялъ городъ, а Семеновскій введенъ былъ въ контръ-эскарпъ. Побѣдителямъ достались восемьдесятъ-двѣ пушки, нѣсколько мортиръ и множество разныхъ военныхъ припасовъ.

IV.

Когда оба старика, утомленные тревожною, безсонною ночью, легли наконецъ и уснули; когда Христина, сидя у стола и протянувъ на немъ свою бѣлую ручку, прилегла на это мягкое изголовье разгорѣвшеюся отъ тревоги щекой и погрузилась въ сонъ, Василій и Густавъ вышли вѣжливо на берегъ,

снега сѣли въ лодку и отъправились по рѣкѣ на Неву. Солнце уже поднялось изъ-за лѣса и осыпало радужную-отъ утреннаго вѣтерка рѣчку дождемъ ослѣпительно-блестящими искры. Воздухъ былъ напоенъ весеннею свѣжестью; птичка громко пѣла въ лѣсу, нисколько не заботясь, что война нагрянула на пустынную, спокойную сторону, гдѣ онѣ вили свои гнѣзда.

— Позавидуешь птицамъ! оказалъ Василій. Вѣчно веселы, вѣчно поютъ. Не то, что мы, бѣдные люди. Какъ бы эти пѣвушки могли понять, что у меня и у тебя теперь на сердцѣ; то на-вѣрное перестали бы пѣть.

— Да, признаюсь! сказалъ Густавъ. Въ сердцѣ у меня теперь такая тревога и тоска, что въ воду готовъ прыгнуть. Чтѣ-то, отстояли ли Ниешанцы?

— А вотъ, увидимъ, продолжалъ Василій. Не знаю, чтѣ дѣлается со мною! Боюсь, чтобы Русскіе не взяли крѣпости, и желаю, чтобы они ушли отсюда, а сердце вотъ такъ и дрожитъ отъ радости при мысли, что ны, можеть быть, увидимъ теперь на стѣнахъ Ниешанца русское знамя.

Густавъ взмурлыкалъ и преворчалъ савоезъ зубокъ:

— Будь спокоенъ, не увидимъ!

Онъ выскочилъ на Неву и пошелъ къ Ниешанцу, чтобы взглянуть чтѣ тамъ дѣлается.

— Смотри, смотри, Густавъ! вскричалъ вдругъ Василій радостно. Какой на крѣпости-то флагъ? Вѣдь бѣлый, съ двумя-лапыми орлами.

— Ты ошибаешься, возразилъ тотъ, напрягая въ даль зрѣніе.

— Да ужъ не ошибаюсь! Крѣпость взята! Ай да наши!

— Послушай! Ты лодку опречкинешь. Ну для чего ты вспочилъ? Я съ тобой поссорюсь, если будешь такъ глумо-радоваться, какъ-будто помѣшанный.

— Ахъ, Густавъ, не сердись! Я въ самомъ дѣлѣ боюсь помѣшаться. Какъ подумалъ о русскомъ Царѣ, о нашихъ чудесахъ рассказывають; какъ подумалъ, что я Русскій; какъ вспомню: помошь объ снѣгъ, что съ выдѣсьи подлащивають те, признаюсь, сердце разрывается на части, и затѣ станава. а. а. вотъ такъ и хочется заплакать.

Въ это время замѣтивъ, что ихъ догоняютъ двѣ шестисельные лодки, они принялись грести изъ всѣхъ силъ, но лодки, ихъ преслѣдовавшія, были гораздо быстрѣе на ходу. Вотъ онѣ, все ближе и ближе къ нимъ, съ каждою минутою! Василій и Густавъ разсмотрѣли въ обѣихъ лодкахъ какихъ-то офицеровъ; вмѣсто гребцовъ, сидѣли на скамейкахъ солдаты въ зеленыхъ мундирахъ, съ красными воротниками, и, вложивъ подлѣ себя ружья, дружно взмахивали веслами, а на кормѣ каждой лодки стоялъ усачь-капраль и правилъ рулевъ.

— Кажется, они прямо ѣдутъ на насъ? . сказалъ Василій.

— Кажется, такъ, отвѣчалъ Густавъ. Чего они хотятъ? Не вѣзаться ли намъ за ружья? Уйдти отъ нихъ, я вижу, невозможно.

— За ружья? Что ты! Можно ли намъ двумъ защищаться противъ столькихъ.

Въ это время одна лодка обогнала ихъ, перерѣзала имъ дорогу и кто-то закричалъ по-шведски «Стой! Причаливай сюда!»

Густавъ взялъ въ руки ружье, а Василій, правя весломъ, подѣхалъ къ лодкѣ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ офицера, который разсматривалъ ихъ внимательно.

— Ахъ, ты Русскій? сказалъ офицеръ.

— Русскій.

— И ты также? продолжалъ офицеръ, обратясь къ Густаву.

— Нѣтъ, я Шведъ.

— Шведъ, а между-тѣмъ говоришь такъ чисто на нашъ языкъ.

— Съ дѣтства все жилъ вмѣстѣ съ Русскими, такъ и научился ихъ языку.

— Что вы за люди?

— Здѣшніе жители, отвѣчалъ Василій.

— Давно ли вы въ этой сторонѣ живете?

— Я выросъ въ здѣшней сторонѣ. Вѣроятно, дѣдъ мой или прадѣдъ былъ въ числѣ тѣхъ Русскихъ, которые уступили Швеціи по Столбовскому миру.

— А зачѣмъ у васъ ружья?

— Мы охотники.

— Вот что! Ну слушайте, любезные! Вы конечно, очень хорошо знаете здѣшнюю сторону, всѣ тропинки въ лѣсахъ, всѣ острова и островки, всѣ рѣки и рѣчки. По-этому, одинъ изъ васъ сядетъ ко мнѣ въ лодку, а другой вотъ въ ту, которая теперь подъѣзжаетъ къ намъ. Намъ нужно подробно осмотрѣть всѣ здѣшнія мѣста. Вы будете нашими языками. Ну, перелѣзай же хоть ты, Русскій, ко мнѣ. Вотъ, подполковникъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ преображенскому офицеру, сидѣвшему въ другой лодкѣ: я и нужныхъ для насъ языковъ досталъ. Бери къ себѣ этого Шведа.

— А если я не позволю, чтобы меня взяли, сказалъ гордо Густавъ.

— Ну такъ тебя сейчасъ же убьютъ, любезный, если станешь противиться. Вы теперь оба мои плѣнные, такъ ужъ по неволѣ надобно меня слушаться. Я шлюссельбургскій губернаторъ Меншиковъ. Если исполните ваше дѣло хорошо, и будете вѣрными языками, то я черезъ нѣсколько дней отпущу васъ. Если же какъ-нибудь измѣните, насъ обманете или наведете на непріятельскую засаду, то сейчасъ же велю васъ разстрѣлять. Впрочемъ, вы, кажется, оба добрые малые. Надѣюсь, что мы съ вами не посоримся.

Василій весело прыгнулъ въ лодку Меншикова, а Густавъ, надувшись, пересѣлъ въ другую лодку, которою командовалъ преображенскій подполковникъ Карповъ, тотъ самый, который, за полгода передъ тѣмъ, бывши еще майоромъ, отличился при взятіи Шлюссельбурга и былъ тогда тяжело раненъ. По приказанію Меншикова, у Василья и Густава отобрали ружья и положили въ нѣхъ лодку, которую привязали къ корнѣ лодки Карпова. Поплыли. При истокѣ Большой Невки изъ Невы, Меншиковъ и Карповъ разстались. Первый продолжалъ путь прямо, а второй повернулъ въ Большую Невку. Передъ подполковникомъ лежала на маленькомъ и низкомъ столикѣ доска съ наклеенною на ней бумагою; тутъ же былъ компасъ, карандашъ и нѣсколько математическихкихъ инструментовъ.

— Послушай, любезный! сказалъ Карповъ Густаву, черта

что-то карандашомъ на бумагѣ. Какой это островъ, отыщъ въво?

— У него нѣтъ никакого имени. Островъ, да и только.

— Смотри, не лгать у меня!

— Я не лгу.

— Да что ты такъ надулся, пріятель! Гляди повеселѣ. Не совѣтую со мною ссориться. Не те изъ плѣна совсѣмъ не выпустятъ. Говори же правду: какъ названіе этого острова?

— Я вамъ сказалъ уже, что онъ безымянный.

— А великъ ли онъ?

— Версты три слишкомъ въ длину, и болѣе двухъ въ ширину.

— Намъ надобно его объѣхать кругомъ. Указывай гребцамъ куда плыть.

У Густава лицо немного прояснилось. Намъ придется плыть мимо нашего дома, подумалъ онъ: безъ сомнѣнія, увижу отца и сестру, успѣю сказать имъ нѣсколько словъ, чтобы ихъ успокоить. Что те съ ними теперь дѣлается? «Налѣво», сказалъ онъ гребцамъ, когда они доплыли до того мѣста, гдѣ вытекала изъ Большой Невки рѣчка, на берегу которой стояло жилище Густава:

Между тѣмъ Христина, которая, какъ было сказано, уснула, сидя у стола, раскрыла глаза, осмотрѣлась, вспомнила всю ночную тревогу и встала отъ безпокойства. Карлъ Карловичъ еще спалъ. Дѣвушка встала изъ хажки, боязливо посмотрѣла во все стороны. Ни души!—Куда братъ Густавъ дѣвался?—подумала она, едва удерживая слезы.—Оставить насъ одного, когда мы въ такой опасности, когда, того и смотри, придутъ сюда Русскіе.

— Братъ, братъ! закричала она. Гдѣ ты? Поди сюда! Мнѣ страшно..

Налѣво отъѣха. Вездѣ глубокое молчаніе; только воробей перкалъ на ближней селѣ. Сердце у нея сжалось отъ страшнаго печальнаго предчувствія. Ей казалось, что вотъ стѣнутся и выскочатъ изъ-за деревьевъ русскіе солдаты и ее схватятъ. Въ это время Илья Сергѣевичъ вышелъ изъ своей избы.

— Ахъ, Илья Сергѣевичъ! воскликнула дѣвушка. Какъ радъ

я, что вы выпили. Нику братца. Ушелъ куда-то, бросилъ насъ, и въ какое время!

— И моего сына нѣтъ нигдѣ. Куда это они въ самомъ дѣлѣ ушли? Ба! Да вотъ и лодки нашей нѣтъ. Вѣрво они уѣхали опять на Неву.

Голова Карла Карловича, въ колпакѣ, высунулась изъ окошка.

— Доброе утро, сеедѣ любезный! Ну что? Русскихъ еще не видно? Помилуй, Господи, всѣхъ насъ, грѣшныхъ!

— Авось, въ такую глушь не скоро еще придуть Русскіе, если бѣ даже и успѣли они взять Нюеншанць. Что-то тамъ дѣлается. Нальбы давно ужъ не слышно.

Карлъ Карловичъ, въ синемъ нѣмецкомъ кастанѣ, съ пѣдыными большими пуговицами и съ зелеными заплатами на локтяхъ, вышелъ изъ своей хижинки.

— А гдѣ Густавъ? спросилъ онъ у Христини.

— Не знаю, батюшка! отвѣчала та печально.

— Какъ—не знаю! Ты должна знать, когда я тебя спрашиваю.

— Вѣроятно, наши сыновья воѣхали опять на Неву, сказалъ Илья Сергѣевичъ.

— Какъ на Неву! воскликнулъ Карлъ Карловичъ и сильно зажевалъ отъ безпокойства. — Что имъ дамись эта Нева! Такое ли теперь время, чтобы по ней кататься! Во-первыхъ, надобно замѣтить, что Невы не существуетъ, а есть рѣка Нисъ, какъ я говорилъ тысячу разъ, а во-вторыхъ, вѣдь теперь на Нисѣ, когда тамъ сражаются, это сапционъ опасно, сибѣ, безусловно, и даже, можно сказать, глупо. Я скорѣе думаю, что мой Густавъ и твой сынъ ушли на охоту.

— А вотъ я, Карлъ Карловичъ, проберусь черезъ островъ, сквозь лѣсъ, до берега Невы, и взгляну самъ, что тамъ дѣлается. Можетъ-быть, и встрѣчу нашихъ сыновей.

Онъ вошелъ въ свою пѣзу, надѣлъ черезъ плечо кожаную перевязь со старою, заржавѣвшею саблею, нахлобучилъ шляпу, сѣлъ въ челнокъ, переправился на другой берегъ рѣки и скрылся въ тѣнѣ лѣса.

— Батюшка, батюшка! закричала вдругъ Христина: сюда плывутъ въ лодкѣ солдаты. Убѣжимъ!

— Гдѣ, гдѣ они?

— Вотъ, вотъ, ужъ близко! Видите ли выѣзжаютъ изъ-за лѣса. Убѣжимъ, убѣжимъ скорѣе!

— Ты знаешь, любезная дочь, что я бѣгать не могу. Они ужъ близко, конечно видѣли насъ, и такъ я полагаю, что бѣжать ужъ поздно. Предадимъ себя на волю Провидѣнія. Неужели эти Русскіе не пощадятъ моихъ сѣдинъ и твоей молодости, неужели убьютъ безоружнаго старика и невинную дѣвушку. Не бойся, дочь моя, не бойся!

Говоря это, Карлъ Карловичъ сильно жевалъ и дрожалъ, обнявъ одною рукою дочь, нагнувъ ея голову къ плечу своему и смотрѣлъ на приближавшуюся лодку съ солдатами.

— Батюшка! вскрикнула Христина. Ахъ Боже мой! Братъ въ этой лодкѣ! Вѣрно, Русскіе схватили его.

— Быть не можетъ! Гдѣ ты видишь Густава?

— Въ лодкѣ! въ лодкѣ! Видите ли, офицеръ съ нимъ разговариваетъ.

— Да, да, это правда! Это Густавъ! Ахъ, бѣдный мой сынъ! Что будетъ съ нимъ!

Лодка приблизилась и пристала къ берегу. Подполковникъ Карповъ и Густавъ вышли изъ лодки.

— Здравствуй, почтенный старикъ! сказалъ Карповъ, ударивъ слегка по плечу Карла Карловича. Что ты дрожишь? Не бойся насъ! Вѣдь Русскіе не людибды. Вотъ, сынъ твой просилъ меня остановиться здѣсь на минутку, чтобы сказать тебѣ нѣсколько словъ и тебя успокоить. Видишь ли, ему поручено мною нѣкоторое дѣло. Если онъ исполнитъ его честно и исправно, то черезъ нѣсколько дней я его отпущу къ тебѣ. А это дочь твоя что ли? Какая красавица!

Говоря это, Карповъ взялъ Христину двумя пальцами за подбородокъ и поднялъ ея головку, которую она потупила.

— Да, господинъ офицеръ, это дочь моя.

— Да взгляни мнѣ прямо въ лицо, красавица! Опустила рѣсницы, уставила глаза въ землю, и стоитъ, какъ пригово-

ренная къ смерти. Не бойся насъ. Мы народъ добрый. Не обидимъ.

Христина подняла глаза и робко взглянула на подполковника. При всей быстротѣ взгляда, она успѣла замѣтить, что подполковникъ былъ молодъ и статенъ, что лицо у него мужественно и очень пріятно, что глаза у него голубые, зубы ровные, бѣлые, а усы и волосы темпорусые.

— Ну, какіе глаза! продолжалъ Карповъ. Поздравляю старикъ! У тебя дочь рѣдкая красавица!

— Красота, господинъ офицеръ, сказалъ Карлъ Карловичъ: наружная красота безъ душевной есть непрочный, ничего не значащій цвѣтокъ и даже, можно сказать, пустякъ.

— Да развѣ у дочери твоей душа нехорошая? Я увѣренъ, что она умница, добренькая; что она вообще душенька.

— Она, конечно, имѣетъ очень доброе сердце, и, можно сказать, что она довольно умна, хотя и бываетъ иногда вѣтрена, неосновательна и даже, можно сказать, глупа, какъ всѣ молодые люди.

— По-этому и я глупъ?

— Я не говорю этого, господинъ офицеръ.

— Ну прощай, старикъ! Намъ пора ужъ ѣхать. О сынѣ твоёмъ не беспокойся. Только скажи ему, чтобы онъ исполнилъ хорошенько то, что поручено ему.

— Да, да, Густавъ! сказалъ Карлъ Карловичъ. Исполни все, какъ можно лучше.

— А если, батюшка, это будетъ несогласно съ присягой нашему королю.

— Какъ несогласно съ присягой! Это пустое! Этого ты никогда не сдѣлаешь.

— Да если велать, принудать.

— Ну когда велать, особенно когда велать старшіе, то приказаніе ихъ должно непременно исполнить, но исполнить такъ, чтобы все это было присягѣ непротивно и даже съ нею сообразно во всей точности. Ну прощай! Ступай съ Богомъ.

Густавъ простился съ отцомъ и сестрою, сѣлъ съ Карповымъ въ лодку, и они вскорѣ скрылись изъ вида.

— Послушай, любезный! сказалъ Меншиковъ Василію. Скажи ты мнѣ, сколько здѣсь всѣхъ острововъ при устьѣ Невы?

— Да Богъ ихъ знаетъ! Я никогда ихъ не считалъ.

— Ну, такъ теперь сосчитай. Они, вѣрно, всѣ тебѣ извѣстны.

Подумавъ немного, Василій сказалъ: Кажется, четырнадцать или пятнадцать, если считать и всѣ маленькіе.

— Направо отъ насъ все острова?

— Точно такъ.

— А налѣво?

— Налѣво — материкъ. А вотъ эта рѣчка, которая вытекаетъ изъ Невы, отдѣляетъ отъ материка большой островъ.

Говоря это, Василій указалъ на Фонтанку.

— А какъ эта рѣчка называется?

— Она безымянная.

— Куда течетъ?

— Какъ же въ заливъ, какъ и Нова. Близъ ее устья отстоитъ на взморьи чухонская деревня.

— Налѣво, въ рѣчку! скормановалъ Меншиковъ гробцамъ.

Лодка вплыла въ Фонтанку, которая тогда была собою похожа на нынѣшнюю. Она пробиралась по мѣрному между двумя необитаемыми, лесистыми берегами. Но вѣстанъ, наступившія нвы купали въ ней свои вѣтви.

У Меншикова, такъ же, какъ и у Карпова, были компасы и другіе математическіе инструменты. Плыя по Фонтанкѣ, они шуршали карандашемъ, на бумагѣ, и нащипывали. Наконецъ лодка выѣхала на взморье. Меншиковъ началъ пересчитать шайбы, и скорѣ увидѣвъ на берегу туземную деревню, о которой говорилъ Василій. Вышли на берегъ, на которомъ стояло нѣсколько часовыхъ, семидесятихъ солдатъ, въ извѣстномъ раставленіи другъ отъ друга. Они выжили за деревьями и кустарниками. Надъ одной изъ нихъ держалъ офицеръ, со зрительною трубою въ рукѣ. Меншиковъ поздравлялъ его съ собой.

— Ничъ ли чего новаго?

— А вотъ сейчасъ захотѣлъ мнѣ часовой, который мо-

сказавъ тамъ, ушаморилъ, что виданъ поплывишь какіе-то паруса.

— Пойдемъ вѣстѣи помотришь, сказала Меншиковъ.

Съ офицеромъ подошелъ онъ къ вѣту, откуда видно было вѣтромъ, взявъ зрительную трубу и началъ смотрѣть вдаль.

— Есть нѣсколько кораблей, сказалъ Меншиковъ: безъ сомнѣнія, шведскіе; но они дойдутъ сюда еще нескоро, потому что вѣтеръ слишкомъ слабъ. Отправьте сейчасъ же къ Его Величеству донесеніе.

— А уже отправилъ.

— Сколько у васъ здѣсь солдатъ?

— Три роты, которыя оставлены здѣсь Его Величествомъ дежурить сегоднѣшняго вѣтра, вечеромъ.

— Но есть тогда, когда вы прѣѣхали сюда на лодкѣ, съ семью ротами, еще прежде взятія Шеншанца?

— Почво такъ.

— Подтвердите приказаніе солдатамъ, чтобы они были какъ можно осторожнѣе и не показывались, прежде времени, приближающемуся неприятелю. Наблюдайте строго за лодками, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не лодка или чепуха не передалъ вѣстїи на шведскіе корабли, что мы здѣсь, и что Шеншанецъ уже взятъ.

Довольно долго еще разговаривалъ Меншиковъ съ офицеромъ. Тамъ временемъ въ деревнѣ, гдѣ остались гребцы Меншикова и Василій, происходилъ слѣдующій разговоръ.

— Куда это пошелъ командиръ-то нашъ? спросилъ одинъ изъ гребцовъ, преображенскій усаачъ, другаго.

— А вѣшь-ты онъ пошелъ туда съ офицеромъ, ко вѣтору, отвѣчалъ другой.

— Это я самъ вижу, безъ тебя. Я хотѣлъ сказать: для чего онъ пошелъ туда?

— Для чего? Вѣшь ты, скажи ему еще: для чего! А тебѣ что за дѣло?

— Ну, такъ. Неужто пельзя спросить: для чего?

— Можно, да не должно! сказалъ третій солдатъ, разглаживая усы.

— А что тамъ?

— Да те, что не наше солдатское дѣло разсуждать: для чего да почему. Про все то ужъ командиры знаютъ. Они за все и отвѣчаютъ. А намъ что! Скопадутъ: заряжай! — такъ заряди. Закричатъ: пали! — такъ и стрѣлай. Крикнуть: впередъ! — такъ и затягивай: ура! да ломп впередъ, хоть бы сами черти передъ тобой стояли съ раскаленными рогатинами.

— Дѣло говоришь, дядя! замѣтилъ четвертый солдатъ. Былъ я подъ Нарвой. Вотъ этакъ же многіе не слушали хорошенько команды, а видно, смекали: для чего да почему? такъ Шведъ намъ и задалъ такого трезвону, что и теперь еще затылокъ чешется.

— Вотъ тебѣ и: для чего! сказалъ второй солдатъ, ударивъ перваго по плечу. Впередъ не спрашивай: для чего? Много будешь знать, скоро состарѣешься! Самъ безграмотный, а хочеть ѣсть пряники писанные!

Солдаты захохотали. Первый солдатъ надулся, оправилъ усы и сказалъ:

— Ну, что жъ вы расхохотались, словно русалки какія! Невелика бѣда, что я теперь спросилъ неладно. А вотъ посмотришь, какъ дойдетъ до баталіи, увидишь еще, кто кого перешеголяетъ. Не спрошу, не бойсь, тогда: для чего? а такъ отличусь важно, что сами скажете: Ну, Савельичъ, собачій сынъ, всѣхъ за поясъ заткнулъ!

— Не заткнешь! возразилъ второй солдатъ. Всѣ не ударимъ лицомъ въ грязь. Опростоволосился, такъ ужъ молчи, не вилай!

— Да я не вилаю, дядя! Что ты льнешь ко мнѣ, какъ сѣра горячая. Отстань!

Сказавъ это и желая отвратить отъ себя дальнѣйшія настишки, солдатъ обратился вдругъ къ Василью и спросилъ его:

— Ну, что ты, языкъ, не говоришь ничего? Смотришь только на насъ, да глазами похлопываешь.

— Что же мнѣ говорить? сказалъ Василій.

— Какъ что! Вѣдь ты языкъ, а у языка только и службы, что говорить. За что же онъ казенную квартиру во рту

заняться? Даромъ что ли? Вотъ его, когда онъ службы своей не справляетъ!

Солдаты опять засмѣялись. Товарищъ ихъ былъ радъ, что отведъ отъ себя на другаго дождь насмѣшекъ.

— А кто ты, любезный? продолжалъ солдатъ. Русскій или Шведъ?

— Русскій.

— Коли Русскій, то какими судьбами ты попалъ сюда, въ шведскую сторону? Бѣглый что ли?

— Нѣтъ не бѣглый.

— Коли не бѣглый, такъ что жъ ты за птица задетная?

— Тебѣ дѣла нѣтъ до этого.

— Вотъ что! Дѣла нѣтъ! Видно по всему, что ты птица-то не простая. Признайся, что ты какой-нибудь перебѣжчикъ или измѣнникъ. Впрочемъ мнѣ нѣтъ до тебя дѣла. Моя изба съ краю, ничего не знаю.

Солдаты снова засмѣялись. Насмѣшки ихъ совершенно вывели Василья изъ себя. Въ это время возвратился Меншиковъ съ офицеромъ.

— Нѣтъ, я не измѣнникъ! вскричалъ Василій: не измѣнникъ, а такой же Русскій, какъ я вы! Господинъ губернаторъ! продолжалъ онъ, бросаясь къ ногамъ Меншикова: меня называютъ напрасно бѣглецомъ, измѣнникомъ, а я, клянусь вамъ, не бѣглець, не измѣнникъ, я ничѣмъ не виноватъ передъ вашимъ Царемъ. Возьмите меня въ службу, прикажите дать мнѣ ружье и тесакъ, а, когда придутъ Шведы, я покажу всѣмъ: Русскій ли я.

Меншиковъ взялъ его ласково за руки и поднялъ.

— Кто называлъ тебя измѣнникомъ?

— Они! отвѣчалъ Василій, указывая на солдатъ.

— За что? продолжалъ Меншиковъ.

— Никакъ, нѣтъ, Александръ Даниловичъ! отвѣчалъ одинъ изъ преображенцевъ: мы не называли его вправду измѣнникомъ, а такъ только болтали да трунили надъ нимъ.

— Не надобно никого напрасно обижать! сказалъ Меншиковъ строго: грѣшно!

— Слушайся, отецъ нашъ, Александръ Даниловичъ: торкнули солдаты.

— Послушай, любезный! сказалъ Мешниковъ, отвелъ Василья въ сторону: когда приходятъ сюда шведскіе корабли, то какіе подаютъ они сигналы крѣпости? Ты, на-вѣрное, замѣтилъ это, потому-что давно уже живешь въ здѣшней отрогѣ.

— Когда корабли приходятъ сюда, на взморье, отвѣчалъ Василій: то они всегда стрѣляютъ два раза изъ пушки, и изъ крѣпости имъ отвѣчаютъ также двумя выстрѣлами.

— Ты это на-вѣрное знаешь?

— На-вѣрное.

Мешниковъ подошелъ къ толстому ящику, вынулъ изъ кармана листокъ бумаги и карандашъ, записалъ то, что узналъ отъ Василья, и велѣлъ офицеру запечатать и тотчасъ же отослать въ Неншанць, къ фельдмаршалу графу Шереметеву.

Вътеръ совѣлъ стихъ. Мешниковъ увидѣлъ въ зрительную трубу, что шведскіе корабли стали вдали на якорь. Поэтому онъ рѣшился провести ночь въ деревнѣ и дожидаться другаго дня. На-завтра, втораго мая, пользуясь поднявшимся хотя и слабымъ вѣтромъ, корабли приблизились къ псковскому устью и остановились отъ него въ полуверстѣ. Изъ-за кустарника Мешниковъ наблюдалъ за неприятелемъ. Вотъ, съ борта одного корабля сверкнула красная, огненная струя; бѣлый, густой дымъ покотился клубами по морю, и эхо послѣ-сло-вдалъ выстрѣлъ. Когда дымъ, рѣдѣя, началъ подниматься и растягиваться въ воздухѣ легкимъ облачкомъ, грянула вторая пушка. Вскрѣпъ затѣвъ раздался въ отдаленіи два отвѣтные выстрѣла со стѣны Неншанца, и тогда съ адмиральскаго корабля послали боть въ деревню, чтобы взять лоцмановъ, для ввода прибывшей эскадры въ Цезу. Но едва боть успѣлъ пристать къ берегу, и едва вышелъ изъ него четверо шведскихъ матросовъ, нѣскольکو семеновскихъ солдатъ выскочили изъ-за кустарника, овладѣли ботомъ, и одного матроса схватили. Товарищи его убивали. Съ эскадры этого ничего не видали, потому-что деревню заслонялъ со стороны моря лѣсистый островъ, (нынешній Гутуевскій). Отъ

скаутеннаго патроса узнали, что эскадрона командуетъ вице-адмиралъ Нуммерсъ, и что она прислана для защиты Нюшанца. Въ вечеру два корабля отдѣлились отъ эскадры и якорь передъ самымъ устьемъ Невы. Въ рѣку не вошли они, потому-что уже стемнѣло. Между-тѣмъ вѣтеръ снова стихъ совершенно. Эскадра простояла шесть дней на якорѣ съ втораго до седьмаго мая, въ совершенномъ бездѣйствіи, за безвѣтріемъ.

Въ ночь съ шестаго на седьмое мая, тридцать ботовъ, шлюпочныхъ преображенными и семеновскими солдатами, вышли по Невѣ отъ Нюшанца. Половина изъ нихъ отдѣлилась и вѣхала въ Фонтанку; другая попала даже и пристала къ лѣвостану берегу Васильевскаго острова. Солдаты остались въ боткахъ, а Меншиковъ и подполковникъ Карновъ вышли на берегъ.

— Какая холодная ночь! замѣтилъ Карновъ.

— А вотъ скоро будетъ очень жарко, сказалъ Меншиковъ. Его Величество, я думаю, уже пробѣжалъ половину Фонтанки. Чтобы намъ не прозвнать сигнальной ракетами! Надобно такъ рассчитать, чтобы мы могли въ одно время напасть на шведскіе корабли: Его Величество отъ деревни, которая на взморьи, а мы отсюда.

— Не прикажете ли отпустить теперь нашихъ двухъ дзыкиши? Теперь ужъ они, кажется, намъ болѣе не нужны. Всѣ острова уже осмотрѣны и сняты на карту.

— Да развѣ они еще не отпущены?

— Нетъ, еще. Я до вашего приказанія не велѣлъ ихъ отпустить. Они теперь въ одномъ изъ ботовъ, подъ надзоромъ солдатъ.

— Отпустить ихъ. Неужели ихъ намъ тащить съ собою на орженіе. Только дѣшеть будутъ. Прикажете позвать ихъ ко мнѣ.

Вечеръ Василій и Густавъ подошли къ Меншикову.

— Ну, благодарю васъ, любезные друзья, за вашу службу, сказалъ имъ Меншиковъ. Теперь вы можете идти, куда хотите. Все ли отдано вамъ, что было съ вами, когда мы васъ взяли въ дѣйки?

— Нѣтъ, ничего еще не отдано, ни лодки нашей, ни ружей, отвѣчалъ Густавъ.

— Гдѣ же это все? спросилъ Меншиковъ Карпова.

— Лодка ихъ привязана къ моему катеру, а ружья сданы на сбереженіе каурагу.

— Возвратить мнѣ все и отпустить. Ну, ступайте, любезные друзья! Благодарю за службу. При случаѣ постараюсь и наградить васъ чѣмъ-нибудь, а теперь некогда.

— Если вы были довольны моею службой, господинъ губернаторъ, то можете наградить меня теперь же, сказалъ Василій.

— Тебѣ ужъ сказано, любезный, что некогда. Теперь мнѣ не до тебя. Ступай.

— Награда, о которой прошу, состоитъ въ томъ, чтобы вы позволили мнѣ сѣсть въ боть, вмѣстѣ съ солдатами, которые называли меня измѣнникомъ, и ѣхать съ ними на сраженіе.

— Ого, какой же ты храбрый! Нѣтъ, мой другъ, это сдѣлать мудрено.

— Сдѣлайте милость, господинъ губернаторъ! Увидите сами, какъ я буду драться. Прикажите мнѣ дать тесакъ, сумку съ патронами, да возвратить ружье мое.

— Нельзя, нельзя, другъ мой.

— Сдѣлайте милость! Окажите благодѣяніе!

Василій бросился къ ногамъ Меншикова.

— Что съ нимъ станешь дѣлать! сказалъ Меншиковъ, обратясь къ Карпову.

— Позвольте ему, Александръ Даниловичъ! сказалъ подполковникъ. Что жъ въ самомъ дѣлѣ. Одинъ человекъ лишній солдатамъ не помѣшаетъ. Притомъ сраженіе будетъ на водѣ, а не на сухомъ пути. И для солдатъ-то это новинка.

— Да почему ты такъ неотступно просишь? спросилъ Меншиковъ Василья.

— Послѣ узнаете! Можетъ-быть, мнѣ удастся заслужить отъ васъ спасибо, можетъ-быть, я порадую этия отца моего, который... Не спрашивайте теперь. Позвольте ѣхать, окажите благодѣяніе.

Говоря это, Василій обнималъ ноги Меншикова.

— Ну, нечего съ тобой дѣлать! Вели, Карповъ, дать ему изъ обоза тесакъ и сумку съ патронами, да возвратить его ружье.

Василій готовъ былъ запрыгать отъ радости. Онъ подошелъ къ Густаву, обнялъ его и сказалъ вполголоса:

— Прощай, другъ! Можетъ-быть, мы ужъ не увидимся больше!

Потомъ онъ прибавилъ шепотомъ:

— Скажи моему отцу, что авось заслужу я ему царское прощенье.

— Прощай, Василій! сказалъ Густавъ, обвиняя его. — Ты дѣлаешь большую глупость! прибавилъ онъ тихо: отцу не можешь, а самого убьютъ. Мудрено разбить Шведовъ. Изъ много пріѣхало на корабляхъ.

— Нѣтъ, ужъ я рѣшился! Прощай!

Густавъ удалился, а Василья посадилъ Карповъ въ боть къ солдатамъ, у которыхъ онъ былъ до того подъ надзоромъ. Ему дали ружье, тесакъ и сумку.

— А! да ты опять къ намъ, дружище! сказалъ тотъ самый солдатъ, который насмѣшками разсердилъ Василья въ деревнѣ.—Развѣ ты пойдешь съ нами въ баталію?

— Да, пойду.

— А не боишься Шведа? Вѣдь сердитъ, окаинный!

— Не боюсь! Двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать.

— Да ты, я вижу, молодець! А стрѣлять-то умѣешь?

— Въ нѣткости и тебѣ, я думаю, не уступлю.

— Ой ли!

— Увидишь.

— Да кто тебя къ намъ прикомандировалъ?

— Александръ Даниловичъ.

— А длячего?

— Опять ты, Савельичъ, спрашивать принялся: длячего? сказалъ другой солдатъ.—Смотри! опять опростоволосишься. Командиръ велѣлъ, такъ ужъ молчи, не раздобаривай.

— Забылъ, дядя! И въ самомъ дѣлѣ, чтобы не того!....

— То-то!

— Смотри-ка, дядя, смотри! Ваши ли вонъ тамъ, виднотъ, не-за-лбу-то-что поднимотъ? Никакъ ракета?

— Кажись, ракета.

Мешшиковъ и Карповъ съѣли въ передней боть, и вся компанія, въ тишинѣ, двинулася по взморью. Вскорѣ стали уже видны два шведскіе корабля, обрисовавшіеся на водѣ, едва освѣщенной занимавшеюся зарею.

— Экъ нашъ командиръ-то! сказалъ Савельичъ товарищамъ. Впереди всѣхъ летитъ.

— Не отставай, ребята! Гребн сильнѣе! крикнулъ капралъ, стоявшій на руль. Поналягте, любезные, поналягте. Разъ!.... Два!.... Разъ!.... Два!.... Два!.... Вотъ этакъ.

На шведскихъ корабляхъ ударили тревогу. Паруса-важались, фитили закурились, по поверхности залива сверкнулъ красный блескъ, какъ-будто отъ зарницы, и первый залъ грянулъ съ борта ближайшаго корабля.

— Впередъ! На abordажъ! послышался громкій голосъ Мешшкова.

— Экъ дядя! сказалъ Савельичъ. Никакъ тебя до смерти убило? Ребята! Вѣдь Кузьмича-то убило! Вишь лежить, сердечный, не шевельнется! А тебя, Сергѣичъ, никакъ задѣло картечью?

— Оцарапало руку, отвѣчалъ раненный солдатъ, морщась отъ боли! Да ты на меня-то не зѣвай, не твое дѣло! а смотри впередъ, да слушай команду.

— Глядите-ка, глядите-ка, ребята! крикнулъ Савельичъ! Кто съ другой-то стороны къ кораблямъ-то лѣтитъ. Вѣдь, ей Богу, онъ!

— Кто? спросилъ Василій.

— Да самъ Царь! Ахъ ты Господи!

— А что, ребята, ужъ не затягивать ли: ура? Или еще рано? сказалъ третій солдатъ.

Грянулъ съ шведскихъ кораблей другой залъ. Ботъ, которымъ правилъ Петръ Великій, скрылся въ бѣломъ облакѣ пороховаго дыма.

Окруженные два корабля, поднявъ всѣ паруса, усмирились

пробиться къ эскадрѣ и плыи къ ней, безпрестанно отстрѣливаясь.

— Слышь ты! сказалъ капралъ того бота, гдѣ былъ Василій. Командуютъ стрѣлять бѣглымъ огнемъ! Жарь Шведовъ! За дѣло, ребята! Прикладывайся! Пли!

— Да ты и впрямь стрѣлять мастеръ! закричалъ Саведичъ, взглянувъ на Василю: впишь какъ работаетъ.

— Куда вы! крикнулъ капралъ на гребцовъ. Вы къ кормѣ порывите! А то лѣзутъ подъ самыя пушки! Какъ шарахнутъ Шведы ядрами, такъ боть въ шельвы разлетится, а вѣдь надобно его беречь: казенный! Ну, голубчики, ну друзья и однокашники, веселѣе, веселѣе! Забрасывайте веревочную лѣстницу съ крючьями! Чу! Слышь ты! Командуютъ! Ераваты берите въ руки. А! прицѣнились къ кормѣ. Идетъ матушка-сударыня, шведская проклятая барка, теперь отъ насъ не отцѣпишься! Вотъ такъ! Ладно! Наверхъ, любезные, наверхъ богатыри! Живо!

Шведская эскадра не могла подать помощи двумъ осужденнымъ кораблямъ. Вѣтеръ былъ противный, а лавировать было невозможно по узкости фарватера. Со всей эскадры отырыли сильную канонаду по русскимъ ботамъ. Но наконецъ ее прекратили, когда дымъ покрылъ и боты и уходившіе два корабля. Въ этотъ облакъ раздавался варывы долающійся гранаты, ружейный огонь, пушечные выстрѣлы. Видѣтъ съ другими: Василій взобрался по веревочной лѣстницѣ куда-то вверху, на какую-то палубу. Въ дыму, за два шага ничего не было видно. Бромъ началъ постепенно отходить, дымное облако прорѣшаться, и вотъ, опять явились они, два шведскихъ корабля, сначала неясно, какъ два призрака, какъ двѣ черныя тѣни въ туманѣ, потомъ обрисовались яснѣе, освѣщенные лучами восходящаго солнца. На кормѣ одного корабля стоялъ, уже Платъ Василій, на кормѣ другого Маджковъ. Шведскій флагъ на обонхъ судахъ былъ спущенъ. Восторженное ура, какъ непрерывный перекатъ грома, далеко разнеслось по заливу.

VI.

— Да, да, говорилъ сидѣвшій у стола Карлъ Карловичъ Иль Сергѣевичу, который ходилъ по палаткѣ, опустивъ голову: я опять сегодня всю ночь не спалъ. Что за глупый обычай у этихъ Русскихъ производить пальбу ночью, и притомъ такую дьявольскую пальбу. Тысяча бочекъ чертей!.. Это чрезвычайно безпокойно и даже, можно сказать, неприятно. Я ужъ начинаю соглашаться съ твоимъ мнѣніемъ, что лучше намъ всѣмъ уйдти отсюда подальше.

— Тебѣ для чего уходитъ, Карлъ Карловичъ. Мнѣ—дѣло другое. Да вотъ ужъ сколько дней все сына увидѣть не удается. Сохранилъ ли его Богъ на сраженіи? Хочется взглянуть на сына въ послѣдній разъ, проститься съ нимъ, благословить его. А потомъ и пойду я, куда глаза глядятъ, пойду сложить свои старыя кости на чужой землѣ, въ какой-нибудь пустынь безлюдной.

— Нѣтъ, сосѣдь любезный! Я опять возвращаюсь къ прежнему моему мнѣнію, что тебѣ уходитъ никакъ не слѣдуетъ. Зачѣмъ тебѣ искать пустыни? И здѣсь очень хорошая пустыня, довольно безлюдная. Пальба, правда, наноситъ нѣкоторое безпокойство; но это еще не бѣда. Можно и при пальбѣ быть счастливымъ.

— Нѣтъ, батюшка! Я при пальбѣ очень несчастна! сказала Христина. Очень желала бы, чтобы Шведы или Русскіе скорѣе побѣдили; только перестали бы стрѣлять.

— Вотъ хорошо! воскликнулъ Густавъ: можно ли говорить такъ природной Шведкѣ.

— Да, да! природной Шведкѣ! повторилъ Карлъ Карловичъ, покачавъ головою.

— Вѣдь ужъ отъ моихъ желаній и словъ, возразила Христина: побѣда нисколько не зависитъ. Что Богъ судилъ, то и будетъ. Но я очень была бы рада, если бы скорѣе война кончилась, и мы могли здѣсь жить по-прежнему, спокойно и

весело. Ну даже, если бы и Русскіе побѣдили: насъ не обидятъ. Я воображала ихъ какими-то звѣрями, а они, напротивъ, такіе добрые и ласковые.

— Безъ сомнѣнія, ты судишь по одному подполковнику Карпову, который слишкомъ что-то часто насъ посѣщаетъ, сказалъ Густавъ, иронически улыбувшись.

Христина покраснѣла.

— Да, да! замѣтилъ Карлъ Карловичъ: ты судишь по одному подполковнику! Какъ можно судить по одному подполковнику! Это глупо, нелѣпо и даже, можно сказать, неосновательно!

— Чтò жъ такое! возразила Христина, взглянувъ съ досадою на брата и нахмуривъ тоненькія брови. Подполковникъ въ самомъ дѣлѣ очень добрый человекъ.

— Конечно добрый, но Русскій, а ты Шведка.

— Но Русскій, да, да! но Русскій! повторилъ Карлъ Карловичъ, сильно зажевавши: а ты Шведка и даже, можно сказать, вѣтренница.

— Да за чтò же вы меня браните, батюшка? сказала Христина, отошла къ окну и начала смотрѣть на рѣчку, тихонько отирая выступавшія изъ глазъ слезы.

— Чѣмъ-то кончилось сраженіе? сказалъ Густавъ, вздохнувши. Пальба давно уже замолкла.

— Давно уже замолкла, это правда! замѣтилъ Карлъ Карловичъ. Я очень радъ! Теперь можно и уснуть. Цѣлую ночь мы не спали, а въ мои лѣта это очень нездорово и вредно.

Карлъ Карловичъ зѣвнулъ. Въ это время Василій вошелъ въ избу.

— Сынъ! Любезный сынъ! воскликнулъ Илья Сергѣевичъ, въ восторгѣ бросился къ вошедшему и заключилъ его въ свои объятія. Долго обнимались они молча и плакали.

— Расскажи, расскажи, любезный сынъ, что было съ тобою? спросилъ наконецъ Илья Сергѣевичъ, положивъ руки на плеча Василя и глядя въ него, какъ бы желая удостовѣриться: точно ли онъ видитъ передъ собою сына.

— Ну чтò? Разбиты? сказалъ Густавъ.

— Разбиты!

— Русскіе?

— Нѣтъ, Густавъ! Два шведскіе корабля взяты, и теперь ихъ ведутъ къ Ніеншанцу, а всѣ прочія неприятельскія суда подняли паруса и ушли въ море.

— А что, Василій Ильичъ, я думаю, очень страшно на сраженіи? спросила живо Христина, съ блестящими, отъ любопытства глазами.

— Нѣтъ, нисколько не страшно! Я себя же помнилъ. Правду сказать, дрогнуло сердце при первыхъ выстрѣлахъ, а тамъ, какъ пошло, какъ пошло, такъ ужъ и трава не расти! Крикъ, трескъ, дымъ! Я тогда опомнился, когда увидѣлъ, что я и солдаты на палубѣ; что Царь стоитъ на корнѣ, губернаторъ Меншиковъ на другой. Слышу, кричатъ всѣ: ура! Сердце отъ радости запрыгало, и я началъ со всѣми прочими кричать, что было омы: ура! Вскорѣ плѣнныхъ Шведовъ съ обоихъ кораблей пересадили на боты и повезли въ Ніеншанць. Потомъ пересѣли на боты и наши солдаты. Осталось ихъ на корабляхъ немного, по выбору Царя и губернатора Мейшикова. Когда я подошелъ къ веревочной лѣстницѣ, чтобы спуститься съ корабля, Меншиковъ меня увидѣлъ и спросилъ капрала: «Ну, что этотъ волонтеръ, каково велъ себя въ сраженіи?» Капралъ сказалъ въ отвѣтъ: «Похаять нельзя. Отъ другихъ не отставалъ.» Тутъ губернаторъ Меншиковъ потрепалъ меня ласково по плечу. «А можно ли мнѣ теперь,» спросилъ я его, «побывать дома и повидаться съ родителемъ?» Губернаторъ усмѣхнулся и сказалъ: «Ступай, любезный, на всѣ четыре стороны. Ты вѣдь не въ службѣ.» Да еще потрепалъ меня по плечу. Такой, право, добрый и ласковый! У меня слезы навернулись. Я ему поклонъ, да и спустился въ боть. Когда мы поплыли, то Царь и Меншиковъ начали на взятыхъ корабляхъ командовать. Солдаты, которые тамъ остались, мигомъ подняли паруса, музыканты заиграли, и корабли, одинъ за другимъ, двинулись къ устью Невы. Мы было сначала ушли отъ нихъ впередъ, но на Невѣ они насъ обогнали. Всѣ боты съ солдатами плыли на веслахъ, которые справа, которые слева отъ кораблей. Вдругъ Царь съ корнѣ крикнулъ солдатамъ: «Навара-

влага, дѣицъ съ первоею морскою вѣкторіей! — Господи Боже мой! Какъ услышали солдаты эти слова, те поднялся такой шумъ и крикъ, что и сказать нельзя! Всѣ мѣломъ вскинули, машутъ ружьями, веслами, флагами, тесачами; боты всё качаются, словно пляшутъ на волѣ, а корабли по самой срединѣ рѣки такъ и бороздятъ воду, такъ и разсыплютъ ее бѣлымъ жемчугомъ. Вскорѣ они ушли далеко отъ насъ. Выѣстъ съ солдатами и я кричалъ до того: ура, что горло заболѣло.

Во время этого разсказа, по блѣднымъ щекамъ стоявшаго неподвижно Ильи Сергѣевича текли слезы. Онъ не открывалъ ихъ. Онѣ отъ времени до времени крупными каплями падали на полъ. Когда Василій, котораго глаза блистали радостью, замолчалъ, то старикъ-отецъ его схватился за голову обѣими руками, горестно зарыдалъ и проговорилъ глухимъ, прерывающимся голосомъ:

— А я, старый грѣшникъ, а я, измѣнникъ, не могу, не смѣю радоваться побѣдѣ Русскихъ! Боже мой, Боже мой!

Радость Василья въ-мигъ исчезла при этихъ словахъ. Онъ поблѣднѣлъ; на лицѣ его изобразилось глубокое страданіе. Онъ взглянулъ на отца, заплакалъ и бросился ему на шею. Карлъ Карловичъ, не понижая чувствъ ни того ни другаго, смотрѣлъ съ добродушнымъ хладнокровіемъ старости на эту сцену. Густавъ, сирестивъ на груди руки и накурясь, ходилъ большими шагами, по горницѣ, изъ угла въ уголъ. Христинна все еще стояла у окна и глядѣла на рѣчку. Свѣтлая лицо ея выражало досаду на брата, который несправедливо укорилъ ее въ пристрастіи къ подполковнику Карпову. Услышавъ слова Ильи Сергѣевича, она быстро оглянулась, и въ тотъ же мигъ лицо ея перемѣнилось совершенно выраженіе. Другое чувство мелькнуло на немъ. Она опять оборотила лицо къ окну, и двѣ слезинки досады, висѣвшія на ея рѣсницахъ, слетѣли на щекакъ ея со слезами состраданія.

На другой день, рано утромъ, въ хижину Карла Карловича вошли Илья Сергѣевичъ и его сынъ, съ котенками за спиною.

— Доброе утро, сосѣдь любезный! сказалъ Карлъ Карловичъ. Сегодня, слава Богу, мы спали спокойно: пальбы не было. Я по крайней мѣрѣ никакого шума и громи не слышалъ.

Христина! Вѣдь не было пальбы сегодня ночью? Ты всегда первая слышишь ее и всегда меня будишь.

— Не было, батюшка.

— А гдѣ Густавъ?

— Онъ ушелъ на охоту, отвѣчала Христина.

— А мы съ сыномъ пришли съ тобою проститься, сосѣдъ? сказалъ Илья Сергѣевичъ.

— Какъ проститься! Развѣ поздороваться? Вѣдь теперь утро, кажется? Христина! Чтѣ теперь такое, вечеръ или утро? Съ этили Русскими и съ ихъ несносною пальбою совѣтъ собьешься съ толку! Спишь днемъ, ночью встаешь, вообще ведешь жизнь самую неправильную и даже, можно сказать, самую глупую. Чтѣ жъ ты молчишь, Христина?

— Чтѣ вамъ угодно, батюшка?

— Я тебя спрашиваю, чтѣ теперь такое, вечеръ или утро?

— Конечно, утро. Солнце недавно взошло.

— Такъ ты, я вижу, ошибся, сосѣдъ любезный, сказавши, что пришелъ проститься. Ты хотѣлъ сказать: поздороваться.

— Нѣтъ, Карлъ Карловичъ, я не ошибся. Мы съ сыномъ идемъ къ Выборгу, а можетъ-быть и дальше.

— Зачѣмъ къ Выборгу? Зачѣмъ дальше? А скоро ли вы сюда вернетесь? спросилъ Карлъ Карловичъ, сильно зажевавъ отъ безпокойства.

— Мы ужъ сюда никогда не вернемся, Карлъ Карловичъ!

— Никогда? повторилъ старикъ и всталъ съ своихъ деревянныхъ креселъ. Какъ это можно—никогда! Это пустяки!

— Да, любезный сосѣдъ! Жили мы много лѣтъ вмѣстѣ, въ дружбѣ и пріязни. А теперь пришла пора намъ разстаться. Простимся, обнимемся въ послѣдній разъ.

— Нѣтъ! Не хочу въ послѣдній разъ! Не хочу прощаться! Ты знаешь, что я тебя очень люблю.

— Карлъ Карловичъ въ сильномъ волненіи сѣлъ опять въ свои кресла, ворча чтѣ-то про себя.

— Избушку мою дарю я тебѣ, дорогой сосѣдъ! Грустно, куда грустно мнѣ самому разстаться съ тобою и дѣтьми твоими, да чтѣ дѣлать! Ужъ конечно, не najти мнѣ такого друга, какъ

ты. Впрочем и жить-то мнѣ немного осталось. Умру гдѣ-нибудь въ глуши, а ты помолись о душѣ моей. Прощай, Карлъ Карловичъ!

Илья Сергѣевичъ, со слезами на глазахъ, обнялъ и поцѣловалъ своего сосѣда. То же сдѣлалъ Василій. Карлъ Карловичъ все сидѣлъ по-прежнему, неподвижно въ креслахъ и ворчалъ что-то вопопалосу. Старикъ сердился, что собесѣдъ его не слушается и хочетъ уйти, оставить его одного дожидать вѣкъ на берегахъ пустынной рѣчки, гдѣ они такъ долго и такъ дружно жили вмѣстѣ. Илья Сергѣевичъ и Василій подошли къ Христинѣ, чтобы и съ нею проститься. Карлъ Карловичъ слѣдовалъ за ними взоромъ, насушивъ брови.

— Не прощайся съ ними, Христина, не смѣй прощаться! сказалъ онъ. Я не хочу, чтобы они ушли.

Удивленіе, грусть и испугъ выражались на лицѣ дѣвушки. Она ничего прежде не слыхала о намѣреніи Ильи Сергѣевича удалиться изъ этой стороны, и не знала чему приписать такую скорую и неожиданную его рѣшимость.

— Будь счастлива, Христина Карловна! сказалъ Илья Сергѣевичъ съ глубокимъ чувствомъ. Вспоминай иногда объ насъ. Я любилъ тебя, какъ родную; видѣть Богъ, какъ любилъ! Да хранишь тебя Господь милосердый! Да пошлетъ Онъ тебѣ много счастья, много радостей въ жизни!

Христина молча слушала Илью Сергѣевича, и все еще съ удивленіемъ глядѣла прямо ему въ лицо. На рѣсницахъ ея сверкнули двѣ слезинки.

— Не смѣй прощаться! повторилъ Карлъ Карловичъ, топнувъ. Они не уйдутъ. Это пустое!

— И меня не забудь, Христина Карловна! сказалъ Василій. Тяжело мнѣ разстаться со всѣми вами! Я тебя любилъ, какъ сестру, и всегда такъ буду любить, всегда буду тебя помнить, гдѣ бы я ни былъ!

Онъ взялъ Христину за обѣ руки и поцѣловалъ ее въ щеку, съ братскою нѣжностію.

— Да зачѣмъ, куда вы ухидите? сказала дѣвушка тихимъ, прерывистымъ голосомъ, въ которомъ отзывалась грусть сердца

теперь, съ нимъ разговариваетъ губернаторъ Меншиковъ. Другихъ генераловъ, которые въ лодкѣ, я не знаю. А на носу лодки подполковникъ Карновъ. Видишь ли, онъ ищетъ дотомъ глубину нашей рѣчки.

— Дячего это? Чтò они хотять дѣлать? спросила тихо Христина, не сводя глазъ съ катера, плывшаго въ это время мимо самыхъ оконъ хижны.

— Молчи, болтушка! сказалъ вполголоса Карлъ Карловичъ, слегка давнувъ костлявыми руками круглыя, прелестныя плеча своей дочери, о которыя онъ опирался. Передъ ней русскій Царь, а она вздумала разговаривать! Видишь ли, онъ оглянулся и, кажется, смотритъ на насъ. Отойдемъ отъ окошка.

— Да развѣ нельзя смотрѣть на русскаго Царя? спросила шопотомъ Христина. Вотъ ужъ лодка проѣхала мимо нашего дома.

— Замолчишь ли ты, вѣтренница!

Съ этими словами Карлъ Карловичъ взялъ Христину за руку и пошелъ осторожно, на цыпочкахъ, отъ окошка, таща за собою дочь.

Катерь скрылся за опушкой лѣса. Карлъ Карловичъ сѣлъ въ свои кресла и опустилъ руку Христины.

— Болтушка! вѣтренница! ворчалъ онъ. Не можетъ помолчать ни минуты! Русскій Царь, который воюетъ съ нашимъ королемъ, который взялъ Нѣтебургъ и Нѣншапцъ, словно ты пальцами два орѣха, плыветъ мимо, за двадцать шаговъ отъ нея и даже, можно сказать, за десять, а она болтаетъ такъ же спокойно, какъ всегда. Она, изволите видѣть, ничего не боится и смотритъ, какъ будто я въ лодкѣ плыву!

— Да чего же бояться русскаго Царя? Неужели онъ можетъ насъ чѣмъ-нибудь обидѣть? возразила Христина, потупивъ голову и надувъ свои хорошенькія губы.

— Вотъ еще! Обидѣть! Конечно, онъ насъ обижать не станетъ. Чтò мы противъ него! Червячки, мухи, букашки!

— Потому-то, батюшка, я и смотрѣла смѣло на Царя.

— Ахъ, силы небесныя! Чтò это за вѣтренница!

— Да Богъ съ вами! сказала, надувшись, Христина. Вы

сердитесь на меня, батюшка! Ну простите, поцѣлуйте меня.

— Поцѣлуйте!... Ты этого не стоишь.

— Ну такъ я начну плавать, если вы не перестанете сердиться.

Карлъ Карловичъ посмотрѣлъ на нее, съ нахмуренными бровями, погрозилъ пальцемъ, всталъ съ креселъ, взявъ обѣими руками дочь за голову и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Илья Сергѣевичъ во все время этого разговора стоялъ неподвижно близъ двери, съ поникшей головою, со сложенными накрестъ руками на груди. Василій все еще глядѣлъ въ окно.

— Далеко ли онъ? спросилъ наконецъ Илья Сергѣевичъ сына, трепетнымъ голосомъ.

— Что съ тобой, батюшка! Ты блѣдень, ужасъ, какъ блѣдень! воскликнулъ Василій, подходя къ отцу.

— Далеко ли онъ?

— Кто!

— Царь Петръ Алексѣевичъ.

— Лодка давно уже скрылась изъ виду. Я съ нея глазъ не спускалъ и ждалъ у окошка, не воротится ли она.

— О! какъ тяжело носить на совѣсти преступленіе! Какъ горько быть изиѣнникомъ! Было время, когда и я могъ смотрѣть на русскаго Царя съ любовью, преданностью въ сердцѣ, съ такимъ же чувствомъ радости, съ какимъ ты смотришь на него теперь, любезный сынъ! Не воротится уже для меня это время! Вася! Вася! Останься здѣсь, будь вѣрнымъ поданнымъ Царя, служи ему, служи своей родиѣ. Разлюби, забудь отца своего. Позволь мнѣ уйдти одному. Товарищъ мой въ дорогъ будетъ раскаяніе, мой утѣшитель—молитва. Чувствую, что недолго проскитаюсь я между иноплеменниками. Скоро умру я, и въ чужой землѣ будутъ лежать кости изиѣнника до дня Страшнаго Суда. Прощай, Вася!

— Я иду съ тобою, батюшка! сказалъ твердо Василій. Иду съ тобою! Не послушаюсь тебя! Не ты одинъ, всѣ мы, всѣ люди грѣшны передъ Богомъ; но и милосердіе Его безконечно для всѣхъ. Никто не долженъ отчаяваться. Пойдемъ, батюшка, пустимся въ путь-дорогу, туда, куда насъ съ тобою Богъ приведетъ.

Глубоко тронутый старикъ съ неизобразимымъ чувствомъ обнялъ безмолвно сына.

Еще разъ простились они съ Карломъ Карловичемъ и Христиной, и вышли изъ хижины.

— Ну вотъ ны съ тобой, Христина, и одинъ остаишься! сказала печально, послѣ нѣкотораго молчанія, Карлъ Карловичъ. Ужъ ни сосѣдъ, ни сынъ его никогда не придуть къ намъ! Тебѣ скучно, Христина? Да, вижу, что скучно: ты плачешь. И мнѣ заплакать хочется, да я немогу. Твоей старикъ отецъ давно привыкъ къ горю.

Карлъ Карловичъ закинулъ голову на спинку кресель, на которыхъ сидѣлъ, и зажурилъ глаза.

VII.

Катеръ, который проплылъ мимо хижины Карла Карловича, объѣхалъ въ тотъ день всѣ главные острова невскаго устья. Наконецъ онъ присталъ къ тому островку, на которомъ нынче стоитъ Петропавловская крѣпость. Всѣ бывшіе къ катерѣ вышли на берегъ.

Этотъ островокъ назывался по-шведски Амостейланде, то есть, Веселый-Островокъ, потому-что офицеры нѣмецкой крѣпости часто ѣздили туда съѣсть, повеселиться. Тамъ стояла хижина рыбаковъ, которые каждый разъ закидывали на счастье офицеровъ, по заказу ихъ, неводъ. Поймавъ двухъ, трехъ лососей, или какихъ-нибудь другихъ рыбъ, офицеры довольняи этою добычею привезенный изъ Нѣмшанца обѣдъ и садяишсь подъ навѣсъ прибрежныхъ сосенъ въ кружокъ, около деревяннаго стола, обнесаннаго скамейками. Тутъ, на открытомъ воздухѣ, они обѣдали, пили рейнвейнъ, разговаривали, шутяли, спорили, шумѣли.

Къ этому самому столу, котораго доску поддерживали, въ это пожекъ, четыре пня срубленныхъ сосенъ, подошли всѣ приѣхавшіе въ катерѣ, кромѣ шести преображенскихъ солдатъ, которые замѣняли гребцовъ.

— Ну, рассудите ли, господинь генераль-фельдмаршалъ, сказалъ Петръ Великій графу Шереметеву: составить теперь военный совѣтъ. Сядемъ вкругъ этого стола.

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, пятидесятилѣтній старикъ почтенной наружности, сѣлъ на первое мѣсто. Это былъ тотъ самый Шереметевъ, о которомъ Петръ Великій написалъ, въ сентябрѣ 1702 года, въ письмѣ къ Апраксину: «Борисъ Петровичъ въ Аляскахъ гостилъ изрядно; взялъ городовъ нарочитыхъ два, да малыхъ шесть; полонилъ 12,000 душъ, кромѣ служивыхъ.»

Подъ вѣло сѣлъ генераль-адмиралъ графъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, возведенный въ это званіе послѣ смерти Лесора. Еще поѣхавшій около стола князь Аникита Ивановичъ Репнинъ, высокій, красивый мужичина, дослужившійся изъ рядовыхъ Потѣшной роты до генерала, постельничій Гавриилъ Ивановичъ Головкинъ, сопровождавшій Государя во всѣхъ его походахъ, окопничій Петръ Апраксинъ, предводитель отряда новгородскихъ дворянъ, генераль-маіоръ Чамберсъ, командиръ преображенскаго и семеновскаго полковъ, генераль-маіоръ отъ артиллеріи Яковъ Брюсъ, подполковникъ преображенскаго полка Карповъ, капитанъ бомбардирской роты Царь Петръ Алексѣевичъ, и поручикъ той же роты, шлиссельбургскій губернаторъ Меншиковъ.

Во всемъ этомъ военномъ совѣтѣ по лѣтамъ были старшіе Головинъ, Шереметевъ и Головкинъ. Первые два считали за пятьдесятъ, послѣдній за сорокъ. Петру Великому было тогда тридцать лѣтъ. Всѣ прочіе члены совѣта были ему ровесники или немногими годами его старше, кромѣ Меншикова и Карпова, которые не вмѣли еще и тридцати лѣтъ.

— Разложи, Алексаша, здѣсь на столѣ планъ, на которомъ сняты всѣ здѣшніе острова и мѣстоположеніе отъ Ніеншанца до взморья, сказалъ Царь Меншикову.

Тотъ развернулъ свитокъ бумаги, который держалъ въ рукѣ, и положилъ его передъ графомъ Шереметевымъ.

— Ну, подавай же голосъ, господинь поручикъ, продолжалъ Петръ Великій. Тебѣ первому, какъ младшему въ этомъ совѣтѣ, говорить.

— Богъ помогъ исполнить давнишнее намѣреніе Его Царскаго Величества, сказалъ Меншиковъ, и завоевать у Шведовъ, въ прошломъ году, ключъ, отворившій ворота въ непріятельскую землю, — крѣпость Шлессельбургъ, — а въ нынѣшнемъ году русское оружіе отняло у врага другой ключъ, который отворяетъ намъ, Русскимъ, дорогу къ морю и въ Европу. Возблагодаривъ Бога, должно теперь подумать, какъ укрѣпить это мѣсто. Капитанъ бомбардирской компаніи говорилъ мнѣ, поручику, что онъ бы думалъ для достиженія этого устроить въ здѣшнихъ мѣстахъ *фортецію* и подкрѣпить ее флотомъ, который надобно тотчасъ же построить. И я, поручикъ, тоже думаю.

— Такъ какъ поручикъ объявилъ уже мое мнѣніе, хотя я о томъ его и не просилъ, сказалъ Петръ Великій: то я прибавлю только, что нужно разсудить: Ніеншанць ли укрѣпить такимъ образомъ, или же выбрать новое мѣсто и новую крѣпость построить?

— Я полагаю, сказалъ Карповъ, что и скорѣе и выгоднѣе будетъ укрѣпить Ніеншанць, потому что сами Шведы начали его укрѣплять и обводить новымъ валомъ, который уже до половны конченъ.

— Это основательно, замѣтили Брюсъ и Чамберсъ.

— И мы тоже думаемъ, примолвили князь Репнинъ, Головинъ и Апраксинъ.

— Мѣсто, гдѣ стоитъ Ніеншанць, не больно крѣпко отъ природы, сказалъ генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ.

— Да и отъ моря далековато, прибавилъ генераль-адмиралъ графъ Головинъ.

— Генераль-фельдмаршалъ и генераль-адмиралъ перехватили мысль у бомбардирскаго капитана, сказалъ Петръ Великій, улыбувшись. Я то же самое думалъ съ самаго начала. А ты, поручикъ, что скажешь? Что ты тутъ ищешь на пляжъ?

— Удобнѣйшаго и лучшаго мѣста для постройки новой крѣпости.

— Ну что, нашелъ ли?

— Нѣтъ еще.

— А вотъ оно! продолжалъ Петръ Великій, указавъ островъ на планѣ. Чѣмъ это мѣсто худо?

— Да гдѣ же этотъ островъ? спросилъ Карповъ.

— А тамъ, гдѣ мы теперь сидимъ, отвѣчалъ Петръ Великій.

Всѣ встали съ мѣсть, начали разсматривать планъ и, не произнеся еще никакого сужденія, сѣли опять по мѣстамъ.

— Вотъ на этомъ островѣ построимъ крѣпость, продолжалъ бомбардирскій капитанъ: а на большомъ островѣ, который тутъ, подлѣ, выстроимъ городъ. (Царь указалъ на нынѣшнюю Петербургскую сторону.) Со временемъ и этотъ большой островъ, который тамъ, ближе къ морю, (Петръ указалъ на Васильевскій островъ) застроится зданіями, и въ этихъ мѣстахъ будетъ приморскій городъ, куда станутъ приходить иностранные корабли съ товарами, откуда будутъ отправляться въ иностранныя государства корабли русскіе.

— Дай Богъ, чтобы это все исполнилось, сказалъ Шереметевъ: но лѣса и болота не вдругъ превратишь въ дома и улицы. Прежде озаботися, по-крайней-мѣрѣ, объ устройствѣ здѣсь крѣпости.

— Лѣса и болота! повторишь бомбардирскій капитанъ. А читалъ ли ты, Борисъ Петровичъ, въ римской исторіи, какъ императоръ Константинъ основалъ Константинополь, который прозванъ вторымъ Римомъ, царемъ городовъ. Въ 329 году по Рождествѣ Христа, въ день основанія города, Константинъ взялъ копьё и, сопровождаемый своими вельможами, пошелъ впередъ, по берегу Босфора, чертя копьёмъ по землѣ окружность будущей своей столицы. Одинъ изъ его приближенныхъ наконецъ замѣтилъ, что не слишкомъ ли велика окружность, назначаемая императоромъ. Константинъ отвѣчалъ: Я пойду впередъ до-тѣхъ-поръ, пока Тотъ, Кто невидимо ведетъ меня теперь, не повелитъ мнѣ остановиться.

— Сердце Царя въ рукѣ Божіей! сказалъ Шереметевъ. Тотъ же, Кто велъ римскаго императора по берегу Босфора, привелъ къ варяжскому морю Царя русскаго. Вѣрю, что и здѣсь будетъ городъ, подобный Константинополю.

— Подѣлуй меня, Борисъ Петровичъ!

— И я тому же вѣрю, да не советѣю, принявши генералъ-адмиралъ графъ Головинъ. Хотѣ бы крѣпость-то Богъ помочь построить.

— Не лучше ли въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ востольничій Головинъ: хорошенько укрѣпить Нijenшанць. Это можно исполнить гораздо скорѣе, чѣмъ построить новую крѣпость, тѣмъ болѣе, что ужъ сами Шведы сдѣлали для насъ половину работы. Они начали новый валъ, новые бревенчатые напсыды, а мы ихъ кончить.

— Это сдѣлать должно, но все-таки новая крѣпость необходима, сказалъ бомбардирскій капитанъ. Безъ нея устье Невы и все эти острова не будутъ въ нашей власти. А если поставить здѣсь, на этомъ островѣ, крѣпость, то она можетъ обстрѣливать все три главныхъ рукава, на которые Нева раздѣляется при впаденіи въ море. Если эти рукава не наши, то и море не наше. Тогда сиди, пожалуй, въ Нijenшанцѣ, а Шведы займутъ все три рукава Невы и все эти острова. Тогда и челнокъ русскій до моря не доберется. А съ новой крѣпостью, посмотрите! Можно стрѣлять сюда, сюда и сюда.

Онъ провелъ карандашемъ на планѣ, отъ Веселаго острова три черты; одну по Большой Невѣ, по направленію къ взмору, другую по Малой Невѣ, по тому же направленію, третью, обратно по Большой Невѣ, къ истоку изъ нея Большой Невки.

— Чтѣ дѣло, то дѣло! сказалъ Шереметевъ по краткомъ размышленіи, рассматривая планъ.

— Ну, чтѣ же скажетъ военный совѣтъ: строить здѣсь крѣпость? продолжалъ бомбардирскій капитанъ.

— Строить, непременно строить! воскликнулъ Меншиковъ.

— Строить! повторилъ въ одинъ голосъ все молодые члены совѣта.

— Если ужъ такъ, замѣтилъ графъ Головинъ: то надобно приняться за дѣло какъ можно скорѣе, пока Шведы...

— Шведы! воскликнулъ бомбардирскій капитанъ, нахмуривъ брови. Если пожелаютъ сюда прежде, чѣмъ крѣпость окончатъ, то прогонимъ ихъ. А только князусь, что я этого острова, гдѣ мы теперь сидимъ, и невенскаго устья не отдамъ

Шведанъ ни за что! Лучше лягу въ эту землю, но не отдамъ ее! Она моя, она русская!

Бомбардирскій капитанъ тоннулъ ногою по землѣ.

И онъ... лежитъ теперь въ этой землѣ. Онъ не предвидѣлъ тогда, что на этомъ самомъ островѣ, въ срединѣ столицы русскаго царства, воздвигнется, окруженная славою и благословеніями, гробница *Отца отечества*.

VIII.

Илья Сергѣевичъ и Василій шли по узкой, единственной дорогѣ, проложенной сквозь густой лѣсъ, по направлению къ Выборгу. Глубокая печаль тяготила сердце Ильи Сергѣевича. Лицо Василья было спокойно и весело. Онъ беззаботно несъ на плечѣ свое ружье и по временамъ ласкалъ свою собаку, которая бѣжала за нимъ. Солнце встало. Весеннее утро разливало какую-то радость даже на дикія, пустынные мѣста, по которымъ шли наши странники. Они добрались уже до рѣчки Сестры, называющейся между двумя высокими, лѣсистыми берегами, и начали искать удобнаго мѣста, чтобы перейти черезъ нее въ бродъ.

— Кто идетъ? крикнулъ вдругъ громкій голосъ.

Оба подняли глаза и увидѣли на высокомъ берегу Сестры русскаго часового, съ ружьемъ на плечѣ.

— Назадъ! продолжалъ часовой: а не то убью.

Василій подошелъ къ часовому, поклонился и сказалъ:

— Дячего, землякъ, ты насъ не пускаешь черезъ рѣчку?

— Дятого, что не велѣно никого пропускать по этой дорогѣ въ шведскую сторону.

— А по другимъ дорогамъ?

— Да другихъ-то дорогъ, любовный, нѣтъ.

— Что ты! Есть и другія дороги: я знаю.

— Ну так и ступай по тѣмъ дорогамъ, а по этой не пропущу. Здѣсь поставленъ караулъ подѣ командой офицера.

Василій пришелъ въ большое замѣшательство. Хоть онъ и сказалъ, что есть другія дороги, однако жъ это была одна выдумка, для убѣжденія непреклоннаго часоваго.

— Бѣда, батюшка! сказалъ онъ вполголоса, подойдя къ отцу. Здѣсь русскій караулъ, которому наказано не пропускать никого за рѣку. Не попытаться ли намъ развѣ перейти ее въ бродѣ подальше отсюда, и потомъ по лѣсу выбраться опять на дорогу.

Пока Василій объяснялся съ часовымъ, Илья Сергѣевичъ сѣлъ на берегъ, подперъ голову обѣими руками и смотрѣлъ на струи рѣки, которыя, журча, неслись мимо него. Грѣшникъ, грѣшникъ! думалъ онъ. За что увлекаешь ты въ погибель сына? За то, что онъ такъ любить тебя? Прибавь еще это бремя на совѣсть! Виноватъ ли онъ, что ты преступникъ, что тебѣ грозитъ казнь за твое преступленіе! Тебѣ нужно бѣжать отъ Русскихъ, должно трепетать русскаго Царя, а сынъ твой невиненъ передъ нимъ. И ты хочешь лишитъ его на-всегда родины, хочешь, чтобы онъ весь свой вѣкъ скитался бѣглецомъ въ землѣ вражеской!

— Что ты, батюшка, задумался? продолжалъ Василій. Развѣ не слыхалъ, что я сказалъ тебѣ? Если думаешь, что черезъ лѣсъ выбраться на дорогу невозможно, то рѣшимся здѣсь перебѣжать рѣчку въ бродѣ. Можетъ-быть, часовой и промахнется. Я пойду первый: Рѣшайся скорѣе!

Илья Сергѣевичъ всталъ, посмотрѣлъ съ чувствомъ на сына, вздохнулъ и сказалъ:

— Пойдемъ лучше къ начальнику этого караула. Можетъ-быть, я упрошу его пропустить насъ.

— Не пропустить, батюшка! Это невозможно.

— Попробуемъ.

Сказавъ это, Илья Сергѣевичъ перекрестился. На мрачномъ лицѣ его явилось кажде-то спокойствіе, какая-то рѣшимость. Они подошли къ часовому.

— А скажи, служивый, гдѣ начальникъ здѣшняго караула? спросилъ Илья Сергѣевичъ.

— На что тебѣ его?

— Нужно съ нимъ переговорить.

— А вотъ онъ близко отсюда, въ лѣсу, вонъ въ томъ шалашѣ. Видишь ли?

— Вижу. Пойдемъ, Василій.

Илья Сергѣевичъ съ сыномъ приблизился къ шалашу въ то самое время, когда офицеръ выходилъ оттуда.

— Возьмите меня подѣ стражу, господинъ офицеръ! сказалъ старикъ твердымъ голосомъ. Я преступникъ!

— Батюшка! Что ты дѣлаешь! вскрикнулъ съ ужасомъ Василій.

— Да, господинъ офицеръ! Я преступникъ! Возьмите меня. А ты, сынъ, возвратись въ наше жилище, живи счастливо подѣ властію Царя русскаго, вступи съ нему въ службу, служи ему вѣрой и правдой, чтобы загладить преступленіе отца твоего. Иди, сынъ! Благословляю тебя! Оставь отца твоего на волю Божию, не сокрушай себя обо мнѣ.

— Что ты дѣлалъ, батюшка! восклицалъ горестно Василій, ломая руки.

— Въ чемъ твое преступленіе и кто ты такой? спросилъ удивленный офицеръ.

— Все скажу на допросъ. Прикажете отпратить меня, куда надобно.

— Я долженъ буду взять васъ обоихъ подѣ караулъ и послать рапортъ къ начальству, сказалъ офицеръ.

— За что обоихъ? Сынъ мой ни въ чемъ не виноватъ.

— Нѣтъ, господинъ офицеръ, возьмите насъ обоихъ! воскликнулъ Василій. Не разлучайте отца съ сыномъ.

По приказанію офицера, солдаты взяли ихъ подѣ стражу.

IX.

Май былъ на исходе. Прошли недѣли для поста военнаго совѣта, который собирався на Веселомъ островѣ, и всѣ деревья, всѣ кустарники, которые покрывали его, исчезли. Въмсто нихъ на этомъ островѣ росли не по днямъ, а по часамъ, земляные валы, являлись зубчатые, бревенчатые частоколы, строилась деревянная церковь во имя Апостоловъ Петра и Павла, готовились магазины для пороха, избы для солдатъ. На берегу соседственнаго, большаго острова (нынѣшней Петербургской Стороны) лѣсъ также былъ вырубленъ. На этомъ берегу, неподалеку отъ воздвигаемой крѣпости, строился маленькій, голландскій домикъ, первый домикъ будущаго города. Бомбардирскій капитанъ и поручикъ Мешниковъ, съ топорами въ рукахъ, распоряжались рабочими и сами работали съ ними вмѣстѣ. Другіе молодые члены военнаго совѣта хлопотали на валахъ крѣпости, кто съ лопатой въ рукъ, кто съ тачкой, кто съ какимъ-нибудь другимъ, простонароднымъ орудіемъ. Одушевленные примѣромъ, солдаты дѣлали чудеса. Новая крѣпость быстро являлась изъ небытія, какъ бы силою волшебства. Возникалъ Санктпетербургъ!....

Голландскій домикъ, о которомъ сказано выше, совсѣмъ отстроили къ концу мая. Бомбардирскій капитанъ поселился въ немъ. И теперь еще на берегу Невы цѣль этотъ домикъ, этотъ крошечный дворецъ величайшаго изъ государей. Двадцать-девятого мая объявили солдатамъ, что на другой день назначается отдыхъ, и что надобно имъ всѣмъ собраться въ парадной формѣ на площадь, которая вмѣсто прежняго лѣса явилась около домика.

— Да, да! говорилъ Карлъ Карловичъ Густаву и Христинѣ, сидя въ своихъ любимыхъ, деревянныхъ креслахъ. Противъ силы дѣлать нечего. Русскіе завоевали всю эту

сторону. Пришлось, видно, намъ, Шведамъ, намъ покориться.

— Для чего покориться? сказалъ Густавъ. Некоторые изъ здѣшнихъ рыбаковъ мнѣ сказывали, что Меншиковъ, или ессельбургскій губернаторъ, приказалъ всемъ здѣшнимъ жителямъ объявить указъ Царя, что они могутъ здѣсь жить спокойно, по-прежнему, и что никому никакой обиды сдѣлано не будетъ.

— Славу Богу! сказала Христина. Я все еще не перестаю однако жъ бояться Русскихъ.

— Вѣдь тебѣ говорилъ подполковникъ Карповъ, проворчалъ Карлъ Карловичъ: что намъ бояться Русскихъ не должно, и я тебѣ нѣсколько разъ повторялъ, что вообще бояться кого бы то ни было природной Шведкѣ неприлично и даже, можно сказать, непристойно.

— Да, батюшка! Непристойно! Я дѣвушка, такъ если и трушу иногда, то это простиительно. Илья Сергѣевичъ мужчина, да испугался Русскихъ и ушелъ отсюда, Богъ знаетъ куда.

— У Ильи Сергѣевича были на то свои причины, возразилъ горячо Карлъ Карловичъ: и мнѣ крайне неприятно, что ты говоришь съ такимъ неуваженіемъ о моемъ отсутствующемъ другѣ, котораго я до могилы буду любить и почитать, котораго я всегда буду помнить, безъ котораго я такъ скучаю, что истинно не знаю куда дѣваться отъ скуки и даже, можно сказать, безъ котораго готовъ повѣситься отъ тоски.

— Мнѣ самой очень жаль Ильи Сергѣевича.

— Гдѣ-то они теперь? сказалъ Густавъ со вздохомъ. Мнѣ досадно, что не удалось и проститься съ ними. Мы хоть и спорили иногда съ Васильемъ, но я его очень любилъ и люблю.

— Ахъ силы небесныя, какъ мнѣ скучно! сказалъ Карлъ Карловичъ, вставъ съ кресла. Какъ подумаю, что я ужъ никогда съ моимъ другомъ не увижусь, то чувствую въ сердцѣ страшную тоску и даже, можно сказать, необыкновенную печаль.

Старикъ началъ качать головой съ видомъ глубокаго унынія. Густаву и Христинѣ стало жаль его.

— А не хотите ли, батюшка, сказалъ Густавъ: повхаты съ нами въ лодкѣ и взглянуть, что дѣлается на Льюстэйланде. Вы еще не видали новой русской крѣпости, которую тамъ строятъ. Она словно грибокъ выросла. Вы удивитесь.

— Ну что мнѣ грибокъ! проворчалъ старикъ. Будто я не видалъ грибовъ на своемъ вѣку.

— Я не о грибахъ говорю, а объ новой крѣпости. Близъ нея, на площади, слышалъ я, будетъ сегодня какое-то торжество, продолжалъ Густавъ.

— Ну что мнѣ торжество! И какое такое торжество? Развъ сегодня праздникъ? Сегодня тридцатое мая, день простой, не праздничный, по календарю.

— На площади, сказывали мнѣ, будетъ что-то особенное.

— На какой площади! воскликнулъ Карлъ Карловичъ. Площади есть у насъ въ Стокгольмѣ, а въ здѣшнихъ мѣстахъ ихъ нѣтъ. Ты, я вижу, говоришь вздоръ и даже, можно сказать, пустяки.

— Нѣтъ, не пустяки, батюшка. На берегу Ниена устроена площадь, и на ней ужъ есть нѣсколько домиковъ. Нѣкоторые уже готовы, кажется, а другіе еще строятся.

— Ты, я вижу, хочешь меня выманить изъ дома на прогулку, и для дого выдумываешь какія-то басни, чудеса, глупости! Вѣдь я не ребенокъ! я тебѣ не повѣрю и даже скажу, что надъ старымъ отцомъ смѣяться неприлично.

— Пойдете съ нами, такъ сами увидите, смѣюсь ли я надъ вами.

— Пойдемъ! Хорошо! Пойдемъ! Я увижу, что ты лжешь, и что ты только хотѣлъ выманить меня на прогулку. Пойдемъ!

Всѣ трое сѣли въ лодку. Когда она выѣхала на Большую Неву, и пристала къ берегу, гдѣ разчищена была площадь, то Карлъ Карловичъ началъ отъ изумленія протирать глаза и сильно жевать.

— Ну что, батюшка? Лжецъ я или нѣтъ?

Карлъ Карловичъ молчалъ и глядѣлъ на все съ прежнимъ изумленіемъ. Они вышли на берегъ. На немъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толпились или выглядывали, точно совы, изъ лѣсу Финны и Шведы, собравшіеся изъ Ніеншпанца, изъ Каликиной деревни, и изъ разсыянныхъ по островамъ невскаго устья рыбацкихъ хижинъ. На площади стояли въ строю преображенскіе и семеновскіе солдаты, участвовавшіе седьмого мая во взятіи двухъ шведскихъ кораблей. На валахъ строящейся крѣпости развѣвались флаги и знамена, и стояли пушки.

— Что будетъ здѣсь такое? спросилъ Густавъ одного Шведа.

— Русскій Царь торжествуетъ свою первую морскую побѣду.

Изъ голландскаго домика бомбардирскаго капитана вышелъ въ это время генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, за нимъ генералъ-адмиралъ графъ Головинъ, потомъ самъ бомбардирскій капитанъ, поручикъ Меншиковъ и всѣ члены военнаго совѣта, который былъ собранъ на Веселомъ островѣ.

Барабаны загремѣли. Раздалась команда офицеровъ, и блестящій частоколъ ружей, поднягыхъ на плечо, сверкнулъ надъ шляпами солдатъ.

Генералъ-фельдмаршалъ со всеми прочими всталъ противъ середины строя, на устроенныхъ подмосткахъ, и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Его Царское Величество (Шереметевъ проговорилъ весь титулъ) приказалъ вамъ, храбрые солдаты, сказать свое милостивое слово и благодарить за первую морскую вѣкторію, одержанную надъ свѣйскими кораблями. Я же, генералъ-фельдмаршалъ, по данной мнѣ власти, съ моимъ совѣтомъ рѣшилъ достойнѣйшихъ изъ бывшихъ въ боѣ наградить знаками царской милости, дабы всѣ прочіе то же заслужить тщились. Господинъ капитанъ бомбардирской компаніи преображенскаго полка жалуется кавалеромъ ордена Святаго Андрея Первозваннаго.

Петръ Великій изъ толпы генераловъ выступилъ впередъ. Первый кавалеръ Андреевскаго ордена, учрежденнаго 8 марта 1699 года, генералъ-адмиралъ графъ Головинъ возложилъ знаки на бомбардирскаго капитана. Онъ поклонился генералъ-фельдмаршалу, потомъ генералъ-адмиралу, и наконецъ народу, на все четыре стороны. Въ тотъ же мигъ раздались музыка, барабанный бой, и загрела пальба изъ ружей. Съ недостроенной крѣпости послышались первые, до того не слышанные на Веселомъ островѣ, пушечные выстрѣлы.

Съ тою же церемоніею возложенъ былъ Андреевскій орденъ и на бомбардирскаго поручика Меншикова. На прѣчихъ генераловъ и офицеровъ, участвовавшихъ въ морской битвѣ, въ томъ числѣ и на подполковника Карнова, возложены были золотыя медали на золотыхъ цѣпяхъ. Солдатамъ были розданы золотыя же медали меньшаго размѣра, безъ цѣпей.

Потомъ полки прошли мимо генералъ-фельдмаршала церемоніальнымъ маршемъ, а послѣ того началось на площади угощеніе солдатъ. Пиръ длился до поздней ночи, и несомнѣнъ былъ такого веселья, какое могутъ чувствовать одни побѣдители непобѣдимыхъ дотоле враговъ.

Карлъ Карловичъ съ дѣтьми долго пробылъ на площади и поздно воротился домой. Онъ очень былъ доволенъ видѣннымъ имъ зрѣлищемъ. На другой день отъ вчерашней усталости, и отъ сильныхъ впечатлѣній, онъ необыкновенно былъ скученъ, и такъ растосковался о своемъ другѣ, Ильѣ Сергѣевичѣ, что Густавъ и Христина не знали что съ нимъ и дѣлать. Онъ навелъ и на нихъ тоску.

Вдругъ распахнулась дверь его книжныя. Вбѣгаетъ съ радостнымъ, восторженнымъ лицомъ Василій, за нимъ входитъ Ильѣ Сергѣевичъ.

Карлъ Карловичъ, не смотря на свою дряхлость, вскочилъ словно молодой, съ своихъ креселъ, повисъ за шею друга и заплакалъ, какъ ребенокъ. Густавъ отъ удовольствія, отъ ра-

дости захлопалъ въ ладоши. Христина въ восторгѣ прыгала. На распросы ихъ Илья Сергѣевичъ разсказалъ, какъ онъ самъ объявилъ русскому офицеру о своемъ преступленіи, и какъ онъ потомъ отправленъ былъ съ сыномъ къ пфальцбургскому губернатору Меншикову. Тотъ узнавъ Василия, вспомнилъ услуги, оказанныя имъ при снятіи острововъ неважскаго устья на пламя, вспомнилъ его храбрость, когда онъ дрался воюнтеромъ при взятіи шведскихъ судовъ. Разпросивъ подробно Илью Сергѣевича объ его преступленіи, онъ составилъ о дѣлѣ его докладъ, съ жаромъ выставилъ въ немъ раскаяніе Ильи Сергѣевича и заслуги Василия. Илья Сергѣевичъ и сынъ его содержались въ Нюншанцѣ подъ стражей. Меншиковъ тридцатаго мая, въ день торжества первой морской победы, представилъ свой докладъ бомбардирскому капитану, который написалъ на немъ, противъ имени Ильи Сергѣевича: «Въ грѣхахъ юности и невѣдѣнія, искренно кающихся грѣшниковъ, Богъ милуетъ и Царь прощаетъ. Петръ.» А противъ имени Василия Царь отмѣтилъ: «За почтеніе къ родителямъ Богъ благословляетъ дѣтей долголѣтіемъ. За усердіе же и храбрость, въ первой морской вѣкторіи оказанныя, Царь жалуетъ золотую медаль.»

Не беремъ описать восторгъ Ильи Сергѣевича и Василия, съ какимъ они разсказывали о чувствахъ, наполнившихъ сердца ихъ, когда Меншиковъ объявилъ имъ царское рѣшеніе. Тронутый до глубины души, Карлъ Карловичъ сказалъ дрожащимъ отъ сильнаго волненія голосомъ: Великій, безпримѣрный, добрый государь и даже, можно сказать....

Карлъ Карловичъ въ первый разъ въ жизни послѣ своего «можно сказать,» сталъ въ тупикъ и не нашелъ довольно сильнаго слова.

А гдѣ же любовь въ этомъ разсказѣ? спросать насъ теперь читательницы. Никто не любилъ, не страдалъ, не блаженствовалъ отъ любви, никто не погибъ отъ нея, никто и не женился. Гдѣ же любовь? Гдѣ герой и героиня? Да вѣдь мы разсказали вамъ былъ, прекрасныя наши читательницы, такъ гдѣ же намъ было взять любви, когда ее въ были нашей не попалось подъ руку. Впрочемъ, можемъ нѣсколько исправить

этотъ недостатокъ нашего разсказа, доведя до свѣдѣнiя прекрасныхъ читательницъ, что черезъ годъ послѣ основанiя Петербурга подполковникъ Карповъ сдѣлался героемъ, а Христина героиней, что они очень другъ другу полюбились и наконецъ обвѣнчались. Карпову, по просьбѣ его, пожаловалъ Царь участокъ земли подлѣ хижины Карла Карловича. Онъ построилъ тамъ домикъ и жилъ въ немъ очень долго съ молодою женой припѣваючи. Отъ этого жителя, безыменная рѣчка получила впоследствии названiе Карповки.

Что сдѣлалось съ Ильей Сергѣевичемъ, Карломъ Карловичемъ, Васильемъ и Густавомъ, — мы сказать вамъ не можемъ. Вѣроятно, они давно уже умерли. Бумажныя нимфы, вызванные изъ шкафа, вмѣсто дриадъ изъ десяти древнихъ липъ, ничего не говорятъ: женился ли Василiй и влюбился ли въ кого-нибудь Густавъ. Къ старинной были мы ничего выдуманнаго прибавлять не хотимъ.

КОНЕЦЪ.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ

СЫНА ОТЕЧЕСТВА,

ЖУРНАЛА ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ,

НА 1849 ГОДЪ.

Редакторъ *Сына Отечества*, Константинъ Масальскій, и издатель этого журнала, Константинъ Жернаковъ, прежде всего, считаютъ обязанностью принесть искреннюю благодарность читающей публикѣ за благосклонное вниманіе, съ которымъ она приняла журналъ ихъ, возобновленный и устроенный на прочныхъ основаніяхъ, съ начала 1847 года. Въ текущемъ 1848 году число подписчиковъ на *Сына Отечества* возрасло, въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, слишкомъ *въ пять разъ*. Такой лестный приѣмъ возобновленнаго журнала налагаетъ, по необходимости, какъ на редактора, такъ и на издателя, обязанность доказать *на дѣлѣ* читающей публикѣ свою благодарность всевозможнымъ усомерженіемъ своего журнала. Но въ общіяніяхъ они не распространяются, по принятому ими правилу, напечатанному, въ прошломъ году, въ объявленіи объ изданіи *Сына Отечества*: «Лучше менѣе общаться, а болѣе сдѣлать.»

Всѣмъ членамъ изданій въ августѣ 1848 году, одиваждать книги *Сына Отечества*, за октябрь, ноябрь, мартъ, апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь, заключаютъ въ себѣ три-

ста сорокъ печатныхъ листовъ большого формата, вмѣсто обычныхъ программю 1847 года двухъ сотъ семидесяти пяти листовъ. Особыя приложенія къ журналу въ этотъ счетъ не входятъ. Остальная книга за декабрь нынѣшняго года будетъ издава сь точностію, въ свое время, то есть 1-го декабря.

Указывать на достоинство и внимательность напечатанныхъ въ журналѣ статей — значило бы хвалить самихъ себя, а мы на это никогда не рѣшимся, помня весьма справедливую, римскую пословицу: «Похвала самому, себѣ неприятво пахнетъ.» (*Propria laus sordet.*)

Въ будущемъ 1849 году *Сила Отечества* будетъ выходить, какъ и въ нынѣшнемъ году, ежемѣсячно 1-го числа книгами; каждая будетъ заключать въ себѣ не менѣе *двадцати пяти* печатныхъ листовъ въ (вышнюю 8 долю, убористаго, но четкаго шрифта. Притомъ въ одной ли толщинѣ, (въ которой *Сила Отечества* не уступалъ, впрочемъ, въ нынѣшнемъ году, другимъ журналамъ,) заключается все достоинство періодическаго изданія? Главною заботою *Сила Отечества* востоянно было и будетъ достоинство и внимательность внутренняго его содержанія, правдивость и безпристрастіе критики, и независимый, облупанный, свой, патріотическій взглядъ на все современное.

Высочайше утвержденная программа *Сила Отечества* даетъ этому журналу право печатать все, что содержится во всѣхъ прочихъ, отдѣльныхъ, ограниченныхъ извѣстными предѣлами, программахъ журналовъ. Пользуясь этою Высочайше дарованною милостію, *Сила Отечества* приложитъ всевозможное стараніе, чтобы достойнымъ образомъ воспользоваться такимъ обширнымъ и лестнымъ правомъ, и всѣми своими силами и средствами споспѣшествовать распространенію истиннаго, практически-полезнаго просвѣщенія, и усилить отечественной словесности.

Каждая книга *Сила Отечества* будетъ заключать въ себѣ семь слѣдующихъ отдѣленій:

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ. Въ это отдѣленіе входятъ: 1. Критическія называнія важнѣйшихъ событій отечественной исторіи. 2. Любопытныя историческіе рассказы и эпизоды. 3. Новые матеріалы для отечественной исторіи. 4. Описанія примѣчательныхъ русскихъ древностей и отечественная старина. 5. Полныя живописанія или матеріалы для біографій знаменитыхъ соотечественниковъ.

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА. Ежемѣсячныя, послѣдовательные обзоры важнѣйшихъ законодательныхъ и правительственныхъ мѣръ въ отечествѣ; извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ

и подвигахъ; разсужденія о современныхъ политическихъ событіяхъ; перечень всѣхъ современныхъ извѣстій о важнѣйшихъ происшествіяхъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта, въ послѣдовательной связи; замѣчательные государственные акты, трактаты, договоры, дипломатическія ноты, тронныя и парламентскія рѣчи, декреты, преція и проч. Изъ всѣхъ ежемѣсячныхъ журналовъ одна *Смы Отечества* имѣетъ право, по своей Высочайшъ утвержденной программѣ, печатать это отдѣленіе.

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. 1. Новыя, оригинальныя стихотворенія русскихъ писателей. 2. Новые оригинальные разсказы, повѣсти, романы, трагедіи, драмы, комедіи, статьи о нравахъ и другія прозаическія произведенія русскихъ писателей, во всѣхъ родахъ изящной словесности.

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. 1. Переводы и извлечения изъ новѣйшихъ примѣчательныхъ твореній иностранныхъ современныхъ писателей; переводы новѣйшихъ романовъ, вполне заслуживающихъ вниманіе читающей публики. 2. Переводы въ прозѣ или въ стихахъ произведеній прежнихъ иностранныхъ прозаиковъ и поэтовъ, которые приобрѣли всеобщую извѣстность. (Въ этомъ отдѣленіи *Смы Отечества* не ограничивается одною французскою или германскою словесностью, но знакомитъ читателей съ произведеніями литературъ англійской, испанской, италіанской, шведской и польской). 3. Переводы и извлечения изъ рѣдкихъ и примѣчательныхъ книгъ и рукописей, писанныхъ на древнихъ или малозвѣстныхъ языкахъ.

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА. Оригинальныя и переводныя разсужденія и статьи по части важнѣйшихъ наукъ и художествъ; примѣчательныя открытія и изобрѣтенія; необыкновенныя явленія природы; русскія и иностранныя путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ свѣта; извѣстія о трудахъ ученыхъ обществъ и проч. (Въ этомъ отдѣленіи *Смы Отечества* всегда прилагаетъ стараніе, чтобы всѣ ученые разсужденія и статьи, о современныхъ успѣхахъ наукъ, были излагаемы слогомъ яснымъ и понятнымъ для читателей, безъ излишнихъ специальныхъ и сухихъ подробностей.)

VI. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. Подробныя разборы новыхъ замѣчательныхъ произведеній русской словесности; извѣстія о всѣхъ вообще новыхъ книгахъ, съ критическою ихъ оцѣнкою; рецензіи примѣчательныхъ заграничныхъ новыхъ сочиненій и обзорнія современной иностранной словесности. (На это отдѣленіе редакція журнала обращала и впредь обратитъ особенное вниманіе, в употреб-

быть старанію, чтобы вся образованная публика признала прикладъ въ *Сине Отечества* основательному, справедливому и безпристрастному.)

VII. СМѢСЬ. Разныя любопытныя свѣдѣнія и извѣстія, изъ всѣхъ губерній и областей Россіи; занимательныя извѣстія, извлекаемыя изъ всѣхъ лучшихъ иностранныхъ журналовъ; небольшія статьи ученые и литературныя, разнаго содержанія, не вошедшія въ другія отдѣленія; біографическая галерея знаменитыхъ лицъ, историческихъ или современныхъ, въ области политики, литературы, науки и художества; поправки ошибочныхъ сужденій и показаній иностранныхъ писателей и путешественниковъ о Россіи; забавныя и занимательныя анекдоты; необыкновенныя приключенія; любопытныя процессы; театр и музыка въ Россіи и за границей; извѣстія объ успѣхахъ сельскаго хозяйства, промышленности и ремеслъ; сужденія и извѣстія о новыхъ модахъ; нравоописательныя, сатирическія и полемическія статьи и замѣтки и проч.

Не ограничиваясь предметами, изчисленными въ семи вышеозначенныхъ отдѣленіяхъ, журналъ *Сине Отечества*, по программѣ своей, имѣетъ Высочайше дарованное право печатать все, что можетъ быть полезно, занимательно и пріятно любящимъ благоденствіе, честь и славу отечества.

Назовемъ нѣкоторыя статьи, которыя будутъ помѣщены въ *Сине Отечества* 1849 года.

1. *Жизнеописаніе генералиссимуса князя Александра Даниловича Меншикова*, сочиненное современникомъ Петра Великаго и оконченное при Екатеринѣ I, въ 1726 году. Рукопись эта писана на нѣмецкомъ языкѣ и заключаетъ въ себѣ:

ИЖОНИЮ ЦАРСТВОВАНІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Имя сочинителя этой драгоценной, въ историческомъ отношеніи, рукописи не выставлено на ней; но, по преданію, сочиненіе ея приписывается министру Петра Великаго, барону, (въ послѣдствіи графу) Остерману. Это преданіе очень вѣроятно, потому что сочинитель очевидно былъ посвященъ въ государственныя тайны: описываемая имъ времени. Въ рукописи его содержится очень много нового и донынѣ вовсе неизвѣстнаго о славномъ вѣнѣ преобразователя Россіи. Авторъ, описывая разныя государственныя событія, дѣлаетъ иногда на поляхъ рукописи отбѣсы: спросить позволенія у князя Меншикова надъ у такого-то. Въ этихъ отбѣсахъ на поляхъ заведи-

вуды, в прочую вещь, русск. сочинителем, исправленъ тѣмъ рукописи, очевидно, по свидѣніямъ, сообщеннымъ министрами Петра Великаго и другими его приближенными, государственнымъ людямъ. Рукопись эта напечатана въ Сынѣ Отечества, 1848 года, въ переводѣ на русскій языкъ и съ подотрочными примѣчаніями редактора Сынѣ Отечества. Всѣ новыя подписчики на этотъ журналъ на 1849 годъ, равно и вышедшіе на 1848 годъ, получаютъ это сочиненіе въ 1849 году особою нумерою, которой отдѣльно отъ журнала нигдѣ продаваться не будетъ.

2. Біографіи князя Пожарскаго и гразданина Козмы Минина. Соч. Н. Савельева-Ростиславича.

3. Жизнь и послѣднія минуты Кабинетъ—Министра Императрицы Анны Иоанновны, Артемія Петровича Волынскаго. Соч. К. Масальскаго, основанное на новыхъ, нигдѣ еще не напечатанныхъ историческихъ источникахъ.

4. Юридическое переслѣдованіе дѣла объ убіеніи царевича Дмитрія въ Улиць. Сочиненіе его же.

5. Бракъ Петра Великаго съ Екатериною I. Сочиненіе его же.

6. Тайный наказъ, данный при царѣ Алексѣ Михайловичѣ первому русскому посланнику въ Испанію. Рукопись, еще нигдѣ не напечатанная.

7. Новый романъ, и нѣсколько другихъ статей, Барона Розена.

8. Нѣсколько стихотвореній, извѣстнаго поэта В. Бенедиктова.

9. Невѣста Петра втораго, историческій романъ въ четырехъ частяхъ. Соч. Константина Масальскаго.

10. Царь-колоколь, историческій романъ, въ трехъ частяхъ. Соч. П. Осипова.

11. Нѣсколько неизданныхъ анекдотовъ о генералиссимусѣ князѣ Суворовѣ.

12. Нѣсколько новыхъ повѣстей, и заграничныя письма къ друзьямъ. Соч. П. Фурманна.

13. *Проказы дѣдушки домового.* Разсказъ, соч. П. Сухомина.

14. *Донесеніи Верховному тайному совѣту капитана Пырсакаю, сопровождавшаго въ 1727 году генерал-искусима, князя Александра Даниловича Меншикова и его семейство, въ Ораніенбургъ, и донесенія капитана Мельгунова, сопровождавшаго князя съ семействомъ изъ Ораніенбурга въ Березовъ.*

15. *Замышленные записки Шатобриана.* Переводъ этого сочиненія порученъ редакторомъ Сына Отечества опытному литератору и сотруднику журнала. Отъ вѣрности и изящества перевода зависитъ, чтобы читатели оцѣнили достоинство этого замѣчательнаго и въ высшей степени любопытнаго творенія.

16. *Исторія паровыхъ машинъ, и понятное для каждаго объясненіе ихъ устройства.* (Съ полнотипными рисунками.) Всѣ новые подписчики на Сына Отечества 1849 года получаютъ начало этой исторіи, въ текущемъ году уже напечатанное.

17. *Донъ-Кихотъ Ламанчскій.* Романъ, переведенный съ испанскаго подлинника К. Масальскимъ. При каждой книгѣ Сына Отечества будетъ нѣсколько печатныхъ листовъ этого перевода, съ парижскими полнотипными рисунками. Всѣ новые подписчики на Сына Отечества 1849 года получаютъ двѣ части Донъ-Кихота, изданныя при журналѣ въ текущемъ 1848 году.

Распространяться о достоинствахъ этого единственнаго, неподражаемаго романа, давно переведеннаго на всѣ европейскіе языки, мы считаемъ излишнимъ. Въ одной Франціи было болѣе сорока переводовъ Донъ-Кихота, которые всѣ раскуплены публикою. У насъ нѣтъ еще донынѣ ни одного полнаго перевода *настоящаго* Донъ-Кихота. Были только переводы французскаго сокращенія его, или, лучше сказать, передѣлки, которую предпринялъ на себя чопорный Флоріанъ. Онъ, по правиламъ риторикѣ XVIII вѣка, поправилъ и сократилъ гениальнаго Сервантеса, и совершенно исказилъ его твореніе. Передѣлка Флоріана такъ же похожа на подлиннаго Донъ-Кихота, какъ небольшой, литографированный, чистенько отдѣланный рисунокъ на оригинальную, колоссальную картину великаго художника.

Отдѣльной подписки на Донъ-Кихота *лишь* принимасмо не будетъ.

Редакторъ избралъ себѣ вѣсколько постоянныхъ сотрудниковъ, извѣстныхъ своимъ дарованіями и опытностію. Сверхъ того, всѣ наиболѣе любимые публикою писатели обѣщали участвовать своими трудами въ *Смыслъ Отечества*. Именъ ихъ не перечисляемъ потому, что читателямъ пріятнѣе увидѣть ихъ въ самомъ журналѣ, подѣ ихъ статьями, а не въ одномъ объявленіи объ изданіи журнала.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ОСТАЮТСЯ ПРЕЖНІЯ: за годовое изданіе *Смысла Отечества*, состоящее изъ двѣнадцати книгъ, съ *гравированными картинками, портретами, нотами, двѣнадцатую парижскими картинками моды, и шестью раскрашенными, заграничными рисунками для вышиванья по калям*, **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.** За почтовую пересылку въ другіе города или за доставленіе въ С. Петербургъ на домъ, прилагается въ годъ 1 р. 50 коп. серебромъ.

Желающіе получать журналъ въ переплетѣ, съ кожаными корешкомъ, прибавляютъ за весь годъ *три рубля 50 коп. серебромъ.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1. Въ Газетной Экспедиціи Санкт-петербургскаго почтамта. 2. Въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ книжномъ магазинѣ книгопродавца **ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА ПОЛЯКОВА**, *моды № 17*, гдѣ помѣщается и контора журнала *Смысла Отечества*; 3. Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ **СВѢШНИКОВА**, на Никольской, волежъ Каванскаго Собора, въ домѣ подлѣ *№ № 4 и 5.*

Конторою журнала будутъ приняты всѣ возможные мѣры къ исправному и своевременному доставленію журнала господамъ подписчикамъ. Каждая книга *Смысла Отечества* будетъ отсылаться на почту въ особо-приготовленномъ пакетѣ съ бандеродемъ и печатью конторы.

Въ случаѣ потери какой-либо книги или неисправнаго полученія, подписчики благоволятъ уведомлять редактора журнала. адресуя къ нему свои письма: *• Редактору Смысла Отечества, Д. Ст. Соч. Константину Петровичу Масальскому, въ С. Петербургъ, въ собственномъ домѣ, у Карповскаго моста. •* Изъ дѣлаемо будетъ немедленное распоряженіе, по конторѣ журнала, къ удовлетворенію каждаго такого

подписчика. Не получившие по какому-либо случаю в завершенный год которой-либо книги журнала благоволят уведомить об же редактора, по вышеозначенному адресу.

Редакторъ Константинъ Погодинъ.

Издатель Константинъ Жеряковъ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

**ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.**

Книга двѣнадцатая.

ДЕКАБРЬ.

САНТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ указанное число экземпляровъ. 1-го декабря 1848 года.**

Ценсоръ Архимандритъ Асвадумъ.

Ценсоръ Н. Еленинъ.

Ценсоръ В. Лангеръ.

Ценсоръ Н. Срезневскій.

РЕДАКТОРЪ К. Масальскій.

ИЗДАТЕЛЬ К. Жеряковъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДВѢНАДЦАТОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Митрополиты, въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Соч. Ф. фонъ-Эттингера. . . . . 1—10

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія. Высочайшія грамоты князю Аргутинскому-Долгорукову, Австрійскимъ генераламъ князю Виндишгрецу и барону Теллашичу. — Обзорѣніе современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ съ 15 октября по 15 ноября сего года. — Иностранныя извѣстія. Обзоръ современныхъ, замѣчательныхъ событій за границею. (Англія. — Ирландія. — Франція. — Австрійская Имперія: — Пруссія. — Германія. — Испанія. — Италия. — Турція. — Остъ-Индіа.) . . . . . 1—60

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Крестьянинъ и заяцъ. Соч. К. Масальскаго. . . . . 1—2

Лѣсъ и рябина. Соч. Ею же. . . . . 2—3

Плотникъ и его пріятель. Соч. Ею же. . . . . 3—4

Рѣшительный и нерѣшительный. Соч. А. М....скаго. (Окончаніе). . . . . 5—18

Мечты и дѣйствительность. Исторія сердца, извлеченная изъ секретныхъ женскихъ записокъ. Соч. Евгениіи Каминовой. . . . . 19—70

Письмо Сидовскаго къ Сквеу. Соч. Барона Розена. (Эпиграммъ къ роману «Сидовскій», напечатанному въ V и VI книгахъ Сына Отечества нынѣшняго года). . . . . 71—81

Добро и зло. Романъ П. Фурманна. (Окончаніе третьей части). . . . . 82—126

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Елиза. (Повѣсть Леонса де Лавернь). . . . . 1—26

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Путешествіе г. Мармье въ Палестину. — Сафурн. — Назаретъ. — Канфа. — Гора Кармилъ. — Яффа. — Рамле. — Куріеть-Эль-Энабъ. — Іерусалимъ	1—37
Историческія замѣтки о Бирманской имперіи. Изъ путешествія вокругъ свѣта г. Лапласа на фрегатѣ Артемиза.	38—59
Дворецъ Фодтебло, его описаніе и историческія воспоминанія о событіяхъ, въ немъ случившихся. (Окончаніе).	53—75
Знаменитый живописецъ, Евстафій де Сюбрь. Статья де Шатувиля.	76—84

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Два адмирала. Романъ Фенимора Купера. — Современная патриотическая русская цѣсь. Соч. С. Виноградова. — Рассказы изъ жизни славныхъ соотечественниковъ, написанные для дѣтскаго чтенія. — О винокурениі по привлеченной методѣ новѣйшаго изобрѣтенія Д. Ермолаева. — Новыя стихотворенія В. А. Жуковскаго.	1—18

VII. СМѢСЬ.

Біографическіе очерки знаменитыхъ современниковъ. Князь Меттернихъ. — Теря, иногда выигрываютъ. — Зима въ Кзбекѣ. (Вильгельма Шваба). — Направленіе сѣвероамериканскихъ журналовъ. — Экспедиція капитана Троттера къ берегамъ Нигера. — Тункинскія гнѣзда. — Оригинальное недоразумѣніе. — Новѣйшія моды. — Новыя русскія книгъ. — Новыя французскія книги.	1—40
О продолженіи изданія <i>Сына Отечества</i> на 1849 годъ.	1—8
Къ этой книгѣ <i>Сына Отечества</i> приложена: Парижская картинка модъ.	

Всего 25 печ. лств.

Русская Исторія.

МИТРОПОЛИТЫ, ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

АРСЕНІЙ МАЦѢВИЧЪ.

Сибирскій, а потомъ ростовскій.

Родомъ изъ Польши.—Съ 1734 по 1737 годъ находился въ камчатской экспедиціи по Северному морю. Возвратясь въ С. Петербургъ, опредѣленъ въ гимназію Академіи Наукъ учителемъ Богословія. 1741 мая 26 посвященъ прямо изъ іеромонаховъ въ митрополиты сибирскіе. 1742, переведенъ въ Ростовъ и тогда же пожалованъ членомъ Синода. Въ послѣдующее время, за неисполненіе долга своего сана, онъ заслужилъ гнѣвъ Императрицы, отставленъ былъ отъ паствы, лишенъ архіерейскаго сана и скончался около 1780 года.

К. XII. — Отд. I.

Онъ написалъ семь поученій, которыя напечатаны по-рознь въ Москвѣ 1742, 43 и 49 годовъ. Прочія его сочиненія хранятся въ рукописи въ ярославской семинарской библиотекѣ.

ТИМОФЕЙ ЩЕРБАЦКІЙ.

Московскій и калужскій.

Уроженецъ малороссійскій.—Родился 1698 года, и названъ при крещеніи Тахономъ.—Въ отроческихъ лѣтахъ взятъ былъ ко двору Петра Великаго въ пѣвческую должность, а по увольненіи отъ нея, обучался въ кievской Академіи разнымъ языкамъ, философіи и Богословію. 1737, вступилъ въ монашество при Кіево-Софійскомъ кафедральномъ монастырѣ и того же года прозаведенъ игуменомъ. 1739, посвященъ архимандритомъ въ Златоверхомихайловскій кievскій монастырь. 1740, переведенъ въ Кіево-Печерскую лавру. Въ 1757 назначенъ въ московскую епархію, а 1764 вельно ему именоваться московскимъ и калужскимъ митрополитомъ.—Скончался 1767 апрѣля 18, на 69 году отъ рожденія и первый изъ архіереевъ погребенъ священническимъ погребеніемъ*, въ Чудовъ монастырь.

АРСЕНІЙ МОГИЛЯНСКІЙ.

Кіевскій и галицкій.

Родился въ полтавскомъ полку, въ мѣстечкѣ *Рыштылокъ*, 1704 марта 17 и нарѣченъ Алексѣемъ.—Обучался 6 лѣтъ въ кievской Академіи, потомъ въ харьковскомъ коллегіумѣ. Въ 1741 перешелъ въ московскую славяно-греко-латинскую Академію и тамъ того же года постриженъ въ монашество, принявъ имя Арсенія.—Вскорѣ потомъ определенъ учителемъ грамматики и риторики.—Онъ имѣлъ превосходный даръ проповѣдыванія, которымъ обратилъ на себя вниманіе даже

* До того времени архіереи погребались по чину простыхъ монаховъ.

Высочайшаго Двора и всего народа. Въ 1744, по именному указу, взятъ онъ въ придверные проповѣдники и того же года посвященъ въ архимандриты Троице-Сергіевой лавры и пожалованъ членомъ Синода. Того же года іюля 25 хиротонисанъ архіепископомъ въ Переяславль-Залѣскій. — Императрица Елисавета Петровна, въ вознагражденіе проповѣдническихъ трудовъ его, пожаловала ему панагію въ 60,000 рублей. Неусыпное его рвеніе въ трудахъ сихъ ослабило его здоровье, такъ что онъ принужденъ былъ просить увольненія отъ всѣхъ своихъ должностей, и въ 1752 отправился на покой въ новгородъ-съверскій-преображенскій монастырь, который и препорученъ ему былъ въ управленіе. Тамъ здоровье его поправилось, и потому 1758 года въ декабрь, пожалованъ онъ митрополитомъ въ Кіевъ. — Пребывая въ сей посты 12 лѣтъ, онъ неутомимо занимался ея исправленіемъ, своимъ иждивеніемъ устроилъ Академію и снабдилъ библіотеку ея большимъ числомъ книгъ, обогатилъ ризницу, сдѣлалъ значительныя поправки и украшенія и учредилъ въ знатнѣйшихъ градскихъ церквахъ проповѣдниковъ. — Скончался въ 1770 году.

ПАВЕЛЪ КОНЮШЕВИЧЪ (или КОНЮСКЕВИЧЪ).

Тобольскій и сибирскій.

Изъ архимандритовъ новгородскаго Юрьева монастыря, хиротонисанъ въ тобольскіе и сибирскіе митрополиты въ 1758 году. По десятилѣтнемъ правленіи, 1768 января 11, уволенъ на обѣщаніе въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ и имѣлъ пребываніе до кончины своей, послѣдовавшей 1771 года.

ДИМИТРИЙ СЪЧЕНОВЪ.

Великоновгородскій и великолуцкій.

Хиротонисанъ изъ архимандритовъ казанскаго святагоокм монастыря въ епископа нижегородскаго и алатырскаго 1742

сентября 12. — 1748 за болѣзнію уволенъ въ казанскую раческую пустыню на покой. Въ 1752 вновь определенъ епископомъ рязанскимъ. 1757, произведенъ архіепископомъ и переведенъ въ Новгородъ, гдѣ, въ 1762 октября 2, пожалованъ митрополитомъ. — Скончался въ Москвѣ, 1767 декабря 14, а оттуда тѣло его привезено въ Новгородъ и погребено въ Софійскомъ соборѣ въ мартиріевской паперти.

ГАВРИЛЪ КРЕМЕНЕЦКІЙ.

Кіевскій и галицкій.

Родился кіевского полка въ городѣ Носовкѣ, отъ грампчальника сего мѣста и нарѣченъ Григоріемъ. Съ младыхъ лѣтъ обучался въ кіевской Академіи, потомъ въ харьковской училищной коллежѣ и наконецъ въ московской Академіи. Оттуда высланъ въ С. Петербургъ, гдѣ былъ учителемъ въ новозаведенной Александро-Невской семинаріи. Тамъ пострѣженъ въ монахи и нарѣченъ Гавриломъ. Въ 1742 пожалованъ ректоромъ помилутой семинаріи. 1748 посвященъ въ архимандриты московскаго Новоспасскаго монастыря и определенъ членомъ въ Синодъ. 1749 хиротонисанъ во епископа коломенскаго. 1755 переведенъ въ Казань, а оттуда 1762 іюля 26 въ С. Петербургъ и пожалованъ архіепископомъ. 1770 сентября 23 определенъ митрополитомъ въ Кіевъ, гдѣ и скончался 1783 августа 8.

ВЕНІАМИНЪ ПУЦЕКЪ-ГРИГОРОВИЧЪ.

Казанскій и свіазскій.

Въ раннее время управлялъ оныя плетью епаркіею; — хиротонисанъ 1743 августа 14 въ архимандриты Спасо-Вознесенскій.

скаго монастыря во епископа нижгородскаго. 1753 марта 3 переведенъ въ Тверь. 1758 апреля 2 во Псковъ. 1761 сентяб-
ря 15 пожалованъ архіепископомъ с. петербургскимъ. 1762
іюля 2 переведенъ въ Казань. 1775 января 26 пожалованъ
митрополитомъ, при чемъ Императрица поздравила его съ
этимъ званіемъ собственноручнымъ, весьма лестнымъ, пись-
момъ, въ награду огорченій, испытанныхъ имъ въ бунтъ
Бугачева. — Онъ имѣлъ даръ слова и былъ во послѣдныя
проезжанія своего времени. Выпросилъ увольненіе отъ
службы, онъ избралъ послѣднимъ жилищемъ своимъ Сед-
незерскую пустынь (казанской епархіи), и скончался тамъ
1782 марта 17, въ мѣстной старости.

ГАВРИИЛЪ ПЕТРОВЪ.

Новгородскій и санктпетербургскій.

Родился въ Москвѣ 1730 мая 18. — По окончаніи наукъ въ
московской славяно-греко-латинской Академіи, въ 1754 году
опредѣленъ старшимъ корректоромъ въ московскую синодаль-
ную типографію. Въ 1758 переведенъ въ Сергіево-Лаврскую
семинарію въ должность учителя риторикъ, и того же года
іюня 28 постриженъ въ монахи, и на другой день произведенъ въ
іеродіаконъ, а іюля 1 въ іеромонахи. 7 числа того же мѣсяца
сдѣланъ соборнымъ Сергіевской Лавры іеромонахомъ и тамош-
ней семинаріи ректоромъ и Богословія учителемъ, а 14 августа
нашестникомъ Лаврскимъ. 1761 сентября 20 произведенъ въ
архивадригъ Заиконоспаскаго монастыря и опредѣленъ рек-
торомъ московской Академіи. 1765 октября 19 пожалованъ
епископомъ тверскимъ. Въ 1765 же указомъ отъ 27 декаб. вы-
званъ въ С. Петербургъ, а 1768 февраля 25 опредѣленъ допу-
тателемъ отъ духовенства, въ комиссію о составленіи проекта
новаго уложенія. 1769 сентября 23 опредѣленъ членомъ Си-
нода; 1770 сентября 22 переименованъ архіепископомъ с.
петербургскимъ, а 1775 января 1 новгородскимъ и с. пе-

тербургскимъ. Въ 1783 сентября 22 пожалованъ митрополитомъ. 1789, за усердіе къ службѣ и къ благу отечества пожалована ему шапка, украшенная брилліантами и потомъ сакось изъ порфира.—Сей ученый пастырь, кромѣ привѣтственныхъ рѣчей особамъ Императорской фамиліи, занимается сочиненіемъ многихъ необходимыхъ книгъ для церкви. Россійская Академія въ словарь перваго изданія (часть 2) признаетъ, что онъ былъ изъ первыхъ ея сотрудниковъ въ сочиненіи сего словаря и собралъ три буквы: *И. І. К.*—Императрица Екатерина II, во время путешествія своего по Волгѣ въ 1767 году, занимавшаяся, вмѣстѣ съ приближенными къ ней придворными оеобами, переводомъ на русскій языкъ Мармонтелева *Велисарія*, повелѣла посвятить сей переводъ преосвященному Гаврилу.

Въ царствованіе Императора Павла I, онъ первый изъ духовенства получилъ ордена Св. Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго.—Вскорѣ по вступленіи на престолъ сего Государя, митрополитъ Гаврилъ исходатайствовалъ у Императора указъ объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія священно-служителей, судимыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ.—Сей пастырь скончался 1801 января 26, уволенный на покой.

САМУИЛЬ МИСЛАВСКІЙ.

Кіевскій и галицкій.

Родился въ малороссійскомъ городѣ Глуховѣ 1731 мая 24 и наименованъ Стефаномъ. По окончаніи наукъ въ кіевской Академіи, принялъ монашество въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ, 1754 іюня 12. Съ 1757 поября 7 былъ тамъ преемникомъ, а съ 1759 учителемъ философіи и Богословія. 1762 февраля 12 посвященъ въ архимандриты Кіево-Братскаго монастыря и определенъ ректоромъ Академіи и членомъ кіевской консисторіи. 1766 въ августъ переведенъ въ Пустынно-Николаевскій монастырь и въ ту же осень вызванъ въ С. Петер-

бургъ, гдѣ того же года декабря 28 хиротонисанъ въ епископа бѣлоградскаго. 1771 сентября 24 переведенъ въ крутицкую епархію. 1775 февраля 17 пожалованъ членомъ Синода. 1776 марта 17 переведенъ въ ростовскую епархію. 1777 сентября 22 пожалованъ архіепископомъ, а 1783 сентября 22 митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ. 1786 пожалованъ ему титулъ архимандрита Кіево-Печерской Лавры.—Онъ много написалъ разныхъ духовныхъ книгъ, изъ которыхъ три поученія, говореныя имъ въ 1775, 76 и 78 годахъ переведены на греческій, латинскій и нѣмецкій языки и напечатаны въ Москвѣ.—Скончался въ Кіевѣ 1796 года января 5.

ПЛАТОНЪ ЛЕВШИНЪ.

Московскій и калужскій.

Родился 1737 іюля 29 въ подмосковномъ селѣ Чашниковѣ, отъ тамошняго священника и при рожденіи наименованъ Петромъ. Обучался наукамъ и языкамъ въ московской академіи и еще прежде окончанія академическаго курса, по указу Синода, опредѣленъ въ ту же Академію учителемъ поэзи, а притомъ и публичнымъ катихизаторомъ. 1753 переведенъ въ московскую семинарію на должность учителя риторики и того же года августа 14 постриженъ въ монашество. 30 того же мѣсяца посвященъ въ іеродіакону; 1759 іюля 2 въ іеромонахи. Вскорѣ послѣ сего опредѣленъ семинаріи префектомъ и учителемъ философіи, а 1762 съ марта ректоромъ и учителемъ Богословія. Въ томъ же году, когда Императрица Екатерина II послѣ коронаціи своей прибыла въ первый разъ для Богомолевія въ Сергіеву Лавру, онъ при встрѣчѣ говорилъ Ей привѣтственную рѣчь. Въ 1763, при званіи ректора исправлялъ онъ уже намѣстническую должность, а въ маѣ того же года, послѣ вторичнаго посѣщенія Императрицею сей обители, онъ также встрѣтилъ Государыню. Вскорѣ послѣ того она избрала его въ наставники Слова Божія Великому Князю

Павлу Петровичу и житье съ тѣмъ архидьякономъ придворнымъ. 29 августа того же года, вступилъ онъ въ назначенныя ему должности, которыя проводилъ около четырехъ лѣтъ. Между-тѣмъ онъ изучилъ тогда французскому языку. Въ 1766 июля 16 посвященъ въ архимандрита Сергіевой Лавры. 1768 января 18, по высшему указу, определенъ членомъ Синода. 1770 октября 20, хиротонисанъ на архіепископа тверскаго, съ предоставленіемъ и архимандритскаго званія Сергіевой Лавры. Въ 1773, когда прибыла въ С. Петербургъ назначенная Великому Князю въ супруги Гессен-Дармштатская принцесса Наталія Алексеевна, онъ былъ избранъ ея духовникомъ и преподавалъ ей наставленія въ греко-россійскомъ исповѣданіи, а по кончинѣ ея былъ также духовникомъ и второй невѣстѣ Великаго Князя Виртембергъ-Штутгардской принцессѣ Маріи Феодоровнѣ. 1775 января 21 пожалованъ московскимъ архіепископомъ. Въ бытность его въ С. Петербургѣ 1778 и 1782 годовъ, говорилъ онъ проповѣди въ придворной церкви при высочайшемъ присутствіи. По возвращеніи въ Москву, большую часть времени жилъ онъ въ Сергіевой Лаврѣ, а потомъ въ выстроенномъ на его издѣніи близъ сей обители Введенскомъ монастырѣ.—Въ 1787 году, когда Императрица возвращалась изъ путешествія своего въ южныя провинціи Россійскаго государства, онъ встрѣтилъ ее въ Москвѣ, и 29 іюня, во время литургіи, пожалованъ митрополитомъ.

1797 мая 21 получилъ онъ отъ Императора Павла I орденъ Св. Анствла Андрея и Св. Александра Невскаго. 1801, при коронаціи Императора Александра I, онъ церемонствовалъ при сей обрядѣ и совершилъ оный сентября 15 въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. 1809 августа 30 награжденъ Владимирскимъ орденомъ 1-го класса. 1811, испросилъ себѣ по болѣзнямъ увольненіе отъ епархіальныхъ дѣлъ и жилъ въ Спасо-Введенскомъ своемъ монастырѣ. Въ августѣ 1812, передъ самымъ нашествіемъ Французовъ, привѣзжалъ онъ въ послѣдній разъ въ Москву и того же года ноября 11

скончался въ Святи-Владимирскомъ монастырѣ и погребенъ тамъ 16 того же мѣсяца.

Проповѣдническія и другія его сочиненія, издачныя сперва перовны, напечатаны послѣ въ 20 томахъ.

ГАВРИИЛЬ БОДОНИ.

Екатеринославскій и Херсониса-Таврическаго.

Родомъ изъ Молдавіи.—Опредѣленъ изъ яссскихъ архіереевъ митрополитомъ въ Екатеринославль 1793 мая 16.—Скончался при Императорѣ Александрѣ I.

ІЕРОФЕЙ МАЛИЦКІЙ.

Кіевскій и залитскій.

Хиротонисанъ изъ архимандритовъ черниговскаго—слепкаго монастыря въ епископа черниговскаго и нѣжинскаго, въ 1788 году, переведенъ митрополитомъ въ Кіевъ 1796 апрѣля 1.—Скончался при Императорѣ Павлѣ I, 1799 сентября 2.

Кромѣ сихъ митрополитовъ, были еще греческіе и грузинскіе, которые не имѣли епархій, а пребывали только въ Россіи. Изъ нихъ:

ГРЕЧЕСКІЕ:

СЕРАФИМЪ, бывшій патриархъ константинопольскій, имѣлъ пребываніе въ 1776 году кіевской епархіи въ Максаконскомъ преображенскомъ монастырѣ, а въ 1777 во Мгарскомъ-Лубенскомъ.—Скончался 1780 года.

ПАРФЕНІЙ, патросскій, находился въ Россіи съ 1777 года; скончался 1786.

АНФИМЪ, моновайскій. Имѣлъ пребываніе въ Россіи съ к. XII. — Отд. I.

1777 года. Скончался въ царствованіе Императора Александра I.

СЕРАФИМЪ, лакедемонскій. Находился въ Россіи съ 1777 года. Скончался въ 1789 году.

ВЕНЕДИКТЪ, навплійскій, пребывалъ съ 1777 года въ Тавриадъ, въ городъ Феодосіи.—Скончался въ царствованіе Императора Александра I.

АНФИМЪ, ерчечинскій, въ Россіи съ 1777 года. Скончался 1783 года.

ИГНАТИЙ, готейскій и кебайскій, въ Россіи съ 1780. Скончался 1786 года.

КИРИЛЛЪ, проиловскій, въ Россіи съ 1790, имѣлъ пребываніе въ Дубосарахъ. Скончался при Императорѣ Александрѣ I.

Грузинскіе:

АѦНАСИЙ, тифлиссскій, сконч. 1774. Имѣли пребываніе
НИКОЛАЙ, кахетинскій, сконч. 1783. въ Россіи въ началѣ
ХРИСТОФОРЪ, цыркканскій и ривій- царствованія Екас-
 скій, скончался 1769. терины II.

АНТОНІЙ, алавердскій, царевичъ грузинскій, имѣлъ пребываніе въ Кіевъ съ 1787 года, въ которомъ и скончался.

ЮНА, гровельскій. Пребываніе имѣлъ въ Россіи съ 1793 года въ Кіевъ, а потомъ въ Москвѣ. Скончался при Императорѣ Александрѣ I.

Всѣхъ митрополитовъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II было 26.

ФЕДОРЪ ФОНЪ-ЭТТИНГЕРЪ.

Современная Истoria и Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Высочайшія грамоты.

Нашему генералъ-адъютанту, командующему войсками и управляющему гражданскою частію въ При-Каспійскомъ краѣ, генералъ-лейтенанту князю *Арутинскому Долорукову*.

Открывъ настоящую компанію занятіемъ и разрушеніемъ твердынь Гергебильскихъ, войска Дагестапскаго отряда вновь ознаменовали себя совершеннымъ пораженіемъ 22-го сентября, при селѣ Мискеджи, многочисленныхъ скопищъ Шамля, дерзко вторгнувшись въ Самурскій округъ. Совершивъ съ немовѣрною быстрою усиленныя переходы по горамъ, уже покрытымъ снѣгомъ, эти храбрыя войска, подъ личнымъ предводительствомъ вашимъ, неустрашимо штурмовали неприступную позицію, въ которой укрѣпился непріатель, обратили его въ бѣгство, мгновенно очистили долину Саура отъ мятежниковъ и снѣгъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ освободили гарнизонъ

укрѣпленія Ахты, геройски-защищавшагося отъ многократныхъ штурмовъ и нападеній многочисленнаго непріателя. Въ справедливомъ вниманіи къ столь блистательному подвигу, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена *Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго*, коего знаки при семъ препровождая, пребываемъ къ вамъ благосклонны.

На подлинной Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

Н И К О Л А Й.

Царское Село, октября 22-го дня, 1848 года.

Генералъ-фельдмаршалу Императорско-Австрійской службы, князю *Виндишгрецу*.

Отдавая полную справедливость доблестнымъ дѣйствіямъ вашимъ къ поддержанію законныхъ правъ вашего Монарха, ознаменованнымъ отличною твердостью и примѣрнымъ благоразуміемъ, Мы, въ искреннемъ сознаніи высокихъ заслугъ вашихъ и во изъявленіе особеннаго Нашего къ вамъ благоволенія, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена *Св. Апостола Андрея Первозваннаго*, знака коего при семъ препровождая, пребываемъ къ вамъ навсегда благосклонны.

На подлинной Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

Н И К О Л А Й.

Царское Село, 28-го октября 1848 г.

Императорскому королевскому австрійскому генералъ-лейтенанту барону *Теллачичу*, бану кرواتскому.

Примѣрное самоотверженіе, съ коимъ вы, венчая главу чести и долга посвятили себя защитѣ законныхъ правъ вашего Государя, вѣрнаго союзника и друга Нашего, мужество и твердость духа, оказанныя вами при укрощеніи мятежа, содѣлавшаго столицу Австріи позорищемъ неистовства и буйства,

приобрѣли вамъ полное право на особое Наше уваженіе. Желая ознаменовать Наше къ вамъ благоволеніе и виѣсть съ тѣмъ почтить въ лицѣ вашемъ подвиги, совершенные храбрыми войсками, сражавшимися подъ вашимъ предводительствомъ, Мы пожаловали васъ кавалеремъ ордена *Св. Равноапостольнаго князя Владимира 1-й степени*, коего знаки при семъ препровождаемъ, пребывая къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«И. И. Ж. О. Л. И.»

Иркутское Слово, октября 28-го дня 1848 года.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННОГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ, СЪ 15 ОКТЯБРЯ ПО 15 НОЯБРЯ 1848 ГОДА.

Уставъ о службѣ гражданской.

Октября 30. Главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями входилъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ о предоставленіи присвоеннаго 53 пунктомъ прилож. къ 935. ст. 3 т. Св. зак. права на пошеніе мундира въ отставкѣ и тѣмъ чиновникамъ, которые выслужили въ одномъ вѣдомствѣ 10 лѣтъ, хотя бы и не сряду, если только во время бытности въ сего вѣдомства они не состояли на службѣ въ другомъ. Его Императорское Величество, по положенію комитета министровъ, Высочайше повелѣтъ соизвоилъ: для всѣхъ гражданскихъ вѣдомствъ постановить, что присвоенное 53 пунктомъ положенія о гражданскихъ мундирахъ право на пошеніе въ отставкѣ должностнаго мундира предоставляется и тѣмъ чиновникамъ, которые выслужили въ одномъ вѣдомствѣ 10-лѣтній срокъ, хотя бы и не сряду, если только во время бытности въ сего вѣдомства, они не состояли на службѣ въ другомъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Назначивъ Нашего генераль-адъютанта, генераль отъ кавалеріи князя Чернышева предсѣдателемъ государственнаго совѣта, съ оставленіемъ военнымъ министромъ, — Мы признаемъ необходимымъ облегчить его въ обширныхъ занятіяхъ, лежащихъ на немъ по дѣлопроизводству въ военномъ министерствѣ. Въ сихъ видахъ, утвердили Мы положеніе о товарищѣ военнаго министра, которое препровождаемъ въ правительствующій сенатъ, повелѣвая привести оное въ надлежащее исполненіе.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

. Н И К О Л А Й .

Царское-Село, 7-го ноября 1848 г.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

. БЫТЬ ПО СЕМУ .

Царское-Село, 7-го ноября 1848 г.

П О Л О Ж Е Н І Е

О ТОВАРИЩѢ ВОЕННАГО МИНИСТРА.

§ 1. Званіе товарища военнаго министра отдѣляется отъ званія начальника военно-походной канцеляріи Его Императорскаго Величества, съ которымъ оно было соединено на основаніи Свода Военныхъ постановленій ч. 1-й, кн. 1-й ст. 34.

§ 2. Товарищъ военнаго министра пользуется правами, всѣмъ вообще товарищамъ министровъ предоставленными, и сохраняетъ обязанности, права, отношенія и отвѣтственность, которыя были присвоены начальнику военно-походной канцеляріи Его Императорскаго Величества, собственно по званію товарища военнаго министра и по участию въ дѣлахъ военнаго

министерства, во-время Высочайшаго пребыванія въ столицѣ, на основаніи Свода военныхъ постановленій ч. 1-й кн. 1-й ст. 788—792, 911—914, 1017, 1104—1106.

§ 3. Въ-случаѣ если военный министръ не присутствуетъ въ правительствующемъ сенатѣ за другими дѣлами и обязанностями, на немъ лежащими, то вмѣсто его присутствуетъ товарищъ военного министра, собственно по дѣламъ, до военного министерства относящимся, и подписываетъ опредѣленія, по сими дѣламъ состоявшіяся.

§ 4. Товарищъ военного министра засѣдаетъ въ военномъ совѣтѣ и имѣетъ голосъ наравнѣ съ прочими членами совѣта.

§ 5. Кромѣ обязанности споспѣшествовать безостановочному ходу дѣлъ по министерству вообще, товарищъ военного министра наблюдаетъ въ особенности за дѣйствіями департаментовъ хозяйственныхъ, въ отношеніи: способовъ предстоящихъ заготовленій всякаго рода, успѣха заготовленій, уже производимыхъ, состоянія денежныхъ и вещевыхъ капиталовъ и продуктовъ, правильности распредѣленія и употребленія суммъ, надлежащей отчетности въ оныхъ, и вообще по всѣмъ предметамъ, вѣдѣнію и дѣйствіямъ сихъ департаментовъ подлежащимъ.

§ 6. Для удобнѣйшаго исполненія возлагаемыхъ на товарища военного министра обязанностей, онъ присутствуетъ при всѣхъ занятіяхъ военного министра съ директорами департаментовъ и канцеляріи министерства.

§ 7. Порядокъ сношенія по военному министерству устанавливается на слѣдующихъ правилахъ:

I. Къ перепискѣ военноаго министра принадлежать:

1) Сношенія по всѣмъ вообще дѣламъ съ главнокомандующими и намѣстниками, съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, по всѣмъ званіямъ, на Его Высочествомъ лежащимъ, и съ министромъ Императорскаго двора.

Примѣчаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ военный министръ имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, предоставить товарищу по дѣламъ текущимъ и незаключаяющимъ объявленія Высочайшихъ повелѣній—сноситься прямо отъ себя съ начальниками главныхъ и другихъ штабовъ.

и 2) Предоставленія въ правительствующей сенатъ, съ объясненіемъ Высочайшихъ повелѣній.

II. Къ перепискѣ товарища военнаго министра принадлежатъ:

1) Записки въ государственній совѣтъ и въ комитетъ министровъ.

2) Рапорты въ правительствующій сенатъ—по дѣламъ, по коимъ требуется объясненіе или заключеніе,—и

3) Сношенія съ министрами, главноуправляющими, главноначальствующими и равными имъ лицами, а также съ начальниками войскъ, кромѣ лицъ вышепоименованныхъ, директорами департаментовъ и начальниками прочихъ учреждений военнаго министерства: а) По Высочайшимъ повелѣніямъ, издаваемымъ военнымъ министромъ резолюціями на бумагахъ, или словесно ему министромъ передаваемыхъ,—и б) По дѣламъ текущимъ и вновь возникающимъ по министерству.

§ 8. Въ бумагахъ, подписываемыхъ товарищемъ военнаго министра по дѣламъ, поименованнымъ въ предвидущемъ §, пунктъ II, прибавляются при подписи слова: «*За Военнаго Министра:*»

§ 9. Если товарищъ военнаго министра. положе чиновъ кого-либо изъ директоровъ департаментовъ, то исходящія бумаги скрѣпляются начальниками отдѣлений и другими равными имъ лицами, по принадлежности, и препровождаются директорамъ департаментовъ къ директору канцеляріи при запискѣ, во формѣ, на сей предметъ установленной.

§ 10. Записки сии хранятся въ общей Регистратурѣ канцеляріи военнаго министерства, и по истеченіи года сдаются въ архивъ.

Подлинное подписалъ: *Военный министръ, генералъ-адъютантъ князь Чернышевъ.*

**Въ Высочайшемъ указѣ, даннымъ Правительственной Сенатъ
7 октября 1849 года, повелѣнное:**

«Манифестомъ 31-го января 1833 года, объявляя о довершенномъ тогда составленіи общаго свода законовъ Имперіи и о порядкѣ приложенія къ дѣламъ внесенныхъ въ оный постановленій, Мы повелѣли узаконенія, принадлежащія къ управленію государственнаго контроля, какъ еще непомѣщенныя въ сей сводѣ, продолжать показывать въ дѣлахъ по-прежнему, съ означеніемъ времени ихъ обнародованія, доколѣ не будетъ составленъ особый симъ узаконеніямъ сводъ. Нынѣ и сей сводъ уставовъ счетныхъ, подъ непосредственнымъ Нашимъ вѣдѣніемъ, оконченъ во Второмъ Отдѣленіи Собственной Нашей канцеляріи.

«Препровождая оный при семъ указѣ Нашемъ въ правительствующій сенатъ, для надлежащаго обнародованія и введенія въ дѣйство, повелѣваемъ:

1.) Въ общемъ составѣ свода законовъ Имперіи присоединить сводъ уставовъ счетныхъ къ уставамъ казеннаго управленія, какъ патуу оныхъ часть;

2.) Съ 1-го мая 1849 года во всѣхъ мѣстахъ правительственныхъ и судебныхъ и вообще въ дѣлахъ при указаніи на постановленія и правила счетныя подъ какими бы наименованіемъ оныя по управленію государственнаго контроля ни были изда ны, за исключеніемъ лишь внесенныхъ въ сводъ военныхъ постановленій, означать статьи свода уставовъ счетныхъ тѣмъ же порядкомъ какъ означаются статьи прочихъ частей общаго свода законовъ Имперіи.

Экземпляры сей новой книги законовъ имѣютъ быть доставлены отъ Второго Отдѣленія Собственной Нашей канцеляріи во всѣ првоутственные мѣста и къ начальствующимъ лицамъ, также какъ доставляются отъ онаго экземпляры продолженій общаго свода законовъ.

Все что будетъ впредь поставлено относительно управленія государственнаго контроля, имѣетъ быть распределено въ порядокъ, который принять въ сводѣ уставовъ счетныхъ и въ свое время помѣщено въ продолженіи общаго свода

законовъ по указаннымъ Нами для сего Второму Отдѣленію Собственной Нашей канцеляріи правляемъ.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ правительствующему сенату, октября 11, изображено:

«Управленіе государственнаго копозаводства, по соотношенію его къ общему сельскому хозяйству, повелѣваемъ присоединить къ министерству государственныхъ имуществъ, на правахъ, для означеннаго управленія Нами утвержденныхъ, о чемъ не оставитъ правительствующій сенатъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.»

Октября 28. Государь Императоръ, въ дополненіе 1384 ст. т. V. Свод. Военныхъ Постановленій въ 27 день октября Высочайше повелѣтъ соизволимъ: свидѣтельство раненыхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ въ отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ предоставить:

1) Въ войскахъ расположенныхъ въ Тифлисской, Шемахинской и Кутаисской губерніяхъ и Джаро-Бѣлоканскомъ военномъ округѣ,—начальнику главнаго штаба войскъ на Кавказѣ находящихся.

2) Въ Черноморіи, на правомъ флангѣ и центрѣ Кавказской линіи, равно и во Владикавказскомъ военномъ округѣ,—командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи.

3) На лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи—начальнику онаго.

4) Въ Дербентской губерніи и Дагестанѣ—командующему войсками въ Прикаспійскомъ краѣ; и

5) Въ войскахъ, состоящихъ на Черноморской береговой линіи—начальнику онай.

Видѣтъ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы таковыя свидѣтельства были утверждаемы подписью главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, какъ главнаго начальника всѣхъ войскъ на Кавказѣ.

Октября 29. Государь Императоръ, согласно ходатайства Его Императорскаго Высочества, Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній Высочайше повелѣтъ соизволимъ: штаты и табели губернскихъ кадетскихъ корпусовъ: Петровскаго-

Полтавскаго, Александровскаго-Брестскаго, Орловскаго-Бахтина, Тульскаго-Александровскаго, Оренбургскаго-Неплюевскаго, Михайловскаго-Воронежскаго, Тамбовскаго, Финляндскаго, Сибирскаго и Грузинскаго, утвержденные на срокъ, по первымъ 9-ти корпусамъ до 1-го января, а по Грузинскому корпусу до 4-го августа 1849 года, принимать въ руководство, какъ при составленіи смѣтъ, такъ и при исполненіи оныхъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ до тѣхъ поръ, пока для означенныхъ корпусовъ не будутъ утверждены новые штаты и табели.

До того же времени Его Величество предоставляет Его Императорскому Высочеству, въ случаѣ крайности, испрашивать временныя пособія тѣмъ изъ упомянутыхъ корпусовъ и по такимъ статьямъ, по которымъ сіи пособія не могутъ быть отложены на дальнѣйшій срокъ.

Октября 27. Военный Совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе департамента военныхъ поселеній, согласно съ заключеніемъ общаго присутствія департамента, положилъ: 1) Предоставить войску Донскому право брать для войсковыхъ построекъ безвозмездно камень, находящійся во всѣхъ участкахъ станичныхъ обществъ и частныхъ владѣльцевъ. 2) Камень брать какъ находящійся на поверхности, такъ и каменоломни закладывать для добычи онаго изъ пѣдръ земли, на тѣхъ только каменистыхъ площадяхъ, какія представляютъ его обнаженнымъ, означены на планахъ и при надѣлѣ исключались изъ пропорціи удобныхъ земель, но покрытаго слоемъ удобной земли камня не касаться. 3) Назначеніе мѣстъ для собиранія или выламыванія камня, смотря по качеству онаго и сподручности къ постройкамъ, предоставить распоряженію войсковаго начальства. 4) Перевозить камень съ мѣста добычи по проложеннымъ дорогамъ, но въ случаяхъ порчи рабочимъ скотомъ покосныхъ или пастбищныхъ мѣстъ, плату за то владѣльцамъ производить по взаимнымъ соглашеніямъ фуршиковъ съ хозяевами земли, а въ случаѣ спора, по оцѣнкѣ. 5) О правѣ войска на безвозмездную добычу камня въ дачахъ владѣльцевъ и въ станичныхъ юртахъ изъ неудобныхъ земель, оговаривать въ межевыхъ книгахъ, составляемыхъ Донскою межевою ком-

постѣю на владѣнія. Государь Императоръ, таковою же повелѣніемъ Высочайшаго Свѣта въ 24 день текущаго сентября, созвалъ Высочайше утвердить.

Октября 15. Г. министр юстиціи 8 мая сего года, предложилъ правительствующему Сенату о Высочайшей Его Императорскаго Величества волѣ относительно правъ и преимуществъ по службѣ тѣхъ Кавказскихъ и Закавказскихъ уроженцевъ, кои воспитываются на счетъ казны, въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, для приготовленія исключительно на службу въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ.

Нынѣ г. предсѣдатель Кавказскаго комитета увѣдомляетъ г.министра юстиціи, что Государь Императоръ въ разрѣшеніе нѣкоторыхъ возникшихъ по этому дѣлу вопросовъ, Высочайше соизволилъ повелѣть:

1) Предоставить Намѣстнику Кавказскому въ случаѣ, если онъ, по неимѣнію вакансій, найдетъ невозможнымъ кого либо изъ воспитанниковъ, по прибытіи въ край, опредѣлить тотчасъ на такую штатную должность, которая соотвѣтствуетъ классу пріобрѣтенной симъ воспитанникомъ ученой степени, то опредѣлить его въ должность, однимъ классомъ ниже оной, но съ тѣмъ однако, чтобы сей воспитанникъ былъ направленно помѣщенъ на первую, которая откроется, вакансію должности, соотвѣтствующей классу ученой его степени.

2) Если и за снѣмъ, по неимѣнію вакансій, не будетъ никакой возможности тотчасъ опредѣлить воспитанника на штатную должность, даже классомъ ниже, то предоставить Намѣстнику причислить его въ какому либо установленію, временно, для занятій, по съ тѣмъ однако, чтобы причисленіе это продолжалось никакъ не болѣе шести мѣсяцевъ, и чтобы въ теченіе этого срока воспитанникъ непремѣнно былъ помѣщенъ на штатную должность, соотвѣтствующую классу ученой его степени, или однимъ классомъ ниже оной.

3) Во время этого причисленія, воспитаннику производить, по назначенію Намѣстника Кавказскаго, такое жалованье, которое по общимъ штатамъ Закавказскаго края и Ставрополь-

свой губернии (смотря по тому, где воспитанникъ причисленъ къ службѣ) призваны должности, соответствующиыя классу ученой степени или одному классу выше оной.—Желательно: это производить въ общихъ остаткахъ суммъ, ежегодно отпускаемыхъ на содержаніе всего вообще Кавказскаго и Закавказскаго управленія, и только при рѣшительномъ недостаткѣ ихъ, изъ казны.

4) Кавказскимъ и Закавказскимъ воспитанникамъ, на основаніи предыдущихъ пунктовъ причисляемыхъ къ какому либо установленію до открытія вакансій, предоставитъ пользоваться всѣми вообще правами дѣйствительной службы; и

5) Предоставитъ Намѣстнику Кавказскому о всѣхъ перемѣнахъ по службѣ означенныхъ воспитанниковъ, въ продолженіи бѣгутъ обязанной ихъ службы, сообщать предсѣдателю Кавказскаго комитета для доклада Его Императорскому Величеству.

Въ Высочайшемъ указѣ, данному Правительствующему Сенату, октября 5-го сего года, изображено:

«Въ 1844 году учреждено въ С.-Петербургѣ, съ разрѣшенія Нашего, заведеніе общины сестеръ милосердія, въ Божѣ почитающей Дщери Нашей Великой Княгини Александры Николаевны

«Желая дать заведенію сему, столь сообразному въ благотворныхъ дѣйствіяхъ своихъ съ духомъ истиннаго христіанскаго ученія и столь драгоцѣнному, по соединеннымъ съ нимъ воспоминаніямъ, родительскому сердцу Нашему, прочное и на твердыхъ вачалахъ основанное существованіе, Мы утвердили особый для него, Государственнымъ Совѣтомъ рассмотрѣнный уставъ.

«Препровождая уставъ сей, съ слѣдующими къ нему приложеніями, въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ привести оный въ надлежащее исполненіе.»

* Уставъ общины сестеръ милосердія ввпечатанъ въ № 87 С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Ведомостей. Заведеніе сіе, какъ сказано въ уставѣ, имѣетъ цѣлю: попеченіе о бѣдныхъ больныхъ, утѣшеніе скорбящихъ, призваніе на путь истинныи дѣтъ, преданныхъ порочнымъ, воспитанію дѣтей безпріютныхъ и исправленіе дѣтей съ дурными наклонностями.

Государь Императоръ, въ сѣдствіе журнала комитета гг. министровъ 21 сентября сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: прозектъ положенія страннопріимнаго заведенія, учреждаемаго въ Москвѣ на счетъ пожертвованій секундъ-маіора Ахлѣбаева утвердить, съ тѣмъ однако, чтобы смотритель сего заведенія, согласно принятому комитетомъ правилу для добрыхъ заведеній, устраниваемыхъ въ незначительномъ размѣрѣ, отнесенъ былъ по должности не къ VIII, но къ IX классу, а равно и по мундшу къ IX разряду. *

По положенію комитета гг. министровъ, 7 сентября сего года, Высочайше утвержденъ уставъ воспитательнаго заведенія для бѣдныхъ и нравственно-испорченныхъ дѣтей въ г. Нарвѣ. Цѣль сего заведенія, какъ сказано въ положеніи, напечатанномъ въ № 84 С.-Петербургскихъ Сенатскихъ вѣдомостей, заключается въ религіозномъ и нравственномъ воспитаніи дѣтей, коимъ родители, преимущественно изъ низшаго званія, — по бѣдности, или безнравственности своей, не могутъ дать приличнаго образованія.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, 21 минувшаго сентября, Высочайше повелѣть соизволилъ: дозволить вдовѣ тайнаго совѣтника Арсеньевой учредить въ Москвѣ богадѣльню, для призрѣнія бѣдныхъ женщинъ мѣщанскаго званія, на правилахъ, изложенныхъ въ положеніи объ этомъ заведеніи. **

Изъ министерства Государственныхъ Имуществъ выданы привилегіи нижеслѣдующимъ лицамъ:

Октября 9. Иностранцамъ Вашонъ (отецъ и сынъ)—деся-

* Въ положеніи о московскомъ страннопріимномъ заведеніи, напечатанномъ въ № 89 С.-Петербургскихъ Сенатскихъ вѣдомостей, — сказано, что заведеніе это состоятъ подъ вѣдѣніемъ Московскаго попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, имѣетъ цѣлю временное призрѣніе бѣдныхъ людей свободнаго состоянія, пришедшихъ въ Москву, для исправленія необходимыхъ надобностей, или для снисканія себѣ, трудами своими, пропитанія и жилища, на первый разъ, ни приличнаго пристанища, ни достаточныхъ средствъ къ содержанію.

** Положеніе о богадѣльнѣ вдовы тайнаго совѣтника Арсеньевой, въ Москвѣ, напечатано въ 88-мъ № С.-Петербургскихъ Сенатскихъ вѣдомостей.

тылѣтняя привилегія на изобрѣтенныя ими механическія сортировальныя или машины для очистки и раздѣленія по сортамъ всякаго рода зеренъ и сѣмянъ. Дѣйствіе этихъ машинъ, по описанію изобрѣтателей, основано на томъ, что очищаемыя зерна пересыпаются по металлической наклонной плитѣ, находящейся въ постоянномъ сотрясеніи съ наверхенными на ней въ очень близкомъ между собою разстояніи, ячейками, которыя при очищеніи, или раздѣленіи хлѣба, наполняются всякими мелкими зернами.

Октября 9. Верхнеудинскому 1-й гильдіи купцу, почетному гражданину Аполлону Курбатову, — пятилѣтняя привилегія на изобрѣтенные имъ способъ и снарядъ, для приготовления пшеничнаго зерна къ помолу. Изъ представленныхъ Курбатовымъ описанія и чертежа его изобрѣтенія, видно, что придуманный имъ способъ состоитъ въ обработкѣ пшеничнаго зерна струею водянаго пара, вмѣсто употребляемаго доселѣ моченія, для отдѣленія шелухи отъ зерна. Для сего онъ устроилъ снарядъ, основанный на томъ физическомъ явленіи, что водяные пары, при смѣшеніи ихъ съ атмосфернымъ воздухомъ, вслѣдствіе болѣе низкой температуры сего послѣдняго, осаждаются на поверхности окружающихъ тѣлъ, если температура ихъ не выше температуры пара, и облегаютъ ихъ тонкимъ слоемъ влаги. По объясненію изобрѣтателя, выгоды приготовленія зерна паромъ суть слѣдующія: шелуха пшеничныхъ зеренъ, насыщаясь паромъ, дѣлается твердою, тягучею и упругою, отчего, не размалываясь на дранномъ жерновѣ, удобно отстаетъ отъ мучнистаго тѣла зерна, и крупа отъ этого выходитъ чище, отвѣйка отрубей производится легче; зерно менѣе переносится и тѣмъ сокращается эта работа на $\frac{1}{8}$ часть; мука обрабатывается успѣшнѣе; выходъ ея протіву прежнихъ средствъ бываетъ болѣе и съ лучшими качествами, какъ по видѣ, такъ и въ печеніи, и долѣе сохраняется отъ затхлости.

Октября 9. Крестьянину Екатеринбургскаго уѣзда, нижнетагильскихъ гг. Денцовыхъ заводовъ, Михаилу Ушкову, — десятилѣтняя привилегія, на изобрѣтенную имъ вѣйку, приспособленную къ дѣйствию крупчатки. Существенная польза этой вѣй-

ки состоятъ, но обыкновенно изобрѣтателя, въ томъ, что она замѣняетъ, при четырехъ сѣтахъ, приволакивающихъ арбу для одиннадцати поставовъ, суточную работу 16 воловь, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность сосредоточить прикладъ за волыныи водосъ производства, въ слѣдствіе чего имъ тѣ же количества вывѣнчатого зерна, получается нанная арбу и приготовленная изъ нея крупчатая мука въ болѣебольшомъ количествѣ и лучшаго качества.

Октября 23. Минской губерніи вольноопущенному крестьянину *Осипу Якушину*, — патентная привилегія на изобрѣтенную имъ жатвенную машину. Изъ представляемаго изобрѣтателемъ описанія, видно, что живая машина ея имѣетъ видъ одноколки, у которой спереди предѣльная жатвенная машина, а сзади оглобли для упряжки лошади, приводящей ее въ движеніе. — По удостовѣренію изобрѣтателя, надъ этою машиною были произведены многократныя опыты, которые показали, что такая жатвенная машина, управляемая одною лошадью и управляемая однимъ человѣкомъ, сканаетъ на ровной черноземной почвѣ, въ $1\frac{1}{2}$ часа времени, одну десятину ржи, на что при обыкновенномъ ручномъ способѣ жатвы, нужна работа десятии человѣкъ въ течение цѣлаго дня.

Октябрь 14. Иностранцу *Жану Деклору*, выдана имъ министерства финансовъ. — шестилѣтняя привилегія на приготовленіе цинковыхъ бѣлыхъ и красокъ. Цель этого изобрѣтенія, какъ видно изъ описанія, состоитъ въ замѣненіи въ живописи, свинцовыхъ и желтыхъ красокъ, ядовитыхъ, ослорощивающихся и издающихъ надоедливыя оттѣнковъ, другими красками, болѣе постоянными и совершенно безвредными. — Цель эта вполне достигнута отысканіемъ способовъ, дающихъ возможность готовить искусственнымъ образомъ бѣлую и желтую краску изъ цинка и барита, зеленую изъ цинка, красную изъ сурьмы, которыя будучи употреблены самъ по себѣ, или въ смѣси съ другими известными красками, даютъ всѣ потребныя оттѣнки цвѣтовъ. Слѣдовательно это открытіе дѣлаетъ совершенное преобразованіе въ живописи, устраняя свинцовыя бѣлыя, желтыя свинцовыя краски и другія весьма вредныя и не постоянныя вещества, упо-

приблизительно той же силе вера. — Цинковые краски обыкновенно не скоро высыхают и это вредно ихъ употребленію, въ настоящемъ же изобрѣтеніи употребляется для этого сушка, которая не пачкаетъ отъѣва цвѣта, постоянна и при томъ безвредна какъ и самая краска. — Наконецъ, замѣненіе свинцовыхъ бѣлль бѣлою цинковою краскою даетъ возможность получать колеръ отлively бѣлый и свинцовый, безъ большихъ издержекъ и многочисленныхъ спадобій, къ которымъ нужно прибѣгать при употребленіи свинцовыхъ бѣлль и другихъ донынѣ извѣстныхъ красокъ.

ОПРЕДЕЛЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Октября 10. Дѣйст. стат. сов. Дмитрію *Казину*, повелѣно быть членомъ кабинета Е. И. В., сверхъ штата, съ содержаніемъ, положеннымъ по штату членамъ онаго и квартирными деньгами по 228 рублей 58 коп. серебромъ въ годъ, изъ суммъ кабинета. Октября 12. Командиру 2-й бригады гвардейской кирасирской дивизіи и лейбъ-гвардіи кирасирскаго имени Е. И. В. полка, генералъ-Мажору *Аржому*, повелѣно быть членомъ комитета государственнаго производства, съ оставленіемъ при настоящихъ его обязанностяхъ. Октября 20. Товарищу главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями инженеръ генералъ-лейтенанту *Рокосовскому*, повелено быть членомъ комисіи о построеніи Исакіевскаго Собора по искусственной части. Октября 26. Товарищу главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями инженеръ генералъ-лейтенанту *Рокосовскому*, повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ при настоящей должности. Ноября 3. Сост. въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, Д. С. С. графу *Медему*, повелѣно быть чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при дворѣ Его Величества Императора Бразильскаго. Начальнику штаба инспектора резервной кавалеріи, генералъ-адъютанту князю *Долгорукову*, повелѣно быть товарищемъ военнаго ин-

министра, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта. Вице-директору канцеляріи военного министра, свиты Е. И. В. генераль-маіору барону *Вревскому 1*, повелѣно быть директоромъ сей канцеляріи, съ оставленіемъ въ свитѣ Е. И. В.

Уволеніе отъ должности или отъ службы.

Октября 21. Оберъ-прокуроръ общаго собранія Варшавскихъ Правительствующаго Сената департаментовъ Д. С. С. *Бродовскій*, уволенъ, согласно прошенію его, вовсе отъ службы. Октября 24. Командиръ гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи *Кноррингъ 1*, по его прошенію, уволенъ отъ командованія корпусомъ, и всемплостивѣйше повелѣно быть ему членомъ военного совѣта, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта.

Пожалованіе въ званіе къ Высочайшему двору.

Октября 8. Вдовѣ генераль-маіора, Софіи *Апраксиной*, всемплостивѣйше повелѣно быть гофмейстерною двора Е. И. В. Государя Великаго Князя Константина Николаевича.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

БѢЛАГО ОРЛА.

Октября 8. Тайный совѣтникъ, Кіевскій губернскій предводитель дворянства, графъ *Тышкевичъ*.

Св. Анны 1-й степени.

Октября 1. Командующій резервною дивизіею отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генераль-лейтенантъ *Варнаховскій*. Октября 2. Императорскій Королевскій австрійскій генераль-лей-

товантъ баронъ Шенвальсъ. Октября 8. Дійет. Стат. Сов.,
Кіевскій гражданскій губернаторъ Фундулей.

Св. Станислава 1-й степени.

Сентября 19. Наказный атаманъ Азовскаго казачьяго войска, генераль-маіоръ Гладкій. Октября 6. Генераль-маіоръ, Тифлисскій губервскій предводитель дворянства, сост. по кавалеріи князь Орбельяновъ 1.

Св. Равноапостольнаго князя Владимира 3-й степени.

Сентября 26. Профессоръ, экстраординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, стат. сов. Якоби. Сентября 28. Командиръ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона, генераль-маіоръ Хомутовъ 2. Октября 8. Кіевскій вице-губернаторъ стат. сов. Бибииковъ.

Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Сентября 16. Австрійскихъ войскъ: командиръ 1-го корпуса, генераль-адъютантъ Его Величества, генераль-лейтенантъ графъ Вратиславъ, командиръ 2-го корпуса генераль-лейтенантъ баронъ д'Аспре, и квартирмейстеръ арміи, генераль-лейтенантъ дѣ-Гессъ.

Св. Равноапостольнаго князя Владимира 4-й степени, съ бантомъ.

Октября 9. Командиръ гренадерскаго Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича полка, князь Шаликовъ. Октября 10. Апшеронскаго пѣхотнаго полка капитанъ Дьяконовъ и Дагестанскаго пѣхотнаго полка поручикъ Кушечевичъ.

ПОЖАЛОВАНЫ МЕДАЛЯМИ:

Октября 14. Золотою медалью, съ надписью: «за усердіе», для ношенія на шеѣ на Аннинской лентѣ: Экономъ москов-
К. XII. — Отд. II.

ского инженерно-технического училища, почетный гражданин и почётный 1-й гильдии купецъ Зубрилинъ. Октября 2. Серебрянымъ медалями, съ надписью: «за усердіе», для ношенія на шею на Аннинской лентѣ: Наблюдатель нормальной магнитной обсерваторіи при институтѣ корпуса Горныхъ Инженеровъ уферъ-штхтмейстеръ 1-го класса Клементій Тумашевъ, кузнечный мастеръ Волжскаго завода Никифоръ Коссевиновъ и плотничный мастеръ Онежскаго солянаго правленія Митрофанъ Бабушкинъ.

=

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

А н г л і я . .

Лордъ Пальмерстонъ заключилъ съ находящимся въ Лондонѣ президентомъ Либеріи (республики Негровъ основанной съверо-американскимъ правительствомъ на западномъ берегу Африки), новый дружественный и мирный трактатъ, по которому обѣ державы обезпечиваются въ правахъ наиболее благопріятствуемыхъ націй. Пріѣздъ президента въ Европу имѣлъ цѣлю заключеніе союза съ Англіею и Франціею, и признаніе сими державами независимости новой африканской республики.

Бывшая королевская французская фамилія переселилась въ Ричмондъ. Людовикъ-Филиппъ и его семейство получили изъ Парижа множество драгоценностей, которыя составляли ихъ личную собственность и спасены при разграбленіи Тюильри.

Хартисты *Гамильтонъ* и *Ранкинъ* (въ Эдинбургѣ) объявлены судомъ присяжныхъ виновными.

— Военныя силы Англіи въ нынѣшнемъ году состоятъ изъ 138,760 человекъ. Изъ нихъ 24,922 находятся на жалованьи остъ-индской компаніи, которая сверхъ того платитъ казны ежегодно 60,000 фунтовъ стерлинговъ на выдачу пенсій и пр.; остальные 113,847 остаются на содержаніи бюджета, и состоятъ изъ 4,562 офицеровъ, 8,308 унтеръ-офицеровъ, трубачей и барабанщиковъ, и 100,677 солдатъ. Всѣ расходы на армию

простираются на этотъ годъ до 6,318,686 фунт. стер., изъ числа которыхъ почти четверть выдается на пенсіи и половинное жалованье. Для дѣйствующей арміи остается 4,201,178 фунт. стер., изъ которыхъ на каждого солдата приходится кругомъ 32, а на офицера 150 фунт. стерлинговъ.

Ирландія.

— Въ графствѣ Типперари составилъ заговоръ для освобожденія *Смита О'Брина*, приговореннаго къ смертной казни. 8 Ноября въ окрестностяхъ Клонмеля собралось отъ 1,500 до 2,000 людей, вооруженныхъ пиками и вилами. Но отрядъ полицейскихъ констеблей и солдатъ, изъ Клонмеля, разсѣялъ ихъ и 17 человекъ взялъ подъ стражу. Впрочемъ всѣ они освобождены, потому-что нѣтъ никакихъ основательныхъ противъ нихъ обвиненій.

— Государственные преступники *Смитъ О'Бринъ*, *Мизгеръ*, *Макъ-Манусъ* и *О'Доноге* прибыли 16 ноября изъ Клонмеля въ Дублинъ подъ сильнымъ прикрытіемъ. *Смитъ О'Бринъ* не совсемъ здоровъ, другіе же пользуются совершеннымъ здоровьемъ. Въ Коркѣ остались въ тюрьмѣ только двое обвиненныхъ въ политическихъ преступленіяхъ: президентъ тамошняго клуба, *Денни Лець* и г. *Пеннингтомъ*, намѣревавшійся отправиться въ Америку *Макъ-Мануса*.

— *О'Догерти* приговоренъ клонмельскою комиссіею късылкѣ на десять лѣтъ.

Франція.

Въ засѣданіе національнаго собранія, 25 октября, военный министръ читалъ проектъ декрета объ отправленіи въ Алжиръ лицъ, осужденныхъ на изгнаніе. Въ продолженіе десяти лѣтъ будутъ они тамъ употребляемы на общественныя работы, подъ законами военной дисциплины. Колоніи ихъ будутъ совершенно отдѣлены отъ прочихъ селеній. По истеченіи этого срока прекращается изгнаніе; но и послѣ трехъ-годичнаго сро-

ка, тѣ ссыльщые, которые хорошо будутъ вести себя, могутъ получать отдѣльныя жилища и работы. Послѣ шести лѣтъ могутъ они прибрѣтать собственность, и быть освобождаемы отъ военной дисциплины. Женамъ и дѣтямъ переселенцевъ предоставляется на волю слѣдовать за ними, по ихъ желанію.

— Въ томъ же засѣданіи, собраніе утвердило представленіе комисіи, учрежденной для приведенія въ порядокъ хозяйственныхъ дѣлъ Людовика-Филиппа и его фамиліи. Цѣнность имуществъ ихъ простирается до ста милліоновъ франковъ. По уплатѣ всѣхъ долговъ и требованій, останется 45 милліоновъ. Министру финансовъ предписано уплатить сіи долги и выдать остальные кому слѣдуетъ. Извѣстно, что въ первомъ жару революціоннаго бѣшенства, всѣ эти имущества были объявлены національнымъ достояніемъ. Потомъ была составлена комиссія для разбора сего дѣла подъ предсѣдательствомъ легитимиста *Berrie*. Всегдашій, явный противникъ Людовика-Филиппа повелъ себя въ этомъ дѣлѣ безпристрастно и благородно: онъ доказалъ, что лишеніе сей фамиліи имуществъ, принадлежащихъ ей по законамъ, было бы разбоемъ и грабежемъ. Собраніе согласилось съ его мнѣніемъ и единодушно приняло декретъ о семъ предметѣ.

Въ засѣданіи 26 числа, *Людовикъ Бонапарте* произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ объявилъ, что онъ охотно приметъ званіе президента республики для упроченія порядка. Рѣчь его произвела въ собраніи сильное волненіе. Въ заключеніи засѣданія, принятъ проектъ декрета объ избраніи президента республики 10 декабря. Главныя постановленія этого декрета слѣдующія: Выборы начнутся во всей Франціи 10 декабря. Всѣ граждане, внесенные въ списки избирателей для назначенія представителей народа, имѣютъ право принимать участіе и въ избраніи президента республики. Они будутъ подавать голоса въ главномъ мѣстѣ кантона или въ общинѣ, назначенныхъ мѣстныхъ начальствомъ. Подача голосовъ будетъ тайная. Военные будутъ подавать голоса въ тотъ же самый день, какъ и другіе граждане, въ главномъ мѣстѣ кантона, гдѣ они стоятъ; меръ долженъ разпредѣлить ихъ по разнымъ отдѣленіямъ. Чтобы быть избраннымъ въ президенты, надобно

жить не менее 30 летъ отъ роду, и необходимо, чтобы избранный никогда въ жизнь свою не терпѣлъ нравъ французскаго гражданина. Голоса будутъ перечисляемы въ главномъ мѣстѣ кантона и въ каждомъ отдѣленіи, находящемся внѣ этого мѣста. Результатъ этого перваго перечисленія и протоколы будутъ отправлены въ главный городъ департамента и тамъ произведется повѣрка. Результатъ этихъ восьмидесяти шести частныхъ перечисленій и копій съ протоколовъ имѣютъ быть представлены въ назначенную для того особую комиссію, состоящую изъ тридцати членовъ. Она произведетъ общее и окончательное перечисленіе. Чтобы быть избраннымъ въ президенты республики, необходимо получить болѣе половины всего числа поданныхъ голосовъ и по крайней мѣрѣ 2.000,000 голосовъ. Если эти два условія не будутъ исполнены, то національное собраніе изберетъ президента изъ пяти кандидатовъ, получившихъ наибольшее число голосовъ.

Выборъ будетъ производиться два дня, 10 и 11 числа. Перечисленіе голосовъ въ кантонахъ и въ отдѣленіяхъ займетъ по крайней мѣрѣ два дня, 12 и 13 числа. Перечисленіе въ главномъ городѣ департамента еще два дня, 14 и 15 числа. Къ этому надобно еще прибавить время, необходимое для доставленія всѣхъ протоколовъ въ Парижъ и для окончательнаго перечисленія голосовъ въ комиссіи. Такимъ образомъ весьма сомнительно, чтобы избраніе президента могло быть извѣстно въ Парижѣ прежде 20 декабря.

Въ засѣданіи 2 ноября, присутствовали къ пересмотру конституціи. Президентъ, г. *Маррастъ*, прочелъ декретъ собранія, отъ 11 августа, въ которомъ сказано: «По утвержденіи всѣхъ статей конституціи, она возвращается снова въ комиссію. Пять дней назначаются для того, чтобы комиссія могла сдѣлать перемѣны, которыя сочтетъ нужными. Если эти перемѣны будутъ одобрены, то собраніе окончательно утверждаетъ конституцію.» Г. *Кремль* предложилъ проектъ поставленія объ отвѣтственности президента республики и его министровъ, и просилъ о немедленномъ разсмотрѣніи этого проекта; но собраніе, послѣ некоторыхъ споровъ, положило передать его въ

отдѣленія. Г. *Девилль* сказалъ, что каждый членъ имѣетъ право дѣлать предложенія объ измѣненіи конституціи и потому она должна быть пересмотрѣна вся сначала, тѣмъ болѣе что принята во время осаднаго положенія и владычества сабли. Это требованіе было отвергнуто.

3 ноября на очереди состоялъ пересмотръ конституціи, именно ст. 28, о должностяхъ, несомнѣтвыхъ съ званіемъ депутата, въ которой генераль *Бедо* предлагалъ прибавить: «Всѣ чиновники, получающіе жалованье и могущіе быть отрѣшены отъ должности, не могутъ быть избраны въ депутаты; тѣ же, которые не могутъ быть отрѣшаемы и исправляютъ должность пожизненно, должны напротивъ того дѣлиться на разряды и могутъ подвергаться назначеніямъ во время своего полномочія.» Г. *Ларбеттъ* говорилъ въ пользу, а гг. *Пейеръ* и *Гишаръ* противъ предложенія, которое и было отвергнуто. Г. *Амбергъ*, какъ и *Бедо*, старый солдатъ, представилъ новое предложеніе: «Несомнѣтностъ съ должностію представителя не можетъ быть примѣняема ни къ сухопутнымъ, ни къ морскимъ силамъ.» Г. *Девилль* говорилъ противъ предложенія, а волнованіяхъ *Лараби* требовалъ, чтобы оно было отложено до составленія органическихъ законовъ. Ст. 28 принята. Ст. 29—43 были приняты безъ преній, но 44 статья, о президентѣ республики, возбудила сильныя пренія. Г. *Турѣ* предложилъ прибавить къ ней слѣдующее: «Ни одинъ изъ членовъ королевскихъ фамилій не можетъ быть президентомъ.» Г. *Дюфоръ*, министръ внутреннихъ дѣлъ, опровергалъ отъ имени кабинета это предложеніе, которое и было отвергнуто. Г. *Касельякъ* сказалъ при этомъ, что онъ совершенно согласенъ съ комиссіею конституціи и предлагаетъ отвергнуть предложеніе г. *Турѣ*. Статьи 45 и 46 приняты были безъ преній; затѣмъ ст. 47 о присягѣ президента. Далѣе 48 до 68 статьи приняты безъ преній. Ст. 68 объ отвѣтственности президента и министерствъ принята. Далѣе до 91 ст. не было ничего замѣчательнаго. Въ 91 ст. и слѣд. говорится объ учрежденіи верховнаго суда для рассмотрѣнія преступленій противъ собранія. Многіе ораторы Горы протестовали противъ этого въ пользу Майскихъ дѣян-

ныхъ, но безъ успѣха. Г. *Ласка* предложилъ, чтобъ этотъ судъ разбиралъ только преступленія измѣны и началъ свои дѣйствія по обнародованіи конституціи. Предложеніе его было отвергнуто. Такимъ образомъ Гг. *Распайль*, *Барбесс* и товарищи ихъ подвергнутся приговорамъ ассизнаго суда.

4-го ноября, принято составленное и обсужденное собраніемъ государственное уложеніе, или конституція французской республики, 769 голосами противъ 30-ти. Въ *Presse* описываютъ это событіе слѣдующимъ образомъ: «По принятіи собраніемъ 115-го и послѣдняго параграфа конституціи, г. *Маррасть* объявилъ, что приступитъ къ собранію голосовъ обо всемъ проектѣ. Это было въ половинѣ четвертаго; тогда была пасмурная; тѣмнота господствовала въ залѣ, и шепотъ разговоровъ поднимался въ ней подобно глухому, отдаленному гулу, предвѣщающему бурю. Экзекуторы принесли лампы; люстры медленно спустились съ потолка, и на лицахъ членовъ, бросавшихъ ярлыки въ урну, можно было видѣть, какія мысли ихъ занимаютъ. Одинъ г. *Маррасть*, небрежно развалившись въ своихъ огромныхъ креслахъ, сохранилъ свое выраженіе равнодушія, презрѣнія и усталости. Онъ направлялъ иногда огромный свой лорнетъ на трибуны и опускалъ глаза на хлопочущихъ представителей, съ улыбкою Мефистофеля изъ-за усовъ своихъ... Въ четыре часа онъ позвонилъ: это значило, что онъ приступаетъ къ объявленію числа голосовъ. Наступило глубокое молчаніе, и г. *Маррасть*, стараясь придать голосу своему торжественность, сказалъ: «Число подавшихъ голоса 769; рѣшительное большинство 385; бѣлыхъ ярлыковъ въ пользу проекта конституціи 739.» Вдругъ одинъ голосъ въ правой сторонѣ закричалъ: «да здравствуетъ республика!» Всѣ обратились въ ту сторону, чтобъ узнать, кто этотъ нетерпѣливый членъ. Это былъ г. *Тюркъ*: да сохранить исторія имя его! — «Слишкомъ рано,» сказалъ ему г. *Маррасть* очень спокойно и прибавилъ: «противъ принятія 30 голосовъ.» Тутъ слѣдовало г. *Тюрку* принять участіе въ хорѣ, который два раза, съ ужаснымъ единогласіемъ, прокричалъ: «да здравствуетъ республика!» Г. *Маррасть* вслѣдъ за тѣмъ объявилъ, что конституція принята національнымъ собраніемъ.

Это еще не все. г. *Дюфор*, мы едва вѣрнли глазамъ своимъ, взошелъ на кафедру и, объявивъ, что такой важный актъ долженъ быть провозглашенъ торжественно, предложилъ собранію, именемъ правительства отправиться въ отдѣленія и избрать комиссію для составленія рапорта по сему предмету... Правительство хочетъ дать праздникъ!! Праздникъ по тому случаю, что написана еще одна конституція вслѣдъ за всѣми конституціями, которыя были составлены въ теченіе шестидесяти лѣтъ, и изъ которыхъ ни одна не устояла отъ дуновения революціи! Праздникъ!—И такъ вы думаете, что Франція прійдетъ въ восторгъ отъ радости! Нѣтъ, она знаетъ, сколько денегъ, крови и терзаній стоятъ эти конституціи, но не слыхала, чтобъ онѣ давали благосостояніе и безопасность. Франція страдаетъ: настоящее давитъ ее, будущее страшитъ. Вы думаете, что конституція выведетъ ее изъ безсилія, возвратитъ спокойствіе умамъ, движеніе дѣламъ, удовлетворитъ вполне всѣмъ выгодамъ нравственнымъ и вещественнымъ? Завидуемъ вамъ въ этихъ сладостныхъ мечтаніяхъ! Но намъ кажется, что прежде празднованія, не худо было бы подождать, чтобъ эта довѣренность была оправдана на дѣлѣ: тогда, по крайней мѣрѣ, вы были бы увѣрены, что станете веселиться не одинъ.—И сверхъ того, просимъ у г. *Дюфора* позволенія сказать что мы почувствовали, услышавъ его неожиданное предложеніе. Мы не можемъ читать въ его сердцѣ и не дерзаемъ опровергать словъ его собственными его мыслями, которыя намъ неизвѣстны; но видя его принужденность и выраженіе глубокаго унынія на лицѣ его, мы заключили, что онъ взошелъ на кафедру не столько для выраженія своего восхищенія новою конституціею, сколько для совершенія одной изъ тѣхъ обязанностей самоотверженія, которыя заставили его принять портфель внутреннихъ дѣлъ. Какъ бы то ни было, слова его, которыя мы всегда слушаемъ съ удовольствіемъ, сегодня причинили намъ невыразимую печаль.»—Въ *Journal des Débats* говорятъ по этому случаю: «Предполагаемый праздникъ начался съ сего же вечера. Въ седьмомъ часу сто одинъ пушечнымъ выстрѣломъ возвѣщено было жителямъ Парижа о принятіи конституціи. Настрѣніе было прекрасное;

но дѣйствіе тому не соответствовало. Дожидаясь не выходя изъ публичныхъ ночью для выраженія торжества. Множество людей самыхъ благонамѣренныхъ обманулись въ значеніи этой аллѣгии: они думали, что это новая тревога. Народъ на улицахъ сиранивалъ съ изумленіемъ и безпокойствомъ зачѣмъ палать въ такую пору. Публика, въ простодушіи своемъ, забыла о конституціи. Это недоразумѣніе вскорѣ будетъ объяснено, не хорошо ли пугать людей, когда хочешь ихъ осчастливить!

6 ноября г. Сенаръ представилъ докладъ о торжествѣ, которое должно происходить при обнародованіи конституціи. Обнародовать ее положено, въ Парижѣ въ Воскресенье 12 ноября, а въ департаментахъ 19 числа.

12 ноября происходило торжество провозглашенія новаго уложенія. Въ шесть часовъ утра барабанный бой созвалъ всю національную гвардію. Погода была холодная и ненастная; сильный снѣгъ заметалъ улицы. Въ восемь часовъ часть національной гвардіи двинулась на берегъ Сены и стала вдоль набережной. Въ половинѣ девятого войско заняло площадь Согласія вмѣстѣ съ національною гвардіею парижскою и другихъ городовъ. На высонихъ мачтахъ водняты были огромные флаги; широкая драпировка украшала эстраду, съ которой *Маррасть* долженъ былъ прочесть уложеніе. Мало-по-малу начали наволяться мѣста, устроенныя на амфитеатръ вдоль рѣшетки тюльерійскаго сада. Сильный снѣгъ не помѣшалъ нѣкоторымъ дьямамъ явиться на новое зрѣлище. Въ девять часовъ барабанный бой возвѣстилъ о приближеніи національнаго собранія, предводимаго *Кавеньякомъ* и *Маррастомъ*. Войско отдало имъ честь Депутатовъ не было однако и половины. Всѣ они были въ шарфахъ и съ красною розою въ петлицѣ. Едва они ступили на площадь, какъ появился, со стороны церкви Магдалины, архіепископъ со всемъ духовенствомъ. Обѣ процессіи приблизилась къ приготовленнымъ для нихъ мѣстамъ. *Маррасть*, окруженный квесторами, взошелъ на площадку и прочиталъ уложеніе. Голосъ его дрожалъ отъ холода. По окончаніи чтенія, едва слышимы были, при всѣмъ вѣтрѣ, слабыя восклицанія: да здравствуетъ республика! Потомъ началось помѣшество съ большими херами извѣщать и мѣшломъ; но въ-

торь и свистъ до того были сильны, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было слышно. Въ половинѣ одиннадцатаго кончилась духовная церемонія, и начался парадъ войскъ, продолжавшійся до четырехъ часовъ. Этотъ день прошелъ безъ нарушенія порядка. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. По случаю этого торжества прощены и освобождены 149 чел., замѣшанныхъ въ юнскомъ мятежѣ. Въ Journal des Débats, при описаніи церемоніального марша національной гвардіи, говорятъ: «Нынѣшняя церемонія была гораздо тише прежнихъ. Видъ этой массы вооруженныхъ людей соображался съ пасмурностью погоды и съ жалкимъ положеніемъ дѣлъ общественныхъ. Национальная гвардія хранила молчаніе; цѣлые легіоны прошли безъ малѣйшаго восклицанія. Звуки военной музыки и громъ пушекъ, продолжавшійся во время всего марша, не могли разсѣять грустныхъ мыслей, препятствующихъ всякому восторгу; всѣ чувствовали, что эта конституція, которой рожденіе они празднуютъ, является, если только не совершится чудо, безспальною для прекращенія опасностей въ настоящемъ, для рѣшенія затрудненій, тревожащихъ всѣ умы.»

Въ засѣданіи 13 ноября происходила пренія о бюджетѣ 1848 года. Эти пренія, вообще довольно скучныя, какъ всѣ пренія неполитическія, замѣчательны тѣмъ, что новый министръ народнаго просвѣщенія г. Фрелонъ, который, бывъ простымъ депутатомъ, съ жаромъ требовалъ сокращеній бюджета и въ особенности по части народнаго просвѣщенія, а теперь съ такимъ же жаромъ защищаетъ свой бюджетъ, отстаиваетъ его, шагъ за шагомъ и, надобно сказать, съ большимъ успѣхомъ: большая часть сокращеній, предложенныхъ финансовымъ комитетомъ, отвергнута. Впрочемъ этотъ образъ дѣйствій объясняется очень легко: требованіе сокращеній въ бюджетѣ средство приобрести популярности, и депутатъ охотно имъ пользуется; но, сдѣлавшись министромъ, рассмотрѣвъ дѣло поближе, тотъ же самый депутатъ видитъ, что мелочныя сокращенія, которыхъ онъ требовалъ, не доставляя плательщикамъ податей значительнаго облегченія, только разстроили бы часть, доставляющую ему въ управленіе. А что сокращенія, предложенныя финансовымъ комитетомъ по бюджету мини-

стерства народного просвѣщенія, дѣйствительно ничтожны, это доказалъ *Викторъ Гюго*. «Извините за пошлое сравненіе, сказалъ онъ, но мы находимся точно въ такомъ же положеніи, какъ человѣкъ, который, получая 1,500 фр. дохода, употребляетъ бы на свое образованіе, на свою умственную пищу, скромную сумму 5 фр. и вздумалъ сократить ее—на шесть су» (тридцать сантимовъ, съ небольшимъ четыре копейки серебромъ). Палата, разумѣется, разохоталась, и это много помогло г. *Фрелону*. Въ самомъ концѣ этого засѣданія г. *Таширо* взошелъ на кафедру. Приставы пригласили депутатовъ возвратиться въ залу собранія. Это произвело нѣкоторый шумъ и беспорядокъ. Наконецъ г. *Таширо* могъ говорить. Онъ спросилъ: «Правда ли, что выборъ президента собранія, должествовавшій происходить 19 числа, назначенъ на завтра? Правда ли, что г. *Маррасть* подалъ въ отставку?» Г. *Маррасть* отвѣчалъ: «Въ ту минуту, какъ г. *Таширо* вошелъ на кафедру, я только хотѣлъ объяснить собранію, что 15 и 16 числа многие депутаты намѣрены воспользоваться дарованнымъ имъ отпускомъ; а въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, мнѣ кажется, весьма важно, чтобы выборъ президента былъ произведенъ сколько можно большимъ числомъ депутатовъ. Поэтому я пожертвовалъ нѣсколькими днями, въ которые еще могъ бы имѣть честь предсѣдательствовать въ вашемъ собраніи, мм. гг., подалъ въ отставку и назначилъ выборъ президента на завтра.» Тутъ на трибуну устремился г. *Ларошжакленъ*, который имѣетъ привычку высказывать истину, какъ говорится, напрямикъ, очень мало заботясь о томъ, что правда глаза колетъ. «Господа, вскричалъ онъ своимъ громозвучнымъ голосомъ: вопросъ надобно изложить какъ слѣдуетъ. Г. президентъ хочетъ подать въ отставку; это въ его волѣ; вы не можете принудить его оставаться президентомъ. (Это очевидно!) Вы не можете сказать, что его мѣсто займетъ вице-президентъ: вѣтъ, надобно тотчасъ приступить къ избранію президента. Но (А, га!) этого недовольно, что право не подлежитъ сомнѣнію; мнѣ кажется, что собраніе столь важное, столь торжественное, какъ національное собраніе, не должно дѣлать такихъ вещей, въ которыхъ оно не можетъ громко признаться.

(*Многіе голоса: Объяснитесь!*)—Г. *Ларошжакленъ*. Я объяснюсь такъ, чтобы всѣ меня поняли. Я и желаю объясниться какъ можно откровеннѣе; но прошу тѣхъ, которые меня прерываютъ, засыпаютъ меня вопросами, терпѣливо выслушать истину до конца: тогда она будетъ вся передъ вами. (*Говорите. Говорите!*).—Г. *Мильяръ*. Истину нагую. (*Смѣхъ*).—

Г. *Ларошжакленъ*. Я постараюсь предложить ее въ благопристойномъ видѣ. Надобно хорошенько понять значеніе просьбы нашего президента объ отставкѣ. Для того ли она подана, чтобы отдохнуть отъ четырехъ мѣсяцевъ президентства? Это было бы очень понятно.—*Многіе голоса*: Не въ томъ дѣло.—

Г. *Ларошжакленъ*. Позвольте, господа: вы вѣдь хотите знать истину; такъ дайте же мнѣ ее высказать. Не имѣетъ ли, скорѣе, эта отставка цѣлю сохранить нѣкоторые голоса, которые, 19 числа, будутъ раздаваться не здѣсь, а въ департаментахъ? (*Громкія восклицанія*). Вотъ въ чемъ истина. У меня нѣтъ кандидата на званіе президента собранія; но мнѣ кажется, что если палата согласится на то, что ей предлагаютъ, это будетъ способствовать тому, что въ старину называлось *іезуитскою уловкою* (*escobardegie*). (*Новыя восклицанія*).—

Г. *Маррастъ*. Последнія слова г. *Ларошжаклена* таковы, что вашъ президентъ, уважая свое званіе, не можетъ отвѣчать на нихъ. Вашъ президентъ не имѣетъ привычки прибѣгать къ іезуитскимъ уловкамъ: онъ не былъ въ школѣ, въ которой имъ учатся. Надобно замѣтить, что г. *Ларошжакленъ* принадлежалъ къ партіи легитимистовъ, которыхъ всегда подозревали въ іезуитизмъ, и потому это была стрѣла, направленная прямо въ него. Г. *Ларошжакленъ* возразилъ, что онъ не имѣетъ привычки говорить вещей, оскорбительныхъ для каго-либо лично; что онъ не имѣлъ намѣренія обидѣть г. *Марраста*, а если бѣ имѣлъ, то не отказался бы отъ него, и что выраженіе, которое онъ употребилъ, относилось не къ президенту, а къ палатѣ. Собраніе опредѣлило приступить къ избранію президента на другой день, и въ засѣданіи 14 числа, избрало въ президенты снова г. *Марраста*, большинствомъ 378 голосовъ противъ 178. Въ этихъ двухъ засѣданіяхъ собраніе

приняло два важныя рѣшенія по части народнаго просвѣщенія: 1) оно не отказалось уничтожить медицинскій факультетъ въ Страсбургѣ, и 2) возстановило во французскомъ колледжѣ (Collège de France) катедру политической экономіи, уничтоженную при временномъ правительствѣ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія г. Кармо, по докладу его товарища, г. Жана Рено.

Въ застѣвѣ 17 ноября произошло непріятное, постыдное дѣленіе. Г. Люно, депутатъ Вандея, припомнивъ обстоятельства пресловутаго тулузскаго банкета и осужденіе дѣйствій бывшаго тамъ преемника, объявленное даже въ Монтерѣ, выразилъ удивленіе, что этотъ же чиновникъ, котораго не могли оставить въ верхне-гаронскомъ департаментѣ, посланъ теперь въ Вандею. Эти запросы, довольно справедливые, были сдѣланы съ нѣкоторою пылкостью противу министерства, но со всевозможною пощадю къ людямъ, которыя были тому причиною. Вдругъ одинъ изъ монтаньяровъ самымъ дерзкимъ образомъ сказалъ: «Такъ вы шпионъ (touchard)!» Никогда еще такія наглыя слова не раздавались въ собраніи. Произошелъ ужаснѣйшій шумъ; слышались угрозы и крики. Всеобщее негодованіе обратилось противъ нарушителя приличія. Президентъ, не въ силахъ будучи унять это волненіе, старался сколько-нибудь успокоить оное, призвавъ къ порядку того, кто такъ неприлично его нарушилъ. Но это ничтожное удовлетвореніе было недостаточно для большинства. Хотѣли узнать ина того, кто дерзнулъ такимъ образомъ оскорбить своего сотоварища. «Пусть онъ встанетъ! пусть назоветъ себя!» кричали со всѣхъ сторонъ. И онъ приподнялся, но такъ что никто его не видалъ; онъ называлъ свою фамилію, но такъ тихо, что никто не слышалъ ея. Топотъ, крики, требованія возобновились. Наконецъ онъ долженъ былъ лѣвиться на кафедру. Это былъ г. Асте (Astaix). Сложивъ руки на груди, онъ ожидалъ въ молчаніи, чтобъ волненіе утихло; онъ, повидимому, вызывался на всеобщее негодованіе; подъ предлогомъ объясненія сказанныхъ имъ словъ, онъ еще болѣе усилилъ оскорбленіе своими комментаріями, распространивъ ихъ на всѣхъ членовъ собранія, которые не были республиканцами наканунѣ 24-го февраля (républi-

с'аи de la veille), и утверждал, что онъ приобрѣлъ это титуло съ бою, и вѣсть съ г. Дюжу. Негодование вспыхнуло снова. Финансовый ропотъ заглушилъ слова оратора монтаньеровъ. Президентъ слова призвалъ его къ порядку. Но что значить эта «серия для наказанія преступныхъ нарушеній порядка, стихи наглыхъ оскорбленій? Человекъ сорокъ или пятьдесятъ монтаньировъ рукоплескали его выходкамъ, а вѣсь собранія они послужатъ новымъ поводомъ къ раздорамъ и буйнымъ статьямъ журналовъ. «Сожалѣеть, говорятъ въ Siècle, что въ ту же минуту не былъ слыанъ энергическій отвѣтъ этому демократу, который воображаетъ, что вся Франція трепетала нѣсколькимъ мѣщанемъ передъ нимъ и ему подобными.» Многие депутаты бросились на кафедру, и г. Луи Перре первый завладѣлъ было ею, но г. Люно опять взошелъ на нее самъ, чтобъ продолжать свои разсужденія съ министрами внутреннихъ дѣлъ. Нѣсколькихъ холодныхъ и превртельныхъ словъ достаточно было, чтобъ отразить оскорбленіе, нанесенное собранію. Объявленія же министра внутреннихъ дѣлъ г. Дюфора, въ отвѣтъ г-ну Люно, состояли въ пустыхъ фразахъ о томъ, что уже всѣмъ извѣстно, а именно, что съ одной стороны журналы преувеличили безпорядки, случившіеся въ Тулузѣ, а съ другой, что префектъ не участвовалъ въ самыхъ важныхъ и законотпротивныхъ явленіяхъ.

Въ засѣданіи 18 ноября, военный министръ Ламорисьеръ представилъ, что число переселенцевъ, которые могутъ быть отправлены въ Алжирію въ 1848 году, назначено въ 12,000; между-тѣмъ желающихъ отправиться туда явилось 13,500; почему министръ просилъ и получилъ дозволеніе перевезти туда всѣ 13,500 чел.

Въ засѣданіи 21 октября, генералъ Кавеньякъ, жалуясь на клеветы, которымъ онъ съ нѣкотораго времени подвергается, просилъ, чтобы назначенъ былъ день, когда бы онъ могъ оправдаться противъ взводимыхъ на него обвиненій. «Граждане! сказалъ онъ: вамъ извѣстно, что тотъ изъ вашихъ товарищей, которому вы поручили исполнительную власть, постоянно и въ особенности въ послѣднее время подвергается нападе-

вѣдѣ и оскорбленіямъ. Я знаю, что моя обязанность налагаетъ на меня терпѣніе; но въ послѣднее время выходы противъ меня сдѣлались такъ часты и сильны, что я нахожусь вынужденнымъ представить это на разсмотрѣніе собранія. Я ври-
вѣкъ открыто поражать клевету; пусть же она явится безъ
маски, и чтобы дать моимъ товарищамъ возможность оправдать
обвиненія, которыя они взводятъ на меня (здѣсь г. *Кавеньякъ*
разумѣлъ гг. *Бартелеми, Гарнье-Пажеса, Паньера, Ламар-*
тина и др.), то я предлагаю назначить для объясненій чет-
вергъ». Послѣ этого г. *Кавеньякъ* напомнилъ объ объявленіи,
сдѣланномъ въ клубѣ г. *Ламартина* (въ институтѣ) и о тѣхъ
упрекахъ, которые дѣлаютъ ему относительно пропагандской
дѣятельности его для полученія мѣста президента республики.
Г. *Гарнье-Пажесъ*: «Генералъ *Кавеньякъ* сказалъ, что онъ на-
чалъ до сихъ поръ потому, что шдвалъ г. *Ламартина* и дру-
гихъ. Мы требуемъ, чтобы генералъ объяснился и тѣмъ доказалъ,
что мы во всякомъ случаѣ поступили справедливо». Но такъ
какъ въ собраніи не было ни г. *Ламартина*, ни г. *Мари*, ни
нистра юстиціи, то собраніе назначило для объясненій суббо-
ту 25 ноября.

— О состояніи финансовъ во Франціи *Journal des Débats*
говоритъ слѣдующее:

«Искренно желаемъ, чтобы республика упрочила благоден-
ствие Франціи, но когда то еще она обогатитъ ее, а теперь
пока, надобно признаться, немножко раззоряетъ. Уже, въ од-
номъ вынѣщеніи, 1848 году, государственное казначейство
дѣшилось 509 милліоновъ, и надобно опасаться, что потери
наши въ 1849 году будутъ не меньше этихъ. Такимъ обра-
зомъ, предполагая даже, что ничто неожиданное не возмутитъ
горизонта, революція будетъ стоить намъ тысячу милліоновъ;
не меньше какъ нашествіе непріятелей и занятіе Франціи со-
юзными арміями. Мы говоримъ только о государственномъ
казначействѣ, а уже частныхъ разореній и исчислять не бе-
ремся».

— Городъ Парижъ имѣетъ свой отдѣльный и притомъ ог-
ромный бюджетъ. Онъ не въ лучшемъ положеніи, какъ и бюд-
жетъ государственный.

«Городъ Парижъ, говоритъ *Journal des Débats*, также долженъ былъ приносить и еще будетъ приносить свою долю пожертвованій. Обыкновенные его доходы изчислены были въ бюджетѣ 1848, въ 44 милліона, а нынче уже достоверно извѣстно, что они не составятъ болѣе 33 милліоновъ съ половиною; это составляетъ разность въ 10 милліоновъ съ половиною, а къ тому надобно еще прибавить 1.200,000 недобора въ чрезвычайныхъ доходахъ. Такъ какъ обыкновенные расходы простираются до 44 милліоновъ, то дефицитъ будетъ составлять около 10 милліоновъ (9.864.050 фр.)

«Но къ этому дефициту надобно еще прибавить издержки, которыхъ потребовала отъ города февральская революція, 6.282,801 фр., изъ чего и слѣдуетъ, что весь дефицитъ 1848 простирается до 16.146,801 фр. Исчислено, что дефицитъ обоихъ годовъ будетъ простираться до 26.518,546 фр. Это составляетъ 60 процентовъ нормальнаго бюджета города, а дѣло еще не кончено.

«Муниципальная коммиссія исчислила, что для вспоможенія бѣднымъ жителямъ Парижа и сенскаго департамента, до апрѣля будущаго года, потребуется 9 милліоновъ. По этому, національному собранію представленъ былъ проектъ, который оно и приняло. Главныя его основанія слѣдующія. Государственное казначейство даетъ третью часть этой суммы (3.000,000). Эта статья возбуждала довольно жаркія пренія; возникла обыкновенная война между департаментами и Парижемъ. Многіе представители утверждали, что нищета существуетъ не въ одномъ Парижѣ, но и въ департаментахъ также (что, конечно, совершенно справедливо) и что каждый долженъ нести свою нищету. Палата, однакожъ, этимъ не убѣдилась и утвердила статью. Остальные шесть милліоновъ падаютъ на счетъ сенскаго департамента, которому и разрѣшено занять ихъ; ему разрѣшено также, на шесть лѣтъ, считая съ 1849 г., увеличить свои прямые налоги 5¹/₁₀ процентами для уплаты процентовъ и для погашенія этого займа. Это новое бремя будетъ не легко для жителей Парижа при выпѣшней всеобщей бѣдности. Но мы увѣрены, что они будутъ нести эту тяжесть

безропотно и даже считали бы себя счастливыми, если бы могли обогатить этимъ нищету бѣдныхъ людей, которыхъ революція лишила работы. Къ несчастію, это помошь только временная. Изъ донесеній комиссіи видно, что пособие бѣднымъ не должно простираться свыше 15 сантимовъ на человѣка въ день. Рассчитываютъ, что это пособие будутъ получать въ январь, февраль и мартъ 300,000 чел., что составитъ во 1,350,000 фр. въ мѣсяцъ. Теперь число получающихъ пособие простирается до 265,000. Полагаютъ, что въ декабрь оно повысится до 280,000, въ три суровые мѣсяца будетъ составлять 300,000 и потомъ въ апрѣль, понизится опять до 280,000. Изъ этого видно, какъ велика нищета и какъ мало могутъ сдѣлать подобныя пособия. Дѣйствительное пособие нищетѣ есть только одно: работа. Добрый рабочій день доставляетъ рабочему въ тридцать разъ столько, сколько можетъ дать ему городъ. Надобно желать, чтобы работы возобновились: другого средства спасенія нѣтъ.

— Ревизионная комиссія, наряженная генераломъ Киссельмаемъ, предложила помиловать 991 чел. изъ числа приговоренныхъ къ высылкѣ, почему ихъ и велѣно немедленно освободить.

— *Абдель-Кадера* вывезли изъ По, изъ тамошняго зѣмкя, въ которомъ онъ жилъ въ уединеніи и добровольномъ заточеніи. Въ благодарность за выраженія привязанности жителей города, онъ изъявилъ желаніе проѣхать по городу въ открытой экипажѣ, чтобы всѣ желающіе могли видѣть его въ лицо, и на пути привѣтливо раскланывался съ жителями городка, собравшимися толпою. На слѣдующій день поутру онъ пріѣхалъ въ Бордо, сопровождаемый эскадрономъ конныхъ егерей. Высланныхъ ему навстрѣчу. Эмиръ въѣхалъ въ городъ въ сопровожденіи епископа, находившагося прежде того въ Алжирѣ и неоднократно носившаго *Абдель-Кадера* въ ставкѣ его, въ степяхъ африканскихъ. Стеченіе любопытныхъ было таково, что экипажъ, окруженный егерями, едва могъ двигаться.—Изъ Бордо эмиръ поѣхалъ моремъ въ Нантъ, на казенномъ пароходѣ, и оттуда достигъ новаго мѣста жительства, Амбуаза, гдѣ также будетъ жить въ зѣмкѣ.—Во все

время, что Абдел-Кадер пролежалъ въ Тю, т. е. въ продолженіе полугодя, онъ ни разу не выходилъ изъ своей комнаты. Только за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ онъ согласился сойти въ нижній этажъ здания и осмотрѣть старинныя королевскіе покои, сохранившіе воспоминанія о Генрихѣ IV.

— Въ засѣданіи 24 ноября, г. Жюль-Фавръ потребовалъ слова. Г. Фавръ адвокатъ изъ Лиона и давно уже извѣстенъ своими республиканскими взглядами. «Граждане, оказавъ онъ, съ нѣкотораго времени общественное вниманіе обращено на литературныя изданія, которыя, очевидно, происходятъ изъ нѣкоторыхъ канцелярій и составляютъ въ нѣкоторое время преступныя изобрѣтенія предѣла. (O! go!) Страна вправе ждать, чтобы Мониторъ оспорилъ это обвиненіе. Въ немъ не помѣщается ничего, что бы могло усилить страну. Подобный образъ дѣйствій совершенно противенъ началу правленія, которое мы учредили. Президентъ совѣта не долженъ звать кандидатовъ на мѣсто президента. (Съ Геры: Очень хорошо!) Поступая противно этому, онъ нарушаетъ не только себя, но и наше собственное достоинство. (Ротоме). Все это должно быть объявлено здѣсь, на трибунѣ. Постому я спрашиваю министра внутреннихъ дѣлъ: съ его ли вѣдома издается сочиненіе и объявленія подобныя слѣдующимъ?» Ораторъ положилъ на трибуну ограниченную кипу бумагъ и, безпрерывно прерываемый со всѣхъ сторонъ, прочелъ циркуляръ, въ которомъ пресекты приглашаютъ перестать содѣйствовать избранію генерала Кавеньяка въ президенты. — Голоса съ рѣшительной стороны. «Такъ развѣ вы не хотите, чтобы правительство старалось руководить страну?» — Г. Фавръ: «Во вѣнцахъ слушать, не въ пресектурахъ, когда рѣчь идетъ о такомъ важномъ выборѣ. (A! go! Шумъ). Потомъ ораторъ прочелъ письмо изъ Кале, въ которомъ меръ рассказываетъ одному изъ своихъ товарищей, что его призвали въ пресектуру и сказали ему: «Берегитесь, въ Парижѣ есть 300,000 чел., которые прозвѣдутъ междоусобную войну во всѣхъ уголкахъ Франціи, если Кавеньякъ не будетъ избранъ въ президенты. (O, go! Шумъ). Одинъ голосъ. Вы шутите. — Г. Фавръ. — Нѣсколько: вопросы мои весьма важны и имѣютъ цѣлю напряженіе слѣдствія. (O!o!

Да противъ кого же? Противъ президента совѣта?) Ораторъ вынулъ еще бумагу. Вотъ, сказалъ онъ, гаронскій префектъ обѣщаетъ устроить прекраснѣйшую дорогу и учредить благотворительное бюро, если г. Кавеньякъ будетъ избранъ въ президенты. Въ другомъ мѣстѣ префектъ въ собраніи генеральнаго совѣта произноситъ рѣчь, наполненную обѣщаніями въ случаѣ, если президентъ совѣта будетъ избранъ въ президенты республики; въ окрестностяхъ Париза біографіи такъ и сыплются. (Шптъ!) г. Дюфоръ говоритъ, что все это совершенно чуждо его министерству. Я самъ то же думалъ, пока не прочелъ вчера въ журналѣ *Le Credit*, письмо г. Дюфора къ г. Одые, въ которомъ онъ самъ говорилъ въ пользу избранія г. Кавеньяка въ президенты республики. Это письмо объясняетъ все дѣло...—*Разные голоса.* Вы менѣе чѣмъ кто-либо имѣете право этому удивляться.—Г. Фавръ. Говоритъ, что я не имѣю права этому удивляться. Этими, вѣроятно, намекаютъ на дѣятельность мою, когда я былъ директоромъ департамента въ министерствѣ г. Ледрю Роллена. Такъ что жъ? Тогда я былъ лицомъ подчиненнымъ; не я писалъ бюллетени г. Ледрю Роллена; притомъ я самъ впоследствии возставалъ противъ него. Въ заключеніе своей рѣчи г. Фавръ требовалъ, чтобы нарѣжена была коммиссія для изслѣдованія дѣйствій президента совѣта. Это требованіе поддерживалъ г. Бакъ. Г. Дюфоръ произнесъ длинную рѣчь, въ которой старался доказать, что въ нынѣшнее время, когда клубы дѣятельно разпространяютъ самыя анархическія правила, правительство обязано защищаться и стараться просвѣтить страну на счетъ истинныхъ ея интересовъ. Г. Фавръ хотѣлъ было отвѣчать, но въ палатѣ происходилъ такой шумъ, что онъ не могъ говорить. Генералъ Ламорисьеръ сказалъ нѣсколько словъ о біографіяхъ генерала Кавеньяка, которыя раздаются будто бы по его приказанію, и собраніе опредѣлило перейти къ другимъ занятіямъ, состоящимъ на очереди. За этими объясненіями, которыя совсѣмъ не соответствовали общимъ ожиданіямъ, послѣдовалъ сильный шумъ. Засѣданіе на нѣсколько времени было прервано и въ разныхъ мѣстахъ образовались груп-

пы, изъ которыхъ слышались восклицанія: «Все это вздоръ! Чистыя выдумки!»

Въ засѣданіи 25 ноября, по прочтеніи протокола послѣдняго засѣданія и исправленіи въ немъ нѣкоторыхъ мѣстъ по требованію гг. *Грандена* и *Ламорисьера*, генералъ *Кавеньякъ*, при глубочайшемъ безмолвіи, взошелъ на кафедру. «Граждане представители! сказалъ онъ, я просилъ позволенія сдѣлать нѣсколько вопросовъ нѣкоторымъ изъ моихъ со товарищей. Между исполнительною комиссіею и мною были нѣрѣдко разногласія; но рѣчь не о нихъ. Я хочу только знать, справедливо ли будто гг. *Гарнье-Пажестъ*, *Паньеръ*, *Дюклеръ* и *Бартелими Сентъ-Илеръ* говорили, что я въ июнѣ не исполнялъ данныхъ мнѣ предписаній и такимъ образомъ нарушилъ свою обязанность?»—Г. *Бартелими Сентъ-Илеръ*. «Граждане, мы будемъ больше всего стараться, чтобы въ эти препія не вышло ничего враждебнаго. Президентъ совѣта хочетъ ограничить ихъ тѣмъ, что напечатано въ журналахъ. Но о журналахъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Июньскія событія принадлежатъ трибунѣ точно такъ же, какъ журналамъ. Члены бывшей исполнительной комиссіи пять мѣсяцевъ молчали, не отвѣчая на всѣ взводимыя на нихъ обвиненія. Мы бы молчали и теперь, если бы насъ не принудили говорить для того, чтобы объяснить нашъ неутрализмъ въ дѣлѣ о президентствѣ. Посему вся отвѣтственность за послѣдствія этихъ преній должна лежать на томъ, кто ихъ возбудилъ; мы будемъ стараться только о томъ, чтобы они не нанесли вреда республикѣ.» Приступая къ дѣлу, г. *Бартелими Сентъ-Илеръ* сказалъ: «Правда, мѣсяца два назадъ мы напечатали брошюру подъ заглавіемъ «іюньскіе дни»; она раздана была только *осьми* членамъ этого собранія, исключительно друзьямъ генерала *Кавеньяка*.» Тутъ ораторъ прочелъ отрывокъ изъ этой брошюры, напечатанный въ журналахъ, подъ заглавіемъ «*Правда объ іюньскихъ дняхъ*». «Исполнительная комиссія, продолжалъ онъ потомъ, приняла самыя дѣятельныя мѣры для немедленнаго подавленія возстанія. Она предписала генералу *Кавеньяку* имѣть въ готовности для этого 20,000 линейныхъ войскъ, 15,000 подвижной гвардіи, 1,500 ч. республиканской гвардіи, 2,500»

парижской стражи, всего 45,000. Сверхъ того положено было предписать альпійской арміи идти сюда форсированными маршами. Таковы были предварительныя распоряженія исполнительной комиссіи. Каково же было наше удивленіе, когда мы изъ доклада г. Бошара увидѣли, что генералы *Касеньяко* и *Лажорисьеръ* показали въ слѣдственной комиссіи совершенно противное.—Ораторъ почти цѣлый часъ излагалъ всю исторію іюньскихъ дней и былъ безпрерывно прерываемъ, то справа, то съ министерской скамьи. «25 іюня, сказалъ онъ между прочимъ, исполнительная комиссія предписала генералу *Касеньяку*, подавить возстаніе во всехъ мѣстахъ, гдѣ оно встало. Онъ отвѣчалъ: «Развѣ вы думаете, что я здѣсь для того только, чтобы спасти вашихъ національныхъ гвардейцевъ и вашихъ лавочниковъ?—Я помню іюльскіе дни 1830 и іюльскіе дни 1834 года, и не намѣренъ разсѣвать моихъ войска. Я бы пустилъ себѣ пулю въ лобъ, если бы хоть одна рота изъ нихъ была разбита или отступила. (*Одобреніе*). Въ этотъ самый день г. *Паскаль Дюпра* предложилъ декретъ, которымъ генералъ былъ назначенъ диктаторомъ и Парижъ объявленъ въ осадномъ положеніи.» (*Шумъ*).

Генералъ *Касеньякъ* вошелъ на кафедру, чтобы отвѣчать. «Я бы хотѣлъ, сказалъ онъ, прежде всего, спросить моихъ противниковъ, не имѣютъ ли они вротавъ меня еще какихъ-либо обвиненій? Я бы просилъ ихъ представить всѣ эти обвиненія, касаются ли они до іюньскихъ дней, или до послѣдующаго времени, для того, чтобы я могъ отвѣчать на всѣ эти обвиненія разомъ. Предваряю, что я не намѣренъ обвинять исполнительную комиссію, и намѣренъ защищаться такъ, какъ защищался передъ слѣдственною комиссіею.» Генералъ сошелъ съ трибуны.—Г. *Гарнье-Пажестъ* отвѣчалъ: «Довольно уже и того что сказано, остальное разсѣется при самыхъ преніяхъ.» Генералъ *Касеньякъ* снова вошелъ на трибуну и началъ свою защиту. Онъ прочелъ множество приказовъ и предписаній, данныхъ имъ для того, чтобы число войскъ, находившихся въ Парижѣ 22 и 23 іюня, действительно простиралось до 45,000 человекъ, и сошелся на генерала *Бедо*, съ которымъ онъ совѣтовался по этому предмету. Генералъ *Бедо* поднесъ

даль его показаніе. По объясненіи этого вопроса генераль спросилъ: «Намѣрены ли противники его продолжать пренія?» *Разные голоса:* Да! Да! — *Г. Гарнье-Пажесъ:* «Повѣрьте, ми. гг., что я то же хотѣлъ бы по возможности сократить эти пренія, но честь многихъ изъ нашихъ сочленовъ требуетъ, чтобы они были продолжаемы. Поэтому, я предлагаю отложить на часть засѣданіе.» Генераль *Кавеньякъ* со своей стороны изъявилъ такое же желаніе.

Засѣданіе, прерванное въ 6 часовъ, возобновилось въ 8 часовъ и кончилось въ двѣнадцатомъ принятіемъ слѣдующаго опредѣленія, которое представлено было г. *Дюпономъ* (Dupont de l'Euve): «Палата, оставаясь при своемъ декретѣ отъ 28 іюня, въ которомъ сказано: «Генераль *Кавеньякъ* оказалъ услуги отечеству (а bien mérité de la patrie), переходить къ другимъ своимъ занятіямъ.» Это опредѣленіе утверждено большинствомъ 503 голосовъ противъ 34.

АВСТРІЙСКАЯ ИМПЕРІЯ.

Въ предъидущемъ номерѣ нашего журнала, была изображена печальная картина обложенія и взятія Вѣны, поднявшей знамя мятежа противъ законной власти. Читатели помнятъ, конечно, имена славныхъ защитниковъ порядка. Это—фельдмаршалъ *Виндишгрець* и банъ *Теллашичъ*.

Фельдмаршалъ *Виндишгрець* оказалъ въ этихъ обстоятельствахъ, можетъ быть рѣшительныхъ для судьбы монархіи, сильный характеръ. Онъ принялъ самыя искусныя мѣры для сосредоточенія войскъ подъ Вѣною, для подвоза съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ. Для этого воспользовался желѣзными дорогами и, говорятъ, что армія, между прочимъ, потребила 20,000 раціоновъ, которые въ тотъ же самый день привозились изъ Ольнѳюца. По устраниеніи этихъ первыхъ затрудненій, представилась другія, важнѣйшія. По стеченію обстоятельствъ, князь *Виндишгрець* находился въ необходимости, съ одной стороны, обложить Вѣну, чтобы это горнило

Беспорядковъ и мятежей не разпространило своего пагубнаго вліянія на другія части страны, во-вторыхъ противостать венгерской арміи, нашествіе которой было немѣлжно. Спокойное, вѣрное изчисленіе силъ, которымъ располагали всѣ непріатели, искусное распредѣленіе войскъ доставили фельд-маршалу возможность атаковать городъ въ то самое время, какъ онъ получилъ извѣстіе о приближеніи Венгерцевъ. Благодаря этой рѣшимости, городъ, уstraшенный дѣйствіями императорской арміи, оставался, если не спокойнымъ, то по крайней мѣрѣ бездѣйственнымъ зрителемъ сраженія.

Въ этихъ событіяхъ, блестящая доля принадлежитъ и баву Кроатскому, Лемашичу. Его походъ на Вѣну, какъ скоро онъ узналъ о событіяхъ 6-го октября, послужилъ первымъ оплотомъ развитію революціи на близлежащія страны. Его личная храбрость и неустрашимость его Кроатовъ также много содѣйствовалъ военнымъ успѣхамъ. Другіе генералы тоже съ большимъ искусствомъ исполняли приказанія главнокомандующаго. Дивизионный генералъ *Рамберъ*, начальникъ артиллеріи *Дитрихъ*, генералы *Вейсперъ* и *Війсъ* подавали примѣръ своимъ войскамъ, и первые шли на приступъ баррикадъ; наконецъ князь *Яблоновскій*, предводительствуя Нассаускимъ полкомъ, составленнымъ изъ жителей Галиціи, доставилъ ему возможность загладить свою бездѣйственность 6 октября. Онъ былъ вездѣ первымъ при атакѣ лѣвнн и внутренняго города, и съ величайшею неустрашимостію шелъ на встѣчу опасностямъ.

Полкъ, носящій имя генерала *Латура*, вступивъ въ городъ, тотчасъ пошелъ на Гофъ, вырылъ и разломалъ въ куски фонарный столбъ, послужившій вѣслицею. Артиллерія, которая, какъ увѣрили, заражена революціонными мѣтніями, ни на минуту не измѣняла своему долгу; она направляла свои орудія съ меткостію, пагубною для революціонеровъ.—При нападеніи на лѣвнн, число убитыхъ со стороны жителей Вѣны было около 800, а раненыхъ, умершихъ потомъ въ Одоонѣ, еще болѣе; въ самомъ городѣ пало 200 ч. Потери войскъ еще значительнѣе; въ особенности пострадали Кроаты во время атакъ Замковыхъ воротъ.

Побѣда, одержанная подъ Вѣною, позволила правительству заняться преобразованиемъ страны.

2 ноября, изданы двѣ прокламаціи. Въ одной изложены всѣ послѣднія событія; другою, городъ и его округъ на двѣ мили въ окружности объявленъ состоящимъ въ осадномъ положеніи, на условія, изложенныя въ прокламаціи отъ 27 октября. Въ ней постановлено: пропзвести всеобщее обезоруженіе, распустить академическій легіонъ и національную гвардію, которая впрочемъ имѣетъ быть преобразована, закрыть клубы, отнять на время свободу тисненія, удалить иностранцевъ; сверхъ того назначены наказанія виновникамъ смутъ и беспорядковъ, предписано разобрать баррикады; гражданскія власти подчинены военнымъ; генералъ *Кордонъ* назначенъ комендантомъ города и предсѣдателемъ центральной комиссіи, которой поручено принять мѣры для достиженія цѣли осаднаго положенія, то-есть возвращенія къ правильному конституціонному порядку. Генералъ *Кордонъ* издалъ 3-го числа прокламацію, въ которой объявилъ, между прочимъ, что комиссія открыта и что состояніе города дѣлаетъ необходимымъ затрудненіе сообщеній между городомъ и его предмѣстіями.

Въ то же время, обнародовано объявленіе о выдачѣ слѣдующихъ лицъ: бывшаго венгерскаго помощника статсъ-секретаря *Пульскаго*, польскаго эмиссара *Бема*, главнаго начальника національной гвардіи *Мессенгаузера*, находившагося при немъ *Феннеберга*, и возмутителя *Шютте*. Эти пять человекъ извѣстны, какъ главные виновники послѣдняго мятежа.

Послѣ совершенной побѣды, одержанной въ Вѣнѣ надъ безпорядкомъ и безначаліемъ, князю Виндишгрецу предлежало заняться тремя слѣдующими предметами. Первый заключался въ приготовленіяхъ къ кампаніи, которая вскорѣ откроется въ Венгріи.

Другой предметъ, на который обращается вниманіе военнаго начальства, есть предохраненіе столицы отъ новыхъ потрясеній. Цѣль эта достигнута назначеніемъ фельдмаршалъ-лейтенанта *Вельдена* губернаторомъ Вѣны, съ чрезвычайною властью, какую даетъ ему осадное положеніе города. Въ его распоряженіи будетъ сильный гарнизонъ, говорятъ, въ осмь-

надцять комплектівъ баталіоновъ, въ двадцять эскадронівъ съ многочисленною артиллерією, слугаючюю достаточною для внушенія городу уваженія. Сверхъ того военное начальство обратило вниманіе свое на вещественную защиту. Противостійя, случившіяся съ марта мѣсяца, доказали, что бастіоны внутренняго города, въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, не только не полезны, но были даже вредны. Многочисленное войско, которое было нужно для занятія ихъ, не имѣло никакихъ средствъ дѣйствовать, ни противъ внутренняго города, ни противъ предмѣстій; отдѣльные отряды должны были занять гласисъ, чтобъ отражать нападенія предмѣстій; а жители собственнаго города бунтовали безпрепятственно. Это возбудило во многихъ мысль, что лучше всего было бы совершенно срыть валы. Не имѣя болѣе этой защиты отъ нападеній турки, граждане Вѣны остались бы вѣрными своей обязанности и были бы принуждены дѣйствовать заодно съ войскомъ. Основательно ли это мнѣніе или нѣтъ, но въ нынѣшнее время военное начальство предупреждаетъ вышесказанныя неудобства, рачительно укрѣпляя и снабжая артиллерією бастіоны внутренняго города, и давая сими гарнизону средства, въ случаѣ надобности, мѣшать дѣйствію снарядовъ, которые въ теченіе осады значительно способствовали къ покоренію Италіи. Другимъ ручательствомъ будетъ извѣстная всѣмъ энергія барона Вельдена.

Третье занятіе военнаго начальства состоитъ въ произведеніи слѣдствія противъ участниковъ и виновниковъ революціонныхъ движеній, волновавшихъ Вѣну съ 6-го октября. Слѣдствіе производится съ быстротою, но и съ самою строгою и добросовѣстною осмотрительностію. Робертъ Блумъ, лейпцигскій книгопродавецъ, депутатъ при франкфуртскомъ сеймѣ, извѣстный рыцаремъ своимъ республиканствомъ, и бывший одинъ изъ главныхъ предводителей мятежей въ Германіи, былъ первый приговоренъ къ смерти, обличенный, по собственному его признанію, въ провознесеніи возмутительныхъ рѣчей и въ сопротивленіи вооруженною рукою императорскимъ войскамъ послѣ прокламаціи 20-го и 23-го октября. Исполненіе приговора послѣдовало 9 ноября въ шесть часовъ утра —

Аугартепъ Робертъ Блумъ, одинъ изъ зачинщиковъ мятежа во Франкфуртѣ, виновный въ убійствѣ *Лихновскаго* и *Ауэрсвальда*, прибылъ въ Вѣну не въ качествѣ депутата, но начальникомъ кранолы. Правительство видѣло въ немъ только зѣтскаго промисла, который, за десять или за двѣнадцать преступленій, подлежитъ смертной казни. Въ бумагахъ его найдены, сказываютъ, списокъ сотъ шести лицъ, обреченныхъ на смерть.

Эдуардъ Пресслеръ, изъ Стернау, и **Эдуардъ Йеловицкій**, изъ Губника, принимавшіе дѣятельное участіе въ вооруженномъ сопротивленіи императорскимъ войскамъ въ Вѣнѣ, приговорены судомъ къ смертной казни, и первый 11-го, а второй 10-го числа, разстрѣляны. **Юлій Фрѣбель**, изъ Грисгейма въ княжествѣ Шварцбургъ-Рудольштадтъ, приговоренный также къ смертной казни, помилованъ фельдмаршаломъ княземъ *Виндишгрецемъ*, во уваженіе обстоятельствъ, облегчающихъ его виновность. Докторъ правъ **Игнацій Порша**, изъ Виаппа, въ Богеміи, уличенный въ томъ, что онъ участвовалъ въ послѣднемъ возстаніи и подговаривалъ солдатъ измѣнить своему долгу, приговоренъ, 11 ноября военнымъ судомъ къ крѣпостной работѣ въ тяжелыхъ оковахъ, на пять лѣтъ; но князь *Виндишгрець* замѣнилъ это наказаніе шестилѣтнимъ содержаніемъ въ крѣпости, безъ оковъ. Въ вѣнскихъ газетахъ 17 ноября обнародовано о казни слѣдующихъ преступниковъ, разстрѣляемыхъ: *Венцель Мессенгаузера* изъ Просница, что въ Моравіи, 35-ти лѣтъ, холостого, званіемъ писателя; *Іоанна Хорвата* изъ Шалау, въ Венгріи, 33-хъ лѣтъ, ремесломъ башмачника и подручника національной гвардіи въ Германствѣ; *Іосифа Дангеля*, рядоваго пѣхотнаго полка фопъ-Гесса; *Антонъ Риклинскаго*, рядоваго пѣхотнаго Нассаускаго полка; первые двое приговорены были къ смерти за мятежъ и сопротивленіе законной власти вооруженною рукою, а послѣдніе за побѣгъ и участіе въ бунтѣ.

— **Антонъ Брогини**, изъ Бренау, въ Моравіи, 29 л. отъ роду, 18 ноября утромъ, по приговору военного суда, разстрѣлялъ.

— Военнымъ судомъ приговорены къ смерти докторъ медицины *Эдуардъ Палуци*, изъ Вѣны, студентъ *Иоаннъ фонъ-Фогтбергъ*, изъ Вѣны, учительскій помощникъ *Эдуардъ Эльзнеръ*, изъ Ольмюца, и подмастерье ситцеваго набойщика *Фердинандъ Шмальгоферъ*, изъ окрестностей Вѣны. Князь Виндишгрецъ, во уваженіе раскаянія ихъ и молодыхъ лѣтъ, даровалъ имъ жизнь, съ осужденіемъ ихъ на крѣпостную работу въ легкихъ цѣпяхъ перваго на три, а послѣднихъ на четыре года. Лудвигу Бржпитекому, приговоренному къ осмыслѣтвей крѣпостной работѣ въ тяжелыхъ желѣзахъ, облегчено наказаніе на четыре года, въ легкихъ желѣзахъ.

— Изъ Варасдина пишутъ, отъ 13-го ноября: «Противъ Венгріи будутъ дѣйствовать вдругъ съ пяти сторонъ. Фельдмаршалъ князь *Виндишгрецъ*, съ баномъ *Иеллашичемъ*, двинется изъ Вѣны съ 60,000 чел. по правому берегу Дуная; *Симоичъ*, изъ Трендинскаго Комитата, съ 16,000 чел., по лѣвому, противъ Песта, а *Пухнеръ* выйдетъ, съ 20,000, изъ Трансильваніи, *Рукавина* съ Сербамъ (около 25 т. чел.) изъ Баната, *Нюжанъ*, *Далель* и *Федоровичъ*, съ 26,000 чел., съ кроатской границы. Полагаютъ, что Буда и Пестъ будутъ въ рукахъ императорскихъ войскъ чрезъ восемь или десять дней.»

— Въ слѣдствіе возмущенія, сеймъ изъ Вѣны переводится въ Кремсиръ. Въ засѣданіи сейма 30 октября читано было письмо Императора изъ Ольмюца отъ 28 октября, въ которомъ о перенѣщеніи сейма сказано слѣдующее: «Временное перемѣщеніе сейма въ Кремсиръ опредѣлѣлъ я для того, чтобы онъ могъ продолжать непрерывно свои засѣданія, и я желаю, чтобы въ Вѣнѣ скорѣе возстановился порядокъ и сеймъ продолжалъ такъ свои разсужденія.»

— Фельдмаршалъ-лейтенантъ и командиръ войскъ баронъ *Антонъ фонъ-Пухнеръ* издалъ прокламацію ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и къ жителямъ Семиградской области, въ которой объявляетъ, что такъ какъ въ Венгріи нѣтъ законнаго правительства, то онъ рѣшился принять на себя управленіе областью до тѣхъ поръ, пока не будетъ законнаго правительства и будетъ стараться всѣми силами о сохраненіи по-

рядка, спокойствія и безопасности. Въ заключеніе баронъ фонъ-Пухнеръ требуетъ отъ всѣхъ друзей законности и порядка, содѣйствія ему въ его усиліяхъ.

— Въ Лембергѣ происходили важныя безпокойства. 1 ноября въ одномъ изъ тамошнихъ трактировъ случилась драка между солдатами и нѣсколькими національными гвардейцами, и двое изъ послѣднихъ были тяжело ранены. 2 числа, въ шесть часовъ утра, депутація легіона студентовъ явилась къ главнокомандующему барону Гаммерштейну, съ криками, требуя полнаго удовретворенія раненымъ, и выдачи имъ солдатъ. Баронъ Гаммерштейнъ отвѣчалъ, что онъ уже приказалъ прозвѣсти строжайшее слѣдствіе, что будетъ поступлено по закону, и потому пригласилъ просителей дожидаться рѣшенія. Раздраженные этимъ отвѣтомъ, нарушители общественнаго порядка начали бѣгать по улицамъ, жалуясь громко на измѣну и пригласывая строить баррикады. Національныя гвардейцы явились на призывъ, въ небольшомъ числѣ; но баррикады были устроены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и лавки всѣ заперты.

Между-тѣмъ баронъ Гаммерштейнъ приказалъ всѣмъ войскамъ и артиллеріи, стоящимъ въ Лембергѣ, выйти изъ города и занять окружающія его высоты. Принявъ эти мѣры, онъ обнародовалъ прокламацію, въ которой требовалъ: 1) чтобъ студентскій легіонъ выдалъ оружіе, и чтобъ университетъ былъ временно закрытъ, 2) чтобъ національная гвардія была распущена, и сформирована вновь, за исключеніемъ работниковъ и учениковъ, которые были допущены въ нея вопреки законамъ. и 3) чтобъ люди, не имѣющіе паспортовъ, тотчасъ же были удалены изъ города, прибавляя, что если къ девяти часамъ того же дня, не послѣдуетъ изъявленія покорности, то командующій рѣшится бомбардировать городъ. Ровно въ девять часовъ, какъ оружіе не было выдано, сдѣлано было по городу нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Продавъ еще четверть часа, командующій приказалъ бросать бомбы и ракеты. Въ полдень въ городѣ загорѣлись многія зданія: ратуша, старый театръ, университетъ и многіе частные дома. На многихъ домахъ, подняты были бѣлые флаги и потому бомбардированіе прекратилось въ ту же минуту. Въ то же время большое

число гражданъ Лемберга, явились къ барону *Гаммерштейну* съ тремя возами оружія, которое выдалъ ему отъ имени національной гвардіи. Тогда баронъ *Гаммерштейнъ* обнародовалъ другую прокламацію, которою объявилъ, что еще ожидается еще полчаса, и если по истеченіи этого времени, студентамъ не выдадутъ оружія, они примутъ возобновить бомбардированіе. По протестамъ полчася налба возобновилась и продолжалась до трехъ часовъ по полудни. Бѣлые флаги вновь явились на нѣсколькихъ домахъ, многіе граждане восстали и явились къ командирующему съ большимъ количествомъ оружія, которое они силою отняли у студентовъ, и просили командира города, ручаясь, что и остальное оружіе будетъ также выдано. Баронъ *Гаммерштейнъ*, въ слѣдствіе этого, прекратилъ бомбардированіе.

Войска, оставивъ высоты, вступили въ городъ, съ восклицаніями: да здравствуетъ Императоръ! Всѣ благодарятъ Бога за скорую и рѣшительную побѣду.

3 ноября, генералъ *Гаммерштейнъ* издалъ слѣдующую прокламацію: «Во вчерашней капитуляціи постановлены были нѣкоторыя условія, съ тѣмъ, что если они не будутъ вполне приведены въ исполненіе, или, если анархическое состояніе возобновится, то городъ Лембергъ будетъ объявленъ въ осадномъ положеніи. А какъ минувшей ночью и нынѣшнимъ утромъ въ немъ войска стрѣляли изъ погребовъ и оконъ, и безначаліе не прекращается, то я объявляю городъ Лембергъ и его окрестности въ осадномъ положеніи, и въ слѣдствіе того опредѣляю: 1) Всѣ жители должны быть обезоружены; 2) клубы закрываются и право составлять политическія общества отнимается; 3) за исключеніемъ вѣмедской и польской «Львовской газеты» всѣ другіе журналы на время осаднаго положенія запрещаются; 4) Никакое объявленіе безъ моего разрѣшенія напечатано быть не можетъ; 5) особая коммисія займется отыскиваніемъ оружія по домамъ; 6) Всякія сходбища на площадяхъ запрещаются; 7) Всѣ взятые съ оружіемъ въ рукахъ или возбуждающіе къ возстанію подвергаются военному суду.

—Изъ Триеста отъ 31 октября пишутъ: «27 числа отъ 6 до 8000 Венеціанцевъ напали печально на австрійскій гарнизонъ

въ Местре, который состоялъ изъ 600 человекъ, и за густымъ туманомъ не замѣтилъ приближенія непріятеля до самаго его нападенія. Послѣ непродолжительнаго боя Австрійцы отступили, потерявъ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, и три пушки. Венеціанцы выдвинули свои форпосты до Модано. Къ вечеру того же дня собрались окрестныя войска австрійскія въ числѣ 1,600 человекъ пѣхоты и 1,500 конницы съ одною батареею, и выступили противъ непріятеля. Едва онъ замѣтилъ приближеніе нашихъ войскъ, какъ обратился въ бѣгство къ Местре, гдѣ опять сѣлъ на суда и отчалилъ, не выжидая нападенія и потерявъ при этомъ много плѣнныхъ. Венеціанцы разграбили и разорили Местре.»

Въ Веронѣ открытъ заговоръ, имѣвшій цѣлю предать въ руки возмутителей фортъ Санъ-Піетро, снабженный десятью орудіями и командующій всѣмъ городомъ.

— Въ генуэзской газетѣ *Coggiere Mercantile* пишутъ отъ 7 ноября изъ Венеціи: «Австрійцы сняли блокаду Венеціи съ сухаго пути. Силы ихъ сосредоточились за Brentoю. Главная квартира блокаднаго корпуса перенесена въ Пиоре, въ ниже-падуанскомъ округѣ. Въ 1813 году, для дѣйствительной блокады Венеціи, потребно было съ сухопутной стороны 40,000 войска, и англійской эскадры съ моря.»

— 22 ноября, въ Кренспрѣ сеймъ имѣлъ первое засѣданіе въ архіепископскомъ замкѣ. Число депутатовъ простиралось до 248.

П Р У С С І Я .

31 октября днемъ и вечеромъ въ Берлинѣ происходили важныя безпорядки. Пронсшествія, случившіяся въ Вѣнѣ, рѣшительныя нѣры князя Виндшгреца и предчувствіе скорого паденія и упочтоженія тамошней революціонной партіи—раздражили и перепугали здѣшнихъ радикаловъ. Они вздумали устрашить національное собраніе и министерство новымъ мятежемъ: создали черныя пароды, всѣхъ бездомныхъ (пролетаріевъ) и праздно-

шатающихся, и 31 октября двинули густую толпу ихъ на Жандармскую площадь, гдѣ, въ здании театра, происходила засѣданія національнаго собранія. Толпа эта, съ криками: въ Вѣну! въ Вѣну! послала депутацію въ собраніе, и вызывала къ себѣ членовъ лѣвой стороны, которые тотчасъ принялись за дѣло мятежниковъ, какъ за свое собственное, и въ засѣданіи потребовали у министровъ отчета о дѣлахъ Вѣны. Тотчасъ записалось нѣсколько ораторовъ, и нельзя было видѣть, чѣмъ кончится это засѣданіе. Между-тѣмъ наступилъ полдень, и положено было собраться послѣ обѣда въ экстраординарное засѣданіе, для разсмотрѣнія этого вопроса. Этими удовольствовалась часть собравшейся толпы; другая же часть вознегодовала на отсрочку. Народные возмутители стояли у всѣхъ угловъ, на всѣхъ крыльцахъ и перилахъ, и распалили чернь самымъ ужаснымъ образомъ. Вздумали не выпускать членовъ правой стороны: боялись, что они, устрасясь опасности, не явятся въ вечернее засѣданіе. Предложили запретить ихъ въ залѣ. Это предложеніе было принято народомъ съ изъявленіемъ радости, и когда члены правой стороны пошли въ свой гардеробъ за шляпами и сертуками (правая и лѣвая сторона имѣютъ особые гардеробы, чтобъ нигдѣ не сходиться между собою), мятежники заколотили двери гвоздями снаружи, и значительная часть членовъ осталась взаперти. Другимъ членамъ правой стороны, вышедшимъ ранѣе, угрожали, что ихъ повѣсятъ, если они подадутъ голоса вопреки желанію народа. Имъ показывали веревки, гвозди, топоры — словомъ всѣ орудія смертоубійства, и говорили, что здѣсь будетъ тоже, что въ Вѣнѣ, ибо свобода находится въ опасности. Такимъ образомъ, среди ужаснѣйшаго шума и безпорядка, наступилъ часъ вечерняго засѣданія. Но наконецъ толпа, осадившая мѣсто собранія, была разсѣяна гражданскимъ ополченіемъ.

Въ слѣдствіе сего былъ изданъ королевскій манифестъ слѣдующаго содержанія:

«Послѣ неоднократныхъ лпчныхъ оскорбленій, нанесенныхъ членамъ національнаго собранія, созваннаго для составле-

нія уложенія, подверглось оно наголовецъ, 31 октября, настоящей осадѣ со стороны возмущеннаго народа, который, обнаруживая попытки къ провозглашенію республики, хотѣлъ преступныиъ насильствомъ устрашить депутатовъ. Эти столь печальныя событія ясно доказываютъ, что собраніе, созданное для составленія уложенія, изъ котораго должны произойти истинная свобода и всеобщее благосостояніе, не пользуется само свободою дѣйствій, и что при анархическихъ явленіяхъ, нерѣдко къ глубокому нашему сокрушенію, возобновляющихся въ нашей столицѣ, не находитъ оно той защиты, которая потребна для огражденія его совѣщаній отъ всякаго принужденія или насильства. Въ подобныхъ обстоятельствахъ не можетъ совершиться наше живѣйшее и всѣмъ государствомъ раздѣляемое желаніе, какъ можно скорѣе дать Пруссіи новое уложеніе, составленіе котораго не должно зависѣть отъ мѣръ, требуемыхъ для возстановленія законнаго порядка и спокойствія въ столицѣ. Посему мы находимся принужденными перенести засѣданія собранія изъ Берлина въ Бранденбургъ, и поручили министерству принять скорѣйшія къ тому мѣры, чтобы засѣданія собранія съ 27 ноября могли продолжаться въ Бранденбургѣ. До тѣхъ поръ національное собраніе распускается. Въ слѣдствіе сего приглашаемъ мы оное, по прочтеніи сего повелѣнія, немедленно разойдтись и собраться вновь къ 27 числу сего мѣсяца въ Бранденбургъ, для продолженія своихъ занятій. Данъ въ Санъ-Суси, 8 ноября 1848. *Фридрихъ Вильгельмъ.*»

Нѣкоторые изъ членовъ учредительнаго собранія воспротивились перенесенію засѣданій его въ Бранденбургъ. Въ слѣдствіе этого, 10 ноября генералъ *Врангель*, съ 25,000 человекъ войска и 48 орудіями, занялъ Берлинъ. Войска вступили въ городъ, черезъ Галльскія ворота. Прибывъ на Жандармскую площадь, генералъ *Врангель* увидѣлъ, что національная гвардія собралась вокругъ театра (*Schauspielhaus*), гдѣ, какъ извѣстно, происходятъ засѣданія собранія. Командиръ національной гвардіи *Римпелеръ* потребовалъ, чтобы генералъ *Врангель* удаллся; главнокомандующій со своей стороны сдѣлалъ ему та-

ное же требованіе, объявить, что примать для того, чтобы расцѣпить собраніе, которое, вопреки королевскому повелѣнію, продолжаетъ засѣдать въ Берлинѣ. Послѣ этого объявленія, національная гвардія расцѣплась; члены учредительнаго собранія со своей стороны, вышли попарно изъ залы засѣданій.

11 ноября, въ Preuss. Staats-Anzeiger обнародована слѣдующая королевская прокламація: «Состояніе беззачатія, въ которомъ находится столичный мой городъ Берлинъ, и которое угрожаетъ вывергнуть всю монархію въ бездну золъ, побудило меня по совѣту моихъ отвѣтственныхъ министровъ, вернуться въ Бранденбургъ національное собраніе, созданное для составленія новаго уложения, и распустить оное на 27 ноября. На сей же причинѣ усомнилъ я значительнымъ образомъ число войска въ столицѣ, и долженъ былъ распустилъ гражданскую охрану (национальную гвардію), согласно 3 параграфу учрежденія ея, обнародованнаго 17 нинувшата октября, впрямь до новаго ея преобразованія за противузаконныя дѣйствія оной. Я знаю, что мѣры эти подвергнутся многимъ неправильнымъ толканіямъ, и что партія, мечтающая о непрочверженіи государства, воспользуется ими, чтобъ внушать благомыслящимъ враждамъ опасеніе о нарушеніи мною правъ народа, уже однажды данныя. Но знаю также очень хорошо и то, что будущая судьба Пруссіи и Германіи требовала отъ меня и отъ моего правительства принатія сихъ мѣръ, и потому, въ сію рѣшительную минуту, обращаюсь ко всему моему государству и ко всемъ вѣрнымъ Пруссакамъ съ полною увѣренностью, что они выразятъ свое неудовольствіе той части своихъ депутатовъ, которые, забывъ истинный долгъ къ престолу и отечеству, обнаружили противузаконное сопротивленіе при перенесеніи засѣданій собранія. Взываю ко всемъ, чтобъ все преклоняли слуха къ подобнымъ внушеніямъ, будто я хочу уклониться отъ сохраненія тѣхъ правъ, которыя даровалъ моему народу. Пруссаки! вы, которые еще сохраняете прежнюю ко мнѣ довѣрность, и помните исторію моего царственнаго дома и отношеній его къ народу! Васъ прошу я пребыть мнѣ вѣрными какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи. Вы же, колеблющіеся въ сихъ чувствахъ, заклинаю васъ остановиться на

сей пагубной стезѣ и выжидатъ дѣлнѣйшихъ событій. Вѣтъ вамъ даю еще разъ пензѣнное обѣщаніе, что сохраню всѣ давнѣе вамъ права, и что пламеннѣйшее мое стараніе будетъ состоять въ томъ, чтобъ съ Божіею помощію быть вашимъ добрымъ, законнымъ королемъ, и вмѣстѣ съ вами воздвигнуть твердое и прочное зданіе законовъ; подъ кровомъ котораго мы и наши потомки, Пруссакки и всѣ Германцы, могли бы цѣлые вѣки наслаждаться спокойствіемъ и благосостояніемъ, истекающими отъ истинной и законной свободы. Да благословитъ Богъ сіе начинаніе! Санъ-Суси, 1 ноября 1848. *Фридрихъ Вильгельмъ.*

— Вслѣдъ затѣмъ напечатать манифестъ о распушеніи національной гвардіи, слѣдующаго содержанія: «По изданіи нами повелѣнія о перенесеніи засѣданій національнаго собранія къ Бранденбургъ, нѣкоторая часть онаго вопреки тому продолжала здѣсь законопротивнымъ образомъ свои совѣщанія. Национальная же гвардія города Берлина не только объявила, чрезъ своего начальника, что не намѣрена поддерживать притѣвленія въ дѣйствіяхъ его противъ оныхъ незаконныхъ поступковъ, но приняла даже подъ свою защиту тѣхъ изъ членовъ національнаго собранія, которые рѣшились продолжать свои ничтожныя и противузаконныя совѣщанія. Какъ ни сожалѣваемъ мы, что должны употребить силу законовъ противъ національной гвардіи Берлина, которая въ нѣкоторыхъ отдѣльных случаяхъ оказала свое содѣйствіе къ сохраненію спокойствія и безопасности столицы, но почитаемъ своею обязанностію прекратить такіе поступки, которые нарушаютъ всеобщій законный порядокъ, а потому, согласно представленію нашего министерства и въ силу 3 параграфа учрежденія національной гвардіи, обнародованнаго 17 октября, въ которомъ сказано:

«Национальная гвардія отдѣльныхъ общинъ и цѣлыхъ округовъ можетъ, въ случаѣ важныхъ обстоятельствъ, быть призвана королевскими повелѣніемъ:

«Распушеніе ея не можетъ продолжаться долѣе шести мѣсяцевъ, и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ должно быть обнародовано новое законодѣніе о преобразованіи ея;»

«Повелѣваемъ: національную гвардію города Берлина рас-
вустить, и поручить исполненіе этой мѣры тому начальству,
до котораго она касается. Данъ въ Санъ-Суси, 11 ноября
1848.»

На другой день издано объявленіе объ осадномъ положеніи
Берлина:

I. Происходившія въ этомъ городѣ событія поставили обык-
новенныя гражданскія начальства въ невозможность поддер-
живать силу законовъ; посему ижеподписавшееся государ-
ственное министерство находится въ необходимости прибѣг-
нуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ и объявляетъ городъ Берлинъ
съ окрестностями его на 2 мили въ окружности, въ осадномъ
положеніи. Принятіе дальнѣйшихъ мѣръ, въ слѣдствіе этого
постановленія, возлагается на генерала отъ кавалеріи *фонъ-
Врангеля*. Берлинъ, 12 ноября 1848. Подполковникъ графъ
фонъ-Бранденбургъ. *Фонъ-Ладенбергъ*. *Фонъ-Строта*. *Фонъ-
Мантейфель*.

II. Въ слѣдствіе этого баронъ *фонъ-Врангель* издалъ про-
кламацію, въ которой объявилъ: что всѣ клубы и собранія,
учрежденныя съ политическою цѣлю, закрываются. Жители
не должны собираться на улицахъ и площадяхъ, днемъ бо-
дѣе 20, ночью болѣе 10 человекъ вмѣстѣ. Трактиры запи-
раются въ 10 часовъ вечера. Объявленія, газеты и другія из-
данія могутъ быть печатаемы, продаваемы и раздаваемы не
иначе, какъ съ разрѣшенія полицейскаго начальства. Всѣ ино-
странцы, которые не могутъ доказать законнымъ свидѣтель-
ствами, что имѣютъ надобность оставаться здѣсь, должны вы-
ѣхать отсюда въ теченіе 24 часовъ. У иностранцевъ, кото-
рые пріѣзжаютъ сюда съ оружіемъ, оно отбирается. Граж-
данская гвардія, на основаніи королевскаго повелѣнія отъ 11
числа, распускается и имѣетъ быть преобразована, но это
перестроеніе не можетъ послѣдовать во время осаднаго
положенія. Въ продолженіе осаднаго положенія статскіе не
могутъ носить оружіе, иначе какъ съ позволенія моего, или
полицейскаго начальства. Кто не имѣя на это дозволенія, бу-
детъ взятъ съ оружіемъ, немедленно обезоруживается. Закон-

но-учрежденныя власти имѣютъ продолжать свои дѣйствія во всемъ, въ чемъ они не противорѣчатъ настоящему объявленію, и будутъ поддерживаемы мною. Городъ Берлинъ отвѣчаетъ за всѣ поврежденія, которыя могутъ быть произведены въ казенныхъ или частныхъ имуществвахъ, при подавленіи вооруженнаго возстанія, противъ военной силы. Публичныя работы, какъ казенныя такъ и частныя, торговля и промышленность настоящимъ объявленіемъ не ограничиваются.»

Общество представителей, 15 ноября, вопреки распоряженію законной власти, собралось поздно вечеромъ въ залѣ Миеленца (Mielenzche Saal), постановило не платить податей и объявило настоящее министерство лишеннымъ полномочія. Но сильныя мѣры скоро водворили порядокъ. Отъ 22 ноября, изъ Берлина пишутъ:

Спокойствіе восстанавливается здѣсь болѣе и болѣе. Водвореніе тишины возраждаетъ довѣренность; курсъ поднимается; театры наполняются; мелочная торговля оживаетъ. По улицамъ не видать уже отвратительныхъ лицъ, готовыхъ на всякое злодѣйство; нищие и печатныя воззванія исчезли. Впрочемъ часть жителей чувствуетъ себя обиженною за отобраніе оружія, а другая, привыкшая уже восемь мѣсяцевъ жить въ безначаліи, сожалеетъ о томъ времени, потому-что не можетъ уже безнаказанно предаваться всѣмъ своевольствамъ.

Поведеніе войска превосходитъ всякую похвалу. Не произошло ни одной ссоры, ни одной обиды. Войско, отрядами по двѣ и по четыре роты, изрѣдка ходитъ по улицамъ. Полкъ Императора Франца, узнавъ о декретѣ національнаго собранія, прекращающемъ платежъ податей, предоставилъ въ распоряженіе правительства половину своего жалованья.

Главная квартира генерала Врангеля находится во дворцѣ, гдѣ стоятъ два баталіона пѣхоты и четыре орудія. Обезоруженіе продолжается. Отобрано уже 21,000 ружей. Многие жители желаютъ всегдашняго продолженія осаднаго состоянія, и подали объ этомъ просьбы министерству. Математическая партія, видя что общее мнѣніе возстало противу нея,

старается примириться съ правительствомъ, и наизбраннымъ считается 27 числа въ Бранденбургѣ. Вся Пруссія начинаетъ приходить въ себя послѣ перваго волненія, въ которое была подвергнута распреею національнаго собранія съ правительствомъ, и объявленіемъ Берлина въ осадномъ положеніи. Эти два происшествія показали было предвѣстниками всеобщей революціи и междоусобія. Видя, что опасность миновала, явившимся продолжаютъ свое сопротивленіе въ тѣхъ мѣстахъ, и во всѣхъ городахъ, самыхъ враждебныхъ, спокойствіе восстанавливается; поведеніе саботаживающагося собранія много къ этому содѣйствовало. Отказъ въ платежѣ податей принять былъ вездѣ и пустую угрозу, которая пала на самихъ ея изобретателей. Въ Магдебургѣ, дѣвъ шестидесяти городовыхъ депутатовъ, только пятеро согласились принять сію мѣру. Даже въ Бреславлѣ, гдѣ владычествуютъ демократическіе клубы, и гдѣ все казалось готовымъ къ возстанію, никто не дотронулся до казенныхъ кассъ, и правительственныя власти сохранили къ себѣ повиновеніе. Правительство продолжаетъ дѣйствовать умѣренно, не теряя изъ виду своей цѣли. Оно успѣло занять войсками Берлинъ, и уронить въ общественномъ мнѣніи возмущавшееся Собраніе, безъ пролитія крови. Первое дѣйствіе великой драмы кончено: развязка рѣшитъ участь Пруссіи. Второю актъ начнется въ Бранденбургѣ.

Въ берлинскихъ газетахъ напечатано слѣдующее, подписанное всѣми министрами, объявленіе: «По окончаніи въ Бранденбургѣ всѣхъ приготовленій и подѣлокъ для возобновленія засѣданій собранія, созданнаго для соглашенія (Vereinbarung) прусскаго государственнаго уложенія, господа депутаты извѣщаются о семъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 8 ноября текущаго мѣсяца, и въ то же время приглашаются собраться въ мѣстѣ, устроенномъ танъ, 27 ноября въ 10 часовъ до полудни, для продолженія своихъ замѣтъ. Берлинъ, 25 ноября 1848.»

Въ Дюссельдорфѣ, гражданская стража, вѣдѣю зашити зѣнцовъ и спокойствія, поджала, 21-го ноября, зѣнни бунта, и распространила ятежныя прокламаціи. Въ вечеру того дня толпы народа втерлись въ почтаетъ, насильно оставили

доставку денег, и расплатили многиа мнома. Въ слѣдствіе сего городъ объявленъ состояющимъ въ осажденномъ положеніи. Командантъ генералъ Другалскій тотчасъ же приказалъ закрыть всѣ политическія складыща, распустить гражданскую службу, разогнать всѣ ствольниа по улицамъ и т. п.

23 Ноября, въ Дюссельдорфской газетѣ напечатано слѣдующее объявленіе:

— «Для обезпеченія общественнаго порядка и безопасности гражданъ города Дюссельдореа рѣшился я вмѣстѣ съ главнокомандующимъ здѣшними войсками объявить городъ въ осажденномъ положеніи. Я ожидаю, что эту мѣру назовутъ опрессіею, покушеніемъ на свободу и т. п. неудобства, но вслѣдствіе того надлежитъ крѣпко обсудить вслѣдствія приключенія, убѣдившись, что законность и порядокъ могли быть спасены только чрезвычайными мѣрами. Возстаніе открыто обнаружилось. Нападаютъ на распоряженія государственныхъ властей, возбуждаютъ ненависть народа противъ частныхъ лицъ и чиновниковъ, не признающихъ постановленія такъ называющагося народнаго собранія о неплательствѣ налоговъ; сверхъ того гражданское ополченіе вмѣстѣ того, что обязано содѣйствовать исполненію распоряженій правительства, дѣйствуетъ противъ него непріязненно. Такому положенію вещей я необходимо долженъ былъ воспротивиться, иначе нарушилъ бы возложенныя на меня обязанности. Перялокъ долженъ быть возобновленъ. Не односторонно прибѣгалъ я къ увѣщаніямъ, но они оказались безплодными, а вчерашнее покушеніе гражданской гвардіи противъ пересылки по почтѣ денегъ, побудило меня окончательно прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Я надеюсь, что благосмысливше граждане будутъ содѣйствовать мнѣ въ дѣлѣ установленія законности и порядка». Президентъ правительства *фонъ Шнигелъ*

— Въ Эрфуртѣ 24 числа 1 и 4 роты народного ополченія должны были получить амуніцію. Но демократическая партія уже наканунѣ употребляла всѣ жѣры, чтобы воспрепятствовать этому и когда 24 числа 123 члн Эрфуртскаго ополченія собрались на площади, то черныя шлыки массами двинулись на нихъ. Между тѣмъ потребовали, чтобы гражданское опол-

чение очистило площадь передъ цейхгаузомъ. Между тѣмъ стали стрѣлять въ отрядъ кирасиръ, отправлявшихся на площадь Вильгельма и такъ какъ ярость народа постоянно усиливалась, то комендантъ и президентъ правительства объявили городъ въ осадномъ положеніи. Послѣ того волю-эскадронъ кирасиръ двинулся на толпу, угрожавшую цейхгаузу и потребовалъ, чтобы она разошлась; съ своей стороны пѣхота въ которую также начали стрѣлять, отвѣчала тѣмъ же и въ слѣдствіе этого на улицахъ завязался бой; войска остались побѣдителями, при чемъ одна баррикада взята была пѣхотою. Число убитыхъ и раненыхъ со стороны мятежниковъ еще неизвѣстно. Войска стоятъ бивуаками на площадяхъ и пользуются дружескимъ расположеніемъ гражданъ.

Германія.

Въ засѣданіи Франкфуртскаго національнаго собранія 16 ноября г. *Киригеснеръ*, докладчикъ комитета по Австрійскимъ дѣламъ, представилъ докладъ о предложеніи г. *Симона* (изъ Трира) касательно арестованія и казни *Роберта Блума*. Комиссія единогласно предложила слѣдующее опредѣленіе:

«Национальное собраніе, протестуя предъ лицомъ всей Германіи противъ арестованія и казни депутата *Роберта Блума*, совершенныхъ вопреки Имперскому закону отъ 30 сентября сего года, поручаетъ Имперскому министерству принять самыя энергическія мѣры для сужденія и наказанія всѣхъ тѣхъ, которые прямо или не прямо содѣйствовали этому арестованію и казни».

Собраніе объявило это дѣло не терпящимъ отлагательства и, единогласно, безъ всякихъ прерій, утвердило предложенное комиссіею опредѣленіе.

— Самое незначительное изъ владѣній Германіи, княжество Лихтенштейнъ, лежащее между Тиролемъ и Санктъ-Галленскимъ Кантономъ, вздумало произвести революцію. Жители главнаго города, Вадуца, которыхъ всего числомъ 1,700

душе обоюа пола, возбуждалась. Казнь Лихтенштейнъ предъ-
звалъ на помощь нѣсколько ротъ Австрійцевъ; и порядокъ
былъ восстановленъ.

И т а л і я .

— Изъ Генуи отъ 29 октября пишутъ: у насъ настоящее
возмущеніе. Какой-то продавецъ объявленій взятъ былъ подъ
стражу: народъ требовалъ, чтобы его освободили, и началъ
кидать камнями въ окна гауптвахты. Гражданское ополче-
ніе стрѣляло въ народъ, войска ему помогали и сходбища
были разсыяны. Это отголосокъ безпорядковъ, происшед-
шихъ въ Тосканѣ.

— Въ Римѣ, 24 октября, жидовскій кварталъ былъ приве-
денъ въ осадное положеніе. Эта мѣра была принята не для то-
го, чтобы подавить какое-либо возмущеніе, но напротивъ для
того, чтобы защитить евреевъ отъ нападеній нѣкоторыхъ
злоумышленниковъ. Они съ оружіемъ въ рукахъ ворвались въ
Гетто, подъ предлогомъ потребовать вознагражденія за то,
что нѣсколько евреевъ прибили двухъ національныхъ гвардей-
цевъ, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы грабить и взимать
контрибуціи. Мятежники разсыялись, по приближеніи выслан-
ныхъ противъ нихъ драгуновъ и карабинеровъ. Предводителю
этой шайки вчера вечеромъ взяты подъ стражу.

— Въ Times напечатано слѣдующее извѣстіе изъ Неаполя
отъ 4-го ноября: «г. Реневаль имѣлъ вчера аудіенцію у ко-
роля, который объявилъ ему, что онъ никогда не согласится
на послѣднія условія (ultimatum), предложенныя Франціею
касательно уступки правъ своего владычества надъ Сициліею.
Впрочемъ, во все это время, родъ перемирія, заключеннаго
между воюющими, строго соблюдается съ обѣихъ сторонъ.
Но прекращеніе военныхъ дѣйствій причиняетъ большой вредъ
Неаполитанцамъ, потому-что Сицилійцы пользуются каждымъ
днемъ, чтобъ усилить свои приготовленія къ самой отчаян-
ной защитѣ. Въ Палермѣ ежедневно получаютъ оружіе изъ

Миланъ и Тулона, и искусные английскіе и французскіе инженеры присоединяются къ войскамъ Савойяцевъ. Удивительно въ самомъ дѣлѣ, что король и его главнокомандующій подвергаются подобнымъ условіямъ. Имъ бы слѣдовало какою-нибудь сильною попыткою прекратить это затруднительное положеніе.»

11 ноября, утромъ государственный совѣтъ въ Римѣ собрался въ генеральное засѣданіе для отысканія средствъ къ скорѣйшему успокоенію Феррары и принадлежащей къ ней области. Личная безопасность и частныя имущества не находятъ въ Феррарѣ никакого обезпеченія и рѣзня продолжается тамъ съ чрезвычайною и страшною дерзостію. Къ этимъ безпорядкамъ присоединилось еще и то, что таможенныя стражи и пограничные егеря на флорентинской и неаполитанской границахъ заключили сдѣлку съ контрабандистами, въ слѣдствіе которой послѣдніе могутъ ввозить цѣлые караваны товаровъ за опредѣленную плату, разумеется не въ пользу таможенныхъ кассъ, которыя поэтому значительно опустѣли.

15 ноября, въ Римѣ совершилось ужасное преступленіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ графъ *Росси*, являвшійся въ засѣданіе палаты депутатовъ, былъ пораженъ на крыльцѣ двумя ударами пистолета, и скончался вскорѣ послѣ того. Убийство, безъ сомнѣнія, было бандитъ, подкушенныхъ мятежниками, желавшими разстроить весь общественный порядокъ.

16 ноября, въ Римѣ произошло возстаніе, которое кончилось послѣ сраженія, продолжавшагося три часа. Наружность папскаго дворца повреждена ядрами; число убитыхъ не слишкомъ велико. Сраженіе въ особенности происходило между Швейцарцами и народомъ. Папа удалился изъ Рима.

Въ Моденѣ какой-то аптекарь изъ Кавеццо сдѣлалъ покушеніе на жизнь великаго герцога, къ счастью тщетное. Герцогъ, съ помощію полковника *Гверры*, обезоружилъ его.

Турція.

Карантинный советъ принялъ мѣры къ распространению карантинной линіи вдоль всей турецкой восточной границы, по которой донынѣ учреждены были карантинны только въ одной части. Линія карантинныхъ заставъ, которая будетъ наблюдать за состояніемъ здоровья сопредѣльныхъ странъ и въ то же время оберегать внутреннія провинціи отъ заразительныхъ болѣзней, будетъ учреждена отъ Батума, на Черномъ морѣ, до Бассоры, при Персидскомъ заливѣ; заставы эти будутъ находиться въ городахъ Батумѣ, Асдаганѣ, Карсѣ, Баязидѣ, Бидлисѣ, Ванѣ, Моссулѣ, Сулейманіе, Анакіе, Мендлин, Багдадѣ и Бассорѣ.

Остъ-Индія.

— Изъ Остъ-Индіи получены извѣстія о томъ, что въ сѣверныхъ странахъ ея, Мултанѣ и Лагорѣ, возгорѣлась война.

19 августа, почти всѣ войска обѣихъ британскихъ экспедиціонныхъ колоннъ, отправившихся изъ Лагора и Фирозпура, пришли къ Мултану. Весь корпусъ войскъ, собранныхъ вокругъ Мултана, состоитъ изъ 28,000 человекъ (въ томъ числѣ 6,000 европейцевъ) и имѣетъ при себѣ 30 тяжелыхъ и почти столько же легкихъ орудій. У Мульраджи, напротивъ, должно быть только 10,000 человекъ, изъ которыхъ 2,000 занимаютъ цитадель, рѣшившись защищать ее до послѣдней крайности.

Мульрадж укрѣпился въ Мултанѣ и былъ осажденъ Англичанами. 12 сентября Англичане сдѣлали нападеніе на крѣпость, но безъ успѣха. Въ кровавой битвѣ, происшедшей при этомъ, пало 200 чел. со стороны осажденныхъ и 600 со стороны осаждавшихъ. Такъ какъ въ это время два полка Сейковъ, изъ Пендшаба, помогавшіе Англичанамъ, перешли къ *Мульраджу*, то генералъ *Вишъ* съ 23,000 чел. счелъ за лучшее снять осаду и отступить. Англійскія батареи пробили 14 числа брешь, въ то время, когда *Шере-Синъ* съ 4,000 Сейковъ перешелъ къ неприятелю. 15 ч. осада была снята; британскія войска отступили въ лагерь, отстоявшій на три часа пути отъ города *Муль-*

тана. 17 числа они продолжали свое отступление въ направленіи къ Басавулькуру и укрѣпились на семи-часовомъ разстояніи отъ города. Бывшіе сначала побѣдителями, Англичане понесли потомъ потери и 12 числа потеряли 200 чел. на укрѣпленіяхъ Мультана. 2,000 Британцевъ получили приказаніе тотчасъ же собраться у Фироппура; половина ихъ назначена была въ Мультавъ; сверхъ того 9,000 чел. бомбайскихъ войскъ должны были собраться подъ начальствомъ *Дундаса* въ Портѣ на Индусъ. Въ Пендшабѣ обнаружилось непріятное настроеніе противъ Англичанъ. Въ Лагорѣ арестованы четыре начальника, *Дежа Тей Синъ* и члены правительственнаго совѣта, и англійскія войска изъ предосторожности заняли Говиндгуръ. Въ Лагорѣ 4,000 вооруженныхъ Сейковъ ожидали только праздника Дуссересъ, 8 октября, чтобы умертвить въ этотъ день всѣхъ британскихъ офицеровъ. Слышно, что всѣхъ Сейковъ выгнать изъ города или обезоружать. Думаютъ, что Пендшабъ будетъ теперь присоединенъ ко владѣніямъ остъ-индской компаніи.

=

Русская Словесность.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗАЯЦЪ.

Назвавшись груздемъ, ползай въ кузовъ.

Русская пословица *.

Однажды, по лѣсу, шелъ староста Ипатъ,
И кузовъ на спинѣ тащилъ овъ преогромный.
— Вѣдь завтра день-то не скоромный,
Крестьянинъ размышлялъ. — Несказанно я радъ,
Что кузовъ мой грибами полонъ.
Вотъ, завтра, на обѣдъ, ко мнѣ прикатитъ братъ.
А у меня пирогъ! Лишь не былъ бы овъ солоный!
Да за хозяйкою я присмотрю и самъ,
А выйдетъ худъ пирогъ, такъ грѣхъ-то пополамъ.
На встрѣчу нырь въ глаза Ипату жирный заяцъ!
Бѣгувъ, отъ ужаса, прищурилъ, какъ Китаецъ,
Свой глаза, и вдругъ на лапни сталъ.

* Мы обѣщали печатать въ *Сынъ Отечества* рядъ басенъ, мысль которыхъ основана на нашихъ русскихъ пословицахъ, на этой народной философіи, на этихъ заоризнахъ нашихъ предковъ. Въ наступающемъ, 1849 году, будетъ продолженъ этотъ опытъ. Не знаемъ: понравится ли оны читающей и просвѣщенной публикѣ. Но дѣлать нечего: «Назвавшись груздемъ, ползай въ кузовъ.» Редакторъ С. О.

— Ахъ ты косой! Ипать нествово вскричалъ.
 — Ты оборотень что-ль? Ходилъ я за грибами,
 И набралъ ихъ довольно! Кто ты? — Груздь!
 Такъ заяцъ отвѣчалъ. — Какой ты груздь! Ну, пусть!
 Навался ты груздемъ, такъ въ кузовъ, мой любимый!
 Ты мнѣ, какъ вижу я, грибокъ-то преполозый!
 И послѣ пирога тебя на столъ подамъ.

Правоученіе, мораль не нужны вамъ.
 Кто предъ людьми чужую роль играетъ,
 Тотъ скоро въ кузовъ попадаетъ.

Ж. Васильскій.

ЛѢСЪ И РЯБИНА.

Слушай рябина, что лѣсъ говорить.

Русская пословица.

Въ густомъ лѣсу росла рябина.
 Качался отъ вѣтра, говорить:
 Ну что ты, лѣсъ! вѣдь ты—дубина!
 Мой умъ за облака и выше, слышь, шаришь!
 Тебя совсѣмъ перенничу
 И эту всю лѣсную дачу
 Велю я вырубить; тогда ты замолчишь!
 Неумно ты меня тогда перекричишь?
 Отвѣтомъ лѣсъ ее не удостоилъ,
 И тѣмъ онъ гордую рябину успокоилъ.
 Вдругъ налетѣлъ на лѣсъ ужасный ураганъ,
 И мощные всѣ дубы зашатались.
 Любимцы Зевсовы! Но цѣлы всѣ остались!
 Всѣ грудью уперлись, ну точно разъ Славана!
 Прощага греза! А гдѣ рябина?
 Да вотъ внизу, тамъ есть долина,
 Рябина, корнемъ вверхъ, на самоѣ днѣ лежитъ.

А гдѣ онъ свѣдѣній приидеть.
 «Рабина! Выслушай, что гдѣ-то говорятъ,
 Впередъ ты не учи; кто спорилъ, извѣрилъ, слышалъ,
 И вообще замолчи улави,
 Скрывай
 И тише.»

Ж. Миславскій

ПЛОТНИКЪ И ЕГО ПРІЯТЕЛЬ.

«Тонуть, такъ тонуть сулятъ, а выжить, и то-
 пориши надъ.»

Русск. сказка.

Путемъ-дорогой шелъ крестьянинъ Агаеонъ;
 Онъ ремесломъ былъ плотникъ.
 Его землякъ и другъ, Артемій, сельскій скотникъ,
 Съ нимъ рядомъ брелъ. Тамъ былъ извѣстенъ онъ,
 Что миромъ рѣшено: «Артемію награда,
 За то, что въ двадцать лѣтъ изъ стада,
 Которое онъ пастъ,
 Пропажь не было.» Коровъ онъ бездну спасъ
 И отъ волковъ, и отъ медвѣдей.
 Честямъ Артемій былъ отъ всѣхъ своихъ сосѣдей,
 И отъ всего села.

Награда, между тѣмъ, отложена была
 Впредь до рѣшенія и разсужденія міра.
 (Не думайте, что тутъ сатира
 На всѣ народныя собранія! О, нѣтъ!
 Нашъ русскій миръ и миръ не то, что прочій свѣтъ!)
 Но это въ сторону! Сказавши: «слава Богу!»
 Пойдемъ, читатели почтенные, въ дорогу;
 Которою идутъ Артемій, Агаеонъ.
 Посмотримъ: нѣтъ ли имъ въ пути какихъ препонъ.
 Ну какъ не быть! Ужъ то законъ природы!

Куда бы ни пошелъ—визнѣвъ! Уставъ воды
Всѣ ничто таковы.

Со вѣдомъ слаженъ мы: узы!

Потомъ же взглянемъ гдѣ нашъ плотникъ

И другъ его, Артемій, скотникъ.

Они стоятъ на берегу рѣки.

•Послушай, Агаевъ! Ты по льду не пускайся!

Провалишься грѣхомъ! — Какіе пустяки!

Ну, ты на берегу, Артемій, оставайся,

А я черезъ рѣку увидишь какъ пройду!—

Пошелъ нашъ Агаевъ, да и попалъ въ бѣду.

На самой глубинѣ сивозъ ледъ онъ провалился,

И, по-попая въ водѣ, пріятелю замолился:

•Артемій, милый другъ, Артемушка! Спаси!

Топоръ тебѣ отдамъ! А вѣдь топоръ—то чудо!•

Великодущіе не рѣдкость на Руси.

—Ну братецъ! проворчалъ Артемій: дѣло худо!—

Да и скакнулъ на ледъ, за шиворотъ схватилъ,

И друга своего на берегъ притащилъ.

•Охъ! исполать тебѣ, Артемушка почтенный!

•За долгъ сочту я непремѣнный

•Тебя въ послѣдствіи переважно подарить!•

—Да что объ этомъ намъ такъ много говорить!

Артемій отвѣчалъ. — Дай твой топоръ ты мнѣ-то,

Который обѣщалъ. •Пріятель! какъ же это?

•Ну какъ же я топоръ тебѣ отдамъ?

•Безъ топора я пропаду и самъ. •

—Ну, за услугу дай ты мнѣ хоть топорщце!—

•Да что ты выдумалъ за вздоръ,

•Почтенный мой дружище!

•Безъ топорща что топоръ!•

—Благодѣянье, честь и благодарность рѣдки!—

Такъ говорили наши предки.

Но плюнь ты, на свою печаль!

Топоръ сулять! Ты спасъ! Такъ топорща жаль!

Ж. Масальскій.

РѢШИТЕЛЬНЫЙ И НЕРѢШИТЕЛЬНЫЙ.

ОЦЕРКИ СЪ НАТУРЫ, ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

(Окончаніе).

IX.

Въ тотъ самый день, когда назначено было Веняминовымъ свиданіе его съ Надеждой Яковлевною, Валеріанъ Александровичъ былъ въ самомъ странномъ расположеніи духа. То онъ начиналъ раскayаться въ томъ, что, по совету пріятели, отправилъ къ бывшей своей невѣстѣ извѣстное читателямъ письмо, то принимался благодарить Вѣльскаго. Исправляющій должность Ментора не переставалъ смѣяться надъ Телемакомъ. Когда до назначеннаго свиданія оставалось не болѣе трехъ часовъ, Веняминовъ разочувствовался и немного прослезился; потомъ началъ одѣваться. Туалетъ его продолжался полтора часа, не смотря на понужденія и ругательства Вѣльскаго, который нѣсколько разъ снималъ и надѣвалъ свой поношенный фракъ и отъ нетерпѣнія бѣгалъ изъ одной комнаты въ другую. Когда наконецъ Веняминовъ совсѣмъ одѣлся, имъ снова овладѣла нерѣшительность; но Вѣльскій взялъ подъ руку Валеріана Александровича и,

выйдя такимъ образомъ, вѣсть съ нимъ, изъ его квартиры, свелъ его по лѣстницѣ на крыльцо, у котораго давно уже стояла наемная коляска. Молодые люди сѣли въ нее и отправились за Лѣсной Корпусъ. Извозчикъ поѣхалъ медленною рысью, но, понужденный Вѣльскимъ, ударилъ по лошадамъ, которыя пошли въ скачъ.

— Зачѣмъ такъ торопиться, сказалъ Валеріанъ Александровичъ своему пріятелю.

— Да вѣдь Надежда Яковлевна, возразилъ Вѣльскій: тебѣ въ лѣсу ждать не будетъ, и потому мы должны непременно быть въ назначенномъ мѣстѣ раньше девяти часовъ. Если опоздаемъ, то наживемъ себя только новыя хлопоты. Гораздо лучше кончить все однимъ разомъ.

— Мнѣ что-то страшно, Енгеній. Что если Марья Абрамовна узнаетъ о нашемъ замыслѣ и пошлетъ за нами погоню!

— Какой ты, право, трусь. Не похожъ совсѣмъ на мужчину! Точно красная дѣвица! Всего боится! Да развѣ тебѣ неизвестно, что наше письмо отдано твоей Наденькѣ, въ собственныя руки.

— Известно, да все-таки какъ-нибудь можетъ дойти до ея матушки, и....

— Никакъ и ничего не можетъ дойти до Марьи Абрамовны: я головой своей ручаюсь. Посмотри: вонъ выглянулъ изъ-за облака молодой вѣсялецъ. Мы увидѣли его съ правой стороны, такъ все устроится какъ пальца лучше. Я вѣрю этой примѣтѣ: сколько разъ испыталъ ее на себѣ. А скажи мнѣ: много ли съ тобой денегъ?

— Тридцать рублей серебромъ.

— Ну, этого будетъ мало: издержки предстоятъ большія. Я тебя ссужу, ты со мною, конечно, послѣ рассчитаешься, да вѣрно самъ еще займы предложишь. Вѣдь ты, черезъ два часа, сдѣлаешься богатымъ помѣщикомъ.

— Если Наденька согласится, я тебѣ непременно помогу.

— Да я не помощи у тебя прошу, а ссуды, и конечно съ возвратомъ. Меня совсѣмъ одолѣли кредиторы, жать

отъ нить нѣтъ. Двое давно уже предъявили записныя письма ко взысканію.

— Ко взысканію!

— Точно такъ. Просто беда! Не стану скрывать, что я поселился у тебя для того, чтобы избавиться на время отъ преслѣдованій своихъ кредиторовъ. Населили же они нить! Сегодня утромъ отираюцца я, какъ тебя извѣстно, домой за фракомъ. Вхожу въ свою квартиру, и меня встрѣчаютъ восемь человекъ!

— Неужели?

— Приво, и все мои почтенныя кредиторы. Наслы ихъ выпроводилъ, заплативъ каждому по-челногу. И не одни мужичины, а и женщины, да еще двѣ молоденькія. Если бы денегъ было побольше, составилъ бы непревизвино преорианальный французскій кадрилъ въ четыре пары.

— Какъ ты можешь быть весель въ твоемъ положеніи?

— А не начать ли нить по-твоему плакать? Хорошь бы я былъ! Я весель оттого, что сохраняю присутствіе духа, которое въ моемъ положеніи необходимо.

— Если я сегодня обвинчаюсь, то завтра же сообщу Надежкѣ твоею просьбу о ссудѣ.

— Спасибо. Только едва ли ты рѣшишьса такъ скоро это сдѣлать.

— Отчего же? Я думаю, что рѣшусь.

Когда наши вріатели, разговаривая такимъ образомъ, проахали Авной Корпусъ и всѣ дачи, построенныя въ два ряда по дорогѣ, ведущей на Поклонную гору, то, выйдя изъ колески и помѣстивъ ее въ уединенномъ мѣстѣ, начали пробираться въ лѣсъ. Солнце уже закатилось. Когда они вошли въ лѣсъ, то темнота еще усилилась. Вѣльскій зажегъ спичку, чтобы узнать время. Часы Веньямина показали: безъ двадцати минутъ девять. Молодые люди ускорили шаги и, прійдя къ назначенному мѣсту свиданія, остановились и стали прислушиваться. Сначала ничто не нарушало тишины, царствовавшей въ лѣсу; но вскоре раздались шорохъ. Вѣльскій воскликнулъ:

— Ну, Валеріанъ, поздравляю: нашъ замыселъ увѣнчивается успѣхомъ. Слышишь? Это она идетъ!

— Должно быть, она! Какъ мнѣ жаль ее, бѣдняжку! Въ такую темноту рѣшиться одной идти въ лѣсъ! Какъ велика съ ея стороны жертва!

— Да, ты долженъ цѣнить то, что она для тебя теперь сдѣлала. И мужчина не всякій рѣшится въ такое время пройти по лѣсу. Право, не находка!

— Ахъ, Евгений, я приму въ свои объятія Наденьку. Она упадетъ къ моей груди и на ней успокоится.

Между-тѣмъ шаги приближались и дѣлались слышнѣе.

— Ступай къ ней на встрѣчу, Валеріанъ, сказалъ ему его пріятель: а я буду тебя дожидаться здѣсь, на этомъ пнѣ. Благо, что подвернулся!

Веньяминовъ пошелъ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ раздавался шорохъ. Пройдя не болѣе пяти сажень, онъ уже сталъ явственно слышать человѣческую походку и совершенно увѣрился, что это шла его Наденька. Онъ не выдержалъ, стремглавъ бросился впередъ и очутился въ объятіяхъ.... своего экзекутора, Добрынскаго.

— Ну, Валеріанъ Александровичъ, воскликнулъ Алексѣй Ивановичъ: не ожидалъ я, чтобы вы рѣшились на такой поступокъ.

— Алексѣй Ивановичъ! Что это значитъ?

— А то, что Марѳа Абрамовна жаловалась на васъ нашему начальству, и оно отрядило меня сюда, чтобы пригласить васъ въ департаментъ. Вы паряжастесь дежурить пять дней сряду.

— Можетъ ли быть!

— Къ несчастію, это горькая истинна. Не то еще могло бы быть съ вами! Насилу убѣдилъ я Марѳу Абрамовну кончить это дѣло домашнимъ образомъ.

— Я вамъ очень благодаренъ, Алексѣй Ивановичъ, за ходатайство.

— Не за что благодарить: я исполнилъ свой долгъ. Я васъ люблю: вы очень хорошей и скромной молодой чело-

вѣкъ, потому удивляюсь, откуда взялась у васъ смѣлость! Какъ не подумали вы о послѣдствіяхъ.

Въ это время подошелъ къ разговаривавшимъ Вѣльскій и воскликнулъ:

— Валеріанъ! кто съ тобою говорить?

— Алексѣй Ивановичъ, отвѣчалъ печально Веньяминовъ.

— Какъ такъ! Зачѣмъ онъ здѣсь?

Валеріанъ Александровичъ объяснилъ все Вѣльскому, который, выслушавъ, сказалъ:

— Нѣтъ, Валеріанъ, ты не долженъ вѣхать въ городъ: мы отправимся сейчасъ къ Делинскимъ, и я объяснюсь съ Марьей Абрамовной.

— Позвольте васъ просить, Евгений Федоровичъ, прервалъ его Добрыньскій: не стѣсняй меня въ моихъ распоряженіяхъ.

— Ни за что не позволю вамъ, возразилъ Вѣльскій: увезти Веньяминова. Я васъ прошу оставить насъ въ покоѣ. Въ противномъ случаѣ между нами произойдетъ борьба. Вы одинъ, а насъ двое. На чьей же сторонѣ перевѣсь?

— Конечно на сторонѣ Алексѣя Ивановича, отвѣчалъ Веньяминовъ: потому-что я отказываюсь сопротивляться.

— Такъ я одинъ тебя отстою, сказалъ Вѣльскій. Мы еще посмотримъ....

— Напрасно вы горячитесь, молодой человекъ, возразилъ хладнокровно Добрыньскій. Я долженъ исполнить приказаніе моего начальства. Если вы вздумаете мнѣ мѣшать, я позову сторожей, которые со мною пріѣхали. И я докажу вамъ сейчасъ, что это правда.

Сказавъ это, Алексѣй Ивановичъ крикнулъ: «Эй, люди, сюда!»

На крикъ его прибѣжали три сторожа. По приказанію Добрыньскаго, зажженъ былъ немедленно фонарь. Вѣльскій оробѣлъ, замолчалъ и не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія распоряженіямъ Алексѣя Ивановича. Вскорѣ изъ лѣсу открылось церемониальное шествіе на дорогу. Впереди выступалъ сторожъ, съ фонаремъ, потомъ шли рядомъ Доб-

рынский, Вельяминовъ и Вельскій, а за ними два сторожа. Вскорѣ вышли все на дорогу. Вельяминовъ и Вельскій отпустили своего извозчика и помѣстились съ Добрынскимъ въ его коляску. Исправляющій должность Ментора не рѣшился разстаться съ Телемакомъ и захотѣлъ проводить его въ городъ, на что Алексѣй Ивановичъ охотно согласился. Одинъ сторожъ сѣлъ съ извозникомъ на кѣзлы, другой на запятки, третьяго же приглашалъ Добрынскій сѣсть въ коляску, но подчиненный его не рѣшался этого сдѣлать, и между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— Садись, братецъ, въ коляску: одно мѣсто лишнее.

— Куда жъ мнѣ, ваше высокоблагородіе, такъ высоко забираться.

— Да, полно церемониться, Арсентій.

— Съ господами не приходится мнѣ сидѣть. Я отправлюсь пышкомъ.

— Слушайся же меня и садись проворнѣе.

Сторожъ снялъ фуражку, полѣзъ въ коляску, рассыпаясь въ извиненіяхъ, и наступилъ на мозоль своего начальника.

Алексѣй Ивановичъ вскрикнулъ отъ боли, но сохранилъ хладнокровіе и сказалъ своему подчиненному, когда послѣдній наконецъ утѣлся, проклиная внутренно свою неловкость:

— Видно ты въ коляскѣ еще не ѣзжалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, не случилось, ваше высокоблагородіе.

— Я сейчасъ это замѣтилъ, отвѣчалъ Добрынскій, потомъ прибавилъ: — Да ты накройся: теперь сыро. Можешь простудить голову.

Сторожъ послушался своего начальника, и коляска двинулась съ мѣста.

X.

Черезъ три дня, послѣ описаннаго нами приключенія съ Валеріаномъ Александровичемъ, въ лѣсу,—возвратился въ Петербургъ Зябликовъ. Узнавъ отъ своего слуги, что другъ его уже четвертый день не выходитъ изъ своего департамента, Константинъ Ивановичъ отправился немедленно, въ дорожномъ своемъ платьѣ, къ Веняминову. Зябликовъ едва вѣрнулъ, слушая разсказъ Валеріана Александровича о томъ что случилось съ нимъ, во время ихъ разлуки. Когда этотъ разсказъ былъ конченъ, Константинъ Ивановичъ сказалъ:

— Во всемъ томъ что случилось съ тобою виноватъ не столько ты самъ, сколько Вельскій. Я съ нимъ рѣшительно изъ-за тебя поссорюсь.

— Ахъ, Зябликовъ, не дѣлай этого, а пожалѣй лучше Вельскаго. Онъ былъ у меня вчера и сообщилъ мнѣ, что квартира его запечатана, а движимое имѣніе его описано и поступить на дилжъ въ продажу.

— Вотъ до чего доводитъ игра! Сколько разъ я убѣждалъ его измѣнить образъ жизни, но онъ меня не слушался. Гдѣ жъ онъ теперь живетъ?

— Онъ переехалъ на-время къ одному изъ своихъ родственниковъ.

— Какъ я на него ни сердить, но помогу ему и заплачу его долги.

— Развѣ ты имѣешь возможность?

— Я получилъ наследство отъ моего дяди.

— Онъ умеръ?

— На другой день послѣ моего прѣзда къ нему.

— А что онъ завѣщалъ тебѣ?

— Онъ оставилъ мнѣ свою деревню.

— Поздравляю.

— Не стоить и поздравлять меня: это наследство доста-

лось мнѣ слишкомъ дорогою цѣною. Я лишился моего второго отца.

— А все-таки твое положеніе лучше моего. Ты понесъ потерю, но время поможетъ тебѣ ее перенести, и наследство будетъ тебѣ приятно. Ты можешь легко теперь найти себѣ дѣвушку по сердцу и на ней жениться.

— Жениться? Нѣтъ, ужъ уволь меня отъ этого. Никогда не женюсь! Я не хочу получить во второй разъ отказъ. Я ужъ испыталъ это. Самолюбіе страдаетъ ужасно.

— Да ты сватался на богатой, самъ не имѣя тогда ничего, и слишкомъ поторопился сдѣлать предложеніе, а теперь ужъ не получишь отказа.

— А если получу, что тогда. Позволь ужъ остаться холостякомъ.

— Да ты можешь жениться и на бѣдной. Тебѣ надо только влюбиться.

— Да я ужъ влюбленъ. Я сообщу тебѣ это подъ секретомъ. Не говори только никому.

— Въ кого же ты влюбился?

— Въ тебя! Никого я такъ не люблю какъ тебя. Мнѣ нравится тоже твоя невеста, и ее я буду любить.

— Нѣтъ, ужъ Наденька не будетъ моею! Улетѣло мое счастье!

— И опять прилетитъ, не безпокойся.

— Нѣтъ, ужъ оно ко мнѣ не возвратится. А если бы ты зналъ, какъ я былъ счастливъ! Я блаженствовалъ! За то теперь я страдаю, страдаю ужасно! А что ожидаетъ меня еще въ будущемъ?

— Свадьба, да еще веселая. Ужъ поручи мнѣ ее устроить.

— И думать объ ней я не смѣю. Новыя терніи встрѣтятъ меня на моей жизненной дорогѣ.

— То-есть: крапива, шиповникъ и другія колючія растенія. Успокойся. Я вырву ихъ съ корнемъ, какъ только онѣ покажутся, и замѣню ихъ розами, бѣлыми и красными, да еще махровыми, но безъ шиповъ, и ты будешь, какъ говорится, на розахъ, и утѣшишься.

— Я могу найти утешеніе въ одной смерти.

— Какъ тебѣ не стыдно говорить это, Валеріанъ!

— Чтѣ жъ мнѣ дѣлать? Я въ такомъ положеніи, что долженъ желать смерти, и, право, встрѣчу ее съ улыбкою, когда она явится. Да и кто пожалѣетъ обо мнѣ, когда меня не будетъ на свѣтъ. Одинъ развѣ ты.....

Веньяминовъ не могъ болѣе говорить и заплакалъ. Зябликовъ тоже былъ тронутъ этими словами, но сохранилъ присутствіе духа и сказалъ:

— Послушай, Валеріанъ! Отчаяваться никогда не должно! Отчаяніе—смертный грѣхъ. Я не отказалъ въ помощи Вельскому. Какъ же ты могъ подумать, что я оставлю тебя въ этомъ положеніи и не похлопочу объ тебѣ.

— Да вѣдь у меня долговъ пѣть, а денегъ мнѣ теперь не надо. Чтѣ жъ ты можешь для меня сдѣлать?

— Я поѣду сегодня же къ Лелинскимъ и оправдаю твое поведеніе, которое, конечно, имъ не могло повратиться. Марѣа Абрамовна, вѣрно, будетъ....

— Я узналъ, прервалъ Веньяминовъ, что насъ обонхъ, а также Вельскаго, они не приказали принимать.

— Я непременно долженъ быть у нихъ для того, чтобы оправдать тебя. Я не посмотрю на запрещеніе. Дѣло слишкомъ важно. Они должны будутъ принять меня.

— Если они тебя и примутъ, то это свиданіе ни къ чему не послужитъ. Ужъ Марѣу Абрамовну не заставишь ничѣмъ переубѣдить ея мнѣніе обо мнѣ, и она не согласится выдать за меня Наденью.

— Я употреблю все старанія, чтобы она на это согласилась и забыла все прошедшее. За успѣхъ не отвѣчаю, а хлопотать буду. Прощай и не унывай. Я съѣзжу домой только переодѣться, и чрезъ два часа буду у Лелинскихъ, а отъ нихъ прямо къ тебѣ.

Зябликовъ обнялъ своего друга и отправился домой.

XI

По приезде домой, Константинъ Ивановичъ скинулъ съ себя дорожное платье, одѣлся по-столичному и отправился къ Лелинскимъ. Подъѣхавъ къ дачѣ, на которой они жили, онъ сошелъ съ дрожекъ и встрѣченъ былъ у воротъ Яковомъ Петровичемъ, который подаль ему сейчасъ руку и повелъ его, черезъ садъ, къ дачѣ. Приездъ Зябликова такъ былъ неожиданъ, что старикъ совершенно забылъ, что Константинъ Ивановича не вѣльно принимать. Когда они подошли къ дачѣ, поднялись на балконъ и вошли въ залу, то Яковъ Петровичъ, увидѣвъ въ ней свою супругу, сказалъ ей:

— А вотъ я привелъ къ намъ дорогаго гостя. Совсѣмъ насъ забылъ!

Марья Абрамовна на эти слова ничего не отвѣчала, не раскланялась, какъ бывало прежде, съ Константиномъ Ивановичемъ, а бросила только на Якова Петровича страшный и выразительный взглядъ.

Супругъ Марьи Абрамовны вспомнилъ о томъ, что она запретила принимать Зябликова, и ушелъ сейчасъ въ свой кабинетъ.

Оставшись вдвоемъ съ Марьей Абрамовной, Константинъ Ивановичъ, замѣтивъ, что она собирается говорить, предупредилъ ее:

— Васъ, вѣроятно, удивляетъ мой приездъ, но потрудитесь выслѣдовать причины, которыя заставили меня на это рѣшиться.

— Да, я знаю напередъ, что вы будете говорить о Валеріанѣ Александровичѣ. И слышать не хочу объ немъ: онъ мегодай.

И Марья Абрамовна, въ волненіи, начала ходить взадъ и впередъ по залѣ.

— Позвольте вамъ замѣтить, возразилъ Зябликовъ: что ваше мнѣніе о моемъ другѣ совершенно неосновательно. Его поведеніе, въ последнее время, конечно, было предо-

судителю, не въ этомъ виновать Вальснй: онъ увлекъ Веньямина.

— А развѣ человека съ твердыми, хорошими принципами можно увлечь неправдѣ?

— Нѣтъ ни одного человека, у котораго не было бы недостатковъ. И Веньямина нѣтъ ихъ; главный же его недостатокъ—тотъ, что онъ нерышительнъ. Отъ этого и произошли все его несчастія, которыхъ онъ, право, не заслуживаетъ. Но они, вѣроятно, измѣнятъ его характеръ. А сколько у Веньямина прекрасныхъ качествъ: онъ набоженъ, добръ, трудолюбивъ.

— Вы другъ его, какъ же вамъ не хвалить его. Но что можете вы за него?

— Вы меня обижаете своею недоверчивостію. Клянусь вамъ всѣмъ что для меня есть святаго на землѣ! Все, что я говорилъ вамъ сейчасъ о моемъ другѣ,—все это правда.

— Да если бы это была и правда, возразила Марѳа Абрамовна, продолжая ходить по залѣ: я уже не соглашусь выдать за наго Наденьку.

— Вы меня извините, а я не скрою, что по городу ходятъ толки объ васъ и Веньямина. Но больше обвиняютъ васъ, нежели моего друга.

— Не боюсь я никакихъ толковъ и обвиненій. Пускай говорятъ что угодно: мнѣ все равно.

— Не что будутъ говорить про васъ и пріятно ли вамъ будетъ, если другъ мой отъ вашей жестокости умретъ! Онъ доведенъ теперь до отчаянія, а въ этомъ состояніи человекъ не рассуждаетъ. Онъ можетъ застрѣлится...

Шумъ въ соседней комнатѣ прервалъ слова Константина Ивановича. Марѳа Абрамовна бросилась въ свою спальню, въ сопровожденіи Зябликова и выбѣжавшаго изъ кабинета Якова Петровича. На полу лежала безъ чувствъ Надежда Яковлевна. Ее подняли и положили на диванъ. Марѳа Абрамовна, не боявшаяся ничего на свѣтѣ, въ этотъ разъ испугалась, не смотря на свои крѣпкія нервы; но со-

хранила присутствіе духа и начала ухаживать, вѣсть съ горничной, за дочерью. Яковъ же Петровичъ такъ былъ пораженъ ея обморокомъ, что едва держался на ногахъ и готовъ былъ самъ повалиться на полъ; впрочемъ на него никто не обращалъ вниманія. Глаза всѣхъ присутствовавшихъ въ комнату были устремлены на Надежду Яковлевну. У всѣхъ было одно желаніе, чтобы она скорее очнулась. Когда двушка наконецъ пришла въ себя, то воскликнула, обращаясь къ своей матери:

— Ахъ! маменька, это вы!.. А какъ я очутилась на диванѣ?

— Ты, моя милая, лишилась чувствъ и упала на полъ... испугала насъ ужасно, отвѣчала Марѳа Абрамовна и, увидѣвъ Зябликова, котораго и не замѣтила прежде въ спальнѣ своей, сказала ему, подходя къ нему:

— Вотъ что вы надѣлали, милостивый государь! Прошу васъ оставить насъ въ покоѣ. Кто вамъ далъ право входить въ мою спальню?

Въ это самое время, Надежда Яковлевна проворно встала съ дивана, вспомнила послѣднія слова, сказанныя Зябликовымъ, отъ которыхъ сдѣлался съ нею обморокъ, и проговорила другу бывшаго жениха своего прерывистымъ голосомъ:

— Ради Бога, берегите Валеріана, и утѣшайте его... Скажите ему, что я не перестану его любить...

— А развѣ ты забыла, Наденька, прервала Марѳа Абрамовна: что я просила тебя не думать о Веняминювъ.

— Я не могу этого сдѣлать: это выше силъ моихъ, отвѣчала Надежда Яковлевна. Вы, вѣрно, не будете принуждать меня выйти за другаго, не сдѣлаете несчастною вашу дочь.

— Конечно, не буду принуждать, но найду другаго жениха: можетъ-быть онъ и понравится тебѣ.

— Я чувствую, что съ однимъ Валеріаномъ могу быть счастлива.

— Какое сильное влеченіе, подумаешь! воскликнулъ

Яковъ Петровичъ. Я: никакъ этого не ожидалъ! Мать кажется, что въ этомъ дѣлѣ нельзя идти противъ желанія...

— Ты, Яковъ Петровичъ, говоришь пустяки, прервала Марѳа Абрамовна. И это за-частую съ тобой бываетъ, а все оттого, что не подумашь прежде о томъ, что хочешь сказать, да и сболтнешь.

— Вы напрасно нападаете на вашего супруга, сказалъ Зябликовъ. Я понялъ то, что Яковъ Петровичъ хотѣлъ сказать и нахожу, что онъ совершенно правъ.

— Слышишь ли, Марѳа Абрамовна, воскликнулъ супругъ ея, съ торжествующимъ видомъ: что обо мнѣ говорить.

— Слышу, а все-таки пойду противъ желанія Наденьки, отвѣчала Марѳа Абрамовна.

— И совѣсть не будетъ васъ уврекать? спросилъ Константинъ Ивановичъ.

— И совѣсть не будетъ тебя упрекать? повторилъ Яковъ Петровичъ.

— Не будетъ, не беспокойтесь, отвѣчала Марѳа Абрамовна. Никакъ учить меня вздумали! Прошу покорно!—И ты туда же? Каковъ пріятель! воскликнула она, обращаясь къ своему супругу.

— Вы слишкомъ вооружены противъ моего друга, продолжалъ Зябликовъ: я его лучше знаю и могу увѣрить васъ, что онъ можетъ составить счастье вашей милой дочери.

— Онъ можетъ составить счастье вашей дочери! повторилъ Яковъ Петровичъ. Это и я вижу.

— А если бы вы знали, какъ онъ любитъ Надежду Яковлевну, сказалъ Константинъ Ивановичъ.

— Онъ любитъ Наденьку, очень любитъ—это ясно! повторилъ Яковъ Петровичъ.

Между-тѣмъ Надежда Яковлевна цѣловала руку у своей матери. Слезы лились изъ глазъ двушки.

— Посмотрите, Марѳа Абрамовна, воскликнулъ Зябли-

ковь: Надежда Яковлевна плачетъ. Что вы должны теперь чувствовать, когда я не могу смотреть на эти слезы. Я тоже заплачу.

— И я заплачу, повторилъ Яковъ Петровичъ, и, взглянувъ на дочь свою, действительно заплакала.

— Перестань, Надежка, плакать, сказала разсерженная Марѳа Абрамовна. Вижу, что дѣлать съ тобою больше ничего, какъ выдать тебя, да еще и поскорѣе, замужъ за Валеріана Александровича. Будь съ нимъ счастлива! Я благословляю тебя!

— И я тоже, моя Надежка, прибавилъ Яковъ Петровичъ.

Надежда Яковлевна бросилась въ объятія своихъ родителей и продолжала плакать, но уже не отъ печали, а отъ счастья.

Въ концѣ августа ** года праздновалась на дачѣ Лелинскихъ свадьба Веняминова и Надежды Яковлевны. Константинъ Ивановичъ сдержалъ свое обещаніе сдѣлать эту свадьбу веселою. Онъ устроилъ на свой счетъ богатую иллюминацію и фейерверкъ, и при звукахъ намотой иъ же музыки, съ бокаломъ въ рукѣ, поздравилъ новобрачныхъ.

А. Мь....скій.

МЕЧТЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

ИСТОРІЯ СЕРДЦА,

ИЗЪВЛЕЧЕННАЯ ИЗЪ СЕКРЕТНЫХЪ, ЖЕНСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

Какія странныя противорѣчія встрѣчаешь иногда въ своемъ сердцѣ. Я жалуясь часто на скуку своей одинокой жизни, въ глуши уединенной деревни; а между-тѣмъ, нахожу, что эта уединенная жизнь полна поэзіи. Мнѣ иногда такъ грустно, что я готова проплакать нѣсколько часовъ сряду; но какое основаніе имѣеть моя грусть? Я счастлива, совершенно счастлива! Здѣсь все меня любятъ; старушка маменька—мой искреннѣйшій другъ. На свѣтъ цѣтъ ничего для нея дороже меня; и если бы хлопоты по хозяйству и слабость здоровья не отвлекали ее такъ часто отъ меня, я не была бы принуждена проводить цѣлые дни одна. Домъ нашъ прекрасенъ. Я съ восхищеніемъ смотрю на широкіе размѣры его архитектуры; люблю его обширныя залы, его живописное положеніе, на крутомъ берегу рѣки, вдали отъ селенія. Я часто воображаю то время, когда гостепріимный правдѣ мой угощалъ въ немъ многочисленныя гости, — когда въ немъ кипѣла жизнь и веселіе. Теперь онъ пустъ, и мы живемъ въ немъ только двое. Веселые звуки давно замол-

ли. Иногда въ осенніе или зимніе вечера, когда уныло завываетъ вѣтеръ, и мелкій дождь, или снѣгъ ударяетъ въ окна, невольная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу: мнѣ страшно одной въ нашихъ большихъ комнатахъ. Меня пугаетъ стукъ ставней, шорохъ падающихъ, сухихъ листьевъ. Въ завываніи вѣтра, мнѣ чудятся раздражающіе сердце вопли; въ комнатахъ слышатся небывалые шаги, печальные вздохи, будто тѣни усопшихъ приходятъ сюда грустить о вѣселемъ минувшемъ. Я знаю, все это происходитъ въ моеи воображеніи; но сердце мое сжимается, чувствуя будто бы присутствіе невидимыхъ существъ, и я не смѣю иногда оглянуться, страшась сдѣлаться свидѣтельницею тайнъ замогильной жизни. Мнѣ страшно; но въ этомъ страхѣ я нахожу какое-то высокое, поэтическое наслажденіе.

Лѣтомъ, когда природа, возрожденная, взлелеянная солнечною теплотою, разцвѣтаетъ новою жизнію, радуется взоръ роскошью пѣкнителяго убранства, а съ наслажденіемъ прогуливаюсь по нашему саду. Люблю его, какъ Швейцарецъ любитъ свои горы. Мнѣ милы высокія березы, граціозно склоняющія свои вислѣчія вѣтви къ крыльцу дома, люблю песчаныя дорожки, круто спускающіяся къ рѣкѣ; люблю черныя ели, цвѣтушія поляны и вѣчный шумъ рѣчки, съдою пѣною кипящей по каменному ложу. Здѣсь все прекрасно. Воздухъ наполненъ чудными созвучіями: гармонически нерешентываются вѣчно болтливые листочки осины; стрекочать кузнечики, жужжать пчелы, тихо вздыхаютъ высокія ели, покачивая широкія вѣтви; тоскливо кукуетъ кукушка, а причудливый, неуловимый напѣвъ соловья, какъ пѣснь геніальнаго пѣвца, резко отдѣляется отъ хора щебечущихъ ласточекъ и воробушекъ. И все эти отдѣльные голоса природы давно сливаются съ вѣчнымъ, не умолкаемымъ шумомъ водопадовъ, какъ прекрасные мотивы съ могучимъ акомпаниментомъ оркестра. Есть какая-то гармонія даже въ дыханіи ароматнаго цветка, въ радужномъ передивѣ росинки, въ лучахъ солнца. Слушаю не умолкаемую, симфонію природы, и волнуется-

ся сердце успокоивается въ изгнѣ счастья. Да, я бываю счастлива, не смотря на одиночество. Но отчего невольный вздохъ вылетаетъ изъ груди? Отчего порою на глазахъ наворачиваются слезы? Чего еще недостаетъ для полноты моего счастья?... О! прочь несбыточные, тревожные мечты! Я счастлива—чего желать еще?

Сегодня ко мнѣ прїѣдетъ гостить Оля. Я рада; у ней хорошенькій голосъ, и мы споемъ съ нею нѣсколько дуэтовъ. Я люблю Олю, не смотря на то, что наши характеры противоположны. Она не любитъся красотами природы; поетъ безъ чувства; подшучиваетъ надъ моею задумчивостію; называетъ меня мечтательницею. Я охотно прощаю ей шутки на мой счетъ, потому-что она мила и остроумна. Оля веселая, свѣтская дѣвушка—рѣзвушка и шалуныя. Я не могу быть откровенною съ нею: она не пойметъ меня. Въ послѣдній разъ, какъ мы съ нею видѣлись, она дурно отзывалась о какой-то своей подружкѣ, Маріи. Это не понравилось мнѣ и показалось бесполезнымъ злословіемъ. Рассказывать о дурныхъ качествахъ человека, можно въ такомъ только случаѣ, когда мы желаемъ спасти кого-нибудь отъ вреднаго общества съ нимъ; но я не знаю этой Маріи и, вѣроятно, никогда не буду знать ее—слѣдовательно мнѣ все равно: добра ли она или зла. Впрочемъ я напрасно сужу такъ строго о поступкѣ, который, вѣроятно, произошелъ отъ легкомыслія и вѣтренности, а не отъ злаго сердца. Оля добра, потому-что сострадательна. У ней любящее сердце: она всѣхъ любитъ и во всѣхъ влюбляется. Не мудрено: она живетъ зимою въ городѣ и видитъ, можетъ быть, многихъ молодыхъ людей, достойныхъ любви; а я—кого любить въ этой глуши?

Они еще вѣтъ. Я пошла на большую дорогу вернуться се. Погода становится холоднее: быстро вѣтает на небо облака; грозно, величественно стонетъ лѣсъ, и кое-гдѣ желтѣвшіе листья, какъ одинокіе, безпріютныя сиротки, печально вѣсятъ на волѣ вѣтра. Какъ величественна и прекрасна природа во всѣхъ ея видахъ. Я долго стояла на дорогѣ, и прислушивалась къ шуму вѣтра.

— Мое почтеніе, Марья Алексѣевна! сказалъ мнѣ знакомый голосъ.

Я оглянулась. Позади меня стоялъ Иванъ Ивановичъ Соколинъ.

— Маменька ваша дома? спросилъ онъ.

— Да; она будетъ очень рада вамъ.

— Чтѣ вы изволите говорить?

— Маменька будетъ очень рада вамъ.

— Да, да, рада.... Препочтенная старушка, ей Богу-съ. Погода, того и гляди, испортится, я и подумалъ: схожу-ка до дождя къ сосѣдушкѣ поиграть въ картѣжки. А вы, вѣрно, изволите ожидать кого-нибудь здѣсь на дорогѣ?

— Я слушала какъ шумитъ лѣсъ.

— Чтѣ вы изволите говорить?

— Я слушала какъ шумитъ лѣсъ.

— Да, да, лѣсъ шумитъ. Это хорошій знакъ, извольте видѣть; съ этой стороны вѣтеръ, надо ожидать дождя, а это очень нужно теперь, ей-Богу-съ...

Люди положительные смотрятъ на вещи, со стороны пользы, которую онъ приносятъ, а поэтической стороны не замѣчаютъ. Напрасно я сказала Ивану Ивановичу, что слушаю, какъ шумитъ лѣсъ: мнѣ досадно, когда меня не понимаютъ.

Иванъ Ивановичъ добрый человекъ. Маменька расположена къ нему, и я тоже люблю его за то, что онъ доставляетъ маменькѣ удовольствіе, играя съ нею въ карты. Не люблю я только, когда онъ проситъ меня пѣть: онъ глухъ, и ничего не понимаетъ въ музыкѣ. Иногда замѣчаю, что онъ долго смотритъ на меня—не понимаю этого взгляда, и напрасно стараюсь разгадать его: онъ ничего не выражаетъ.

Отчего Иванъ Ивановичъ не женатъ? Ему уже сорочъ лѣтъ. Неужели любовь никогда не тревожила сердце этого вѣчно спокойнаго человека? Удивляютъ меня люди, которые никогда ничто не увлекало; но, можетъ быть, они кажутся холодными только потому, что узиютъ загнать волненіе сердца; а загнанныя страданія тяжки и глубоки, я знаю это по себѣ. Живая, воспримчивая, вѣчно влюбленная Оля гораздо спокойнѣе меня, потому-что высказываетъ свои чувства. Я не подслушала никогда ни одного слова во время ея сна: сонъ ея тихъ и сладокъ, не такъ какъ мой. Каждая новая мысль, каждое впечатлѣніе часто не даетъ мнѣ сомкнуть глазъ и, какъ злой демонъ, мучитъ мою душу; а какая-то гордость и робость мешаетъ мнѣ высказать свои чувства даже самымъ близкимъ мнѣ людямъ.

Сегодня мы много разговаривали съ Оленькой. Она рассказывала мнѣ о своихъ свѣтскихъ походахъ, о своихъ побѣдахъ и надеждахъ. Кажется, она очень нравится мужчинамъ. Дай Богъ, чтобъ она вышла замужъ за достойнаго человека. Она мила, какъ хорошенькая игрушка; но если бы я была мужчиною, я не влюбилась бы въ нее. Глубокія мысли недоступны ей, и самыя сильныя впечатлѣнія дѣйствуютъ на нее весьма слабо.

Увидя Ивана Ивановича, она съѣла подлѣ него и начала разговаривать съ нимъ. Я дивилась, съ какою логичностію она вела разговоръ, привариваясь къ его понятіямъ. Речь шла, бѣльшею частію, о погодѣ, о хозяйствѣ, о благоразуміи экономин, о пріятности тихой сельской жизни. Я еще ни разу не бесѣдовала съ Иваномъ Ивановичемъ, потому-что не находила предметовъ для разговора съ нимъ.

Подойдя ко мнѣ, Оля шепнула мнѣ:

— Каково мы любезничаемъ!

— Удивляюсь, отвечала я. И ты находила удовольствіе въ разговорѣ съ Иваномъ Ивановичемъ?

— Почему же нѣтъ! Онъ хорошій человекъ; глупаго ничего не говоритъ. Правда, онъ немного глухъ и надеждаетъ своими «что изволите говорить», ну, да это не беда. Онъ человекъ солидный и благоразумный, а что всего лучше—богатый. Знаешь ли что Марія? сказала она, обнявъ меня рукою и лукаво глядя на меня; на твою мѣсть, я постаралась бы выйти за него замужъ.

Отъ этихъ словъ вся моя душа возмущилась. Я покраснѣла и не отвечала ей ни слова.

— Онъ еще не старъ, продолжала она, и для тебя выгодный женихъ. Вотъ, напримѣръ, я—совсѣмъ другое дѣло—я не пошла бы за него, потому-что онъ любитъ жить въ деревнѣ, а я терпѣть этого не могу. Ахъ! то ли дѣло Петербургъ! Ну, а ты вѣдь находишь же удовольствіе сидѣть по цѣлымъ днямъ гдѣ-нибудь въ полѣ, да слушать какъ каркаютъ вороны. Ну, и пошла бы за него, и жили бы вмѣстѣ въ деревнѣ.

— Никогда! воскликнула я съ негодованіемъ, освободясь изъ объятій Оли.

— Чего же ты хочешь? Ужъ не ждешь ли ты того, чтобы пришелъ какой-нибудь сказочный царевичъ, или рыцарь среднихъ вѣковъ, и похитилъ бы тебя.

— Да, жду его, и не выйду замужъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣчу человека, котораго люблю.

— А тотъ, кого ты полюбишь, можетъ быть, и не посватается за тебя. Повѣрь мнѣ, Марія, любовь и супружество рѣдко соединяются вмѣстѣ.

— А для меня супружество не существуетъ безъ любви.

— Дай Богъ, чтобы ты не ошиблась.

Мнѣ стало досадно, и я ушла въ садъ. Съ негодованіемъ повторяла я слова Оли «любовь и супружество рѣдко соединяются вмѣстѣ.» Пискливо прокричалъ надо мною ястребъ, и въ этомъ крикѣ мнѣ послышался язвительный смѣхъ какого-то злаго духа. Я едва не заплакала.

Оля подошла ко мнѣ, съ ласковою улыбкою, и сказала мнѣ:

— Прости мнѣ, Марія, если мои слова не понравились тебѣ. Я не хотѣла сдѣлать тебѣ непріятности; но вѣдь ты такая мечтательница и причудница, что, право, не знаешь иногда, какъ и говорить съ тобою. Ну, перестань, не хмурься такъ, сказала Оля и, обнявъ меня, повлекла за собою къ дому.

— Пойдемъ въ залу, сказала она.

— Ни за что въ свѣтъ, сказала я, остановясь.

— Ужъ не сердись ли ты на бѣднаго Ивана Ивановича? Чѣмъ виноватъ онъ? Онъ, можетъ быть, и не думаетъ о тебѣ.

Это замѣчаніе успокоило меня немного и примирло меня съ Иваномъ Ивановичемъ.

Выйдти замужъ за Ивана Ивановича Сорокина! Какъ это смѣшно! Я не шестнадцати-лѣтняя дѣвица, чтобы могла сдѣлать такую глупость. Какъ связать на вѣки свою судьбу съ существомъ, съ которымъ мы не сходимся, ни по характеру, ни по наклонностямъ нашимъ.

Что можетъ быть непріятнѣе, какъ показывать другому расположеніе, тогда какъ непреодолимая сила отталкиваетъ отъ него; не смѣть обнаружить передъ нимъ ни попятій, ни вкуса, ни наклонностей, для того, чтобы избѣжать противорѣчія; быть вѣчно не тою, какова есть? Соткать себѣ жизнь изъ обмана и притворства—какое постыдное неблагородство! И для чего жертвовать такъ своею совѣстью? Не для счастья; нѣтъ, потому-что, при тихой лживой жизни, его не можетъ быть; а для того, чтобы на притворство, какъ на фальшивую монету покупать удобства жизни, или званіе въ обществѣ.

Отвратительная перспектива супружеской жизни! Нѣтъ, надо выходить замужъ за того, кого мы можемъ любить и уважать, или вовсе не выходить.

Говорить, что двинуть жизнь скучна под старость, уж лучше скучать, чѣмъ страдать, и я никогда не рѣшусь выйти замужъ за какого-нибудь Сорокина.

—

— Ахъ, я дуракъ! воскликнулъ Сорокинъ, увидя меня. Совсѣмъ забылъ.... хотѣлъ принести вамъ книжку, да оставилъ ее на столѣ. Изъ ума выскочилъ! ей-Богу-съ, а ужъ была завернута въ бумагу—совсѣмъ приготовлена. Находятъ же иногда на человека такое безпамятство! ей-Богу-съ. А вотъ я сейчасъ пошлю своего Мишку, пусть съѣздитъ за нею и привезетъ ее сюда.

Иванъ Ивановичъ, какъ мячъ, покатился въ прихожую къ своему лакею.

— Славная книжка! сказалъ онъ, возвратясь изъ прихожей. Прѣздомъ останавливался у меня знакомый, и забылъ ее. Славный переплетъ, предорогой, ей-Богу-съ! и гравюры преважныя. Вотъ не помню названія книги. Я надѣлъ очки, хотѣлъ полюбопытствовать что это такое, да зрѣніе слабо-съ....

Иванъ Ивановичъ вздохнулъ.

— Должно быть сказка; на одной страничкѣ я прочиталъ такія все чудеса.... ей-Богу-съ!

Иванъ Ивановичъ засмѣялся.

— Пришелъ староста поговорить о томъ, о семъ... гляжу—Мишка стащилъ ужъ книгу въ прихожую. Такой мошенникъ, ей-Богу-съ! хорошо, что я скоро увидѣлъ; а то отдалъ бы онъ ее славно.

Черезъ нѣсколько времени привезли книгу. Сорокинъ надѣлъ очки и прочелъ на заглавномъ листѣ: — Уи...ли...на...сь! Слѣдующіе эти сочинители, продолжалъ онъ, подавай мнѣ книгу: выдумаютъ же имя, какого на съѣтъ имъ. Ей-Богу-съ.

До-сихъ-поръ я не имѣла случая прочесть Уидну, и

Оля такъ рада, получила книгу, что даже не обратила на вниманіе Ивана Ивановича. Оля выхватила, у меня изъ руки ее и принялась разсматривать гравюры.

— Всего болѣе мнѣ нравится тутъ дядя Струй, сказала она. А вотъ мнѣ сейчасъ понемѣ: нѣтъ ли его у васъ въ саду? Вѣдь говорятъ же даже крестьяне, что они видѣли какъ у васъ, тамъ, у водопадовъ, свѣдѣла на камнѣ русалия и разчесывала виднѣмъ гребнемъ свѣдые волосы. Это, вѣрно, была Ундина; волосы у нея были свѣтлорусые, а крестьяннѣ, отъ страха или отъ грубости понятій, показались свѣдыми. Ну, а гдѣ Ундина, тамъ долженъ быть и Струй.

Сказавъ это, Оля порхнула въ садъ.

Между-тѣмъ, я удалась въ свою комнату и начала читать Удину. Дойдя до того мѣста, гдѣ Ундина такъ мило, такъ забавно проказничаетъ въ книжнѣ своихъ благодѣтелей, я улыбнулась перокъ у своего окна. Вслѣдъ за этимъ, начали плескаться въ окно водою, и наконецъ плеснули такъ сильно, что вода полилась черезъ раму въ комнату.

Я тотчасъ же побѣжала въ садъ и узнала, что все это были проказы Оли, желавшей испугать меня.

Милая Ундина не переставала проказничать и въ слѣдующіе вечера, но сегодня Оля уѣхала; слѣдовательно и Ундина не придетъ уже вечеромъ обливать мое окно водою.

Какъ хороша Ундина! Давно уже я не читала ничего подобнаго. Какая глубокая любовь! И я, конечно, могу любить такъ же сильно, какъ любила Ундина. Мнѣ кажется даже, что я уже люблю кого-то, мнѣ грустно и тяжело на сердцѣ. Я плачу; но это уже не въ первый разъ. Я часто плачу безъ причины, или отъ какого-нибудь воображаемаго несчастія. Не оттого ли это, что горе такъ же необходимо для души человѣка, какъ и счастье; я если у него нѣтъ дѣйствительнаго горя, онъ придумываетъ его для себя и страдаетъ! Кажется мнѣ не отчего страдать — я счастлива; а если бы пришло несчастіе, я не утратила бы его: или тяжкое горе, или безумную радость — но только не однообразіе жизни, которое совершенно убиваетъ способности души человѣческой.

Всѣ скажутъ, что мнѣ хорошо жить подъ кровомъ любя-

щей матери; и я, конечно, не жалуясь на судьбу. Но въ душѣ моей горитъ какой-то огонь, и я хотѣла бы высказать волненія сердца въ пламенныхъ стихахъ, или въ звукахъ Бетговена. Миѣ понятны его дикіе, причудливые тоны; я узнаю ихъ въ бурѣ стихій и въ тревогѣ своей души. Я часто спрашиваю себя: для чего я рождена? какое мое назначеніе? что могу я совершить великаго, прекраснаго, или полезнаго?... Но нѣтъ, все это неясныя желанія безпокойнаго сердца. Мое назначеніе—любить. Да, я хочу любить, я буду уметь любить такъ, какъ никто не любилъ. Я все принесу въ жертву тому, кого полюблю...

Не могу собрать мыслей.—Не знаю съ чего начать писать.

Я сидѣла вчера вечеромъ въ своей комнатѣ. Голова моя горѣла. Коса тяготила меня; я распустила ее, облокотилась на столъ и предалась теченію мыслей. Вдругъ я услышала опять шорохъ у окна, и въ тоже время на дворъ залаяла собака.

— Это Оля, шалунья Оля! сказала я сама себѣ, и, въ одинъ мигъ накинувъ на себя мантилью, тихо отворила дверь въ садъ и незамѣтно очутилась у своего окна. Но едва я подбѣжала къ окну, какъ отъ него отскочилъ какой-то незнакомый миѣ мужчина. Я вскрикнула; ноги подкосились... и что было со мною послѣ—не помню. Когда я опомнилась, подлѣ меня стояла маленька, горничныя дѣвушка, лакеи и какой-то чужой человекъ. Глаза его были устремлены на меня и выражали заботливость матери, нѣжность брата, участіе друга; этотъ взглядъ не изгладится изъ памяти моей....

— Je vous demande mille pardons, mademoiselle; простите меня, говорилъ онъ такимъ голосомъ, что невозможно было не простить. Этотъ несчастный случай будетъ для меня вѣчнымъ упрекомъ...

Оказалось, что онъ проѣзжій. Экипажъ его сломался; онъ сбился съ дороги. Свѣтъ въ моей комнатѣ служилъ ему маякомъ; подойдя къ нашему дому, онъ заглянулъ въ окно, желая узнать: нѣтъ ли кого въ комнатѣ, чтобы указать ему дорогу. Все это было очень просто и естественно. Необыкновенная кра-

сота молодого человека и благородство обращенія служили ему рекомендаціею. Маменька пригласила его переночевать у насъ въ домъ, и послала людей за его экипажемъ. Ему отвели комнату во флигель, куда онъ тотчасъ же отправился; извиняясь въ причиненномъ безпокойствѣ, и благодаря за гостепріимное предложеніе.

Я не спала всю ночь; я чувствовала неизъяснимое блаженство при воспоминаніи о чудномъ взглядѣ молодого человека.

Ночью былъ сильный вихрь и дождь; но къ утру погода прояснилась. Хотя уже былъ конецъ августа, однако утро было прекрасное и довольно теплое; я вышла въ садъ, чтобы нарвать себѣ цвѣтовъ. Возвращаясь въ комнаты, я увидѣла, что молодой человекъ стоялъ на крыльцѣ; его смуглое лицо было обращено въ ту сторону, откуда слышался шумъ водопада. Забывъ меня въ саду, онъ подошелъ ко мнѣ, спросилъ о моемъ здоровьѣ, извинялся снова, что невольно испугалъ меня вчера, просилъ меня изъявить маменькѣ его благодарность за гостепріимство, и сожалѣлъ, что чрезвычайно важныя дѣла заставляютъ его спѣшить, отъѣздомъ...

— Могу ли я увезти съ собою увѣренность, сказалъ онъ, что вчерашній случай не оставитъ непріятнаго обо мнѣ воспоминанія!

Я не могла ничего отвѣчать, потому-что его выразительный взглядъ былъ устремленъ на меня, и вливалъ въ меня незнакомое до сихъ поръ блаженство; я покраснѣла и въ замѣшательствѣ уронила корзинку съ цвѣтами. Цвѣты разсыпались. Молодой человекъ сталъ помогать мнѣ собирать ихъ. Я сплела сегодня вѣнокъ изъ этихъ цвѣтовъ, и спрятала его. Теперь молодого человека уже нѣтъ. Онъ промелькнулъ мимо меня какъ прекрасное видѣніе. Я даже не знаю кто онъ; но появленіе его оставило глубокій слѣдъ въ моей душѣ.

Я ходила на большую дорогу, и долго смотрѣла въ ту сторону, куда онъ уѣхалъ. Отчего это душа такъ и полетѣла

бы владѣть за нѣмъ! Не смѣшно ли и не глупо ли это—
увидѣть человѣка одинъ разъ и на одинъ мигъ, и позволить
ему такъ самовластно поселиться въ сердце? можетъ быть
на пути жизни мы никогда не встрѣтимся съ нѣмъ, а если и
встрѣтимся, то будемъ чужды другъ другу... чужды! мнѣ,
этого не будетъ! У души есть взглядъ, которымъ она прови-
жаетъ въ будущее и въ тайны другой души. Когда я уви-
дѣла его, я тотчасъ же узнала въ немъ свою родную душу.

Пусть люди положительные смѣются надъ родствен-
ныхъ душъ, какъ смѣются надъ стихами къ лунѣ и къ ней; а я
вѣрю въ него. Обстоятельства, болышею частію, различа-
ютъ родныхъ души, но когда онѣ встрѣтятся, то непревѣ-
тно будутъ любить другъ друга.

Смѣшно, что мысль объ немъ не покидаетъ меня сего-
дня ни на одну минуту. А онъ, можетъ быть, ни разу и
не вспоминалъ обо мнѣ, и это предположеніе вѣроятно.

Чѣмъ могла привлечь его вниманіе деревенская дѣвушка,
робкая, застенчивая, лишенная красоты и свѣтской ловко-
сти. Онъ — другое дѣло; онъ образецъ красоты. Какая
женщина пройдетъ мимо него, не отдавъ ему дань удивле-
нія? Нельзя же ему думать объ нихъ вѣкъ. Забудь блѣ-
дное сердце, что ты заглянуло во врата рай, если тебя не
суждено войти въ нихъ! Забудь, что ты слышала тамъ
дивное пѣніе!

Malheur à qui du fond de l'exil de la vie,
Entendit ces concerts d'un monde qu'il envie.

Гляжу, и не вѣрю своимъ глазамъ. Его ли это письмо и
обо мнѣ ли онъ пишетъ? Нѣтъ это не мой портретъ; только
воображеніе художника могло придать ему этотъ поэтиче-
скій оттѣнокъ. Я служила зеркаломъ, въ которомъ отрази-
лся его художническій идеаль.

Для чего же пик не отослала этого письма къ тѣмъ, кому оно было назначено? Для чего она разорвала его, и бросила въ печь? Если бы у меня не загорелась бутылка, на которой я написала несколько стиховъ изъ Удальныя, и если бы я не пришла вслѣдствіе по случаю удальныя дѣла, и никогда не знала бы истины, мне пришла бы мысль написать что-нибудь обо мнѣ.

Судьбѣ угодно было, чтобъ это письмо попало въ мои руки. Жаль только, что недостаетъ несколькихъ листочковъ, и многія мѣста непонятны. Спишу его здѣсь; пусть оно сохранится въ моихъ запискахъ.

П и с ь м о .

... въ домъ всѣмъ спали; одно окно было освѣщено. Я заглянулъ въ него, чтобъ узнать: нѣтъ ли тамъ хоть одного не спящаго человѣка, который помогъ бы мнѣ выпутаться изъ лабиринта мѣстовъ и кустовъ, которые я немилосердно мѣлъ, не находя выхода изъ сада. Какое чудное видѣніе представилось мнѣ! ... она сидѣла, облокотясь на столъ, и была погружена въ глубокую задумчивость. Двѣ черныя косы висѣли по плечамъ. Она была худая и блѣдная; но близость ея была почти мраморная. Неправильно загорѣвшія руки имѣли самую изящную форму и могли служить образцомъ для ваянія; худощавое лицо ея отличалось однако же правильностію, и въ особенности дѣвственнымъ, вдохновеннымъ, поэтическимъ выраженіемъ! Я смотрѣлъ на нее, и не могъ насмотрѣться. Надо было дать ей въ руки лиру и снять ея портретъ, и ты могъ бы имѣть превосходнѣйшее изображеніе музы поэзіи. Тихая, поэтическая, мечтательная грусть отуманивала ея темно-голубые глаза, въ которыхъ выражалась чистота души ея и умъ. Это одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя глубоко чувствуютъ и спо-

себя принести себя въ жертву чувству. Мнѣ жаль ее, когда я подумаю, что это важное, поэтическое созданіе, можетъ быть, достанется въ руки какому-нибудь грубому невеждѣ, чужаку-помещику, или полубразованному чиновнику, который не будетъ уметь оценить его; ее прекрасныя черты, ее стремленіе къ изящному, покажутся ему глупымъ сумасбродствомъ.

Пусть она останется лучше въ неизвѣстности, и унести съ собою въ могилу эти дары, пагубные для счастья женщины. Чѣмъ женщина ограниченнѣе умомъ, чѣмъ она безчувственнѣе, тѣмъ она счастливѣе, потому-что она не будетъ выходить изъ сферы положительной жизни.

Я извинился
въ ее застенчивости дикая, чарующая грація, оставляющая неизгладимый слѣдъ.....

Поэтическія дѣвушки опасны для моего спокойствія. Они невольнo влекутъ меня къ себѣ
когда честь и благородство не позволяютъ любить
удалиться . . . . . избѣжать упрека совѣсти
роль Донъ-Жуана противна мнѣ. Иногда начинаютъ Донъ-Жуаномъ и оканчиваютъ Фаустомъ. Избави меня, Боже, чтобъ у меня была какая-нибудь Гретхенъ.

Можетъ быть, ты скажешь, что я не могъ достаточно познакомиться съ дѣвушкой, увидѣвъ ее всего одинъ разъ, и что поэтому я создалъ ей характеръ, котораго она не имѣетъ?.. Нельзя съ перваго взгляда опредѣлить характера женщины, когда ее встрѣтаешь въ обществѣ, гдѣ она обыкновенно старается казаться не тою, какова на самомъ дѣлѣ; но подсмотреть ее въ то время, когда она одна, и не думать, что ее видятъ, — не значить ли это заглянуть въ ее душу

любопытно увидѣть
сирота
подруга дѣтства.

Надо тебе сказать, что здѣсь у дома такъ величественно шумитъ водопадъ, что, послѣ интересной незнакомки, этотъ шумъ составляетъ лучшее украшеніе мѣста; невольно хочется переложить эти звуки въ аккорды.

Я уже взялъ карандашъ в бумажу и написалъ нѣсколько аккордовъ, но зачеркнулъ ихъ. Какъ осмѣлится подражать неподражаемому!...

Черезъ двѣ недѣли, я возвращусь.

Твой Евгений.

Твой Евгений! Нѣтъ, ты мой Евгений; ты моя родная душа. Я уже угадала это прежде, чѣмъ прочитала твое письмо. Все твои мысли такъ сходны съ моими, какъ будто бы онѣ мои собственныя. Мы должны были понравиться другъ другу съ перваго взгляда, потому-что мы рождены другъ для друга.

Но эти слова: сирота—подруга дѣтства—честь и благо-родство запрещаютъ любить—что значуть онѣ? Отчего серд-цу больно отъ нихъ. Какъ жаль, что потеряны листочки, и я немогу объяснить ихъ.

Встаетъ востъ и плачетъ. Онъ поетъ погребальную пѣсню умирающей природы; но не сочувствую, какъ прежде, вѣтль воплямъ природы. Кто бы ты ни былъ, Евгений, твой малый взглядъ озарилъ мою душу свѣтомъ счастья, и я поманила те-бя... Я снова увижу тебя, и тогда уже не расстанусь съ тѣбю.

Я сохранила для тебя въ чистотѣ свое сердце, и не обратила его другою любовью.

Черезъ двѣ недѣли онъ хотѣлъ возвратиться! Скорѣ ли пройдутъ эти двѣ недѣли? Мчитесь часы быстрѣе, и унесите съ собою мое безпокойство, мое нетерпѣніе!

Оля была опять у меня.

— Что съ тобою, Магге? сказала она мнѣ. Ты сдѣлалась еще несноснѣе, чѣмъ была прежде. Бывало, ты мало говорила, но все же говорила что-нибудь, а теперь ты ужъ вовсе онемѣла!

Маменька рассказала ей о неожиданномъ посѣщеніи молодого человѣка и о моемъ обморокѣ.

— Такъ вотъ онъ, твой рыцарь! Дождалась же ты его. Отчего же онъ не похитилъ тебя изъ твоего очарованнаго замка? А онъ хорошъ собою? спросила она.

— Такъ.

— Отчего же ты покраснѣла!

Оля побѣжала спрашивать у горничныхъ дѣвухъ: хорошъ ли собою молодой человѣкъ? и когда ей сказали, что онъ красавецъ—веселость ея исчезла.

— Ужъ не влюбилась ли ты? спросила она очень серьезно. Смотри у меня, Мама, не смѣй влюбляться; ты не ты, что я. Я могу пятьдесятъ разъ въ годъ влюбиться и столько же разъ разлюбить; а тебя—любовь погубить.

— Какъ можетъ любовь погубить, отвѣчала я, когда она—блаженство сердца, праздникъ души?

— Веселъ праздникъ, когда отъ него люди бываютъ мрачнѣе вотъ этой черной тучи, которая нехотати повисла тутъ надъ нами.... А гдѣ твой герой?

— Ушелъ.

— Куда?

— Не знаю.

— Не смѣй влюбляться!

— Куда?

— Ну, слава Богу! Можетъ-быть ты никогда не отыщешь его. Ничего нѣтъ хуже, какъ влюбиться въ красавца. Красавцы всегда такъ избалованы вниманіемъ женщинъ, что не цѣнятъ ихъ любви. Вѣдь не женятся же ни на всѣхъ тѣхъ, которымъ они нравятся. За то они позволяютъ себѣ за всѣми волочиться, или, лучше сказать, позволяютъ женщинамъ волочиться за ними. По моему ужъ лучше влюбиться въ Сорокина.

— Я думаю иначе.... Какое дѣло, что красавецъ не цѣнитъ любви женщины! Можно любить безъ надежды на взаимность.

— Безъ надежды, безъ взаимности! воскликнула Оля, закрывъ въ ладоши, и принялась хохотать такъ неумѣренно, что мнѣ стало досадно на нее, и я ушла въ залу, заперла дверь и стала играть пасторальную симфонію Бетговена. Когда я начала играть бурю, изъ-за дверей послышался очень неприятный аккомпаниментъ, подражавшій свисту вѣтра, грому, дождю. Я перестала играть.

— Что же ты перестала играть? Тебѣ не нравится аккомпаниментъ! сказала Оля, отворяя дверь. А мои звуки гораздо больше подражаютъ природѣ, чѣмъ твои фортепьянные звуки, которыми ты восхищаешься. Мои—попятны для каждаго, какъ сущность; а твои—надо прикрашивать воображеніемъ, а иначе ихъ не поймешь точно такъ же, какъ трудно разгадать неясныя мечты.

У Оли рѣшительно нѣтъ никакой поэзіи въ душѣ. Не знаю, кто изъ насъ счастливѣе?

Прошли двѣ недѣли. Его еще нѣтъ. Я не могу сидѣть вечеромъ въ своей кондитерской: мнѣ все кажется, что онъ сидитъ тутъ у окна. Безиррационально подбѣгаю къ окну, спогрѣю—ничего

го вѣтъ. То стукнуть въ дверь, то залаетъ собака на дворъ. Я вздрогну, бѣгу, смотрю—все пусто.

Каждый день я хожу на большую дорогу, и все напрасно—никто къ намъ не ѣдет...

—

Сегодня я вышла по обыкновенію на большую дорогу; но не замѣтивъ на ней никого, отошла въ сторону, въ лѣсокъ, однако же такъ, что могла видѣть дорогу. Гляжу—ѣдетъ экипажъ.—Это онъ! Это Евгений! воскликнула я радостно.

Экипажъ остановился и повернулъ къ нашему дому; но, не доѣхавъ до воротъ, опять остановился, и началъ поворачивать назадъ. Выѣхавъ на большую дорогу, онъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, наконецъ тронулся, и быстро помчался по дорогѣ.

По движенію экипажа видно было, что Евгений желалъ захватить къ намъ, и не рѣшался. Что помѣшало ему посѣтить насъ? Если я правлюсь ему, для чего же онъ не захотѣлъ снова увидѣть меня? Напрасно я не стояла на большой дорогѣ: онъ увидѣлъ бы меня и остановился бы.

Гдѣ вы, мечты, любовь и счастье? Все опустыло теперь вокругъ меня. Настали снова скучные и однообразные дни.

Если бы я не читала письма, я была бы спокойнѣе. Я вспоминала бы о впечатлѣніи взгляда, какъ о милостѣ, сладкимъ сновидѣніи, и ничего не ожидала бы въ будущемъ. Прости Евгений! Да сопутствуетъ тебѣ мое желаніе счастья!

—

Оля сказала мнѣ, что на ней сватается какой-то пожилой человекъ, хорошо образованный и богатый.

— Какъ ты думаешь, спросила она у меня, не выдти ли мнѣ за него? правда, мнѣ только двадцать лѣтъ, а женишкучто ужъ около сорома, и голова его украшена уже ослѣпительною лысиною....

— А твои петербургскіе обожатели?

— Да, это правда. Гораздо пріятнѣе было бы выдти замужъ за молодого франта. Какъ подумаешь, что придется поцѣловать лысину, да серебристые волосы, то...

Оля сдѣлала забавную гримасу.

— Кто ихъ знаетъ этихъ франтовъ! Они вѣчно увиваются, любезничаютъ, а никогда вѣдь не сватаются. Богъ ихъ знаетъ, когда они и женятся.... подожду еще немного, поживу зиму въ Петербургъ, и если никто изъ молодежи не предложитъ мнѣ руки и сердца, тогда я скажу: мое вамъ почтеніе, господа франты; выхожу за челоуѣка съ лысиною.

Не понимаю Оли. Для нея замужство — афера, выгодная покупка; сердце тутъ въ сторонѣ. Пѣтъ, я тысячу разъ повторяю, что не выйду замужъ за челоуѣка, котораго не буду любить. Знаю, что съ моими понятіями о супружествѣ трудно выдти замужъ, особенно здѣсь къ глуши;—гдѣ найтн здѣсь другаго Евгенія.

Не могу забыть его; мысль о немъ прививается къ каждому обстоятельству моей жизни. Она можетъ быть безумна, но отрадна. Она совершенствуетъ меня, дѣлаетъ меня добрее, облагораживаетъ мои поступки. Если я сержусь—мнѣ кажется, что онъ смотритъ на меня, и гнѣвъ мой проходитъ. Если меня просятъ о помощи — я охотнѣе иду помогать, потому-что это должно нравиться ему. Я исправилась отъ многихъ дурныхъ привычекъ, воображая, что онъ могли бы показаться ему смѣшными и непріятными.

—

Мы идемъ въ Петербургъ; дѣла маленьки требуютъ этого. Все это случилось такъ неожиданно и такъ заволновало насъ

Наконецъ я была на балѣ. Робко вошла я въ залу; сердце сильно билось; мнѣ показалось, что меня ниввергнули въ пропасть, освѣщенную яркими огнями. Отлученная паденіемъ, ослѣпленная свѣтомъ, я не могла ничего разсматрѣть. Все было въ туманѣ. Голова кружилась; невѣрнымъ шагомъ я, на удачу, подвигалась впередъ. Къ счастью, ко мнѣ подоспѣла на помощь хозяйка. Она ласково взяла меня за руку и пригласила занять мѣсто. Нѣсколько времени я сидѣла молча и одиноко, посреди многолюднаго собранія. Сначала мнѣ показалось, что вниманіе всего общества обращено на меня, и это приводило меня въ такое замѣшательство, что я не смѣла пошевелиться и поднять глаза; но мало по малу я начала привыкать къ своему положенію и всматриваться въ общество, прислушиваться къ его шуму; тогда мнѣ показалось, что меня перенесли въ чужую сторону. До моего слуха не долетало ни одного звука русскаго роднаго лзыка. Всѣ, какъ будто бы, стыдились говорить на немъ, и картавили по-французски. Вездѣ говорили о театрѣ, о будущихъ и бывшихъ балахъ, о маскерадахъ и аллегри, объ актерахъ и актрисахъ, и о своихъ знакомыхъ. Всѣ эти предметы разговоровъ были такъ незнакомы мнѣ, что я слушала разговаривающихъ какъ ученикъ, который пришелъ въ классъ въ половинѣ лекціи; и понимала столько же, какъ читатель, который началъ читать романъ со втораго тома. Я молчала, потому-что не могла принять участія въ разговорѣ о незнакомыхъ предметахъ.

Начались танцы. Я долго ждала кавалера; никто не приглашалъ меня. Два кавалера остановились недалеко отъ меня; тонкость слуха позволила мнѣ разслушать то, что они говорили тихо, между собою, по-французски:

— Кто эта?

— Не знаю. Вѣроятно какая-нибудь идиотка, потому-что она еще не открывала рта.

— Но она не дуриа.

— Лицо самое обыкновенное.

Мнѣ стало досадно. Я чувствовала, что была не глупѣе

Другихъ; чувствовала въ себѣ силу доказать это; но не имѣла никакой возможности отличиться на поприщѣ, гдѣ требовали не глубокихъ и не оригинальныхъ мыслей, а легкаго свѣтскаго пустословія. Мнѣ съдѣлалось скучно. Я подошла къ окну. На улицѣ сыпалъ снѣжокъ, небо было покрыто звѣздами. О! съ какимъ наслажденіемъ я понеслась бы тогда на легкихъ санкахъ по широкому полю, покрытому сыпучимъ снѣгомъ — между кустами и высокими соснами, обвѣшенными гирляндами бѣлаго, пушистаго вѣня. Приветствую тебя, изъ-за скучныхъ стѣнъ, моя родная сторона, гдѣ, какъ милые духи, витають мои молодія мечты, — гдѣ явилась мнѣ онъ!...

Ко мнѣ подошли какія-то двѣ сострадательныя дѣвицы, и заговорили со мною по-русски. Вѣроятно онъ не надѣялся, чтобы я могла отвѣчать имъ по-французски, и почитали меня какою-нибудь деревенскою, необразованною дѣвушкой.

— Вы, вѣрно, скучаете здѣсь, говорили онъ; давно ли вы пріѣхали? Какъ вамъ нравится Петербургъ? Были ли вы въ театрѣ? и проч.

Не знаю, что я отвѣчала имъ; но только вниманіе ихъ, посреди этого незнакомаго общества, такъ обрадовало меня, какъ будто бы я нашла друзей. Я уже готова была полюбить ихъ, и высказать имъ все, что у меня было тогда на сердцѣ; но мнѣ вдругъ показалось, что на лицѣ одной изъ дѣвицъ мелькнула улыбка. Жестокое положеніе чловѣка, когда онъ, съ любящимъ сердцемъ, готовъ броситься въ объятія ближняго, и тотъ отталкиваетъ его! Меня обдало холодомъ; я перестала говорить съ дѣвицами. Хозяйка дома подвела ко мнѣ кавалера, и просила меня танцовать съ нимъ. Первый дебютъ мой на паркетѣ, кажется, былъ удаченъ, потому-что меня начали ангажировать на всѣ танцы.

Даже тотъ кавалеръ, который назвалъ меня идиоткою и котораго, какъ я узнала послѣ, звали Болтовскимъ, также танцовалъ со мною. Я не могла разговаривать съ нимъ о тѣхъ свѣтскихъ удовольствіяхъ, съ которыми я почти еще не была

знакома; но самолюбие мое было задето, и мнѣ удалось, вѣст-
но выказать, что я не такъ безсмысленна, какъ онъ думаетъ.
Онъ пригласилъ меня даже на слѣдующій тавель. Болтов-
скій очень не дуракъ собою и довольно уменъ. Онъ могъ
бы поправиться мнѣ, если бы я еще не видѣла Евгенія.
Евгеній—образецъ, по которому я составила себѣ понятіе
о красотѣ и достоинствѣ мужчины. Если я впрямь не
встрѣчу его, то, конечно, буду любить того, кто будетъ
всѣхъ бѣдетъ походить на него.

Болтовскій познакомился съ нами. Онъ остроумный, свят-
скій человекъ; болливый, шутиливый, веселый. Любитъ
литературу; знаетъ наизусть много стиховъ. Бываетъ вездѣ,
и говоритъ обо всемъ, даже о томъ, чего не понимаетъ хо-
рошо, и знаетъ только по наслышкѣ. Однажды онъ началъ
разговаривать со мною объ одномъ цвонѣ французскомъ
романѣ, и очень хвалилъ его. Я читала этотъ романъ, и при-
вела ему нѣсколько прекрасныхъ сценъ и спрашивала какъ
онъ нравятся ему. Онъ засмѣялся и сказалъ, что не читалъ
самъ этого романа, а что ему рассказывали о немъ другіе.
Пногда онъ судить о музыкѣ, какъ знатокъ; но я знаю
что онъ въ ней не много смылитъ. Мнѣ случалось играть
ему два раза одно и то же, и ему казалось, что я играла
два разныхъ піесы. Въ немъ много остроумія; но нѣтъ глубо-
комыслія.

Я не смѣю откровенно высказывать ему многія думы,
зная навѣрное, что не получу отвѣта, или что мнѣ будутъ
отвѣчать шуткою. Однажды, вспомня мысли Евгенія о музы-
кѣ, я спросила у него: какое искусство, по его мнѣнію,
выше—музыка или живопись? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что музы-
ка тогда выше, когда выражаетъ чувства любимаго суще-
ства, а живопись — когда передаетъ его образъ. Всѣ его
отвѣты или заимствованы, или весьма поверхностны...

Въ пьесѣ всегда рождается пристрастіе къ короткимъ зна-
комымъ, или къ тому, кому мы нравимся; отъ этого про-
исходитъ и моя снисходительность къ Болтовскому. Не по-
ку назвать моего чувства къ нему иначе, какъ снисходитель-
нностію; любовь его я не буду никогда.

Не могу привыкнуть къ обществу. Каждая женщина, ко-
торая умѣетъ мило рассказывать, на чистомъ парижскомъ
нарѣчій, о томъ, много ли она танцевала на послѣднемъ ба-
лѣ и было ли тамъ весело или скучно ей, — гораздо пріятнѣе
меня въ обществѣ, и ее слушаютъ съ удовольствіемъ. А я,
съ моимъ знаніемъ трехъ литературъ, многихъ наукъ, съ
моимъ талантомъ къ музыкѣ и живописи, и съ поэтическимъ
воззрѣніемъ на предметы, занимаю едва ли не послѣднее
мѣсто въ обществѣ. Въ свѣтѣ нужна ловкость, свѣжость; а
я вѣчно робка, дика, молчалива, задумчива. Вспомните ли я,
что когда мнѣ рассказываютъ о какомъ-нибудь не за-
нимательномъ для меня событіи на свѣтѣ, воображеніе
увлекаетъ меня за предѣлы действительной жизни — передо
мною мелькаютъ вѣсны лица, совершаются вѣсны сдѣла, и я
забываю слушать то, что мнѣ говорятъ, и отвѣчаю невпо-
падъ? Я вѣчно живу какою-то внутреннею жизнью, и то, что
совершается вокругъ меня, часто ускользаетъ отъ моего вни-
манія. Я чувствую свое ничтожество въ свѣтѣ; самолюбіе
мое страдаетъ. Иногда я желаю бы выказать умъ, вме-
шаться въ разговоръ; но робость оковываетъ мой языкъ, и
родившаяся въ головѣ мысль остается тайною для всѣхъ,
кромя меня.

Почти каждый разъ, когда я выѣзжаю въ свѣтъ, я раская-
юсь въ томъ, что не осталась дома читать какую-нибудь
книгу, или раздѣрывать какую-нибудь новую пьесу.

Я умѣю смѣло разговаривать только съ короткими знако-

ыми—съ людьми, которые нравятся мнѣ, и которыхъ я не чуждаюсь.

Болтовскій увѣряетъ всѣхъ, что я дѣвица необыкновеннаго ума: но едва ли кто-нибудь вѣритъ ему: Его похвалы даже вредятъ мнѣ, потому-что каждый, слыша ихъ, желаетъ повѣрить справедливость ихъ, и дѣлается взыскательнѣе. А умъ такой застычивый актеръ, что тотчасъ прячется за кулисы, когда замѣтитъ, что его вызываютъ на сцену.

Да, я брожу по свѣту, какъ по скучной пустынь; но сердце все чего-то жлетъ тамъ, чего-то ищетъ. Неужели оно предчувствуетъ встрѣчу съ нимъ?

—

У насъ была Вельянова, старинная знакомая маменька, и пригласила насъ ѣздить къ ней по середамъ. Опять новое знакомство, новыя встрѣчи, новое пустословіе о старыхъ предметахъ! Какая скука!

Сердце не обмануло меня! Я знала, что встрѣчу его. О! какой прекрасный, торжественный день жизни! Какъ я рада, что ничто не увлекло меня въ свѣтъ, и что я опять встрѣтила его съ чистымъ сердцемъ.

Онъ танцевалъ со мною всѣ танцы, и я не чувствовала ни малѣйшей робости въ его присутствіи. Я откровенно рассказывала ему, какъ давно знакомому другу, о моихъ занятіяхъ, о моемъ чтеніи, о моихъ впечатлѣніяхъ. Повидимому, онъ слушалъ меня съ удовольствіемъ. Сидя подлѣ него, я чувствовала неизъяснимое, неизвѣстное мнѣ до сихъ поръ блаженство. Счастливые часы, проведенные съ нимъ! что, если бы вся жизнь походила на васъ! А это возможно. Наши склонности, наши вкусы такъ сходны, какъ будто у насъ одна душа; онъ долженъ полюбить меня... о! я теряюсь въ восторгъ!

Чѣмъ болѣе я всматривалась въ него, тѣмъ онъ казался прекраснѣе. Какъ онъ поетъ? Какое знаніе музыки, какой голосъ! Какъ онъ умѣетъ выразить мысль композитора!

Пріѣхавъ вчера къ Вельяновымъ, я услышала пѣніе мелодіи любимаго моего композитора, Шуберта. Я очень обрадовалась, что пѣли не итальянскую арію и не по итальянской методѣ, à la Rubini. Признаюсь, не люблю я этихъ вѣчныхъ переходовъ отъ forte къ pianissimo и обратно, основанныхъ на одномъ только эффектѣ, но люблю пѣніе простое и выразительное, и знаю, что выразить какое-нибудь чувство такъ, чтобъ оно сообщилось слушателямъ, несравненно труднѣе, чѣмъ пропѣть трели, и гаммы.

Мнѣ очень было пріятно, что мужчина пѣлъ не по итальянской методѣ. Голосъ его былъ гибокъ, обработанъ, и доходилъ до сердца. Я подошла къ роялю такъ, чтобы видѣть пѣвца въ лицо, и узнала въ немъ Евгенія.

Съ своей стороны и онъ узналъ меня и подошелъ ко мнѣ. Съ этой минуты, мы уже не разлучались во весь вечеръ.

Разговоръ его уменъ, пріятенъ и простъ. У него много поэтическихъ мыслей; видно, что онъ артистъ и человекъ, получившій высокое образованіе. Всего болѣе мнѣ понравилось то, что въ немъ нѣтъ педанства и хвастливости, которыя я такъ часто встрѣчала во многихъ молодыхъ людяхъ. Я рада, что не ошиблась, составивъ преждевременно высокое понятіе о его достоинствахъ. Я разгадала его сердцемъ прежде, чѣмъ умомъ.

Къ нему подошли дамы, и стали просить его спѣть еще что-нибудь. Каждая изъ нихъ назначала романсъ, который нравился ей. Евгеній взглянулъ на меня и, казалось, ждалъ, чтобъ я присоединила свою просьбу.

— Спойте что-нибудь по собственному вашему выбору, сказала я.

Онъ запѣлъ стихи Лермонтова.

К. XII. — Отд. III.

Но явбу пакуночи ангель лѣтѣла,
 И тѣмъ явено онъ пѣлъ
 И нѣсирь, и злѣдѣла, и зучи тѣмной
 Вашими той пѣсни святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ душоу,
 Подъ кущами райскихъ садовъ;
 О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
 Его не притворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несть
 Для міра печали и слезъ;
 И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
 Остался безъ словъ, но живой!

И долго на свѣтѣ томилась она,
 Желаніемъ чуднымъ полна;
 И звуковъ небесъ замѣнить не могли
 Ей скучныя пѣсни земли!

Онъ пропѣлъ это прекрасно; въ особенности послѣдній
 куплетъ. Я замѣтила по его взгляду, что онъ пѣлъ для
 меня:

И долго на свѣтѣ томилась она
 Желаніемъ чуднымъ полна.

Отчего Евгенийъ выбралъ для меня этотъ романсъ? Онъ
 могъ бы спѣть что-нибудь такое, что выразило бы его соб-
 ственныя чувства... Странное требованіе! Съ чего я взяла,
 что человекъ, видѣвшій меня только два раза, могъ бы
 открыть мнѣ свое сердце. Развѣ онъ можетъ уже любить
 меня?... А я—развѣ уже не люблю его? Истинная любовь

раждается съ первой встрѣчи; я увѣрена въ этомъ, я испытала это...

Во среду я опять увижу его, а до среды надо прожить еще шесть дней. Какая скука!...

Я опять видѣла его у Вельяновыхъ. Гостей было мало: танцы не составились. Меня попросили сыграть что-нибудь на фортепiano. Я не люблю играть при постороннихъ людяхъ, и всегда робю; но вчера у меня откуда-то взялась смѣлость, которой я сама дивилась, и я играла довольно удачно.

Евгенію очень понравилась моя игра. Я нахожу, что онъ судилъ объ ней даже пристрастно.

— У васъ замѣчательный талантъ, сказалъ онъ, впрочемъ я не удивляюсь этому. Когда я увидѣлъ васъ въ первый разъ, я уже отгадалъ, что у васъ должны быть изящный вкусъ и много дарованій.

— И я тоже отгадала, съ первой встрѣчи, что вы артистъ, сказала я.

— Это странно, отвѣчалъ онъ. Чтобъ судить о человѣкѣ по наружности, нужна опытность; а вы не могли приобрѣсть ее, живя постоянно въ глухой деревнѣ.

— Я разгадала васъ не опытностію, а предчувствіемъ, сказала я живо, и покраснѣла. Мнѣ показалось, что я проговорилась.

Не понимаю, что было непріятнаго въ моихъ словахъ; а я замѣтила, что они не понравились Евгенію. Брови его сдвинулись, лицо сдѣлалось строго; онъ не сказалъ ни слова и отошелъ отъ меня прочь.

Машенька сказала Вельяновой, что у меня довольно пріятный голосъ, и это дало ей поводъ просить меня спѣть что-нибудь. Я отговаривалась, увѣряя, что не привыкла пѣть при постороннихъ людяхъ, и боюсь, что голосъ

будетъ дрожать. Она отвѣчала, что въ дуэтѣ это не будетъ замѣтно, и подозвала Евгенія.

— Потрудитесь спѣть съ Mademoiselle Колубьевой какойнибудь дуэтъ, сказала Вальянова; она не рѣшится пѣть одна.

Евгеній спросилъ меня какой дуэтъ я знаю наизусть. Я назвала нѣкоторые изъ нихъ; но онъ не помнилъ окантинента. Наконецъ мы рѣшились спѣть дуэтъ изъ Ромео и Юліи.

— Вы рѣшительно геній, сказалъ Евгеній, когда мы кончили пѣть. Гдѣ вы могли такъ обработать вашъ голосъ? Неужели въ деревнѣ?

— Мнѣ болѣе нечего было дѣлать тамъ, какъ пѣть и играть, отвѣчала я. Въ этомъ отношеніи, уединеніе принесло мнѣ пользу; но за то я проиграла въ другомъ....

— Въ какомъ же?

— Я не приобрѣла свѣтской ловкости.

— Свѣтской ловкости! сказалъ Евгеній насмѣшливо. Дай Богъ, чтобъ вы никогда не имѣли бы ея. Въ застѣнчивости иногда бываетъ такъ много прелести и граціи, что на мѣстѣ дѣвицы, я никогда не промѣнилъ бы застѣнчивости на свѣтскую ловкость.

— Вы льстите мнѣ, сказала я.

— Я не имѣю ни причины, ни желанія льстить вамъ; я даже не люблю иногда говорить истины, если онѣ слишкомъ льстятъ самолюбію. Повѣрьте, что совѣсть не позволила бы мнѣ хвалить то, что не достойно похвалы.

Хозяйка предложила играть въ фанты. Всѣ охотно согласились.

Евгеній рѣдко выбиралъ меня въ играхъ; но ему всегда почти приходилось сидѣть подлѣ меня. Играли въ омонимы; я выбрала слово—любовь.

— Какъ вы любите его? спросила у меня дѣвица.

— Съ перваго взгляда, отвѣчала я.

Я взглянула на Евгения. Лицо его опять сдѣлалось серьезно. Онъ смотрѣлъ на меня.

— Какъ вы любите ее? спросила у него дѣвица.

— Съ перваго взгляда, сказалъ онъ задумавшись, и не отвѣчая, будто бы, на вопросъ дѣвицы, а только повторяя мои слова.

— Фантъ! Фантъ! закричали всѣ. Это было ужъ сказано.

Начали разыгрывать фанты.

— Чей фантъ вынется, что тому дѣлать?

— Сказать каждому его недостатки.

Вышелъ фантъ Евгения.

Онъ ловко выпутался, сказавъ каждому только тѣ недостатки, которыхъ никто не боялся обнаружить. Когда очередь дошла до меня, Евгений долго стоялъ передо мною и, не сказавъ ни слова, хотѣлъ идти далѣе; но его остановил.

— Я не нахожу здѣсь никакихъ недостатковъ, сказалъ онъ.

Я покраснѣла и замѣтила, что нѣкоторыя дѣвицы посмотрѣли на меня завистливо; но мнѣ какое дѣло до нихъ? Я нравилась Евгению. О! какъ это возвышаетъ меня въ моихъ собственныхъ глазахъ! Я люблю себя гораздо болѣе съ тѣхъ поръ, какъ узнала, что нравлюсь ему.

Я вижу съ ними каждую среду. Мы поемъ, играемъ, танцуемъ. Его вниманіе постоянно обращено на меня. Нашъ разговоръ вѣчно новъ для насъ и занимателенъ. О! какъ я счастлива. За то какъ я измѣнилась. Я не узнаю себя. Одинъ Евгений занимаетъ меня. Вотъ какъ проходитъ теперь моя жизнь: шесть дней въ недѣлю, я, словно, сплю и вижу его во снѣ, а въ седьмой я вижу его на яву и — блаженствую. О! я люблю, люблю его! И онъ также

любить меня, хотя и не говорить мнѣ объ этомъ, но я замѣчаю это...

Я давно не видала его. Вельянова была больна, и среды были прекращены. Какъ скучна жизнь безъ него! Какъ все темно и мрачно, когда передо мною не свѣтитъ отрадная надежда скоро увидѣть его. Теперь Вельянова выздоровѣла, и мы опять приглашены въ среду на вечеръ. Слава Богу! Сегодня вторникъ, а завтра я опять увижу его; не знаю, достанетъ ли у меня терпѣнія дожить до завтра.

Несносный Болтовскій! Онъ вѣчно у насъ. Мнѣ кажется, онъ влюбленъ въ меня. Сегодня онъ говорилъ мнѣ что-то о любви, и слова его походили на признаніе. Мнѣ было досадно слушать его, и я поссорилась съ нимъ. Надѣюсь, что онъ болѣе не придетъ къ намъ. Не хочу, чтобъ меня любилъ кто-нибудь, кромѣ Евгенія.

Маменька сердилась на меня за холодное обращеніе съ Болтовскимъ. Она говоритъ, что онъ выгодный женихъ. Вѣчно все толкуютъ только о выгодахъ, какъ будто въ супружествѣ сердце постороннее дѣло. Мой женихъ—Евгеній. Ахъ! скоро ли я опять увижу его!

Когда мы страдаемъ, намъ кажется, что горю не будетъ конца; настанетъ минута счастья—и все горе, какъ бы оно тяжело и продолжительно ни было, вмигъ забыто. Это случилось и со мною: когда я увидѣла Евгенія, я вмигъ забыла все страданія, испытанныя мною въ продолженіи четырехъ недѣль, проведенныхъ безъ него.

Я такъ спѣшила вчера на балъ! Мнѣ казалось, что я приду слишкомъ поздно, что онъ давно уже тамъ, что я не успѣю наговориться съ нимъ. Наконецъ мы вѣрнулись. Вхожу въ залу, — его нѣтъ. Я обошла все комнаты и не нашла

его нигдѣ. И такъ, онъ не терпѣлся увидѣть меня, подошла я, и села у дверей прихожей, чтобы скорее увидѣть его, когда онъ придетъ.

Я открывалась отъ приглашеній на танцы и съ нетерпѣніемъ ждала появленія Евгенія. Время шло, меня начало мучить отчаяніе, я готова была плакать при мысли. Вельмова подвела ко мнѣ кавалера, и я принуждена была идти танцовать съ нимъ кадрили. По окончаніи кадрили, я убѣжала въ другую комнату. Въ жаловальномъ ша шаръ, а мнѣ было холодно, я дрожала. Многія дѣвицы спрашивали меня съ участіемъ: здорова ли я, и отчего такъ блѣдна? Я снова вышла въ залу, и не могла скрыть своей радости— онъ былъ тамъ. Какая-то лучезарная атмосфера окружала его, тогда какъ вся промія лица представляли мнѣ въ тѣни. Онъ поклонился мнѣ съ пріемною улыбкою, кроткою улыбною, и взглянулъ на меня тѣмъ же давно-знакомымъ нежнымъ взглядомъ. Мнѣ стало вдругъ тепло и весело; я забыла все мученіе. Онъ пригласилъ меня на мазурку, и мы съѣли въ уединенный уголокъ залы. Онъ былъ веселъ, любезенъ; забывалъ танцовать въ свою очередь, безпрестанно сморъвалъ на меня и казался счастливымъ. На моемъ платьѣ была прекрасная натуральная роза; я потеряла ее, а онъ поднялъ ее и не возвратилъ мнѣ. Мазурка тянулась долго. Я желала, чтобы она длилась цѣлую ночь. Я была счастлива. Я мало говорила, потому-что счастье не требуетъ словъ; но подъ конецъ мазурки я сдѣлала ему упрекъ, зачѣмъ онъ пришелъ такъ поздно на вечеръ, и сказала ему, что не могла дожидаться его. Лицо его, въ одинъ мигъ, смрачилось, намъ это всегда бываетъ, когда я печально намекну ему о своемъ чувствѣ. Онъ пересталъ смотреть на меня. Къ нему подошла дама, и пригласила его на туръ. Онъ бросилъ розу на окно и пошелъ танцовать съ дамою. Мнѣ стало грустно. Евгеній замѣтилъ это. Взглядъ его по-прежнему сдѣлался низокъ; Евгеній началъ разговаривать со мною и, казалось, хотѣлъ развеселить меня.

— Когда весь стал раздвигаться, я заметила, что роза осталась на окне. Онъ забылъ ее. Это огорчило меня. Странная въ немъ смѣсь вѣжливости, вниманія, равнодушія и еще какого-то горькаго чувства, обнаруживающагося всегда въ то время, когда я готова бываю открыть ему сердце.

Къ нему подвели меня и другую даму и спросили: Marie или Alexandrine?

Онъ долго не рѣшался, которое выбрать имя.—Marie, сказалъ онъ наконецъ, какъ-то не хотя. Но въ этомъ слове было столько гармоніи, что мнѣ показалось, будто бы я слышу въ первый разъ свое имя.

— Почему вы назвались Маріей? спросилъ онъ меня, когда мы кончили туръ.

— Потому-что это мое собственное имя, отвѣчала я.

— Ахъ! Васъ зовутъ Marie, сказалъ онъ и задумался; мнѣ показалось даже, что онъ вздохнулъ.

Мнѣ было досадно, что онъ не зналъ до-сихъ-поръ, какъ меня зовутъ.

— А вы почему выбрали это имя? спросила я.

— Я люблю его.

— Почему?

— Не знаю. Можетъ быть по воспоминаію.

Я почувствовала припадокъ ревности.

— Когда я была ребенкомъ, у меня была хорошенькая подруга, которую звали Marie. Я очень любила ее.

— И вы не встречали ее послѣ? спросила я съ безпокойствомъ.

— Да я встрѣтилъ ее послѣ, но....

На лицѣ Еженія изобразилось неудовольствіе. Онъ не докончилъ фразы и замолчалъ. Я заметила, что онъ опять вздохнулъ.

Я вспомнила слова въ письмѣ: «Сирота, подруга дѣтства, любопытно видѣть.»

И такъ, эту сироту и подругу дѣтства зовутъ Marie. Ужъ не та ли это злая Marie, о которой рассказывала Оля. Жаль, что я не могу отыскать Олю; можетъ быть объяснилось бы многое, что теперь невольно тревожить

меня. Впрочемъ я напрасно беспокоюсь. Очень замѣтно, что онъ уже не любитъ ея.... Мнѣ досадно только, зачѣмъ онъ въ двѣста любитъ другую, а не меня. Вчера это такъ сильно встревожило меня, что даже обнаружилось въ моемъ пѣніи. Когда многіе изъ гостей разѣхались, Вельянова стала убедительно просить меня спѣть ей что-нибудь на прощаніе; я не могла отказать, и запѣла извѣстный романсъ Глинки:

Уймется волненія страсти,
Засни безнадежное сердце.

Я была взволнована, голосъ дрожалъ, на глазахъ навертывались слезы. Не знаю, какъ у меня достало силъ допѣть романсъ до конца... Евгенийъ стоялъ, потупя глаза, и повертывалъ въ рукахъ шляпу. Въ этомъ движеніи замѣтно было что-то тревожное. Не дождавшись окончанія пѣнія, онъ ушелъ. Вельянова пожала мнѣ руку и вздохнула. Я люблю Вельянову: она добрая, чувствительная женщина...

—

Евгений сидѣлъ у фортепьяно. Онъ былъ грустенъ и молчаливъ. По временамъ, онъ бралъ странные, дикіе, несвязные аккорды. Казалось, въ его душѣ происходило какое-то бореніе. Я стояла подлѣ него и перелистывала какія-то ноты; но вниманіе мое было обращено на него.

— Вы будете пѣть сегодня? спросилъ онъ.

— Не знаю.

— Не пойте никогда: «Сомнѣніе».

— Я худо спѣла его прошедшій разъ?

— Напротивъ, но....

Онъ вздохнулъ.

— Я не буду пѣть, а теперь вы спойте что нибудь?

— Чтѣ пѣть! сказалъ онъ грустно.

— Спойте ко, что выражаетъ заши. чувство.... вост. самнхъ.... сказала я въ молвннн, и мнѣ самой показалося, что просьба моя вызываетъ его признаннн.

Онъ не сказалъ ничего, и продолжалъ тнскольно время нн играть свои странныя фантазн, и наконецъ изъ ннхъ образовались стройныя, величественныя аккорды; онъ запалъ странника Шуберта.

Ich wandle still, bin wenig froh,
Und immer fragt der Seufzer: wo?

Immer: wo?

Die Sonne dünkt mir hier so kalt,
Die Blüthe welk, das Leben alt;
Und was sie reden leerer Schall.

Ich bin ein Fremdling überall!

Онъ пропѣлъ это съ такимъ выраженнемъ, что кажды звукъ казался отголоскомъ его души.

И такъ, онъ не находитъ счастья во мнѣ, онъ чужой мнѣ. Мнѣ стало душно, слезы наполнили глаза; я была жестоко разочарована. Зала, гости, все превратилось въ необозрнмое, безпредѣльное пространство, гдѣ уныло звучалъ голосъ странника.

Я убѣжала въ другую комнату, и бросилась на диванъ. Изъ залы долетали до меня звуки:

Wo bist du, o mein geliebtes Land?
Gesucht, geahnt, und nie gekannt.
Das Land, das Land so hoffnungs grün,
Das Land, wo meine Rosen blühn,
Wo meine Freunde wandelnd gehn,
Wo meine Todten auferstehn,
Das Land, die meine Sprache spricht
O! Land! Wo bist du?

Никогда еще онъ не пѣлъ съ такимъ чувствомъ, какъ

теперь; каждое слово вылетало изъ его души и терзало меня.

Окончивъ пьсье, Евгенийъ пришелъ въ ту комнату, гдѣ я была.

— Я зналъ, сказалъ онъ, что нельзя полагаться на постоянство даже самой лучшей изъ женщинъ. Не вы ли просили меня пьть? а сами ушли.

— *Здъ bin ein fremdling über!* сказала я и сама чувствовала, что не только въ моихъ словахъ, но и во взглядѣ выразился горькій упрекъ. Евгенийъ отодвинулся отъ меня, какъ будто бы мой упрекъ уязвилъ его.

— Я сожалею, сказалъ онъ холодно, что вамъ не понравилось мое пьсье.

— О! нѣтъ! Вы слишкомъ хорошо пьли: каждый звукъ былъ отголоскомъ вашего сердца.

Я все повила... Изъ моихъ глазъ брызнули слезы. Я закрыла ихъ платкомъ.

— Вы видите, я плачу... отъ восторга, сказала я, представляющимъ отъ слезъ голосомъ.

Евгений смотрѣлъ на меня такъ, что казалось проникалъ во все тайны души. Онъ отшатнулся отъ меня и хотѣлъ уйти въ залу, но воротился; въ его движеньяхъ была нерешимость; наконецъ онъ ушелъ и уже во весь вечеръ не подходилъ ко мнѣ.

Проходя послѣ по комнатамъ, я увидѣла, что онъ играетъ въ карты. Я остановилась подлѣ стола, за которымъ онъ сидѣлъ; но онъ не обратилъ на меня вниманія или притворился, что не видитъ меня.

Я была въ отчаяннн. За ужиномъ, онъ овдалъ напротивъ меня. Тоска душила меня и я съ трудомъ удерживала слезы. Евгенийъ былъ молчаливъ. По временамъ его взглядъ обращался на меня; но я не узнавала этого взгляда. Онъ горько какимъ-то тусклымъ огнемъ и приводилъ меня въ трепетъ. Евгенийъ вышелъ въ одно время съ нами въ прихожую, надѣлъ на меня салопъ и проводилъ до кареты. Ночь была темна. Пока лакей сажалъ маменьку въ карету, онъ схватилъ мою руку, поцѣловалъ ее нѣсколько разъ и

скрылся. Какое-то тяжелое, тревожное чувство выразилось въ этомъ поцѣлуѣ и сообщилось мнѣ. Чтѣ означаетъ этотъ поцѣлуѣ? Мнѣ грустно, чувствую непонятное безпокойство. Буду ждать рѣшенія своей судьбы. Чтѣ ожидаетъ меня въ будущемъ? Евгенийъ любилъ меня; я вижу это по всему. Онъ со мною не таковъ, какъ съ другими. Взглядъ его полонъ любви; вниманіе его постоянно обращено на меня; удовольствіе изображается на лицѣ его, при встрѣчѣ со мною. Чтѣ онъ находитъ меня достойною любви, это я знаю изъ письма его и изъ его похвалъ. О чемъ же я безпокоюсь! Онъ любитъ меня. Счастіе ожидаетъ меня. Онъ свободенъ, и я тоже: мы будемъ принадлежать другъ другу. О! кака мнѣ готовится жизнь! Всѣ мои мечты о счастіи сбудутся. Мы будемъ жить въ деревнѣ, будемъ вмѣстѣ любоваться красотами природы, слушать пѣніе соловья и величественный шумъ водопада. Мы будемъ жить одни,—намъ не нужно общества; оно не дастъ намъ того счастія, которое мы будемъ находить другъ въ другъ. Я желаю, чтобъ со мною жила только маменька. Пусть она радуется счастію дочери. Скоро ли настанетъ это блаженное время!

Для чего слова его никогда не выражаютъ того, чтѣ выражаетъ его взглядъ? Почему онъ не откроетъ мнѣ сердце? Къ чему эта бесполезная скрытность? Вѣдь рано или поздно надо же сказать, что мы любимъ другъ друга.

Какъ близко следуетъ горе за счастіемъ! Давно ли я восхищалась своими мечтами о будущемъ, а теперь опять все темно въ немъ. Вельяновы уѣзжаютъ. Я не увижу его никогда тамъ. Какъ это безпокоитъ и огорчаетъ меня! Не можетъ быть, чтобъ я никогда не увидѣла его. Маменька приглашала его къ намъ. Онъ знаетъ: гдѣ мы живемъ, и верно придетъ—препятствій нѣтъ никакихъ. Буду ждать и надеяться.

Ждать и вечно ждать — какое мучительное страданіе! Отчего онъ не идетъ къ намъ до-сихъ-поръ? Гдѣ онъ? Что дѣлаетъ? не у кого спросить объ немъ. Никто изъ нашихъ знакомыхъ не знаетъ его; а тѣ, которыхъ мы встрѣчали у Вельяновыхъ, не бываютъ у насъ.

Гдѣ могла бы я увидѣть его? Сажу по цѣлымъ днямъ у окна и смотрю на проходящихъ—нѣтъ ли между ними его. Иногда въ глубинѣ улицы появляется какой-нибудь чело-вѣкъ, который издали походить на него. Сердце начинаетъ радостно биться; но черезъ минуту я убѣждаюсь, что это не онъ!...

На дняхъ я была въ театрѣ; но нисколько не слѣдила за ходомъ пьесы. Мое вниманіе было обращено на какого-то чело-вѣка, походившаго на Евгенія. Его лица не было видно. Я умоляла его душою взглянуть на нашу ложу, сердце билось и рвалось къ нему; но когда, въ антрактѣ, онъ всталъ и пошелъ между креслами, я увидѣла, что ошиблась. Потомъ я стала точно такимъ же образомъ смотрѣть на другаго чело-вѣка, потомъ на третьяго, и каждый разъ разочаровывалась. При разъѣздѣ мнѣ тоже показалось, что Евгенийъ промельк-нулъ мимо меня по лѣстницѣ; но, вѣроятно, я опять обма-нулась.

Не знаю, какъ разогнать тоску. Я попробовала заняться чтеніемъ; но глаза читали, рука повертывала листы кни-ги, а въ воображеніи былъ онъ. Музыка — единственное занятіе, доставляющее мнѣ утѣшеніе; она напоминаетъ мнѣ объ немъ.

Маменька просила меня съѣздить къ тетенькѣ узнать о ея здоровьѣ. Проезжая мимо церкви, я приказала кучеру остановиться и вошла въ церковь. День былъ буднич-

ный, народу не было въ церкви, только въ углу искала-то набожная старушка клала земные поклоны и благоговѣнно шептала заученыя молитвы. Голосъ ея то возрасталъ, то утихалъ. Двѣ нищія стояли у дверей, на вѣрося имѣ дьячокъ; по церкви ходилъ сторожъ и погасилъ свѣчи. Я упала на колѣни, слезы полились изъ глазъ. Я стала исповѣдывать передъ Господомъ свои страданія, и Онъ послалъ мнѣ помощь. Мнѣ показалось, что я отделилась отъ міра вещественнаго, отъ міра суеты и печали; святое упованіе тихо слѣбло на душу, и осветило ее безмятежнымъ, свѣлымъ спокойствіемъ. Мнѣ стало легко. Кто-то отворилъ позади меня дверь.—Я вздрогнула. Это онъ! подумала я и оглянулась. Вся скорбь, все страданіе, какъ злые духи, снова ворвались въ мою душу. Дѣйствіе утѣшительной молитвы исчезло; я начала ждать его, и оглядываться при малѣйшемъ шорохѣ позади меня. О! какъ я желала въ это время, чтобы случай привелъ его въ церковь. Какъ я желала соединить наши души въ святой молитвѣ!

Священникъ отслужилъ службу и ушелъ; церковь опустѣла. Сторожъ погасилъ свѣчи, и нѣсколько разъ прѣшелъ по церкви, поглядывая на меня. Я поняла, что мнѣ надо уйдти. Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди и я вышла изъ церкви съ тѣмъ же страданіемъ, съ какимъ вошла въ нее.

Опять этотъ Иванъ Ивановичъ! Зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ? Какъ онъ смѣшонъ, когда смотритъ нѣжно! Онъ повадился ходить къ намъ каждый день; это очень скучно. Вообще все надоѣли мнѣ, и я готова убѣжать куда-нибудь отъ людей. Но если между этими людьми нашелся бы хоть одинъ человекъ, которъй зналъ бы Еженія, съ которымъ я могла бы говорить о немъ—о! я полюбила бы его! Онъ занялъ бы первое мѣсто въ моемъ сердцѣ послѣ него.

Я очень рада, что Сорокинъ пріѣхалъ не надолго. Когда онъ у насъ, мнѣ всегда кажется, что онъ хочетъ поцѣловать меня любимаго Керемиа.

Сегодня именины тетеньки. Маменька не здорова, и потому позволила мнѣ одной съѣздить къ тетенькѣ поздравить ее. У воротъ, я встрѣтила дяденьку, — онъ шелъ къ намъ. Не успѣла я провхатъ и половины улицы, какъ экипажъ мой сломался, и я принуждена была возвратиться домой. Подхожу къ спальнѣ маменьки — тамъ разговариваютъ, произносятъ мое имя. Я остановилась.

— Она отцвѣтаетъ: ее надо поскорѣ выдать замужъ, говоритъ дяденька.

— За кого же?

— А хоть бы за Сорокина. Чѣмъ онъ не женихъ ей. Собою еще молодець, состояніе хорошее...

— Онъ не нравится Машѣ. Я не хотѣла даже говорить ей, что онъ ищетъ ея руки.

— Напрасно. Развѣ ты не видишь, что Маша сохнетъ, потому что хочетъ замужъ.

— Ну оставь это пожалуйста. Увѣрю тебя, что Маша не пойдетъ за Сорокина. Она уже отказала двумъ женихамъ.

— Чтѣ же тутъ хорошаго? Дѣвка дурить, а мать потакать. По моему можно и поправить ея.

— Никогда.

— Ну, ну дѣлай какъ хочешь, а — вспомни меня — она слѣдетъ тебѣ на шею, — останется старой дѣвой.

Маменька вздохнула.

Не люблю дяденьку. Понятія его такъ же грубы, какъ выраженія. Не понимаю, какъ женщины выходятъ замужъ за подобныхъ людей!

Мнѣ очень не понравились его отзывы обо мнѣ. Неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ, что я грущу оттого, что хочу выйдти замужъ за кого-нибудь?

Разумѣется, я желала бы выйти замужъ за Евгенія; потому-что могла бы тогда безпрестанно быть съ нимъ въ-стѣ, слушать его, говорить съ нимъ, знать все, что онъ дѣлаетъ и не скрывать, что люблю его.

Суждено ли мнѣ испытать это счастье, или нѣтъ?—а я буду ждать его, и ужъ, конечно, не выйду замужъ за другаго.

Мои желанія такъ умѣренны, что я была бы счастлива и тогда, когда изрѣдка могла бы видѣть его въ обществѣ.

Я была бы довольна и тѣмъ, если бы онъ проходилъ иногда мимо моего окна. Но теперь я такъ бѣдна счастьемъ, что даже теряю надежду увидѣть еще хоть одинъ разъ.

Весна. Мы перѣехали на дачу. Вокругъ—зелень, цвѣты, пѣніе птицъ.—Мнѣ душно! Спаси меня, Евгеній! Гдѣ ты? приди на помощь. Дай хоть разъ вздохнуть твоимъ присутствіемъ. Мимо моего окна порхнули ласточки. Счастливыя! Зачѣмъ я не ласточка, и не могу облетѣть весь міръ и отыскать его?

Маменька часто смотритъ на меня. Въ ея взглядъ — безпокойство. Она проникаетъ въ мою душу, и тайно страдаетъ со мною. Мнѣ, жаль ея—я буду скрывать свою тоску.

Маменька предложила мнѣ ѣхать кататься въ лодкѣ.

Вечеръ былъ тихій. Мы ѣхали близъ берега.

На одной дачъ мужской голосъ запѣлъ: Странники. Я вздрогнула.

— Пристанемте къ берегу, ради Бога! воскликнула я.

Мы причалили. Я стала вслушиваться въ пѣніе; но это былъ не его голосъ. Мы поѣхали далѣе. На Крестовскомъ острову мы вышли на берегъ. Тамъ играла музыка. Пуб-

лиха толпилась вдругъ музыкаントва. Многие сдѣлали музыка. слыда въ экипажахъ. Мой взглядъ устремился на толпу и искалъ въ ней Евгения. Я готова была спрашивать у всякого не видали ли кто-нибудь его? Мои глаза, утомленные шарканьемъ некакимъ, обратились къ Неве. Она величественно раздалась широкимъ зеркаломъ. Небо было чисто; на одной сторонѣ его тихо заходило солнце, на другой уже показался блѣдный кругъ луны. Вся природа дышала тихимъ, безмятежнымъ счастьемъ... Музыка заиграла, любимый Евгенийъ, секстетъ изъ Лючин. Эта музыка еще болѣе растрепала мои раны. Я печально взглянула въ ту сторону, гдѣ стояли экипажи, и сердце мое замерло. Между экипажами пробиравалась дама. За ней шелъ Евгенийъ. — Par ici, Marie, сказалъ онъ, указывая ей мѣсто, гдѣ она могла бы удобнее пройти. Я уже слышала однажды, какъ онъ произносилъ это имя. Тогда оно звучало дивною гармоніею; но теперь, оно разразилось надо мною, какъ ударъ грома. Я взглянула на ту, которую называли этимъ именемъ. Мнѣ показалось, что изъ моихъ глазъ вылетѣли искры и прожгли ее насквозь. Она — отвратительна! Я возненавидѣла ее съ перваго взгляда. Можетъ быть, многие нашли бы, что ея тонкія, правильныя черты прекрасны, что близна ея лица ослѣпительна; но какая злость въ выраженіи этого лица! Какая язвительная улыбка! Нѣтъ, онъ не любить ее, онъ не можетъ любить ее... Но — счастливица! — по какому праву она шла съ нимъ подъ руку? Какъ она смѣла занять мѣсто, которое должно было бы принадлежать мнѣ? Да, мое мѣсто — подлѣ него. Я не уступлю его никому. — Но желаетъ ли онъ, чтобъ я была его подругою?... Онъ не ищетъ меня, онъ не старается увидѣть меня, онъ забылъ, что я существую... Я любила его такъ искренно, такъ постоянно, такъ безкорыстно, и все это для того, чтобъ узнать наконецъ, что онъ даже и не думаетъ обо мнѣ. О! теперь узнала чт. такое страданіе! Да, сихъ поръ я не знала его. Я только думала, что страдаю, а въ самомъ дѣлѣ я блаженствовала, я наслаждалась жи-

дти на улицу. Онъ пройдетъ мимо, и увидитъ меня. Я не буду робить; я поклонюсь ему. Я скажу: ему... нѣтъ, я ничего не скажу ему: слова лишнія. Онъ войдетъ въ садъ моего сердца, и отвѣтитъ на него.

Я не смѣлась, я видѣла его смѣть. Онъ проходилъ мимо моего сада; я думала ждала его. Уже смеркалось, когда онъ появился. Я стояла за кустомъ, у рѣшетки сада, и видѣла его очень близко. Онъ былъ грустенъ и озабоченъ; онъ шелъ съ опущенной головою. Евгений! воскликнула я. Онъ остановился и оглянулся. А если онъ любитъ ее!.. подумала я, и скрылась за кустъ. Онъ подошелъ къ рѣшеткѣ сада, вдохнулъ и пошелъ прочь. Да, онъ вдохнулъ. Ночь была тиха, и я очень ясно слышала его вздохъ. О кѣмъ этотъ вздохъ, кѣмъ не обо мнѣ? Онъ услышалъ мой голосъ, и вспомнилъ меня. Онъ думалъ озабоченъ и надеждою, а я сонялась!...

Мое счастье какъ блудящій огонекъ: блеснетъ—обрадуешься, бросишься къ нему—я его уже нѣтъ! Давно ли я воображала, что онъ любитъ меня? съ чего я взяла это? обо мнѣ ли онъ вдохнулъ? Здѣсь онъ не проходилъ мимо меня съ тѣхъ поръ, какъ услышалъ мой голосъ!.. Напрасно я сижу въ саду, каждый день, до глубокой ночи... Евгений, Евгений! неужели она любитъ тебя болѣе, чѣмъ я?

Забуду его! Хочу свободы сердца и дѣйствій! Хочу жить! Я воюю еще; я могу полюбить другаго.

Какая преступная мысль! нѣтъ ужъ мнѣ не любить никого, кроме Евгения!

Все кончено для меня! Въ другой разъ уже не пережить того, что я пережила.

Не знаю, что заставляло меня съ утра до ночи просиживать въ саду, и смотреть на улицу.

Кто-то изъ сосѣдняго сада закричалъ Магіе; я оглянулась.—Оля! вскрикнула я, и бросилась къ забору, сверхъ котораго появилась милая, улыбающаяся головка Оли.

— Ты здѣсь, Оля! сказала я. Какъ же это случилось, что мы оба такъ давно живемъ въ Петербургѣ и не встрѣчались.

— Ма шѣге, мы не знали, гдѣ ты живешь, Петербургъ такъ великъ... мы давно прѣзвали бы къ тебѣ.... А вотъ я сейчасъ прибѣгу къ тебѣ....

Оля въ одинъ мигъ очутилась подлѣ меня.

— Ахъ! очаровательный Петербургъ! продолжала она. Ты не повѣришь, какъ мнѣ было весело здѣсь нынче зимою! Сколько я танцевала! Была въ театрѣ, въ маскарадѣ... ну, чудо, какъ веселилась! А ты?.. ты похудѣла. Не влюблена ли? Я невольно покраснѣла.

— А! Вижу по глазамъ, что влюблена. Не невѣста ли?

— Оставь эти пустяки, пожалуйста, сказала я. Мнѣ было досадно, сама не знаю на что.

— Ну, ну, не буду спрашивать; не сердись, сказала она.—А я знаю, что ты тоже веселилась нынче зимою.

— Какимъ образомъ ты знаешь это?

— Да мнѣ рассказывалъ... одинъ кавалеръ... Такой же скучный и мечтательный, какъ и ты... Впрочемъ я прощаю ему его недостатки, потому-что онъ красавецъ и много поетъ.

Мое сердце вздрогнуло и угадало о комъ говорить; но я не смѣла спросить у Оли объ немъ.

— А ты и не любопытствуешь узнать: кто говорилъ о тебѣ? Я право удивляюсь, какая ты флегма! Или, можетъ быть, ты притворяешься такою?..

— Я очень желаю знать кто говорилъ обо мнѣ, сказала я дрожащимъ голосомъ.

— А вотъ теперь не скажу.

— Пожалуйста скажи.

— Зачѣмъ не спросила прежде.

— Какая ты злая!

— Натъ, ты злая, а не я. Хотѣла отнять у него не-
вѣсту.

Я поблѣднѣла.

— Какую невѣсту? спросила я.

— Ужъ будто бы ты ничего не знаешь!

— Ей-Богу ничего.

— Не говори, пожалуйста, ей-Богу,—это напоминаетъ
Сорокина. Съ тобою танцевалъ Сленевъ?

— Да, проговорила я съ трудомъ, потому-что мои губы
дрожали.

— Ну, онъ влюбился въ тебя... Да что ты такъ поблѣ-
днѣла.

— Я устала... я очень много ходила сегодня.

— Въ такомъ случаѣ сидѣть здѣсь на скамейку. Я разскажу
тебѣ объ немъ. Въ дѣтствѣ у него была маленькая подруга Ма-
гiе, прехорошенькая дѣвочка!.. Всѣ думали, что она будетъ
красавицею. Ея отецъ былъ очень друженъ съ отцомъ Сле-
нева. Вотъ они и положили обязать со временемъ ма-
ленькихъ друзей. Разумѣется, это было говорено въ шутку!
однако же изъ этой шутки вышло серьезное дѣло. Отецъ
Магiе разорился и умеръ. Передъ смертію, онъ просилъ от-
ца и мать Сленева не оставить его сироты. Сленевы взяли
ее къ себѣ, и потомъ отдали воспитывать въ пансіонъ. По
окончаніи воспитанія, Сленевы опять увезли ее къ себѣ въ
деревню. Евгенийъ Петровичъ помнилъ, что его называли
всегда живихомъ Магiе; но обстоятельства не позволили
ему нѣсколько времени видѣться съ нею. Наконецъ слу-
чай свелъ ихъ въ деревнѣ, но она не понравилась ему.
И не мудрено. Я очень хорошо знала ее въ пансіонѣ. Я
часто вздѣла туда къ сестрѣ. У Магiе презлое лицо; ты,
можешь быть, поминишь—я говорила тебѣ объ ней въ де-
ревнѣ. У ней очень дурной характеръ: она вѣчно ссо-
рилась со всѣми въ пансіонѣ. И такъ, она не понравилась по-

лodomу Сленеву. Говорятъ, что ему понравилась одна дѣвица... Онъ танцовалъ съ нею у Вельяновыхъ. Ты не знаешь ея?...

Оля лукаво посмотрѣла на меня.

— Ну, а я знаю ее, потому что я всеядущая. Да и самъ Евгений Петровичъ проговорился мнѣ... Эту дѣвицу зовутъ Марьей Алексѣевной Колубзевой.

— Онъ не знаетъ даже моего имени.

— Съ чего ты взяла это? Я сама говорила съ нимъ о тебѣ... Ну, да объ этомъ поговоримъ послѣ. Вотъ видишь ли? Отецъ и мать Сленева умерли, а Маріе осталась у него на рукахъ. Нельзя же ему было бросить сироту, и заставить ее бродить по міру. Онъ и воображилъ, что долженъ жениться на ней, бѣдняжка. Если бы онъ любилъ ее, все это было бы очень хорошо, а то, на бѣду его, тутъ зашла mademoiselle Колубзева.

— Ахъ! оставь это! воскликнула я, какъ сумасшедшая.

— Не сердись, душечка Маріе, не буду болѣе говорить о немъ, тѣмъ болѣе, что вчера была его свадьба, и моя вѣстница была на ней.

Я вскочила со скамьи. Въ саду былъ прудъ; я бросилась къ нему; но голова моя закружилась, ноги зашатались; я захохотала, и упала на руки къ Олѣ.

— Маріе, ангелы! извини меня... Я не знала... говорила Оля. Будь благоразумна... Ты убьешь свою мамашку.

Я опомнилась. Оля дала мнѣ слово никому не говорить о томъ, что случилось со мною. Она сдержитъ слово; я знаю ее. Я затаю свои страданія. Никто не узнаетъ, какъ я любила его, какая драма разыгралась въ моей душѣ. О! если бы я могла умереть поскорѣе!

я не должна была воображать, что есаяни правы, что уже меня ожидаетъ слабіе! Въ коты вечеръ, когда я зашла къ дяди нашь, я уже слишкомъ ясно выразила свою любовь и испугала его. Онъ—благородный человекъ—онъ почувствовалъ, что не долженъ напрасно завлекать меня, и удалился... онъ долженъ былъ бы удалиться ранѣе, или вовсе не обращать никогда вниманія на меня. Развѣ онъ не могъ предвидѣть, что слабое женское сердце отвѣтитъ любовью на его вниманіе; не виноватъ ли онъ въ томъ, что я осуждена на вѣчное страданіе? Или онъ самъ увлекся?... Какъ бы то ни было, Евгений, я прощаю тебѣ. О! будь счастливъ, если ты можешь быть счастливымъ съ нею; но я сомнѣваюсь въ твоемъ счастьи, и это еще болѣе усиливаетъ мои мученія. Что осталось мнѣ теперь! Жить въ прошедшемъ, и плакать въ настоящемъ.

Вотъ уже прошли три года съ того дня, какъ я въѣхала изъ Петербурга; а время, еще не излечивало моихъ сердечныхъ ранъ.

Машенька болѣна. Ея болѣзнь смертельна. Она не можетъ прожить болѣе года. Вся несчастія разрамаются надо мною: что буду я дѣлать на свѣтѣ безъ нея?

Я видѣла Олю; она пріѣхала на берегъ деревню. Она пришла за мужемъ за генерала, и у ней уже есть хорошенькая дочка. Она не такъ весела, какъ бывала прежде; но она говоритъ, что счастлива.

« Я выхожу замуж! Это ужасно, и ни кто же? за Со-
рокину. Но мне все равно. Любовь не существует для
меня. Машенька боится оставить меня сиротю. Она гово-
рит, что не умрет спокойно, если я не выйду замуж
за хорошего, добраго человека. О! Я тысячу раз готова
жертвовать собою для ея спокойствія! Я живу теперь
только для того, чтобъ усладить послѣднія минуты ея
жизни.

Какая участь ожидаетъ меня въ замужствѣ? Слова Евге-
нія были пророческими: «Мнѣ жаль ея, писалъ онъ, ко-
гда я подумаю, что это нѣжное, поэтическое созданіе, мо-
жетъ быть, достанется въ руки какому-нибудь грубо-
му невѣждѣ, чудаку-помѣщику, или человеку, который
не будетъ умѣть оценить ея; высокое стремленіе къ изящ-
ному покажутся ему глупымъ сумазбродствомъ.» Ты былъ
правъ! Евгений; твое предсказаніе сбывается.

Завтра день моей свадьбы. Не сонъ ли это? Прощай, Ев-
геній! Я не переставала любить тебя до послѣдней минуты
моей дѣвической жизни; можетъ быть, даже послѣ.... о! я
все еще безумствую!

Сегодня я бросила въ рѣку его письмо, и вѣнокъ
изъ тѣхъ цвѣтовъ, которые онъ помогаль мнѣ собирать
въ тотъ день, когда.... о! какое воспоминаніе! Можно ли
было думать тогда, что такой ясный день жизни предше-
ствуетъ страшной бурѣ?

Быстро унесла рѣчка вѣнокъ и письмо—умчить ли время
такъ же скоро воспоминаніе о немъ?

Она сказала правду, что любовь и супружество рѣдко

близость истины. Печальная участь жонкины! Для всего я не поверюла Оля. Я не сождала бы теперь, что пошла на дѣловителюмостя, но, о чонъ такъ сладко было жонкѣ.

ЕВГЕНІА КАМНОВА.

ПИСЬМО КЪ СИМОНУ.

Москва. Последнее слово твое, при нашемъ прощаніи: «Ваша земля, ради Бога чисти!» это слово, во всю дорогу до Москвы, звучало въ моемъ слухъ... то была едварь стремный зовъ жизни въ переставномъ, прахъ моей души — гласъ человѣческій, просившій дружески моего отголоска... Я радъ отозваться! Ты знаешь, какою жизнью любилъ я любить мертвыхъ; но есть расколеженіе духа, когда душа не въ кругу живой, себядвижъ задушенный, по-ля и отсутствующій. Мой С. ты для меня дорогъ... Ты бывалъ за меня на могилъ моего Симона: мы его принесли между чуждыми ему мертвецами! Его могильныхъ делъ, при наступающей осени, ты не спасешь отъ увяданія... по словамъ мамы *Rozul...*

Моя административная жизнь въ деревнѣ кончалась двумя-тремя бурными, шевельно-тишевыми днями... Я минувалъ сарометно въ пустынный для меня миръ, въ глухую, тихую ночь... не только по времени, но и по значенію міра для моей души, в. въ мѣстанѣ для меня моя земля небы! Последний отблескъ моего знаменитого житія нежилъ во старости этого званнаго жилища, когда я не могъ ничто до восхода солнца смотрѣть въ окнахъ въ стрессиръ, свѣтъ лампы передъ Иконою... и мечталось мнѣ на молитвѣ милое су-

щество, осыненное тьною!... Эта бурная зѣда совершенно согласовалась съ моею душевною бурей; но, съ другой стороны, было жаль, очень жаль удалиться съ такою быстротою отъ послѣдняго томнаго свѣта! Верхъ моей брички былъ откинуть; почтовый трактъ, какъ тебѣ извѣстно, идетъ прямо линіею: такъ я, оглядываясь, могъ еще нѣкоторое время видѣть этотъ томный свѣтъ. Наконецъ онъ началъ исчезать, и когда онъ совершенно исчезъ, ночь показалась мнѣ вдвое темнѣе — и западе мнѣ на умъ, необходимо, мучительно запади на душу эти стихи твоего Шиллера:

Was man von der Minute ausgeschlagen,
Giebt keine Ewigkeit zurück!...

.. (Чего ты не взялъ у минуты — того тебѣ во вѣкъ не возвратятъ!)

.. Ночь казалась мнѣ безконечною... я не могъ дожидаться разсвѣта! Разсвѣтъ, утренная зоря, дышитъ тѣмъ-то успокоительнымъ, послѣ долгой муки въ темнотѣ безотвѣтній. ... На послѣдней станціи, передъ Москвою, вспомнилъ я, что твѣ живеть родная сестра моего Симона. Она вышла замужъ, когда мы проживали въ твоёмъ городѣ; она жила здѣсь къ своей свадьбѣ... Я увидѣлъ ее, что Симонъ спончался, и что я поселился у ногини его. Я ее лично не зналъ. По докладу обо мнѣ мамя, она тотчасъ вышла съ своимъ мужемъ. Прежде всего меня поразило сходство ея съ пакейнымъ братомъ, и слезы на глазахъ этой молодой женщины меня живо тронули. Но тутъ же я и замѣтилъ, что она была потрясена не одиюю. — внезапно пробуждающею памятью о Симонѣ: какъ она, такъ и мужъ ея, были обо поражены новѣйшею торжественною, какою-то великою горестью. Она увидѣла мое недоумѣніе.

.. «Другъ нашего Симона, да, будетъ и нашимъ другомъ,» сказала она, «сердце его отвѣтствено на нашу скорбь сердобудно!»

— При этихъ словахъ, они повели меня въ одну изъ заднихъ комнатъ— и я встрепенулся, увидѣвъ на столѣ—мертвого младенца, украшеннаго цвѣтами.... это былъ ихъ единственный сынъ, девяти мѣсяцевъ, скончавшійся въ то же утро.

— Мужъ обмалъ жену: «Annette! ради Бога, побереги себя! будь тверда!»

— Мой другъ, я уже выплакала свое сердце: я теперь тверда!

И, въ самомъ дѣлѣ, она была девольно тверда! Она плакала, но такъ тихо и спокойно, что черты ея лица не мѣнялись; и, въ добавокъ, какая-то чудная полуулыбка, между этими двойными тономъ слезъ— словно ангельскій плачъ— доказывала, что слезы—уже не горькія! Выраженіе ея лица, въ эту минуту, было прекрасное.... такого выраженія не забыть!... Она обратилась ко мнѣ, и любовь материнская устами ея произносила звуки, какихъ я дотолѣ не слыхалъ:

«Лишиться своего дитяти—это самая горькая утрата въ мірѣ; это—нѣчто горшее самой смерти. Когда сама умираю, я и страдаю одна; я не умиляюсь своими собственными страданіями; отдаюсь Богу, переношу, что должно перенести—и мой послѣдній мигъ есть и конецъ моихъ страданій! Но если умираю въ своемъ дитяти, которое есть другое я, то терплю въ немъ смертную борьбу, всѣ муки, сопровождающія этотъ скорбный переходъ—и не участвую въ благодѣяніи смерти, испивъ чашу ея!»

Ничто, во всю жизнь мою, не поражало меня столько, сколько смыслъ этихъ звуковъ: «Испытавъ смертную борьбу, не сподобляться благодѣянія смерти!» Только въ сердцѣ матери могла родиться эта дивная, совершенно новая мысль! только мать могла высказать ее такъ просто, какъ естественное чувство! Эта мысль—признаюсь—меня вдругъ возстановила; а возстановить меня, возстановить вдругъ—казалось мнѣ дѣломъ невозможнымъ: я былъ въ одномъ изъ тѣхъ мучительныхъ положеній, въ которыхъ и сильнѣйшая душа вопіеть: О Боже, почто ты меня оставилъ! Не

низмъ и вътраемаго трагическаго колеблени — съ надеждою, съ достоинствомъ восприсеніе!»

Три дня сряду, отъ утра до вечера, я былъ гостемъ ихъ, чтобы, по просьбѣ мужа, развлекать горе матери отводомъ на чувство сестры — и мы не могли наговориться в нашемъ Симонѣ. Вчера мы похоронили младенца. Еще текли слезы, особенно въ ту минуту, когда опускали гробикъ въ могилу, когда первыя горсти земли ударились по немъ съ глухимъ, печальнымъ звукомъ.... отчего такъ ужасно грустенъ для насъ звукъ? Надъ трупомъ милого для насъ существа, мы можемъ раскидывать такую свѣтлую мечту о въчности; а въ ту минуту, когда нарядный гробъ исчезаетъ подъ землю, неогранично схватываетъ насъ духъ земной, — черный, какъ эта погильная земля, которую засыпаютъ милое отжившее — и, слава Богу, когда онъ выжимаетъ у насъ слезы!... Ты, мой милый Скъезъ, хорошо знакомый съ Геродотомъ, долженъ знать, что, въ древности, былъ одинъ еракійскій народъ, который однимъ страннымъ обычаемъ резко различивалъ отъ всѣхъ народовъ въ мірѣ, древнихъ и новыхъ: около новорожденнаго собиралась вся родня и хоромъ горевала о томъ, что явилось на свѣтъ существо, осужденное на всякія страданія человѣческія; напротивъ того, смерть родственника праздновали, какъ радостное въ семействѣ событіе: избавился человекъ отъ страданія житейскаго! Объ этомъ-то обрядѣ заговорилъ я, отводя, вместе съ мужемъ, скорбящую мать отъ могилы младенца и, съвши съ ними въ карету, продолжалъ тему:

«Я вовсе не намѣренъ быть панегиристомъ такого оригинальнаго и въ высшей степени замѣчательнаго обряда; признаюсь, онъ мнѣ кажется не только страннымъ, но даже страшнымъ въ своей первой части, то-есть въ томъ, что касается новорожденныхъ. Лишь дикій народъ, не имѣвшій ни малѣйшихъ понятій объ истинной добродѣтели, могъ печалиться при рожденіи челоука; могъ не знать, что человекъ, какъ бы ни была горька и бѣдственна жизнь его, все-таки нѣчто весьма важное вытравываетъ въ жизни:

упражненіе въ добродѣтели и глубокую прелесть этого чувства—и потому мы весьма естественно радуемся ново-рожденному, какъ новому между нами соискателю сана чело-вѣческаго! Однако, сколько и несчастливъ долженство-валъ быть этотъ дикій народъ, т. е. до какой стѣпени тѣс-нымъ и мучимъ сосѣдними племенами — разстроены въ спо-емъ нравственномъ быту, когда не зналъ и этого естествен-наго гармоническаго расположенія душевнаго, въ которомъ чело-вѣкъ возвышается до сильнаго, радостнаго чувства са-маго бытія, достигаетъ вершины своего земнаго существо-ванія! Только необыкновенными бѣдствіями народы наши объ-ясняется обратный порядокъ такого обычая. Поразвѣдаемъ и вторую часть его, относившуюся къ умершимъ. Сколько бы ни былъ угнетаемъ народъ—цѣлый народъ не можетъ совратиться съ пути естественности, уклониться отъ тако-го прямаго, неотразимаго ощущенія, какова скорбь, при смерти ближняго; не можетъ чувственно радоваться тому, что прекратилась жизнь чело-вѣческа! Ясное расположеніе духа этихъ Оракианъ, на похоронахъ, было—такъ сказать—нравственный результатъ, выстраданный въ скорбяхъ житей-скихъ: предчувствіе, живая оцѣнка того, какъ превосходно должно быть состояніе, чуждое всякихъ скорбей, — и въ этомъ отрицательномъ счастьи безсознательно двигалось по-ложительное чувство другой жизни, ибо праздновать уни-чтоженіе души—неестественно, невозможно! Следовательно, радовались не тому, что престыгло бытіе людское, но праздновали переходъ этого бытія въ состояніе безстрадал-ное, и такое состояніе, во времена до-христіанскія, когда природа людская ликовала въ чувствахъ своей полноты, своей цѣлостности, было и для образованнѣйшаго чело-вѣка предку-шеніемъ вѣчнаго блаженства. Не занимательно ли для насъ, что крайній выводъ нашихъ религіозныхъ размышленій о счастьи тѣхъ, кто покинулъ насъ въ юдоли, находитъ чув-ственное доказательство въ обычаяхъ одного дикаго, темнаго народа, отиѣченномъ исторіею какъ бы для того, чтобъ уб-лажить и сердце наше—при убѣжденіи нашего ума?»

Не правда ли, мой Синецъ: елико влуротосованіе хороше, когда виветъ цѣлью испаванное противодѣйствіе земному духу, который со саважей могилы любимаго нами существа вивлается въ наше сердце и терзаетъ его, откуда чувство ралигіозное не рывнеть победы надъ тлѣніемъ?

Третьяго дня я писалъ къ нашему князю въ Вѣну.

Останусь здѣсь еще изскольکو дней. Зать моего Синеца легко убѣдилъ меня пробывать еще союзникомъ его, въ эти первые тяжелые дни послѣ похоронъ, т. е. помочь ему отвлекать грусть его Аннеты отъ опустѣлой спальни Сашенькой, постычески обманывать, услаждать, наконецъ разгулять сиротство материнскаго сердца. Ежедневно являюсь къ нимъ въ 10 часовъ утра и остаюсь до десяти вечера. Одними разговорами не наполнить столь значительнаго періода времени; я придумалъ еще другое вспомогалельное средство, своеобразное съ нашимъ положеніемъ: сегодня утромъ, у нихъ въ домъ, началъ я писать картину акварелью. Я написалъ головку милой женщины; трафить ее было не трудно: оригиналъ тутъ же находился! Присѣвта я не требовалъ, ибо главнѣйшее надо было писать изъ памяти: ангельскій плачь — эту чудную полу-улыбку, между двойнымъ токомъ слезъ! Аннета узнала себя тотчасъ, а мужъ меня увѣрилъ, что я вѣрно схватилъ тотъ моментъ. Такъ будемъ продолжать.—Между разговорами написалъ я блоскъ Аннеты и опочившаго младенца на рукахъ ея. Лицико младенца изобразилъ я такъ, какъ оно представлялось мнѣ въ первую минуту, т. е. тихій младенческій сонъ ознаменовалъ я чѣмъ-то важнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ—и свѣтло-танственнымъ; а послѣ, ознаменую еще другимъ блескомъ, возвѣщающимъ близкое пробужденіе, исходящимъ отъ третьяго—еще не начатаго — лица. Отсюда они уже выразумѣли сюжетъ картины: Земная мать передаетъ своего опочившаго младенца—Матери Небесной!

«Но какой образъ дадите вы Матери Небесной, вѣчной любви? спросила Аннета.

— А какой бы вы думали? спросилъ я въ свою очередь.

«Впрямую, отвѣчала мужъ, мы увидимъ идеаль, въ родѣ Мадоннъ Корреджіевыхъ: въ нихъ, болѣе, нежели въ прочихъ, пробивается идея материнства.»

— Пять! воскликнулъ я: вы увидите нѣчто *другое*, совершенно неожиданное, гораздо проще и естественнѣе представляющееся отъ сюжета и связанное съ нимъ гораздо художественнѣе, чѣмъ могъ бы быть какой-нибудь идеаль Корреджіо! Чтобы выразить вполнѣ, — наяснѣйшимъ, удобопонятнѣйшимъ образомъ идею этой картины, т. е. что младенецъ съ рукъ земной своей матери переходитъ къ Матѣри Божіей — это двойное материнство должно быть представлено по одному подобію.... будутъ тѣ же черты, тотъ же ликъ, какъ и у земной матери, но — разумеется — въ блескъ преображенія! Младенецъ проснется тотчасъ на рукахъ Вѣчной Любви и, увидѣвъ знакомыя черты лица, подумаетъ, что онъ еще у груди своей родительницы!

Оба, они восхищались этою идеею, и мнѣ самому кажется, что она не дурна, относительно цѣли, для которой пишется картина. Мы пошли обѣдать, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ аппетитъ обоихъ родителей; при рѣчахъ о начатой картинкѣ. Продолженіе ея будетъ завтра; окончаніе же — дня черезъ три или четыре. Тогда меня отпустятъ въ Петербургъ. Я готовъ бы былъ сдѣлать то же самое для всякой матери, постигнутой такою же утратою; но что, въ настоящемъ случаѣ, утѣшаю своею кистью *сестру* моего Симона — это, по моимъ чувствамъ, какъ-то освящаетъ мой трудъ; это — новыя узы любви между мною и Симономъ.... новое отношеніе отъ жилища юдоли къ небожителю; свѣжее дуновеніе жизни надъ завѣтною могилою, порученною твоей дружеской заботѣ; какой-то небесный бальзамъ, проникающій нѣтъ-нѣтъ земные останки друга, похороненнаго въ моемъ сердцѣ.

На этомъ я хотѣлъ было кончить свое письмо; но вижу: тутъ чего-то не достаетъ, для удовольствія моего Сивоа — и ты весьма бы захмурился, если бы конецъ моего письма такъ далеко разошелся съ началомъ его. Ты любишь семейные круги; кругъ житейскій смыкается ты супруже-

ствомъ, чтобы не было опаснаго промежутка, вызывающаго насъ—холостыхъ молодцевъ — къ пустымъ набѣгамъ по бесплодной степи идеализма.... видишь ли: я хорошо помню твой философскій набѣгъ на мой идеализмъ! Признаться,—не только въ угодность тебѣ, но и по влеченію моего сердца, обращаюсь къ началу письма; содержаніе его сведу въ кругъ, согну въ кольцо, въ проображеніе *обручальнаго*—если такъ суждено.

Отъѣхавъ отъ васъ верстѣ около осьмидесяти, я остановился на одной станціи, для чаю; велѣлъ подать свой портфель — и заглядѣлся на извѣстныя тебѣ *два картинки*.... Всесильно влекло меня назадъ къ вамъ—погѣришь ли: съ часъ, почти безсознательно попивая свой чай, я искалъ въ умѣ благовиднаго предлога,—вернуться домой на день, или на два, чтобы проститься съ нею *иначе*, но никакъ не могъ доискаться предлога. Въ слѣдствіе моего наказа, отдавнаго при самомъ прибытіи на станцію, смотритель черезъ часъ явился съ подорожною и съ вѣстью, что лошади готовы. Молча заплатилъ я, чтѣ приходилось по его счету, заперъ портфель, сѣлъ въ бричку.... рѣшался вернуться домой, не нашедъ еще благовиднаго предлога, зная только то, что вернуться еще можно, а послѣ будетъ нельзя—но никакими силами не могъ вымолвить слова: *Назадъ!* — и лошади поехали меня *впередъ!*...

Да, мой другъ! бываютъ минуты въ жизни человѣческой, когда и самый твердый стѣнокъ чувствуетъ себя слабымъ и будто желаетъ, чтобы случайности мірскія повлекли его туда, куда тянетъ его — увы собственная слабость человѣческая! Но тутъ-то именно и оказывается великая польза твердой житейской философіи: она умственнымъ параллелемъ обезсиливаетъ насъ, когда мы, въ своихъ страстяхъ, на нее возстаемъ—п мы, противъ воли, продолжаемъ путь, по которому она своимъ первоначальнымъ толчкомъ направила нашъ микрокосмъ—никакъ не своротишь съ пути! Странно, но — право — утѣшительно, когда, сознавая себя слабымъ, немощнымъ въ душѣ, въ то же время чувствуешь себя несомымъ своею прежнею силою—и эта прежняя сила

донесла меня до Москвы, гдѣ меня возстановилъ — трупъ младенца! Я сдѣлалъ бы большую глупость, если бы вернулся съ дороги! Я теперь очень доволенъ тѣмъ, что уѣхалъ, безъ малѣйшей претензіи на любовь—или на неизмѣнную любовь—Оленьки.... для насъ обоихъ нужно испытаніе, на полной волѣ, безо всякаго взаимнаго обязательства! Моя импровизированная поѣздка въ Петербургъ имѣла высшую, мнѣ самому тогда еще невѣдомую цѣль: подоспѣть во время къ сестрѣ моего Симона, во дни душевной скорби ея!

Если я и возстановленъ въ своей умственной жизни, то это отнюдь не мѣшаетъ сердцу любить такъ же нѣжно и горячо, какъ любило оно въ мучительную бурю страсти.... въ доказательство тому, признаюсь тебѣ, что я и здѣсь, каждый вечеръ, передъ сномъ, перебирая свой портфель, гляжу на «Группу изъ пяти лицъ» и на твою «Весталочку съ опущенными глазами....» объясняю Весталочкѣ причину моей внезапной поѣздки, чувствую, что она меня понимаетъ — и возсылаю къ Господу моленіе объ этомъ ангелѣ, съ которымъ душа моя сопряжена сторичною симпатією — котораго сознаю роковымъ существомъ въ моей жизни.

Баронъ Розенъ.

ДОБРО И ЗЛО.

Романъ П. Фурманна:

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

...Пишите романы великіе—историческіе, сатирическіе, правосудительныя, а главное, разувѣтелъ, хорошиѣ. Прочтите свои мечты, издумайте всѣмъ чуждому, нутъ, восторги, свои поэтическія угодія и философскія игры о безконечно-великихъ и безконечно-отдаленныхъ предметахъ; изучайте нивы, изучайте вещи въ ихъ естественномъ, свободномъ или тучномъ чуждѣн, свободное извѣстное нутъ страстей, рассуждающія себя сами, олицетворяйте ихъ или въ образѣ простыхъ и непроизвольныхъ, въ которыхъ бы можно было, или въ сердцахъ, медлѣть и обидѣть естественныя чувствами чуждѣнства и нивы, — однимъ словомъ, повторите, напишите романы.

А. Никитенко.

(Библ. для Читанія, июль—1846).

ГЛАВА VI.

ДВА ДОНОСА.

Александръ Матвѣевичъ, вѣроятно, дурно спалъ, потому что вышелъ къ себѣ, въ кабинетъ, въ весьма дурномъ расположеніи духа.

Мы забыли вамъ сказать, что Тучиновъ, получивъ отъ тетки своей въ наследство большой капиталъ, вздумалъ основать какое-то обширное предпріятіе вмѣстѣ съ несколькими другими капиталистами; для того онъ вышелъ въ отставку и устроилъ контору учредившейся компаніи съ боль-

перо канцеляріею. По просьбѣ своей компаніею, Тучинъ принялъ на себя званіе директора конторы: Опухтинъ, польстясь на значительное жалованье, также вышелъ съ отставку и былъ определенъ бухгалтеромъ подъ начальство Александра Матвѣевича.

Объяснивъ нами забытое обстоятельство, продолжимъ нашъ разговоръ.

Тучинское, какъ мы уже сказали, вышло утромъ изъ себя въ кабинеть въ весьма дурномъ расположеніи духа.

Камердинеръ подалъ ему на серебряномъ подносе изъ сенокоса письмо.

Тучинъ сталъ распечатывать ихъ и читать.

Одно письмо, неуклюжее, на грубой бумагѣ, безъ конверта, запечатанное рыжымъ, бутылочнымъ сургучомъ, и написанное самымъ уродливымъ, по-видимому, подделаннымъ почеркомъ, обратило на себя особенное вниманіе Александра Матвѣевича.

— Кто принесъ это письмо? спросилъ онъ, не находя подписи.

— Не могу знать, ваше превосходительство, отвѣчалъ камердинеръ.

— Такъ узнай сейчасъ! сердито вскричалъ Александръ Матвѣевичъ. Постой, не надобно, прибавилъ онъ, увидѣвъ на адресѣ печать городской почты, и продолжалъ читать.

«Вотъ содержаніе этого письма:

«Ваше Превосходительство,

«Милостивѣйшій Государя,

«Александръ Матвѣевичъ!

«Говорятъ, что Вы покровительствуете Опухтину а онъ «етова не заслужилъ. Онъ такой дурной человекъ какихъ «немного на свѣтъ! только уметь хорошо лицезрѣть, «такъ что почти никто не знаетъ, какихъ онъ свойствъ. «Онъ такой жадъ, Ваше Превосходительство, что ну не-

«во на квартиру, есть. особой чуланъ, гдѣ всякова товару «точно втабашной лавочкѣ! Однимъ словомъ; онъ праченщикъ и ростовщикъ! брать залоги и два рубля на «рубль. Пасудитъ сама, хорошо ли такъ поступать. Если «не вѣрять; пошлите на квартиру къ Опухтану чтобы онъ «показалъ, свой чуланъ. Это писать вамъ чѣловѣкъ паста- «ронный, это сущая правда. Кабы не Страшная, такъ я бы «побожился. Но не вру; какъ чѣстной, благородной чѣло- «вѣкъ а Опухтану не спустить; чтобы справедливость была.»

— Отвратительно! проговорилъ Александръ Матвѣевичъ, презрительно бросивъ письмо на столъ. Доносы, интриги, подличанье! Да и Опухтанъ хорошъ, если правда, что онъ беретъ такіе жидовскіе проценты.

Тучиновъ закурилъ гаванскую сигару, просмотрѣлъ газеты и съ большимъ вниманіемъ сталъ читать афишу, возвѣщающую о праздничныхъ представленіяхъ, готовившихся на Адмиралтейской площади.

Послѣ этого Александръ Матвѣевичъ приказалъ позвать пирюльника, болѣе получаса ожидавшаго въ передней. Выбравшись, Александръ Матвѣевичъ вымылся одеколономъ, тщательно пригладилъ волосы передъ зеркаломъ и пошелъ сказать *bonjour* дѣтямъ.

Дѣтская находилась на концѣ, противоположномъ будуару Катерины Васильевны и надъ самой квартирой Николая Александровича. Она состояла изъ трехъ комнатъ: двухъ для дѣтей, одной для гувернантки. Изъ комнаты послѣдней, убранной съ роскошью, болѣе яркою, цвѣтистою, нежели изящною, былъ ходъ въ одну изъ двухъ прихожихъ бельэтажа, расположеннаго такимъ образомъ, что, въ случаѣ надобности, онъ могъ быть раздѣленъ на двѣ квартиры. Прихожая, смежная съ комнатой гувернантки, была заставлена шкапами и изъ нее никто не ходилъ на парадную лестницу; даже ключа не было у двери.

Александръ Матвѣевичъ, какъ добрый, заботливый отецъ семейства, каждое утро аккуратно навѣщалъ дѣтей.

При появленіи его, они радостно бросились къ нему на

встрѣчу. Онъ помаскалъ ихъ и, не вида гувернантки, спросилъ, гдѣ она.

— Мадмоазель Фаваржé сегодня сердита, отвѣчала нянюшка, сынъ Александра Матвѣевича.

— Вы, вѣрно, были лѣнны или непослушны, сказалъ отецъ, принявъ строгій видъ.

— Нѣтъ, папашенька, мадмоазель Фаваржé сердита оттого, что у ней голова болѣтъ, отвѣчала одна изъ дочерей.

— Зачѣмъ же вы шумите? сказалъ Александръ Матвѣевичъ тихимъ голосомъ, погрозилъ дѣтямъ пальцемъ и, подойдя къ двери въ сосѣдную комнату, постучался.

— Кто тамъ? по-французски спросила гувернантка за дверью.

— Это я, отвѣчалъ Александръ Матвѣевичъ по-французски же, и, смягчая голосъ, прибавилъ: вы нездоровы, мадмоазель!...

— Да, отрывисто отвѣчала Француженка.

— Я пошлю за докторомъ, продолжалъ Тучиновъ.

Отвѣта не было.

— Послать за докторомъ? повторилъ Александръ Матвѣевичъ.

Дверь скоро отворилась.

— Избавьте меня отъ вашихъ шарлатановъ! съ сердцемъ вскричала гувернантка, входя въ дѣтскую и не отвѣчая даже на ласковый поклонъ Тучинова.

Мадмоазель Фаваржé была красавица, но—она болѣе походила на актрису, нежели на гувернантку. На ней было бѣлое, утреннее платье, опоясанное ярко-малиновою шелковою лентою и обшитое дорогими кружевами; нѣсколько измятыя складки платья полуобозначали прекрасныя, роскошныя формы тѣла ея. Свѣжее лицо ея дышало здоровьемъ, хотя она и жаловалась на головную боль.

— Здравствуйте, мадмоазель Фаваржé, повторилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Je suis la très humble servante de votre excellence, отвѣчала гувернантка съ нѣсколько насмѣшливою вѣжливостью.

— Вы иногда расстроены, съ участіемъ сказалъ Тучиновъ; я увѣренъ, что дѣти огорчили васъ....

— Э, Боже мой! истеричливо вскрикнула Француженка: вы вѣчно готовы обвинять бѣдныхъ мамзюлокъ.... Увы, мнѣ ринуться въ дѣла, que je vous s'embarrasse!

Дѣти окружили гувернантку и стали ласкаться къ ней.

Александръ Матвѣвичъ съ умиленіемъ глядѣлъ на эту сцену и, преимущественно, на гувернантку.

— Allez jouer, *mes petits choux!* Amusez vous, сказала она дѣтамъ.

— Скажите же мнѣ, что съ вами? спросилъ Александръ Матвѣвичъ съ добродушнымъ, почти боязливымъ участіемъ обратившись опять къ гувернанткѣ.

— Ничего, отвѣчала она, покажъ плечами съ такимъ видомъ, какъ будто бы участіе Тучинова чрезвычайно надоедало ей.

— Прикажите заложить карету и позвжайте гулять съ дѣтьми; свѣжій воздухъ разсѣетъ вашу мигрень....

— Съ тѣхъ поръ, какъ *madame* стала часто посещать церковь, она завладѣла каретою, съ дерзкой ироніей возразила Француженка.

— Я прикажу нанять карету, съ жнжостію сказалъ Тучиновъ.

— Я не привыкла ѣздить въ изощренныхъ каретахъ, отвѣчала гувернантка съ прежнею дерзостію.

— Ахъ, Боже мой, какъ же быть?... проговорилъ Александръ Матвѣвичъ, съ озабоченнымъ видомъ потирая лобъ. Очень нужно ей брать карету.... до церкви десять минутъ ходьбы....

Дѣти громко смѣялись и рѣзвились; гувернантка прохаживалась взадъ и впередъ; Тучиновъ слѣдилъ за нею влажнымъ взоромъ, исполненнымъ привязанности.

— Если вы въ самомъ дѣлѣ страдаете.... сказалъ онъ, когда Француженка проходила мимо него.

— Ваше съ самое дѣло чрезвычайно важно, *voire excellence*, перебила она его насмѣшливо.

— Вы дурно платите мнѣ за несправку, 'осредетное' участие, сказалъ Александръ Матвѣевичъ тихимъ голосомъ.

— Обратите лучше ваше участие на *madame*.

— Вы жестоки...

— Ah! vous m'embêtez!... Allez-vous en!... всамымъ чистомъ, но едва слышнымъ голосомъ произнесла гувернантка, надорывая кружевную манжетку.

Гордый, величественный Александръ Матвѣевичъ, полный силы и жизни, молча опустил голову.

— Не шумите, дѣти! произнесъ онъ такимъ голосомъ и ушелъ.

Добрый, заботливый отецъ семейства исполнилъ свой долгъ, навѣстивъ дѣтей.

Но неласковый пріемъ гувернантки увеличивалъ дурное расположеніе духа Тучинова. Насупивъ брови пуше прежняго, возвращался онъ къ себѣ и, въ одной изъ залъ, встрѣтилъ жену.

— Вы на похороны собрались? спросилъ онъ, осмотрѣвъ ее съ ногъ до головы.

— Нѣтъ, другъ мой, я говвю, съ кротостію отвѣчала Катерина Васильевна.

— Ага. Въ какой же церкви?

— Въ нашей приходской, другъ мой.

— А! извиняте... такъ какъ вы почти каждый разъ приказываете закладывать карету, то я думалъ, что вы отправляетесь куда-нибудь очень далеко.

— Я буду ходить пѣшкомъ, если вамъ это непріятно...

— Мнѣ все равно, но не знаю, пріятно ли лошадямъ стоять по цѣлымъ часамъ въ упряжи, не деликатно возразилъ Тучиновъ; впрочемъ, прибавилъ онъ, я не хочу задерживать васъ; до свиданія.

— Постой, Александръ.

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою наединѣ....

— Послѣ, послѣ, нетерпѣливо перебилъ ее Александръ Матвѣевичъ; у меня теперь нѣтъ свободной минуты; я спѣшу ѣхать, надобно привести нѣкоторымъ дѣла въ порядокъ...

Простите мнѣ, прибавилъ онъ, замѣтивъ грустное впечатлѣніе, произведенное его словами на молодую женщину, — прости мнѣ, Катинька, но ты знаешь, что я рабъ своего долга.... Ужъ когда взялъ разъ на себя званіе директора конторы нашей компаніи, то нельзя употреблять во зло довѣрія моихъ компаніоновъ.

— Идите, идите, Александръ Матвѣевичъ, я не задерживаю васъ.

Александръ Матвѣевичъ поспѣшно удалился, весьма довольный тѣмъ, что такъ легко отдался отъ мнимыхъ сантиментальностей жены, а Катерина Васильевна, не посоветовавшись съ мужемъ, повиновалась побужденію собственнаго сердца и пошла къ пасынку.

— Какой-то господинъ, не сказывающій своей фамиліи, просить позволенія видѣть ваше превосходительство, доложилъ камердинеръ, помогая Тучинову одѣваться.

— Некогда мнѣ! сухо отвѣчалъ Александръ Матвѣевичъ.

Камердинеръ пошелъ передать просителю отвѣтъ его превосходительства и, вернувшись минутой спустя, сказалъ:

— Онъ говоритъ, что имѣетъ сообщить весьма важное дѣло.

Тучиновъ нетерпѣливо пожалъ плечами, не отвѣчалъ ни слова и, не торопясь, продолжалъ одѣваться.

Полчаса спустя, онъ вышелъ въ прихожую. При входѣ его поднялся со стула терпѣливый проситель.

То былъ мужчина лѣтъ подъ-сорокъ, средняго роста, самой грубой наружности и съ коротко-обстриженными волосами. Сюртукъ его, спускавшійся нѣсколько пониже колѣнъ, былъ застегнутъ до половины груди, оставляя незакрытымъ треугольникъ манишки сомнительной близны, но украшенной тремя неизбѣжными запонками. Тугой галстухъ, изъ-за пряжки котораго сзади торчала тесемка манишки, подпиралъ голову просителя точно стоячій воротникъ.

Увидѣвъ Тучинова, посѣтитель ступилъ шагъ впередъ. Тучиновъ подошелъ къ незнакомцу и спросилъ отрывисто:

— Чтѣ вамъ угодно?

— Я пришелъ къ вашему превосходительству по важному обстоятельству.

— Такъ говорите скорѣе, мнѣ некогда, сказалъ онъ нетерпѣливо.

— Дѣло секретное, ваше превосходительство, по вашему семейству, сказалъ незнакомецъ почти шопотомъ.

Нѣсколько секундъ спустя, незнакомецъ, вслѣдъ за Александромъ Матвѣвичемъ, вошелъ въ кабинетъ послѣдняго.

— Дѣло, говорите вы, касающееся до моего семейства? спросилъ Тучиновъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Такъ говорите, сказалъ Александръ Матвѣвичъ, не скрывая нѣкотораго безпокойства.

— Ваше превосходительство, отвѣчалъ незнакомецъ монотоннымъ голосомъ и какъ бы твердя заученный урокъ: сынъ вашъ попалъ въ общество молодыхъ людей самыхъ дурныхъ свойствъ, которые обманываютъ его и вовлекаютъ, пожалуй, въ бѣду.

Александръ Матвѣвичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на говорившаго.

— Мой любезный, этого быть не можетъ! возразилъ Тучиновъ, поднявъ голову: вы употребляете во зло мое терпѣніе.

— Соболаговолите выслушать меня до конца, спокойно возразилъ незнакомецъ: и вы же, ваше превосходительство, скажете мнѣ спасибо. Я пришелъ избавить васъ отъ большой непріятности.

Александръ Матвѣвичъ молча съелъ и устремилъ глаза на незнакомца.

— Мы... то есть я, продолжалъ послѣдній, открылъ такое дѣло, въ которомъ участвуетъ и сынъ вашъ, и дѣло весьма нехорошее.

И съ этими словами онъ подалъ Тучинову вчетверо сложенный листъ бумаги.

Александръ Матвѣвичъ съ любопытствомъ взглянулъ на бумагу.

— Можетъ ли быть! вскричалъ онъ внезапно.

— Велюверманно тавъ, ваше превосходительство.

— Мой сынъ!

— Предположительно, ваше превосходительство, если не однофамилецъ.

Тучиновъ уже не сомнѣвался. Онъ вспоминалъ о Литаревъ, котораго онъ встрѣтилъ съ сыномъ и который выдавалъ себя за пріятеля Николая. Судорожно сдѣлалъ Александръ Матвѣевичъ списокъ.

— Благодарю, сказалъ онъ: вы, точно, оказали мнѣ большую услугу...

— Радъ служить.

— Оставьте мнѣ этотъ списокъ.

— Съ моимъ удовольствіемъ.

— Напишите адресъ...

— Промышляющаго? Извольте, ваше превосходительство.

Незнакомецъ поставилъ шляпу на полъ и подошелъ къ письменному столу.

Пока онъ писалъ, Александръ Матвѣевичъ прохаживался взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи:

— Готово, ваше превосходительство.

Тучиновъ искоса посматрѣлъ на него и, доставъ изъ бу-
мажника ассигнацію, подаль ея ему..

— Не извольте беспокоиться, отвѣчалъ незнакомецъ, поклонившись и спрятавъ ассигнацію за подкладку шляпы. Постарайтесь, ваше превосходительство, уговорить Николая Александровича отстать отъ этихъ людей, а не то можетъ выйти непріятная исторія.

— Я могу поручиться за то, что сынъ мой не будетъ болѣе видѣть такихъ людей.

— Благое дѣло, ваше превосходительство: прошу прощенія за беспокойство.

Когда незнакомецъ ушелъ, Александръ Матвѣевичъ нѣсколько секундъ продолжалъ еще прохаживаться. Мало-помалу лицо его прояснилось; онъ даже улыбнулся.

— Николай—пьяница, проговорилъ онъ: кто бы могъ это угадать? Можно ли было предположить въ этомъ валомъ существовъ, въ этой рыбѣ, какую-нибудь страсть?... А у

него: должна быть страсть, но и онъ не гнушается знакомствомъ тайныя людини, такъ этого не случалось, котораго у него никогда... Глушесть! какъ будто бы наливъ провести время, не связываясь со оловочью?.. Надобно спросить его.

Александръ Матвѣевичъ позвонилъ.

— Попроси ко мнѣ Николая Александровича, если онъ дома, сказалъ онъ камердинеру.

— А я считалъ его почти ребенкомъ! говорилъ Тучиновъ, продолжая прохаживаться: я думалъ, что все шалости его ограничиваются елевыми парожками съ вареньемъ, бокаломъ шампанскаго, да лорнетированіемъ кисейныхъ платицъ кордебалетныхъ танцовщицъ...

— Сейчас будутъ-сь, доложилъ камердинеръ вернувшись.

— Онъ одинъ?

— Никакъ нѣтъ-сь; Катерина Васильевна у нихъ-сь.

— Кто? вскричалъ Тучиновъ такимъ грознымъ голосомъ, что камердинеръ вздрогнулъ.

— Ея превосходительство, отвѣчалъ онъ.

Александръ Матвѣевичъ неподвижно глядѣлъ на лакея. Онъ не приходилъ въ себя.

— Чтò она тамъ дѣлаетъ? произнесъ онъ, наконецъ, какъ бы невольно высказавъ свою мысль.

— Онъ плачуть-сь, отвѣчалъ камердинеръ.

— Хорошо, ступай! возразилъ Тучиновъ едва слышнымъ, задыхающимся голосомъ.

Минуту еще простоялъ онъ неподвижно, потомъ въ изнеможеніи опустился на стулъ.

Вся старанія, все соображенія его были тщетны!... То, чего онъ наиболее страшился, случилось... Мачиха и пасынокъ сблизилсь и, въ кругу собственнаго семейства его, противу него составляетъ заговоръ!

Это была единственная мысль, которую могла внушить ему совесть.

Кровь съ такою силою бросилась ему въ голову, что онъ испугался апоплексическаго удара. Физическое страданіе

побѣдило на минуту нравственное. Онъ поспѣшно вскочилъ, прошелся по комнатѣ и выпилъ стаканъ воды. Въ это самое время взоръ его упалъ на безъимянную записку, заключающую гнусный доносъ на Опухтина.

Александръ Матвѣевичъ схватилъ ее съ такою живостію, какъ будто бы собиралъ матеріалы, чтобы на цѣломъ свѣтѣ выместить свою ярость, и, не дожидаясь сына, скоро ушелъ со двора.

Карета отъѣзжала отъ крыльца, когда онъ сходилъ съ лѣстницы.

Нѣсколько минутъ спустя, Николай Александровичъ пришелъ на верхъ, но уже не засталъ отца.

ГЛАВА VII.

Что значить, коли почешется лѣвый глазъ.

У Захара Ивановича съ утра чесался лѣвый глазъ.

Онъ сообщилъ это важное событіе сестрицѣ.

— Передъ смѣхомъ, братецъ, отвѣчала она съ пріятной улыбкой.

Полный радостныхъ надеждъ, отправился Опухтинъ въ контору. Желая споспѣшествовать оправданію предсказанія лѣваго глаза, Захаръ Ивановичъ, занимаясь самыми серьезными счетами, улыбался, точно будто бы читалъ самую вольную главу изъ романа Поль-де-Кока; а когда писецъ, подшивавшій дѣла, неосторожно воткнулъ себѣ иголку въ палецъ, Захаръ Ивановичъ засмѣялся такъ добродушно, но вѣсть съ тѣмъ такъ благопристойно-тихо, какъ будто бы кто-нибудь провелъ по ноздрямъ его опушкой пера.

Время шло быстрее обыкновеннаго; по движенію, прерывавшему завѣтную конторскую тишину, по улыбкамъ, сіявшимъ на должностныхъ лицахъ, можно было угадать, что наступали дни, означенные въ календарѣ крестомъ, то

есть дни, въ которые вся служащая въ конторѣ могли нѣсколько погулять и отдохнуть.

Между служащими шли тѣже переговоры. Выходя отъ директора, они перемигивались, составляли группы и, по временамъ, до слуха младшихъ долетали отрывистыя слова:

— Онъ взбѣшенъ!

— Вѣрно поспорилъ съ компаніонами.

— Или получилъ неприятныя извѣстія.

Ряды конторскихъ ратниковъ начинали рѣдѣть. Кипы бумагъ и счетныхъ книгъ исчезали въ шкапахъ. Перья успокаивались. Число шинелей, шубъ и пальто въ швейцарской уменьшалось.

И Захаръ Ивановичъ, нарисовавъ на подкладкѣ однимъ почеркомъ гуся, страхнулъ чернила съ пера и, прѣжавъ усталый хребетъ къ спинкѣ стула, зѣвнулъ и потянулся съ благопрістойностью, не развѣвая слишкомъ рта и не отдаляя сжатыхъ кулаковъ отъ туловища, а приложивъ ихъ къ плечамъ.

Опухтинъ только что приступилъ ко второму зѣвку, когда къ столу его подошелъ сторожъ.

— Ваше! благородіе, сказалъ онъ, пожалуйста къ его превосходительству.

— Чтѣ? спросилъ Опухтинъ, проглотивъ зѣвокъ.

— Къ Александру Матвѣевичу пожалуйте.

Захаръ Ивановичъ поспѣшно вскочилъ, почистилъ рукавами фракъ и направилъ шаги къ двери кабинета, гдѣ занимался Тучиновъ. Онъ сидѣлъ у стола и перелистывалъ бумаги.

Захаръ Ивановичъ вошелъ и остановился въ приличномъ разстояніи.

Сторожъ затворилъ за нимъ дверь и приложилъ глазъ къ дырочкѣ, которая по какому-то случаю находилась въ дверн.

— Вы изволили *потребовать* меня, ваше превосходительство, произнесъ Захаръ Ивановичъ почтительно, но безъ робости.

Тучиновъ не отвѣчалъ, продолжая перелистывать бумагу.

Опухтинъ остановился въ несколько наклонномъ положеніи, точно актеръ, готовящійся пасть ницъ.

Величественное лицо Александра Матвѣевича было гнѣвно, брови нахмурены, пальцы судорожно перевертывали листки; видъ его былъ такъ торжественно-грозенъ, что Захаръ Ивановичъ непременно бы смутился, если бь, напримеръ, у него почесался не лѣвый, а правый глазъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе; наконецъ Тучиновъ подвинулъ голову, пристально посмотрѣлъ на Опухтина и спросилъ строгимъ голосомъ:

— Знаете ли вы, что такое честь?

Неожиданный вопросъ поставилъ Захара Ивановича въ затруднительное положеніе; не потому, чтобы онъ предвидѣлъ въ немъ предвѣстника грозы, а потому, что Захаръ Ивановичъ отъ-роду не пускался ни въ какія опредѣленія отвлеченныхъ понятій. Не желая, однако жь, прослыть немогузнайкой, онъ рѣшился отвѣчать утвердительно.

— Знаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ, между-тѣмъ какъ Александръ Матвѣевичъ опять занялся бумагами: честь, ваше превосходительство, это... то есть почтеніе, или какъ бы сказать...

Опять наступило минутное молчаніе.

— Не имѣете ли вы въ виду какого-нибудь мѣста? спросилъ Тучиновъ отрывисто.

У Опухтина подкосились ноги; онъ хотѣлъ отвѣчать, но языкъ не повиновался ему.

— Какого-нибудь мѣста повыгоднѣе, прибавилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Я... совершенно... доволенъ я... и... счастливъ.. проговорилъ, наконецъ, Опухтинъ, тихимъ голосомъ, какъ будто бы кто-нибудь давилъ ему шею.

— Я спрашиваю васъ, имѣете ли вы въ виду какое-нибудь мѣсто? сухо повторилъ Тучиновъ.

— Не имѣю, ваше превосходительство.

— Такъ ищите.

Захаръ Ивановичъ стоялъ, какъ пораженный громомъ. Мысли его такъ перепутались, что онъ рѣшительно не могъ придумать никакого возраженія на грозный договоръ Тучичова.

— Что же вы стоите? спросилъ послѣдній нетерпеливо; нечего вы не слышали, что я вамъ сказалъ?

— Ваше превосходительство, возразилъ, наконецъ Опухтинъ жалобнымъ голосомъ: осмѣлюсь доложить, что я ни тѣломъ, ни душой не виноватъ, и не заслужилъ такого оскорбленія....

— Почтеннѣйшій господинъ Опухтинъ, возразилъ Тучичовъ: изъ состраданія — слышите ли? Изъ одного состраданія, я даю вамъ возможность выступать изъ моего ведомства безъ стыда, безъ посямленія. Удовольствуйтесь же тѣмъ, что я вамъ сказалъ, и не напрашивайтесь на истину. Можете идти.

Совѣсть человѣческая странно устроена. Кромѣ нормальнаго своего состоянія она бываетъ еще либо черезчуръ жестока, либо сговорчива, либо вовсе равнодушна. Самый замѣчательный изъ этихъ случаевъ, второй; въ этомъ случаѣ совѣсть вовсе освобождается отъ влiянiя сердца и подчиняется одному разуму; но разуму большому, выраженному превратною, ложною философiею. Сговорчивость совѣсти объяснить не трудно: она есть непремѣнное, неизбежное слѣдствiе тѣхъ свѣтскихъ законовъ и дѣръ, вѣрнѣе, условiй, которыя создали челоуѣку особую жизнь, то есть особые дѣянiя о добрѣ и злѣ.

Человѣкъ, какъ созданiе Всевѣщнаго, одинаково совершененъ.

Не Богъ создалъ челоуѣка зломъ, а жизнь и люди.

Не Богъ отнял у челоуѣка совѣсть, а ложное воспитанiе исказило ее.

Не Богъ создалъ челоуѣка глупцомъ, а условiя свѣта обратили способности его на путь, имъ не предназначенный.

Но одного, ни люди, ни условiя свѣта, не заглушаютъ въ

человѣкъ, а именно *тайнаго голоса*, этого яснѣйшаго проявленія души.... эту истинную совѣсть

Ярость условной невинности есть борьба развращенной совѣсти съ неподкупнымъ тайнымъ голосомъ; борьба разсудка съ сердцемъ. Человѣкъ, по своимъ понятіямъ, считаетъ себя невиннымъ, а между-тѣмъ противъ его собственнаго, ложнаго убѣжденія возстаютъ двѣ силы: внѣшняя — обвиненіе; внутренняя — тайный голосъ.

Тайнымъ голосомъ я называю ту святую, свѣтлую, иъно справедливую частицу духа человѣческаго, сродняющую его съ Божествомъ.

Борьба двухъ силъ, внѣшней и внутренней, съ собственнымъ убѣжденіемъ, проявляется въ человѣкъ яростью, бѣшенствомъ.

Истинная невинность горда, спокойна.

Назовите честнаго чловѣка плутомъ, отъ отвѣтять вамъ презрѣніемъ.

Назовите умнаго чловѣка глупцомъ, онъ улыбнется.

Но препроводите каждый изъ этихъ эпитетовъ по принадлежности, и вы приобрѣтете непримиримаго врага, который будетъ преслѣдовать васъ съ яростью.

Отчего это?...

Отвѣтъ простой:

Бросьте зажженный факель въ воду—онъ погаснетъ.

Забросьте искру въ солому—она разгорится страшнымъ пожаромъ....

Чѣмъ болѣе тайный голосъ нашептывалъ Захару Ивановичу о лихоимствѣ, тѣмъ болѣе онъ разгорячался, на томъ основаніи, что первое, главное дѣйствіе его *одолженій* было добро, оказываемое ближнему. . . .

«Я беру проценты» — часто говаривалъ Захаръ Ивановичъ Кнутову: «ну, и беру! Такъ что же?»

Тучиновъ пристально взглянулъ на Захара Ивановича и спросилъ отрывисто:

— Даете вы деньги взаймы?

По тѣлу Опухтина пробѣжали мурашки. Этого вопроса онъ никакъ не ожидалъ. Онъ удивился бѣ-менѣе, если бѣ Ту-

чиновъ обвинилъ его въ душегубствѣ... Неблагодарные должникъ! вотъ какъ они заплатили Захару Ивановичу за его услужливость, *за ея же добро!*... Сердце благодѣтельнаго *ссудителя* закипѣло негодованіемъ, и онъ мысленно поклялся, что впредь никому не дастъ наличной единицы, — если не будетъ обезпеченъ по крайней мѣрѣ четырьмя документными единицами.

«Кто донесъ?» думалъ онъ. «О! знаю... знаю...»

— Я спрашиваю васъ, даете ли вы деньги займы? Что вы, оглохли? повторилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Даю, ваше превосходительство, отвѣчалъ Опухтинъ, ободрившись.

— Такъ изготуйте къ Фоминой недѣль прошеніе объ увольненіи, сказалъ Тучиновъ.

Захаръ Ивановичъ обѣими руками оттянулъ внизъ застегнутый фракъ, поклонился и вышелъ.

— Зачѣмъ васъ требовалъ Александръ Матвѣевичъ? съ любопытствомъ спрашивали Опухтина товарищи.

— Звалъ къ себѣ разговѣться, угрюмо отвѣчалъ Опухтинъ.

Сослуживцы засмѣялись; одинъ изъ нихъ, отличавшійся особеннымъ остроуміемъ, замѣтилъ:

— То-то вы такую постную физиономію скорчили!

Опухтинъ, не отвѣтивъ ничего, ушелъ домой.

— Вотъ тебѣ и лѣвый глазъ! ворчалъ онъ дорогой: бабы-сказки... суевѣріе! А кто его знаетъ, можетъ-быть чесался правый глазъ?... А вотъ постой, Николай Александровичъ, почешутся у тебя оба глаза.... Тьфу! какалъ напасть.

Катерина Васильевна съ радостною надеждою съѣла за столъ, но—надежда ея не сбылась.

Никогда еще Александръ Матвѣевичъ не былъ такъ холоденъ, такъ суровъ съ сыномъ, какъ въ этотъ день. Онъ не упомянулъ ни разу о свиданіи мачихи съ пасынкомъ, но когда между ними противъ обыкновенія завязался дружескій разговоръ, Александръ Матвѣевичъ, не дообѣдавъ, ушелъ изъ столовой, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно поговорить съ докторомъ, о приходѣ котораго доложилъ лакей.

Катерина Васильевна и Николай поменялись грустными взглядами.

Губерншица съехала этотъ взглядъ на лету и въспро-
улыбнулась...

Почтика спусти Николай Александровичъ, возвращаясь къ себѣ и проходя черезъ прихожую, слышалъ, какъ Федоръ Ивановичъ, прощаясь съ Александромъ Матвѣевичемъ, гово-
рилъ:

— Помните, ваше превосходительство, что я побезво-
конлъ васъ, но... дело касается счастья моей дочери...

Докоръ затворилъ за Николаемъ Александровичемъ дверь, и онъ не слышалъ окончанія рѣчи доктора.

ГЛАВА VIII.

Опять незнакомецъ.

День былъ ясный, свѣтлый.

Синьга встала; солнце и легкій вѣтеръ осушили пото-
вые и стукъ колесъ экипажной возницы съ наступленіемъ
весны.

Со всехъ концовъ города конулись длинными веренищами
толпы народа и все по одному направленію, какъ бы вра-
тисвеннымъ магнитомъ къ одному, общему центру.

Центръ этотъ находился на адмиралтейской площади; тамъ
стройныя группы сливались въ одну густую массу, шумную,
живую, окантованную тройнымъ или четвернымъ бордюромъ
разнородныхъ экипажей. Надъ толпою высились рядъ ба-
лагановъ, уродливыхъ, тяжелыхъ, безукосныхъ шалаши,
не встрѣтившихъ еще водяго, который рѣшился бы, шпо-
нонь, придать имъ болѣе изящныя формы, не умевая ра-
сходошь.

Къ сомалтию, всяма немногіе архитекторы узиють ст-
лечать изящество отъ великошпія, и оттого послѣднее
встрѣчается горадо чаще въ эдавіяхъ; немолн перее.

Неудивительно: для великодушна нужна средства, которыми можно выйдти у всякаго нажимающегося лебезника; для излещства нужна бездблиця—вкусъ.

Въ послдней день шредваго праздника, часу въ четвертомъ, когда солнце бросало уже краснотыя, прощальныя лучи на шницъ адмиралтейской башни, за балаганомъ Легата, отличававшаяся своею громадностью, остановилась црцва, докторская линейка, въ которой сидли мужчина пожилыхъ лтъ въ теплой шинели и молодая дѣвушка въ шелковомъ кашотѣ, бархатной шляпкѣ и съ собольей муфтой.

Послѣ семейнаго разговора, Федоръ Ивановичъ болве прежняго сблизился съ дочерью. Завтвивъ грусть молодой дѣвушки и опасаясь влганія Юлія Карловны, онъ старался доставлять Аннеттѣ всевозможныя развлечения. Онъ сталъ посщать съ нею концерты и театры. Юлія Карловна оставалась дома. Серьозная, положительная курляндская дворянка витала холодное равнодушіе ко всему, въ чемъ не видела прямой пользы. Литераторовъ, живописцевъ и музыкантовъ цзывала она львтами, тунедцами; актера казался ей прокаженнымъ...

Федоръ Ивановичъ помогъ Аннеттѣ сойдти съ линейки и, обратившись къ мучеру, сказалъ:

— Абрамъ, встань на углу Гороховой, чтобы тебѣ видно было, когда мы выйдемъ. Пойдемъ, Анцелька, прибавилъ онъ, обратившись къ молодой дѣвушкѣ.

Свободно пришли они къ балагану, лишенному наружной заманчивости и не собиравшему вокругъ себя доброй толпы зваакъ.

Въ то же время за изгородкой остановились дрожки, съ которыхъ соскочилъ молодой человекъ въ щегодьскомъ пальто. Не спуская глазъ съ доктора и дочери его, онъ также вступилъ на площадь и, пройдя за карусель, на которой раздавалось разгульное завыванье рожка, остановился. Замѣтивъ, въ какія мѣста вошелъ Федоръ Ивановичъ, молодой человекъ посщшно обошелъ балаганъ Легата и, взявъ билетъ, вошелъ съ другой стороны.

Балаганъ былъ уже полонъ.

Началось представлѣніе. Пьеро дурачился, Арлекинъ прыгаль, Коломбина жеманилась, вублика хохотала, музыканты фальшивили.

Изъ ста зрителей едва ли одинъ имѣлъ ясное понятіе о томъ, что ему показывали; изъ пяти зрителей четверо называли Арлекина *арапомъ*, Пьеро *папрцомъ* или *мельникомъ*.... Только волшебника да чертенковъ всѣ признавали единогласно.

Жаль, что до-сихъ-поръ никому ни пришло въ голову давать въ балаганахъ народныя или, пожалуй, простонародныя представлѣнія, въ родъ *Филатки и Мирошки, Рекрутскаго набора*, и тому подобныхъ. При одномъ названіи этихъ пьесъ наши доморощенные, подслъповатые Прометей, принимающіе тускло горящіе фонари за небесный огонь,жимаютъ плечами.

— Филатка и Мирошка! Фи, какая вульгарность!

Повѣрьте, господа, что эти *вульгарности* несравненно выше дикой философической галиматъи, водянистыхъ стихосплетеній или французскихъ водевилей, передѣланныхъ на русскіе нравы.

И галиматъя, и стихосплетенія, и заморскіе водевилы стоятъ на одной чертѣ съ загадочными арлекиадами.

Пестро, хитро, забавно, но—пусто. Оболочка есть, но это оболочка мыльнаго пузыря....

Представленіе продолжалось. Музыка заиграла торжественный маршь. Дикое мѣстоположеніе превратилось въ великолѣпный храмъ. Бенгальскіе огни пылаютъ; фольга блеститъ. Яркое красное пламя освѣщаетъ небритые подбородки геніевъ и придаетъ имъ видъ людей, выходящихъ изъ бани. Благодѣтельная фея, разсудивъ, что пора открыть двери новымъ цѣлковымъ, принимаетъ подъ свое покровительство Коломбину и Арлекина.

Картина.

Занавѣсъ опускается. Двери растворяются.

Молодой человекъ въ щегольскомъ пальто, занявшій мѣсто съ края, вышелъ одинъ изъ первыхъ и остановился въ

проходѣ, отступивъ нѣсколько въ сторону, возлѣ самаго выхода.

На дворѣ между тѣмъ смерклося.

Медленно выходили зрители, и мало-по-малу толпа рѣдѣла. Наконецъ показались докторъ и дочь его.

Сердце молодого человѣка дрогнуло; онъ послѣшно ступилъ шагъ впередъ, но въ то же мгновеніе между нимъ и молодою дѣвушкою явилась сѣрая шинель, съ широкими, поднятыми плечами. Въ первую минуту досады молодой человѣкъ чуть не оттолкнулъ сѣрую преграду въ сторону, и въ рукѣ его, опущенной въ карманъ, что-то зашелестило, какъ будто бы она судорожно имала бумагу.

Сѣрая шинель прошла, но новыя лица отдѣляли молодого человѣка отъ Аннеты.

Она приближалась съ отцомъ къ выходу, до котораго оставалось два-три шага.

Безпокойство выразилось на лицѣ молодого человѣка; онъ опять ступилъ впередъ... но Федоръ Ивановичъ обернулся, и—молодой человѣкъ опять исчезъ въ тѣни.

— Какая досада! сказалъ докторъ, подымаясь на цыпочки и осматриваясь: Абрама не видать; куда онъ опять заѣхалъ... Абрамъ!... Абрамъ!....

Но стукъ колесъ, крики кучеровъ, извозчиковъ, заглушили голосъ Федора Ивановича.

Онъ начиналъ сердиться.

— Подождите, папенька, сказала Аннета: Абрамъ подѣдетъ, когда всѣ разойдутся.

— Когда всѣ разойдутся; нетерпѣливо возразилъ докторъ, тогда подѣдутъ другіе экипажи и нахлынутъ зрители на слѣдующее представленіе... Какая досада! какая досада!... Пять часовъ... Я проголодался... Абрамъ!... Посмотри, Аннета, не увидишь ли ты его?

— Не вижу, папенька.

— Гм!... я говорилъ ему, чтобы онъ остановился на углу Гороховой, ворчалъ докторъ сердито: Аннета, подожди здѣсь, другъ мой; Я пойду, отыщу его.

— Осторожнее, папешка, не попадите под лошадей....

— Не бойся, не бойся; ностой здѣсь, я сейчас вернусь. Федоръ Ивановичъ ушелъ. Публика разошлась.

Аннета и молодой человѣкъ остались одни.

Во омиданіи отца Аннета прислонилась къ столбу, къ которому была прирѣплена дверь и такимъ образомъ обернулась спиною къ молодому человѣку, котораго не замечала.

Послѣдній вынулъ изъ кармана письмо, протянулъ его къ стоявшей передъ нимъ молодой дѣвушкѣ, но остановился въ нерѣшимости. Рука его дрожала, онъ колебался....

Но каждая секунда была дорога. Федоръ Ивановичъ могъ вернуться. Къ кассѣ подходили уже новые зрители.

Собравшись съ духомъ, молодой человѣкъ дрожащею рукою сунулъ письмо въ муфту Аннеты.

Она вздрогнула, оглянулась, и, въ одно время, замѣтивъ и записку, и молодого человѣка.

— Что это? спросила она, отступивъ съ испугомъ.

— Ради Бога, прочтите это письмо, произнесъ молодой человѣкъ дрожащимъ, умоляющимъ голосомъ.

Аннета узнала этотъ голосъ сердцемъ, въ которомъ онъ пробудилъ грустные воспоминанія.

— Возьмите назадъ ваше письмо, возразила она безъ гнѣва, но рѣшительно и протянувъ муфту нѣсколько впередъ, какъ бы не желая даже коснуться до письма.

— Я далъ вамъ слово болѣе не писать, но вамъ угрожаетъ несчастье... Прочтите, умоляю! съ живостію произнесъ молодой человѣкъ.

— Берите же письмо! повторила Аннета рѣшительнѣе прежняго.

— Не возьму! съ сердцемъ возразилъ молодой человѣкъ; ваши родители изъ корыстолюбивыхъ видовъ....

Онъ не договорилъ. Аннета поспѣшно выдернула руку изъ муфты, письмо выпало, а молодая дѣвушка вышла на улицу.

— О, это жестоко!... вскрывать молодой человекъ, не обращая вниманія на людей, собиравшихся уже у входа.

Онъ поднималъ письмо, разорвалъ его пополамъ и бросилъ клочки на улицу, такъ что Аннета могла видеть ихъ.

— Богъ съ вами! произнесъ молодой человекъ, проходя мимо Аннеты: — у васъ нѣтъ сердца!... Желаю вамъ счастья, madame Опухтинъ!....

И съ этими словами онъ поспѣшно пошелъ черезъ улицу.

Слезы негодованія брызнули изъ глазъ молодой дѣвушки, но она даже не оглянулась.

Въ эту самую минуту подѣхалъ Федоръ Ивановичъ, отыскавъ своего кучера, загнаннаго къ самому забору Исаиѣ.

Ланейка доктора уѣхала.

Отъ толпы, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа или выхода, у котораго происходила вышеописанная сцена, отдѣлился какой-то мужчина и поспѣшно поднималъ обѣ половины письма, брошеннаго молодымъ человекомъ на улицу.

— Давай Богъ больше! проговорилъ этотъ мужчина, спрятавъ письмо: по этимъ векселямъ Таничка платитъ наличными!... Пожуйруешь!....

.....

Послѣ обѣда Аннета ушла въ свою комнату. Тамъ она долго и горько плакала.

Она страдала... За что?

Въ жизни молодой дѣвушки не было ни малѣйшаго пятна, сердце ея было чисто — за что же она страдала?...

Это непостижимое, по видимому, противорѣчье мы встречаемъ довольно часто въ жизни, и — слабые или эгоистическіе умы основываютъ на немъ гордую систему безвѣрія.

Говорю *гордую*, потому что всякое дѣяніе, всякое проявленіе гордости ложно, несправедливо, несущественно.

Тамъ и въ этомъ случаѣ.

Мнимое противорѣчье, заключающееся въ незаслуженномъ наказаніи можно объяснить весьма просто, — самую

ясною, древнѣйшею философіею, выводы которой сдѣлались достояніемъ цѣлаго міра въ видѣ пословицъ и поговорокъ.

Два изъ послѣднихъ рѣшаютъ задачу:

Нѣтъ худа безъ добра.

Все къ лучшему.

Какъ часто человекъ, жаловавшійся вчера на неприятность, радуется ей сегодня и называетъ ее счастіемъ, потому-что она избавила его отъ бѣды.

Но бываютъ случаи, болѣе важные, когда отъ человека скрываются благодѣтельные послѣдствія мнимаго зла, и онъ ропщетъ, жалуется....

Такъ и въ философически-религіозномъ смыслѣ мѣняются понятія о добрѣ и злѣ.

ГЛАВА IX.

Еще понятіе, отсталое отъ вѣка: Праздность мать порока.

Въ тотъ же день, въ десятомъ часу вечера остановилась извозничья карета у воротъ знакомаго уже намъ дома, гдѣ часто бывалъ Лихаревъ, по вечерамъ.

Домъ, по обыкновенію, былъ мраченъ; только половина втораго этажа была освѣщена.

Изъ кареты вышелъ мужчина высокаго роста, закутанный въ шинель. Онъ остановился на троттуарѣ и осмотрѣлся.

Необыкновенный шумъ тяжелаго экипажа вызвалъ за ворота дворника.

— Это домъ Путинова? спросилъ мужчина, вышедшій изъ кареты.

— Путинова, отвѣчалъ дворникъ.

— Здѣсь отдается квартира? продолжалъ мужчина, за-мѣтивъ билеты, приклеенные къ окнамъ перваго этажа.

— Отдается.

— Покажи мнѣ ее.

— Какой теперь *показать!* возразилъ дворникъ, недовѣрчиво посмотрѣвъ на незнакомца. Кто ночью смотритъ фатеры?

— Я увѣжаю въ эту ночь и возвращусь черезъ недѣлю, съ досадой возразилъ незнакомецъ. Если квартира мнѣ понравится, такъ я прямо прѣвду сюда.

— Нѣтъ, баринъ, эта фатера не по васъ; она давно не крашена и сырость такая, что бѣда! И ходъ нехорошій....

— Бери сейчасъ фонарь! съ сердцемъ вскричалъ незнакомецъ, — или я поѣду къ хозяину!

Дворникъ заворчалъ, но послѣдняя угроза заставила его повиноваться. Онъ спустился въ свой мрачный, сырой, грязный подвалъ и вернулся съ фонаремъ и ключами.

Не переставая ворчать, направилъ онъ шаги къ узкой, сырой лѣстницѣ.

Незнакомецъ пошелъ за нимъ.

Они дошли до двери пустой квартиры. Дворникъ, поставивъ фонарь на площадку, сталъ прибирать ключъ.

— А выше, тоже пустая квартира? спросилъ мужчина высокаго роста.

— Зачѣмъ пустая? возразилъ дворникъ, продолжая при-бирать связку ключей: не пустая, а занятая.

— Кто тамъ живетъ?

Дворникъ не отвѣчалъ, съ упрямствомъ русскаго мужичка сляясь воткнуть въ небольшую замочную скважину ключъ съ огромной бородкой.

— Не лѣзетъ, прахъ его возьми! проворчалъ онъ, принимаясь, наконецъ, за другой ключъ.

— Кто живетъ на верху? повторилъ незнакомецъ.

— Жилецъ живетъ... вѣстимо!... Лѣшій его знаетъ, куда онъ забился, продолжалъ онъ ворчать на ключи: съ виду доложёнъ быть этотъ... попробую еще разъ, авось пользетъ.

И онъ опять принялся за ключъ съ огромной беродкой.

— Оставь, любезный, сказалъ незнакомецъ, перывшій, по видимому, терпѣніе: Я лучше останусь до утра и зайду завтра... Спасибо, вотъ тебѣ за труды.

Серебрянная монета, сопровождавшая послѣднія слова, внезапно разсыпала дурное расположение духа дворника и въ то же время, когда онъ правою рукою принималъ монету, лѣвая почтительно, сняла съ головы его шапку.

— Благодаримъ некорне, ваше высокоблагородіе, сказалъ дворникъ: повремените еще маленько, я сбѣгаю еще за другими ключами...

— Нѣтъ, я зайду завтра утромъ... Кто же живетъ на верку?

— На верку-то, ваше высокоблагородіе?... Тамъ живетъ господинъ Корюшкинъ.

— Онъ живетъ на верку, до этой лѣстницы? съ жадностію спросилъ незнакомецъ.

— Вотъ тутъ сейчасъ... только две лѣсенки видныяся. Нѣчто изволите знать его?

— Мнѣ Корюшкинъ большой пріятель, да не знаю гдѣ ли... Иванъ Ивановичъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе. Никитъ-Игнатьичъ.

— Можетъ быть родственникъ... Посвѣти мнѣ на верку... Онъ, я думаю, дома?

— Дома, дома!

— Не спитъ?

— Куды!... У него гости. Пожалуйте, ваше высокоблагородіе.

Минуту спустя дворникъ стучался кулакомъ въ дверь квартиры втораго этажа.

Служанка встрѣтила позваннаго гостя своимъ обычнымъ:

— Кого тамъ чортъ еще несетъ? — и, по рекомендаціи дворника, пустила незнакомаго.

Послѣдній, не смывая шинели, повелъ прямо къ двери, за которою слышались промкіе галаса.

Въ сосѣдней комнатѣ происходила страшная суматоха.

У *гостеприимного* Никифора Игнатьевича Корюшкина, по обыкновению, собрались приятели, чтобы съ *полагою* провести время. Въ числѣ этихъ пріятелей находились Борисъ Астафьевичъ Лихаревъ и Николай Александровичъ Тушмановъ.

Последній явился опять въ этомъ обществѣ послѣ двухмѣсячнаго отсутствія.

Примиреніе съ мачихою имѣло на Николая благотворное вліяніе: оно пробудило въ сердцѣ его болѣе чистыя, благородныя ощущенія и почти заглушило страсть его къ игрѣ.

Характеръ и причины этой страсти замѣчательны. Съ самаго малолѣтства Николая, сердце его подвергалось разнымъ испытаніямъ. Они притупили, такъ сказать, способность его ощущать.

Во время оно это притупленіе было въ большой модѣ подъ названіемъ *разочарованія*.

Николай, въ сущности, былъ разочарованъ, что доказывалось уже тѣмъ, что онъ самъ не сознавался въ этомъ разочарованіи. Первые, дѣтскія ощущенія его были такъ сильны, что оставили въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. Еслибъ обстоятельства не пресѣкали възвѣжныхъ, сладостныхъ ощущеній его въ самомъ цвѣтѣ ихъ, еслибъ безпрестанныя преграды не раздражали ихъ, то они достигли бы великаго развитія; и, покоряясь закону природы, цвѣтакъ превратился бы въ плодъ, — плодъ зародилъ бы семя.

Но — жизнь Николая развилась иначе. Промедливое его дѣтство изъ однихъ цвѣтковъ, сорванныхъ со стебля, сохранившихся въ сердцѣ, сжатою горестію, и представлявшихъ въ настоящемъ одни сухіе, безцвѣтныя, безароматныя, безобразныя остовы....

Еслибъ природа маршала Николаю сильное, мощное сложеніе отца его, то чувственыя наслажденія заглушили бы въ немъ *плотинки*; но онъ былъ одаренъ немногимъ, почти слабою организациею; духъ преобладалъ въ немъ надъ плотію. Мимолетное увлеченіе послѣдней оставило въ немъ омерзѣніе и раскаяніе.

Обстоятельства детства Николая положили основаніе душевной пустотѣ, разочарованію—нравственной болѣзни, доводящей человека до самоубійства. Послѣдствія жизни его развили эту болѣзнь.

Николай вступилъ на службу. Ни быстрое повышеніе, ни награды не льстили ему. Онъ оставался равнодушнымъ, потому-что все доставалось ему слишкомъ легко, безъ труда, безъ усилій.

Онъ пренебрегалъ службой, предавался удовольствіямъ, сначала съ жаромъ, но потомъ все холоднѣе и холоднѣе, потому-что ни въ чемъ не встрѣчалъ препятствій.

— Чудакъ! сказалъ однажды Александръ Матвѣевичъ Николаю, когда онъ при отцѣ проигралъ значительную сумму денегъ: ты долженъ былъ держаться червей.

И—чѣмъ легче жилось Николаю, тѣмъ тягостнѣе была для него жизнь.

Препятствіе—первая приправа жизненныхъ наслажденій; только тотъ, кто страдалъ, можетъ быть истинно счастливъ.

Николай Александровичъ инстинктивно и, желая пополнить душевную пустоту, ища ощущеній, чтобы избавиться отъ тягостнаго томленія, въ которомъ изнывало сердце его, создалъ себѣ искусственную, такъ сказать, жизнь.

Въ одномъ изъ ресторановъ познакомился онъ съ Лихаревымъ, который самъ, какъ казалось, старался сблизиться съ нимъ. Нѣсколько карикатурная, жестокая, размахистая натура Корюшкина понравилась молодому человеку точно такъ, какъ вкусу, притупленному французскими соусами, нравится иногда добрая тарелка крестьянскихъ щей и ломоть ржаного хлѣба.

Лихаревъ завлекъ своего новаго пріятеля въ свою комнату *лихихъ мальчъ*, которые любили иногда въ *картишки поиграть*.

Фамиллярность Корюшкина, грубые приемы лихихъ мальчъ произвели сначала на Николая непріятное впечатленіе; но мало-по-малу онъ привыкъ къ нимъ. Потомъ разыгралось праздное воображеніе, съ жадностію ис-

какое-то таинство и Николай едва-едва игралъ, противъ своей воли, и только потому, что въ таинственности, которою сопровождалась игра, въ лицахъ и предметахъ, окружающихъ ее, онъ нашелъ, по своему мнѣнью, часть рѣзкихъ ощущеній, возмущившихъ, наконецъ, унылую, томительную гладь безцвѣтной жизни его.

Мало того; будучи совершеннолѣтнимъ, онъ могъ вполне располагать имѣнiемъ, доставшимся ему въ наследство отъ матери; онъ могъ располагать имъ тѣмъ свободнѣе, что никогда Александръ Матвѣевичъ не требовалъ отъ него отчета въ израсходованіи полученныхъ денегъ. Создавъ же себѣ страсть, Николай старался окружить ее затрудненіями и препятствіями: онъ сталъ занимать деньги съ таинственностью, правившеюся праздному воображенію его, и добровольно подвергался всѣмъ безпокойствамъ и непріятностямъ бѣдняковъ.

Создавъ себѣ такимъ образомъ заботы и безпокойства, Николай былъ счастливѣе...

Общественныя условія поставили его въ такое положеніе, что онъ имѣлъ право быть празднымъ; но инстинктъ его возмущался противъ праздности; она была ему въ тягость.

Чтобы выйти изъ нея, нужно было привести въ дѣйствіе двѣ силы: умъ и сердце.

Умъ Николая находился въ уныленіи, въ апатіи: воспитаніе не дало ему той первоначальной пищи, которая вѣчно возбуждаетъ въ немъ новыя требованія и приучаетъ его къ дѣятельности; общественныя обязанности не требовали отъ него никакихъ усилій.

Грустныя обстоятельства рано пробудили сердце Николая; не вникая въ тайны сердца, Николай познакомился только съ поверхностными, такъ сказать, ощущеніями его; въ нихъ заключалось для него добро и зло жизни, и пробужденіемъ ихъ, какими бы то ни было средствами, ограничилась дѣятельность его.

Принимая съ дачной пробудило! въ сердце, долготы природы болѣе естественна, безгрозная, опухшая и згра была забыта.

Подвергъ педан Николай Александровичъ не замалъ зался у Коронкида. Въ воскресные, вечера перады Боинной педальей, онъ встрѣчался съ Лихаревымъ.

Николай Александровичъ былъ разстроенъ, возмолванъ. Лихаревъ съ участіемъ осведомился о причинъ его волненія. Николай не отвѣчалъ, но, казалось, обрадовался встрѣчъ съ Богданомъ Астафьевичемъ и пригласилъ его съ собой обѣдать, съ тѣмъ однако жъ условіемъ, чтобы Лихаревъ пошелъ съ нимъ въ настоящій русскій трактиръ.

— Люблю! вскричалъ не служащій дворянинъ: то есть ты, Николинъка, душа моя, настоящій патриотъ, а не божура каной! Пойдемъ, я тебѣ покажу трактиру, гдѣ русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ!... Фрикаделекъ не требуй, за то соланка—деликатесь!...

Борисъ Астафьевичъ повелъ Тучинова въ свой любимый трактиръ, на углу двухъ улицъ.

Русскій духъ отбилъ у Николая послѣдній аппетитъ. Онъ вочти ничего не ѣлъ, но за то тѣмъ чаще прибѣгалъ къ травничку, о которомъ дотоле не пилъ никакого понятія. Утоленіе жажды крѣпкими напитками возбуждаетъ жажду. После шестого ланча, Тучиновъ смилъ водку шампанскаго.

Голова Николая кружилась, вкусъ вина былъ ему противенъ, но онъ пилъ и пилъ, какъ бы стараясь загнѣть тѣное горе...

Было темно, когда Тучиновъ и Лихаревъ вышли изъ трактира, первый спотыкаясь и придерживаясь стѣны, второй напивая громкимъ голосомъ:

Ужъ какъ вѣтъ вѣтерокъ,
Изъ трактира въ погребокъ!

— Куда теперь? спросилъ Лихаревъ, поддерживая Николая.

— Шинявский! прозорчалъ послѣдній.

Борисъ Александровичъ извинулъ что-то изъ устъ молодому шороху.

— Вдѣнь! закричалъ послѣдній, нахвувъ рукою вѣдѣнь!
Извошникъ, вези вѣдѣнь...

— Сторонись, кошмаръ, давай идуть, перебилъ его Лихаревъ, и оба откачнулись въ сторону.

Минуту спустя подошла извошникъ.

Полтора часа спустя, неразлучные въ этотъ вечеръ пріятель заглянулъ къ Корюшкину.

Лихаревъ былъ красенъ какъ ружь, но, казалось, протрезвился. Николай былъ растрепанъ; манишка его была наиза, пыльный платокъ повязанъ съ боку; золотой булавы уже не было.

Тучиновъ былъ блѣднѣе; темносиніе глаза его приняи сарый, узкій, болезненный цвѣтъ; выраженіе въ было бы бессмысленно, если бы брови надъ нимъ не были сдвинуты. Походка его была нетверда; онъ задѣвалъ за столы и стулья.

Николай отгнчалъ отрывисто на радостныхъ пріятелей карточныхъ пріятелей.

— Давайте играть!... играть хочу! вскричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу такъ, что на немъ задрожали фишки.

Одинъ изъ игроковъ икнулъ Корюшкину.

Явились новыя карты. Началась игра.

Тучиновъ проигрывалъ.

— Basta! вскричалъ одинъ изъ игроковъ, выигравъ порядочную сумму: я больше не играю.

— Отчего? угрюмо спросилъ Тучиновъ.

— Разсчитаемся сперва.

— Николай опустилъ руку въ боковой карманъ. Бумажникъ его былъ пустъ; въ кошелекъ было нѣсколько мелкой монеты.

— Запишите, сказалъ Тучиновъ отрывисто: завтра разсчитаемся. У меня нѣтъ съ собой денегъ.

— Извольте, холодно возразилъ игрокъ: не, позвольте вамъ замѣтить, что безъ денегъ за карты не сядутся....

— Что-о-о? произнесъ протяжно Николай, еще болѣе разгоряченный стаканомъ хрипкаго пунша.

Игрокъ пожалъ плечами и не отвѣчалъ.

— Сдавайте, сказалъ ему Тучиновъ повелительно.

— Я больше не играю.

— Сдавайте, говорятъ вамъ! закричалъ Николай.

— Разсчитайтесь сперва.

— Полноте, господа, полноте! вскричалъ Лихаревъ: изъ пустяковъ ссору затѣваете.... Коля, душечка!... Миша, дружокъ!...

— Онъ мнѣ не вѣрить! закричалъ Николай задыхающиясь голосомъ. Я требую, чтобы онъ продолжалъ игру!...

— Полно, Коля!... Миша, сколько ты выигралъ? Говори, я тебѣ сейчасъ отсчитаю денежки.... Да я за Колю душу отдамъ.... Я ему вѣрю какъ червонцу! Получай, Миша, получай!

Борисъ Астафьевичъ замаялъ ссору, обнялъ Николая, принесъ ему новый стаканъ пунша, далъ затянуться изъ своей трубки, и игра продолжалась.

Николай Александровичъ молчалъ, пилъ пуншъ и изъ-под лобья глядѣлъ на игрока, котораго Лихаревъ называлъ фамильярно Мишей.

Николай постоянно проигрывалъ; во время ссоры на щекахъ его выступилъ легкій румянецъ, но теперь лицо его поблѣднѣло пуще прежняго. Онъ не спускалъ глазъ со своего выигрывавшаго противника и, по временамъ, рука его судорожно сжимала стаканъ.

Вдругъ Николай вскочилъ. Глаза его сверкали, губы дрожали.

— Стой! закричалъ онъ съ бѣшенствомъ своему противнику: ты плутуешь!...

Миша тоже вскочилъ и, поспѣшно бросивъ и смѣшавъ карты, отвѣчалъ:

— Плутуетъ тотъ, кто играетъ безъ денегъ, на фу-фу!
Лихаревъ остановилъ ссору.

— Смирно! не шалить! закричалъ онъ: это гомеопатія! Языкомъ болтай, а рукавъ воли не давай!

Николай между-тѣмъ опомнился.

— Оставьте, Борисъ Астафьевичъ, произнесъ онъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ. Чувство приличія и уваженія къ самому себѣ пробудилось въ немъ. — Оставьте, Борисъ Астафьевичъ, мы рассчитаемся съ ..... съ этимъ господиномъ.

— Николай Александровичъ, произнесъ Корюшкинъ съ натянутымъ достоинствомъ: вы обидѣли не только Михаила Васильевича, но и меня, и всѣхъ моихъ гостей....

— Я готовъ дать вамъ всѣмъ удовлетвореніе, отвѣчалъ Николай гордо.

— Что касается до меня, возразилъ Корюшкинъ, не только не понимая, но даже не угадывая смысла словъ Николая, то я не претендую на васъ.... Мало-ли что человекъ въ горячности отпустить....

— Не въ моей горячности дѣло, возразилъ Николай, бросивъ на Михаила Васильевича взглядъ, исполненный ненависти: я васъ обидѣлъ, слѣдовательно извольте выбирать оружіе.

— Чего-съ?... Чего-съ?... произнесъ Корюшкинъ протяжно.

Наступило минутное молчаніе. Вдругъ всѣ присутствовавшіе, исключая Тучинова и Лихарева, громко захохотали.

— Никифоръ Игнатьичъ! закричалъ Миша, подайте ундовникъ. Мы сразимся!

— Лучше метлу, чтобы соръ изъ избы вымести! замѣтилъ другой гость.

— Пошлите ко мнѣ; у меня есть старое ружье безъ курка!

И за каждымъ предложеніемъ слѣдовалъ громкій хохотъ.

— Мерзавцы! вскричалъ Николай Александровичъ, съ яростію сжавъ спинку стула.

— Чья-е? Что-е? Чья? восклицалось со всей силой, и все грозно подступило къ молодому человеку.

Последній стоялъ неподвижно. Огъ протрезвился. За негодованіемъ, браниствомъ, послѣдовало чувство невыразимаго омерзения... Стыдъ и раскаяніе овладѣли имъ...

Вдругъ дверь открылась.

На порогъ явился мужчина, намареванный нахальствомъ и кривоту.

Изъ-за него выглядывало краснощекое лицо женщины, которая прежде не показывалась, привыкнувъ, вероятно, къ подобнымъ сценамъ.

Корюшкинъ и гости его внезапно отступили отъ Николая Александровича, а онъ остался въ прежнемъ положеніи, не поднявъ даже глазъ.

При видѣ незнакомца, Лихаревъ схватился за усы, подиавъ плечи и скорчилъ гримасу...

— Чтѣ вамъ угодно? спросилъ хозяинъ, идя на встрѣчу незнакомцу, остановившемуся на порогѣ.

Незнакомецъ не отвѣчалъ, продолжая осматривать присутствовавшихъ.

— Ага! произнесъ онъ, наконецъ, увидѣвъ Лихарева: и вы здѣсь? Стало-быть я не ошибался.....

При этихъ словахъ, Николай быстро поднялъ голову.... Сердце его судорожно сжалось.... Ужасъ выразился на лицѣ.

— Точно такъ, отвѣчалъ между-тѣмъ Борисъ Астаховичъ, расшаркиваясь, точно такъ.....

Хозяинъ перебилъ его.

— Позвольте узнать, милостивый государь, спросилъ онъ съ сердцемъ: чтѣ вамъ.....

Корюшкинъ не договорилъ. Спина его внезапно согнулась, ноги подкосились, голосъ замеръ.

Незнакомецъ распахнулъ шинель. Эффектъ этотъ былъ, вѣроятно, придуманъ. На груди его блеснула звезда.

Посреди наступившаго молчанія, слышался только голосъ Лихарева, не терпящаго присутствія духа.

— Точно такъ, ваше превосходительство, говорилъ онъ:

выходились иногда въ кругу добрыхъ пріятелей.... вся душа въ душу.... Сидятъ-ся, хе, хе, хе!

— Играть въ карты? произнесъ холодно отецъ Тучинова.

— Таки-ся.... нуры пасе ле такъ, какъ говорится, по маленькой.... по самой маленькой.... знаете такъ, чтобы только заинтересовать....

— А знаете ли, чему подвергаются игроки?...

— Прогрышу, отвѣчалъ Лидаревъ, закинувъ руки на спинку.

Александръ Матвѣевичъ пристально и грозно взглянулъ на не служащаго дворянина, но послѣдній смѣло вынесъ этотъ взглядъ, не мигнувъ даже глазомъ; только брови его слегка сдвинулись.

— Ваше превосходительство, произнесъ наконецъ дрожащимъ голосомъ хозяинъ, опуская голову ниже и ниже къ полу; не позволяйте предполагать чего-либо.... одна забава....

Прочіе игроки осматривались, какъ бы убраться. Но Тучиновъ стоялъ на самомъ порогѣ, а другаго выхода не было.

Одинъ Михайло Васильевичъ ухитрился и, сгорбившись, ускользнулъ въ спальню хозяина и забился подъ кровать.

— Николай Александровичъ, произнесъ отецъ его: что же вы не оправдываетесь?....

Молодой человекъ выступилъ, наконецъ, впередъ.

— Боже мой! въ какомъ видѣ! вскричалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Батюшка, возразилъ Николай тихимъ голосомъ, я довольно униженъ.... собственное презрѣніе тягостнѣе и дѣйствительнѣе строжайшихъ выговоровъ....

— Посмотрите въ зеркало, сказалъ Александръ Матвѣевичъ, и къ презрѣнію, которое вы очень справедливо питаете къ себѣ, присовокупится омерзѣніе....

Николай забылъ бы все прошедшее, если бъ въ эту минуту услышалъ отъ отца слово участія.

— Пощадите меня, батюшка! произнесъ отъ умоляющимъ голосомъ.

— По неволѣ, холодно отвѣчалъ Александръ Матвѣевичъ.

но неволья я долженъ пощадить васъ, чтобы не подвергнуть суду вмѣстѣ съ этими негодяями.

Николай поднималъ голову.

На Кориюшкина и гостей его слово негодяи имѣло теперь совершенно противное первому дѣйствию; они разомъ поклонились; только Борисъ Астафьевичъ небрежно пожалъ плечами.

— Эти люди, — повторилъ Александръ Матвѣевичъ: называютъ васъ пріятелемъ.... вы съ ними душа въ душу.....

— Александръ Матвѣевичъ, сказалъ Николай, позвольте мнѣ уйти.

Выраженіе голоса молодого человѣка поразило отца его. Онъ понялъ, что выговоры его были неумѣстны.

— Пойдемте вмѣстѣ, сказалъ онъ, смятивъ голову.

Николай поклонился молча, и оба вышли. Александръ Матвѣевичъ не удостоилъ оставшихся даже взгляда.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе послѣ выхода отца и сына.

— Чтобы привести опять всю эту аферу въ симметрію, сказалъ наконецъ Лихаревъ: скажу вамъ по секрету, я зналъ, что выйдетъ эта оказія.

— Зналъ! И не предупредилъ?

— Не предупредилъ.

— Отчего?

— Отчего? повторилъ Борисъ Астафьевичъ, и глаза его засверкали, брови насупились. Онъ стукнулъ кулакомъ по столу, щелкнулъ картами и, внезапно принявъ прежній безпечный видъ, продолжалъ: Оттого, что здорово живешь!....

Александръ Матвѣевичъ и сынъ его молча сошли съ лестницы.

Наемная карета стояла у воротъ. Извозчикъ дремалъ на козлахъ.

— Подавай! крикнулъ Александръ Матвѣевичъ.

Николай поклонился отцу, готовясь удалиться.

— Останься, я доведу тебя, сказалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Позвольте мнѣ дойти пѣшкомъ.

— Перестань дурачиться, нетерпѣливо вскричалъ Александръ Метивеичъ. Ты поѣдешь со мною.

— Я дойду пѣшкомъ.

— Черствая душа! проворчалъ отецъ, отвернулся и сѣлъ въ карету.

Николай Александровичъ дошелъ до Литейной и повернулъ направо, а не направо.

По Невскому проспекту онъ дошелъ до Анничкова моста и остановился на немъ.

Вода Фонтанки тихо плескала о гранитные берега.

Николай долго и неподвижно глядѣлъ въ черную пучину. Его тануло внизъ. Голова его кружилась....

Вдругъ онъ вспомнилъ о трупѣ утопленника, который ему случилось однажды видѣть.

Съ ужасомъ отступилъ онъ отъ перилъ.

Физическое омерзѣніе побѣдило нравственное.

Начинало уже разсвѣтать, когда Николай вернулся домой.

ГЛАВА X.

Ненависть и любовь.

Захаръ Ивановичъ былъ очень разстроенъ.

Онъ разсказалъ сестрицѣ о разговорѣ его съ Тучиновымъ и о бѣдствіи, постигшемъ его.

— Признаюсь, обстоятельство нехорошее.

— Ничего-съ, сестрица! возразилъ Захаръ Ивановичъ: мнѣ, признаться сказать, самому надобно служить у Тучинова....

— Неужели? Такъ стало-быть незачѣмъ и стараться поправить дѣло?

— То есть, постараться можно.... Конечно, мнѣ надобно служить у Тучинова, но.... знаете, надобно присматривать сперва другое мѣсто, а не такъ, съ бухты-барахты....

— Надобно подумать, братецъ; Богъ милостивъ, а все дѣло повернется.

— Дай-то Богъ, произнесъ Захаръ Ивановичъ некрѣпко прежняго.

Татьяна Ивановна приуныла, призадумалась.

Между-тѣмъ какъ пальцы ея машинально разбирали по шпунктѣ шелковые лоскутки для крашенія лицъ, уяъ ея постоянно преслѣдовала одну идею.

Послѣ заутрени, въ Святлос-Христово воскресенье, она трижды поцѣловала братца, подарила ему яичко, выкрашенное подь мраморъ, поздравила его съ праздникомъ и произнесла торжественно:

— Братецъ, вы останетесь въ конторѣ у Тучинова.

— Нѣчто вамъ приснилось что-либо хорошее? спросилъ обрадованный Захаръ Ивановичъ.

— Потолкуемъ, братецъ, когда разговьемся. Теперь пойдете къ тятенькѣ.

Они потолковали. Видно средство, придуманное старой дѣвой, было не совсѣмъ по вкусу Захара Ивановича. Онъ долго почесывала затылокъ, но наконецъ согласился. Агафья Степановна была избрана посредницей и, цѣлую недѣлю, эта старуха бѣгала отъ Опухтинныхъ къ Тучиновымъ, и обратно. Наконецъ, въ послѣдній день праздниковъ, дѣло, по-видимому, уладилось. Старая дѣва, Агафья Степановна и Захаръ Ивановичъ отпраздновали этотъ день вмѣстѣ и, на радости, отправились даже къ балаганамъ.

На слѣдующій день Захаръ Ивановичъ, какъ на въ чемъ не бывало, пошелъ въ свою должность.

Заботы по этому нечаянному дѣлу на время отылекли мысли старой дѣвы отъ сватовства; но, когда все пошло по-старому, она рѣшилась дѣйствовать съ большимъ протѣвъ прежняго усердіемъ.

Татьяна Ивановна не знала, что никто не помогала ей въ этомъ дѣлѣ столько, какъ молодой человекъ, иочинителемъ безымяннаго письма.

Последній поступокъ его въ балаганѣ возбуждалъ въ сердцѣ Аннеты самое негодующее. Мога ли она принять тайноу кѣмъ-то отъ незнакомаго молодого человека?... Она не приняла возмизы и, следовательно, заслужила не оскорбленіе, а уваженіе. Онъ сказалъ, что у нея есть сердце... Чѣмъ же такъ громко и часто бьется въ груди ея? Откуда же происходитъ это страшное чувствованіе, которое заставляетъ ее теперь такъ сильно ненавидѣть молодого незнакомца?...

Ночь, проведенная почти безъ сна, еще болѣе раздражила ненависть Аннеты; не смотря на то, она сохранила тайну ея въ своемъ сердцѣ.

Это была первая тайна ея отъ матери.

Это было первое явное проявленіе любви въ сердцѣ Аннеты, потому-что причина ненависти ея заключалась въ первозданномъ, тайномъ участіи, которое она доселѣ принимала въ незаконнѣ. Не смотря на благоразумные совѣты матери, не смотря на собственные усилія, она не могла заглушить этого участія, а она оскорбляла ее.... Съ презрительною колкостью называлъ онъ ее: *madame Оцухинна!*...

— Хорошо же! съ сердцемъ произнесла Аннета: я буду *madame Оцухинна!*

Чтобы скорѣе привести въ исполненіе свое грустное мнѣніе, молодая девушка рѣшилась тотчасъ объясниться съ матерью; но, въ передней послышался голосъ Татьяны Ивановны... невыразимый страхъ овладѣлъ Аннетой, и она убѣжала въ свою комнату, откуда вышла только по зову Юліи Карловны.

Борьба противоположныхъ ощущеній, насильственное напряженіе воли чрезвычайно утомляло Аннету; по временамъ мысли ея путались; она сжимала голову обѣими руками.... воспоминаніе о причиненномъ ей оскорбленіи волновало кровь ея.... Только одно могло бы успокоить ее въ эту минуту: возможность сказать молодому незнакомцу, что она его ненавидитъ!...

— Я напишу ему, говорила она: но куда, кому адресовать письмо?... Онъ сидитъ въ своемъ новомъ костюмѣ,

а я даже не знаю, кто онъ!... Онъ слѣдитъ за мною... такъ нуекай же узнаешь, что предсказаніе его сбылось!

Страсть до того съузила разумъ Аннеты, что будущее не существовало для нея; она жила только настоящимъ и въ немъ видѣла только мщеніе....

Полчаса спустя послѣ ухода Татьяны Ивановны, докторъ, жена его и дочь собрались въ кабинетъ, обыкновенномъ мѣстѣ семейныхъ совѣщаній.

Аннета была въ сильномъ волненіи; на лицѣ Юліи Карловны выражалось болзненное, безпокойное ожиданіе; Федоръ Ивановичъ былъ совершенно спокоенъ, онъ самодовольно улыбался.

— Простите мнѣ, что я причиняю вамъ столько безпокойства, говорила Аннета; но я не хочу оставлять васъ долге въ неизвѣстности на счетъ... на счетъ того, о чемъ вы говорили мнѣ нѣсколько недѣль тому назадъ.... Вы дали мнѣ время подумать, и—я подумала. Сегодня я могу дать вамъ рѣшительный отвѣтъ.

— Не торопись, Аннета, сказала Юлія Карловна: подумай лучше еще, подожди....

— Зачѣмъ ждать! вскричалъ Федоръ Ивановичъ: коли тебѣ кажется, что намѣреніе твое твердо, такъ объяснись и—дѣло съ концомъ!

— Вы, Федоръ Ивановичъ, слишкомъ легко судите о важнѣйшемъ шагѣ въ жизни вашей дочери, серьезно сказала Юлія Карловна, которую чрезвычайно безпоковло спокойствіе мужа.

— Юлія Карловна, возразилъ мужъ: до-сихъ-поръ дѣло это не имѣетъ еще той важности, которую ты приписываешь ему; только послѣ отвѣта Аннеты оно получитъ ее... или вовсе потеряетъ, прибавилъ онъ вполголоса.

Юлія Карловна пожала плечами и обратилась къ Аннетѣ.

— Обини меня, другъ мой, сказала она.

Молодая дѣвушка бросилась въ объятія матери; потомъ рыдая опустилась на колѣни, у ногъ ея.

Слезы текли по щекамъ жены доктора; положивъ обѣ ру-

ки на голову дочери, она произнесла тихим, торжественным голосом:

— Да просвятитъ Господь твой разумъ! Да благословитъ Господь твое намѣреніе!... Не соглашайся и не отвергай легкомысленно, дитя мое; подумай, что отъ слова, которое ты теперь произнесешь, зависитъ твоя участь; въ немъ заключается, быть-можетъ, счастье, быть-можетъ, несчастье....

— Не упоминай о несчастіи, другъ мой! съ чувствомъ вскричалъ Федоръ Ивановичъ: каковъ бы ни была отвѣтъ Аннеты, онъ послужитъ только къ счастью ея; за это ручаюсь я!...

Юлія Карловна съ изумленіемъ посмотрѣла на мужа. Въ первый разъ, съ самаго дня перваго знакомства ихъ, добродушное, открытое лицо Федора Ивановича было для нея загадкой.

Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе.

— Говори, Анненька, говори, сказалъ докторъ дочери, продолжавшей плакать, скрывъ лицо на колѣняхъ матери.

— Я... я... отвѣчала Аннета прерывающимся голосомъ.

Кто-то тихо постучался въ дверь.

Федоръ Ивановичъ скоро всталъ, отперъ дверь и вышелъ.

— Письмо отъ Александра Матвѣевича Тучинова, сказалъ постучавшійся лакей.

— Хорошо, хорошо, нетерпѣливо возразилъ Федоръ Ивановичъ, возвратился въ кабинетъ и опять заперъ за собою дверь, не распечатывая письма.

Аннета была въ объятіяхъ матери. Последняя невольно бросила на мужа торжествующій взглядъ.

— Она согласна! произнесла Юлія Карловна.

— Какой вздоръ! возразилъ Федоръ Ивановичъ, ставъ въ тупикъ.

— Федоръ Ивановичъ!... сказала Юлія Карловна съ выраженіемъ упрека.

Но докторъ не обратилъ вниманія на выраженіе голоса

— Кто ростовщикъ? съ живостію вскричала Юлія Карловна.

— Опухтинъ.

— Это клевета!

— Тучиновъ отказалъ ему отъ мѣста за лихоимство! съ негодованіемъ вскричалъ докторъ.

— Боже мой! произнесла жена его, всплеснуть руки, на кого, послѣ этого, положитьсь!

— На Бога, отвѣчалъ Федоръ Ивановичъ торжественно, и — на себя....

Наступила минута молчанія.

Аннета уже не плакала. Сердцу ея было легко; оно радостно билось въ груди ея.

Федоръ Ивановичъ бросилъ письмо на столъ, промелся по комнатѣ, посмотрѣлъ на часы и подошелъ къ женѣ.

— Забудемъ эти тягостныя минуты, сказалъ онъ, поцѣловавъ ее, — и покоримся волѣ Всевышняго... Прощай, Анненька, до свиданія... Больные ждутъ меня.

Молодая дѣвушка съ чувствомъ и крѣпко-крѣпко поцѣловала руку отца.

За дверью Федоръ Ивановичъ встрѣтилъ лакея.

— Отъ Александра Матвѣевича Тучинова опять пришелъ человекъ; просить васъ къ себѣ, сказалъ лакей.

— Ахъ, Боже мой, письмо! вскричалъ Федоръ Ивановичъ спохватившись и вернулсѣ въ кабинетъ.

Юлія Карловна сидѣла задумавшись. Аннета поцѣловала руку ея.

Лицо доктора измѣнялось по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ письмо. Прочитавъ, онъ судорожно смаялъ его, спряталъ въ карманъ и скорыми шагами пошелъ къ двери.

— Что случилось? спросила Юлія Карловна.

— Ничего, отвѣчалъ Федоръ Ивановичъ отрывисто.

Но у двери онъ остановился.

— Это странно, проговорилъ онъ вполголоса; потопъ, полурастворивъ дверь, крикнулъ лакею:— Скажи, что сейчасъ буду! — и вернулсѣ къ Аннетѣ.

— Скажи мнѣ, дитя мое, спросилъ онъ, сожалѣешь ли ты о томъ, что я не принялъ твоего согласія?...

— Нѣтъ, отвѣчала молодая дѣвушка тихимъ голосомъ и опустила глаза.

— Непостижимо! проговорилъ Федоръ Ивановичъ, покачалъ плечами, потомъ прибавилъ вслухъ: я долженъ оправдать Опухтина.

Юлія Карловна съ живостію подняла голову. Боязнь разлилась на лицѣ Аннеты.

— Вотъ что мнѣ пишетъ Тучиновъ, продолжалъ докторъ:

«Почтеннѣйшій Федоръ Ивановичъ, новое горе постигло мой домъ. Старшій сынъ мой опасно занемогъ. Жду васъ съ нетерпѣніемъ отца. Съ вами явится помощникъ; за вами останется утѣшеніе.

«Еще одно слово: вы справлялись о нравственности одного изъ моихъ подчиненныхъ, Опухтина. Каюсь въ «опротечивости. Опухтинъ честный человекъ. Грустно было обвинять; пріятно оправдать.»

«Ради Бога, поспѣшите.

«Уважающій Васъ

А. Тучиновъ.»

— Видишь ли, другъ мой, вскричала Юлія Карловна радостно: какъ опасно обвинять человека!

— Каюсь, отвѣчалъ Федоръ Ивановичъ съ грустію; и — чтобы вознаградить Захара Ивановича за невольную причиненную обиду... не сопротивляюсь болѣе желанію Аннеты...:

Молодая дѣвушка вздрогнула, бросилась на колѣни передъ отцомъ и, простирая къ нему руки, вскричала съ отчаяніемъ:

— О, нѣтъ!... нѣтъ!... нѣтъ!....

Сердце побѣдило гордость.

Федоръ Ивановичъ съ грустнымъ упрекомъ посмотрѣлъ

К. XII. — Отд. III.

на жену. Юлія Карловна поняла этотъ упрекъ и, какъ бы желая оправдаться, обратилась къ дочери:

— Аннета, я не понимаю тебя!....

— Маменька, простите, простите!

— Кто принуждалъ тебя? спросила мать.

— Простите! рыдая вскричала молодая дѣвушка.

— Зачѣмъ же ты соглашалась?

— Я люблю его, и онъ оскорбилъ меня! съ воплемъ вскричала Аннета.

— Кто? Кто? спросили въ одинъ голосъ отецъ и мать.

Аннета закрыла лицо обѣими руками, стараясь заглушить рыданія....

— Незнаю, произнесла она наконецъ едва слышнымъ голосомъ и скрыла лицо на колыняхъ матери....

. . . . .

— Другъ мой, сказалъ Федоръ Ивановичъ послѣ короткаго молчанія, утеревъ слезу и пожавъ руку женѣ: обязанности отца семейства священны,—но еще священнѣе обязанности члена общества... Меня ждутъ мои больные.

Онъ скоро пошелъ къ двери.

— Папенька! вскричала Аннета съ горестію: скажите мнѣ одно слово!....

Федоръ Ивановичъ ушелъ не оглянувшись.

П. Фурманъ.

(Четвертая часть и послѣдняя пятая, по неизвѣстной причинѣ, не были получены въ свое время изъ-за границы отъ сотрудника нашего журнала П. Р. Фурманна. По полученіи, объ эти остальныя части будутъ немедленно напечатаны въ Сынѣ Отечества.)

Иностранная Словесность.

ЕЛИЗА.

(Соч. ЛЕОНСА ДЕ ЛАВЕРНЬ.)

Неаполь, 22 іюля, 1841.

Вотъ я и въ Неаполѣ, любезный Мануилъ. Мнѣ запретили проѣзжать по Пюнтинскимъ болотамъ и по знаменитой Террачинской дорогѣ, идущей вдоль прекраснѣйшаго въ свѣтѣ моря. Говорятъ, что болотистыя испаренія губительны для слабыхъ организацій. Мнѣ очень хотѣлось не послушаться предписаній доктора, но, подумавъ немного, я долженъ былъ уступить голосу разсудка. Если уже я рѣшился, по просьбѣ родныхъ, пріѣхать сюда, я долженъ сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, чтобы не упрекать себя, ни въ отношеніи другихъ, ни въ отношеніи самого себя.

Впрочемъ я не жалуясь на дорогу, которую проѣхалъ. Она также прекрасна. Выѣхавъ изъ Рима, мы направили пашъ путь неинного на востокъ, какъ будто мы ѣхали къ Тиволи, тогда какъ Террачинская дорога примыкаетъ прямо къ прекраснымъ

Альбанскимъ горамъ. Вскорѣ мы снова прѣѣхала къ Аппенинскому хребту, вдоль котораго мы ѣхали почти до Капуи, гдѣ обѣ дороги соединяются. Мы не видѣли моря, за то передъ нами были горы.

Ты знаешь, какое впечатлѣніе производитъ на меня видъ опустошенной Римской Кампаніи. Я не могу равнодушно смотрѣть на эту бугристую равнину, подобно взволнованному морю, которое какъ бы брошено здѣсь сверхъ-естественною силою и обречено безплодію. Видъ этой безжизненности наводитъ на меня невольный ужасъ.

Въ то время, какъ мы проѣзжали мимо Римской Кампаніи, единственный домъ, который можно было видѣть на горизонтѣ, горѣлъ посреди пустыни. Разстояніе между этимъ уединеннымъ домомъ и дорогой было конечно больше одной мѣ, однако ничто не мѣшало намъ видѣть, какъ пламя пожара выходило изъ окошекъ и выступало изъ-подъ крыши. Подать помощь было невозможно: мы не успѣли бы во-время прѣѣхать. Пламя горѣло около получаса, потомъ все обрушилось, и только видѣнъ былъ густой дымъ, медленно подымавшійся къ небесамъ. Ты не можешь себѣ вообразить, какъ видъ этого пожара уединеннаго, неизвѣстнаго, оставленнаго безъ помощи въ такомъ недалекомъ разстояніи отъ многолюднаго города, показался мнѣ страшнымъ.

Не думай, что здѣсь только встрѣчаешь однѣ развалины римскихъ водопроводовъ. Тутъ также находятся на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой башни, возвышутыя въ средіе вѣка. Въ нихъ вѣроятно скрывались партизаны Колонна и Орсини, которые съ такимъ ожесточеніемъ сражались въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Видно еще нѣсколько разваливъ фермъ, построенныхъ въ разныя времена, которыя оставлены были по причинѣ нездороваго климата. Римская Кампанія, также какъ и самый Римъ, представляетъ рядъ разваливъ, съ тою разницею, что въ городѣ остались жители, а здѣсь ихъ болѣе нѣтъ.

Знаешь ли кого можно встрѣтить въ этой равнинѣ, съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь болѣе не водятся разбойники. Это стада большихъ бѣлыхъ быковъ, съ огромными рогами, которые идутъ въ форумъ или возвращаются оттуда. Шествіе этихъ быковъ сопровождается почти всегда столбомъ пыли; за

ими садуютъ, а для прибитыхъ среди этой вышн, два или три пастуха на лошадахъ и вооруженные длинными тиками.

Днемъ тамъ подвѣжешь къ подошгѣ Аппениновъ, все перемѣняется. Сколько Римская Кампанія безплодна и мелодична, такъ долина, въ которую въѣжаешь изъ нея, роскошна, изобилуетъ и очаровательна. Прекрасныя деревья, какія я тамъ видѣлъ въ Италіи и въ картинахъ Клода Лоррена, дѣлаютъ изъ дороги прекрасную аллею. По обѣимъ сторонамъ лежатъ воздѣланные поля не хуже тѣхъ, которыя ты можешь видѣть изъ твоего окна, въ твоёмъ нормандскомъ помѣстьѣ. Крутые скалы, покрытые могущественною растительностію, подымаются, какъ стѣны зелени, и ограничиваютъ взоръ, за нихъ передъ тѣмъ свободно терявшійся въ безпредѣльной дали. Нѣтъ ничего спокойнѣе, свѣжѣе, прелестнѣе. Здѣсь восклицаетъ то же, что и на каждомъ шагу въ этой прекрасной Италіи: Здѣсь бы я хотѣлъ остановиться и жить. Но здѣсь не останавливаешься точно также, какъ и въ жизни, хотя это возможно!

Я тебѣ не буду описывать приключеній моего путешествія, которыяхъ впрочемъ очень немного. Въ Чезрано, деревнѣ, раскинутой между Аппенинами, гдѣ я остановился на ночлегъ, я пошелъ на народный праздникъ. Меня раздражаетъ больше всего въ этой странѣ, то, что адѣсь безпрестанные народные праздники. Я не знаю, чему Итальянцы вѣчно радуются. Я пошелъ вечеромъ на деревенскую площадь. На всѣхъ окнахъ было освѣщеніе. Семь или восемь музыкантовъ составляли очень шумной сельской оркестръ. Дѣти плясали, держа въ рукахъ зеленыя древесныя вѣтви. Высокіе и красивые молодые парни, полуодѣтые, стояли тамъ и сямъ передъ молодыми дѣвушками, въ самыхъ героическихъ позахъ.

Ты знаешь этого величественнаго молодого человѣка, который прислонился къ головѣ буйвола, на картинѣ «Жнецы» Леопольда Роберта. Онъ былъ тамъ: я узналъ его. Не знаю, можно ли имѣть болѣе жизни, силы и величія во взглядѣ и въ позѣ. Только онъ походилъ болѣе на разбойника, чѣмъ онъ представленъ на картинѣ.

Въ слѣдующій разъ поговорю съ тобою о Неаполѣ. Скажу тебѣ только что я ожидалъ отъ него болѣе: я думалъ найти

здѣсь болѣе оживленности и свѣта. Путешествіе меня утомило. Какъ я только пріѣхалъ, со мной сдѣлался довольно сильный припадокъ. Теперь я чувствую себя лучше, но еще долженъ буду просидѣть въ комнатѣ нѣсколько дней. Къ счастью у меня прекрасная квартира. Ты знаешь вѣроятно, что въ Неаполѣ есть два квартала, въ которыхъ наиболѣе помѣщаются иностранцы, и оба обращены къ морю. Одинъ называется Кіаія, это кварталъ аристократіи; другой Святой Лючій, это кварталъ простѣго народа. Оба очень шумные. Я живу между ими обонимъ, на довольно пустынной набережной, которая называется Кіатамонъ. Изъ окошекъ моихъ виднѣнъ весь заливъ.

Филиппъ почуветь въ моей комнатѣ. Меня трогаетъ его заботливость. Я думаю, что онъ точно привязанъ ко мнѣ. Недавно я его засталъ въ слезахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я спросилъ у него, не боится ли онъ заразиться моею болѣзнію, я замѣчаю въ его взглядѣ выраженіе упрека, который меня огорчаетъ. Мнѣ досадно, что я такой недоувѣрчивый и раздражительный, но я не могу всегда владѣть собою. Ты знаешь, что я одинъ на свѣтѣ; мои родители умерли отъ роковой болѣзни, которая и ко мнѣ перешла; у меня нѣтъ друзей, кромѣ тебя, а ты далеко отъ меня. Филиппъ одинъ жертвой моихъ страданій. Я дѣлаю все, что могу, чтобъ быть спокойнымъ, но не моя вина, если я въ этомъ не успѣваю.

Пиши мнѣ чаще. Говори мнѣ о твоихъ работахъ, о твоей любви, о твоихъ надеждахъ. Ты знаешь, что ты живешь за насъ двоихъ. Все, что тебя занимаетъ, будетъ занимательно для меня. Не забывай, что я здѣсь буду совершенно одинокій; твои письма будутъ мнѣ единственнымъ утѣшеніемъ. Пиши мнѣ о политикѣ и о литературѣ. Французскіе журналы запрещены въ Неаполѣ. Я только и буду знать то, что ты мнѣ напишешь. А я тебѣ буду присылать взаменъ этого печальный дневникъ моихъ впечатлѣній, моихъ прогулокъ. Кто знаетъ? Быть можетъ я тебѣ сообщу что нибудь и пріятное.

10 августа.

Я получилъ твое письмо. любезный Мануилъ. Вполнѣ чувствую, что ты правъ и жалѣю, что огорчилъ тебя. Прости

меня! Прошу тебя, не принай къ сердцу мое отчаяніе. Когда я стараюсь казаться веселымъ, стараюсь шутить, я лгу. Что же мнѣ дѣлать? Я вижу, что я скоро умру, и какъ трусь боюсь разстаться съ жизнью. Мнѣ двадцать пять лѣтъ; я богатъ, я чувствую, что мои способности могли бы быть блестящими, и все это пропадетъ для меня въ одинъ мигъ. Даже самая Италия, куда меня послали, потому-что не знали, что дѣлать со мною, раздражаетъ меня. Блескъ ея солнца утомляетъ.

Дай мнѣ одинъ разъ высказать тебѣ всю горечь моей души. Даже въ этихъ нѣсколькихъ словахъ, которыя такъ тебя огорчили, я не былъ откровененъ съ тобою. Я вооружаюсь каждую минуту противъ людей, противъ природы. Я смотрю съ завистью на все что живетъ, и все что мертво меня страшитъ какъ изображеніе того, что меня ожидаетъ. Мнѣ часто приходитъ желаніе, чтобъ этотъ вулканъ, который вѣчно дымитъ передъ моими глазами, подвергся ужасному изверженію и поглотилъ бы всѣ четыреста тысячъ жителей Неаполя въ одно время со мною. Я бы по крайней мѣрѣ умеръ не одинъ!

Я чувствовалъ себя лучше въ Римѣ, чѣмъ здѣсь. Лучше бы я тамъ остался. Эта ужасная нищета Рима мнѣ нравилась. Я чувствовалъ себя менѣе несчастливymъ, сравнивая мою слабость съ этой исчезнувшей силой.

Нѣтъ, нѣтъ, я совсѣмъ не то думалъ; напротивъ, я хотѣлъ скорѣй оттуда выѣхать. Мнѣ казалось, что я воскресну, когда не буду видѣть этого разрушенія. Я призывалъ мысленно веселую толпу народа, оживленное море, вѣчное торжество природы, но когда я очутился одинъ посреди самаго шумно-счастливаго народа, я бѣгу того, чего я желалъ. Теперь это не развлекаетъ меня а убиваетъ. Я бы хотѣлъ возвратиться туда, гдѣ я былъ вчера; я прошу того, что я отвергнулъ, и избѣгаю того, чего я страстно искалъ. Тоска меня преслѣдуетъ вездѣ.

Если бъ я умеръ въ первые дни моей жизни, я бы не зналъ всѣхъ этихъ мученій, не зналъ во сколько разъ другіе счастливыѣе меня. Тебѣ извѣстно, что я не имѣю никакихъ воспоминаній! Вся моя жизнь прошла въ болзни умереть скоропостижно. Ребенкомъ, я не игралъ съ моими братьями; молодымъ человѣ-

коня я не любилъ. Малѣйшее усиліе было вѣгубно для моей слабой груди. Ты знаешь, какъ я тебя завидовалъ, когда ты смирля бѣшенаго коня, или бѣжалъ вслѣдъ за прыткими собаками. Ты приходилъ, запыхавшись ко мнѣ, и я, со слезами на глазахъ, утиралъ потъ съ лица твоего.

Ты видишь, Мануилъ, что я болѣе достоинъ состраданія чѣмъ осужденія. Ты стараешься мени разстать, благодаря тебя. Я принудилъ себя прочесть подробности, которыя ты мнѣ пишешь о Парижѣ. Увы! Чтò мнѣ до этого! Чѣмъ болѣе люди волнуются, тѣмъ болѣе я ихъ ненавижу. Чего добиваетесь вы съ вашими страстями. Сила обстоятельствъ сибѣтся надъ вами: она раздавитъ васъ, если вы вѣдумаете поставить ей преграды.

Еще разъ, другъ мой, прости меня. Я чувствую, что я сегодня невыносимъ: я нахожусь подъ вліяніемъ злаго духа. Этотъ хваленый заливъ покрытъ для меня мрачнымъ покровомъ. Я думалъ отогрѣться на адѣшнемъ солнцѣ и, мнѣ кажется, я охладилъ его. Прекрасные лучи и темныя тѣни въ насъ санихъ! Море, которое говорятъ всегда голубое, мнѣ кажется безпрѣтнымъ. Мнѣ холодно въ этомъ тепломъ воздухѣ. Прощай, я хочу болѣе тебя мучить моимъ отчаяніемъ. Прости меня; я знаю, что я жестокъ, но будь терпѣливъ; скоро все кончится!

20 августа.

Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ я пользуюсь довольно печальнымъ удовольствіемъ. Я не совсѣмъ одинъ, но я оттого не счастливѣе. На дняхъ, вечеромъ, я стоялъ у окошка и смотрѣлъ безсознательно на отдаленныя суда, какъ вдругъ я услышалъ стукъ кареты, которая остановилась у нашей гостиницы. Сперва вышла изъ кареты пожилая женщина, черты лица которой носили отпечатокъ продолжительной и глубокой печали. За нею вышла съ осторожностію молодая дѣвушка галля слабая, что надо было поддерживать ее за обѣ руки, чтобъ помочь сойти съ подножекъ. Я не могъ разглядѣть ее лица, но я слышалъ ея голосъ, который напомнилъ мнѣ звукъ голоса моей матери.

Я послалъ Филиппа спросить объ нихъ у лакеевъ гостиницы. Онъ мнѣ разсказалъ то, что я уже отгадалъ прежде. Молодая дѣвушка была больная, присужденная, также какъ и я, испытать дѣйствіе южнаго воздуха, а старушка была ея мать. Бѣдная мать! Бѣдная дѣвушка! Я былъ тронуть до глубины души этимъ несчастіемъ подобнымъ моему, и я почувствовалъ въ первый разъ послѣ долгаго времени, что глаза мои наполнились слезами отъ состраданія. Я по крайней мѣрѣ не знаю ужаснаго мученія впасть въ глазахъ отчаянной матери. Я оплакиваю только себя одного. Какая раздирающая драма должна происходить въ молчаніи между этими двумя существами! Вотъ мученія чуждыя мнѣ, а я воображалъ, что осушилъ до дна горькую чашу страданій!

Съ того времени, я не старался увидѣться съ Елизой: такъ ее зовутъ. Онѣ ведутъ уединенную жизнь. Я понялъ, что мое присутствіе было бы для дочери родъ угрозы, а для матери новой мукой. Онѣ выезжаютъ каждый день въ каретѣ, не долго до захожденія солнца. Я всегда у окна, въ то время, когда онѣ ѣдутъ. Какъ хороша и какъ мила Елиза! Я не думаю, чтобъ ей было болѣе семнадцати лѣтъ. У нее волосы шелковистые и очень бѣлокурые; цвѣтъ лица бѣлый и блѣдный съ тѣмъ нѣжнымъ отбѣснымъ румянца на щекахъ, который и есть раковой признакъ смерти. Ея станъ немного согнутъ, но это не мешаетъ ей быть очень стройною. Улыбка ея чисто-ангельская.

Я тутъ же бываю, когда онѣ и возвращаются. Мать всегда держитъ дочь за руку. Я вижу, по выраженію ея лица, была ли прогулка счастлива. Когда Елиза чувствуетъ себя лучше отъ движенія и чистаго воздуха, добрая мать въ восхищеніи. Когда Елиза утомлена, мать плачетъ и я также. Да, Мануэль, и я также. Эта ранняя жертва заставила меня забыть мои собственныя страданія. Я страдаю болѣе за нее, чѣмъ за себя. Я желалъ бы взять ея болѣзнь на себя и умереть за обонхъ.

Я думаю, что ей сказали, кто я такой. Она иногда подаритъ меня, уѣжая, такниль тонными, меланхолическими взглядами, взглядомъ сестры. Ихъ комнаты сѣдими съ нами; оловянки возлѣ насъ. Я купилъ гитару, олдунъ адіанной моды. Вчера мнѣ надумалось пѣть, авоннашару себя,

и я выбралъ, не знаю почему, одну изъ этихъ веселыхъ испанскихъ пѣсень, которыми ты меня выучилъ, возвратясь изъ Андалузіи. Вскорѣ мнѣ отвѣтили на фортепіано строгою классическою мелодіею. Голосъ Елизы, когда она поетъ, еще выразительнѣе, чѣмъ когда она говоритъ.

Ты знаешь, что я больше люблю трогательную музыку, чѣмъ веселую, но я не хотѣлъ ее печаливать. Я хотѣлъ ей показать, что я не отчаиваюсь въ будущее. Ничто не можетъ быть безпечнѣе напѣва испанскаго контрабандиста. Чувствуешь, что онъ бросаетъ на вѣтеръ, и дни свои, и удовольствія, и опасности. Я самъ часто увлекался этою неподдѣльною простотою чувства, и на этотъ разъ одушевился, какъ настоящій Андалузецъ; но какъ только я услышалъ первые аккорды ея широкаго, важнаго и трогательнаго пѣнія, гитара выпала изъ рукъ моихъ, и я слушалъ. Я готовъ былъ преклонить колѣна, такъ эти божественные звуки поражали меня, какъ вдругъ мать Елизы, съ кротостію замѣтила ей, что она не должна пѣть съ такимъ чувствомъ,—и все замолкло.

Я послалъ пріискать мнѣ лошадь, которая бы не слишкомъ меня утомляла. Я намѣренъ выѣзжать каждый день верхомъ, если я это выдержу. Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ я въ Неаполѣ, а я еще не видалъ ни города, ни его окрестностей. Я выписалъ также нѣсколько книгъ, и снова принимаюсь за итальянскихъ поэтовъ. Ты знаешь, что я не такъ люблю грознаго Данте, но я читаю съ восхищеніемъ Тасса. Эта нѣжность чувства меня укрощаетъ. Были поэты выше его, но любезнѣе его не было. Я думалъ, что Тассъ можетъ только нравиться въ пятнадцать лѣтъ; теперь я сочувствовалъ какъ нельзя болѣе этой увлекательной мечтательности воображенія. Изъ моего окошка видна родина божественнаго пѣвца, и мнѣ чудится, что его стихи приходятъ съ запахомъ апельсиновыхъ деревьевъ.

Ты видишь, что буря прошла. Мнѣ лучше. Ты долженъ былъ найти меня очень грознымъ, судя по послѣднему письму моему. Воздухъ неаполитанской раздражительно нежеланъ онъ кажется; я не скоро къ нему привыкъ. Здѣсь легко можно получить бессонницу, а пѣтъ ничего томительнѣе бессонной ночи. Нанищи мнѣ, сжегъ ли ты мое письмо; проклятія не въ моемъ характерѣ. Я чахоточный не отъ элегій и рома-

новъ; я не хочу подражать Бейрону. Я слишкомъ много видѣлъ копій съ этого мрачнаго образца. Прощай. Теперь часъ, въ который Елиза обыкновенно выѣзжаетъ кататься. Филиппъ пришелъ мнѣ сказать, что и моя лошадь готова.

2 сентября.

Я началъ понимать красоты Неаполитанскаго залива, съ тѣхъ поръ, какъ я гуляю здѣсь каждый вечеръ. Волненіе мое утихло. Голова моя не такъ горитъ и воображеніе успокоилось. Елиза также кажется не такою слабою. Этотъ климатъ дѣйствительно также хорошъ, какъ онъ здоровъ и живителенъ.

Самый городъ не лежитъ въ глубинѣ залива; Везувій въ центрѣ его; двѣ полосы земли тянутся отъ волкана и изгибаются, какъ бы опоясывая море; на одной полосѣ лежатъ Каstellамаре и Сорренто; на другой Портичи и Неаполь. Почти на концѣ этой обширной арки простирается эта избранная страна, обращенная къ солнцу, между зубчатыми берегами и волнистыми вершинами холмовъ. Небольшой мысъ Посилпы круто спускается къ западу; отиѣль, простирающаяся вдоль этого мыса, называется Мерджеллина. Туда я хожу обыкновенно въ часъ, когда солнце садится, присутствовать на последнемъ прощаніи дня. Елиза также пріѣзжаетъ сюда съ матерью; мы еще не говорили, но мнѣ кажется, что не говоря, мы понимаемъ другъ друга. Моя лошадь сама собой слѣдитъ по дорогѣ, начерченной колесами кареты. Съ смѣтливостію, свойственною здѣшнимъ жителямъ, кучеръ Елизы догадывается, что между одинокимъ всадникомъ и двумя женщинами, которыхъ онъ везетъ, существуетъ таинственная симпатія. То онъ умиряетъ бѣгъ лошадей, чтобъ я могъ опередить ихъ, то онъ погоняетъ ихъ хлыстомъ и голосомъ, чтобъ догнать и перерегнуть меня. Въ обоихъ случаяхъ, мы можемъ, Елиза и я, помѣняться быстрыми взглядами. Взглядъ Елизы большею частію иѣжный и грустный; иногда онъ оживлялся восторгомъ при видѣ какой-нибудь прекрасной картины, раскрывавшейся передъ нами, и я тогда вполнѣ былъ счастливъ, что могъ восхищаться однимъ и тѣмъ же видѣтѣ съ нею. Наши души

тогда случалось въ одно чувство, какъ наши глаза устремлены были въ одну горнозвѣту.

Солнце, заходя за мысъ Посилону, освѣщаетъ съ боку весь заливъ. Его лучи проходятъ вдоль города и скользятъ по верхамъ зданій и мачтъ кораблей, которые стоятъ въ портѣ, потомъ обходятъ около возвышеній, окружающихъ Неаполь, и умираютъ на другомъ концѣ этой волшебной арки на скалт Везувія. Это часть, когда рыбаки выѣзжаютъ на море; со всѣхъ сторонъ развѣваются ихъ бѣлые паруса, которые походятъ на стаи морскихъ птицъ; другіе же рыбаки, соединенные грунзави вдоль берега, вытягиваютъ свои длинныя сѣти съ говоромъ и восклицаніями и раскладываютъ ихъ на вѣсчашой отицѣ, чтобъ сушить ихъ. Все та же картина, которую ты видишь тысячу разъ, воспроизведенную и перомъ и кистью, и которая ничего не потеряла отъ своей вѣчной неизмѣнливости.

Когда солнце совершенно зайдетъ, мы возвращаемся домой. Я провожу остальную часть вечера у окошка. Луна показывается изъ-за Везувія, какъ будто она выходитъ изъ самого волкана; ея сребристый свѣтъ растлается по заливу. Своимъ свѣтомъ ноги меня пронзаетъ, я слушаю ровотъ голоса Елены, которая разговариваетъ съ своею матерью, овершивъ на сѣднѣй балконѣ.

8 сентября.

Рѣшительно, все мнѣ нравится въ Неаполѣ; здѣсь находишь, посреди красотъ природы, самыя очаровательныя воспоминанія древности. Моя прежняя страсть къ греческому искусству возвратилась; днемъ, когда жаръ солнца заставляетъ всѣхъ сидѣть по домамъ, я хожу иногда въ музей древностей. Здѣсь я нахожу произведенія самыхъ знаменитыхъ мастеровъ; я сажусь у подножія этихъ баснословныхъ боговъ, живыхъ неизмѣнчивою красотою, и люблюсь ими цѣлыя часы. Когда я выхожу, эти роскошныя видѣнія слѣдуютъ за мною. Античная Флора, смѣсь величія и красоты, сподитъ съ своего шедестала, котораго она едва касается уже три тысячи лѣтъ, и летитъ передо мною, бросая цвѣты, которые она дер-

жить въ рукѣ. При входѣ на Посминоу, подъ знаменитое пещерою которая находится подъ горою, возвышается извзой, окруженный виноградниками, лавровыми деревьями и кактусами. Древнее повѣрье говоритъ, что это памятникъ Virgilia, и Неаполитанцы, пораженные при этомъ имени, какимъ-то суевѣрнымъ удивленіемъ, въ которомъ они не могутъ себя дать отчета, говорятъ, что Virgiliй былъ волшебникъ, который вырылъ эту пещеру. Миѣ нравится это престоудшное представление славы. Вчера я сѣлъ на скалу, на которой стоитъ памятникъ, и откуда чудесный видъ на море; тамъ я говорилъ вслухъ всѣ стихи Virgilia, приходившіе миѣ на память. Я не призывалъ пѣвца древняго Латіума, но восхительнаго ученика Теонрита и Біона. Передо мной въ этой безконечной, лазурной глубинѣ являлись Сиракузы, Іонія, вершины Тайгета, Гимета и Пинда.

Но, я вижу, ты смѣешься надъ моими классическими воспоминаніями. Ты знаешь, что въ моемъ одиночествѣ я всегда любилъ предаваться этимъ мечтамъ, которыя исчезаютъ очень скоро для другихъ передъ счастливою дѣйствительностію молодости. Я понимаю, почему элога получима начало въ этихъ счастливыхъ странахъ. Говорятъ, что за голубыми горами, которая подымаются надъ Каstellанаре, лежитъ между двумя зелеными небольшая земля зеленыхъ луговъ, быстрыхъ ручьевъ и дикихъ стадъ. Virgiliй вѣроятно выбралъ это мѣсто дѣйствіемъ для своихъ поэмъ. Какъ пріятно было бы жить тамъ съ любимою подругою и возаратиться къ простямъ и тихимъ правамъ древней Аркадіи. Но ты улыбаешься, я вижу, и этотъ пейзажъ à la Roussin тебѣ кажется химерою. Увы! ты правъ.

12 сентября.

Другъ мой, другъ мой, раздѣли мою радость, и я, и я также могу быть счастливымъ, и счастливъ.... я не уиру, не испытавъ счастья....

Позадки мои, въ эти послѣдніе дни утомили меня; со мной снова былъ припадокъ, который принудилъ меня не выходить

изъ дома цѣлые двои сутокъ. Вообрази мое отчаяніе! Вчера, почувствовавъ себя немного лучше, я рѣшился выѣхать одинъ, чтобъ дать полную свободу моей мизантропїи. На одномъ изъ возвышеній, окружающихъ Неаполь, находится монастырь Св. Мартина. Печальный видъ монастыря согласовался съ мрачнымъ расположеніемъ моей души; я велѣлъ кучеру ѣхать туда. Миѣ надобно было для того проѣхать безконечную Толедскую улицу, загроможденную экипажами и шумную болѣе нежели когда-нибудь. Всѣ кареты пересѣкали миѣ путь и отправлялись въ Корсо; ихъ безконечные ряды, шумъ колесъ, лошадей и парода оглушали и надоѣдали миѣ долго. Двадцать разъ я былъ готовъ закричать моему кучеру, чтобъ онъ повернулъ въ другую улицу, менѣ шумную. Наконецъ мы миновали этотъ гамъ и подѣхали къ монастырю. Тамъ я просилъ, чтобъ меня оставили одного: миѣ надо было предаться безъ свидѣтелей внутренней бурѣ, которая бушевала во миѣ.

Но какъ я ошибся въ моихъ ожиданіяхъ! Я посѣщалъ многіе монастыри, и они миѣ всегда казались безжизненными и скучными. Здѣсь то же молчаніе, но не та пустота, не тотъ ужасъ. Я находился въ одномъ изъ богатѣйшихъ памятниковъ человѣческаго великолѣпія. Своды и полъ, все мраморное. Гирлянды неизмѣняемыхъ цвѣтовъ изъ флорентинской мозаики украшаютъ стѣны. Церковь блеститъ золотомъ и драгоценными камнями. Вездѣ картины, вездѣ статуи. Къ довершенію этого блеска, солнце, въ которомъ здѣсь нѣтъ недостатка, ярко освѣщало косвенными лучами это великолѣпное зданіе. Тамъ, гдѣ я думалъ найдти нищету, я увидѣлъ роскошь.

Все болѣе раздосадованный, безпокойный я прошелъ скорымъ шагомъ широкіе дворы и длинныя зданія монастырскія и пришелъ къ балкону, который висѣлъ надъ пропастью. Тутъ скала, поддерживающая монастырь, углубляется перпендикулярно подъ ноги и открываетъ какъ бы въ большомъ гнѣздѣ весь городъ съ его заливомъ, укрѣпленіями, дворцами, церквами, рядомъ холмовъ, кораблями, и на якоряхъ, и съ развѣвающимися парусами и безвѣрностью моря. Я напрасно искалъ облачка на неутомимой лазури: ничто не прерывало жгучей ясности воздуха. Неаполь бѣлѣлся подъ огненнымъ дождемъ,

между голубыми волнами, которые блестяли вдали и зеленою лимонныхъ деревьевъ, на которыхъ каждый листочекъ свѣтился какъ зеркало.

Гдѣ же мѣсто плача и смерти, вскричалъ я съ какою-то бѣшенствомъ, посреди этого безконечнаго праздника неба, земли и искусствъ? Непонятный гулъ городской, доходящій сюда, отвѣчалъ только на мой вопросъ. Я стоялъ тутъ уже нѣсколько времени, погруженный въ мои дикія безпокойныя думы, какъ вдругъ услышалъ позади себя такіе легкіе шаги, что можно было назвать ихъ нечеловѣческими. Я обернулся: это была Елиза, сама Елиза, которая шла медленно, опираясь на руку матери. Вѣроятно мой взглядъ и выраженіе лица были такъ дико и разстроены, что онѣ, взглянувъ на меня, остановились, какъ бы пораженные ужасомъ. Мать, казалось, хотѣла пойдти въ другую сторону, но Елиза съ рѣшительностію пошла впередъ и встала подлѣ меня на балконѣ. «Какъ это хорошо», сказала она съ увлеченіемъ и потомъ обратила на меня взглядъ, исполненный дружескаго упрека, такъ что слезы навернулись у меня на глазахъ. Я чувствовалъ, какъ небесное блаженство проникло въ глубину души моей, и невыразимое спокойствіе замѣнило ропотъ моего отчаянія.

Я тебѣ не могу сказать то, что было со мной послѣ этой первой минуты, я самъ не знаю. Я былъ внѣ себя отъ благодарности и восторга. Тысячу новыхъ чувствъ, невѣдомыхъ ощущений овладѣло мною, я едва дышалъ, я ни о чемъ не думалъ. Миѣ кажется, что тогда мы всѣ вмѣстѣ прослезились: Елиза, ея мать и я. Мы поняли другъ друга; наши общія страданія сливались въ одно и безконечномъ утѣшеніи. Мы начали говорить, какъ будто уже давно были знакомы. Часу достаточно было, чтобы намъ сойтись совершенно.

Я предложилъ мою руку Елизѣ; мать ея дала ей на то позволеніе. Мы вмѣстѣ любовались очаровательнымъ заливомъ. Онъ уже успѣлъ переимѣниться; день быстро смѣнялся ночью; самыя яркія краски слабѣли и воздухъ начиналъ дышать той обольстительной нѣгой, которая придаетъ столько прелести вечерамъ въ теплыхъ климатахъ. Прозрачное море уже не горѣло и было подернуто легкою зыбью. Прозрачныя испаренія носились по мѣстамъ и затеняли яркій цвѣтъ неба. Только склоны Везувія казались еще ярко-краснаго цвѣта, какъ будто

огненная лава покрывала ихъ; у подошвы горы все уже было покрыто иглами.

Когда мы возвращались назадъ, внутри стѣвъ монастырскихъ уже было темно. Но это была не та холодная и мрачная ночь, свойственная нашимъ странамъ, а свѣтлая, теплая и ясная ночь, свѣтлая предельно только излозину. Мы проходили по бѣлому, мраморному монастырю, въ которомъ колонны отражали послѣдніе лучи свѣта. Мы молчали всѣ трое и наслаждались въ тишинѣ. Елиза имла медленныя шаги, какъ бы утопленная въ силы душевныхъ ощущений. Иногда она останавливалась, чтобы лучше любоваться видомъ роскошныхъ аркадъ, и я былъ счастливъ, что могъ любоваться съ нею тѣмъ, что я уже разсматривалъ часъ тому назадъ.

Наслаждайся славой и будь счастливъ, Мануэль; я не забуду больше тебя. Когда я снова буду мечтать и одинокъ, я возвращусь въ монастырь; его удивленіе будетъ для меня полно воспоминаній, которыя могли измѣнить и не такую короткую жизнь, какъ моя; каждая мраморная плита мнѣ будетъ говорить и я не промѣню мечты, которыя будутъ желать меня, на лучшія твои радости.

15 сентября.

Я вижу Елизу и мать ея каждый день. Какъ онѣ любезны и занимательны. Отецъ Елизы былъ заслуженный генералъ, который женился на пятидесятомъ году и умеръ скоро, послѣ рожденія дочери.

Мать, принадлежащая къ одной изъ лучшихъ фамилій Берри, вышла за мужъ также уже не въ первой молодости. Съ самаго дѣтства мать, замѣтя болѣзненное расположеніе дочери, старалась подкрѣпить слабое ея здоровье и посвятила ей всю свою жизнь. Всѣ, которые окружаютъ Елизу, любятъ ее и оплакиваютъ уже за ранѣе. Разговоръ ея очень занимателенъ; она очень хорошо образована и любитъ страстно искусство. Я въ ней нашелъ ту же быструю сѣтливость и живость воображенія, которыя всегда были замѣтны во мнѣ и которыя были вмѣстѣ и моимъ утѣшеніемъ и мукою. Да-

же и здѣсь она много занимается; она уже преврасно говоритъ по-итальянски; поетъ и рисуетъ гуашью съ большимъ искусствомъ. Но меня особенно удивляетъ и восхищаетъ въ ней то, что она всегда одинаково весела, и это представляетъ противоположность съ страдальческою выраженіемъ ея физиономіи. Она часто смѣется отъ всей души и заставляетъ смѣяться и мать свою. Но, кажется, она не обманывается, также какъ и я, на счетъ своей болѣзни.

Мы много говоримъ объ Италіи, особенно Римъ сдѣлалъ на нее глубокое впечатлѣніе; гуляемъ по воспоминаніямъ въ самыхъ уединенныхъ садахъ. Не стовариваясь, мы оба показывали предпочтеніе къ виллѣ Матен. Когда Елиза говоритъ съ мечтательнымъ увлеченіемъ о прекрасномъ мѣстоположеніи разваливъ, окружающихъ виллу, мнѣ кажется, что я слышу свой собственный голосъ и цѣлый миръ грустныхъ и сладостныхъ ощущеній пробуждается во мнѣ. Я часто проводилъ тамъ нѣсколько часовъ сряду, сидя на опрокинутой колоннѣ, погруженный въ вѣчное созерцаніе; теперь я тамъ гуляю съ Елизой, и мнѣ кажется, что я отдѣленъ отъ всего земнаго; мы проходимъ, какъ призраки посреди этихъ глыбъ мрамора и античныхъ статуй и направляемъ нашъ полетъ къ полуразвалившемуся валу, изъ-за котораго видна беззвѣрная стѣна Кампаніи.

Но шумъ снаружи привлекаетъ насъ снова въ Неаполь. Она забавляется, какъ дитя, разными сценами, безпрестанно оживляющими заливъ. Пароходъ, который пріѣхалъ изъ Франціи, долго занималъ насъ вчера. Мы видѣли, какъ онъ обходилъ Поспилю и направился къ порту, оставляя за собою длинную полосу дыма, которая тянулась далеко на ясномъ небѣ. Что красивѣе пароходъ или корабль? спрашивали мы другъ у друга. Въ это время показался корабль на парусахъ за Поспилюй. Надутые вѣтромъ паруса пріятнѣе для глазъ, но ходъ парохода мститъ болѣе самолюбію челоуѣка, показывая ему все его могущество. Пока одинъ изъ двухъ судовъ съ трудомъ пробирался, лавируя, другое гордо несло прямо передъ нимъ; его черная подводная часть, выкрашенная широкою, бѣлою полосою, держалась на поверхности волнъ, какъ бы поддерживаемая сверхъ-естественною силою, тогда какъ море, казалось, готово было поглотить каждую минуту его соперника, преклонаяшего-

ся, какъ будто передъ властелиномъ, при каждомъ взрывѣ вѣтра.

Этотъ пароходъ привезъ мнѣ твое послѣднее письмо. Я читалъ его сегодня Елиза и долго говорилъ съ нею о тебѣ. Она принимаетъ въ тебѣ живое участіе, также какъ и я, и теперь у тебя двое друзей въ Неаполѣ вѣсто одного.

18 сентября.

Теперь я знаю, почему Елиза такъ спокойна, а иногда и такъ весела: это потому, что она набожна. И такъ это правда, что вѣтра и молитва имѣютъ такое цѣлительное могущество, которое излечиваетъ всѣ земныя страданія. Нѣсколько дней тому назадъ, я снова упалъ духомъ; даже въ присутствіи Елизы я былъ молчаливъ и мраченъ, и всякой разъ, какъ она старалась меня разсѣять, я отвѣчалъ ей неохотно. Знаете ли вы, почему вы такъ печальны? сказала она мнѣ наконецъ, съ ангельскою кротостію; это потому, что вы не любите Бога, что вы не молитесь ему. Я вздрогнулъ при этомъ откровеніи, какъ человѣкъ, который внезапно пробуждается. Она права.

Духовникъ Елизы, старый священникъ, часто приходитъ къ ней. Я долго говорилъ съ нимъ; его зовутъ аббатомъ Анджело. Я удивлялся его разговору, его познаніямъ. Аббать Анджело любитъ говорить, какъ и всѣ Итальянцы; онъ разсказывалъ свои идеи, въ продолженіе двухъ часовъ съ удивительнымъ краснорѣчіемъ.

Онъ говорилъ мнѣ, что всякая философія, всякое искусство, всякая мораль, которыя не проистекаютъ изъ религіи, несовершенны и недостаточны.

Елиза слѣдила за нашимъ разговоромъ съ видимымъ любопытствомъ; ея глаза казались, вопрошали меня каждую минуту, не посѣтила ли меня благодать. Правда, что во мнѣ произошло переворотъ. Я бы желалъ также какъ и Елиза предаться всею душею Богу.

«Знаете ли вы почему вы такъ печальны? это потому, что вы не любите Бога, вы не молитесь Ему!» Милое дитя, это уча-

стїе уже есть утѣшеніе для меня; я чувствую, какъ свѣжесть твоей молитвы переходитъ въ мою душу и мало-по-малу укрощаетъ ее.

20 сентября.

Мы высказали другъ другу все: мы любимъ другъ друга. Это признаніе тебѣ покажется, быть можетъ, слишкомъ скорымъ, но мы не имѣемъ времени ждать. Для насъ, передъ которыми разстилается продолжительная будущность, медленные переходы и долгія приготовленія легки и прїятны: вы можете осушать по каплѣ чашу вашихъ юныхъ наслажденій. Для насъ, бѣдныхъ умирающихъ, каждая минута дорога; мы должны торопиться жить. Мы любимъ другъ друга! Понимаешь ли ты сколько счастья заключается въ этихъ словахъ для твоего друга? Тайныя мученія, уединенный ропотъ на судьбу, преступное бѣшенство, прочь отъ меня, вамъ теперь нѣтъ извнненія.

Увидя меня сегодня утромъ скучнымъ и безпокойнымъ, даже послѣ разговора съ аббатомъ Анджели, Елиза начала плакать. Я упала къ ея ногамъ, стыдясь самого себя; я не могъ выговорить ни слова, и благодарность мою я только могъ выразить рыданіями. «Вы любите меня!» сказалъ я наконецъ тихимъ голосомъ, и она мнѣ отвѣтила едва внятно да, такъ что только одни ангелы могли это слышать со мною. Я боялся, чтобъ сила нашихъ ощущеній не погубила насъ обоихъ. «Дѣти мои, любезные дѣти, сказала мать, прижимая насъ въ своихъ объятіяхъ: сжальтесь надо мной; ваша любовь есть даръ Провидѣнія, живите, чтобъ наслаждаться ею и умѣйте владѣть собою. Хотите ли вы, чтобъ я умерла съ горя?»

Но довольно на сегодняшний день, Мануваль. Счастье сдѣлало меня безсильнымъ, и я дрожащею рукою васлу могу чертить едва понятныя буквы. Ты меня прочитаешь сердцемъ и дополнишь самъ это безтолковое письмо....

26 сентября.

Любовь сдѣлала чудо, мой другъ. И Елизѣ и мнѣ несравненно стало лучше. Быть можетъ мы и выздоровѣемъ: подобныя припѣры бывали. Въ первый разъ я сомнѣваюсь и вѣрю.

Мы уже строимъ воздушныя зѣмки на счетъ нашей будущности. Мы не поѣдемъ во Францію, гдѣ мы такъ много страдали, но останемся въ Неаполѣ, гдѣ солнце насъ оживило. Вчера мы ѣздили на прелестныя овраги Капо ди Монте и прикидывали себѣ домъ. Мы нашли прекрасную виллу, окруженную апельсиновыми, гранатовыми и рожковыми деревьями. Изъ глубины этой тѣнистой сѣни видъ прямо на море. Неаполь исчезаетъ въ глубинѣ овраговъ. Небольшой ручей бѣжитъ между миртъ и розовыхъ лавровъ и стекаетъ въ бѣлой мраморной бассейнъ. Никакой шумъ не долетаетъ до этого убѣжища, гдѣ дни проходили бы какъ часы.

Мать Елезы одобряетъ наши мечты. Когда мы ей говоримъ о свадьбѣ, она улыбается. Для нея также, какъ и для насъ, необходима надежда. Какъ бы мы были счастливы втроемъ! Ты бы пріѣзжалъ нарѣдка къ намъ погостить, не правда ли? Елиза тебя полюбила бы, какъ брата. Когда я представляю себѣ мою будущность, сначала я самъ себѣ не вѣрю, но потомъ мало-по-малу увлекаюсь обольстительными мечтами, которыя меня убаюкиваютъ. Ахъ! если это призракъ, пусть длится онъ по крайней мѣрѣ до роковой минуты, когда все кончится для насъ!

30 сентября.

Съ помощію аббата Анджело, мы отыскиваемъ бѣдныхъ людей и помогаемъ имъ. На дняхъ мы сдѣлали приданое жещу и невѣстѣ. Женихъ занимается рыбною ловлею, а невѣста

продаетъ воду со льдомъ по неаполитанскимъ улицамъ. Елиза подаривла молодой дѣвушкѣ беченокъ и норзнику, украшенную цѣтани; я снабдилъ молодаго новою лодкою и сѣтями. Вечера мы присутствовали на ихъ вѣнчаніи въ маленькой церкви Св. Лючіи. О! какъ они были счастливы и какъ благодарили насъ! Все семейство цѣловало намъ руки. Я думаю, эти добрые люди не разъ возсылали теплыя молитву Св. Януарію, чтобъ мы могли совершенно выздоровѣть. «Будьте увѣрены, превосходительный, говорили мнѣ съ простодушіемъ молодые рыбаки, Богъ не оставитъ такого добраго господина, какъ вы; скоро будетъ и ваша очередь.» Я думаю, подружки молодой тоже самое говорили Елизѣ, потому-что я замѣчалъ, что она нѣсколько разъ краснѣла. Вечеромъ передъ нашими окошками спускали ракеты и пѣли веселыя неаполитанскія пѣсни. Слышавъ эти аріи буффы, которыхъ легкія ноты какъ будто скачутъ въ воздушной темнотѣ, чувствуешь, что смѣхъ смѣшивается съ пѣніемъ. Эта безпечная веселость сообщилась и намъ, и мы принялись также пѣть и смѣяться. Мы повторяли съ нашего балкона припѣвы, которые съ улицы долетали до насъ и надо было видѣть какое счастье было написано на этихъ добрыхъ, неаполитанскихъ лицахъ, когда мы попадали вѣрно; надо было слышать ихъ рукоплесканія, которыя отвѣчали на наши голоса.

Этотъ вечеръ не утомилъ насъ; счастье насъ поддерживаетъ. Сегодня утромъ, просыпаясь, я увидѣлъ Филиппа, стоящаго передо мной и наблюдающаго за мной сномъ съ трогательною заботливостію. Онъ былъ въ снушеніи; я протянулъ ему руку.

— Вы не страдаете сегодня, баринъ, сказалъ онъ мнѣ съ безпокойствомъ.—Нѣтъ, мой добрый Филиппъ, чувствую себя гораздо лучше; я видѣлъ ночью пріятныя сны, и вчерашнее пѣнье превратилось въ небесныя голоса, которые навѣдали мнѣ сладкую дремоту.—Елиза также хорошо себя чувствуетъ, мать ея велѣла мнѣ сказать это черезъ Филиппа. Подобный вечеръ, нѣсяцъ тому назадъ, утомилъ бы насъ обоихъ.

Какъ ты думаешь, можемъ ли мы поправиться? Эта мысль дѣлаетъ меня суевѣрнымъ. Я хочу сдѣлать тайное приноше-

не цвѣтому! уарина; Яонъ баракетъ перодъ, какъ думаетъ Неаполитанцы, отъ вѣчнаго мѣлъ волкана, не прошу тебя, не говори объ этомъ никому.

Поздравляю тебя, желанія твои, кажется, сбываются. Если бы я чувствовалъ въ себѣ болѣе силы и жизни, я бы также желалъ славы. Но съ моимъ слабымъ здоровьемъ я предпочитаю тихое счастье, но я понимаю твое честолюбіе. Она также желаетъ тебѣ успѣха, она увѣрена, что это настоящая твоя дорога. Ты намъ пришлешь твою первую рѣчь; мы будемъ читать ее въ тѣни апельсиновыхъ деревьевъ, сидя на прибрежной скалѣ, при шумѣ этого прекраснаго моря, влещущаго къ ногамъ нашимъ, которому однако невзвѣстны тѣ бурн, которыми ты подвергаешься.

2 октября.

Это видное облегченіе было обманъ, коварная насѣшка судьбы. Елиза здорова, она будетъ жить, а я умираю... У меня кровь горломъ снова показалась съ кашлемъ. Я чувствую, что конецъ мой близокъ. Не жди новыхъ жалобъ отъ меня: я встрѣчу смерть съ твердостью. Развѣ я не былъ въ это осужденъ съ самаго дня моего рожденія, и не странно ли было съ моей стороны предполагать, что и я могу равняться съ другими?

Елиза будетъ жить. Быть можетъ она полюбитъ другаго, она будетъ счастлива съ нимъ. Почему же нѣтъ? Я думаю, что мы умремъ въ одно время, но видно я ошибаюсь. Никакой союзъ не соединитъ наши души. Ея молодость ничѣмъ илѣ не одолжена, и она свободно можетъ жить. Я ее вижу гораздо рѣже съ нѣкотораго времени. Я не хочу ее огорчать моими страданіями. Мое появленіе видимо смущаетъ элонзій матерн. Эта женщина была бы въ состояніи убить илѣый свѣтъ, чтобы доставить дочери лишнюю минуту жизни. Когда я къ нимъ вхожу, я читаю въ ея глазахъ родъ упрямъ; когда ухожу, я вижу въ нихъ благодарность. Быть можетъ илѣ скоро объявятъ, что ихъ нѣтъ уже здѣсь. Въ тотъ день я оставляю Неаполь и поѣду умереть въ другое мѣсто.

Я получилъ твое письмо. Ты уже депутатомъ. Это много въ твои лѣта. Ступай впередъ, ступай; Богъ знаетъ чего ты достигнешь. Ваши надежды прекрасны повидимому, но какъ знать? Берегись! Гнѣвъ людей наиболѣе поражаетъ тѣхъ, которые высоко стоятъ и можетъ быть придетъ время, что ты вспомнишь твою скромную невѣзѣность.

Аббатъ Анджело пришелъ сегодня утромъ навѣстить меня; Я отказалъ ему. Чего хочетъ онъ отъ меня? Пусть онъ идетъ къ Елизѣ.

Ахъ! Елиза! Елиза! Зачѣмъ я тебя узналъ? Мысль о тебѣ болѣе всего другаго отравляетъ мнѣ послѣднія минуты....

8 октября.

Какая неразгаданная вещь наше сердце, мой другъ. Вотъ уже два дня, какъ я спокоинѣе, а мнѣ надо бы стыдиться самого себя. Вотъ что случилось. Я остался одинъ съ Елизой разъ вечеромъ, на ея балконѣ; мать ея ушла хлопотать по хозяйству. Я предался отчаянiю, сравнивая мою судьбу съ судьбою Елизы. Она кротко улыбнулась, поднесла платокъ къ свѣтлѣ устанѣ и подала мнѣ его, не говоря ни слова. Увы! и она также умираетъ.... Я бы долженъ былъ огорчиться этимъ, но я почувствовалъ тайную радость; вѣроятно прочитавъ это въ глазахъ моихъ, она улыбнулась, пожала мнѣ руку и показала небо.

И такъ мы еще разъ соединены на-всегда. Эта мысль невольно утѣшаетъ меня. Нѣтъ, душа Елизы, эта юная и нѣжная душа не состарѣется: она улетитъ въ полномъ цвѣтѣ своемъ, и я послѣдую за нею.

Я помирался съ аббатомъ Анджело и съ матерью Елизы. Я несправедливо обвинялъ ихъ, и тотъ и другая любятъ меня.

12 октября.

Вчера мы выехали въ каретѣ Елиза, мать ея, аббатъ Анджело и я. При въѣздѣ въ улицу Кіаіа мы встрѣтили похороны. Гробъ былъ покрытъ богатымъ краснымъ бархатнымъ покровомъ съ золотою бахромою; за нимъ шли монахи въ бѣлыхъ мантияхъ и пѣли похоронныя стихи. Вечернее солнце позлащало своими послѣдними лучами и бархатъ и гробъ и платье монаховъ и мостовую улицы и окружающій воздухъ. Ничто не напоминало страданіе и трауръ. Въ этой счастливой странѣ смерть есть, какъ бы послѣдній праздникъ.

Въ то время, какъ говорилъ со мною священникъ, мы ѣхали около мыса, отъ котораго отдѣлился маленькій островъ, называемый Низида. Неаполитанскій заливъ скрывался за нами, и новая страна представилась нашему взору. Море здѣсь было безъ парусовъ, земля безъ жителей. Первые вечернія тѣни сходили со всѣхъ сторонъ. Карета катилась безъ шума по вулканическому песку дороги. Глубокое молчаніе насъ окружало. Можно было сказать, что мы оставляли убѣжище жизни и въѣзжали въ фантастическія селенія смерти. Дѣйствительно недалеко отъ этихъ странъ, древніе помѣстивъ Авернское озеро и Елисейскія поля: тамъ блуждали спокойной счастливый тѣни. Дремота и забвеніе господствуютъ и теперь въ этомъ уединеніи.

Мы всё замолкли: одно чувство овладѣло нами. Елиза и мать ея набожно молились; аббатъ Анджело былъ погруженъ въ глубокое размышленіе; я предался своимъ мечтамъ.

Мы возвратились въ Неаполь по Посилпской вечерѣ. Тамъ мы нашли снова движеніе и шумъ. Въ пещерѣ раздавались веселыя пѣсни, которыя непріятно поразили мой слухъ. Я не завидую болѣе этимъ бѣднымъ людямъ.

15 октября.

Я тебѣ предсказывалъ, любезный Мануилъ: уже печали и неудовольствія начинаются для тебя. Ты хотѣлъ дѣйствовать, повелѣвать; ты видѣлъ только блескъ этой новой роли, теперь ты узналъ и неудобства. Но мнѣ кажется, что тебѣ еще рано жаловаться; ты только начинаешь карьеру.

Мы больше не выѣзжали съ Елизою, послѣ нашей прогулки на *тогъ свѣтъ*. Мы оба все болѣе и болѣе слабѣемъ, но эта слабость не мѣшаетъ ничего тягостнаго. Я ощущаю на-противъ какое-то невѣдомое благосостояніе по мѣрѣ того, какъ силы мои истощаются. Мы говоримъ мало: разговоръ намъ вреденъ; но мы проводимъ вѣстѣ почти цѣлые дни. Сидя возлѣ нея и держа ея руку въ моихъ, я забываю время, свѣтъ и жизнь, глядя на нее. И она также предается съ наслажденіемъ этимъ нѣмымъ восторгамъ. На этой землѣ истинное счастье только и можетъ быть въ любви и въ спокойствіи. Странная любовь! скажешь ты, можетъ быть; но ты ошибаешься: наша любовь, это непрерывное упоеніе, наслажденіе тихое и не потрясающее. Мы перейдемъ нечувствительно изъ одного міра въ другой.

20 октября.

Ты помнишь этихъ двухъ молодыхъ супруговъ, у которыхъ на свадьбѣ такъ было весело: они погибли жертвою несчастнаго приключенія. Они поѣхали вѣстѣ на праздникъ на островъ Капри; не знаю, что было съ ними во время ихъ возвращенія, но лодка опрокинулась по серединѣ моря. Вѣроятно какая нибудь рѣзвая шутка или любовная разсѣянность сгубили ихъ они были такъ молоды и такъ счастливы, лодка была такая легкая, а бездна такъ близка! Оба потонули въ волнахъ. Я увѣренъ, что ихъ нашли бы, обнявшись съ улыбкою на устахъ. Какая поэтическая смерть! Они были только двѣ недѣли замужемъ. Древніе сдѣлали бы изъ нихъ Трито-

на и Неренду, которые продолжали бы любить другъ друга, играя на убійственныхъ волнахъ. Почему же и нѣтъ?... Они еще разъ указываютъ намъ дорогу; мы послѣдуемъ скоро за ними, и на свадьбу и на смерть. Я сдѣлалъ предложеніе Елизѣ. Мать сначала затруднялась, но потомъ согласилась. Къ чему противиться? Наши дни сосчитаны во всякомъ случаѣ: ничто не можетъ ни продлить, ни сократить ихъ. Пусть дадутъ намъ, по крайней мѣрѣ, свободу наслаждаться нашими счастьемъ, прежде чѣмъ мы покнемъ землю. Наша свадьба назначена черезъ недѣлю. Абатъ Анджело будетъ вѣнчать насъ. Жам, что тебя здѣсь нѣтъ, ты увидишь бы, какъ Елиза нила. Я желалъ бы, чтобъ всѣ, кого я люблю, могли теперь быть со мной.

26 октября.

Мы видѣли вчера путешественниковъ, которые прѣхали изъ Помпеи. Сколько удовольствій доставили бы намъ подобная поѣздка, но по слабости здоровья мы должны отказать. Разказы этихъ иностранцевъ о ихъ путешествіи произвели на меня самое неприятное впечатлѣніе. Они разсматривали съ веселою и шумною радостью городъ мертвыхъ; я бы не съ такими чувствами желалъ его видѣть: я бы боялся оскорбить тѣни усопшихъ. Ты знаешь, что это было убѣжище удовольствій, гдѣ богатые эпикурейцы наслаждались спокойно философіею Горация. Каждая развалина, стѣны, пспешренныя живописью, какъ бы говорятъ словами поэта: любите, пользуйтесь жизнью: она коротка и розы не долго цвѣтутъ. Я бы желалъ гулять одинъ съ Елизой въ этомъ прелестномъ убѣжищѣ: эта смѣсь разрушенія и ибга гармонируютъ съ нашею любовью. Я это сказалъ Елизѣ, когда наши путешественники ушли; она упрекала меня за эту земныя мысли. — Да, будемъ любить другъ друга здѣсь, сказала она, но не забудемъ, что и въ будущей жизни цвѣтутъ для насъ вѣчныя розы.

30 октября.

Я тебѣ писалъ объ виллѣ въ Каподи-Монте, въ которой мы жили бы, если бы могли надѣяться на жизнь. Я писалъ

ее, чтобъ поставить тамъ нашъ памятникъ. Простая, бѣлая, мраморная доска будетъ покрывать наши останки. Я хочу, чтобъ наши имена были высѣчены на ней съ слѣдующею надписью: «Они счастливы были тѣмъ, что умерли вѣстѣ.» Филиппъ обѣщалъ мнѣ остаться тамъ сторожемъ. Онъ будетъ смотрѣть за цвѣтами и душистыми деревьями. Вчера мы постигли это мѣсто; Елиза также дала нѣкоторыя приказанія; молодая невѣста также хотѣла украсить по своему вкусу жилище новобрачныхъ. Завтра насъ будутъ вѣнчать. Старый аббатъ призвалъ меня на исповѣдь; я рассказалъ ему всю мою жизнь. Онъ былъ скучиве меня, давая мнѣ разрѣшеніе. Съ этой минуты, я сталъ еще спокойнѣе: я никогда не наслаждался такимъ тихимъ довольствомъ.

1 ноября.

Мы обвѣнчаны, любезный Мануилъ. Елиза была прекраснѣе, чѣмъ когда-либо, въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, которые впрочемъ уступали ей въ бѣлизнѣ. Всѣ бывшіе около насъ плакали: мы одни были веселы. И зачѣмъ намъ было печалиться? Провидѣніе казалось svelo насъ, чтобъ осчастливить наши послѣдніе дни. Обрядъ вѣнчанія мнѣ показался трогательнымъ. Въ то время, какъ Елиза получила отъ меня обручальное кольцо, мнѣ казалось, что небо отверзлось для насъ и благодать Божія осѣнила меня. Боже! прими насъ въ твои отеческія объятія! А ты, ослѣпительный свѣтъ неаполитанскаго солнца, освѣщай со всѣмъ твоимъ велелѣпіемъ этотъ счастливый союзъ; я чувствую, что твой божественный жаръ проникаетъ меня и скоро сожжетъ. Прощай, мой другъ; не плачь обо мнѣ. Мои желанія исполнились. Мой послѣдній вздохъ будетъ изліяніемъ любви и счастія. Всѣ мои страданія земныя искупились такой кончиной.

Филиппъ г. Мануилу де**.

Неаполь, 3 ноября.

Извѣщаю васъ, милостивый государь, о смерти моего незабвеннаго барина, случившейся сегодня, въ воскресенье, въ
К. XII. — Отд. IV.

шесть часовъ съ половиною. Вы знаете конечно, что баронесса*** жила съ своею дочерью въ той же гостиницѣ, гдѣ и мы жили, и что мой баринъ явился третьяго дня на госпиталь Елиза. Она умерла нѣсколькими минутами прежде моего барина; оба заснули безъ страданій. Аббатъ Анджели говоритъ, что не надо жалѣть объ нихъ, потому-что они счастливы. Бѣдная мать вѣрно не долго переживетъ ихъ; сердце разрывается, глядя на нихъ. Мой баринъ приказалъ мнѣ остаться здѣсь, чтобъ смотрѣть за его могилкой, и я буду исполнить добросовѣстно этотъ долгъ до моего послѣдняго издыханія.

==

Науки и Художества.

ПУТЕШЕСТВІЕ МАРМЪЕ ВЪ ПАЛЕСТИНУ.

СЛОУТЬ. — НАЗАРЕТЪ. — КАМФА. — ГОРА КАРИВЕЛЬ. — ЯССА. —
РАМЛЕ. — КУМЪТЪ-ЭМ-ЭНАБЪ. — ИЕРУСАЛИМЪ.

Отъ Сентъ-Жанъ д'Акра до Назарета, дорога идетъ по широкой долини, гдѣ не достаетъ лишь рукъ и доброй воли, чтобы обратить ее въ зеленѣющія нивы и плодоносныя поля; она првлегаетъ къ подошвѣ холмовъ, тянущихся длинною цѣпью въ усѣянныхъ дубами. За этими холмами стелется другая долина, шире и глубже первой; эта послѣдняя сохраняетъ названіе племени Завулонова, того храбраго племени, которое, по велѣнію Девворы, соединившись съ сынами Исеаимовыми, сразилось съ Сисарою, военачальникомъ царя Асорскаго, Гивина, и одержало надъ врагами народа Израильскаго важную побѣду, прославленную пѣснью пророчицы. Въ этой долини не видишь ни слѣда земледѣлія и ни одного жилища; но тамъ и сямъ, свѣжая зелень покрываетъ землю; волнообразныя холмы, усѣянные тамариномъ и акаціями, окаймляютъ эту до-

лину справа и слева; въ концѣ ея находится Сафури, — древній Сепфорисъ, неоднократно упоминаемый Юсифомъ Флавіемъ и потомъ названный Діокесарією; это былъ знаменитый, могущественный городъ Галилеи, гдѣ было нѣсколько синагогъ и куда былъ перенесенъ великій Синадріонъ іудейскій, послѣ взятія Іерусалима.

Мы сѣли позавтракать, у подошвы холма, подъ оливковое дерево, вѣтви котораго раскидывались надъ нами, какъ обшарная палатка. Наши люди пошли за хлѣбомъ въ Діокесарію и не нашли ни куска, потому-что въ этой странѣ пекутъ хлѣбъ только на одинъ день, въ количествѣ, соразмѣрномъ съ нуждами; за то, намъ принесли двѣ кружки превосходной воды. Эта свѣжая вода, — столь драгоценная вещь въ Сиріи, — сухари и яйца, привезенныя нами изъ Сентъ-Жанъ д'Акра, составили нашъ обѣдъ; и на травѣ, подъ зелеными листьями, мы пообедали съ такимъ наслажденіемъ, какого не доставили бы и бакеты Пале-Рояля. Потомъ мы снова сѣли на лошадей, чтобы осмотрѣть городъ. Городъ! Я забываю, что мы въ той несчастной странѣ, гдѣ вмѣсто городовъ находишь груды развалинъ или бѣдныя селенія. Сафури — одна изъ самыхъ печальныхъ и бѣдныхъ деревушекъ; мы увидѣли хижины, узкія, грязныя, дымныя, изъ которыхъ выбѣгали дѣти въ лохмотьяхъ и женщины, съ полу-опущеннымъ покрываломъ, подъ которымъ можно было замѣтить блѣдное лицо и носъ, украшенный серебрянымъ кольцомъ. Надъ безобразными жилищами господствуетъ развалившійся замокъ, отъ котораго остались только однѣ стѣны и нѣсколько столбовъ. Но не архитектура этого замка, не воспоминаніе о римскомъ городѣ, привлекаютъ сюда путешественниковъ, а драгоценное сердцу преданіе, которое говоритъ, что здѣсь жила Святая Анна, и здѣсь родилась Пресвятая Дѣва. Послѣ этого преданія, что нужды до древняго величія Діокесаріи, до имени Вара, который обратилъ ее въ пещель, до Ирода Антипатра, который возобновилъ ее; образъ Богородицы изглаживаетъ всѣ эти страницы римской и іудейской исторіи и придаетъ мрачнымъ развалинамъ Сафури величественный характеръ. Въ полуторахъ миляхъ отсюда находится Назаретъ. Мы нетерпѣливо желали пріѣхать въ этотъ городъ: при каждомъ поворотѣ холма, мы надѣялись увидѣть его; но другіе холмы являлись передъ нами, холмы голые, пустынные, оживляемые лишь по временамъ появленіемъ верблю-

довъ и Бедуновъ. Наконецъ этотъ городъ передъ нами. Съ вершины горы, мы усматриваемъ, посреди ограды песчаныхъ холмовъ, плоскія кровли, куполы церквей, надъ которыми возвышается минаретъ мечети: зловѣщій признакъ турецкаго владычества надъ этимъ цвѣтомъ христіанскихъ городовъ.

Мы остановились въ латинскомъ монастырѣ. Монахи насъ приняли съ сердечнымъ радушіемъ, и едва мы положили на мѣсто свои чемоданы, они, раздѣляя наше благочестивое желаніе, повели насъ въ церковь. Въ постройкѣ ея нѣтъ ничего достойнаго замѣчанія, и въ украшеніяхъ видна болѣе пышность, чѣмъ изящный вкусъ. Эта церковь, во имя Благовѣщенія, построена на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось одно изъ божественныхъ таинствъ нашей религіи, гдѣ находился домъ Богородицы, который, по сказанію римско-католическихъ легендъ, будто бы перенесенъ ангелами въ Лоретту. Изъ церковной трапезы, спускается лѣстница въ пещеру, посвященную въ скалѣ, гдѣ находятся двѣ гранитныя колонны, изъ которыхъ одна стоитъ еще на своемъ мѣстѣ а другая сломана, и половина ея похищена Сарацинами, которые воображали, что въ ней находятся драгоценности. Первая колонна указываетъ то мѣсто, гдѣ стояла Пресвятая Дѣва, вторая, — гдѣ архангелъ Гавріилъ произнесъ ей святое привѣтствіе. Внутри пещеры находится алтарь изъ бѣлаго мрамора; здѣсь вазы съ цвѣтами наполняютъ воздухъ благоуханіемъ, серебряныя лампы горятъ ночь и день: на бѣломъ камнѣ, украшенномъ лавровою розою и пятью крестами, сдѣлана надпись: *Verbum caro hic factum est.* (Слово здѣсь содѣлалось плотію). Здѣсь колыбель христіанства.

Кромѣ этого Назаретъ имѣетъ еще и другіе памятники и другія великія воспоминанія. Здѣсь то мѣсто, гдѣ святой Иосифъ упражнялся въ ремеслѣ древодѣлателя; синагога, гдѣ Христовъ, открывъ книгу пророка Исаи, возвѣстилъ народу, что онъ пришелъ исполнить предсказаніе пророка, благоговѣствовать нищимъ и утѣшить сокрушенныхъ сердцемъ! Здѣсь камень, называемый *Mensa Christi* (трапеза Христа), на которомъ, говоритъ преданіе, Господъ вечерялъ въ послѣдній разъ со своими учениками, передъ отправленіемъ изъ Назарета въ Иерусалимъ. Вотъ крутая скала, съ которой Евреи, раздраженные проповѣдію Спасителя, хотѣли сбросить Его въ пропасть; вотъ гора Фаворъ, которая господствуетъ надъ холмат

на Назарета, величественная гора, на которой Петръ, Павелъ и Иоаннъ увидѣли своего божественнаго учителя, бесѣдующаго съ Моисеемъ и Илїей, въ бѣлой одеждѣ какъ снѣга, въ сіяніи святительскомъ, какъ солнце, и услышали гласъ съ небесъ: «Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ все Мое благоволеніе; Его послушайте!»

Ничего не говорятъ о Назаретѣ древніе историки. Этотъ городъ обязанъ, какъ Виллестъ, всею своею славою христіанству. До царствованія Константина, Назаретъ былъ населенъ только Иудеями, а въ IV вѣкѣ онъ былъ не что иное, какъ деревушка. Но скоро палатрины обогатили святой городъ своими вкладными, и въ VI вѣкѣ уже возвыснуты были двѣ церкви. Опустошенный въ 1103 Сарацинами и возобновленный крестоносцами, Назаретъ перешелъ, вмѣстѣ съ Галилеей, отъ Годфрида Бульонскаго къ Танкреду, который велѣлъ возвыснуть тамъ церкви и обогатилъ ихъ щедрыми дарами. Епархія была учреждена въ Назаретѣ въ началѣ XII вѣка; разоренный въ 1187 году Сарацинами, послѣ несчастнаго Гаттинскаго сраженія, горель Пресвятой Дѣвы снова былъ завоеванъ христіанами; негось былъ снова опустошенъ султаномъ Бибарсомъ въ 1263. Послѣ этого послѣдняго бѣдствія, онъ оставался, въ теченіе ивскаго вѣка, въ одномъ плачевномъ положеніи.

Въ 1620 году, Францисканцы получили наконецъ позволеніе снова занять пещеру Благовѣщенія и, построивъ каменные церкви, основали монастырь, который былъ увеличенъ и исправленъ въ 1730 году. Не надолго до этого времени, ивскою христіанскихъ семействъ поселилась въ городѣ. Въ концѣ XVIII вѣка, монахи имѣли тамъ довольно большое вліяніе. Ихъ начальникъ, *il padre guardiano*, платившій небольшую подать Акрскому пашѣ, пользовался титуломъ и властью шейха; весь городъ былъ подчиненъ его суду.

Теперь монахи не пользуются этимъ преимуществомъ, во какъ третья часть городскихъ жителей принадлежитъ къ римско-католическому вѣроисповѣданію, то они не знаютъ того тягостнаго уединенія, которому братья ихъ подвергаются въ другихъ

* Назаретъ удерживаетъ свой страхъ съ тѣмъ кровопитомъ, что до-силь-норе владѣли благополучно его дѣлать. Онъ построилъ церкви въ Назаретѣ, въ Тиморидѣ и на горѣ Озарѣ; одарилъ ихъ богатыми вкладными и надѣлилъ ими необходимыми украшеніями. (Танкредъ Турскій, изд. Г. Гизо, кн. IX, р. 37.)

городахъ, а нѣкъ монастырь, по своимъ историческимъ воспоминаемъ, все еще принадлежитъ къ числу главныхъ обителей Палестины.

Надъ нѣкъ жилищемъ возвышается горель, выстроенный довольно живописно на послѣднемъ уступѣ цѣпи горъ, которая идетъ отъ Анти-Ливана и съ Кармилломъ образуетъ долину рѣки Белуга. Дома вообще довольно хорошо выстроены изъ камня. Иные нѣкъ напоминали сельскія жилища, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на берегахъ Моары. Это не что иное, какъ углубленія, изсѣченныя въ скалѣ и закрытыя съ лица стѣною, въ которой устроены двери и окна; вотъ жилище, гдѣ совершенно укрываешься отъ солнца и дождя. Восемнадцать вѣковъ съ половиною прошло съ тѣхъ поръ, какъ Пресвятая Дѣва жила въ одной изъ этихъ пещеръ, и теперь еще въ такихъ жилищахъ, изсѣченныхъ въ бокахъ холма, находящагося напротивъ монастыря, обитаетъ до ста семействъ. Ниже, подойдя къ церкви, мы увидѣли дома очень древней архитектуры, напоминающіе своимъ расположеніемъ виллежскія пещеры. Внутри этихъ домовъ находится большое квадратное пространство, раздѣленное на два отдѣленія. Первое занимаетъ быками и верблюдами. Проходишь мимо скота, распростертаго на землѣ, и поднимаешься по двумъ или тремъ ступенямъ во второе отдѣленіе, гдѣ съ одной стороны находится кухня, съ другой—цѣновки служить постелью членамъ семейства, слугамъ, путешественникамъ. Во всю длину этого рода эстрады находятся ясли довольно широкія и глубокія, такъ что, въ случаѣ необходимости, можно тамъ спать. Видя это устройство, хорошо понимаешь нѣкоторыя священныя событія новозавѣтной исторіи. Спаситель міра родился въ одной изъ такихъ пещеръ, и Божественный младенецъ не могъ имѣть удобнѣйшаго мѣста, гдѣ бы могъ быть положенъ, какъ ясли, къ которымъ пригоняли пастиухи свои стада.

Часто я сожалѣлъ, въ продолженіе моего путешествія, что живописцы, которые предпринимаютъ изображеніе священныхъ предметовъ, не кризѣжаютъ сюда изучать эти страны. Никакое воображеніе не можетъ себя представить строгаго величія пейзажей Востока; здѣсь наши бы они тотъ характеристическій отпечатокъ, который придалъ бы ихъ картинамъ превосходство дѣйствительности надъ всѣми украшеніями, изобрѣтаемыми воображеніемъ.

Въ этой странѣ, гдѣ преданія такъ свято сохраняются, можно узнать прошедшее при наблюденіи настоящаго порядка вещей. Въ нѣкоторыхъ племенахъ, одежда, привычки, еще донинѣ тѣ же самыя, какія существовали при Моисей; природа не измѣнилась, и такая европейская картина, какъ бы пріятна она ни была, можетъ сравниться съ этой природой Востока, столь величественной въ ея уныломъ видѣ, столь важной еще въ ея дикомъ, бесплодномъ состояніи? Я внутренно страдаю, когда вижу, что художники представляютъ Святое семейство, во время бѣгства его въ Египеть, сидящимъ на зеленой травѣ, на берегу прозрачнаго ручья, подъ вѣтвями цвѣтущихъ деревьевъ. Пусть изображаютъ намъ божественныхъ путешественниковъ остановившимися у подножія удивительной пальмы; распаленное небо надъ ихъ головами, пустыня безмолвная, необозримая, вокругъ ихъ. Вотъ что было, что всегда будетъ имѣть дивное величіе и невыразимую красоту!

Одинъ изъ монаховъ Францисканскаго монастыря былъ такъ обязателенъ, что самъ сопровождалъ насъ при нашемъ обзорѣ Назарета. Народонаселеніе города считается около трехъ тысячъ душъ разныхъ исповѣданій; сто шестьдесятъ семействъ православнаго вѣроисповѣданія; сто шестьдесятъ пять семействъ римско-католическаго исповѣданія, и Маронитовъ, и сто двадцать семействъ мусульманскихъ. Нѣтъ ни одного Еврея въ странѣ, гдѣ Евреи распяли Спасителя. Всѣ здѣшніе жители отличаются особенною физиономіею*. У мужчинъ цвѣтъ лица смуглый, темнѣе чѣмъ въ Тирѣ и въ Бейрутѣ, у женщинъ большіе черныя глаза, тонкія правильныя черты лица; *сѣкъ*

* Всѣ племена Сиріи, жители Алеппо, горы Ливанской, Дамаска, иррабренныя обитатели отъ Бейрута до Сентъ-Жанъ д'Акра, Тюркменъ, Бедуитъ, не смотря что живутъ на той же землѣ, имѣютъ, говорятъ г. Буркгардъ, національную физиономію, и достаточно имѣтъ нѣкоторыя сношенія съ ними, чтобы различить типъ Сирійца точно также, какъ отличаютъ съ перваго взгляда Англичанина отъ Итальянца или южнаго Француза. Два августейша Франціи, Людовикъ Святой и Наполеонъ, были въ Назаретѣ. Людовикъ ѣздилъ туда на поклоненіе въ 1250 году и всходилъ на Озаръ. Наполеонъ, послѣ побѣды, которую онъ одержалъ надъ Турками, вошелъ въ монастырь латинскій. Г. д'Естурмель рассказываетъ, что блестящій генералъ увидѣлъ тамъ, между монахами, человека, котораго онъ зналъ въ своемъ дѣтствѣ, что онъ бросился къ нему на шею и, разставаясь съ нимъ, хотѣлъ ему дать горсть золота, но монахъ отвѣчалъ ему. «La terre sainte me suffit.» (Я живу въ Святой землѣ, и мнѣ не нужно ничего болѣе.)

типа еврейскаго съ европейскимъ. Многія женщины, вопреки обычаямъ Востока, оставляютъ вуаль свой полукрытымъ и выказываютъ свои большюю частію хорошенькія личики. Къ несчастію онѣ портятъ свѣжесть лица и безобразятъ себя, лепещя губы свои синей краской и обводя тѣмъ же цвѣтомъ контуръ своихъ глазъ. Самыя дѣти не могутъ избѣгнуть этого варварскаго обыкновенія. Матери ихъ съ большимъ стараніемъ раскрашиваютъ ихъ такъ же, какъ себя, и чѣмъ болѣе онѣ стараются объ ихъ украшенія, тѣмъ невинныя существа дѣлаются уродливѣе.

Показавъ намъ различные кварталы города, базары, которые не стоятъ того, чтобы на нихъ смотрѣть, и источникъ *Mariin*, постоянно окруженный множествомъ молодыхъ дѣвужекъ, монахъ привелъ насъ вечеромъ на вершину горы, откуда открылась нашимъ глазамъ безпредѣльная панорама, и какая панорама! Какое воспоминаніе! Равнина Ездрелонская, Өворъ, вершина Гермона и деревушка Ендоръ, откуда происходила волшебница, призванная Сауломъ, Навивъ, гдѣ Господь воскресилъ единственнаго сына вдовы; далѣе, за этими живописными горами, другія мѣста, также освященные чудесами; Еммаусъ, Капернаумъ, Кана, озеро Тиверіадское, а внизу маленькій городъ Назаретъ. Покуда мы были на горѣ, погружаясь въ размышленія, возбужденныя въ насъ такими мѣстами, и смотря на лучи солнца, мало-по-малу исчезашіе на горизонтѣ, я думалъ, что въ эту минуту одна сердечная вѣра соединила всѣ сердца христіанъ въ одну молитву, что на сѣверѣ и на югѣ вселенной, въ столицахъ имперій, въ уединенныхъ селахъ, церковный колоколъ призывалъ къ вечерней молитвѣ; миллионы существъ преклоняли свои головы или простирались на землю съ чувствомъ благоговѣнія; матери учили своихъ дѣтей повторять слова, произнесенныя въ пещерѣ Назаретской и распространенныя по вселенной. И разстроганный этой мыслію, я обратилъ глаза на часовню Богородицы и, сложивъ руки, также повторялъ *Ave Maria*.

Въ шесть часовъ мы пріѣхали изъ Назарета въ Каифу, черезъ цѣпь холмовъ, ущелья которыхъ образуютъ иногда узкіе дефилеи. Намъ сказали, что эти переходы часто бываютъ наполнены ворами, и точно, извилистая, пустынная дорожка, окаймленная большими олякковыми деревьями, весьма удоб-

ны для засады. Когда путешественники входят въ эти узкія ущелья, они должны идти одинъ за другимъ; нельзя встать въ боевой рядъ, нельзя призвать кого-нибудь на помощь, потому-что отъ небольшой деревушки, лежащей близъ Назарета, нѣтъ ни одного дома до Каны. Почему нашъ кавасъ, которому очень хотѣлось выказать свое благородіе и храбрость, шелъ впередъ колонны, съ карабиномъ въ рукѣ, бросая безпрестанно испытующій взглядъ то направо, то направо. Наши проводники слѣдовали за нимъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ, время отъ времени поглядывая, идемъ ли мы за ними; мы шли спокойно, занятые не тѣмъ, чѣмъ они думали, но отважной мечтой юныхъ лѣтъ. Въ теченіе десяти дней, со времени нашего отравленія изъ Бейрута, на всякой станціи намъ рассказывали сцены самыя драматическія, но мы не встрѣчали ни слѣда разбойниковъ и даже начинали желать появленія Бедуновъ, хотя бы для того, чтобы собственными глазами удостовѣриться въ ихъ существованіи. Не знаю, позволительно ли сказать, что, посѣтивъ Сіерра-Морену, Неаполитанское королевство, долины Сирійскія, я не встрѣтилъ у подошвы такой-то скалы, на берегу такого-то оврага, шайки людей, вооруженныхъ длинными мушкетами, съ кинжалами за поясомъ, и закутанныхъ въ широкіе плащи съ красными полосами. Встрѣча съ разбойниками въ лѣсу, пистолетные выстрѣлы, стукъ швагъ, крики ужаса, живописные скачки лошадей, разбойники, бросающіеся на путниковъ, и путники, храбро защищающіеся, составляютъ всегда пріятный эпизодъ въ книгѣ туриста, тѣмъ болѣе, что читатель, сильно взволнованный при разсказѣ этой ужасной сцены, перевернувъ листъ, съ сладостнымъ удовольствіемъ прочтаетъ, что пистолеты разбойниковъ осѣклись, что ихъ заржавѣвшіе мечи не могли выйти изъ ноженъ, что одинъ лишь погонщикъ лошадей, или одинъ проводникъ упалъ наземь, притворившись убитымъ. Подобнаго эпизода, надо признаться, у насъ не доставало. Въ ту минуту, какъ мы, проходя этотъ дефилей, готовили въ умѣ нашемъ прекрасное описаніе нашего вождя, мы увидѣли неожиданно, что кавасъ положилъ уже карабинъ свой на плечо и спокойно вынималъ изъ кармана кусокъ трута, чтобы закурить трубку. Мы пріѣхали къ послѣдней хребту и увидѣли Кану, которая посреди своихъ померанчевыхъ садовъ, казалась, улыбалась нашимъ не сбывшимся драматическимъ мечтамъ.

Кафен—небольшой городокъ, оживленный только прибреденной торговлей. Гавань его есть самая лучшая по всему этому берегу; здѣсь-то бросаютъ якорь транспортныя суда, которыя не могутъ остановиться въ Сенъ-Жанъ д'Акръ. Въ этомъ городѣ живетъ французскій агентъ, котораго мы встрѣтили въ дорогѣ за нѣсколько дней перелѣ тѣмъ, и который ждалъ насъ и повѣстель о нашемъ приѣздѣ монаховъ горы Кармила.

Кармиломъ называется цѣль горъ, которая тянется по берегу Средиземнаго моря, между древней Галилеей и древней Самаріей. На сѣверъ она граничитъ съ заливомъ Сенъ-Жанъ д'Акръ и развалинами стараго города Кафен, подлѣ которыхъ выстроены пышный городъ, называющійся тѣмъ же именемъ; на востокъ—съ широкой равниной Ездзелонской и холмами Назарета; на западъ—съ моремъ, на югъ—съ долиной кесарійской. Одинъ изъ отроговъ Кармила выходитъ въ море и образуетъ самый высочій мысъ на берегу Сирин; на южной сторонѣ, скаты его гораздо отложе и покрыты толстыми, плодороднымъ слоемъ земли, на которомъ разводятъ рожь, виноградъ, фруктовыя деревья и арбузы удивительнаго вкуса. Вершины горъ, не обработанныя, покрыты дубами, оливковыми деревьями, и служатъ пастбищемъ скоту. Тамъ водятся множество зайцевъ, кроликовъ, куропатокъ и сайгъ.

Съ такою почвою, Кармилъ, вмѣющій въ окружности не менѣе двадцати двухъ миль, былъ бы при другомъ правленіи, населенъ многочисленными жителями. Великолѣпная равнина Ездзелонская представляетъ почти совершенную пустыню; высокая и густая трава, покрывающая ее, остается безъ употребленія и служитъ для удобренія той земли, которая понапрасну ее произращаетъ. Такой порядокъ вещей происходитъ въ слѣдствіе несогласій, съ давнихъ поръ опустошающихъ эти страны. Герцогъ Рагузскій очень хорошо выразился гдѣ-то: «человѣкъ удалется изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ могъ бы получать щедрое вознагражденіе и за посредственный трудъ, но гдѣ онъ встрѣчаетъ опасность.»

Те же самое можно сказать и о Кармилѣ. Веселые холмы, окружающіе эту цѣль горъ, сайгія долины, ее пересекающія, по большей части необработаны и запущены. Тамъ встрѣчаются остатки бывшаго арабскаго племени, кое-гдѣ жалкія деревушки, не стоющія никакого вниманія. Но тамъ встречается также

никъ христіанскаго усердія и благочестія; это монастырь, къ которому всѣ путешественники направляютъ свой путь.

Положеніе этого монастыря, на самой высокой вершинѣ горы, превосходно. Къ нему ведетъ крутая и трудная дорога, но все-таки дорога. Монахи сама устроили ее на свой счетъ, «Въ этой землѣ, говорятъ г. Мишо, христіане за деньги покупаютъ позволеніе копать землю или складывать вѣстѣ камни.» И добрые монахи много употребляли времени на то, чтобы проложить дорогу. По содѣйствію одного иностраннаго консула, дано Кармилльскимъ монахамъ безденежное право употреблять на пользу страны ихъ познанія, труды и деньги.

Эта гора освящена воспоминаніями библейскими и имеемъ Илія. Здѣсь пророкъ укрывался отъ гнѣва царя Ахава, и здѣсь же онъ восторжествовалъ надъ жрецами Вааловыми. Тамъ показываютъ и пещеры, гдѣ онъ жилъ, и холмъ, съ котораго онъ увидѣлъ небольшое облако, которое долженствовало пролиться на землю Сирійскую благодѣтельный дождь, такъ долго ожидаемый.

Говорятъ, что Пресвятая Дѣва проходила также нѣсколько разъ черезъ Кармилль; Турки и Арабы уважаютъ память Пророка и образъ Божіей Матери. Рыцарь д'Арвіе говоритъ, что въ его время, моряки, когда плыли въ виду Кармила, произносили слѣдующую молитву: «О! Пресвятая Богородица! О! Илія, удостойте насъ пройти мимо вашего дома.» Мать эмира Мегмета приходила въ часовню, становилась на колѣни передъ образомъ Богоматери, била себя въ грудь, плакала и говорила: «О, какъ Ты прекрасна, Пресвятая Дѣва! Какъ Ты прекрасна, мать Мессіи! Блаженны были видѣвшіе Тебя на землѣ! Какъ я недостойна, бѣдная грѣшница! Сжался надо мной, мать Господа! Отвѣчай мнѣ, потому-что Ты смотришь на меня съ такою благодію!»

Въ теченіе многихъ лѣтъ, монахи не имѣли другаго жилища, кромѣ пещеръ подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ по преданію жилъ Илія; это пещеры сырыя, узкія, нездоровыя; въ этихъ-то убѣжищахъ жили отшельники первыхъ временъ христіанства. Одна изъ такихъ пещеръ служитъ часовней; другая съ скамьями и столами, высѣченными въ скалѣ, замѣняла столовую. Оттуда выходилъ на террасу, гдѣ обѣдали пилигримы, употребившіе вино и говядину, потому-что монахи не позволяли такой роскоши въ своемъ присутствіи. При такомъ строе-

гомъ воздержаніи, при вредномъ дѣйстви ихъ келій, отъ сырости, отъ потребности вставать нѣсколько разъ ночью для молитвы, благочестивые отшельники истощали въ скоромъ времени свое здоровье. Въ XVII вѣкѣ они выстроили наконецъ богадѣльню; позже, при помощи даровъ, они воздвигли монастырь, который въ эпоху французской экспедиціи, по снятіи осады Семъ-Жанъ д'Акра, сдѣлался убѣжищемъ большаго числа раненыхъ. Множество бѣдныхъ солдатъ умерли тамъ, умерли съ утѣшеніемъ; что встрѣтили по крайней мѣрѣ въ послѣднія минуты взглядъ состраданія и слышали привѣтливое слово.

Въ эпоху возстанія Грековъ, паша подъ предлогомъ, что Греки могутъ завладѣть этимъ монастыремъ и защищаться тамъ, велѣлъ его разрушить. За это дѣйствіе предоставлено имъ возмездіе. «Можно бы, говоритъ герцогъ Рагузскій, выдержать осаду, и если бы хотѣли защищаться, монастырь былъ бы неприступенъ для людей, которые нападали бы на него безъ орудій большаго калибра. Ворота окованы желѣзомъ, защищены фланговыми укрѣпленіями и орудіями; амбразуры между зубцами и стрѣльницы открыты во всѣхъ направленіяхъ, и терраса можетъ быть обстрѣливаема съ высотъ, надъ нею господствующихъ.»

Монастырь, церковь и сады, которые Кармелиты развели собственными руками, на голой скалѣ, съ отчетливымъ искусствомъ, занимаютъ обширное пространство. Близъ монастыря находится кіоскъ, принадлежащій Абдаллаху.

Монахи, извѣщенные о нашемъ посѣщеніи, подняли на своемъ жилищѣ флагъ и приготовили намъ обѣдъ, который показался намъ роскошнымъ: курицы, яйца, овощи и хорошее вино. Чтобы оцѣнить такую гастрономическую роскошь въ этой странѣ, надо путешествовать по Сиріи и останавливаться въ восточныхъ каравансераяхъ. Добрые отцы великодушно предлагали намъ все, что у нихъ было сбережено для путешественниковъ, и смотрѣли съ радостью, какъ мы пользовались ихъ гостепріимствомъ, въ то время, какъ они пили воду и ѣли одни сухіе корни. Одинъ изъ нихъ, именно назначенный для угощенія странниковъ, былъ такъ добръ, что показалъ намъ монастырь во всѣхъ подробностяхъ, и когда мы любовались обширностію и счастливымъ расположеніемъ этого зданія, онъ сказалъ намъ: «Мы обязаны этимъ усердію одного

пенного брата, Жакъ-Батиста. Послѣ разоренія нашего древняго жилища, онъ далъ обѣщаніе возобновить его; послѣгражденіе, которое мы получали, было волостничество; онъ приобрѣлъ гораздо болѣе словеснаго собранія. Въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ проходилъ главныя государства Европы. Входя въ смирненіе изъ христіанскіе дома и говорилъ: «Идите на Кармалльскій монастырь Богородицы» и сердца приходили въ умиленіе при видѣ этой благочестивой озабоченной, замученной трудомъ, и руки щедро поднимали; все, что онъ получалъ, отсылалъ въ нашу монастырь, потому-что для себя онъ не нуждался ни въ чемъ и жилъ такъ скромно, что не тратилъ ничего. Послѣ окончанія своей обязанности, онъ могъ бы быть названъ нашимъ начальникомъ, но онъ смиренно вошелъ въ нашу общину и отказался отъ почта, счастливый только тѣмъ, что невеликаго своей обѣты, и благословлялъ Бога, за святую помощь въ его предпріятіи.

Мы посѣтили каменную часовню, каменную, посвященную для путешественниковъ, церковь, украшенную съ особенными искусствомъ. Одна изъ часовень воздвигнута надъ пещерой, гдѣ Нія, говорятъ, укрывался отъ преслѣдованій Исаака. Другая, посвященная памяти Людовика Святого, украшена картиной, представляющей смерть этого короля. Это воспоминаніе о Франціи намъ было очень пріятно встрѣтить въ этой дальной странѣ. Другое воспоминаніе насъ ждало при дверяхъ церкви. Это монументъ изъ бѣлаго мрамора, воздвигнутый въ память графа де-Жюнье, благороднаго молодого человѣка, который, отправившись на поклоненіе святыхъ мѣстамъ, понесъ здѣсь жемчужный драгоцѣнный для его родителей. Печально умереть вдали отъ своихъ, вдалекѣ отъ послѣдняго взгляда, который бы славно оставившись въ этой роковой часъ, быть зарыту въ чужой землѣ, гдѣ рука брата, друга не принесетъ послѣдней земли на могилу. Мнѣ часто представлялось эта печальная идея въ северныхъ странахъ. Мысль быть погребеннымъ на берегу пустынного морскаго берега, въ тундрахъ Исламдіи, или подъ льдами Шандбергена, пугала меня болѣе, чѣмъ мысль о самой смерти. Но здѣсь, погребеніе не имѣетъ того мрачнаго вида, здѣсь, въ обществѣ братьевъ, посѣщаемомъ пилигримами, между которыми, можетъ быть, найдется соотечественникъ, который, остановившись при гробѣ, посвятитъ ему дружественную мысль; или могилу графа Жюнье, въ этой прекрасной и торжественной пустынѣ, я повторилъ стихи моего любимаго шведскаго поэта:

«O hvilken ville ikke hvide det
 I stille kamrar, langt fra veridans aften
 Och sovne bort en tid af evigt gyskel
 Sam spænnit sin lina mellem taken po
 De dødes gravar, dansende doreefver.» *

Если утѣшительно умереть въ этомъ мѣстѣ, то сладостно и жить здѣсь! Какая великолѣпная пустыня! Какая чудная картина! Здѣсь, безмолвная гора, величественнаго вида, куда не доходить света свѣта, гдѣ углубляешься въ размышленія подъ сводомъ неба, и у подошвы этой горы, глубокое, безпредѣльное море, обманчивое пространство, опасная дорога, по волнамъ которой стремится часто человѣческое честолюбіе, гдѣ вѣтеръ и непогоды въ одну минуту разрушаютъ планы самые искусныя, надежды самыя плѣнительныя. Никогда удивленіе меня такъ сильно не поражало! Когда монахъ, который насъ водилъ по галереямъ монастыря, привелъ насъ на высокую галерею и пригласилъ полюбоваться на горизонтъ, который расширялся кругомъ насъ, я его спросилъ: счастливъ ли онъ, что можетъ любоваться каждый день подобнымъ зрѣлищемъ. Онъ намъ указалъ пальцемъ на берегъ Европы, потомъ на небо, и этотъ молчаливый и важный жестъ выражалъ краснорѣчиво его мысль. Тамъ, свѣтъ, съ которымъ онъ простился, а здѣсь небо, къ которому устремлены были всѣ его желанія; и видя его смиренно одѣтаго въ шерстяное платье, посреди этой торжественной пустыни, удаленнаго отъ земныхъ помысловъ и просвѣщеннаго лучами Вѣры, я вспомнилъ стихи другаго сѣвернаго поэта:

«O låten mig foelia de facter i taend!
 Jag har ingen lust med dem veid som jag kaent;
 Jag andas es frisk på dess qualmiga strand;
 Mig drifver en laengtan
 En aningsfull traengtan.
 Jag vill öfver halvet till okaenda land!» *

* Ахъ! кто не захотѣлъ бы успокоиться, въ этомъ мирномъ удивленіи, далеко отъ шума свѣта, в скрытиса отъ волненія общественнаго, отъ мнелетнихъ удовольствій, которыми предаются надъ гробами.

** Ахъ! позвольте мнѣ слѣдовать за свѣтильниками, вами зажженными. У меня нѣтъ никакой радости въ этомъ мѣрѣ, который я знаю. Я дышу не свободно на этихъ обуреваемыхъ берегахъ. Сердце мое объято желаніемъ, желаніемъ безотрывна. Я хотѣлъ бы улетѣть за предѣлы снана, въ неизвѣстную страну..

Мы оставили съ сожалѣніемъ этихъ монаховъ, которые насъ приняли съ такимъ усердіемъ, и которые, при нашемъ отправленіи, не хотѣли даже принять малѣйшаго приношенія. Есть мѣста, отъ которыхъ нельзя удалиться безъ желанія и надежды когда-нибудь увидѣть ихъ, и мнѣ бы очень хотѣлось побывать въ прекрасномъ Кармилскомъ монастырѣ. Здѣсь то убѣжище, куда пріятно удалиться отъ волненій житейскихъ.

Дорога по сухому пути отъ Кармила до Яффы не представляла намъ большой занимательности; мы рѣшились отослать нашихъ лошадей въ Бейрутъ и ѣхать моремъ. Одинъ изъ тѣхъ мореплавателей, которые проводятъ жизнь свою въ томъ, что ѣздить съ одного берега на другой, взялся за триста піастровъ перевезти насъ въ крытой лодкѣ, которую мы видѣли вдали и могли почестъ за прекрасную и спокойную, по его пышнымъ выраженіямъ, наполненнымъ словами итальянскими, французскими, арабскими; потому-что необходимо было прабѣгнуть къ тремъ языкамъ, чтобы заставить понять огромныя выгоды, которыя насъ ожидали, если поѣдемъ съ нимъ. Вечеромъ, перебрались мы въ негодную шляпку, которая должна была свезти насъ отъ набережной Каифы на рейдъ, гдѣ стояла на якорѣ барка, величественно наименованная отъ ея капитана кораблемъ. Я не берусь описывать этотъ корабль. Морской словарь не снабжаетъ меня выраженіями, которыя могли бы дать вѣрное о немъ понятіе! По условію, корабль былъ въ нашемъ совершенномъ распоряженіи; но капитанъ слишкомъ надѣялся на наше снисхожденіе и нагрузилъ его множествомъ бочекъ, мѣшковъ, корзины, и когда мы положили еще наши вещи, онъ такъ былъ заваленъ, что мы насилу могли расположиться, и то не иначе, какъ сидя одинъ возлѣ другаго. Нашъ кормчій былъ изъ числа тѣхъ моряковъ, извѣстныхъ на Востокѣ, которые не знаютъ, для чего служить компасъ; которые при малѣйшемъ признакѣ бури, оставляютъ руль, подбираютъ паруса и оставляютъ барку свою на волю Провидѣнія. Къ счастью, что съ нами были три морскіе офицера, которые при случаѣ могли управлять кораблемъ. Но не нужно было прибѣгать къ ихъ опытности. Вѣтеръ дулъ попутный; большой парусъ былъ поднятъ на мачту; барка, не смотря на ея тяжесть, плыла отъ семи до восьми узловъ, и на другой день мы бросили якорь на рейдѣ Яффы, къ большому удовольствію нашего кормчаго, капитана, который не надѣялся такъ успѣть, и который, видя что мы пріѣхали такъ

сабро, думая, что онъ можетъ по совѣсти снронить прибавки пятидесяти пистровъ за то, что намъ благопріятствовалъ непутный вѣтеръ.

Яффа расположена на конусообразномъ мысѣ, который возвышается на сто пятьдесятъ футовъ надъ моремъ и съ трехъ сторонъ омывается водою. Крѣпость постройки турецкой, то-есть стѣна въ нѣсколько футовъ толщины, худо выстроенная и покрытая въ нѣсколькихъ мѣстахъ гипсомъ, гдѣ были трещины, окружаетъ этотъ городъ. Гавань могла бы вмѣстить, если бъ ее очистить, двадцать кораблей въ триста тоннъ. Но она совершенно почти завалена, и корабли становятся за милю отъ набережной, на рейдѣ, гдѣ они не въ безопасности, потому что этотъ рейдъ не что иное, какъ коралловая мель, которая разстилается до Газы. Городъ съ его каменными домами, расположенными амфитеатромъ, куполы его мечетей, минареты, высокія пальмовыя деревья, представляютъ издали видъ очень живописный. Какъ прекрасны эти сады, находящіеся недалеко отъ укрѣпленій, съ фиговыми деревьями, распространяющими далеко свою тѣнь и покрытыми множествомъ плодовъ. Два источника свѣжей воды, которые, можно сказать, составляютъ главное богатство Яффы, оживотворяютъ эту плодосную землю. Тамъ, куда нельзя провести воду изъ этихъ источниковъ, устроены систерны, и изъ нихъ черпаютъ воду посредствомъ глиняныхъ сосудовъ, прикрѣпленныхъ къ зубчатому колесу, приводимому въ движеніе лошадыю. Мы вѣрели утро на краю этого резервуара, подъ виноградной бесѣдкой, среди рощи, состоящей изъ лимонныхъ и банановыхъ деревьевъ. Это было настоящее волшебство. Но когда входимъ въ городъ, тамъ видишь лишь одна неровныя улицы, мрачныя, темныя дома, переходы со сводами, подобные подземельямъ, базары, выказывающіе бѣдность торговли и ничтожность промышленности. Въ Яффѣ находятся около пяти тысячъ душъ, изъ которыхъ тысяча христіанъ римско-католическаго, православнаго и армянскаго вѣроисповѣданій, и каждое изъ этихъ христіанскихъ обществъ имѣетъ свой монастырь и свою церковь. Яффа лежитъ на пути, по которому слѣдуютъ паломники въ Иерусалимъ, или черезъ Газу въ Египетъ, и это положеніе доставляетъ всѣ выгоды жителямъ города. Путники нанимаютъ здѣсь лошадей, покупаютъ провизію, и такимъ образомъ до-

сталаютъ, пропитаніе престому народу, и означаютъ торговлю лунность. Въ городѣ нѣтъ богатой, даже тѣ, которыхъ можно назвать богатыми, показываютъ видъ, что они бѣдны; другіе живутъ день за день, пользуясь плодами своихъ трудовъ; и хотя жизненные припасы здѣсь очень дешевы, * но путешественники, проезжающіе черезъ Яоу, тратятъ тамъ значительныя суммы.

Мы отправились въ латинскій монастырь, обширное и страннаго вида зданіе, состоящее изъ такой груды галерей и террасъ, находящихся одна надъ другою, что трудно тамъ не заблудиться; дворъ наполненъ былъ лошадьми и мулами, второй и третій этажъ заняты путешественниками. Монахи проводили насъ въ четвертый этажъ, смѣренно извиняясь, что такъ худо насъ помѣщаютъ. Но тамъ въ галереѣ находится небольшое пространство, которое могло бы ихъ избавить отъ всякаго извиненія, прекрасная терраса, которая господствуетъ надъ городомъ, полями, моремъ, и чтобы насладиться такимъ зрѣлищемъ, мы бы съ охотою поднялись на два этажа еще выше.

Настоящее положеніе города не имѣетъ ничего привлекательнаго; хотя онъ не такъ разоренъ, какъ Тянь, не такъ опустошенъ, какъ Семъ-Жанъ д'Акръ, однако жъ очень печаленъ; онъ богатъ воспоминаніями и историческими преданіями, которыя, если вѣрить нѣкоторымъ хроникамъ, восходятъ даже къ до-потопному времени.

Говорятъ, что Яоу, которая называлась Юннѣ, была построена сыномъ Ноя, что ковчегъ строился на ея верокахъ. Для Яоу и безъ того остаются еще нѣкоторыя событія довольно примѣчательныя. Говорятъ, что въ этомъ городѣ пророкъ Іени отправился въ свое печальное путешествіе, когда онъ бѣжалъ отъ лица Божія, и когда онъ долженъ былъ, въ продолженіе трехъ дней, быть заключенъ во внутренности кита.

* За одинъ квадратъ (четыре су) получаютъ двѣдцать шельсиновъ валютной съ динью, за франкъ пару цинкель, за франкъ и пятьдесятъ самтиновъ сотню лицъ.

Въ гавани этого города выгружали кедры ливанскіе, посланные Хирамонъ, даремъ Тирскимъ, для строенія храма Соломона; что доказывается священными книгами. Святый Петръ сотворилъ здѣсь многія чудеса; онъ воскресилъ благочестивую и добродѣтельную Таифу, здѣсь онъ принялъ въ домъ Симона домовника, сотника Корнелія, обратилъ его въ христіанскую вѣру и крестилъ его.

Послѣ разоренія Іерусалима Римлянами, большое число Евреевъ удалилось въ Яффу и отважилось тамъ защищаться; но ихъ побѣдили, и двѣнадцать тысячъ изъ нихъ погибли въ этой отчаянной борьбѣ.

Во времена крестовыхъ походовъ, Яффа сдѣлалась поприщемъ доблести крестоносцевъ. Ричардъ Львиное-сердце выгналъ изъ нея Сарациновъ; но снова завоеванный въ 1193 году этими дикими врагами христіанства, городъ былъ разоренъ, и множество его жителей были удушены. Людовикъ Святой снова завладѣлъ Яффою, окружилъ ее валами и велѣлъ воздвигнуть другія укрѣпленія; но скоро она опять подпала подъ власть Мусульманъ, которые обратили его въ пепель, какъ Тиръ и Сидонъ. Въ XVII вѣкѣ, Яффа, въ продолженіе шести лѣтъ, выдержала двѣ жестокия осады, первую въ 1774, подъ командой Али-Бей; вторую въ 1776, подъ предводительствомъ Абдаллаха; но 6 марта 1799 года, она была взята Французами. Только одни Англичане, говоря о походѣ египетскомъ, рассказываютъ исторію отравленія чумныхъ солдатъ. Накула-эль-Туркъ не говоритъ объ этомъ ни слова, а г. Тьеръ, въ своей исторіи революціи, доказываетъ неосновательность этого обвиненія, однако жъ ни одинъ англійскій путешественникъ не прѣзжаетъ въ Яффу, не спросивъ: гдѣ находится роковой госпиталь? и не включивъ въ свой дневникъ замѣчанія, чтобы извѣстить своихъ любезныхъ читателей, что онъ видѣлъ, гдѣ Наполеонъ велѣлъ отравить ядомъ своихъ солдатъ, зараженныхъ чумой.

Мы провели въ Яффѣ два дня, и поспѣшили приготовиться къ отъѣзду. Губернаторъ, у котораго мы просили конвой, прислалъ намъ шесть человѣкъ, вооруженныхъ саблями и пистолетами. Г. Барреръ, французскій консулъ, въ своемъ дружескомъ пожеланіи о насъ, далъ намъ своего ка-

васа, старого солдата, важнаго, холоднаго, но рѣшительнаго, который, совершивъ путешествіе въ Мекку, назывался благороднымъ титуломъ хаджи, что впрочемъ не удержало его отъ двухъ или трехъ небольшихъ смертоубійствъ. Онъ употреблялъ свою силу тогда лишь, когда дорога была загромождена какими-нибудь караванами. Горе тѣмъ, которые не посторонялись почитительно и довольно скоро передъ нами! Онъ, съ удивительнымъ хладнокровіемъ, надѣлалъ ударами воловьихъ жилъ, и когда мы его приглашали быть терпѣливѣе: «Я исполняю свою обязанность», отвѣчалъ онъ, и важно продолжалъ свой путь, какъ человѣкъ, который въ точности исполнялъ то, что было нужно.

Съ шестью своими проводниками и кавасомъ, который открывалъ ходъ толстой палкой, мы составляли одну изъ тѣхъ важныхъ кавалькадъ, на которыя городскіе жители смотрятъ всегда съ боязливымъ любопытствомъ.

Мы выѣхали изъ довольно-красивыхъ городскихъ воротъ на широкое поле. Зеленые изгороды представляли здѣсь удивительную противоположность съ грязными улицами города. Я не могъ налюбоваться на эти группы деревьевъ и кустарниковъ, покрытыхъ цвѣтами, обремененныхъ плодами. Какую невыразимую красоту сохраняетъ еще кругомъ этихъ городовъ, опустошенныхъ мечемъ, чудная природа Востока.

Скоро эти цвѣтушіе сады исчезли и мы вошли въ долину Саронъ, которую обѣщалъ Исаія въ наслажденіе тѣмъ, которые останутся вѣрными служенію Бога! Но Исаія сказалъ также: «Саронъ сдѣлался пустыней!» И точно это не что иное, какъ пустыня, гдѣ не видать ни малѣйшаго слѣда поэтическихъ садовъ, гдѣ тамъ и сямъ лишь видишь нѣсколько забытыхъ хижинъ, развалинъ.

Послѣ трехъ часовъ ходьбы, мы приблизились къ Рамле и остановились за четверть версты отъ этого города, чтобы осмотрѣть древнее зданіе довольно замѣчательное. Это высокая четырехъ-угольная башня, твердо выстроенная и поддерживаемая, на четырехъ своихъ углахъ, колоннами, высѣченными изъ камня. У подножія этой башни тянется большой четверугольный дворъ, окруженный строеніемъ.

Это строеніе разваливается со всѣхъ сторонъ. Одна лишь гѣбстница башни еще довольно сохранилась, такъ что можно взойти на нее и разсмотрѣть вблизи постройку строенія. Христіанское преданіе рассказываетъ, что оно было посвящено памяти сорока праведниковъ, умершихъ жертвами за свою Вѣру въ Севастію, въ Арменію, и большее число путешественниковъ называютъ ее по этой причинѣ башней Сорока-Мучениковъ. Другіе писатели говорятъ, что это была церковь, построенная св. Еленою; нныя увѣряютъ, что тамъ видны слѣды монастыря рыцарей храма; наконецъ есть и такіе, которые видятъ тамъ минаретъ и мечеть; сколько я могу о томъ судить, мнѣ кажется, что послѣднее мнѣніе оправдывается общимъ архитектурнымъ характеромъ этого строенія, многими подробностями и рассказами, которымъ арабская надпись, читаемая еще на башнѣ, придаетъ значительную достовѣрность. Но не берусь рѣшить этотъ вопросъ, а если кто хочетъ непремѣнно его объяснить, то надо торопиться, потому-что стѣны, окружающія башню, уже въ половину разрушены, и башня также скоро упадетъ. Рамле былъ однако самымъ важнымъ городомъ Палестины, какъ говоритъ Эдриси. До крестовыхъ походовъ, онъ былъ окруженъ стѣнами и имѣлъ двѣнадцать воротъ. Въ 1099 году, графъ Робертъ Фландрскій подошелъ къ стѣнамъ его съ пятьюстами рыцарей, нашелъ ворота открытыми, а городъ, оставленный жителями. Крестоносцы вошли туда и провели тамъ три дня очень весело, потому-что всѣ жители, объятые паническимъ страхомъ отъ приближенія христіанской арміи, не имѣли времени увезти провизію. Потомъ онъ былъ такъ разоренъ Мусульманами, что одинъ путешественникъ, посѣщавшій его въ XVI вѣкѣ, сказалъ, что онъ нашелъ тамъ не болѣе двѣнадцати домовъ населенныхъ! Въ XVII столѣтіи онъ походилъ, по словамъ рыцаря д'Арвіе, на большое село. И все это исторія нашествій и опустошеній, исторія, предсказанная еще пророкомъ Исаіею.

Вообще принято по преданію и по рассказамъ всѣхъ путешественниковъ, что Рамле есть древняя Аримаѳія, гдѣ жилъ благочестивый Іосифъ, который помазалъ муромъ тѣло Господа. Но докторъ Робинзонъ четырьмя страницами текста и двадцатью филологическими и философическими выписками доказываетъ, что мѣстность настоящей Аримаѳіи надо искать не тамъ. Если отнять у Рамле эту послѣднюю извѣстность, что останется

ей? Имя ея означать песокъ, и грунтъ, ее окружающій, точно покрытъ пескомъ, и стѣны ея в дола ея переходятъ на груды песка; большая часть домовъ въ одинъ этажъ очень грубо выстроены. Мы посѣтили изданіе, которое поразило насъ своими большими развѣтрами; это каравансерей, принадлежавшій Евреямъ; множество пилигримовъ и купцовъ занимали его. За пол-піастра въ день (два су съ половиной), каждый изъ нихъ владѣлъ уголкомъ, и самъ готовилъ на кухнѣ себѣ пищу. Я не помню, чтобы я встрѣчалъ когда-нибудь подобное собраніе людей различныхъ націй; тамъ были люди всѣхъ странъ и всѣхъ религій, Египтяне и Сиріане, Турки и Греки, Русскіе и Нѣмцы. Одни ужинали; другіе молились на колѣняхъ; дагѣе распростертые на полу проклинали шумъ, который мѣшалъ имъ спать, и посреди этого шумнаго собранія, человекъ, одѣтый немногочисше другихъ, подошелъ къ намъ и началъ съ нами говорить по-французски; это былъ Арабъ изъ Алжира, который прѣехалъ въ Рамле, чтобы жениться на дочери одного изъ своихъ друзей, и который надѣялся возвратиться съ нею въ Алжиръ и завести, говорилъ онъ, гостиницу. Мы начали спрашивать его объ Абдѣ-эль-Кадерѣ; онъ намъ отвѣчалъ, что онъ не сколько не занимается этимъ военачальникомъ, и что онъ знаетъ одного только пашу, французскаго губернатора. Произнеся эти слова важнымъ тономъ, онъ протянулъ руку; мы положили въ нее нѣсколько серебряныхъ монетъ, которыя онъ принялъ съ видомъ человека, только что выработавшаго свою награду; вѣроятно, не въ первый разъ онъ употреблялъ въ свою пользу знаніе французскаго языка.

Мы бы съ радостію осматрѣли госпиталь умалашенныхъ, а которыхъ говоритъ д'Арвіе, но онъ болѣе не существуетъ, и очень жаль. Тамъ, въ XVII вѣкѣ, былъ одинъ ученый медикъ, который довелъ до удивительной простоты леченіе умалашенныхъ; этотъ искусный низоменецъ Эскулапа полагалъ, что сумасшествіе происходитъ отъ двухъ единственныхъ причинъ, отъ недостатка пищи или болѣзни воображенія. Въ первомъ случаѣ, леченіе было натуральное: нужно было дѣлать больному пищу здоровую и необильную; если онъ отказывался, его принуждали силой ее принимать, его откармливали мажъ утку. Во второмъ случаѣ, употребляли, чтобы напечатать рассудокъ, средство довольно суровое, но экономическое, — палачье удары.

Едва человекъ, подозрѣваемый въ сумасшествіи, входилъ въ госпиталь, докторъ обращался къ нему съ нѣсколькими вопросами; если отвѣты выказывали шаткость ума, онъ начиналъ лечение свое, отсчитавъ ему пятьдесятъ ударовъ палкой по подошвамъ; на другой день и въ слѣдующіе дни, докторъ снова начиналъ тотъ же экзаменъ, и по успѣху этого леченія, прибавлялъ или уменьшалъ строгость своей методы, до тѣхъ поръ, покуда несчастный плѣнникъ погибалъ отъ этой гигиены, или получалъ разсудокъ. До-сихъ-поръ, мы не могли найти дѣйствительнаго средства противъ ужасныхъ страданій подагры. Турки имѣютъ для нихъ вѣрнѣйшій способъ: пятьдесятъ или сто ударовъ палкой по подошвѣ, и подагра, такимъ образомъ прогнанная изъ своего мѣстопробыванія, не возвращается болѣе.

Посреди бѣдныхъ хижинъ и развалинъ Рамле, латинскій монастырь, съ его обширной оградой и террасами, отвѣнными зелеными виноградными лозами, подходитъ на дворецъ; онъ почти также обширенъ, какъ и монастырь въ Иерусалимѣ и окруженъ твердыми стѣнами на подобіе крѣпости; но, по счастливому разнѣхъ неприятныхъ происшествій, этотъ монастырь не заслужилъ похвалы посѣтителей. Нѣкоторые путешественники подвергались тамъ неприятностямъ, и нѣкоторыя особы, нами вполне уважаемыя, насъ предупредили, что мы не найдемъ тамъ радушнаго приема, какъ въ другихъ монастыряхъ. И точно, насъ приняли очень холодно; вечеромъ, насъ заверли въ узкой галерей, надъ людьми подозрительныхъ, и на другой день, мы оттуда вышли послѣ принужденной бесѣды.

Мы оставили монастырь, не получивъ куска хлѣба, и отправились къ булочнику, который распустилъ нѣсколько фунтовъ шукъ въ водѣ, выложилъ тѣсто на камень и изжарилъ на золѣ двѣ дюжины лепѣшекъ, которыя походила на сырой пергаментъ; но какъ думать о гастрономическомъ удовольствіи, когда путешествуешь въ Сиріи! Мы были на дорогѣ, оживленной столѣтними чудесами, облагоустроенной столѣтними великими ижеями, ознаменованной шествіемъ столѣтнихъ легионовъ рыцарей и героевъ. Черезъ восемь или девять часовъ, мы должны были прѣхать въ Свѣтой городъ.

Передъ нами разстилалась еще долина Саронъ, такая же гладкая, такая же печальная, какъ она намъ предстала при прѣздѣ въ Рамле.

лауки

Ainsi qu'on choisit une rose
Dans les guirlandes de Saron,
Choisissez une vierge éclose
Parmi les lis de vos vallons.

Эти стихи прежде выражали дѣйствительность, но теперь составляютъ только поэтическую метафору. Нѣтъ болѣе розъ и гирляндъ въ равнинахъ Саронскихъ. Скоро мы вошли въ дефилей, между двумя горами, на которыхъ рѣдкіе и тощіе кустарники едва прикрываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ голыя вершины. Дорога, загроможденная остроконечными камнями, походить на русло иссохшаго потока, верблюды, тихимъ шагомъ, тащатся тамъ съ трудомъ, лошади и мулы, гораздо проворнѣйшіе, идутъ тамъ боязливымъ шагомъ. Направо и налѣво, предъ нами видѣлись песчаные скаты, скалистые вершины; тамъ и сямъ, стадо черныхъ козъ съ висчаными ушами, которыхъ пасутъ полунагіе пастухи, съ длиннымъ ружьемъ на плечѣ; въ этой странѣ, бѣдный пастухъ, который ведетъ во холмамъ свой плохой скотъ, не можетъ безъ опасности записаться своимъ смиреннымъ ремесломъ; ему необходимо нужно имѣть оружіе въ своемъ уединеніи, чтобы защищаться отъ шакаловъ, или, что гораздо труднѣе, отъ Бедуновъ. Далѣе, мы замѣтили, на вершинѣ одного холма, развалины деревни; это Датрунъ, гдѣ прежде жилъ, говорить преданіе, добрый разбойникъ, раскаявшійся при видѣ умирающаго Христа. Эта деревня всегда была притономъ воровъ и разбойниковъ, которыхъ никакая опасность, никакая угроза не могла отвлечь отъ ихъ ремесла. Ибрагимъ, утомленный ихъ грабительствомъ, разрушилъ совершенно это убѣжище разбоя; но груды щебня служатъ еще для укрытія негодаевъ изъ Бедуновъ, которые стерегутъ путешественниковъ безъ провожатыхъ и безжалостно требуютъ съ нихъ выкупа.

Въ недалекомъ разстояніи отсюда находится бѣдная хижина, подлѣ которой мы имѣли удовольствіе увидѣть обработанное поле. Пилигримы имѣютъ обыкновеніе останавливаться подлѣ этого сельскаго каравансера, и два или три каравана, которые намъ предшествовали, уже ветожили всю провизію; ова-

— Такъ какъ выбираютъ розу, изъ гирляндъ Сарона, выберите дѣву развѣтстую, между ливіями вашихъ долинъ.

кожъ владѣлецъ напонецъ отъюдалъ, на двѣ главнѣйшя кружки, немногого кофе и въ своемъ помѣ нѣсколько редисекъ, которыя показались намъ очень вкусными. Мы продолжали нашъ путь посреди тѣхъ же скалистыхъ овраговъ, тѣхъ же избитыхъ тропинокъ, и пріѣхали въ полдень въ деревню, называемую жителями Кюриетъ-эль-Энабъ, а христіанами Іеремія. Говорятъ, что она занимаетъ мѣстность, гдѣ возвышался прежде Анаеосъ, городъ, въ которомъ родился пророкъ. Во время крестовыхъ походовъ тамъ былъ построенъ монастырь; церковь разорена; остатки сводовъ и колонны доказываютъ ея древнее величіе, и на стѣнахъ видны еще слѣды фресковой живописи; это одна изъ самыхъ прекрасныхъ христіанскихъ развалинъ, которыя существуютъ въ Палестинѣ.

Если Кюриетъ-эль-Энабъ дѣйствительно стоитъ на почвѣ древняго Анаеоса, то удивительно видѣть, какъ одно изъ горестивыхъ предсказаній пророка сбылось на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Богъ освятилъ его прежде его рожденія. Тамъ живетъ теперь Абу-Гошъ, начальникъ одного изъ самыхъ грозныхъ племенъ Сиріи, Абу-Гошъ, который владычествуетъ надъ всѣми этими горами и долинами, который запираетъ, когда ему захочется, дорогу въ Іерусалимъ, собираетъ пошлину съ путешественниковъ, нападаетъ вооруженной рукой на проходящихъ и возстаетъ противъ власти Высокой Порты.

Надо признаться, что еслибы жители этой страны и не имѣли склонности къ воровству, то излучистыя дороги между горами, при дикой ихъ жизни и грубыхъ понятіяхъ, легко могли бы возбудить въ нихъ эту страсть. Я не думаю, что въ оврагахъ Испаніи находятся такіе разбойничьи вертепы. Эти груды камней, которыя заграждаютъ на каждомъ шагу путь, и эта жалкая бесплодность мнѣ напоминали пустыни Исландіи. Отъ странъ востока до земли исландской, какое разстояніе! Въ первыхъ гибель отъ людей, въ послѣдней гибель отъ огнедышащихъ горъ! Не знаю, которая страшнѣе. Мы пріѣхали на вершину горы, съ высоты которой сходятъ по прямой дорогѣ, по сыпучимъ камешкамъ и острымъ скаламъ. Наша лошадь, привычная къ этому поѣзду, спотыкалась ежеминутно. Мы спѣшались и съ трудомъ шагъ другъ за другомъ. Кругомъ насъ ни одного человѣческаго жилища, ни одного цвѣтка на грунтѣ, освѣщенномъ столь прекраснымъ солнцемъ,

всѣхъ пророковъ пустыни, молчалива, днана. Я взглянулъ въ
кармана Бабаю; открыла книгу пророка Іереміа и проче-
тала:

«O vos omnes, qui transitis per viam, attendite et videte, si est
dolor sicut dolor meus, quoniam viademiavit me ut locutus est Do-
minus, in die irae furoris sui» *.

У подошвы этой печальной горы развѣтывается Тервинская
долина. Зеленая возгора ее украшаетъ, оранжерей и садовых
деревья освѣжаютъ дорогу своими плодоносными вѣтвями, какъ
будто, посреди этого всеобщаго запустѣнія, небо хотѣло поща-
дить только мѣсто, гдѣ юный небраминъ Боши овладевалъ
соба первымъ подвигомъ. Мы прошли сухими вогаямъ котломъ,
гдѣ Давидъ выбралъ камень для своей пращи, которымъ пора-
зилъ героя Филитимлянъ, великана Голиага. Мы поклонились
съ благоговѣніемъ этой землѣ, гдѣ начинается святая исторія
царя поэта, зрѣлище чудесной борьбы, благородный символъ
торжества смиренія надъ безумной гордостью. Потомъ, мы
снова поднялись по крутому скату на гору, съ вершины ко-
торой видѣются съ одной стороны развалины такъ называемаго
замка *Маккавеевъ*, съ другой долина Саронская, поля Явель и ма-
вурное море. Передъ нами тянулась длинная вереница путеше-
ственниковъ, болѣе двухъ сотъ особъ, мужчинъ, женщинъ, дѣ-
тей, верхомъ, пѣшкомъ; одни качались въ коромыслахъ, вѣся-
вшихъ на бокахъ ослицы; другіе шли съ четками въ рукахъ;
иные пѣли священныя пѣсни. Тутъ было множество Русскихъ,
которые предприняли, по чувству благочестія, это путешествіе,
и которые, при приближеніи къ святымъ мѣстамъ, погружаются
въ сладостный восторгъ Вѣры и забываютъ всю усталость, всѣ
лишенія, ими перенесенныя. Здѣсь было одно семейство, при-
шедшее изъ Новгорода. При видѣ огромнаго каравана и та-
кого усердія, переносишься мыслию въ средніе вѣка, просла-
вленные духомъ благочестія.

Но не одни христіанскіе путники напоминали намъ тор-
жественность этихъ мѣстъ, которыя мы вѣдали смотрѣть: ва-
ши проводники также говорили о нихъ съ восхищеніемъ. Турки
считаютъ Іерусалимъ также священнымъ городомъ, но только

* «O вы, которые проходите по этой дорогѣ, остановитесь и посмотрите,
сравнится ли какое горе съ горемъ моимъ, потому что Господь меня разо-
релъ, какъ онъ сказалъ, въ день своего гнѣва.» (Исайя Іереміа, гл. I, с. 12).

потому, что исторія Мориа включила Иисуса Христа въ число великихъ пророковъ; но потому, что Магометъ самъ не сѣнилъ этой горюхъ. Мусульманскія преданія рассказываютъ, что онъ прибылъ въ Иерусалимъ въкогноте, верхомъ на своемъ конѣ, который перенесъ въ одинъ мигъ своего почитаемаго господина изъ одной страны въ другую, быстрее чѣмъ Негасъ. Тѣ же преданія заключаютъ въ себѣ рассказъ о томъ, какъ въ день суда, Магометъ будетъ сидѣть на камнѣ иерусалимской мечети, и въя на плечахъ плащъ, широкія складки котораго, подбитыя кожей молодыхъ овецъ агнца, покроютъ всю долину Исаафата. Когда судъ Божій будетъ произнесенъ, душа вѣрныхъ укроется подъ этимъ широкимъ плащемъ. Искусный Магометъ узнаетъ по вѣсу, когда они вѣс соберутся. Тогда онъ вскочитъ опять на своего коня и унесетъ эти души, въ свой рай, гдѣ онъ будутъ жить въ наслажденіяхъ райскихъ, передъ которыми сады Азіи, гаремы султановъ—ничто.

Мы приближались къ городу, къ которому стремились всѣ наши желанія. Нетерпѣніе овладѣло нами при мысли, что мы были въ небольшомъ разстояніи отъ него. Мы быстро понеслись на вершину горы, господствующей надъ этимъ городомъ; и вдругъ, каждый изъ насъ остановился неподвиженъ, въиъ, съ невыразимымъ чувствомъ! Мы увидѣли возвышающіяся на песчаныхъ поляхъ сѣроватыя стѣны, башни, куполь. «Иерусалимъ!» закричалъ нашъ проводникъ, и мы последовали за нимъ въ торжественномъ молчаніи. Не одинъ изъ насъ не могъ прибавить ни одного слова веселѣ такого имени!

Въ ту минуту, какъ мы подѣхали къ воротамъ Иерусалима, губернаторъ выѣзжалъ оттуда въ сопровожденіи двадцати вооруженныхъ всадниковъ, — это всегдашній конвой этихъ мелевскихъ властителей во время ихъ прогулокъ. Онъ осадилъ свою лошадь, чтобы намъ поклониться, потомъ поскакалъ въ галопъ. Прежде мы не смѣли бы сидѣть на лошади передъ нимъ... на лошади!.. нѣтъ! христіане не имѣли даже позволенія вѣзжать въ святой городъ на этомъ благородномъ животномъ, и даже съ той стороны, съ которой бы они желали. Они могли вѣзжать туда не иначе, какъ въ сопровожденіи Турокъ, черезъ Дамасскія ворота, и заплативъ пошлину. Турки сѣхали намъ вѣкоторое снисхожденіе! Но какое снисхожденіе! Она требуютъ только, какъ бывало прежде, отъ христіанъ ина-

ковъ унизительной покорности и не берутъ съ нихъ постыдливой пошлости. Городъ Давида, великолѣпная столица Соломона, святое мѣсто, гдѣ пролилась кровь Спасителя, находится подъ властью турецкаго пашы! Печаленъ видъ этого города съ его стѣрыми стѣнами, безмолвными башнями, песчаными горами, и безплодными полями, его окружающими. Эти стѣны не представляютъ издалика, какъ стѣны Тира, горестнаго зрѣлища оустошенія и развалинъ. Нѣтъ, напротивъ, эти башни, господствующія надъ укрѣпленіями, эти куполы, возвышающіеся надъ террасами домовъ, эта масса строеній, заключенныхъ въ одной оградѣ, имѣютъ величественный и живописный видъ. Только блѣдный цвѣтъ падшей царицы городовъ возбуждаетъ въ душѣ чувство горести: укрѣпленія и башни, террасы и мечети, все покрыто бѣлымъ матовымъ цвѣтомъ, и самый грунтъ земли и обширный горизонтъ, ихъ окружающій, подернуты тѣмъ же печальнымъ оттѣнкомъ. Ни малѣйшаго шума и движенія. Время отъ времени лишь видишь по сіонской дорогѣ проѣзжающаго бедуша, который кажется ищетъ добычи, или женщину, съ трудомъ несущую на головѣ кувшинъ съ водой, или путника, который останавливается въ изумленіи при видѣ такой картины.

Но признаюсь, мнѣ и не хотѣлось бы, чтобъ Іерусалимъ представился моимъ глазамъ подъ другимъ видомъ. Я не могу представить его оживленнымъ и блестящимъ, такимъ, какъ види европейскіе города. Здѣсь не должно быть ни свѣтской роскоши, ни людской суеты. Эта песчаная страна, эти стѣны должны хранить свое торжественное горе, чтобы умъ занять былъ только воспоминаніемъ древнихъ временъ и страданій Спасителя.

Никакой городъ въ мірѣ не возбуждаетъ столько благочестивыхъ чувствъ. Древніе смотрѣли на него какъ на центръ земли; греческіе монахи раздѣляютъ то же мнѣніе! Если, по географіи, это мнѣніе совершенно ложно, то въ нравственномъ смыслѣ, оно имѣетъ истинное значеніе. Не скажешь ли, что Іерусалимъ есть центръ земли, когда знаешь, что туда сходятся на поклоненіе народы трехъ вѣроисповѣданій, со всѣхъ концовъ земли: Евреи, христіане и мусульмане. Евреи, столько разъ выгнанные изъ стѣнъ Сіона, приходятъ оплакивать его прошедшее величіе, и ожидать пришествія Мессіи. Какъ бы ни было тягостно положеніе ихъ въ этихъ стѣнахъ, которыми они прежде владѣли, для нихъ все-таки это городъ священный, основаніе котораго относится ко временамъ Авраама, городъ избранный Бо-

гомъ, городъ славный; первый городъ изъ всѣхъ городовъ, (какъ говорятъ исландскіе писатели, которыхъ одно имя Іерусалима воспламеняетъ восторгомъ), городъ Израиля, воспѣтый Давидомъ, украшенный Соломономъ, прославленный предрѣченіями пророковъ, ичудесами, совершенными въ стѣнахъ его и въ его окрестностяхъ. Навуходносоръ разрушилъ его до основанія. Онъ разрушилъ до того священный городъ, что «слугъ бороздилъ Сіонъ какъ поле, Іерусалимъ былъ превращенъ въ груду камней.» Но Евреи возвратились въ обѣтованную землю; выстроили свои дома, воздвигли укрѣпленія. Тутъ снова разграбилъ его, разрушилъ зданія; затѣмъ Адрианъ срылъ даже стѣны, такъ что не осталось камня на камнѣ. Послѣ онъ велѣлъ его отстроить, но запретилъ входъ Евреямъ, и запретилъ имъ останавливаться даже на сосѣднихъ холмахъ, чтобы смотрѣть на святой городъ: онъ хотѣлъ уничтожить самое имя Іерусалима и называлъ его Эліа-Капитолина. Тогда заняли его Христіане и учредили въ немъ патріаршество, которое существовало въ теченіе пяти сотъ лѣтъ.

Послѣ завоеванія Навуходносора и владычества Римлянъ, Іерусалимъ подпалъ въ VII вѣкѣ подъ власть Сарацинъ, и черезъ четыреста шестдесятъ три года былъ возвращенъ христіанству оружіемъ Готфрида Бульонскаго и Танкреда. Въ 1187 году, послѣ храброй защиты, Іерусалимъ сдался Саладину; въ 1517, султанъ Селимъ, завоеватель Египта, завладѣлъ имъ. Съ этихъ поръ, какъ извѣстно, Іерусалимъ былъ постоянно подъ властію Турокъ, кромѣ нѣсколькихъ лѣтъ египетскаго владычества. Но всѣ казни Рима *, всѣ притѣсненія и жестокости рыцарей, все презрѣніе вынѣшняго правительства не могли удалить Евреевъ отъ Сіонской горы. Многіе изъ нихъ остались въ Іерусалимѣ, не смотря на всѣ перевороты. Другіе, перенеся свои жилища въ другія страны, возвращаются туда искать, съ благочестивымъ упованіемъ, послѣдняго пристанища. Иные, увидѣвъ эту священную землю, въ восторгѣ повторяютъ слова пророка: «Господь утѣшитъ Сіонъ; онъ возстановитъ его изъ его развалинъ; онъ измѣнитъ пустыню въ мѣсто

* И тѣ были распяты, которые кричали: «Распять Его!» Они были распинаемы по пятидесяти въ день, потому въ такомъ большомъ числѣ, что едва успѣвали дѣлать кресты и находить мѣста, чтобы ихъ ставить.» (Исторія Іерусалима, аббата Дюпюа. л. 24.)

васлаженій, и его пустыню въ садъ Господень. Тамъ издарица радость и блаженство; тамъ снова услышавши гласъ хвалы и благодарности во славу Господа. Иностранцы, отказавшись отъ асыхъ земныхъ надеждъ, достигаются только того, чтобы быть потребными въ долину Иосаата.

Мусульмане, какъ мы сказали, чувствуютъ къ этому городу глубокое уваженіе. Они называютъ его святымъ, и хотъ, кто совершитъ туда путешествіе, получаетъ шедь хаджи.

Всѣ христіанскія общества обращаютъ взоры къ этому городу. Католики, Греки, Армяне, Койты ияютъ приѣзды въ церковь Гроба Господня. Протестанты также учредили тамъ епископство и содержатъ съ большими издержками миссіонеровъ.

Мусульмане тамъ сильнѣе другихъ, и хотя время и обстоятельства научили ихъ уважать христіанъ, но они еще очень часто даютъ чувствовать тягость своего могущества. Евреи, какъ всадъ на Востокъ, терпятъ угнетеніе и презрѣніе. Въ той землѣ, гдѣ они отверглись отъ своего Бога, они подпадаютъ подъ поносное иго рабства. Они тамъ служатъ живымъ доказательствомъ непреложности пророчествъ и опредѣленій Евангелія.

Христіане католическаго, армянскаго и православнаго исповѣданій, пользуются въ Иерусалимѣ большими правами. Множество поклонниковъ посѣщаютъ еще ихъ монастыри, жаль только, что тамъ возмущается миръ, который долженъ бы царствовать подъ сѣнію святыхъ алтарей. Всѣ путешественники говорятъ о печальныхъ распряхъ, возникающихъ иногда между монастырями.

Приѣхавъ въ Иерусалимъ, мы остановились въ домѣ, принадлежавшемъ монастырю Францисканцевъ, называемомъ Каза-Нова, и который въ особенности предназначенъ для путешественниковъ. Намъ дали двѣ большія комнаты. Одинъ изъ братьевъ пришелъ намъ сказать, что онъ приставленъ въ наше распоряженіе на все время нашего пребыванія въ Иерусалимѣ. Нигдѣ насъ не принимали съ такимъ радушіемъ и не угощали съ такою щедростью, и когда мы сходились вечеромъ кругомъ стола, на которомъ подавали намъ ужинъ, ни за что на свѣтѣ мы не захотѣли бы лишиться радости, которую мы чувствовали говоря другъ другу: «Мы въ Иерусалимѣ.»

На другой день, рано утромъ, мы пошли въ монастырь, засвидѣтельствовать свое почтеніе настоятелю: но онъ былъ въ отсутствіи. Насъ принялъ экономъ, одинъ изъ самыхъ мѣст-

толстых людей. Это Шенанетъ дѣтъ серока, съ ладокъ напоми-
нающихъ мнѣ къ некоторымъ произведеніямъ Валь-Дюна: чело высо-
кое, отбѣсненное. Обладурьями полвеками, носъ прямой и тонкій,
власъ блестящій, завязанъ къ верлу усы, небольшая острая бо-
рода. Мнѣ казалось, что я видѣлъ живую коню съ Ритшель. Ко-
гда онъ намъ рассказывалъ о страданіяхъ, имъ перенесенныхъ,
его блѣдное лице оживлялось румянцемъ, казалось молнія бле-
стѣла въ его чернѣхъ волосахъ; кровь Кастильца кипѣла въ
его жилахъ. Послѣ одного изъ этихъ благородныхъ дви-
женій негодованія, христіанское смиреніе брало верхъ. Началь-
никъ ордена исчезалъ, монахъ опускалъ голову, и переби-
ралъ между руками монцы тесмы, перевязывавшей его бока,
казалось только и думалъ о своемъ смиренномъ призваніи, о
своей клятвѣ служить и повиноваться. Онъ насъ проводилъ въ
темныя кельи, въ которыхъ жили братья, назначенные бодр-
ствовать день и ночь у гроба Господня. Эти кельи такъ сы-
ры и нездоровы, что не возможно оставаться тамъ долго.
Тамъ только мажутъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Потомъ
онъ свелъ насъ въ ризницу, гдѣ намъ показалъ дары фран-
цузскихъ королевъ: нѣсколько стикарей, нѣсколько ризъ самой
богатой работы, которыми обязаны щедрости Святаго Люде-
вика, и кадилницу чистаго золота двухъ футовъ вышины,
прекрасной отдѣлки, присланную Францисканцамъ нашей благо-
честивой королевой. Потомъ онъ показалъ намъ желѣзные шпо-
ры и шпагу Годеридъ Бульонскаго. Показавъ всѣ эти приношенія,
закономъ предложилъ намъ идти въ церковь, которая была глав-
нымъ предметомъ нашего путешествія. Но мы прежде пожела-
ли видѣть дорогу, по которой Христосъ шелъ на Голгоѳу. Мы
хотѣли, съ Евангелиемъ въ рукахъ, прочесть исторію послѣд-
нихъ страданій Искупителя. Мы вышли за городъ, въ ворота
Св. Стефана, гдѣ погибъ первый мученикъ христіанской
Вѣры. Оттуда, вошли въ улицу, гдѣ находилось большое зда-
ніе, занимаемое частію солдатами, частію губернаторомъ го-
рода. Говорать, что это зданіе выстроено на томъ мѣстѣ, гдѣ
возвышался домъ Пилата. Потомъ мы вошли въ другую улицу,
называемую путемъ скорби, но которую бы надо назвать пу-
темъ спасенія. По этой-то дорогѣ Господь нашъ несъ свой
терновый вѣнецъ и свой крестъ. Эта улица пересѣкается ар-
кадою, надъ которой находится окно, раздѣленное на двое колон-
ной. Преданіе говорить, что на этомъ самомъ мѣстѣ, съ вершины

аркады, изъ подобнаго окна, Пилать показалъ народу еврейскому бѣснаго Иисуса Христа, произнесъ слова: «Се человекъ!»

Шесть замѣчательныхъ мѣстъ привлекаютъ затѣмъ повременнѣе вниманіе путешественниковъ. Прежде всего, мѣсто, гдѣ Господь, обращаясь къ женщинамъ, которыя, при видѣ его страданій, плакали, сказалъ имъ: «Дщери Іерусалима, не плачьте обо мнѣ, но лучше плачьте о себѣ и вашихъ дѣтяхъ.» Далѣе мѣсто, гдѣ Пресвятая Дѣва лишилась чувствъ въ тоскѣ своей материнской вѣжности. Вотъ еще обломокъ колонны; обозначающій мѣсто, гдѣ воины, замѣтивъ что Христосъ не могъ болѣе нести свое тяжелое бремя, взяли на помощь Симона Киринейскаго. Не много далѣе, налѣво, находился домъ Лазаря, подлѣ дома злаго богача; потомъ бѣдное и темное жилище, которое замѣнило жилище Святой Вероники, вышедшей отереть потъ и кровь, струившіяся по лицу Спасителя; наконецъ Лобное мѣсто, нынѣ заключающееся въ церкви гроба Господня.

Всѣ христіане іерусалимскіе, и даже большое число мусульманъ, знаютъ каждое изъ этихъ мѣстъ и рассказываютъ преданія, относящіяся къ нимъ.

Евангельское событіе исполнилось тамъ, и волны, разорившіе еврейскіе дома, не могли стереть съ лица земли ни горы Моріа, ни Лобнаго мѣста.

Окончивъ наше первое странствованіе, мы нашли одного изъ монаховъ, дожидавшагося насъ у дверей церкви Воскресенія или гроба Господня. Это уже не прежнее великолѣпное зданіе, воздвигнутое матерью Константина, покрытое золотомъ, поддерживаемое семидесятью тремя мраморными колоннами. Въ 1808 году, пламя поглотило часть древней церкви. Пожаръ начался въ армянской часовнѣ, дошелъ до часовни греческой, францисканскихъ келій, и часовни Богородицы, и остановился чудомъ передъ гробомъ Господнимъ. Нѣсколько колоннъ, нѣсколько мозаическихъ работъ, даръ Св. Елены, и шесть гробницъ латвнскихъ королей, погибли во время этого пожара.

Послѣ несчастнаго событія 1808 года, католики не были средствъ снова выстроить церковь; Греки, вспомошествоваемые приношеніями Россіи, взяли въ воздвигнуть ее, и черезъ это получили въ свое владѣніе самыя важныя отдѣлы церкви. Имъ принадлежитъ теперь часовня Лобнаго мѣста.

Францисканцы показали намъ всѣ часовни, находящіяся въ церкви. Первая изъ нихъ есть часовня Бичеванія. Тамъ нахо-

дится колонна, къ которой Христось былъ привязанъ, когда Пилать, для удовлетворенія неистовства Евреевъ, велѣлъ Его бить. Вторая часовня тюремная; третья выстроена на мѣстѣ, гдѣ стражи бросали жребій объ одеждѣ Господней. Четвертая находится на томъ мѣстѣ, гдѣ Св. Елена молилась, пока искали святыи крестъ. Оттуда поднимаются на Голгоу, по лѣстницѣ состоящей изъ девятнадцати ступеней; однѣ изъ нихъ деревянные, прислоненныя къ стѣнамъ церкви; другія изсѣчены въ самой скалѣ. Лобное мѣсто находится въ ста десяти футахъ отъ гроба Господня. Вершина его представляетъ платформу въ сорокъ семь футовъ ширины и столькоже длины, на которой возвышаются двѣ часовни, раздѣленные аркой. Въ той, которая находится въ углубленіи, мозаическая работа обозначаетъ мѣсто, гдѣ Спаситель былъ пригвожденъ ко кресту; въ передней часовнѣ стоитъ мраморный столъ, пробитый такимъ образомъ, что можно видѣть сквозь него отверстія, гдѣ были вставлены три креста, и трещину скалы. Мы съ глубокимъ благовѣніемъ пали на этомъ мѣстѣ, гдѣ Искупитель, своими окровавленными руками, обнималъ міръ, чтобы его спасти, и повторилъ слова Евангелиста Луки: «И около девятаго часа, Иисусъ возопилъ громкимъ голосомъ, говоря: Ели, Ели, ламма Савахани, то есть: Боже мой! Боже мой! почто Ты Меня оставилъ?

«Нѣкоторые же изъ стоявшихъ тамъ, слыша сіе, говорили: Илію зоветъ Онъ.

«И тотчасъ побѣжалъ одинъ изъ нихъ, взявъ губу, наполнивъ уксуомъ, и, положивъ на трость, понѣлъ Его.

«И другіе говорили: постой; посмотримъ, придетъ ли Ілія спасти Его.

«Иисусъ же, опять возопивъ громкимъ голосомъ, испустилъ духъ.

«И се, завѣса во храмѣ раздралась на двое сверху до низу; и земля потряслась; и камни разсѣлись.»

Выйдя изъ часовни Лобнаго мѣста, мы подошли къ камню, окруженному балюстрадою, надъ которымъ висятъ нѣсколько лампадъ; это камень помазанія, на которомъ тѣло нашего Господа было омыто и помазано, передъ положеніемъ во гробъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда находится гробъ Господень. Подъ галереей, поддерживаемой шестнадцатью колоннами, находится памятникъ бѣлаго мрамора, въ двадцать футовъ длины и шесть ширины, и пятнадцати футовъ вышины, съ куполомъ

прекрасной архитектуры; этотъ памятникъ окружаетъ графъ Господень; туда ведутъ нѣсколько ступеней; сначала видишь въ часовню, гдѣ видишь мраморный обломокъ въ педатора квадратныхъ футовъ; этотъ мраморъ обозначаетъ мѣсто, гдѣ ангелъ сказалъ святымъ женамъ: «Нѣтъ Его здѣсь; Онъ воскресъ, какъ сказалъ: подите, посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь.» Оттуда идешь, нагнувшись черезъ маленькую дверь, задернутую занавѣсой, и входишь въ святилище, такое узкое, что оно только можетъ вмѣстятъ въ себя трехъ или четырехъ человекъ; направо находится гробъ Господень, надъ которымъ безпрестанно теплятся лампы. Стѣны святилища сѣраго мрамора, а сводъ почернѣлъ отъ дыма лампы.

Двадцать богомольцевъ стояли на колѣняхъ кругомъ часовни, лобызая святое преддверіе.

Христиане разныхъ вѣроисповѣданій попеременно совершаютъ богослуженіе въ церкви гроба Господня; служба ихъ должна начинаться и оканчиваться въ назначенный часъ. Турки хранятъ у себя ключи церковные, они сами открываютъ и запираютъ двери; каждый разъ, какъ хочешь туда войти, надобно дать солдатамъ денегъ или табакъ.

Изъ церкви Воскресенія, мы пошли осматривать другія замѣчательныя мѣста Иерусалима; ихъ такъ много, что едва можешь обозначить; два изъ нихъ наиболѣе привлекаютъ вниманіе. На горѣ Морія, находится то мѣсто, гдѣ былъ храмъ Соломоновъ; здѣсь теперь великолѣпная мечеть Омара, входъ въ которую Турки, входящіе такъ свободно въ наши церкви, запрещаютъ христианамъ. На горѣ Сіонѣ находится другая мечеть, уважаемая мусульманами, которая, говорятъ, покрываетъ гробъ Давида и развалины той храмы, гдѣ Христосъ торжествовалъ въ послѣдній разъ Пасху съ своими учениками, и гдѣ Онъ установилъ евхаристію, и черезъ нѣсколько дней—таинство покаянія.

«Двери дома, гдѣ собралось ученики Его, заперты были по опасенію отъ Іудеевъ, пришелъ Иисусъ и сталъ посреди нихъ, и говорить имъ; миръ вамъ.

«Сказавъ сіе, онъ показалъ имъ руки (и ноги) и богъ свой. Ученики обрадовались, увидя Господа.

«Иисусъ же сказалъ имъ вторично: миръ вамъ; какъ послышалъ Меня Отецъ, такъ и Я посылаю васъ.

«Склонивъ сіе, дунуль и говорить имъ: примите Духъ Святый.

«Кому престоите грѣхи, тому престоите; на комъ останите, на томъ останутся.»

Въ этой самой горницѣ апостолы собрались, чтобы завѣщать предателямъ Иуду; зѣло же во время сошествія Святаго Духа они увидѣли сколазіе на нихъ огненные языки.

Мы вошли съ горы Сіона къ источнику Силоманову. Оттуда мы снова поднялись къ жерни Божородицы, пройдя всю долину Иосафову, мрачную и печальную долину; съ каждой стороны ея голые и безплодные утесы; посреди шоссійшій шоссѣъ Кедронскій; гробницы Авессалома, Иосафата и Захаріи, священныя въ горѣ, подземныя пещеры, назначенныя для мучениковъ; на одномъ ея концѣ находится кладбище Есеровъ, камни котораго мѣшались съ камнями развалинами деревни Силоанъ; на другомъ—проклятое мѣсто, гдѣ Иуда предалъ своего Господа, и пещера предсмертной скорби Господа; зѣло воспоминаю всѣ горестныя, всѣ печальныя воспоминанія и событія. Тутъ: Іеремія произносилъ свои трогательныя жалобы; Давидъ, униженный угрызеніями совѣсти и своими бѣдствіями, возносилъ къ небу свои молитвы и призывалъ его себѣ на помощь въ дѣлахъ праведныхъ.

Послѣ того мы вошли въ Геосимаинскую пещеру; туда сходять по нѣсколькимъ грубо-выдѣленнымъ ступенямъ; эта пещера круглая около пятнадцати футовъ въ діаметрѣ; она высѣчена въ скалѣ и освѣщается сверху, сквозь сдѣланное въ сводѣ отверстіе. На одной сторонѣ ея, виситъ древняя картина, представляющая заснувшихъ апостоловъ и Христа, въ Его предсмертной скорби, говорящаго: «Отче! да мимо идетъ чаша сія! Однакоже не Моя воля, но Твоя да будетъ!»

«Явился же Ему Ангелъ съ небеси и укрѣплялъ Его.

«И, будучи въ бореніи, прилежѣе молился, и былъ потъ Его, какъ капли крови, которыя падали на землю.

«Вставъ отъ молитвы, Онъ пришелъ къ ученикамъ, и нашель ихъ спящими съ печалію.

«И сказалъ имъ: что вы спите? встаньте, молитесь, чтобы не впасть вамъ въ искушеніе.»

Эта пещера въ большомъ уваженіи. Почти каждой пугли-

ственики беретъ] частицу драгоценной земли, окропленной потомъ нашего Спасителя.

Тутъ же возвышается церковь, построенная, какъ говорятъ, матерью Константина, и четыре знаменитые памятника. Входя въ эту церковь черезъ готическую дверь, и спускаешься въ подземную пещеру, по широкой каменной лѣстницѣ, состоящей изъ сорока шести ступеней. На половинѣ схода, направо находится гробница Св. Іоакима и Святыхъ Анны, надъво Св. Іосифа; въ глубинѣ пещеры возвышается часовня, освѣщенная дѣнь и ночь нѣсколькими лампадами, и воздвигнутая на мѣстѣ погребенія Божіей Матери.

Недалеко отъ пещеры предсмертной скорби Спасителя, находится квадратное пространство, окруженное стѣной и содержащее восемь масличныхъ деревьевъ, такихъ толстыхъ, покрытыхъ морщинистой корой и вѣковыми отраслями, что вспомнить, какой жизненной силой это дерево одарено, когда его стволъ кажется уже совсѣмъ засохъ и исохшился, а производитъ еще новыя вѣтви и украшается новыми листьями, можно подумать, не удаляясь отъ законовъ натуральной исторіи, что они существовали до временъ страданій Христовыхъ. Тамъ, подъ тѣнью этихъ самыхъ деревьевъ, Іисусъ Христосъ отдыхалъ, бесѣдовалъ со своими учениками, былъ взятъ подъ стражу; тамъ Святый Петръ обнажилъ свой ножъ для защиты своего Божественнаго Учителя, и отрѣзалъ ухо у Малха.

Священный садъ, содержащій эти столь драгоценныя деревья, принадлежитъ монастырю Гроба Господня. Монахи приобрѣли его въ свое владѣніе на послѣдніа деньги. Лишать эти деревья ихъ вѣтвей было бы преступленіемъ, и это строго запрещено. Однѣ лишь сухія вѣтви срываются.

Взобравшись изъ этого сада на гору Масличную, попеременно видишь новыя мѣста, ознаменованныя евангельскими событиями. Тутъ пещера, гдѣ Господь нашъ научилъ своихъ учениковъ всеобщей христіанской молитвѣ: *Отче нашъ*; здѣсь, церковь, означающая мѣсто, откуда Онъ вознесся на небо; далѣе холмъ, гдѣ Христосъ, остановивъ свои очи на Іерусалимѣ, предсказалъ погибель этого города, и разсѣяніе народа Іудейскаго.

«Когда же увидите Іерусалимъ, окруженный войсками: тогда знайте, что приближилось запустѣніе его.

«Тогда кто будетъ въ Иудеѣ, бѣги въ горы; и кто въ городѣ, выходи вонъ; и кто въ окрестностяхъ, не входи въ него.

«Потому что это будутъ дни отищенія; да исполнится все сказанное въ Писавіи.

«Горе же беременнымъ и питающимъ сосцами въ тѣ дни; ибо будетъ бѣдствіе великое на земли, и гвѣвъ на народъ сей.

«И падутъ отъ острія меча, и отведутся въ плѣнъ во всѣ народы: и Іерусалимъ будетъ попрраемъ язычниками, доколѣ не окончатся времена язычниковъ.»

Съ того мѣста, какъ полагаютъ, гдѣ стоялъ Господь, произнося эти слова, видишь передъ собою двѣ горы, Сіонъ и Моріа, и городъ Іерусалимъ во всемъ его пространствѣ. Іерусалимъ тогда, со своими дворцами, башнями, стѣнами долженъ былъ имѣть видъ самый величественный.

Возвратясь въ Іерусалимъ, мы снова прошли этотъ городъ, чтобы замѣтить его положеніе и состояніе народа. Улицы мѣстами вымощены. Каждый домъ походитъ на крѣпостцу: снаружи, они представляютъ гладкую стѣну, низкую дверь, узкое окно. Дерево очень рѣдко въ этой странѣ; всѣ дома построены изъ камня, и большое число изъ нихъ украшено куполомъ каменной работы; на окраинѣ террасы, окружающій этотъ куполь, лежатъ кучи камней, приготовленныхъ для защиты дома, въ случаѣ, если на домъ нападутъ; тамъ еще находятся балюстрады, состоящія изъ глиняныхъ трубъ, сквозь которыя женщины могутъ смотрѣть на улицу, не бывъ видимы.

Рынки, которые на Востокѣ имѣютъ обыкновенно живописный характеръ, здѣсь очень не важны и худо снабжены. Торговля въ Іерусалимѣ ничтожная; кромѣ крестиковъ, чѣтокъ, выдѣлываемыхъ для путешественниковъ, оттуда ничто не вывозится, а привозится только самое необходимое для жителей города. Однакожъ это мѣсто—самое оживленное въ Іерусалимѣ; кромѣ его вездѣ встрѣчаешь мѣста пустынные, улицы печальныя и безмолвныя, не слышишь ни малѣйшаго шума, не встрѣчаешь ни одного человѣческаго лица.

Здѣсь, какъ во всѣхъ городахъ подъ властью турецкаго правительства, трудно обозначить наѣрное число народонаселенія. Можно полагать однакожъ, что эти стѣны, которыя во древнихъ преданіяхъ, содержали во время осады Тита, милліонъ жителей, теперь, едва выдѣляютъ двѣнадцать тысячъ, изъ кото-

рыкъ вѣтъ тысячъ мусульманъ, три тысячи евреевъ и еще третъ до четырехъ тысячъ христіанъ.

Эти три разнѣнные класса жителей занимають три разнѣнные квартала. Евреи живутъ между древнимъ храмомъ и горой Бѣниакъ; ихъ жилища вида самого грязнаго; однакожъ нѣкоторые изъ нихъ богатые и стараются скрывать свое богатство подъ иномъ видомъ нищеты.

Христіане православнаго исповѣданія почти всѣ Арабы; изъ церковное служеніе отправляется на арабскомъ языкѣ; у нихъ въ Иерусалимѣ, есть нѣсколько монастырей мужскихъ и нѣтъ женскихъ; всѣ они состоятъ подъ властію патріарха.

Армяне владѣють самымъ прекраснымъ монастыремъ и одною изъ самыхъ богатыхъ церквей, существующихъ на Востоку. Мы посѣтили эту церковь и не могли налюбоваться замѣчательнымъ помостомъ, великолѣпными коврами и дверями съ мѣлѣ обшивкою изъ бронзы и черепаховой кости. Обошедъ се кругомъ, съ двумя монахами, мы введены были въ коннату патріарха, который сидѣлъ на атласномъ диванѣ; насть окропилъ розовою водою, потомъ подали намъ шербетъ и кофе; три монаха стояли въ самомъ почтительномъ положеніи, при входѣ въ коннату. Патріархъ, продолжая пить съ наслажденіемъ свой кофе, обращался къ намъ съ различными вопросами. Послѣ разговора, продолжавшагося четверть часа, онъ велѣлъ подать мѣленькій ящичекъ, и съ глубокимъ уваженіемъ открылъ его: то былъ портретъ Императора Россійскаго, осыпанный брилліантами, присланный ему въ подарокъ Императоромъ.

Католики наиболѣе живутъ около латинскаго монастыря; они говорятъ по-арабски; полагають, что они потомки древнихъ Арабовъ, крещенныхъ во времена крестовыхъ походовъ. Многіе изъ нихъ вырѣзываютъ кресты, выдѣлываютъ четки; другіе живутъ только милостыней монастыря; этотъ монастырь считается первымъ между католическими монастырями на Востоку; въ немъ отъ сорока до пятидесяти монаховъ, одни Испанцы, другіе Итальянцы. Ихъ настоятель носить титулъ стража горы Сионской и Гроба Господня; онъ долженъ быть Итальянецъ и получать инвеституру свою отъ Двора Римскаго. За нимъ слѣдуетъ викарій, избарасмый на три года, и прекуроръ, назначенный на всю жизнь, который долженъ быть происхожденія испанскаго. Эти три звѣзды ладя составляютъ съ тремя монахами; верховной советъ

называемый *discretorium*, и завѣдываютъ всѣми монастырями своего ордена, разсѣянными въ Палестинѣ, въ Сиріи и въ Египтѣ. Одна изъ ихъ главныхъ обязанностей состоитъ, какъ мы сказали, въ томъ, чтобы принимать путешественниковъ.

=

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О БИРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ.

Изъ путешествія вокругъ свѣта Г. Лапласа на фрегатѣ Артемида.

Неудачи и потери, понесенныя Бирманцами въ 1824 году, въ кровопролитную войну ихъ съ Англичанами, нисколько не ослабили ни воинственнаго духа ихъ, ни той непріязни, которую они всегда питали къ владѣтелямъ Индустана. Должно впрочемъ согласиться, что эта ненависть оправдывается пріобрѣтеніемъ Великобританіей большей части приморскихъ провинцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почти всѣхъ лучшихъ портовъ имперіи. Дѣйствительно, въ 1823 году, Англичане пріобрѣли, въ слѣдствіе заключенныхъ договоровъ, королевство Араканъ, земля котораго простирается отъ устья Ганга до мыса Неграя, по берегамъ Бенгальскаго залива. Будучи недовольны этимъ пріобрѣтеніемъ, они насильно овладѣли около того же времени, всей восточной частью материка, гдѣ находятся порты Мульмейнъ, Мерги и Амгерстъ, слѣвавшіеся въ ихъ рукахъ средоточіемъ обширной и весьма важной торговли, не смотря на губительное дѣйствіе климата, который истребляетъ здѣсь ужаснѣйшимъ образомъ иностранцевъ и войска, посылаемыя изъ Калькутты или Мадраса.

Не смотря на столь значительныя потери различныхъ провинцій, имперія бирманская все еще очень сильна и обширна и заключаетъ въ себѣ пространство земли, ограниченное съ сѣ-

веро-запада Бенгаломъ, отъ котораго отдѣляется хребтомъ горъ, и обширными болотами, покрытыми густыми лѣсами; съ востока, королевствомъ сіамскимъ; съ сѣвера, Китаемъ и Тибетомъ; наконецъ съ юга, водами проливовъ.

Бирманская имперія состояла, въ началѣ XVI столѣтія, изъ нѣсколькихъ могущественныхъ королевствъ, которыя, вмѣстѣ съ королевствомъ Сіамскимъ, первенствовали въ этой части Азіи. Къ этому же времени относятся долговременныя войны между жителями Явы и жителями Пегу. Успѣхъ былъ сначала на сторонѣ послѣднихъ; король ихъ овладѣлъ столицей и всей землей непріятельской; но счастье въ скоромъ времени ему измѣнилось. Аломпра, начальникъ одной бирманской деревни, возбуждаетъ храбрость побѣжденныхъ соотечественниковъ и поднимаетъ знамя матажа; войска Пегу частію взяты въ плѣнъ, частію истреблены; флотъ, посланный для пораженія жителей Явы, совершенно истребленъ. Провинціи Пегу опустошены и самая столица разграблена. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дѣтъ жаркихъ и кровопролитныхъ стычекъ между этими двумя народами, Аломпра провозглашаетъ себя повелителемъ соединенныхъ королевствъ Явы и Пегу. Владѣтели Бенгала и Французы, руководимые знаменитымъ Дюплейсомъ, пріяли самое дѣятельное участіе въ этихъ спорахъ, и весьма часто войска, посланныя изъ Пондишери, подавали помощь Пегуанцамъ, мало опытнымъ въ военномъ дѣлѣ, противъ Бирманцевъ, руководимыхъ англійскими офицерами.

Въ царствованіе преемниковъ Аломпры, основателя бирманской имперіи, Европейцы не принимали почти никакого участія въ войнахъ, возгоравшихся отъ постоянныхъ возмущеній жителей покоренныхъ провинцій, которые весьма неохотно подчинялись новымъ своимъ повелителямъ. Европейскіе промышленники не показывались болѣе въ этихъ странахъ, гдѣ прежде они производили весьма обширную торговлю. Всѣ торговля сношенія между туземцами и христіанами были прекращены до 1795 года, когда бирманскіе посланники явились къ главному правителю Бенгала, съ требованіемъ выдачи нѣсколькихъ преступниковъ, которые скрылись на англійскихъ земляхъ, перѣбѣжавъ чрезъ границу Аракама. Это обстоятельство едва не послужило поводомъ къ разрыву; но послѣ долгихъ переговоровъ все это дѣло было покончено миромъ; бѣглецы были выданы, и съ того времени, купцы мадрасскіе и калькутскіе ста-

за оное возмѣщать верты. Иску, гдѣ приобрѣли болышое кліе- ние, тѣмъ болѣе чинъ торговли нехъ здѣсь возмучилъ значитель- ное разореніе.

Правительство индѣйское старалось не мало содѣйствовать этимъ торговльмъ сношеніямъ; но оно нисколько не наблюдало выгоды императора бирманскаго, который, боясь подвергнуться участи соседнихъ индѣйскихъ владѣтелей, принужденныхъ признать надъ собою власть компаніи, въ 1823 году, началъ враждебныя противъ компаніи дѣйствія изгнаніемъ Европейцевъ изъ всѣхъ своихъ владѣній. Эта война была кровопролитна. Бирманцы храбро защищали свои земли, которыми Англичае тщетно старались овладѣть. Послѣднимъ еще надле- жало бороться съ климатомъ чрезвычайно вреднымъ для здо- ровья въ странѣ, приморскія провинціи которой, по большой части болотисты и затопляются широкими рѣками, а особенно рѣкой Ирвади; войска бенгалскія тщетно пытались, при зна- чительномъ содѣйствіи флота, проникнуть, вверхъ по теченію этой рѣки, во внутренность имперіи.

Не смотря на столь искусную тактику, успѣхи ихъ въ этой странѣ были чрезвычайно медленны. Всякая деревня, защищае- мая разлитіемъ водъ и рѣшковой гатью, весьма употребительна въ этихъ странахъ, оказывала упорное сопротивленіе; недоста- токъ въ сѣстныхъ припасахъ скоро обнаружилась; солдаты умирали тысячами отъ различныхъ эпидемическихъ болѣзней, совершенно дотогъ неизвѣстныхъ; такъ, что обѣ воюющія сто- роны были чрезвычайно довольны миромъ, заключеннымъ въ 1824 году, по которому Бирманцы уступили Англичанамъ нѣ- сколько приморскихъ провинцій, весьма незначительныхъ для народа, не имѣющаго у себя порадочнаго флота; Англичане же съ своей стороны, отказались отъ огромнаго денежнаго вознагражденія всѣхъ потерь, которыя они понесли въ эту кровопро- литную войну.

Я не знаю, за что уступки со стороны Англичанъ были ли слѣд- ствіемъ необходимости или желанія расширить торговлю своею на Индію: какъ бы то ни было, торговля Англіи чрезвычайно много отъ этого выиграла. Мы видѣли уже, что заморскими провинціи, а особенно Мартабана, были прежде почти совер- шенно безлюдны; порты ихъ рѣдко посѣщаемы были купечес-

скими кораблями съ значительнымъ грузомъ; нынѣ же, благодаря торжественъ сношеніямъ, порты эти оживились прибытіемъ кораблей изъ всѣхъ частей Азіи. Благополучіе Мумбаи, Амгерста и Мерги замѣтно возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

Дѣйствительно, изъ этихъ трехъ портовъ, почти исключительно развиваются по различнымъ странамъ Азіи, произведенія, доставляемые изъ Бирмы и Индіи, состоящія главнѣйшимъ образомъ изъ тонкихъ суконъ, шелковыхъ издѣлій, обработанныхъ металловъ, полотенецъ бѣлыхъ и синихъ, зеркалъ и обыкновенныхъ кристалловъ; всѣ эти произведенія вывѣзываются съ прибылью на различные виды деревъ, употребляемыхъ для построекъ и весьма высоко здѣсь цѣнящихся, на маленькихъ зерновыхъ лошадей, неизвестныхъ овецъ крѣпостью, на рисъ, хлѣбныя зерна, сахаръ, индиго, воскъ, хлопчатую бумажу, золото, серебро и драгоценныя камни; вообще на всѣ произведенія бирманской имперіи.

Полуденныя провинціи этой обширной имперіи не гористы и чрезвычайно плодородны, не причисляя множества мелкихъ рѣкъ и ручейковъ, которые орошаютъ ихъ; только этиаи плодородіемъ земли можно объяснить себѣ то огромное количество риса, которое вывозится изъ этой страны. Сѣверныя провинціи, хотя гористыя, довольно плодородны: онѣ доставляютъ хлѣбъ, и различныя тропическія произведенія, вывозимыя европейскими негодіантами; здѣсь разрабатываютъ сверхъ того, богатые рудники олова, мѣди, свинца, желѣза, бриллиантовъ и изумрудовъ, которые покупаются преимущественно обитателями небесной имперіи вмѣстѣ съ шелкомъ обработаннымъ и въ сыромъ еще видѣ, съ листами золота, съ перьями, бусами и грубыми стеклянными бездѣлушками. Но самая значительная, самая богатая отрасль промышленности Пегу, это есть тикъ (индійскій дубъ), доставляемый въ Рангунъ, въ значительномъ количествѣ по безчисленнымъ источникамъ Иравди, принадлежащихъ въ сношеніи съ океаномъ внутренніи провинціи имперіи. Порты Рангунъ лежатъ при заливѣ Мартабадскомъ, въ довольно большомъ разстояніи отъ моря, и есть единственный портъ отапливая Бирманцамъ, въ слѣдствіе договора 1824, который имѣетъ какую-либо важность.

Суда, равно какъ и въ Мумбаи, прибываютъ во множествѣ большіе корабли и малые суда изъ всѣхъ приморскихъ восточныхъ портовъ. Индустана, какъ дѣе почина, такъ равно и

для нагрузки тикомъ, этимъ драгоценнымъ для постройки дерева, котораго крѣпость едва можетъ преодолѣть всеразрушающее время. Самый лучший тикъ получается изъ гористыхъ провинцій лежащихъ на сѣверъ и на востокъ отъ Рагува, гдѣ находятся безконечные лѣса, вырубаемые извѣстнымъ классомъ народоселенія; одна привычка жить среди этихъ глубокихъ пустынь могла сдѣлать людей неспособными къ принятію ужасныхъ болѣзней, свирѣпствующихъ обыкновенно съ болотистыхъ провинціяхъ имперіи.

Дѣятельность и промышленность становятся естественно менѣ замѣтными, по мѣрѣ того, какъ удаляешься отъ рѣкъ, которыя служатъ для сообщенія внутреннихъ провинцій съ океаномъ и по которымъ снуютъ безвременно, взадъ и впередъ, тысячи судовъ различной величины, одни съ пассажирами, другія съ туземными произведениями или товарами европейскими. Во внутренности имперіи температура менѣ возвышенна и климатъ менѣ вреденъ. Тутъ живетъ племя людей сильныхъ, красивыхъ, понятливыхъ, храбрыхъ, трудолюбивыхъ, охотно занимающихся земледѣлемъ и живущихъ въ физическомъ отношеніи, гораздо болѣе сходства съ Китайцами, чѣмъ съ Индѣйцами. Женщины красивы, граціозны и, кажется, одарены необычайной любезностью. Въ этой странѣ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ еще другихъ странахъ Азіи, въ обыкновеніи временный бракъ. Народъ, населяющій бирманскую имперію, сдѣлалъ весьма быстрые успѣхи на поприщѣ образованія; въ его нравахъ и обычаяхъ нѣтъ уже ничего варварскаго, много; общественныя заведенія во многомъ сходствуютъ съ заведеніями подобнаго же рода Китайцевъ, съ которыми они сблизились еще болѣе по буддѣйскому вѣроисповѣданію, которое господствуетъ преимущественно въ Явѣ и Пегу. Это вѣроисповѣданіе служитъ не мало къ распространенію просвѣщенія. Служители буддизма посвящаютъ себя, съ удивительнымъ безкорыстіемъ, образованію и облегченію участи низшихъ классовъ народоселенія: монастыри ихъ открыты всегда для всѣхъ слоновѣрцевъ; все время проводятъ они въ молитвѣ или обучаютъ дѣтей, которыя, благодаря стараніямъ своихъ наставниковъ, почти всѣ, безъ исключенія, умѣютъ читать и писать, заучиваютъ наизусть родъ балладъ, гдѣ излагаются въ стихахъ главнѣйшія происшествія изъ отечественной исторіи; эти дѣти весьма уважаютъ своихъ наставниковъ и приходятъ въ воз-

расть, выражаютъ свою благодарность богатыми приношеніями или основаніемъ великолѣпныхъ храмовъ и обширныхъ монастырей; многочисленность которыхъ и роскошь кажутся намъ баснословными. Въ бирманской имперіи вѣтъ ни одного города, ни одной деревни, которая не имѣла бы своего храма, богато убраннаго какъ внутри, такъ и снаружи.

Число городовъ въ этой обширной имперіи простирается, какъ говорятъ, до шести тысячъ. Жители, которыхъ насчитываютъ до семнадцати миліоновъ, ни мало не похожи на слабыхъ, робкихъ Индусовъ, во почти всѣ крѣпки, хорошо владѣютъ оружіемъ, любятъ войну и составляютъ родъ ополченія или національной гвардіи, состоящей въ мирное время, для охраненія внутренней безопасности, изъ шестидесяти тысячъ человѣкъ. Въ случаѣ же войны, всякій житель обязанъ браться за оружіе по первому призыву императора. Гвардія императора и артиллерія дурно устроены и состоятъ по большей части изъ бѣглецовъ другихъ странъ. Что же касается до флота, то онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ судовъ, вооруженныхъ пушками; экипажъ каждой лодки простирается отъ пятидесяти до шестидесяти матросовъ, которые набираются въ службу изъ портовъ и различныхъ приморскихъ городовъ.

Подобное устройство войска не требуетъ слишкомъ большихъ расходовъ на свое содержаніе: и дѣйствительно, правительство наложило на народъ весьма легкую подать. Императоръ бирманскій старается всѣми мѣрами увеличить доходы государства и обогатить еще болѣе казну, и безъ того, какъ говорятъ, наполненную огромнымъ количествомъ золота и серебра. Что же касается до мѣръ полицейскихъ и судебныхъ, установленныхъ въ имперіи въ царствованіе того самаго государя, который съ такимъ мужествомъ боролся противъ Англичанъ, то всѣ эти мѣры наблюдаются и исполняются съ удивительною строгостью. Спокойствіе, ни чѣмъ не нарушаемое, царствуетъ во всѣхъ провинціяхъ. Благосостояніе страны возрастаетъ особенно въ торговомъ отношеніи, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе.

Между главными городами имперіи всѣхъ замѣчательнѣе Умература, новая столица, замѣнившая по всей справедливости, Яву, бывшую дотогѣ главнымъ городомъ всего государства и резиденціей императора. Она не отличается впрочемъ ни прочностью построекъ, ни множествомъ памятниковъ; потому-что, за исключеніемъ нѣсколькихъ зданій, построенныхъ изъ кир-

лица, какъ напримѣръ, дворца императора, домовъ знатнѣйшихъ придворныхъ и удѣльныхъ артиллерійскихъ, которыми окруженъ весь городъ, остальныя зданія построены изъ глины и соломы, а храмы сооружены изъ дерева, не смѣря на деревянное великолѣбіе и золото ихъ покрывающее. Много есть однако храмовъ и нѣкоторыхъ другихъ религіозныхъ памятниковъ, свѣды которыхъ вынесены съ гланимъ искусствамъ и съ такою удивительною пречастію, что они, въ предположеніи нѣсколькохъ вѣковъ, противятся восразрашающему времени.

Въ Умеравурѣ считаютъ до ста семидесяти пяти тысячъ жителей, следовательно, къ многочисленности народонаселенія, столица Бирманской имперіи уступаетъ многимъ восточнымъ городамъ, которые превосходятъ ее числомъ своихъ жителей. Но она особенно славится своимъ шѣстоюлеженіемъ: съ одной стороны омываютъ ее воды обширнаго озера, а съ другой — омываетъ рѣка. Такимъ образомъ Умеравура кажется построенной какъ бы на островѣ, который окруженъ со всѣхъ сторонъ множествомъ купеческихъ судовъ, привозящихъ на рынкахъ произведенія самыхъ отдаленныхъ провинцій; между тѣмъ народонаселенія увеличивается отъ множества путешественниковъ, приходящихъ сюда изъ окрестныхъ странъ или для торговли, или чтобы учиться въроисповѣданію Буддизмовому, или же для того чтобы осмотрѣть библіотеку, собранную имъ великимъ императоромъ, въ которой хранится, съ удивительнымъ раченіемъ, собраніе чрезвычайно разнообразныхъ сочиненій, какъ религіозныхъ, такъ и литературныхъ, весьма высоко цѣнимыхъ живыми учеными.

Таково состояніе страны, которую Англичане, не смѣря на всѣ свои старанія, никакъ не могли покорить своей властью, какъ по нездоровости климата, такъ и по причинѣ тѣхъ препятствій, которыя представляла имъ боеспособная и самостоятельная оборона жителей. Ужасныя опустошенія, произведенныя войсками компаніи, породили чувство самыя сильной у послѣднихъ ненависти и жажды мщанія; недобрыя отношенія между этими двумя народами охранялось и до сихъ поръ. Англичане, помня всѣ трудности предшествовавшей войны, и зная притомъ, по опыту, что лицего не выиграютъ изъ случайной войны, сдѣлали уступчивѣе и оказывали гораздо болѣе великодушнаго вѣщаго отношенія своимъ съ своимъ военнопленнымъ народомъ. Императоръ бирманскій, царствующій съ 1836

вом, руководимый чувством національной гордости, не стремится непріязненнымъ чувствамъ, которыми гнетась чѣ Англичанамъ, думая чрезъ это самое приобрести себѣ любовь народа.

Независимость къ Англичанамъ раздѣляютъ одинаково все классы бирманскаго народоселенія; отъ этого-то происходятъ несогласіи во всѣхъ политическихъ сношеніяхъ между этими двумя правительствами, увеличивающіяся отъ настойчивости бирманскаго императора.

Онъ не позволяетъ до сихъ поръ английскому резиденту жить въ своей столицѣ и, вообще, не показываетъ ни малѣйшей готовности выполнять тѣ условія мирнаго договора, которыя могли бы хоть сколько-нибудь быть полезны его противникамъ; вообще непріязненные его дѣйствія возбудили до такой степени опасенія компаніи на счетъ вновь приобретенныхъ ею владѣній въ Мартаванѣ, что она нашла нужнымъ содержать, съ большими впрочемъ издержками, нѣсколько полковъ, составленныхъ изъ Европейцевъ, которые каждагодно гибнутъ отъ различныхъ заразительныхъ болѣзней.

Въ такомъ положеніи находятся дѣла уже двадцать лѣтъ; французская торговля могла бы конечно весьма много отъ этого выиграть, если бы мы умѣли только воспользоваться обстоятельствами; къ несчастію торговля ведена была здѣсь, какъ и почти вездѣ, лѣнливо, безъ всякой предприимчивости. Губернаторы нашихъ индiйскихъ колоній, кажется до сихъ поръ, совершенно не входили ни въ какія сношенія съ сосѣдственными странами; не потому ль, что считали себя не въ правѣ заключать торговый договоръ безъ особеннаго на то разрѣшенія метрополіи, или, быть можетъ, потому, что не получали никакихъ наставленій на счетъ дѣйствій въ этомъ случаѣ. Отсутствие морскихъ силъ, которыя Франція могла расположить въ моряхъ Индiи, для споспѣшествованія торговлѣ нашихъ негоціантовъ во всѣхъ частяхъ этой обширной страны, естественно воспрепятствовало имъ войти въ болѣе близкія сношенія съ праморскими жителями, которые издавна славятся своею ненавистью къ чужеземцамъ. Въ послѣднее время, положеніе наше въ Индо-Китаѣ значительно улучшилось; оружіе Великобританіи открыло нынѣ въ этихъ странахъ новое поприще для торговли европейской; я надѣюсь, что Франція въ скоромъ времени займетъ здѣсь мѣсто, соответствующее ея выгодамъ, следуя въ

этомъ случаѣ примѣру Англіи и Голландіи, которыя приобрѣли чрезвычайно большое значеніе въ этой части свѣта, чрезъ торговлю свои сношенія.

Перваго іюля, на разсвѣтѣ, нашимъ глазамъ представилась Пуло-Пинангъ во всей своей красѣ. Высокія его горы были покрыты, отъ самаго ихъ основанія вплоть до вершины, чудесной зеленью, освѣщенной солнечными лучами, пробивавшимися сквозь густыя тучи, которыя носятя обыкновенно надъ возвышенными мѣстами острова во время юго-западнаго муссона. На вершинѣ и по уступамъ горъ рисовались предо мной обширныя, вѣковые лѣса, которые я легко различалъ по тенной зелени, и восхитительныя плантаціи мускатныхъ деревьевъ; густыя листья ихъ составляла рѣзкую противоположность съ красноватой почвой, на которой они были симметрически разсажены; кой-гдѣ видѣлись бѣлые домики, построенные цѣлыми группами у вершинъ нѣкоторыхъ менѣе высокыхъ горъ. У подошвы этихъ горъ разстиралось цѣлое море рисовыхъ плантацій изумруднаго цвѣта и обширныхъ полей; я любовался ими съ истиннымъ наслажденіемъ, вспоминая однообразныя виды гороловъ и долинъ Индустана. Но на всемъ пространствѣ острова взорамъ моимъ нигдѣ не представлялось ни одной деревни. Мы встрѣчали повсюду слѣды трудовъ человѣка и нигдѣ не могли замѣтить ни одного жилища, за исключеніемъ нѣсколькихъ полуразрушенныхъ хижинъ. Среди этихъ странъ, столь щедро одаренныхъ природой, живетъ племя людей могущественныхъ и столь свирѣпыхъ, что они едва ли не превосходятъ въ свирѣпости самыхъ тигровъ, которыми наполнены всѣ лѣса, находящіеся на островѣ.

Главное занятіе этихъ людей состоитъ въ разбѣздахъ по проливамъ и въ хищничествѣ; они захватываютъ въ плѣнъ цѣлыя толпы приморскихъ жителей и уводятъ въ рабство. Зная это заранѣе, я не удивлялся пустынному виду страны столь плодородной и богатой. Не смотря на все это, мнѣ очень хотѣлось пристать къ Джорджъ-Тоуну, главному городу, о чудесномъ мѣстоположеніи котораго мнѣ такъ много говорили мои знакомые изъ Калькутты и Мадраса.

Наконецъ очутились мы въ виду города. Тепловатый, сырой воздухъ, небо покрытое густыми облаками и постоянныя дожди, разочаровали меня совершенно на счетъ прекраснаго здѣшняго климата. Не смотря на это я рѣшился остаться тутъ

еще нѣсколько дней, чтобы снабдить свой корабль свѣжими свѣстными припасами и имѣть время осмотрѣть всѣ достопримѣчательности города и его окрестностей.

Съ наступленіемъ хорошей погоды, я отправился осмотрѣть кварталы, находящіеся недалеко отъ форта корнвалисскаго, построеннаго на небольшомъ мысѣ, вдающемся далеко въ море. Эта часть города расположена на морскомъ берегу и не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго; фортъ незначителенъ какъ по своей величинѣ, такъ и по дурной постройкѣ; валы его очень низки, а рвы мелки и узки. Дома не велики, построены изъ дерева и, по большей части, въ одинъ этажъ; издали они кажутся какъ бы разбросанными по долинѣ безъ всякой симметріи. Вдали, на краю горизонта, видѣется цѣпь высокихъ горъ; а зелень полей, окружающихъ городъ со всѣхъ сторонъ, имѣетъ для глазъ какую-то особенную привлекательность.

Жилыща Европейцевъ расположены, по большей части, на берегу моря, въ водахъ котораго отражаются красивые фасады ихъ. Легкія галереи служатъ убѣжищемъ отъ нестерпимыхъ жаровъ. Случается иногда, что море, взволнованное юго-западнымъ муссономъ, затопляетъ набережную и разливается вплоть до оконъ домиковъ. Внутри города находятся различныя общественныя зданія, замѣчательныя по своей величинѣ, именно два госпиталя; одинъ изъ нихъ для солдатъ, помѣщенныхъ въ крѣпости, другой, для Индѣйцевъ, изгнанныхъ изъ своего отечества за различныя преступленія; тюрьма; богадѣльня, устроенная для бѣдныхъ Китайцевъ, и, наконецъ, обширное зданіе, въ которомъ помѣщаются судебныя мѣста. Впрочемъ всѣ эти зданія, за исключеніемъ послѣдняго, оставили въ моей душѣ самое непріятное воспоминаніе, вѣроятно по причинѣ тѣхъ грустныхъ размышленій, которыя рождаются невольно при одной мысли о назначеніи этихъ зданій. Главная улица Джорджъ-Тоуна весьма широка и усажена чудесными деревьями; здѣсь-то помѣщаются магазины самыхъ богатыхъ европейскихкихъ и китайскихъ негодіантовъ, которые складываютъ тутъ произведенія странъ всѣхъ частей свѣта.

Въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ, производится здѣсь весьма обширная торговля, не смотря на зависть королей Югорскихъ и Голландцевъ, которые всѣми силами старались воспрепятствовать азіатскимъ купцамъ сбывать свои товары на этомъ

островѣ. И вынѣ множество кораблей приплывають ежегодно въ Джордж-Таунъ, съ различными произведеніями, добытыми изъ странъ сосѣдственныхъ къ проливамъ; промышленныя европейскія вышываються потомъ на архипелагѣ Индін, Аравіи, и даже Африки.

Изъ всего этого можно легко заключить, въ какомъ изступленномъ положеніи находится торговля этого острова; главнѣйшіе дѣятеля этой торговли Индѣйцы, въ числѣ двадцати пяти тысячъ; остальная часть народонаселенія, за исключеніемъ пяти или шести сотъ Европейцевъ, по большей части купцовъ или занимающихся на островѣ важными судейскими должностями, состоятъ изъ Индѣйцевъ или Малайцевъ, которые находятся въ услуженіи, занимаются земледѣліемъ, или же живутъ въ крайней бѣдности и совершенномъ бездѣйствіи.

Въ послѣднее время обращено было особенное вниманіе на земледѣліе, которому благоприятствуютъ и благодатворенныя почвы, и плодородіе почвы. Стали заниматься преимущественно разведеніемъ кофе и различныхъ пряностей. Но такъ какъ эти произведенія весьма высоко цѣнятся на всѣхъ европейскихъ рынкахъ, то это самое заставило разводить мускатныя деревья; съ этихъ поръ плантаціи мускатныхъ деревьевъ увеличились до безконечности, къ величайшему однако жъ вреду для лѣсовъ, которые рубяются въ весьма большомъ количествѣ. Гораздо было бы выгодно заняться исключительно разведеніемъ кофейныхъ деревьевъ, которыя, какъ я слышалъ, чрезвычайно хорошо произрастаютъ въ Нуло-Пинангѣ. Очевидно, что по мнѣнію того, кто кофе входитъ во всеобщее употребленіе въ образованныхъ странахъ, требованія на этотъ продуктъ должны непремѣнно возрасти въ скоромъ времени. Но Китайцы, занимающіеся тутъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, ни мало не заботятся о будущемъ; они, подобно английскимъ капиталистамъ, обращая все свое вниманіе на обработку и разведеніе пріятныхъ кореньевъ. Они скупили у правительства земли, плата по пяти ордаковъ, пятидесяти сантимовъ, за каждыи акръ; эта цѣна чрезвычайно высока, если взять въ разсужденіе тѣ трудности, которыя представляетъ обработка почвы; не смотря на большія издержки, Китайцы устроили значительныя плантаціи, не только на скатѣ горъ, но даже около городскихъ жилищъ, что послужило къ немалому украшенію послѣднихъ.

Близъ берега моря расположены маленькіе домики, одинъ

другого красавце; виадильцы этихъ доминокъ, по большей части Китайцы, работали подъ палатками, раскинутыми обзавою и, казалось, спорили другъ съ другомъ въ дѣтельности и трудолюбіи; мѣстами видѣлись хижины, построенныя въ малайскомъ вкусѣ, то-есть, сплетенныя изъ индѣйскаго тростника или бамбука. Эти хижины чрезвычайно живописны и подняты довольно высоко надъ землею на сваихъ, вѣроятно для предохраненія отъ порчи различными насѣкомыми и отъ сырости.

Однажды, утромъ, пошелъ я погулять за фортъ корваллискій и очутился совершенно неожиданно въ виду протестантскаго храма, чрезвычайно искусной и красивой архитектуры; видъ этого красиваго зданія произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Этотъ храмъ возвышался подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ, которыя нависли на него со всѣхъ сторонъ. Къ нему ведутъ нѣсколько дорогъ широкихъ и хорошо устроенныхъ. По обѣимъ сторонамъ этихъ дорогъ расположены богатыя плантаціи, окруженныя невысокими заборами. Далѣе находятся красивыя и богатоубранныя дома главнѣйшихъ правительственныхъ лицъ и самыхъ богатыхъ negociантовъ, поселившихся вдали отъ городского шума. Я посетилъ многіе изъ этихъ домовъ и вездѣ былъ принятъ съ величайшимъ радушіемъ; мнѣ особенно понравились сады и обширныя рощи, которыми эти дома окружены со всѣхъ сторонъ. Тамъ же растутъ, въ землѣ не много песчаной, мускатныя и инданговья деревья; доходы съ сихъ посѣваныхъ въ продолженіе семи лѣтъ получаютъ фермеры, какъ бы въ вознагражденіе за издержки при разработкѣ земли и при весьма затруднительномъ разведеніи плантацій мускатныхъ деревьевъ, которыя, боясь одинаково, и сильного солнечнаго жара, и сырости воздуха, предохраняются отъ порчи только съ помощью роговъ, которыми ихъ постоянно обертываютъ.

Въ другой разъ, нанявъ карету, запряженную въ одну маленькую лошадь, я отправился изъ форта корваллискаго, въ сопровожденіи одного новаго моего знакомаго изъ Джорджъ-Тауна, осматривать водопадъ, принадлежащій къ числу достопримѣчательностей города и окрестностей.

Дѣйствительно, трудно представить себѣ что-либо болѣе живописное. Широкая струя воды падаетъ съ высоты сорока метровъ въ бассейны, устроенные самой природой. Лучи солнца съ трудомъ пробиваются сквозь густыя деревья, наклонившіяся надъ водой.

Всѣ истинно просвѣщенные люди въ этой колоніи съ сожалѣніемъ видятъ съ какимъ, такъ сказать, остервѣженіемъ вырубаютъ густые лѣса, которыми покрытъ островъ. Очевидно, что если не обратятъ особеннаго вниманія на правильную вырубку лѣса, то всѣ возвышенныя мѣста острова будутъ совершенно обнажены, ручьи, оплодотворяющіе плантаціи, несомнѣнно изсякнутъ, и, можно даже предполагать, что все это будетъ имѣть значительное вліяніе на климатъ Пуло-Пинанга. Одинъ изъ богатыхъ негодіантовъ Джорджъ-Тоуна предложилъ мнѣ провести нѣсколько времени въ его домѣ, построенномъ въ горахъ, въ шести миляхъ отъ форта коривалисскаго, чтобы дать мнѣ возможность убѣдиться лично въ хорошей обработкѣ плантаціи и во вредѣ, причиняемомъ чрезмѣрной вырубкой лѣса.

Въ семь часовъ утра, кареты наши остановились у подошвы горы. Мы вышли и усѣлись въ кресла, прикѣпленные къ носилкамъ. Насъ понесли два Индѣйца. Такимъ образомъ начали мы свое восхожденіе. Соскучившись вскорѣ отъ подобаго рода путешествія и желая облегчить, хотя нѣсколько, несчастныхъ Индѣйцевъ, я сошелъ на землю, желая слѣдовать за караваномъ пѣшкомъ; но не прошло пяти минутъ, какъ утомленный сильнымъ солнечнымъ жаромъ и страшной крутизной тропинокъ, по которымъ мы взбирались, я съ поспѣшностью усѣлся въ кресла. Не смотря на опасность оборваться и слетѣть внизъ, которой мы подвергались на всякомъ шагу, мы прибыли однако же, въ скоромъ времени, въ назначенное мѣсто живыми и здоровыми.

Плантаціи здѣсь были разведены не давно; самый домъ былъ отдѣланъ чрезвычайно просто, какъ снаружи, такъ и изнутри; онъ былъ построенъ изъ дерева, по обычаю этой страны, и притомъ въ одинъ этажъ съ весьма невысокой крышей, чтобы она могла лучше противиться ужаснымъ ураганамъ и проливнымъ дождямъ, которыя тамъ свирѣствуютъ. Впрочемъ, домъ содержится въ удивительномъ порядкѣ и чистотѣ. По скату горъ разсажены были, длинными аллеями, мускатныя деревья, хотя еще очень молодыя, но уже столь густыя, что заранѣе предвѣщали удачный сборъ. Мы осмотрѣли плантацію во всѣхъ направленіяхъ, и, наконецъ, дошли до бельведера, выстроеннаго хозяиномъ на самой возвышенной точкѣ всѣхъ его владѣній. Отсюда съ помощью телескоповъ можно было видѣть всѣ земли, лежащія на востокъ, то-есть, къ сторонѣ на-

лайскаго полуострова. Въ прѣвѣположной сторонѣ возвышается цѣль горъ, покрывающихъ большую часть Пуло-Пинанга.

Необозримое пространство, растидавшееся прѣдъ нами вплоть до залива сіамскаго, закрытаго отъ нашихъ глазъ горами, простирающимися почти по всему малайскому полуострову, принадлежитъ королю сіамскому, котораго владѣнія простираются на сѣверъ вплоть до Мартабана и до бирманской имперіи. Король сіамской простеръ свое владычество даже на королевство Кедахъ, часть котораго составлялъ прѣжде Пуло-Пинангъ. Нынѣ онъ старается пріобрѣсть себѣ земли Перака и Салаангора, не подпавшія еще до-сихъ-поръ подъ его власть, благодаря только мужественной оборонѣ жителей, которые, пользуясь множествомъ рѣкъ и мелкихъ острововъ, лежащихъ около береговъ, сдѣлались самыми смѣлыми и рѣшительными морскими разбойниками.

Только одна смѣлость и рѣшительность этихъ жителей и близость Малакки и Сингапура ограждаетъ отъ нападений короля сіамскаго государства, находящіяся на оконечности малайскаго полуострова, между которыми всѣхъ значительнѣе королевство Югорское; правительство Индіи старается всѣми силами поддерживать благорасположеніе короля сіамскаго, столь важное для британской торговли въ этихъ странахъ.

Среди горъ, покрывающихъ полуостровъ, живетъ нѣсколько дикихъ племенъ. Два главныя племени, хотя совершенно между собой различныя, извѣстны у Англичанъ подъ однимъ общимъ именемъ Кріановъ.

Кріаны живутъ въ горахъ, отдѣляющихъ владѣнія короля сіамскаго отъ бирманской имперіи. Они никогда не показываются вблизи городовъ, вѣроятно боясь преслѣдованій Малайцевъ, которые весьма часто уводятъ ихъ въ неволю. Вообще Кріаны весьма кроткаго нрава и никогда не нападаютъ на безоружныхъ путешественниковъ. Они производятъ торговлю съ Китайцами, занимающимися разработкою оловянныхъ рудъ, вымѣнивая золото, слоновую кость, дорогія растенія, перецъ, кожи буйволовъ и носороговъ, на грубыя шелковыя матеріи и различныя бездѣлушки изъ стекла.

Христіанскіе миссіонеры, поселявшіеся въ провинціяхъ недалеко отъ моря, по сосѣдству съ англійскими владѣніями,

успѣли войти въ сношеніе съ Крианами, которые признаются съ большою охотою учение евангельское, имъ проповѣдуемое. Крианы живутъ мирно и никогда между собой не воюютъ: съ неприятельскихъ нападений укрываются они въ густыя лѣса, которыми покрыты всѣ горы, лежащія на полуостровѣ; рѣше осмѣливаются противостать неприятелю съ оружіемъ въ рукахъ. Они высокаго роста, сильны, искусные охотники и славятся своей стрѣльбой изъ лука. Женщины у нихъ замѣчательны по своей красотѣ; молодыя дѣвушки ткутъ различные матеріи, извѣстныя сколько своей плотностью, столько же и красотой узоровъ.

Вдали видѣлись горы, служащія границей королевства кендакскаго съ восточной стороны. Страна эта обширна и богатая нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нынѣ очень бѣдна, опустошена и почти совершенно безлюдна отъ частыхъ нападений на нее Сіамцевъ. Большая часть жителей, которые успѣли спастись отъ разоренія, причисленнаго войною, скрылись къ провинціи Валлеслея, народонаселеніе которой весьма много отъ этого увеличилось.

Что же касается до Пуло-Пиванга, то благостеніе жителей, кажется, увеличивается съ каждымъ годомъ. Дома принадлежатіе negociантамъ различныхъ странъ, замѣчательныя своей роскошью. Красныя кровли ихъ выказывались во множествѣ изъ-за густыхъ деревьевъ. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ, построенные на вершинѣ горъ, казались малыя какъ бы бѣльведеры или бесѣды.

Климатъ Пуло-Пиванга хорошъ только въ возвышенныхъ мѣстахъ; богачи изъ Калькутты и Мадраса пріѣзжаютъ сюда на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы подышать чистымъ, легкимъ воздухомъ, укрѣпляющимъ тѣло, ослабленное жарамъ Индустала. Дѣйствительно, усталые члены ихъ получаютъ новую силу; аппетитъ возвращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ веселость и спокойствіе души. Госпитали, устроенные въ Калькуттѣ, присылаютъ ежегодно своихъ больныхъ въ Пуло-Пивангъ для поправленія здоровья.

8 июля, распростившись съ моими знакомцами изъ Джордж-Тоуна, я приказалъ поднять якорь, и Артемида вышла изъ гавани при попутномъ вѣтрѣ.

ДВОРЕЦЪ ФОНТЕНБЛО, ЕГО ОПИСАНІЕ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ О СОБЫТІЯХЪ, ВЪ НЕМЪ СЛУЧИВШИХСЯ.

(Омониміе *.)

Фонтенбло обложено многими украшеніями Людовикъ XIV. Одна роша не нравилась ему на краю канала; онъ далъ это замѣтить однажды, при началѣ своей прогулки, а когда возвращался назадъ, роши уже не было.

Расявъ пріѣзжалъ въ Фонтенбло, чтобъ смотрѣть, какъ поставлены на сцену его произведенія. Одинъ разъ, когда давали Беренису, король замѣтилъ небрежные костюмы дажъ и нахмурилъ брови. На слѣдующемъ представленіи всѣ наряды были самыя роскошныя и блистали брилліантами.

Первое торжественное посвященіе Фонтенбло Людовикомъ XV было развязкой трогательной исторіи.

Въ Вейсенбергѣ, въ Альзацѣ, три человека разговаривали въ скромной залѣ: мужчина, у котораго волосы начинали уже сѣдѣть, молодая дѣвушка, прелестная и добродушная, и офицеръ дѣтъ двадцати. Этотъ послѣдній говорилъ по-нѣмецки съ своимъ собесѣдникомъ, а дѣвушка слушала, не понимая и скрывая досаду, которая выказывалась иногда знаками нетерпѣнія.

Пожилой человекъ былъ Станиславъ, прежній король поль-

* См. октябрьскую книгу Сина Отечества имѣвшаго года.

скій, лишенный престола и жившій подъ покровительствомъ короля Франціи. Молодая дѣвушка была Антигона его изгнанія и несчастія,—его дочь. Офицеръ былъ графъ д'Эстре, капитанъ гвардіи, назначенной быть при Станиславѣ.

Графъ д'Эстре наклонился къ креслу прежняго короля и объявилъ ему, что онъ имѣетъ къ нему просьбу.

— Вы забыли, что я болѣе не царствую, сказалъ Станиславъ, улыбаясь.

— Забудьте сами ваше прежнее величіе и не вспоминайте объ немъ. Я дерзаю мечтать объ рукѣ вашей дочери.

Станиславъ выпрямился и посмотрѣлъ на капитана съ гордымъ удивленіемъ.

— О, будьте спокойны, я никому не открывалъ моей тайны.... даже и самой дочери вашей, хотя она была ко мнѣ также благосклонна, какъ и вы, такъ что я забылъ бездну, раздѣляющую насъ. Эта бездна недоступна для меня.... Ваше молчаніе меня въ этомъ удостовѣряетъ.... Простите мнѣ безразсуднымъ мечтамъ... Но какъ хорошъ былъ этотъ сонъ счастья!... прибавилъ капитанъ, положивъ руку на сердце.

И онъ очертилъ такой очаровательный портретъ молодой дѣвушки и представилъ такую чудную картину счастья взаимной любви, что отеческое сердце забыло всякую гордость, и Станиславъ, взявъ за руку графа, сказалъ съ чувствомъ:

— Вы прекрасный и благородный человекъ! Вы достойны счастья и дочь моя также; я обещаю вамъ руку ея, но съ условіемъ.

Капитанъ упалъ на колѣни передъ нимъ и хотѣлъ идти къ молодой дѣвушкѣ, но Станиславъ, удержавъ его, продолжалъ:

— Я долженъ вамъ сказать два условія вмѣсто одного. Принцесса не можетъ спуститься ниже извѣстнаго званія, до котораго, съ вашими достоинствами, вы можете достигнуть. Сдѣлайтесь герцогомъ и перомъ, и я выдамъ за васъ мою дочь.

— Черезъ годъ я достигну этого, или меня не будетъ на свѣтѣ! вскричалъ д'Эстре. Регентъ Орлеанскій благосклоненъ ко мнѣ; онъ будетъ моимъ покровителемъ и моимъ благодѣтелемъ.

— Второе условіе, чтобъ дочь моя ничего не знала о нашихъ переговорахъ, пока вы ихъ не исполните.

— Клянусь не говорить ей ни слова, и сейчас же отправлюсь въ Парижъ.

— Это самое лучшее!... Добрый путь, и будьте счастливы!

Графъ дѣйствительно уѣхалъ, не простившись съ принцессой, и просилъ регента представить его Людовику XV, во время охоты въ Фонтенбло.

Онъ просилъ короля дать ему случай показать свое усердіе, говоря, что онъ готовъ жертвовать своей жизнію, чтобъ достигнуть званія герцога и пера.

— Герцога и пера! вскричалъ король. Что за причина такого честолюбія?

— Я объясню вамъ причину, Ваше Величество.

И описавъ, съ краснорѣчіемъ влюбленнаго, красоту дочери Станислава, графъ прибавилъ, что онъ хочетъ или обвѣнчаться съ нею, или умереть.

— Она васъ любитъ? спросилъ Людовикъ XV съ любопытствомъ.

— Я не знаю; но я заставляю ее полюбить себя.

Король выслушалъ его со вниманіемъ. Случившійся тутъ регентъ остановилъ пламенный разговоръ капитана:

Да это самая дурная партія для васъ. Нѣтъ, нѣтъ! объ этомъ и думать нечего... Я излечу на дняхъ вашу прекрасную страсть и отыщу вамъ невѣсту съ нѣсколькими милліонами приданого. Послѣ этого, вы будете и герцогомъ и перомъ, и всѣмъ чѣмъ вамъ будетъ угодно. Мы устроимъ это дѣло. Приходите ко мнѣ ужинать завтра въ Пале-рояль.

Людовикъ XV задумался... а д'Эстре, приведенный въ замѣшательство, невольно увлекся словами регента.

На слѣдующій годъ, Станиславъ сидѣлъ одинъ съ своею дочерью, въ небольшой гостиной Вейсенберга. Оба были печальны и молчаливы. Принцесса напрасно старалась развлечь своего отца или выпытать причину его грусти.

— Да! вскричалъ онъ, графъ д'Эстре такой же неблагодарный, какъ и другіе! Несчастные не имѣютъ вѣрныхъ друзей. Оставьте меня, въ продолженіе осьми мѣсяцевъ, безъ всякаго извѣстія... послѣ всѣхъ увѣреній въ первыхъ его письмахъ и послѣ того, что я обѣщалъ ему!...

— Что же вы обѣщали ему, батюшка? спросила съ участіемъ молодая дѣвушка.

Король, боясь, чтобъ она не догадалась, и желая бога, чѣмъ когда-либо, скрыть свою тайну, перемѣнилъ разговоръ.

Викоръ нурверъ привезъ два письма изъ Франціи, и Станиславъ, распечатавъ первое, узналъ почеркъ капитана.

— Я напрасно обвинялъ его! сказалъ онъ съ радостью. Види дзвѣстія объ немъ.

Но письмо выпало изъ рукъ его, и онъ въ извѣстномъ бро- сился въ кресла.

Д'Эстре отказывался отъ руки его дочери, подъ разными при- логами, которые едва прикрывали забвеніе и пренебреженіе.

Это была горькая чаша, которую изгнанный король долженъ былъ осушить до дна. Дочь его получила отказъ отъ офицера, обращеннаго отъ чести къ милліонамъ шутокъ регента.

Принцесса, чтобъ заставить отца забыть непріятное неиз- лѣвнѣе письма, напомнила ему о другомъ, запечатанномъ короле- скою печатью.

Станиславъ, пробѣжавъ его разсѣянно, вскрикнулъ отъ радо- сти, и изъ ада попалъ на небо!...

Король Людовикъ XV просилъ у прежняго короля руку до- чери его, Маріи Лещинской.

Невѣста, оставленная капитаномъ, дѣлалась королевою Фран- цій и Наварры!

Портретъ, начерченный графомъ д'Эстре, заечатался въ на- мѣти молодого монарха, а Провидѣніе довершило остальное...

Свадьба Людовика XV и Маріи Лещинской была торжествен- но празднуема въ Фонтенбло въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1725 года.

Новая государыня отстала капитану гвардіи, выпросила ему званіе герцога и пера, и сказавъ одной изъ своихъ приближен- ныхъ, когда герцогиня д'Эстре пріѣхала къ ней представляться.

— Вѣдь я бы могла быть на мѣстѣ этой дамы и привѣтство- вать королеву Франціи.

Людовикъ XV подписалъ здѣсь пагубный миръ, оконча- шій семилѣтнюю войну и осудившій Францію уступить Канаду и разрушить Дюнкирхенъ.

Дѣла Франціи тогда уже не были дѣлами Людовика XV.

Онъ начиналъ говорить:

— Будемъ веселиться, а послѣ меня пусть будетъ потопъ.

20 сентября 1765 умеръ въ Фонтенбло принцъ, который оди- нъ могъ бы поддержать монархію, дожилъ Людовикъ, единственный сынъ Людовика XV и отецъ Людовика XVI, Людовика XVIII

и Карла X. Онъ пелоривалъ, любясь Паринемъ съ высотою зима: Беллимо:

— Какое наслажденіе! долженъ чувствовать король, дѣлая счастье столькожъ людей!

Безпростаивныя зачатія и сидячая жизнь разстроили его здоровье и развили къ нему чакотку.. Онъ такъ мало занимался собой, что рѣшительно отказывался отъ медицинскимъ пособій. Однажды докторъ Сенакъ велелъ къ нему отъ имени короля и совѣтовалъ ему болѣе заботиться о себѣ.

— Послушайте, сказалъ ему принцъ: я всегда радъ вашему предвѣщенію, если вы будете со мной говорить о наукѣхъ и литературѣ; но если вы скажете мнѣ хоть одно слово о моемъ зморовѣхъ, я запрещу вамъ входъ въ мои комнаты.

Сенакъ тогда обратился къ маршаль, которая изображала Александра Великаго, и началъ говорить объ опасности закупочной грудной болѣзни.

— Докторъ, возразилъ дослѣдъ, вѣдь я васъ просилъ не говорить объ этихъ вещахъ?

— Потому-то я и обращаюсь не къ вамъ, отвѣчалъ Сенакъ, а къ Александру, который не отвергаетъ моихъ совѣтовъ..

Принцъ улыбнулся, но не исполнилъ предвѣсанаіа доктора, и умеръ осенью, съ паденьемъ листьевъ.

Жанъ-Жакъ Руссо явился также въ королевской резиденціи, въ 1752. Тогда давались праздники въ честь Христіана VII, датскаго короля, и актеры Большой Оперы должны были пѣть въ «Деревенской воронѣхъ.»

Чего стоило автору представленіе этой пьесы, въ присутствіи двухъ королевскихъ дворовъ! Его ментальная гордость хотѣла бы видѣть исполненіе этой оперы, только «для себя одного, по своему желанію и въпертіи!»

«Когда все было готово и день назначенъ, говорятъ онъ, мнѣ предложили поѣхать въ Фонтенбло, чтобъ посмотръть, хоть на послѣднюю репетицію. Я ѣхалъ въ придворной каретѣ съ дивщицею Фельсъ, съ Гримомъ и кажется, аббатомъ Райналемъ. Репетиція была порядочная, я даже не ожидалъ ее найдти такою. Оркестръ былъ многочисленный, составленный изъ оперныхъ и королевскихъ музыкантовъ. Я ничего не говорилъ. Желѣть распорядилась всѣмъ; я не хотѣлъ поперечить тому, что онъ сдѣлалъ, но не смотря на мой римскій токъ „я оробѣлъ, какъ индѣецъ,“ посреди всего этого народа.»

Къ торжественному часу большаго представленія, Руссо явился въ обыкновенномъ своемъ видѣ, небритый, худо причесанный. Принимая недостатокъ приличія за подвигъ храбрости, онъ въ такомъ же видѣ вошелъ въ залу, куда скоро должны были прибыть король, королева, вся королевская фамилія и весь дворъ. Онъ расположился въ назначенной для него ложѣ, которая была въ самомъ визу, противъ королевской ложи.

«Окруженный дамами и одинъ изъ мужчинъ напередѣ ложи, я не могъ сомнѣваться, увѣряетъ онъ, чтобъ мнѣ не выбрали нарочно тутъ мѣста, для того, чтобъ я былъ на виду. Находясь посреди людей, разодѣтыхъ въ пухъ, я началъ однако себя чувствовать неловко; я спрашивалъ самъ себя, на мѣстѣ-ли я? прилично-ли мнѣ быть здѣсь? и послѣ нѣсколькихъ минутъ безпокойства, отвѣтилъ себѣ да! съ рѣшительностью, которая, быть можетъ, происходила болѣе отъ невозможности переменить мѣсто, чѣмъ отъ силы моего убѣжденія. Я говорилъ самъ себѣ: я на своемъ мѣстѣ, потому-что смотрю на представленіе моей піесы; я на своемъ мѣстѣ, потому-что приглашенъ сюда; къ тому же, кто болѣе меня имѣетъ право наслаждаться плодами моихъ трудовъ и моего дарованія. Я одѣтъ, какъ обыкновенно, ни лучше, ни хуже. Если я начну смотрѣть на мнѣнія людей, я снова сдѣлаюсь ихъ рабомъ. Меня найдутъ страннымъ, грубымъ, пускай себѣ! Я долженъ умѣть переносить насмѣшки и порицанія, лишь бы я не заслуживалъ ихъ. Послѣ этого небольшого разговора съ самимъ собою, я такъ укрѣпился, что могъ быть неустрашимымъ, если бъ къ тому была надобность.»

Но Руссо замѣтилъ, что не было ничего обиднаго, во всеобщемъ любопытствѣ, которое онъ возбудилъ; напротивъ, ему казалось, что всѣ были благосклонны къ нему. Это тронуло его до того, что онъ снова началъ безпокоиться о себѣ и объ участи своей піесы. Онъ былъ вооруженъ противъ насмѣшки, но ласковый видъ публики, чего онъ не ожидалъ, такъ его изумилъ, что онъ дрожалъ, какъ дитя, когда началось представленіе.

Вскорѣ онъ немного ободрился. Хотя игра актеровъ и была неудовлетворительна, но пѣніе и музыка были выполнены прекрасно. Съ самаго начала первой сцены, которая дѣйствительно отличается трогательною простотою, поднялся въ ложахъ рожъ удивленія и восторга, не слыханный во время представленій такого рода. Вскорѣ волненіе сдѣлалось всеобщимъ и дошло до высочайшей степени. Такъ какъ при королѣ не хлопаютъ, все бы-

до хорошо слышно: и пѣса, и авторъ оттого выиграла. Руссо могъ разслушать восклицанія женщинъ, которыя казались ему прекрасными, какъ ангелы, и которыя говорили другъ другу вполголоса:

— Это прекрасно! это прелестно! Нѣтъ ни одного слова, которое бы не говорило душѣ!

Удовольствіе тронуть столько милыхъ особъ, тронуло самого поэта до слезъ; онъ прослезился даже при первомъ дугѣ, замѣтя, что многіе плакали. Тутъ сомнѣніе снова овладѣло имъ, но оно было непродолжительно, и Жанъ-Жакъ вскорѣ предался вполнѣ удовольствію наслаждаться своею славою. Онъ видѣлъ пѣсы, возбуждавшія большее восхищеніе, но никогда такое полное, тихое, трогательное упоеніе не поддерживалось во время цѣлаго представленія и особенно при дворѣ.

Въ тотъ же вечеръ герцогъ д'Омонъ велѣлъ сказать Руссо, чтобъ онъ явился на другой день, въ одиннадцать часовъ, во дворецъ, чтобъ лично представиться королю. Г. Кюри, который сообщилъ ему это порученіе, прибавилъ, что кажется дѣло идетъ о пенсіи, и что король самъ хотѣлъ ему объявить объ этомъ.

Кто повѣритъ, что, послѣ такого блестящаго дня, Жанъ-Жакъ провелъ ночь въ ужасныхъ мученіяхъ? «Я вообразилъ себя въ присутствіи короля, который удостоивалъ меня разговоромъ! Тутъ надо было сохранить присутствіе духа, чтобъ кстати отвѣтить! Моя проклятая застѣнчивость, заставляющая меня теряться передъ каждымъ незнакомцемъ, оставятъ ли меня передъ королемъ Франціи. Я хотѣлъ бы, не измѣняя обыкновенному своему суровому виду, казаться чувствительнымъ къ чести, которую мнѣ дѣлалъ великій монархъ. Но чтобъ приготовить прежде удачный отвѣтъ, надо было угадать, что могъ сказать король, да и въ такомъ случаѣ, я увѣренъ, что не вспомнилъ бы ни одного слова изъ того, что придумалъ. Что будетъ со мною въ присутствіи всего двора, когда во время моего смущенія у меня вырвется какая-нибудь грубая нелѣпость.» Эта опасность смутила, встревожила Жанъ-Жака и произвела въ немъ такой страхъ, что онъ рѣшился, во что бы-то ни стало, не подвергаться ей, и уклониться отъ пенсіи.

Онъ объявилъ о своемъ намѣреніи Граму, который не воспро-

явился этому. Другимъ же сказалъ, что боленъ, и уѣхалъ въ то же утро.

Таково было пребываніе Жанъ-Жака Руссо въ Фонтенбло. Онъ былъ тамъ, какимъ былъ вездѣ, независимъ до дружбы, гордъ до безразсудства, какъ бы нарочно придумывая средства, чтобъ отравить свои самыя чистыя наслажденія.

Вольтеръ, бывшій тогда камергеромъ короля, не былъ такимъ суровымъ, какъ его соперникъ. Онъ былъ призванъ въ 1736 году въ Фонтенбло и рисковалъ тамъ не только кошелькомъ, но и жизнью. Онъ жилъ съ маркизою Шатле у герцога Риндса. Играя въ карты по большой, поэтъ-дворянинъ разошелся изъ самолюбія. Однажды, на вечеръ у королевы, онъ заигрывалъ, что имѣеть дѣло съ благородными плутами, вѣрными наследственными кавалера де Грамона. Когда онъ проигралъ всё своимъ дельце, г-жа де Шатле съѣла на его чѣсто и спустила 84,000 ливровъ. Вольтеръ, наблюдавшій за игроками, сказалъ ей по-англійски: «Оставьте игру, вы имѣете дѣло съ плутами.» Маркиза встала, но одинъ изъ игроковъ всталъ также и отвелъ поэта въ сторону.

— Милостивый государь, сказалъ онъ ему: имѣете ли вы также хорошо драться по-французски, какъ вы говорите по-англійски?

Вольтеръ прошепталъ нѣсколько извѣстныхъ.... Но примечаніе кончилось бы худо, если бы онъ не удался въ Со, гдѣ и скрывался два мѣсяца у герцогини дю-Менъ.

Онъ занимался въ Фонтенбло сочиненіемъ трагедіи своей: «Семирамида.»

Марія Антуанета, супруга дофина (Людовика XVI), явилась свѣтлою звѣздою на горизонтѣ Фонтенбло, на свадьбѣ графа Прованскаго (Людовика XVII) и графа д'Артуа (Карла X). Нѣсколько дней до этой послѣдней свадьбы, Людовикъ XV охотился за хорьками, близъ деревни Ашеръ. Олень, загнанный своими собаками, перескочилъ черезъ заборъ одного сада и сильно ранилъ бывшаго тамъ виноградаря ударомъ своихъ роговъ. Король велѣлъ прекратить охоту и поручилъ раненаго своему доктору.

Вскорѣ послѣ того, приѣзжаетъ Марія Антуанета, въ коляскѣ, видитъ плачущую жену раненаго съ дѣтьми, узнаетъ причину ея горести, выходитъ изъ экипажа и отдаетъ имъ свой кошелекъ; тронутая до слезъ ихъ печалью, она старается вѣтъ утѣ-

лишь, сажаетъ ихъ всѣхъ въ коляску и отвозитъ въ деревню Анфрѣ.

Сдѣлавшись королевой, Марія Антуанета, предпочитая Трианонъ, рѣдко посѣщала Фонтенбло. Впрочемъ она завела здѣсь эти знаменитые ужины, на которыхъ участвовали въ первый разъ вельможи не королевской крови.

Людовикъ XVI подписалъ въ Фонтенбло, въ 1786 году, одинъ изъ самыхъ великихъ актовъ своего царствованія, торговый и мореплавательный трактатъ между Франціею и Англіею.

Наполеонъ, прекративъ ужасы революціи и возстановивъ во Франціи религію, написалъ къ папѣ письмо, въ которомъ просилъ его пріѣхать на коронованіе перваго императора Французовъ.

Пій VII согласился и выѣхалъ въ Римъ 2 ноября, въ сопровожденіи шести кардиналовъ. Онъ пріѣхалъ въ Фонтенбло 25 того же мѣсяца. Наполеонъ, не имѣя болѣе надобности его утѣшать, воротилъ дѣло круто. Этотъ человекъ, который воскресилъ весь блескъ королевскаго этикета, оставилъ на этотъ разъ всѣ церемоніи въ сторонѣ и поѣхалъ на встрѣчу къ папѣ верхомъ, въ простомъ охотничьемъ платьѣ. Онъ встрѣтилъ его въ лѣсу, у креста св. Герема. Тамъ онъ сошелъ съ лошади, пересѣлъ въ карету, посадилъ Пія VII по правую свою руку и повезъ его во дворецъ, между двухъ рядовъ солдатъ, и при громѣ ружейной и пушечной пальбы.

Потомъ были торжественные, взаимные визиты, представленія и варданые обѣды, въ продолженіе трехъ дней.

Наконецъ Пій VII пріѣхалъ въ Парижъ и короновалъ Наполеона и Жозефину 2 декабря. Гордый завоеватель преклонилъ колѣна передъ первосвященникомъ, но хотѣлъ показать, что онъ принимаетъ корону не изъ рукъ его. Онъ взялъ ее и надѣлъ самъ себѣ на голову, показывая тѣмъ, что онъ просилъ папу ее освятить, а не даровать ему, и что онъ былъ помазанъ папой, а короновалъ самъ собой.

Жозефина была душой Фонтенбло. Она продолжалась ея счастье, она старалась раздѣлять его съ каждымъ. Но вкорѣ мужъ ея охладѣлъ къ ней. Первое слово, возвѣстившее пагубный разводъ, было произнесено въ Фонтенбло, въ кабинетѣ императора. Сколько слезъ было пролито съ того времени до дня разлуки.

Наконецъ Жозефина удалилась, и добрый геній Наполеона съ нею.

Наполеонъ старался всѣми силами понравиться новой своей супругѣ, Маріи-Луизѣ, отъ которой онъ ожидалъ наследника. Приѣхавъ въ Фонтенбло, императрица нашла въ своемъ саду сосны, которыя и теперь можно видѣть. Императоръ велѣлъ ихъ посадить, чтобъ они припоминали ей видъ германскихъ лѣсовъ.

Онъ собралъ въ покои императрицы всѣ лучшія произведенія искусства по части живописи и скульптуры, находившіяся во дворцѣ: произведенія итальянскихъ, фландрскихъ, испанскихъ живописцевъ; картины Лебрёна, Пуссена, Вато, Буше, Ланкре и проч.

Возвращаясь изъ Фонтенбло въ Римъ, Пій VII говорилъ съ восхищеніемъ:

— Я поѣхалъ отъяскивать религію и нашелъ ее. Во Франціи народъ встрѣчалъ и провожалъ меня на колѣняхъ.

Онъ не предвидѣлъ тогда, что этотъ же самый дворецъ Фонтенбло, изъ котораго онъ выѣхалъ съ такимъ триумфомъ, будетъ его тюрьмою, въ 1812 году.

Въ продолженіе этого девятилѣтія, Наполеонъ завладѣлъ почти всю Европою и роздалъ престолы королей роднымъ своимъ.

Наполеонъ хотѣлъ, чтобы папскія владѣнія были въ его зависимости; но тотъ, который освятилъ его корону, не хотѣлъ повиноваться императору.

— Ваше Святѣйшество царствуетъ въ Римѣ, но я его императоръ.

Папа, напротивъ, ожидавшій присоединенія къ нему отдѣльных земель, отвѣчалъ, что онъ не признаетъ никакой высшей власти надъ собою; что римскій императоръ не существуетъ, и что намѣстникъ Божій долженъ болѣе всего стараться о сохраненіи добраго согласія между всѣми.

Наполеонъ сердится и угрожаетъ. Пій отвѣчаетъ ему безъ смущенія:

— Если вы не признаете меня государемъ, я не признаю васъ императоромъ. Приходите завладѣть Римомъ силою; но предупреждаю васъ, что ваши солдаты войдутъ не иначе въ крѣпость Св. Ангела, какъ выбивъ ея двери пушечными выстрѣлами. Пускай посягаютъ и на мою жизнь; такая смерть прославить и оправдаетъ меня и передъ Богомъ, и передъ людьми.

Императоръ настаиваетъ; папа отлучаетъ его отъ церкви:

— Меня принимаютъ за Людовика Кроваго! вскричалъ Наполеонъ. Я Карлъ Великій, и на дѣлѣ докажу это.

Онъ конвоируетъ дѣйствительно всѣ римскія владѣнія. Миолли занимаетъ крѣпость Св. Ангела; Раде увозитъ папу во Флоренцію. Оттуда жандармскій полковникъ везетъ его въ Савону, и 20 іюня 1812 года Пій VII въѣзжаетъ плѣннымъ въ Фонтенбло.

Мѣстомъ его заточенія были поков, которые идутъ направо отъ лѣстницы Бѣлаго-кона. Туда собирались, горюя, кардиналы Италіи и Франціи.

— Уповайте и молитесь! говорилъ имъ почтенный старецъ, указывая на небо.

Онъ служилъ въ бывшей залѣ г-жи де Ментенонъ, куда онъ велѣлъ перенести алтарь изъ капеллы Св. Сатурнина. Ему прислуживали люди, принадлежавшіе императорскому дому. Иарѣдка онъ выходилъ въ садъ, гдѣ стража строго наблюдала за нимъ. Большую часть дня онъ проводилъ у распятія и жилъ какъ отшельникъ посреди почестей, прикрывавшихъ его неволю.

Богъ вступился за правое дѣло и отомстилъ за него, поражениемъ войскъ Наполеона въ Россіи. Возвращаясь послѣ этого несчастнаго похода, съ остатками своего войска, неукротимый императоръ посылаетъ навѣдаться о рѣшеніи своего плѣнника 1-го января 1813. Потомъ каждый день отправляетъ къ нему цѣлыя батальоны парламентеровъ и наконецъ, когда узнаётъ, что папа готовъ сдать, 19-го числа послѣ охоты въ Гро-Буа приѣзжаетъ неожиданно въ Фонтенбло, входитъ одинъ въ комнату Піа VII и здоровается съ нимъ. На другой день снова приѣзжаетъ уже за дѣломъ, опутываетъ старика, какъ коршунъ голубку, и вырываетъ у него знаменитый конкордатъ, по которому папа отказывался отъ своей мірской власти.

Это свиданіе папы съ Наполеономъ рассказываютъ различнымъ образомъ.

Если вѣрять Альфреду де Вивьи, вотъ какъ это случилось и какъ ужасная тайна была подслушана.

Нѣсколько времени до прибытія императора, одинъ изъ его пажей былъ въ комнатѣ, назначенной для окончательнаго совѣщанія. Онъ не замѣтилъ какъ прошло время, рассматривая на столѣ множество просьбъ, которыя вездѣ слѣдовали за Наполеономъ.

Вдругъ барабанный бой возвѣстилъ внезапное прибытіе императора. Онъ являлся почти всегда въ одно и то же время, какъ бой объ немъ возвѣщалъ: такъ его походка была быстра и такъ,

казалось, онъ торопился жить и дѣйствовать. Когда онъ вѣдалъ на лошади на дворцовый дворъ, проводники его едва могли вали слѣдовать за нимъ. На этотъ разъ я услышала его шага въ одно время, какъ и барабанный бой, едва успѣвъ въ искуствѣ спрятаться въ альковъ большой парадной кровати, которая вѣкому не служила и, къ моему счастью, была, болѣе чѣмъ шведовину, закрыта большимъ занавѣсомъ, увѣшаннымъ шпалами.

Наполеонъ былъ взволнованъ. Онъ ходилъ съ вѣтеранинскою вѣздъ и впередъ, принялся бить маршъ пальцами на стеклахъ окошка, наконецъ вздрогнулъ, сталъ прислушиваться, пошелъ открыть дверь и — вошелъ папа.

Императоръ заперъ дверь за нимъ съ нелѣпностію. Какъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, видя себя запертымъ въ одной комнатѣ съ такими особами. Однако дѣлать было нечего: онъ остался, едва дыша и безъ движенія, слушая и наблюдая все съ напряженнымъ вниманіемъ.

«Пія VII былъ высокаго роста и прекраснаго сложенія. Лицо его было продолговатое, желтое, страдальческое, но выражало благородное достоинство и безпредѣльную доброту. Его черные и большіе глаза были прекрасны; на устахъ была добродушная улыбка, которой выдающійся подбородокъ придала въ выраженіе остроумной и живой проинципальности. Бѣлая скуфья покрывала его длинныя волосы, перемѣшанные съ шарокими серебристыми прядками. На согнутыхъ плечахъ была небрежно накинута красная бархатная мантия. Онъ вошелъ медленно, тихимъ и величественнымъ шагомъ. Съ опущенными глазами, сѣлъ онъ на одно изъ большихъ позолоченныхъ креселъ съ орнаментами и ожидалъ что будетъ говорить ему.... другой Итальянецъ.»

Наполеонъ продолжалъ ходить около креселъ Пія VII, вотомъ, остановился прямо противъ него, безъ предварительныхъ рѣчей напоинилъ все, что онъ сдѣлалъ и что еще намѣренъ былъ сдѣлать для религіи.

Онъ остановился и смотрѣлъ на папу, ожидая дѣйствія своей рѣчи.

Старецъ не пошевелился, не подиалъ глазъ и, казалось, рѣшился все слушать, ничего не отвѣчая.

Императоръ снова началъ свое хожденіе около креселъ и заговорилъ, стараясь казаться чистосердечнымъ, но наблюдая за первосвященникомъ то въ профиль, то въ зеркала.

— Ну, святѣйшій отецъ, продолжалъ онъ, не смотрите такими

ученикомъ, приносящимъ безпреложное свои страданія Богу. Ваше положеніе совсѣмъ не такое... вы добровольный илѣвникъ. Скажите одно слово, и вы свободны, дорога въ Римъ открыта, никто васъ не держитъ.

ПН-VII: взохнулъ, поднявъ правую руку и посмотрѣлъ на золотой крестъ, висѣвшій на его груди.

— Если бы важность вашего сана меня не удерживала, я сказалъ бы вамъ, что вы немного неблагодарны... Вы, кажется, не помните всего чѣмъ вы обязаны Франціи. Венедиктискій конclave, по которому вы избраны папою, кажется, былъ рѣшенъ подъ вліяніемъ моей итальянской кампаніи и моего отзыва о немъ... Я никогда не имѣлъ времени изучать Богословія, но я имѣю большую вѣру въ могущество Церкви: Она имѣетъ удивительную живительность. Святый отецъ! Вы будете довольны мною—увѣрю васъ! Послушайте, мы могли бы, если бы вы только захотѣли, много сдѣлать въ будущемъ.

И съ видомъ самой простодушной искренности, онъ продолжалъ:

— Напримѣръ, я не вижу, почему бы вамъ не согласиться жить въ Парижѣ навсегда? Я бы вамъ отдалъ Тюльери, если бы вы захотѣли: Вы бы имѣли тамъ свою комнату Монте Кавалло, которая готова къ вашимъ услугамъ. Я никогда тамъ не останавливаюсь. Не замѣчаете ли вы сами, святый отецъ, что здѣсь долженъ быть первопрестольный градъ міра? Я сдѣлаю все, что вы только пожелаете; я, быть-можетъ, стоворчивѣе, нежели какими кажусь. Лишь бы мнѣ были предоставлены война и утомительная полтика, вы будете имѣть полное распоряженіе церковью. Я буду вполнѣ вашъ защитникъ. Представьте себѣ, какъ это будетъ прекрасно; мы будемъ созывать соборы, какъ Константій и Карлъ Великій; я буду ихъ открывать и закрывать; я вамъ вручу настоящіе ключи міра; я буду вамъ приносить мечъ мой подъ благословеніе послѣ каждой побѣды нашихъ войскъ.

Папа все время оставался неподвиженъ, въ молчаніи. Наполеонъ съ улыбкой, нагнувшись, ожидалъ отвѣта.... Старецъ наконецъ медленно выпрямился, вздохнулъ и сказалъ, какъ будто обращался къ своему невидимому ангелу.

— Comediantes! (Комикъ).

Наполеонъ при этомъ словѣ вздрогнулъ, какъ рапечій леонардъ, закусилъ себѣ губу до крови и хода гремѣлъ шпорами такъ, что паркетъ трещалъ подъ нимъ и занавѣсъ колебался...

Пажъ узналъ одинъ изъ желчныхъ принадлежковъ гнѣва и чувствовалъ, какъ волосы его становились дыбомъ.

— Комикъ! вскричалъ онъ громовымъ голосомъ.... Я комикъ! О я вамъ дамъ комедій, которыя заставятъ васъ всѣхъ плакать какъ дѣтей! Комикъ! Нѣтъ, значитъ, вы меня не знаете, когда думаете, что я позволю хладнокровно надѣваться на мою! Мой театръ—это свѣтъ; роль, которую я въ немъ играю, это роль властелина и повелителя; вы всѣ у меня актерами, папы, короли, народы! а пружина, которою я заставляю васъ дѣйствовать, это страхъ! Комикъ! И вы смѣете мнѣ говорить такія вещи. Синьоръ Кіарамонти! Знаете ли, если бъ я хотѣлъ, вы были бы не чтò иное, какъ бѣдный священникъ, Франція смѣялась бы надъ вами и надъ вашей тіарой, если бъ я не сохранилъ важнаго вида, кланяясь вамъ. Вы всѣ въ моихъ рукахъ; я передвигаю васъ, отъ юга къ сѣверу, какъ маріонетокъ; я считаю васъ за чтò-нибудь, потому-что вы представляете старую идею, которую я хочу воскресить; а вы этого не видите и дѣлаете видъ, что не понимаете. Вы думаете, что безъ васъ и обойтись нельзя, поднимаете голову и драпируетесь въ ваши длинныя платья? Но знайте, что я не смотрю на нихъ, и если вы будете настаивать, то вамъ будетъ худо! Я поступлю съ вами, какъ Карлъ XII съ Визиремъ.

Тайный свидѣтель этой грозы былъ полумертвъ отъ ужаса. Онъ наклонилъ голову, чтобъ посмотрѣть живъ-ли еще папа.

Пій VII былъ также спокоенъ, какъ и прежде; на устахъ его была та же покорная улыбка. Онъ во второй разъ поднялъ глаза и сказалъ, вздохнувши:

— Tragediante! (трагикъ!)

При этихъ словахъ Наполеонъ, стоявшій на другомъ концѣ комнаты, бросился стремглавъ къ первосвященнику, какъ будто хотѣлъ убить его, но остановился у стола, взявъ севрскую вазу, на которой была нарисована крѣпость Св. Ангела, бросилъ ее на полъ, и обломки ея растопталъ своими ногами.

Вотъ вѣроятно минута, въ которую многіе напрасно думаютъ, что онъ ударилъ папу. Но пажъ и г. де Виньи увѣряютъ, что его гнѣвъ ограниченъ этѣмъ.

Потомъ онъ бросился съ живостію въ кресла. Тамъ Наполеонъ разсуждалъ нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи, сѣдался мраченъ и задумчивъ и, укрощенный двумя словами правды, принялъ наконецъ свой настоящій видъ.

— Да, точно, говорилъ онъ далѣе: несчастная жизнь! Или трагикъ или комикъ!... все роль, все костюмъ для меня, давно уже и на-всегда! Какое утомленіе! Какое ничтожество! Все принимать различныя позы, смотря по требованіямъ партій; казаться для нихъ тѣмъ, чѣмъ онѣ видѣть меня желаютъ, и отгадывать ихъ глупыя мечты. Ставить ихъ всѣхъ между надеждою и страхомъ; ослѣплять ихъ всѣхъ бюллетенями; быть властелиномъ ихъ всѣхъ и не знать что съ ними дѣлать. Вотъ и все! И послѣ всего этого скучать, какъ я скучаю, это уже слишкомъ! Потому-что, дѣйствительно, продолжалъ онъ, скрестивъ ноги и разлегшись въ кресла, я ужасно скучаю! Лишь только я сяду покойно, я умираю со скуки. Миѣ надо, или идти самому, или другихъ посылать; но куда, напримѣръ, пусть повѣсятъ меня, если я знаю. Я говорю вамъ откровенно. Меня преслѣдуютъ планы, каждое утро и каждый вечеръ, новые; мое воображеніе неутомимо, но я не успѣю выполнить и двухъ, какъ уже состарѣюсь и душею и тѣломъ, потому-что нашъ бѣдный свѣтильникъ жизни не долго горитъ. Откровенно говоря, если бъ всѣ мои планы сбылись, я не думаю, чтобъ свѣтъ былъ оттого счастливѣе, но онъ былъ бы прекраснѣе и въ немъ царствовало бы величественное едванство. Я не философъ, я не понимаю нѣкоторыхъ теорій. Жизнь слишкомъ коротка, чтобъ останавливаться. Какъ только я придумалъ что, я привожу въ исполненіе. Найдется множество толкователей моихъ дѣйствій послѣ, чтобъ возвеличить меня, если я буду имѣть успѣхъ; и унижить, если проиграю. Парадоксы уже готовы; Франція ими изобилуетъ. Я ихъ удерживаю при жизни, по послѣ меня вы увидите, что будетъ. Все равно, мое дѣло успѣхъ, и за это я знаю какъ взяться. Вѣдь надо жить. Надобно каждому найти свое мѣсто. Я нашелъ свое мѣсто, какъ брошенное ядро. Всякой кушаетъ, смотря по аппетиту. Я чувствую страшный голодъ! И когда я на часъ надѣву свой императорскій костюмъ, съ меня довольно. Я надѣваю снова мое простое офендерское платье и сажусь на лошадь. Все на лошади! Всю жизнь на лошади, я пойду далеко. Есть работники зданій, красокъ, формъ и фразъ; я работниковъ сраженій. Это мое мастерство. Я уже надѣлалъ ихъ около пятидесяти такихъ, которыя называются побѣдами. Надо же мнѣ плату за мой трудъ, и плата имперіей еще не велика. Къ тому же я еще буду работать. Вы много еще увидите. Вы увидите, что всѣ династїи будутъ происходить отъ моей, не смотря на

то, что я выскочка и избранный. Избранный, ваше Святѣйшество, и взятый, какъ и вы, изъ толпы. Въ этомъ мы равны и можемъ подать другъ другу руку.

И онъ быстро подавъ свою руку Пію VII, который былъ тронутъ откровенностію такого человека и, видя его сплеченную двойную маску, уничтоженную двумя словами, протанулъ также, въ свою очередь, дрожащую руку и уступилъ свою мирскую власть, изъясняя сожалѣніе только слезомъ, катившемся по исхудалой щекѣ его.

— Эта слеза, говоритъ свидѣтель этой сцены, показала мнѣ послѣднимъ прощаніемъ западнаго Христіанства, представляющаго землю эгоизму и слѣпой судьбѣ.

Къ счастью, это торжество не долго продолжалось.

Вотъ что происходило годъ послѣ того, въ этомъ самомъ дворцѣ Фонтенбло, нѣсколько дней послѣ того, какъ Наполеонъ, побѣжденный въ свою очередь, отдалъ Пію VII отъсюду власть, тогда, когда онъ могъ ожидать потерю всего, что онъ пріобрѣлъ.

23-го генваря 1814 года папа оставилъ Фонтенбло, благословляя толпу, собравшуюся на дворѣ Бѣлаго-кося; а 31 марта Наполеонъ узналъ на этомъ же самомъ дворѣ о прібытіи въ Парижъ союзныхъ монарховъ.

На другой день приговоръ Наполеона былъ произнесенъ въ Парижѣ. При этомъ извѣстіи, онъ садится на лошадь и собираетъ своихъ храбрыхъ солдатъ. Они кланутся защищать его до послѣдней крайности, но генералы одинъ за другимъ оставляютъ его. Тѣ, которые остаются съ нимъ, произносятъ роковыя слова: «Ваше Величество, теперь уже поздно.» Другіе прибавляютъ еще слово: отреченіе.

Наполеонъ, вздрогнувъ, блѣднѣетъ и спрашиваетъ:

— Это желаніе Франціи?

— Да!

— Это желаніе войска?

— Да!

— И такъ я отрцусь, но въ пользу моего сына.... Однако, прибавляетъ онъ, бросаясь на диванъ, я увѣренъ, что мы бы разбили еще Прусаковъ и Русскихъ!

Маршалъ Ней объявляетъ монархамъ предложеніе императора. Онъ защищаетъ его съ удивительнымъ краснорѣчіемъ. Но уже поздно! Корпусъ войскъ герцога Рагускаго перешелъ на сторону

непріятеля, и Ней возращается объявить Наполеону, что его съмъ отвергнуть, и что самъ онъ будетъ только королемъ острова Эльбы. Таковъ былъ ultimatumъ союзниковъ.

Тогда былъ собранъ послѣдній совѣтъ въ знаменитомъ кабинетѣ дворца Фонтенбло, который называется съ того времени кабинетомъ отреченія.

Императоръ открываетъ совѣщаніе, по обыкновенію своему, говоря сядько и хода скорыми шагами.

— И такъ меня вочитають побѣжденнымъ, потому—что одинъ изъ моихъ генераловъ измѣнилъ мнѣ. Полагають, что я лишюсь средствъ противустать непріятелю: Развѣ я не могу соединить войска Евгенія, Сульта, Сюше, Ожеро, пойти къ Лозаръ, тамъ найти аустерлицкій мечъ и продать дорогою цѣною мою корону и мою жизнь?

— Война! все война! отвѣчаютъ утомленные маршалы. Но вы не имѣете войска, Ваше Величество; вы, который каждой побѣдой отнимали или давали престолы, захотите ли вы кончить ваше поприще незавидной ролью начальника партизановъ! Франція хочетъ мира, не забудьте этого!

— И такъ оставляю Францію и поѣдемъ въ Италію. Тамъ еще не забыли сраженій при Арколо и при Маренго! Кто хочетъ за мною слѣдовать? Вы молчите? А! я вижу, вы хотите спокойствія! Отдыхайте же! вы не знаете какія опасности и какія огорченія ожидаютъ васъ на вашихъ мягкихъ пуховикахъ. Этотъ миръ, котораго вы желаете, будетъ вамъ гибельнѣе самой войны.

И послѣ этого предсказанія, которое волиѣ осуществилось, Наполеонъ сѣлъ къ роковому столу и начерталъ твердою рукою слѣдующія строки:

«Такъ какъ союзныя державы объявили, что императоръ Наполеонъ былъ единственнымъ препятствіемъ, къ восстановленію мира въ Европѣ, то императоръ, вѣрный своей клятвѣ, объявляетъ, что онъ за себя и наслѣдниковъ отказывается отъ престола Франціи и Италіи, и что онъ готовъ пожертвовать всѣми своими личными выгодами и даже своею жизнью для счастья Франціи».

Потомъ онъ далъ полномочное право Нейю, Коленкуру и Таренту заключить условія съ монархами.

Когда все было кончено, императоръ, который былъ тогда только королемъ острова Эльбы, влеть въ свою бібліотеку, вы-

барасть тамъ книги и карты, назначаетъ товарищами своего изгнанія Друо, Бертраиа и Камброня съ шестьюстами старыхъ солдатъ, которые рады были бы сдѣловать за нихъ на край свѣта.

Потомъ онъ выходитъ на дворцовый дворъ, гдѣ ожидали его, плача, гренадеры императорской гвардіи и другіе его ратные сподвижники; онъ прощается съ ними, завѣщаетъ имъ быть вѣрными новому королю Франціи и обѣщаетъ употребить оставшую жизнь свою на описаніе того, что они совершали вѣстѣ. Наконецъ, не вида возможности перецѣловать ихъ всѣхъ, онъ цѣлуетъ ихъ орла и знамя, и обнимаетъ ихъ начальника, генерала Пети.

Генералъ сохранилъ послѣднія слова императора и передалъ ихъ свѣту.

«Офицеры, унтеръ-офицеры, солдаты старой гвардіи, я пришелъ проститься съ вами.

«Въ продолженіе двадцати лѣтъ я былъ вами доволенъ. Слава вездѣ сопровождала васъ.

«Съ вами и съ храбрыми, которые мнѣ остались вѣрными, я могъ бы воевать еще три года, но Франція была бы несчастлива, — это было бы противно дѣлу, къ которой я стремился.

«Будьте вѣрны новому государю, котораго избрала Франція.

«Не сожалѣйте о моей участи. Я буду счастливъ, если вы будете счастливы... Я опишу то, что мы сдѣлали...»

Тогда раздался невыразимый концертъ стонувъ, плача, рыданій, восклицаній восторга, скорби, отчаянія, которые тронули бы каменное сердце. Наполеонъ насилу вырвался изъ среды солдатъ, цѣловавшихъ его руки, платье и даже сапоги.

На слѣдующій годъ, 20 марта 1815, тѣ же самые солдаты, и на томъ же самомъ мѣстѣ, привѣтствовали его императоромъ, при возвращеніи его съ острова Ельбы, и съ торжествомъ несли на рукахъ изъ Фонтенбло къ Тюильри. Но эта радость была кратковременна, и вѣчное изгнаніе на островъ Св. Елены была ея развязкою.

Этимъ оканчивается хроника Фонтенбло.

Людовикъ XVIII окончилъ только галерею Діаны и начерталъ на столѣ отреченія число своего вступленія на престолъ. Карлъ X прѣвѣжалъ туда, чтобъ охотиться въ лѣсу. Людовикъ-Филиппъ праздновалъ бракосочетаніе своего старшаго сына и от-

даль этого дворецъ искусства, такъ какъ Версаль посвятилъ славу. Какое бы ни было приговоръ потомства объ его царствованіи, но имя его, въ лѣтописяхъ Фонтенбло, будетъ стоять на ряду съ именами Франциска I, Генриха II и Людовика XIV.

Фонтенъ, Дюбрейль, Абель Сюжоль, Алло, Пико, Мюннихъ возвращали свѣжесть произведеніямъ Приматиса, Россо, Никола дель-Аббате, Амбруаза Дюбуа и проч. въ разныхъ отдѣленіяхъ дворца.

Теперь посмотримъ на самый дворецъ Фонтенбло. Общій видъ его оправдываетъ съ перваго взгляда эти слова Англичанина: «Фонтенбло есть собраніе замковъ.» Нигдѣ, дѣйствительно, не найдете такихъ разбросанныхъ зданій, примнутыхъ одно къ другому, противоположныхъ или смѣшанныхъ стилей, греческаго, римскаго, готическаго, арабскаго, возрожденія, Людовика XIV, Людовика XV, кирпичей, камней, дерева, мрамору, желѣза и золота. Если вы входите со стороны Феррарской площади, вотъ одинъ замокъ; по аллеѣ Ментенонъ,—вотъ другой, по двору Фонтановъ,—вотъ третій; изъ англійскаго сада,—четвертый, по овалному двору,—пятый, изъ королевскаго сада,—шестой; даже зданіе кухни—настоящій замокъ. И ни одинъ изъ этихъ замковъ не похожъ на своего сосѣда.

Дворъ Бѣлаго-коня есть дворцовый парадный дворъ. Основанный Францискомъ I, онъ получилъ свое названіе при Карлѣ IX, отъ конной статуи Марка Аврелія, слѣпанной изъ гипса, по повелѣнію Екатерины Медицесъ, и святой съ модели Приматиса, которая украшаетъ дверь Капитолія въ Римѣ. Эта статуя была разбита въ 1626 году, но дворъ сохранилъ это названіе до нынѣшняго времени.

Знаменитая галерея Улисса, расписанная Приматисомъ и Николо дель-Аббате, находилась направо. Она переименована новымъ флигелемъ или флигелемъ Людовика XV, во время царствованія этого короля, а Наполеонъ помѣстилъ въ немъ сначала военную школу, которую перевелъ потомъ въ Сенъ-Сиръ.

Крыльцо лѣстницы Феръ-а-Шеваль (подковы)—настоящее королевское крыльцо. Шесть прекрасныхъ дверей, украшенныхъ рѣзьбою, ведутъ на галерею Фресковъ, въ павильонъ Людовика XIV, на галерею Франциска I, на лѣстницу капеллы св. Сатурнина, въ капеллу Св. Троицы и на лѣстницу Феръ-а-Шеваль. На потолокъ видны вензеля королей, наиболѣе содѣйствовавшихъ украшенію Фонтенбло.

Капелла Св. Троицы была построена въ 1529, Францискомъ I, на развалинахъ церкви того же имени, основанной Людовикомъ Святымъ, отъ которой осталась только одна готическая аркада въ глубинѣ церкви.

Въ 1608 году эта капелла не имѣла того великолѣпія, которое въ ней видно теперь. Донъ Педро, испанскій посланникъ, заимствовалъ это Генриху IV.

— Ваше Величество, сказалъ онъ ему: королевское помѣщеніе въ Фонтенбло лучше Божьяго.

— Да точно, это правда, отвѣчалъ Генрихъ IV. Но я приведу все въ порядокъ, и Божье будетъ лучше королевскаго.

Онъ, дѣйствительно, совершенно возобновилъ капеллу.

Знаменитая галерея Франциска I была построена этимъ монархомъ, чтобъ соединить дворъ Бллаго-моя съ павильономъ Людовика Святаго. Людовикъ XV и Людовикъ XVI пристроили къ ней рядъ небольшихъ комнатъ. Наружная терраса, украшенная бюстами римскихъ императоровъ, выстроена Генрихомъ IV и Наполеономъ.

Небольшія комнаты Людовика XV и Людовика XVI полны колоссальною тѣнью императора; здѣсь онъ работалъ въ свѣтѣ своей; здѣсь онъ упалъ въ своемъ величіи. Вотъ кабинетъ и круглый столъ, на которомъ онъ написалъ свое отреченіе.

Тутъ же можно видѣть и кровать его, на которой никто не спалъ послѣ 1815 года. Подъ кабинетомъ находится библіотека. Наполеонъ тамъ проводилъ нѣсколько часовъ сряду, иногда и цѣлыя ночи на желѣзной кушеткѣ.

Вотъ семейная зала, кабинетъ короля при Генрихѣ IV, зала собранія во время имперіи. Маршалъ Бронъ выходилъ изъ этой залы, когда его арестовали.

Вотъ тронная зала, украшенная Карломъ IX, Людовикомъ XIII и Людовикомъ XIV, великолѣпнымъ плафономъ, коронами и золотыми орлами, изящными медальонами и проч.

Кабинетъ королевы, прежній кабинетъ императоровъ, получившій свое названіе отъ двѣнадцати цесарей, на лошадей, поставленныхъ Карломъ IX. Очаровательная, но печальная тѣнь бродитъ въ этомъ кабинетѣ, тѣнь Маріи Антуанеты, женщина которой выдѣланъ на паркетѣ изъ краснаго дерева. Вотъ завѣжки работы Людовика XVI.

Комната королевы, гдѣ жила всѣ Маріи, царствовавшія во

Франція, Марія Медичица, Марія Терезія, Марія Ангуанеза, Марія Луиза, Марія Амеція.

Потомъ изящная галерея Діаны, мастерское произведеніе Амбруаза Дюбуа, подновленная и добавленная Абелемъ, Пужолемъ и Вонделемъ. Всѣ эти нимфы, которыя населяютъ разные ея отдѣленія, представляютъ Діану де-Поатье и Марію де Медичица.

Перойдемъ теперь переднія королевскія и залу обоевъ, гдѣ выставлены чудеса Гобеленовъ, и взойдемъ въ залу Франциска I, каминъ которой есть самая драгоценная вещь изъ всѣхъ сокровищъ Фонтенбло.

Вотъ зала Людовика XIII, или овальная зала, гдѣ родился сынъ Генриха IV, и которую, изъ любви отцовской, онъ сдѣлалъ своимъ большимъ кабинетомъ.

Павильонъ Людовика Святаго есть самая почтенная часть дворца, какъ по своей древности, такъ и по своимъ воспоминаніямъ. Тутъ есть комната, въ которой благочестивый монархъ, притомъ умирая, давалъ наставленія своему сыну, которыми пренебрегли его наследники. Его конная статуя изъ бѣлаго мрамора и голубой плафонъ съ золотомъ посвящены въ память ему Людовикомъ Филиппомъ.

Галерея Генриха II, прежняя зала базовъ, торжества и пировъ. Здѣсь все дышетъ веселіемъ и любезностію. Видъ галереи представляетъ дѣйствительно что-то волшебное.

Капелла св. Сатурниа, построенная Людовикомъ VII въ 1169, освѣщенная Томасомъ Бекетомъ, перестроенная потомъ Францискомъ I въ 1544 и украшенная расписными стеклами принцессою Марією Орлеанскою. Тутъ видѣнъ алтарь, который Пій VII велѣлъ перенести въ комнату Анны Австрійской, чтобъ служить обѣдню во время своего заточенія.

Наконецъ галерея Людовика Филиппа, устроенная этимъ королемъ въ прежней Консіержери, подъ галерей Генриха II. Рѣзныя двери наиболѣе достойны примѣчанія.

Мы не будемъ описывать паркъ фонтенблоскій: онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ королевскихъ парковъ, а перейдемъ прямо въ лѣсъ.

Лѣсъ фонтенблоскій (древній бьерскій) занимаетъ огромное

пространство древней Гатиннэ *, гдѣ два края горъ, увѣчан-ныхъ скалами, образуютъ глубокія и дикія ущелья. Вотъ что дѣ-етъ этому лѣсу такіе разнообразныя, дикіе и живописныя виды.

Здѣсь разстилаются на возвышенностяхъ голыя платформы, на которыхъ высовываются острые обломки скалъ, почернѣвшихъ отъ времени.

Тамъ растительность такая свѣжая и могущественная, какъ будто въ дремучемъ лѣсу Новаго Свѣта.

Здѣсь лежатъ одна на другой допотопныя скалы, поросшія мхомъ и золотистымъ лишайникомъ, перевитыя каприфолией, увѣчанныя тѣнистою зеленью; а въ нѣдрахъ этихъ скалъ открываются страшныя пещеры, мрачныя лабораторіи, гдѣ природа скрываетъ свои тайны и не разгаданныя никѣмъ работы. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ на примѣръ, въ Сенъ-Жерменской скалѣ, на разстояніи одной мили отъ Фонтенбло направо отъ дороги въ Парижъ, находятъ кристаллизаціи въ видѣ ромбоидъ, смѣшанныхъ съ такимъ мелкимъ и бѣлымъ пескомъ, что ослѣпленный глазъ не можетъ переносить солнечнаго на нихъ отраженія, также и сталагмиты, которые могутъ соперничать съ находящимися въ знаменитой Белгійской пещерѣ.

Тамъ обширныя дубравы поднимаютъ свои вершины до облаковъ, и васъ невольно объемлетъ благоговѣніе. Посреди этихъ самыхъ дубравъ, вдругъ прогалина, гдѣ никакое дерево, никакое растѣніе никогда не принималось: такъ почва земли непроницаема, тверда.

Здѣсь, напротивъ, на верхушкѣ самой дикой скалы, высятся огромныя деревья между кустовъ терновника, можжевельника и вереска.

Дубъ, каштанъ, букъ, береза, бѣль, сосна, грабъ и разныя другія деревья переимѣниваютъ свою разнообразную зелень въ этомъ оригинальномъ лѣсу.

Разнообразныя цвѣты украшаютъ зелень всевозможными от-тѣнками.

Что сказать о лѣсной дичи? Здѣсь считали до трехъ тысячъ оленей и ланей, не говоря о дикихъ козахъ. Кабаны не были въ такомъ множествѣ.

* Онѣ имѣютъ 32,377 арпановъ. 18 лье въ окружности, 175 кантоновъ, 640 дорогъ, 100 перекрестковъ, граничить къ западу съ Сеной, а къ югу съ рѣкою Оэномъ и каналомъ того же имени.

Охота на зѣбрей въ Фонтенблоскомъ лѣсу представляла самый великолѣпный видъ.... Большая часть Парижанъ собиралась тогда въ Фонтенбло. Купцы привозили свои подвижныя лавки и разставляли ихъ на улицахъ, на дворахъ, до самыхъ галерей дворцовыхъ. Экипажи, всадники, амазонки слѣдовали за королевскими экипажами на охоту. Послѣ того начинались празднества, и золото сыпалось въ изобиліи городскимъ и окрестнымъ обывателямъ.

Фонтенбло жилъ и процвѣталъ тогда. Теперь онъ упалъ какъ Версаль, Сенъ Жерменъ, Марли, Медонъ и Сенъ Клу. Онъ не могъ возстать въ 1848 году, даже и на праздникъ Франшара, въ день Троицы, и два послѣдующіе за нимъ дня, не смотря на приманку новаго распорядителя, который выставилъ, въ галереяхъ и въ комнатахъ дворца, всѣ оставшіяся драгоценности монархіи.

=

ЗНАМЕНИТЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ

ЕВСТАФІЙ ЛЕ СЮЁРЪ.

(Статья де Шатувилля.)

I.

Евстафій Ле Сюёръ былъ прозванъ французскимъ Рафаэлемъ, а потомство сохранило ему это наименованіе тѣмъ охотнѣе, что онъ, во время жизни своей, не пользовался ни славой, ни выгодами Рафаэля.

Краткій обзоръ его работъ будетъ объясненіемъ этой печальной истины.

Однажды утромъ, 1636 года, старикъ скромной наружности и молодой человекъ вошли въ мастерскую Симона Вуэ, перваго живописца при королѣ Людовикѣ XIII. Этотъ художникъ былъ тогда главою искусства, во Франціи; самъ монархъ былъ его ученикомъ.

— Господинъ Вуэ, сказалъ старикъ, я привелъ моего сына Евстафія Ле Сюёра, котораго вы обѣщали принять въ число вашихъ учениковъ. Я думаю, онъ не уронитъ славы вашей мастерской; взгляните на его рисунки и эскизы.

Молодой человек възрастил до души и открылъ съ невольным изумленіемъ, который онъ держалъ въ рукахъ.

Въ это время одинъ изъ его будущихъ товарищей проходилъ по комнатѣ и, несмотря на молодого человека захотѣлъ во все горло; за нимъ и всѣ товарищи его отзывались громкими свѣлами.

— Не свѣщите, господа, сказалъ Симонъ Вузъ, рассматривая рисунки Ле Сюэра; никто изъ насъ не владѣеть карандашомъ такъ, какъ этотъ молодой человекъ; сверхъ того онъ обладаетъ достоинствомъ, которое я желалъ бы видѣть и въ вашихъ произведеніяхъ; его малѣйшіе очерки имѣютъ характеръ.

— Вотъ, мой другъ, прибавилъ онъ, обратившись къ новому ученику, все болѣе и болѣе красившему: вотъ лучший мольбертъ моей мастерской; это будетъ ваше мѣсто.

Отецъ Ле Сюэра, скромный граверъ въ Монандье, удаленъ, воображая, что сына его ожидаетъ участь Миколь-Анджело.

Евстафій пошѣтился передъ мольбертомъ, но тотъ, который свѣлся надъ нимъ, скоро возвратился и, подъ предлогомъ, что онъ занималъ это мѣсто въ прошлый мѣсяцъ, надѣялся Ле Сюэру до того, что этотъ послѣдній пражужденъ былъ ему уступить его.

И учитель повелъ дѣло весьма искусно.

Этотъ учитель былъ Ле Бренъ, зависть котораго преслѣдовала Ле Сюэра до самой его кончины.

II.

Евстафій Ле Сюэръ родился въ Парижѣ, въ 1617 году. Его семейство, изъ обѣдѣвшихъ дворянъ, было въ родствѣ съ знаменитыми домами де Рамбюра и де Крени. Великій живописецъ никогда однако не хвалился своими предками и дорожилъ только своимъ талантомъ, а не знатностью происхожденія.

Пробывъ три года въ мастерской Вузъ, онъ поступилъ членомъ въ Сень-Лукевую академію.

Въ то время, какъ Ле Бренъ старался всѣми средствами вредить Ле Сюэру, Пуссенъ пріѣхалъ въ Парижъ и ободрилъ его своими совѣтами. Онъ предоставилъ ему двухъ несомнѣнныхъ учителей: душу и природу.

Женившись на двадцать пятомъ году, и не имѣя ни состоянія,

ви покровителей, Евстафій долженъ былъ бороться въ неизвестности съ завистью и съ нищетою. Для доставленія себѣ необходимаго пропитанія, онъ принужденъ былъ писать образа, фронтисписы молитвенниковъ, брался поделно расписывать стѣны и потолки въ монастыряхъ, въ церквахъ и отеляхъ, но въ этой ремесленной работѣ, онъ не забывалъ божественнаго искусства: онъ не отказался отъ души, доставая пропитаніе тѣлу.

Наконецъ онъ получилъ мѣсто смотрителя сборовъ при парижской таможенѣ; обезпечивъ себя такимъ образомъ въ своемъ содержаніи, онъ предался вполне высокой живописи.

III.

Однако служебныя его занятія стоили ему большихъ хлопотъ и отрывали его постоянно отъ художнической работы.

Однажды, когда онъ собиралъ пошлину на Урсонской заставѣ, одинъ изъ его прикащиковъ былъ обиженъ какимъ-то дворяниномъ. Ле Сюёръ заступился за своего помощника и требовалъ удовлетворенія.

— Кто вы такой, милостивый госуляръ? спросилъ его дворянинъ съ презрѣніемъ.

— Я Евстафій Ле Сюёръ, авторъ нѣсколькихъ картинъ, съ которыми, конечно, вы могли уже познакомиться.

— Дворянинъ не вынимаетъ своей шпаги изъ ноженъ противъ муштabela живописца. Ваша палитра запатнаетъ мой гербъ, господинъ Ле Сюёръ!...

— Если такъ, возразилъ обиженный артистъ, то вы не будете имѣть дѣло съ живописцемъ Ле Сюёромъ, который гордится только своимъ искусствомъ, но съ кавалеромъ Ле Сюёромъ, родственникомъ де Рамбуровъ и де Креки,—что я вамъ и докажу сегодня вечеромъ.

Онъ это доказалъ дѣйствительно, и дуэль была на слѣдующій день, утромъ.

Къ несчастію, Евстафій положилъ своего противника зачертво...

IV.

Ле Сюёръ, чтобъ избавиться отъ преслѣдованія законовъ и отъ ищенія могущественной фамиліи, удалился въ Картезіанскій монастырь.

Тамъ талантъ его получилъ еще бѣльшее развитіе, и онъ заглянулъ свою вину, представивъ въ двадцати двухъ картинахъ Жизнь Святаго Бруно, обезсмертившихъ имя его.

Эти картины находятся теперь въ Луврѣ, и каждая изъ нихъ составляетъ геніальное произведеніе искусства. Всѣ христіанскія добродѣтели: смиреніе и милосердіе, отреченіе отъ свѣта, покаяніе, созерпаніе молитвы, блаженство будущей жизни — олицетворены въ нихъ съ удивительною прелестью.

Однако эти картины дошли до насъ, не въ томъ видѣ, какъ онѣ были написаны артистомъ. Скрытая зависть и неизъяснимое варварство испортили ихъ еще въ то время, когда онѣ находились въ монастырѣ.

V.

Ле Бренъ, возвратясь изъ Италіи, и основавъ, въ 1648 году, королевскую академію живописи, не могъ воспрепятствовать Ле Сюёру вступить въ нее членомъ съ двѣнадцатью извѣстнѣйшими художниками. Но онъ готовилъ ему другую обиду, и случай не замедлилъ представиться.

Компанія золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ежегодно представляя въ соборъ картину, въ даръ Богородицѣ, поручила, на 1649 годъ, написать ее Ле Сюёру. Живописецъ представилъ проповѣдь Святаго Павла къ Ефеселямъ: прекраснѣйшее произведеніе французской школы, но Ле Бренъ такъ низко оцѣнилъ ее, что, вмѣстѣ съ ея копіей, артисту заплатилъ только четыреста ливровъ.

Тотъ же соперникъ призналъ недостойными, для помѣщенія во дворцѣ, двѣ удивительныя картины Ле Сюёра: Видѣніе Святаго Бенда и Обѣднѣ Святаго Мартина.

Подобныя низости не даютъ ли поводъ думать, что школа Ле Брена была участницей искаженія картинъ: Жизнь Святаго Бруно?

Доказано, по крайней мѣрѣ, что Ле Бренъ, пользовавшійся всѣми выгодами искусства, старался ихъ отстранять отъ скром-

ной мастерской Евстафія, который только и могъ получить назначеніе расписывать, вмѣстѣ съ своимъ соперникомъ, отелъ Ламберта.

Ле Сюёръ посвятилъ девять лѣтъ этой обширной работѣ и изобразилъ мифологическіе предметы съ такимъ же превосходствомъ, какъ и величіе христіанскихъ предметовъ.

Завистливый Ле Бренъ получилъ однажды въ этотъ отелъ достойное себѣ наказаніе.

Онъ показывалъ картинныя галерея папскому нунцію, большому знатоку въ живописи. Продержавъ его долго въ залѣ Геркулеса, которую онъ расписывалъ самъ, онъ хотѣлъ проесть его съ поспѣшностію мимо работъ Ле Сюёра. Но прелати, пораженный красотою плафона, гдѣ изображена была исторія Фаэтона, разсматривалъ все въ подробности и вскричалъ съ простосердечіемъ:

— Эта галерея, вѣроятно, есть произведеніе итальянскаго мастера. Галерея Геркулеса передъ этою не болѣе, какъ *colloquia*.

Слово немного грубовато, чтобъ перевести его.

Нунцій сдѣлалъ его еще грубѣе, прибавивъ:

— Какъ жаль, что эти обѣ галерея не одного мастера.

VI.

Бѣднѣйшій Ле Сюёръ слышалъ только на одрѣ смерти прѣстѣ славы, ожидающей его въ потомствѣ. Разстроивъ уже по свое здоровье излишнимъ усиліемъ въ работѣ, и зная рѣшительныя огорченія отъ несправедливости, онъ оставилъ свою мастерскую и удалился искать спокойствія и утѣшенія въ Картезіанскій монастырь.

Тамъ онъ и умеръ въ 1655 году, тридцати осьми лѣтъ отъ роду!

— Вотъ, вскричалъ Ле Бренъ, узнавъ о смерти его: вотъ была занова, которую смерть выдернула мнѣ изъ ложа!...

Онъ съ своимъ хоромъ понималъ превосходство таланта Ле Сюёра.

Приманіе это вылетало изъ устъ его, тогда только, когда онъ воображалъ, что никто не можетъ его слышать.

— Боже мой! говорилъ онъ однажды, въ Картезіанскомъ монастырѣ, подходя къ каждой картинѣ: какаа живопись! Какъ это величественно! Какъ это чудесно!

Онъ не зналъ, что граверъ Карлъ Симонно подслушалъ его, скрываясь за дверью, и что онъ передастъ свѣту исповѣдь этой зависти....

Но чистая, нѣжная и тревожная душа Ле Сюэра всегда была готова благословлять Пуссена, своего благодѣтеля и совѣтника, и прославлять своихъ соперниковъ, тогда какъ они унижали его.

— Я все сдѣлалъ, говорилъ онъ, и сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобъ они меня полюбили такъ, какъ я ихъ люблю.

— Въ чемъ состоитъ моя вина, прибавлялъ онъ, узнавая ихъ козни, — въ томъ, что я прилежно занимаюсь, что я люблю искусство и стараюсь достигнуть возможнаго совершенства?

Споръ между Ле Бреномъ и Ле Сюэромъ уже рѣшенъ давно. Картины одного поражаютъ, удивляютъ васъ, картины другого плѣняютъ, возбуждаютъ любовь и мысли. Все поддѣльно и поверхностно у перваго, все натурально и глубоко у втораго. Одинъ представляетъ тѣло безъ души, другой въ тѣло вливаетъ душу. Ле Бренъ, это живописецъ вѣка Людовика XIV, а Ле Сюэръ живописецъ человечества.

Останки безсмертнаго художника были похоронены въ Сентъ-Етьешъ-дю-Монъ, куда революціонеры, 1793 года, въ бѣшенствѣ прибѣжали разрушить его гробницу и развѣять прахъ его точно такъ же, какъ в прахъ Декарта, Паскала и Расина.

Сердце каждаго сочувствуетъ страданіямъ жизни Ле Сюэра, но разумъ убѣждаетъ насъ, что они-то и способствовали развитію его генія. Кто знаетъ, увѣнчанный успѣхомъ при Дворѣ и въ городѣ, сохранилъ ли бы онъ это величіе духа, которое онъ приобрѣлъ въ безвѣстности?

VII.

Въ заключеніе нашего описанія, мы расскажемъ одинъ случай, въ которомъ Ле Сюэръ былъ героемъ, два столѣтія спустя послѣ своей смерти; это случилось недавно въ Парижѣ, и мы могли бы назвать по имени особь, участвовавшую въ этой исторіи, если бы не боялись обидѣть скромность благочестиваго семейства.

У Г. П... былъ одинъ только сынъ, который показывалъ весьма блестящія способности къ живописи, еще прежде, чѣмъ онъ окончилъ свое ученіе.

Какъ только Густафъ П. вышелъ изъ училища, онъ объявилъ, что рѣшительно намѣренъ идти въ монахи, и просилъ у отца позволеніе вступить послушникомъ въ Картезіанскій монастырь.

Г. П... хотя и истинный христіанинъ, но былъ въ отчаяніи, что единственный наслѣдникъ его имени и имѣнія будетъ потерянъ для свѣта и для него самого.

Онъ съ кротостію отвергнулъ его намѣреніе и сказалъ, что дастъ свое согласіе только послѣ двухлѣтняго размышленія.

Густавъ согласился на это справедливое испытаніе и поселился вдали отъ Парижа, въ небольшомъ загородномъ домикѣ во Франшъ-Конте.

Тамъ онъ находился одинъ въ присутствіи природы, и Бога, и имѣлъ только сношенія съ нѣкоторыми членами своего семейства, которые поочередно посѣщали его. Онъ составилъ себѣ библіотеку изъ однихъ духовныхъ книгъ, въ которыхъ излагались обязанности и лишенія монастырской жизни, позволилъ себѣ только украсить свое жилище прекрасною коллекціею гравюръ, представлявшихъ знаменитую галерею Святаго Бруна, Евстафія Ле Сюёра.

Подобные предметы и занятія не могли отклонить Густава отъ монастыря.

Онъ проводилъ половину дня въ чтеніи и въ размышленіяхъ о правилахъ монастырскихъ, а другую половину срисовывалъ карандашемъ строгія картины Ле Сюёра.

Это было единственное развлеченіе его жизни и единственная дань, которую онъ отдавалъ своимъ воспоминавіямъ и любви искусству.

То онъ воспроизводилъ каноника Раймонда, проповѣдующаго въ большомъ собраніи и въ присутствіи молодаго Бруно, котораго уже посѣтала благодать Божія. При этомъ онъ прилагалъ особенное стараніе къ очертанію фигуры Св. Бруно, которая видна съ лѣвой стороны картины: онъ стоитъ, держа книгу въ рукахъ, съ поднятою головою и съ распущенными по плечамъ волосами.

Въ другой разъ это былъ тотъ же самый докторъ, возставшій изъ мертвыхъ во время похоронной процессіи, чтобъ объявить свое вѣчное осужденіе.

Потомъ основатель Картезіанцевъ уговариваетъ своихъ учениковъ оставить свѣтъ;—отправляется съ ними въ Гренобль;—

бесѣдуетъ съ тремя ангелами во время сна;—раздастъ свое ииѣнне бѣдныиъ;—является къ епископу Гуго;—надѣваетъ духовную, одежду и благословляетъ своихъ братій;—получаетъ грамоту отъ папы Урбана II, своего ученика;—отправляется въ Римъ поклониться ему;—основываетъ обитель своего ордена въ Калабрин;—является графу Рожеру въ его палаткѣ и объявляетъ ему объ измѣнѣ Сержіуса, одного изъ его военачальниковъ;—наконецъ умираетъ на жесткой постели и возносится въ жилище вѣчнаго покоя.

Эти двадцать двѣ чудныя картины, которыя теперь составляютъ украшеніе Лувра, были срисованы одна за другой Густавомъ П..., а нѣкоторыя изъ нихъ даже до десяти и пятнадцати разъ сряду.

Одна особливо заняла его въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль—это та, которая представляетъ Св. Бруно, посвящающаго въ послушники. Тутъ стоитъ отецъ, который съ горестію смотритъ на своего единственнаго сына, его оставляющаго, чтобъ посвятить себя Богу...

Густавъ двадцать разъ рисовалъ эту фигуру, и двадцать разъ работа его была испорчена потокомъ слезъ.

Наконецъ два года, назначенные для искуса, прошли, и Г. П. пріѣхалъ, по истеченіи роковаго срока, спросить у своего сына: на что онъ рѣшается?

Его сопровождалъ одинъ изъ знаменитыхъ нынѣшнихъ художниковъ, который видѣлъ первыя работы Густава, и надѣялся вырвать его изъ монастыря любовью къ искусству.

Г. П... и его товарищъ не нашли Густава въ его домикѣ.

Имъ сказали, что уже десять дней, какъ онъ бродитъ по окрестностямъ въ задумчивости, вздыхаетъ и плачетъ.

Это была послѣдняя борьба его души. Какое будетъ рѣшеніе? свѣтъ или монастырь?

Г. П... вошелъ съ знаменитымъ художникомъ въ комнату Густава.

Они нашли въ ней множество разбросанныхъ книгъ и рисунковъ, валяющихся на полу.

Живописецъ поднялъ одинъ изъ этихъ рисунковъ... Это было именно посвященіе въ послушники, это былъ тотъ отецъ и тотъ сынъ, которыхъ Густавъ такъ хорошо изучил!

Г. П... отвернулся, чтобъ скрыть свои слезы... а художникъ вскрикнулъ отъ удивленія...

Эскизъ былъ удивительный! Густавъ, срисовавши гриппъ, превзошелъ ее усиліемъ гевія и возвысился до совершенства оригинальной картины.

— Самъ Ле Сюбрь былъ бы въ восхищеніи отъ этой картины! вскричалъ художникъ. Нѣтъ, невозможно, чтобы такой талантъ былъ потерянъ для искусства!...

— Нѣтъ! это невозможно! повторилъ въ то же время другъ голая, заглушаемый рыданіями...

Это былъ Густавъ, который возвратился въ себя, и бросилъ въ объятія отца, обѣщая не покидать его.

Тогда онъ рассказывалъ, какъ изученіе образцовыхъ произведеній Ле Сюбра развило въ немъ сначала любовь къ новостройкамъ; потомъ возбудило мало-по-малу любовь къ искусству; онъ удивлялся, что чувствуетъ большее призваніе къ искусству, а не къ монастырю; однимъ словомъ, какъ эти чудныя судьбы, раскрывая передъ нимъ, въ одно и то же время, исключительныя трудности монашеской жизни и увлекательную прелесть живописи, привели его отъ воображаемаго имъ монашескаго призванія къ истинному его назначенію художника.

Не нужно описывать радость отца и знаменитаго художника его сопровождавшаго.

Оба возвратились въ восторгѣ въ Парижъ, вмѣстѣ съ Густавомъ, который представилъ уже послѣ того дѣлѣ прекрасныя картины живописнаго содержанія.

==

Критика и Библиографія.

Два Адмирала. Романъ Фенимора Купера, въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаю. С. Петербургъ. Въ Типографіи Военныхъ Поселеній. 1848 г.

Цесарь, увидѣвъ однажды, на улицѣ, въ Римѣ, иностранцевъ, несущихъ на рукахъ: кто обезьяну, кто собачку, замѣтилъ этимъ древнимъ любителямъ *натуральной школы*, что, вѣроятно, жены у нихъ не производятъ дѣтей, когда мужья расточаютъ свои ласки собачкамъ и обезьянамъ? Неужели образовательная идея не производитъ ничего, по подобію человѣческому, и надобно пристраститься къ низкой, природѣ?

Большая часть любителей романовъ выводимою въ нихъ жизнью довольствуется, какъ *жизнью*, т. е. болѣе или менѣе вѣрнымъ изображеніемъ обыкновеннаго быта людскаго, въ этомъ многообразіи не ища единства, не проникая отъ общаго до особеннаго; жизнь, безъ плана, безъ формы, правится имъ только своею *шириною*. Эти любители считаютъ романъ чѣмъ-то похожимъ на публичное гулянье, куда всѣ стремятся для того, чтобы видѣть движеніе пестрыхъ массъ людскихъ, участвовать въ этомъ движеніи, присматриваться къ нѣкоторымъ мелочамъ, безъ всякой поэтической, или философской идеи и, разумеется, съ пустымъ сердцемъ и празднымъ умомъ, возвращаются домой, довольные и тѣмъ, что провели нѣсколько часовъ безъ скуки. Мы были бы весьма не правы, если бы называли это — пустымъ препровожденіемъ времени: уму человѣческому, отъ поры до поры, необходимо нужно разсѣяніе; желаніе и умѣніе избѣ-

иная ей, что, въ читателѣ, требованіе хорошаго и лучшаго возрастаетъ гораздо скорѣе, нежели созрѣваетъ, естественнымъ путемъ, дарованіе! Намъ же, — выѣшшимъ рецензентамъ, доводится только ворчать на горькое заблужденіе нашей романной литературы, на неудачныя подражанія въ которыхъ уродливыми произведеніями повѣйшей французской словесности. Мы уже не разъ намекали на это; но теперь, при случаѣ, весьма обрадовавшемъ насъ, серьезно рекомендуемъ благовниманію нашихъ молодыхъ, еще столь неопытныхъ въ дѣлѣ искусства, но талантливыхъ романистовъ, слѣдующіе четыре пункта:

1.) Романъ принадлежитъ къ области поэзіи, не долженствующей быть унижаемой до роли площадной шутки, до того низящества и до той безформенности, которыя составляютъ элементъ такъ называемой *натуральной школы* и сущность «Мертвыхъ Душъ» Гоголя, названныхъ, по отсутствію всѣхъ литературныхъ понятій — *поэмою*.

2.) Поеленку Создатель міра ознаменовалъ все Свое созданіе основными чертами вѣчной истины, то и *все*, въ этомъ созданіи, отъ высшаго предмета до низшаго, по сущности, по природѣ своей стремится къ изящной формѣ, и требуетъ ея отъ человѣка, который посредствомъ поэзіи, можетъ удовлетворять этому милому требованію природы.

3.) Въ романахъ историческихъ, исторія не должна составлять чего-то отдѣльнаго въ поэзіи, противопоставленнаго ей, хотя и уравновѣшеннаго съ нею; но все историческое должно быть разрѣшаемо въ элементъ поэзіи, въ ея чистый эвиръ, рѣшительно утопать въ очарованіи красоты и граціи ея. этого Венерина пояса, въ которомъ, чтобы болѣе нравиться, чувствуетъ надобность величественная Юнона исторіи и природы.

4.) Отъ истиннаго романиста требуютъ не романа, который, занимая читателя только во время перваго чтенія ценотаміемъ любопытства его, теряетъ всю свою цѣну съ минованіемъ предмета матеріальной повизны, и будетъ или отложенъ на всегда въ сторону, или отданъ книжнику, въ обмѣнъ на другія книги; но такую романа, который отдѣлялся бы предметомъ изученія, при каждомъ повторенномъ чтеніи, сказываясь читателю глубже, сердечнѣе своею характеристикою, картинною живыми блескъ и совершенствѣмъ, и непреходящею прелестью, окружающею все истинно изящное, въ самомъ себѣ оконченное.

Мы рѣшились высказать эти высшія требованія критики, при появлении, въ русскомъ переводѣ, романа, поминезаннаго въ заглавіи нашей статьи и вполне соответствующаго тѣмъ требованіямъ.

Считаемъ излишнимъ разговариваться здѣсь о знаменитомъ Куперѣ, представить общую характеристику романовъ его; тѣмъ обща характеристика, приимняемая къ отдѣльному роману, всегда подлежитъ значительной модификаціи и подавно оказывается бесполезною, покуда каждый романъ отдѣльно не будетъ оцѣненъ. Ограничимся тѣмъ, что есть передъ глазами; обратимъ все свое вниманіе на *этотъ* романъ, который, по особенности своего содержанія, преимущественно способенъ взбудить нашихъ романистовъ, какъ маловаженъ, самъ по себѣ, и бибрасмый сюжетъ и члмъ дѣлается онъ, подъ рукою искуснаго художника, и какое неоцѣненное достоинство и невыразимая прелесть сообщается ему отъ изящной, оконченной формы.

Канва (басня) романа чрезвычайно проста, и дѣйствіе его продолжается только пять или шесть дней. Около половины прошедшаго вѣка, англійская эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала Сера Джервеза Океса и контръ-адмирала Ричарда Блууатера, послѣ шестимѣсячнаго крейсертства, въ Бискайскомъ заливѣ, возвращаясь къ берегамъ Англии, становится на якорь въ рейдѣ, близъ высокаго мыса Девонширскаго берега; адмиралы пируютъ у владѣльца сосѣдняго замка, стараго холостяка сэра Вичерли Вичекомба; на другой день, извѣстясь по сигналамъ, что вышла въ море французская эскадра, тотчасъ отправляются на встрѣчу непріятелю; сражаются съ нимъ; одинъ изъ адмираловъ смертельно раненъ; англійская эскадра возвращается опять въ тотъ же рейдъ и раненый умираетъ на томъ же высокомъ мысѣ. Вотъ вся канва романа! Войдемъ теперь въ подробности. На томъ высокомъ мысѣ стоитъ небольшая сигнальная станція, устроенная для переговоровъ съ судами; тутъ же и небольшой мнленькій домикъ сигнальщика; у него жена и дочка (мнняя, чего не зналъ и самъ сигнальщикъ) двенадцатилѣтняя красавица Мильдред! Тамъ же имѣетъ временное пребываніе и молодой Виргинецъ, англійскій флотскій офицеръ, и нѣсколько времени передъ тѣмъ тяжело раненый, при взятіи въ непріятельскаго судна, и исцѣлвшійся, при попеченіяхъ семейства сигнальщика. Разумѣется, что молодые люди влюбились другъ въ друга. «Вотъ и любовь!» скажете вы: «ско-то будетъ интересно!

романъ!» Вы ошибаетесь: этой любви дается очень мало мѣста, и она отстранена на задній планъ! На переднемъ же, во все продолженіе романа—герои его: два адмирала—оба—пятидесятилѣтніе холостяки—и весь интересъ сосредоточенъ на ихъ сороколѣтней дружбѣ и всегда совѣстномъ служеніи. Но по характеру, по темпераменту, они нисколько не походятъ другъ на друга: Оксеъ—пылкій и бодрый, какъ мужъ въ цвѣтѣ лѣтъ; Блюатеръ—истый Англичанинъ—элегантнѣе по наружности, но въ душѣ исполненъ глубокой жизни! Кроме того, друзья еще рѣзко несогласны въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ: первый—приверженецъ новаго царствующаго въ Англіи дома ганноверскаго; другой же—якобитъ, т. е. приверженецъ прежней династіи Стюартовъ! За отсутствіемъ претендента, якобитство Блюатера, известное одному Оксеу, оставалось дотолѣ подъ спудомъ, безъ малѣйшаго вліянія на взаимную дружбу адмираловъ. Въ день своего прибытія въ Англію, въ замкъ сэра Вичерли, получаютъ они извѣстіе, что сынъ претендента вышелъ на берегъ Шотландіи и готовитъ Англіи междоусобную войну. Здѣсь начинается политическая драма въ душѣ адмирала Блюатера, но — покажется—уступаетъ чувству болѣе интересному: онъ, за столомъ, поцѣстился подлѣ прекрасной Мильреды и оказываетъ ей необыкновенное вниманіе, влекомый къ ней какою-то невѣдомою симпатіею. Это — не смѣшная влюбленность старика, но что-то возвышенное, трогательное, въ родѣ дружественной нѣжности. На другой день, онъ дѣлаетъ завѣщаніе въ пользу сѣдвой Мильреды, отказывая ей одной все свое состояніе. Уже совершивъ духовную, онъ разгадалъ эту увлекательную симпатію: Мильреда собою напоминаетъ ему давно умершую особу—Агнессу Гедуортъ, въ которую онъ не былъ влюбленъ, но которую онъ очень любилъ—и какъ прекраснѣйшее созданіе, и какъ возлюбленную роднаго брата его, давно уже убитаго въ морскомъ сраженіи, полковника Джона Блюатера. На смертномъ одрѣ, въ домѣ сигнальщика, адмиралъ узнаетъ, что Мильреда—родная племянница его—дочь Агнессы Гедуортъ и брата его Джона, который, по весьма важной причинѣ, никому не объявлялъ о своемъ супружествѣ такъ, что объ этомъ не зналъ и братъ его, Ричардъ Блюатеръ; но капитанъ его корабля былъ свидѣтелемъ бракосочетанія и объявляетъ о томъ умирающему адмиралу.

Вотъ изображеніе его, во весь ростъ: «Адмиралъ Блюатеръ

былъ очень высокъ и худощавъ, а потому, какъ и съ верши такого тѣлосложенія, былъ сутуловатъ, что немалые матросы думали, будто годы подѣйствовали на него сильно, чѣмъ это дѣйствительно было. Такая сутуловатость лишила его того бѣлаго и воинственнаго вида, которымъ отличался другъ его и начальникъ; но за то придавала ему то спокойствіе и важность, которыхъ не было въ Сэрѣ Джервезѣ. Если бѣ Блюатеръ былъ одѣтъ въ частное платье, никто не узналъ бы въ немъ одного изъ храбрѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ морскихъ капитановъ Англіи; скорѣе приняли бы его за разочарованнаго, хорошо воспитаннаго и утонченнаго джентельмена, который чуждъ всякаго честолюбія и преданъ всею душою жизни тихой и уединенной. На немъ былъ контръ-адмиральскій вицъ мундиръ, который онъ носилъ всегда довольно небрежно, убѣжденный въ то, что никакая тщательность не придастъ его наружности воинственнаго вида. Не смотря на то, все на немъ было криво и внушало невольное къ нему уваженіе. Однимъ словомъ, только истинный знатокъ морской жизни узналъ бы въ контръ-адмиралѣ—и безъ помощи мундира—примаго моряка. Адмиралъ Окесъ обыкновенно отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ, который гораздо болѣе знаетъ толку въ судиѣ, чѣмъ кто-либо другой въ Англіи, и котораго способъ маневрированія долженъ считаться образцовымъ во всемъ флотѣ.»

Вотъ и отзывъ о немъ прекрасной Мильреды, на вопросъ терпѣ, отъ чего адмиралъ Блюатеръ, въ продолженіе всего объѣзда, такъ коротко съ нею обходился: «Онъ чудный старикъ! онъ такъ добръ, такъ откровененъ, что невольно, съ первой встрѣчи, пріобрѣтаетъ полную довѣренность каждаго!»

Дополнимъ изображеніе этого чуднаго человѣка еще однимъ чертою: Блюатеръ—разумѣется когда тому не препятствовало преданіе—имѣлъ привычку: разваливаться въ самыя удобныя кресла, закидывая длинныя ноги на спинку другаго кресла. Вотъ главный герой романа—и этотъ человѣкъ интересенъ въ такой степени, что все прочее въ романѣ: юность, любовь, грѣхи, сцены на-морѣ, вся эскадра сэра Джервеза Океса съ самимъ Окесомъ пріобрѣтаетъ занимательность преимущественно по отношеніямъ къ Блюатеру. Признаемъ тонкою уловкою опытнаго художника, что онъ не далъ Блюатеру ни блестящей наружности, ни перваго мѣста на англійской эскадрѣ—именно это подчиненное положеніе и наружныя невыгоды мѣ-

видеть, въ наилучшемъ видѣ, внутренняго человека, который лишь глубиною своей души, превосходствомъ своего характера, удивительнымъ достоинствомъ своей чистой, возвышенной мужественности преобладаетъ надъ всѣмъ, становится источникомъ свѣта, иллюминирующаго весь романъ яснымъ, но важнымъ, благороднымъ колоритомъ, превращающаго всѣ составы романа своими тихимъ, глубокимъ дыханіемъ. Подобно тому, какъ Бюватеръ сначала не выражалъ могучей симпатіи, влекшей его къ Мильдредъ—и читатель долго не понимаетъ, чѣмъ именно такъ интересенъ этотъ Бюватеръ, съ первой минуты своего появленія: впоследствии же когда болѣе раскрывается политическая драма въ его душѣ, и душа его въ бесѣдѣ съ семействою сигнальщика, особенно съ красавицею, въ ночную прогулку, на высокомъ утесѣ, очень хорошо постигаешь причину этого первенствующаго интереса, и съ тѣмъ поръ, въ продолженіе всего романа до самого конца, одно уже простое поминаніе имени Бюватера производитъ въ насъ электрическое сотрясеніе. У смертнаго одра этого человѣка, романъ достигаетъ своей крайней, чудной высоты, наираетъ на насъ такимъ могучимъ токомъ лютншаго, жаркаго умиленія, что вся душа у насъ разрѣшается въ эфирный оговъ этого чувства—и нельзя не плакать!.. Есть слезы, которыя утираютъ глаза женщины, но были бы мужчины весьма не къ лицу; есть другія слезы, чисто-мужескія, вытекающія герою въ честь болѣе, нежели бурный героизмъ и пальма победы, потому-что, въ подобный моментъ, одиѣ только слезы могутъ свидѣтельствовать о *душѣ человѣческой* въ героѣ и становиться его исключительною собственностью, или особенностью, между тѣмъ, какъ храбрость есть достоинствѣ и тигра и разбойника. Есть положенія въ жизни, когда у мужчины, не различивъ твердости души отъ безчувственности, или—по праивной ибръ,—огрублости чувствъ; тѣмъ поразительнѣе моменты, въ которые должно ясно выказаться или *человѣчность*, или *звѣрство* героя, чувствительность, или безчувственность читателя—и тѣмъ превосходнѣе, тѣмъ блистательнѣе свидѣтельство о чувствительной *человѣчности*! Слезы твердаго, воинственнаго Окоса, у смертнаго одра друга,—несравненно трогательнѣе, чѣмъ слезы Ахиллеса у моря; вся эта сцена водена мужественно-благородно, безъ малѣйшей сентиментальности; но у читателя слезы текутъ да текутъ, потому-что теплы и у автора, въ эту

минуту, и, утесненные дѣлѣ, сказываются вашей снисхателн живѣ своимъ личнымъ отсутствіемъ.

Возвратился въ замокъ сэра Вичерли, къ политической драмѣ, въ душѣ Блюатера.

Окесъ говорить своему другу, что, если въ тридцать шесть часовъ не получитъ извѣстій, или приказаній, то самъ пойдетъ въ Лондонъ, оставивъ команду надъ эскадрою — Блюатеру. «Такое распоряженіе было бы не совѣтъмъ благоразумно» — замѣчаетъ ему Блюатеръ: «неужели ты встрѣилъ бы такую сильную эскадру челоуѣку монхъ мѣтвѣи (т. е. якобиту)? — Я встрѣилъ бы тебѣ, Блюатеръ, свою жизнь и честь, съ полноу увѣренностью въ ихъ безопасности, покуда онѣ будутъ завѣсть отъ твоихъ дѣйствій и склонностей! — Но Окесъ не поѣхалъ въ Лондонъ, рѣшившись выйти въ море, на встрѣчу французской эскадрѣ, назначеніе которой конечно имѣетъ связь съ появленіемъ претендента въ Шотландіи. По распоряженію адмирала, суда его эскадры должны выступить въ море одно за другимъ: послѣдующее судно снимется съ якоря тогда, когда кузовъ отплывшаго уже скроется изъ виду; всѣ они должны держаться въ сигнальномъ разстояніи, чтобы приказанія могли передаваться въ одно мгновеніе по всей линіи. Блюатеръ находитъ этотъ планъ неудобнымъ потому только, что во главѣ линіи, растянutoй на сто пятьдесятъ миль (англійскихъ) будетъ самъ Окесъ, который, конечно, вступитъ въ бой съ сильнѣйшимъ вдвое врагомъ, не дожидаясь своего арріергарда! «Твой планъ» — говоритъ онъ ему съ дружескою откровенностью — «былъ бы гораздо удобоисполнительнѣе, если бы я велъ авангардъ, а ты — арріергардъ!»

— Чортъ возьми! сэръ Блюатеръ, отъ чего вы полагаете, что планъ главнокомандующаго менѣе будетъ подверженъ неудачѣ, если авангардомъ будетъ командовать адмиралъ Блюатеръ, чѣмъ если онъ будетъ въ рукахъ адмирала Океса?

«Только потому, сэръ, что, когда адмирала Океса тѣснитъ непріятель, онъ болѣе склоненъ слѣдовать внушеніямъ сердца, чѣмъ разсудка; между-тѣмъ, какъ адмиралъ Блюатеръ дѣйствуетъ, въ подобныхъ случаяхъ, совѣтъмъ иначе. Вы себя очень худо знаете, если думаете, будто вамъ такъ легко бѣжать отъ непріятеля!»

— Я слѣшкомъ избаловалъ тебя, Дикъ, своимъ похваламъ твоему искусству маневрировать — вотъ и все! Нѣтъ! Я пред-

водительствую первымъ двухъ-дечнымъ судномъ, которое снимется съ якоря, а ты — послѣднимъ. Ты понимаешь мой планъ, и потому, я надѣюсь, исполнишь его съ тою точностью, съ которою всегда исполнялъ всѣ свои обязанности, передъ неприятеlemъ.

«Блюатеръ улыбулся на это съ маленькою провѣію и, въ то же время, поднялъ свою ногу, находившуюся ниже другой, на нѣсколько дюймовъ выше, съ какою-то особенною ухваткою: «Природа не назначала тебя,° Окесъ, быть заговорщикомъ» — сказалъ онъ, перемѣнивъ свое положеніе: у тебя въ груди горитъ Марсовой фонарь, который влѣтъ и слѣпой!»

— Что у тебя опять за причуды, Дикъ? развѣ распоряженія мои не совсѣмъ ясны, чтобъ ихъ можно было исполнить?

«Признаюсь, что такъ, равно какъ и причины, почему они такъ сдѣланы!»

— Говори, пожалуйста, прямо! Я всегда предпочитаю выстрѣлъ цѣлаго борта — вашимъ леговымъ выстрѣламъ изъ крошечныхъ пушекъ. О какихъ ты толкуешь причинахъ?

«О тѣхъ, сэръ Жерви, которыя занимаютъ теперь мысли извѣстнаго вамъ сэра Джервеза Океса, баронета, вице-адмирала краснаго флага и кавалера ордена Бани, а именно: если я оставляю этого молодца, Дика Блюатера, позади себя съ четырьмя или пятью судами, — онъ никогда не измѣнитъ мнѣ, въ виду непріятели, — что бы ни сдѣлалъ онъ съ королемъ Георгіемъ! Этими сѣнымъ, я обезпечу себя съ его стороны и поставлю все дѣло такимъ образомъ, что оно скорѣе будетъ казаться дѣломъ дружбы, чѣмъ вѣрнопопданства!»

— Сэръ Джервезъ покраснѣлъ до самыхъ висковъ, видя, что Блюатеръ проникъ въ самыя сокровенныя его мысли; но, на зло своей минутной досады, онъ взглянулъ своему обвинителю въ лицо — и оба они засмѣялись отъ чистой души.

Малѣйшее обстоятельство важно въ этомъ замѣчательномъ, истинно-драматическомъ разговорѣ, ознаменовывающемъ первый моментъ *развитія* политической драмы, въ душѣ Блюатера. Полна значительности даже эта *особенная ухватка*, съ которою онъ, по своей привычкѣ, подымаетъ одну ногу выше другой, начиная свою тонко-проницательную рѣчь: та ухватка — взрывъ невольной досады! Окончательный сибѣхъ друзей есть мастерская черта психологій, нѣжнѣйшая черта истинной дружбы, которая, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, естественнымъ об-

разомъ, но неожиданнымъ для другихъ оборотомъ разрываетъ все неприятели въ свою свѣтлую стихію. — Окееъ пустая въ море. Блюатеръ, съ того высокаго мѣста, глядитъ, какъ—оно за другихъ — отправляются суда эскадры. Его «Шоарро» — контръ-адмиральскому кораблю — послѣднему свѣтятся съ моря. Между тѣмъ Любитъ, сэръ Реджинвальдъ, съ хитрою рѣшью некустителя прѣстаетъ къ Блюатеру и утверждаетъ его во мнѣніи о мнимой законности претендента. Услыживающійся глупецъ является союзникомъ некустителя, побуждая контръ-адмирала къ сигналу, чтобы всѣ суда его дивизіи держались мѣсты. Увѣрившись, что приказаніе это достигнуто и самаго отдаленнаго судна, онъ замѣчаетъ съ удовольствіемъ, что вся его дивизія находится еще подъ его командою.

«У васъ теперь, адмиралъ Блюатеръ, огромная игра въ рукавъ» говоритъ некуститель: «будучи вѣрно сыграна, она не жетъ упрочить триумфъ праваго дѣла! Кажется, я знаю назначеніе Вервиллена (французскаго адмирала); знаю, что его удастся возвратити Стюартамъ тронъ ихъ предковъ! Тому, кто любитъ ихъ, должно хорошенько облумать свои дѣла и намѣренія прежде, чѣмъ онъ воспрепятствуетъ столь славному результату!»

Вотъ, въ чемъ дѣло: благородный Блюатеръ и не мыслитъ объ измѣнѣ; но ему стѣбитъ только задержать свою дивизію, чтобы содѣлать невозможнымъ сраженіе съ французскою эскадрою и тѣмъ сослужить огромную, въ своихъ послѣдствіяхъ, службу своему законному (по его мнѣнію) государю, не видя своего друга. Окееъ встрѣчается съ врагомъ, вдвое сильнѣе шимъ, и не думаетъ отступать; пользуясь нѣкоторыми благоприятными обстоятельствами, связывается съ врагомъ, обманываетъ его адмиральскій корабль, беретъ одно изъ французскихъ судовъ и держится все въ виду сильнѣйшаго неприятели. Приходитъ письмо отъ Блюатера, который заклинаетъ своего друга не отваживаться на битву, въ надеждѣ на помощь его. «Разсудокъ мой находится въ страшной борьбѣ» — пишетъ Блюатеръ: *одна рука, одно сердце, даже одинъ голосъ можетъ рѣшить судьбу Англіи!* Въ подобныхъ обстоятельствахъ, каждый долженъ бы слушаться голоса совѣсти и стараться разгадать послѣдствія своихъ поступковъ. Все, что я узналъ, убѣждаетъ меня, что отъ меня и отъ движеній Вервиллена зависитъ окончательный результатъ искавій принца Эдуарда (сына претендента) гораздо болѣе, чѣмъ я могъ себѣ вообразить. Я считаю это

явною нестогинь навести ударъ своему законному государю и пощипуть своего друга! — Политическая драма въ полномъ разгарѣ; Блюатеръ въ ужасно-мучительномъ положеніи.

На другой день, когда быть рѣшительной битвѣ, понамыслена была диллжія Блюатера; но онъ, посредствомъ частнаго, одному Оксеу понятнаго — телеграфа вопіеть къ своему другу: «Радъ Бога, не дѣлай мнѣ никакихъ сигналовъ и не начинай сраженія!» Однако французскій адмиралъ, вдвое сильнѣйшій, дерзко вызываетъ англійскаго на бой! Оксеу ли отказаться отъ битвы, столь дерзко предлагаемой? Исполнивъ просьбу своего друга: не дѣлать ему сигналовъ, не приказывать ему въ такой моментъ, когда онъ рѣшился слушаться одной совѣти, Оксеу падѣтся, что этимъ снисхожденіемъ къ другу возбудитъ въ немъ чувство дружбы, что Блюатеръ не выдастъ его въ опасности, — смѣло стремится на Французовъ и горячо съ ними схватывается. Блюатеръ остается вдаль, спокойнымъ зрителемъ битвы. Французскій контръ-адмиралъ, наблюдавшій за нимъ, видитъ его намѣреніе: не участвовать въ битвѣ, поворачиваетъ къ адмиралу Оксеу и ставитъ его между двухъ огней. — «Небесная сила! Что же сталося съ адмираломъ Блюатеромъ, что онъ подпускаетъ къ намъ, въ такую минуту, французскаго контръ-адмирала!» восклицаетъ капитанъ англійскаго адмиральскаго корабля. «Объ этомъ *теперь* не время говорить!» замѣчаетъ торжественно главнокомандующій и отдастъ спокойно свои приказанія; покуда еще отгрызается бульдогомъ, но, въ такомъ критическомъ положеніи, признаетъ единственнымъ спасеніемъ идти на абордажъ къ французскому адмиральскому кораблю — и тутъ вырываются у него горькія слова: «Одинъ Господь Богъ вѣдаетъ, что сталося съ Блюатеромъ! его здѣсь вѣтъ — и намъ не откуда ожидать подкрѣпленія!»

— Посмотрите, сэръ Джервезъ: вотъ и *третій* Французъ идетъ прямо къ нашей кормѣ! О Небо! они хотятъ взять насъ на абордажъ!» Оксеу, крѣпко сжавъ рукоятку своей сабли, посмотрѣлъ въ ту сторону, куда указалъ говорившій: въ самомъ дѣлѣ, новое судно, разсѣкая облако дыма, быстро стремится къ нимъ! Онъ и тутъ не упалъ духомъ и готовится отдать приказанія: «Бѣгите, скажите — стой! это англійское судно: французскій бушпритъ никогда такъ не сметрится! Хвала Всемогущему Богу: это — *Цесарь!* вотъ бѣсть стараго Римлянина выходитъ изъ дыма!»

Да, это *Блюатеръ*! Въ то мгновеніе, когда французскій контръ-адмиралъ поворотилъ, чтобы напастъ на англійскаго адмирала, политическая драма, въ душѣ Блюатера, кончилась; онъ чувствуетъ, онъ знаетъ, онъ видитъ только то, что другъ его въ величайшей опасности; подлетаетъ съ своею дивизіею на полныхъ парусахъ, врѣзывается своимъ «Цесаремъ» промѣжду Океса и французскаго контръ-адмирала, осыпая сего послѣдняго ядрами!... Дивная минута!... Англійскіе адмиралы, въ дыму битвы, привѣтствуютъ другъ друга: «Богъ да благословитъ тебя, Дикъ!» восклицаетъ Окесь. «Блюатеръ улыбнулся, махнулъ рукою, отдалъ приказаніе — и «Цесарь» ринулся въ дымъ и пламя... беретъ на бордажъ французскій контръ-адмиральскій корабль, столь ужасно тѣснившій Океса.

Всѣ эти подробности морской службы и двухдневной морской битвы уже и собою весьма занимательны, но получаютъ, въ первое чтеніе, главный интересъ отъ любопытнаго ожиданія того, что сдѣлаетъ Блюатеръ; медлительность его напрягаетъ до крайней степени этотъ драматическій интересъ. Во второе же, въ третье и дальнѣйшее чтеніе, когда уже отстранена невѣдѣнность исхода, вы убѣждаетесь въ томъ, что одна только совершенная форма васъ привлекаетъ такъ сильно; что минута появленія Блюатера въ битвѣ, трогательная кончина его — и въ сотый разъ столько же будутъ поражать читателя, сколько поражали въ первое чтеніе. Подчинять, въ романѣ, главному интересу всѣ обыкновенныя подробности и принадлежности, каковы разные характеры и описанія — это бываетъ не очень трудно для художника; но подчинять пятидесятилѣтнему холостяку Блюатеру, въ продолженіе романа въ два порядочные тома, двухъ столь занимательныхъ своею красотою, любовью и юностью особъ, каковы Мильдрода и Виргинецъ, — на подобный, чрезвычайно трудный подвигъ могъ отважиться только гениальный художникъ, — опытный мастеръ, въ области совершенныхъ формъ. Онъ предпринялъ еще труднѣйшее: главный герой романа есть и главной герой эпизода, уже четверть столѣтій въ могилѣ! Въ годовщину его погребенія, въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, стекаются интереснѣйшія въ романѣ лица: адмиралъ Окесь, уже осмидесятилѣтній старецъ, уминый шутъ его и во всю жизнь вѣрнѣйшій слуга Галлейго; лордъ Джофрей, бывшій мичманомъ при Блюатерѣ и родственникъ его; наконецъ Виргинецъ съ своею Мильдродою и дѣтьми. Въ

одномъ придѣлѣ громадный памятникъ могильный, съ якоремъ и другими морскими эмблемами и съ крупною надписью: «Ричардъ Блюастеръ, контръ-адмиралъ Влывю флага!» Старецъ сидитъ передъ памятникомъ, устремляя глаза на эту надпись; изъ могилы исходитъ глубокая поэзія этой сцены; но старикъ, ежегодно посѣщавшій могилу своего друга, въ годовщину погребенія, уже выжилъ изъ памяти, уже не знаетъ, чья это могила. Съ трудомъ успѣли пробудить его память; съ помощію присутствующихъ, онъ преклоняетъ колѣна у могилы; его наконецъ поднимаютъ... его уже нѣтъ: апоплексическій ударъ тихо, незамѣтно кончилъ его жизнь!...

Чрезвычайно горько, для читателя, это отсутствіе памяти у Океса, и глубоко поражаютъ насъ слова лорда Джоуэра: «Онъ у могилы своего безцѣннаго друга, и потерялъ всякое воспоминаніе о томъ, что такой человекъ когда-либо существовалъ!» Что же жизнь наша! — Конечно, поэзія не можетъ утратить бѣдствій человечества, но она должна и на нихъ отражаться поэзією! Старикъ Окесъ могъ, и въ романѣ, выжить изъ памяти; но поэзія должна бы была его опаматывать въ каждое посѣщеніе этой могилы, доставлять полный триумфъ — чувству дружбы, основной идеѣ этого романа. То былъ бы еще достойнѣйшій конецъ этого творенія, которое мы рекомендуемъ публикѣ, въ особенности же нашимъ романистамъ, хотя и языкъ перевода изобличаетъ довольно неопытнаго переводчика.

Баронъ Розень.

СОВРЕМЕННАЯ ПАТРИОТИЧЕСКАЯ РУССКАЯ ПѢСНЯ. Соч. Степана Виноградова. Москва, въ типографіи В. Кирилова, 1848. Въ 8 д. л. 7 стр.

Мы прочитали эту пѣсню съ большими удовольствіемъ, не смотря на то, что стихи во многихъ строкахъ грѣшатъ противъ правилъ стихосложенія. Напримѣръ:

«Милльонъ сабель и штыковъ.»

Размѣръ, набранный авторомъ, четырехстопный хоренческій. Поэтому, въ вышеприведеномъ стихѣ слово «милльонъ» надобно выговаривать съ удареніемъ на первомъ слогѣ, тогда какъ оно

демократическомъ образѣи находите на послѣднемъ. Русскіе: слава—уважаю, признаю—ваша, доказываю—смысли, во имя доудостоверительнымъ для русскаго уха, привыкшаго къ беззачетнымъ речамъ Жуковского, Крылова, Пушкина и многимъ другимъ писателямъ. Но не смотря на слабую судилку стиковъ, сочиненіе г. Виноградова всё Русскіе претутъ съ большимъ удовольствіемъ потому, что сердца читателей, безъ всякаго сомнѣнія, забываютъ въ гармоническую рѣчь съ чувствами автора, которая всё выражаетъ въ своихъ стихахъ. Чувства эти—негодованіе противъ отвратительныхъ нравовъ на Западѣ, любовь къ Богу, Царю и Отечеству, и готовность защищать эту любовь, этотъ священный, вѣрный, непоколебимый залогъ общественнаго и частнаго счастья, до послѣдней капли крови, если бы это потребовалось. Съ этою любовью въ сердцахъ, Русскіе въ достопамятномъ 1812 году со славою отразили силы цѣлой Европы, спасли святую родину, и въ отплату за визитъ незваныхъ гостей, побѣдоносно протулялись по всей Европѣ до Парижа. Съ тѣхъ поръ всё иностранцы начали поглядывать на Россію съ достоюльнымъ почтеніемъ. Это почтеніе постепенно возрастало съ 1812 года донынѣ и перешло уже въ боязнь, потому что могущество и благосостояніе нашего отечества, на термометрѣ политическомъ, поднялись градусомъ на десять, тогда какъ онѣ почти во всѣхъ государствахъ Европы спустились на нѣсколько градусомъ и во многихъ до нуля, т. е. до точки замерзанія, а въ нѣкоторыхъ даже до сильнаго мороза, который,—благодаря нелѣпымъ реформамъ, революціямъ и соединеннымъ съ ними кровавымъ, бессмысленнымъ итежамъ, грабежамъ и уличнымъ убійствамъ,—угрожаетъ совѣтъ заморозить благосостояніе, безопасность общественную и личную, священныя права собственности и семейства, религію и нравственность, просвѣщеніе, торговлю, фабричную промышленность и земледѣліе. Въ парижскомъ журналѣ: *Иллюстрація*, была недавно помѣщена остроумная и весьма справедливая карриатура. Представленъ дикій людоедъ, съ длинною бородою, съ растрепанными волосами, полуодѣтый въ древесныя листья, съ толстою дубиною на плечѣ, вдали развалины зданія съ надписью на фронтонѣ: «Биржа», а внизу карриатуры подпись: «*Парижанинъ, преобразованный по новымъ началамъ.*» Дай Богъ, чтобы всё религіозныя, благонамѣренныя, честныя и благородныя люди, которыхъ

и въ Европѣ много, и страданіямъ которыхъ отъ безразличнаго сердца сочувствуемъ, скорѣе осознались и востали въ гравъ эту безбожную сволочь, всѣ эти шайки радикаловъ и реформаторовъ, подмушкитъ умы для протрѣпанныхъ, личнымъ выгодою своихъ, — эту гибельную саранчу, которая готова все потребить и умерить всѣхъ отъ голоду, лишь бы самѣй, чужимъ добромъ, быть сытой. Желаніе, чтобы эту саранчу потребили, отчасти уже исполняется, и знаете ли нѣмъ? Бѣльшую частію единокровными намъ Славянами. Сердце радуется, когда читаешь о подвигахъ Радецкаго, Виндигшеца, Иеллашича. Всѣ они намъ единокровные, и войска, которыя подъ ихъ предводительствомъ вступились грудью за Престолъ и душать мятежъ, эту страшную гадру, бѣльшую частію — Славяне. Они не любятъ нѣмецкихъ и французскихъ завиральныхъ идей, прогрессовъ и реформъ; ихъ не скоро ни обморочишь. Всѣ они народъ стойкій, основательный, то есть себя на умъ. Тутъ невольно вспомнишь русскую пословицу. «Яблоко отъ яблони не далеко откатится.» Дѣло извѣстное, что самая цвѣтушая, самая высокая яблоня въ Европѣ (да и въ Азіи, отчасти же и въ Америкѣ,) это — Россія. Исполать вамъ, Богъ помощь, любезные наши земляки! Честь вамъ и слава!

Лишь только мы написали эти строки, намъ подали Сѣверную Пчелу. Ба! Волная величина *Θ. В. Булгарина*. Надобно прочесть. Мы отложили разборъ нашъ въ сторону и принялись за чтеніе *отца всякой всячины*, какъ его нѣкоторые пазываютъ въ насмѣшку и очень справедливо, потому что *Θ. В. Булгаринъ* въ самомъ дѣлѣ отецъ всѣхъ русскихъ фельетоновъ, которыхъ, сказать правду, никто лучше его не писалъ и не пишетъ. Наши *Жюль-Жанены* со своими фельетонами бывають часто очень забавны. Впрочемъ есть исключенія. Напримѣръ, намъ очень понравилась многіе фельетоны *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей*, подписанные буквою *К*. Они отличаются благонамѣренностью и прекраснымъ направленіемъ. Вы видите, что мы не руководимся пристрастіемъ и отдаемъ въ одно время должную справедливость и Сѣверной Пчелѣ, и Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ, не смотря на то, что послѣднія несправедливо отзываются о Сынѣ Отечества. Впрочемъ это было прошлымъ лѣтомъ, а теперь уже зима, и, стало быть, теперь уже этотъ случай — древняя исторія. Перейдемъ къ исторіи новой. Извѣстно всѣмъ, что фельетоны Сѣверной Пчелы и Санктпетербургскихъ Вѣдомостей вступаютъ иногда во взаимные, полемическіе споры. Ну что же? Не бѣда.

Пусть умные и благонамбранные писатели, обличают другъ друга въ ошибкахъ и обмолкахъ. Одинъ только тотъ никогда не ошибался, кто во всю жизнь свою ничего не дѣлалъ. Всегда любопытно и во многихъ отношеніяхъ полезно смотрѣть на эти литературныя единоборства витязей нашей словесности. Пусть однако жъ сражаются одни только витязи, достойные другъ друга противники. А вотъ и Отечественныя Записки выгнаны на ристалище и всею своею тяжестью обрушились на феллетониста Сѣверной Пчелы, но за то ужъ дѣйствительно обрушились. На страницѣ 187 Смѣси 12 книги Отечественныхъ Записокъ напечатано: «Всякая Всячина въ прошедшемъ мѣсяцѣ питалась преимущественно Шатобріаномъ ¹, или, выражаясь точнѣе, почитаемыми въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ и въ Отечественныхъ Запискахъ переводами Замогильныхъ Записокъ Шатобріана ². Шатобріанъ, какъ всѣмъ извѣстно, писатель витіеватый, кязыкъ у него курчавый, фразы закрученныя, и потому переводить его, особенно къ сроку, для періодическаго изданія—дѣло не легкое, требующее, кромѣ совершеннаго знанія французскаго языка, постоянно-напряженнаго вниманія ³. Легко сказать: постоянно-напряженнаго вниманія; но удержать вниманіе съ такомъ напряженномъ состояніи едва ли возможно ⁴. Мы смѣли широкую возможность выбирать человѣка для такого труда ⁵, и кто захочетъ сравнить нашъ переводъ Замогильныхъ Записокъ съ прочими переводами, тотъ убѣдится, что лучшаго выбора мы не могли сдѣлать ⁶. Но, не смотря на то, и въ нашемъ переводѣ оказалось нѣсколько недосмотровъ. ⁷»

¹ Мудреного нѣтъ. Шатобріанъ писатель со вкусомъ. Имъ не грѣшно читаться.

² Да-съ, это дѣйствительно точнѣе выражено. Было чѣмъ почитаться.

³ Совершенно справедливо! Безъ познанія французскаго языка и безъ вниманія никакъ нельзя переводить Шатобріана. Притомъ не имѣаетъ тутъ и познаніе русскаго языка. Шатобріанъ—писатель витіеватый, языкъ у него курчавый, фразы закрученныя. (!!!) Эта закрученная фраза Отечественныхъ Записокъ весьма витіевата и языкъ во всей этой статьѣ очень курчаво-Курчаво пишутъ, Отечественныя Записки, нечего сказать, очень курчаво и закрученно. Шатобріанъ, чистый Шатобріанъ!

⁴ Да-съ, трудновато и не для всѣхъ возможно.

⁵ Выбирать—вмѣсто выбрать! и широкая возможность! Ну, нечего сказать, слогъ! Шатобріановскій! Мы не имѣемъ и узкой возможности въ этомъ сомнѣваться.

⁶ Ну, въ этомъ позволите еще немножко усомниться. Будто нѣтъ въ Петербургѣ хорошихъ переводчиковъ, знающихъ французскій и русскій языки и одаренныхъ вниманіемъ.

⁷ Вотъ это—такъ совершенная истина! Недосмотры есть и весьма порядочные. Это доказала яснѣе солнца и Сѣверная Пчела, въ своей Всякой Всячинѣ, противъ которой Отечественныя Записки сильно возстали.

Остановимся здѣсь и скажемъ, какъ Маринскій, въ одной изъ своихъ повѣстей: «О чемъ бинь мы заговорили?» Э! да мы заѣхали въ сторону! Мы говорили о стихотвореніи г. Виноградова и потомъ о Всякой Всячинѣ Сѣверной Пчелы.

О стихотвореніи г. Виноградова мы уже сказали по совѣсти все, что было нужно.

О Сѣверной Пчелѣ, принесенной къ намъ во время сочиненія настоящаго разбора, упомянули мы по слѣдующему обстоятельству. Написавши нѣсколько мыслей, возбужденныхъ въ насъ патриотическою пѣснью г. Виноградова, мы принялись, какъ уже сказали выше, читать Всякую Всячину Ѳ. В. Булгарина. И что же! Нашли тамъ слѣдующее, прекрасное мѣсто:

«Самыя горестныя событія на Западѣ благоприятно отразились на Святой Руси. Негодованіе—общее чувство Русскаго народа при вѣроломствѣ чужеземномъ, расшвело Русскія чувства: вѣрность, преданность и любовь къ Русскому Царю и Отечеству. Эти чувствованія составляютъ гордость Славянскаго племени, и всё мы гордимся, что самые вѣрные слуги своего Государя, защитники правды, чести, правъ божескихъ и человѣческихъ, Австрійскіе генералы: графъ Радецкій, князь Виндишгрецъ, Кроатскій Бавъ (то же что Папъ или Господарь) Іеллашичъ—нашей Славянской крови. Они, какъ и мы, одинаково зываемъ къ Создателю міровъ именемъ Бога; они и мы одинаково называемъ *отца* и *мать*. Нарѣчія отъ времени измѣнились, но сущность языковъ Славянскихъ осталась та же. Видимы и оцутительны во всемъ и каждому народныя чувства въ Русскомъ Народѣ, чувства, основанныя на *Вѣрѣ* и *вѣрности*! Господа Русскіе литераторы! слѣдуйте направленію, и дѣйствуйте въ народномъ духѣ. Театръ и книжныя лавки ждуть выраженія Русской народности... Зайдите въ Пассажъ, когда Цыганы поютъ русскія пѣски, и порадайтесь, сколько тутъ слушателей. Русскій напѣвъ, а не искусство привлекаетъ сердце. Рѣшительно, мы хотимъ быть Русскими Европейцами, и отвергаемъ все чуждое Русской жизни. Такъ изъ каждаго зла мудрое Провидѣніе извлекаетъ добро. Въ 1812 году ожилъ Русскій духъ—оки воскресъ и въ 1848 году, къ чести и славѣ Русскаго Царя и Народа!»

Почтенный Ѳаддей Венедиктовичъ! Что это такое! Вы ли у меня, или я у васъ перехватилъ мысли и нарушилъ право литературной собственности? Ни то, ни другое. Когда головы двухъ писателей, не издававшихся другъ съ другомъ болѣе полугода,

думаютъ одинаково и излагаютъ почти одни и тѣ же мысли, то это никакъ не худой. Это означаетъ, что и всѣ другіе, русскіе умы думаютъ, какъ мы съ вами, о несчастномъ Западѣ и о счастливой Россіи.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ СЛАВНЫХЪ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВЪ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ. *Изданіе А. И. Погова. С.-Петербургъ, 1848, въ типографіи К. Края. Въ 24 д. л. 62 стр.*

Прекрасная дѣтская книжка, которую смѣло можно рекомендовать родителямъ, для подарка въ праздникъ елки. Изъ предисловія мы видимъ, что авторъ намѣренъ издать еще нѣсколько книжекъ въ этомъ родѣ, если разбираемая вами теперь заслужитъ одобреніе. Мысль автора прекрасная. Онъ намѣренъ сообщать дѣтямъ рассказы о замѣчательныхъ событіяхъ въ жизни славныхъ соотечественниковъ нашихъ, но не въ видѣ сухаго, серьезнаго изложенія, а въ видѣ легкихъ, пріятныхъ рассказовъ, удобопонятныхъ дѣтямъ. Въ разбираемой вами книжкѣ онъ повѣствуетъ дѣтямъ о нашемъ знаменитомъ поэтѣ Державинѣ. Слогъ автора правиленъ, простъ и очевь пріятенъ. Содержаніе книжки весьма занимательно. Она украшена премилыми картинками и портретомъ Державина, нарисованными извѣстнымъ художникомъ Жуковскимъ.

О ВИНОКУРЕНІИ ПО ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ МЕТОДЪ НОВѢЙШАГО ИЗОБРЕТЕНІЯ Д. ЕРМОЛАЕВЫМЪ, *д. ст. совѣтникомъ, бывшимъ вице-губернаторомъ въ Казанскій и Вятской губерніяхъ, гдѣ строилъ и начальствовалъ надъ казенными винокуренными заводами. С.-Петербургъ. Въ Гуттенберговой типографіи.*

Долговъ считаетъ указать на эту книгу всѣмъ господамъ вѣнчанамъ, владѣющимъ винокуренными заводами. Судить объ ея достоинствѣ не беремъ на себя. Это дѣло знатоковъ. Въ книжкѣ напечатано нѣсколько отзывовъ отъ владѣльцевъ заводовъ, которые благодарятъ автора за его полезную и выгодную методу. Къ книгѣ приложены объяснительные рисунки.

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ В. А. ЖУКОВСКАГО. *Въ двухъ томахъ. Санктпетербургъ, 1848 года.*

Объ этомъ отрадномъ въ Русской литературѣ явленіи дадимъ читателямъ нашимъ подробный отчетъ въ первой книгѣ Сынъ Отечества наступающаго 1849 года.

К. МАСАНЬСКИЙ.

Смѣсь.

БИОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННОКОВЪ.

КНЯЗЬ МЕТТЕРНИХЪ. Австрійская монархія, составленная изъ древнихъ, наследственныхъ владѣній австрійскаго дома и позднѣйшихъ завоеваній, заключаетъ въ себѣ нѣсколько народовъ разнаго происхожденія, пользующихся, каждый, особыми правами и преимуществами и не имѣющихъ между собою ничего общаго, кромѣ подчиненія одной и той же власти, первую заботу которой составляютъ поддержаніе и приведеніе въ дѣйствіе этой огромной машины, составленной изъ разнородныхъ и часто враждующихъ національностей.

Разумѣется, что управленіе подобнымъ государствомъ—трудъ невероятный, вѣтъ болѣе чести тому, кто въ теченіе почти сорока лѣтъ несъ на себѣ одною это страшное бремя и не изнемогъ подъ его тяжестью. Если же князь Меттернихъ подлѣ конецъ и палъ, то паденіе его было единственно игрою случая, котораго ни онъ и никто другой предвидѣть не могъ, и потому не можетъ и не должно быть вѣнено ему въ вину.

Клементій-Винцеславъ графъ Меттернихъ-Виннебургъ-Оксенгаузенъ родился въ Кобленцѣ 15-го мая и. ст. 1773 года. Родъ его пользовался уже нѣкоторою извѣстностію въ Германіи, по участію его предковъ въ войнахъ временъ реформациі. Отецъ его, графъ Меттернихъ, человекъ умный и дѣловой,

служилъ по дипломатической части и былъ однимъ изъ приближенныхъ лицъ тогдашняго австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, князя Кауница, неоднократно употреблявшаго его съ пользою по дипломатической перепискѣ, и это, вѣроятно, было причиною, что молодой Меттернихъ посвящалъ себя тому же роду службы съ самаго вступленія своего на гражданское поприще.

Имена Клементія-Вѣнцеслава графъ Меттернихъ получилъ въ честь своего восприемника, курфюрста саксонскаго, востановаго въ то же время званіе короля польскаго. Пятнадцати лѣтъ поступилъ онъ въ страсбургскій университетъ, гдѣ находился подъ руководствомъ извѣстнаго тогда профессора Кока. Между товарищами своими онъ отличался въ особенности одного: это былъ знаменитый впоследствии французскій ораторъ и публицистъ Бенжаменъ-Констанъ, съ которымъ остался онъ въ тѣсной дружбѣ до конца жизни послѣдняго, не смотря на разногласіе ихъ политическихъ мнѣній. Въ 1790 году, молодой Меттернихъ покинулъ университетъ, и, окончивъ курсъ наукъ въ Германіи, объѣхалъ Англію и Голландію и затѣмъ поселился въ Вѣнѣ, гдѣ въ скоромъ времени вступилъ къ браку съ княжною Марією-Элеонорою Кауницъ-фонъ-Ритбергъ.

Дипломатическое поприще графъ Меттернихъ началъ во время Раштадтскаго конгресса, окончившагося, какъ извѣстно, убійствомъ французскихъ посланцевъ; послѣ чего онъ находился секретаремъ при графѣ Стадионѣ, во время посольства его въ Берлинъ и С. Петербургъ, для заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза противъ Франціи, не состоявшагося, однакожъ по случаю Ульмской побѣды и отпаденія Баваріи. Вскорѣ потомъ графъ Стадионъ занялъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, и Меттерниху предвѣщалось быть посланникомъ при российскомъ дворѣ; но какъ Пресбургскій договоръ перемѣнилъ отношенія Австріи къ европейскимъ державамъ, то императоръ Францъ предпочелъ послать его въ Парижъ, гдѣ молодой посланникъ представлялся впервые Наполеону 15 августа 1806 года.

Положеніе графа Меттерниха въ Парижѣ было затруднительно. Австрійскій дворъ, съ самаго начала революціи, постоянно находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Франціи, и съ каждою новою войною терялъ часть своего могущества. Рейнскій союзъ уничтожился, такъ сказать, Германію: Курфюрство и Баварія, въ простыя курфюршества, сдѣлались королевствами и увеличались на счетъ Австріи, вынужденнойступить, мало-помалу, Венеціанскую область, Тароль, прибрежыя Дуная, Далмачію и Каттаро. Императоръ Францъ, утративъ большую часть своей власти въ Германіи, принужденъ былъ

никогда, отказаться отъ завета римскаго императора, и, не смотря на Прессбургскій мирный договоръ, по которому Австрія понесла такія жестокия утраты, ожидать въ будущемъ новыхъ ударовъ, такъ какъ договоры съ Наполеономъ были не долговременны и служили ему однимъ только предлогомъ къ началу новыхъ военныхъ дѣйствій.

Послѣ всѣхъ этихъ несчастій, по мнѣнію графа Меттерниха, Австрія слѣдовало сохранить строгій нейтралитетъ и ожидать болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, и потому всѣ усилія его были устремлены къ тому только, чтобы не подать французскому кабинету малѣйшаго повода къ неудовольствію, стараясь притомъ вывѣдывать не только кабинетныя тайны, но и самыя прихоти могущественнаго императора Французовъ.

Между тѣмъ новыя успѣха увѣщали оружіе Наполеона, и свидѣствемъ ихъ былъ Тилзитскій миръ, ослабившій Пруссію и венуговавшій Австрію тѣснѣе, по-видимому, союзомъ Наполеона съ Императоромъ Александромъ. Поэтому графъ Меттернихъ получилъ приказаніе всячески стараться сблизиться съ французскимъ дворомъ, въ чемъ онъ успѣлъ весьма скоро; будучи представителемъ одного изъ древнѣйшихъ владѣтельныхъ домовъ и принадлежа лично къ аристократіи, онъ обладалъ такими двумя преимуществами, которые высоко цѣнились Наполеономъ; сверхъ того молодой дипломатъ былъ уменъ, краснѣе, ловокъ, хорошо изъяснялся и отличался изяществомъ туалета и роскошною жизнью, какъ будто въ примѣръ тогдашнему французскому двору, неотличавшемуся въ то время на манерами, ни тономъ, ни вкусомъ.

Пріятность въ обхожденіи скоро снискала графу Меттерниху благосклонность Наполеона, который постоянно отличалъ его отъ прочихъ придворныхъ, и никогда не опускалъ случая съ нимъ разговаривать. Такъ, напримѣръ, однажды замѣтилъ онъ ему, что онъ слишкомъ молодъ для представителя одного изъ древнѣйшихъ европейскихъ дворовъ. «Ваше величество были не старѣ меня полѣ Аустерлицомъ», отвѣчалъ графъ, и Наполеонъ замолчалъ, не безъ удовольствія, впрочемъ, принявъ такую тонкую лесть. По мнѣнію Меттерниха союзъ съ Франціею былъ необходимою, особенно же послѣ эрфуртскаго свиданія, котораго онъ сильно опасался, но которое тщетно домогался разстроить.

Прессбургскій договоръ, уничтожившій Германскую имперію, возбуждалъ сильное неудовольствіе въ народѣ, еще болѣе увеличиваемое различными притѣвленіями французскихъ властей. Ненависть къ нимъ ежедневно выражалась съ большою смѣлою

во всей Германіи, и этому много содѣйствовали тайныя общерства, число и сила которыхъ возрастали неимоверно и не разъ заставляли призадумываться счастливаго дотогѣ баловня побѣдъ. Англія, съ своей стороны, возбуждала австрійскій дворъ къ новой войнѣ, указывая на геройское сопротивленіе Испаніи и обѣщая значительныя денежныя пособія. Почему жъ было не воспользоваться обстоятельствами и не попытаться снова счастья оружія, тѣмъ болѣе, что англійскій дворъ обѣщаль сдѣлать въ то же время диверсію въ Голландіи и Испаніи. Мысль эта, льстившая народному самолюбію, восторжествовала въ австрійскомъ кабинетѣ, и графъ Стадіонъ вполне предался англійской политикѣ.

Немедленно приняты были австрійскимъ правительствомъ всѣ нужныя мѣры для начатія новой войны, а между тѣмъ графу Меттерниху поручено было разувѣрять французскій кабинетъ въ военныхъ приготовленіяхъ Австріи, такъ какъ въскій дворъ положилъ начать войну тогда только, когда всѣ силы Наполеона будутъ устремлены на Испанію. Наконецъ, ожиданное время настало: Наполеонъ отправился съ своею старою гвардіею для поддержанія брата своего, Іосифа, въ Мадридѣ, и Австрія немедленно открыла непріязненныя дѣйствія противъ Баваріи, бывшей въ тѣсномъ союзѣ съ Франціею.

Во-время предувѣдомленный о томъ, Наполеонъ тотчасъ же воротился въ Парижъ, гдѣ засталъ еще графа Меттерниха, не успѣвшего выѣхать изъ Франціи. Война началась для французскаго кабинета совершенно неожиданно, и положеніе молодого посланника было крайне затруднительно. Разсерженный донельзя поступкомъ Австріи, Наполеонъ приказалъ министру полиціи, Фушѣ, схватить графа Меттерниха и выпроводить его до границы подъ присмотромъ полицейской команды. Приказаніе это было жестоко и противно всѣмъ дипломатическимъ приличіямъ; но Наполеонъ приказалъ, и нужно было повиноваться. Фушѣ, который тогда былъ уже недоволенъ Наполеономъ и ничею не дѣлалъ на-обумъ, лично явился къ австрійскому дипломату, объявилъ ему, въ приличныхъ выраженіяхъ, волю императора, обмѣнялся съ нимъ, какъ увѣряють, предположеніями на счетъ паденія и даже смерти Наполеона, и со всѣми учтивостями, съ видомъ искреннаго сожалѣнія, отправилъ его изъ Парижа въ сопровожденіи одного только жандармскаго капитана.

Начало новой кампаніи было неудачно для Наполеона: войска его потерѣли пораженіе подъ Эслингомъ, и потеря столь значительнаго дѣла разрушила вѣру въ непобѣдимость ихъ. Одна-

ко жъ, Ваграмская битва снова поправила его дѣла, ибо потеря Австрійцевъ была такъ велика, что испуганный вѣнскій кабинетъ немедленно поспѣшавъ заключить миръ. Сопротивляться долге Наполеону казалось невозможнымъ, и графъ Стадіонъ, первый виновникъ войны, вынужденнымъ нашелся оставить министерство. На открывшуюся вакансію министра иностранныхъ дѣлъ, императоръ Францъ назначилъ графа Меттерниха, полагая не безъ причины угодить подобнымъ выборомъ Наполеону, такъ какъ графъ постоянно былъ противъ войны, и совѣтовалъ держаться вооруженнаго нейтралитета, который и послѣ, именно съ 1813 года, былъ, такъ сказать, основою его политики.

Положеніе новаго министра было незавидно: Наполеонъ объявилъ уже въ Монитерѣ, что *лотаринскій домъ пересталъ царствовать*, а подобныя объявленія съ его стороны были до тѣхъ поръ окончательными приговорами. Потерявъ лучшія войска и лишенный почти всѣхъ средствъ къ продолженію войны, императоръ Францъ могъ опираться на одну только преданность подвластныхъ ему народовъ и на чувство всеобщей ненависти къ французскому владычеству. Сопротивленіе Австріи сильно раздражило побѣдителя, и вести съ нимъ переговоры было дѣломъ не легкимъ, почти невозможнымъ. Присланные для переговоровъ графы Миттернихъ и Бубна, въ особенности первый, прилагали всѣ старанія, чтобы склонить Наполеона на умеренныя требованія, но, при тогдашнихъ несчастныхъ для Австріи обстоятельствахъ, они сами мало надѣялись на снисхожденіе побѣдителя. Наконецъ, тайныя угрозы, покушенія на жизнь Наполеона и опасеніе тайныхъ обществъ, число которыхъ неимоверно возрастало въ Германіи, побудили императора Французовъ нѣсколько смягчить свои требованія, и такимъ образомъ миръ былъ подписанъ.

По заключеніи Вѣнскаго договора, графъ Меттернихъ назначенъ былъ государственнымъ канцлеромъ, съ управленіемъ иностранныхъ дѣлами. Въ это время народонаселеніе Австріи было въ самомъ плачевномъ состояніи, войска находилось въ совершенномъ разстройствѣ, казны какъ будто не бывало, и, къ довершенію всѣхъ бѣдъ, Австріи слѣдовало выплатить огромныя контрибуціи, вложенныя на нее побѣдителемъ. Вліянія на Германію Австрія не имѣла никакого, Вѣнскій же договоръ лишилъ ее послѣдняго призрака владычества на югѣ, и въ этомъ крайнемъ положеніи ей ничего другаго не оставалось, какъ испытать еще разъ счастье оружія, или же усмирить гнѣвъ Наполеона совершенною покорностію его волю. Государствен-

ный кандидатъ рѣшился на послѣднее, и первый изложилъ мысль о бракѣ Наполеона съ одною изъ принцессъ австрійскаго дома. Словъ этотъ онъ полагалъ необходимымъ для отысканія мысли Наполеона отъ союза съ другимъ царственнымъ домомъ и притомъ онъ надѣялся посредствомъ его возвратитъ Австрію все утраченное ею въ кровавыхъ, но безцелыхъ войнахъ съ Франціею. Можно сказать утвердительно, что бракъ Наполеона съ Маріею-Луизою былъ задуманъ и совершенъ однимъ только графомъ Меттернихомъ.

Въ началѣ 1811 г., вѣнскій кабинетъ замѣтилъ, по вѣрнымъ признакамъ, скорый разрывъ Россіи съ Франціею, и въскоре спустя потомъ былъ увѣдомленъ официально о предстоящей войнѣ французскимъ посланникомъ, г. Отто, который просилъ отъ имени Наполеона заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза противъ Россіи, требуя отъ Австріи послать только вспомогательный корпусъ въ 30,000 человекъ, съ тѣмъ, чтобы корпусъ этотъ началъ свои дѣйствія на восточной границѣ Галиціи въ то самое время, когда французскія войска переступятъ за Вислу, и обѣщая въ вознагражденіе за то, въ случаѣ успѣшнаго окончанія войны, увеличить Австрію русскими областями.

Война 1812 г. началась. Австрійскій тридцати-тысячный вспомогательный корпусъ расположенъ былъ на берегахъ Вислы, гдѣ находился въ видѣ обсерваціоннаго корпуса, не принимая, впрочемъ, дѣятельнаго участія въ самой кампаніи. Графъ Меттернихъ прилежно слѣдилъ изъ Вѣны за всѣми военными дѣйствіями и ожидалъ, съ видимымъ безпокойствомъ, чѣмъ окончится эта битва на смерть. Наконецъ, наступило бѣгство Французовъ, и необходимымъ слѣдствіемъ этой катастрофы было столкновеніе русскихъ мобилоносныхъ войскъ съ австрійскимъ корпусомъ князя Шварценберга.

Придерживаясь свято договора, Австрія и Пруссія обязаны были теперь двинуть всѣ войска свои на помощь побѣжденному союзнику и поддерживать его собственными своими силами; но справиться съ Россіею было имъ невозможно, да и властные имъ народы сами требовали возстанія противъ несправедливаго имъ французскаго владычества. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, прусскій дворъ, не колеблясь долго, первый рѣшился смыть свое безчестіе уничтоженіемъ послѣдняго договора и далъ приказаніе своему вспомогательному корпусу немедленно присоединиться къ русскимъ войскамъ. Графъ Меттернихъ, всегда осторожный, не рѣшился послѣдовать призыву Пруссіи, но прибѣгнулъ къ вооруженному нейтралитету и при

дождалъ Наполеону посредничество Австріи для заключенія всеобщаго мира. на основаніяхъ болѣ прочныхъ и лучше обобѣтствующихъ равновѣсію Европы.

Въ совѣщаніяхъ своихъ съ графомъ Отто, императорскій канцлеръ объявилъ ясно, что австрійскій кабинетъ ненамѣренъ измѣнить договору, сдѣланному съ Наполеономъ; но какъ обстоятельства измѣнились и военныя дѣйствія могутъ быть перенесены въ предѣлы Австріи, то вѣнскій дворъ полагаетъ необходимымъ поставить себя въ такое положеніе, чтобы обезопасить свои границы и съ тѣмъ вмѣстѣ положить конецъ столь гибельной войнѣ, могущей имѣть непріятныя послѣдствія для самой Австріи.

Какъ въ Вѣнѣ, посредствомъ государственнаго канцлера, такъ и въ Парижѣ, чрезъ австрійскаго посла, графа Бубна, переговоры длились безъ всякихъ послѣдствій, потому-что графъ Меттернихъ, не разрывая союза съ Франціею, не хотѣлъ, однако жъ, и помогать Наполеону, а настаивалъ на томъ, чтобы Франція приняла вооруженное посредничество Австріи къ скорѣйшему заключенію общаго мира на новыхъ началахъ, въ томъ предположеніи, разумѣется, что такимъ образомъ австрійская монархія получитъ новое приращеніе земель и тѣмъ вознаградитъ себя отчасти за понесенныя утраты въ прежнія войны.

Между-тѣмъ, такъ называемая, *англійская* партія, состоящая изъ поборниковъ войны, значительно увеличилась при вѣнскомъ дворѣ. и въ особенности по пріѣздѣ лорда Вальполя, прибывшаго съ предложеніями денежнаго вспоможенія и нѣкоторыхъ поземельныхъ уступокъ, въ случаѣ присоединенія Австріи къ союзу Россіи и Пруссіи; однако жъ графъ Меттернихъ не отступалъ отъ своего намѣренія хранить военный неутралитетъ, не взирая ни на домогательства Англіи, ни на требованія самаго народа, со всѣхъ сторонъ стекавшагося къ оружію за независимость Германіи.

Переговоры эти продолжались въ теченіе всей зимы 1812—1813 года, сначала съ графомъ Отто, потомъ съ графомъ Нарбонномъ, присланнымъ императоромъ Французовъ напомнить австрійскому двору, что во Франціи, вмѣстѣ съ нимъ, царствуетъ австрійская эрцгерцогиня назначенная въ то же время, по волѣ Наполеона, правительницею государства на время его отсутствія изъ Франціи. Но въ политикѣ союзы основаны не на родственныхъ связяхъ, а на существенныхъ выгодахъ народовъ, о которыхъ Наполеонъ вовсе не заботился во времена своего могущества, и потому, не смотря на родство его съ австрійскимъ домомъ, реакція была неизбѣжна. Да и могла ли Австрія, одна и противъ желанія своихъ собственныхъ наро-

Довъ, противиться долго волю Императора Александра, бывшего въ ту пору, не по названію, но на самомъ дѣлѣ диктаторомъ Европы.

Пока переговоры длились, Австрія продолжала неутомимо собирать войска, число которыхъ вскорѣ достигло до 300,000 человекъ. Графъ Меттернихъ оправдывалъ чрезвычайныя вооруженія эти необходимостію поставить Австрію въ независимость отъ случайностей войны; но настоящая цѣль его была сдѣлать Австрію достаточно сильною, чтобы имѣть право вмѣшиваться во всѣ переговоры враждующихъ сторонъ, и такимъ образомъ, не приступая къ войнѣ, извлечь для вѣнскаго двора всѣ возможныя выгоды при общемъ примиреніи—удивительное и почти невѣроятное положеніе для кабинета, недавно еще не имѣвшаго почти никакого вліянія на европейскія дѣла!

Имѣя въ виду эту цѣль, графъ Меттернихъ отправилъ въ Лондонъ барона Вейссенберга, подъ предлогомъ переговоровъ о всеобщемъ примиреніи, но въ самомъ дѣлѣ, чтобы вывѣдать отъ англійскаго правительства, какого рода вознагражденіе и сколько вспомошествованія получить Австрія, въ случаѣ, если она присоединится къ союзнымъ державамъ и увеличитъ ихъ силы четырехъ-сотъ пятидесяти-тысячнымъ войскомъ. Переговоры эти велся въ началѣ 1813 года, а между-тѣмъ произошло Баттенбергское сраженіе, послѣ котораго австрійскій дворъ формальнымъ образомъ предложилъ Наполеону свое посредничество, которое тотъ и принялъ наконецъ, послѣ нѣсколькихъ колкихъ и неумѣстныхъ замѣчаній.

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ переговоровъ было перемиріе, но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что ни Австрія, ни воевавшія державы не желали искренно мира. Наполеонъ, бывшій до тѣхъ цорь властелиномъ Европы, не хотѣлъ и не могъ добровольно отказаться отъ этой блестящей роли, не смотря на всеобщій ропотъ не только народа, но и самихъ войскъ его, разсѣянныхъ и утомленныхъ непрерывными войнами. Союзники желали, по-видимому, выиграть только время, чтобы увлечь Австрію и Швецію, а вѣнскій кабинетъ, утративъ въ предвидѣніи войны Миланъ, Тироль и иллирійскія провинціи, заботился преимущественно о томъ, чтобы тѣмъ или другимъ образомъ возвратить свои прежнія владѣнія.

Заключивъ перемиріе, Наполеонъ перенесъ свою главную квартиру въ Дрезденъ, куда скоро прибылъ графъ Меттернихъ, съ порученіемъ своего государя, узвать окончательно, намѣренъ ли Наполеонъ заключить миръ, и на какомъ основаніи. Конференція продолжалась долго, безъ малаго полдня; Наполеонъ

расхаживая по комнатѣ, показывая ясно всѣ признаки крайняго неудовольствія и нетерпѣнія. Потъ катился съ него градомъ. Видно было, что онъ едва удерживался отъ сильной вспышки гнѣва. Наконецъ онъ почти упалъ въ кресла и, оборотясь къ австрійскому министру, проговорилъ въ неопределенномъ волненіи: «И такъ вашъ кабинетъ хочетъ воспользоваться моими неудачами. Вы желаете знать, можно-ли вамъ не сражаясь заставить меня откупиться, или же намъ рѣшительно слѣдуетъ пристать къ моимъ врагамъ. Ну, такъ и быть! будемъ торговаться. Я согласенъ. Чего же вы хотите?»

Выслушавъ эту неприличную и грубую выходку, графъ Меттернихъ отвѣчалъ, что австрійское правительство желаетъ мира, но такого, чтобы и оно и прочіе европейскіе кабинеты были бы вполне независимы отъ Франціи, и для того онъ требуетъ для Австріи Иллирію и новыхъ границъ со стороны Италіи; возвращенія папѣ его владѣній; новаго раздѣла Польша; немедленнаго вывода французскихъ войскъ изъ Испаніи и Голландіи, и, наконецъ, независимости отъ Наполеона Рейнскаго союза и Швейцаріи.

Можно себѣ вообразить гнѣвъ Наполеона при вычисленіи всѣхъ этихъ условій. «Меттернихъ, — вскричалъ онъ наконецъ — вы хотите наложить на меня подобныя условія, не прибѣгнувъ къ оружію; это предложеніе оскорбляетъ меня. И это намѣреніе принялъ мой тесть! въ какое же положеніе хочетъ онъ меня поставить передъ французскимъ народомъ? Скажите, Меттернихъ, сколько вамъ Англія заплатила за это?»

Графъ Меттернихъ ничего не возразилъ на эту новую грубость, и разговоръ на нѣкоторое время прекратился. Потомъ онъ снова возобновился, но уже хладнокровнѣе и съ большимъ достоинствомъ. Отпуская австрійскаго министра, Наполеонъ схватилъ его за руку и сказалъ: «Впрочемъ, Иллирія не есть

* Votre cabinet veut donc profiter de mes embarras. Il s'agit pour vous de savoir si vous pouvez me rançonner sans combattre, ou s'il faudra vous placer décidément au rang de mes ennemis. Eh bien! voyons; traitons. J'y consens. Que voulez vous?

(Изъ записокъ князя Меттерниха).

** Metternich, vous voulez m'imposer de telles conditions sans tirer l'épée! cette prétention m'outrage. Et c'est mon beau-père qui accueille un tel projet! dans quelle attitude veut-il donc me placer en présence du peuple français? Ah, Metternich, combien l'Angleterre vous a-t-elle donné pour jouer ce rôle contre moi? — Выходка эта не имѣла свѣдѣтелей, но она висела княземъ Меттернихомъ въ его журналѣ, который въ послѣдствіи времени показанъ былъ нѣкоторымъ лицамъ, и такимъ образомъ вся эта сцена сдѣлалась известна публикѣ.

мое послѣднее слово, и мы, можетъ-быть, заключимъ лучшія условія.»

Привычка повелѣвать была причиною, что иногда Наполеонъ, въ минуты гнѣва, невольнo оскорблялъ людей, къ которымъ обращался; и хотя австрійскій канцлеръ казался совершенно хладнокровнымъ, однако безпримѣрная выходка Наполеона сильно его оскорбила и, разумѣется, расположила не къ его пользу.

Не смотря на то, Австрія согласилась начать переговоры въ Прагѣ, отсрочивъ перемиріе до 10-го августа в. ст., но переговоры эти, казалось, должны были остаться безъ послѣдствій, и графъ Меттернихъ отправился въ Трахенбергъ, гдѣ шведскій наслѣдннй принцъ, Бернадотъ, составлялъ для союзныхъ войскъ планъ новой кампаніи. Россія и Пруссія охотно согласились на всѣ предложенія государственнаго канцлера, и Императоръ Александръ Павловичъ, въ намѣреніи привлечь окончательно австрійскій кабинетъ на сторону союза, позволилъ изъяснить согласіе вѣрить главное начальство надъ всѣми войсками австрійскому генералу, князю Шварценбергу.

Желая отвлечь отъ себя эту новую опасность, Наполеонъ написалъ письмо къ австрійскому императору, напоминая ему объ ихъ родствѣ и о томъ, что родной внукъ его нѣкогда долженъ быть императоромъ Французовъ: но обращаясь къ Францу II было слишкомъ поздно: графъ Меттернихъ успѣлъ уже отъ имени союзныхъ державъ предъявить французскимъ уполномоченнымъ *ультиматумъ*, главнѣйшими условіями котораго были: уничтоженіе варшавскаго герцогства и раздѣленіе его между Россією, Австрією и Пруссією; возвращеніе независимости Гамбургу и Любеку; восстановленіе въ прежнемъ видѣ Пруссіи, съ границею на Эльбѣ; уступка австрійскому кабинету Иллиріи съ городомъ Триестомъ, и, наконецъ, обязательство ничего не измѣнять въ этомъ договорѣ безъ взаимнаго согласія всѣхъ державъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ.

Условія эти Наполеонъ сначала отвергъ, потомъ нѣсколько намѣнилъ и, наконецъ, рѣшился ихъ принять; но, пока онъ колебался, австрійскій дворъ официально объявилъ уже о присоединеніи своемъ къ союзнымъ державамъ. Посему Наполеонъ предложилъ, по случаю окончанія перемирія, продолжать переговоры во время военныхъ дѣйствій. Между-тѣмъ 200,000 Ав-

* «Au reste, L'Illyrie n'est pas mon dernier mot, et nous pourrons faire de meilleures conditions.»

(Изъ тѣхъ же не изданныхъ записокъ князя Меттерниха.)

спрѣдѣнь присоединилась къ союзнымъ войскамъ и вскорѣ потому Французы были разбиты на голову въ знаменитомъ Дейпигскомъ сраженіи, такъ что къ концу 1813 года она покинула уже землю свою на Эльбѣ и очутились на берегахъ Рейна, вѣтъ противъ себя не однихъ только союзниковъ, но и всю Германію, возставшую противъ ненавистнаго ей владычества Наполеона.

Бывъ Австрія присоединилась къ союзнымъ державамъ, какъ оказались нѣкоторыя несогласія между ними. Моущество Наполеона было уничтожено, Германія освобождена, союзныя войска находились почти въ предѣлахъ Франціи, и австрійскій кабинетъ сталъ болѣе помышлять о своихъ собственныхъ выгодахъ, нежели о достиженіи общей цѣли—окончательнаго сокращенія владычества Франціи.

По вѣнскому графу Меттерниху, Франція была необходима для европейскаго равновѣсія, и онъ былъ не прочь немедленно заключить миръ съ Наполеономъ на извѣстныхъ основаніяхъ, и такимъ образомъ упредить за зятемъ своего государя французскій престолъ. Съ этою цѣлію вступилъ онъ въ переговоры съ г. Сент-Эньяномъ (Saint-Aignan); но, къ счастью въ это время между союзными державами положено было, по общему согласію, не вступать никому изъ нихъ въ отдѣльные переговоры съ непріятелемъ, а вести ихъ отъ имени всѣхъ союзниковъ вообще. Прибытіе англійскаго уполномоченнаго лорда Кастльбрѣ еще болѣе упредило это преднамѣреніе, столь гибельное для Наполеона, и тѣмъ окончательно разстроило отдѣльный планъ австрійскаго министра.

При вступленіи союзныхъ войскъ во Францію, отдѣльная политика каждаго кабинета еще яснѣе обозначилась. Причины разногласія заключались, какъ въ вознагражденіяхъ каждой державы при заключеніи общаго мира, такъ и въ предполагаемомъ образѣ правленія Франціи, въ случаѣ низверженія Наполеона. О востановленіи Бурбоновъ никто еще не думалъ. Англія, хотя была и въ дружескихъ сношеніяхъ съ претендентомъ, Людовикомъ XVIII, не только не настаивала на востановленіи династіи Бурбоновъ, но даже воспротивилась задуманной ими высадкѣ на французскій берегъ. Пруссія была совершенно равнодушна къ разрѣшенію этого вопроса, не касавшагося до ея настоящихъ выгодъ, и намѣревалась въ этомъ случаѣ дѣйствовать за-одно съ Россією. За то Австрія рѣшительно противилась перемѣнѣ династіи во Франціи и явно поддерживала правленіе Наполеона или регентство.

Несогласія эти могли наконецъ рушить союзъ, и, для преду-

предженіи подобнаго несчастія, заключенъ былъ въ Шенбрухъ военный договоръ, въ силу котораго положено было ограничить Францію въ предѣлахъ ея 1792 года, и, пока эта цѣль не будетъ достигнута, не класть оружія, для чего имѣть каждой державѣ по двѣ ружьемъ войско въ 150,000 человекъ, а Англіи принять на свой счетъ содержаніе его.

Положеніе графа Меттерниха съ каждымъ днемъ становилось труднѣе. Съ его свѣтлымъ, обширнымъ умомъ, нельзя было не замѣтить, что австрійскій кабинетъ мало имѣлъ вліянія на общій ходъ европейскихъ дѣлъ, и что разрѣшеніе всѣхъ главныхъ вопросовъ принадлежало почти исключительно Императору Александру. Второстепенная роль не нравилась австрійскому канцлеру, и какъ самыя приличія противились присутствію австрійскаго императора при побѣдоносномъ шествіи союзныхъ войскъ на Парижъ, гдѣ царствовала его дочь, то графъ Меттернихъ уговорилъ своего государя остановиться въ Дижонѣ, гдѣ и самъ остался при Императорѣ.

Многіе ставятъ въ вину графу Меттерниху согласіе австрійскаго двора на изложеніе Наполеона и его семейства; но могъ ли вѣнскій кабинетъ противиться одинъ общему желанію всѣхъ прочихъ державъ? Наконецъ, самъ Наполеонъ едва ли согласился на свое униженіе и, при первомъ случаѣ, давъ отдохнуть немного Франціи, снова прибѣгнулъ бы къ оружію. Происшествія въ Парижѣ были независимы отъ воли государственнаго канцлера и онъ не принималъ въ нихъ ни малѣйшаго участія. Въ Парижѣ ни одинъ кабинетъ не могъ оспоривать первенства у Императора Александра и одна только его воля была тамъ закономъ. Слова князя Талейрана: «Les Bourbons sont un principe, tout le reste est une intrigue» разомъ порѣшили этотъ вопросъ, и Марія-Луиза была отправлена въ Блуа, къ отцу своему, императору Францу II-му.

Дипломаты союзныхъ державъ успѣли изготовить Парижскій договоръ, въ силу котораго провозгласили возстановленіе Бурбоновъ и назначили предѣлы новой монархіи. Но этого было недостаточно: огромная имперія Наполеона рушилась, и нужно было раздѣлять ея остатки. Не безъ правдоподобія можно полагать, что императоръ Францъ намѣревался на первыхъ порахъ снова принять титулъ германскаго императора; но возвращеніе этого наименованія могло быть неприятымъ прусскому кабинету, да и что въ одномъ наименованіи, безъ власти съ нимъ соединенной? Причины эти побудили графа Меттерниха отклонить императора отъ его намѣренія. Онъ полагалъ, что, съ перемѣною обстоятельствъ, Австрія слѣдовало сдѣлаться государ-

ствомъ сильнымъ на югѣ, и потому на Вѣнскомъ конгрессѣ обратилъ преимущественно все вниманіе свое на Италію и настоятельно сталъ требовать для австрійскаго дома Ломбардію и Венецію, съ принадлежащими къ ней землями.

На конгрессѣ князь Меттернихъ, недавно возведенный въ это достоинство, имѣлъ лично огромное вліяніе. Императоръ Францъ пожертвовалъ общими выгодами Европы судьбою своей дочери, Маріи-Луизы, и, въ знакъ благодарности къ нему; конгрессъ былъ назначенъ въ Вѣнѣ. Посреди блестящихъ празднествъ, дипломатическій корпусъ занялся новымъ распредѣленіемъ Европы и почти что на балахъ и обѣдахъ рѣшалась судьба народовъ, что и побудило сказать остроумнаго князя де-Линя, что «конгрессъ неидеть, а пляшетъ.» Князь Меттернихъ, которому тогда было сорокъ лѣтъ, принималъ отъ имени австрійскаго двора знаменитыхъ дипломатовъ и прочихъ придворныхъ, которыми тогда полна была Вѣна, и въ то же время дѣлательно участвовалъ въ дипломатическихъ переговорахъ, центромъ которыхъ, однако жъ, былъ Императоръ Александръ.

На улицахъ Вѣны нерѣдко можно было встрѣтить обоихъ императоровъ и прусскаго короля, оказывавшихъ другъ-другу всѣ знаки истинной привязанности, но на совѣщаніяхъ конгресса проявлялся сильный раздоръ касательно распредѣленія земель. Англія и Австрія опасались преобладанія Россіи и старались всячески противиться присоединенію къ ней бывшаго варшавскаго герцогства, занятаго русскими войсками и требуемаго рѣшительно русскимъ дворомъ. Французскій посолъ, князь Талейранъ, ссылаясь на прокламацію союзныхъ державъ при вступленіи войскъ ихъ во Францію, принялъ тоже участие въ переговорахъ на томъ основаніи, что война была вѣдена не противъ Франціи, а противъ бывшаго императора ея Наполеона. Вскорѣ онъ сошелся съ лордомъ Кастльре и княземъ Меттернихомъ, и въ мартѣ 1815 г. они составили и подписали втроемъ тайный договоръ о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ Австріи, Великобританіи и Франціи противъ Россіи и Пруссіи.

Князь Меттернихъ былъ главнымъ составителемъ этого договора, которому Польша служила однимъ только предлогомъ. Въ отношеніи Саксоніи, требуемой Пруссіею, австрійскій министръ поддерживалъ французскаго посла, князя Талейрана, который отстаивалъ Саксонію и былъ относительно этого во-

* Le congrès danse, mais ne marche point.

просе въ несоединеніи съ герцога Кастриа, считавшаго необходимо присоединить ее къ Пруссіи, чтобы снискать образованіе умилити, въ случаѣ нужды, сопротивленіе противъ Россіи.

Несогласія эти дошли, наконецъ, до того, что вѣнскій кабинетъ далъ приказаніе войскамъ своимъ оставаться на вѣнскихъ вѣдѣніяхъ, а Императора Александръ, видя, что переговоры пользя будутъ окончить, повелѣлъ, въ великій случай, сдѣлать все нужныя распоряженія къ началу войны.

Важныя происшествія обратилъ между тѣмъ вниманіе князь Меттерниха на Италію. Еще въ октябрѣ 1813 года, Австрія воспользовалась неудовольствіями короля неаполитанскаго, Мюрата, противъ Наполеона и подвинула его возстаніе на пользу деннаго Россією императора Французамъ. Король Іоахимъ послѣдовалъ совету, двинулся немедленно впередъ, занявъ Римъ и издалъ возмутительную прокламацію къ италіянцамъ. Когда же Бурбоны были возстановлены во Франціи, Мюратъ сталъ опасаться за самого себя и послѣшшо отправилъ въ Вѣну герцога Серра-Каприола, который, однако жъ, не былъ допущенъ на конгрессъ по приисканію князя Талейрана, хитровавшаго, по приказанію короля Людовика XVIII, о возвращеніи неаполитанскаго престола законному его властителю, принадлежавшему тоже къ семейству Бурбоновъ.

Австрія имѣла положительныя обязанности въ отношеніи Мюрата, но на конгрессѣ весьма слабо поддерживала права короля Іоахима. Это еще болѣе встревожило повстанца, и онъ сталъ дѣлать сильныя приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ, что и побудило князя Меттерниха послѣшшо собрать австрійскія войска въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ и въ такомъ положеніи ожидать дальнѣйшихъ событій.

Въ это самое время Наполеонъ неожиданно явился во Франціи и въ нѣсколько переходовъ очутился въ Парижѣ, откуда король Людовикъ XVIII послѣшшо сѣмалъ въ Бельгію. Несогласія союзныхъ державъ вполне были извѣстны Наполеону и успѣхъ своего предпріятія основывалъ онъ отчасти на нихъ. Однако жъ появленіе его произвело совершенно противное дѣйствіе, и общая опасность заставила позабыть взаимныя неудовольствія: Наполеонъ былъ объявленъ вѣдъ закона, и войска всѣхъ державъ получили приказаніе двинуться снова къ предѣламъ Франціи.

Утверждали, что Наполеонъ произвелъ свою высадку не безъ вѣдома Англіи и Австріи, но ивѣніе это, ложное и ничѣмъ не подкрѣпленное, опровергается достаточно послѣдующими событиями, въ которыхъ обѣ эти державы приняли такое дѣятель-

ное участіе. Вѣрно только то, что Наполеонъ, посредствомъ Фуше, стараясь сблизиться съ княземъ Меттернихомъ, а между тѣмъ, думая разстроить союзъ, доставилъ Императору Александру, въ копіи, тайный договоръ противъ Россіи, подписанный въ мартѣ 1813 г. лордомъ Кастларе и князьями Талейраномъ и Меттернихомъ.

Въ ту пору австрійскія войска начали военныя дѣйствія противъ Шварца и вскорѣ заняли римскую область и почти все удержанныя мѣста Неаполитанскаго королевства. Тогда князь Меттернихъ, дѣйствуя за одно съ французскимъ королевскимъ посольствомъ въ Вѣнѣ, объявилъ на конгрессѣ о возстановленіи дома Бурбоновъ на неаполитанскомъ престолѣ.

Въ то время, когда Фуше велъ переговоры съ княземъ Меттернихомъ о регентствѣ Маріи-Луизы, на томъ основаніи, какъ оно было провозглашено Наполеономъ во время Ста Дней, французскіе агенты пытались похитить сына его, короля римскаго; но полиція князя Меттерниха помѣшала привести предпріятіе это въ исполненіе, и государственный канцлеръ привезъ обратно въ Шенбруннъ, подъ прикрытіемъ вѣрнѣйшихъ слугъ австрійскаго дома, дочь своего государя, Марію-Луизу, бывшую тогда неравнодушною къ Наполеону и желавшую возвратиться къ нему. Порученіе это было одно изъ деликатнѣйшихъ и затруднительнѣйшихъ въ теченіе всей долголѣтней службы австрійскаго министра.

Изъ Италіи австрійскія войска потянулись къ французскимъ границамъ и, перейдя Альпы, вскорѣ заняли всю южную Францію. Князь Меттернихъ, вслѣдъ за ними, отправился въ Паризъ, и, по прибытіи его туда, начались новыя переговоры, среднествовавшіе общему замиренію Европы въ ноябрѣ 1815 года.

Съ наступленіемъ 1816 г., настала новая эпоха для князя Меттерниха. Предшествовавшіе два года значительно увеличили владѣнія австрійскаго дома въ Италіи, и какъ Ломбардо-Венеціанское королевство было въ сущности нечто иное какъ завоеваніе, то первымъ дѣломъ австрійскаго правительства должно было быть устройство сильной и бдительной полиціи, на что государственный канцлеръ и обратилъ особое свое вниманіе.

Въ это время князь Меттернихъ только-что возвратился изъ Италіи, осыпанный милостями своего государя и пользуясь уваженіемъ всѣхъ европейскихъ дворовъ. Съ цѣлію положить пречью бурному потоку идей, занесенныхъ изъ Франціи и стремившихся низпровергнуть весь существовавшій порядокъ вещей,

князь Меттернихъ предложилъ созвать новый конгрессъ въ Карлсбадѣ, на которомъ и были приняты сильныя, но необходимыя мѣры къ обузданію духа мятежа, такъ быстро и неожиданно разлившагося по Европѣ.

1820 годъ замѣчательнъ въ особенности по мятежамъ, начавшимся почти въ одно и то же время въ разныхъ концахъ Европы: въ Испаніи кортесы провозгласили новый порядокъ вещей, въ Неаполѣ также провозгласили конституцію; въ Пьемонтѣ король былъ свергнутъ съ престола, а въ Парижѣ происходили такіа сильныя возмущенія, что правительство ежедневно опасалось за свое существованіе *.

Мятежи эти въ особенности угрожали Австріи, такъ какъ Неаполитанское королевство и Пьемонтъ граничили съ владѣніями австрійскаго дома въ Италіи. Нужны были мѣры скорыя и рѣшительныя, и князь Меттернихъ, съ согласія Императора Александра и короля прусскаго, вопреки отклоненій Франціи, объявилъ на Лайбахскомъ конгрессѣ, что австрійскія войска немедленно двинутся въ Италію, для занятія Пьемонта и Неаполя.

Благодаря благоразумнымъ и быстрымъ распоряженіямъ князя Меттерниха, мятежъ въ Италіи скоро былъ подавленъ; но оставалось еще усмирить Испанію, и Веронскій конгрессъ поручилъ это дѣло Франціи, которая выполняла его не менѣе удачно.

Почти на всѣхъ конгрессахъ главнымъ дѣятелемъ былъ князь Меттернихъ, и нельзя довольно надивиться его необычайному трудолюбію, глубокому знанію дипломатики, вѣрности идей, дальновидности и благородному тону всѣхъ вообще его дипломатическихъ нотъ. Французскій языкъ, какъ языкъ дипломатическій, онъ знаетъ въ совершенствѣ, и, не взирая на многосложность и трудность государственныхъ занятій, лежавшихъ на немъ, постоянно слѣдилъ за ходомъ европейскихъ литературъ, французской въ особенности, и глубокими знаніями своими по этой части привелъ въ немалое изумленіе нѣкоторыхъ французскихъ литераторовъ, въ бытность свою въ Парижѣ, въ 1825 году, по случаю разстроеннаго здоровья его жены.

Въ 1827 г. князь Меттернихъ обратилъ особое вниманіе на Турцію, опасаясь утраты вліянія своего на Порту; онъ домогался увлечь за собою Францію и обратился съ предложеніями

* Замѣчательно сходство политическихъ смутъ 1820 г. съ происшествіями нынѣшняго 1848. Дай Богъ, чтобы и теперь все окончилось такъ скоро и благополучно, какъ и тогда!

по сему предмету къ королю Карлу X; но настоянія его не имѣли успѣха.

Еще въ 1824 г., возстаніе Грековъ обратило на себя вниманіе Европы. Героизмъ греческаго народа, подавленнаго въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ Турками, возбуждалъ всеобщій восторгъ, и неподдѣльное участіе къ Грекамъ проявлялось повсюду денежными пожертвованіями въ ихъ пользу. Россіи, сродственною Грекамъ по религіи, нельзя было остаться равнодушною къ ихъ участи, и, послѣ бесполезныхъ, дипломатическихъ переговоровъ объ улучшеніи ихъ судьбы, Государь рѣшился, наконецъ, прибѣгнуть къ оружію, для защиты своихъ единовѣрцевъ. По приглашенію Государя Императора, Франція и Англія согласились содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ Россіи, и слѣдствіемъ ихъ общаго согласія была знаменитая Наваррская битва, положившая основаніе независимости Греціи.

Князь Меттернихъ не одобрялъ вмѣшательства европейскихъ кабинетовъ въ турецко-греческія дѣла, и впоследствии, при началѣ отдѣльной войны Россіи съ Турціею, употреблялъ всѣ усилія, чтобы остановить успѣхи русскаго оружія. Съ этою цѣлію хотѣлъ онъ, какъ выше сказано, увлечь Францію и Англію противъ Россіи, полагая, вооруженнымъ посредничествомъ трехъ первоклассныхъ державъ, понудить ее къ скорѣйшему заключенію мира; но домогательства его не имѣли успѣха, такъ какъ главою французскаго кабинета былъ тогда графъ Ла-Ферронэ, бывшій французскимъ посланникомъ въ С. Петербургъ, привязанный къ Россіи и желавшій для Франціи еще тѣснѣйшаго союза съ нею. Что же касается до англійскаго кабинета, то новый министръ, лордъ Веллингтонъ, хотя и раздѣлялъ отчасти опасеніе князя Меттерниха, но, безъ содѣйствія Франціи, не рѣшился дѣйствовать за-одно съ австрійскимъ кабинетомъ.

Неприязненность князя Меттерниха къ Россіи продолжалась не долго: князь Полянякъ заступилъ мѣсто графа Ла-Ферронэ во Франціи, и слѣдствіемъ этой перемѣны былъ такъ называемый іюльскій переворотъ, испровергнувшій существовавшій порядокъ вещей, въ слѣдствіе необдуманыхъ и неумѣстныхъ мѣръ, принятыхъ новымъ министромъ. При первомъ извѣстіи о іюльской революціи, князь Меттернихъ немедленно принялъ нужныя мѣры на случай войны, и снова сблизился съ Россіею и Пруссіею, возобновляя такимъ образомъ Шомонскій военный договоръ 1814 и Вѣнскій трактатъ 1815 г. Впрочемъ, австрійскій государственный канцлеръ желалъ, по возможности, избѣгнуть войны, и много содѣйствовалъ отвращенію ея немедленнымъ признаніемъ, со стороны Австріи, новаго правительства Фран-

дѣя, только что оно установилось на прочныхъ, какъ казалось, началахъ.

Съ этихъ поръ заботливость князя Меттерниха обратилась преимущественно къ тремъ предметамъ: 1) Сблизиться съ Россією и Пруссією въ разрѣшеніи обще-европейскихъ вопросовъ, 2) Противиться всаду духу возмущенія, истекающему изъ Франціи, и 3) увеличить военныя средства Австріи, для вѣрнѣйшаго сопротивленія революціонной пропагандѣ.

Австрійская монархія, какъ выше замѣчено, состоитъ изъ разнородныхъ частей, не имѣющихъ ничего общаго между собою, и потому самое управленіе ею не можетъ быть вездѣ одинаково. Князь Меттернихъ иполнѣ постигъ эту истину.

Въ началѣ нынѣшняго 1848 г., произошла въ Парижѣ новая революція. Несчастное событіе это имѣло почти повсемѣстно самыя губельныя послѣдствія, которыя проявились, наконецъ, и въ Вѣнѣ. Въ этомъ городѣ, дотолѣ тихомъ и счастливомъ, вспыхнулъ совершенно неожиданно мятежъ, раздуваемый, какъ послѣ оказалось, французскими и другими эмиссарами, и званіе австрійской монархіи заколебалось. Устрашенное правительство, къ несчастію, поспѣшило уступить требованіямъ буйной черни: въ Австріи провозгласили конституцію, и князь Меттернихъ удалился въ Лондонъ.

При вступленіи князя Меттерниха въ должность государственнаго канцлера, положеніе Австріи было далеко не завидное: финансы ея были въ разстройствѣ, армія, отъ безпрерывныхъ войнъ, почти не существовала; народъ по той же причинѣ дошелъ почти до нищенства, и лучшія области ея принадлежали Франціи или ея союзникамъ. Въ короткое время, при стеченіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, новый министръ поправилъ отчасти худое положеніе вѣреннаго ему государства, и въ послѣдствіи времени, послѣ общаго замрениа Европы, поставилъ Австрію на замѣчательную степень благоенствія, увеличивъ притомъ государство новыми областями, и возвративъ ему всѣ прежнія утраты.

Окончилось ли политическое поприще князя Меттерниха, мы вѣтъ—это одному Богу извѣстно; но нельзя не питать глубокаго уваженія къ этому государственному мужу, столь много сдѣлавшему для общаго блага, при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ при началѣ, такъ и въ продолженіе его долготѣней службы.

Д. СЛОНОВЪ.

твоя, иногда выигрываютъ. Въ концѣ 1778 года, купеческій корабль Провинциала выгнелъ изъ Мартиники, гдѣ былъ на зимовкѣ, и на воѣхъ парусахъ полетѣлъ въ Марсель. До береговъ Варварійскихъ онъ достигъ безъ всякихъ приключеній и, какъ чайка, летѣлъ надъ голубыми водами Средиземнаго моря.

На корнѣ Провинциала, у бушприта, удивленно сидѣлъ юноша и молоденькая дѣвушка. Первый былъ въ мундирѣ подпоручика французской службы; ему казалось не болѣе 15 лѣтъ отъ роду; по воинственной охлѣбости, огонь быстрыхъ глазъ, свобода движеній, обнаруживали въ немъ способность властвовать. Лицо дѣвушки, съ античною правильностью, соединяло въ себѣ выраженіе пылкости и мелихолича, восторженности, раздражительности, гордости и идеальнаго сладострастія, свойственнаго соблазнительнымъ прелестямъ Антильскаго архипелага. Изъ-подъ надрасскаго, медноваго платка видѣлись черныя ея кудри, а длинное бѣлое платье слѣпо обозначало ея роскошный станъ, рано образовавшійся подъ тропическимъ солнцемъ.

— Еще вѣсколько дней, сказалъ молодой подпоручикъ, и я соединюсь съ моимъ Бульонскимъ полкомъ, а ты, бѣдная моя Алина, ты вступишь въ Сенъ-Сирскій институтъ, и мы должны будемъ съ тобою разстаться. Я горжусь моими эполетами, какъ знаменъ признательности короля Людовика XV къ заслугамъ моего отца. Но не довольно ли было пожаловать коменданта Дюбуа нажалованъ съ Людовика. Неужели надобно было осудить насъ на ссылки, для нашего счастья?

— Сжался, отвѣчала Алина, не отпнмай у меня послѣдней твердости. Зачѣмъ сожалѣть о томъ, что не возвратимо.

— Могу ли равнодушно вспомнить ласки старика отца, веселые балы въ Белью, вечернія прогулки, и беззаботную и веселую жизнь, которую мы теперь навсегда оставили!

— Не стыдно ли тебѣ жалѣть объ этомъ? Что насъ ожидало въ Мартиникѣ? Мы были бы только праздными креолами, тогда какъ во Франціи, Артуръ, мы предались высокимъ порывамъ Благороднаго честолюбія. Не дѣлать негровъ, но храбрыхъ и смѣлыхъ вальсовъ ты повелелъ на Французскія поля, отличиться, будешь генераломъ, нажалованъ съ Луи, и даже Маршаломъ... Кто знаетъ? Можетъ быть и мнѣ назначена здѣсь грозная будущность. Я охочу воспитанію, удивлю всѣхъ своимъ талантамъ, влюблюсь ко Двору, буду замѣчена, и самъ король соединитъ меня съ какою нибудь вельможею. До сихъ поръ я живо помню

* Заглавній листъ губернатора Мартиники.

неожиданную встрѣчу мою вечеромъ, въ нашихъ соседнихъ поляхъ близъ Карбета, съ старою негритянкою, Ангелю, которая предреказала мнѣ, что я непременно буду принцессой.

— И ты вѣришь этимъ глупымъ бреднямъ?

— Считаю это за ослабленіе гордости, но я чувствую, что меня ожидаетъ блестящая участь...

Голосъ капитана: *поставить всѣ паруса*, прервалъ разговоръ. Артуръ Дюбуиъ обратился къ нему съ вопросомъ: что за причина этой неожиданной команды, и нѣтъ ли какой опасности?

— Страхиться, кажется, нечего, отвѣчалъ капитанъ, но вамъ извѣстно, что недовѣрчивость—мать безопасности. Передъ нами бѣлѣютъ теперь прибрежныя скалы, которыя обыкновенно служатъ приюномъ пиратамъ. Наши двѣ заржавѣвшія пушки не помѣшаютъ этимъ господамъ перебить всѣхъ насъ, или продать, какъ каракосскихъ быковъ, на рынкѣ въ Ламантнѣ.

Дѣйствительно, шайка разбойниковъ скрывалась въ это время на берегу, въ пещерѣ, близъ Мостагана, у устья рѣки Шелюа. Бдительный глазъ атамана замѣтилъ корабль, и движенія его тотчасъ подверглись внимательному наблюденію съ берега, гдѣ часовые старались угадать степень его вооруженія.

Въ 8 часовъ вечера, путешественники наши поздравляли другъ друга съ удаленіемъ отъ опасныхъ береговъ. Радость ихъ еще болѣе увеличилась, когда они замѣтили приближавшійся къ нимъ люгеръ, на которомъ развѣвался флагъ съ лиліями. На окликъ, съ люгера отвѣчали по-французски, что имя его: *Четыре-Сестры*, и что онъ идетъ съ острова Мадеры въ Ливорно.

По мѣрѣ приближенія къ Провинціалу, люгеръ уменьшалъ свой ходъ и, наконецъ, оба судна поравнялись, и экипажи ихъ вступили въ разговоръ. Экипажъ Четырехъ-Сестеръ казался незначительнымъ, но ни капитана, ни лейтенанта не было на шканцахъ.

Вдругъ, на борту Провинціала поднялась страшная суматоха. Тридцать пиратовъ, карабкаясь по стѣгамъ, и пролѣзая въ амбразуры корабля, съ обнаженными саблями, неожиданно напали на беззащитный экипажъ; минимый французскій люгеръ выкинулъ алжирскій флагъ... Артуръ Дюбуиъ бросился на неприятелей со шпагою въ рукѣ, но ударъ атагана въ одно мгновеніе повергъ его на землю.

Овладевъ Провинціаломъ почти безъ сопротивленія, пираты побросали трупы за бортъ, сковали плѣнныхъ и перевязали раненыхъ, въ числѣ которыхъ находился и Артуръ. Въ Анхурѣ

весь экипажъ былъ распроданъ, исключая двухъ преоловъ, которые были оставлены въ ожиданіи богатаго за нихъ выкупа, и отданы подъ надзоръ старому армянину Масуду. Надежда на освобожденіе и ежедневныя свиданія съ сестрою, скоро возстановили здоровье молодого подпоручика.

Однажды утромъ, армянинъ Масудъ, войдя къ Артуру, грубо сказалъ ему: «Рабъ, воздай благодареніе небу за милость къ твоему семейству.»

— Какъ! мы будемъ выкуплены, вскричалъ Артуръ, трепеща отъ радости.

— Нѣтъ, во Исаакъ-Ага, сынъ Ибрагима, повезетъ сестру твою въ Стамбуль.

— Въ Стамбуль! прошепталъ Артуръ.

— Она поступитъ въ гаремъ Султана Абуль-Гамеда.

При этихъ словахъ молодой человекъ упалъ на землю.

Нѣсколько лѣтъ Артуръ Дюбуль нывывалъ въ безполезномъ ожиданіи своего освобожденія; потерявъ, наконецъ, всякую надежду, и страшась вѣчнаго рабства, онъ согласился вступить на службу къ Алжирскому Дею. Сестра его, сбѣжавшая любимію султаншею, вытребовала его въ Константинополь, гдѣ онъ былъ помѣщенъ въ Ишогланскую Коллегію. Въ 1798 году, онъ сражался противъ Французскихъ войскъ, и заслужилъ званіе Аги. Десять лѣтъ спустя, Артуръ содѣйствовалъ къ провозглашенію Султаномъ—Магмуда, сына своей сестры, и получилъ въ пашалыкъ Египеть.

Онъ нынѣ называется Мегметомъ—Али.

ЗНАКА ВЪ КВЕБЕКѢ. (*Вильгельма Шваба*) Городъ Квебекъ лежитъ на значительномъ возвышеніи надъ поверхностью моря, и потому отличается въ особенности своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ; съ одной стороны, въ нѣкоторомъ отдаленіи, видныя свѣжныя возвышенности сосѣднихъ горъ, между тѣмъ какъ съ другой простираются равнины, по которымъ протекаетъ величественная рѣка св. Лаврентія. Къ сѣверу, по дорогѣ къ Монморанси, тянется почти непрерывный рядъ деревень съ красиво выстроенными домами, на югѣ же течетъ рѣка св. Карла, которая, въ недалекомъ разстояніи отъ города, соединяется съ рѣкою св. Лаврентія. Съ самыхъ возвышенныхъ частей Квебека видныя воѣ окрестности болѣе, нежели на 50 английскихъ миль, и посреди этихъ-то прекрасныхъ равнинъ, горъ, долинъ и лѣсовъ, съ давняго уже времени, разцвѣтается ан-

глійскій флагъ, оживляющій какъ-будто присутствіемъ своимъ всю окрестную природу.

Но эти живописныя окрестности дѣлаются, во время зимы, пустынными и несколько не привлекательными. По своему географическому положенію, Квебекъ подверженъ столь же сильнымъ жарамъ, какъ и морозамъ: иногда, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, термометръ показываетъ лѣтомъ до 30° въ тѣни, по Реомюру, между тѣмъ какъ зимою ртуть опускается на 30° ниже точки замерзанія.

Въ началѣ зимы, Квебекъ находится какъ бы въ осадномъ положеніи, потому что на рѣкѣ св. Лаврентія, съ наступленіемъ морозовъ, появляется множество пловучихъ льдинъ, затрудняющихъ сообщеніе города съ окрестностями, отчего цѣны на первые жизненные потребности возвышаются тамъ до невѣроятности. Въ такомъ положеніи городъ остается иногда довольно долго, потому что поверхность рѣки, отъ быстрого теченія воды, рѣдко замерзаетъ, даже въ самую суровую канадскую зиму. Обыкновенно же бываетъ, что рѣка св. Лаврентія покрывается огромными льдинами, быстро несущимися внизъ или вверхъ по теченію, смотря по отливу или приливу морскому. При свѣтломъ солнечномъ сіяніи яснаго, морознаго дня, эти льдины представляютъ прекрасное зрѣлище: то отражаютъ въ себѣ всѣ радужные цвѣта, то принимаютъ матовый, бѣловатый блескъ, или дѣлаются темно-зелеными, подобно смарагду.

Въ продолженіе зимы, сообщеніе между обоими берегами рѣки св. Лаврентія весьма опасно, и производится только въ случаяхъ крайней необходимости на небольшихъ челнахъ. При этомъ случается, что пассажиры, вмѣстѣ съ гребцами, принуждены высаживаться на ледяныя массы, и перетаскивать черезъ нихъ и челны свои. Переправа такая продолжается иногда до четырехъ съ половиною часовъ, а челны уносятся въ это время иногда на 8 англійскихъ миль, внизъ по теченію.

Случается также, что скопленіе ледяныхъ массъ образуетъ на рѣкѣ родъ временнаго моста, на которомъ тогчасъ же и устанавливается сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ; но это бываетъ рѣдко, и прерывается только тамъ, гдѣ рѣка значительно суживается, и такимъ образомъ задерживаетъ ледъ. Скопленія ледныхъ льдинъ прерываютъ иногда у самого города, и это обстоятельство необыкновенно радуетъ жителей Квебека, не только потому, что даетъ поводъ къ фантастическимъ удовольствіямъ и развлеченіямъ, представляя возможность дѣлать затворенныя походы, но преимущественно потому, что, съ открытіемъ сообщенія, быстро кончается въ городѣ цѣна на необходимые жи-

женским потребностям. Несмотря на то, что мосты, образовавшиеся таинственным образом, мосты были в особенности замечательны тем, что весьма часто переходили съ одного моста на другое. Такъ какъ онъ не совершенно соединялся со льдомъ, образовавшимся у самыхъ береговъ рѣки, то, съ каждымъ приливомъ, тихо и величественно уплывалъ на нѣсколько миль вверхъ по рѣкѣ, съ отливомъ же возвращался опять на прежнее свое мѣсто. Этотъ подвижной мостъ былъ причиной различнаго рода неприятностей, а иногда и весьма забавныхъ случаевъ. Такъ напр. изъ Монморанси въ Квебекъ отправился однажды свадебный поѣздъ для совершенія обряда вѣнчанія. Длинный рядъ саней тянулся къ берегу. Впереди ѣхала невеста съ однимъ изъ своихъ дальнихъ родственниковъ, правившимъ лошадью, и едва успѣла переѣхать трещину, находившуюся между береговымъ льдомъ и мостомъ, какъ этотъ послѣдній вдругъ поплылъ вверхъ по рѣкѣ. Озадаченный женихъ тщетно принуждалъ свою лошадь перескочить на динувшуюся массу льда: лошадь его не трогалась съ мѣста. Выбившись изъ силъ, онъ выскочилъ изъ саней, въ намѣреніи послѣдовать за своею невестою, но было уже слишкомъ поздно: пространство въ шесть футовъ глубокой холодной воды отдѣляло его уже отъ возлюбленной. Не думая о послѣдствіяхъ, женихъ рѣшился на отчаянный скачекъ, но упалъ въ холодную воду, откуда съ трудомъ былъ вытащенъ своими товарищами. Между-тѣмъ, невеста, благодаря этому необыкновенному стеченію обстоятельствъ, осталась наединѣ съ своимъ молодымъ родственникомъ, красивымъ, ловкимъ мужчиною, бывшимъ давно уже въ нее влюбленнымъ, и который не замедлил воспользоваться представившимся ему случаемъ, чтобы высказать все то, что у него лежало на сердцѣ. Онъ открылъ ей свою любовь, и такъ убѣдительно и краснорѣчиво доказывалъ ей о неизмѣнномъ своемъ расположеніи, что невеста, дождавшись того времени, когда мостъ сталъ на прежнее мѣсто, отправилась, вмѣстѣ съ нимъ, въ городъ Квебекъ, а оттуда въ Монреаль, гдѣ съ нимъ и обвѣнчалась. Съ тѣхъ поръ обманутый женихъ никогда не могъ равнодушно смотрѣть на образующійся непостоянный мостъ, убѣдившій его въ непостоянствѣ женщинъ.

Велика бываетъ радость жителей Квебека, когда, вмѣсто этого плывучаго моста, стужа образуетъ по всей поверхности рѣки толстый и гладкій, какъ зеркало, слой льду. Это случается не болѣе одного разу въ 3 лѣтъ, и при такомъ только случаѣ, когда сильный морозъ наступаетъ во время отлива, и когда поверхность рѣки покрыта множествомъ плывучихъ льдинъ.

Этотъ случай быдъ и во время моего пребыванія въ Квебекѣ. Ледъ началъ образовываться въ 5 часовъ утра, а въ 10 часовъ нѣсколько отъѣжныхъ Канадійцевъ разѣзжали уже по немъ въ саняхъ. Послѣ обѣда, гладкая поверхность рѣки оживилась веселыми толпами гуляющихъ. Двадцать одинъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ городу и всѣмъ окрестнымъ жителямъ о радостномъ для нихъ событіи, и тѣмъ привлекъ любопытныхъ со всѣхъ сторонъ. Тысячи людей всѣхъ возрастовъ и половъ прогуливались по немъ пѣшкомъ, катались на конькахъ, или разѣзжали взадъ и впередъ по рѣкѣ въ великолѣпно убранныхъ саняхъ; громкіе разговоры гуляющихъ, лошадиный топотъ, и веселый звукъ колокольчиковъ, раздававшихся на далекое пространство — все это придавало картинѣ вѣчто оживленное и радостное.

Но всего болѣе поражаетъ на такомъ гуляніи всякаго иностранца такъ называемая зимняя лодка, имѣющая видъ огромной птицы съ распушенными крыльями; ѣзда въ подобной лодкѣ, быстро несущейся по направленію вѣтра, по зеркальной поверхности рѣки, составляетъ, во всѣхъ частяхъ Канады, самое любимое зимнее удовольствіе. Подъ такую лодку, имѣющую мачту, паруса и множество снастей, придѣлывается обыкновенно три полоза, два спереди, а третій сзади, подъ рулемъ, для удобнѣйшаго направленія лодки. При попутномъ вѣтрѣ, такая лодка несется съ изумительною быстротою, и на проѣздъ 10 англ. миль нужно не болѣе 20 минутъ, а иногда и менѣе.

Жители Квебека особенно любятъ зимнія поѣздки, и совершаютъ ихъ почти всегда большими обществами. Лоретта, гдѣ поселятъ правительствомъ остатки нидѣйскаго поколѣнія Гуроновъ, бываетъ почти всегда цѣлю этихъ путешествій; иногда ѣздятъ также осматривать водопады Монморанси, отстоящіе на 10 миль отъ города. Сильная стужа придаетъ имъ особенно величественный видъ, потому что изъ брызговъ пѣны, образуется огромный ледяной конусъ, который возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія морозовъ, такъ что, наконецъ, закрываетъ собою весь водопадъ. Если же замерзаетъ вся рѣка, то поѣздки и увеселенія дѣлаются разнообразнѣе; тогда городъ оживляется посѣщеніемъ окрестныхъ жителей, пріѣзжающихъ преимущественно съ противоположнаго берега рѣки изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ.

Зима въ Канадѣ и въ особенности въ Квебекѣ есть самое веселое время года. Лѣтомъ всѣ слишкомъ заняты, чтобы думать объ удовольствіяхъ; зимою же, напротивъ того, не только народонаселеніе деревень, занимающееся хлѣбопашествомъ, но и значительная часть городскихъ жителей не имѣетъ ника-

кого зашатя, а потому и может предаваться удовольствіямъ. Въ послѣдственное время, зимою, улица St. John Street служитъ главнымъ мѣстомъ прогулокъ городскихъ жителей, и оживлена бываетъ неисчислимымъ множествомъ экипажей и пѣшеходовъ, и потому представляетъ самую веселую и оживленную картину. Прогулки пѣшкомъ не слишкомъ удобны въ Квебекѣ, потому что улицы, отъ покатости ихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 45°, и отъ плотно-лежащаго на нихъ снѣга, почти непроходимы. Въ этомъ случаѣ пѣшеходы, для большаго удобства въ ходьбѣ, привязываютъ къ подошвамъ сапоговъ и башмаковъ маленькія шпory, которыя однако же доставляютъ имъ мало пользы.

Какъ ня холодна зима въ Квебекѣ, но о суровости ея имѣютъ въ другихъ странахъ слишкомъ преувеличенное понятіе. Хотя правда, что говядина здѣсь до того замерзаетъ, что, для разрѣзыванія ея, нужно иногда прибѣгать къ пламѣ; что молоко, дѣлающееся отъ холода твердою массою, продается фунтами, и что нерѣдко встрѣчаешь мужчинъ, имѣющихъ на бородахъ и волосахъ нѣчто въ родѣ дамскихъ напильтовокъ, но за всѣмъ тѣмъ, зима въ Квебекѣ не можетъ считаться неприятнымъ и невыносимымъ временемъ года; въ рѣдкихъ только случаяхъ, морозъ дѣлается такъ великъ, что необходимо прибѣгать къ необыкновеннымъ предохранительнымъ отъ стужи средствамъ. Самое неприятное въ Канадской зимѣ есть то, что она слишкомъ продолжительна; еще за-долго до окончанія ея, глазъ уже утомляется видомъ блестящаго снѣга и отраженіемъ солнца на этомъ зимнемъ покровѣ природы, такъ что съ нетерпѣніемъ начинаешь желать возвращенія весны съ ея роскошною зеленью. При первыхъ весеннихъ лучахъ солнца, всѣ жители, накутивъ праздную зимнюю жизнь, толпами стремятся за городъ, и велика бываетъ ихъ радость, когда пушечные выстрѣлы и громкое ура, на берегу рѣки, возвѣщаютъ имъ прибытіе перваго корабля изъ Европы.

НАПРАВЛЕНІЕ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ. Въ Соединенныхъ штатахъ, журналы, по своему (жедневному) распространенію и по благонамѣренности редакторовъ, поддерживающихъ политическія вражды для собственныхъ своихъ выгодъ и цѣлей, оказываютъ сильное и вѣдѣтъ съ тѣмъ вредное вліаніе. Въ Великобританіи, при 26 милліонахъ народонаселенія, издается не болѣе 370 журналовъ, между-тѣмъ какъ въ Соединенныхъ штатахъ, при 14 милліонахъ жителей, число ихъ простирается отъ 9 до 10 тысячъ. Изданіе этой огромной массы журналовъ

не сопряжено однако же и съ четвертою долю такъ издержекъ, которые влечетъ за собою издаше 370 английскихъ журналовъ; можно съ достовѣрностью сказать, что одинъ капиталъ Times превосходитъ капиталы нѣсколькихъ тысячъ листовъ втораго разряда, которые весьма незатѣливо издаются въ Соединенныхъ штатахъ. Здѣсь журналы не подвержены штемпельной платѣ, какъ въ Англіи, или обезпеченію, какъ во Франціи; о наложеніи же запрещенія, или задержаніи какого-нибудь журнала, никогда не было и рѣчи. Отъ этого порядка вещей и происходитъ иногда, что журналисту приходится, за выраженные имъ мнѣнія, переносить обиды и оскорбленія взволнованной толпы, или даже поплатиться за нихъ жизнью. Не одинъ издатель газеты подвергался книжалу или пулѣ политическаго своего противника; въ западныхъ же штатахъ, издателю журнала какой-нибудь партіи, приходится столь же часто защищаться оружіемъ, какъ и перомъ.

Что же касается до умственныхъ способностей и литературнаго образованія большей части редакторовъ журналовъ, то мы приведемъ собственныя о нихъ мнѣнія Американцевъ. «Каждый Судья, умѣющій писать по-английски, и много такихъ, которые и этого не умѣютъ, каждый адвокатъ безъ кліентовъ, однихъ словомъ, вслѣдъ, кто, изъ бездныя нищеты и преступленій, спасъ достаточно денегъ или кредитъ, чтобы купить типографскій станокъ, дѣлается издателемъ журнала. Тысячи прищровъ убѣдять насъ, что для редактора журнала не требуется ни таланта, ни ума, ни нравственности.»

Большая часть журналовъ не отличается ни обработанностію слога, ни благонамѣренностію, но содержитъ въ себѣ, какъ возмутительныя личности, такъ и самую гнусную ложь и клевету. Хвастовство и невѣжество проявляется въ нихъ иногда самымъ смѣшнымъ и страннымъ образомъ.

«Для составленія себѣ понятія о здѣшнихъ журналахъ,» говоритъ капитанъ Гамильтонъ, сочинитель очень любопытной книги объ Америкѣ: «я пересматривалъ газеты всѣхъ штатовъ, и нашелъ ихъ, въ отношеніи къ достоинству, ниже всякой критикѣ; зловѣчіе доведено въ нихъ до степени, которая наполняетъ читателя отвращеніемъ, не только къ самому журналисту, но и къ публикѣ, его поддерживающей. Ложь, клевета, извѣстность, двусмысленности, направленные на благомыслящихъ и честныхъ людей—все это составляетъ характеристическую черту ихъ. Однимъ словомъ, если въ Англіи періодическія изданія во соот-

извѣстность своей дѣлѣ, то это тѣмъ болѣе можно сказать про журналы Соединенныхъ Штатовъ, приносящіе болѣе вреда, чѣмъ действительной колоссъ читающей публики.»

Такое неблагополучное направление журналовъ американскаго штатовъ, происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ того, что редакторы ихъ, изъ спекулятивныхъ видовъ, стараются арнароваться по вкусу и понятіямъ невѣжественнаго и грубаго класса людей, между которыми журналы наиболѣе расходятся. Каждый гражданинъ Соединенныхъ штатовъ читаетъ свой журналъ, считая себя лицомъ, участвующимъ въ общественномъ ходѣ дѣлъ; но въ сущности, онъ дѣлается только орудіемъ журналистовъ, руководящихъ партіями. Читатель журнала воображаетъ, что газета составляетъ отголосокъ его собственнаго мнѣнія, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, отъ ежедневнаго чтенія одѣтъ и тѣмъ же мыслямъ, онъ дѣлается невольнымъ послѣдователемъ мнѣній журналистовъ.

ЭКСПЕДИЦИЯ КАПИТАНА ТРОТТЕРА КЪ БЕРЕГАМЪ НИГЕРА.
Цѣлью этой экспедиціи, какъ извѣстно, было уничтоженіе торги невольниками, и согласеніе разныхъ африканскихъ владѣтелей, враждовавшихъ между собою, и продававшихъ плѣнныхъ своихъ въ невольничество. Три маленькіе парохода, Альбертъ, Вильберфорсъ и Суданъ должны были плыть вверхъ по Нигеру, чтобы заключить договоры съ старѣйшими различными негритянскихъ вождѣй, и основать нѣсколько колоній, для распространенія хлѣбопашества и просвѣщенія. Великобританскіе приверженцы уничтоженія невольничества возлагали большія надежды на успѣхъ этого предпріятія. Склонясь на ихъ просьбы и представленія, правительство назначило на сооруженіе трехъ кораблей и снабженіе ихъ всѣмъ нужнымъ до 65,000 ϕ стера. и, образовавъ американскую компанію, въ мѣз 1840 года, отправила экспедицію къ мѣсту своего назначенія.

Послѣ счастливаго плаванія, экспедиція прибыла 26 іюня въ Сьерро-Леонъ, и 15 августа вошла уже въ одинъ изъ рукавовъ Нигера. 26 августа, Англичане достигли Або, гдѣ вступили въ переговоры съ королемъ Оби. Этотъ дикій владѣтель, забронниый подарками, безъ малѣйшаго затрудненія, изъявилъ свое согласіе на предложенныя ему условія; такимъ образомъ совершено былъ первый договоръ.

* Извлечено изъ англійской книги: A narrative of the expedition sent by Her Majesty's government to the river Niger in 1841, under the command of Capt. Trotter.

Обрадованные этою первою удачею, Англичане продолжали путь свой далѣе до Аада, главнаго города владѣнія Егара. гдѣ испросили себѣ аудиенцію у короля Атта. «Дикій, раздражающій уши, звукъ барабановъ и другихъ подобныхъ инструментовъ,—ниметъ капитанъ Троттеръ,—возвѣстилъ вамъ о прибытіи владѣтеля. На самомъ отдаленномъ концѣ двора отворилась дверь и, въ скоромъ времени, король былъ внесенъ на носилкахъ 8 ю невольниками. Крики собравшагося народа привѣтствовали немедляго. Короля посадили на тронъ, передъ которымъ сначала задержана была завѣсъ, вѣроятно для того, чтобы, подъ прикрытіемъ ея, онъ могъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ своемъ туалетѣ. Потомъ завѣсъ была отдернута, и мы были приняты владѣтелемъ съ важною и большими церемоніями. Атта—сильный и огромнаго росту мущина; блестящая черная кожа его походитъ на полированное черное дерево, большіе же его глаза чрезвычайно выразительны. На немъ была мантия краснаго бархата, и широкое, сборчатое, яркаго краснаго цвѣта, исподнее платье, а на головѣ шапка, украшенная стекларусомъ и кораллами. Большой зонтикъ распущенъ былъ надъ его головою. Вокругъ него, съ нѣкоторою правильностью, нѣсколько невольниковъ разсѣкали воздухъ своими опахалами. По лѣвую сторону трона, стоялъ «королевскій языкъ» т. е. первый министръ, державшій въ рукахъ маленькій рожокъ, почти весь обернутый въ красное сукно. У подножія трона сидѣли судьи и множество другихъ людей. Когда сообщили королю причину нашего приѣзда и поднесли ему одинъ изъ самыхъ незначительныхъ подарковъ, то онъ отвѣчалъ чрезъ своего министра слѣдующее:

«Благодарю Бога за доставленный мнѣ случай видѣть васъ у себя. Если ваши соотечественники желаютъ войти со мною въ сношенія, и если вы хотите быть моими друзьями, то не должны спѣшить своимъ отъѣздомъ, и сдѣлаете мнѣ, конечно, честь откушать вмѣстѣ со мною. Я неохотно выхожу въ дождливую погоду, но вы пожелали меня видѣть и я поспѣшилъ къ вамъ, надѣясь, что вы, бѣлые люди, въ состояніи измѣнить дурную погоду; но теперь такой же дождь, какъ и прежде. Рѣка принадлежитъ мнѣ на далекое пространство вверхъ и внизъ по теченію; но обоимъ берегамъ я король и полный владѣтель, и охотно вступлю съ вами въ переговоры; но подарокъ, поднесенный мнѣ вами, не достоинъ и послѣдняго моего слуги. Богъ сотворилъ меня по своему подобію, и далъ мнѣ власть могущественнаго владѣтеля.»

На слѣдующій день послѣ этого приѣма, договоръ былъ заключенъ также безъ великаго затрудненія, потому что король съ нетерпѣніемъ желалъ войти въ обладаніе обещанныхъ ему по-

даровав. Они согласились даже уступить, за умирную плату, нужное пространство земли для основанія европейской колоніи.

Но только что приступлено было къ первымъ для этого приготовленіямъ, какъ стали уже обнаруживаться лихорадочные припадки. Наступилъ удушливый жаръ; термометръ показывалъ днемъ въ тѣни 90 градусовъ, по Фаренгейту, и даже ночью не упадалъ ниже 85 град. Къ тому же множество зѣбъ, между которыми были и очень ядовитыя, пробралось на корабли, и присутствіемъ своимъ безпокоили весь экипажъ.

Въ скоромъ времени, болѣзнь приняла столь серьезный оборотъ, что два нагруженные больными порохода, должны были отправиться въ открытое море, а третій отважился еще подняться вверхъ по рѣкѣ. Но и это судно, экипажъ котораго сильно сталъ страдать отъ болѣзни, вынужденъ былъ возвратиться. Наконецъ вся экспедиція, потерявъ 54 человекъ, въ числѣ которыхъ было 43 бѣлыхъ и 11 черныхъ, принуждена была ѣхать обратно въ Англію, не приобрѣта, цѣною горестныхъ утратъ, никакой существенной пользы. Единственнымъ результатомъ этого несчастнаго опыта, было новое доказательство, что европейская колонія въ убійственномъ климатѣ на берегахъ Нигера есть вещь совершенно невозможная.

ТУНКИНСКІЯ ГНѢЗДА. По словамъ издаваемаго въ Мадридѣ журнала *Heraldo*, ласточкины гнѣзда, употребляемыя, какъ известно, въ пищу, неправильно называются *китайскими*; они привозятся въ Китай изъ Тункина, почему у Исландцевъ и слыгутъ подъ названіемъ тункинскихъ гнѣздъ.

Эти гнѣзда составляютъ одну изъ значительнѣйшихъ отраслей торговли, и являются, какъ большое лакомство, на столахъ китайскихъ богачей. Они свиваются ласточками (*arundo esculenta*) столько же принадлежащими къ породѣ птицъ, какъ и къ породѣ летучихъ мышей. Такое гнѣздо, устроенное на подобіе гнѣзда обыкновенной ласточки, состоитъ изъ клейкаго, волокнистаго, полупрозрачнаго вещества, собираемаго ласточками, какъ думаютъ, въ пѣнистыхъ волнахъ морскихъ.

Большею частію эти гнѣзда находятся на островахъ Азіятскаго архипелага, въ разщелинахъ крутыхъ морскихъ береговъ. Наиболѣе цѣнятся изъ нихъ тѣ, которыя добываются изъ самыхъ сырыхъ пещеръ, и которыя высуживаніемъ не слишкомъ еще загрязнены, но находятся въ свѣжемъ видѣ.

Собираніе гнѣздъ представляетъ много затрудненій и опа-

споспѣи, и превосходить два раза въ годъ. Въ надеждѣ получить болѣе обильный сборъ, оградичинъ-было собираио это одинокъ разомъ въ году, но опытъ доказалъ, что число гнѣздъ отъ этого не увеличилось.

Передъ поступленіемъ гнѣздъ въ торговлю, они промываются въ тѣнѣстомъ мѣстѣ, и послѣ того сортируются на три разряда и укладываются въ деревянные ящики. Фунтъ (испанскій) этихъ ласточковыхъ гнѣздъ перваго разряда стоитъ 600 реаловъ (40 р. сер.) и болѣе; но этой цѣнѣ можно судить о состояніи потребителей. Китайцы утверждаютъ, что нѣтъ другой болѣе питательной, крѣпительной и здоровой пищи; но кажется, что все ихъ достоинство состоитъ только въ ихъ высокой цѣнѣ.

Количество ежегодно привозимыхъ гнѣздъ въ Китай простирается до 242,000 фунтовъ (испанскихъ). Если предположить, что каждый фунтъ стоитъ 200 реаловъ (13 р. сер.), то выходитъ, что за этотъ предметъ, Китай платитъ островитяи Азіятскаго архипелага 48 милліоновъ реаловъ (3,200,000 р. сер.)

ОРИГИНАЛЬНОЕ ПЕДОРАЗУМІЕНІЕ. Въ комнатѣ сидѣли двое молодыхъ людей и дама, и разговаривали о разныхъ важныхъ и неважныхъ предметахъ. Утомившись долгимъ сидѣніемъ, одинъ изъ молодыхъ людей всталъ съ своего мѣста, и началъ прехаживаться по комнатѣ скорыми шагами. Наконецъ онъ подошелъ къ окну и, посмотрѣвъ на термометръ, съ удивленіемъ сказалъ, обратившись къ своему собесѣднику:

— Вообразите какой теперь морозъ!

— А сколько градусовъ?

— Да одиннадцатъ съ половиною.

— Одиннадцатъ съ половиною, повторила дама, вскочивъ поспѣшно съ своего мѣста: значить, что теперь уже половина двѣнадцатаго, а я хотѣла быть дома еще въ десятомъ часу... Ну, поѣдемъ же скорѣй, Ванюшка, сказала она, обратясь къ мужу: и безъ того мы ужъ запоздали....

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Чтобы сообщить нашимъ читательницамъ новости по части модъ, постараемся описать нѣсколько *полныхъ* костюмовъ, достойныхъ вниманія.—Бархатное платье зеленаго цвѣта. Платье изъ чернаго бархата съ тисненою вокругъ гирляндю, обшитый синелевою бахромой. Перчатки неочень темнаго цвѣта. Шляпка сѣрая, пуховая съ лежачимъ перомъ того же цвѣта.—Другой костюмъ состоитъ изъ шелковаго, голубаго платья съ высокой, гладкой талією и гладкими рукавами. Украшеніе этого платья—изъ узенькихъ, черныхъ бархатеекъ, нашитыхъ по двѣ въ рядъ, на разстояніи двухъ вершковъ одинъ отъ другаго. Эта отдѣлка занимаетъ почти всю юбку. Спереди на талии продолжается то же украшеніе. На рукавахъ, бархатъ нашивается выше манжеть, которыя вышиты по батисту, какъ и маленькій воротничекъ. Полусапожки темно-каштановаго цвѣта, а головная уборка изъ горныхъ кружевъ съ атласными лентами. Тюники и воланы на чегкихъ платьяхъ остаются еще въ большомъ употребленіи. Длинный шипъ—необходимая принадлежность бальнаго платья. Иногда дѣлаютъ мысокъ назадъ талии. Но эта фантазія моды идетъ только особамъ высокаго роста.—Мантиліи мало измѣняются въ фасонѣ. Ихъ давно уже дѣлаютъ съ округленною косынкою назадъ и съ концами напередъ. Косточки, обтягивающія талію, опять появились въ модномъ свѣтѣ, и вѣрно долго будутъ украшать стройныя талии. Но вотъ изобрѣтеніе болѣе удобное: длинныя казавейки. Ихъ дѣлаютъ на стеганой ватѣ, и притомъ обращаютъ особенное вниманіе на красоту этой стѣжки. Казавейки обшиваются мѣхомъ бѣличьимъ, куньимъ, горностаявымъ или собольимъ. Нарядныя, бархатныя *pardessus* дѣлаютъ

ся на бѣлой, атласной подкладкѣ; а менѣе нарядныя—на таетѣ, одного цвѣта съ *ragdessus*. Отдѣлка изъ гирляндъ или отдѣльных цвѣтовъ наложеннаго бархата очень красива, и употребляется особенно на суконныхъ плащахъ.—Для шляпокъ вѣтъ предпочтительной моды ни въ цвѣтѣ, ни въ матеріи. Много носятъ сборчатыхъ атласныхъ шляпокъ съ легкою отдышкою изъ кружевъ и цвѣтами внутри полей; бархатныя — чаще украшаются перьями; шляпки изъ неразрѣзнаго бархата отдѣляются атласомъ и украшаются цвѣтами; къ вуховымъ шляпкамъ дѣлаютъ атласный подборъ пунсоваго или голубаго цвѣта. Фасонъ шляпокъ, кажется, уже установился для нынѣшней зимы: поля немного шире прежнихъ и почти сходятся, когда шляпка завязана, а верхъ полей едва замѣтно согнуть. Бульонъ подъ шляпками мало видно; его замѣняютъ мелкими цвѣтами. — Модныя шелковыя матеріи — клѣтчатыя или двулицевыя. Мы видѣли даже бѣлую двулицевую матерію. На шелковыхъ платьяхъ носятъ широкіе поясы-шарфы изъ лентъ, совершенно сходныхъ съ матеріею; а иногда ихъ дѣлаютъ изъ одной съ платьемъ матеріи.

УНИГОПРОДАВЦА ВАСИЛЬЯ ПОЛЯНОВА,

Въ гостиномъ дворѣ, по суконной линіи, подъ № 17,

продаются слѣдующія книги:

(Цѣна на серебро).

ГЛАВНѢЙШІЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ СВЯТАГО ПРОРОКА БОЖІЯ ИЛІИ, взятая изъ Св. Писанія и твореній св. отцевъ, соч. Ѳ. Надежина. Спб. 1848 Ц. 75 коп.

ПОДРОБНЫЙ, УЧЕБНЫЙ АТЛАСЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ, расположенный по пространствамъ, заключающимъ губерніи, сходныя свойствомъ почвы и промыслами жителей, съ означеніемъ губернскихъ, уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ, монастырей, мѣстечекъ, селъ и деревень, замѣчательныхъ по историческимъ событіямъ, по минеральнымъ источникамъ и вообще по горной и заводской промышленности, съ показаніемъ путей волянаго сообщенія, морскихъ и рѣчныхъ пристаней, таможенныхъ заставъ и проч., составленный по новѣйшимъ свѣдѣніямъ въ 1848 году корпуса топографовъ поручикомъ Проскуряковымъ и Селонковымъ, превосходно гравированный и правильно раскрашенный. Ц. 4 руб.

К. XII. — Отд. VII.

ПОДРОБНАЯ, ПОЧТОВАЯ КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ И АЗИАТСКОЙ РОССИИ, съ показаніемъ желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою, шоссе, всѣхъ водяныхъ путей сообщенія, купеческихъ трактовъ, большихъ и малыхъ почтовыхъ дорогъ, съ назначеніемъ станцій и числа верстъ между оными, изд. третье, тщательно исправленное по 1-е января 1848. съ планами: 1) с.-Петербурга съ окрестностями, какъ-то Кронштадтомъ, Царскимъ Селомъ, Петергофомъ, Ораніенбаумомъ. 2) Москвы съ окрестностями. 3) Варшавы. 4) Одессы и 5) Кіева, на 4 большихъ листахъ превосходно гравированныхъ и правильно раскрашенныхъ по послѣднему раздѣленію Ц. 3 руб. а наклеенная на коленкоръ и въ футляръ 4 руб.

КНИГА ДЛѢ КУПЦОВЪ, купеческихъ прикащиковъ и коммисіонеровъ, содержащая въ себѣ; 1-е) подробную коммерческую переписку; 2-е) изложеніе правилъ и формъ для извѣстныхъ купеческихъ актовъ или письменныхъ обязательствъ, какъ-то: векселей, заемныхъ писемъ, счетовъ, росписокъ, довѣренностей, контрактовъ, купчихъ, объявленій, накладныхъ и проч. 3-е) таблицы процентовъ, расходовъ, приходовъ и жалованій, 4-е) прихода и отхода почтъ; описаніе ярмарокъ, 5-е) бухгалтерію и проч. Москва 1848 Ц. 1 руб. съ перес. 1 руб. 25 коп.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ СВЯТЫНИ НОВГОРОДСКОЙ, заключающейся въ Софійскомъ соборѣ, церквахъ и окрестныхъ монастыряхъ, съ краткимъ сизаніемъ о святыхъ чудотворныхъ древнихъ иконыхъ и достопамятныхъ вещахъ, хранящихся въ ризницѣ новгородскаго Софійскаго собора. Сиб. Ц. 60 коп. съ перес. 85 коп.

БЛАЖЕННИ ПЛАЧУЩИИ, или тѣмъ угнѣтенъ, благочестивымъ размышленіемъ посвящаетъ скорбящимъ В—ръ 3—въ. Москва. 1848. Ц. 1 руб. съ перес. 1 руб. 25 коп.

ОКТАБРСКІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, или разговоръ петербургскаго священника съ прихожанномъ о старовѣрахъ, соч. протоіеря Тинюева Никольскаго. Сиб. 1848. Ц. 30 коп. съ перес. 50 коп.

РУКОВОДСТВО КЪ ПОЗНАНІЮ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ, составленное старшимъ учителемъ исторіи П. Зубовымъ. Курсъ гимназическій, древняя исторія, съ четырьмя картами. Сиб. 1848. Ц. 1 руб. 50 коп. съ перес. 2 руб.

ИСТОРИЯ ПЕРЕЛИВАНІЯ КРОВИ, какъ единственное средство во многихъ случаяхъ спасти угасающую жизнь, составленная въ историческомъ, физиологическомъ и хирургическомъ отношеніи Алексѣемъ Филомафитскимъ, профессоромъ Императорскаго московскаго университета, съ рисунками. Москва. 1848. Ц. 1 руб. 50 коп. съ перес. 2 руб.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ФИЗІОЛОГИИ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА, соч. Д-ра Валентина, ординарнаго профессора физиологіи и сравнительной анатоміи въ Бернскомъ университетѣ, пер. съ нѣмец. съ 83 полнѣтпажами. Спб. 1848. Ц. 2 руб. съ перес. 2 руб. 75 коп.

СПРАВОЧНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ, изданіе Карла Крайя, томы I, VI, X, XI, XII, Ц. каждому тому 3 руб. съ перес. 3 руб. 50 коп.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ВОЕННОЙ СТАТИСТИКИ, полковника Д. Милютина, часть вторая, Спб. 1848. Ц. 1 руб. 50 коп. съ перес. 2 руб.

ВОСПОМИНАНІЯ ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА, отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. ч. 4 и 5 Спб. 1848. Ц. 3 руб. вѣсов. за 3 фунт.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА, примѣненная въ русскому быту и разномѣстности Россіи, изд. доктора медицины и хирургіи А. Черуковского. Пять томовъ: сохраненіе здоровья, наружныя болѣзни, болѣзни и жалованіе вообще, внутреннія болѣзни. 1844—1847. Ц. 5 руб. съ перес. 6 руб.

ПИСЬМА О ФИЗИОЛОГИИ человеческого мозга, соч. М. С. Волкова, одинъ томъ въ 8 д. л. Спб. 1848 Ц. 2 руб. съ перес. 2 руб. 50 коп.

ПОТЕРЯННЫЙ СЫНЪ, нравоучительный рассказъ. Соч. Кербера, съ нѣмец. перев. Б. Мордвиновъ. Спб. 1848. Ц. 40 коп. съ перес. 75 коп.

РАЗСКАЗЪ О НАПОЛЕОНѢ, передѣлалъ съ французскаго Б. Мордвиновъ. Спб. 1848. Ц. 30 коп. съ перес. 50 коп.

ГИМНАЗИЧЕСКІЙ КУРСЪ, постепенныхъ грамматическихъ

и практическихъ упражненій въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій, съ присовокупленіемъ 200 темъ для упражненія въ сочиненіяхъ на нѣмецкомъ языкѣ, составленный В. Топоровымъ, учителемъ нѣмецкаго языка въ гимназіи при Ришельевскомъ Лицеѣ, Одесса. 1848. Ц. 1 руб. 25 коп. съ перес. 1 руб. 50 коп.

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ русской путешественницы въ 1845 году, О. Шишкиной. 2 т. Сиб. 1848. Ц. съ черными картинками 5 руб. съ иллюминированными 6 руб. за перес. предлагается 1 руб.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ РИСОВАНІЯ, содержащій простое и ясное руководство къ изученію этого искусства безъ помощи учителя, съ рисунками составилъ П. Фурманъ Ц. 1 руб. 50 коп.

САДОВНИКЪ, ОГОРОДНИКЪ И САДОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ, или хозяйственно-практическое наставленіе о содержаніи всѣхъ родовъ огородныхъ овощей: хмеля, табака, аниса, мака, рапса и важнѣйшихъ красильныхъ и маслянистыхъ произрастеній; плодовыхъ деревьевъ, ягодныхъ кустовъ, ананасовъ, раннихъ персиковъ, абрикосовъ, вишней, сливъ и винограда; разныхъ цвѣтныхъ кустовъ и деревьевъ, какъ садовыхъ, такъ и тепличныхъ, комнатныхъ и оранжерейныхъ, съ присовокупленіемъ правилъ о полѣзѣ горшечныхъ растеній, и проч., и общаго садоваго календаря. Извлечено изъ сочиненій извѣстнаго русскаго садовода И. Цигры. Пер. съ нѣмец. И. Р-ца въ 3 ч. Ц. 3 руб.

ДРЕВЕСНАЯ ФЛОРА РОССИИ или описаніе деревьевъ и кустарниковъ, въ Россійскомъ государствѣ растущихъ, ихъ виды, свойства, употребленіе и разведеніе въ большомъ и маломъ видѣ, какъ для пользы въ экономическомъ отношеніи, такъ и для украшенія садовъ, рощей, цвѣтниковъ и оранжерей, съ присовокупленіемъ,

ВЪ ТАБЛИЦАХЪ,

обозрѣнія воспитываемыхъ въ нашемъ климатѣ сѣверо-американскихъ деревьевъ и кустарниковъ, какія изъ нихъ могутъ переносить суровость нашей зимы, каковое обозрѣніе основано

на 40-лѣтнихъ опытахъ и наблюденіяхъ автора. Соч. И. Цыгры. Пер. съ вѣмец. И. Р—ца, въ 2 ч. Ц. 2 руб.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, публикованными и отъ другихъ книгопродавцевъ, на имя Василья Петровича Прлякова со всею благонадежностію на скорую и аккуратную высылку.

Требованія Гг. иногородныхъ покупателей исполняются съ первоотходящею почтою, съ препровожденіемъ отчета въ полученныхъ деньгахъ.

Гг. Иногородные, желающіе имѣть книги въ переплетъ, платятъ за каждую книгу въ простомъ кожаномъ корешкѣ 20 коп. сер., въ сафьянномъ французскомъ корешкѣ 40 коп. сер. Если книги встрѣтятся форматомъ въ 4 д. листа или въ листъ, то плата за переплетъ удваивается.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ коммиссіонера военно-учебныхъ заведеній и библіотекъ Гвардейскаго Корпуса.

ЯКОВА АЛЕКСѢВИЧА ЯСАКОВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, подъ № 22.

Цѣны на серебро безъ пересылки.

Livres d'etrennes pour les enfants.

La Corbeille des fleurs, dediée aux jeunes filles, par la comtesse de Bazanville. Un vol. orné de fort belles gravures et très élégamment cartonné. 3 r. 60 c.

Le Coin du feu, par Elise Brun. Un vol. illustré de jolis gravures à deux teintes, relié en toile, tranche doré. 1 r. 50 c.

Fleurs d'amitié, contes aux enfants par Dubois de Thainville. Un vol. illustré de gravures à deux teintes, relié en toile, tranche doré. 1 r. 50 c.

Les Histoires de la vieille tante Christine par Bernier, un vol. in 8. orné de grav: à deux teintes. Paris. 1848. broché. 1 r. 80 c.

La Prisonnière de vingt-quatre ans par Bernier. Un vol. 8. orné de gravures à deux teintes. Paris. 1848. broché. 1 r. 80 c.

Les Confessions d'un ecolier recueillies et mises en ordre par A. de Saillet. in 8. orné de gravures à deux teintes. Paris. 1848. 2 r. 35 c.

- Les Beautés de l'ame*, livre de jeunes filles par divers auteurs sous la direction de M-me Fany Richomme. Un vol. 8. orné de gravures à deux teintes. Paris. 1848. 3 r.
- Fanny ou les vrais ornements*, par M-me Gigan. trad. de l'anglais. Un joli petit. in 8. illustré de grav. à deux teintes. 1 r. 10 c.
- Même ouvrage fig. color. relié entoile. t. d. 2. r.
- Les jeunes enfants*, par. P. Blanchard. 11-e édition, Un vol. orné de gr. à deux teintes, relié en toile, tranche doré. 1 r. 50 c.
- Soirées d'Hiver.*—Souvenirs. et nouvelles par M-me Bernier. Un vol. gr. 8. orné de 12 belles lithographies à deux teintes. Paris. 1848. broché. 2 r. 35 c.
- Elda de Kérénor*. par M-me Tarbé de Sablons. Un beau vol. gr. 8. illustré de 16 belles lithogr: à deux teintes. Paris. 1848. 3 r.
- Le Livre des Enfants*, par Martinez de la Rosa. trad. de l'espagnol. Un vol. in 16 illustré, cartonné. 70 c.
- La Ménagerie alphabétique*. Un joli vol. in 18. remplis de figures coloriées, cartonné 1 r. 20 c.
- Nouveau livre des petits garçons*, chasses, peches, marines, combats, etc. illustrés de gravures coloriées, cart. 1 r. 25 c.
- Fables de Lafontaine*, choisies pour les enfants, accompagnées de notes explicatives et précédées d'un aperçu historique sur la fable et les principaux fabulistes par E. Muller. Un charmant vol. in 18. orné de figures coloriées, cartonné 1 r. 25 c.
- Alphabet en Action*, avec exercices de lecture gradués. Un joli vol. in 18. rempli de figures coloriées, carton. 1 r. 20 c.
- Histoire de la découverte et de la conquête de l'Amérique*, par Campe, trad. nouv: par St Maurice. Un beau vol. in 8. illustré, relié en toile, tranche doré. 4 r. 10. c.
- Le Chateau et la Chaumière*, ou l'influence heureuse du bon exemple par M-me la baronne de Grune. Un vol. 12. orné de gravures, reliure mosaïque, t. d. 2 r. 60 c.
- Le Nouveau magasin des Enfants*, relié en toile, tranche doré.
- Trésor des fèves et fleurs des pois, par Ch. Nodier. Un vol. 1 r. 50 c.
- La Bouillie de la comtesse Berthe par A. Dumas. Un vol. 1 r. 50 c.

- Histoire de la mère Michel et de son chat, par E. De la Bedollière. Un vol. 1 r. 50 c.
  - Nouvelles et seules véritables aventures de Tom Pouce, par Stahl. Un vol. 1 r. 50 c.
  - Histoire d'un Casse-Noisette, par A. Dumas. 2 vol. 3 r.
  - Monsieur Le Vent et Madame la Pluie, par P. Musset. Un vol. 1 r. 50 c.
  - Le Prince Coqueluche, son histoire intéressante et celle de son compagnon Moustapha, par E. Ourliac. Un vol. 1 r. 50 c.
- L'orphelin de St. Malo, et les petits gateaux. Deux nouvelles, avec une traduction russe, cartonnés, en etui. Moscou. 1848. 75 c.*

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ требованіями своими по вышеозначенному адресу, подписывая на конвертахъ имя книгопродавца, для различія отъ вновь открывшихся магазиновъ, имѣющихъ одну фамилію.

Печатать позволяется, 27 ноябр. 1848 г. Старшій цензоръ Рочфорты.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

СЫНА ОТЕЧЕСТВА,

ЖУРНАЛА ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ,

НА 1849 ГОДЪ.

Редакторъ *Сына Отечества*, Константинъ Масальскій, и издатель этого журнала, Константинъ Жернаковъ, прежде всего, считаютъ обязанностью принести искреннюю благодарность читающей публикѣ за благосклонное вниманіе, съ которымъ она приняла журналъ ихъ, возобновленный и устроенный на прочныхъ основаніяхъ, съ начала 1847 года. Въ текущемъ 1848 году число подписчиковъ на *Сынъ Отечества* возрасло, въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, слишкомъ въ пять разъ. Такой лестный приемъ возобновленнаго журнала, налагаетъ, по необходимости, какъ на редактора, такъ и на издателя, обязанность доказать на дѣлѣ читающей публикѣ свою благодарность всевозможнымъ усовершеніемъ своего журнала. Но въ обещаніяхъ они не распространяются, по принятому ими правилу, напечатанному, въ прошломъ году, въ объявленіи объ изданіи *Сына Отечества*: «Лучше менѣе обещать, а болѣе сдѣлать.»

Вышедшія въ нынѣшнемъ 1848 году, двѣнадцать книгъ *Сына Отечества*, заключаютъ въ себѣ *триста шестьдесятъ пять* печатныхъ листовъ большаго формата, вмѣсто обещанныхъ программю 1847 года *трехъ сотъ*

листовъ. Особыя приложенія къ журналу въ этотъ счетъ не входятъ.

Указывать на достоинство и занимательность напечатанныхъ въ журналѣ статей — значило бы хвалить самихъ себя, и мы на это никогда не рѣшимся, помня весьма справедливую, римскую пословицу: «Похвала самому себѣ неприято пахнетъ.» (*Propria laus ordet.*)

Въ будущемъ 1849 году *Сынъ Отечества* будетъ выходить, какъ и въ нынѣшнемъ году, ежемѣсячно, 1-го числа, книгами; каждая будетъ заключать въ себѣ не менѣе двадцати пяти печатныхъ листовъ большого формата, убористаго, четкаго шрифта. Но въ одной ли толщинѣ, (въ которой *Сынъ Отечества* не уступалъ, впрочемъ, въ нынѣшнемъ году, другимъ журналамъ,) заключается все достоинство періодическаго изданія? Главною заботою *Сына Отечества* постоянно было и будетъ достоинство и занимательность внутренняго его содержанія, правдивость и безпристрастіе критики, и независимый, обдуманый, свой, патріотическій взглядъ на все современное.

Высочайше утвержденная программа *Сына Отечества* даетъ этому журналу право печатать все, что содержится во всѣхъ прочихъ, ограниченныхъ извѣстными предѣлами, программахъ журналовъ. Пользуясь этою Высочайше дарованною милостію, *Сынъ Отечества* приложить всевозможное стараніе, чтобы достойнымъ образомъ воспользоваться такимъ обширнымъ и лестнымъ правомъ, и всѣми своими силами и средствами споспѣшествовать распространенію истиннаго, практически-полезнаго просвѣщенія, и усиліямъ отечественной Словесности.

Каждая книга *Сына Отечества* будетъ заключать въ себѣ семь слѣдующихъ отдѣленій:

1. РУССКАЯ ИСТОРИЯ. Въ это отдѣленіе входятъ: 1, Критическія изслѣдованія важнѣйшихъ событій отечественной исторіи. 2, Любопытныя историческіе рассказы и анекдоты. 3, Новые матеріалы для отечественной исторіи. 4, Описанія

примечательныхъ русскихъ древностей и отечественная старина. 5, Полныя жизнеописанія или материалы для биографій знаменитыхъ соотечественниковъ.

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА. Ежемесячные, последовательные обзоры важнѣйшихъ законодательныхъ и правительственныхъ мѣръ въ отечествѣ; извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и подвигахъ; разсужденія о современныхъ политическихъ событіяхъ; перечень всѣхъ современныхъ извѣстій о важнѣйшихъ происшествіяхъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта, въ последовательной связи; замѣчательные государственные акты, трактаты, договоры, дипломатическія ноты, трюмпы и парламентскія рѣчи, декреты, пренія и проч. Изъ всѣхъ ежемесячныхъ журналовъ одинъ *Сынъ Отечества* имѣетъ право, по своей Высочайше утвержденной программѣ, печатать это отдѣленіе.

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. 1, Новыя оригинальныя стихотворенія русскихъ писателей; 2, новыя оригинальныя разсказы, повѣсти, романы, трагедіи, драмы, комедіи, статьи о нравахъ и другія прозаическія произведенія русскихъ писателей, во всѣхъ родахъ изящной словесности.

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. 1, Переводы и извлеченія изъ новѣйшихъ примѣчательныхъ твореній иностранныхъ, современныхъ писателей; переводы новѣйшихъ романовъ, вполне заслуживающихъ вниманіе читающей публики; 2, переводы въ прозѣ или въ стихахъ произведеній прежнихъ иностранныхъ прозаиковъ и поэтовъ, которые пріобрѣли всеобщую извѣстность (въ этомъ отдѣленіи *Сынъ Отечества* не ограничивается одною французскою или германскою словесностью, но знакомитъ читателей съ произведеніями литературы англійской, испанской, италіанской, шведской и польской); 3, переводы и извлеченія изъ рѣдкихъ и примѣчательныхъ книгъ и рукописей, писанныхъ на древнихъ или малозвѣстныхъ языкахъ.

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА. Оригинальныя и переводныя разсужденія и статьи по части важнѣйшихъ наукъ и художествъ; примѣчательныя открытія и изобрѣтенія; необыкновенныя явленія природы; русскія и иностранныя путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ свѣта; извѣстія о трудахъ ученыхъ обществъ и проч. (Въ этомъ отдѣленіи *Сынъ Отечества* всегда прилагаетъ стараніе о томъ, чтобы всѣ ученые разсужденія и статьи, касающіяся современныхъ успѣховъ наукъ, были излагаемы слогомъ яснымъ и понятнымъ для читателей, безъ излишнихъ, спеціальныхъ и сухихъ подробностей.)

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. Подробныя разборы новыхъ, замѣчательныхъ произведеній русской словесности; извѣстія о всѣхъ вообще новыхъ книгахъ, съ критическою ихъ оцѣнкою; рецензіи примѣчательныхъ иностранныхъ новыхъ сочиненій, и обзорнія современной иностранной словесности. (На это отдѣленіе редакція журнала обращала и впредь обратитъ особенное вниманіе, и употребитъ стараніе, чтобы вся образованная публика признала критику въ *Сынѣ Отечества* основательною, справедливою и безпристрастною.)

VII. СМѢСЬ. Разныя любопытныя свѣдѣнія и извѣстія, изъ всѣхъ губерній и областей Россіи; занимательныя извѣстія, извлекаемыя изъ лучшихъ иностранныхъ журналовъ; небольшія статьи ученые и литературныя, разнаго содержанія, не вошедшія въ другія отдѣленія; біографическая галерея знаменитыхъ лицъ, историческихъ или современныхъ, въ области политики, литературы, наукъ и художествъ; поправки ошибочныхъ сужденій и показаній иностранныхъ писателей и путешественниковъ о Россіи; забавныя и занимательныя анекдоты; любопытныя процессы; театр и музыка въ Россіи и за границей; извѣстія объ успѣхахъ сельскаго хозяйства, промышленности и ремеслъ; извѣстія о новыхъ модахъ; нравоописательныя, сатирическія и полемическія статьи и заѣтки и проч.

Не ограничиваясь предметами, нечисленными въ семи вышеозначенныхъ отдѣленіяхъ, журналъ *Сынъ Отечества*, по программѣ своей, имѣетъ Высочайше дарованное право помещать все, что можетъ быть полезно, занимательно и пріятно любящимъ благоденствіе, честь и славу отечества.

Назовемъ нѣкоторыя статьи, которыя будутъ помѣщены въ *Сынъ Отечества* 1849 года.

1, ОПИСАНИЕ ГЕНЕРАЛ-МИНСИМУСА КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА МЕНШИКОВА, сочиненное современникомъ Петра Великаго и оконченное при Екатеринѣ I, въ 1726 году. Рукопись эта писана на Немецкомъ языкѣ и заключаетъ въ себѣ

ИСТОРИЮ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Имя сочинителя этой, драгоцѣнной въ историческомъ отношеніи, рукописи не выставлено на ней; но, по преданію, сочиненіе ея приписывается министру Петра Великаго, Барону (въ послѣдствіи Графу) Остерману. Это преданіе очень вѣроятно, потому что сочинитель, очевидно, былъ посвященъ въ государственныя тайны описываемаго имъ времени. Въ рукописи его содержится очень много новаго и донынѣ вовсе неизвѣстнаго о славномъ вѣкѣ преобразователя Россіи. Авторъ, описывая разныя государственныя событія, дѣлалъ иногда на поляхъ рукописи отмѣтки: «спросить поясненія у князя Меншикова или у такого-то.» Всѣ эти отмѣтки на поляхъ зачеркнуты, и противу нихъ, рукою сочинителя, исправленъ текстъ рукописи, очевидно, по свидѣніямъ, сообщеннымъ министрами Петра Великаго и другими его приближенными, государственными людьми. Рукопись эта напечатана въ *Сынъ Отечества* 1848 года, въ переводѣ на русскій языкъ и съ подерочными примѣчаніями редактора *Сына Отечества*. Всѣ новые подписчики на этотъ журналъ, на 1849 годъ, равно и нынѣшніе на 1848 годъ, получаютъ это сочиненіе въ 1849 году, особою книгою, которой отдѣльно отъ журнала нигдѣ продаваться не будетъ.

2. **БИОГРАФИИ КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО И ГРАЖДАНИНА ПОСЛЫ ИШИНА**, соч. *Н. Масальскаго-Ростиславича*.

3. **КНИЖЬ И ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ КАБИНЕТЪ—МИНИСТРА ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ, АРТЕМІЯ ПЕТРОВИЧА ВОЛЫНСКАГО**. Сочиненіе *К. Масальскаго*, основанное на документахъ, нигдѣ еще не напечатанныхъ, историческаго и точнаго характера.

4. **ЮРИДИЧЕСКОЕ ВЕРЕСЪДОВАНИЕ ДѢЛА ОБЪ УБИИИ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ ВЪ УГАИЧѢ**. Сочиненіе его же.

5. **БРАНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО СЪ ЕКАТЕРИНОЮ I**. Сочиненіе его же.

6. **ТАЙНЪЙ МАНАЗЪ, ДАННЫЙ ПРИ ЦАРѢ АЛЕКСІѢ ИВАНОВИЧѢ ПЕРВОМУ РУССКОМУ ПОСЛАНИИКУ ВЪ ИСПАНИЮ**. Рукопись, еще нигдѣ не напечатанная.

7. **НОВЫЙ РОМАНЪ, И НѢКОЛЬКО ДРУГИХЪ СТАТЕЙ Барона Ресса**.

8. **НѢКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНІЙ** известнаго поэта *В. Бенидиктова*.

9. **НЕВѢСТА ПЕТРА ВТОРАГО**, историческій романъ въ четырехъ частяхъ, соч. *Константина Масальскаго*.

10. **ЦАРЬ—МОЛОДЦЪ**, историческій романъ, въ трехъ частяхъ, соч. *П. Осипова*.

11. **НѢКОЛЬКО НЕИЗВѢСТНЫХЪ АНЕКОДОВЪ О ГЕНЕРАЛСИССИМУСѢ КНЯЗѢ СУВОРОВѢ**.

12. **НѢКОЛЬКО НОВЫХЪ ПОВѢСТЕЙ И ЗАГРАНИЧНЫЯ ПИСЬМА КЪ ДРУЗЬЯМЪ**, соч. *В. Фурманна*.

13. **ПРОНАЗЫ ДѢДУШКИ ДОМОВАГО**. Рассказъ, соч. *П. Суворова*.

14. **ДОНЕСЕНІЯ ВЕРХОВНОМУ ТАЙНОМУ СОВѢТУ НАПИТАНА ПЫРСАГО, СОПРОВОЖДАВШАГО ВЪ 1727 ГОДУ ГЕНЕРАЛСИССИМУСА, КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА МЕНШИКОВА И ЕГО СЕМЕЙСТВО, ВЪ РАЕНБУРГѢ, И ДОНЕСЕНІЯ НАПИТАНА МЕЛЬГУНОВА, СОПРОВОЖДАВШАГО КНЯЗЯ СЪ СЕМЕЙСТВОМЪ ИЗЪ РАЕНБУРГА ВЪ БЕРЕЗОВЪ**.

15. **ЗАМОГИЛЬНЫЯ ЗАПИСКИ ШАТОБРИАНА**. Переводъ этого сочиненія порученъ редакторомъ Сына Отечества опытному литератору и сотруднику журнала. Отъ вѣрности и изящества перевода зависитъ, чтобы читатели судили о достоинствѣ этого замечательнаго и въ высшей степени любопытнаго творенія.

16. **ИСТОРИЯ ПАРОВЫХЪ МАШИИЪ, И ПОНЯТНОЕ ДЛЯ КАЖДАГО ОБЪЯСНЕНІЕ ихъ устройства**. (Съ политиважными рисунками) Въ новомъ изданіи въ Сынѣ Отечества 1849 году получила начало этой исторіи, въ текущемъ году уже напечатанное.

17. **ДОНЪ НИХОТЪ АМАНЧСНІЙ**, Романъ, переведенный съ испанскаго повѣствователя *К. Масальскаго*. При каждой книгѣ Сына Отечества будетъ несколько печатныхъ листовъ этого перевода, съ парижскими политиважными рисунками. Въ новомъ изданіи въ Сынѣ Отечества 1849 года получили двѣ части Донъ-Кихота, издаваемыя при журналѣ въ текущемъ 1848 году.

Распространяться о достоинствахъ этого единственнаго, неподражаемаго романа, давно переведеннаго на всѣ европейскіе языки, мы считаемъ излишнимъ. Въ одной Франціи

было более сорока переводов *Донъ-Кихота*, которые все раскуплены публикою. У насъ нать еще донынѣ ни одного полного перевода *настоящаго Донъ-Кихота*. Были только переводы французскаго сокращенія его, или, лучше сказать, передѣлки, которую предпринялъ на себя чоморный Флоріанъ. Онъ, по правиламъ риторики XVIII вѣка, поправилъ и сократилъ гениальнаго Сервантеса, и совершенно искажилъ его твореніе. Передѣлка Флоріана такъ же похожа на подлиннаго *Донъ-Кихота*, какъ небольшой, литографированный, частенько отдѣланный рисунокъ на оригинальную, колоссальную картину великаго художника.

Отдѣльной подписки на *Донъ-Кихота* нигдѣ принимается не будетъ.

Редакторъ избралъ себѣ нѣсколько постоянныхъ сотрудниковъ, известныхъ своимъ дарованіемъ и опытностію. Сверхъ того, все наиболее любимыя публикою авсатели обещали участвовать своими трудами въ *Смысл Отечества*. Имя ихъ не перечисляемъ потому, что читателямъ пріятнѣе увидѣть ихъ въ самомъ журналѣ, подѣ ихъ статьями, а не въ одномъ объявленіи объ изданіи журнала.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ОСТАЮТСЯ ПРЕЖНІЯ: за годовое изданіе *Смысла Отечества*, состоящее изъ двѣнадцати книгъ, съ гравированными картинами, портретами, нотами, двѣнадцатью парижскими картинками модъ, и шестью раскрашенными, заграничными рисунками для вышиванья по канвѣ, **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**. За почтовую пересылку въ другіе города или за доставленіе въ С.-Петербургъ на домъ, предлагается въ годъ 1 р. 50 коп. серебромъ.

Желающіе получить журналъ въ переплетѣ съ кожанымъ корешкомъ, прибавляютъ за весь годъ три рубля 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта; 2) Въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ книжномъ магазинѣ книгопродавца

ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА ПОЛЯНОВА, подъ № 17, гдѣ помещается и контора журнала *Сина Отечества*; 3) Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ **СВѢШНИКОВА**, на Никольской, возлѣ Казанскаго Собора, въ домѣ подъ №№ 4 и 5.

Конторою журнала будутъ приняты всѣ возможные меры къ исправному и своевременному доставленію журнала господамъ подписчикамъ. Каждая книга *Сина Отечества* будетъ отсылаться на почту въ особо-приготовленномъ пакетѣ съ бандеролемъ и печатью конторы.

Въ случаѣ потери какой-либо книги или неисправнаго полученія, подписчики благоволятъ уведомлять редактора журнала, адресуя къ нему свои письма: «*Редактору Сина Отечества, Д. Ст. Сов. Константину Петровичу Масальскому, въ С. Петербургѣ, въ собственномъ домѣ, у Карповскаго лоста.*» Имъ дозволено будетъ немедленное распоряженіе, по конторѣ журнала, къ удовлетворенію каждаго тако-го подписчика. Не получившіе по какому-либо случаю и за нынѣшній годъ которой-либо книги журнала благоволятъ уведомить его же редактора, по вышеозначенному адресу.

Редакторъ *Константинъ Масальскій.*

Издатель *Константинъ Жернаковъ.*

